

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

К 100-летию Чувашской автономии

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА
И РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА**

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.)

Чебоксары
2020

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)
И 89

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук

Составители и ответственные редакторы:
кандидат исторических наук **Ю.В. Гусаров**,
кандидат исторических наук **В.Н. Клементьев**

Редакционная коллегия:
П.С. Краснов, Г.А. Николаев, Д.В. Егоров, В.П. Иванов, И.И. Бойко,
М.Г. Кондратьев, А.П. Долгова, И.Ю. Кириллова, Г.Г. Ильина,
Г.Б. Матвеев, Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев

И 89 Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. — Чебоксары: ЧГИГН, 2020. — 644 с.

ISBN 978–5–87677–259–6

В сборнике публикуются статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа», посвященной 100-летию Чувашской автономии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям вузов, студентам и всем, кто интересуется вопросами государственной национальной политики, истории и национально-государственного строительства Чувашии и России.

ISBN 978–5–87677–259–6

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)

© Авторы статей, 2020
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2020

От составителей

Настоящее издание содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа», посвященной 100-летию Чувашской автономии (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.). Ее организатором выступил Чувашский государственный институт гуманитарных наук.

Россия складывалась как многонациональное, поликонфессиональное государство. Проблемы национального развития и государственного строительства ее народов прошли сложную эволюцию, являлись и остаются основополагающими для страны. Истоки национальной государственности чувашского народа берут начало в средневековом государстве Волжская Булгария. Составной частью Российского государства Чувашская земля является с середины XVI столетия. С этого времени она развивается в единой семье народов России. Чувашское национальное движение организационно оформилось в начале XX в. В результате осуществления ленинской национальной политики чувашский народ обрел административно-территориальную и политическую автономию: 24 июня 1920 г. была образована Чувашская автономная область, 21 апреля 1925 г. она преобразована в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. 24 октября 1990 г. стала Чувашской Советской Социалистической Республикой, с 13 февраля 1992 г. — Чувашская Республика.

Программа конференции охватывает широкий круг ключевых вопросов национально-политической истории народов России и Чувашии. На ее пленарном заседании и четырех секциях: «Народы России в пространстве государственной национальной политики: история и современность», «Вопросы национально-государственного строительства в России и Чувашии», «Социокультурное, духовное развитие Чувашии и чувашского народа», «Чувашская Республика в условиях современной модернизации» представлены доклады и сообщения из 11 регионов страны, включая Чувашскую Республику, Москву, Санкт-Петербург, Башкортостан, Мордовию, Татарстан, Удмуртию и др. регионы и города Российской Федерации. Среди 69 участников конференции сотрудники центральных и региональных академических учреждений, преподаватели вузов и работники архивов.

В материалах научного форума проанализированы различные аспекты этнического, национально-политического, социокультурного и духовного развития и национально-государственного строительства России, Чувашии и ее народов в исторической ретроспективе и на современном этапе. Авторы анализируют национальную политику государства, инкорпорацию нерусских народов в состав России, взаимодействие Центра и национальной периферии, проявление национального и межнационального во всех сферах жизни российского общества. Большое внимание уделено личностному фактору в истории народов страны. Многосторонне рассмотрены проблемы общественно-политического, национально-

культурного и национально-государственного развития Чувашии и чувашского народа.

Научным сообществом отмечено, что исторический путь, пройденный Чувашской автономией, свидетельствует, что модель автономии прошла проверку временем, доказала свою жизнеспособность, историческую целесообразность и обоснованность, выступает в качестве эффективного инструмента гармонизации межнациональных отношений в полиэтническом Российском государстве и сохранения национальной самобытности народов. Опыт федерализма, взаимодействия этносов и культур, является бесценным достоянием народов Российской Федерации.

Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев

**Пленарное
заседание**

ЧУВАШСКАЯ АВТОНОМИЯ: ГЕНЕЗИС, СТАНОВЛЕНИЕ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается зарождение идеи автономии чувашского народа, ее развитие на фоне национального движения и общественно-политических изменений в стране, создание Чувашской автономной области и преобразование ЧАО в автономную республику, характеризуется процесс национально-государственного строительства Чувашской Республики.

Ключевые слова: автономия, национальное движение, Чувашская автономия, республика, национальная государственность, национально-государственное строительство.

Исторически Россия сложилась как многонациональное государство. На каждом из этапов ее развития регулирование национальной составляющей имело свои особенности. Царская Россия и в правовом отношении, и фактически являлась унитарным государством. В результате Октябрьской революции 1917 г. и последующих преобразований она превратилась в федеративное государство, состоящее из советских автономий. В науке советского государственного права общепринятого понятия «советская автономия» выработано не было. Большинство авторов, рассматривая советскую автономию как сложное социальное и правовое явление, связывали ее либо с государственным устройством, либо с национальной государственностью или осуществлением национального суверенитета, либо с самоуправлением или особой степенью самостоятельности, а чаще всего с несколькими из этих государственно-правовых категорий [48, с. 130]. При этом автономная республика отождествлялась с понятием «национальная государственность» и трактовалась как несuverенное государство, государственно-подобное образование «специфическая форма, хотя и ограниченной, но государственности» [40, с. 7; 48, с. 100, 112; 86, с. 40].

На волне демократизации в начале 1990-х гг. IV съезд народных депутатов России (21–25 мая 1991 г.) признал необходимым повысить правовой статус автономных республик, исключив из них названия «автономные». Было установлено новое официальное наименование национально-государственных образований – «республики в составе РСФСР» [23]. В современной литературе также отмечено, что «дать единое определение понятия “автономия” исключительно сложно...» [85, с. 170] и есть «проблема сущностной детерминации и научной классификации...» [86, с. 36]. При этом территориальную автономию рассматривают как «самоуправляющуюся часть государства, наделенную правом самостоятельного законодательства в рамках Конституции РФ и федеральных законов и признанную в качестве таковой государством» [85, с. 171].

В связи с отсутствием единого и четкого научного понимания «автономия», «национальная государственность», а также «нация», «этнос», «национальность», смысл которых до сих пор остается дискуссионным в науке, мы в насто-

ящей статье довольно свободно и вольно используем названные понятия и не придерживаемся системности в определениях.

Историография истории государственности Чувашии довольно обширна. Однако в подавляющем большинстве исследований либо анализируются ее отдельные аспекты, либо она рассматривается многосторонне, но на отдельных этапах своего развития. Трудов, в которых анализ государственности чувашей осуществлялся бы комплексно и на всех этапах, насчитывается единицы. Они представлены публикациями Т.А. Ахазова, А.В. Изоркина, В.Н. Клементьева. В статьях первого автора, опубликованных в 1970-х гг., возникновение и формирование советской государственности Чувашии освещается как один «из ярких примеров разрешения национального вопроса в СССР» и «неоспоримое доказательство правильности ленинской национальной политики» [3, с. 3–25; 2, с. 233–284]. В работе А.В. Изоркина «Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет» уже проявилось стремление дать более правдоподобную картину жизнедеятельности советской автономии Чувашии [33, с. 13–34]. Историк раскрыл отрицательное влияние командно-административной системы, ликвидировавшей или ограничившей многие завоевания чувашского народа в сфере национально-государственного строительства после Октябрьской революции 1917 г. В работе В.Н. Клементьева был дан системный анализ советской государственности Чувашии за весь период ее существования, показан процесс ее развития как противоречивый, диалектически сочетающий позитивные и негативные стороны [41, с. 47–76].

Предметом настоящей статьи является всеобъемлющий анализ возникновения, становления и развития национальной государственности чувашей; выявление наиболее значимых форм, особенностей и механизмов ее реализации на всех этапах жизнедеятельности Чувашской автономии.

Возникновение Чувашской автономии явилось результатом длительного развития и взаимодействия многих процессов – этнических, социально-экономических, культурных, общественно-политических. Пройдя через этапы этнической эволюции и территориальных перемещений, предки современных чувашей, болгары и сувары, в Среднем Поволжье в конце IX в. основали свое государство – Волжскую Булгарию. Но в начале XIII в. она была разгромлена монголо-татарами и исчезла с политической карты мира. Булгары-чувашаи оказались вначале в составе Золотой Орды, затем – Казанского ханства.

К началу XVI в. в результате сложных этноконсолидационных и миграционных процессов в междуречье Аниша, Кубни и Свияги сформировалось ядро общности, имеющее все необходимые признаки самостоятельной и внутренне консолидированной этнической группы – народности с этнонимом *чйваш* (чуваш). Ее основой послужило не принявшее ислам и отпавшее от него болгаро-суварское земледельческое население, вобравшее в себя некоторое количество марийцев [30, с. 21]. С завершением в XVII в. ассимиляции татарами чувашей Приказанья и Заказанья для обосновавшейся компактно в междуречье Волги, Суры и Свияги части этнической общности данная территория превращается в основной ареал обитания, который со временем стал признаваться «исторической» родиной чувашского народа [31, с. 292].

Вхождение в 1551 г. чувашей в состав Московского государства имело dvojкие историко-политические, культурные, этногеографические и этнодемогра-

фические последствия. С одной стороны, с учетом последовавшего обращения чувашей в православие и их инкорпорации в Русское государство, они были избавлены от исламизации и, как следствие, реальной перспективы своего исчезновения; чувашаи в составе огромной державы получили возможность для расширения территории обитания [31, с. 293]. С другой стороны, принудительная христианизация, а также иные цивилизационные ориентиры оказали стрессовое, кризисное влияние на судьбу этноса: затормозили формирование национального самосознания, сломали исторически сложившиеся миропонимание и мировоззрение.

Во второй половине XVI–XVII в. Среднее Поволжье было включено в экономическую, политическую и социальную структуру Московского государства. Если в административном устройстве Чувашского края как общая закономерность действовала тенденция централизации и политической интеграции, то в системе этносоциальных отношений переплелись дискриминация и предоставление различных льгот населению, которые вплоть до XVIII в. в какой-то мере уравнивали друг друга. Присоединенные народы Среднего Поволжья владычество России рассматривали как чуждое государство, стремящееся навязывать им свои административные и социальные порядки. Как следствие на протяжении всего XVII в. имели место восстания татарских, марийских, мордовских и чувашских крестьян, являвшиеся лишь высшей ступенью в целой шкале различных форм сопротивления российскому государству, центральной власти. Однако включенные в состав России народы Среднего Поволжья стремились в этот период не к независимости, а к сохранению гарантированных им Москвией прав и привилегий [20, с. 27; 78, с. 143].

В XVIII в. Русское государство перешло к генеральному наступлению на особое положение нерусского населения Среднего Поволжья. Петр I ликвидировал сословие служилых чувашей, разряд государственных крестьян пополнили и ясачные чувашаи. Одновременно петровское государство завершило административную инкорпорацию Среднего Поволжья: унифицировало юридический статус региона с другими территориями, установило единый стандарт подданства и управления. Проявлением политики «имперского поглощения» региона стала массовая насильственная христианизация чувашей, развернувшаяся по указу императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г.

Агрессивное вмешательство имперского государства в исторически сложившиеся социально-культурные структуры и ценности пробудили мощные силы сопротивления: многочисленные прошения и жалобы чувашских крестьян, бегство на окраины государства, участие в крестьянских восстаниях, крупнейшее из которых возглавил Е. Пугачев. В Чебоксарском уезде это движение даже приняло своего рода организационно-политическую форму выражения. В 1744 г. представитель чувашских крестьян Охадер Томеев подал в Синод обращение на имя царицы Елизаветы Петровны, в котором ходатайствовалось об установлении взамен воеводского особого автономного управления из трех лиц для сбора податей, охранения чувашей от всяких «обид», управления ими с использованием родного языка [19, с. 26–28].

Столкнувшись с серьезной угрозой политической и социальной нестабильности, имперская власть в лице Екатерины II предпочла перейти к более гибкой политике по отношению к «инородцам»: «воинствующее никонианство заменила

терпеливым миссионерским трудом»; провела губернскую реформу, которая привела к определенной децентрализации» [75, с. 232]. Под влиянием идей Просвещения в XVIII в. наметились позитивные явления в культурной жизни чувашского народа, которая законсервировалась на уровне XV–XVI вв. Было положено начало формированию грамотной прослойки чувашей. С задачами православного миссионерского просвещения чувашей связано появление переводных книг на чувашском языке, развитие чувашской письменности.

Религиозная политика государства в XVIII–XIX вв. на утверждение православия как стержневой основы этноконфессиональной интеграции чувашей в конечном итоге принесла свои результаты. По данным переписи 1897 г., в Казанской и Симбирской губерниях 98,9 % чувашей считалось христианами [63, с. 39]. Стали ощущаться положительные для чувашей моменты принятия православия: социально-правовое уравнивание чувашей с русскими, приобщение к мировой религиозной мировоззренческой и культурной традиции. С переходом в православие чуваша этнически дифференцируют себя уже не посредством веры, а языка, быта и этнографических особенностей, которые в национальном самосознании народа выходят на первый план в качестве этнодифференцирующих признаков [74, с. 67].

Религиозная и культурная политика власти не сопровождалась либеральными действиями в сфере политико-административных отношений Чувашское население подвергалось эксплуатации и социальной дискриминации, в том числе и по национальной принадлежности.

Социально-экономические, общественно-политические преобразования Александра II послужили началом новой эпохи в истории народов Среднего Поволжья. Возникновение очагов индустрии, развитие торговли, школьного образования способствовали усилению коммуникативных взаимосвязей, эрозии замкнутости и традиционного уклада, росту мобильности населения, в том числе этнической. Вместе с тем не следует преувеличивать степень интенсивности и глубины названных процессов. Модернизация с трудом проникала в хозяйственные и общественные отношения чувашей; устойчиво сохранялись национально-культурные отличия, традиционализм социальных структур и жизни, а значит этническое своеобразие народа, что создавало социальное пространство для национального движения.

Помимо социально-экономических факторов, существенной предпосылкой этнической мобилизации чувашского народа стало национальное просветительство. У его истоков стояла плеяда мыслителей второй половины XVIII – первой половины XIX в.: Вениамин (В.Г. Пуцек-Григорович), Дамаскин (Д.Г. Руднев), Е.И. Рожанский, П.И. Талиев, А.М. Алмазов, В.П. Вишневецкий. Деятельность и кредо этих людей объединялись идеей христианского миссионерства, которое на определенном историческом этапе имело монополию на просвещение и образование чувашей. Во второй половине XIX в. чувашское просветительство становится самостоятельным явлением, происходит секуляризация интересов и мышления просветителей. Наиболее яркие представители – выходцы из народа – С.М. Михайлов, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Д.Ф. Филимонов.

Во всей полноте черты чувашского просветительства раскрылись в общественно-педагогической и литературной деятельности И.Я. Яковлева, который сформулировал и предъявил общественному мнению программу духовного национального возрождения чувашей.

Общественно-педагогическая и научная деятельность просветителей повлияла на развитие всей национальной культуры, способствовала разрушению стереотипов социальной и культурной ущербности, служила формированию национального самосознания народа. Своей просветительской работой они подготовили идейную основу для создания организованного чувашского национального движения, формулировки его лозунгов, политических интересов и требований этноса (прежде всего в области национально-культурного строительства).

Рубеж XIX–XX вв. стал судьбоносным в развитии чувашского этноса. В этот период произошла консолидация чувашей в нацию. Окончательно оформилась и стабилизировалась конфигурация этнической территории чувашей, которая не только на уровне массового сознания, но и объективно определилась на базе внешних границ примерно семи смежных уездов Казанской и Симбирской губерний (Чебоксарский, Ядринский, Цивильский, Козьмодемьянский, Тетюшский, Буинский и Курмышский), где проживало 662 тыс. чувашей – 78 % всей их численности в империи. Именно этот территориальный массив становится ядром чувашской нации, а земли названных уездов – «материнской родиной для большинства чувашей» [29, с. 100].

Вместе с этноконсолидационными процессами в начале XX в. у чувашей явственно обозначились задатки организованного национального движения, которое было ускорено Первой русской революцией. В 1905–1907 гг. у чувашей появились национальные организации, печатный орган на родном языке (газета «Хыпар»). Период революции ознаменовался выходом на арену общественной жизни новых сил в лице молодых политических радикалов [Т.Н. Николаев (Хури), Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, Д.П. Петров], руководствующихся в своей деятельности эсеровской партийной программой. В своих требованиях они не ограничивались культурной проблематикой, а увязывали цели национальной эмансипации с социальными и общественно-политическими задачами.

Качественные изменения произошли и в чувашской общественной мысли. На базе просветительских и либеральных идей она проявила общую тенденцию к формированию национальной идеологии, которая в отношении разрешения национального вопроса выдвигала требование культурно-национальной автономии для чувашей. Ее реализация, как писал Д.П. Петров (Юман), виделась таким образом: получая от государства пропорциональную долю бюджета на культурно-просветительские потребности, чувашский народ создаст общенациональный орган просвещения и культуры, облаченный полномочиями государственного органа и независимый от центрального правительства. Под эту автономию подводили и административно-организационную основу в виде общечувашского союза земств чисто чувашских уездов с привлечением в него волостных и районных земских единиц с чувашским населением из уездов и губерний, где чуваша находились в меньшинстве. Этот союз должен был выражать политическую волю нации, ее политические и социально-экономические интересы [67, с. 23; 68, с. 59].

Идея же о территориальной автономии была чужда лидерам национального движения, она обсуждалась лишь в узком кругу некоторых деятелей чувашской культуры и политики. Так, литератор И.Н. Юркин в 1905 г., как пишет тот же Д.П. Петров (Юман), был захвачен мыслью создания чувашского государства: «Юрка Иванё чăваш патшалăхё тăвас тесе хайласа сунатланса сўретчё» [89, с. 117]. Поэт Г.А. Кореньков размышлял о том, чтобы на Волге в девственных местах ос-

новать «новый, чисто чувашский град» и, собрав туда всех деятельных чувашей, развернуть работу по подъему культуры народа [89, с. 117].

Лидер чувашских революционеров 1905–1907 гг. Т.Н. Николаев (Хури), как отмечали А.Д. Краснов и Д.П. Петров (Юман), «единственный из чувашских социалистов» высказывался за территориальную автономию для чувашей, «за что пользовался в партийных кругах насмешливым прозвищем «президент Чувашской Республики» [11, л. 2, 48].

С поражением революции 1905–1907 гг. в стране наступила политическая реакция, правительство усилило политику этнозапретительства. Первая мировая война послужила катализатором новой российской революции, одним из самых мощных взрывных компонентов которой стали этнополитические движения и центробежные тенденции.

Развернувшееся после февраля 1917 г. национальное движение народов Среднего Поволжья и Приуралья первоначально развивалось в организационных рамках полиэтнических органов, поскольку народы Волжско-Камского региона имели много общего в плане исторического прошлого, социально-экономическом и правовом положении, культуре и быте. Они выработали общую для себя форму организации – Общество (впоследствии – Союз) мелких народностей Поволжья, созданное 22 марта 1917 г. Важнейшей вехой на пути дальнейшего развития национального движения, выработки задач нацистроительства немусульманских народов Поволжья стал I съезд мелких народностей Поволжья, состоявшийся в Казани 15–22 мая 1917 г. Тон на нем задавали чувашаи: Н.В. Никольский, Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, Г.И. Комиссаров, И.В. Васильев, Ф.Б. Исланкин. Центральными вопросами, вынесенными на обсуждение, были проблемы национально-административного строительства и культурного развития, местного самоуправления народов Волго-Камского региона.

Наилучшей формой государственного устройства съезд признал федеративную республику. Но с учетом того, что большинство населения страны «при его сравнительно низком культурном уровне, не может, к сожалению, считаться подготовленным к немедленному введению в России федеративной республики», он постановил: признать, что Учредительному собранию следует установить в России демократическую республику с предоставлением самой широкой автономии: политической – тем народам, «которые имеют отдельное и обособленное историческое прошлое», и культурной – «всем мелким народностям», самого широкого самоуправления – «всему населению Российской державы» [71, с. 12].

Таким образом, весной 1917 г. идея федерализма не получила поддержки большинства национальных лидеров немусульманских народов Поволжья. Для них принцип федерации был скорее идеалом, чем задачей дня. Фактически же сложилось единое отношение к «автономии», которая трактовалась в рамках возможностей децентрализации, расширения местного самоуправления и национально-культурного движения для так называемых «малых народов», а для «имеющих обособленное и историческое прошлое» возможно было и создание национально-территориальной автономии. Как неготовность к формированию федерации при признании ее и принципа децентрализации, так и преобладающий культурно-автономистский компонент в решениях I съезда свидетельствовали, что у национальных вождей Волго-Камского района в целом доминировали анти-сепаратистские, интеграционные устремления и настроения. Децентрализацию они

истолковывали главным образом как расширение и перестройку местного самоуправления и судопроизводства с учетом национальной специфики.

Такая позиция чувашских лидеров отражала не только субъективный уровень их притязаний, но и объективную ситуацию на тот момент в вопросе о государственном устройстве страны. Право народов на территориальное самоопределение после Февральской революции первоначально относилось к числу преимущественно внешнеполитических принципов и применительно к России рассматривалось политическими партиями вначале лишь в теоретической плоскости. Не только либералы, но и большинство социалистов в 1917 г. в вопросе о национально-государственном устройстве выступали в защиту принципа «непредварения» до Всероссийского учредительного собрания [22, с. 23].

С весны 1917 г. стали возникать чувашские национальные объединения. В марте возникло Уфимское чувашское национальное общество, в июне – Чувашский национальный союз в Цивильском уезде, организационный комитет Вирьяльского общества чувашей, в июле – Совет депутатов чувашской трудовой интеллигенции Симбирской губернии. В конце апреля 1917 г. организовался Чувашский военный комитет в Казани, ставший центральной чувашской военной организацией; занимая левое крыло в чувашском национальном движении, он стал оказывать заметное влияние на его развитие. Событием, имевшим большое значение, стало возобновление с 1 мая 1917 г. издания чувашской газеты «Хыпар».

Процессы национального подъема, кристаллизация национальных лидеров в послефевральский период неизбежно ставили на повестку дня проведение общечувашского форума, призванного сформулировать стратегию национального возрождения и определиться с выбором идеологической платформы. Первый общечувашский съезд работал в Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. По вопросу о форме государственного устройства его решения фактически полностью воспроизводили основные положения и дух резолюций конгресса мелких народностей Поволжья. Выдвигая на первый план достижение целей культурно-национальной автономии, съезд выступил за то, чтобы основные государственные законы закрепили за всеми народами свободу пользования родным языком и национально-культурного развития, и за «право, при наступлении соответствующих культурно-политических условий, на национальную автономию...» [72, с. 2–3].

Последняя формулировка весьма примечательна, ибо свидетельствует об эволюции взглядов в сторону признания делегатами общенационального форума принципа административно-территориальной автономии и «для мелких народов». Это же подтверждает и выраженная съездом необходимость: «В целях национального объединения и строительства ... при наступлении соответствующих политических и культурных условий, разграничение губерний, уездов и волостей и прочих административных и земских единиц согласно этнографическим границам расселения чуваш» [72, с. 8].

Одним из ключевых вопросов повестки дня съезда стал вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание. По результатам рейтингового голосования он составил национальный список кандидатов из 12 чел. [72, с. 13]. I общечувашский съезд завершил работу созданием Чувашского национального общества (ЧНО) как центральной чувашской организации.

Август–сентябрь 1917 г. – пора интенсивной работы ЧНО, где первое место заняла подготовка к выборам в Учредительное собрание. Состоявшийся в Казани

28–30 сентября 1917 г. II Общечувашский национальный съезд обсудил лишь один вопрос – о выборах в Учредительное собрание. Он принял решение по избирательным округам «выступить с самостоятельным национальным списком»; определил чувашских кандидатов в депутаты [6, с. 2; 52, с. 62]. В ходе голосования в ноябре–декабре 1917 г. по национальному списку в Учредительное собрание были избраны Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев, Д.П. Петров и Г.Т. Титов.

Декларируя отмену национальных и вероисповедных ограничений, Временное правительство, скованное великодержавными традициями – стремлением к сохранению целостности бывшей империи и обязательством не предпринимать волю Учредительного собрания в вопросах государственного устройства – так и не сумело решить ключевые проблемы в сфере национальных отношений.

Пришедшая к власти после Октябрьской революции 1917 г. партия большевиков провозгласила действительно демократические, отвечающие насущным требованиям масс принципы: отмена всех национальных привилегий, равенство и суверенность всех народов России, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; Россия была объявлена советским федеративным государством.

Провозглашенные советской властью принципы национальной политики способствовали еще большей радикализации национального движения. Происходит стремительное «левение» чувашских политиков. Идеи гегемонии и руководство переходят от «национал-народников» (ЧНО) весной 1918 г. к «национал-социалистам» (Чувашский левый социалистический комитет (ЧЛСК)), а с лета – осени 1918 г. – к «национал-большевикам» (Чувашский отдел при Наркомнаце РСФСР). Организация последнего имела огромное значение в процессах национально-политического развития этноса. Впервые в истории народа был образован официальный центральный орган управления, призванный представлять его интересы перед высшими органами власти страны, ставить и добиваться реализации запросов и нужд чувашей. Вместе с тем его создание знаменовало новую веху в этническом движении народа: произошел переход от общественных организационных форм его регулирования к управлению государственным органом.

Начавшаяся Гражданская война окончательно расколола чувашское национальное движение и привела к установлению в нем политической гегемонии большевиков. Тенденция вытеснения нелояльных советской власти политических сил прослеживалась на всем протяжении первой половины 1918 г. По мере укрепления советской власти неуклонно снижалась руководящая роль ЧНО, лидеров национального движения 1917 г. стали вытеснять советские деятели. В конце февраля 1918 г. ЧНО и правые эсеры лишились своего органа печати, на базе отобранного имущества «Хыпара» стала выходить газета «Канаш» – орган ЧЛСК.

Летом 1918 г. союзники РКП(б) – левые эсеры открыто перешли на антибольшевистские позиции. 21 июля 1918 г. чрезвычайное совещание членов чувашской фракции Казанского губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, ЧЛСК и Казанского комиссариата по чувашским делам резко осудило тактику большевиков, «как вступившую “вразрез с интересами трудового крестьянства...”» [52, с. 109–111].

Своей кульминации политическое противостояние в Поволжье достигло во второй половине 1918 г., когда здесь развернулись боевые действия. Образованное

в Самаре правозасеровское правительство «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), используя мятежный чехословацкий корпус, попыталось вооруженным путем свергнуть власть большевиков. На сторону Комуча перешли все чувашские депутаты Учредительного собрания. В конечном итоге антисоветские силы потерпели поражение.

Гражданская война имела далеко идущие последствия: она радикально изменила национально-политическую жизнь чувашского народа, преобразовала партийный ландшафт, сделав его гомогенным. Прекратили свою деятельность национальные чувашские объединения, действовавшие в рамках советской системы, — партия чувашских социалистов-националистов, ЧЛСК, чувашская фракция Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. Чувашские левые эсеры в большинстве своем перешли в стан большевиков. Чувашская организация партии социалистов-революционеров (правые эсеры), ЧНО, чувашаи-депутаты Учредительного собрания были объявлены вне закона.

Зачистка политического пространства от оппонентов завершила процесс формирования фактически однопартийной советской политической системы. 28 сентября 1918 г. образовался Чувашский коммунистический комитет. Его организаторами он мыслился как автономная национальная коммунистическая партия. 31 октября 1918 г. он был преобразован в Чувашскую организацию РКП(б), а с 5 ноября 1918 г. — чувашскую секцию при Казанском губернском комитете РКП(б). В начале декабря 1918 г. начали функционировать в составе отдела по делам национальностей Симбирского губернского исполкома Советов чувашский подотдел и чувашская секция при Симбирском губкоме РКП(б) [45, с. 307–308, 310]. Несмотря на губернский статус, чувашские партийно-советские органы Симбирска претендовали на роль центрального чувашского учреждения, осуществляли самостоятельную и независимую деятельность и, с точки зрения Чувашского отдела при Наркомнаце, все время вели сепаратную политику [14, л. 5]. Свою линию поведения симбирские руководители объясняли тем, что «Симбирск издавна был культурным центром чуваш, поэтому и в дальнейшем должен быть таковым» [58, с. 332]. Это вело к конфронтации в руководстве чувашским национальным движением: в Москве говорили о двух группировках: «казанской» (во главе Д.С. Эльмень, В.А. Алексеев, Л.М. Лукин) и «симбирской» (Г.С. Савандеев, Ф.Н. Сергеев). Размежевание между «казанцами» и «симбирцами» пагубно отражалось на процессах национальной консолидации и в дальнейшем сыграло отрицательную роль при создании Чувашской автономии, прежде всего в определении ее территориального формата.

В 1919 г. были образованы чувашские партийно-советские органы в Самарской и Уфимской губерниях; 16 сентября 1918 г. создан чувашский подотдел политотдела штаба Восточного фронта, 21 мая 1918 г. реорганизованный в Чувашское отделение Реввоенсовета Восточного фронта. Они вели разнообразную организаторскую, политическую, партийно-массовую, культурно-просветительскую работу среди чувашского населения.

После октября 1917 г. в повестке дня чувашского национального движения встали вопросы, связанные с осмыслением принципа автономии применительно к новым условиям. При сохранении приверженности к культуртрегерству и культурной автономии среди национальных лидеров оживленно дискутировалась проблема политической децентрализации, регионализации — идея областной поли-

этнической административно-территориальной единицы. С ней выступили в конце 1917 г. лидеры мусульман тюрко-татар Поволжья и Приуралья, предложившие образовать областную автономию в границах «наибольшего включения территории с тюрко-татарским, чувашским, черемисским населением» Южного Урала и Среднего Поволжья [58, с. 340].

Проходивший в Казани I Всероссийский чувашский военный съезд [12 января (по ст. ст.) – 14 февраля (по н. ст.) 1918 г.] – широкий общечувашский форум, принял к рассмотрению проект создания автономного Урало-Волжского штата. К началу 1918 г. программным положением в национальном движении чувашей являлся принцип экстерриториальной национально-культурной автономии. С учетом этого пункта на военном съезде было проведено обсуждение плана лидеров мусульман тюрко-татар региона. Военный съезд высказался за создание Волжско-Уральского штата на условиях обеспечения равноправия, суверенности, национально-культурной автономии всех входящих в него народов. Делегаты съезда рассматривали создаваемый штат как неотделимую часть России, а по внутреннему административному устройству – как регионную (областную) федеративную республику народов Поволжья и Приуралья [61, с. 57]. Военный форум признал необходимым созыв Чувашского (Общечувашского) учредительного собрания для решения основных вопросов политического и национально-культурного самоопределения этноса, утверждения условий включения населенной чувашами территории в Средневожско-Южноуральский штат (предложенное название) и детальной разработки ее Конституции. Съезд также высказался за созыв областного Учредительного собрания, которое было бы сформировано из представителей всех входящих в территорию штата народов и решило бы все основные задачи по устройству штата [58, с. 189–190]. В отношении общегосударственного устройства страны участниками съезда Россия мыслилась как «федерация областей и народов» [55, л. 125], как федеративная демократическая республика «наподобие Соединенных Штатов Америки» [11, л. 185]. И только ряд делегатов «лишь в общих формулировках» [11, л. 185] высказался за создание отдельного чувашского и других национальных штатов (В.Н. Абрамов-Иревли), «за объявление национального штата, входящего в состав Российской Федеративной Республики» (Г.Т. Титов) [43, с. 26; 58, с. 343].

Однако проект создания Урало-Волжского штата не поддержали казанские большевики и левые эсеры, которые стремились взять под свою эгиду процесс национального самоопределения народов Поволжья. В противовес создаваемой на национальной базе Урало-Волжской республики они выдвинули альтернативу в виде областного объединения Советов на основе политического, экономического и географического признаков. Такая позиция коррелировалась с общим курсом центрального советского правительства, которым на тот момент административные образования в виде областных союзов губернских Советов рассматривались как одна из наиболее перспективных моделей федеративного строительства Советской России.

По инициативе Казанского губернского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов в Казани 21–22 февраля 1918 г. прошел Областной съезд Советов Поволжья и Приуралья с участием 144 делегатов от Советов депутатов, национальных организаций 11 губерний [63]. В ходе работы форума выявилось несколько основных подходов относительно форм национального самоопределе-

ния народов Поволжья и Приуралья. Так называемая фракция «сторонников Урало-Волжского штата» из мусульманских делегатов (И. Казаков, Г. Шараф, Г. Енбаев и др.) отстаивала проект образования «Идель-Урал», который, по их мнению, должен был вобрать в себя максимальное количество мусульман [82, л. 146]. Казанский делегат, большевик Г.Я. Грасис выдвинул формулу: «каждая губерния, представляя собой советскую республику, будет самостоятельно решать национальный вопрос» [38], то есть фактически выступил против федерирования Поволжско-Приуральского региона по этническому признаку. Позиция чувашских делегатов была озвучена Т. Антоновым: если ВЦИК декларирует, что Россия представляет союз советских республик, то это не значит, что можно создавать самостоятельные республики. «Мы, чувашки, стоим на такой точке зрения, что о создании чувашского штата не может быть и речи. Для создания политического целого нам необходимо соединиться с народностями, которые живут рядом с чувашами и в смысле экономическом не представляют большого различия» [39].

7 марта 1918 г. Казанский губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вынес решение принять «срочные меры к организации Урало-Волжской республики, каковая организуется во главе с Советом народных комиссаров на пропорционально-классовых началах» [58, с. 351–352]. Впрочем, дальнейшего развития проект Волжско-Уральской советской республики не получил. Вместо него группой деятелей Комиссариата по делам мусульман и Наркомнаца РСФСР во главе с И.В. Сталиным был выдвинут план образования Татаро-Башкирской советской республики. Согласно декрету от 22 марта 1918 г. территория Южного Урала и Среднего Поволжья объявлялась Татаро-Башкирской советской республикой РСФСР. Окончательное установление границ предоставлялось Учредительному съезду Советов этой республики.

Данный план усиливал тюрко-татарскую направленность, что следовало из самого названия республики. 7 апреля 1918 г. вопрос о Татаро-Башкирской советской республике обсудило совещание ведущих чувашских советских учреждений — ЧЛСК, Чувашской фракции Казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанского комиссариата по чувашским делам, которое признало факт объявления Татаро-Башкирской республики без согласия местных Советов и национальных организаций «считать досадным недоразумением, не имеющим обязательной силы для чуваш»; никакой Татаро-Башкирской республики быть не может, а «возможно создание объединяющих многие народности штатов»; новая республика должна охватывать всю обширную территорию Волжско-Камского района; при определении ее границ экономические факторы играют первенствующую роль [7, л. 39; 37].

Учитывая важность для чувашского этноса вопроса об областной автономии Поволжья и Приуралья, его вынесли на рассмотрение широкого форума — Обще-чувашского рабоче-крестьянского съезда (г. Казань, 9–15 июня 1918 г.). Съезд принял резолюцию, что не признает необходимости создания и не верит в возможность существования Татаро-Башкирской республики и выступил против включения в нее чувашского населения; как альтернативу ей предложил учредить «по взаимному соглашению» областную автономию народов Поволжья и Приуралья [65]. Заслушав доклады «Самоопределение чувашского народа и формы его осуществления» (Г.Ф. Алюнов), «О культурном самоопределении» (Г.Т. Титов), «О зачатках политического самоопределения и органы власти среди чуваш»

(А.Д. Краснов) форум признал, что чувашаи по историческим, политическим, этнографическим и географическим условиям не могут образовать ни самостоятельного, ни независимого государства, ни отдельных штатов России: они должны добиваться культурно-политической автономии с зачатками политической автономии [58, с. 217–218].

Эскалация Гражданской войны, в эпицентре которой оказался Поволжско-Приуральский регион, сделала невозможным проведение Учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики. Но план ее образования не осуществился не только по этой причине — проект вступил в противоречие со стремлением значительной части деятелей башкирского национального движения создать свою автономию и национальными интересами чувашей и мари. Он также перестал пользоваться поддержкой Центра в связи с изменением общего подхода советского правительства к решению административно-территориального устройства России — с конца 1918 г. определился курс на организацию однопациональных автономий вместо создания крупных многонациональных областных федераций.

Нереализованный проект образования областной автономии народов Поволжья и Приуралья, тем не менее, явился важным шагом в претворении в жизнь лозунга о праве наций на самоопределение: стал формой борьбы за демократизацию национальной сферы и административно-территориального устройства страны с учетом ее многонационального и поликонфессионального состава, а также специфики Волго-Уральского региона. Он сыграл большую роль в процессе автономизации чувашей — модель областной федерации стала неизбежным этапом на этом пути. Дискуссии вокруг проектов Урало-Волжского штата и Татаро-Башкирской республики подтолкнули чувашских лидеров к выводу, что наиболее оптимальной формой реализации этнополитического самоопределения народа является выделение его в самостоятельную национальную административно-территориальную единицу.

Необходимые предпосылки для этого, в общем-то, сложились уже во второй половине 1918 г. Сдерживающую роль сыграли объективные и субъективные факторы: дисперсное расселение чувашей на территории нескольких губерний, незначительный практический опыт образования национальных субъектов в РСФСР, Гражданская война, раскол чувашских национальных организаций на сторонников и противников советской власти, морально-психологическая и интеллектуальная неготовность и отсутствие политической воли у чувашских лидеров к административно-территориальному выделению чувашей.

Идея о возможности образования отдельной национально-территориальной единицы для чувашей в среде их лидеров стала обсуждаться со второй половины 1918 г.: сентябрь 1918 г. (эту дату указывал И.С. Максимов-Кошкинский), осень 1918 г. (проект «Чувашской Республики» Г.Ф. Алюнова), лето 1919 г. (об этом писал Д.С. Эльмень), лето 1919 г. (проект Козьмодемьянского уездного исполкома Советов образования национальной губернии из частей Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний), осень 1919 г. (эту дату называл А.П. Лбов) [46, с. 25].

Документально зафиксировано решение съезда чувашей-представителей коммунистических ячеек Симбирской губернии, который 28 декабря 1919 г., заслушав доклад М.Ф. Акимова о Трудовой коммуне чуваш, постановил: «создание

Трудовой коммуны считать жизненно необходимым...» [58, с. 372–373]. 3 января 1920 г. Чувашский отдел представил в Наркомнац «Краткий доклад о выделении чувашского народа в особую административную единицу». Согласно ему планировалось образовать на территории с чувашским населением Казанской и Симбирской губерний самостоятельную административную единицу «на правах губернии или вновь организуемых крупных административных единиц, непосредственно подчиненных центральной власти, стоящей во главе РСФСР» [59, с. 28–30]. Формулировка «или вновь организуемых крупных административных единиц» свидетельствовала, что форма чувашской автономии могла быть и иной, чем обычная губерния. В то же время достаточно определенно формулировалось название создаваемого субъекта РСФСР – «Чувашская трудовая коммуна» (ЧТК). Авторы ориентировались, прежде всего, на Трудовую коммуну немцев Поволжья – автономное образование, основанное ранее – в октябре 1918 г. Понятие «трудовая коммуна» отражало стремление уйти от старых времен царского периода названий административно-территориального деления [18, с. 136]. Проект создания Чувашской трудовой коммуны был рассмотрен и одобрен I Всероссийским съездом чувашских коммунистов (4–8 февраля 1920 г.). основополагающим принципом ее образования был избран этнический. По проекту в нее входили Ядринский, Цивильский, Чебоксарский уезды, части Козьмодемьянского, Тетюшского, Чистопольского и Спасского уездов Казанской губернии, Буинский, части Курмышского и Симбирского уездов Симбирской губерний [59, с. 34–35], то есть все без исключения территории относительно компактного проживания чувашского населения Казанской и Симбирской губерний.

В стадию практической реализации вопрос об организации национальной автономии для чувашей вступил в марте 1920 г. С этого времени руководители Чувашского отдела при Наркомнаце (Д.С. Эльмень, С.А. Коричев) практически постоянно находились в Москве, решая организационные вопросы, направляя ходатайства и обращения в центральные советские и партийные органы, встречаясь с их руководителями по вопросу создания ЧТК.

Одновременно с продвижением в Центре плана создания национальной административно-территориальной единицы Чувашский отдел Наркомнаца проводил пропаганду проекта ЧТК среди широких слоев населения: наряду с позитивным восприятием, среди чувашского населения встречались настроения безразличного отношения и даже сомнения в необходимости какой-либо автономии вообще [8, л. 125–126; 13, л. 18–20, 76].

Воплощение в жизнь проекта создания ЧТК столкнулось и с другими препятствиями. С возражениями по поводу ее территориального формата выступили организаторы Татарской АССР [59, с. 47]. Ряд центральных ответственных работников на том основании, что чувашаи обрусевают, также не поддержали этот проект [59, с. 52]. 8 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), решая организационные вопросы, связанные с образованием Татарской АССР, рассмотрело вопрос «О Чувашской республике» и внесло значительные коррективы в проект организации ЧТК – признало необходимым «образовать чувашскую единицу» лишь из трех уездов: Ядринского, Цивильского и Чебоксарского, которые «времененно до организации чувашской власти» передавались в управление Нижегородского губернского исполкома Советов [59, с. 50–51]. О том, как решался вопрос с созданием Чувашской автономии, 8 июня 1920 г. после встречи с участником заседания,

председателем Казанского губисполкома Советов И.И. Ходоровским, сообщил заместитель заведующего Чувашским отделом при Наркомнаце С.А. Коричев своему руководителю Д.С. Эльменю: «Оказывается, вопрос о Чуваш[ской] трудовой коммуне внес Ходоровский. Обсуждали, некоторые высказывались против выделения чуваш в отдельную административную единицу, но Ленин решительно поддержал, и в результате решили признать возможным выделение, при этом название “коммуна” признается неприемлемым, так как крестьяне не любят, а предложили Чувашскую область» [59, с. 53].

Решение высшей партийной инстанции не могло удовлетворить инициаторов организации Чувашской автономии: не были определены конкретные сроки его реализации, существовали опасения по поводу временного характера управления Нижнего Новгорода, волновала судьба чувашских волостей, исключенных Политбюро ЦК РКП(б) из проектируемой единицы.

19 июня от имени Чувашского отдела Наркомнаца и чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б) в Президиум ВЦИК был представлен «Меморандум по вопросу образования Татарской Социалистической Советской Республики и учреждения Чувашской трудовой коммуны», подписанный Д.С. Эльменем, В.А. Алексеевым, Г.О. Сурфом и Л.М. Лукиным. В нем чувашские руководители настаивали спешно разрешить вопрос о выделении чувашей в самостоятельный субъект РСФСР, причем на основе проекта ЧТК, принятого I Всероссийским съездом чувашских коммунистов, назначить Ревком для управления ею, впредь все вопросы, касающиеся Чувашской автономии, решать с участием чувашских представителей [59, с. 54–56].

Усилия чувашских лидеров возымели действие. Вопрос о предоставлении чувашам автономии центральными органами стал решаться оперативно. 21 июня он рассматривался в НКВД РСФСР в присутствии представителя Чувашского отдела при Наркомнаце. 22 июня 1920 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), пунктом 8 повестки дня значился вопрос «О создании Чувашской коммуны». По итогам обсуждения Политбюро ЦК утвердило форму автономии (вместо «Чувашской коммуны» – «Чувашская область»). Поручило заместителю наркома внутренних дел М.Ф. Владимирскому внести вопрос об учреждении Чувашской области на рассмотрение в СНК РСФСР с последующим направлением во ВЦИК [46, с. 37].

В тот же день на заседании Совнаркома, проходившем под председательством В.И. Ленина, обсуждался проект Положения о Чувашской автономной области с участием представителя Чувашского отдела Наркомнаца. В текст проекта постановления об Автономной чувашской области были внесены уточнения. Указывалось, что центром области является г. Чебоксары и что съезд Советов Чувашской области избирает ее исполком, которому присваиваются полномочия губернского исполнительного комитета. Проект постановления был утвержден Совнаркомом для направления во ВЦИК. Секретарь СНК РСФСР Л.А. Фотиева без задержки направила во ВЦИК подписанный В.И. Лениным проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Чувашской автономной области [51, с. 184–185].

24 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об Автономной чувашской области», подписанный Председателем Совнаркома В.И. Лениным (Ульяновым), Председателем ВЦИК М.И. Калининым и секретарем ВЦИК А.Е. Ену-

кидзе. Это был первый акт, законодательно закрепивший название «автономная область». Согласно данному документу, в состав вновь образованной административно-территориальной автономии вошли целиком Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды Казанской губернии, часть волостей Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии, а также некоторые волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. В то же время волости Чистопольского и Спасского уездов Казанской губернии со значительным чувашским населением вошли в Татарскую АССР. Из-за территориальной чересполосицы временно в составе Татарии остались некоторые чувашские волости и селения бывших Буинского и Тетюшского уездов.

Таким образом, изменилось не только название, но и сущность первоначального проекта. Определенная декретом территория Чувашской автономной области оказалась намного меньшей, чем предполагалась по проекту Чувашской трудовой коммуны — всего 11,6 тыс. км². Во вновь образованной ЧАО проживало 605 012 чувашей, что составляло 58,6 % численности этноса, а с учетом чувашей, находившихся в азиатской части страны, данный показатель составлял 55–56 %. При этом, согласно данным переписи населения РСФСР 1920 г., всего в европейской части страны проживало 1 031 559 чувашей.

Новое автономное образование с населением около 739 658 чел. по национальному составу получилось почти однородным — чуваша представляли в нем 81,8 %. Это был наивысший показатель среди 9 автономий, имевшихся в РСФСР в конце 1920 г. [32, с. 59]. Однако на территории автономной области отсутствовали крупная промышленность, развитые городские центры, почвенные условия, благоприятные для развития сельского хозяйства.

Автономная область явилась первой формой политико-правовой институализации чувашского этноса, осуществления народом своего права на национальное самоопределение. Благодаря созданию национально-административной автономии, правовой титул получила исконная этническая территория чувашского народа, а это материальная основа его существования и высшая духовная ценность — Родина. В отличие от обычной области, губернии специфика правового статуса автономной области, наделяющего ее автономными правами, обеспечивала ей более широкое самоуправление с учетом национальных особенностей в осуществлении государственной власти, управления и правосудия, в работе культурно-просветительских и других учреждений [48, с. 245].

Создание Чувашской автономной области стало лишь первым этапом в национально-государственном строительстве Чувашии. Довольно скоро ее руководители осознали, что интересы устойчивого социально-экономического роста автономии, национального развития чувашского народа требуют повысить статус области до автономной республики.

По свидетельству некоторых участников событий, связанных с организацией Чувашской автономии, еще в ходе продвижения проекта Чувашской трудовой коммуны В.И. Лениным предлагалось создать Чувашскую республику, причем с центром в Симбирске [51, с. 176; 36, с. 3; 76; 56, л. без №; 57, л. 21]. Во второй половине июня 1920 г. в Москве состоялась встреча Д.С. Эльменя, Л.М. Лукина и В.А. Алексеева с В.И. Лениным, на которой последний высказал такое предложение. В ответ Эльмень заметил: «... слово “республика” понимается местными работниками как отделение от РСФСР, тогда как чуваша, Владимир Ильич, хотя

быть только в составе Российской Федерации. К тому же для образования республики пока нет достаточного количества подготовленных кадров...» [51, с. 176].

Историк В.Д. Дмитриев также отмечает данный факт, утверждая, что на заседаниях правительства и Политбюро Председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин трижды ставил вопрос об организации сразу же Чувашской республики и «предлагал определить столицей Чувашской республики г. Симбирск и включить в нее и левобережные чувашские уезды». Далее он пишет: «Однако один из чувашских руководителей Д. Эльмень ответил ему, что такая республика не будет отличаться от губернии. Чувашскими руководителями был предложен проект организации Чувашской автономной области только из уездов со сплошным чувашским населением...» [21]. В литературе встречается и такая точка зрения, что отказ сразу же создать республику с центром в Симбирске был связан с противоборством двух центров в чувашском национальном движении «казанского» и «симбирского». Первые опасались, что реализация предложения В.И. Ленина усилит позиции симбирских чувашских лидеров [49, с. 154].

На официальном уровне вопрос о преобразовании ЧАО в автономную республику был поставлен в 1922 г.: 31 января президиум областного исполкома Советов ЧАО вынес решение «вести подготовительные работы для возбуждения ходатайства перед ВЦИК о предоставлении Чувашской области прав автономной республики РСФСР» [59, с. 224]. Но из-за трудностей, связанных с голодом, практические шаги в этом направлении были предприняты только во второй половине 1922 г. 14 июня 1922 г. бюро Чувашского обкома РКП(б) приняло решение: «Возбудить ходатайство о преобразовании Чувашобласти в автономную социалистическую советскую республику» [59, с. 224]. 21 июня 1922 г. прошел совместный расширенный пленум Чувашского облисполкома Советов и обкома РКП(б), который принял резолюцию: «Просить ВЦИК и РКП(б) преобразовать Автономную чувашскую область в Автономную Чувашскую Социалистическую Советскую Республику» [36, с. 46]. 24 июня 1922 г. в ЦК РКП(б) было направлено письмо-обращение от Чувашского облисполкома и обкома партии с просьбой о преобразовании. В пользу этого приводились такие аргументы: декларативно признанная автономной, Чувашская автономная область фактически не может пользоваться автономными правами; ей необходимы большие возможности для социально-экономического роста. Указывались политические и экономические выгоды от преобразования области: усиление авторитета местной власти в глазах чувашских трудящихся, установление «более ясных взаимоотношений между ней и центральными государственными органами», более успешное хозяйственное строительство [59, с. 227–228]. К письму прилагался проект декрета ВЦИК о преобразовании ЧАО в ЧАССР с административным центром в г. Чебоксары в составе территории и с административными границами, утвержденными декретом ВЦИК от 20 февраля 1922 г. [59, с. 225].

В Москве руководящими инстанциями вопрос о республике был рассмотрен не отдельно, а в увязке с проблемой пограничных споров между ЧАО и Марийской автономной областью, которую намеревались решить через экономическое и административное объединение областей. В связи с такой постановкой вопроса возбуждение ходатайства о преобразовании ЧАО в республику было решено приостановить [73]. Вновь задача преобразования области в республику перед Москвой была поставлена весной 1923 г. К этому времени окончательно канула в

Лету идея об объединении ЧАО и МАО. По инициативе главы Чувашского представительства при Наркомнаце М.В. Шевле было составлено обращение глав представительств пяти автономных областей — Зырянский, Марийской, Вотской, Чувашской, Немецкой — и 10 апреля 1923 г. направлено в Малую коллегия Наркомнаца с просьбой включить в повестку дня XII съезда РКП(б) вопрос о преобразовании «автономных областей в автономные социалистические советские республики» [59, с. 229]. Однако продвижения эта инициатива не получила: ни в речи И. Сталина, ни в резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу не была озвучена тема, поднятая главами представительств автономных областей.

Это обстоятельство не заставило руководителей ЧАО отказаться от плана осуществить преобразование области в автономную республику. В начале 1924 г. официальные органы ЧАО вновь возобновили ходатайство о придании ей статуса автономной республики, причем на первый план теперь была выдвинута задача расширения территории автономии. 15 января 1924 г. во время работы XI Всероссийского и II Всесоюзного съезда Советов в Москве прошло совещание коммунистической фракции чувашских делегатов и ответственных работников Чувашского представительства, на котором с докладом выступил ответственный секретарь Чувашского обкома РКП(б) Д.С. Эльмень «О преобразовании Чувашской автономной области в Автономную Чувашскую Социалистическую Советскую Республику с расширением территории и с центром в г. Симбирске». Совещание постановило: ввиду экономической маломощности Чувашской автономной области, лишаящей ее возможности экономического и культурного развития и «с целью объединения компактных масс чувашского населения, ныне находящихся вне пределов АЧО, считать необходимым преобразование Чувашобласти в Автономную Чувашскую Социалистическую Советскую республику с центром в г. Симбирске» с включением Алатырского, Симбирского и Мелекесского уездов и частей Карсунского, Сенгилеевского уездов с чувашским населением и прилегающей к области территории Буинского кантона Татарской Республики» [36, с. 48].

9 февраля 1924 г. органы государственного управления ЧАО направили официальное обращение в ЦИК СССР с ходатайством о преобразовании автономной области в автономную республику с расширением территории и с административным центром в г. Симбирск [36, с. 37–39].

В последующем усилия партийно-государственного аппарата Чувашии сосредоточились на создании соответствующих политико-административных условий и преодолении сопротивления в процессе осуществления преобразования области в республику с расширением территории. Против данного проекта выступили власти Симбирской и Самарской губерний, так как на территориях Алатырского, Симбирского и Мелекесского уездов «численность чувашей мала» [36, с. 88–89, 92]. Отверг проект и ЦИК Татарской АССР, мотивируя тем, что создание Чувашской АССР создаст чересполосицу границ между ней и Татарской республикой [36, с. 84–85]. Не нашел он поддержки и в центральных органах. Созданная в апреле 1924 г. Президиумом ВЦИК специальная комиссия по проработке вопроса о преобразовании ЧАО в автономную республику с расширением территории под председательством А.Г. Белобородова, основываясь на заключениях ЦИК Татарской АССР, Симбирского и Самарского губисполкомов, а также Наркомата земледелия РСФСР, на заседании 11 июля 1924 г. отвергла предложенный проект. Президиум ВЦИК на своих заседаниях также не

согласился полностью с проектом чувашских властей: 28 июля 1924 г. он постановил «считать необходимым пересмотреть границы Чувашской области в сторону расширения границ и создания более мощной базы» для ее экономики; но считать нецелесообразным преобразование ЧАО в АССР, «считать, однако, необходимым представление Чувашской области ряда прав, представленных автономным республикам» [36, с. 11]. 29 декабря 1924 г. он вынес резолюцию: «во изменение и дополнение своего постановления от 28 июля 1924 г. ходатайство Чувашского облисполкома о расширении границ отклонить» [10, л. 90].

Ситуацию удалось переломить только после личных встреч председателя Чувашского облисполкома И.И. Илларионова и ответственного секретаря Чувашского обкома М.Т. Томасова с И.В. Сталиным [77, л. 172–174; 78] в начале января и 30 января 1925 г. главы Чувашского представительства М.В. Шевле и заместителя председателя Чувашского облисполкома И.Е. Ефимова с одним из самых влиятельных руководителей страны на тот период Г.Е. Зиновьевым [12, л. 12–13 об.].

19 февраля 1925 г. «чувашский вопрос» был рассмотрен Политбюро ЦК РКП(б), которое признало целесообразным преобразовать область в автономную республику, присоединив к Чувашии части Алатырского уезда с г. Алатырь, образовать комиссию ВЦИК для разработки мер по улучшению финансово-экономического положения и уточнения административных границ автономии [59, с. 289–290].

После постановления Политбюро ЦК партии вопрос о максимальном расширении территории автономии со столицей в г. Ульяновске был снят с повестки дня. В начале марта 1925 г. в Чувашию прибыла комиссия ВЦИК под председательством М.Д. Пастухова. 21 апреля 1925 г. Президиум ВЦИК заслушал доклад Пастухова и принял постановление «О преобразовании Чувашской Автономной Области в Автономную Социалистическую Советскую Республику» «в существующих ее границах» [24, с. 39].

После осуществления преобразования области в республику главной целью ее руководителей стало добиться территориального расширения автономии. В центре дискуссий оказался вопрос о «части территории Алатырского уезда» и чувашских волостей Ульяновского уезда Ульяновской губернии. Чувашские власти признавали необходимым передать из Ульяновской губернии в ЧАССР пять волостей Алатырского уезда: Порецкую, Астрадамовскую, Алатырскую, Кувакинскую, Промзинскую, что позволит усилить промышленность республики, а также 7 чувашских селений северной части Нагаткинской волости и 4 селения северной части Шумовской волости Ульяновского уезда. Против их передачи возражали руководители Ульяновской губернии, так как «в отходящей территории в подавляющем большинстве население не чувашское» [9, л. 457; 77, л. 160–164]. Спор разрешил Президиум ВЦИК. 20 июля 1925 г. он принял постановление «О расширении границ Чувашской Советской Социалистической Республики», постановив: присоединить к Чувашской АССР из состава Ульяновской губернии только 3 волости Алатырского уезда: Алатырскую с г. Алатырь, Порецкую и Кувакинскую [24, с. 45]. Таким образом, длившаяся почти четыре года эпопея с преобразованием ЧАО в автономную республику с расширением ее территории завершилась самым минимальным увеличением ее площади из проектируемого руководством Чувашии. И хотя в 1925 г. площадь Чувашской АССР достигла 18,3 тыс. км², а доля чувашей в ее населении оставались преобладающей (74,6 %),

на самом деле на ее территории проживало лишь 60 % всех чувашей страны. В историко-культурном и этнографическом плане был реализован далеко не оптимальный вариант национально-территориальной автономии чувашского этноса.

Такой итог, несмотря на все усилия руководителей Чувашии определен, прежде всего, сложившимися объективными и субъективными условиями: сформировались границы новых административно-территориальных единиц РСФСР; не было поддержки требованиям органов управления автономии в высших эшелонах власти. В то же время благодаря компактности государственно-территориальной автономии Чувашии, фактическому отсутствию этнической чересполосицы и доминированию чувашей среди населения, открылась позитивная перспектива для сохранения национальной идентичности этноса, реального, а не номинального значения названия автономии.

Вместе с установлением новых границ происходил процесс формирования аппарата государственной власти и управления республики, занявший несколько месяцев. 15 июня 1925 г. Президиум ВЦИК утвердил проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР о государственном устройстве ЧАССР* в редакции СНК РСФСР. Оно определило довольно широкую компетенцию республики в сфере управления, учитывало ее национальные особенности и «государственный характер». В соответствии с ним аппарат государственной власти ЧАССР организовывался согласно Конституциям СССР и РСФСР из местных Советов, их съездов и исполкомов, республиканского съезда Советов, Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров. Для управления делами ЧАССР учреждались народные комиссариаты: это объединенные наркоматы – финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли, совет народного хозяйства, которые составляли единую систему вместе с федеральными наркоматами и не подчинялись местному Совнаркому (последний мог только регулировать их деятельность в соответствии с местными условиями). А также автономные наркоматы, независимые от союзно-республиканских, в частности, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия управлялись Совнаркомом ЧАССР. Постановлением декларировалось равноправие чувашского и русского языков на территории ЧАССР [24, с. 43–44].

В соответствии с этим постановлением 30 июля 1925 г. областные отделы были переименованы в народные комиссариаты с передачей их функций. Список наркоматов и первых наркомов ЧАССР был утвержден 22 сентября 1925 г. 5 ноября того же года он был изменен и вторично утвержден, созданы Центральный исполнительный комитет – высший законодательный и распорядительный орган республики, Совет народных комиссаров – орган, осуществлявший общее управление ею. В январе 1926 г. состоялся I Всечувашский съезд Советов, который юридически оформил систему органов власти и управления автономией [24, с. 19–20]. Являясь государством, автономная республика имела право на свои государственные символы (герб и флаг). Официальное утверждение герба и флага Чувашской АССР состоялось 30 и 31 марта 1927 г. на II (VII) Всечувашском съезде Советов [69, с. 68].

* До начала декабря 1925 г. использовалось и название «Автономная Чувашская Социалистическая Советская Республика (АЧССР)». Решением бюро обкома РКП(б) от 1 декабря 1925 г. было признано: «Считать необходимым в дальнейшем вместо «АЧССР» читать «ЧАССР» [46, с. 207].

С преобразованием автономной области в АССР Чувашия приобрела статус высшей формы советской автономии и получила ряд формальных черт, по-новому наполнявших содержание данной автономии по сравнению с автономной областью и не только по объему прав, но и по своим правовым институтам: она провозглашалась государством; определялись предметы ее ведения, по которым предусматривалось принятие Конституции и законов автономной республики, соответствующих конституциям и законам РСФСР и СССР; изменение ее территории могло произойти только с согласия автономной республики, устанавливались высшие органы государственной власти и управления государственным символом (герб и флаг), определялся государственный бюджет, которого прежде Чувашия не имела [48, с. 168–169]. Вместе с тем автономная республика не имела юридических признаков суверенного государства, поскольку ей не предоставлялось право выхода из СССР, пределы ее государственной власти очерчивались союзной республикой, она обязана была свою Конституцию представить на утверждение высшего органа союзной республики. Вне пределов компетенции высших органов власти и управления СССР и компетенции высших органов власти и управления РСФСР АССР осуществляла свою государственную власть не самостоятельно как суверенная союзная республика, а на автономных началах.

Она получала свои полномочия (непосредственно или в конечном итоге) от власти союзной республики и от власти Союза ССР; не обладала учредительным характером, то есть первичным, собственным правом устанавливать по своему усмотрению основные принципы организации системы государственной власти и основные формы ее организаторской деятельности; не могла осуществлять непосредственно внешние функции; вопросы, отнесенные законами к ведению автономной республики, имели лишь чисто местное, республиканское или национальное значение [48, с. 170–171, 180]. Важнейшей чертой, определившей автономную республику как советское государство, являлось то, что она приобрела право на свою Конституцию. 31 января 1926 г. Учредительный съезд Советов Чувашской АССР принял Конституцию. В ст. 1 Основного закона ЧАССР говорилось: «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, свободно и добровольно входящее в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики на началах федерации...» [24, с. 61]. Конституция ярко отражала классовый и интернациональный принцип государственного устройства. Она лишала права голоса «эксплуататорские элементы»; в качестве главных целей провозглашала уничтожение эксплуатации человека человеком, национального гнета, построение коммунизма. Наряду с общими принципами общественного и государственного устройства, Конституция предусматривала национально-специфические моменты: широкую компетенцию республики во всех областях общественной жизни, осуществление государственной власти на автономных началах через свои высшие органы власти. Она декларировала, что государственными языками на территории республики являются чувашский и русский. Национальным меньшинствам обеспечивалось право обучения на родном языке в школе и предоставлялось право пользоваться им в государственных и общественных учреждениях и организациях [4, с. 20–21].

Конституция ЧАССР 1926 г. не была утверждена ВЦИК, а значит не приобрела юридической силы. В комиссии Президиума ВЦИК, созданной для под-

готовки конституций АССР к утверждению, возникли серьезные разногласия по ряду вопросов, связанных с государственно-правовой квалификацией и некоторыми полномочиями автономных республик. В конечном счете комиссия Президиума ВЦИК решила отложить рассмотрение конституций АССР до установления общих начал для выработки проектов конституций [48, с. 198]. Однако в самой Чувашии Конституция 1926 г. рассматривалась как Основной закон и даже реально действовала в таком качестве, о чем свидетельствует постановление III съезда Советов Чувашской АССР об условиях вхождения ЧАССР в Нижегородскую область (29 марта 1929 г.), где было записано: «Вхождение Чувашской АССР в Нижегородскую область должно обеспечить сохранение незыблемости основных положений Конституции Чувашской АССР, определяющих ее автономные права как государственного образования и как федеративной части РСФСР» [60, с. 86].

Составной частью институализации Чувашской автономии стало формирование ее территориальных контуров. Процесс этот был достаточно сложным, болезненным и длительным, в котором переплелись соблюдение национального и экономического интересов. В течение 1920–1922 гг. органам управления Чувашии и Татарской АССР пришлось активно заниматься детализацией общей границы с учетом национального состава приграничных селений, желания населения спорных районов. В результате татарская сторона передала Шемалаковскую и Сихирдановскую волости в ЧаО (64 селения с населением 47,4 тыс. чел.), чувашская – часть селений Шемуршинской волости (17 населенных пунктов с числом жителей около 21 тыс. чел.) [62, с. 65]. Самым спорным между двумя субъектами был вопрос о южной части Буинского кантона Татарской АССР, где проживало значительное количество чувашей, находящихся практически на границе с Чувашией, но отдаленных от основного массива татарскими и русскими селениями. На протяжении всех 1920-х гг. власти Чувашии добивались передачи чувашской части Буинского кантона в ее состав. Однако упорное сопротивление органов управления Татарской АССР, ссылавшихся на возникающую чересполосицу, «неустойчивость границ в дальнейшем», а также заинтересованность Центра в том, чтобы границы стали устойчивыми и стабильными, не позволили добиться этого [59, с. 318; 60, с. 104].

Полностью граница между двумя субъектами РСФСР установилась к концу 1930-х гг.: в 1928 г. в Чувашскую АССР перешла чувашская деревня Новое Ишино, в 1936 г. – разъезд и русские село Воробьевка, деревня Гоголиха и Курочкино, в 1938 г. – чувашская деревня Ахметово [62, с. 55]. Еще более конфликтно и сложно проходило установление границ Чувашии с Марийской автономией: возникла коллизия экономических и национальных интересов. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. об образовании ЧаО в ее состав целиком был включен Чебоксарский уезд, в том числе земли на левом берегу Волги, где находилось 11 из 22 цензовых лесоперерабатывающих предприятий и $\frac{1}{3}$ всей лесной площади ЧаО [42, с. 78]. В то же время население Левобережья Волги в подавляющем большинстве составляли мари. Установление границы по Левобережью прошло в два этапа. На первом этапе, согласно постановлению Президиума ВЦИК от 14 декабря 1922 г., левобережная часть Чебоксарского уезда была поделена между ЧаО и МаО: западная часть оспариваемой территории по р. Малая Кокшага (Посадско-Сотниковская и Чебоксарская волости) оставались

в ЧАО, восточная от р. Малая Кокшага (Помарская и Помьяльская волости) переходили в МАО. Тем не менее, правительственные органы МАО настаивали на переходе всего Левобережья, обращались с соответствующими ходатайствами в высшие органы страны. Новое постановление Президиума ВЦИК от 21 апреля 1925 г. предусматривало передачу всей оставшейся левобережной части в Марийскую автономную область. Попытки органов управления ЧАССР в конце 1920-х, 1930-е гг. пересмотреть указанное постановление не дали желаемого результата [59, с. 18–19].

Более частным вопросом разграничения Чувашии и Марийской автономии стало установление границы в Правобережье Волги. Прежде всего оно касалось оставления за чувашскими крестьянами Пихтулинской лесной дачи. Этот спор был решен в пользу Чувашии.

Наименее конфликтным было проведение границы с Нижегородской губернией: она сложилась исторически в результате давно завершеного процесса русской колонизации и оформилась четко по этническому признаку. Проблемными между двумя субъектами России оказались вопросы уточнения и урегулирования землепользования на участке Сурской Луки в пределах Курмышского уезда. Власти Чувашии добивались, чтобы луговые земли, находящиеся в фактическом пользовании жителей Красночетаевской волости «по соображениям справедливого удовлетворения интересов населения и установлении границы на р. Сура, более всего отвечающей административным соображениям» были отнесены к территории Чувашии [59, с. 377]. После длившегося на протяжении двух лет разбирательств этого вопроса в центральных ведомствах постановлением Секретариата ВЦИК от 13 августа 1923 г. административная граница была установлена по р. Сура. В пользу Чувашии решили вопрос о передаче ей селения Шумерля [59, с. 387–388, 392].

В январе 1930 г. после образования Мордовской автономии в ее состав из Чувашской АССР были переданы 11 мордовских селений и Баевский сельсовет. Но некоторые из них в августе 1933 г. (Студенец, Низовка, Напольное, Рындино и Турдаково), исходя из ходатайств их жителей и экономического тяготения к с. Порецкое и г. Алатырю, были перечислены обратно в Чувашию [60, с. 114–117].

Последним актом, касающимся внешних границ республики, стал указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 августа 1958 г. о перечислении в состав Чувашии из Спасского района Горьковской области населенных пунктов Новая Екатериновка, Выселки № 1 и № 2 и Ильина Гора согласно их ходатайству. Целесообразность перечисления указанных селений мотивировалась тем, что они находятся на близком расстоянии от г. Ядрина, и, кроме того, «отрезаны от территории Спасского района рекой Сурой» [60, с. 195, 431].

В процессе образования и становления Чувашской автономии как одна из ключевых выдвинулась задача выработки оптимальной схемы ее административно-территориального устройства. В итоге исполнения декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня ЧАО состояла из трех уездов: Чебоксарского, Цивильского, Ядринского; в 1922 г. добавился Батыревский, в 1925 г. – Алатырский уезды. Неудовлетворенность слишком большими уездами, да еще с административными центрами на окраинах, создала стремление перейти к более мелким административным единицам – районам, способным обеспечить более полный хозяйственный и социально-культурный охват своей территории, приблизить го-

сударственный аппарат к населению. На протяжении первой половины 1920-х гг. шло активное обсуждение вариантов внутриобластного районирования Чувашии. Но реально реформа административно-территориального районирования произошла в октябре 1927 г., когда вместо 5 уездов и 53 волостей было образовано 17 районов [66, с. 131]. Во второй половине 1930-х гг. началось осуществление нового районирования — проведено разукрупнение существующей сети районов: в 1935 г. их стало 25, в 1939 г. — добавились еще три района [60, с. 88, 92].

Определение и уточнение административно-территориального деления автономии шло параллельно с общероссийским экономическим районированием, которое преследовало цели обеспечить в условиях строительства плановой социалистической экономики более эффективную и рациональную организацию народного хозяйства. В качестве единицы экономического районирования и одновременно административно-территориального деления страны была принята область (край). Вплоть до первой половины 1925 г. правительство Чувашии в вопросе об экономическом районировании занимало колеблющуюся позицию: выступало то за включение в Центрально-промышленный район с центром в г. Москва, то, не отвергало вхождения в аграрную Средневолжскую область с центром в г. Самаре (госплановский проект 1921 г.), то за присоединение к Волжско-Камской области (проект Татарской АССР). Для властей Чувашии решающими факторами укрупнения субъектов РСФСР являлись: сохранение в полном объеме прав автономии и свобода национального развития, принадлежность к экономическому району с индустриальной специализацией, увязка с расширением территории ЧАО с преобразованием в автономную республику.

Составной частью областного экономического объединения — Нижегородского (с 1934 г. Горьковского) края — ЧАССР стала в 1929 г. наряду с Марийской, Удмуртской автономиями, Нижегородской и Вятскими областями. Официальное решение на этот счет было принято после открытых и серьезных дискуссий III съездом Советов ЧАССР 31 марта 1929 г.: республика входит в краевое объединение на условиях сохранения всей полноты ее автономных прав и бюджетной самостоятельности [70, с. 35–37].

Вхождение Чувашии в состав Нижегородского края имело двойственный характер. Действительно, промышленно развитый Нижний Новгород оказал помощь в индустриальном развитии республики. Вместе с тем новая модель управления — подчинение национально-государственного образования по горизонтали краевым структурам — сузила поле возможностей самостоятельного развития автономии, принуждала ее власти общаться с Центром через краевые органы управления [5, с. 205]. Фактологический материал свидетельствует о постоянных конфликтах между краевыми и республиканскими хозяйственными организациями, прежде всего, в распоряжении и использовании материальных и финансовых ресурсов [13, л. 47–49, 50–52].

В составе краевого объединения Чувашия находилась до 1936 г. В связи с принятием Конституции СССР 1936 г., когда краевое деление ликвидировали, автономная республика непосредственно была включена в состав РСФСР.

В 1920-е — начале 1930-х гг. национальная политика советского государства носила ярко выраженный демократический характер. В 1920-е гг. в рамках национально-государственного строительства Чувашской автономии положено начало и активно проводилась политика реализации чувашского языка (РЧЯ) и

коренизации государственного аппарата. Политика РЧЯ была направлена на повышение роли чувашского языка в общественно-политической жизни, придание ему фактически статуса государственного. На практике решение этой задачи означало осуществление перевода делопроизводства на всех уровнях государственного аппарата на чувашский язык. Коренизация предусматривала выдвижение представителей титульного (коренного) этноса в органы государственного управления. С середины 1920-х гг. процесс коренизации охватил практически все звенья государственного аппарата. На 1 января 1935 г. среди работников наркоматов и республиканских учреждений чувашей было 67,7 %, в районных учреждениях — 90—100 % [44, с. 320] (в 1925 г. — в целом по республике доля чувашей служащих составляла 58,5 %)[34, с. 108].

Примечательной особенностью национальной политики 1920-х гг. было и то, что серьезное внимание уделялось поддержке и развитию чувашской диаспоры. Постановка и обсуждение вопросов национального развития чувашей характеризовалась тем, что имелся в виду, как правило, весь народ в целом, а не только население автономии. Об этом свидетельствовали и названия многочисленных в тот период «всечувашских», «всероссийских чувашских» конференций, съездов. С 1921 по 1930 г. функционировал своего рода координационный центр по работе среди чувашей страны — чувашская секция при агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б). В Москве на чувашском языке издавались для чувашских читателей всей страны сначала центральный чувашский журнал «Ёҗ-лекенсен сасси», затем центральная газета «Коммунар».

Демократизм в национальной сфере проявлялся и в том, что действовала широкая сеть чувашских представительств при центральных учреждениях в Москве. Она включала Чувашское представительство при Президиуме ВЦИК, учрежденное вместо Чувашского отдела при Наркомнаце. В нее входили чувашские секции при ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, чувашские отделы Наркомпроса РСФСР, Центрального издательства народов Востока и др. Их целями были защита национальных интересов чувашей, доведение их запросов до центрального партийно-государственного аппарата, содействие укреплению социально-экономического потенциала автономии, подготовка для нее национальных кадров.

Представители Чувашии входили в состав Совета национальностей ЦИК СССР, обладали правом участия с совещательным голосом на заседаниях Президиума ЦИК по затрагивающим ее интересы вопросам, республика имела более выгодную, чем область норму представительства на съезде союзной республики, благодаря чему участвовала в решении вопросов и обсуждении законопроектов, так или иначе касавшихся социально-экономического и культурного развития автономии.

Советскую национальную политику второй половины 1920-х — 1930-е гг. отличали особые меры государственной заботы и поддержки по отношению к нетитульным этносам, или, как тогда говорили, национальным меньшинствам (нацмены). В Чувашии к ним официально относили татарское и мордовское население. Во второй половине 1920-х гг. действовала специальная организационная структура — подотдел национальных меньшинств агитационно-пропагандистского отдела областного обкома ВКП(б), координировавший деятельность партийно-государственного аппарата по работе среди нацмен. В интересах их лучшего обслуживания были выделены отдельные сельсоветы — татарские и мордовские. В 1929 г.

решением органов власти Чувашии образован национальный татарский Шихирдановский район.

В рамках провозглашенной XII съездом РКП(б) (1923) политики «ликвидации фактического неравенства», уже в 1920-е гг. в Чувашии стали проводиться достаточно масштабные мероприятия по повышению образовательного и культурного уровня, созданию национальной интеллигенции. Однако с самого начала национальная политика советского государства характеризовалась двойственностью и противоречивостью, разрывом между идеей и ее реальным воплощением. Уже в 1920-е гг. проявилась тенденция нивелировать и формализовать сами принципы автономии, начала устанавливаться жесткая административная вертикаль, поглощавшая национально-государственные образования. Практика национально-государственного строительства Чувашии показывала, что проблемы, связанные с компетенцией субъекта федерации, взаимоотношениями между Центром и республикой, достижением сбалансированности общегосударственных интересов и национально-административного деления, бюрократическим отношением чиновников центральных ведомств и игнорированием ими местных интересов, выявлялись в качестве ключевых в процессе институализации автономии [46, с. 64–67; 87, с. 3–25].

Диверсификация статуса автономии фактически сводилась на нет и партийным централизмом – жестко-централизованной системой партийно-государственного управления, осуществлявшейся на основе принципов бюрократического централизма, строго соподчиненной системы управления, как проводника решений Центра сверху вниз. В 1920-е гг. в Чувашии, как и в целом по стране шел процесс превращения партии в государственную структуру, формирование партийно-государственной номенклатуры, который имел свою специфику. В первой половине 1920-х гг. он характеризовался перманентными склоками между руководителями области и конфликтами разных группировок – «казанской» и «симбирской», «эльменевской» (сторонники Д.С. Эльменя) и «коричневской» (адепты С.А. Коричева). На этой почве после каждой областной конференции РКП(б) выдвигался новый партийный руководитель области. В период с октября 1920 г. по сентябрь 1926 г. Д.С. Эльмень проработал 5 месяцев, Г.С. Савандеев – неполных 8 месяцев, А.Т. Ласточкин – менее 5, Г.М. Михайлов – неполные 7, Д.С. Эльмень во второй раз около 19, М.Т. Томасов – 17, В.А. Алексеев – 6, Г.М. Михайлов во второй раз – неполный один, В.А. Алексеев еще раз – 3 месяца [47, с. 6–7]. В конце 1926 г. ответственным секретарем Чувашского обкома ВКП(б) стал прибывший из Самары уроженец Чувашии Д.С. Петров, занимавший этот пост более 10 лет.

Перелом на рубеже 1920–1930-х гг., связанный с отказом от нэпа, курсом на усиление «темпов социалистического строительства» и резко форсированную модернизацию страны, а также сталинская доктрина обострения классово-борьбы окончательно смели все демократические начинания в национальной политике. Доминирующей с начала 1930-х гг. в национально-государственном строительстве становится линия на унификацию и централизацию. Во второй половине 1930-х гг. свернули политику коренизации государственного аппарата и РЧЯ, государственной заботы и поддержки национальных меньшинств. Была ликвидирована широкая сеть чувашских представительств при центральных учреждениях в Москве. Из официальных документов и решений партийно-государственных органов исчезает упоминание о наличии чувашской диаспоры. Оказались

упраздненными такие формы автономии этнических групп, как национальные районы, сельские Советы. Свобода национального самовыражения стала отождествляться с национализмом, отстаивание интересов автономии, специфика титульного этноса квалифицировалась как проявление местного национализма, «национал-шовинизма».

Борьба с националистами развернулась во всех сферах общественно-политической и культурной жизни республики. Многие представители национальной интеллигенции, работники партийного и советского аппарата подверглись репрессиям по обвинению в «национал-уклонизме» и «антисоветской деятельности». Их апогей пришелся на 1937–1938 гг., когда было сметено все высшее руководство автономии, лица, стоявшие у ее истоков.

Новая ситуация в политической жизни страны и национальном вопросе нашла отражение в Конституциях СССР 1936 г. и РСФСР и Чувашской АССР 1937 г. Союзная и федеральная конституции закрепили увеличение объема власти общесоюзных государственных органов. Положений о добровольности, принципе федерации для автономных республик в них уже не было. Каждая автономия объявлялась лишь «неотъемлемой частью союзной республики». Сами конституции стали настолько идентичны, что различались только названиями.

Конституция ЧАССР провозглашала, что экономическую основу республики составляет социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность; политическую основу – Советы депутатов трудящихся, окрепшие в результате завоеваний диктатуры пролетариата и освобождения от национального гнета и разгрома националистической контрреволюции. Основным закон закрепил ведущую и руководящую роль коммунистической партии. Конституция автономной республики в полном соответствии с конституциями СССР и РСФСР декларировала полное равноправие советских граждан независимо от их социального происхождения и классовой принадлежности, расширила и законодательно закрепила круг основных прав и свобод советских граждан; установила новую избирательную систему, основанную на всеобщем равном и прямом избирательном праве при тайном голосовании. Однако в условиях, когда в стране утвердился режим личной власти И. Сталина, жесткий командно-административный стиль при однопартийной политической системе, демократизм советской государственности носил во многом декларативный характер.

Конституция ЧАССР 1937 г. более четко регулировала государственно-правовой статус и компетенцию автономии. Статья 1 давала определение статуса республики: «Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян». В статье 13 говорилось, что ЧАССР входит в состав РСФСР на правах автономной республики [24, с. 117–118]. Де-юре повышалась роль автономной республики: ей предоставлялось право установления своего административно-территориального деления, высшие органы власти РСФСР не имели права отменять акты Верховного Совета ЧАССР и его Президиума, с 5 до 11 было увеличено число представителей ЧАССР в Совете национальностей Верховного Совета СССР.

Вместе с тем, в реальной политической практике многие автономные права республики становились фикцией. С 1937 г. все законодательные акты РСФСР были обязательны для автономных республик, вопросы федеративного устройства она решала в одностороннем порядке. Деятельность республиканских органов

зачастую была вторичной по отношению к органам РСФСР. Установилась жесткая административная вертикаль. Укрепление централизации проявилось, прежде всего, в упразднении автономных (необъединенных) наркоматов и преобразовании их в союзно-республиканские и республиканские, с распространением на все наркоматы ЧАССР принципа двойного подчинения, то есть подчинение не только правительству ЧАССР, но и соответствующим наркоматам РСФСР. Наркомы РСФСР получили право отменять акты соответствующих наркоматов ЧАССР. Произошло перераспределение прав между РСФСР и ЧАССР в пользу первой [53, с. 132].

В соответствии с Основным законом СССР Конституция ЧАССР установила новую систему высших органов государственной власти автономной республики. Съезд Советов и Центральный исполнительный комитет заменил Верховный Совет, единственный законодательный орган Чувашской АССР. Он избирал подотчетный ему Президиум Верховного Совета и образовывал правительство автономной республики – Совет народных комиссаров, высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти АССР, ответственный перед Верховным Советом и ему подотчетный, а в период между сессиями последнего – перед Президиумом Верховного Совета. Изменение высших органов государственной власти автономной республики имело двойное значение. С одной стороны, оно отражало усиление антидемократической тенденции в развитии советской политической системы. С другой стороны, такая реорганизация отвечала рациональным требованиям, поскольку в отличие от съездов Советов Верховный Совет в большей мере отвечал требованию быть «работающей и законодательствующей корпорацией» одновременно.

Социально-экономические и общественно-политические преобразования, произошедшие в первые десятилетия советской власти, оказали огромное воздействие на национальное строительство чувашского народа. Советская национальная политика поддерживала развитие этничности, связала ее с властью и территорией, способствовала государственно-правовой институализации чувашского этноса. Были сформированы социально-экономические и культурные основы функционирования чувашской советской автономии: создан индустриальный базис, сложилась советская культура Чувашии, получили развитие местные органы государственной власти и управления, прогрессивные изменения претерпела социально-классовая структура населения.

Однако уже со второй половины 1930-х гг. процесс национально-государственного строительства фактически был приостановлен, проведение в жизнь декларируемых принципов национально-государственного строительства приобрело формальный характер, реальные полномочия субъектов Федерации резко ограничены, государственность автономии низведена до уровня областного Совета; национально-территориальное самоуправление стало одним из уровней в иерархической системе властной вертикали. При таком положении вещей неизбежно сужалось предназначение автономии Чувашской республики, созданной как форма национального самоопределения чувашского народа.

В годы Великой Отечественной войны на первый план выдвинулась функция военной защиты. Программой деятельности всех государственных органов автономии стала перестройка экономики и социальной сферы на военный лад, обеспечение фронта и организация помощи Красной Армии. Условия военного

времени потребовали не только переориентации работы институтов государственной системы, но и создания ряда чрезвычайных органов в Центре и на местах. 30 июня 1941 г. был образован Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И. Сталиным. ГКО сосредоточил всю полноту власти, он действовал через существующие государственные и партийные органы, специальные комитеты и комиссии, через своих уполномоченных на местах. В Чувашии уполномоченным ГКО являлся первый секретарь обкома ВКП(б) И.М. Чарыков [34, с. 214].

Перестройка на военный лад потребовала от советских органов существенных изменений в их структуре, полномочиях, методах и формах деятельности. Основная организаторская работа сосредоточилась в исполнительных органах. Принцип коллегиальности не соблюдался даже формально. Сессии Советов проходили нерегулярно, перевыборы советских органов не проводились, а их полномочия были продлены.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. ярко продемонстрировала массовый героизм и единство народов СССР в борьбе против фашистской агрессии, доминирующее значение общегражданских, патриотических ценностей. Более 160 тыс. чел. из Чувашии участвовали в боях против гитлеровских захватчиков. За годы войны Чувашская АССР трижды удостоивалась переходящего Красного знамени ГКО за успехи в сельском хозяйстве и выполнения заданий по заготовке и вывозке леса для железнодорожного транспорта [3, с. 23].

С окончанием войны началась перестройка работы советского государственного аппарата в соответствии с условиями мирного времени. В марте 1946 г. на первой сессии Верховного Совета СССР II созыва были приняты законы, направленные на изменение государственного управления. Важнейшим из них был Закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик – в Советы министров союзных и автономных республик». В соответствии с этим актом 26 марта 1946 г. Президиум Верховного Совета ЧАССР преобразовал СНК Чувашской АССР в Совет министров, народные комиссариаты – в министерства Чувашской АССР [24, с. 136]. В феврале 1947 г. состоялись первые послевоенные выборы в Верховные Советы РСФСР и ЧАССР, в декабре того же года – в местные Советы. В дальнейшем они стали проводиться в установленные Конституцией сроки.

После смерти И. Сталина и XX съезда КПСС в стране начался процесс демократизации, связанный с избавлением от наиболее одиозных черт сталинизма. В январе 1957 г. принимается постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами». В 1957–1958 гг. партийно-государственным аппаратом Чувашии был осуществлен большой комплекс мер по улучшению работы Советов, усилению их роли в социально-экономическом строительстве и связи с населением. Но попытки активизировать роль Советов в системе управления, предпринятые в конце 1950-х гг., не достигли заявленных целей, поскольку входили в противоречие со сложившейся организацией государственного механизма, решающим звеном которого был партийный аппарат, монополично узурпировавший власть.

После 1956 г. были расширены права автономных республик по ряду аспектов администрирования, в сфере экономики. Президиуму Верховного Совета АССР предоставлено право окончательно решать вопросы об образовании, упразд-

нении, передаче из одного района в другой сельских Советов, о переименовании отдельных сельсоветов в связи с перенесением их центров, расширении черты рабочих поселков и городов, генпланы которых не подлежали утверждению Советом министров РСФСР; Совету министров АССР дано право утверждать генпланы городов, за исключением центров республики, отводить земельные участки для государственных и общественных нужд из земель гослесфонда до 25 га, утверждать проектные задания и сводные сметы по строительству объектов местного значения стоимостью до 7 млн руб. [60, с. 167].

В 1950-е гг. преобразования затронули и административно-территориальное устройство Чувашской АССР. Со времени административно-территориальной реформы 1927 г. в районировании республики определяющей тенденцией являлось разукрупнение (к концу войны сеть ее административного деления включала 30 районов), со второй половины 1950-х гг. пошел обратный процесс. В 1956 г. были упразднены 4 из 30 районов, в 1959 г. еще 5 районов [60, с. 14, 183].

В русле процессов демократизации надо оценивать инициированные Н.С. Хрущевым (однако, не полностью продуманные) реформу в хозяйственной сфере и реорганизацию партийного аппарата. Первая включала образование в 1957 г. Советов народного хозяйства, призванных координировать предприятия, находящиеся на территории данного района в целях преодоления ведомственности (в их числе создание Совета народного хозяйства Чувашского экономического административного района, упраздненного в 1963 г.). Вторая заключалась в перестройке в 1962 г. партийных органов по производственному принципу (в Чувашии вместо единых райкомов КПСС созданы 9 партийных комитетов колхозных и колхозно-совхозных управлений и 2 территориальных промышленно-производственных парткома [35, с. 109], соответственно 21 район республики был разделен на 9 сельских и 2 промышленных).

После отстранения Н.С. Хрущева от власти в октябре 1964 г. произошла корректировка прежних управленческих решений: вернулись к построению органов КПСС по территориально-производственному принципу, восстановили единые партийные организации, их руководящие органы и районы. На два десятилетия в стране установилась политическая стабилизация, получившая название «застой», характеризовавшаяся нарастающей бюрократизацией советского общества в рамках расширяющегося формального функционирования Советов. Для этого периода характерно резкое противоречие между общим прогрессом нормативно-правовой модели Советов в направлении расширения их функций, демократизации и реальной практикой. Принимались многочисленные законодательные акты и партийные постановления о повышении роли Советов, расширении их полномочий и прав, передачи многих вопросов на решение низовым советским органам, укреплении их связей с массами. Но на деле все эти права мало использовались, а законы не реализовывались. Наиболее открыто глубокий формализм и бюрократическая сущность советской политической системы проявлялась во время выборов в Советы разного уровня, которые были безальтернативными, отличались единомыслием и отсутствием конкуренции.

В сфере национальных отношений вплоть до середины 1980-х гг. приоритетными оставались централизаторские и русификаторские тенденции. Главным принципом национальной политики провозглашалось диалектическое единство расцвета и сближения наций. На деле основной упор делался на тенденцию

сближения, искусственное подталкивание интернационализации советского общества. Унитарная стратегия и единая идеология ввели в теорию и практику советской этнополитики понятие «советский народ» — новой исторической общности с общими культурными и ценностными ориентирами на основе коммунистического мировоззрения, советского интернационализма и патриотизма. С высоких трибун говорились высокопарные слова «об успешном разрешении национального вопроса», «торжестве ленинской национальной политики», достижениях Чувашской АССР во всех областях экономики и социально-культурного строительства, сводившими национальное развитие к критериям социально-экономического роста. Действительно, экономика республики переживала мощный рост, а значит, укреплялась экономическая основа автономии. К 1970 г. было построено и введено в действие 26 крупных промышленных предприятий. В последующие десятилетия ввели в эксплуатацию флагманы советской индустрии Чувашии — Чебоксарский приборостроительный завод, ГЭС, Завод промышленных тракторов [32, с. 27–28]. Однако управление ими осуществлялось помимо республиканских органов; общесоюзные ведомства фактически диктовали автономии условия ее экономического развития. Бурный подъем экономики изменил демографическую картину республики. В частности, резко возросло городское население: в 1989 г. в городах проживало 57,6 % жителей Чувашии, в 1939 г. — 12,2 % [80, с. 436]; следовательно, сужалась база для воспроизводства этничности народа, которая репродуцируется в сельском сообществе самой повседневностью.

Наиболее отчетливо национальный нигилизм проявился в отеснении чувашского языка. По данным переписей населения Чувашской АССР, в 1926 г. 99,7 % чувашей считали чувашский язык родным (в городах — 90 %), в 1959 г. соответственно — 97,4 % (84,3 %), в 1979 г. — 90 % (8,7 %) [84, с. 129].

Унитаристская доминанта в полной мере отразилась и в новой Конституции Чувашской АССР, принятой 31 мая 1978 г., повторявшей все основные положения и даже текстуальные формулировки основных законов СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. В отличие от предыдущих основных законов, Конституция ЧАССР 1978 г. была принята Верховным Советом Чувашской АССР в окончательной форме, поскольку новое конституционное законодательство Союза ССР и РСФСР отказалось от утверждений конституций АССР Верховным Советом РСФСР [48, с. 200].

Статья 1 Конституции гласила, что «Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся республики всех национальностей» [24, с. 270]. Тем самым она в правовом отношении закрепила провозглашенный в середине 1970-х гг. в рамках концепции «развитого социализма» переход от «государства диктатуры пролетариата», к «общенародному государству». Конституция зафиксировала последовательно затухавший концепт самостоятельности автономии и правосубъектности чувашского этноса. Если в Конституции 1926 г. говорилось о свободе и добровольности вхождения ЧАССР в состав РСФСР «на началах федерации», то в Конституции 1978 г., впрочем, как и 1937 г., этого положения не было. В Конституции ЧАССР 1978 г. не было даже упоминания о чувашском народе, а его статус титульного этноса отражался лишь в названии республики.

Конституция ЧАССР стала своеобразным итогом развития советской автономии чувашского народа. Советский период, так или иначе, способствовал об-

ретению национально-территориальными автономиями опыта самоуправления, изменению отношений между Центром и национальными территориями, признанию большей субъектности последних, прежде всего в политико-правовой жизни [81, с. 28]. Но реального развития самоуправления национально-территориальной автономии не получило. Декларируемая ею самостоятельность, по существу, растворилась в «унитарной федерации» [53, с. 135]. Сущностное содержание автономии, начиная с 1930-х гг., выхолащивалось планово-директивной экономикой и советской политической системой. В политической практике и на уровне общественного сознания сложились представления о национальной государственности лишь как о формальном признаке. Был заложен и действовал механизм деградации государственно-правовой субъектности чувашского народа. Результатом этих процессов стала утрата заинтересованности народа в судьбах своего национально-государственного образования.

Демократизация советского общества и государства, начавшаяся с 1985 г. с перестройкой, в полной мере затронула и сферу национальных отношений и национально-государственного строительства. Встала проблема совершенствования содержания и форм советской национальной государственности с точки зрения преодоления всех проявлений командно-административной системы. В отношении автономных республик начали обсуждать повышение их политико-правового статуса путем уравнивания с союзными республиками, конституционное признание суверенной природы автономных республик, передача в их ведение многих вопросов социально-экономической и общественно-политической жизни, которые относились к компетенции соответствующих союзных республик и Союза ССР. Разрабатывались модели становления регионального хозрасчета и самфинансирования автономий [90, с. 12].

Отражением этих устремлений явилось принятие Верховным Советом СССР таких нормативно-правовых актов, как законы СССР от 10 апреля 1990 г. «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», в соответствии с которыми автономные республики были поставлены в значительной мере в положение субъектов Союза ССР, равных с союзными республиками во взаимоотношениях с СССР [50, с. 118–119].

В связи с процессами демократизации в Чувашии, как и по всей стране, в конце 1980-х гг. формируется мощное движение за демократические реформы, ориентированное на борьбу с господством партийно-государственной номенклатуры, возрождается быстро политизировавшееся национальное движение. В результате прошедших на основе альтернативности, гласности и состязательности выборов народных депутатов СССР в 1989 г. и Верховного Совета Чувашской АССР в 1990 г., в парламенты страны и республики пришло много новых людей демократической ориентации. Народными депутатами Чувашской АССР – членами Верховного Совета – стали из 200 чел. около 30 представителей блока «Демократическая альтернатива», объединившего в своих рядах реформаторски настроенных коммунистов, представителей национально-демократического движения [88, с. 15]. Они оказали большое влияние на принятие Декларации о государственном суверенитете Чувашской ССР (24 октября 1990 г. Чувашская АССР переименована в Чувашскую Советскую Социалистическую Республику) и Закона

Чувашской ССР «О языках в Чувашской ССР» (27 октября 1990 г.). Декларация провозглашала: «Чувашская Советская Социалистическая Республика есть суверенное государство, единственное национально-государственное образование чувашской нации», являющееся одновременно субъектом двух федераций — РСФСР и Союза ССР «на основе осуществления чувашской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение». Носителем суверенитета и единственным источником власти в республике был провозглашен народ Чувашии. В документе фиксировалось положение о том, что Чувашская ССР самостоятельна в решении любых вопросов государственной жизни. На территории республики провозглашалось верховенство Конституции и законов ЧССР; устанавливалось право прямых экономических и культурных связей с зарубежными государствами и формирования собственного валютного фонда [60, с. 272–273]. Указанные положения Декларации в некотором роде свидетельствовали о фетишизации идеи суверенитета, охватившей умы многих политиков и национальных деятелей автономии.

Вместе с тем в Декларации были положения, говорившие о понимании национальной элитой опасности открытого ухода в сторону национализма и сепаратизма: зависимость от действия общесоюзных и общероссийских законов на территории республики; Чувашия признавалась как субъект федеративных отношений РСФСР и СССР, ее граждане сохраняли гражданство СССР и РСФСР; разграничение объектов собственности между Союзом ССР и субъектами федерации, а также передача имущества в собственность (ведение) Союза ССР и РСФСР определялись соответствующими соглашениями; сама Декларация являлась основой не только для принятия Конституции Чувашии, но и федеративного и союзного договоров [1, с. 73–74].

В соответствии со статьей 1 Закона о языке в Чувашской ССР статус государственных на территории республики получили чувашский и русский. Статья 3 предоставила государственным служащим право в общении с гражданами применять как чувашский, так и русский языки. При этом закон не предусматривал каких-либо дискриминаций в зависимости от знания или незнания этих языков [60, с. 314–318].

В 1990 г. декларации о суверенитете были приняты также Северо-Осетинской Республикой, Карельской Республикой, Республикой Коми, Татарстаном, Удмуртией, Якутией, Бурятией, Башкирией, Калмыкией, Марийской республикой, Тувой, Чечено-Ингушетией, Кабардино-Балкарией. Декларирование автономиями суверенного статуса качественно изменило национально-государственное устройство Российской Федерации. Если ранее высшим носителем суверенитета являлся многонациональный народ России, то после объявления суверенитета входящих в нее республик высшим носителем провозглашался народ данной республики. Это стало возможным, с одной стороны, под воздействием союзного Центра, который поощрял процесс суверенизации внутри России (продвижение идеи «двойной субъектности» СССР и РСФСР для российских автономий, предложение им формулы подписания Союзного договора через голову России) и использовал его в качестве рычага воздействия на российских лидеров. С другой стороны, руководство России также стремилось заручиться поддержкой национальных регионов в своем политическом противостоянии союзному Центру (призыв Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете»).

Таким образом, ситуация, сложившаяся в течение второй половины 1980-х – 1991 гг. характеризовалась позитивным курсом на демократизацию общественно-политической жизни в Чувашии, расширением ее политико-правового статуса на фоне возрастающей общеполитической и экономической нестабильности в стране.

Август 1991 г. коренным образом изменил политическую ситуацию. С этого момента начинаются глубокие трансформации государственных и конституционных основ Чувашской республики. Распад СССР, сложное экономическое положение в стране со всей остротой поставили задачу установления эффективной власти в республике. Ее решение виделось в учреждении института президентства в Чувашии. Вокруг этого сложился консенсус всех основных политических сил: депутатов Верховного Совета, национально-демократического движения, исполнительных структур. В конце августа 1991 г. на VI внеочередной сессии Верховного Совета принимается Закон Чувашской ССР об учреждении поста Президента. Соответствующие изменения были внесены в Конституцию, а также в октябре 1991 г. приняли необходимые законодательные акты. В декабре 1991 г. состоялись первые президентские выборы. Во второй тур прошли два кандидата: от национально-демократических сил (А.П. Хузангай) и представитель номенклатуры (Л.П. Прокопьев). При повторном голосовании А. Хузангай опередил Л. Прокопьева примерно на 3 %, но не был избран, так как получил больше голосов «против», чем «за». Провал президентских выборов приостановил изменение государственных институтов, хотя для их реформирования была уже создана законодательная основа [88, с. 22–23].

13 февраля 1992 г. Верховным Советом Чувашии был принят Закон «Об изменении наименования Чувашской Советской Социалистической Республики», в соответствии с которым республика приобрела наименование «Чувашская Республика – Чăваш Республики».

Важную роль в признании изменившегося статуса государственности Чувашской Республики сыграл Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации. В нем содержалось положение, что республика, входящая в состав России, есть суверенное государство. Согласно Договору Чувашская Республика получила право осуществления на своей территории всей полноты государственной власти, кроме полномочий, отнесенных к ведению федеральных органов. В Договоре определялось, что установленное им разграничение предметов ведения и полномочий не может быть изменено в одностороннем порядке [60, с. 332–336]. Против федеративного договора выступило национально-радикальное движение в лице партии ЧАП, так как «подписание этого текста федеративного договора означает де-факто и де-юре отмену государственного суверенитета Чувашской Республики» [83, с. 18]. Его лидер А.П. Хузангай высказался за «двусторонние договоры между РФ и республиками» [16, с. 51]. Несмотря на противодействие, Федеративный договор был одобрен Верховным Советом Чувашской Республики и подписан делегацией Чувашии в Москве 31 марта 1992 г. Названный Договор 10 апреля 1992 г. одобрил VI съезд народных депутатов России, признавший его составной частью Конституции страны.

Заключение Федеративного договора в тот период сыграло позитивную роль и отчасти стабилизировано этнополитические процессы как в самой федерации,

так и в ее субъектах [27, с. 11]. Он означал дальнейшую децентрализацию управления в пользу расширения прав национальных субъектов и отражал ситуацию, фактически сложившуюся в федеративных отношениях к началу 1990-х гг. [17, с. 142–143].

События 3–4 октября 1993 г. вновь стали переломными в процессах государственного строительства в Чувашии. После разгона Верховного Совета РФ судьба советской системы была предрешена. В октябре 1993 г. были приняты Законы Чувашской Республики «О реформе высшего органа государственной власти и местных Советов народных депутатов в Чувашской Республике» и «О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской ССР «О выборах Президента Чувашской ССР». Кардинальные реформы государственной власти республики произвела XVII сессия Верховного Совета Чувашской Республики (18–20, 24 ноября 1993 г.). Президент стал рассматриваться как глава республики и исполнительной власти с достаточно широкими полномочиями. Создавался новый высший законодательный и представительный орган – Государственный Совет [26, с. 81–82]. На основе Указа Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. «О реформе местного самоуправления Российской Федерации» изменялось местное самоуправление: деятельность Советов разного уровня прекращалась, а их функции возлагались на соответствующие администрации.

12 декабря 1993 г. по итогам всероссийского референдума была принята Конституция Российской Федерации (17 субъектов РФ не поддержали проект Основного закона, среди них и Чувашия, где за Конституцию проголосовало только 41,1 % избирателей [16, с. 57]). Конституция закрепила положения, которые позволили преодолеть два дестабилизирующих момента: с одной стороны, сепаратистские настроения республик (суверенитет вплоть до выхода из состава России), с другой, – возврат к унитарной структуре государства [15, с. 85–90]. Основным законом закрепил федеративное устройство России. В нем прямо или косвенно принципам федерализма посвящена одна треть статей [5, с. 214]. Он признал государственный статус республик в составе РФ. В статье 5 записано: «Республика (государство) имеет свою Конституцию и законодательство».

Вместе с тем Конституция признает суверенный характер исключительно за Федерацией; устанавливает верховенство федерального законодательства, приоритет конституционных норм над положениями Федеративного договора от 31 марта 1992 г., исключенного из окончательного проекта Конституции [54, с. 347].

Конституция РФ 1993 г. означала движение от договорной модели федерации к конституционной (значительно более централизованной). Хотя и после ее принятия концепция договорного федерализма сохраняла серьезное влияние как в теории, так и на практике: были заключены договоры о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между РФ и некоторыми республиками [54, с. 347], в том числе 27 мая 1996 г. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Чувашской Республики. Договор включал положения, что Чувашская Республика самостоятельно определяет систему республиканских органов государственной власти по управлению объектами государственной собственности ЧР; самостоятельно устанавливает и вводит республиканские налоги и сборы в соответствии с федеральными и рес-

публиканскими законами; вправе выступать самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей; назначение на должности и освобождение от должности руководителей территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти осуществляется федеральными органами по согласованию с Президентом Чувашской Республики [60, с. 340–341]. Провозглашенные положения способствовали росту престижа, были гарантом статуса республики как реального субъекта федерации, ее государственности. Характерно, что этот Договор был составлен в двух экземплярах, каждый на русском и чувашском языках.

В 1993 г. в Чувашии прошли новые выборы Президента республики. Во втором туре 26 декабря им был избран бывший министр юстиции РФ Н.В. Федоров. Появление института президентства в Чувашской Республике имело важное значение для преодоления нестабильности, создания сильной исполнительной власти, способной эффективно влиять на происходящие процессы, тесно взаимодействовать с федеральными органами (с 13 сентября 2011 г. название высшего должностного лица и главы исполнительной власти Чувашской Республики – Глава Чувашской Республики). 21 июня 1994 г. к исполнению своих полномочий приступил новый законодательный орган Чувашии – Государственный Совет. Наряду с избранием президента, это событие знаменовало собой начало нового постсоветского этапа развития чувашской государственности.

С реформированием органов власти было тесно увязано конституционное строительство. На протяжении 1990-х гг. разработка новой Конституции ЧР оставалась в проектах, что определялось острой политической борьбой вокруг будущего Основного закона республики различных политических сил: Президент, Государственный Совет, национальное движение, коммунистическая партия. В итоге затянувшегося конституционного строительства 30 ноября 2000 г. была принята четвертая Конституция Чувашской Республики (с учетом не утвержденной Конституции 1926 г.). Она стала важным шагом в истории национально-государственного строительства Чувашии. В ней нашли отражение демократические принципы народовластия, разделение властей, признание высшей ценностью человека, экономические, гражданские свободы и др. Конституция заложила правовые нормы, указывающие на национальный характер государственности республики: это образованное по национальному признаку государство*, которое является субъектом Российской Федерации; указание на сохранение и развитие самобытности чувашского народа; закрепление государственного статуса чувашского языка [25, с. 185–186].

Начало XXI в. и приход к власти В.В. Путина знаменовали новый этап в развитии российской государственности и оказали влияние на процессы национально-государственного строительства Чувашии. Доминирующими в политической жизни страны стали централизация и унификация; вернулись традиционные для имперской и советской России черты управления. В русле процесса «укрепления властной вертикали» республиканское законодательство приводилось в со-

* Законом Чувашской Республики от 24 мая 2012 г. пункт 1 статья 1 Конституции Чувашской Республики («Чувашская Республика–Чувашия есть республика (государство) в составе Российской Федерации») был изложен в новой редакции, из которой исключено слово «государство»: «Чувашская Республика–Чувашия есть республика в составе Российской Федерации» [60, с. 447].

ответствии с федеральным; ввели федеральные округа и институт полномочных представителей; приостановили действие федеративных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий; изменили пропорции в распределении налогов, направляемых в федеральный и региональный бюджеты в сторону первого, и принципы формирования Совета Федерации; ввели порядок отстранения от должности руководителей регионов и роспуска законодательных собраний и др. Это привело к реальному сужению поля самостоятельности национальных республик как субъектов РФ, и они в основном вернулись к тому правовому и фактическому статусу, которым характеризовались советские автономные республики.

Укрепление федерального центра за счет субъектов сделало еще более актуальной задачей выстраивание реальной федерации, не игнорируя полиэтнический характер российского государства; достижение оптимального баланса во взаимоотношениях Центр — регионы. А это возможно только на основе принципа демократического централизма, подлинного самоуправления региональных образований, равноправия субъектов, когда государствообразующими выступают все нации и этнические группы, что отнюдь не преуменьшает исторической роли русского народа, как собирателя российских земель и первосоздателя общего государства [28, с. 223]. Противоположный подход, стремление к всеохватывающей унификации и централизации в целом ведет к снижению эффективности государственного управления, национальной и региональной политики и местного самоуправления, в долгосрочной перспективе — к дестабилизации российской государственности.

Развитие национальной государственности чувашского народа прошло ряд этапов. Созданием автономной области начался первый этап: основной регион обитания этноса получил официальный статус в виде автономной области. С преобразованием области в автономную республику открылись большие возможности для решения вопросов, связанных с самобытностью этноса. И первые два десятилетия были исключительно плодотворными в экономическом, национально-культурном прогрессе чувашского народа.

Со второй половины 1930-х вплоть до середины 1980-х гг. доминирующей в национальной жизни советской страны явилась тенденция к унификации. Социально-экономический рост республики в этот период одновременно сопровождался усилением национального нигилизма во всех сферах жизни. Политико-правовое качество автономии во многом приобрело формальный характер.

Во второй половине 1980-х — 1990-е гг. на волне всплеска национального движения актуальными для Чувашии стали повышение ее политико-правового статуса, признание суверенной природы национальной государственности, расширение ее прав и полномочий; произошли глубокие трансформации институциональных и конституционных основ национальной государственности чувашей.

С начала XXI в. наблюдалось заметное ослабление национального движения; произошедшая десуверенизация республик в составе Российской Федерации привела к тому, что они в основном вернулись к положению прежних советских автономных республик, хотя юридически республики не были преобразованы вновь в автономии. Однако и в сложившейся ситуации институт национально-государственных образований доказывает свою целесообразность. Его

социальное и политическое значение в том, что он обеспечивает защиту самобытности народов, сохранение национально-культурного своеобразия, является гарантией эффективного осуществления прав и свобод человека, средством для благополучного развития межнациональных отношений в многонациональной стране.

Национальная государственность — это динамично развивающаяся в соответствии с конкретными условиями политико-правовая форма права народов на самостоятельное национальное развитие и самоуправление. В зависимости от общего политико-государственного контекста она способна приобретать многообразие форм и видов, разный правовой статус, будучи одновременно и элементом территориального устройства, и гарантией обеспечения правовой и фактической возможности реализовать компактно проживающим этносам национальный суверенитет и политическое самоуправление в федеративном государстве.

Список источников и литературы

1. Андреев В.В. Национально-государственное строительство в Среднем Поволжье на рубеже XX–XXI веков: исторический опыт и уроки. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. 268 с.
2. Ахазов Т.А. Торжество советской социалистической демократии в Чувашии // Чувашии АССР 50 лет. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1970. С. 233–284.
3. Ахазов Т.А. Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашии АССР // Вопросы истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 73. С. 3–25.
4. Ахазов Т.А. О первой Конституции Чувашии АССР // Вопросы истории Советов, партийных и комсомольских организаций Чувашии АССР / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1979. Вып. 92. С. 16–29.
5. Бугай Н.Ф. Советский централизм и авторитаризм: республики и регионы // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. М.: Наука, 2007. С. 198–218.
6. Васильев И. Во глубине // Крестьянская газета. 1917. 25 ноября. № 102. С. 2.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 29.
8. ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 426. Ч. 2.
9. ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 354.
10. ГА РФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 61.
11. Государственный архив современной истории Чувашии Республики. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210.
12. Государственный исторический архив Чувашии Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 188.
13. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 758.
14. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 128.
15. Григорьева А.В. Основы становления федеративного устройства в России // Государство и право. 2009. № 10. С. 85–90.
16. Данилов В.Д. Очерки новейшей политической истории Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2006. 208 с.
17. Данилов В.Д., Малышкин А.П., Дмитриев И.А. Время перемен: Социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии, 1990–2010 гг. Чебоксары: Новое время, 2011. 412 с.
18. Джамаханов Р. Формирование административных границ в России: опыт первых лет советской власти // Вестник российской нации. 2009. № 4(6). С. 127–140.
19. Дмитриев В.Д. Охадер Томеев — чувашский общественно-политический деятель второй четверти XVIII века // Исследования по дореволюционной истории Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 18–30.
20. Дмитриев В.Д. О трудах швейцарского историка А. Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX века // Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1992. С. 3–34.
21. Дмитриев В.Д., Тимофеев В.Г. Первой Конституции Чувашии Республики — 70 лет // Чуваш Ен, 1996. № 10. Март.

22. *Жданова И.А.* Проблема федеративного устройства государства в Февральской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 17–28.
23. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776.
24. Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987): документы и материалы / сост. В.А. Нестеров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 464 с.
25. *Захаров Д.А.* Конституционный процесс в Чувашской Республике в 1990–2000 гг. (Историко-политологический анализ) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей / Чебоксары: ЧГИГН, 2006. Вып. IV. С. 163–189.
26. *Захаров Д.А.* Национальная государственность Чувашии в условиях распада Советского Союза и становления российского федерализма (1990–1993). Чебоксары: Фирма Атолл, 2006. 136 с.
27. *Златопольский Д.Л.* Процесс развития федеративных отношений в России // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1998. № 6. С. 3–16.
28. *Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива: М: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 287 с.
29. *Иванов В.П.* Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.
30. *Иванов В.П.* Некоторые этнодемографические и историко-культурные характеристики чувашского этноса // Чуваши: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 12–34.
31. *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 383 с.
32. *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.
33. *Изоркин А.В.* Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 13–34.
34. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 262 с.
35. История Чувашии новейшего времени. Кн. 2. 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с.
36. К вопросу о расширении территории Чувашской автономной области и преобразовании ее в Автономную Социалистическую Советскую Республику / Изд. облисполкома ЧАО. Чебоксары: Гостипография, 1924. 132 с.
37. К объявлению Татаро-Башкирской республики среди чуваш // Казанское слово. 1918. 18 (5) апреля.
38. Казанский областной съезд // Знамя революции. 1918. 8 марта.
39. Казанский областной съезд // Знамя революции. 1918. 10 марта.
40. *Караетян Л.М., Хачатрян Г.М.* Суверенитет народов в многонациональном государстве // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 13–14.
41. *Клементьев В.Н.* Формирование и развитие советской государственности Чувашии (ноябрь 1917–1993 г.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 47–76.
42. *Клементьев В.Н.* Установление административной границы Чувашии с Марийской республикой (1920–1941 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей / Чебоксары: ЧГИГН, 2006. Вып. IV. С. 78–143.
43. *Клементьев В.Н.* Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1919 гг.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 23–44.
44. *Клементьев В.Н.* Коренизация // Чувашская энциклопедия. Т. 2. Ж–Л. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 491 с.
45. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 383 с.
46. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. Кн. 2: Создание чувашской государственности, 1920–1925. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 383 с.
47. *Кузнецов И.Д.* Борьба за организационное и идейное сплочение Чувашской областной организации КПСС (1921–1930 гг.): тезисы доклада на научной сессии «Некоторые вопросы истории Чувашской областной организации КПСС» / Науч.-исслед. ин-т при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1967. 12 с.

48. *Кутафин О.Е.* Российская автономия. М.: ТК Велби; изд-во Проспект, 2006. 768 с.
49. *Леонтьев А.П.* Провозвестник чувашской печати // ЛИК. 2005. № 4. С. 86–154.
50. *Литвинов В.А.* Исторические причины асимметричности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2013. № 2. С. 114–120.
51. *Любимов В., Юлдашбаев Б.* Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 1967. 239 с.
52. *Макаревский В.В.* Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2008. 125 с.
53. *Матвеева Л.Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье (1917–1936). Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. 260 с.
54. *Медушевский А.Н.* Административные реформы переходного периода: от традиционной системы управления к региональной // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. С. 331–349.
55. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 414. Инв. № 1060.
56. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 761. Инв. № 2387.
57. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1779. Инв. № 3816.
58. Национально-государственное строительство чувашского народа: сб. док. и материалов. В 3 т. Т. 1. Национальное движение чувашского народа (начало XX в. – июнь 1920 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.
59. Национально-государственное строительство чувашского народа: сб. док. и материалов. В 3 т. Т. 2. Образование и становление Чувашской автономии (1920 – июль 1925 гг.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.
60. Национально-государственное строительство чувашского народа: сб. док. и материалов. В 3 т. Т. 3. Национально-государственное строительство Чувашской Республики (1925–2019 гг.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.
61. *Немцева Т.В.* Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской республики // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 57–60.
62. *Нестеров В.А.* Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 352 с.
63. *Николаев Г.А.* Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 38–52.
64. Областной съезд // Казанское слово. 1918. 22 (9) февраля.
65. Общечувашский рабоче-крестьянский съезд. Резолюция о Татаро-Башкирской республике // Знамя революции. 1918. 28 (15) июня.
66. *Павлов Г.П.* Партийное руководство проведением административно-территориальной реформы в Чувашии в 1927 году // Вопросы истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 73. С. 129–133.
67. *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань: Чуваш. отд. Гос. изд-ва Казан. пд. отд., 1921. 24 с.
68. *Петров Д.П.* Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 104 с.
69. Постановления II (VII) Всечувашского съезда Советов (24–31 марта 1927 года) г. Чебоксары. Чебоксары: Изд. ЦИКа ЧАССР, 1927. С. 74.
70. Постановления III (VIII) Всечувашского съезда Советов Чувашской Автономной Сов. Республики 20–29 марта 1929 года. г. Чебоксары. Чебоксары: Изд. ЦИКа ЧАССР, 1929. С. 53.
71. Протокол 1-го общего собрания съезда мелких народностей Поволжья. Казань: Т-во Центральная тип., 1917. 49 с.
72. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. Симбирск: Типо-лит. Испол. ком., 1917. 30 с.
73. Результаты поездки делегации облисполкома в Москву // Чувашский край. 1922. 21 июля.
74. *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы традиционной культуры чувашей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1989. С. 63–74.
75. *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.
76. Рождение республики (воспоминания И.И. Илларионова) // Молодой коммунист. 1990. 29 марта.
77. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф-17. Оп. 67. Д. 299.

78. Сталин сказал: «Между прочим, я – за» // Молодой коммунист. 1990. 5 апреля.
79. *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 253 с.
80. *Трифопова З.А.* Городское население // Чувашская энциклопедия. Т. 1. А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 587 с.
81. *Трофимова И.Н.* Организация управления национальными территориями в России: исторический опыт и современные проблемы // История государства и права. 2014. № 1. С. 27–32.
82. *Усманова Д.М.* Вопросы национально-государственного самоопределения на страницах татарской периодической печати (1917 – апрель 1918): дисс. ... канд. ист. наук. Казань: Казан. ун-т, 1994.
83. *Филиппов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993). М.: Центр цивилизац. и регион. исслед. Ин-т Африки РАН, 1994. 250 с.
84. *Фокин П.П.* Основные направления этнических процессов в Чувашской АССР // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 118–141.
85. *Хабриева Т.В.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Президенте РФ, 2010. 286 с.
86. *Хлынина Т.П.* Советская национальная государственность: понятие, природа, образ. Майкоп: Аякс, 2001. 67 с.
87. *Чеботарёва В.Г. И.В.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.
88. *Шабунин Д.М.* Политическая трансформация региона: изменение государственных институтов и конституционный процесс в Чувашской Республике. Чебоксары: Изд-во ИЧП, 1999. 88 с.
89. *Юман М.* (Д.П. Петров). 1905-мёш сұл (чăвашсен хушшинче пулнă ёссене асăнни). Шупашкар, 1925. 118 с.
90. *Ягудин Ш.Ш.* Политико-правовой статус автономной республики в Советской федерации // Советское государство и право. 1990. № 3. С. 9–18.

V.N. Klementyev

CHUVASH AUTONOMY: GENESIS, FORMATION, DINAMICS OF DEVELOPMENT

Annotation. The article discusses the origin of the idea of autonomy of the Chuvash people, its development against the background of the national movement and socio-political changes in the country, creation of the Chuvash autonomous region, transformation into an autonomous republic, the process of national-state construction of the Chuvash Republic is characterized.

Keywords: autonomy, national movement, Chuvash autonomy, republic, national statehood, national-state construction.

В.П. Иванов

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исторической динамики численности и территориального расселения чувашского народа в период с начала XX по начало XXI в. На материалах переписей населения в сравнительном плане прослеживаются причины и факторы образования диаспорных этнотерриториальных групп этноса, особенности изменений его численности как в Чувашской Республике, так и в других регионах СССР и России. Особое внимание уделяется актуальным аспектам современных этноидентификационных процессов, влияющим на изменение этнодемографических характеристик народа. На основе данных переписей конца XX – начала XXI в. сделана попытка прогнозирования изменения численности чувашей на краткосрочную перспективу.

Ключевые слова: чувашский народ, этнодемография, динамика численности, миграция, перепись, Чувашия, диаспора, перспектива.

Бесспорен тезис, что любая, даже крайне сжатая информация о том или ином народе, будет неполной, если она не содержит сведений прежде всего о численности и географии его расселения. Это обстоятельство приобретает особо важное значение при характеристике этнических общностей, населяющих многонациональные государства, где изменения расселенческих и демографических параметров народов нередко становятся решающим фактором не только собственно этнических, межнациональных, но и политико-государственных процессов. В этом плане анализ исторической динамики численности и расселения чувашского этноса – пятого по численности народа России – представляет особую значимость, тем более, если иметь в виду наличие у него крупных этнотерриториальных групп в целом ряде регионов страны.

Среди российских народов чувашский этнос выделяется рядом весьма специфических расселенческих и этнодемографических характеристик, которые являются результатом длительного исторического развития. Во-первых, чуваша являются одним из крупных этносов страны. В 1989 г. их численность в СССР составляла 1842,3 тыс. чел., в том числе в РСФСР – 1773,6 тыс. чел. В СССР чуваша по численности занимали 16-е место, а по РСФСР – 4-е (после русских, украинцев и татар). Согласно данным переписи 2010 г., они переместились по данному показателю на 5-е место, составив 1 млн 435,8 тыс. чел.

Во-вторых, чувашский народ – один из наиболее дисперсно расселенных: 43,3 % всего его числа (621,1 тыс. чел.) проживает вне Чувашской Республики в других регионах страны. В 2010 г. чуваша были зафиксированы во всех субъектах РФ, а в 57 из них числом 1000 и более чел. Наиболее многочисленно и компактно чуваша живут в Татарстане (116,3 тыс.), Башкортостане (107,5 тыс.), Ульяновской (95,0 тыс.) и Самарской (84,1 тыс. чел.) областях. Значительные группы чувашей, но расселенных менее компактно, имеются в Тюменской обла-

сти (25,7 тыс.), Москве (14,3 тыс.), Оренбургской (12,5 тыс.), Московской (12,5 тыс.) и Саратовской областях (12,3 тыс.), Красноярском крае (11,0 тыс.), Нижегородской (9,8 тыс.), Кемеровской (9,3 тыс.), Свердловской (8,3 тыс.) и Челябинской областях (6,8 тыс.), Республике Марий Эл (6,0 тыс.), в Волгоградской (5,9 тыс.) и Пензенской областях (5,6 тыс.), Республике Коми (5,1 тыс.), Пермском крае (4,7 тыс.), Санкт-Петербурге (4,6 тыс.), Иркутской (4,6 тыс.), Томской (4,0 тыс.) и Омской областях (3,1 тыс. чел.) [5, с. 29].

Значительные по численности группы чувашей находятся в ближнем зарубежье: в Узбекистане – 14 тыс., в Украине – 10 593 (2001 г.), в Казахстане – 7301 чел. (2009 г.). В других странах их численность невелика и составляет, по приблизительным данным, в Туркмении около 3600, Таджикистане – 3400, Беларуси – 1277 (2009 г.), Молдове – около 1 тыс., Кыргызстане – 848 (1999 г.), Литве – 687, Грузии – 542, Латвии – 534, Эстонии – около 500, Азербайджане – 489 чел. [11, с. 17].

В-третьих, чувашаи – один из более чем весомо представленных в своей автономной республике титульных этносов (кроме чеченцев и ингушей), они составляют 67,7 % ее населения. Кроме того, чувашаи преобладают и в составе городского населения.

Согласно данным I ревизии (1723 г.), в России насчитывалось 218 тыс. чувашей. К концу XIX в. (перепись 1897 г.) их численность в империи достигла 843,8 тыс. чел., из них на условной территории современной Чувашии проживало 542,4 тыс. чел. (64,3 % их числа). Почти все чувашаи (99,3 %) были расселены в губерниях европейской части России: в Казанской – 502,0 тыс. (59,9 %), Симбирской – 159,8 тыс. (19,1 %), Самарской – 91,8 тыс. (11,0 %), Уфимской – 60,6 тыс. (7,2 %), Саратовской – 14,4 тыс. (1,7 %), Оренбургской – 5,1 тыс. чел. (0,6 %) [3, с. 152]. Практически все чувашаи жили в сельской местности. В городах Волго-Уральского региона в 1897 г. чувашей-горожан было зафиксировано немного: в Казани – 501 чел., Симбирске – 303, Самаре – 87, Уфе – 40, Саратове – 26, Нижнем Новгороде – 31, Оренбурге – 24 чел. В городах Чувашского края проживали всего 874 чуваша, из них 439 – в Чебоксарах [2, с. 152].

В целом численность чувашей на территории Чувашского края в разные периоды досоветской эпохи имела неровную динамику, что было связано, кроме всего прочего, с «волновым» характером их миграций и переселений.

С образованием в 1920 г. Чувашской автономной области и преобразованием ее в 1925 г. в республику определились административные границы условной этноисторической территории чувашей. Вместе с тем автономия размежевала чувашей на 2 части – титульный этнос и диаспорные группы. По данным переписи 1926 г., из 1 117 419 чувашей 667 695 проживали в ЧАССР, а 449 724 чел. – за ее пределами, что составляло 40,2 % их численности. В РСФСР проживали 1 114 813 чувашей, в том числе 48 516 в Сибири и на Дальнем Востоке, 2276 в Казахской (Казахской) АССР и 12 чел. в Киргизской АССР, входивших в то время в состав Российской Федерации. За пределами РСФСР в 1926 г. чувашаи жили на Украине (905 чел.), в Белоруссии (739 чел.), Туркмении (555 чел.) и Узбекистане (315 чел.), в Закавказской Федерации (92 чел.) [9, с. 110].

Интенсивное промышленно-экономическое развитие и урбанизация в Чувашии и ее активное участие в хозяйственно-культурном строительстве в стране явились фактором усиления не только внутриреспубликанской, но и внешней

миграции чувашей, ускоренного увеличения численности городского населения, усложнения социально-профессиональной структуры этноса.

Что касается изменений этнодемографических характеристик чувашей в целом по стране, то следует отметить, что по СССР их численность в период с 1926 по 1989 г. выросла с 1117,4 тыс. до 1842,3 тыс. чел., на 60,6 %, а по РСФСР – с 1114,8 тыс. до 1773,6 тыс. чел., на 62,8 % (см. табл. 1) [3, с. 118]. Таким образом, рост численности чувашей как в масштабе СССР, так и в пределах России происходил в одинаковой мере. Вместе с тем численность чувашей в самой республике за указанный период увеличилась в сравнительно меньшем объеме – всего на 35,6 %. Объясняется это, главным образом, тем, что чувашское население ЧАССР все годы советской эпохи «вымывалось» миграцией за ее пределы.

Таблица 1

Динамика численности чувашей в Российской империи, СССР и РФ

Годы переписей	Всего по Российской империи, СССР (тыс.чел.)	Республика		Диаспора	
		всего (тыс.чел.)	%	всего (тыс.чел.)	%
1897	843,8	542,4	64,3	301,3	35,7
1926	1117,0	667,7	59,8	449,3	40,2
1939	1369,6	777,2	56,7	592,4	43,2
1959	1469,8	770,4	52,4	699,4	47,6
1970	1694,3	856,2	50,5	838,1	49,5
1979	1751,4	887,7	50,7	863,7	49,3
1989	1842,3 (в РФ – 1773,0)	906,9	49,2	935,4	50,8
2002	1637,2*	889,3	54,3	747,9	45,7
2010	1435,8*	814,8	56,7	621,0	43,3

* Подсчеты произведены только по данным по РФ.

Динамика численности чувашей на протяжении всего XX в. имела неравномерный характер. Если в 1926–1959 гг. (то есть за 32 года) число чувашей в самой Чувашской АССР выросло на 13,3 %, то с 1959 по 1989 г. (то есть за 30 лет) данный показатель составил 15,0 %. Замедленная динамика роста численности чувашей в республике в период до переписи 1959 г. была обусловлена репрессиями и кампанией по раскулачиванию крестьянства в 1930-х гг., потерями в годы Великой Отечественной войны и миграционным выбытием части населения за пределы республики. Неудивительно, что в 1959 г. численность чувашей в ЧАССР была даже ниже (770,4 тыс. чел.), чем в 1939 г. (777,2 тыс. чел.), хотя по стране в целом их стало больше на 7,3 % (с 1369,6 тыс. чел. в 1939 г. до 1469,8 тыс. чел. в 1959 г.). Вместе с тем мы не склонны сбрасывать со счета также и влияние фактора этноассимиляционных процессов, хотя их роль в самой республике в рассматриваемый период была, возможно, и не так значительна.

При среднем ежегодном приросте численности чувашей в 10,8 тыс. чел., выше этого показателя были характерны только для двух периодов – 1926–1939 гг. и 1959–1970 гг. Значительное снижение прироста численности чувашей в 1970–1980-е гг. происходило в условиях общего падения уровня рождаемости

в стране, из-за массового переселения молодежи из села в город, уменьшения детности прежде всего городских семей. Именно с этого времени получают распространение среди городских чувашей национально-смешанные браки, дети от которых в абсолютном большинстве случаев принимают русскую национальность. Это явление в большей мере характерно для дисперсно расселенных групп. Например, если из числа чувашей Чувашской республики назвали русский язык в качестве родного языка в 1979 г. 10,0 %, а в 1989 г. — 15 %, то соответствующие показатели по чувашам других регионов РСФСР оказались выше — 24,6 % и 30 %.

Как и в предыдущий период, в XX в. абсолютное большинство чувашей находилось в Поволжье и Приуралье. Между тем, если в 1926 г. здесь было сосредоточено 94 % всего их числа, то к концу столетия — 80 %. Такое изменение было обусловлено начавшимся еще в 1920–1930-х гг. оттоком части поволжско-приуральских чувашей в другие регионы страны. В 1920-е гг. они переселялись в основном в сельскохозяйственные районы, в последующий период — в города. Немалая часть чувашей попала в Сибирь, а также на север страны (например, в Коми АССР) в ходе раскулачивания крестьянства, а также массовых репрессий в 1930-х — начале 1950-х гг. Рассекреченные материалы переписи 1939 г. это полностью подтверждают [1, с. 57–68].

В период послевоенного восстановления экономики, освоения целинных и залежных земель в восточных и юго-восточных регионах вновь усиливается, особенно начиная с 1951 г., миграция чувашей на восток и в Казахстан. Между переписями 1939 и 1959 гг. межрегиональные миграции были исключительно интенсивными. Именно в указанный период чувашаи стали переселяться в Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан, Молдавию, Прибалтику, где быстро росла сеть новостроек и требовались рабочие руки.

Новый цикл переселений чувашей приходится на конец 1960-х — 1970-е гг. В это время серьезные миграционные сдвиги начинаются внутри самого Поволжско-Приуральского региона, обусловленные активизацией здесь промышленного и городского строительства, интенсивным развитием топливно-энергетического комплекса. В 1970-е — начале 1980-х гг. значительный поток чувашей направляется в Западную Сибирь в связи с освоением газонефтедержащих районов Тюменской области.

Характерной особенностью территориального размещения этноса в 1970–1980-х гг. явилось широкое расселение в относительно новых, ранее не «традиционных» для него регионах. Так, в период 1970–1989 гг. численность чувашей в Волго-Уралье увеличилась всего на 6–7 %, но она заметно возросла в областях Центральной и Южной России (1,2 раза), Северо-Западе России (на 75 %), Западной Сибири (на 25 %), на Дальнем Востоке (на 47 %).

В период 1970–1980-е гг., когда доля горожан среди чувашей СССР увеличилась почти вдвое — с 29,1 % (1970) до 50,8 % (1989), процессы его деэтнизации начали приобретать все более активный и масштабный характер. Городское население, по существу, уже перестало обеспечивать воспроизводство этноса по причине активной вовлеченности в ассимиляционные процессы. В итоге за период между переписями 1989 и 2002 гг. произошло уменьшение численности чувашей в РФ на 7,7 %, причем данная тенденция наблюдалась во всех регионах. Однако это не означает, что произошел их массовый миграционный исход. В таком случае в той или иной мере наблюдалось бы прибавление чувашей в

других регионах страны, в том числе в Поволжье и, прежде всего, в самой Чувашии. Таким образом, налицо последствия процесса деэтнизации молодого поколения диаспорных групп народа.

Следовательно, изменения численности чувашей во второй половине XX в. обуславливались не только уровнем их рождаемости (он у них всегда был и остается относительно высоким) и интенсивностью миграционных перемещений, но и сменой этнического самосознания, темпами обрусения городского населения. Именно среди диаспорных групп чувашей процесс деэтнизации протекает весьма активно: за 1989–2002 гг. снижение их общей численности составило 13,7 %, в то время как у чувашей Чувашской Республики – лишь 1,9 %.

В целом за весь период наблюдений за демографическим движением чувашей (XVIII–XX вв.) численность этноса увеличилась в России в 8,5 раза. Поэтому никак нельзя согласиться с расхожим мнением, что в царской России чувашаи физически «вырождались». В советский период чувашаи имели наиболее высокие темпы прироста своей численности. Особенность этнодемографии чувашей в XX столетии заключается в том, что темпы роста их численности были в разы выше среди диаспорных групп, чем в Чувашии, что однозначно связано прежде всего с постоянным миграционным оттоком за ее пределы.

Усилившиеся в третьей четверти XX в. процессы ассимиляции наиболее интенсивно протекали в диаспоре, чем в автономии. В итоге на рубеже XX–XXI вв. – в период между переписями 1989 и 2002 гг. – впервые произошло не увеличение, а снижение численности чувашей, главным образом, за счет живущих за пределами республики, и этот процесс, скорее всего, имеет необратимый характер, поскольку в значительной мере он связан с глобализацией культур и сменой этнической идентичности урбанизированной части этноса.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. показали, что за время, прошедшее после последней советской переписи 1989 г., когда был отмечен «пик» наивысшей численности чувашей как в целом по СССР (1 млн 842,3 тыс. чел.) и по РСФСР (1 млн 774 тыс. чел.), так и в Чувашской Республике (906,9 тыс. чел.), этнодемографическое состояние чувашского народа заметно изменилось. Перепись 2010 г. зафиксировала численность чувашей в России на 12,3 % (или на 200 тыс. чел.) меньше, чем при переписи населения 2002 г.

В общей сложности за 1989–2010 гг. численность чувашей в целом по РФ уменьшилась на 337 тыс. чел. (19,0 %). Отдельно по Чувашской Республике – на 92,1 тыс. чел. (10,2 %), отдельно по диаспоре – на 314,4 тыс. чел. (33,6 %). При этом интересно отметить, что в условиях повсеместного сокращения в регионах России численности чувашей к 2010 г. в их территориальном размещении существенных изменений не произошло. Абсолютное большинство расселено, как и прежде, в Поволжье. В Приволжском федеральном округе (ПФО) проживает 88,6 % всех чувашей России, в Уральском ФО – 2,9 %, Центральном ФО – 2,8 %, Сибирском ФО – 2,8 %, Северо-Западном ФО – 1,3 %. Между макрорегионами произошла некоторая перегруппировка показателей доли чувашей, которая по сравнению с 1989 г. повсеместно сократилась, но одновременно повысилась в целом по регионам, входящим в состав ПФО (с 83,6 % до 88,6 %). Заметно уменьшилось чувашское население Дальневосточного федерального округа (с 21,4 тыс. чел. до 7,4 тыс. чел.), Сибирского федерального округа (с 91 тыс. чел. до 40,5 тыс. чел.). Существенное сокращение численности чувашей за период 1989–2010 гг. в

отдельных регионах России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, не связано с массовой миграцией, а скорее всего с процессом деэтнизации части молодого поколения тех групп чувашей, что проживали в отдалении и отрыве от метрополии, тем более что их этнокультурная социализация протекала в сложные и противоречивые десятилетия конца XX – начала XXI в. [9, с. 123].

Таким образом, как в самой Чувашской Республике, так и в диаспоре к концу XX – началу XXI в. наметились и продолжают сохраняться негативные явления, характерные в целом для большинства регионов России: сокращение естественного прироста населения, увеличение смертности, особенно в сельской местности. Если в 1990 г. общий коэффициент рождаемости (чел. на 1 тыс. жителей) составлял 15,8, то в 2012 г. – 14,0, соответственно коэффициент смертности – 10,1 и 13,3, коэффициент естественного прироста – 5,7 и 0,7, коэффициент иммиграционной убыли (на 10 тыс. населения) – 37 и 18 [7, с. 39, 40]. К концу XX в. усилился процесс «старения» и увеличения среднего возраста населения республики. Перепись 2010 г. зафиксировала, что средний возраст населения республики составил 38,7 лет против 37 по переписи 2001 г. [7, с. 39, 40].

Данные как советских переписей, так и двух последних (2002 и 2010 гг.) по республике стабильно показывают высокое число рождений у татарок и чувашек, сравнительно меньшее – у русских и мордовских женщин. Так, доля женщин, родивших 3 и более детей, составила в целом по Чувашии 18,7 %, в том числе среди чувашек – 22,1 %, татарок – 30,3 %, мордвы – 19,9 %, русских – 9,4 % [10, с. 41]. При этом число детей в городских семьях у русских, чувашей и мордвы примерно одинаково. Сравнительно высокая рождаемость у татар и чувашей обеспечивается сельским населением.

У основных этнических групп республики наблюдаются близкие соотношения численности мужчин и женщин, но в целом последние преобладают.

В советское время удельный вес горожан среди чувашского населения России вырос существенно (1,8 % – в 1926 г., 7,8 % – 1939 г., 49,8 % – 1989 г.). Данный показатель оставался в целом высоким и в 2002 г. (51,3 %), и в 2010 г. (49,0 %). Горожан среди чувашей диаспоры больше в тех регионах, где они поселились в советское время, точнее, наиболее высокий их процент отмечен там, где они появились в относительно позднее время – в 1960–1980-е гг. – и преимущественно сразу обосновывались в городских поселениях. Еще в 1989 г. был зафиксирован сравнительно высокий удельный вес чувашей-горожан на Северо-Западе России (83,3 %), Дальнем Востоке (76,4 %), Центральной России (73,8 %), Западной Сибири (67,0 %), чем в Чувашской Республике (45,5 %) и на территориях исторически раннего и массового их расселения (Поволжье – 46,2 % и Южное Приуралье – 51,5 %) [4, с. 25].

Размещение чувашского городского населения в регионах Среднего Поволжья и Приуралья в основном совпадает с их сельскими ареалами, то есть в большинстве своем они живут в городах, расположенных на территории своего исторически раннего и сравнительно компактного проживания. Например, в Ульяновской области – в городах Ульяновск, Димитровград, Сенгилей, в Самарской области – Похвистнево, Тольятти, Самара, в Татарстане – Набережные Челны, Нижнекамск, Нурлат, Альметьевск, Тетюши и Буинск, в Башкортостане – Стерлитамак, Белебей, Салават и Уфа, в Саратовской области – Балаково и Вольск, в Оренбургской области – Абдулино, Бузулук и Бугуруслан.

Что касается городского населения собственно Чувашии, то здесь в советскую эпоху произошли весьма серьезные изменения. Если в 1926 г. 85,7 % горожан составляли русские, то чувашей среди них было всего 11%. К 1989 г. доля чувашей среди городских жителей составила 54,7 %, русских – 40 %. Перепись 2010 г. не зафиксировала кардинальных изменений по сравнению с данными 1989 г.: доля чувашей среди горожан составила 52,2 %, русских – 37,3 %. В то же время в общей массе населения республики чувашаи уступают русским по степени урбанизации – только 47,2 % чувашей проживает в городах (русских – 84,9 %), но при этом превосходят татар (35,0 %) и немного отстают от мордвы (49,6 %). В Чебоксарах доля чувашей составляла в 1979 г. 57,7 %, 1989 г. – 61,7 %, 2002 г. – 62,0 %, 2010 г. – 58,5 %; в Новочебоксарске – соответственно, 47,0 %, 52,5 %, 54,3 % и 50,0 %, а в Канаше – 50,0 %, 53,9 %, 56,8 % и 53,0 % [6, с. 16–28].

Важную роль в урбанизационных процессах в республике играет ее столица – Чебоксары: в 1989 г. здесь проживало 54,5 % всех горожан и 31,4 % всего населения Чувашии. К переписи 2010 г. данные показатели изменились незначительно и составили соответственно 61,7 % и 36,3 %. Тот факт, что чувашаи составляют более половины (58,5 %) населения Чебоксар, являет собой одну из отличительных и важных особенностей региональной этнодемографической ситуации, тем более, если иметь в виду, что в столицах национальных республик Поволжья и Приуралья титульные этносы представлены не столь значимо, как чувашаи в Чебоксарах (для сравнения: башкиры в Уфе составляют 16 %, удмурты в Ижевске – 15 %, мордва в Саранске – 21,8 %, татары в Казани – 47,6 %, марийцы в Йошкар-Оле – 23,3 %).

В довоенный период XX в. Чувашия была аграрным регионом. В 1926 г. доля сельского населения составляла почти 95 %, в 1939 г. – 87,8 %. В 1926 г. сельскими жителями являлись 99,3 % чувашей, 98,6 % татар, 97,7 % мордвы и 78,4 % русских. К 2010 г. в селе проживали лишь 52,8 % всех чувашей республики, 65,0 % татар, 50,4 % мордвы и только 15,1 % всех русских.

На территории республики чувашское сельское население исторически расселено компактными массивами. В 19 из 21 района республики как в советскую эпоху, так и в сегодняшнее время чувашаи составляют абсолютное большинство селян (от 70 % до 98 %).

По данным переписи 2010 г., более 90 % сельского населения составляют чувашаи в Аликновском, Красночетайском, Яльчикском, Моргаушском, Урмарском, Красноармейском, Канашском, Мариинско-Посадском, Цивильском, Вурнарском и Ядринском районах, не менее 80 % – в Чебоксарском, Янтиковском, Козловском, Ибресинском, Шумерлинском и Шемуршинском районах, 70,5 % и 67,3 % соответственно в Батыревском и Комсомольском районах. Незначительно представлены чувашаи в Алатырском (22,0 %) и Порецком (4,6 %) районах. Этнический состав населения сельских районов за последние годы не изменился: если доля чувашей-селян в 1989 г. составляла 85,5 %, то в 2010 г. всего лишь немногим меньше – 83,5 % [7, с. 16–28].

Современная Чувашия – регион многонациональный. Население республики насчитывает 1 251 619 чел. (2010). Из них указали свою национальность 1 203 550 чел., то есть 96,2 %. Всего в Чувашии проживают представители 108 народов и 8 этнических групп (в 2002 г. было зафиксировано 97 национальностей и 9 этнических групп). Вместе с тем из числа указавших свою этническую при-

надлежность только четыре национальности составляют абсолютное большинство (94,6 %) населения республики, а именно 814,8 тыс. чел. насчитывают чуваша (65,1 % от числа указавших свою национальную принадлежность), 323,3 тыс. чел. — русские (25,8 %), 43,2 тыс. — татары (2,7 %) и 13,3 тыс. — мордва (1,0 %). Значима численность еще только у украинцев (4,7 тыс. чел.), марийцев (3,6 тыс. чел.), белорусов (1,4 тыс. чел.) и армян (1,3 тыс. чел.). Остальные 100 национальностей представлены группами не более 1000 чел.

Как было выше отмечено, одним из важных факторов колебаний этнодемографических процессов в республике являются миграционные перемещения, которые к концу советской эпохи приобрели интенсивный характер. Так, в 1990–2013 гг. они характеризовались устойчивой тенденцией убыли (с 37 чел. на 10 тыс. населения в 1990 г. до 21 чел. в 2014 г.). Миграционные процессы были сосредоточены в самой республике и в пределах ПФО. Отток из республики наблюдается и в Центральный (в том числе в Москву и Московскую область — 1,4 и 3,7 тыс. чел.), и в Северо-Западный (в том числе в г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область), Уральский федеральный округа. В то же время, несмотря на миграционную убыль населения, в течение XX в. пропорции численности основных национальностей республики и характер их территориального размещения не подвергались большим изменениям: в общем составе населения стабильно преобладали чуваша (от 74,6 % в 1926 г. до 67,7 % в 2010 г.) [9, с. 109].

Таблица 2

**Динамика численности поволжско-приуральских народов
в период 2002–2010 гг.**

Народы	2010 г. (тыс.чел.)	Снижение численности в период 2002–2010 гг.		Изменение удельного веса в составе населения своих республик (%)	
		тыс.чел.	в %	2002 г.	2010 г.
Чуваши	1435,9	1637,1	12,3	67,7	65,1
Татары (в т.ч. астраханские, сибирские, мишари, кряшены)	5310,6	247,4	4,5	52,9	53,1
Башкиры	1584,6	89,2	5,3	29,7	28,8
Мордва	744,3	103,0	11,9	31,9	39,9
Марийцы	547,6	57,2	9,5	42,9	41,8
Удмурты	552,3	84,6	13,3	29,3	27,0

Вместе с тем в конце XX — начале XXI в. для многих поволжских этносов во весь рост встала проблема негативных последствий интенсивных этноидентификационных процессов. В ходе переписи 2002 г. и особенно 2010 г. многие народы отметились минусовыми показателями динамики численности, в том числе, как уже было отмечено, к 2010 г. чувашей в России стало меньше на 200 тыс. чел. (см. табл. 2) [5, с. 29–41].

Уже самый общий анализ данных переписей населения начала XXI в., если их рассматривать с точки зрения выявления природы раскрутившихся с конца XX в. негативных этноидентификационных процессов и предположительных тен-

денций их развития на 20–30-е гг. XXI в., volens-nolens указывает на неутешительные прогнозы. Сложившаяся специфика этнонациональных параметров у народов Волго-Уралья в 1950–1960-е гг., в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в. подверглась и продолжает подвергаться сильнейшему комплексному воздействию дотоле непривычных общественно-экономических факторов, обусловленных катастрофическими последствиями ликвидации советского строя и перехода на рыночные отношения, а также внедрением новых паспортов без указания национальной принадлежности их владельцев.

По-видимому, в конце XX в. все народы региона в своем этническом развитии перешли тот условный рубеж, после которого у них начался этап деэтнизации, прежде всего у тех их частей, что расселены за пределами автономий. При этом для всех определенно ясно, что снижение численности того или иного этноса совсем не тождественно депопуляции или физическому исчезновению его представителей, а чаще означает смену ими этнической идентичности, то есть ассимиляцию в пользу другого народа со всеми вытекающими отсюда последствиями [9, с. 152].

Какие ожидаются перспективы с учетом неуклонного снижения численности чувашей, не идентифицирующих себя таковыми, начиная с 1989 г.? Если исходить из прогрессии ежегодного показателя снижения, которая имеется по периоду 1989–2002 гг. (то есть ежегодно на 10 тыс. чел.) и по 2002–2010 гг. (по 25 тыс. чел.), то к следующей переписи (ориентировочно в 2021 г.) показатель ежегодного снижения может составить порядка 50–60 тыс. чел.

Следовательно, к очередной переписи чувашский народ «потеряет» 500–600 тыс. чел. В итоге численность тех, кто еще будет себя называть чувашами, составит 900 тыс. чел. – 1 млн чел. Есть много оснований полагать, что, это еще, возможно, достаточно оптимистический прогноз.

Список источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
2. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 383 с.
3. Иванов В.П. Проблемы этнографии чувашского народа. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. 668 с.
4. Иванов В.П., Матвеев Г.Б. Этнокультурный портрет Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 199 с.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. М., 2012. Т. IV, кн. 1: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=86.
6. Национальный состав населения Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сборник. Чебоксары: Чувашстат, 2012: https://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/resources/ec4ee30042819bac80ee5cc2d59c15b71/Национальный+состав.zip.
7. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 244 с.
8. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.
9. Чуваш. М.: Наука, 2017. 656 с.
10. Чувашская Республика: история и современность. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 222 с.
11. Ягафова Е.А. Чувашская «диаспора» на постсоветском пространстве. Самара: ПГСГА, 2013. 180 с.

V.P. Ivanov

**ETHNODEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CHUVASH PEOPLE
IN THE XX – EARLY XXI CENTURY: FEATURES AND PROBLEMS**

Annotation. The article deals with the problems of historical dynamics of the number and territorial settlement of the Chuvash people in the period from the beginning of the XX to the beginning of the XXI century. On materials of population censuses in comparative terms, traced the causes and factors of formation of Diaspora ethno-territorial groups of the ethnic group, especially the changes in the population in the Chuvash Republic and other regions of the USSR and Russia. Special attention is paid to the actual aspects of modern ethnoidentification processes that affect the change of ethnodemographic characteristics of the people. Based on census data from the end of the XX – beginning of the XXI century, an attempt is made to forecast changes in the Chuvash population in the short term.

Keywords: chuvash people, ethnodemography, population dynamics, migration, census, Chuvashia, Diaspora, perspective.

Т.Ю. Красовицкая

ФЕДЕРАЛИЗМ ТЮРКСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В МОДЕРНИСТСКИХ И БОЛЬШЕВИСТСКИХ СХЕМАХ НОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье анализируются проекты федерального устройства тюркских этносов в государственном механизме РСФСР. Особое внимание обращено на тюркистские и автономистские проекты, их связь с «ориенталистской» дихотомией «Восток – Запад», с политическим и идеологическим дискурсом интеллектуальной и культурной позиции большевиков. Рассмотрена специфика проектов отдельных элит тюркской языковой группы, их использование Сталиным в структуре своего наркомата.

Ключевые слова: проекты федерального устройства, специфика, тюркские элиты, «ориентализм», большевизм, тюркизм, автономизм, Сталин.

К 1917 г. национализм и интернационализм – две версии западной прогрессивной парадигмы модерны – противостояли миру Традиции. Они активно обсуждались в кругах тюркских элит как представления народов о себе и о других. Преобладал интерес к национальным лозунгам, теме нации, национальной идентичности, важным модерну. У каждой этнической группы элит имелись представления о федерализме и – на его основе – проектах встраивания в новый государственный механизм России. Федеративные проекты осмыслили «внешний» план: комплексы представлений о форме связи с Центром, с соседом, с собственной и соседней идентичностью. Обсуждения наполнялись «воображенной историей», художественной литературой, структурой общества.

Большевики связывали тюркско-мусульманский вариант федерализма с ориентализмом. В основе лежала дихотомия «Восток – Запад», изначальное деление географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Ориентализм был далек от политического и идеологического дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Тот опирался на значительное количество нарративов о своем прошлом, большевикам *не интересным!* Но как «знание второго порядка», он утверждался в интеллектуальном пространстве российских тюрков. Хотя приходилось ощущать на себе ориентализм как синоним слабости Востока, так и триумф западной модели знания, управления и развития. Неудивительно, что методологически и интеллектуально ориентализм был более зависим от Запада, чем от Востока, но тюркским элитам удавалось успешнее мобилизовать своих адептов. Этносы на востоке бывшей империи было достаточно. Многочисленны и их элиты, и их проекты федерации.

Российские тюрки отвергли *османизм* как политическую концепцию государственного устройства, хотя И. Сталин их подозревал в симпатиях к нему. *Тюр-*

клизм не был «турецким импортом», хотя еще П. Столыпин запугивал им как перспективой «отуречивания». Правда, рамки идеологического тюркизма выходили за пределы российского социокультурного пространства. Тюркские этносы, конечно, не представляли собою современные однородные культурные сообщества. Но в федеративных конструкциях их элит отражались полезные цели Окцидента: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование.

Российские сторонники тюркизма понимали необходимость модернизировать формы жизни, активизировать межкультурные взаимодействия.

Элиты хотели сохранить локальную культурную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис: только народ образует законный источник суверенной власти. Этой позиции больше соответствовала такая форма федерации, как союз государств. До созыва Учредительного собрания накапливался опыт формирования протофедеральных структур власти и управления.

Сталин воспринимал федерализм в схемах большевизма и ориентировался не на реальную демократизацию власти, а на «преодоление национального гнета». Но окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Эти «национальные правительства» и слышать не хотели о социалистической революции [33]. Он изначально нацелен на политику более централистскую.

С этой точки зрения Сталину было необходимо знание проектов, планов, вынашиваемых элитами, правомочий, что наполнят власть больших пространств. Главная его цель: видеть слабые места в позициях соперников.

Тюркские элиты и их федеральные проекты разогрели политическое поле. Они, конечно, видели неудачный перенос на Восток западных практик, но хотели провести модернизацию своих культурных ресурсов [24, с. 186]. Первым необходимым шагом они считали создание институтов власти. Об их интеллектуальных способностях в ноябре 1918 г. в Константинополе сообщил представителям стран Антанты лидер Мусавата А.М. Топчибаев: «Сразу же после распада Закавказской Федеративной Республики Национальным Советом Азербайджана ... сформировано правительство (Кабинет), состоявшее из 12 министров. Получив блестящее образование в лучших европейских и русских университетах и высших технических учебных заведениях, о чем свидетельствует наличие в составе Кабинета четырех докторов права, четырех инженеров, трех докторов медицины и одного доктора филологии» [35, с. 30].

Правительство Алаш-Орды состояло из 25 комиссаров (15 казахов). 8 членов из 15 имели высшее юридическое образование, 4 избирались депутатами Государственной думы. 5 членов Алаш-Орды (А. Букейханов, М. Чокай, М. Тынышбаев и др.) занимали должности комиссаров Временного правительства, двое (А. Букейханов, М. Тынышбаев) являлись членами Чрезвычайного комитета Временного правительства по управлению Туркестаном, двое имели солидный опыт работы в судебной системе. Среди кандидатов в комиссары Алаш-Орды были востоковед, инженер железнодорожного транспорта, военный врач, агроном, ученый-лесовод, математик и другие высококвалифицированные кадры. Все 15 членов Алаш-Орды избраны в Учредительное собрание [23, с. 87]. Структуры и термины структур власти казахи перенимали у сибирских областников [2, с. 302].

Усложняла тюркско-мусульманские проекты сложная комбинаторика этнического и конфессионального. Эти аспекты мультиплицировались, генерируя модели, адекватные разным социокультурным условиям в обществе. В июле 1917 г. С. Максуди оставался сторонником создания большой политической нации российских тюрков, хотел объединить родственные ресурсы. Его ставки на религию как связующий фактор вполне понятны. Ислам мог превратиться в интегратор культурной идентичности. Важным принципом самоидентификации тюркских народов, их знаменем, а не только формальным признаком языкового сходства предстояло стать *тюркизму*. В тюркском мире проект выделялся соотношением религиозной и светской власти. Цель Милли Идаре: поставить духовную власть под контроль светской: администрация опиралась на светские корпорации и коллегиальные формы. В этом проекте доминировала татарская элита [37, с. 66].

По мнению Х. Максуди, основным лозунгом тюркистов было: «В национально-культурной жизни тюрки Внутренней России и Сибири, не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма и объединять вокруг этого знамени культурные дела» [36].

Влиятельные группы элит пытались использовать близость и родство всех интеллектуальных ресурсов и наработок, этнокультурную ситуацию в тюркском сообществе в целом, чтобы добиться признания за тюркскими этносами права самостоятельной публично-правовой корпорации.

Провозглашение особого штата на Волге и Южном Урале (Идель-Урала) предоставлено Учредительному собранию. Коллегия по осуществлению автономии Урало-Волжского штата (КУВШ) должна обеспечить созыв съезда в Уфе, определить границы штата, принять временную конституцию штата и создать структуры управления.

Национальное собрание (Миллэт Меджлиси) открылось в Уфе 22 ноября 1917 г., в нем участвовало более 80 чел. Председателем избран С. Максуди; его заместителями – И. Ахтямов, И. Алкин. В этот день Национальное собрание приняло «Основы национально-культурной автономии мусульман внутренней России» как Конституцию. 16 января 1918 г. Конституция опубликована в официальном органе Национального управления в журнале «Мухтариат» [21, с. 505].

3 января 1918 г. на сессии Миллэт Меджлиси, выступая от имени КУВШ, Г. Шараф доложил о трех проектах проработки территориального, демографического и этнокультурного аспектов.

Миллэт Меджлиси остановился на втором проекте, известном как «вторая карта Идель-Урала». Вмешательство Центра в вопросы образования, развития духовности и культуры штата Идель-Урал считалось недопустимым, но признавалось согласие решать сложные вопросы путем открытых дискуссий и убеждений.

Правовой базой для воплощения проекта в жизнь стало принятие 5 января 1918 г. Всероссийским учредительным собранием «Постановления о государственном устройстве России». В соответствии с ним на следующий день Миллэт Меджлиси заявил о рождении субъекта новой федерации: «Идель-Урал Юлъясе, являясь по способу своего правления народной республикой, вместе с другими “улъяк” (государствами) образует Российскую Федеративную Республику» [38, с. 15]. Документ должен претерпеть изменения в переговорах с центральным правительством.

Лидер башкирского национального движения А.-З. Валидов на заседании Миллэт Меджлиси не поддержал проект. 6 января 1918 г. он заявил: «общешарифский съезд учредил Автономную Башкирскую республику. С согласия Башкирского курултая создается временное правительство под председательством Ш. Манатова». Против Идель-Урал штата от имени Мусульманского комиссариата в Казани в конце февраля 1918 г. выступил и М. Султангалиев. Произошло размежевание татар и башкир относительно общей публично-правовой корпорации тюркских этносов в Российской Федерации.

Г. Исхаки публично обвинил Валидова в расколе тюркского единства, назвав его амбициозным молодым человеком: «Заки Валиди ... вместе с провокатором Шарифом Манатовым, обидевшись на то, что их не избрали в Центральный комитет I Всероссийского съезда, подбрасывают на политическую арену “башкирский вопрос”». Мотивы конфликтов и с другими деятелями, считал Исхаки, в стремлении занять руководящий пост. Поддержал Исхаки М. Чокаев [14, с. 91].

Чувашские депутаты в Учредительном собрании эсеры Д.П. Петров-Юман и Г.Ф. Алюнов планировали использовать проект Идель-Урала: чувашаи (тюркоязычные христиане) в их представлении не имели достаточных ресурсов для национально-территориального штата. Но они и «не возлагали никаких надежд на советскую власть в деле разрешения национального вопроса», — писал чувашский эсер А.Д. Краснов.

Проект вхождения в «штат, который предполагают в ближайшем будущем осуществить мусульмане в местностях с тюрко-татарским, финским и русским населением» чувашские лидеры сочли перспективным сложением политических ресурсов: «у мусульман для осуществления своих стремлений имеются и силы, и инициатива». В проекте они видели свой этнос самостоятельным субъектом и штата, и России как федерации. Чувашаи заняли бы положение «третьей силы», что не только смягчало бы противоречия между тюрко-татарской мусульманской и русской православной элитами и уберегло от гражданской войны внутри штата [11, л. 20–21]. Сотрудничество с родственными тюрками открывало бы путь к общероссийским ресурсам, прежде всего культуры, их развитию и обогащению. Всероссийский чувашский военный съезд 12 января 1918 г. в Казани принял этот вариант самоопределения чувашей в федеративной России.

На II Всероссийском мусульманском военном съезде 8 января — 18 февраля 1918 г. готовилось провозглашение штата Идель-Урал. На съезд прибыли представители башкирского, чувашского, марийского, литовского, польского, белорусского, татарского народов, Украинской центральной рады и др.

19 января решение о вхождении чувашского народа в создаваемый штат принято практически единогласно. Решено провозгласить штат до 25 января. Избрана контактная комиссия для взаимодействия со специальной мусульманской коллегией. Но не утихали споры татарских и башкирских деятелей. Председатель башкирской фракции съезда Т. Имаков доказывал: «нужно придерживаться такой идеи: первоначально утвердить Башкирский штат, а затем к Башкирии присоединить Казань» [40, с. 52].

1 февраля 1918 г. в Казани должен состояться областной съезд Советов: «И, безусловно, этот съезд будет против штата, — отмечал чувашский лидер И.В. Васильев, — ... вот почему: Советы состоят главным образом из русских,

притом большевиков. А отношение и большевистской власти к национальному движению известно. Поэтому осуществление штата после съезда может привести к гражданской войне» [27, с. 342]. Так, по сути, и произошло.

На другом конце России события октября 1917 г. активизировали этнокультурное движение. Якутские интеллектуалы выступили его идеологами. В далекую Якутию М.К. Амосову 13 октября 1917 г. из Томского учительского института писал П.А. Ойунский: «Нам необходима автономия территориально-национальная и культурная, полная, вплоть до федеративного устройства». К концу 1917 г. Якутский трудовой союз федералистов насчитывал 1198 членов в 20 комитетах [10]. Его лидеры — Г.В. Ксенофонтов, историк, избранный в Учредительное собрание, В.В. Никифоров, кадет с 1917 г., С.А. Новгородов, лингвист, и др. уделили большое внимание развитию якутской культуры. «Каждая народность, населяющая Россию, — подчеркивалось в программе, — имеет право на полное культурное самоопределение, употребление родного языка в общественной жизни и публично-правовых учреждениях, открытие национальных школ, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы, культуры и самобытности каждой народности» [30].

26–29 ноября 1917 г. в Коканде на IV Чрезвычайном Всетуркестанском съезде Туркестан объявлен автономией Федеративной демократической Российской республики. С проектом «Юго-Восточного союза» выступил атаман А. Дутов. Он предложил объединить области казачьих войск, казахские, киргизские, калмыцкие, башкирские земли к югу и востоку от Оренбурга, а также земли кавказских горцев и азербайджанских татар. Вопрос вызвал бурные прения [1, с. 21–23]. С. Герцфельд, будущий министр финансов правительства Кокандской автономии, отмечал: «Утром выступал в защиту мусульман против некоторых зубров. Говорил о федеративной республике, национальном самоопределении и т.п. Имел грандиозный успех» [13].

Создан Временный Совет. Председателем и министром внутренних дел избран М. Тынышпаев, бывший депутат Государственной думы из Мусульманской фракции. Сменил Тынышпаева тюркист М. Чокай. Он считал: «каждый тюркский этнос может представить собственный проект федерации, но построить с ходу полнокровное государство нелегко; для этого нет ни кадров, ни опыта ... Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география». Этот подход разделял Ш.-И.С. Шагиахметов, избранный в Учредительное собрание. Близкий народным социалистам, он примыкал к «ленинскому течению», но был членом Всероссийского Милли Шура. Во Временном правительстве Кокандской автономии первого состава он — вице-премьер.

Провозглашенный 16 февраля Идель-Уральский штат (Забулачная республика) ликвидирован большевиками 16 марта 1918 г. Это означало, что реальный федерализм будет существенно отличаться от заявленного большевиками в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа на III Всероссийском съезде Советов.

Хотя федеративные проекты тюркистов оспаривали те, кто в основу закладывал интересы отдельных этносов (А.-З. Валидов и др.), тюркско-мусульманские федералистские проекты вполне могли обсуждаться новой властью, учитывая декларации советской власти о Советской федеративной республике. Вы-

шеупомянутые мотивы (и отношение к европейским практикам, и влияние тюркских ресурсов на осмысление перспектив культур, а в нем — и судьба родных языков, и авторитет проектов И. Гаспринского, в разном соотношении заполняли горячую атмосферу Петрограда. Не стоит сбрасывать со счетов и личные мотивы: опасения потерять связи и поддержку.

Как же повел себя Сталин, с учетом того, что Учредительное собрание было большевиками разогнано? Он начал переговоры с некоторыми членами Учредительного собрания. Информация об их содержании довольно противоречивая. Ее нет в достаточном количестве, особенно о переговорах с Максуди. Однако достоверно, что переговоры велись и до открытия, и после разгона Учредительного собрания.

Особый интерес Ленина к А. Цаликову вызывала его позиция на II Всероссийском мусульманском съезде в Казани летом 1917 г. Социалист и «унитарист» Цаликов поддерживал идею национально-культурной автономии. Критикуя «Робеспьеров Чебоксар и Тетюшей ... вред, который приносит общему делу бесчестолюбия этих лиц», Цаликов говорил: «Я ... выступал против федерализма ... Вопрос о федерализме, это вопрос, главным образом, населения окраин». «Но, — добавлял он, — если после свободного взвешивания “за” и “против” этот вопрос будет решен окраинами в том или ином смысле, то это и будет голос политического самоопределения этого населения. Конечно, это “самоопределение” должно встретить, в конечном счете, поддержку каждого, кто признает право народа на самоопределение» [26, с. 22].

25 декабря 1917 г. газета «Йолдыз» в статье «Большевики и мусульмане» опубликовала сообщение о начавшихся в Петрограде переговорах И. Сталина с председателем Всероссийского Милли Шура А. Цаликовым. Встреча состоялась в здании Всероссийского Милли Шура. Цаликов требовал реального учета этнокультурных, бытовых и религиозных особенностей, «с особой силой сказывающихся» в местностях с «преобладающим мусульманским населением». Следовало признать Россию федеративной республикой образующихся штатов, таких, как «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанский» и др.; признать всю полноту власти за Учредительным собранием [7, с. 368]. Сталин же (по сути, перекупая его), предложил Цаликову возглавить советский комиссариат, по его словам, избираемый президиумом всех мусульманских народов. Заместителем комиссара был бы мусульманский социалист [28, с. 30].

Цаликов обсудил вопрос с Миллэт Меджлисом и Всероссийским Милли Шура. Принять предложение Сталина отсоветовал ему С. Максуди [29, с. 8]. Цаликов заявил, что в его «Открытом письме» в адрес Совета Народных Комиссаров выражено отношение мусульман России к большевистскому правительству. Письмо опубликовано в ряде татарских газет: мусульманами «такое одностороннее правительство» не будет признано [37, с. 25].

М. Вахитов, возглавивший Мусульманский комиссариат, вскоре погиб, не оставив воспоминаний. Другие участники остереглись откровенно писать о них. Лишь Манатов вспоминал, что, по совету Ленина, он с Вахитовым и Ибрагимовым вели переговоры с депутатами Учредительного собрания, которые, однако, отказались от сотрудничества с большевиками [7, с. 368].

Валидов привел более приземленные мотивы, побудившие Манатова к сотрудничеству. Они касались «отношения ... с остальными лидерами башкир-

ского движения». «Он тяжело переживал, что курултай не возложил на него никаких ответственных обязанностей, его открыто нелюбезно упрекали в связях с монархистами и реакционерами, подаренная ему шуба стала предметом насмешек. Он оказался в изоляции и когда высказал пожелание выехать в качестве члена Учредительного собрания в Петроград, Хурматулла ему сказал: “Ты поедешь не в Учредительное собрание, а к своему товарищу Ленину, чтобы помочь ему разрушить Учредительное собрание и всю демократию. Там похвалят тебя за то, что ты здесь вкупе с монархистами пытался разрушить наше начинание”. Центральное Шура и правительство предоставили ему возможность поступать по его усмотрению и по делам Башкортостана никаких обязанностей на него не возложили. Манатов вошел в комитет коммуниста Муллаура Вахитова, который действовал против нас» [16, с. 220].

Член мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания Г. Ибрагимов летом 1917 г. поддерживал идею федерации. Осенью 1917 г. он одобрил создание штата Татарстан как территориальной автономии. Привлекательность идеи для Ибрагимова заключалась в том, что автономия имела бы государственные институты управления. Правительство автономии, контролируя бюджет территории, назначало бы своих сторонников на ответственные посты. В 1917 г. эсеры, сторонники Ибрагимова уже возглавили отделы мусульманского просвещения в уездных управах.

Ибрагимов покинул Учредительное собрание вместе с большевиками после встречи со Сталиным, тот предложил организовать **советский** мусульманский комиссариат. Он встретился с депутатом от Казанской губернии Вахитовым. Оба уговаривали Цаликова. К ним присоединился Манатов. Но Цаликов, выступая 5 января 1918 г. на заседании Учредительного собрания, негативно оценил первые политические действия СНК: «С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение». Он считал: мусульмане, «оставаясь на почве великой древней культуры», хотят «приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти собственным путем ... к великим человеческим целям», но «здесь сказывается ... странное пренебрежительное отношение к народам Востока», которых считают «людьми низшей расы». Чокаев, избранный в Учредительное собрание от Ферганы, возмущался: «советская власть в Туркестане началась с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти: ... включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой власти является неприемлемым ... Какая же это была власть в мусульманской стране без мусульман?» [31, с. 65].

Как видим, элиты практически всех крупных и средних этносов тюркской языковой группы имели планы, проекты и соображения о федералистских перспективах в составе России, но их разделяло важное отличие. Часть из них (преимущественно татары с наиболее развитой инфраструктурой культуры) строили проекты на тюркистской основе с привлечением ислама как культурного ресурса. Делалась ставка на совокупность ресурсов, существенно умножавшая силы сообщества.

Но единства не было. Реальность заключалась и в том, что с переходом власти к большевикам заманчивыми казались будущие должности в структуре новой власти.

Какой же выбор сделает Сталин? В поле зрения попадают активисты *про-тофедеральных* структур периода февраля—октября. Сталин нацеливался поставить под контроль центральной власти уже созданные Милли Шура (законодательную ветвь, ее возглавлял Цаликов) и Миллэт Меджлиси (исполнительную ветвь, ее возглавлял с 5 января 1918 г. Максуди).

Но на сотрудничество пошли фигуры второго ряда. Вахитову, возглавившему Мусульманский социалистический комитет (МСК), пройти в Учредительное собрание помог Цаликов, отдав свое место в Казанском списке. Он прибыл в Петроград *уже после разгона* Учредительного собрания. В этот же день, 6 января 1918 г., он встретился с Ибрагимовым, они обсуждали предложение Сталина организовать мусульманский комиссариат как структуру *общероссийской советской власти*. В тот же день они уговаривали Цаликова возглавить комиссариат. 7 января 1918 г. происходит встреча Ленина и Сталина — с ними и Манатовым как депутатами Учредительного собрания.

Публицист Вахитов, защищавший с юношеским идеализмом идеи возрождения ислама на страницах «Мусульманской газеты», нравился Сталину. Вахитов видел прогресс мусульманских народов в достижении цели, «где среди вечной весны огнями ликования сияет святая Кааба тихого мира и неиссякаемой любви». Там, надеялся он, «родятся новые Харун-аль-Рашиды, аль-Батани, Аверроэсы» [8, с. 29]. Цель Мусульманского социалистического комитета — «под жизненными лучами социализма расцветет великая культура ислама, и создателем этой культуры будет являться не буржуазия, а простой народ». Идеи федерализма Вахитова отличались от идеи тюркской федерации Максуди. Он искал корни федерации не в тюркизме, а в древнем **булгарском государстве**, по его мнению, представлявшем собой федерацию. А. Беннигсен считал возглавляемый Вахитовым МСК «школой национализма» [6, с. 71].

Другой участник встречи Ибрагимов надеялся на сотрудничество буржуазии и трудящихся в вопросах школы, образования, языка, театра и религиозного управления. Силой жизненных обстоятельств, считал он, турки России разделены на пять наречий. Каждое из них имеет свою азбуку, литературу, синтаксис и морфологию. Ибрагимов включал в федеративный проект пять отдельных штатов: Казахстан, Кавказ, Туркестан, Татарстан и Крым.

Базу Ибрагимова и Вахитова составлял мусульманский пролетариат, сельское население, татарское студенчество — офицеры военного времени. Основной задачей было провозглашение национальной территориальной автономии на Средней Волге и Южном Урале в составе Российской федерации.

Но Ленина не покидала надежда привлечь более солидных политиков. Манатов вспоминает: «он и 7 января вновь выяснял возможность привлечь на сторону советской власти Цаликова, они несколько раз беседовали с ним. Но Цаликов **«не осмелился** участвовать вместе с нами»» [29, с. 84].

Точнее историю «уговоров» Цаликова не восстановить, но «федеративные» мотивы сторон понятны. Для Ленина важнее *большой политический* «вес» Цаликова, для Сталина *немалый аппаратный вес* Цаликова делал его опасным соперником. Для обоих он — противник федерализма, носитель идеи иной природы

власти. В итоге им пришлось остановиться на Вахитове, Ибрагимове и Манатове, поскольку те решились сотрудничать с властью.

Декрет СНК об учреждении Комиссариата по делам мусульман Внутренней России принят 17 января 1918 г. Конечно, в названии отразилась цель установить контроль советской власти над этнокультурным многообразием мусульман. В тексте декрета указывалось: комиссариат учреждается при Наркомнаце. Подчеркивалось, что комиссаром назначен «член **бывшего Учредительного собрания** от Казанской губ. Мулла Нур-Вахитов». Он — глава МСК, оппонент Милли Идаре и федералистскому тюркистскому проекту Максуди. Название отразило борьбу с федералистами, с их идеей культурно-лингвистической (тюркской) федерации мусульман.

Задача Сталина — соединить кадровые ресурсы Мусульманского комиссариата Наркомнаца и МСК как социально и политически «близких» друг другу в этот период — удалась. Неважно, что после Октябрьского переворота на совместном заседании национальных организаций Казани 8 ноября 1917 г. Вахитов поддерживал передачу власти в России в руки Учредительного собрания, а у татар — в руки Миллэт Меджлиси. Неважно, что он, по словам председателя Казанского Военно-революционного комитета К.Я. Грасиса, продолжал прокламировать «отблеск идей панисламизма». Он — влиятельный в левых «кругах», его политический почерк казался решительным, эмоциональным, со стремлением охватить большинство сторон общественно-государственной жизни в Центре и на местах.

Выбор Сталина пренебрег сведениями «информатора» Наркомнаца Эдгема Булбуловича, сообщенными «наверх». Казанский журнал «Эхо веков» недавно опубликовал характеристику, данную им Вахитову: «Вахитов является человеком с очень богатой фантазией, но очень плохим администратором и партийным вождем. Он оставил реальную почву и бросился в атмосферу фантастики» [33, с. 162–168]. Как ни относиться к оценке Булбуловича, подобные оценки раскрывают «кухню» не только политических и «кадровых» ставок в Наркомнаце, но и подоплеку отношения Сталина к носителям федералистских практик. Но в записке членов коллегии Наркомнаца в ЦК РКП (б) от 16 мая 1918 г. о конфликте Сталина с членами комиссии по устройству Татаро-Башкирской республики оценка Булбуловича подтверждалась: «т. Сталин выдвинул кандидатуру т. Вахитова, мусульманского комиссара, октябрьского большевика такого сорта, на которую коллегия Народного комиссариата ни в коем случае согласиться не может» [32, л. 2–3]. В воспоминаниях Манатов отмечает: «Ленин, говоря о создании “центрального **мусульманского** учреждения”, подчеркивал: “Надо поспешать”, “Нельзя затягивать это дело”» [17, с. 131].

Очевидны карьерные мотивы тех, кто шел на сотрудничество. Манатов в Мусульманском комиссариате возглавил отдел просвещения. Статус «бывших» членов Учредительного собрания повышал статус советского органа власти и служил противовесом другим членам Учредительного собрания, оставшимся на антисоветской платформе. Когда Башкирское Шура в Оренбурге за сотрудничество с советской властью потребовало ареста Манатова, Сталин в марте 1918 г. в телеграмме поднял его статус еще выше: он «уже стал членом Мусульманского комиссариата при *Совнарком* РСФСР» [15, с. 175].

Сталин поручил Манатову разработать Положение о Татаро-Башкирской советской республике, реализуя *советское представление о федерализме*. Получил-

ся тот же штат Идель-Урал, но на советской платформе. Проекту суждено было потерпеть фиаско, так как движение это возникло не в самих массах, а в головах идеологов, то есть оно было движением не народным, а навязанным ему сверху. При этом преследовалась цель дезавуировать движение башкир, татар и других народов региона за национальное самоопределение.

Теоретического обоснования планируемой республики не обнаружено, но разнообразной была пропагандистская работа. Переводились первые советские декреты, литература социалистической направленности, брошюры о советской власти, об известных личностях, политических деятелях.

8 марта 1918 г. Вахитов провел в Москве конференцию мусульманских рабочих России, объединившую коммунистов и сочувствующих мусульман из Казани, Москвы, Петрограда, Архангельска, Мурманска, Самарканда и Коканда. Рассматривалась *организация связи с русскими структурами управления*, то есть с Советами. К концу 1918 г. у Центрального мусульманского комиссариата (Центрмускома) будет 69 филиалов по всей России, их наличие давало перевес мусульманским автономным организациям, уменьшало авторитет Советов. Самым активным был Казанский комиссариат, который возглавлял М. Султангалиев.

С 23 по 31 мая 1918 г. Султангалиев и Вахитов провели в Казани съезд мусульманских учителей, избравший Центральную мусульманскую научную коллегию, которая должна была возглавить работу по народному просвещению в мусульманских регионах. Коллегия разработала проект организации Мусульманского университета в Казани, Музея Востока и Центральной мусульманской библиотеки. Центрмуском вел пропаганду через прессу: за 10 месяцев (с января по ноябрь 1918 г.) издано более 4 млн экз. газет на татарском, киргизском (казахском) и турецком языках, не считая 229 000 экз. различных брошюр, воззваний, манифестов. В Москве на татарском языке выходили: «Culpan» (Утренняя звезда), «Kzyl Armija» (Красная Армия), «Esce» (Трудящийся). Региональные мусульманские комиссариаты имели свои самостоятельные печатные органы в Казани, Уфе, Астрахани и т.д. В мусульманских структурах выделялись своеобразные интеллектуальные механизмы, с помощью которых коммунизм шагнет во все отдаленные уголки Азии.

Летом 1918 г. мусульманские социалисты подошли к идее создания исламской социалистической республики, создав *государственный аппарат, партию и армию*. Две родственные «иллюзии» — религия и социализм — внезапно обратились друг к другу, перепутав и смешав карты большевикам. В первые месяцы мусульманские организации, независимые от местных Советов, контролировались Центрмускомом. Их культурно-просветительные отделы, открываясь первыми, часто создавались вопреки воле местных Советов. Они сохраняли автономность мусульманской организации «в эпоху, когда многое делалось еще анархическим образом, представляли собой для мусульманских масс одновременно политический центр и организацию, занимавшуюся образованием...». Однако общая ситуация в России была слишком угрожающей, чтобы Сталин, представлявший центральную власть, мог поддерживать эту тенденцию.

С созданием Центрмускома Сталин получил частичный контроль над религиозным компонентом татарского и башкирского движения. В апреле 1918 г. он вместе с Вахитовым подписал постановление о ликвидации Милли Шура и в мае 1918 г. — о ликвидации Милли Идаре.

Центрмуском действовал в русле, адекватном политическим задачам советского федерализма, но Вахитов и Сталин довольно быстро разошлись в подходах. Стиль действий Сталина, расчленившего исламское культурно-политическое пространство и его структуры по этническому признаку, напоминал действия имперского Петербурга. Центрмуском переименован в Татаро-Башкирский комиссариат, но сопротивление переименованию достигло такой остроты, что приняло драматический характер и грозило организационным расколом. Вахитов сообщил Сталину: «Ввиду разногласий в вопросе реорганизации комиссариата и ввиду не нахождения общей линии компромисса весь состав комиссариата выходит в отставку». Документ подписали Г. Ибрагимов, Ш. Манатов, Ю. Ибрагимов, И. Асякаев и др. [22, с. 1].

Разногласия пытались снять, «усилив» классовый и региональный компонент в названии комиссариата. Отдел по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Туркестана в апреле 1918 г. состоял из трех (на самом деле четырех) подразделов: по делам Северного Кавказа и Дагестана, Крыма, по делам Туркестана и по делам Закавказья. Далее выделялись национальные отделы. «Классовая» нота в названии не прижилась. Перевесила «этнокультурная», более соответствующая федеративному курсу.

Но конфликт не был исчерпан. 10 октября 1918 г. в СНК РСФСР поступила «Апелляция Центрального мусульманского комиссариата в СНК на постановление Наркомнаца от 9 октября 1918 г. по поводу непризнания временной инструкции об отделах Наркомнаца на местах и письмо от 31 октября 1918 г. об ее отзыве».

Коллегия Наркомнаца 19 октября 1918 г. приняла проект об организации местных отделов Наркомнаца, согласно которому их права сводились «почти к нулю». Право руководства «в финансовом и политическом отношении у них отпадает, так в этом отношении они, являясь лишь *секцией общих отделов Наркомнаца*, всецело подчиняются непосредственно Наркомнацу».

Центрмуском не согласился на ограничение прав местных органов, а стало быть, и его самого. На заседании 17 октября 1918 г. коллегия Центрмускома решила, в случае поддержки проекта коллегией Наркомнаца, обжаловать его в СНК, а в случае утверждения СНК, оставить за собой право апелляции в VI Всероссийский съезд Советов. Основными пунктами расхождения Центрмускома с коллегией Наркомнаца стали следующие положения и принципы: Конструкция Наркомнаца и национальных комиссариатов должна определяться теми принципами, которые положены в основу образования Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а именно: принцип свободного федерирования трудовых элементов отдельных наций и вытекающий отсюда принцип культурно-национальной автономии для пролетариата этих наций.

Что же касается проекта, отмечалось, что он в корне противоречит выдвигаемым Центрмуском принципам и стремится как раз к распылению частей единого целого и к сведению таким путем на нет аппаратов культурно-национальной автономии отдельных национальностей.

Далее СНК напоминалось: созданные для мусульман внутренней России и Сибири национальные парламенты (миллэт меджлисы) вылились в 1917 г. в форму временных национальных правительств территорий. Развитие Октябрьской революции, выдвинувшее лозунг диктатуры пролетариата, потребовало уни-

чтожить эти организации, заменить их теми, что построены по классовому принципу. Ими и явились комиссариаты по мусульманским делам. В моменты, когда спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками русские красноармейские части организовали в Казани восстание против советской власти, красноармейцы Мусульманского комиссариата в один голос заявляли, что они с оружием в руках принудят их признать советскую власть. То же самое можно сказать и относительно Уфимского комиссариата .., когда русские селения проявляли враждебное отношение к советским войскам, мусульманское население выражало им свое сочувствие, всячески помогая им и облегчая их борьбу с чехословаками. Документ подписали председатель Центрмускома М. Султангалиев и члены коллегии Кильдибяков, Гайнуллин, Альмухаметов.

31 октября 1918 г. они же уведомили СНК: «Внесенная ... 24-го октября в Совет Народных Комиссаров апелляция ... берется им обратно, а потому и не будет защищаться» [11, л. 49–51 об., 54].

Это фрагмент показательной пробы сил: он закончился поражением М. Султангалиева, который не понимал силы административного ресурса центральной власти.

В результате «маневра» комиссариат переименован в Татаро-Башкирский, орган с узкими полномочиями. Сталин изгнал исламские названия из своих структур управления. Они заменялись национальными. Политические и идеологические функции переходили к Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока. Сталин, его председатель, продвигал подход «разделяй и властвуй!».

Но к этнокультурным названиям органов власти на местах склонялись не только элиты тюркской группы. ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в Декларации об образовании Горской республики подчеркнул **федералистскую основу объединения семи самостоятельных «штатов»**: Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Карачаево-Балкарии, Кабарды, Адыгеи, Абхазии. В программе Союза еще до октября 1917 г. указывалось: первым условием для проведения демократических начал свобод горцы признают установление в России через Учредительное собрание *Демократической Федеративной Республики* ... Только федеративное государственное устройство, то есть союз отдельных самоуправляемых автономных областей, с особыми законодательными палатами ... без всякого участия центральной власти, во главе с единой общероссийской палатой или конгрессом соединенных штатов Российской Республики, выбранным палатой президентом и ответственным перед палатой министерством, явится наилучшей формой правления.

Горское правительство отменило советские декреты, опубликовало Декларацию о независимости Республики Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана: «Ввиду царящей в России анархии и, пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, Правительство Союза Горцев 11 мая 1918 г. опубликовало декларацию: 1. Союз Горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство...» [34, с. 61–62].

Сталина раздражали северокавказские федералистские проекты. Он возмущался: «что это за загадочные “правительства”, откуда они пришли?»

На I Северокавказском краевом съезде советов в Екатеринодаре 7 июля 1918 г.... Г.К. Орджоникидзе выдвинул «советскую» альтернативу Горской республике: появившиеся Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республики объединить «в единую Северокавказскую Советскую республику — часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». «Тогда Республика Северного Кавказа сольется со своими соседями в единую **Южнорусскую** социалистическую Республику».

В июле 1918 г. представители горцев Северного Кавказа, приехавшие на V Всероссийский съезд Советов, сформировали аппаратный ответ федералистам Горского правительства. Делегат съезда карачаевец У.Д. Алиев назначен руководителем нового отдела горцев в Наркомнаце. Он отдавал приоритет работе с тюркскими этносами. В 1918 г. в городах Кисловодске и Пятигорске в Советах созданы «горские отделы по делам карачаевцев под руководством группы революционно настроенной молодежи Карачая, более или менее старавшейся проводить идеи советской власти в Карачае» [39, с. 123].

Симптоматична родственность тюркизму идеи «северокавказской нации», названия, применявшегося к народам Северного Кавказа. Для построения теории государственности использовались понятия «кавказской» и «северокавказской солидарности». Сложность применения заключалась в отношении к особому языковому разнообразию народов. Многие интеллектуалы считали это непреодолимым препятствием для формирования единой северокавказской нации. По поздним оценкам эмигрантов-горцев «пышно расцвел узкий национальный эгоизм. Умы кавказских государственных деятелей всецело были заняты устройством отдельных народов, каждый ограждал и устанавливал только свои границы, не обращая внимания на то, что делалось у соседей» [4, с. 123]. Важный мотив — сложение имеющихся ресурсов, как в тюркском, в северокавказском сообществе — предполагалось использовать для повышения конкурентоспособности. Осетин Б. Билатти позже писал: «Федерация не терпит принуждения... Федеративная связь может заключаться только между величинами материально и духовно равноценными. В противном случае она рискует превратиться в ширму, под прикрытием которой сильный будет стремиться поглотить слабого». Анализируя в эмиграции политические практики первых лет после 1917 г., Билатти подчеркивал: «Геополитическое положение Северного Кавказа и общие условия, в коих он пребывает ... ставят нас в такое исключительное положение, при котором не только не следует базировать идею национального возрождения на племенном партикуляризме, но, смеем думать, и сама мысль ... является опасной для нашего общенационального дела». Поэтому у народов Кавказа нет другого пути, как внедрять идею «национального централизма». О горском единстве писал и Э.А. Бекович-Черкасский [5, с. 123].

В каждом регионе принимались свои организационно-управленческие решения, вокруг них разворачивались политические процессы. Рассмотрим их специфику в среде казахской и среднеазиатской элит. В программе партии «Алаш» указывалось: «форма государства Россия должна быть демократической, *федеративной республикой*».

После 1917 г. структуры казахских автономистов обретали организационные контуры. В декабре 1917 г. по инициативе А. Букейханова на II Всеказахском учредительном курултае провозглашена Алашская автономия «в целях спасения

области Алаш от общего развала анархии». Высшим органом власти стал Временный Народный Совет — Алаш-Орда, председателем избран А. Букейханов. Конституцию автономии Алаш должно было утвердить Всероссийское учредительное собрание.

На заседании общекиргизского съезда в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. М. Чокай заявил о создании Туркестанской автономии. Федерализм не обособлял ее от Алашской автономии. Чокай считал необходимым вхождение Туркестана в Алашскую автономию. В дискуссиях по поводу федерализма и автономизма А. Букейханов высказывался за межэтническую интеграцию: «это дело не партийное...». Однако он опасался консервативных религиозных традиций, переходящих в Средней Азии в религиозный фанатизм. Букейханов считал важным избегать прямого столкновения с советской властью в условиях, когда «большевизмом, как эпидемией, был заражен весь организм русского государства», а его разрушительная сила достигла кульминации. По его мнению, оно вовлекло бы казахское население в кровавую бойню и дало бы подонкам казахского общества «возможность вторгнуться идею большевизма в степь», вызвать дифференциацию в обществе и, таким образом, разрушить основы и традиции веками сложившегося национального быта.

Как и в случае с горскими этносами Северного Кавказа, аппаратным решением создан Киргизский отдел в Наркомнаце. В июне М.Х.-Г. Тунгачин, учитель из Социалистической партии Киргизии, прибывший на V Всероссийский съезд Советов, назначен руководителем отдела.

Этнические лидеры, вошедшие в состав правительств типа Милли Идаре, Алаш-Орды, Икомуса, Горского, Башкирского и пр. сильно отличались уровнем и наличием политического опыта. В. Зеньковский отнес их к «среднему типу ... учителя, журналиста, адвоката. Но разве можно сравнивать их по владению идеологическими технологиями, по опыту, выдержке и революционной настойчивости с деятелями русской революции» [31, с. 123]. Но и те, и другие, *во-первых*, стремились попасть в центральные структуры власти, стать ее партнерами, надеясь соотнести личный опыт, традиции своего этноса с реальными политическими процессами. Последние отражались в дискуссиях о выборе модели развития, контроле над издержками в формировании прямых и обратных связей этнического с унификационным. Многие перемещались в центр событий, используя пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного политического, символического, информационного продукта. Важно, *во-вторых*: они «облучали» друг друга с разных «этажей» регионального или общероссийского масштаба.

Тюркский вариант федерализма, начав с религиозного компонента, даже поместив его в центр своей конструкции, под влиянием не только обстоятельств, но и интересов своих элит трансформировался в этнокультурный вариант автономизма. Для Сталина, руководителя центрального наркомата, одинаково неприемлемы были как практики Максуди (объединение на почве тюркизма и ислама), так и практики Валидова (если федерация, то только честная!). 10 мая 1918 г. Сталин на конференции по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской республики критиковал деятельность татарских, башкирских, казахских национальных структур. Они, по его мнению, добивались одного: чтобы центральная власть не вмешивалась в их деятельность и не контролировала их. «Дайте нам, —

интерпретировал он их требования, — автономию, мы тогда признаем центральную советскую власть, но местных Советов не можем признать, они не должны вмешиваться в наши дела, мы организуемся, как хотим, как знаем». Сталин отрезал: «советская власть не признает такие автономии» [17]. Работники Наркомнаца М. Вахитов, К. Якубов и Г. Ибрагимов, авторы проекта Татаро-Башкирской республики, поддержали его. Но башкирский лидер Валидов, не поддержавший проект Максуди общетюркской федерации, ранее опасавшийся доминирования татар, теперь пришел к выводу: «Политика Советов лжива, коварна: может быть, в Центре и есть хорошие люди, однако, те русские, с которыми нам предстоит работать на местах, — люди вероломные, отъявленные шовинисты». Он отмечал: «Лично от Чичерина я узнал, что Советы ... были такими же ярыми националистами, как и царские чиновники» [20, с. 223]. Но идея честной тюркской федерации в сознании тюркских элит не умерла.

Подведем итоги. Славянские интеллектуальные круги, исключая, кажется, К.Н. Леонтьева, не придали значения туранскому элементу, другими словами, тюркизму [23, с. 285]. Концепция «Идель-Урал» как современная конструкция соперничала в поиске исторической справедливости, используя федерализм для реализации восточной альтернативы развития культурных ресурсов тюркской языковой семьи. Сталин столкнулся вплотную с этим вариантом федерализма, за которым стояла огромность территории, численность тюркоязычного населения воображаемой федерации (около 6 млн). Он боялся его смертельно, что проявилось в конце 1920-х гг. массовыми репрессиями элит.

Список источников и литературы

1. *Алексеев П.* Кокандская автономия. Ташкент: Учгиз, 1931. 74 с.
2. *Аманжолова Д.* На изломе. Алматы: Таймас, 2009. 410 с.
3. *Арифханов Б.А.* Создание туркестанской автономии — первый шаг к созданию национально-демократической государственности в Туркестане // Молодой ученый. 2015. № 18 (98) сентябрь. С. 155–167.
4. *Бабич И.Л.* Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. 402 с.
5. *Бекович-Черкасский Э.* «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1929. № 8–9. С. 18–19.
6. *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris and Hague: Mauton, 1960. 386 p.
7. В.И. Ленин и Башкирия. Документы, материалы, воспоминания: 3-е изд., доп. Уфа: Башкир. кн. изд-во. 1984. 534 с.
8. *Вахитов М.* Избранное. Казань: Таткнигоиздат, 1967. 122 с.
9. Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации: сб. статей. Казань: ИЯЛИ, 1989. 124 с.
10. Вольная Сибирь. 1918. 10 апреля.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 19.
12. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10.
13. Еврейская старина. 2015. № 1(84).
14. *Ергин Ю.В.* «От имени башкир — Шафир Манатов» // Педагогический журнал. 2008. № 1 (14). С. 132–150.
15. *Ергин Ю.В.* Аллабирде Ягафаров — первый нарком просвещения малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6. С. 175–189.
16. *Заки Валиди Тоган.* Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 1. Уфа: Китап, 1994. 400 с.
17. Из истории российской эмиграции. М.: ВЛАДОС, 1999. 776 с.
18. Известия ВЦИК. 1918. 21 мая.

19. *Исхаков С. А.З.* Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6. С. 55–75.
20. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) М.: Мысль, 2004. 598 с.
21. *Исхаков С.М.* Меншевик А. Цаликов об отношении российских мусульман к первой мировой войне. 1917 г. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. Вып. 2. С. 185–201.
22. *Кавиев А.Ф., Сабиров И.Т.* Мулланур Вахитов и деятельность комиссариата по делам мусульман внутренней России // В мире научных открытий. 2014. № 1. С. 10–15.
23. *Кенжетаяев Б.А.* Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: Пиф, 1998. 88 с.
24. *Кирчанов М.В.* [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010. 183 с.
25. *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерова и К^о, 1885–1886. Т. 1. 323 с.
26. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь Ахмеда Цаликова. Казань: Литотип. т-ва «Умид». 1917. 28 с.
27. Национально-государственное строительство чувашского народа. В 3 т.: сб. док. и материалов. Т. 1. Национальное движение чувашского народа (начало XX в. – июнь 1920 г.) / сост. В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2019.
28. *Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: Медина, 2011. 281 с.
29. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: сб. документов и материалов. Уфа: Башкнигоиздат, 1959. 990 с.
30. Программа Якутского трудового союза федералистов. Якутск: Якут. обл. тип. 4 с.
31. Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая – 9 октября 1918 г.): воспоминания. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. 240 с.
32. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 2. Д. 883.
33. *Султанбеков Б., Шарафутдинов Д.* Политическая «бомба» Эдгема Булбуловича // Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 162–168.
34. *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.
35. *Топчибаев А.М.* Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланныком при правительствах Блистательной Порты, Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибаевым (ноябрь 1918 г.). Баку: Азербайджан, 1993. 31 с.
36. Тормыш. 1917. 26 ноября.
37. *Хабутдинов А.Ю.* Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда: Об-во татар Сев. региона РФ, 2001. 61 с.
38. *Хабутдинов А.Ю.* Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: ИД Марджани, 2013. 337 с.
39. *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М.: Обществ. академ. наук рос. немцев, 2003. 851 с.
40. *Юлдашбаев Б.Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа: БГУ, 1984. 81 с.

T.Y. Krasovitskaya

FEDERALISM OF TURKIC DESIGNS IN THE MODERNIST AND BOLSHEVIK SCHEMES OF THE NEW STATE

Annotation. The article on the basis of new documents analyzes the projects of the federal structure of the Turkic ethnic groups in the state mechanism of the RSFSR. Special attention is paid to Turkic and autonomist projects, their connection with the «Orientalist» dichotomy «East – West», with the political and ideological discourse of the intellectual and cultural position of the Bolsheviks. The specificity of the projects of individual elites of the Turkic language group, their use by Stalin in the process of building the structure of his commissariat was considered.

Keywords: projects of the federal structure, specificity, Turkic elites, «Orientalism», Bolshevism, Turkism, autonomism, Stalin.

Д.А. Аманжолова

ФЕДЕРАЛИЗМ, НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ ОБЩЕСТВА В 1920-Е ГОДЫ

Аннотация. Автор рассматривает некоторые проблемы национально-государственного строительства СССР в 1920-е гг., которые отразили сложности взаимодействия центральной власти и национальных советских республик и автономий. Культурная сложность общества обусловила трудности этнического картографирования, а политику централизации и обеспечения устойчивости и управляемости государства требовалось совмещать с политизацией этничности, решением задач национального равенства и формирования национальных элит как важного компонента властной вертикали.

Ключевые слова: СССР, национально-государственное строительство, этнополитика, национальные элиты.

Проблемы устойчивости полиэтничного государства и межкультурной интеграции граждан власть расценивала как ключевые в советском строительстве. Основные принципы и практические подходы к решению этой задачи определялись по мере развития государственности. В.И. Ленин поначалу считал необходимым отказаться не только от существа прежней социально-экономической системы Российской империи, но и сложившейся структуры внутреннего устройства страны, отводя экономике главное место в разграничении ее территорий и регионов. Это обусловило и негативное отношение к федерации, якобы ослабляющей экономические связи внутри государства. Между тем отрезвляющая реальность привела РКП(б) в 1918 г. к признанию федерации, при этом большую озабоченность партии, как показали дискуссии на VIII съезде РКП(б), вызывала ключевая проблема – как совместить национальное самоопределение с «общенациональной политикой» и вертикальным управлением страной из единого экономического центра [2, с. 48–71]. Ее решением Центру пришлось заниматься постоянно, на всех уровнях управления, в общегосударственных, региональных и национально-территориальных структурах.

На основе решений VII съезда Советов (5–9 декабря 1919 г.) Президиум ВЦИК образовал Административную комиссию для регулирования принципов районирования и формирования административно-хозяйственных территорий во главе с замнаркомом внутренних дел М.Ф. Владимирским. VIII съезд Советов (22–29 декабря 1920 г.) принял решение за два месяца провести такую организацию территорий, дабы центры новых районов были связаны с пролетарским началом.

Социально-классовое переформатирование общества, где не оставалось места для частных собственников, осуществлялось в связи с реинтеграцией многонациональных и моноэтнических регионов. Большое значение придавалось созданию условий для развития экономики, при этом Ленин связывал научное обоснование

областного районирования и работу ЭКОСО (экономических совещаний при местных органах власти) с учетом всевозможных обстоятельств хозяйственного развития, географических и инфраструктурных факторов на местах [7, с. 115].

В ноябре 1921 г. Президиум ВЦИК создал комиссию по районированию РСФСР под председательством М.И. Калинина. Она должна была обеспечить единство замысла и его реализацию на основе неких общих принципов, при этом, как считал Калинин, «...граница может быть и здесь, может быть и там. Какая река будет границей или будет какая-нибудь этнографическая граница, это вопрос мест. На местах к этому вопросу подойдут заинтересованные стороны, мы же ставим перед собой принципиальный вопрос. Решению этого вопроса местные интересы должны быть целиком принесены в жертву. Мы должны иметь в виду интересы коммунистического строя» [16, с. 11–26; 5, л. 17].

В связи с этими решениями, возможно, разгорелся конфликт между Чувашской и Марийской АО, когда 27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК принял предложения Административной комиссии и комиссии районирования Госплана РСФСР о передаче левобережной части Чебоксарского уезда Чувашии в состав Марийской области (Чувашия включалась при этом в состав планируемой Средневожской области, которая в итоге образовалась лишь в 1928 г.). Комиссия по районированию исходила не только из преобладания марийцев в уезде, но и необходимости выхода к Волге Вятско-Ветлужского района и управления запланированной электростанции со стороны Центра. В пользу Чувашии заключение дал лишь Главлеском [11, л. 59, 60–61]. Руководство Чувашии доказывало, что позицию центральных органов управления о приоритете экономической целесообразности нужно отделить от вопроса культурной и национальной автономии, так как появилась претензия «к пересмотру и изменению самих основ федеральной Конституции РСФСР» и великодержавие [16, с. 56].

В конфликте наглядно проявились повсеместные проблемы советского строительства, когда «интересы коммунистического строя» в рамках хозяйственной специализации и межрегиональных экономических связей в огромной многонациональной стране противоречили этническому картографированию во имя заявленных принципов национального самоопределения. Планы районирования не устраивали местные элиты, при этом сами руководители Чувашии признавали, что их «область по экономической природе не имеет никакого практического значения, так как ... является экономической единицей обычного губернского типа и самостоятельной экономической политики не ведет». Но чисто теоретические, как они считали, подходы к районированию, предусматривавшие отторжение лесных массивов по Волге расценили как вопрос жизни и смерти именно в экономическом смысле. В политическом отношении они считали такое решение противоречащим идее создания автономий в составе РСФСР, поскольку «этнографический принцип разграничения ни в коей мере не должен идти вразрез с основными тенденциями экономики», и передача уезда в состав Марийской АО, пугали они, «будет учтена населением, как злостная провокация», способная породить контрреволюционные выступления Наркомнац 14 ноября 1921 г. указал, что «нет никаких оснований к пересмотру данного вопроса» в пользу Чувашской АО, предложил пользование лесами урегулировать на уровне Федерального земельного комитета, «куда чувашам надлежит обратиться». Оргбюро тогда же приняло решение предложить Президиуму ВЦИК повторно рассмотреть вопрос с

участием всех заинтересованных сторон. 27 ноября ВЦИК постановил отложить решение до июля 1922 г., комиссии по районированию рассмотреть вопрос с учетом интересов обеих областей, а НКВД и Наркомнацу разработать мероприятия «для смягчения затруднений» из состояния границ двух автономий [16, с. 57–58].

Президиум ВЦИК в апреле 1922 г. подчеркивал: «Провозглашенный советской властью принцип самоопределения должен быть сохранен, и экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении. Поэтому границы автономий при включении в экономические области не должны были нарушаться, а «политические права и компетенция национальных объединений, предусмотренные декретами о них, не подлежат умалению». Экономическое районирование, говорилось далее, «должно обеспечить мирное сожительство и братское сотрудничество всех национальностей и племен РСФСР, также и договорных дружественных советских республик» [14, л. 10 об.]. Однако ВЦИК не принял решение о районировании, передав его на обсуждение местам. XII съезд РКП(б) принял резолюцию «О районировании». Но его реализация растянулась до конца 1920-х гг. и обрела существенную региональную специфику.

Предполагалось, что выделение этнически однородных районов ускорит выдвижение в аппараты управления представителей титульного этноса и развитие двуязычия среди управленцев. Но несмотря на определенные успехи в деактивации традиционных социальных сетей, власти в целом не удалось разрушить многовековые практики внутриэтнических взаимоотношений, прежде всего нормативного и регулятивного свойства, в том числе внутриэлитного взаимодействия по вертикали и горизонтали.

На местах — в национально-государственных и административно-территориальных образованиях разворачивалась тяжелая и затяжная дискуссия по поводу распределения управленческих полномочий и оптимизации хозяйственных связей, сложившихся чаще всего задолго до этнического картографирования страны. 9 июня 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровский направил «весьма секретно» телеграмму в ЦК партии о том, что декрет ВЦИК о Якутской республике «не оговаривает подчинение ЯССР в хозяйственном отношении Сибревкому». Якутские товарищи «склонны понимать это буквально, опасность невыполнения ими распоряжений Сибревкома, нарядов Сибпродкома и т.п.» Он просил срочно провести через ВЦИК подчинение республики Сибревкому в хозяйственном отношении. Е.М. Ярославский считал: «Это необходимо срочно сделать ввиду чрезвычайно сильных сепаратистских настроений у части руководящих работников якутов». Вертикаль власти отстоять удалось: Секретариат ЦК РКП(б) постановил известить Якутский обком, что «Якутская область в хозяйственном отношении подчинена РСФСР через Сибревком» [12, л. 55; 16, с. 52].

Претензии на самостоятельность, не подкрепленную реальными возможностями и практической необходимостью, проявлялись у лидеров «самоопределившихся» под крылом большевиков республик. В ходе образования СССР дискутировался и вопрос о системе управления и иерархии наркоматов. По предложению Сталина создавалась трехуровневая система: объединенные наркоматы на уровне РСФСР, управлявшие своими филиалами в автономиях и собственно наркоматы автономий. В конце 1922 г. проявились два подхода: «крепнувший день ото дня, демонстрируемый Чичериным, Сталиным и Пятаковым, — прово-

дил идею ликвидации “либерализма Москвы” в национальном вопросе, отказа признавать независимость договорных советских республик “за чистую монету”, считая это “игрой”. Дело организации союза республик по существу сводилось в этом случае к вопросам управления административно-территориальными единицами. Другой подход (его представляли Раковский и Каменев) отражал поиск баланса интересов, сочетания суверенитетов, заложенных, как представляется, в ленинской формуле “вместе и наравне”» [8, с. 89–102].

При подготовке Конституции СССР 1924 г. проблемы взаимоотношений Центра и субъектов федерации вновь актуализировались. Национальные элиты продолжали «битву» против «шовинизма» всех этнических цветов, за укрепление своих внутрорегиональных позиций и повышение реального статуса в принятии общесоюзных политических решений. В ходе подготовки тезисов о национальных моментах в партийном и государственном строительстве к XII съезду РКП(б) И.В. Сталин 4 февраля 1923 г. обратился к членам Политбюро ЦК с «совершенно секретной» запиской: в вопросах партстроительства «едва ли придется сказать что-либо новое.., — тут все ясно», а вот проблемы государственного строительства он расценил как требующие «некоторых существенных изменений» в Конституции СССР. На первое место он поставил вопрос о праве вхождения автономий в состав СССР «как отдельных государств», а не через объединявшие их РСФСР и ЗСФСР, поскольку он «усиленно дебатировался среди восточных националов и отчасти среди грузин». Эта идея отвечала национальным стремлениям субъектов федерации и устраняла «среднюю ступеньку в строении союзного государства (федеральные образования) и вместо трех ступеней (национальная республика — федеральное образование — союз) создает две ступени (национальная республика — союз)». Существенные минусы он видел в том, что такой подход «обязывает нас создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организацией перестройкой». К тому же, «оно вынуждает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татреспублика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города) и, во всяком случае, вынуждены будут серьезно перекроить свои территории, что еще больше усложнит организационную перестройку. Я думаю, что тут плюсы явно превышаются минусами, не говоря уже о том, что минусы эти не могут быть оправданы, по крайней мере в данный момент, политической необходимостью. Поэтому вхождение республик в союзные государства через федеральные образования должно быть оставлено в силе». Он также предложил внести изменения в Конституцию и, наряду с союзным ЦИКом, представляющим главным образом русских, «создать еще параллельный союзный орган, являющийся представительством всех национальностей союза на началах равенства». Сталин не считал нужным создавать для этого «более или менее самостоятельный» и стоящий над ЦИК орган. Среди главных проблем Сталин выделил следующее: не следует ли в СНК СССР ввести наркомов по просвещению, внутренним делам, земледелию, юстиции, здравоохранению и соцобеспечению, кроме наркомов по объединенным комиссариатам. Он считал, что инициативу по данному вопросу не должны выдвигать москвичи, чтобы националы не смогли обвинить Центр в стремлении к снижению прав республик. Эти идеи должны были продемонстрировать готовность Центра идти навстречу требованиям республик и в то же время обеспечить необходимую иерархию в строившейся управленческой вертикали [17, с. 136–142].

В итоге в тезисах к XII съезду РКП(б) отмечалось, что объединение национальных республик в СССР — заключительный этап «военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное советское государство», поскольку в советском строе нашелся «ключ к правильному разрешению национального вопроса, <...> путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности». Там же были определены главные препятствия в решении этой задачи — так называемое наследство в виде пережитков великорусского шовинизма, «хозяйственное и культурное неравенство национальностей» СССР, а также «пережитки национализма в среде целого ряда народов». При этом последнее препятствие, перераставшее в шовинизм доминировавших в республиках «против слабых национальностей» в них, объяснялось как следствие первого [15, с. 186–189].

Одним из проявлений великорусского шовинизма Сталин считал попытки «значительной части советских чиновников» ликвидировать республики и в качестве одного из шагов провести слияние наркоматов, которое стало экзаменом для советского аппарата. В одобренные Политбюро ЦК партии тезисы было включено предложение Сталина создать в системе высших органов власти специальный орган равноправного представительства национальных республик и областей. Что касается наркоматов, тезисы лишь рекомендовали конструировать союзные комиссариаты «на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза» [15, с. 193–194].

Однако почти сразу после XII съезда РКП(б) проблема взаимодействия Центра и мест была озвучена вновь. 14 мая 1923 г. Глава правительства Татарской АССР К.Г. Мухтаров и представитель автономии при Наркомнаце А.М. Енбаев от имени ответственных работников республики направили заявление в ЦК партии, И.В. Сталину, в котором подчеркнули, что XII съезд с очевидностью обнаружил массу противоречий, накопившихся в партии по вопросу о национальных моментах в партийном и советском строительстве. Они обвиняли чиновников из центральных ведомств в колонизаторстве, а экономические органы как «первых в роли душителей автономных республик». Требования были связаны и с решениями X Всероссийского съезда Советов (23–27 декабря 1922 г.), поскольку он рассматривал вопрос об СССР «без достаточной предварительной агитационной подготовки», что якобы было воспринято в массах «как единство и неделимость великой России и упразднение автономных республик». Татарские лидеры претендовали на выражение позиции и других «тюркских» автономий, утверждая, что «левые» коммунисты и националы в Москве связались с «левыми» группировками Крыма, Башкирии, Казахстана и Татарстана и вели «самую гнусную работу», причем «в центре обстрела оказался» Султан-Галиев [13, л. 47]. Как известно, IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 12 июня 1923 г. ознаменовало поворот Центра в отношении этноэлит и поставило двуединую задачу борьбы с уклонами к русскому национализму и одновременно к антирусскому и вообще к местному национализму.

Понимание нового качества целостности граждан единого государства вызревало постепенно. Приоритет классовых критериев и социального равенства формально должен был обеспечить равенство и национальное, но его фактичес-

кое наполнение происходило достаточно сложно. Власть пыталась, активно и целенаправленно занимаясь нацистроительством, нащупать такие инструменты, которые могли бы объединить граждан страны, разделенных внутренними границами и администрациями субъектов федерации. При обсуждении Конституции СССР 14 июня 1923 г. на заседании расширенной комиссии ЦИК СССР развернулась дискуссия о том, как совместить гражданство республик и СССР. Украинские руководители фактически были за двойное гражданство, против чего выступили представители Центра. Показательны доводы председательствующего М.И. Калинина, которые он приводил на встрече «у горцев»: «вы не только граждане-горцы, вы граждане громадной общесоветской территории, там все национальности сливаются, там вырабатывается новая государственность, вы являетесь гражданами нового государства, не бывалого еще в мире, государства СССР. Поэтому всякая национальность, поддерживая свою национальность, вместе с тем обязана проявить чувство, что он является гражданином СССР» [16, с. 127]. По существу это был один из первых тезисов в пользу советской многонациональной общности, гораздо позже получившей термин «советский народ».

29 октября 1924 г. совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономных республик и областей РСФСР утвердило тезисы Отдела национальностей ВЦИК об упрощении государственного аппарата в автономных республиках и областях. Признавалась необходимость «стремиться к максимальной экономии государственных средств и изыскивать пути к возможному сокращению средств на содержание госаппарата» [9, л. 1, 5]. Вновь всплыл вопрос о правах автономий: при реорганизации этих аппаратов следовало иметь в виду — «различие между автономной республикой и губернией заключается, главным образом, в объеме прав, а не в количественном составе госаппарата (штате). <...> В построение аппарата отдельных республик и областей должны вноситься коррективы, вытекающие из индивидуальных черт каждой автономной единицы, ее экономики и административного деления» [9, л. 1, 5]. Классификация автономий проводилась по формальному признаку — количеству административно-территориальных единиц: а) масштабом в несколько губерний (Киргизия); б) масштабом в 1 губернию (Татарская, Башкирская, Крымская, Дагестан и Якутия); в) масштабом в несколько уездов (Немцев Поволжья, Бурято-Монгольская и Карельская). Автономные области: в несколько уездов — Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская и вновь образуемая Кара-Киргизская, масштабом в один уезд и менее уезда — Адыгейско-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия, Ингушетия, Калмыцкая и Ойратская.

Довольно частые административно-территориальные изменения по всему СССР влияли не только на иерархию национально-государственных образований, но на конкретную организационно-управленческую деятельность на местах. При этом верховенство классового подхода над национальным считалось приоритетным. Так, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал: «Вопрос о государственных формах существования отдельных наций — для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов...». Он обвинял автономии в центробежных тенденциях, которые содержались в проектах конституций автономных республик, представленных в Президи-

диум ВЦИК. Некоторые положения в них, говорилось далее, тракуются «на основе отвлеченных предпосылок национального самоопределения», а не классовых требований текущего момента [6, с. 20, 33, 35].

Фетишизация национальной государственности стала практически повсеместной, в том числе благодаря ее официальной пропаганде как важнейшего результата революции. Показательно в этом плане обращение работника детдома им. Крупской Г. Сабирова из г. Джаркента Джетысуйской губернии к М.И. Калинину с просьбой «о выделении уйгурско-тюркской народности таранчины в автономную республику». Автор напоминал всесоюзному старосте, что в 1925 г. Калинин проезжал в Мирза-Чульский уезд Ташкентской области, где у станции Хилкова он вместе с детьми из узбекской школы с красным флагом вышел встречать на вокзал. «Но Вы не высовывали даже головы. Я Вас не мог видеть, поэтому с моими учениками в великом горе мы вернулись домой, в школу. Но несмотря на это, все-таки сохранилась моя дружба к Вам. Потому, что я довольно много читал Вашу биографию. Вы особенно не распространяетесь, не хвастаетесь, так что Вы довольно основательный человек. Это показывает, что Вы имеете здоровые нервы и являетесь неутомимым работником. Вам таким и следует быть». Сабиров объяснял Калинину, что таранчи — значит хлебопашцы, и, хотя их всего около 50–60 тыс., среди них «немало дельных и трезвых коммунистов. Таранчи — удивительно смысленный и сообразительный народ». Но признаков советизации, по мнению корреспондента, было недостаточно: не было артели, коммуны, сносных учебников, единственная «маленькая газета» выходила раз в неделю. Между тем следовало «повлиять на китайских таранчей», для чего предоставить малому народу автономную республику или область, «поднять культуру и в спешном порядке провести железнодорожную ветвь». Международное обоснование подкреплялось призывом: «...нам надо быстро забрать в свои руки народности Востока» [4, л. 2–6]. Письмо было направлено в Отдел национальностей ВЦИК и вряд ли оказало какое-то влияние, но его содержание хорошо иллюстрирует представления о власти и ее носителях в среде самой многочисленной части интеллигенции на местах.

3 марта 1927 г. Политбюро приняло решение упростить советский и хозяйственный аппарат национальных республик и областей, в первую очередь путем сокращения числа наркоматов и слияния некоторых из них в объединенные. В автономных республиках слияние совнаркомов с президиумами ЦИК не допускалось, зато в АО эти органы ликвидировались и заменялись облисполкомами. Сокращение аппарата, обусловленное острым дефицитом средств на индустриализацию, не означало сокращения прав национальных образований. Освобожденные средства надлежало направить на нужды школ, больниц и местной промышленности. 11 марта Комиссия по строительству РСФСР национальных республик и областей во главе с М.И. Калининым утвердила проект директивных постановлений для внесения в ЦК ВКП(б). В нем отвергалась необходимость каких-либо принципиальных изменений в конституционных актах, но предусматривалась модификация работы союзных органов в РСФСР в соответствии с конституциями СССР и России. Признавалось целесообразным «сведение до минимальных размеров персонального объединения руководства» органами союзными и российскими, а также введение должности секретаря ЦК ВКП(б) «специально по делам РСФСР».

В проекте выделялись вопросы взаимоотношений Союза и РСФСР и более подробно — так долго обсуждавшиеся отношения между РСФСР и АССР (плановые, бюджет и финансы, промышленность и сельское хозяйство, кооперация и торговля, коренизация аппарата и работа среди нацменьшинств, вопросы конституционные и взаимоотношений органов РСФСР и АССР). Можно считать, что комиссия пошла навстречу некоторым наиболее принципиальным требованиям автономий. При планировании народнохозяйственного развития предлагалось «с возможной полнотой» учитывать их интересы, а объединенным наркоматам — внимательнее изучать их запросы и усилить руководство местами. Правительству РСФСР надлежало разрешить вопросы о создании госбюджетов АССР, уточнении бюджетных отношений с ними, в том числе с учетом удельного веса отдельных автономий в экономике федерации и более справедливого распределения средств на культурные и хозяйственные нужды, ориентируясь на среднюю по РСФСР норму. Ставился вопрос и о создании предприятий в регионах с сырьевой базой. Это была, по существу, реакция на претензии представителей Киргизской АССР. Комиссия пришла к заключению, что в целом конституционные акты СССР и РСФСР, как и взаимоотношения между субъектами федераций (в «матрешечной» иерархии) соответствуют заявленным принципам национальной политики, а «недовольства и недоразумения» на практике вызваны не фундаментальными проблемами, а неполным проведением в жизнь или недостаточной согласованностью в общем приемлемых актов. Осуждалось совместительство в руководстве органами СССР и РСФСР. В итоге определенные подвижки состоялись: как настаивал Отдел национальностей ВЦИК, эксперты рекомендовали передать всю практическую работу по национальным вопросам Отделу национальностей ВЦИК, центральные наркоматы стали более внимательно относиться к запросам и нуждам автономий. Однако в целом исполнительные власти субъектов федерации, предусмотренные Конституцией РСФСР, вследствие острого дефицита всевозможных ресурсов в условиях ускоренной модернизации экономики страны не получили ожидаемого их лидерами расширения прав.

Но политизация этничности все равно стоила дорого. Содержание Башкирского ЦИК и СНК обходилось в 158 тыс. руб., для Татарской АССР стоимость этих аппаратов и Госплана по госбюджету, местному и спецсредствам обходилась в 240 тыс. руб. Наркомат РКИ СССР в плане на 1925—1927 гг. предусматривал изучение и решение важных проблем взаимодействия и управления многосоставным пространством страны. Необходимо было обеспечить упрощение и удешевление центрального аппарата автономных республик и областей; провести реформу административного деления АССР и АО в связи с проведением в них районирования и на этой основе — упрощение и удешевление аппарата местных советских органов АССР и АО; упрощение порядка прохождения дел АССР и АО в аппарате союзных республик и Союза ССР. Предварительно НК РКИ РСФСР провел проверку ряда автономий — Башкирии, Татарстана, Крыма и др. Казахстан в обследование не включался, так как отличался особыми условиями. Было установлено, что повсеместно управленческие структуры излишне раздуты, нерационально организованы и дублируют структуру органов СССР и РСФСР. Дороговизна аппарата, параллелизм функций, большое число инстанций, через которые должны проходить любые решения — все это делало работу неэффективной.

Как показал опыт, сократить управленческий аппарат надо было не менее чем на 20 %. Как надеялись в Центре, это позволило бы устранить громоздкость, организационную сложность, сокращение инстанций прохождения даже простейших дел, разбухшие штаты, растущие с каждым годом, дороговизну госаппарата и параллелизм функций. Кроме того, предстояло устранить копирование центральных аппаратов с их комиссиями и наркоматов, нерациональную организацию работы в целом. С этой целью были ликвидированы малые президиумы ЦИК и малые СНК автономий, сокращены комиссии при них, сокращен штат Госпланов, почти везде упразднен НКСО, сокращены отделы НКЮ и НКВД [3, л. 33–36].

Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский писал в ЦК партии (29 декабря 1927 г.): «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее передаточная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат» [10, л. 5–40]. А.С. Енукидзе 31 января 1928 г. заявил: единообразие в районировании сразу же упрощает управление [16, с. 531–534]. Показательно, что и национальные руководители выступали за оптимизацию управления, что могло не только облегчить их работу, но и способствовать большей социально-экономической консолидации субъектов федерации в единое целое. Так, глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов писал И.В. Сталину: «Мы являемся составной частью РСФСР», но «очутились в положении тройного “подданства”» — органам РСФСР, Средней Азии и СССР. Одним из последствий такого сложного управления были не только ослабление связи с РСФСР, в составе которой находилась автономия, но и противоречия между конкурирующими проектами и требованиями Москвы и Ташкента. В итоге в апреле 1930 г. СНК СССР разрешил руководству Киргизской АССР обращаться непосредственно в союзное правительство и СТО [1, с. 74–77].

20 января 1928 г. ВЦИК провел совещание по вопросу о пересмотре системы управления в автономиях. Вскоре вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав автономных социалистических советских республик и областей и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых ими в высших правительственных органах РСФСР». Так, в АССР госбюджет республик включал госдоходы и расходы по их необъединенным наркоматам, по объединенным наркоматам и по всем учреждениям РСФСР, находящимся на территории автономий. Наркомфину РСФСР предлагалось пересмотреть список централизованных кредитов по необъединенным наркоматам для передачи некоторых из них в бюджет АССР. ВСНХ СССР и союзных республик должны были стремиться к максимальному сокращению числа предприятий, находящихся в непосредственном управлении общесоюзных и федеративных органов на территории автономий. Правительствам АССР предоставлялось право перераспределения в пределах утвержденного общего штатного контингента для АССР — штатов по отдельным наркоматам АССР (увеличение штатов одних учреждений за счет сокращения штатных единиц других).

В области внутреннего управления АССР предоставлялось право окончательно разрешать вопросы перенесения волостных центров, переименования отдельных населенных пунктов, не имеющих железнодорожных станций или почтово-телеграфных учреждений, перечисления селений из волости в волость,

выделения, слияния и разделения сельсоветов, установления и изменения низового административного деления АССР. Для лучшей координации дел Отдел национальностей ВЦИК был преобразован: в нем создавались секции — общая, земельная, культурная и нацменьшинств. При Президиуме ВЦИК организовывался Комитет по делам национальностей в составе: заведомом, его заместителя и еще 3 лиц, назначаемых персонально Президиумом ВЦИК. Председателем комитета был заведомом национальностей. С Отделом национальностей должны были согласовываться все ведомственные проекты, касающиеся автономных республик и областей, вносимые на рассмотрение ВЦИК, СНК, Малого СНК, ЭКОСО РСФСР [3, л. 5, 9–22].

В том же году Политбюро ЦК партии утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края). Предусмотрены начала добровольности (по решению съезда Советов республики) и право выхода, незыблемость конституций АССР, их «культурно-хозяйственный рост и национальное развитие» в составе нового региона, единство хозяйственного плана края для входящей в него АССР, как и подчинение парторганизации республики соответствующей краевой структуре (то же касалось комсомола, профсоюзов, кооперации и т.п.). Распределение работников-националов вели обкомы АССР, но выдвижение на краевую работу согласовывалось с краевыми органами партии.

Центр осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учетом общегосударственных задач социально-экономического развития, стремясь реализовать принципы национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Формирование федеративного облика советского государства потребовало учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Впервые создавалась принципиально иная структура — национально-государственные образования, которая не только реорганизовывала наличный багаж, но и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтничного государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. При этом фактическая этнокультурная сложность общества была повсеместной и не позволяла простыми административными мерами совмещать политику национального равенства и модернизационный рывок для всех народов с одновременно заявленным курсом на межэтническую интеграцию. Всеохватные преобразования неизбежно порождали разнообразные коллизии в настройке отношений между Центром и автономиями, урегулирование которых было связано со спецификой культурно сложного общества и его представителей в составе руководства страны и этнических элит.

Список источников и литературы

1. *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. 319 с.
2. Восьмой съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Коммунист, 1919. 415 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 165.
4. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 293.
5. ГА РФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 1.
6. *Енукидзе А.С.* Конституция автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3–4. С. 20–35.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Госполитиздат, 1970.

8. На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–102.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 188.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 339.
13. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269.
14. РГАСПИ. Ф. 558. Коллекция Наркомнаца. Папка 3. Постановление СТО.
15. Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. 1921–1923. М.: ОГИЗ, 1947.
16. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М.: Росспэн, 2005. 1095 с.
17. «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

D.A. Amanzholova

FEDERALISM, NATION-BUILDING AND THE CULTURAL COMPLEXITY OF SOCIETY IN THE 1920s

Annotation. The author considers some problems of national-state construction of the USSR in the 1920s, which reflected the complexities of interaction between the center of power and national Soviet republics and autonomies. The cultural complexity of society caused difficulties in ethnic mapping, and the policy of centralization and ensuring the stability and manageability of the state had to be combined with the politicization of ethnicity, the solution of problems of national equality and the formation of national elites as an important component of the power vertical.

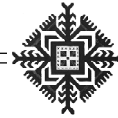
Keywords: USSR; national-state construction; ethnic policy; ethnic elites.

Авторы, представленные в данной секции:

1. Клементьев В.Н. <i>Чувашская автономия: генезис, становление, динамика развития</i>	7
2. Иванов В.П. <i>Этнодемографическое развитие чувашского народа в XX – начале XXI века: особенности и проблемы</i>	47
3. Красовицкая Т.Ю. <i>Федерализм тюркских конструкций в модернистских и большевистских схемах нового государства</i>	57
4. Аманжолова Д.А. <i>Федерализм, национально-государственное строительство и культурная сложность общества в 1920-е годы</i>	73

**Секция I. Народы России
в пространстве государственной
национальной политики:
история и современность**

К ВОПРОСУ ОБ ИНКОРПОРАЦИИ НЕРУССКИХ НАРОДОВ ГОРНОЙ СТОРОНЫ КАЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVII ВЕКАХ

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования новой правовой системы на территории правобережной части Казанской земли после ее вхождения в состав Московского государства и судебной практики второй половины XVI – XVII вв.

Ключевые слова: Казанская земля, нерусские народы Среднего Поволжья, феодальное землевладение, феодальное право, система приказного управления, правовые акты XVI–XVII вв.

Летом 1551 г. правобережная Горная сторона Казанского ханства по мирной воле ее жителей присоединилась к Русскому государству. После окончательного падения ханства в октябре 1552 г. на всей его бывшей территории, именуемой Казанской землей, в течение второй половины XVI – XVII в. происходили новые по содержанию экономические, политические, социальные и культурные процессы. В результате в XVIII в. Чувашия и другие области Среднего Поволжья окончательно превратились в неотъемлемую часть территориального, государственного и общественного организма многонациональной России.

Указанные процессы во многом развивались под влиянием общероссийских регуляторов общественных отношений, в том числе публичного и частного права. К настоящему времени учеными изучены многие события и проблемы политической и социально-экономической истории Чувашии второй половины XVI – XVII вв.: вхождение в состав Русского государства, возникновение городов, организация местного управления и другое [5; 6; 8; 9; 10; 11; 16; 19; 22]. Но функционирование в Чувашии и на сопредельных территориях российской правовой системы в указанный период отдельному изучению не подвергалось.

Настоящая статья призвана восполнить данный пробел. В ней будут рассмотрены: 1) процесс формирования русской правовой системы на присоединенных территориях; 2) решение государством в ее рамках следующих задач: а) обеспечение прав нерусских народов на держание и использование феодальных владений; б) защита личности и имущества представителей этих народов, обратившихся за этим в государственные органы. По свидетельству источников, именно две последние проблемы наиболее часто были объектами применения права на Горной стороне в рассматриваемый период.

Территориальные рамки работы охватывают всю Горную сторону Казанской земли. Это обусловлено тем, что в изучаемую эпоху Чувашия в ее современных границах входила в состав девяти уездов (Свияжского, Чебоксарского, Кур-

мышского, Алатырского, Цивильского, Ядринского, Козьмодемьянского, Кокшайского, Симбирского), охватывающих всю названную территорию, в том числе правобережные части нынешних республик Татарстан и Мари Эл.

Мирное вхождение Горной стороны в состав Русского государства во многом было обусловлено схожестью социально-экономического уклада населявших ее чувашей и горных марийцев с аналогичным укладом русского народа. Основной социальной ячейкой у «горных» жителей, как и у русских чернососных крестьян, была община, имевшая в держании ясачные земли, находившиеся в собственности казанского хана. За пользование ясаком чувашские и марийские крестьяне платили в ханскую казну одноименный денежный и натуральный налог-ренту, выполняли различные повинности. Для совместного ведения хозяйства и облегчения выплаты ясака чувашские крестьянские общины, как и русские, объединялись в волости. Аналогичные объединения горных марийцев и татар назывались сотнями. Отдельную социальную группу составляли служилые люди — казаки, тарханы, которые несли службу в ханском войске [10, с. 24–27]. Кроме ясачных земель, состоящих из пашен и сенокосов, горные жители имели в частной собственности бортные ужожаи — лесные участки с бортными деревьями.

До нашего времени в русских переводах с татарского языка дошли несколько частных актов первой половины XVI в. о земельных сделках между чувашскими крестьянами [7, с. 275–277; 10, с. 18]. Следовательно, чувашаи и другие жители Казанского ханства имели систему письменного права еще до вхождения в состав Русского государства.

Летописи свидетельствуют о том, что после челобитья населения Горной стороны о вхождении в состав Русского государства в мае — июне 1551 г., Иван IV пожаловал ее жителей, «и взял их к своему Свияжскому городу, и дал им грамоту жаловальную со златою печатью, а ясаки им отдал на три годы» [21, с. 62]. Этот документ не сохранился. Но несомненно, что под ним подразумевается уставная жалованная грамота — важный публично-правовой акт договорно-законодательного вида, посредством которого московские великие князья, а затем и цари определяли общий порядок управления конкретной территорией, в том числе присоединенной, устанавливали права и обязанности ее населения. Из процитированного видно, что административным центром Горной стороны стал вновь основанный г. Свияжск, ею управляли назначенные царем воеводы, за населением были сохранены ясачные земли, данные еще ханами, платежи за которые должны были поступать в царскую казну. Однако на последние предоставлялась трехгодичная льгота в качестве пожалования за мирный переход под власть Москвы. Сделанный вывод подтверждается дальнейшим содержанием летописного рассказа о том, что свияжские воеводы: «Горних людей, князей и мырз и сотных князей и десятных и Чювашу и Черемису и Мордву и Можяров и Тарханов привели к правде на том, что им государю <...> служить и хотети во всем добра и от города от Свияжска неотступным быти, и дани и оброки черным людем всякие платити, как их государь пожелует и как прежним царем платили...» [21, с. 62].

Аналогичные меры Иван IV предпринял после подчинения левобережных Луговой и Арской сторон. Сразу после падения Казани, в начале октября 1552 г. царь послал по левобережным «всем улусом черным людем ясачным жаловальные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего <...> а их государю пожелует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним царем». Центром управления

левобережьем стала Казань, в которую царь назначил своих воевод — князя и боярина А.Б. Горбатого-Шуйского с товарищами [21, с. 116].

Таким образом, Иван IV сохранил основные сословия бывшего ханства, но с переходом их прав и обязанностей под свою юрисдикцию. Общинам чувашских и других нерусских крестьян было гарантировано сохранение за ними ясачных земель, полученных от ханской власти, но с рентными платежами в царскую казну. Обязательным условием этой гарантии было юридическое оформление земли за царской короной и непосредственными держателями в соответствии с правовыми процедурами и традициями Русского государства. После присоединения правительство проводило регулярные переписи ясачных земель, с указанием всех необходимых данных (размеров, границ и др.) в писцовых, межевых и других книгах. Регистрация земли в таких кадастровых документах служила главным актом ее закрепления как объекта: а) государственной собственности, б) постоянного держания конкретной ясачной общины. При этой последней выдавались выписи из регистрационных книг и ввозная грамота*, которые служили главным удостоверением права на пользование землей.

Аналогичным образом московская власть оформляла поместные земли за нерусскими служилыми татарами, чувашами, мордвой, перешедшими на службу к русским государям. Так, 18 июля 1595 г. свияжский воевода М.Г. Темкин-Ростовский вручил служилым татарам Я. Енандарову и Б. Янчурину ввозную грамоту на пустошь в Свияжском уезде, переданную им в поместье [12, с. 49–50].

3 августа 1613 г. алатырский воевода П.И. Бутурлин с товарищами выдали служилому мордовскому мурзе С. Кулаеву владенную выпись из отдельных книг на поместную пустошь Казнеевскую в Алатырском уезде [4, с. 27].

20 июля 1638 г. курмышский воевода С.В. Александров-Мосальский выдал владенную выпись чувашским тарханам Я. Яникееву с товарищами на земли, ранее принадлежавшие их умершим родственникам, также являвшимся тарханами [5, с. 94–100].

Приведем примеры использования нерусскими жителями Горной стороны владенных выписей и ввозных грамот для доказательства своих прав на ясачные и поместные земли.

В 1682 г. чуваша д. Чебаковой Т. Тевеев с товарищами подали в приказе Казанского дворца челобитную на крестьян Барминской и Княгининской волостей Нижегородского уезда в том, что последние якобы вторгаются в принадлежавшие им бортные ужогаи и бобровые гоны, расположенные за р. Сура. В качестве доказательства челобитчики предъявили владенную выпись на названные угодья, которую в 1588/89 г. выдали их дедам и отцам чебоксарский воевода В. Хилков и дьяк О. Завесин. Приказные судьи приняли решение оберегать Т. Тевеева и его товарищей от названных крестьян [28, с. 248–249].

В 1691 г. в том же приказе ясачные чуваша д. Анат-Киняр Туруновской волости Чебоксарского уезда У. Каликов с товарищами в качестве доказательства своих прав на Кинярский остров предъявили ввозную грамоту на него, которую в 1595/96 г. выдали их предкам чебоксарский воевода Б.И. Мезецкий и

* Ввозная грамота — во второй половине XVI — XVII вв. публично-правовой акт, дающий право крестьянской общине или служилым помещикам вступать во владение тяглой или поместной землей.

дьяк или подьячий с приписью З.А. Бестужев. В результате дело было решено в пользу У. Каликова и его односельчан [17, с. 4–5].

Изложенное свидетельствует о том, что выписи и грамоты на земли, пожалованные властями, имели длительный срок действия и могли использоваться как непосредственными получателями, так и их потомками. Уже поэтому публично-правовые акты на феодальные владения, выдаваемые московской короной, были весьма востребованы среди нерусских жителей Казанской земли. Работы В.Д. Димитриева, посвященные истории колонизации в Чувашии во второй половине XVI – XVII в., содержат немало примеров того, что сразу после начала освоения пустынных урочищ, ясачные и служилые чуваша ходатайствовали перед властями о выдаче им удостоверительных документов на новые владения [10, с. 300–314; 11, с. 170–171, 176, 180–181, 186–187, 181–191, 193, 196].

После подчинения Среднего Поволжья Москве среди его нерусского населения продолжила развиваться практика письменного оформления частных сделок. В первые десятилетия после 1551–1552 гг. она совершалась по традициям Казанского ханства. В 1562/63 г. было написано купчее письмо о сделке между Ч. Атяковым и Я. Козляевым о продаже первым последнему бортного участка с пашнями и санными покосами на речках Кашмаш, Булакалей и Кугагар [6, с. 120–121]. В соответствии с порядком оформления подобных документов, принятым в ханскую эпоху, письмо было написано на татарском языке, в нем указывался размер вознаграждения писцу и свидетелям сделки [16, с. 18–19, 27]. Кроме упомянутого акта, от второй половины XVI в. дошло еще два документа (мировая запись и купчая), оформленных таким же образом, о земельных сделках между чувашами [6, с. 121–123].

Но с начала XVII в. все частно-правовые акты, заключенные нерусскими жителями Казанской земли, стали составляться по формуляру, принятому в Русском государстве. Примером может служить купчая от 1617/18 г. о продаже мордвой д. Пичевель Алатырского уезда Р. Селеватовым и К. Селеватовым своих перевесей (охотничьих угодий) алатырскому посадскому жильцу О.М. Потетину [4, с. 41]. Купчая была составлена на русском языке алатырским площадным подьячим Н.И. Олферовым в присутствии послухов, по-видимому, также площадных подьячих.

Особый интерес представляют соглашения о мировых сделках, в основном по земельным проблемам, заключенные ясачными и служилыми чувашами и другими нерусскими людьми.

В 1604 г. была составлена мировая запись о том, что чуваш Князь-Уразлиной сотни Цивильского уезда К. Яковлев добровольно отказался от притязаний на пахотную землю по р. Моргаушке (Морквашке) и сопредельным речкам, принадлежавшей марийцам (черемисам) Аликоевой сотни Козьмодемьянского уезда. Запись была написана на русском языке И. Дмитриевым, по-видимому, козьмодемьянским площадным подьячим в присутствии двух русских послухов, а также «сторонних людей» – чувашей и марийцев А. Келдышева и Я. Янбахтина [6, с. 124]. Вероятно, русским послухам надлежало при необходимости засвидетельствовать законность сделки перед приказными властями, а нерусским сторонним людям – перед чувашскими и марийскими общинами, которые в то

время, возможно, имели право самостоятельно решать какие-то внутренние и межобщинные земельные споры.

17 января 1642 г. сотник правобережной Сундырской волости Кокшайского уезда тархан А. Охтеев с товарищами и ясачные чуваша различных деревень той же волости заключили сделку об отказе от взаимных претензий и насилий по спорной земле на р. Шелебшур (Шелешпур). Запись была написана при послухах И.Ф. Попове и Н.В. Комарове. В качестве сторонних людей выступили представители различных чувашских и марийских волостей и сотен Свяжжского, Казанского, Кокшайского и Козьмодемьянского уездов [8, с. 205–211].

25 февраля 1662 г. ясачные чуваша д. Шутнеревой Свяжжского уезда староста Т. Кильдибеев с товарищами дали запись служилому чувашу И. Янбаеву о порядке совместного владения поместной и ясачной землей в названном селении и д. Новая Изанбаева. Запись была оформлена свияжским площадным подьячим в присутствии послухов Д. Михайлова, В. Попова, М. Назарова [8, с. 215–216]. Сторонние люди-чуваша в записи уже не упоминаются. Это, по-видимому, объясняется тем, что во второй половине XVII в. все споры по ясачной и поместной земле среди чувашей решала уже не община, а приказная администрация, для которой было достаточно русских послухов.

В рассмотренных документах нашла отражение характерная для феодального общества борьба за землю, которую в данном случае вели между собой представители нерусских тяглых и служилых сообществ. Подобные противоречия, несомненно, происходили еще в ханскую эпоху. После появления в Казанской земле новых феодальных корпораций — православных монастырей, русских помещиков и посадских общин — эта борьба не могла не обостриться. Впервые остро она проявилась в Смутное время, когда русские и нерусские феодальные корпорации, пользуясь безвластием и хозяйственным запустением, захватывали земли и уголья друг у друга. Поэтому, по завершении Смуты московская власть приступила к законодательному урегулированию ситуации.

2 июля 1615 г. был принят боярский приговор о том, что за мордвой и татарами сохранялись русские поместные земли, которые запустели и были заняты названными владельцами за 5–10 лет до вынесения приговора. Но в дальнейшем татарам и мордве категорически запрещалось каким-либо образом приобретать любые земли русских помещиков. Последние же получили аналогичный запрет по отношению к землям татар и мордвы [14, с. 85].

В период между 1 сентября 1634 г. и 30 апреля 1635 г. вышел указ царя Михаила Федоровича о том, что он «московским и из городов дворяном, и детям боярским, и всяких чинов людем в городех у мурз и у татар их татарских поместных и всяких земель покупати, и меняти, и в заклад, и в наем, и з дачею имать не велел». Нарушителям указа грозило наказание и конфискация в пользу государя незаконно приобретенных татарских поместных земель [14, с. 165–166].

Аналогичный указ или боярский приговор, по-видимому, был принят и в отношении ясачных земель, о чем свидетельствует наказ от 1645 г. кокшайскому воеводе А. Суровцеву. В наказе воеводе предписывалось «учинить заказ крепкой, чтобы никакие служилые и жилецкие, и всяких чинов люди и новокрещены, и чюваша, и черемиса государевых никаких <...> поместных, и вотчинных, и ясачных, и оброчных земель, и бортных ухожеев, и никаких угодей ни в каких

долгах в закладные записи и в кабалы, и ни в какие крепости не писали, и в заклад к себе не имали никоторыми делы» [18, с. 6].

Названные законодательные акты были окончательно кодифицированы в статьях 41, 42, 43 главы XVI Соборного уложения 1649 г. [27, с. 171, 351]. Статья 43 строго запрещала «всяких чинов русским людем», прежде всего, служилым, каким-либо образом приобретать и отчуждать ясачные и поместные земли, закрепленные за чувашами, татарами, марийцами, мордвой и другими народами Поволжья и Приуралья. Статья 45 той же главы содержала запрет служилым мурзам и татарам отказываться от своих поместных земель, в том числе в пользу русских, с целью избежать несения службы.

Можно констатировать, что Соборное уложение 1649 г. окончательно оформило правовой статус ясачных и поместных земель нерусских народов Казанской земли и других присоединенных территорий как государственной формы собственности, переданной в держание тяглым и служилым людям. Таким образом, феодальное государство стремилось обеспечить получение в казну рентных налогов (ясака) от держателей крестьян и несение службы от держателей помещиков. Но для должного соблюдения названными сословиями своих обязанностей, государство должно было обеспечивать правовое регулирование вопросов, связанных с их имущественным положением и сословным статусом. Средствами такого регулирования было осуществление полицейских мероприятий и суда.

Первыми носителями судебной власти в Казанской земле после ее подчинения Москве стали назначенные и проинструктированные лично Иваном IV воеводы Казани и Свияжска. Наказная память первому Казанскому архиепископу Гурию и жалованная несудимая грамота архимандриту Свияжского Успенско-Богородицкого монастыря Герману, данные царем в мае 1555 г., свидетельствуют о том, что судебные полномочия названных воевод были весьма обширными: они могли судить крестьян и различных людей по всем делам, выносить смертные приговоры, в том числе и татарам [2, с. 269; 12, с. 28–29]. По-видимому, при рассмотрении конкретных судебных дел в отношении русских и нерусских подданных царя казанские и свияжские воеводы руководствовались Судебником 1550 г., соответствующими царскими указами и приговорами Боярской думы.

Однако практическое осуществление воеводами своих судебных и других полномочий во второй половине XVI в. было затруднено по причине отсутствия у них должной социальной и административной опоры в Казанской земле, а также антимосковских восстаний, которые в указанный период периодически поднимало население бывшего ханства, в основном левобережной стороны.

В этих условиях, как и в 1551–1552 гг. царская власть сделала ставку на политику компромисса, привлечения на свою сторону нерусского населения, прежде всего, его наиболее авторитетных представителей: сотных князей в татарских и марийских сотнях, «лучших людей» в чувашских волостях.

В 1572/73, а затем в 1579/80 гг. Иван IV пожаловал вотчинными и поместными землями в Свияжском уезде сотного князя Тугуша Девлет Бахтыева, который принимал активное участие в подавлении антимосковского восстания 1571–1574 гг., сражениях Ливонской войны. Он же управлял отдельной татарской сотней в названном уезде, на которую, возможно, ему была выдана царская несудимая жалованная грамота. После смерти князя, в 1597 г. его вотчина была

пожалована сыновьям Кармышу и Аклычу Тугушевым. Последний получил под управление сотню своего отца, которая стала именоваться Князь-Аклычевой [3, с. 56–61]. Кроме нее, в Свияжском уезде существовали еще три сотни: Князь-Ишеева, Князь-Темеева, Князь-Бекбулатова, которыми, по-видимому, управляли одноименные татарские сотные князья.

В феврале 1574 г., после подавления указанного восстания, Иван IV выдал уставную грамоту ясачным чувашам Верхней Сюндырской и Ишлейской волостей Чебоксарского уезда. Грамота регламентировала размеры налогов, военных и трудовых повинностей жителей названных волостей, разрешала их «лучшим» людям и сотникам участвовать во «всяком суде» вместе с русскими воеводами. Аналогичные акты, цель которых заключалась в стремлении Москвы мирными мерами успокоить нерусское население, могли быть выданы другим волостям и сотням Казанской земли [10, с. 65–75]. Отметим, что участие представителей местного населения в суде наместников было предусмотрено еще статьями 62, 68 Судебника 1550 г. [26, с. 108–109, 112, 150–153], принятого до окончательного подчинения Москве Казанской земли. Таким образом, грамота 1574 г. уравнила в судебных правах нерусское население присоединенной территории с населением основной части Русского государства.

Несомненно, в первые десятилетия после присоединения Казанской земли к Русскому государству управление ею осуществлялось при непосредственном участии царя Ивана IV, который назначал и инструктировал воевод, издавал уставные грамоты. При этом помощниками царя могли быть отдельные должностные лица, именуемые в источниках «дворецкими казанскими».

Однако, по мере укрепления за Россией поволжских земель, к началу 1570-х гг. образуется постоянный орган – уже упомянутый приказ Казанского дворца, в ведение которого постепенно перешли все функции по управлению Казанской землей: назначение городских воевод, организация сбора налогов и др. [13, с. 53–60]. Окончательно его полномочия сложились, по-видимому, к концу XVI – началу XVII в., когда на территории Казанской земли уже сформировалась необходимая для Москвы административно-социальная опора: были построены города-крепости с военными гарнизонами и воеводами, приказными людьми, укрепились корпорации русских помещиков, посадских людей и православных монастырей.

Правовой основой для судей (руководства) приказа Казанского дворца, состоящих из назначенных царем бояр и дьяков, должны были служить общероссийский Судебник 1550 г., затем Соборное уложение 1649 г., уже принятые царем указы и приговоры Боярской думы. Если же приказные судьи сталкивались с проблемой, не предусмотренной действующими законодательными актами, то в соответствии со статьей 98 Судебника и статьей 2 главы X Соборного уложения, им надлежало подать соответствующий доклад на имя государя, а последний совместно с Боярской думой должен был принять соответствующий указ и боярский приговор [26, с. 120; 27, с. 102]. Из-за гибели архива приказа Казанского дворца, тексты практически всех законодательных актов, принятых царем и Думой по запросу его судей, утрачены. Однако, как видно из приведенного выше наказа А. Суровцеву, их содержание нашло отражение в наказах воеводам и других документах, вышедших из стен названного приказа.

В XVII в. произошли дальнейшие изменения в системе местного управления и суда в Казанской земле. Наказ воеводе г. Ядрин М.И. Соловцову от 29 июля 1611 г. предписывал «суд ему (воеводе. — А.Ч.) и расправа меж всяких людей делати в правду, по дружбе и по посулом никому ни в чем не норовити и по недружбе не мстити ...» [15, с. 141–142]. Об участии в суде «лучших» людей трех чувашских волостей (Ядринской, Вильской и Сорминской) Ядринского уезда в наказе уже не говорится.

Несколько дольше на исторической сцене продержались управленческие и судебные полномочия татарских сотных князей и их потомков, пожалованных русскими царями во второй половине XVI — начале XVII в. Известно, что вышеупомянутый князь Аклыч Тугушев за заслуги в борьбе со сторонником Лжедмитрия II, казачьим атаманом И.М. Заруцким был пожалован царем Михаилом Федоровичем и продолжал управлять одноименной себе сотней в Свияжском уезде [3, с. 58–59].

В ноябре—декабре 1638 г. представители нерусского населения названного уезда были опрошены сыщиком Б.Д. Бартеневым в ходе сыска о злоупотреблениях, совершенных в 1635–1636 гг. бывшим свияжским воеводой князем Е.Ф. Мышецким и подчиненными ему лицами, в том числе подьячими съезжей избы. В ответ на вопрос о челобитье на них татар и чувашей, жители Князь-Аклычевой сотни А. Иванов с товарищами заявили о том, что они ничего про подьячих не знают, «потому что мы в те поры жили за князем Аклычем» [23]. Но после смерти князя, последовавшей не позднее 5 сентября 1637 г. [3, с. 59], управление и суд в его сотне перешли к приказной администрации. Что касается населения трех других сотен Свияжского уезда (см. выше) то, судя по содержанию материалов сыска, оно уже к 1635–1636 гг. находилось в ведении съезжей избы.

Можно констатировать, что в первой половине XVII в. представители нерусского населения Казанской земли полностью лишились права участия в суде по связанным с ним проблемам. Соборное уложение 1649 г. повсеместно упразднило это право, окончательно передав весь суд в ведение приказной администрации (глава X, статья 1) [27, с. 102]. Одновременно упразднились все несудимые грамоты, ранее выданные монастырям, светским феодалам (глава X, статья 153) [27, с. 125–126].

Отстранение от участия в суде представителей местного населения привело к усилению произвола и коррупции со стороны воевод и подчиненных им лиц. Материалы упомянутого сыска над князем Е.Ф. Мышецким содержат многочисленные свидетельства того, что он, будучи на воеводстве в Свияжске, его сыновья, крепостные люди совершали многочисленные вымогательства и насилия по отношению к чувашам, татарам, мордве, проживавшим в уезде, брали с них взятки, в том числе при решении судебных вопросов, отбирали продукты и т.д. [24]. Несомненно, такие же действия могли совершать и приказные правители Свияжска и других городов.

Поэтому на всем протяжении XVII в. правительство неоднократно принимало так называемые предупредительно-предохранительные меры по пресечению произвола и коррупции уездных властей по отношению к нерусскому населению [9, с. 9]. Одна из них заключалась в ограничении полномочий и самостоятельности воевод.

В период правления царя Михаила Федоровича (1613–1645) был принят указ, подтвержденный в 1664/65 и 1672 гг., о том, что «понизовых городов дворяне и дети боярские и всяких чинов служилые и жилецкие русские люди, и мурзы, и татаровя, и чуваша, и черемиса, и мордва судом ведомы, и ищут, и отвечают в одном приказе Казанского дворца, а в иных приказах их судом ведать не велено» [20, с. 907]. Таким образом, в первой половине XVII в. приказ Казанского дворца окончательно превратился в главный (после царя и Боярской думы) судебный орган Казанской земли. Населению ее городов и уездов, в том числе и нерусскому, было разрешено обращаться со своими исками и челобитными в названный приказ, минуя воевод.

Документы свидетельствуют о том, что в XVII в. представители нерусских сословий Горной стороны нередко подавали воеводам челобитные о расследовании уголовных дел, требующих быстрого рассмотрения (разбоев, краж), защите от возможных угроз, приводили задержанных ими же преступников.

В ноябре или декабре 1638 г. ясачные чуваша деревень Кибечевой, Шихабыловой, Карклы Свяжского уезда Б. Аккузев и другие сообщили сыщику Б.Д. Бартеневу о том, что они приводили к воеводе Е.Ф. Мышецкому конокрадов, похищавших их лошадей [25].

4 января 1658 г. ясачные татары д. Новых Чирков Князь-Ишеевой сотни Свяжского уезда К. Байбарисов с товарищами подали в местную съезжую избу челобитную на чуваша той же деревни Т. Урманова и его сына в том, что последние угрожают им поджогом и убийством [1, с. 45–46].

В 1685/86 г. ясачный чуваш д. Ядриной Ядринской волости Ядринского уезда Л. Чурашев с родственником доставили в Ядринскую приказную избу воров: чуваша д. Мочар того же уезда В. Кугуева с товарищами, укравших у него домашнюю рухлядь и пчел. В приказной избе задержанные подверглись распросу и пытке [28, с. 366–367].

Обратимся к примерам воеводского суда по имущественным искам, в том числе земельным. В 1651/52 г. свияжский воевода С.И. Козловский и дьяк И. Байбаков разбирали тяжбу из-за спорных сенокосов между служилым татаринцом д. Новых Чирков Б. Колчуриным и ясачными татарами починка Енаева Князь-Ишеевой сотни К. Геушевым с товарищами [1, с. 32–33].

В декабре 1683 г. ядринский воевода Я.Ф. Селиверстов должен был расследовать иск чуваша д. Аликовой Юмачевской волости Курмышского уезда И. Ялмурзина на чувашей деревень Вылы и Атаевой Выльской волости Ядринского уезда Ш. Тебенькова с товарищем в 60,5 руб. [28, с. 293].

Сохранилось немало свидетельств того, что чуваша и другие нерусские жители Горной стороны обращались с исками и челобитными о своих проблемах непосредственно в приказ Казанского дворца. Обычно администрация последнего рассматривала челобитную и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, посылала воеводам по месту жительства истцов и ответчиков, одну из грамот: а) зазывную – об обеспечении явки ответчиков в названный приказ; б) оберегальную – о защите воеводой истца от ответчиков; в) указную или послушную – о самостоятельном рассмотрении иска или передаче его другим воеводам или приказным людям.

В фонде Ядринской приказной избы сохранилось 27 перечисленных грамот или отписок с их пересказом, созданных в 1662–1701 гг. по искам нерусских

жителей Ядринского и других уездов к своим соплеменникам. Из этих документов 16 касаются исков по клевете, обидам и притеснениям [28, с. 39, 40, 57, 66–67, 144, 244–245, 294–295, 298–299, 320, 321, 322, 346–347, 364–370, 375], 8 – челобитных по грабёжам и кражам, угонам лошадей [28, с. 218–219, 231, 275, 276, 342, 372–373, 487, 533–534], 3 – исков по заемным деньгам или земельным спорам [28, с. 71–72, 259, 534].

Отдельного рассмотрения заслуживают такие предупредительно-предохранительные меры правительства, как рассмотрение жалоб ясачных людей на действия приказных чиновников и реагирование по ним.

В 1682 г. ясачные чуваши д. Шигалеевой С. Семенов с товарищами подали в приказе челобитную на ядринского воеводу Л.Г. Ефимьева, подьячего К. Иванова и стрельца И. Федорова в разорении, взятках, увозе двух жительниц деревни в г. Ядрин. Результатом ее рассмотрения стало досрочное отстранение воеводы от должности, высылка его, подьячего и стрельца в г. Курмыш для следствия и последующего взыскания присвоенного [28, с. 240–242, 535].

В январе 1682 г. приказ Казанского дворца отстранил от должности подьячего Ядринской приказной избы С. Немчинова. Основанием для этого послужила челобитная чувашей Я. Яковова с товарищами о том, что они от С. Немчинова «ныне и впредь опасны» [28, с. 263].

В 1686 г. в приказе Казанского дворца ясачный чуваш д. Янымовой Ядринского уезда И. Васкин с товарищами привлек к суду ядринского пушкаря Я. Михайлова, который якобы приезжал в их деревню, клеветал на жителей, вымогал деньги [28, с. 351–352].

Приведенная информация свидетельствует о том, что в XVII в. ясачные чуваше и представители других нерусских сословий Горной стороны довольно часто обращались к органам государственной власти, несмотря на все сопряженные с этим сложности. Поездки в Москву нерусских челобитчиков сопровождались дорожными расходами (волокитами), рассмотрение исков в центральных приказах длилось месяцами, что требовало средств на проживание и пропитание в столице (проестей). По-видимому, именно поэтому некоторые жители Горной стороны предпочитали обращаться за судом к местному воеводе.

Судопроизводство и общение тяжущихся с судьями велось на русском языке, что составляло для нерусских истцов и ответчиков дополнительные сложности. По названным причинам в чувашских ясачных общинах в XVII в. формируется категория лиц, нередко именуемых коштанами, которые специализировались на поездках с челобитными в приказ Казанского дворца для защиты интересов своих общин. Несомненно, они достаточно хорошо знали русский язык, разбирались в практике приказного судопроизводства и законодательстве. Такими мирскими ходоками, несомненно, являются упомянутые Т. Гевеев, У. Каликов, С. Семенов, Я. Яковов, И. Васкин.

Подытожим: первые правовые акты, принятые Московским государством после присоединения Горной стороны, были направлены на оформление компромисса с ее нерусским населением; во второй половине XVI в. своими уставными и другими жалованными грамотами царь Иван IV гарантировал местным жителям сохранение прежних сословных прав и владений, утверждал свои собственные пожалования при условии признания и поддержания его как нового государя, несения в его пользу податных и других повинностей.

В XVII в., когда Горная сторона была окончательно закреплена за Москвой, все прежние жалованные акты утратили свою силу. На территории бывшего ханства стали действовать новые законы, принятые царской властью без оглядки на прежние компромиссы. Одним из основных объектов русского права в этот период становится феодальная собственность на присоединенных территориях, обеспечение ее эксплуатации в государственных интересах.

Важным средством этого обеспечения было распределение и юридическое оформление земли между держателями при условии выполнения ими уже названных повинностей. Другим средством являлось правовое регулирование проблем держателей земли, обеспечение их правового статуса и имущественного достатка. Это достигалось за счет осуществления суда и контроля над приказной администрацией в соответствии с действующими законами.

Еще в эпоху Казанского ханства на население Горной стороны распространялись его феодальные законы, которые, по-видимому, мало чем отличались от аналогичных московских. Поэтому после присоединения к Русскому государству чуваша, мари́йцы, татары, мордва привычно оформляли свои феодальные владения и обязанности по новым правилам, которые по своей сути были близки прежним.

Более сложным был вопрос правового регулирования общественных отношений. По-видимому, вплоть до начала XVII в. многие имущественные и другие проблемы чуваша и другие жители Горной стороны решали за счет норм обычного общинного права или традиций правовой системы Казанского ханства. Однако, усиление в последующем столетии в пределах Горной стороны новых сословных корпораций (русских помещиков, монастырей), развитие товарно-денежных отношений и, по-видимому, усиление расслоения нерусских общин привели к тому, что регулирование общественных отношений с помощью прежних норм стало затруднительным. В XVII в. нерусские народы Горной стороны все больше начинают обращаться за защитой к органам власти Русского государства, интегрируясь тем самым в его правовую систему.

Список литературы и источников

1. Акты исторические и юридические, и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. I. Казань: Тип. Губерн. правления, 1859. 231 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. XV+548 с.
3. Акчури́н М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 56–61.
4. Алатырский Троицкий мужской монастырь: документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. 512 с.
5. Димитриев В.Д. Документ о землевладении чувашских тарханов в первой половине XVII века // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма: труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. Вып. 93. С. 94–100.
6. Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 106–136.
7. Димитриев В.Д. Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея // Исторический сборник: Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. Вып. 31. С. 266–277.

8. *Димитриев В.Д.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. Вып. 14. С. 173–218.
9. *Димитриев В.Д.* Национально-колониальная политика московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 3–12.
10. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1986. 456 с.
11. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.
12. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – XVII вв.): тексты и комментарии / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 206 с.
13. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.
14. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: тексты / сост. Р.Б. Мюллер, под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1986. 262 с.
15. История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937. 503 с.
16. *Карпов А.В., Чибис А.А.* Нотариат Чувашии во второй половине XVI – начале XXI века: исторические очерки. Самара: Арт-Лайт, 2015. 263 с.
17. *Магницкий В.К.* Тяжебные документы чуваш Козьмодемьянского уезда XVI, XVII и XVIII столетий. Казань: Тип. Губерн. правления, 1893. 19 с.
18. Наказ государя, царя Михаила Феодоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом, чувашскими и черемисскими волостями. Кострома, 1913. 16 с.
19. *Нестеров В.А.* Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI – начале XVII веков (очерк социально-политической истории) // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. I. С. 129–149.
20. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. I. XXXI + 1029 + 12 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. 389 с.
22. *Романов Н.Р.* Чувашия в XVII веке: участие чувашского народа в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. I. С. 150–207.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 82. Л. 756.
24. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 82. Л. 641, 650–652, 701, 726–727, 732–736, 739–743, 764–775.
25. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 82. Л. 772–774.
26. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Т. 2. Законодательство периода образования Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский М.: Юридическая лит., 1985. 520 с.
27. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Т. 3. Акты земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая лит., 1985. 512 с.
28. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 640 с.

A.A. Chibis

TO THE QUESTION OF INCORPORATION OF NERUSIAN PEOPLES
OF THE MOUNTAIN SIDE OF THE KAZAN LAND INTO THE LEGAL SYSTEM
OF THE RUSSIAN STATE IN THE SECOND HALF OF THE XVI – XVII CENTURIES

Annotation. The article is devoted to the study of the formation of a new legal system on the territory of the right-bank part of the Kazan land after its entry into the Moscow state and the judicial practice of the second half of the XVI–XVII centuries.

Keywords: Kazan land, non-Russian peoples of the Middle Volga region, feudal land tenure, feudal law, system of order administration, legal acts of the 16th – 17th centuries.

Д.В. Басманцев

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVIII ВЕКЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье проанализированы некоторые основные направления политики Российского государства во второй половине XVI – XVIII в. и изучено правовое положение народов Волго-Уралья. На основе юридических документов и отечественной историографии прослежены изменения правительственной политики, зависевшие от степени интеграции нерусского населения Поволжья и Приуралья в состав Российской империи.

Ключевые слова: политика Российского государства, правовые нормы, народы Поволжья и Приуралья, льготы, христианизация.

Геополитическая обстановка в Поволжье и Приуралье кардинальным образом изменилась в 1550-х гг., когда Московия покорила Казанское и Астраханское ханства и завладела Волжским торговым путем. Полиэтнический Волго-Уральский край, населенный татарами, чувашами, черемисами (марийцами), мордвой, башкирами и др., был включен в орбиту российской государственности. Многонациональный фактор стал одним из ключевых в становлении Российской державы как империи.

Огромные территориальные приобретения ставили перед московским правительством важные задачи, связанные с обустройством новых земель и организацией государственной власти на местах. По заключению исследователей, государственная власть выступала в полиэтничном обществе как объединяющее начало, формировала правовые основы для вхождения и проживания народов России, регулировала их внутреннюю общественную жизнь, условия хозяйствования, а также отношения с центральной и местной администрацией [67, с. 22]. Не стали исключением территории бывших Казанского и Астраханского ханств. На практике процесс их трансформации во внутренний регион Российского государства имел постепенный и длительный характер, который наиболее полно отразился в юридических документах второй половины XVI–XVIII в.

Одним из сложных периодов для изучения правовой системы по отношению к народам Поволжья и Приуралья является время с момента нахождения Казанских и Астраханских земель под юрисдикцией русского царя и до принятия основного закона государства – Соборного уложения 1649 г. Несмотря на скудные источники по этому вопросу, исследователи отмечают в политике правительства поиск новых форм управления и создание правовых основ для подданных Московии. Однако на практике четкой «программы» правительства по вовлечению народов в состав России, кроме приоритетной военной доктрины, не существовало. Это предопределило на первых порах агрессивную политику дер-

жавы, сводившуюся к подавлению многочисленных очагов восстаний и концентрации контингентов вооруженных сил во вновь основанных городах-крепостях. Лишь в 1560-х гг. для управления периферийными территориями был окончательно учрежден особый государственный орган – приказ Казанского дворца, который способствовал централизации власти и взял на себя особые функции по выработке и реализации правительственного курса [1, с. 125–188; 4, с. 18–25; 6, с. 71–84; 15, с. 42–44, 46, 97–110; 21, с. 134–175; 22, с. 20–53; 41; 43, с. 48–64; 46, с. 38–76; 48; 50; 51, с. 89–91, 99–110; 53, с. 26–29; 59, с. 15–22, 40–44; 71; 75, с. 60–128, 155–190].

В осуществлении государственной политики применялись общепринятые формы и нестандартные рычаги по отношению к вновь присоединенным народам. По мнению В.Д. Димитриева, Россия использовала традиции национальной политики великокняжеских правлений в отношении западных районов Мордовии, северной части Удмуртии, ряда северных народов, включенных в состав русских княжеств и Московской Руси еще до середины XVI в. [41, с. 5].

В регионе Поволжья и Приуралья первоочередной задачей явилось признание территорий бывших суверенных государств за Российским государством. Казанские и Астраханские земли вместе с башкирскими владениями были объявлены собственностью русского царя-защитника и царя-завоевателя («белого царя», «хана», «падишаха» и т.п.). В знак этого народы присягали по своей вере (шерти) царской власти (за исключением башкир [2, с. 32]). Монарх для них воспринимался гарантом спокойствия и благоденствия, жалующим или подтверждающим статус, имущественные и владельческие права подданных своими указами и грамотами [70, с. 76]. Покорение всей Казанской земли в народной среде и в дипломатических кругах представлялось как «источник русского царения» [68, с. 623–624]. В 1556 г. впервые в документах начинают встречаться титулы «царь Казанский, царь Астраханский» [74, с. 206].

Для укрепления престижа русской державы населению объявлялось, что будет сохранена преэминентность, в частности в области налогообложения и земельных отношений. В этом плане вполне справедливой видится мысль А.Г. Бахтина. «Устанавливая ясак, – пишет он, – Иван IV следовал нормам средневекового права, по которым уплата налогов, наряду с принесением присяги, являлась основной формой признания подданства (нахождения под данью)» [21, с. 135]. Все эти составляющие напрямую отражались в правовых документах второй половины XVI – первой половины XVII в.

До 1649 г. в Российском государстве источником права являлся Судебник 1550 г. Ввиду известных причин данный свод законов не учитывал итоги геополитических изменений второй половины XVI в., связанных с включением в состав Российского государства новых территорий. Несмотря на эту ситуацию, правительство принимало локальные юридические нормы, которые, по мнению В.В. Трепавлова, включались в общий корпус государственного законодательства – как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.) [71, с. 62].

Официальную позицию московского правительства по предоставлению своим подданным отдельных прав сообщают летописи, царские грамоты и указы воеводам. Так, после падения казанского владычества царь Иван IV послал к населению «по всем улусом черным людям ясачным жаловалные грамоты опасные»

с тем, чтобы они покорились русскому царю и стали его подданными. Взамен обещалось сохранить за ними прежний социально-правовой статус («они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем») [64, с. 221].

Русская администрация осторожно подходила к решению вопроса о ликвидации прежних властных структур и учреждении новых. В первую очередь, были сохранены некоторые административно-территориальные единицы ханств — дороги (Алатская, Галицкая, Арская, Зюрейская, Ногайская), сотни (Аклычева (бывшая Тугушева), Князь-Ишеева, Князь-Бикбулатова, Князь-Темеева). Все они были приспособлены к уездной системе управления с центрами в городах-крепостях (Казань, Свияжск, Царевококшайск, Чебоксары, Цивильск, Ядрин, Курмыш, Алатырь, Царевосанчурск, Уржум, Яранск, Уфа и др.) [11, с. 58, 60; 46, с. 57; 49, с. 22; 51, с. 67; 52, с. 65]. По утверждению Б.А. Азнабаева, дороги Уфимского уезда представляли собой ясачные округа, учрежденные после податной реформы 1631 г. [3].

Новым в регионе Поволжья и Приуралья стало введение воеводского управления. Оно было продиктовано нестабильностью в присоединенных территориях и постоянной угрозой, исходившей со стороны местного населения и орд, устраивавших постоянные набеги на русские земли. На это указывает содержание наказов воеводам. Местная администрация была наделена широкими функциями надзора и слежки, сыска и судебного преследования, направленными на обеспечение политической безопасности в управляемой территории [10, с. 528; 37, с. 286; 40, с. 68–69]. Так, в воеводском наказе 1613 г. говорилось, чтоб «в Казани на посаде и в уезде в русских людех и в князех, и в мурзы, и в татарех, а в вотяках, а в башкирцах, и в чуваше, и в черемисе шатости и смуты никакие не было» [42, с. 288]. Отдельно было прописано о мерах, предпринимаемых в случае угрозы со стороны «воров или нагайских и крымских людей» [42, с. 289]. Особые меры предосторожности вводились в Астрахани, где воеводы должны были защитить население от ногайцев, азовских и крымских воинских людей [9, с. 211]. Вследствие пограничного положения, как отмечает В.Н. Муратова, начиная с 30-х гг. XVII в. у воевод в Башкирии, помимо дипломатических функций, доминирующими стали военные прерогативы [56, с. 11–12].

От того, насколько успешно воеводской администрацией решались насущные вопросы подданных, зависел общий результат правительственной политики по их интеграции в правовое поле Российского государства. Как свидетельствуют документальные материалы, наиболее значимыми для местного населения являлись вопросы об уплате ясака и выполнении повинностей, разрешении земельных и других судебных дел, несении государевой службы и жалованьях. Например, в пошлинных книгах Печатного приказа за 1613 г. содержатся 169 записей о грамотах, отправленных из различных центральных учреждений к городским воеводам, служившим в Поволжье и Приуралье. Из них в Арзамас адресовано 29, Алатырь — 42, «на Вятку» — 1, Казань — 13, Козьмодемьянск — 15, Курмыш — 17, Свияжск — 13, Царевококшайск («Царев в Кокшайской») — 6, Царевосанчурск («Санчюрской») — 1, Чебоксары — 26, Ядрин и Яранск — по 3 [44, с. 11–295]. Судя по числу обращений в органы власти, население больше всего волновали судебные вопросы, возникшие между отдельными его социальными категориями. 65 грамот разрешали воеводам в подвластных уездах начать сыск по различным правонарушениям («о управе», разбое, грабеже, «в бою»,

«про насилие», «про поклеп», «в убытках», «о животех», «в убийстве», «в татбе») [44, с. 28, 56, 96, 97, 99, 126, 127, 131, 136, 144, 165, 169, 171, 174, 176, 181, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 205–206, 207, 215, 226, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 259, 260, 277]. Среди них была грамота в ответ на обращение сотников, пятидесятников, старост и «всех черных людей Еранского [Яранского] уезду», которая отменяла судебную практику, существовавшую в Смутное время («не велено на них кукарским мужиком суда давати, что делалось в Смутное время») [44, с. 277].

Воеводы, с одной стороны, должны были «людей не ожесточить... ко всяким людям ласку и привет держать, и словом во всяких делах обнадеживать», с другой — «государеве казне прибыли во всем искати» [9, с. 211; 10, с. 528; 40, с. 68]. Нередко на местах происходили перегибы при сборе налогов, на что оперативно пытались реагировать центральные учреждения. В 6 грамотах за 1613 г., зарегистрированных в Печатном приказе, решались вопросы «о ясаку и о посопном хлебе», «о податех», а также о пресечении злоупотреблений местных властей [44, с. 88, 194, 197, 198, 259, 264]. Так, козьмодемьянскому воеводе сообщалось, чтобы с черемисина К. Котячева «прибавленного оброку» не взымали [44, с. 198]. Отправленная «на Вятку» грамота запрещала с вотяков и чувашей «Коринской волости» «пред вятчены лишних податей имати» [44, с. 88]. Горные черемисы в лице И. Казанчеева с товарищами были обеспокоены наложением «на прошлые годы» налогов и просили об их отмене [44, с. 197]. В ноябре 1648 г. аналогичная по содержанию челобитная была составлена жителями Чебоксарского уезда. По ней центральная власть постановила: «вместо всей чебоксарской черемисы, детей их малых, в ясак класть не велено» [76, с. 94].

Другая группа грамот 1613 г. регулировала службу и выплату жалованья представителям народов Поволжья и Приуралья. Из 169 грамот 70 были посвящены обеспечению поместными и отчасти вотчинными и другими землями (сеньными и рыбными угодьями), кабаками, столовыми и иными припасами [44, с. 28, 41, 42, 43, 44, 76, 99, 100, 118, 125, 131, 132, 137, 142, 149, 159, 161, 167, 169, 173, 176, 177, 181, 184, 187, 189, 190, 196, 199, 202, 203, 207, 212, 213, 215, 219, 220, 221, 224, 238, 242, 254, 260, 264, 279, 282]. Это являлось результатом многолетней политики Московии. Правительство оказывало всяческую поддержку и предоставляло правовые льготы нерусской феодальной знати. Русская «национальная политика» дореформенной эпохи, как подытожил А. Каппелер, базировалась на сотрудничестве с лояльными нерусскими элитами и на прочно гарантированном статус-кво, а обращение к традициям, подключение существовавших ранее институтов должно было обеспечить более гладкий переход к новой власти и признание ее легитимности [53, с. 28].

Царское правительство четко осознавало, что без служилых людей — привилегированной части присоединенных народов, немислима реализация политического курса на местах. В то же время, раздача правовых преференций осуществлялась дифференцированно и зависела от многих факторов. «Наибольший кусок» таких льгот выпал на долю башкирского населения. По заключению исследователей, ввиду добровольного и договорного вхождения башкир в состав Российского государства, на них распространялись следующие особые условия: сохранение земли на вотчинном праве, свобода вероисповедания, власть в руках башкирской верхушки во главе с наследственными старостами по вопросам управ-

ления и суда и т.д. [8, с. 23–24; 51, с. 54]. Власть русского царя, предоставившая широкую автономию, ориентировалась на нестабильную ситуацию на юго-восточных границах. Поэтому она, гарантировав башкирам защиту как от притязаний их бывших властителей, так и вторжений соседних народов [6, с. 73], укрепила свою территориальную целостность.

В Вятской земле протекали прямо противоположные процессы. М.В. Гришкина, изучив документы второй половины XVI в., сообщает, что с исчерпанием необходимости в услугах арских князей как посредников между центральной властью и вновь присоединенными к Российскому государству народами правительство лишило их тарханских прав и привилегий и включило в состав черносозных крестьян. В 1583–1588 гг. на севере Удмуртии удмурты и бесермяне, бывшие крепостные арских князей, получили право экстерриториальности [78, с. 19].

В Поволжье ситуация была иной, нежели в Приуралье и Вятско-Камском регионе. Такое отличие в правительственной политике объясняется тем, что Казанский край рассматривался Москвой как неотъемлемая часть Российского государства. Это подвигало на активную военно-государственную и экономическую колонизацию края [62, с. 118]. Несмотря на череду Черемисских войн (1552–1557, 1571–1574, 1581–1585 гг.), народы Казанской земли не получили от правительства уступок, за исключением служилой прослойки, усмирявшей восставших. Основной сдерживающей силой здесь, в отличие от Башкирии, была особая категория нерусского населения – «служилые татары». Начиная с середины XV в. по первую половину XVII в. татарские, мордовские, ногайские князья и мурзы, представители феодальных прослоек удмуртов, черемис (марийцев), чувашей участвовали в покорении Казанского ханства и постоянных военных действиях Московского государства, а также находились на дипломатической службе [29, с. 19; 43, с. 343; 58, с. 136–137; 61, с. 28]. Русская держава всячески поощряла верных ей «служилых татар» вотчинами и поместьями, денежным жалованьем. Все их права закреплялись в царских грамотах второй половины XVI – первой половины XVII в. [12; 14, с. 40–42, 95–96; 17, с. 151, 158–160; 23; 26; 28; 33; 38; 45, с. 49–54, 56–59, 64–65, 76–78, 80–82, 98–101, 103–105, 107–111, 113–114, 125–131, 136–137, 146–149; 57; 73]. Для иллюстрации приведем ряд сведений из актовых документов, принадлежащих служилым людям из нерусской среды. Свияжский князь Тугуш Девлет Бахтыев (Бахтызович) прославился тем, что «всякие службы от казанскаго взятья и на многих делех бивался явственно и ранен бывал». За ревностное служение русскому престолу был пожалован вотчинами и поместными угодьями, кабаками, а также удостоен чести высшей русской аристократии – именоваться «с вичем», то есть Тугуш Девлет Бахтызовичем. Его сын князь Аклыч Тугушев последовал примеру отца. Он был активным участником Смутного времени и был в числе первых, присягнувших царю Михаилу Федоровичу Романову [11, с. 56–62]. Особых привилегий удостоивались и представители княжеских родов из мордвы. Так, в 1572 г. предкам известных мордовских князей и мурз Алатырского и Арзамасского уездов Ромадановым (Ромадановским), Издеберским, Покшазорским, Кижидеевым, Еделевым была вручена жалованная несудимая грамота царя Ивана IV. По ней алатырским и арзамасским воеводам запрещалось производить над ними суд и злоупотреблять своими полномочиями [31; 32].

Таким образом, в основной массе своей народы бывшего Казанского ханства оставались в положении ясачных людей, прикрепленных к земле, и без особых правовых льгот. Это подтверждается также уставной грамотой царя Ивана IV «черемисам» Верхне-Сюндырской и Ишлейской волостей Чебоксарского уезда 1574 г. Она, с одной стороны, свидетельствует о том, что уездное население исполняло свои обязанности в правовом поле Российского государства, с другой — в политике правительства стала учитываться специфика локальных территорий. Кроме воевод и служилых людей, согласно грамоте, правительство делало ставку на представителей ясачного населения — сотников (по-чувашски *çĕрлĕ*) и «лучших» людей [43, с. 65–75]. Чаще всего ими становились тарханы, получившие от государства определенные льготы, например, освобождение от выплат ясака [36; 70, с. 83–84]. Институт служилого тарханства был унаследован от Казанского и Астраханского ханств, который постепенно слился с новой системой местного управления. По справедливому замечанию А.П. Чулошникова, тарханы были смешаны в податном отношении с остальными ясачными башкирами и выделялись среди них только как «знатные и лучшие люди», стоявшие в силу своих прежних связей с местным населением нередко во главе общей массы ясачного населения в качестве различных сотников, старост и старшин [77, с. 10–11]. По документам 1625–1637 гг. численность служилых тарханов в Казанском крае составляла 178–184 чел. [43, с. 345].

Правительством при организации воеводского управления также принимались во внимание местные особенности. Среди приказных служителей числились «татарских дел» подьячие. Так, в 1613 г. в Яранске, Казани и Свияжске подьячими «у татарских дел» являлись А. Матвеев, М. Жданов и И. Карцов [44, с. 194, 212, 278]. В 1625 г. в Чебоксарах эту должность занимал подьячий Ф. Павлов [34, с. 419]. Для преодоления языкового барьера в процессе управления нерусским населением содержался штат толмачей [44, с. 112; 46, с. 47, 139–140; 56, с. 13]. В городах появились должности «татарских» [4, с. 45; 46, с. 136–137; 49, с. 22] и «мордовских» голов из числа русской знати. Из царского наказа воеводе Ф.И. Михалкову следует, что «голове, которой будет в Чебоксарех, велели ведать чебоксарских князей и мурз, и тотар, и судити ему всякие дела в ысцовых исках до пяти рублев» [37, с. 285]. «Татарские» головы, как и «мордовские», привлекались воеводами для сбора денежного и хлебного ясака и для выполнения иных функций [43, с. 52–54; 55, с. 56–59].

Важным в политике Российского государства в полиэтничном регионе Волго-Уралья являлся институт аманатства, применявшийся еще в ордынской политической практике [70, с. 140]. Аманаты были эффективным инструментом принуждения, широко используемый на начальном этапе интеграционного процесса населения Казанского и Астраханского ханств в состав царской державы. Аманатные дворы располагались в городах-крепостях, в них содержались заложники из нерусского населения [43, с. 54, 330]. Наличие аманатов в уездах в определенной мере свидетельствовало о степени инкорпорации населения в структуру Российского государства и освоенности территории в целом. Это во многом объясняет, например, отсутствие аманатных дворов в городах Мордовского края [55, с. 57], или наоборот, сохранение их в Башкирии вплоть до 1730-х гг. [35, с. 232–233; 63] (хотя к этому времени в городах Казанского края аманаты были ликвидированы). Помимо аманатов, в XVII в. правительство объявило особой зоной

территорию Поволжья, где действуют ограничительные меры на осуществление кузнечного и серебряного дела и реализацию заповедных товаров нерусским народам. В 1736 г. в связи с восстанием башкир правительство ввело запрет на кузнечное дело [43, с. 230–240; 48, с. 215–216]. Эти меры, по мнению В.Д. Димитриева, просуществовали вплоть до рубежа XVIII–XIX столетий [39, с. 205].

Со времени присоединения Поволжья и Приуралья активно шло экономическое освоение земель и включение их в политическую и социальную структуры русской державы. Итоги этого процесса иллюстрируют статьи Соборного уложения 1649 г., посвященные нерусским народам. Например, в 41–42 статьях XVI главы «О поместных землях» говорится о регулировании пожалованными поместьями служилых людей («татарова и мордва»). В 43 статье особо оговорено запрещение проводить сделки с ясачными и поместными землями инородцев («А в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чуваша, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцов <...> и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупать и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати») [69, с. 187–188]. Принятие этих норм совпало со временем, когда наметился процесс уничтожения сословных различий между боярством и дворянством и борьбы с местничеством, когда основным критерием при распределении земельного фонда стала обязанность государевой службы [65, с. 66].

С принятием Соборного уложения 1649 г. нерусские народы получили иной, нежели ранее, правовой статус, который заключался в закреплении за ними юридических норм, сформировавшихся за время интеграции в состав Российского государства. По мнению В.А. Юрченкова, во второй половине XVI – XVII в. шло имперское «поглощение» Казанского края путем создания унифицированных структур (административно-территориальное деление, специализированная институциональная организация различных уровней управления и суда и т.п.), интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, экономической и социокультурной модернизации [79, с. 159]. Ощутимых результатов в деле «поглощения» можно было добиться не только путем предоставления правовых гарантий народам Поволжья и Приуралья, но и наложением на них дополнительных обязанностей, усилением налогового бремени.

Государственные деятели второй половины XVII – первой четверти XVIII в., определяя стратегию внутренней политики, в первую очередь исходили из прагматических целей. Следствием этого стали сужение круга ранее предоставленных прав и льгот, а также закрепление поощрительных мер для нерусских народов Поволжья и Приуралья, принимавших православие.

Во второй половине XVII в., по заключению Р.Г. Букановой, ужесточается политика Российского государства в Башкирии. Причиной тому служили успехи в строительстве городов-крепостей и урегулировании отношений с калмыками, приведшие к тому, что башкиры начинают терять свое преимущество в обороне юго-восточных границ. «Правительство, – пишет автор, – заинтересованное в закреплении в составе Российского государства новых подданных – калмыков, приносит интересы башкир в жертву своим внешнеполитическим интересам» [27, с. 210]. В ходе изменившейся политической конъюнктуры, ввиду строительства сети городов-крепостей и заводов у башкир были изъяты значительные территории вотчинных земель. Как утверждает И.Г. Акманов, к началу 1660-х гг. башкиры потеряли часть своих обжитых земель по рекам Шешма и

Зай, низовьям Белой и среднему течению Камы на западе, по нижнему и среднему течению р. Исеть на востоке, вблизи г. Уфы – в центре [7, с. 52]. Наряду с ними росли размеры ясака и тяготы от многочисленных повинностей, а также размах злоупотреблений местных должностных лиц [6, с. 85–86; 27, с. 207–208, 218–220; 66].

В схожем социально-экономическом положении оказались и нерусские народы Поволжья [5; 20; 43, с. 241–269; 61, с. 60–62]. К середине XVII в. чувашским, татарским, марийским, удмуртским и мордовским крестьянам Казанского края запрещалось оставлять свои ясачные земли и переезжать в другие районы [43, с. 262–263]. Эти положения также были закреплены в указах, принятых в конце XVII в. [61, с. 61]. Определенные трансформации происходили в социальном положении служилых людей. Исследователь Н.В. Заварюхин считал, что в XVII в. татары, как и мордовские мурзы, а также русские служилые люди «по прибору» постепенно утрачивали свои привилегии в Мордовском крае и сливались с государственными крестьянами [47, с. 33].

Правительством Российского государства постепенно готовилась почва для дальнейшей интеграции Поволжья и Приуралья, которая основывалась на христианизации нерусских народов. Зачатки этой политики уходили своими корнями ко второй половине XVI в., когда представители высшей знати бывшего Казанского ханства и ее окружение приняли православие. В последующем в христианскую веру обращались представители феодальной знати не только татар, но и других народов [52, с. 233–235]. В первой половине XVII в. существовала особая процедура принятия православия. Для начала претендент на святое крещение подавал челобитную местному воеводе, который оповещал об этом центральную власть. Согласно присланной грамоте из Москвы претендента расспрашивали об истинности и добровольности его намерения, и только после этого выдавалось разрешение на крещение с определением государева жалованья. С соблюдением всех этих правил, например, в 1645 г. был крещен сибирский царевич Аблай бен Ишим, потомок хана Кучума [25].

В религиозной политике второй половины XVII в. применялся комплекс мер, направленных на стимулирование крестившихся с предоставлением им преимущественных прав и льгот в отличие от некрещеных соплеменников. Ключевым моментом явилось то, что законодатель увязал служебные привилегии с религиозной составляющей. Это позволяло проверять подданных на лояльность и находить новые рычаги воздействия на мусульман и приверженцев традиционных верований в регионе Волго-Уралья.

В 1650-е – 1680-е гг. был принят ряд юридических документов о наделении особыми правами крещеных из нерусских народов, в том числе о передаче вотчин и поместий законным наследникам, исповедующим православие [60, с. 148]. В их числе были указы, адресованные романовским мирзам и татарам [24, с. 13]. С изданием указа от 16 мая 1681 г. началась апробация более жесткого варианта «программы» по христианизации татарского и мордовского населения. В случае отказа принять христианство татарские феодалы лишались земельных владений, а мордовское население становилось крепостными некрещеных татар и мурз. За смену религии были обещаны денежные вознаграждения и освобождение от уплаты податей сроком на 6 лет [61, с. 53–54]. Вскоре амбициозные планы правительства были свернуты. Уже 20 мая 1682 г. в Кадом была послана гра-

мота: «которые мурзы, тотары, мордва, чуваша и черемисы не похотят креститься», то их следовало оставить в покое [24, с. 14]. Такие попытки правительством предпринимались и по отношению к башкирам [51, с. 108]. Подытоживая правительственную политику в деле христианизации нерусских народов Казанского края со второй половины XVI в. по 1740-е гг., М.В. Гришкина справедливо указывает, что царская держава путем проб и ошибок искала оптимальные решения и способы воздействия на нерусское население с целью подвигнуть его на принятие христианства. Массовая христианизация, по ее мнению, еще не стала главной целью, добивались крещения наиболее влиятельной прослойки нерусских вотчинников, помещиков и служилых людей, за которой должна была последовать рядовая масса [30, с. 243].

В условиях многонациональности и поликонфессиональности правительство осознавало, что форсированная политика по интеграции нерусских народов в «клуб» полноправных подданных Российского государства невозможна без проявления гибкости и терпимости. На протяжении XVIII в. эти и другие результаты предшествующих лет были учтены и вошли в новую стратегию имперской политики, хотя и не сразу. Она имела целенаправленный характер и реализовывалась с учетом объективных и субъективных факторов.

В конце XVII – первой четверти XVIII в. из правительственной практики постепенно были искоренены аманаты, различные должностные чины, обновилась законодательная база в целом. В 1724 г. ясачные народы Поволжья вошли в состав государственных крестьян. В данную категорию также были низведены служилые люди, в том числе тарханы, из нерусских народов, пользовавшихся во второй половине XVI – XVII в. определенными привилегированными правами [39, с. 44, 47, 60–61; 61, с. 132–176]. Несмотря на то, что бывшие служилые люди вошли в податную категорию крестьян, за ними были сохранены некоторые особенности их прежнего юридического статуса (пользование вотчинными землями, несение лашманской повинности). Реформа старой системы служилых чинов стала следствием введения Табели о рангах 1722 г. и учреждения новой военно-чиновной системы, основанной на бюрократических принципах [13, с. 168]. Это привело к ликвидации прежней системы формирования иррегулярных войск из народов Поволжья и замене ее на рекрутскую повинность [39, с. 183–184; 49, с. 164; 78, с. 36].

В то же время подушная подать не была введена в Башкирии, где население осталось на ясачном положении. Лишь в 1740-х гг. ясак постепенно был приравнен к размеру подушной подати, а в 1754 г. и вовсе заменен принудительной покупкой соли по фиксированной цене [35, с. 221; 51, с. 283]. Вплоть до 1750–1760-х гг. у башкир сохранялся институт тарханства [16, с. 99]. На протяжении XVIII в. главной обязанностью башкир оставалась служба в составе иррегулярных войск России [51, с. 281–282].

В 1740-х гг. правительство приступает к активной фазе реализации политики по насильственной христианизации народов Поволжья и Приуралья. В ходе этой крупномасштабной кампании чуваша, марийцы, мордва и удмурты формально были обращены в православие. Со стороны государства им предоставлялось трехгодичное освобождение от уплаты подушной подати и несения рекрутской повинности, а также были обещаны вознаграждения. При этом некрещеные их соплеменники вносили в казну все сборы и выполняли различные повинности

как за себя, так и за крещеных однодеревенцев. Целенаправленная политика правительства была рассчитана на полную этнокультурную интеграцию нерусских народов региона Волго-Уралья. Впредь они, как и русские, должны были раз в год исповедываться у священнослужителей. Государственная власть, изменив социальную стратификацию и заставив поменять религию, пыталась унифицировать статусную сущность своих подданных, одновременно насаждая имперскую идеологию [18; 19; 39, с. 347–348; 49, с. 174–175; 54, с. 70–76; 60, с. 172–206; 79, с. 165–167]. Все эти методы применялись и по отношению к приверженцам ислама. Однако ни в Поволжье, ни в Приуралье они не привели к желаемым результатам [51, с. 283–286; 61, с. 94–120].

На протяжении рассматриваемого времени законодательство Российского государства не только менялось и обновлялось, но и корректировалось, в основном вслед за восстаниями народов Поволжья и Приуралья. Так, после восстания под предводительством С.Т. Разина (1670–1671) правительство и местная власть внесли изменения в порядок сбора ясака, смены воевод, рассмотрения судебных дел в приказе Казанского дворца и т.д. [46, с. 164–167]. После восстания 1681–1684 гг. в Башкирии появился указ, осуждающий захват башкирских земель и отстраняющий от должности воеводу г. Уфы князя Коркодинова. Правительство официально отказалось от политики христианизации мусульманского населения [51, с. 116–117].

Восстания в Башкирии в первой половине XVIII в., вызванные переходом общинных земель в казну, введением многочисленных налогов, связанные с религиозными убеждениями нерусского населения края, стали «сигналом» для властей проявить гибкость. Однако карательные меры не изменили ситуацию, а наоборот, усугубили. Например, в период восстания 1704–1711 гг. повстанцы грозились выйти из состава России и создать на территории Волго-Уралья самостоятельное ханство. В целом, восстания, вспыхивавшие в 1704–1711, 1735–1740, 1755–1756 гг., очередной раз показали, что на территории Башкирского края должны сохраняться привилегированные права. Более того, правительство, реализуя административно-территориальную и фискальную реформы, политику христианизации, не решилось нарушить прежний уклад и пошло на существенные уступки [51, с. 118–240].

Переломным моментом в исходе насильственной христианизации народов Поволжья и Приуралья и выработке политики веротерпимости в России стали итоги Крестьянского восстания под предводительством Е.И. Пугачева 1773–1775 гг. [39, с. 393–441; 49, с. 217–235; 51, с. 326–359; 53, с. 30–31; 61, с. 120–131]. При этом, по мнению А.И. Ногманова, провозглашение принципа веротерпимости не означало отказа самодержавия от унификаторских устремлений и не поколебало главенствующего положения православия [61, с. 123]. Основная масса нерусских народов, формально принявших христианство, еще долгое время не оставляла традиционных убеждений, сохраняя, таким образом, свою идентичность в поликонфессиональной и многонациональной среде Российской империи.

Подводя итоги, обратим внимание на следующие основные положения. Правительственная политика русской державы в изучаемый период строилась в зависимости от степени интеграции подданных в правовое поле Российского государства. Она носила выраженный поливариантный характер. Основными рычагами воздействия на народы Поволжья и Приуралья стали льготы и привилегии,

запретительные меры и массовая христианизация. Несмотря на национальные, религиозные и культурные особенности региона Волго-Уралья, формировалась, как утверждает В.В. Трепавлов, «многослойная» идентичность — очевидно, характерная в целом для империй: наряду с принадлежностью к своему этносу (а у некоторых народов еще и к клану, племени, патронимии, тейпу и т.д.), его представитель начинал осознавать себя еще и россиянином — жителем, подданным, гражданином общего Отечества [72, с. 15].

Источники и литература

1. *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII — первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. М., 2006. 51 с.
3. *Азнабаев Б.А.* К вопросу о возникновении дорог Уфимского уезда как податных округов (XVII век) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). История. Вып. 57. С. 24—30.
4. *Айплатов Г.Н.* Марийский край в составе Российского государства второй половины XVI — начала XVIII веков: проблемы социально-экономической и политической истории: научный доклад (дисс.) ... д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. Чебоксары, 2002. 72 с.
5. *Айплатов Г.Н.* Ясачное землевладение в Среднем Поволжье в XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: сб. 8 / отв. ред. А.М. Анфимов. М.: Наука, 1974. С. 95—111.
6. *Акманов А.И.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
7. *Акманов И.Г.* Восстание 1662—1664 гг. — первое массовое движение в Башкирии // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX вв. / отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: БФ АН СССР, 1981. С. 45—67.
8. *Акманов И.Г.* Выбор исторического пути: добровольное вхождение Башкортостана в состав Русского государства // Гуманитарные науки в Башкортостане: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН / сост. Н.В. Ахмадиева, Н.А. Хуббитдинова. Уфа: Гилем, 2007. С. 21—24.
9. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. 1613—1645. СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. III+501+18 с.
10. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2 / под ред. Н. Калачова. СПб.: Тип. Император. Академии наук, 1864. X+870 с.
11. *Акчури М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д.* О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 56—62.
12. *Алишев С.Х.* Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI—XVIII веков // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода / отв. ред. Ю.И. Смыков. Казань: ИЯЛИ, 1984. С. 52—69.
13. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719—1728 гг. / Е.В. Анисимов. Л.: Наука, 1982. — 296 с.
14. Арзамасский уезд в XVII в. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сб. документов / сост. Б.М. Пудалов. Нижний Новгород, Комитет по делам архивов Нижегородской области; Центр. архив Нижегородской области, 2018. 395 с.
15. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
16. *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
17. *Басманцев Д.В.* Землевладение в Чувашском крае во второй половине XVI—XVIII веке: обзор документальных материалов по спорным делам генерального межевания // Чувашский гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 140—160.
18. *Басманцев Д.В.* Имперская идеология и нерусское население на территории Чувашии в XVIII веке // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 302—306.
19. *Басманцев Д.В.* Священнослужители и система воеводского управления в Чувашии в 1719—1781 годы // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 7—11.

20. *Басманцев Д.В.* Чувашские и марийские крестьяне правобережья р. Волга в XVII – начале XVIII века: штрихи к этническому и социально-экономическим процессам // Чувашаи и марийцы – соседи по «общему дому»: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН; МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 122–130.
21. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края / науч. ред. О.Н. Сутырина. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 191 с.
22. Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы: сб. документов / сост. Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков; отв. ред. И.М. Гвоздикава. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 204 с.
23. *Беляков А.В.* Документы XVI – начала XVII века из Темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 39–48.
24. *Беляков А.В.* Конфессиональная политика в России конца XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 13–14.
25. *Беляков А.В.* Крещение знатных мусульманских выходцев в России середины XVII в.: судьба сибирского царевича Аблая бен Ишима // Вестник церковной истории. 2018. № 1–2 (49–50). С. 5–29.
26. *Беляков А.В.* Мещерские казаки (татары) XV–XVII вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 67–72.
27. *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
28. *Видяйкин С.В.* Служилые татары и мордовские мурзы на Присурском фронтире. Пространство расселения инородческого служилого населения Верхалатырского и Верхсурского станнов Алатырского уезда в 1620-е гг. // Центр и периферия. 2018. № 1. С. 67–74.
29. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М.: ПИК ВИНТИ, 2006. 320 с.
30. *Гришкина М.В.* К проблеме адаптации удмуртов в системе Российского государства в XVI–XVIII веках // Служение истории: сб. статей / отв. ред. А.Г. Иванов. Чебоксары: [б. и.], 2008. Вып. 2. С. 230–250.
31. *Демидов А.Н.* «Еделеvский» список «оберегательной памяти» царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам 1572 года // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 1. С. 29–41.
32. *Демидов А.Н.* Грамота царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам Алатырского и Арзамасского уездов 1572 года // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 2. С. 89–97.
33. *Демидов А.Н.* Прощение о дворянстве беловодских мурз (князей мордовских Романовых (Романадовских) и Кижелеевых // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 7–19.
34. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / отв. сост. Г.А. Иванова; сост. Л.К. Бажанова, С.В. Десятникова, М.Ю. Зенченко, А.Д. Шахова. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.
35. *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т. 68 / отв. ред. А.Л. Сидоров. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 211–237.
36. *Димитриев В.Д.* Документ о землевладении чувашских тарханов в первой половине XVII века // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Труды ЧНИИ. Вып. 93 / ред. В.Ф. Каховский, В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИ, 1979. С. 94–100.
37. *Димитриев В.Д.* Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ / отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: ЧНИИ, 1962. Вып. 21. С. 282–318.
38. *Димитриев В.Д.* Землевладение служилых чувашей Свяжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.) / отв. ред. Ю.П. Смирнов. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 53–71.
39. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов) / под ред. П.П. Епифанова. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 532 с.
40. *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевкокшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 62–71.
41. *Димитриев В.Д.* Национально-колониальная политика Московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 4–13.

42. *Димитриев В.Д.* «Царские» указы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: сб. статей / ред. А.В. Изоркин. Чебоксары: ЧНИИ, 1974. Вып. 3. С. 284–419.
43. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.) / ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
44. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. С.Б. Веселовский; подгот. к изд. Н.К. Ткачевой; отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1994. 497 с.
45. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.) / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990. 206 с.
46. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем) / науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.
47. *Заварюхин Н.В.* Очерки по истории Мордовского края периода феодализма / науч. ред. Н.Ф. Мокшин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 296 с.
48. *Иванов А.Г.* Марийский край во второй половине XVI–XVII веках // Служение истории: сб. статей / отв. ред. А.Г. Иванов. Чебоксары: Новое время, 2009. Вып. 2. С. 196–230.
49. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с.
50. *Иванов А.Г.* Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв. // Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 14–31.
51. История башкирского народа. В 7 т. Т. 3 / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.
52. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.) / науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
53. *Каптелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с немец. С.М. Червоная. М.: Традиция-Прогресс-Традиция. М., 2000. 344 с.
54. *Каптелер А.* Чуваши. Народ в тени истории / пер. с немец. Е.В. Толстой; науч. ред. Л.А. Таймасов. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. 268 с.
55. *Кочетков В.Д.* «Велено быть у бортников и мордвы воеводой». К вопросу о специфике воеводского управления Алатырским уездом в XVII в. // Центр и периферия. 2018. № 1. С. 56–66.
56. *Муратова В.Н.* Управление Башкирией во второй половине XVI – 40-х годах XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Уфа, 1991. 17 с.
57. *Мустафина Д.А.* Акты землевладения служилых мурз Ишеевых из фондов Российского государственного архива древних актов // Тюркологические исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 97–111.
58. *Муфтахутдинова Д.Ш.* Служилые татары Волго-Уральского региона на дипломатической службе Российского государства (XVI–XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 136–142.
59. Национальные окраины Российской империи / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
60. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / Н.В. Никольский; сост., автор предисл., коммент. и примеч. Г.А. Николаев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.
61. *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки законодательной политики во второй половине XVI–XVIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.
62. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева и др.; под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарский ун-т, 2013. 360 с.
63. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (1649–1825 гг.). (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. 8. № 5703. 19 февраля 1731 г. С. 384.
64. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. VIII. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. V+302 с.
65. Развитие русского права второй половины XVI–XVIII вв. / С.И. Штамм, И.А. Исаев, Н.Н. Ефремова и др.; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. 312 с.
66. *Рахматуллин У.Х.* Повинности башкир в XVII – первой половине XVIII в. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. / отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: БФ АН СССР, 1981. С. 26–44.
67. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. 378 с.
68. *Соболева Н.А.* Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.) // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. М.: Русская панорама, 2011. С. 552–656.

69. Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
70. *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
71. *Трепавлов В.В.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 60–73.
72. *Трепавлов В.В.* Начало формирования многонациональной России: контакт народов и культур в Поволжье // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: Труды международной научной конференции (Самара, 11–13 сентября 2008 г.). Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2008. С. 12–18.
73. *Файзрахманов И.З.* Мурзинские роды Казанской губернии: свидетельства их имени-того происхождения согласно сведениям Казанской губернской и провинциальных канцелярий за 1780 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. № 11. С. 119–162.
74. *Филошкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
75. *Фирсов Н.А.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В университетской типографии, 1866. 261+IV с.
76. Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл. и примеч. Д.В. Басманцев; ГИА ЧР; ЧГИГН. Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. 676 с.
77. *Чулошников А.П.* Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половине XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 3–64.
78. Этносоциальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI–XX вв.) / отв. ред. М.В. Гришкина и Л.Н. Бехтерева; Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: Удмуртия, 2009. 264 с.
79. *Юрченков В.А.* Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX вв. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. статей / науч. ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic research center, Hokkaido university, 2003. С. 156–175.

D.V. Basmantsev

**THE POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN RELATION TO THE PEOPLES
OF THE VOLGA AND URAL REGIONS IN THE SECOND HALF OF THE 16th–
18th CENTURIES: SOME FEATURES**

Annotation. The article analyzes some of the main directions of the policy of the Russian state in the second half of the 16th–18th centuries and studied the legal status of the peoples of the Volga-Ural region. On the basis of legal documents and domestic historiography, changes in government policy are traced, depending on the degree of integration of the non-Russian population of the Volga and Ural regions into the Russian Empire.

Keywords: policy of the Russian state, legal norms, peoples of the Volga and Ural regions, benefits, Christianization.

ГРАНИЦЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII ВЕКА

Аннотация. Московское государство с момента его возникновения являлось многонациональным. С расширением его границ на Восток количество входивших в него народов постоянно увеличивалось. Это привело к раннему формированию норм взаимодействия с неправославным населением государства. В статье рассматриваются принципы, на которых строились межэтнические/межрелигиозные взаимоотношения русских властей с народами Среднего Поволжья.

Ключевые слова: Московское государство XVI–XVII вв., народы Среднего Поволжья, межэтническое взаимодействие, Восточная Мещера.

Народы Московского государства к моменту его возникновения в последней четверти XV в. уже имели богатый опыт мирного существования на своей территории представителей различных этносов и религий. Продвижение на Восток увеличивало количество подвластных народов. Для их успешной интеграции в общероссийское правовое и экономическое поле требовалось разработать определенные принципы взаимодействия между центром и национальными окраинами. Первоначально эти механизмы опробовались на территории Восточной Мещеры. В дальнейшем накопленный опыт успешно применялся по отношению к иным территориям.

Формирование Мещерского (Шацкого) уезда в составе Великого княжества Московского, а затем и Московского царства началось в первой четверти XIV в. и закончилось в начале XVI в. В эти территории входили обширные земли от г. Касимова на западе до р. Суры на востоке, от р. Оки на севере и до р. Вороны на юге. При этом длительное время южные и восточные границы были более чем условными и зависели от обстановки в степи. В периоды относительно мирного сосуществования между Москвой и государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды, происходило бурное экономическое освоение новых территорий, в первую очередь южных. Это подразумевало появление там новых бортовых уюжаев, сенокосов, пастбищ и, возможно, пашни наездом. Новые постоянные населенные пункты там, как правило, долго не возникали. Когда отношения со «степью» обострялись, эти территории временно забрасывались. Мордовские племена являлись исконным населением этих мест. В XII в. здесь возникают отдельные славянские анклавы (Городец Мещерский и Андреев Городок Каменный). Постепенно славянское (русское) присутствие в регионе возрастало. Через принятие православия происходила медленная ассимиляция части мордовского населения на западе региона. Чем дальше на восток, тем русских жителей было меньше [9]. В определенный момент в регионе появляется значительный тюркский компонент. Когда это произошло, мы не можем сказать. Высказывается пред-

положение, что первые тюркские племена могли появиться здесь еще в доордынский период. Однако в нашем распоряжении имеются только прямые и косвенные свидетельства о татарах, проживавших в регионе с XIV–XV вв. К XV в. здесь уже сформировался своеобразный тюрко-мордовский симбиоз, подразумевавший передачу отдельным представителям местной татарской знати за военную службу части государственных податей с тех или иных мордовских беляков. Беляки — это первоначально некие внутриэтнические группы мордвы, возникшие в период разложения родовой общины, приобретшие позднее черты податного округа. В той или иной форме они фиксируются и у других народов Поволжья и Приуралья (башкиры, марийцы и др.). После присоединения мордовских земель к Московскому государству великий князь московский жаловал отдельных татар «княжением» над мордвой того или иного беляка, судебными пошлинами и ясаком «по старине». По-видимому, подобная практика имела место в регионе и в домосковский период. По материалам XVI в. мы видим, что данные пожалования были пожизненными и передавались по наследству старшему в роде. Позднее начинает утверждаться принцип наследования от отца к старшему сыну. При этом подобный мурза становился князем. Князь в данном случае не титул, а должность, близкая должности волостеля. В соседних Муромских землях (Кирдяновская мордва) известны русские волостели, которые в конце XV в. управляли мордвой 1–2 года [22, с. 177, 178]. Следует особо подчеркнуть тот факт, что мордва сохраняла свое внутреннее самоуправление и выходила на войну собственными подразделениями [25, с. 3–4; 4; 5; 6; 11]. По своему правовому положению она была близка русскому черносошному крестьянству.

Основу экономики региона составляла эксплуатация лесных богатств края, в первую очередь бортничество. Хотя, возможно, пушной промысел также имел большое значение. По сообщению Д. Флетчера, именно из Мещеры (Кадома) на рынок поступали одни из лучших кунных шкурок [34, с. 15]. Значительное место, в основном среди татар, занимало скотоводство. Земледелие также было известно. Однако значительный импульс в его развитии сыграли два фактора — проникновение в регион большого числа русских крестьян переселенцев и постепенное сведение бортных лесов.

С середины XV в. на западе Мещеры в г. Касимове (Городец Мещерский) появилась традиция поселения служилых татарских царей и царевичей. Они здесь же испомещались на землях их дворцовых волостей и получали касимовские подати, ранее шедшие великому князю московскому. Однако говорить о полунезависимом или же удельном статусе этих территорий не приходится [10, с. 265–268; 13].

На востоке Мещеры, в районе городов Темников и Кадом, возникло образование, получившее в научной литературе название «Темниковского княжества». На рубеже XIV–XV вв. сюда переселилась группа татар во главе с князем Беханом. Они практически сразу попали в определенную степень зависимости от Москвы. Однако длительное время данные территории, по-видимому, находились под двойным сюзеренитетом. Косвенные данные указывают, что до событий 1480-х гг. эти земли также подчинялись и Большой Орде. Московская власть укреплялась в регионе постепенно. Зримыми этапами этого стало писцовое описание земель в 1510-х гг. и перенос городов Темников и Кадом на новое место в 1530-х гг. Тогда же, по данным археологии, произошло значительное увеличение численности

русского населения в крае. Однако пришедшая сюда русская администрация проводила довольно гибкую политику по отношению к местному населению. Сложившаяся ранее система управления долгое время сохранялась почти в неизменном виде. В середине – второй половине XV в. в Восточную Мещеру пришла еще одна группа татар во главе с князьями Кугушевыми – Тенишевыми – Еникеевыми. Им удалось встать во главе всей местной татарской корпорации. Однако Беханиды сохранили свой высокий статус и обширные земельные владения.

Структура общества в регионе на середину XVI в. лучше всего описывается в разрядной книге Полоцкого похода 1563 г.: «Темниковские люди: Еникей князь с товарищи и с их людьми» [17, л. 27 об., с. 40]. Таким образом, Еникей являлся безусловным лидером корпорации. Но при этом остальные князья находились в полуавтономном положении по отношению к нему и выходили служить со своими собственными военными отрядами, состоявшими из младших родственников (мирз) и казаков (служилые люди, не ведущие свое происхождение от родоплеменной знати). Возможно, изначально все казаки были поделены между своими князьями и находились на положении боевых холопов. Однако в конце XVI в. они стали отпускаться наследниками первых князей на волю и помещались московским царем на свободных землях. Мордва и бортники (русские люди, покупавшие бортные ухажи в регионе) выходили на войну собственными отрядами. Они обязаны были выставлять по одному всаднику от трех дворов вплоть до второй половины XVII в. При этом отдельные представители мордовских общин также могли верстаться в регулярную военную службу. Тогда их земельные наделы выделялись из общинных земель и обелялись. Такая мордва называлась тарханами. Постепенно в приказной документации служивая мордва стала сливаться в единое целое со служилыми татарами.

Князья Еникеевы сохраняли значительную власть в регионе как минимум до 1610-х гг. Отдельные удельные права фиксируются за ними до конца XVII в. Князьям Еникеевым «изстари» принадлежали доходы с темниковского кабака [6, с. 225–226]. Имеются данные, позволяющие предположить, что доходы с кабака принадлежали представителям семьи или же давались им на откуп еще и в XVII в. [26, д. 1130].

Принадлежали роду и доходы с темниковской таможни, которые фиксируются вплоть до конца XVII в. [26, д. 4, 6, 16, 111, 1143; л. 9, д. 1577, л. 2]. Первоначально они делились между всеми представителями рода. Но в XVII в. список претендентов был ограничен строго определенным кругом лиц и их наследниками [26, д. 111]. Для сбора пошлин («пятно») на таможне имелись представители всех получателей денежных средств [26, д. 1443, л. 9]. Еникеевым принадлежало и полавочное с темниковского торгового [2, № 193, с. 161].

О доходах с беляков в пользу князей Еникеевых нам известно очень мало. В жалованной грамоте вдове князя Кулунчака Еникеева 1609 г. как источник доходов князя Кулунчака указаны пошлины с разбойных дел и мордовский ясак – 11,25 рубля [2, № 193, с. 161]. После смерти князя Еникея его доходы были разделены между наследниками на 5 жеребьев. Получается, что ясак Еникея составлял 56,25 рублей. Что касается судебных пошлин, то они могли собираться в пользу рода как только с татарского и мордовского населения края, так и со всего, включая русское, населения уезда.

Следует сказать несколько слов и о судопроизводстве. В регионе, по-видимому, по целому ряду случаев длительное время помимо великокняжеского

(царского) суда сохранялась возможность рассматривать спорные дела на суде абызов. По крайней мере, в соседнем Алатырском уезде еще в 1635 г. местные татары били челом в Москву, чтобы их судили «на Алаторе, а по селам и деревням не судили» [28, кн. 23, л. 174]. В нашем случае важно то, что для самих татар (и мордвы?) воеводский суд с какого-то времени стал предпочтительней.

На протяжении всего XVI в. и, по крайней мере, в начале XVII в. главы рода являлись своеобразными наследственными и бессменными «вторыми» воеводами в городе и уезде. О первом или втором воеводском месте можно спорить. Однако очевидно, что человек, назначаемый из Москвы, осуществлял общий контроль, ему же подчинялось местное православное население. Татар, и в той или иной степени мордву, безусловно, ведали Еникеевы. У последних было одно важное преимущество над присылаемыми воеводами: они постоянно проживали в регионе и поэтому лучше разбирались во всех местных вопросах.

В середине XVI в. упоминания князей Еникеевых устойчиво связаны с посольскими делами (сообщения о приезде ногайских послов). Грамоты из Москвы писались только на имя татарских князей. Это позволяет нам предположить, что русские «воеводы» какое-то время официально имели статус приставов при князьях.

Мордва выбирала из своей среды сотских, отвечавших перед властями за сбор налогов с конкретного беляка (его части). Встречаются также упоминания мордовских князей. Однако Москву они начинали интересоваться только в том случае, если переходили на положение служилых людей.

Длительное время главной ценностью в регионе оставались леса, пригодные для бортничества. Они рано были разделены между мордвою и татарами на вотчины бортные ухояи. Это были обширные участки леса, которыми владели на вотчинном праве тот или иной человек или же группа лиц. Главным источником дохода служил собранный мед диких пчел. Помимо этого здесь можно было охотиться, ловить рыбу, косить сено, распахать пашню и заниматься иными видами хозяйственной деятельности. Знаками владельческих прав являлись бортные знамена, помещавшиеся на деревьях, пригодных для бортничества. Продать бортное знамя означало продать ухояи. Владельцами вотчин бортных ухояев могли быть помещики, монастыри, крестьяне, мордва, посадские люди. Вотчины монастырей и служилых людей освобождались от уплаты государевых податей, податное же население обязано было уплачивать верховой (медвяной) оброк и отдельно деньги за право рыбной ловли и охоты. Единица обложения в настоящее время неизвестна. По-видимому, обложение носило заявительный характер. При этом умалчивание об имеющемся бортном ухояе или же его размерах, могло сыграть с владельцем злую шутку в случае его продажи или судебного разбирательства. Распахиваемая в ухояях пашня у служилых людей зачислялась в поместный оклад и в случае превышения размеров последнего частично могла конфисковаться. У податного населения она облагалась налогом (посошной хлеб) в пользу государства [20]. На настоящий момент о природе вотчин бортных ухояев известно немного. Мы можем утверждать, что это очень древняя форма собственности, присущая многим народам северной части Евразии. При этом правила пользования ими и налогообложение были приблизительно одинаковы как в России, так и в государственных образованиях, еще не вошедших в ее состав. При этом мед не всегда являлся главным источником дохода. В Сибири, к

примеру, его заменяли меха, в степных зонах — продукты скотоводства. В Европейской части России такие вотчины просуществовали до рубежа XVII—XVIII вв. Известно, что крепостные крестьяне утратили права на них только в XVIII в. в результате введения Петром I лесного законодательства [15, с. 45—58]. Хотя сам механизм этого до настоящего времени непонятен. Законодательство о бортовых угодьях XVI—XVII в. также не исследовано и, по-видимому, было довольно сложным. Неизвестно, обладал ли вотчинник исключительным правом на хозяйственную деятельность в угодьях, или же оно ограничивалось исключительно бортовничеством. Мы имеем на этот счет более чем противоречивые свидетельства документов [3].

О повседневной жизни жителей Мещеры нам известно значительно меньше. Но и тут источники позволяют сделать некоторые наблюдения.

Нами был выявлен ряд документов, позволяющих уточнить, что представлял собой регион на рубеже XVI—XVII вв. В первую очередь мы имеем в виду комплекс судебных дел с 1 сентября 1604 г. по середину марта 1605 г. [26, д. 1443, 1946]. В своей основе это иски челобитные, подаваемые в приказную избу. Помимо изложения сути дел, на них на обороте стоят пометы о дате даче истцам пристава или же даче приставу памяти (как правило, по ней и датируется документ), а также дата вершения дел (помирились до или же после суда), размеры судебных пошлин и, в ряде случаев отдельные записи о ходе процесса (речи ответчиков, пометы о шертвовании и др.). Вторыми по численности выступают ссыльные памяти, данные истцами (реже ответчиками) на свидетелей. В отдельных случаях здесь же содержатся показания свидетелей (явки [26, д. 1443, л. 80, 83]). Также имеются единичные записи о неявке ответчиков к сроку, дополнительных челобитий истцов и выписи из платежных документов. Сохранилась также единичная указная грамота, присланная из Москвы и касающаяся населения дворцовой Краснослободской волости*. Данные документы изначально составляли цельный комплекс, при этом, судя по книге сбора судебных пошлин [26, оп. 2, д. 1], сохранившийся если не целиком, то довольно полно. Однако позднее из него по непонятным причинам оказались выделены в отдельное дело 20 документов. Все они объединены по одному принципу — окончательные решения по ним были приняты в марте 1605 г. Вторую группу документов составляют отрывки двух книг 1603/04 г.: сбора судебных пошлин и пошлинным деньгам (ставленая книга) со ставления меда и варения пива.

Эти документы интересны сразу по нескольким позициям. Во-первых, они позволяют достаточно точно определить количество судебных дел, которые велись в приказной избе, и их распределение в течение года. Очерчивается круг имущественных вопросов, разбиравшихся в суде. Их можно разделить на две большие группы: 1) пашенное и вотчинное насилие, подразумевавшее завладение чужой пашней или же вотчиной бортовым угодьями, а также воровство меда; 2) иски в заемных делах.

Из второй группы дел хорошо вычлениаются: 1) иски в собственно заемных (кабальных и бескабальных) деньгах; 2) иски, вызванные неуплатой отдельными

* Первоначально это была вотчина Михаила Нагова, впоследствии досталась Борису Федоровичу Годунову, а в Смутное время отошла к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому [8, с. 232, 241—242].

членами общины государственных повинностей (денежных и натуральных); 3) иные случаи.

Наиболее интересными следует признать иски, связанные с покупкой мордвой жен. Дело в том, что у мордвы долгое время существовала практика покупки жен. Не понравившуюся супругу муж мог также продать, при этом с детьми [26, оп. 1, д. 1946, л. 19–21]. Деньги, выплаченные за жену ее родителям, назывались «пой» [26, оп. 1, д. 1443, л. 44, 50, 115] и могли составлять более чем значительную сумму (8–10 руб.). Далеко не каждая семья могла сразу найти подобную сумму. Поэтому деньги брались в долг, или же жена покупалась в расрочку. В случае несоблюдения условий сделки (отдали за другого) и долгого судебного разбирательства размер иска мог значительно вырасти (до 29 руб.). Поэтому во многих случаях, когда не указывалось, на что брались деньги в долг, мы вправе предположить, что именно на покупку жены. В любом случае женитьба была делом разорительным. В настоящее время этнографам известна данная традиция на материалах XIX в. При этом сам термин «пой» они пытаются объяснить от русского «пропой», что, как мы видим, абсолютно необоснованно [30]. Еще одной причиной заимствований можно назвать необходимость мордовским сотникам платить государевы подати за своих «волощан», которые в свою очередь не всегда торопились компенсировать эти затраты.

Также в этих документах содержатся интересные сведения о судопроизводстве. Достаточно активно в нем применяются практики обычного права. На это указывают упоминания на шертование на осину («шертовал осину») [26, оп. 1, д. 1443, л. 6 об., 10 об.; оп. 2, д. 1, л. 33 об.]. Как происходил подобный обряд, — остается загадкой. Немногим помогает и еще одно уточнение: «что он с асины упал и потому стал виноват» [26, оп. 2, д. 1, л. 29]. Нам удалось обнаружить только один похожий пример. В некоторых мордовских деревнях еще в конце XIX в. давали клятву «через лутошку». Лутошкой называлась очищенная от коры древесина липы. Испытуемый должен был перешагнуть через нее со словами: «Чтобы иссохнуть мне, как эта лутошка, если солгу» [31, с. 65]. Но это другое дерево. И через него перешагивают, а не залезают на него или же проходят по нему. Здесь следует отметить, что осина выступает в мордовском фольклоре как темное (нечистое, тяжелое) дерево. Боимся показаться излишне смелыми, но подобная клятва чем-то напоминает клятву своей бессмертной душой у христиан. Подобные шертования фиксируются в документах наряду с целованием креста [26, оп. 1, д. 1443, л. 107; оп. 2, д. 1, л. 18 об.] и клятвой на Коране [26, оп. 1, д. 1443, л. 40]. Остается открытым вопрос и о том, должно ли было присутствовать во время подобных шертований или же судебных поединков какое-либо лицо, выполнявшее жреческие функции у мордвы.

Важным также являются упоминания абызов. Абызами (хафизами) изначально называли людей, знавших Коран наизусть. В русских документах дается более широкая трактовка этого слова. В любом случае это грамотный человек, который мог не только отправлять религиозные обряды, но и выполнять определенные административные функции. В частности, принимать участие в принесении клятвы (шерти) на Коране и свидетельствовать документы своим рукоприкладством вместо неграмотных татар [7]. Можно предположить, что некоторые абызы при хорошем знании русского языка и грамоты могли находиться

на государевом жаловании. В Астрахани на рубеже XVI–XVII вв. переводчик Богдан Брюшков был пожалован «пошлинами с тотарских судных дел, с суда по полуполтине» [21, с. 185]. Если темниковская дозорная книга 1613/14 г. отмечает обызвов только на городском посаде и в остроге [25, л. 12, 15 об., 20, 20 об.], то в публикуемых документах они известны и в отдельных сельских поселениях (деревни Митрялы, Пичиполони) [26, оп. 1, д. 1443, л. 34; оп. 2, д. 1, л. 21 об.].

Очень интересно упоминание в документах «братцких» старост [26, оп. 2, д. 1, л. 57 об., 58 об., 66 об.]. При этом они отмечены как у мордвы, так и у служилых татар. В публикуемых документах они фигурируют как лица, бравшие разрешение сытить мед или варить пиво на общественные моления. Если у мордвы подобные должности (часто под иными названиями) фиксируются этнографами в более поздний период, то у татар они более не встречаются.

Особо следует остановиться на упоминаемых в документах приставах и недельщиках. По публикуемому источнику нам известно, что они бывали мордовскими и татарскими. При этом они встречаются с русскими, татарскими и мордовскими именами. Обращаясь к более поздним документам, мы с высокой долей вероятности можем утверждать, что «русские» приставы являлись темниковскими пушкарями. Из судебного дела 1649–1650 гг. известно, что пушкари «пожалованы оне вместо денежного и хлебного жалованья русскими и татарскими, и мордовскими неделями» [35, с. 516].

Мы видим, что в рассматриваемом регионе отрабатывалась специальная политика московских властей по безболезненному включению территорий с православным, по преимуществу, населением в единую общегосударственную систему управления. Полученный опыт лег в основу инкорпораций иных территорий с изначально сходными этническими ситуациями (Поволжье, в том числе Астраханское ханство [19], Сибирь и др.). Но при этом данная модель взаимоотношений работала только в одном случае – полном признании местным населением, в том числе и элитами, власти московского государя. Иначе начинали действовать репрессивные механизмы, силой устанавливающие новые порядки, но уже без учета местных особенностей.

В то же время не следует рисовать идиллическую картину абсолютной религиозной терпимости. Монахи новообразованного Темниковского Пурдышевского монастыря в 1590-х гг. обвинили князя Кулунчака Еникеева и его людей в том, что «татаровя и латыши* чинят им обиду и насильство великое и крестьянской вере поругаются, на монастырь палками бросают. А как-де они ходят около монастыря со кресты по воскресеньям и по владычным празником, и на Ердан, и князь Кулунчаковы-де люди, татаровя и латыши, по его, князь Кулунчакову, велению приезжают к ним на конех и крестьянской вере поругаютца, кричат и смеютца, и в трубы трубят, и по бубном бьют, и в смыки и в домры играют, и с огнем под монастырь приходят и жеч хотят, и их пашню монастырьскую купленную и луги косят, и дуб и борти тешут насильством, хотячи их из монастыря изогнати» [29, оп. 17, д. 12051, л. 1–3; 14, с. 111–114]. За подобными заявлениями явно скрывалась экономическая подоплека – спор за земли, примыкающие к монастырю. Хотя нельзя исключать и определенную долю недопонимания друг другом носителей разных культур. Вернемся к упомянутому нами «брат-

* Холопы, захваченные во время войн из прибалтийских сельских жителей [18].

цким» старостам. Они фигурируют как лица, бравшие разрешение съгнить мед или варить пиво на общественные моления (моляны). Похожая ситуация фиксируется, когда в Москву везли плененных в августе 1598 г. в Сибири детей и жен хана Кучума, то их приставы отмечали в своих отписках: «А что, государь, прислано твоево, государева, жалованья к царевичем и к царицам меду с толмачем с Микитою Тютчевым, десять ведер, и у царевичей, государь, и у цариц была мольба генваря в 13 день, и твое, государево, жалованье, мед, изшел весь» [1, с. 14; 27, оп. 1. 1598 г. д. 2, л. 19]. Отметим, что декабрьско-январские даты падают на время празднования доисламского праздника нардуган (раштуа, раштва). Это праздник зимнего солнцестояния. По этнографическим сведениям XIX в. он напоминал рождественские колядки христиан. По крайней мере, как у православных, так и мусульман по дворам ходили ряженые, а девушки активно гадали [33, с. 99–108]. Как нетрудно заметить, православные и татарские праздники приходились на одно время.

Со временем часть татар и мордвы приняли православие. Однако этот процесс протекал медленно. Некоторые представители церкви стремились его ускорить. Так, темниковского протопопа Даниила Никитина обвиняли в насильственном крещении: «емлет де их, мурз и татар темниковской протопоп Данил из дворов и на торгу к себе на двор со многими людьми. И в поместьях их и в вотчины в деревни посылает по тому ж многих неведомо каких людей, а называет де московскими приставы, и их де и детей их тот протопоп сажает в чепь и железа, и мечет в погреб, и вешает через грядку, и всякими муками мучит. А людей де их, которые стары и увечны окреститца не похотят и тех людей емлет к себе ж и крестит насильством, и дворы их разоряет и научает на них крестьян доводить накрепко всякие дела»; «Приезжает де он, Данило, к ним, Мордве, в деревню без нашего великого государя указу и в их полях ночью грани подсекает, и книги пишет, и отдает старинные их пашню шацким новокрещеном неведомо для чево». Подобные действия каждый раз пресекались из Москвы. На места посылалась грамота о запрещении насильственного крещения. Наказания за самоуправство, однако, не следовало [12]. Оно само настигало особо рьяных «воинов Христовых». Так муромо-рязанский архиепископ Мисаил, активно крестивший в Мещере мордву и татар насильственными методами, во время одной из таких акций был убит [23, с. 77–81].

Однако и со стороны татар отмечены противоправные действия, направленные против церкви. В этом случае репрессивные меры наступали незамедлительно. Так, в 1652 г. Ишмамет Аганин с детьми «за скверные богомерзкие дела, за разорение церквей и поругание образов казнены – сожжены» [16, с. 26]. В чем была причина подобного поступка, имущественный спор или же религиозный фанатизм – нам неизвестно. Но подобные действия явно выходили за рамки общей картины. Подобные действия одних представителей рода привели к тому, что другие посчитали за лучшее покинуть территорию Мещеры. Один из них, Семеней Аганин, стал родоначальником мирз Кутумовых в Сибири [32], другие переселились в Симбирский уезд [24, л. 136–138]. Следует отметить, что это, похоже, единственный подобный инцидент, произошедший в Мещере. По крайней мере, о других сведениях нет.

Незначительное изначально православное население век от века возрастало из-за миграции в регион русского (преимущественно крестьянского) населе-

ния, а также принятия христианства частью мордвы и служилых татар. Даже с учетом того, что с продвижением на восток русское* население становилось все малочисленнее, для отправления церковных треб постепенно возникали церкви, а затем и монастыри. В конечном итоге это несколько обостряло напряженность в регионе. Имущественные споры с церковью и примеры насильственного крещения являлись главными причинами этого. Однако до начала 1680-х гг. степень веротерпимости в Мещере была, по-видимому, высокой. Местное население научилось разбирать конфликты мирным путем, без вмешательства московских властей. Поэтому свидетельств о подобных ситуациях сохранилось немного. Москва не вмешивалась в религиозную и семейную жизнь неправославных народов. Хотя последние, при необходимости по всем вопросам обращались к воеводам, или даже в Москву. В целом, это была целенаправленная политика властей, которая, однако, зачастую разбивалась из-за злоупотреблений на местах.

Список литературы и источников

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. II. 482 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
3. Акчурина М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере мещерских уездов) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского форума. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 56–68.
4. Акчурина М.М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6. С. 4–17.
5. Акчурина М.М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2014. Вып. 4. С. 5–27.
6. Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2001. Вып. 7. С. 219–232.
7. Беляков А.В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 40–45.
8. Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: сб. научных трудов по истории Смутного времени начала XVII в. Н. Новгород: Кварц, 2012. С. 233–241.
9. Беляков А.В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.
10. Беляков А.В. Служилые Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
11. Беляков А.В., Енгальцева Г.А. Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62–71.
12. Беляков А.В., Морохин А.В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 168–188.
13. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Император. Академии наук, 1863–1887. С. 1–4.
14. Документы бывшего Темниковского Пурдышевского монастыря // Труды Тамбовской ученой архивной комиссии. Т. 28. Тамбов: Тип. Губ. правления, 1890. С. 109–148.
15. Истомина Э.Г. Леса России: экологическая и социально-экономическая история (XVIII – начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358.
16. Ишеев М., Акчурина М. Татарские князья и их княжества. Нижний Новгород: Изд. дом «Медина», 2008. 68 с.

* Следует отметить, что принявшие православие татары или мордва по прошествии недолгого времени воспринимались как русские: «А прежд де сего была та деревня за рускими людьми за Васкою да за Матюшкою за Урманчеевыми» [29, оп. 17, д. 12057, л. 1].

17. Книга полоцкого похода 1563 г. СПб.: РНБ, 2004. 108 с.
18. *Моисеев М.В.* Латыши Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 414–418.
19. *Моисеев М.В.* Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37–54.
20. *Напольникова П.К.* Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. 178 с.
21. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М.: Наука, 2003. 491 с.
22. *Пащикова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. 256 с.
23. *Пискарев А.Н.* Древние грамоты Рязанского края. СПб.: Издание книгопродавца В.А. Терскова, 1854. 179 с.
24. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685/86 гг. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. 544 с.
25. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 220 с.
26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1167 (Темниковская приказная изба).
27. РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела).
28. РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ).
29. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).
30. *Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Волкова М.С.* Этнографические особенности мордовского обряда бракосочетания: обычаи похищения и купли-продажи невест // Финно-угорский мир. 2014. № 1. С. 74–79.
31. *Сушкова Ю.Н.* Обычно-правовые аспекты дохристианских верований мордвы // Финно-угорский мир. 2011. № 1. С. 62–69.
32. *Тычинских З.А.* Об обстоятельствах появления в Сибири касимовских музр Кутумовых // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 80–83.
33. *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – начало XX вв.). Казань: Дом печати, 2001. 197 с.
34. *Флетчер Д.* О государстве Русском, или образ правления русского царя. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1906. 160 с.
35. *Яковлев А.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. по архивным документам Холопного и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. Т. 1. 564 с.

A.V. Belyakov

BOUNDARIES OF TOLERANCE IN THE RUSSIAN STATE XVI–XVII CENTURIES

Annotation. The Moscow state since its inception has been multinational. With the expansion of its borders to the East, the number of peoples included in it constantly increased. This led to the early formation of standards for interaction with the non-Orthodox population of the state. The article discusses the principles on which the interethnic / interreligious relations of the Russian authorities with the peoples of the Middle Volga were built.

Keywords: The Moscow state of the XVI–XVII centuries, the peoples of the Middle Volga region, interethnic interaction, religious tolerance, East Meshera.

ТОПОНИМИКА ПОВОЛЖЬЯ В МАТЕРИАЛАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКА-ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ Д.Г. МЕССЕРШМИДА*

Аннотация. В статье рассмотрены картографические материалы и географические записи немецкого ученого и путешественника Д.Г. Мессершмидта (1685–1735), совершившего по заданию Петра I научную экспедицию в Сибирь. Проведенное сопоставление имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что географические записи Мессершмидта имеют вторичный характер и заимствованы им из «Карты путешествия», составленной для него в Тобольске шведским военнопленным Ф.И. Таббертом.

Ключевые слова: картография, история науки XVIII в., научная экспедиция, естествоиспытатель, научное наследие.

Даниэль Готтлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735), ученый-энциклопедист и самоотверженный путешественник, был первым натуралистом, совершившим путешествие по Сибири с научной целью. Уроженец Данцига (совр. г. Гданьск), Мессершмидт получил образование в университетах Йены и Галле, где посвятил себя медицине и естественным наукам. В 1714 г. он защитил диссертацию и был удостоен ученой степени доктора медицины. По возвращении в родной город занялся врачебной практикой, а досуги посвящал научным занятиям и беседам с профессором И.Ф. Брейном (1680–1764) в его естественнонаучном музее, молва о котором разошлась далеко по свету.

Переломным моментом в судьбе Мессершмидта стало посещение в 1716 г. музея Брейна Петром I, который оказался в Данциге во время Северной войны «по военной надобности»: русские войска заняли город, где в это время засел поддерживаемый шведами претендент на польский престол. Под впечатлением от осмотра коллекций музея Петр I попросил Брейна порекомендовать ему ученого, способного заняться исследованием естественнонаучных богатств Сибири. Брейн указал на Мессершмидта как самого подготовленного к такому путешествию исследователя.

Разносторонне образованный, страстно преданный науке ученый, тонкий наблюдатель, обладавший глубокими знаниями в естественной истории, врач, рисовальщик, латинский поэт и филолог, Мессершмидт был далек от практической жизни и не искал житейских благ. Не найдя достойного приложения своих сил на родине, он согласился за скромное жалованье отправиться в далекую Сибирь для занятий географией страны, натуральной историей, медициной, лекарственными растениями, эпидемическими болезнями, описанием сибирских

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-42006).

народов, филологией, памятниками, древностями и вообще всем достопримечательным.

15 ноября 1718 г. вышел указ Петра I об отправке доктора Мессершмидта в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей» [10, с. 201]. Указ ставил ученого в прямое подчинение президенту Медицинской канцелярии Иоганну Блюментросту. За счет Медицинской канцелярии Мессершмидту выплачивалось жалованье, сюда же он присылал отчеты о своем путешествии и все собранные материалы.

За восемь лет путешествия, продолжавшегося с 1 марта 1719 г. по 18 марта 1727 г. и сопряженного с невероятными трудностями, Мессершмидт преодолел тысячи километров: на севере он добрался до Мангазеи (совр. г. Туруханск), а на востоке дошел до китайско-монгольской границы.

Научные результаты путешествия Мессершмидта, работавшего без помощников (только вначале его сопровождал пленный шведский офицер Ф.И. Табберт) и с очень скромными средствами, превзошли все ожидания.

Путешествие Мессершмидта положило начало познанию природных богатств России. Пытливость исследователя обнимала разные области науки: он собрал уникальные материалы по ботанике, зоологии, палеонтологии, геологии, истории, этнографии, языкам, культуре и быту народов России. Свое внимание он направлял на задачи физической географии и составление карт, подробно описывал свой маршрут, определял широты всех значительных мест, которые посещал, вел метеорологические наблюдения. Многие научные и организационные материалы Мессершмидта в настоящее время хранятся в личном фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 98) [1–7].

По возвращении в Петербург Мессершмидт обобщил собранные материалы в энциклопедическом труде «Sibiria perlustrata» (Описание Сибири), оставшемся неопубликованным [8]. В настоящее время силами международного коллектива специалистов этот труд готовится к изданию.

Большую научную ценность имеют полевые дневники, которые Мессершмидт вел в 1721–1726 гг. Дневники свидетельствуют об исключительной добросовестности и педантичности ученого, обладавшего разносторонними знаниями и редким талантом собирателя и классификатора. Совместными усилиями немецких и российских специалистов дневник был издан, правда, в сокращенном виде и без учета всего наследия ученого [9].

Находясь в подчинении Медицинской канцелярии, Мессершмидт отправил на имя И.Д. Блюментроста 22 рапорта-отчета, характеризующих этапы выполнения им всеобъемлющей научной задачи по изучению Сибири. Первые пять рапортов по сей день остаются единственным источником сведений о начальном этапе экспедиции, который охватывает дорогу из Петербурга в Тобольск в течение 9 месяцев 1719 г., а также 15 месяцев его пребывания в Тобольске, до отъезда в большое Сибирское путешествие [10]. Рапорты нередко сопровождались научными приложениями. Так, в посылке от 25 июня 1720 г. находились: карты, метеорологические наблюдения, каталог растений с несколькими рисунками, зарисовки и чучела некоторых птиц, образцы минералов и коллекция бабочек, рисунки различных памятников древностей.

Путешествие Мессершмидта в Сибирь началось 1 марта 1719 г., когда ученый выехал из Петербурга в Москву. По хорошему санному пути дорога обычно

занимала три дня, поездка же Мессершмидта растянулась на три недели. Вскоре после приезда в Москву ему стало известно, что в Пекин отправляется русское посольство.

Мессершмидт получил разрешение присоединиться к свите посла Льва Васильевича Измайлова (1685–1738) и вместе с ним добраться до Тобольска [10, с. 83–85]. Секретарем посольства был определен Лоренц Ланге (Lorenz Lange, ок. 1690–1752) — незаурядный дипломат и пытливый путешественник, уже побывавший однажды в Пекине. Записки Ланге о его первом путешествии в Китай у него выпросил Ф.Х. Вебер и опубликовал их в приложении к своей известной книге «Измененная (Преображенная) Россия» (*Das Veranderte Russland*). В свиту Измайлова напросился шотландец, врач Джон Белл (John Bell, 1691–1780). В конце жизни Белл вернулся на родину и выпустил книгу в двух томах о своих путешествиях в разные азиатские земли [11].

Посольство сопровождал художник и гравер Георг Иоганн Унферцагт (букв. «Неустрасимый», *Georg-Johann Unverzagt*, 1701–1767). Во время поездки он тоже вел путевой журнал, насыщенный географическим материалом и этнографическими этюдами и бытовыми зарисовками, и впоследствии опубликовал его как «Записки о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг.» [12].

Посольство выехало из Москвы 5 сентября 1719 г. на пяти стругах и по Москве-реке, Оке и Волге к 20 октября добралось до Казани. Подробный рассказ о путешествии по Волге сохранился только в «Записках» Г.И. Унферцагта.

Вот что он пишет: «Утром 15-го октября, проплыв 3 мили, мы оказались в местечке у монастыря Маккария (*Maccaria*), расположенного на левом берегу Волги; это место очень знаменито ежегодными ярмарками, сюда собираются люди со всей России, например, из Москвы, Казани (*Cazaan*), Астрахани и Сибири (*Siberien*), а также из Архангельска (*Archangel*) и других мест. Когда мы прошли еще около 5 верст, мы подъехали к местечку Просека (*Proseck*), которое расположено на правом берегу реки, но в некотором отдалении от нее, на высокой горе, оно очень красивое. К пяти часам вечера мы проплыли еще 25 верст и прибыли к селению Бормано (*Bormano*), раскинувшись на правом берегу Волги на 2 версты, ширина его 1 верста. В этой местности встречается много разбойников, которые не упускают возможности нападать на проезжих и отбирают их имущество, особенно у жителей Казани, торгующих рыбой и хлебом с Нижним.

К 7 часам утра 16 октября мы проплыли еще 30 верст, или 6 миль, и прибыли к местечку, которое в прежние времена, вероятно, было городом, называлось оно Василевский город (*Wasilowskoi Gorod*), расположено на правом берегу Волги. Отсюда еще 2 мили до города Кусмадемианской (*Cusmademianskoi*), здесь в Волгу справа впадает река Сура (*Sura*).

К часу пополудни проплыли мы 10 верст, или 2 мили, и прибыли в деревню Сумбки (*Sumbky*), раскинувшуюся на правом берегу Волги (*Wolga-Flusses*); в 7 часов вечера мы прибыли, при попутном ветре, в Кусмадемианской. Город этот не очень большой, расположен он на правом берегу Волги, в 160 верстах, или 32 милях, от Нижнего. Здесь мы опять получили новых работников, которые и должны были доставить нас до Казани.

17 октября в 10 часов утра мы прибыли к деревянному монастырю, возвышавшемуся на правом берегу реки Волги в 4 милях от Кусмадемианского; считается, что от монастыря полпути до города Сабакцар (*Sabacktzar*). Наконец, к ве-

черу, проплыв 8 миль, или по-русски 40 верст, мы прибыли в Сабакцар. Этот город довольно большой, расположен на правом берегу Волги.

Утром 18 октября мы прибыли в местечко, называемое Сундур (*Sundur*), раскинулось оно на правом берегу Волги в 4 милях от Сабакцара. Приблизительно через 1 милю мы приплыли в большую деревню, которая в прежние времена была городом, называвшуюся Ишум (*Ischum*). Здесь мы не останавливались, а двинулись дальше.

19 октября в 8 часов утра мы прибыли в город Свиаски (*Suiaski*). Расположен он на горе справа от Волги в 80 верстах, или 16 милях, от Сабакцара, очень красивый. Здесь живут свиагер (*Swiager*), или так называемые свиажские татары (*Swiassche Tartern*). Они очень хорошие люди. Во время езды сухим путем я наблюдал их местные обычаи и образ жизни, о чем упомяну на обратном пути. Здесь в Волгу впадает река Свяга (*Swiaga*), протекающая мимо города, от нее и город получил название.

Здесь мы не останавливались, а двинулись дальше. Когда мы добрались до деревни Маркваша (*Marquaschi*), отстоящей от города Свиаски (*Swiasky*) в 2 милях, перед нашим взором вдали появился столичный город Казань. В деревне мы не остановились и в тот же день прибыли в местечко, отстоящее от Казани в 7 верстах. Казань расположена не на берегу, как говорили, а в 7 четвертях от реки. Стало быть, мы проплыли от города Свиаски 20 верст, или 4 мили.

Рано утром 20 октября нам прислали из города повозки, чтобы разгрузить суда и доставить вещи в город, где мы должны были дожидаться санного пути. Дальше плыть по Волге было невозможно, во-первых, из-за сильного холода; во-вторых, из-за снега и льда. Мы разместились по квартирам.

Город Казань довольно сильно укреплен на русский лад. Сам он расположен на равнине, а крепость на небольшом холме. Эта крепость окружена еще одной, деревянной, а за ней еще вал, где стояли частоколы, или рогатки. За городом живут татары, именно казанские. Город расположен у озера, называемого Кабанска-озеро (*Kabanska Osera*). По городу протекает небольшая река, называемая Кабанска (*Kabanska*), потому что она берет начало из этого озера. Впадает она в реку Казанка (*Casanka*), протекающую совсем близко от города» [10, с. 95–97].

В отличие от своих спутников, Мессершмидт не вел путевого журнала. Впоследствии ученый объяснял отсутствие у него подробных дорожных записей тем, что он «должен был совершать свое путешествие так быстро, как продвигалось посольство», то есть он не мог по собственному желанию останавливаться в нужном месте для наблюдений. Впрочем, была и другая причина «ненаблюдательности»: еще находясь в Москве, Мессершмидт обратился к своему начальнику за разрешением ехать с посольством до самого Пекина. Иоганн Блюментрост сочувственно отнесся к этим планам и обещал похлопотать за Мессершмидта перед царем. Вопреки ожиданиям, Петр I дал отрицательный ответ, так как считал необходимым, прежде всего, исследовать то, что природа производит в его собственных, а не в чужих государствах. Блюментрост сообщил Мессершмидту об отказе в письме от 24 сентября 1719 г., когда ученый был уже в пути. Приказ царя с запретом ехать в Китай Мессершмидт получил через три месяца, по приезде в Тобольск и был не просто огорчен, а убит отказом. По-видимому, он настолько был уверен в благоприятном для него решении вопроса о китайской поездке, что не озаботился составлением подробного путевого дневника от Москвы до Тобольска [10, с. 85–92].

По приезде в Тобольск Мессершмидт подготовил карту маршрута своего путешествия — «Reise Karte der gehaltenen Route von Moscow bis zur Sibirischen Hauptstadt Tobolskoë und was auf selbiger etwan nechstens zur Seiten lieget. Entworfen in Tobolskoë. A. R. S. MDCCXX» (Карта путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит поблизости по обе стороны дороги. Составлена в Тобольске. 1720 г.).

Илл. 1. Карта путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска. Чистовой вариант. Фрагмент. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1. Л. 1

Карта была составлена шведским военнопленным Филиппом Иоганном Таббертом (позднее фон Страленберг, Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg, 1676–1747), автором известной Карты России и Великой Татарии [13–15]. В личном фонде Мессершмидта сохранились два экземпляра карты: ее черновой и чистовой варианты [16; 17]. В 1730-е гг. по указанию академика Ж.-Н. Делиля с карты была сделана копия для составления общей карты Российской империи. Впоследствии карта была вывезена в Париж и в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Франции [18].

Илл. 2. Карта путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска. Черновой вариант. Фрагмент. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 33

Карта во всех ее вариантах важна как исторический источник географических данных об обширном регионе Поволжья, Урала и Сибири. Она охватывает огромную территорию от реки Оки, городов Коломна, Ярославль, Москва — на западе, до города Тобольска и реки Иртыша — на востоке; от рек Сухона, Келтма, Колыма — на севере, до города Симбирска — на юге. На карте показаны система северных рек и бассейн реки Волги с ее многочисленными притоками.

Все варианты карты являются ценными источниками лингвистических сведений, так как они отражают вариативность передачи фонетических особенностей в речевом потоке. Так, например, они последовательно фиксируют редукцию в безударном слоге.

Географические названия на карте написаны на латинском и немецком языках, с транскрибированием отдельных русских слов (powós, deréwna). Иностранцы не всегда твердо знали точное наименование того или иного населенного пункта, горы или реки. Поэтому транскрибирование топонима зависело от восприятия ими названия на слух, а также от способа передачи звуков, отсутствующих в их родном языке. Никаких четких правил передачи звуков чужой речи не было, и каждый записывал географические названия, как бог на душу положит.

При копировании карты маршрута посольства от Москвы до Тобольска написание топонимов нередко изменялось, отсюда происходят кое-какие расхождения и разночтения в написании географических названий в «черновике» и «чистовике». Более того, унификация не проведена даже в пределах одной карты, и встречаются разные написания одного названия (например, Pisma Fluv[ius] и Pysma Fluv[ius]).

Кроме карт, в личном фонде Мессершмидта сохранились два документа с путевыми записями. Большую информативную ценность имеет большой итоговый документ «Hodogeticum» («Путеводитель», или фиксация маршрута по годам), который кратко описывает пройденный путь за время восьмилетнего путешествия и является частью обобщающего труда «Sibiria perlustrata» [8, л. 16–30 об.].

В «Hodogeticum» дана характеристика пройденного по Волге пути:

«d[ie] 13 Octobris Von Nishena, oder Nische-nowoi-gorod am Occa Flußes ostio und Juhl-Rha- oder Wolga Strohme, mit einer Schesterick=Struÿen, in der Swite Sr. Excell. Hl^r Envoyé Lee-Wasili-Ismaÿlow, unter Convoÿ zweÿer Tobolskischer Gwarnisons=Soldaten, den Juhl-Rha- oder Wolga-Strohm abwärts über Beswodna-Robotna- oder Robotteck-Jurkinah-derewni; Kersemets-reka; Macarova-powos; Lÿsskowa-Sehlo; Bærmænowa Fokinah-derewnÿ; Suhrah-reka; Wassili-gorod; Chmelowa-derewna; Sumka-derewna- und reka; Cosma-Dæmianskoi-monastir; Sabackschâr-gorod; Sundÿz-Sehlo; Koktschaga-reka; Ischum-gorod; Swiæskÿ-gorod; Swiega-reka; Marquascha-derewna; nach Casan gorod, am Cabaniæ-Ozero, Cabanska-Ystock, u. Casanska-reka-ostio zum Juhl-Rha oder Wolga Strohme» (13 октября от Нижнего, или Нижнего Новгорода на слиянии рек Ока и Юл-Па, или Волги, на стругшестерике, в свите его превосходительства посла Льва Васильевича Измайлова, под конвоем двух тобольских гарнизонных солдат, вниз по течению реки Юл-Па, или Волги, через деревни Безводно-Роботно, или Роботек-Юркино; Керземец-реку; Макарово-повоз; Лысково-село; деревни Берменово и Фокино; реку Сура, Василь-город, деревню Хмелево, деревню и реку Сумка, Козьмодемьянский монастырь, Сабакшар-город; Сундиз-село; реку Кокшага; Ишум-город; Свиески-город; Свяга-река; деревню Марквашу; в Казань-город на озере Ка-

банье, у истока Кабански и впадении реки Казанки в реку Юл-Ра, или Волгу) [8, л. 17–17 об.].

Кроме того, в материалах ученого имеется рукопись «Ephemerides Itinerariae Geographicae» (Поденное описание маршрута), содержащая географические заметки на пути следования Мессершмидта за весь период путешествия [19]. Беловая рукопись «Ephemerides» была закончена не ранее 1727 г. и дополнена небольшими авторскими исправлениями.

Перечень встретившихся по пути географических объектов представлен в виде таблицы, с указанием даты и часа (если это было важно) и местным названием. На водной части пути отмечено местоположение объекта на правом или левом берегу реки (правый берег — r[echte Ufer] и левый берег — l[inke Ufer]), и расстояние между населенными пунктами. Если в «Hodogeticum» названия рек имеют при себе слово «река» (по образцу Москва-река), то по всему тексту «Ephemerides» при названиях рек используются латинские слова fluvius (река) и fluviolus (речка или речушка). Отрезок пути по Волге представлен в следующем виде [19, л. 5]:

1719 Horae			
	Dudin		
Oct. 11	Bogarodskewa -monastir	“	r. 15.
“	Klesma -fluvius in Occa	“	1.
“	“Occa fluvii ostium in Wolgā”	r	
“	Wolga fluvius s. Rha	”	
— 12”	Nisna-gorod	”	r. 30.
— 13”	”Pawłowska-Beswodna	”	r. 25.
	”Rabótzky-deréwna	”	15
2	”RikKersemitz fluviolus	”	“1. 15.
1)	Isbulet deréwna Jurkina	”	r. 2
— 14	”Makárowa-Powós	”	1
	Lyskowa-Powós	”	5.
	Bermánowa deréwna	”	r
	Bermánowa deréwna	”	r. 30
— 15	Foÿkinah Sehlo	”	r. 20
	Súrah fluvius	”	r. 7
	Wasili-gorod	“	r. 1
	Chmelowka d.	”	r. 3
— 16 “	Súmka fluviolus (rivy.)	”	4
“	”Súmka derewna	”	r. 20.
— 17 ”	Cosma-Demianska	”	r. 20
— 18 ”	”Sabacktschár	”	r. 60
“	”Sundin Sehlo	”	r. 20.
	”Kocktschága ostiu	”	1 1
— 19 ”	”Héth fluviolus	“	
	Aschit fluviolus	”	
	Swiaschky	”	r. 39
	Swiága fluvius	”	
— 19	Casan-gorod Abends	”	1 55”35.

Для удобства сведем воедино сведения о топонимике Поволжья из разных источников и представим их в таблице:

Дата	«Ephemerides» Ф. 98. Оп. 1. Д. 27. Л. 5	«Hodogeticum» Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 17 об.	Карта чистовик Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 33	Карта черновик 98-2-1-1	Унферцагт	Современное название
Oct – 12	Nisna-gorod	Nishenowoi-gorod Nishena, oder Nischenowoi-gorod	Nisna	Nisna	Niischna	
– 13	Pawłowska Beswodna	Beswodna - -	Paulowka	Paulowka	Stova dorf	Безводное
	Ræbotzky- derewna	Robotna-oder Robotteck	Rebotky	Rebotky	Robotna	Работки
	Isbulet derewna		Isbulet	Isbuleto		
	Jurkina	Jurkinah- derewni;				Юркино
	Rikersemitz fluuiolus	Kersemetz- reka	Rikersemitza	Rikorsemits		р. Керженец
– 14	Makarowa- Powos	Macarowa- powos	Makaria	Makaria	Makkaria Kloster	Макарьевский монастырь
	Lyskowa- Powos	Lysskowa- Sehlo	Liskewa	Liskowa	Prosect	Лысково Просек
	Bermånowa derewna	Bærmænowa	Brimanowa	Brimanowa	Bormano	Бармино
– 15	Foykinah Sehlo	Fokinah	Foikina	Foikina		Фокино
	Sûrah fluuius	Suhrah-reka		SuraFl.		р. Сура
	Wasili-gorod	Wassili-gorod	Wasiligorod	Wasiligorod	Wasilowsk oi Gorod	Василь город (совр. Василь- сурск)
	Chmelowka d.	Chmelowa- derewna				Хмелевка
– 16	Sûmka fluuiolus (rivy.)	Sumka-reka	Sumka fl.	Sumka fl.		р. Сумка
	Sûmka derewna	Sumka- derewna	Sumka	Sumka	Sumbky	Сумки
– 17	Cosma- Demianska	Cosma-Dæmia- nskoj-monastir	Cosmadämian- ska	Kusmademian- skoi	Cusmademian- koi Sura	Козьмодемьянск
– 18	Sabackschar	Sabackschar- gorod	Sabaczar	Sabaczar	Sabactzar	Чебоксары
	Sundin Sehlo	Sundÿz-Sehlo	Sundin	Sundin	Sundur	с. Сундырь
	Kocktschåga ostiu	Koktschaga- reka	Kokzaga	Kockzaga		Кокшага
		Ischum-gorod			Ischum	
– 19	Héth fluuiolus		Ilet fl.	Ilet fl.		р. Илеть
	Aschit fluuiolus		Aschit fl.	Aschit fl.		р. Ашит
	Swiaschky	Swiascÿ-gorod		Suiaski	Suiaski	Свияжск
	Swiågafluuius.	Swiega-reka		Swiaga	SwiagaFl.	р. Свияга
		Marquascha- derewna			Marquaschi	Маркваша
20	Casan-gorod	Casan gorod am Cabaniac-Ozero, Cabanska-Ystock, u. Casancka- reka-ostio zum Juhl-Rha oder Wolga Strohme		Casan	Cazaan Kabanska Osera Kabanska, Kasanka	Казань

Сопоставление сведений, помещенных в таблице, помогает разобраться, как имеющиеся в нашем распоряжении источники о топонимике Поволжья в 1719 г. коррелируют между собой, и приближает нас к решению вопроса об источнике записей Мессершмидта.

Обращает на себя внимание совпадение отдельных данных в «Записках» Унферцагта и в «Hodogeticum», который Мессершмидт составил по возвращении в Петербург в 1727 г. Так, упоминание в них бывшего Ишум-города, Кабан-озера, рек Кабан и Казанки, протекающих в г. Казани, больше нигде не встречается. Мессершмидт встретился с Унферцагтом по возвращении в Петербург, где тот служил в Академии наук и получит задание гравировать рисунки растений, привезенные ученым из Сибири. В ходе совместной работы Мессершмидт мог воспользоваться «Записками» Унферцагта и позаимствовать из них кое-какие данные для своего итогового документа.

Сопоставление записей в рукописи «Ephemerides» с показаниями карты говорит в пользу того, что именно карта послужила основой для «Ephemerides», а не наоборот.

На это указывает допущенная в «Ephemerides» ошибка в написании реки Ильть (запись 18 октября). На карте, и «черновике», и «чистовике», начало слова «Пет» написано с дополнительными черточками, и буквы «П» могут быть поняты как «Н». Именно так прочитал это буквосочетание Мессершмидт, и река «Пет» превратилась у него в реку «Neth». В отличие от Мессершмидта, не очень хорошо знакомого с географией Поволжья, опытный картограф Ж.-Н. Делиль избежал такой досадной ошибки. На принадлежавшей ему копии карты в данном месте разборчиво написано «Pet». Иными словами, именно нечеткость написания топонима на карте ввела в заблуждение Мессершмидта и привела к ошибке в его «Ephemerides».

Кроме того, в рукописи «Ephemerides» прослеживаются колебания Мессершмидта при написании названия «Kersemitz fluviolus» (запись 13 октября). Начало слова зачеркнуто, но прежде здесь было написано «[Rik]Kersemitz», и это первоначальное написание было заимствовано из карты. В «черновике» и «чистовике» карты возле Нижнего Новгорода протекает загадочная река, которая на черновике имеет название Rikorsemit[s], на чистовике — Rikersemitz, такое же название мы находим на копии карты Делиля. Очевидно, что имеется в виду река Керженец, но в результате контаминации она превратилась в Рикерженец (Река Керженец → Рекерженец → Rikersemitz и Rikorsemit[s]). Данная ошибка весьма характерна и отражает особенности восприятия иностранцами российской топонимики в речевом потоке. Имеющиеся в нашем распоряжении варианты карты передают вариативность передачи фонетических особенностей географических названий.

Примечательно, что в «Hodogeticum» место мифической реки Rikersemitz заняла река с историческим названием — Kersemets-reka. Мессершмидт внес исправления в текст «Hodogeticum» и «Ephemerides» из пока не установленного источника, письменного или устного.

Анализ картографического материала и дорожных заметок за 1719 г. позволяет нам с большой долей вероятности утверждать, что вопреки широко распространенному мнению, Мессершмидт не вел дневника на первом этапе путешествия. Привычка ежедневно фиксировать сделанные наблюдения и описывать

произошедшие за день события появилась у него позже, когда в марте 1721 г. вместе с Таббертом он отправился из Тобольска в свое «большое» сибирское путешествие.

Несомненно, что дошедший до нас в коллекции Мессершмидта картографический материал является богатым источником по топонимике Поволжья в начале XVIII в. и памятником восприятия иностранцами российских топонимов. Географические записи Мессершмидта тоже по-своему интересны, хотя и не могут иметь значения первоисточника.

Список литературы и источников

1. *Pallas P.S.* Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien // *Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie.* SPb.; Leipzig, 1782. Bd. III. S. 97–158.
2. *Brandt J.F.* Biographische Versuche: Daniel Gottlieb Messerschmidt // *Recueil des Actes de la séance publique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, tenue le 29 Décembre 1831.* SPb., 1832. P. 101–104.
3. *Winter E., Figurovskij N.A.* Einleitung // *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen. 1721–1722.* Berlin: Akad.-Verl., 1962. S. 1–20.
4. *Новлянская М.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.
5. *Posselt D.* Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Wegbereiter für die Erforschung Sibiriens // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe.* 1976. Bd. 25 (2). S. 213–229.
6. *Brentjes B.* Daniel Gottlieb Messerschmidt — ein Absolvent der Halleschen Universität und ein Entdecker Sibiriens (1720–1727) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1988 (1985). Vol. 31. Nos 1–2. S. 101–169.
7. *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. Элексис, 2017. 168 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum 6).
8. *Sibiria perlustrata, seu Pinax triplicis Naturae Regni simplicium octo annorum per Sibirias Kirgisiam, Tungusiam, Samoediam, Borathiam, Davuriam etc. Itineribus observatorum cum Isidis Sibiricae Xenio seu rerum naturalium 1800 fere, e Sibiriae gremio depromptarum exhibitarumque Sylloge* // С.-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПбФ АРАН). Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. 394 л.
9. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727 / Hrsg. von E. Winter, G. Ueschmann, G. Jarosch. Berlin: Akad.-Verl., 1962–1977. Bd. 1–5.
10. Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев; под общей ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. 312 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 7).
11. *Bell J.* Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. Vol. 1. Glasgow: Foulis, 1763.
12. *Unverzagt G.J.* Die Gesandtschaft Ihres Kayserl. Majest. von Groß-Rußland an den Sinesischen Käyser, Wie solche Anno 1719. aus St. Petersburg nach der Sinesischen Haupt- und Residentz-Stadt Peking abgefertiget: Bey dessen Erzählung die Sitten und Gebrauche der Chineser, Mongalen und anderer Tartarischer Völker zugleich beschrieben, und mit einigen Kupffer-Stücken vorgestellt werden. Lübeck, 1725.
13. *Strahlenberg Ph.I.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Rußische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, In einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, Nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwey und dreißigerley Arten Tatarischer Völker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, Sonderlich aber Einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen; Bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Rußland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstateten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget. Stockholm, 1730. 512 S.

14. Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Табберт. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л.: Наука, 1968. 95 с.
15. Белич И. Страленберг и Мессершмидт. Из истории научных открытий // Тобольск и вся Сибирь. Вып. 10: Триста лет учреждения Сибирской губернии. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2008. С. 183–202.
16. Reise Karte der gehaltenen Route von Moscow bis zur Sibirischen Hauptstadt Tobolskoë und was auf selbiger etwan nechstens zur Seiten lieget. Entworfen in Tobolskoë. A.R.S. MDCCXX // СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
17. Reise Karte der gehaltenen Route von Moscow bis zur Sibirischen Hauptstadt Tobolskoë und was auf selbiger etwan nechstens zur Seiten lieget. Entworfen in Tobolskoë. A.R.S. MDCCXX // СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 33.
18. Route de Moscou a Tobolsk // Bibliothèque nationale de France. GE BB-124 (169RES).
19. Географические заметки на пути следования Мессершмидта «Ephemerides Itinerariae Geographicae» // СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 27. 75 л.

E.Ju. Basargina

TOPONYMY OF THE VOLGA REGION IN THE MATERIALS OF THE NATURAL TRAVELER D.G. MESSERSCHMIDT

Annotation. The article deals with cartographic materials and geographical records of the German scientist and traveler D.G. Messerschmidt (1685–1735), who went on a scientific expedition to Siberia on behalf of Peter the Great. The author is focusing on a comparison of available materials, which allows us to conclude that the geographical records of Messerschmidt were derived from the travel map, «Reise Karte», executed for him by Swedish prisoner of war Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg in Tobolsk.

Keywords: cartography, history of science of the XVIII century, scientific expedition, naturalist, scientific heritage.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ УФЫ СО СРЕДНИМ ПОВОЛЖЬЕМ (НИЖНИЙ НОВГОРОД И КАЗАНЬ)*

Аннотация. Материалы Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка позволяют показать экономические связи между Уфой и ведущими торговыми центрами Среднего Поволжья, городами Нижним Новгородом и Казанью. В эпоху господства речного флота на них приходилось свыше четверти всех переводов денег. В 1890-е гг., после постройки железной дороги до Уфы, упала роль Казани, но с Нижним Новгородом сохранялись устойчивые контакты. Последний резкий рост торговли с Казанью пришелся на 1905 и последующие годы и был связан с Первой русской революцией. Из-за забастовок на железных дорогах купцы переключились на речной транспорт. К началу Первой мировой войны экономические связи между Уфой и Казанью с Нижним Новгородом снова сократились, составляя около одной десятой части от всех переводов.

Ключевые слова: торговля, финансы, банки, экономика, транспорт, Уфа, Казань, Нижний Новгород.

Веками, с момента основания г. Уфы в 1586 г., одной из основных транспортных коммуникаций, соединяющих Южный Урал с центром страны был великий речной путь по Волге и ее притокам. В XVIII – первой половине XIX в. с ним соперничали гужевые тракты в западном направлении, на Симбирск. Но после начала в 1858 г. пароходного сообщения несколько десятилетий речной транспорт абсолютно доминировал.

В летние месяцы в течение нескольких недель пассажиры и грузы доставлялись в центр России и обратно. Эра речного пароходства закономерно привела к усилению в экономике возникшей в 1865 г. Уфимской губернии роли Нижнего Новгорода с его знаменитой ярмаркой, а также соседней Казани, претендовавшей на роль главного форпоста Империи на востоке.

Открытое 4 ноября 1873 г. в Уфе отделение Волжско-Камского коммерческого банка (далее ВККБ), одного из крупнейших в России, сразу зафиксировало тесные хозяйственные связи Уфы с Нижним Новгородом и Казанью. За два месяца в Казанском отделении ВККБ оплатили десять переводов из Уфы на общую сумму 14 072 руб. 35 коп. и один в Нижнем Новгороде на 6 тыс. руб.; и, наоборот, из Казани в конце 1873 г. поступило в Уфимское отделение ВККБ девять переводов на 17 575 руб. [1, д. 1176, л. 12 об., 13 об.].

Сведения Уфимского отделения за 1875 г. показывают, что, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, только в два города (Нижний Новгород и Казань) переводы денег из Уфы происходили ежемесячно. Если в Казань примерное количество переводов было стабильно по времени года, то в Нижний Новгород перечисляли от

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00015.

одного до трех трансфертов (переводы денег в форме обычного почтового перевода или срочного по телеграмме), и только в конце лета наблюдался всплеск активности. В июле 1875 г. из Уфы в Нижний Новгород ушло 17 трансфертов, в августе – 21 (сентябрь – 5, июнь – 4). В 1875 г. по количеству трансфертов из Уфы лидировали Москва (208), Санкт-Петербург (149), Казань (129) и Нижний Новгород (61) [1, д. 1178, л. 42 об. – 44].

Кроме того, предприниматели всех трех городов активно вели операции в кредит, под долговые расписки (векселя). Например, в 1875 г. у уфимских лесопромышленников Ф.С. Софронова и Ф.Е. Чижова в долг взяли товар, выдав векселя, казанские торговцы Е.И. Абрамов, И. Сотников, И. Гайнуллин, Х.Я. Мустафин, И.Н. Шестериков, Ш.И. Тупеев, А.П. Уткин [1, д. 1178, л. 71 об. – 72]. В Нижнем Новгороде (во время ярмарки) часто уфимские купцы покупали товар под векселя друг у друга (или одалживались), рассчитываясь дома.

С 1877 г. ежегодные отчеты Уфимского отделения ВККБ позволяют проследить динамику экономических связей через трансферты, что показывает таблица (число переводов и сумма в рублях), за ряд лет данные не сохранились.

Таблица

Переводы из Уфы в Нижний Новгород и Казань (отделения ВККБ)

[1, д. 1180, л. 42 об.; д. 118, л. 42 об.; д. 1182, л. 42 об.; д. 1183, л. 42 об.; д. 1184, л. 41 об.; д. 1185, л. 41 об.; д. 1186, л. 41; д. 1187, л. 41 об.; д. 1189, л. 41 об. – 42; д. 1190, л. 41 об.; д. 1191, л. 41 об.; д. 1193, л. 40 об.; д. 1195, л. 40 об.; д. 1197, л. 41 об.; д. 1198, л. 40 об.; д. 1199, л. 39 об.; д. 1201, л. 40 об.; д. 1203, л. 39 об.; д. 1206, л. 38 об.; д. 1207, л. 39; д. 1208, л. 39 об.; д. 1211, л. 39 об.; д. 1213, л. 39 об.; д. 1214, л. 39 об.; д. 1215, л. 63 об.; д. 1216, л. 43 об.; д. 1217, л. 42 об.; д. 1219, л. 42; д. 1221, л. 37 об.; д. 1223, л. 48 об.; д. 1225, л. 37; д. 1227, л. 36 об.; д. 1228, л. 37 об.; д. 1230, л. 37; д. 1231, л. 38].

Год	В Нижний Новгород	В Казань	Год	В Нижний Новгород	В Казань
1877	71 – 173 227,58	125 – 203 882,94	1897	85 – 353 541,02	155 – 117 903,93
1878	56 – 183 584	133 – 201 029,85	1898	96 – 410 440,9	172 – 150 225,64
1879	66 – 284 555,9	169 – 214 401,09	1899	119 – 414 173,87	182 – 307 756,87
1880	71 – 216 730,28	153 – 201 674,14	1901	193 – 709 323,05	241 – 386 617,95
1881	87 – 210 518,95	236 – 303 842,98	1902	166 – 597 218,38	232 – 439 458,06
1882	98 – 281 972,9	204 – 323 378,32	1903	181 – 562 577,36	191 – 426 059,25
1883	84 – 216 833,05	176 – 221 342,35	1904	164 – 500 746,09	197 – 347 936,92
1884	75 – 195 824,5	214 – 233 768,49	1905	191 – 807 317,88	151 – 599 353,44
1886	130 – 434 994,99	258 – 331 872,8	1906	154 – 541 024,28	231 – 1 001 171,12
1887	102 – 373 872,43	191 – 224 806,78	1908	152 – 567 891,08	218 – 958 251,95
1888	93 – 348 508,38	178 – 207 338,2	1910	156 – 620 812,88	183 – 959 639,32
1889	90 – 274 284,92	162 – 181 431,06	1911	88 – 327 767,44	195 – 733 878,9
1890	66 – 302 398	146 – 156 962,74	1912	72 – 269 892,78	106 – 149 027,15
1891	86 – 300 674	145 – 175 089,72	1913	109 – 299 641,51	148 – 242 824,09
1892	126 – 470 024,69	128 – 158 353,35	1914	99 – 200 871,34	188 – 386 320,48
1893	109 – 474 906,22	116 – 164 750,62	1915	115 – 710 462,23	193 – 368 660,81
1894	78 – 350 045,67	126 – 207 530,98	1916	104 – 623 828,4	167 – 343 221,78
1895	75 – 418 078,14	85 – 110 758,47			

До 1883 г. ситуация была на редкость стабильной. Казань всегда (!) занимала второе после Москвы место в общем числе переводов из Уфы (и по количеству трансфертов и по размеру перечислявшихся сумм). Северная столица оставалась третьей. А на четвертом месте находился Нижний Новгород (и также по обоим показателям). Основные потоки товаров из Уфимской губернии направлялись вниз по рекам Белой и Каме, затем суда шли по Волге. После обоих столиц, основные расчеты купцы производили с партнерами из Нижнего Новгорода и Казани. С ними существовали самые тесные хозяйственные связи, с которыми ни один уральский центр не мог сравниться. И, за исключением 1879 г., сумма переводов денег в Казань всегда была больше, чем в Нижний Новгород. А средний размер перевода в Нижний Новгород был крупнее, чем в Казань. На знаменитой ярмарке заключались в основном оптовые, крупные сделки, с соседней же Казанью много торговали мелкие и средние предприниматели.

Доминирование Казани над Нижним Новгородом на первый взгляд кажется удивительным, ведь еще в 1862 г. заработал железнодорожный путь от Москвы до Нижнего Новгорода. Скорее всего, после закупки товаров в Белокаменной, грузы отправлялись в Уфу речным транспортом через нижегородскую пристань, но оплата производилась напрямую в Москве. Данных о грузообороте (в пудах) между Уфой и Нижним Новгородом нет. А финансовые документы отмечали преимущественно сделки на знаменитой нижегородской ярмарке. Кроме того, маломощные и медленные пароходы того времени шли долго, вероятно, немалый объем грузов сначала доставлялся из Нижнего Новгорода в Казань, которая являлась важной перевалочной базой для отправки товаров на пристани р. Белой.

С середины 1880-х гг. экономические связи поволжских центров с Южным Уралом стали меняться. Оставаясь по количеству переводов (трансфертов) на втором месте, Казань по величине перечисленных денег с 1886 г. отстывает на треть, а с 1888 г. — на четвертое место. Нижний Новгород тоже по количеству трансфертов с 1884 г. опускается на пятое и с 1888 г. — на шестое место, пропустив вперед Оренбург и Самару. Но по сумме денежных переводов из Уфы Нижний Новгород выходит с 1886 г. на второе место, потеснив и Казань, и Санкт-Петербург. Нижний Новгород становится основным торгово-экономическим партнером Уфы, перегрузка из Москвы тоже производилась здесь же. В 1886–1888 гг. объем переводов из Уфы в Нижний Новгород растет, а в Казань — падает.

Скорее всего, сказались сразу два основных фактора. В почти исключительном частном волжском пароходстве происходит непрерывный технический прогресс, дровяное топливо заменяет сначала уголь, затем нефть. Возрастает мощность двигателей и скорость движения, буксиры берут не одну баржу с паузком, а караваны. Теперь быстроходные пассажирские и грузовые пароходы в летнюю навигацию быстро доходят из Нижнего Новгорода до Уфы. Казань как промежуточный, перегрузочный транзитный центр теряет свою роль.

С другой стороны, властно стучится самый передовой, всепогодный железнодорожный транспорт. От Кинели начинается строительство казенной Самаро-Уфимской (потом Самаро-Златоустовской) магистрали. По мере приближения стального пути все быстрее и легче производится доставка грузов в Уфу из центра страны (и отправка товаров в обратную сторону). Наконец, в сентябре 1888 г. министр путей сообщения лично открывает железнодорожное сообщение, в Уфу прибывает первый поезд. И сразу в ряды ведущих торговых партнеров Уфы вы-

ходят соседние Оренбург и Самара. Наступила новая эра, паровоз вступил в прямую конкуренцию с пароходом. Старые, державшиеся веками хозяйственные связи Уфы с речными портами Средней и Верхней Волги оказываются под ударом.

Особенно резко сократились связи с Казанью, в 1890-е гг. она утратила роль ведущего торгового партнера Уфы. Число переводов оставалось большим, с соседом торговали мелкие уфимские предприниматели. Но по величине перечисленных сумм Казань со второго места после Москвы опускается на пятое, затем в 1890 г. на шестое (ее обогнал Ирбит со своей знаменитой ярмаркой), в 1892 г. — на седьмое, пропустив вперед еще Екатеринбург. Минимальные показатели наблюдались в 1895 г., когда Казань оказалась на восьмом месте среди главных экономических партнеров Уфы. Да и суммы трансфертов упали в 1890-е гг. до 111–118 тыс. руб.

Логичный вывод — летнее пароходство вчистую проиграло конкуренцию всепогодным железным дорогам. В 1894 г. путейцы довели стальную магистраль до Свияжска, откуда через Волгу паровозы и вагоны переправлялись на парамах (летом) или по уложенным по льду рельсам зимой, весной и осенью связь прерывалась. Далее по левому берегу Волги «чугунку» достроили до Казани, и все, тупик.

Однако, Нижний Новгород демонстрирует совсем другую динамику. Несмотря на соединение Уфы в 1888 г. с общероссийской сетью железных дорог, Нижний Новгород сохраняет значение важнейшего торгового контрагента Уфы. В 1890-е гг. по величине трансфертов он занимает третье место после Москвы и Самары, затем четвертое — пятое, пропустив Санкт-Петербург, в отдельные годы Екатеринбург. При этом объем переводов из Уфы в Нижний Новгород остается очень высоким, от 300 до 475 тыс. руб. Количество трансфертов невелико, в основном заключались оптовые сделки.

При всех преимуществах круглогодичного железнодорожного сообщения, непрерывная техническая модернизация речного флота позволяла ему успешно конкурировать. Стоимость речных перевозок была значительно дешевле железнодорожных. Особенно это проявилось на рубеже столетий, когда все волжское пароходство перешло на нефтяное топливо, массовое применение получили современные дизели, стали появляться винтовые суда. И в летние месяцы выгоднее было подвезти товар на нижегородскую пристань, перегрузить на многотоннажные баржи, которые мощные быстроходные буксиры доставляли на р. Белую, к уфимским пристаням.

С 1897 г. объем трансфертов из Уфы в Нижний Новгород (оплата привезенных оттуда товаров) вышел на второе место после Москвы, а в абсолютных величинах превысил полмиллиона рублей, до 709 тыс. руб. в 1901 г.

Эта же тенденция с небольшим опозданием распространилась и на Казань, которая с 1899 г. никому не отдавала своего пятого места в финансовых расчетах с Уфой, а величина переводов поднялась до 300–400 тыс. руб. Речное пароходство оказалось вполне конкурентоспособным, не случайно в период летней навигации МПС вводило специальные пониженные навигационные тарифы для линий, выходящих к волжским портам, чтобы перехватить грузы у частников-речников на (казенные) железнодорожные магистрали.

Огромный потенциал речного флота выявила... Первая русская революция! Сначала в 1905 г. резко возросли переводы в Нижний Новгород до максимальной

за всю историю суммы в 807 тыс. руб. В торговле с Уфой он оттеснил все остальные города, даже ближнюю Самару, и занял второе место после Москвы. В Казань также увеличились трансферты с 348 до 599 тыс. руб.

А в 1906 г. чудеса в торговле с Уфой продемонстрировала Казань. В том году также был установлен рекорд в переводах – свыше 1 млн руб. перечислили уфимские предприниматели в Казанское отделение ВККБ. В Нижний Новгород трансферты сократились, но оставались высокими (541 тыс. руб.).

Революционный хаос обрушил экономику, в первую очередь железные дороги, где сложились мощные профсоюзы. Забастовки парализовали сообщение по всей стране с осени 1905 г., по Самаро-Златоустовской магистрали разбегались революционные поезда, пугая местные власти. А частный речной флот в наименьшей степени был затронут социалистическим психозом. И в 1906 г. уфимские предприниматели переключились на пароходство; ближняя Казань, до которой несколько суток по рекам, стала одним из главных хозяйственных партнеров.

Кроме того, в самой казанской экономике на рубеже XIX–XX вв. происходят важные внутренние изменения. Обойденная железнодорожным сообщением, Казань лишилась функции транзитного, перегрузочного центра в снабжении Приуралья товарами. Быстроходные буксиры и пассажирские суда проносились мимо. Казанский бизнес вышел из кризиса за счет перестройки, развития производства товаров народного потребления. Здесь выпускалось мыло (фирма Крестовниковых), суконные и текстильные изделия (Алафузовы), различное оборудование.

Казань удерживала лидирующие позиции в торговле с Уфой еще 3 года (около 960 тыс. руб. в 1908 и 1910 гг., 734 тыс. руб. перевели из Уфы в Казань в 1911 г.), соперничая за второе место с Санкт-Петербургом. Крупные суммы переводов в эти годы происходили из Уфы и в Нижний Новгород (до 620 тыс. руб. в 1910 г., когда он обошел Самару).

Но в 1912 г. случился обвал, трансферты из Уфы в Казань и Нижний Новгород резко сократились при общем падении оборотов капитала. Старые волжские торговые центры опустились вновь на четвертое–шестое место в экономических связях с Уфой. Лишь в 1915 г. начался новый подъем, вызванный Первой мировой войной. Но наибольший рост трансфертов наблюдался в Нижний Новгород, а вот в Казань он был умеренный. Война привела к подъему экономики, но связанной с оборонными заказами, а промышленность по производству товаров для населения оказалась в кризисе.

Таким образом, в период доминирования пароходства удельный вес старых волжских партнеров Уфы доходил до четверти и выше от всех переводов внутри Волжско-Камского банка. Так, в 1880 г. трансферты из Уфы в Нижний Новгород составляли 11,6 % от общей суммы переводов, в Казань – 10,8 %, вдвоем – 22,4 %. В 1881 г. в Нижний Новгород из Уфы ушло 12,4 % перечислений, в Казань – 15,7 %, итого – 28,1 %.

После установления железнодорожного сообщения доля обоих городов резко упала: в 1898 г. Нижний Новгород – 7,3 %, Казань – 2,7 %, в 1899 г. Нижний Новгород – 6,6 %, Казань – 5 %. Перечисления денег в эти города колебались в размере около 10 %, составляя для уфимского бизнеса скромную величину.

Революционный кризис способствовал резкому увеличению трансфертов из Уфы в речные города Поволжья, в 1905 г. переводы в Нижний Новгород со-

ставили 7,4 %, в Казань – 5,5 %, в 1906 г. в Нижний Новгород прошло 6,9 % трансфертов, в Казань – 12,8 %. Несмотря на рост суммы переводов, удельный вес старых речных центров достиг лишь 19,7 %, временно приблизившись к эпохе господства волжского пароходства.

В 1913 г. в Уфимском отделении ВККБ переводы в Нижний Новгород внутри своей банковской сети составили 7,4 %, а если прибавить трансферты на корреспондентов, банки-партнеры, с которыми у ВККБ были соглашения на взаимный обмен услугами, то удельный вес Нижнего Новгорода был всего 6,6 %, у Казани показатели составляли 6 % (или 5,3 % от общего количества переводов из Уфы во все банки). Накануне Первой мировой войны доля Нижнего Новгорода и Казани в хозяйственных связях Уфы была не очень велика, по величине трансфертов – всего 13,4 % или 11,9 %: немногим более десятой части.

Несмотря на весь технический прогресс, речной флот проигрывал гонку железнодорожному транспорту, и удельный вес старых торговых центров Среднего Поволжья (Нижнего Новгорода и Казани) неуклонно сокращался. Но в межрегиональной конкуренции в начале XX в. важным фактором становилось наличие собственной промышленности, роль транспортной составляющей не всегда была решающей. Так, в отдельные годы Казань обгоняла Самару в хозяйственных связях с Уфой, хотя ее с последней связывал круглогодичный удобный железнодорожный путь. Но Самара долгое время являлась лишь крупным транзитным центром, сюда прибывала масса хлеба, который отправлялся далее по рекам и железным дорогам. Собственное производство в Самаре росло медленно и, кроме крупчатки, товаров своей промышленности она предложить не могла, тогда как из Казани везли мыло, ткани и другие товары. Поэтому с распадом экономических связей из-за забастовок путейцев в революционном 1905 г. уфимский бизнес стал закупать товары в Казани.

В целом изучение финансовой документации, на примере материалов Волжско-Камского банка, открывает большие перспективы как в исследовании экономики городов (и губерний), где действовали отделения ВККБ, так и межрегиональных хозяйственных контактов.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 595. Оп. 3.

M.I.Rodnov

UFA'S ECONOMIC RELATIONS WITH THE MIDDLE VOLGA REGION (NIZHNY NOVGOROD AND KAZAN)

Annotation. The materials of the Ufa branch of the Volga-Kama commercial bank show economic relations between Ufa and the leading shopping centers of the Middle Volga, the cities of Nizhny Novgorod and Kazan. In the era of the dominance of the river fleet, they accounted for more than a quarter of all money transfers. In the 1890s, after the construction of the railway to Ufa, the role of Kazan fell, but stable contacts remained with Nizhny Novgorod. The last sharp increase in trade with Kazan came in 1905 and the following years and was associated with the first Russian revolution. Due to strikes on the railroads, merchants switched to river transport. By the beginning of World War I, economic ties between Ufa and Kazan and Nizhny Novgorod were again reduced, accounting for about one tenth of all transfers.

Keywords: trade, finance, banks, economics, transport, Ufa, Kazan, Nizhny Novgorod.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К НАРОДАМ КРЫМА И ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ ПОЛУОСТРОВА НАКАНУНЕ И В ПРОЦЕССЕ ЕГО ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ

Аннотация. Раскрываются основные направления, цели и итоги государственной политики Российской империи по отношению к народам Крымского полуострова как на этапе, предвещающем включение края в состав России, так и на протяжении всего последующего столетия. Выявляются факторы, оказывавшие влияние на определение или корректировку национально-политического курса. Дается оценка отношения местного населения к деятельности российских властей, а также рассматривается постепенная эволюция этнической карты края.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, Российская империя, крымские татары, греки, армяне, национальная политика, этносы.

На момент включения полуострова Крым в состав России на его территории проживало около 300–500 тыс. чел. Хотя подавляющая часть на этом этапе относилась к татарскому населению (до 90 %), заметное место в жизни края играли и другие нации. В первую очередь христиане — греки и армяне. Последние занимались активным торговым промыслом и поэтому преобладали в городах: в Кафе (5,5 тыс. чел.), Карасубазаре (2,8 тыс. чел.) и Гезлев (Казлов, позже Евпатория) (1,3 тыс. чел.). Греки концентрировались в основном по южному берегу полуострова: Большая Каракуба (1,4 тыс. чел.), Стела (1,2 тыс. чел.), Сартани (0,7 тыс. чел.), Бишуи (менее 0,7 тыс. чел.), Керменчи (менее 500 чел.) [1, с. 86–87].

Первое кардинальное изменение состава населения полуострова произошло еще до включения его в состав России и было связано с представителями православных концессий. Установив протекторат над территорией ханства, Екатерина II предприняла меры по переселению христианских народов на территории будущего Новороссийского края. За счет этого императрица заселяла новоприобретенные земли юга России. Только за период 1778–1783 гг. из Крыма выехало около 30 тыс. христиан. Причем данные эти достаточно точные, так как сохранились в составе целого ряда источников. Так, только 5 августа 1778 г. из Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Козлова, Ак-Мечети и Старого Крыма выехало 1122 души обоего пола. Всего, по подсчетам исследователей, полуостров покинуло 31 386 чел. обоего пола. В это число входили греки (58,5 %), армяне (40,2 %), а также грузины и волохи (всего 1,2 %) [1, с. 86].

Переселение было организовано по согласованию с ханом Шагин-Гирем, который в виде компенсации получил 50 тыс. руб. Столько же было заплачено его братьям, беям и иным лицам. Данная акция уже сама по себе указывает, что на тот момент Россия не планировала присоединения ханства, которое виделось ей дружественным, но независимым от Турции мусульманским государством.

Массовое переселение христиан (преимущественно жителей городов) привело к целому ряду последствий. Первое – к кризису торговой деятельности полуострова. Это было хорошо заметно на примере Гезлева (Евпатории), специализирующегося на морской торговле со Стамбулом. Город вскоре обезлюдел, а экономическая активность его порта (крайне благоприятно расположенного [7, л. 2]) резко снизилась. Вот как описал Гезлев изучавший портовый город в 1816 г. военный статистик Муравьев 1-й: «Но чувство сожаления скоро родится, когда убеждаемая в том, что точно все сие существовало, теперь разрушается; что город сей обогащался, теперь беднеет; что магазейны, биржи, дома в нем строились, ныне же пустуют и разваливаются; и что он похож на утопающего, которой последними усилиями от смерти спастись старается» [7, л. 2 об].

Другим итогом переселения крымчан-христиан стал рост численности населения Новороссийского края. Примером этого является город Григориополь, о котором в Атласе Новороссийской губернии 1799 г. дословно говорится: «№ 192. Город Григориополь <...> жители сего города армянской породы» [7, л. 164].

В 1782 г. население Крыма насчитывало около 55 тыс. душ мужского пола. В их число входили татары (абсолютно подавляющая часть населения), евреи и караимы [1, с. 86].

Сразу после присоединения Крыма к России (1783) набрали силу два процесса. Первый – продолжение активного (начавшегося ранее) переселения части крымских татар в Турцию. Второй – активное переселение в Крым жителей из внутренних областей России. В первые годы после присоединения эмиграция из Крыма превосходила объем переселяющихся на полуостров.

В итоге после 1783 г. общая численность населения Крыма заметно сокращается. Точных данных о численности татар, оставивших полуостров, нет. Известно только количество учтенных переселенцев. В конце 1783 г. их официально было отмечено 56,8 тыс. чел. муж. пола. В конце 1785 г. это число составило 46,5 тыс. чел. муж. пола [1, с. 87].

Однако отток с полуострова татарского населения начался далеко не сразу. Причем на первых порах это не было связано напрямую с процессом вхождения территории бывшего ханства в состав Российской империи (по манифесту от 8 апреля 1783 г.). Во всяком случае, 28 июня присяга на верность России прошла вполне мирно. 16 июля 1783 г. Г.А. Потемкин писал Екатерине II из Карасу-Базара: «Вся область крымская охотно прибегла под державу Вашего Императорского Величества: города с многими деревнями учинили уже в верности присягу» [7, л. 36]. Да и в ближайшие месяцы после этого события из числа городских жителей уехали в Турцию «только двое, и те всю родню имеют в Анатолии» [7, л. 36]. Из числа сельских жителей выход происходил лишь в Козловском уезде. При этом в данное время Россия не сдерживала процесс эмиграции. Именно из этих мест шло переселение татар в Турцию, что было «дозволено» российским властями еще до объявления манифеста о присоединении. Однако Г.А. Потемкин сообщал в Петербург: «я уверен, что в краткое время множество из Анатолии и других ближних мест придут обратно в Крым» [7, л. 36].

Более того, на первых порах татарское население откровенно радовалось наступившему миру и покою. По сообщению Г.А. Потемкина, отправленному Екатерине II в 1783 г. (точной даты у документа нет), жители «области Таврической... весьма обрадованы утверждением мира, коего плоды они уже вкушают.

Все землевладельцы занялись теперь хлебопашеством, и примерно общее всех удовольствие. По деревням отправляют свадьбы с обыкновенным при таковых случаях празднованием. Татары ездят друг к другу пить бузу. Делают ради забавы и несказанно выселяться, отзываясь, что издревле был у них сей обычай, который пресекался со временем правления хана Шагин Гирея» [7, л. 23].

В первое время выезд был, но он не имел массового характера. Татары продавали свои имения и переселялись в Анатолию и Румынию, однако затем (как сообщает источник) «откуда все почти особы из царствовавшей фамилии и множество дворян возвратилось обратно». Необходимо учесть, что значительная часть переселенцев, оставивших Крым, вернуться назад не могла, поскольку не добралась до турецких владений, погибнув в море, от морового поветрия, а также от «прежде бывших бунтов» [7, л. 13–13 об.].

По-видимому, массовый отъезд татар начался только в 1788 г. Одна из его причин заключалась в не до конца продуманной политике по изъятию у местного мусульманского населения оружия и лошадей. Приказ на реквизицию был отдан Г.А. Потемкиным 10 апреля 1788 г. в условиях очередной войны с Турцией, перспективы которой на тот момент оставались весьма туманными. Изъятия были восприняты как оскорбление. В том числе и потому, что местные крымские мурзы, которым было поручено исполнить этот проект, отнеслись к нему с рвением, изымая у соплеменников и единоверцев даже негодное оружие, вызвав тем самым негодование [3, с. 180–181].

По мнению авторитетнейшего исследователя В.М. Кабузана, к началу 1785 г. ученное население Крыма составляло 43,5 тыс. душ муж. пола. Из них 84,1 % (39,1 тыс. чел. муж. пола) – крымские татары. Таким образом, за два года (сравнение с 1783 г.) произошло сокращение на 30 000 душ муж. пола. Впрочем, опытный демограф оговаривался, что, скорее всего, убыль была меньше, а цифры – результат несовершенства учета [1, с. 88].

По предположительным данным российской военной статистики XIX в., из Крыма к 1799 г. выехало до 150 тыс. жителей обоого пола [7, л. 14]. Так, к 1793 г. по кратким известиям, собранным за этот период во всей Таврической области, эмигрировало 85 805 муж., 71 323 жен. пола душ. Всего 157 128 душ [7, л. 13 об.]. К первым годам нового, XIX в., по известиям, сообщенным Г. Паласом, Крым оставили 205 617 душ обоого пола [7, л. 14].

Казалось бы, происходит стремительное обезлюдение края. Однако на практике ситуация являлась не столь однозначной. В 1796 г. проводится ревизия, по итогам которой в Крыму ожидают увидеть татар в числе всего около 60 тыс. муж. ревизских душ. Но оказывается, «число оных простирается до 90 000» [7, л. 14]. Иными словами, около 30 тыс. мужчин просто утаили себя от переписи [7, л. 14]. Итогом осмысления этой проблемы становится императорский указ 1800 г., предписывающий точно выяснить, сколько все-таки в Крыму проживает татар. Благодаря его исполнению выясняется, что «число татар простирается до 120 000 мужеска пола всякого состояния и возраста людей» [7, л. 14 об.]. Таким образом, не $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{2}$ часть крымско-татарского населения полуострова оставалась неучтенной, то есть общая их численность в крае составляла к началу XIX в. не менее 250 тыс. чел. обоого пола. А скорее, возможно, что и больше.

Как заключает статистик, обрабатывавший материалы недавно полученных переписей: «Все известия, собираемые до 1796 г. о числе народа, были недо-

статочные; одна только [новая] ревизия может доставить самое правильное <...> известие <...> Ни чему удивительно, что татары всеми силами стараются избегнуть сей ревизии» [7, л. 15–15 об.].

Для уточнения данных по численности народонаселения и в Крыму, и в прилегающих к нему уездах Таврической губернии были привлечены местные описи за 1802–1805 гг. «За основание» были приняты: ревизские списки, ежегодные описи, данные по конкретным уездам и городам. Однако и тогда полученные итоги были самые противоречивые. Так, в 1803 г. «по воспоследовавшим разделении в Таврической губернии считалось мужского пола 105 777, женского 88 948, обоего пола 194 725» ревизских душ. В 1804 г. мужского пола было учтено 102 826 душ, женского – 88 644, обоего пола – 191 470. В 1805 г. эти цифры составили соответственно 133 256, 107 274 и 240 530 душ; в 1806 г. – 108 187, 91 898, 200 085 душ [5, л. 16 об. – 17 об.].

Эмиграция татар в начале XIX в. не останавливалась. За 1804–1805 гг. общее число эмигрировавших составило 1496 душ обоего пола. При этом искать счастья за морем не воспрещали и прочим жителям края. Так, например, за тот же период на юг и юго-запад переселились 54 казака. Впрочем, наблюдался и обратный процесс. Только в 1805 г. из Турции «по пашпортам и для заработка» в Таврическую губернию приехали 287 человек [7, л. 22]. Пустые земли занимали переселенцы из внутренних территорий России. Но их прибывало не так уж и много, и они не могли покрыть потребности в рабочих руках. В 1804 г. этот показатель составил 1325 чел. [7, л. 22].

Властей, которые искали способы прекратить отток населения, остро заботил вопрос о мотивации выезда татар. Проводились опросы отбывавших, которые показали, что основной причиной стало не их личное желание, а выстроенная политика со стороны южного соседа и части мусульманского духовенства. По сути, рядовым татарам приказывали уезжать, используя при этом их искреннюю преданность своей вере. Вот как описал итоги интервьюирования один из русских статистиков: «Сии татары при допросе показали, что они желают воспользоваться сим позволением (России на выезд. — А.Б.) не потому, якобы, что они надеялись в турецких областях найти для себя выгоднейшую жизнь, напротив того они совершенно были уверены, что там для них будет гораздо хуже. Но просили о дозволении переселиться только по той причине, что сей жертвы требуют от них религия в том случае, если только они могут выполнить сие требование» [7, л. 23].

В 1783–1784 гг. в Крым в основном приезжали представители городских сословий (купцы и мещане). Среди иностранцев преобладали греки, которые переселись в Россию с 1775 г., обустроиваясь в Керчи и Еникале. В 1784 г. грекам были дарованы земли в районе Балаклавы (к тому времени они опустели). Греки основали еще семь небольших поселений, расположенных между Балаклавой и Ялтой. К 1792 г. греческие территории были известны как земли греческого пехотного полка с населением 1,8 тыс. чел. обоего пола. Освоение территорий Крыма переселенцами было крайне неравномерным и небольшим. В основном оно сосредоточилось в двух уездах — Симферопольском и Феодосийском. Расселение носило две формы — собственные новые поселения и расселение в поселениях татар [1, с. 88].

Этническая картина Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. представляла собой следующую картину: татары — 88 % (112,2 тыс. чел.); русских — 5 % (6,4 тыс. чел.);

цыган — 2,6 % (3,3 тыс. чел.); греков — 2 % (2,5 тыс. чел.); евреев — 1,2 % (1,6 тыс. чел.); армян — 0,6 % (0,6 тыс. чел.); украинцев — 0,7 % (1,8 тыс. чел.) [1, с. 88–90].

Как мы видим, недавно пришедшие русские и украинцы откровенно терялись среди татарского населения, которых по прежнему насчитывалось почти 90 %. Незначительный удельный вес славян был и по уездам. Максимум приходился на Симферопольский и Евпаторийский. Так, в первом русских было лишь 6,6 %, а во втором — 7 %. Максимальная часть украинцев приходилась также на Симферопольский уезд (чуть больше 1,8 %). Всего в Крыму 1795 г. проживало 156,4 тыс. чел. обоего пола (109 тыс. чел. муж. пола). Эта цифра, по мнению специалистов, надежная и достаточно полная [1, с. 90].

В ближайшие последующие годы рост численности татаро-ногайского населения постоянно шел вверх. За период с 1793 по 1795 г. он увеличился почти на 32,4 тыс. чел., но удельный вес данной группы среди прочих упал почти на 6 %. Число всех прочих народностей изменилось незначительно. Так у русских удельный вес сократился на 0,7 % (до 4,3 %). У украинцев, напротив, вырос на 0,6 % (до 1,3 %) [1, с. 91].

Период рубежа XVIII–XIX вв. характеризовался процессом интенсивного заселения материковой части Таврической губернии. Возобновление потока в Крым начинается только с середины 1820-х гг. Причем процесс этот был весьма умеренный, несмотря на то, что в начале XIX в. власти специально создали льготные условия для стремящихся переселиться в Новороссийский край. Но по-прежнему был заметен высокий естественный прирост татар (особенно в Симферопольском и Евпаторийском уездах). Удельный вес русских и украинцев рос слабо. На этом этапе славянские народы выступали как небольшая часть жителей полуострова. Оба этноса селились преимущественно в двух уездах — Симферопольском и Феодосийском. В первом из них русских значилось от общего числа жителей в 1795 г. 4,8 %, а в 1815 г. уже 6,8 %. Украинцев, соответственно, — 1,8 % и 2,1 %. В начале XIX в. украинские переселенцы проявляются также в уездах, где их до того не было. Так в 1815 г. в Евпаторийском значилось украинцев — 3%, русских — 0,5%. В целом в начале XIX в. приток украинцев в Крым был более высокий, чем русских. В то время как доля последних выросла с 4,3 до 4,8 % (всего на 0,5 %), число украинцев выросло с 1,3 до 3,7 % (рост на 2,4 %). На этом этапе они по численности уступали русским только в Симферопольском уезде [1, с. 92–93].

В 1816 г. — население Крыма насчитывало 212,6 тыс. чел. обоего пола (53 % мужчин и 47 % женщин) [1, с. 93].

Этническая картина полуострова отразилась и на его экономической жизни и характере занятости его населения, в которой присутствовала ярко выраженная национальная специализация. Вот как, в частности, описывал очевидец Евпаторию в 1816 г.: «В городе сем находится ныне около тысячи домов, обитаемые большей частью русскими при должности находящимися, большей частью татарскими купцами и работниками, греческими и армянскими торговцами и довольно значительным числом евреев, которые в Крыму называются караимы. Татары исповедуют магометанскую веру по свойству их права, очень ленивы, что препятствует им вопреки преимуществу их в населении, заниматься торговлею с выгодою; они по большей части нанимаются в работы, пашут землю и пасут

стада; греки и армяне занимаются мелочною торговлею и похожи несколько на наших разнощиков, с той только разницей, что имеют лавки и торгуют также на местах; но караимы, народ промышленный и пронырливой, в руках своих исключительно всю торговлю содержат; они имеют поверенных во всех турецких гаванях и суть торгопроводы Южной России. По сей причине некоторые из них весьма достаточны и построили себе хорошие двубрусные дома; которые во внутренности не уступают многим богатым домам в Петербурге и в Москве» [4, л. 6 об.].

Интересно сравнить этот взгляд с мнением другого аналитика, оставившего описание того же края, спустя 20 лет. Этот наблюдатель, как и его предшественник, говорит о «природной беспечности» и «равнодушию ко всему» [6, л. 3] крымских татар, но оценивает эти качества уже совсем иначе, объясняя их жестокостью природы, ограниченностью ресурсов и необходимостью приноравливаться к непреодолимым условиям: «Воду единственное питье его достает он с величайшим трудом <...> чрезвычайный зной <...> без прохлады, без малейшего присутствия оной не позволяет ему днем работать <...> Рогатого и мелкого скота, верблюдов и лошадей держат татары только, сколько необходимо для его семейства — излишнее число того и другого обременило бы его — он не будет знать, как прокормить их зимою и напоить летом» [6, л. 3 об. —4].

В 1819 г. был опубликован указ о запрещении переселения в Россию иностранных выходцев. В 1824 г. вышел закон, разрешающий переселение в Крым государственных крестьян во все губернии с наделением их 8–15 десятин земли на ревизскую душу. При этом сами крестьяне могли избирать из своей среды депутатов, которые ехали и смотрели новые земли для переселения. Переселенцы освобождались на 3 года от податей. Но данные меры не активизировали процесс заселения Крыма. Переселенцы в основном стремились попасть на материковую часть Новороссии — уезды Днепровский и Мелитопольский [7, л. 8 об.]. По данным на 1837 г., жители первого, как сообщает современник, были «большой частью малороссияне, потом чистые русские и наконец татары ногайские». При этом «малороссияне» занимались «земледелием, а наиболее разведением рогатого и мелкого скота», а также добывали на озерах и привозили соль. Русские же жили «почти исключительно земледелием» [7, л. 6 об.].

Население соседнего Мелитопольского уезда обладало куда большим разнообразием. Здесь присутствовали: «малороссияне, природные русские (переселились из Тамбовской, Курской и Орловской губерний), татары, ногайцы, колонисты, <...> разные сектанты российские (губерний Воронежской, Тамбовской и Астраханской) как то: малаханы душеборцы, наконец, малая часть болгар, давно сюда переехавших». Они с большим успехом занимались земледелием, скотоводством, ловили рыбу «при реке Молочные воды и Азовском море», а также разводили сады [7, л. 6 об., 8 об.].

В 1816–1835 гг. все население Крыма увеличилось на 31,4 %. С 1835 до 1851 г. — еще на 30 %. Этнически состав сильно не изменился, но существенно выросла численность славянских этносов: русских — с 4,4 до 6,6 %, украинцев — с 3,1 до 7 %. Вторые впервые в истории полуострова стали и численно, и в относительных показателях опережать русских. Довольно многочисленные украинские поселения появились в Ялтинском и Перекопском уездах. Впрочем, при этом выросла и доля русских в Симферопольском, Феодосийском и Евпаторийском уез-

дах. При этом татары по-прежнему оставались абсолютно преобладающим этносом, но доля их сильно понизилась – с 83,4 до 78 %, упала на 2–7 % в ряде уездов [1, с. 95].

При описании внутренних татарских уездов Крыма (в частности Евпаторийского) данные статистики сообщают, что «все народонаселение уезда составляют татары», а также указывает на безлюдность степей, крайне трудные условия проживания в них и неустроенность жизни [7, л. 3].

Таблица 1

**Естественное движение народонаселения
в Таврической губернии в середине XIX в. [7, л. 126 об.]**

	Родившихся		Умерших		Число браков
	муж.	жен.	муж.	жен.	
В городах					
Алешки	108	115	100	90	39
Бахчисарай	245	279	216	199	187
Бердянск	184	150	101	65	77
Евпатория	272	257	248	222	111
Карасубашзар	275	272	209	222	183
Ногайск	28	28	22	17	9
Орехов	183	167	130	112	82
Перекоп	114	125	100	78	48
Симферополь	366	275	317	260	158
Старый Крым	71	66	25	20	27
Феодосия	160	146	92	85	70
Мелитополь	74	70	89	55	42
Ялта	17	14	16	14	4
Балаклава	44	35	25	20	8
В уездах					
Бердянском	1490	1318	588	542	–
Евпаторийском	817	848	539	555	280
Днепровском	1618	1496	847	830	589
Мелитопольском	1590	1477	857	660	620
Перекопском	1556	1283	722	646	760
Симферопольском	1050	1030	620	646	490
Ялтинском	717	717	344	321	365
Феодосийском	1045	939	495	495	460

Важной вехой в истории полуострова стала Крымская война. В преддверии высадки противников все татарское население, проживавшее «на 25-верстном расстоянии от морского берега» переселили во внутреннюю часть полуострова. Это привело к опустошению обширных пространств по берегам Черного моря. После завершения военных действий татарам не разрешили вернуться на свои земли у моря, и они остались во внутренних уездах.

Активная пропаганда Турции и фанатичного мусульманского духовенства убедили крымских татар в том, что полуостров будет отторгнут от России и

войдет в состав Османской империи. Провал этой мечты привел к массовому разочарованию татар и ногайцев и породил стремление эмигрировать в единоверную Турцию. Тем более, что там им были обещаны крайне благоприятные условия и земли (что во многом осталось фикцией), приведшей к новым разочарованиям. К весне 1860 г. идея переселения в Турцию охватила большинство мусульманского населения Таврической губернии. Татары стали готовиться к отъезду, уничтожали хозяйства. В 1860 г. более 89 % татар-мигрантов покинуло Крым. Убыль оказалась весьма заметна. Общее сокращение в 1860 г. составило 116,6 тыс. чел. (с 306 до 189,4 тыс. чел.). Сокращение по уездам — составило более всего по Перекопскому уезду, где число татар сократилось с 57 тыс. до 10 тыс. чел., в Ялтинском — с 29 до 22 тыс. чел. Выезд татар из Крыма продолжился и в дальнейшем. Идеи миграции татарского населения не затронули только два уезда — Ялтинский и Евпаторийский. В Ялтинском местные татары вообще не подпали под влияние эмигрантской компании [1, с. 101].

Несмотря на массовую эмиграцию, начиная с 1863 г. численность татар в Крыму стала расти. Процесс шел за счет естественного прироста, но удельный вес этнической группы постоянно падал из-за массового переселения в Крым из внутренних губерний России. Если бы власти преднамеренно не перешли с 1862 г. к ограничению эмиграции татар и даже пошли на аннулирование уже выданных паспортов, то уже к середине 1860 г. татарское население в Крыму могло практически полностью исчезнуть.

Положение эмигрирующих в Турцию нередко было ужасным (как по дороге, так и в самой Турции). В итоге с 1863 г. начинается возвращение татар и ногайцев в Россию. Но казенные земли в Крыму были уже заняты, поэтому возвращение разрешили при условии: договор с помещиком на проживание на его землях; вызов родственниками; необходимость вернуться по имущественным обстоятельствам.

Исход татар из Крыма привел к обезлюдению поселений и территорий. Цена за десятину (1,1 га) упала с 20 до 3 руб. Общая убыль крымских татар на 1855 г. составила (по неполным источникам) — около 18,5 тыс. чел. обою пола. В 1851—1858 гг. общее число населения Крыма сократилось с 344 до 331,3 тыс. чел. [1, с. 101—104].

В 1850-е гг. налицо падение удельного веса татар с 78 до 73 % (с 267 до 242 тыс. чел.). При этом они по-прежнему доминировали во всех уездах. Максимальное уменьшение татар было заметно в столичном (Симферопольском) уезде — с 72 до 63 %. Но перемещение татар от моря внутрь полуострова увеличило их численность в Ялтинском уезде — с 78 до 91 %. Наряду с этим наблюдался рост русской диаспоры; в Симферопольском уезде — с 12 до 25 % [1, с. 96]. Причина заключалась не столько в естественном росте числа переселенцев из России, сколько в особенностях учета: до этого не проводилась перепись военного населения Севастополя, приписанного к данной административной единице.

Кроме того, в 1850-е гг. наблюдается сокращение численности украинцев с 7 до 4 %. Причины, скорее всего, связаны с активным оттоком во время Крымской войны земледельческого населения полуострова, в большей степени состоявшего из украинцев.

Среди военного населения (служащего и отставного) края русские всегда преобладали. Временный (в основном военный) контингент, состоящий из русских, был неизменно очень высок.

Заметным (но не многочисленным) этническим компонентом в Крыму выступали немцы. Они начали заселять полуостров с начала XIX в. Доля их составляла: в 1795 г. — 0,1 %, в 1858 г. — 1,5 % [1, с. 100]. Удельный вес других народов в 1858 г. был крайне невелик, малозаметен был и процесс его изменения: у евреев наблюдался рост с 1,1 до 1,3 %, у греков — с 1,6 до 1,2 %, у армян — с 0,4 до 0,7 %, у цыган — с 1,3 до 1 % [1, с. 104–106].

Во второй половине XIX в. положение крымских татар заметно изменилось, налицо был процесс их постепенного обезземеливания. К 1850-м гг. размеры татарских земель сократились наполовину. Число безземельных составило: к 1860-м гг. — 52 %, в начале XX в. — 64 %. Кроме того, в результате массового выезда татар из Крыма их число падает с 306 тыс. до 189,4 тыс. чел. Но и при этом татары продолжают оставаться доминирующим населением — 50,3 % (100 тыс. чел.). В сельской местности они доминировали повсеместно. Так, в Ялтинском уезде удельный вес крымских татар составлял 92 %, в Симферопольском — 65 % [2, с. 154].

В городах татары не доминировали, составляя в общей сложности лишь $\frac{1}{3}$ от всех городских жителей. На первое место здесь вышли вместе русские и украинцы (вместе 36 %) [1, с. 107].

В 1860–1870-е гг. количество переселенцев в Крым начинает превышать число выезжающих из него. Одна из причин этого процесса заключается в том, что в 1856 г. наместник Новороссии М.С. Воронцов доказал Петербургу целесообразность остановить набирающий обороты процесс добровольной эмиграции татар.

К концу XIX в. русская этническая территория сформировалась в Севастопольском градоначальстве (63 %), Керчь-Еникальском градоначальстве (56 %), в Симферопольском и Феодосийском уездах, где удельный вес русских составил 30 %. Высок он был также в Перекопском и Ялтинском уездах.

Особое место в поселенческой сети края в это время занимал Севастополь — главная база Черноморского флота. Спустя всего лишь 50 лет после своего основания город — военно-морская база удивлял приезжих видом своего «военного порта, оживленного деятельным многолюдством». Общая численность его населения в эти годы «простиралась» (по наблюдению очевидца) «до 20 000 чел.» [7, л. 295 об.]. При этом местные жители практически на 100 % («исключая малое число купцов и мещан») состояли из «матросов и солдат разных названий» [7, л. 295 об.]. Однако население стремительно росло, как за счет военных, так и статских жителей. Впрочем, значительная их часть по-прежнему относилась к военному ведомству, о чем говорит значительный перевес в сторону мужского населения [7, л. 106]. Удельный вес «великорусов» в Севастопольском градоначальстве составлял 63 % [1, с. 99].

В эти же годы наблюдалось и увеличение численности украинцев-малороссиян, выросшей с 4 до 12 %, но и при этом уже явно уступавшей русским (33 %), которые (181 тыс. чел.) теперь лишь немного отставали от татар (194,4 тыс. чел.). При этом численное преимущество над русскими украинцев наблюдалось только в одном уезде — Евпаторийском (русских — 18 %, украинцев — 21 %). В Перекопском уезде диаспоры оказались почти равными (русских — 11,7 тыс. чел., украинцев — 11,3 тыс. чел.). К 1897 г. общий удельный вес русских в Крыму составил уже 33 %, украинцев — 12 % [1, с. 106–107].

Прочие диаспоры по-прежнему сохраняли небольшие удельные показатели. В конце столетия на полуострове особенно охотно селились немцы, но их удельный вес за вторую половину XIX в. вырос незначительно (с 0,6 до 1,3 %). В Феодосийском уезде в 1897 г. немцев насчитывалось 5 % от всех жителей. Удельный вес греков и армян в эти годы сильно не изменился. Кроме того, появились в небольшом числе эстонцы и чехи, селившиеся только в Перекопском уезде [1, с. 107–109], добавившие разнообразия в этническую карту края, которое он приобрел за первое столетие после включения полуострова в состав России.

Список источников и литературы

1. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М.: Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2003. 195 с.
2. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998. 268 с.
3. Непомнящий А.Н., Калиновский В.В. Под скипетром России. Крым в конце XVIII – первой половине XIX века // История Крыма. М.: ОЛМА-Медиа Групп, 2015. С. 180–181.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 19059.
5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062.
6. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19070.
7. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19073.

A.V. Belov

STATE POLICY RELATING TO THE PEOPLES OF CRIMEA AND THE EVOLUTION OF THE ETHNIC MAP OF THE PENINSULA ON THE EVE AND IN THE PROCESS OF ITS INCLUSION IN RUSSIA

Annotation. The main directions, goals and results of the state policy of the Russian Empire in relation to the peoples of the Crimean peninsula, at the stage immediately preceding the inclusion of the region into Russia, and throughout the next century are revealed. The factors that influenced the determination or adjustment of the national political course are identified. An assessment of the attitude of the population to the activities of the Russian authorities is given, and the gradual evolution of the ethnic map of the region is considered.

Keywords: Crimea, Crimean khanate, Russian empire, Crimean tatars, greeks, armenians, national policy, ethnic groups.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются основные направления государственной политики в области образования нерусских народов Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрена историография по теме, основные мероприятия правительства в данной сфере, вопросы законодательного регулирования и реализации основных положений законодательных актов. Сформулирован вывод об основных тенденциях государственной политики в области школьного образования народов Востока России и результатах ее осуществления.

Ключевые слова: государственная национальная политика, образование, нерусские народы, родной язык, школы, учителя, переводы, «Система Ильминского».

Актуальность проблемы государственной национальной политики обуславливается социально-практическими факторами. Важными на современном этапе для многих народов многонациональной России являются вопросы сохранения родных языков, расширения сферы их применения. Языковая ситуация в обществе и языковая политика на современном этапе вновь привлекают внимание исследователей [2, с. 6]. Немаловажным в этом плане является изучение исторического опыта.

Вопрос об интеграции нерусских народов в социокультурное пространство России является наиболее дискуссионным в исследовании государственной национальной политики в области просвещения во второй половине XIX – начале XX в. Р.М. Зябиров в ходе изучения данной проблемы пришел к выводу о том, что «отказа от стремления к имперской управляемости в пользу более равноправных социальных и коммуникативных связей» между нерусскими народами России, перехода от насильственных к мирным формам религиозного и нравственного просвещения потребовали процессы либерализации и буржуазной диверсификации, происходившие в российском обществе в 1860–1870-х гг. По его мнению, интеграция происходила на основе религиозной аккультурации и русской этнокультурной ассимиляции. Автор также определил основные подходы государственной власти в данной сфере: «признание приоритетности задач обеспечения нерусского населения базовыми знаниями на родном языке, отношение к образованию как источнику» формирования факторов лояльности и верноподданности населения [6, с. 14, 17–18].

Р.Р. Исхаков подчеркивает сложность процесса интеграции, связанную с осознанием местными народами своей конфессиональной принадлежности с этнической идентификацией. Важным моментом он считает решение вопроса о методах интеграции во второй половине 1860-х гг., в связи с острой необходимостью выбора между культурно-языковой унификацией и христианским про-

свещением, в пользу последнего, что определило в дальнейшем векторы национальной политики государства [7, с. 41].

Им же рассмотрены деятельность Казанской крещенотатарской школы, Казанской инородческой учительской семинарии, сельских начальных крещенотатарских школ, православные переводы на татарском языке [7, с. 167–268].

Важнейший дискуссионный вопрос в рамках поставленной проблемы касается роли системы Н.И. Ильминского в данном процессе. По мнению Р.Р. Исхакова, она заключалась в «отказе от жесткой привязки христианизации к этнической унификации», «этнизации» православия, гармоничном встраивании христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля». Система Н.И. Ильминского позволила нерусским народам Восточной России «при сохранении этнических традиций и идентичности развивать свою культуру, эффективно встраиваться в быстро меняющиеся реалии жизни пореформенной России» [7, с. 43]. Объективные факторы, связанные с трансформацией патриархального общества местных народов и кризисом традиционных ценностей, начавшимся еще до внедрения системы Н.И. Ильминского, способствовали ее признанию как населением, так и государственной властью. Глубокое, всестороннее изучение проблемы позволило автору сформулировать вывод о том, что «фактически в социокультурной и политической ситуации пореформенной России система Н.И. Ильминского выступила единственной реальной формой национального просветительства» [10, с. 3–4].

А.Н. Евдокимова отмечает, что «Российское государство, инкорпорируя в свой состав многочисленные народы и руководствуясь необходимостью сохранения православия как официального вероисповедания, стремилось распространить христианство среди нерусских этносов Поволжья. С последней трети XIX в. благодаря реализации принципов системы Н.И. Ильминского “инородческое” население все более вовлекалось в сферу государственной религии» [5, с. 35].

Г.А. Николаев указывает, что в начале XX в., в связи со сложной внутренней политической обстановкой, «акт религиозного просвещения нерусских народов средневожского региона объективно стал еще более тонкой и деликатной, соответственно, социально-психологической операцией и процессом, требующим еще больше, чем прежде, усилий» [14, с. 12].

Изучение данной проблемы предполагает рассмотрение социально-экономического, этнокультурного и этноконфессионального аспектов. Многогранное исследование Г.А. Николаева, посвященное жизни средневожского крестьянства, вносит значительный вклад в их освещение. Изучение автором вопросов социально-экономического состояния показывает качественные сдвиги в положении крестьянства Среднего Поволжья во второй половине XIX в., что выразилось в нововведениях в организации крестьянского хозяйства, которые «не исчерпывались укореняющейся практикой восстановления плодородия истощенной почвы, применения в аграрном производстве усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин», «новации проявились и в мерах по улучшению породности домашнего скота, в покупке и высевании хлебопашцами улучшенных сортов зерновых, в попытках некоторых сельских обществ организовать промышленное садоводство и огородничество, ввести в севооборот травопольный клин» [13, с. 21]. Несомненно, все это требовало знаний, которые становились необходимым условием для осуществления нововведений. В исследо-

вании подчеркивается, что «в пореформенное время в средневожской деревне численность грамотных сельских обывателей — потенциальных культурных аграриев — неуклонно росла». Наблюдался и рост численности такого «передового элемента деревни», как крестьяне, занимавшиеся отходничеством, владевшие русским языком, среди которых была высока доля грамотных [13, с. 30]. Автором признана первоочередная роль образовательной системы Н.И. Ильминского в «достигнутом в эпоху модернизации внушительным ростом уровня грамотности средневожской нерусской православной деревни» [13, с. 26].

Этнокультурный аспект выражен в феномене обширного региона Среднего Поволжья, по мнению Л.М. Кутиновой, «обладающего рядом социокультурных индикаторов: степень качественных изменений духовно-нравственных ориентаций; соотношение центростремительных и центробежных тенденций на пути создания полиэтнического (поликультурного) сообщества; наличие диспропорций в духовном развитии регионального социума вследствие различных экономических и идеологических условий для национально-культурной самоидентификации» [9, с. 8].

Этноконфессиональные процессы, происходившие в рассматриваемом регионе, как показало обширное исследование, проведенное Л.А. Таймасовым, определялись взаимной аккультурацией этносов, прозелетизмом, осознанием нерусскими народами веры как основной составляющей этноидентитета [20, с. 92–99].

Для нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья осуществление государственной политики в сфере образования было связано с организацией школ, церковной службы, применением родного языка, подготовкой учителей и переводов для крещеных «инородцев». По отношению к крещеным нерусским народам государственная власть взяла курс на их религиозно-нравственное просвещение, по отношению к мусульманам придерживалась светского направления в развитии образования. Разнообразные итоги и результаты этой политики находят отражение в работах многих современных авторов. Основные подходы в развитии светского образования среди татар получили освещение в исследовании Р.М. Зябирова. Автор отмечает, что в решении этого вопроса «государственная власть пошла не по пути конфронтации, а по пути социальной интеграции мусульманского населения в структуру российского общества» [6, с. 14].

По мнению Е.Н. Мокшиной, «христианизация мордовского народа — процесс сложный и противоречивый, имевший огромное цивилизаторское значение», вписанный «в структуру широкого и многозначительного процесса постепенного развития и адаптации мордвы в составе Российского государства» [12, с. 5–8]. Наиболее значимым результатом стало явление национального просветительства. Н.Ф. Мокшин, рассматривая деятельность просветителей мордовского народа А.Ф. Юртова и М.Е. Евсевьева, отмечает, что они «своим личным примером доказали, что их родной народ является не только объектом истории и историко-этнографического познания, но и субъектом этой истории, творящим ее и способным своими собственными силами исследовать ее» [11, с. 5–11].

И.В. Алметева, А.Г. Иванов, А.А. Филонов, изучая историю создания и развития земских школ в Марийском крае в начале XX в., пришли к выводу о совершенном «прорыве в деле светского школьного строительства» благодаря развитию сети школ данного типа, в основу преподавания в которых был положен родной язык [1, с. 16].

О.И. Васильева, В.С. Воронцов, изучая историю национальной школы в Удмуртии, выделили ряд этапов, «обусловленных спецификой государственной и национально-языковой и образовательной политики, общественных настроений, степенью активности национальной интеллигенции, влияния и массовости национального движения». Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется ими как «просветительный этап», в рамках которого проходила деятельность И.С. Михеева и других просветителей, связанная с распространением грамотности среди удмуртов, началом формирования национальной школы [3, с. 82].

Развитию переводной чувашской книги во второй половине XIX – начале XX в. посвящено основательное по содержанию исследование Ю.В. Гусарова, в котором обозначены и решены следующие проблемы: переводная чувашская книга в политической борьбе вокруг системы Н.И. Ильминского; чувашские переводческие центры, переводческая деятельность на чувашском языке и чувашские переводчики; вопросы издания чувашских книг; история переводной чувашской светской книги, издание чувашских книг земствами. По заключению автора, переводная книга обеспечила процесс «обучения и богослужения на родном языке, особенно тесной была ее связь со школой» [4, с. 4].

Австрийский ученый А. Каппелер считает вторую половину XIX – начало XX в. этапом «выхода чувашей из тени истории», предпосылками для этого явились «социальная мобилизация и определенное школьное образование, ставшее теперь доступным и для чувашских крестьян». Начало этому процессу положили С.М. Михайлов, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский и другие представители чувашской интеллигенции, выступившие «из тени как личности» [8, с. 111].

Анализ рассмотренных работ позволяет сделать вывод о ценном вкладе каждого исследователя в изучение различных аспектов темы, касающихся оценки системы Н.И. Ильминского, принципы которой легли в основу государственной политики в области образования, методов ее осуществления. В рамках одной статьи не представляется возможным охватить всю историографию проблемы. В разное время изданы работы многих других авторов, заслуживающие пристального внимания. Автор постарался рассмотреть новейшие работы в данной области, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что исследователям предстоит дальнейшая работа по изучению факторов принятия отдельных направлений государственной образовательной политики, их законодательного регулирования и результатов реализации. Некоторые из этих вопросов рассматриваются в данной статье.

Признанию системы Н.И. Ильминского на государственном уровне во многом способствовал высокий авторитет ее автора среди руководства Синода и Министерства народного просвещения (МНП). Подтверждением этому служит их переписка. В письме от 30 марта 1866 г. Н.И. Ильминский благодарил министра народного просвещения Д.А. Толстого за материальную помощь Казанской крещено-татарской школе и сообщал, что полученные средства (1 тыс. руб.) будут использованы на развитие сети крещенотатарских школ [10, с. 173]. В письме от 10 сентября 1869 г. сообщал о посещении школы великим князем Александром Александровичем и пожаловании пособия на содержание в школе 20 бедных мальчиков и девочек [10, с. 176]. Мысль о принятии в «инородческую школу» прежде всего детей-сирот высказана им в письме к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву от 21 июля 1883 г. [10, с. 196]. В письме от 31 марта 1890 г. Н.И. Иль-

минский развивал идею организации в Карлыгане школы для удмуртов по образцу Казанской крещенотатарской школы [10, с. 236].

В письме к министру народного просвещения И.Д. Делянову от 17 марта 1888 г. Н.И. Ильминский рисует картину о положении дел с изучением русского языка в 1860-х гг., когда «14–15-летние воспитанники Казанской крещено-татарской школы назначались учителями в инородческие деревни, сами очень еще затруднялись говорить по-русски, но на месте с каждым годом эти учителя укреплялись и совершенствовались в русском языке», «оказалось, что они досуги от школьных занятий старались проводить в русском семействе затем, собственно, чтобы усвоить русскую речь» [10, с. 253]. В этом же письме, касаясь методов переводческой деятельности, Н.И. Ильминский отмечает, что правила от 18 марта 1868 г., принятые для Переводческой комиссии Братства св. Гурия, были взяты в основу организации деятельности Переводческой комиссии Православного миссионерского общества. Переводчики следовали этим правилам «по духу, а не по букве» и применяли их не только для «инородцев» Казанского края, но также для других народов Востока России [10, с. 267].

Вопросы образования находились в русле законодательного регулирования. Принятию правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. предшествовали заседания в Казани особого комитета 19 декабря 1866 г. под председательством попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова, с участием Е.А. Малова, Н.И. Ильминского, Н.И. Золотницкого, и комиссии 14 октября 1867 г., в работе которой кроме них приняли участие священник М. Рождественский и профессор А. Филимонов. Журнал заседания особого комитета 1866 г. и заключение о работе комиссии 1867 г. в Казани были представлены в МНП, 27 февраля 1867 г. и 5 февраля 1868 г. обсуждены на заседаниях его учебного комитета с участием попечителей Казанского и Одесского учебных округов. Предложение о допуске родного языка в начальное образование для «инородцев» получило одобрение. Министр народного просвещения Д.А. Толстой 6 сентября 1869 г. подал «представление по вопросу об образовании инородцев» в Комитет министров, где оно получило соответствующий резонанс. Затем состоялось представление императору Александру II журнала Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г., в котором были изложены «предположения о мерах к образованию инородцев» [16].

В соответствии с мнением Совета министра народного просвещения, «инородцы, населяющие Россию» по отношению к системе образования были разделены на две группы: «инородцы-христиане» и «татары-магометане», различающиеся степенью «обрусения и в религиозном отношении». Предложенные меры были изложены в двух разделах, из которых первый раздел, обозначенный литерой «А», касался христиан; второй, под литерой «Б» – мусульман. Они определяли «общую педагогическую систему образования инородцев». Эти меры были утверждены именованным указом от 26 марта 1870 г. В принятой системе образования «инородческий язык признавался только орудием первоначального обучения и развития инородцев» [17].

4 апреля 1870 г. последовало отношение министра МНП Д.А. Толстого к попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову о внедрении в школьную практику правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» с предложением представления «соображений по предмету составления и издания

учебных книг на инородческих» языках, предложения по учреждению начальных народных училищ для «инородцев», проектов устава и штата учительской семинарии в Казани, а также проекта и сметы для постройки здания семинарии [16].

Правительственное обсуждение вопросов образования нерусских народов продолжилось после инспекционной поездки в октябре—декабре 1904 г. члена Совета министра народного просвещения А.С. Будиловича по заданию МНП по Казанскому, Оренбургскому и Западно-Сибирскому учебным округам. 31 марта 1905 г. министр народного просвещения В.Г. Глазов выступил с предложением о «созыве особого совещания по вопросам образования инородцев» под председательством А.С. Будиловича, для назревшего «пересмотра действующих законоположений об инородческих школах». Совещание должно было рассмотреть следующие вопросы: «об улучшении положения инородческих школ; о возрождении системы Н.И. Ильминского; о школах татарских; о возрождении должностей инспекторов инородческих школ в Казанском и Оренбургском учебном округах; об учреждении практических школ для изучения восточных языков в Казани и других городах». Был определен широкий состав участников совещания, в том числе Н.А. Бобровников, И.А. Износков, Н.Ф. Катанов, С.В. Чичерина, И.Я. Яковлев и другие деятели народного просвещения. В большинстве своем это были ученики и последователи Н.И. Ильминского. Совещание прошло в мае 1905 г. [18].

В январе 1906 г. МНП представило на рассмотрение в Государственный совет «изложение дела» и «соображения», касающиеся основных положений, выработанных особым совещанием. Совещание признало два основных типа начальной «инородческой» школы по сроку обучения: первоначальная школа грамоты с двухлетним курсом обучения и начальная школа с четырехлетним курсом. За организацию школ второго типа выступал инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлев. Кроме того, совещание признало необходимым издание двуязычных учебников для «инородческих» школ. Их методический успех также был доказан И.Я. Яковлевым на практике. Результатом всей этой работы стало утверждение МНП правил «О начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России» от 31 марта 1906 г., развивших правила 1870 г. [19]. Правила на государственном уровне закрепляли четырехлетний срок обучения в начальных нерусских школах и позволяли использовать в них метод двуязычного обучения. Учащиеся делились по уровню владения русским языком, учителями назначались «неприменно инородцы или русские, основательно знающие» родной язык учеников.

Государственная политика в области образования нерусских народов во второй половине XIX — начале XX в. дала определенные плоды. Основные русла ее реализации включали организацию сети начальных школ, переводов и изданий религиозной и учебной литературы; подготовки учителей; церковного богослужения на родном языке.

По данным статистического ежегодника России, на 1 января 1911 г. в шести губерниях Казанского учебного округа насчитывалось 16 505 800 жителей, из них 1 485 522 в возрасте 8—11 лет. Число детей в возрасте 7—14 лет составляло 3 025 205, из них 1 512 055 мальчиков и 1 513 150 девочек [15, с. 22]. Среди населения Казанского учебного округа русские составляли 11 095 300, «инородцы» — 5 410 500 чел. (из них: башкиры — 92,4 тыс.; марийцы — 343,3 тыс.;

мордва – 724,6 тыс.; татары – 1 597,7 тыс.; удмурты – 498,5 тыс.; чувашы – 985,4 тыс. чел.). Однодневная школьная перепись 18 января 1911 г. представила следующую картину общего числа учащихся в начальных школах Казанского учебного округа: башкир – 112, марийцев – 10 128, мордвы – 19 071, татар – 8 602 (в школах МНП, Св. Синода) и 132 224 (в конфессиональных школах), удмуртов – 18 699, чувашей – 34 685 чел. [15, с. 24–25]. В столь значительном количестве учащихся из чувашей велика заслуга И.Я. Яковлева.

Согласно переписи 1911 г., в Казанском учебном округе работало 162 «инородческие» школы, в том числе 23 (14,3 %) – с трехлетним курсом обучения, 139 (85,7 %) – с курсом обучения более трех лет [15, с. 9]. В соответствии с правилами 1906 г., при необходимости срок обучения в первоначальных школах мог быть продлен до трех лет. Конфессиональных татарских школ насчитывалось 1822 [15, с. 25].

При поддержке МНП и благодаря успехам национального просветительства, при учебных заведениях, осуществляющих подготовку учителей для «инородческих» школ, сложились следующие центры переводческой деятельности: Серменевская центральная школа – для башкир, Бирская инородческая учительская школа – марийцев, Казанская центральная крещенотатарская школа – крещеных татар, Казанская инородческая учительская семинария – чувашей, мордвы, удмуртов, Симбирская чувашская учительская школа – чувашей. Казанская центральная крещенотатарская школа с 1863 по 1904 г. подготовила 468 учителей и 186 учительниц. Казанскую инородческую учительскую семинарию с 1872 по 1904 г. окончили: 473 русских, 104 татар и башкир, 126 чувашей, 88 марийцев, 40 удмуртов, 75 мордвы, 42 представителя других национальностей [17]. Симбирская чувашская учительская школа к 1903 г. подготовила более 400 учителей и учительниц и свыше 100 священников [21, с. 179].

Совершение церковного богослужения на родных языках было разрешено указом Синода от 15 января 1883 г., однако некоторые «инородческие» священники, среди них Д.Ф. Филимонов, начали совершать подобные богослужения раньше [10, с. 541]. «Инородческие» учителя проводили в школах беседы для взрослых, с пением и чтением молитв на родных языках. Учитель Карлыганской центральной вотской школы К.А. Андреев в письме Н.И. Ильминскому от 17 декабря 1887 г. сообщал, что в 1886 г. им было проведено 43 беседы, в 1887 г. – 58. В них принимало участие от 15 до 50 чел. [10, с. 455–456], что свидетельствует о возрастающем интересе к содержательной стороне православия.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. сложились благоприятные социально-экономические и общественно-политические условия для внедрения родного языка в школьное образование и христианское просвещение нерусских народов Поволжья и Приуралья, особенно в период с 1870 по 1906 г. Характерной особенностью государственной национальной политики в области образования являлась заинтересованность правительства в усвоении русского языка, развитии грамотности и образования среди нерусского населения. Реализация национальной политики осуществлялась путем подготовки учителей, организации сети школ, издания учебных и религиозных книг на родных языках.

Список литературы и источников

1. Алметева И.В., Иванов А.Г., Филонов А.А. Земская школа в Марийском крае в начале XX века // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 13–20.
2. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 324 с.
3. Васильева О.И., Воронцов В.С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. С. 70–84.
4. Гусаров Ю.В. Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности. Чебоксары, 2016. 60 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 23).
5. Евдокимова А.Н. Исповедные ведомости как исторический источник о социальном составе прихожан чувашских приходов Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XX века // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 35–44.
6. Зябиров Р.М. Государственная политика в области народного просвещения нерусских народов Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 25 с.
7. Исхаков Р.Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.): монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 332 с.
8. Каппелер А. Чуваши. Народ в тени истории: монография / пер. с немец. Е.В. Толстой. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. 268 с.
9. Кутинова Л.М. Литературно-художественная наследственность народов Поволжья как духовная система: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2010. 24 с.
10. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЯЗ, 2015. 620 с.
11. Мокшин Н.Ф. А.Ф. Юртов и М.Е. Евсеев – просветители мордовского народа // Социально-политические науки. 2015. № 2. С. 5–11.
12. Мокшина Е.Н. Христианизация мордвы // Социально-политические науки. 2014. № 3. С. 5–8.
13. Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.
14. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.
15. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Казанский учебный округ. СПб., 1913. Вып. VI. 112 с.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 170. Д. 143. Л. 29–34, 51–73, 117–126, 156–157, 346–347, 452–455.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Ед. хр. 101. Л. 3, 5, 9, 108, 110.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Ед. хр. 102. Л. 214.
19. РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Ед. хр. 104. Л. 30.
20. Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дисс. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004. 502 с.
21. Яковлев И.Я. Из переписки. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 320 с.

A.N. Pavlova

STATE NATIONAL POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION
OF THE PEOPLES OF VOLGA AND URAL REGIONS
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Annotation. The article analyses the main directions of the state policy in the field of education of the non-Russians of the Volga region and Priural in the second half of the 19th – early XX centuries. The main measures of the Government in this field, issues of legislative regulation and implementation of the main provisions of legislative acts are considered. A conclusion was drawn on the main trends in public policy and the results of its implementation.

Keywords: state national policy, education, non-Russians, mother tongue, schools, teachers, translations.

ПУБЛИЧНЫЕ МЕМОРАНДУМЫ МУСУЛЬМАН ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА 1905 ГОДА

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов общественного движения мусульман Волго-Уральского региона в 1905 г., связанный с публикацией текстов своих петиций в русской периодической печати и в газетах «Каспий» и «Тарджеман», издаваемых мусульманами Крыма и Закавказья, и доведения до российской общественности своих просьб по расширению религиозно-культурной автономии и уравниванию прав единоверцев с титульным населением государства. Делается вывод о том, что редакторы-мусульмане публиковали «комплексные» тексты, содержащие просьбы духовно-религиозного и общегражданского характера, русская печать — петиции о «гражданских нуждах».

Ключевые слова: мусульмане Волго-Уральского региона, начальный период революции 1905–1907 гг., петиционная кампания, публичные меморандумы, периодическая печать.

На II съезде «Союза освобождения» (г. Санкт-Петербург, 20, 21 и 23 октября 1904 г.) было принято решение о создании «общественного мнения», под влиянием которого должно было произойти ускорение политической реформы в государстве [25, с. 267]. Для достижения этой цели русские либералы успешно сотрудничали со всеми общественными силами, высказывающими свои претензии к существующему политическому режиму, как ключевому фактору, препятствующему свободному развитию страны и ее народов. Либеральные круги, используя трибуну периодической печати, взялись за трансляцию таких критических высказываний на российское информационное пространство. Именно поэтому одной из действенных форм доведения до широкой общественности и правительственных кругов чаяний различных социальных и этноконфессиональных групп населения были признаны публикации в газетах писем от читателей, среди которых встречались и петиции, адресованные высшим бюрократическим структурам. «Печать в те времена являлась почти единственным источником массовой социальной информации, средством формирования и формулирования общественного мнения» [20, с. 11]. Поэтому опубликованные в периодике тексты петиций мусульман в начальный период революции 1905–1907 гг. правомерно рассматривать как «публичные меморандумы», которые сыграли заметную роль в становлении и развитии общественной и политической активности мусульманских народов России, развитии петиционного движения и политическом просвещении единоверцев. Агитация через прессу явилась новой формой мобилизации миллета. Рассматривая эти тексты как факторы, мотивировавшие мусульман к общественной активности, в том числе к участию в петиционной кампании, мы составили перечень этих меморандумов, разработав свои критерии отбора. Принималась во внимание размещенная в газете основная часть петиции, содержащая пункты требований, то есть фактически полная или большая часть текста петиции, а не краткое изложение редакцией газеты ее содержания.

Их перечень был выстроен по дате публикации по итогам изучения следующих газет: «Санкт-Петербургские ведомости», «Казанские губернские ведомости», «Уфимские губернские ведомости», «Новое время», «Право», «Русь», «Рассвет», «Наша жизнь», «Сын Отечества» и региональной прессы — «Казанский телеграф», «Волжский листок» (г. Казань), «Каспий» (г. Баку), «Тарджеман» (г. Бахчисарай).

В этот список не включены тексты решений/резолуций трех совещаний мусульман: 1) резолюция, принятая по итогам дискуссии 20 мая 1905 г. на Чистопольском совещании мусульманских общественных деятелей, в которой выражалась неудовлетворенность нерешенностью гражданских нужд и чаяний российских подданных и выдвигалось требование гражданских свобод (напечатана в июне 1905 г. сразу в нескольких периодических изданиях: петербургской газете «Наша жизнь» (1 июня 1905) [5, с. 139], бакинском «Каспии» [1] и бахчисарайском «Тарджемане» [22]); 2) протокол № 1 дозволенного властью совещания уполномоченных мусульман волостей Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г.), опубликованный в июньских номерах «Уфимских губернских ведомостях» [14]; 3) резолюция I Всероссийского мусульманского съезда (Нижний Новгород, август 1905 г.), увидевшая свет в газете «Право» [16].

Исходя из названий и особенностей содержания текстов, публичные меморандумы разделены нами на три группы: «докладные записки», «памятные записки» и прошения.

«Докладные записки»

«Докладная записка» доверенных мусульман Казани от 28 января 1905 г.

«Докладная записка» доверенных мусульман Казани от 28 января 1905 г. была опубликована 4 марта в «Тарджемане» [24] (перепечатана из февральского номера газеты «Каспий»). В ней, прежде всего, привлекает внимание грамотное, с точки зрения правовых аспектов, составление текста.

В петиции сделана ссылка на именной манифест от 26 февраля 1903 г. и выражено восхищение по поводу объявления указа от 12 декабря 1904 г., предначертавшего «полное усовершенствование законности и государственного порядка». В преамбуле «докладной записки» составитель текста — юрист Саидгирей Алкин — счел необходимым увязать предстоящие реформы с русско-японской войной 1904–1905 гг., написав, что «всех вер, наций, культа и положения сыны Отечества» могут подождать преобразований до тех пор, «пока не минует военная гроза, пока не возложен венец победителя на нашего великодержавного вождя».

Алкин свободно оперировал юридическими терминами, делал необходимые ссылки на нормативные и законодательные акты. По каждому пункту петиции сначала давалось обоснование, нередко сопровождаемое указанием на конкретные статьи устава Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Далее приводилась рекомендация по совершенствованию действующего законодательства на предмет уравнивания гражданских прав единоверцев с русским народом.

Первая просьба казанцев касалась введения порядка избрания мусульманами председателя и членов ОМДС — муфтия и трех казыев — и установления правил их избирания из числа лиц, имеющих религиозное образование. Особо выделялись необходимые качества кандидата на должность муфтия: с одной сторо-

ны — доверие к нему мусульманского сообщества, которое определялось такими критериями, как высокая нравственность и «научно-религиозная» подготовка, с другой — доверие власти, ибо «лицо, не пользующееся доверием правительства, не может быть совершенным в духовном достоинстве» (п. 1).

Развивая «религиозную тему», просители ходатайствовали о сосредоточении дел, касающихся брачных, семейных и наследственных вопросов, исключительно в ведении ОМДС, то есть об изъятии их из ведения других правительственных учреждений (п. 2). Также из ведения имперских структур предлагалось передать Духовному собранию такие компетенции, как постройка мечетей, открытие мектебов и медресе (за исключением технического контроля), определение к ним учителей, надзор и управление ими (п. 3), легализация и контроль над вакуфами, «расширение правил института частных вакуфов» (п. 4).

Следующий блок вопросов касался достижения «полной веротерпимости» в империи. Прежде всего, с целью защиты ислама от несправедливых, порой клеветнических, нападков православных миссионеров, в частности, с тем чтобы возражения мусульман в периодике на высказывания миссионеров, основанные на изречениях из Корана, не должны подвергаться «светской цензуре», в петиции говорилось о даровании единоверцам свободы слова и печати в религиозной сфере (п. 5). Также ставилась задача узаконить для отпавших в мусульманство христиан право «открыто и безбоязненно исповедовать ислам с правом регистрации их в среде мусульманского общества» (п. 6).

Одной из актуальных тем было названо распространение на единоверцев права православных на усыновление подкинутых младенцев: если подкидыша нашли у порога дома мусульманина или в населенном пункте, в котором большинство жителей составляют мусульмане, и если ребенок «представляет все признаки расового мусульманского происхождения», зарегистрировать его мусульманином (п. 7).

В рамках достижения религиозного равноправия рассматривалось уравнение прав мусульманского приходского духовенства с правами православных священников, а именно — изъятие их из подсудности в сословных, крестьянских и волостных судах, освобождение от воинской повинности, присвоение им и их детям звания почетных граждан (п. 8). В закрепленном в законодательстве русском образовательном цензе просители видели препятствие для занятия духовных должностей пожилыми лицами, утратившими способность к усвоению русского языка и грамоты. На этом основании выражалась просьба узаконить необязательность русского образовательного ценза для кандидатов в муллы (п. 9).

Остальные пункты петиции предполагали достижение мусульманами гражданского равноправия. В пункте 10 речь шла о «предоставлении лицам мусульманского исповедания всех сословий прав издания на общем основании газет, журналов и книг вообще на татарском языке и на языке мусульман востока и прав свободной торговли ими повсеместно во всех пределах Европейской и Азиатской России». Пункт 11 содержал просьбу о разрешении открывать частные общеобразовательные и профессиональные школы с преподаванием в них предметов общеобразовательного курса на татарском языке. Важным моментом объявлялось предоставление мусульманам права свободного проживания, приобретения недвижимой собственности, торговли, общественной деятельности и выбора свободных профессий повсеместно наравне с православными (п. 12). И послед-

няя просьба касалась предоставления российским подданным-мусульманам права нести государственную службу наравне с подданными православного исповедания (п. 13) [17, л. 5 об. — 6 об.].

Итак, в начальный период петиционного движения прошение казанцев от 28 января 1905 г. стало не только сигналом к конкретным действиям, но и остро востребованным материалом для копирования для целого ряда городских и сельских приходов. Если учитывать, что газету «Тарджеман» в ту пору выписывали джадидисты, то именно эта группа мусульман воодушевилась идеями казанцев.

«Докладная записка» мусульманского общества г. Москвы от 9 марта 1905 г.

Московская депутация в первой половине марта 1905 г. встречалась с С.Ю. Витте, затем ее «докладная записка» от 9 марта поступила в канцелярию Комитета министров [19, л. 21–24]. 20 марта она была опубликована в газете «Сын Отечества» [6], 29 марта 1905 г. без «преамбулы» — в «Тарджемане» [7].

Редакция газеты «Сын Отечества» поместила полный текст петиции московского общества, предварительно известив о получении письма московского купца, который сообщил о состоявшемся 8 марта собрании, где обсуждались духовно-религиозные и гражданские нужды единоверцев, и был утвержден текст петиции, а также состав депутации для поездки в столицу.

Примечательно, что в первом пункте петиции речь шла о духовно-административных делах: предлагалось законодательно закрепить избрание муфтия и казыев Собрания «на определенное число лет (не более пяти лет)» с тем, чтобы они соответствовали «всем требованиям нравственности, образования» и умели «входить в нужды народа». Относительно приходского духовенства было заявлено, что, в случае нарушения им своих прямых обязанностей и безнравственного поведения, местным обществом должен составляться приговор об удалении, который должен быть принят во внимание ОМДС (п. 1).

Большинство предложений петиции было направлено на усиление религиозно-культурной автономии мусульман: передача в компетенцию ОМДС всех вопросов, имеющих отношение к семейно-брачным отношениям и делению наследства, а также дел, связанных с разрешением постройки мечетей, открытия мектебов и медресе, определением в эти школы учителей, с управлением вакуфами (п. 3).

Другая группа просьб предполагала повышение статуса или уравнивание в правах исламских институтов с аналогичными учреждениями РПЦ: рассмотрение судебных дел мусульманских духовных лиц в общих судах, а не сословном, крестьянско-волостном, распространение на них льготы по воинской повинности, а также предоставление им звания личного почетного гражданина, что возвысило бы муллу в глазах народа: мусульмане относились бы к нему «с почтением и уважением» и перестали бы смотреть «как на равного» (п. 2).

В петиции перечислялся целый ряд аспектов неравноправного положения татар-мусульман в Российской империи, все они были оформлены в виде просьб: даровать свободу слова и печати с тем, чтобы уравнивать их права на издание газет и журналов на родном языке с другими российскими подданными, с условием, чтобы критические суждения об исламе и Коране не печатались в русской прессе

(п. 2); разрешить потомкам когда-то крещеных татар быть записанными в мусульманские приходы, дозволить татарам усыновлять подкинутых младенцев, представляющих «все признаки расового мусульманского происхождения», и регистрировать их мусульманами, или же оставить на воспитание местному мусульманскому сообществу (п. 5); с целью защиты мусульман от навязчивых действий православных миссионеров, часто прибегающих «к незаконным способам: подкупам, лстивым обещаниям, а подчас и угрозам», ввести закон, противодействующий насильственным мерам крещения и дающий возможность привлекать к судебной ответственности миссионеров (п. 8). Отдельным пунктом было оформлено предложение о разрешении открывать мусульманским народам профессиональные и общеобразовательные школы на родном языке, а в русских учебных заведениях ввести обучение мусульман основам ислама на родном языке в те часы, когда христианским ученикам преподается Закон Божий в случае, если в классе они составляют не менее 5 % учащихся (надзор над учебным процессом возлагался на «образованных мусульман») (п. 7).

В военной сфере ставился вопрос о предоставлении солдатам-мусульманам отдельного котла и «полной возможности к совершению в мирное время религиозных обязанностей путем допущения для исполнения треб достойнейшего по своему духовному развитию нижнего чина» (п. 9). Как видим, москвичи не актуализировали необходимость возрождения штатов военных мулл. Наконец, со ссылкой на «высочайший» рескрипт от 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, где речь шла об избрании от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений, московская депутация ходатайствовала о допущении единоверцев «к обсуждению всех мероприятий правительства относительно изменения и дополнения норм, регулирующих жизнь мусульманского населения».

Тексты прошений казанской и московской депутатий внимательно изучались единоверцами. Свидетельство тому — целый ряд копирующих их прошений (особенно казанских).

«Докладная записка» уполномоченных Краснослободского уезда Пензенской губернии и Темниковского уезда Тамбовской губернии о гражданских нуждах*

Ахун Краснослободского уезда Пензенской губернии Шакирджан Мамлеев, мулла Ярулла Акчурин и ахун Темниковского уезда Тамбовской губернии Ибрагим Урманчиев адресовали в высшие инстанции две «докладные записки». Первая из них, в которой речь шла о представлении единоверцам гражданских прав, поступила в канцелярию Комитета министров 30 марта [18, л. 49–51], вторая — «по вопросам о духовно-религиозных нуждах мусульман», адресованная министру внутренних дел, — 11 апреля [18, л. 52–55 об.].

Авторы записок не приложили к прошениям общественные приговоры, подтверждающие их высокий статус. Очевидно, такие документы имелись у них в руках, а сами тексты являлись волеизъявлением мусульманских общественных деятелей указанных уездов. Это подтверждается сообщением газеты «Тардже-

* Именно так написали о себе в заглавии «докладной записки», поступившей 30 марта 1905 г. в Комитет министров, авторы текста. Первый из них проживал в д. Янаково Краснослободского уезда Пензенской губернии, второй — в д. Адаево того же уезда, третий — в д. Верхний Пешляй Темниковского уезда Тамбовской губернии [18, л. 49].

ман», которая поместила информацию из «Нового времени» о проведенном 13 марта в д. Агаево совещании представителей мусульман и духовенства Темниковского уезда Тамбовской губернии и Краснослободского уезда Пензенской губернии и об избрании депутации в составе Урманчеева, Мамлеева и Акчурина, которая отправилась в столицу 19 марта [21].

Редакция газеты «Сын Отечества»[8]* опубликовала основные пункты первой «докладной записки», а именно: 1) необходимо полное уравнивание русских мусульман в правах гражданства с коренным населением империи (с православными); 2) необходимо разрешение на свободное печатание книг и периодических изданий на арабском и других языках, с подчинением такового действию устава о цензуре и печати на общих основаниях; 3) необходимо разрешение на издание газет и журналов на татарском и других мусульманских языках на общих основаниях; 4) необходимо предоставление мусульманскому населению права открывать с разрешения властей народные школы, профессиональные, ремесленные и коммерческие училища; 5) необходимо предоставление мусульманскому населению права открывать на свои средства частные специальные учебные заведения с преподаванием предметов курса в них на родном языке и с предоставлением им тех же прав, какими пользуются однородные с ними правительственные учебные заведения; 6) желательно обязать земства и городские думы отчислять часть сумм, ассигнуемых на народное образование, муллам-заведующим школ, пропорционально численности мусульман (налогоплательщиков. — *И.З.*), разрешить учреждение вакуфов; 7) необходимо разрешение семейных и наследственных дел мусульман предоставить исключительно духовным собраниям и духовенству, с правом руководства мусульманскими законами (шариатом), каковые подвергнуть обсуждению, согласованию и регламентации путем съезда мусульманского духовенства; 8) желательно разрешение мусульманам права свободного собрания по вопросам о своих нуждах духовно-религиозного характера; 9) необходимо мусульманам предоставить право открытого возражения миссионерам, а также воспретить издание книг, брошюр, заведомо искажающих и поносящих мусульманскую религию.

В заключение духовные лица просили у председателя Комитета министров: в случае учреждения какого-либо института по обсуждению их нужд и поступающих ходатайств единоверцев, приглашать «избранных лиц от мусульман».

«Докладные записки» уполномоченных мусульман городов Чистополь и Орск о гражданских нуждах

Мусульмане-мещане г. Чистополя на своем собрании 9 марта 1905 г. утвердили текст петиции о религиозно-духовных нуждах. Изложенные в ней требования, согласно сведениям газеты «Волжский листок», перекликались с текстом петиции казанской депутации от 28 января 1905 г. [2]. Одновременно был согласован состав депутации для передачи прошения в руки председателя Комитета министров.

В Санкт-Петербурге члены депутации (Г. Исхаки, Г. Бадамшин, И. Камалов) составили новую петицию, которую написал для них эсер Ибниамин Ах-

* В газете о двух авторах «докладной записки» представлены неточные сведения: уполномоченный мусульман Пензенской губернии Ширирджан Манлыев, мулла д. Ягурой Акчурин.

тямов. Во время встречи с С.Ю. Витте она под названием «докладной записки о гражданских нуждах» также была передана председателю Комитета министров [17, л. 333–336], и стараниями Г. Исхаки ее текст напечатан в газете «Право» [23, с. 1095–1097].

Со ссылкой на ст. 7 указа от 12 декабря 1904 г. чистопольская делегация просила аннулировать все законодательные и подзаконные акты, которые ущемляли права татарского народа, стесняли свободу совести, свободу слова и печати (на русском и татарском языках), свободу собраний. Депутация предполагала распространить на татар все законы, предусматривающие гарантию законности в таких сферах, как управление, неприкосновенность личности и жилища, улучшение быта сельского и городского населения.

Относительно образовательной сферы в «докладной записке» речь шла о введении бесплатного «народного образования» на татарском и русском языках, разрешении открывать частные народные татарские школы, общеобразовательные и профессиональные учебные заведения с преподаванием курсов на родном языке учащихся.

В петиции заявлялось о необходимости устранения «из постановления дела русского народного образования среди татар действующей ныне системы обрушения. Система эта вызывает, если не враждебное, то недоверчивое отношение татар к русским учебным заведениям, в особенности к русским классам и русско-татарским школам и татарским учительским школам, каковые должны быть преобразованы применительно к национальным и духовным особенностям татар».

С целью организации полноценного национального внешкольного образования предлагалось полностью устранить регламентацию и опеку: а) при открытии народных читален и общественных библиотек; б) при устройстве театров, лекций и т.д.; в) при учреждении различных союзов и обществ, преследующих просветительские цели.

В сфере издательского дела «настоятельно необходимым» было определено полное освобождение татарской печати «от разных специальных ограничений», а также распространение на нее требований, предъявляемых к русским печатным изданиям.

Были названы правовые ограничения, затрудняющие мусульманам поступление на государственную и общественную службы: ущемление при выборе в гласные городских органов самоуправления, при выборе различных свободных профессий (адвокатура, врачебное, издательское дело и др.); ограничения в свободном проживании (в местностях, населенных казаками), приобретении недвижимости (в Туркестанском крае); трудности при торговле книгами на татарском языке.

«Докладную записку по вопросу о гражданских нуждах», практически аналогичную опубликованному в «Праве» тексту, подали и доверенные мусульман г. Орска. Она была опубликована 27 апреля 1905 г. в петербургской газете «Рассвет» [4].

Итак, все «докладные записки» исходили от уполномоченных общин, в их составлении принимали участие юристы и другие личности, обладавшие широким кругозором и придерживавшиеся джадидидских взглядов на существующие проблемы мусульман. Эти тексты, по сути, являются политическими мемо-

рандумами этноконфессиональных элит, потому что решение поставленных в них проблем требовало проведения социальных и политических реформ. На страницах газет были провозглашены структурированные элементы новой идеологии, если быть более точным – политической программы либералов-мусульман, которая впоследствии была доработана, приобрела законченный вид и четкую структуру в учредительных документах партии «Иттифак аль-муслимин».

Ключевая идея – достижение религиозного равноправия – представлялась в двух ипостасях: 1) полная религиозно-культурная автономия во главе с ОМДС с элементами национально-культурной автономии, председатель и члены которой были избираемы самими мусульманами, которая строилась на ценностях ислама и на традиционной культуре; 2) равноправие религиозного управления с консисториями, исламских институтов – с православными учреждениями. Эти сюжеты наиболее наглядно, со ссылкой на конкретные статьи устава ОМДС и с указанием необходимых новшеств, были системно и полно изложены в казанской петиции от 28 января 1905 г. Рекомендованные реформы были призваны поднять на качественно новый уровень самодостаточность и самостоятельность общин в решении духовно-образовательных и социальных вопросов.

Просьбы о гражданском равноправии излагались в двух плоскостях: равноправие мусульман с православными подданными, и в целом демократические свободы и равенство всех российских граждан перед законом.

«Памятные записки»

Среди петиций мусульман имеются только несколько «памятных записок» – тексты с краткой формой изложения устного сообщения, передаваемые собеседнику в конце беседы с целью дать ему возможность легче восстановить в памяти фактическую сторону предмета сообщения. Два текста «памятных записок» стали достоянием общественности благодаря оперативной публикации в периодике.

Текст оренбургского муфтия М. Султанова

В 1905 г. оренбургский муфтий М. Султанов адресовал на имя председателя Комитета министров несколько ходатайств. Только одна из них, очевидно, не без участия самого муфтия, попала в периодическую печать. «Памятная записка» привлекла внимание редакторов сразу нескольких газет. Свидетельство тому – публикация ее полного текста 2 апреля 1905 г. в столичной «Руси» [9], затем – в газетах «Тарджеман» (г. Бахчисарай) [10], «Каспий» (г. Баку) [11] и «Казанский телеграф» [12].

«Памятная записка» муфтия примечательна несколькими аспектами. Прежде всего, со ссылкой на пункт 7 указа от 14 декабря 1904 г., председатель ОМДС посвятил ее вопросам уравниванию гражданских прав мусульман, превратив текст в политический меморандум мусульманина-либерала. Очевидно, М. Султанов считал, что получение единоверцами равных прав с русским населением, равенство всех перед законом являются основополагающими условиями для социального развития российского общества в целом и мусульман в частности. В этой связи «памятную записку» следует признать веским доказательством активной гражданской позиции М. Султанова в 1905 г. Это – во-первых.

Во-вторых, документ имел концептуальное значение в плане доведения до правительства комплекса вопросов по уравниванию личных и гражданских прав мусульман. В нем перечислялись основные аспекты действующего законодательства, ущемляющие гражданские права российских подданных только за то, что они исповедуют ислам. В этот перечень муфтием были включены следующие вопросы:

– запрет мусульманам, имеющим дипломы об окончании русских учебных заведений, преподавать среди немусульман (п. 1);

– лишение единоверцев, обучающихся в высших учебных заведениях, права на получение стипендий и пособий, что в значительной степени преграждало, по мнению муфтия, мусульманам доступ к высшему образованию (п. 2). (В действующем законодательстве, однако, таких специальных ограничений не наблюдалось, скорее, здесь речь шла о «частной практике» в вузах. — *И.З.*);

– лишение военнотружущих-мусульман права исполнять обряды своей религии вследствие упразднения штатов военных мулл: «магометанская молодежь ежегодно призывается в числе 40 000 человек на службу в войсках, во все время действительной службы остается без духовных пастырей» (п. 3);

– незаконное применение властями правила строительства мечетей в округе Таврического магометанского духовного правления на территории ОМДС: разрешение губернским правлением постройки мечетей только с дозволения православного архиерея, который, «ввиду присущих ему миссионерских обязанностей, естественно должен желать, чтобы магометанских мечетей было как можно меньше» (п. 4);

– произвол губернаторов в отношении мусульманских духовных лиц — увольнение их и восстановление на должности по своему усмотрению (п. 5).

Исходя из того, что передача мектебов и медресе в ведение учебного ведомства привела лишь «к обострению отношений населения с училищной инспекцией <...> и на почве заведования училищного начальства Министерства народного просвещения имуществами», муфтий высказался за возвращение школ при мечетях под контроль Духовного собрания (п. 6).

Еще одним его принципиальным предложением следует признать необходимость отказа от «архаического устава» Собрания, составленного «в начале прошлого столетия», и распространение на округ ОМДС «более нового и совершенного» устава — «Положения» Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения (п. 7).

Таким образом, в период революционного подъема 1905 г. и демократизации общественной жизни в России оренбургский муфтий М. Султанов впервые публично выступил в качестве общественного лидера мусульман; имея собственную позицию, он поставил перед правительством вопрос о необходимости достижения гражданского равноправия для единоверцев. Опубликованная в газетах «памятная записка» М. Султанова способствовала политическому просвещению различных слоев населения.

«Памятная записка» уполномоченных Казани от 23 марта 1905 г.

По итогам поездок в столицу и общения с высокопоставленными имперскими чиновниками, ознакомления с текстами прошений других этноконфессиональных групп, почувствовав серьезность и необратимость демократических

преобразований в России, казанская депутация 23 марта в том же составе адресовала в Комитет министров политический меморандум, также названный «памятной запиской»*. Члены депутации постарались, чтобы текст был напечатан в прессе [13].

Главной идеей документа являлось раскрытие сути «неодинакового правового положения татарского населения» по сравнению с другими подданными империи. Правомерно рассматривать эту петицию и как продолжение «докладной записки» уполномоченных мусульманской общины Казани от 28 января 1905 г.

В рамках существующих «приличий» авторы выразили несогласие по поводу того, что российская власть относит татарское население, проживающее в Поволжье, Приуралье и Крыму, к «инородцам». «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. «законодатель низвел татарское население на степень низшей в стране расы, для которой задачи образования приноровлены к потребностям инородцев, а не коренных обывателей».

Другим принципиальным моментом авторы записки указали необоснованную характеристику татар в Журнале Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. (по сути, инструкции, регламентирующей применение «Правил» от 26 марта 1870 г.) как народа, подозрительного по своей природе. Охранительное поведение татар-мусульман авторы записки объясняли и тем, что всякая уважающая себя народность «желает сохранить в неприкосновенности и в ограждении от чужого вмешательства сферу своего религиозного мировоззрения и быта. Но вне этого мы живем теми же общегосударственными интересами, как и прочие разноверные группы».

В «памятной записке» перечислялись дискриминационные моменты, касающиеся мусульман, которые вызывали «горькое чувство обиды среди татар» и требовали устранения. Речь шла о следующих положениях законодательства. Статья 44 «Городового положения» 1892 г. об ограничении доли нехристиан 1/4 частью гласных в городском органе самоуправления оценивалась не иначе как «оскорбительное положение без вины виноватых», которое вызывает у татар-мусульман раздражение, доходящее до враждебности. Составители петиции сообщали, что введенное в 1889 г. правило о включении «нехристиан в присяжные заседатели исключительно каждый раз и с личного разрешения министра юстиции» приводит к казусам, когда даже штатный служащий этого ведомства — но мусульманин — не может обычным путем стать присяжным поверенным наравне с христианами. Вероятно, этот сюжет был взят из трудовой биографии Алкина или его коллег-мусульман из числа юристов. Был указан ряд ущемлений в сфере образования: запрет работать домашними наставниками среди христиан; запрет преподавать в средних учебных заведениях и быть членами попечительских советов при женских гимназиях и прогимназиях; дискриминация при определении стипендий студентам-мусульманам высших учебных заведений; лишение учителей русских классов и русско-татарских (башкирских) школ права поступать на государственную службу.

По мнению авторов «памятной записки», запрет на открытие новых мектебов и медресе без русского класса, который составлял бы главную статью расходов в школьном бюджете общества прихода, оставит без начальной школы жителей

* «Памятная записка» была оформлена как прошение: имелись адресат, фамилии составителей, их подписи и дата подписания.

многих поселений, не имеющих средств на покрытие этих расходов. Запрещая открывать новые татарские школы без русского класса «правительство обрекает <...> значительную массу мусульман на полное невежество, что должно затормозить самые светлые начинания администрации», – заявили авторы записки.

Вопиющим ущемлением прав татар-мусульман составители «памятной записки» назвали ограничения для поволжских татар «по чисто религиозно-национальным соображениям» на издание газет, журналов и книг и отказы правительственных кругов на их многочисленные прошения.

Петиция уполномоченных казанской общины свидетельствовала о правовой грамотности авторов. Возникшую в стране общественно-политическую ситуацию и курс правительства на пересмотр правовых основ «национального вопроса» в целом, а также встречу с С. Ю. Витте казанская депутация удачно использовала для представления своих предложений по ликвидации ущемлений, зафиксированных в действующем законодательстве.

Обе «памятные записки» были подчинены раскрытию задач, стоящих перед имперскими структурами по претворению в жизнь пункта 7 указа от 12 декабря 1904 г., который гласил о необходимости «пересмотра действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явную пользою русского народа».

Прошение доверенных «отпавших» татар д. Старый Хайван Казанского уезда и губернии

31 мая 1905 г. в столичной газете «Рассвет» [3] анонимным автором с инициалами «Г.А.» была опубликована статья «Отпавшие татары и их ходатайство», посвященная движению отпадения в Казанской губернии в XIX в. В статье был представлен полный текст прошения доверенных «отпавших» д. Старый Хайван Казанского уезда и губернии Гизетуллы Хисматуллина и Гибадуллы Абдулрафикова. Адресованное министру внутренних дел, оно было подано от имени 80 семей (103 душ м.п.).

Доверенные отметили следующие аспекты ущемления своих прав в религиозном и социальном отношениях: 1) отсутствие права свободы вероисповедания; 2) отсутствие мечети для богослужения; 3) отсутствие приходского духовного лица для совершения духовных треб и записи в метрические книги актов гражданского состояния, что приводило к путанице при наборе новобранцев и определении льгот по воинской повинности; 4) игнорирование властью бракосочетаний «отпавших» по мусульманской традиции и приравнивание их семейной жизни к сожителству; 5) именованья их, мусульман, «отпавшими», что «унижает их религиозное чувство»; 6) игнорирование властями их многочисленных просьб о свободе вероисповедания и регистрации самостоятельного прихода с мечетью с избранным муллой; 7) вмешательство православного духовенства во внутреннюю жизнь; 8) деятельность «угнетателей» – священнослужителей соседних православных приходов, делающих «несправедливые доносы, тайно и явно, из-за отличия своего начальства и ненависти в исповедуемой нами религии и пр.». На этом основании, со ссылкой на указ от 12 декабря 1904 г., доверенные просили облегчить «жалкую участь» своих многострадальных доверителей: пре-

доставить им свободу вероисповедания и передать их духовные дела в ведение ОМДС.

Итак, еще до появления печатного слова на родном языке мусульманские лидеры Волго-Уральского региона нашли способы агитации своих идей в среде российской общественности и единоверцев, размещая тексты своих петиций в «Тарджемане», «Каспии», а также русской прессе. В этих текстах представлены не только просьбы и пожелания по реформированию общественных отношений в Российской империи, также выделен «на заметку» чиновникам ряд дискриминационных положений в действующем российском законодательстве, основанных на конфессиональной принадлежности подданного и/или его проживания в конкретном регионе. Важно также отметить практики дискриминации прав мусульман на местном уровне, которые не фиксировались в законах, но осуществлялись в рамках соответствующих циркулярных предписаний центральных ведомств.

Оставаясь верными своей доктрине формирования «общественного мнения», редакции газет критически подходили к поступавшим копиям прошений, проводя беспристрастный отбор текстов, размещали только те, в которых ставились, главным образом, вопросы формирования гражданского общества. Информацию о прошениях, посвященных проблемам религиозно-духовного характера, редакции газет предпочитали излагать своими словами, пересказывая оригинальные тексты. Исключением стало появление в газете «Право» резолюции I Всероссийского мусульманского съезда. Эти публикации стали началом сотрудничества русских либералов с мусульманскими общественными деятелями до появления у них политических партий. Редакторы русских газет, выражая свои симпатии и солидарность идеям мусульманских общественных деятелей, таким способом поддерживали их усилия по трансляции своих требований в российское информационное пространство. Данная тактика удачно вписывалась в концепцию формирования «общественного мнения». В то же время прошедшие через «сито» редакций газет и ставшие достоянием широкой общественности тексты создавали у читателей искаженное представление о петиционной кампании мусульман, в большинстве требований которых речь шла о повышении статуса исламских институтов и расширения религиозно-культурной автономии.

Казенная периодическая печать воздержалась от таких экспериментов. Исключением стала публикация в «Уфимских губернских ведомостях» Протокола совещания уполномоченных мусульман волостей Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г.), проведенного с разрешения министра внутренних дел.

В отличие от русской печати, редакторы-мусульмане размещали «комплексные» тексты, содержащие просьбы и духовно-религиозного, и общегражданского характера. Публикация петиций редакторами И. Гаспринским и А. Топчибашевым в «Тарджемане» и «Каспии» стала новым этапом их сотрудничества с общественными деятелями Волго-Уральского региона в сфере агитации в начальный период революции 1905–1907 гг.

Список источников и литературы

1. А. Петербургские письма // Каспий. 1905. 28 июня. № 123. С. 3.
2. Волжский листок. 1905. 15 апреля.
3. Г.А. Отпавшие татары и их ходатайство // Рассвет. 1905. № 82. 31 мая. С. 6.

4. Еще одна петиция мусульман // Рассвет. 1905. № 53. 27 апреля. С. 4.
5. *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 400 с.
6. Нужды мусульман // Сын Отечества. 1905. № 26. 20 марта. С. 1–2.
7. Петиция московских мусульман // Тарджеман. 1905. № 24. 29 марта.
8. Петиция мусульман // Сын Отечества. 1905. № 43. 6 апреля. С. 2.
9. Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Русь. 1905. № 84. 2 апреля. С. 4.
10. Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Тарджеман. 1905. № 28. 12 апреля.
11. Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Каспий. 1905. № 68. 12 апреля. С. 3.
12. Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Казанский телеграф. 1905. № 3688. 12 апреля. С. 6; № 3698. 27 апреля. С. 4.
13. Письма // Русь. 1905. № 95. 13 апреля. С. 4.
14. Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. // Уфимские губернские ведомости. 1905. № 137. 28 июня. С. 2, 3; № 138. 29 июня. С. 2; № 139. 1 июля. С. 2; № 140. 2 июля. С. 2; № 141. 3 июля. С. 2, 3; № 142. 5 июля. С. 2, 3; № 143. 6 июля. С. 2, 3; № 146. 9 июля. С. 2, 3.
15. Разные вести // Тарджеман. 1905. № 29. 15 апреля.
16. Резолюция мусульман // Право. 1905. № 50. 18 декабря. С. 2052–2053.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 15.
18. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 21.
19. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107.
20. *Сенчакова Л.Т.* Предисловие // Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг.: сб. документов / авт.-сост. Л.Т. Сенчакова; под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000. С. 3–24.
21. Тарджеман. 1905. № 26. 5 апреля.
22. Тарджеман. 1905. № 46. 14 июня.
23. Уполномоченных от татар-магометан г. Чистополя Казанской губ. о гражданских нуждах председателю Комитета министров докладная записка // Право. 1905. № 14. 10 апреля. С. 1095–1097.
24. Ходатайство казанских мусульман (перепечатка из газеты «Каспий») // Тарджеман. 1905. № 17. 4 марта.
25. *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М.: Наука, 1985. 347 с.

I.K. Zagidullin

PUBLIC MEMORANDA OF MUSLIMS THE VOLGA-URAL REGION IN 1905

Annotation. The article considers one of the aspects of the social movement of muslims of the Volga-Ural region in 1905 year, related to the publication of the texts of their petitions in the Russian periodical and in the «Caspian» and «Tarzheman» newspapers published by muslims of the Crimea and Transcaucasia, and bringing to the Russian public their requests on expanding religious and cultural autonomy and equalizing the rights of co-religionists with the titular population of the state. It is concluded that muslim editors published «complex» texts containing requests of a spiritual, religious and civil nature, the Russian press – petitions for «civic needs».

Keywords: muslims of the Volga-Ural region, the initial period of the revolution of the 1905–1907 years, a petition campaign, public memoranda, periodicals.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ (XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Аннотация. В статье характеризуются особенности влияния православия на коренное население большого макрорегиона Сибири, Забайкалья, с момента его появления и до революционных событий 1917 г. Отмечается, что определенное влияние было, но его нельзя назвать определяющим. При этом первые полтора столетия своего существования в регионе оно практически не влияло на жизнь коренного населения. Изменение ситуации связано с появлением второй забайкальской духовной миссии.

Ключевые слова: православие, религиозная политика, коренное население, буряты, эвенки, Забайкалье.

История православия интересна сама по себе, поскольку, являясь для Российской империи основной, она во многом, несмотря на подчиненное положение относительно светских властей, определяла самые разные стороны жизни общества. Особо же интересна она в связи с влиянием православной церкви на коренное население народов, проживавших на присоединяемых сначала к Русскому, а затем Российскому государству земель. В Забайкалье это в основной своей массе буряты и, частично, эвенки (тунгусы – устаревшее).

Проблема христианизации коренного населения региона и влияния православия на уклад его жизни и мировоззрение в разные эпохи в разной степени нашла отражение в научных публикациях. Это труды таких признанных специалистов, как Г.С. Митыпова, В.Т. Михайлова, Т.Е. Санжиева и др. [3; 22–25; 27 и др.]. В то же время говорить о том, что данная проблематика изучена в полной мере, на сегодняшний день не представляется возможным.

Появление православной церкви в регионе относится к середине – второй половине XVII в. и связано с освоением новых территорий казачьими отрядами. С ними приходили первые православные священнослужители. Однако поначалу православие особого распространения не получило. Это было предопределено незначительным количеством пришлого русского населения – носителей религии.

Кардинальные перемены связаны с появлением в 1680 г. в Забайкалье так называемой Даурской Духовной миссии, или первой забайкальской духовной миссии. Именно ее члены основали за Байкалом два первых православных мужских монастыря: Посольский Спасо-Преображенский и Селенгинский Свято-Троицкий. В начале XVIII в. в Восточном Забайкалье основан Нерчинский мужской Успенский монастырь. На какое-то время названные обители стали центрами распространения православия, да в общем и опорными пунктами Русской

и Российской государственности на обширных территориях, а монашествующие — проводниками православия.

На новых землях русские первопроходцы встретили коренное население, как отмечалось выше, бурят и эвенков. Отметим, что на сегодня нет сколько-нибудь серьезных данных о первых десятилетиях существования православия в Забайкалье в плане его влияния на коренные народы. Объяснением этому служит слабая распространенность православной церкви в регионе. Монастырей, храмов и часовен было немного, как и священнослужителей.

Некоторые исследователи говорят о том, что буряты и тунгусы (эвенки) «составили контингент первых монастырских подворий и поселений» [22, с. 135; 27, с. 214]. Насколько это справедливо, сказать сложно. Относительно начального периода времени источники представляют самые общие данные. Вполне возможно, что они выступали в качестве работников.

На наш взгляд, основной критерий оценки степени влияния на коренное население православия — это количество крещеных его представителей. По некоторым данным, к концу XVIII в., то есть более чем за сто лет с момента появления православия в регионе, в Селенгинском Свято-Троицком монастыре было крещено всего 22 бурята. В целом при упоминании о миссионерской деятельности в XVII — начале XIX в. речь идет о единичных случаях [17, с. 6; 29, с. 20].

Некоторые изменения происходят в конце первой четверти XIX в., когда в соответствии с «Уставом об управлении малыми народностями Сибирской губернии», в Забайкалье было создано 5 степных дум: Баргузинская, Хоринская, Урульгинская, Агинская, Кударинская. В одной из публикаций Н.В. Ким писал, что к тому времени «новокрещеные» буряты, ставшие оседлыми, мало чем отличались от русских крестьян. Через 4 года, по положению Государственного совета, «инородцы», принявшие крещение, стали получать льготу в платеже всех податей [1, с. 56; 16, с. 39–40; 18, с. 121]. И все же, несмотря на нововведения, говорить о сколько-нибудь серьезном увеличении количества православных среди коренного населения региона не приходится.

В литературе можно встретить только отдельные упоминания о привлечении в лоно православной церкви представителей коренного населения даже относительно второй четверти XIX в. Так, в одной из публикаций начала XX в. встречается информация о крещении одной бурятки в стенах Чикойского Иоанно-Предтеченского мужского заштатного монастыря. Причем названо ее имя, что может свидетельствовать о редкости таких случаев [20, с. 25]. Об одном буряте говорится в «Списке обращенных к православию через Святое крещение из язычников в течение 1859 года при Градо-Верхнеудинской Спасской церкви» [20].

Новые изменения в деятельности православных священнослужителей относительно коренного населения Забайкалья связаны с созданием второй забайкальской Духовной миссии в 1861 г. с целью проведения миссионерской работы. Несмотря на то, что в регионе было значительное количество представителей старообрядцев, основной упор делался на привлечение в православие «инородцев».

В рамках деятельности второй Духовной миссии в Забайкалье произошло два больших нововведения. Первое — это создание викариатства Иркутской епархии и второе — создание по всей территории региона миссионерских станом. С

этого времени работа православных миссионеров с коренным населением стала носить относительно системный и более массовый характер, чем раньше.

Следует остановиться на некоторых наиболее известных миссионерах. Пожалуй, наиболее яркой личностью являлся Мелетий (Якимов), будущий викарный епископ Иркутской епархии, позже епископ Якутский и Вилюйский, а затем — Рязанский и Зарайский. В первой половине — середине 1860-х гг. он крестил в год приблизительно от 10 до 55 бурят [5, л. 120, 123; 7, л. 146 об.; 8, л. 4].

Можно назвать и других миссионеров: начальника Духовной миссии, настоятеля Селенгинского Свято-Троицкого монастыря с 1884 по 1903 г. архимандрита Иринарха (Дмитриев), настоятеля Посольского Спасо-Преображенского монастыря с 1880 по 1889 г. архимандрита Димитрия и настоятеля Чикойского Иоанно-Предтеченского монастыря в конце 1880-х гг. игумена Аверкия. Фамилии последних двух на сегодняшний день достоверно не установлены. Относительно названных деятелей известно, что крещения ими бурят были единичными. Определенную известность получили миссионеры, священники Симеон Стуков, А. Косыгин, И. Преловский, И. Попов, И. Дубров, крестившие по разным данным в год, приблизительно, от 50 до 90 с лишним коренных жителей [4, л. 27, 28, 43; 6, л. 43, 44; 11, л. 13; 12, л. 12; 13, л. 3; 14, л. 9–12; 22, с. 200–202].

Как видим, размеры крещения представителей коренного населения значительными назвать нельзя. Однако некоторые авторы говорят о переходе в лоно православной церкви, в некоторых случаях, одновременно до тысячи человек [27, с. 213].

Следует отметить, что существовали православные миссионеры — буряты по происхождению, что, очевидно, способствовало миссионерской работе православной церкви [27, с. 211–212].

Увеличению количества крещеных бурят способствовало также принятие в лоно православия бурят-преступников, которые, приняв крещение, попадали под иную юрисдикцию и могли тем самым укрыться в среде православных. Иной способ — это женитьба бурята на русской женщине. Здесь речь идет об организации православными миссионерами свадеб с женщинами — каторжными ссыльными [20; 26, с. 104; 27, с. 210].

Одним из способов привлечения бурят в лоно православной церкви была задача крещеным бурятам семян сельскохозяйственных культур, на что православные миссионеры получали специальные средства [25, с. 60].

В рамках деятельности православной церкви создавались специальные церковноприходские попечительства о бедных крещеных инородцах [25, с. 61].

Т.Е. Санжиева пишет, что крещеные буряты становились ясачными [27, с. 210], в то же время платить ясак буряты стали еще в последней четверти XVII в. вне связи с крещением. Ф.Ф. Болонев отмечает, что ясачные буряты быстрее сближались с русскими. При крещении же они именовались «новокрещенными из братских ясачных и их семей» [2]. Ясачные буряты селились отдельными поселениями [27, с. 211].

Та же Т.Е. Санжиева говорит о новой поселенческой среде для приходивших в Забайкалье поселенцев [27, с. 210]. Мы же добавим, что с одной стороны, с этой средой сталкивались буряты, с другой — у них постепенно формировалась своя особая среда после перехода бурят к православию.

Среди бурят был особо популярен православный святой Николай Чудотворец. Как известно, он считался покровителем Сибири, а также мореплавателей, и шире — путешественников. Для бурят он выступал заступником в пути. Его просили о благодати, дожде, исцелении. Именовали «Микола-батюшка», «Сагаан убэгэн» («Белый старец»). Образ святого можно было встретить в бурятских юртах, среди образов буддистских божеств и шаманских онгонов (вместо лица духов умерших предков) [22, с. 168].

Известно, что на территории Западного Забайкалья в дореволюционное время были две особо почитаемые православные иконы, обе — образы святителя Николая Чудотворца, одна при Посольском Спасо-Преображенском монастыре и вторая — при Селенгинском Свято-Троицком. Известно, что с данными иконами устраивались большие крестные ходы, что, несомненно, в восприятии бурятского населения выглядело очень торжественно и привлекало к себе внимание [15, с. 631, 634, 635].

Известный специалист по истории православия в Бурятии Г.С. Митьпова говорит и о некоторых иных, почитавшихся бурятами православных иконах, к примеру, образе святой мученицы Параскевы Пятницы, сохраненном бурятами и переданном в храм на озере Иргень (недалеко от Читы), или Селенгинском образе Божией Матери в г. Селенгинск [22, с. 169].

Почитались бурятами и некоторые православные праздники, большей частью связанные с циклом выполнения хозяйственных работ. Это: день святой Евдокии «Егдохиин удэр», день святого Алексея, Божия человека, Благовещение «Булгамис», день святого Николая «Михуула удэр», день Святой Троицы [22, с. 186].

Несмотря на переход в православие определенного количества бурят, говорить о том, что их христианизация в Забайкалье являлась массовой, вероятно, будет необоснованно.

О неудовлетворительной ситуации с православным миссионерством в Забайкалье писал в конце XIX в., после своей поездки по региону, князь Эспер Ухтомский. Его книга, изданная в Санкт-Петербурге в 1892 г., пронизана критикой состояния миссионерства [19].

Можно выделить несколько причин, почему миссионерская деятельность православной церкви в Забайкалье в отношении коренного населения не дала серьезных результатов. Первая заключается в том, что проповедническая деятельность миссионеров постоянно встречала препятствия со стороны коренных жителей. Второй значительной проблемой для распространения православия было незнание миссионерами эвенкийского и бурятского языков [27, с. 211]. В то же время это относится не ко всем миссионерам. Известно, что бурятскому языку православные священнослужители обучались. О таковых известно применительно к началу второй четверти XIX в. На бурятский язык переведен целый ряд богословских трудов [22, с. 208–209]. Третья причина — масштаб личности миссионеров. Были среди них активные, получившие известность своей миссионерской деятельностью, однако их было немного, да и крещения ими «инородцев» не были массовыми.

Еще один возможный фактор недостаточно эффективной миссионерской деятельности православной церкви в Забайкалье — это прочные позиции буддизма [26, с. 107]. Он настолько серьезно был распространен в среде бурятского

населения, ламы были столь почитаемы, что православным миссионерам было сложно изменить религиозное мировоззрение бурят. Г.С. Митыпова говорит о том, что серьезной христианизации коренного населения мешали также сохранявшийся кочевой образ жизни, слабое финансирование миссионерских станов и официальное признание еще в середине XIX в., по «Положению о ламайском духовенстве Восточной Сибири» буддистского духовенства [22, с. 204].

Несколько слов необходимо сказать о количестве послушников и монашествующих, выходцах из коренного населения. На наш взгляд, это показывает, насколько православный аскетический подвиг был воспринят мировоззрением коренных жителей. Архивные документы говорят о том, что такие случаи были единичными на всем протяжении истории забайкальского монашества. Так, в начале 1890-х гг. один бурят был насельником Посольского Спасо-Преображенского монастыря. В то же время, в некоторых клировых ведомостях указывалось «инородческое происхождение» насельников, что могло относиться к любой народности, кроме русской. В Читинской Богородицкой женской обители в названные годы было 6 таких насельниц [6, л. 34; 8, л. 12; 9, л. 16; 10, л. 12; 11, л. 9; 12, л. 7].

Исследователи говорят о том, что православные буряты были певчими в хорах при миссионерских церквях, однако в каком количестве они были там представлены, на сегодня не совсем ясно [22, с. 178].

Очевидно, что проповедь православия в среде коренного населения не могла быть воспринята всеми однозначно позитивно. Сказать, что архивные документы дают обширный материал по борьбе с ней, нельзя, однако исследователи отмечают, что действия, направленные против крещения, к примеру, бурят, имели место [27, с. 213–214].

Основная масса исследователей, характеризуя христианизацию коренного населения Забайкалья, говорит о принятии в лоно официального православия бурятского населения. В то же время есть упоминания о том, что буряты становились старообрядцами, однако имеющиеся данные не дают полной картины [20].

Обратный процесс отхода части бурят от православия приходится на рубеж XIX–XX вв. и связан, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами. Первое — это прекращение существования степных дум, predetermined переходом на волостную систему управления, вместе с которым исчезло административно-территориальное выделение крещеных бурят. Второе — принятие в 1905 г. Указа об укреплении начал веротерпимости, по которому «отпадение» от официального православия в другие христианские (по особым правилам и в нехристианские) исповедания не преследовалось [28].

Основной итог христианизации коренного населения Забайкалья, главным образом, бурят, это трансформация у части из них мировоззрения и, как итог, образа жизни. Они стали оседлыми. Однако значительное количество сохранило кочевой образ жизни. И первые, и вторые в разной степени восприняли влияние русской культуры и быта. В то же время следует сказать, что в значительной массе случаев крещение бурят носило формальный характер. Многие крещеные буряты продолжали сохранять традиционный образ жизни и исповедовать в обиходе привычные верования [22, с. 204].

Христианизация бурятского населения в Забайкалье проходила менее интенсивно, чем в Прибайкалье, на территории современной Иркутской области [26, с. 103].

Таким образом, можно констатировать, что влияние православия на коренные народы Забайкалья началось с момента его появления в регионе во второй половине XVIII в. При этом данных о степени названного влияния в первые более чем сто пятьдесят лет на сегодняшний день нет. Относительно неплохо сохранились источники по второй четверти — середине XIX в., когда была создана вторая забайкальская Духовная миссия, в рамках которой действовало Забайкальское викариатство Иркутской епархии и ряд миссионерских станом. Именно относительно этого периода можно говорить об усилении влияния православия на бурятское население региона. Заключалось оно в крещении бурят и «оседании» их на земле. Кочевые изначально, они становятся частично оседлыми. Особенно ярко это проявилось, когда российские власти приняли решение о наделении представителей коренного населения участками земли в награду за крещение.

Эвенки в значительной степени были вытеснены на север Забайкалья еще до массового появления в регионе русских, куда православная церковь продвигалась медленно. Отсюда говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии православия на эвенкийское население севера Забайкалья не приходится.

Список источников и литературы

1. Бардакова В.В. Урульгинская степная дума // Народы Забайкалья: Возрождение и развитие: сб. материалов научной конференции. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1997. С. 56–57.
2. Болонев Ф.Ф. Ясачные в русских селах Забайкалья [Электронный ресурс] // Предыстория: Режим доступа: <https://predistoria.org/forums/index.php?page=723> (дата обращения: 01.01.2020).
3. Бураева О.В. Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 55–66.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1066.
6. ГАЗК. Ф. 153. Оп. 2. Д. 5.
7. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2006.
8. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2130.
9. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2220.
10. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2491.
11. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2760.
12. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2779.
13. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2837.
14. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2906.
15. Гусев Ф., Вознесенский А. Житие и Чудеса Св. Николая Чудотворца архиепископа Мирликийского и слава его в России. М.: Харвест-АСТ, 2000. 752 с.
16. Дамешек Л.М. Русская церковь и народы Сибири в первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие Сибири XIX–XX вв. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1976. С. 39–46.
17. Кашик О.И. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII – начале XVIII в.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1952. 25 с.
18. Ким Н.В. Из истории земледелия у бурят в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 99–126.
19. Князь Эспер Ухтомский. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: [Б.и.], 1892. 48 с.
20. Махачкеев А. Как буряты становились русскими раскольниками [Электронный ресурс] // ARD. Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/9798/> (дата обращения: 01.01.2020).

21. Мелетий, архимандрит. Пустынный Варлаам, основатель Иоанно-Предтечинского скита на границах Китайской Монголии, в Чикойских горах за Байкалом. Одесса: [б.и.], 1912. 56 с.
22. Митькова Г.С. История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII–XXI вв.): дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 390 с.
23. Митькова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 231 с.
24. Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 1999. 174 с.
25. Михайлова В.Т. Роль православной церкви в распространении земледелия у бурят в конце XIX – начале XX века // Вестник культуры искусства. 2011. № 1(25). С. 58–62.
26. Нанзатов Б.З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX – начале XX вв.: трансформация идентичностей // Oriental studies. 2017. Vol. 33. Is. 5. Pp. 102–110.
27. Санжиева Т.Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология, религиоведение. 2011. № 2(7). С. 209–215.
28. Указ об укреплении начал веротерпимости (1905). [Электронный ресурс] // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/10330.html> (дата обращения: 01.01.2020).
29. Шмулевич М.М. Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 63 с.

E.V. Drobotushenko

THE INFLUENCE OF THE ORTHODOX CHURCH ON THE INDIGENOUS PEOPLES OF TRANSBAIKALIA (XVII – BEGINNING OF XX CENTURIES)

Annotation. The article describes the features of the influence of Orthodoxy on the indigenous population of the large macroregion of Siberia, Transbaikalia, from its appearance until the revolutionary events of 1917. It is noted that there was a certain influence, but it cannot be called decisive. At the same time, relative to the first century and a half of the existence of Orthodoxy in the region, it practically did not affect the life of the indigenous population. The change in the situation is connected with the appearance of the second Transbaikal spiritual mission.

Keywords: Orthodoxy, religious policy, indigenous population, Buryats, Evenks, Transbaikalia.

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические судьбы финно-угорских народов России в имперский период отечественной истории. Показаны условия и факторы протекания интеграционных процессов. Выявлена специфика их функционирования в рамках российского имперского социума.

Ключевые слова: финно-угорские народы, имперский период отечественной истории, Российское государство.

Историческая судьба финно-угорских народов оказалась связанной с Российским государством, интеграционные процессы были достаточно сложными и длительными. Это предопределило последующее развитие этносов, их функционирование в рамках российского имперского социума.

При характеристике места этносов в имперских системах, по всей видимости, стоит учитывать определение империи как исторической формы организации большого геополитического пространства, исторического способа преодоления мировой локальности, установления внутреннего мира и межрегиональных экономических и культурных связей, хотя бы и силой. Империя выступает как триединство: власть — территория — население; подразумевает наличие «центра» и «периферии» и имеет свою иерархию, что предполагает различные виды неравенства периферийных регионов по отношению к центру [3, с. 22, 23].

Существует несколько методологических подходов к анализу проблем формирования имперской системы в России в целом и организации взаимоотношений с интегрированными народами, в частности.

Первый подход — так называемый византийский (Н.Ф. Федоров [22], К.Н. Леонтьев [7], С.В. Лурье [8]). Его центральной идеей является перенос в Россию византийской имперской идеи, базовым компонентом которой выступает православная религия (теория «Москва — третий Рим»). Данному подходу свойственно признание приоритета духовно-идеологической составляющей имперской системы над национальными и прагматическими.

Ко второму подходу, условно называемому золотоордынским (П.Н. Савицкий [16], Э. Хара-Даван [27], М. Усманов [21]) относятся концепции, выделяющие в качестве основного фактора становления имперской системы в России влияние Золотой Орды и, более широко, Монгольской империи. В большинстве своем ученые сходятся на признании существенного воздействия монгольского имперского опыта преимущественно в сфере организации государственного управления, в том числе интегрированными территориями.

Третий подход – евразийский (Г.В. Флоровский [26], Н.Н. Алексеев [1], А.Ш. Кадырбаев [4] и др.) – учитывает воздействие на природу Российской империи комплекса двух факторов: европейского (византийского) и азиатского (золотоордынского).

Следующий подход – естественно-исторический (Ф.И. Тютчев [20], В.Л. Махнач [9] и др.), представители которого признают определяющее значение традиций древнерусской государственности и собственного опыта развития. Определенной разновидностью этого подхода можно считать колонизационную концепцию. Ее специфику составляет понимание процесса формирования имперской системы в России как естественного расширения государства путем колонизации, осуществляемой преимущественно мирным путем в восточном направлении (С.М. Соловьев [17], Н.Я. Данилевский [2]). С критикой этой концепции выступил в середине XX в. Г.П. Федотов [23]. Он полагал, что миссией империи было нести просвещение всем ее народам. Представления интеллигенции о том, что Русское государство, в отличие от всех государств Запада, строилось не насилием, а колонизацией – он называл «наивным», свойственным националистам всех народов. В то же время, по его мнению, русский колониализм оставил меньше кровавых следов на страницах истории.

Особо можно выделить подход, условно называемый полиэтническим, или этнологическим, который представлен концепциями известного западного историка А. Каппелера [5], российских исследователей И. Торбакова [19], В. Мединского [10] и др. Его суть заключается в показе Российской империи как попытки организации и управления полиэтническим пространством.

В конце XX – начале XXI в. происходит смена исследовательских парадигм, выразившаяся в постепенном отходе от исключительно негативных оценок политики Российской империи в отношении интегрированных в ее состав народов. Понимание истории России как процесса складывания и развития многонациональной (полиэтнической) империи и отход от дореволюционного «историографического империализма», во многом игнорировавшего многонациональный характер государства, является в настоящее время наиболее перспективной методологической установкой.

В эволюции имперской политики в отношении финно-угорских народов можно выделить несколько этапов.

Период второй половины XVI–XVII вв. характеризуется экономическим освоением земель и включением финно-угорских народов в политическую и социальную структуру русской сословно-представительной монархии. В это время отмечалось имперское «поглощение» территорий финно-угорских народов путем создания унифицированных структур (административно-территориальное деление, специализированная институциональная организация различных уровней управления и суда и т.п.), интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, экономической и социокультурной модернизации.

Впоследствии, вплоть до середины XIX в., имперская политика в отношении «иностранцев» несколько трансформировалась. Этот период в развитии Российской империи А. Каппелер назвал «дореформенной многонациональной империей». В это время Россия представляла собой вариант полиэтнического европейского государства, который характеризовался сильно выраженной структурной гетерогенностью, проявлением такого направления исторического ка-

зуса, когда «государственный» народ оказался позади многочисленных других этносов в своем развитии, и амбивалентностью между старыми, возникшими в евразийском контексте традициями, и новыми, перенятыми на Западе образцами [5, с. 119–123].

Со второй половины XIX в. начался новый этап, определяемый как «поздняя многонациональная империя». А. Каппелер выделил следующие его характеристики: изменение динамики развития империи, прежде всего в плане социальной и национальной мобилизации – социальная мобилизация охватывала новые слои населения, модернизация способствовала хозяйственной интеграции окраин и унификации административных и социальных структур; миграция русского населения повышала его удельный вес на периферии империи; русская администрация и русская армейская элита занимали теперь ведущие позиции во всех окраинных регионах, кроме Финляндии; русский язык, русская культура и православие усиленно использовались как инструмент гомогенизации империи; усиление политического и социального напряжения в империи вследствие активного развития встречных, противоположно направленных тенденций гомогенизации и диверсификации, связанных с национальной мобилизацией нерусских народов; усложнение структуры многонациональной империи, что проявлялось в изменении положения нерусских элит в плане потери ими особого политического статуса; усиление колониального характера империи в результате модернизации, так как экономическое развитие отдельных регионов стало более сильно и явно ориентировано на Центр и его промышленные потребности [5, с. 236–240].

Важным показателем функционирования народов, в том числе финно-угорских, в имперском социуме являются этнодемографические и миграционные процессы. В течение XVIII–XIX вв. существенно изменились и численность, и удельный вес, и ареалы расселения финно-угорских народов, что было вызвано сложным комплексом разнообразных, взаимопереплетающихся причин.

За почти 200-летний период финно-угорское население России увеличилось в 7,6 раза. Такое быстрое повышение его численности объясняется прежде всего высоким естественным приростом. При этом необходимо отметить, что на увеличение численности финнов повлияло вхождение в 1809 г. Великого княжества Финляндского в состав Российской империи. Наиболее высокие темпы роста зафиксированы у коми-пермяков – в 14,0 раз, удмуртов и мордвы – в 11,1, марийцев – в 7,4 раза, самые низкие – у карел, хантов и саамов – соответственно в 1,8, 1,5 и 1,4 раза. Численность ижорцев сократилась в 0,3 раза [25, с. 173].

В XVIII в. подавляющая часть карел обитала в Олонецкой, Тверской, Новгородской и Архангельской губерниях. В 1809 г. в состав Российской империи вошла Финляндия. Ей передали те земли, которые были возвращены России при Петре I на Карельском перешейке и в Приладожье и так называемая Старая Финляндия. Вхождение этих земель в состав Финляндии определило дальнейшие судьбы живших на этой территории карел: они постепенно растворялись среди финского населения. Это было результатом не только естественной ассимиляции, но и определенным давлением со стороны финляндских властей, которые предоставляли здесь различные преимущественные права (например, в торговой деятельности) финнам. Проводилась политика обращения православного карельского населения в лютеранство. Содействовало ассимиляции и начавшееся

в конце XIX в. развитие школьного образования на финском (или шведском) языке. Карелы проживали в XVIII–XIX вв. на одной и той же территории и не принимали сколько-нибудь заметного участия в миграционных процессах [14, с. 178].

Ижора в небольшом количестве проживала только в Петербургской губернии, а вепсы – в Новгородской и Олонецкой. В конце XIX в. значительная часть вепсов, прежде всего мужчины, владела русским разговорным языком. В обзоре Олонецкой губернии за 1906 г. подчеркивалось, что на языковую ассимиляцию вепсов «особенно влияет школа, где дети приучаются говорить по-русски» [13, с. 17]. Распространение в вепсской среде русского языка определяли, как окружение малочисленного народа более многочисленным иноязычным населением, так и отсутствие письменности.

Коми-зыряне проживали в пределах Северного района, где являлись крупнейшим после русских народом. Они расселялись в Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии. В Архангельской губернии концентрировались в Мезенском уезде, куда и в XVIII в., и в первой половине XIX в. переселялись коми-зыряне из соседних Яренского и Усть-Сысольского уездов. Коми переселялись не только в пределах Европейского Северо-Востока. Выходцы из Коми края были в числе основателей или жителей большинства возникших в Сибири городов. В XVIII в. и, особенно, в последующее время с ростом временной миграции большую роль стали играть отхожие промыслы. Так, у коми-пермяков был развит отход на плотницкие работы как в соседние русские селения, так и в другие уезды и губернии (в частности, в Зауралье). Коми-зыряне в поисках дополнительного заработка уходили в Сибирь или на запад, в уезды Русского Севера, заниматься валянием валенок, кузнечным делом и пр. В XIX – начале XX в. продолжались переселения отдельных групп коми-пермяков и коми-зырян за пределы этнической территории. Так, значительное их число осело на Алтае. В начале 1870-х гг. коми основали несколько селений на территории современной Омской области. В середине и во второй половине XIX столетия большие группы коми-ижемцев поселились в Северном Зауралье, а в середине 1880-х гг. группа коми-ижемских оленеводов из-за нехватки пастбищ и массовых заболеваний оленей перебралась на Кольский полуостров [12, с. 24–27].

Мордва, по I ревизии (1719), жила преимущественно в Нижегородской, Пензенской и Симбирской губерниях. В течение XVIII – первой половины XIX в. мордовские переселенцы заселили новые территории в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. В 1782 г. среди переселенцев в Южное Приуралье мордва составляла 9,2 %, при этом она занимала первое место по численности населения в Бугурусланском уезде. Во второй половине XIX в. самые многочисленные мордовские группы (за пределами основной этнической территории мордвы) находились уже в Самарской губернии (в начале XVIII в. их там не было вообще). Сложилась важная отличительная черта мордовского этноса – дисперсность расселения. В пореформенные годы мордва начала заселять Казахстан. В 1917 г. она составляла 0,3 % его населения, оседая в Акмолинской области [25, с. 176].

Существование мордовского этноса в рамках Российской империи сопровождалось ассимиляционными процессами, начавшимися еще в XVIII в. Они особенно ускорились в пореформенные годы.

Среди важнейших причин, оказавших влияние на значительно большее развитие ассимилятивных явлений у мордвы, следует назвать исторически сложившееся смешанное, чересполосное и дисперсное расселение. Если на правобережье Волги мордва проживала в основном в этнически однородных селениях, то в Заволжье и Приуралье чисто мордовские селения составляли меньшинство, а в Сибири, Казахстане, куда мордва мигрировала главным образом в конце XIX – начале XX в., и Закавказье она обитала почти исключительно в смешанных селениях, составляя в них, как правило, меньшинство жителей [11, с. 17]. Дисперсность и этнически смешанный характер расселения мордвы позволяют характеризовать ее как российский народ с геополитической точки зрения, тем более что в Сибири, на Дальнем Востоке, Средней Азии и Казахстане мордовские переселенцы воспринимались местным населением как выходцы из центра России, как этнические русские, как проводники политики центральных властей [28].

Марийцы проживали в четырех районах империи – Центрально-Промышленном (Костромская и Нижегородская губернии), Среднем Поволжье (Казанская губерния), Северном Приуралье (Вятская и Пермская губернии) и Южном Приуралье. С 40-х гг. XVIII в. началось переселение марийцев в Оренбургскую губернию. В 60–70-х гг. XVIII в. переселение ослабло, однако в 80–90-х гг. XVIII в. оно вновь оживилось. Так, с 1762 по 1795 г. численность марийцев в Оренбуржье выросла на 255,7 % (с 1941 до 6903 чел.). Введение рекрутской повинности и перевод ясачных людей Среднего Поволжья на подушное обложение (по указу Петра I в 1724 г.) заставили тысячи марийцев бежать на восток, в Башкирию и Приуралье [25, с. 177].

Удмурты расселялись преимущественно в Северном Приуралье (в северных и северо-восточных районах Вятской губернии), в Среднем Поволжье (в восточных уездах Казанской губернии), а также в Южном Приуралье. При этом Северное Приуралье и Среднее Поволжье являлись местами их исконного проживания, а Южное Приуралье – районом заселения. Например, в 1763 г. в Южном Приуралье насчитывалось всего 510 удмуртов, а в 1795 г. – 7696 чел. В начале XX в. нараставшее в крае малоземелье заставило многих отправиться на свободные земли в Сибирь: из удмуртских уездов Вятской губернии в Сибирь переселилось более 15 тыс. чел. Так образовались группы удмуртов в Сибири, где они живут и поныне [24, с. 182, 183].

По Ништадтскому договору 1721 г. Ингерманландия вернулась под власть России. Финское крестьянство не ушло в Финляндию, и дальнейшие судьбы местных финнов были связаны с судьбами России. Финское население сохранило лютеранскую веру. Постепенно складывалась и сеть школ с преподаванием на финском языке. В 1863 г. была открыта Колпанская учительская семинария, в которой готовили кадры для местных финских школ. Однако в конце XIX в. права финского языка были ограничены. В первую очередь это коснулось школьного образования. Сокращалось время на изучение родного языка, в большинстве школ языком преподавания стал русский. Финны проживали в Выборгской и в Петербургской губерниях. В 1830-е гг. на территории современной Карелии, тогда в Олонецкой и Архангельской губерниях, появились первые финские мигранты. Но заметный рост их численности пришелся на вторую половину XIX в. При этом переселение в Олонецкую губернию было для многих финнов времен-

ным – в 1917 – 1918 гг. примерно 70 % финнов вернулись на родину. В Архангельскую губернию, на Кольский полуостров финны переезжали с намерением прочно обосноваться на новом месте. После 1917 г. большинство финских колонистов остались жить на Мурманском побережье [14, с. 469–477].

Неправильно думать, что в Российской империи происходила лишь односторонняя ассимиляция финно-угорских народов русскими, отмечался и обратный процесс. Например, были случаи мордвинизации русских, которая проходила обычно в тех смешанных мордовско-русских селениях, где русские составляли меньшинство или проживали среди мордвы дисперсно [11, с. 18]. В Приуралье в состав русского населения также проникали иные этнические компоненты. Так, на р. Вишере местное население, признававшее себя русскими, представляло собой обрусевших финно-угров (коми и манси). В районах же юго-западнее Перми русские поселенцы приобретали в своем облике признаки монголоидности, в Соликамском уезде они сохранили северноевропейский антропологический тип и т.д. В Юрлинском районе, в бассейне верхней Камы и ее притока р. Косы, русские, сохраняя славянский физический тип, переняли отдельные черты облика коми [15, с. 27].

Длительность и постепенность процесса вхождения финно-угорских народов в состав Российского государства позволили им без особого ущерба адаптироваться к непривычным социально-экономическим и политико-идеологическим реалиям, создали условия для более или менее комфортного существования в рамках имперского социума. Свидетельством комфортности и благоприятных условий существования является значительный численный рост большинства финно-угорских народов в имперский период. Прирост населения серьезно превосходил потери от ассимиляционных процессов.

Анализируя развитие финно-угорских народов в составе империи, следует отметить, что они заняли особое место в развитии империи, обусловленное спецификой этнического и исторического развития: не принадлежа к числу доминирующих этносов, имели ряд черт, связанных с их участием в генезисе империи посредством миграций, заселения и хозяйственного освоения окраинных земель.

Ярким показателем интегрированности финно-угорских народов в организм российской цивилизации и восприятие России как общей родины были их высокие патриотические чувства и гражданская позиция, занимаемая во время ключевых событий военной истории Российского государства.

Уже в начале XVII в., в годы Смуты, мордва, марийцы, удмурты и коми приняли активное участие в Первом и Втором ополчениях. Причем успех Второго ополчения был во многом предопределен событиями, произошедшими в Мордовском крае осенью 1612 г., когда героические действия служилых людей и населения края по защите рубежей страны не позволили степнякам нанести удар по центральным районам страны и помешать изгнанию польско-шведских интервентов [29, с. 122–126]. На протяжении всего XVII в. мордовское и марийское служилое население активно участвовало в защите южных рубежей Российского государства.

Большое влияние на судьбы прибалтийских финских народов оказали события Северной войны. Часть годных к военной службе карел была мобилизована и сражалась в составе регулярных войск. Жители карельских погостов помогали нести пограничную службу и отражать многократные нападения швед-

ских войск на местность, прилегающую к Олонцу, и на территорию Лопских погостов. Карельское население вело против врага и партизанскую борьбу. Известны, например, действия олонецких партизан под руководством «карельского выходца» священника Ивана Окулова, чей отряд численностью до тысячи человек нанес значительный урон шведским гарнизонам Приладожья. Ратные дела карельских партизан получили одобрение Петра I, отметившего Ивана Окулова и его сподвижников наградами [6].

Одной из ярких страниц героического прошлого Российского государства явилась Отечественная война 1812 г. Финно-угры, наравне с другими народами страны, встали на защиту своей Родины.

Они принимали участие в военных действиях не только в составе регулярных войск. Ярким проявлением их патриотизма стало активное участие в формировании ополчений, которые были важным резервом регулярной армии. Ополченцы Вятской (5 батальонов пехоты в составе 3,5 тыс. чел. и 2 конные сотни в 760 чел.) и Казанской губерний, в составе которых служили добровольцы из удмуртов и марийцев, участвовали в сражениях под Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом. Мордва находилась в составе Нижегородского, Пензенского, Симбирского и Тамбовского губернских ополчений. Историк М.И. Зевакин оценил численность мордовского населения, мобилизованного только в состав регулярной армии с территории Мордовского края, в 16 тыс. чел., и около 8 тыс. чел. были в ополчениях и партизанских отрядах. В составе ополчений мордва участвовала в осаде и взятии городов Глогау, Дрездена, Магдебурга, Гамбурга и др. Особую храбрость проявили ополченцы 3-го (Инсарского) полка Пензенского ополчения при Дрездене, за что командир полковник Дмитриев получил чин генерал-майора. В составе 612 стрелков-добровольцев 18-й дружины Петербургского ополчения из Вологодской губернии служили представители коми народа. Также в состав Петербургского ополчения вошел отряд олонецких стрелков (около 600 чел.), сформированный из жителей Карелии. Олонецкие стрелки, как и другие представители финно-угорских народов, участвовали во многих сражениях и в марте 1814 г. находились в составе русских войск, вступивших в Париж [24, с. 186, 187].

Патриотический подъем населения выражался не только в формировании ополчения. Жители городов, сел и деревень проявляли свою любовь к Родине, организуя сбор пожертвований на нужды Российской армии. Многочисленные списки пожертвований, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о том, что население Мордовского края отдавало для нужд армии все, что могло. В короткое время в фонд обороны и на содержание ополчения жителями Пензенской губернии было внесено около 2,5 млн руб. В Вятской губернии было собрано около 138 тыс. руб., 24 тыс. пудов муки, около 2,5 тыс. аршин холста, много обуви и одежды. В августе и сентябре 1812 г. в Казанской губернии было собрано около 200 тыс. руб. Об отношении финно-угров к войне свидетельствует примечательный факт, приводимый современниками тех событий, о том, что марийцы на своих языческих молениях «с жертвами просили о ниспослании дождя, урожая хлеба и победе над французами» [25, с. 180].

Храбрость на полях сражения представители финно-угорских народов проявили в годы Русско-японской и Первой мировой войн. Особенно большой вклад внесли финно-угры в обеспечение армии людскими ресурсами и продо-

вольствием. В Вятской и Нижегородской губерниях с большой удельной долей удмуртского, мордовского и марийского населения было мобилизовано около 46,8 % всех трудоспособных мужчин. Только в 1916 г. в Вятской губернии провели четыре мобилизации. На фронтах Первой мировой войны сражалось более 90 тыс. уроженцев Удмуртского края. Кроме того, в те годы край стал основным поставщиком оружия и боеприпасов. К 1917 г. в армии оказалось 57,0 % трудоспособного мужского населения Коми края, 46,8 % – Карельского края, 52,0 % – Мордовского края [24, с. 188].

Резюмируя анализ имперской политики в отношении финно-угорских народов и ее результатов, отметим следующее.

Во-первых, важной целью политики империи являлись интеграция этносов в российское сообщество и превращение их представителей в полнокровных российских граждан. Естественно складывавшемуся регламенту взаимодействия великорусского и окраинных народов идеально отвечала модель национально-культурной автономии, которая активно использовалась государственной властью.

Во-вторых, Россия – не традиционная империя. В отличие от банальных метрополий, она не практиковала нещадную, хищническую эксплуатацию окраин с порабощением объектов колонизации. Россия всегда была донором колонизируемых народов (поддержание уровня жизни периферии через централизованную редистрибуцию доходов, механизм дотаций). Как отмечает И.Л. Солоневич, «Русский “империализм” наделал достаточное количество ошибок. Но общий стиль, средняя линия, правило, заключалось в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности» [18, с. 155].

В-третьих, отдельные методы интеграции все же шли вразрез с национальными традициями и религиозными представлениями финно-угров. Подобным методом являлась имперская политика русификации, которая должна была подкреплять ассимиляционные процессы. Однако весь арсенал средств, которым правительство пользовалось при проведении политики русификации, практически сводился к школе. Он был ограничен из-за общей отсталости страны, неэффективности административной системы и запаздывания модернизационных процессов. В целом, при проведении имперской политики русификации финно-угорских народов какого-то разбойничества, мародерства (охоты за скальпами, вырезания местных жителей) не отмечалось. Экспортируя более высокую воспроизводственную культуру на места, «колонисты» не разрушали местных устоев жизни, предоставляли народам гарантии входа в цивилизацию при сохранении этнической определенности. Разумеется, встречались эксцессы, уклонения, промахи, но было бы неверным отрицать общую высокую гуманистичную тональность контактов «колонистов» с местным населением. Ничего того, что пережили практически уничтоженные коренные жители Америки, Австралии, Южной Африки при их колонизации Старым Светом, народы России не знали.

В-четвертых, интеграция финно-угров в состав Российского государства явилась исторически оправданной и принесла этим народам значительные политические и экономические выгоды. Данный процесс активизировал экономическую жизнь финно-угорских народов. Торговые пути, проходившие по территориям их проживания, способствовали активному включению в торговлю и товарообмен на всей территории Российской империи. Все это было достигнуто

со значительно меньшими издержками, чем могло бы быть осуществлено вне России.

В-пятых, финно-угорские народы оказались интегрированными в российскую имперскую систему и с точки зрения социальной стратификации. Интеграция началась еще в XVII в. и в первую очередь охватила этническую элиту, представителей местной знати. Реформы Петровского времени привели к известной нивелировке различных категорий сельского населения. В XIX в. процесс интегрирования финно-угров в российскую социальную структуру был завершен и уже мыслился в значительной степени не в этнических, а в социальных категориях. Социальная структура финно-угорского населения империи практически полностью совпадала с социальным делением российского общества, а этническая принадлежность не мешала межсословным перемещениям. Пример финно-угорских народов еще раз подтверждает уже неоднократно высказывавшуюся мысль о том, что в Российской империи в системе иерархии этничность играла второстепенную роль, уступая место принципам политической лояльности, социальной принадлежности, а также религиозному и цивилизационному (оседлость / не оседлость) критериям.

В-шестых, комфортность положения финно-угров подтверждается фактами особого, во многом привилегированного статуса в составе империи финнов и эстонцев, значительным ростом численности финно-угорского населения, а также реакцией финно-угров на результаты интеграции, выразившейся в массовом патриотическом подъеме и активном участии в ответах на тяжелейшие внешние вызовы.

Список литературы и источников

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
3. *Елдин М.А.* Имперские традиции Евразии: опыт Византии и России // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 22–32.
4. *Кадырбаев А.Ш.* Османская и Российская империи: общее византийское и золотоордынское наследие // Восток. 2003. № 2. С. 145–154.
5. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
6. Карелы в XVIII и первой половине XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://vedlo-zero.ru/karelia/istoriya-karelii/kareli/karely-v-xviii-i-pervoj-polovine-xix-v> (дата обращения: 27.02.2020).
7. *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. М.: АСТ, 2004. 237 с.
8. *Лурье С.В.* От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 123–133.
9. *Махнач В.Л.* Империи в мировой истории [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/mahn2.htm> (дата обращения: 27.02.2020).
10. *Мединский В.* О России — «тюрьме народов». М.: Олма Медиа Групп, 2011. 176 с.
11. *Мокшин Н.Ф.* Ассимиляционные процессы в мордовской деревне второй половины XIX — начала XX века // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 16–9.
12. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 584 с.
13. *Пименов В.В., Строгальщикова З.И.* Вепсы: расселение, история, проблема этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск: Изд-во Карел. филиала АН СССР, 1989. С. 4–26.
14. Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. 2003. 671 с.
15. Русские. М.: Наука, 1999. 828 с.
16. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. С. 123–130.

17. Соловьев С.М. Учебник по русской истории. М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag, 2001. 249 с.
18. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. 620 с.
19. Торбаков И. «Осколки разбитого вдребезги»: историческое поражение имперского проекта // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 391–435.
20. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. 592 с.
21. Усманов М., Амелькин А., Крадин Н. и др. Заочный круглый стол «От Орды к России» // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 205–239.
22. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // *Федоров Н.Ф. Сочинения*. М.: Мысль, 1982. С. 53–441.
23. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М.: ДАРЪ, 2005. 492 с.
24. Финно-угорские народы России. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 863 с.
25. Финно-угорские народы России: генезис и развитие. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 224 с.
26. Флоровский Г.В. Догмат и история. М.: Изд-во Св.-Владимир. братства, 1998. 487 с.
27. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. М.: Вече, 2020. 304 с.
28. Юрчёнков В.А. Ураган на всех путях // *Литературная Россия*, 2007. № 13. 30 марта.
29. Юрчёнков В.А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2012. 611 с.

E.N. Bikeykin

FINNO-UGRIC PEOPLES IN THE SPACE OF STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. The historical fate of the Finno-Ugric peoples of Russia in the imperial period of Russian history is considered in the article. The conditions and factors of integration processes are described. The specificity of their functioning within the Russian imperial society is revealed.

Keywords: Finno-Ugric peoples, imperial period of Russian history, Russian state.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ МОРДОВИИ НА ПРИМЕРЕ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖЬЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Аннотация. В статье впервые рассмотрены некоторые вопросы истории формирования многонациональности в мордовском крае в конце XIX – начале XX в. Выявлено, что исторические события указанного периода могли повлиять на формирование полиэтничности в регионе. Статистические материалы, содержащиеся в переписях населения за период с 1897 по 1939 г., отражают владение населением иностранными языками, увеличение количества этносов. На территории мордовского края зафиксировано проживание украинцев, белорусов, латышей, литовцев, евреев, поляков, румын, молдаван, немцев и др. Можно предположить, что некоторые из них являются потомками тех, кто здесь жил в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: полиэтничность, исторические события, народы зарубежья, переписи, мордовский край конца XIX – начала XX в.

Многонациональность (полиэтничность) Российской Федерации определяется во взаимодействии этнических общностей. Более 190 разных национальностей проживают в России. Республика Мордовия – также многонациональный регион, и это подтверждают данные переписи 2010 г.: здесь проживают народы 119 национальностей [5, с. 11, 14; 10, с. 18]. На долю трех основных национальностей (мордва, русские, татары) приходится 98,3 % всего населения республики. Численность населения коренной национальности – мордвы составляет 333,1 тыс. чел. (39,9 %). Русское население является наиболее многочисленным – 443,7 тыс. чел. (53,2 %). Третье место занимают татары, численность которых составила 43,4 тыс. чел. (5,2 %) [10, с. 18]. Другие наиболее значительные национальные группы: украинцы (3185 чел.), армяне (1342 чел.), белорусы (794 чел.), азербайджанцы (707 чел.) [10, с. 19]. История миграции представителей указанных этносов в Мордовию привлекает внимание ученых-этнологов [8], но до конца этот вопрос не раскрыт. Он изучался фрагментарно или затрагивался в контексте иных исследовательских задач. В данной статье впервые сделана попытка проследить некоторые вопросы истории формирования многонациональности мордовского края в конце XIX – начале XX в. Для этого были поставлены следующие задачи: проанализировать итоги переписей 1897–1939 гг. и изучить публикации и архивные данные, отражающие вопросы истории появления беженцев и военнопленных Первой мировой войны (1914–1918) в Поволжском регионе.

Предпосылки формирования полиэтничности мордовского края относятся к XVII в. и связаны с усилением интереса западных стран к Российскому государству и ее народам, развитием дипломатических отношений с Западной Европой в результате войн с Польшей, Швецией и Турцией; строительством засечных черт, развитием экономических отношений, в результате чего в разные регионы России усилился поток купцов и наемников. Возросло число «заморских гостей» и в Среднем Поволжье [23, с. 73]. В XVI–XVII вв. мордовский край стали

наносить на карты, составленные западноевропейскими авторами (Фра-Мауро, С. Герберштейн, А. Дженкинсон, И. Масса, Г. Герритс, Г. Сансон, Н. Витсен, Г. Делиль и др.) [25, с. 259]. В Италии впервые в Европе сложилась национальная традиция восприятия России и проживавших в ней народов: «Они стремились не только обосновать независимое достоинство особого мнения, вкуса, дарования, но и понять чуждый им образ жизни, отличный от их повседневности» [25, с. 259]. В XVII в. продолжало расти число иностранцев в Русском государстве: дипломаты, купцы, наемники, но ехали они в Россию по сугубо деловым надобностям. Записки, донесения, трактаты сыграли свою роль, и Европа познакомилась не только с Москвой, но и с другими территориями империи, в том числе мордовским краем. Большую роль на формирование многонациональности региона оказало строительство засечных черт, поскольку на службу туда переводились стрельцы, казаки, пушкари и др. Среди служилых людей на «засечной черте» можно было встретить и иностранцев. В Атемарской десятне 1669–1670 гг. в разделе «Иноземцы, которые, по указу великого государя, шляхты, верстались по городу Саранску...» перечислены их имена: Кондратий Булгак, Степан Резович, Федор Голубурца, Алексей Железовский, Федор Петрожицкий, Яков Ядошевский, Ян Савицкий, Федор Журловский [26, с. 136].

Официальные данные о народностях мордовского края содержит Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Согласно ей, в Пензенской губернии, куда входили Инсарский, Краснослободский, Саранский уезды (ныне территория Республики Мордовия), «в этнографическом составе населения губернии <...> в отличие от трех основных народностей (русские, мордва и татары) процент малораспространенных языков насчитывается – 36» [12, с. VII]. В Пензенской губернии, в уездах ныне относящихся к территории Мордовии, распределение населения по родному языку выглядело следующим образом: Инсарский уезд: малорусский – 6 чел., белорусский – 28, польский – 37, латышский – 5, немецкий – 11, еврейский – 3; г. Инсар: малорусский – 5, белорусский – 1, польский – 14, немецкий – 1, еврейский – 3; г. Шишкеев: польский – 4; Краснослободский уезд: малорусский – 354, белорусский – 1, польский – 16, латышский – 1, немецкий – 7, еврейский – 1; г. Инсар: малорусский – 5, белорусский – 1, польский – 14, немецкий – 1, еврейский – 3; г. Шишкеев: польский – 4; г. Краснослободск: малорусский – 3, польский – 15, латышский – 1, немецкий – 4; г. Троицк: малорусский – 12; Саранский уезд: малорусский – 30, белорусский – 23, польский – 23, немецкий – 31, еврейский – 39; г. Саранск: малорусский – 6, белорусский – 5, польский – 10, немецкий – 18, еврейский – 38 [12, с. VII].

Картина распределения населения по родному языку в Тамбовской губернии на территории, ныне относящейся к Мордовии, выглядит так: в Темниковский уезд: малорусский – 27, белорусский – 1, польский – 29, латышский – 8, немецкий – 10, цыганский – 7, еврейский – 3; г. Темников: малорусский – 1, польский – 10, немецкий – 3; г. Кадом: малорусский – 1, польский – 2, латышский – 2, еврейский – 1 [11, с. X].

В материалах переписи сказано: «В пределах Симбирской губернии, куда входили Ардатовский уезд, переписью зарегистрированного лица, показавшие родной говор – 45 отдельных языков или наречий. Все остальные народности крайне незначительны по своей численности. <...> Всех иностранцев в губернии

только 176 душ, причем около половины из них подданных Германии. Почти треть иностранных подданных родилось за границей» [13, с. V, VI]. А вот картина распределения населения по родному языку: «Ардатовский уезд: малорусский – 6 чел., белорусский – 1, польский – 12, чешский – 6, латышский – 1, немецкий – 18, еврейский – 33; г. Ардатов: малорусский – 1, польский – 4, чешский – 6, немецкий – 9, еврейский – 32» [13, с. V, VI].

Таким образом, по данным переписи 1897 г., в Пензенской, Тамбовской, Симбирской губерниях наибольшую численность населения (кроме русских, мордвы и татар) составляли малороссы, поляки, белорусы и др. Их численность неодинакова. Так, малорусским языком владели больше всего в Краснослободском уезде – 354 чел.; польским – в Инсарском, Темниковском уездах, еврейским – Саранском, Ардатовском уездах; белорусским – Инсарском и Саранском уездах; немецким – Саранском и Ардатовском уездах, латышским – Темниковском уезде.

Итак, истоки формирования полиэтничности мордовского края можно отнести к XVII в., когда возрос интерес иностранцев к Российскому государству, стали развиваться дипломатические отношения с Западной Европой. Строительство засечных черт, экономические преобразования и др. внесли свой вклад в этот процесс.

На формирование полиэтничности мордовского края в некоторой степени повлияла Первая мировая война двумя коалициями: Антанты и Тройственного (затем – Четверного) союза [1, с. 211]. Отдельные вопросы истории беженства в годы Первой мировой войны изучались историками напрямую и при рассмотрении других проблем. Так, они освещены в работах В.В. Хасина, П. Гетрелла, И.П. Щерова [3; 18; 24]. В.Р. Копылов проанализировал особенности использования труда военнопленных в России [6]. В Поволжском региональном аспекте этот вопрос нашел отражение в работах самарских исследователей: Е.Ю. Семеновой, где объектом изучения стали отдельные проблемы жизни беженцев в Самаре в 1914–1918 гг. [16]. Значимую информацию по истории военного плена и беженцев Поволжья в Мордовии содержат крупные исследования И.Б. Ниманова [9], И.Е. Зубарова [4] и Н.Н. Тершиной [17]. Однако в указанных публикациях не прослеживается влияние пребывания беженцев и военнопленных на формирование многонациональности. В связи с этим нами были изучены архивные материалы (ЦГА РМ) и публикации региональных исследователей.

Согласно архивным данным, в годы Первой мировой войны появились первые беженцы из прифронтовой полосы. В Саранском уезде на 1 января 1916 г. находилось 21 427 беженцев из западных губерний [17]. Сохранились данные о количестве беженцев в уездах Пензенской губернии, вошедших в Мордовию, в 1916–1922 гг. Например: «В Ардатовском уезде в 1916 г. находилось 1340 беженцев, из них 740 детей до 14 лет. В г. Ардатове размещалось 219 чел. беженцев. В Краснослободском уезде к 22 марта 1916 г. насчитывалось до 4747 беженцев, из них 1068 мужчин, 1716 женщин и 1963 ребенка в возрасте до 14 лет. По национальному составу из беженцев в Краснослободском уезде больше всего проживало русских – 3888 чел., второе место по численности занимали галичане – 717 чел.» [17]. Согласно списку беженцев, в Ельниковской волости Краснослободского уезда на 10 октября 1918 г. кроме белорусов проживали галичане и ма-

лороссы [20, л. 126]; в Краснослободском уезде находились беженцы из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, Эстонии [20, л. 139].

Беженцам выдавались удостоверения, по которым можно проследить географию их выезда и поселений в городах, волостях и уездах, ныне относящихся к Мордовии. Например, 11 сентября 1918 г. Саранской коллегией по делам пленных и беженцев было выдано удостоверение гр. Вульффу Уохелеву Уоффе (перечислены члены семьи), где указано, что они родом из г. Митавы (ныне Елгава. – *Л.Н.*) Курляндской губернии [19, л. 8]. В удостоверении, выданном С.П. Шебжешеню, сказано, что ему 23 года, выходец из с. Посоп Холмской губернии [19, л. 8].

К условиям, повлиявшим на закрепление беженцев и военнопленных в мордовском крае, можно отнести организационные, социальные и др. причины. Например, проживание на квартирах в населенных пунктах. По докладу Саранского уездного комитета по призрению беженцев (1916), первоначально беженцы селились на общих квартирах [17] или переселялись из них на частные [21, л. 35]. Так, в докладе комиссии «по изысканию упорядочению квартирного вопроса» собранию членов Саранского уездного комитета по призрению беженцев говорилось: «Комиссия, ознакомившись с составом семей беженцев, осевших в гор. Саранске <...> установила: большинство беженцев, привыкших жить на родине самостоятельно, т.е. своим хозяйством, могут и желают переселиться с общих квартир на частные <...> Беженцы, желающие выселиться из общих домов, сами себе подыскивают себе подходящие квартиры...» [21, л. 35, 35 об.]. Далее говорилось: «Помогая беженцам переселиться на частные квартиры, комитет имеет в виду конечную цель, что беженец, будучи более самостоятельным и отчасти уже предоставленным самому себе, скорее найдет обеспечивающий его семью заработок и таким образом перестанет быть бременем для государства» [21, л. 36]. Составлялись списки беженцев, желавших отправиться на работу. Эти решения сближали их с местным населением, и они могли остаться здесь навсегда.

Труд среди местного населения также являлся фактором, закреплявшим беженцев и военнопленных в регионе [21, л. 62]. Это подтверждают и публикации по военнопленным: «Из-за нехватки рабочей силы военнопленные и беженцы при их согласии привлекались к труду» [17]. В письме совета представителей кооперативов в Комитет по призрению беженцев от 25 ноября 1915 г. говорится: «срочно просим представить списки трудоспособных беженцев мужчин от 17 до 55 лет включительно, а также сообщить мнение Вашего Комитета, сколько из них в зимнее время могут найти работ в вашем районе при их согласии за местные цены» [21, л. 3]. Летом 1915 г. военнопленные-австрийцы в г. Инсаре сооружали земляную насыпь-гать. В начале 1916 г. на Московско-Казанской железной дороге работало 2518 чел., из них 2108 австрийцев, 200 немцев, 159 славян, 42 румына, 9 военнопленных турецкой армии (христиан). Многие военнопленные были заняты на промышленных предприятиях. На винокуренном заводе Пукалова в с. Большие Березники из 15 рабочих 7 были военнопленные; на мукомольной мельнице Киселева на ст. Чамзинка в январе 1917 г. из 16 – 12; на мельнице Арапова из 150 – 50 [1, л. 211]. «Работая с метрическими книгами церкви за 1915–1916 гг., – пишет краевед Лютов, – в разделе “Умершие” я наткнулся на иностранные фамилии, нетипичные для жителей города. Это и оказались пленные, навечно оставшиеся в краснослободской земле. Во время войны (до 1918 г.) они ос-

тавались в нашем городе. Некоторые из них приняли православие и женились на краснослободских девушках. У немца Арнольда даже родилась дочь Кира» [7, с. 208].

К началу 1920-х гг. когда началась реэвакуация беженцев и военнопленных, многие из них решили остаться в мордовском крае и приняли советское гражданство. Н.О. Куплеваский следующим образом сформулировал сущность подданства: «Подданством или гражданством называется постоянная связь отдельного лица с определенной страной и ее правительством, основанная на обязанности “верности” и “подчинения”». Ф.Ф. Кокошкин рассматривал эти вопросы применительно к населению как главному элементу государства. Он исходил из того, что люди, которые входят в состав государства, являются прежде всего субъектами, с которыми государство связано известными юридическими отношениями. «Как субъекты обязанностей по отношению к государству, — писал Ф.Ф. Кокошкин, — они называются подданными (*subditi, sujets, Unterthne*), как субъекты прав по отношению к нему гражданами (*cives, citoyens, Staatsbrger*), так что слова “гражданин” и “подданный” выражают две стороны одного и того же понятия». В широком смысле слова подданными или гражданами являются все лица, находящиеся на территории страны. Они подчиняются государственной власти и состоят в юридических отношениях с ней, не исключая и иностранцев, живущих в пределах государства [14]. Так, в телеграмме Темниковского отдела управления в Иностраннный подотдел НКВД говорится, что «в Темниковском уезде проживают иностранцы: 3 чеха, 3 мадьяра австрийского подданства, мужчины возраста 21–37 лет» [21, л. 655]. В телефонограмме Жигаловского исполкома в Темниковский отдел управления (1914) сообщалось, что «в волости проживает австрийский подданный Антонович Власов, приписанный к русскому подданству, 30 лет. Австриец» [21, л. 655]. Турмадеевский совет информировал то же учреждение (1919), что «в волости проживает австрийский подданный, итальянец, мужчина 25 лет Карабини, который принял русское подданство» [22, л. 655]. В аналогичной телефонограмме Атюрьевского исполкома (1919) говорится, что «в волости проживает испанское семейство Лауз, состоящее трех членов семьи: Фридрих, 45 лет, жена, 46 лет и Пенитье 15 лет. Приняты русскому подданству» [22, л. 688]. До сих пор в с. Журавкино Зубово-Полянского района проживают внуки подданного Австро-Венгерской империи: «С самых ранних лет внуки слышали, что в них течет австрийская кровь вперемешку с мордовской и русской. Дед был подданным Австро-Венгерской империи, воевал против России во время Первой мировой войны, попал в плен, угодил в здешние места и остался тут жить» [15, с. 79].

К сожалению, данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., изданные в 1928 г., содержат сведения о национальностях и родных языках населения в разрезе губерний, что не позволяет использовать их для изучения национального состава мордовского края.

Полиэтнический состав населения подтверждает Всесоюзная перепись населения 1939 г. Тогда в Мордовской АССР проживали: украинцы — 7586 чел., белорусы — 2895, грузины — 427, азербайджанцы — 156, армяне — 324, узбеки — 185, туркмены — 45, казахи — 270, киргизы — 51, немцы — 454, евреи — 1543, молдаване — 67, цыгане — 132, болгары — 20, греки — 33, иранцы — 9, китайцы — 8, корейцы — 9, латыши — 147, литовцы — 36, поляки — 477, румыны — 26, эс-

тонцы – 89 и др. [2]. Можно предположить, что предки некоторых из них поселились в Мордовии в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, исторические события мордовского края в конце XIX – начале XX в. могли сказаться на формировании в нем полиэтничности. Статистические материалы, содержащиеся в переписях населения за период с 1897 по 1939 г. отражают владение населением родными языками, чужими для региона, рост количества национальностей в составе населения. Перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала владение жителями приволжского региона следующими родными языками: малорусским, белорусским, польским, латышским, немецким, еврейским, чешским, цыганским, что подтверждает динамику миграционной активности населения.

Список источников и литературы:

1. *Бакаев Е.И.* Военнопленные // Мордовия: Энциклопедия в 2 т. Т. 1: А–М. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. С. 211.
2. Всесоюзная перепись 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
3. *Гетрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–72.
4. *Зубаров И.Е.* Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 22 с.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года): стат. сб. № 928 / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 11–15.
6. *Копылов В.Р.* Иностранцы трудящиеся в России в период нарастания революционного кризиса и Февральской революции (октябрь 1916 – март 1917 гг.) // Общие закономерности и особенности развития России в период империализма. М.; Л., 1977. С. 61–69.
7. *Люттов А.* Пленные австрийцы и немцы в Краснослободске. Легенды и предания Краснослободского края: Записки историка. Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2019. 320 с.
8. Народы Мордовии: историко-этнографические исследования / Л.И. Никонова [и др.]; под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 608 с.
9. *Нимагов И.Б.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.
10. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. № 935 / Мордовиястат. Саранск, 2013.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 42. Тамбовская губерния. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1903. 255 с.
12. Первая всеобщая перепись населения. Т. 30. Пензенская губерния. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1903. 257 с.
13. Первая всеобщая перепись населения. Т. 39. Симбирская губерния. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 177 с.
14. Понятие подданства и гражданства в дореволюционной России. [Электронный ресурс]: <https://jurisprudence.club/konstitutsionnoe-uchebnik/ponyatie-poddanstva-grajdanstva-58073.html> (дата обращения: 26.09.2019).
15. *Резепов Е.* Храбрый портной // Русский мир. 2014. Апрель. С. 72–79.
16. *Семенова Е.Ю.* Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 436–443.
17. *Терещина Н.Н.* Мордовский край в годы Первой мировой войны (по документам Центрального государственного архива Республики Мордовия) // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 5. Электрон. дан. Самара, 2017. Режим доступа: <http://libsmr.ru> (дата обращения: 26.09.2019).
18. *Хасин В.В.* Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 139–150.

19. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 1. [Удостоверения, выданные Саранской уездной коллегией по делам пленных и беженцев для удостоверения личности и выезда на родину. Начато 6 августа 1914 г. Окончено 14 мая 1918 г.] На 737 л.
20. ЦГА РМ. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6. [Списки пленных и беженцев и сведения о них по Краснослободскому уезду. Переписка Краснослободской уездной комиссии Пленбежа и губернским Пленбежем, волсоветами и уисполкомом. Начато: 10 октября 1918 г. Окончено: 10 декабря 1919 г.] На 653 л.
21. ЦГА РМ. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 8. [Саранская уездная земская управа. Протоколы заседаний правления Саранского уездного комитета по призрению беженцев и выписка из заседаний; переписка Саранского совета представителей кооперативов с уездным комитетом по призрению беженцев. Начато: 15.10.1915 г. Окончено: 23.3.1916 г.] На 81 л.
22. ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 37. [Списки служащих отделов Темниковского уисполкома Совета народного хозяйства. Сведения об иностранцах, проживающих в уезде. Начато 25 ноября 1918 г. Окончено 15 мая 1919 г.] На 863 л.
23. *Шкердина Н.О.* Социокультурные аспекты духовной и материальной жизни народов Среднего Поволжья (По сведениям западноевропейских авторов XVI–XVIII вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 250 с.
24. *Щеров И.П.* Военная миграция в России в 1914–1922 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.
25. *Юрченков В.А.* Мордовский народ: вехи истории / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. Т. 1. 460 с.
26. *Юрченков В.А.* Начертание мордовской истории: монография / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 612 с.

L.I. Nikonova

**THE PROCESS OF FORMATION OF POLYETHNICITY OF MORDOVIA
ON THE EXAMPLE OF THE PEOPLES OF THE FOREIGNERS:
TO THE HISTORY OF THE ISSUE**

Annotation. The article is the first to consider some questions of the history of the formation of multinationality in the Mordovian region in the late 19th – early 20th centuries. It was revealed that the historical events of this period could influence the formation of polyethnicity in the region. Statistical materials contained in the population censuses for the period from 1897 to 1939 reflect the population's knowledge of foreign languages, an increase in the number of ethnic groups. On the territory of the Mordovian Territory, the residence of Ukrainians, Belarusians, Latvians, Lithuanians, Jews, Poles, Romanians, Moldovans, Germans, etc. is recorded. It can be assumed that some of them are descendants of ancestors who lived in the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: polyethnicity, historical events, peoples of the diaspora, censuses, the Mordovian region of the late 19th – early 20th centuries.

Д.В. Давыдов, О.В. Козлова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920-Е ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам состояния сельского здравоохранения в Татарской республике в 1920-е гг. Показано сложное состояние системы учреждений здравоохранения в начале 1920-х гг. Отмечена роль врачей в борьбе за здоровье населения. Обращено внимание на недостаток врачебных и фельдшерских пунктов, количества медицинского персонала, лекарств, что существенно осложнило борьбу за улучшение эпидемиологической ситуации в республике.

Ключевые слова: Татарская республика, крестьянство, последствия голода, здравоохранение, медицинский персонал, сельские больницы, фельдшерские пункты, эпидемические заболевания.

Одним из показателей развития государства является здоровье его граждан. С образованием в 1920 г. Татарской республики перед ее руководством встала сложная задача сохранения здоровья населения. Эту задачу взял на себя Народный комиссариат здравоохранения ТАССР во главе с К.Г. Мухтаровым. Этот орган решал вопросы организации медицинской помощи населению, борьбы с эпидемиями, охраны материнства и детства, руководил медицинскими учреждениями и аптеками на местах [22, с. 115].

В то же время эпидемиологическая ситуация в только что образованной Татарской республике оказалась исключительно тяжелой. Последствия Гражданской войны и массовый голод начала 1920-х гг. принесли с собой эпидемии различных заболеваний, таких как корь, холера, тиф, малярия, оспа и др. По некоторым из этих заболеваний республика лидировала в Средневолжской области [3, с. 9]. Например, к 1927 г. заболеваемость оспой в Татарской республике оказывалась, в среднем, в два раза выше, чем по РСФСР, заболеваемость чесоткой — почти в три раза [19, с. 44].

В подобных условиях была образована чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемиями (Чрезкомэпид), которая координировала деятельность государственных структур для борьбы с эпидемиями болезней. Издавались многочисленные приказы и инструкции, регулирующие поведение граждан в условиях массовых заболеваний. Так, например, было опубликовано несколько приказов, предписывающих гражданам соблюдать правила гигиены, не употреблять сырую воду и пищу, проводить дезинфекцию помещений, вычищать дворы от навоза и пр. Согласно приказу от 7 августа 1921 г. на местах должны были создаваться тройки из представителей волисполкома, милиции, медицинских, школьных работников, а также членов РКП(б). Особое внимание уделялось санитарной очистке улиц,

помещений, общественных зданий, а также проведению бесед, лекций среди крестьян на санитарные темы [5, л. 145, 146].

Чаще всего борьба с эпидемиями болезней принимала формы краткосрочных кампаний. Так, например, в Мензелинском кантоне в середине 1920-х гг. проводились трехдневники, в ходе которых крестьянам читали лекции о туберкулезе, попутно собирая продукты в пользу местных больниц [8, л. 107–110].

Между тем подобные меры вряд ли могли существенно изменить эпидемиологическую ситуацию, которая усугублялась отсутствием необходимого количества медицинских учреждений, а также квалифицированного персонала и лекарств. В Бугульминском кантоне, например, в 1920 г. насчитывалось всего 9 лечебных учреждений на 283 191 чел., то есть одно на 31 465 чел. [13, л. 165]. Даже к концу 1920-х гг. в республике оставалось 48 волостей, в которых не было больничных участков [18, с. 10].

Что касается медицинских кадров, то к началу 1920 г. в сельской местности Татарии работали всего 67 врачей и 454 работника среднего медицинского персонала [1, с. 90], распределенных крайне неравномерно. Условия их труда оказывались достаточно сложными, и улучшить их не представлялось возможным. Комиссии, обследовавшие состояние больниц и фельдшерских пунктов, отмечали состояние их нищеты и запущенности. Например, в январе 1921 г. был обследован Тюлячинский фельдшерский пункт, и обнаружено, что под него «отведена половина деревянного домика, в который помещается и квартира фельдшера. Амбулатория пункта — маленькая 3 кв. сажени <...> Оборудование самое примитивное» [10, л. 81]. За первые годы существования республики ситуация мало изменилась. Так, например, в 1928 г., судя по проведенному обследованию ряда больниц Мамадышского кантона, отмечался дефицит лекарств, отсутствие подсобных помещений, слабая акушерская помощь и перегруженность персонала [12, л. 65, 81, 83–84, 85 об., 89].

Существенным препятствием для дальнейшего обращения за квалифицированной помощью для крестьян становилась нехватка средств для проживания в городах, где располагалась большая часть больниц. Так, например, существовавший в г. Буинске социальный диспансер не располагал достаточным количеством мест для размещения больных трахомой. Поэтому значительная часть больных, не имея возможности устроиться в городе, лечения не проходила [14, л. 453].

При обращении в больницу для крестьянина большую роль играл фактор доверия к медработнику, его умение общаться с людьми, понимать их проблемы. Иногда отношение местного населения играло главную роль при переводе медработника на другой участок либо оставлении его на старом. Так, фельдшерица Акташского участка Мензелинского кантона М. Меншикова, будучи назначенной на новый участок, осталась на старом благодаря своей популярности среди местных крестьян, особенно женщин [6, л. 53, 53 об.].

В подобных условиях крестьяне вынуждены были обращаться к традиционным методам лечения, нередко воспринимая болезнь как временное явление. Необходимость ведения сельскохозяйственных работ вынуждала сельских жителей в подобных условиях заниматься самолечением. Например, малиновый и зеленый чай использовался как средство от простуды [16, с. 15–16], расстройства желудка лечили настойкой березового гриба [2, с. 364]. Частым средством ста-

новились различные травы — полынь, мать-и-мачеха, хмель, листья сирени [7, л. 129 об.]. Большой популярностью пользовалось обращение крестьян к различным врачевателям и знахарям [17, с. 144–147].

В то же время, массовые эпидемии вынуждали крестьян постепенно перестраивать сознание и более ответственно относиться к своему здоровью. Это обуславливалось необходимостью возвращения к нормальным условиям труда и быта. Немалую роль сыграло и проведение прививочных кампаний, которые существенно снизили уровень эпидемических заболеваний.

Таким образом, состояние системы здравоохранения Татарской республики в 1920-е гг. оставалось довольно сложным. Отдельные вспышки различных инфекций продолжали отмечаться в различных ее районах еще долгие годы [9, л. 71]. Состоявшийся в мае 1929 г. X съезд союза медицинских работников (Медсантруд) Татарии констатировал отсутствие «полного охвата населения оспопрививанием» [21, с. 26]. Во многом это объяснялось несознательным отношением крестьянского населения к прививкам [11, л. 11, 19 об., 20].

Тем не менее, самая трудная работа в сфере борьбы с массовой заболеваемостью населения была проведена. За постепенным улучшением ситуации стоял ежедневный героический труд медицинского персонала. «Вспоминаем теперь этих людей и удивляемся, — писал в 1960-х гг. фельдшер Михаил Тюняев, — какие же это были кристально чистые и порядочные люди, а нам тогда они казались обыкновенными» [4, л. 12]. Героический труд врачей продолжался и в последующие годы. Его результатом стало постепенное избавление населения от угрозы оспы в 1936 г. [20, л. 8], от малярии — к концу 1930-х гг. [15, л. 1]. Что касается туберкулеза, чесотки и других болезней, то борьба с ними продолжала оставаться актуальной и в 1960-е гг. [15, л. 1].

Список источников и литературы

1. *Бодреев С.* Татарская АССР. М.: Власть Советов, 1932. 131 с.
2. *Бусыгин Е.П.* Русское население Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 404 с. 1966.
3. Бюллетень Народного комиссариата здравоохранения. 1926. № 16.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 30. Оп. 3. Д. 353.
5. ГА РТ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 154.
6. ГА РТ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 160.
7. ГА РТ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 235.
8. ГА РТ. Ф. Р-269. Оп. 2. Д. 26.
9. ГА РТ. Ф. Р-269. Оп. 2. Д. 101.
10. ГА РТ. Ф. Р-1102. Оп. 1. Д. 26.
11. ГА РТ. Ф. Р-1761. Оп. 1. Д. 161.
12. ГА РТ. Ф. Р-1946. Оп. 2. Д. 3.
13. ГА РТ. Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 44.
14. ГА РТ. Ф. Р-2483. Оп. 1. Д. 12.
15. ГА РФ. Ф. Р-482. Оп. 4. Д. 476.
16. *Губайдуллин К., Губайдулина М.* Пища казанских татар (Этнографический очерк). Казань: 1927. 48 с.
17. *Давыдов Д.В.* Народная медицина в сельской местности ТАССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2011. № 2.
18. Здравоохранение в ТАССР за 10 лет // Сборник здравоохранения ТССР. 1930. № 4.
19. *Коновалов Н.* Четыре дня на медико-санитарном совещании Татарской АССР // Бюллетень Народного комиссариата здравоохранения. 1929. № 3–4.
20. *Мухутдинов И.З.* Достижения здравоохранения в Татарии за годы советской власти (В помощь лектору). Казань: 1967. 31 с.

21. Резолюции и постановления X юбилейного съезда союза Медсантруд Татарии. 18–21 мая 1929 г. Казань: Тип. Татполиграф. 1929. 29 с.

22. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2020): научно-справочное издание. Казань: Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. 312 с.

D.V. Davydov, O.V. Kozlova

**SOME PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE
SYSTEM IN RURAL AREAS OF THE TATAR REPUBLIC IN THE 1920s**

Annotation. The article is devoted to some issues of the state of rural health care in the Tatar Republic in the 1920s. Attention is drawn to the difficult state of the system of healthcare institutions in the early 1920s. The role of doctors in the struggle for public health is noted. Attention is drawn to the lack of medical and paramedic points, the number of medical personnel, and medicines, which significantly complicated the struggle to improve the epidemiological situation in the republic.

Keywords: Tatar republic, peasantry, consequences of famine, health care, medical personnel, rural hospitals, feldsher points, epidemic disease.

МИХАИЛ ПАЛЬКИН – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЛАСТНОГО ИСПОЛКОМА СОВЕТОВ МОРДОВСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена биографии советского деятеля М.А. Палькина (1891–1953), внесшего вклад в развитие Мордовской национальной автономии в начале 1930-х гг. Рассмотрены основные этапы жизненного пути М.А. Палькина и его работа в различных советских органах. Основное внимание уделено его деятельности на посту председателя Мордовского облисполкома.

Ключевые слова: советская история, национальное строительство, советские органы власти, Средневолжский край, Мордовская национальная автономия, Мордовский областной исполнительный комитет.

Михаил Андреевич Палькин родился в ноябре 1891 г. в с. Мачкасы Петровского уезда Саратовской губернии (ныне Шемьшейский район Пензенской области) в мордовской (эрзянской) семье. В конце XIX в. Мачкасы были волостным центром, достаточно крупным мордовским селом, где проживало более 2,5 тыс. чел., имелась школа, лавка, базар [5]. Крестьянская жизнь, полная трудностей, с ранних лет приучала человека к необходимости упорно работать ради собственного пропитания. С детства Михаил помогал в крестьянском хозяйстве своего отца и одновременно учился в Мачкаской начальной школе, где окончил четыре класса. По некоторым данным, затем он поступил в земское училище, но в 1905 г. был исключен из него за участие в революционных волнениях [10]. До 1912 г. Михаил продолжал заниматься земледелием вместе со своими родителями, после чего, по собственному выражению, порвал с сельским хозяйством связь [16, л. 30]. В этом году его призвали в царскую армию, и он покинул родное село.

В документах М.А. Палькин указал, что во время Первой мировой войны служил рядовым в 16-м минометном гренадерском полку [16, л. 1]. Возможно, подразумевается Мингрельский 16-й гренадерский полк, но, к сожалению, какие-то конкретные сведения, касающиеся службы М.А. Палькина в армии в годы Первой мировой войны, в архивных материалах отсутствуют. В опубликованной в электронном виде его краткой биографии указано, что М.А. Палькин участвовал в боях в Восточной Пруссии, Румынии и Галиции [10]. Можно также предположить, что именно в те годы он проникся чрезвычайно популярными среди солдат идеями большевиков. В 1917 г. находившийся на фронте рядовой М.А. Палькин занимал довольно активную позицию в солдатском движении, был избран членом полкового комитета. В 1918 г. вступил в ряды РКП(б) [16, л. 3 об.]. С этого времени жизнь вернувшегося из армии М.А. Палькина более чем на 10 лет связана с советской работой. В мае 1918 г. его избрали председателем земельного отдела Мачкаского волостного исполкома Совета [16, л. 4 об.], однако на своей малой родине он не остался. В этом плане карьера М.А. Палькина,

постоянно менявшего место работы и сферу деятельности, переезжавшего из одной части страны в другую и нигде надолго не задерживавшегося, представляется довольно характерной для советского служащего первого послереволюционного десятилетия. При этом, видимо, М.А. Палькин явственно осознавал крайнюю скудость своего сельского образования и уже в то время стремился каким-то образом восполнить недостаток в теоретической подготовке. В 1919 г. ему удалось попасть на курсы по советскому строительству при ВЦИК [16, л. 46], однако шестинедельные курсы не могли заменить полноценного образования. Впоследствии тяга к знаниям будет постоянно преследовать Михаила Андреевича и, в конечном итоге, перевесит карьеру советско-партийного работника.

В Красной Армии в годы Гражданской войны М.А. Палькин не служил, однако его, как члена партии и активного общественника, имевшего богатый опыт военных действий, вскоре направили в Наркомат внутренних дел, отвечавший за общественную безопасность и борьбу с преступностью. С марта по октябрь 1919 г. он служил инструктором НКВД в Москве, а с октября 1919 по декабрь 1920 г. — инструктором-ревизором Сибирского ревкома — чрезвычайного советского органа, действовавшего в охваченной Гражданской войной Сибири. В эти годы на первом плане работы Сибревкома находилось утверждение советской власти и борьба с контрреволюцией [1, с. 212]. М.А. Палькин, судя по всему, занимался в первую очередь вопросами советского строительства [16, л. 30].

В 1921 г. его снова переводят, на этот раз в Алтайскую губернию. Там он сначала работал председателем Барнаульского уездного исполкома (январь — март 1921 г.), затем — председателем Бийского уездного исполкома (март — октябрь 1921 г.) [16, л. 4 об.]. Скорее всего, Михаил Андреевич неплохо проявил себя на этой работе, потому что вскоре его перевели на следующий, губернский уровень.

В октябре 1921 г. М.А. Палькин, наконец, получил более или менее постоянную должность и вошел в число новой управленческой элиты губернии. Его назначили заведующим одним из ключевых отделов Алтайского губисполкома — отделом управления, который организовывал и контролировал деятельность всех нижестоящих советских органов. Там М.А. Палькин проработал до июля 1924 г. — 2 года и 8 месяцев [16, л. 16]. Михаил Андреевич стал членом президиума и заместителем председателя губисполкома, избирался в состав Алтайского губкома РКП(б), на протяжении двух лет являлся кандидатом в члены бюро губкома партии.

В 1924 г. в соответствии с повсеместно распространенной практикой по решению ЦК партии М.А. Палькина неожиданно сняли с должности и направили в другую часть страны, в Самарскую губернию. Неизвестно, что предшествовало этому переводу; не исключено, что Михаил Андреевич и сам хотел перебраться из далекой Сибири в европейскую часть России с более привычным ему климатом. На новом месте работы он стал председателем Мелекесского уездного исполкома с центром в г. Мелекесе (современный Димитровград Ульяновской области). Он занимал этот пост с ноября 1924 по декабрь 1925 г., затем перешел в губернские органы власти [16, л. 4 об., 5 об.]. С января 1926 по январь 1927 г. возглавлял административный отдел Самарского губисполкома (отвечавший за работу губернской милиции), а с января 1927 г. стал членом президиума и секретарем губисполкома. На этой ответственной должности он проработал почти полтора года, и 25 апреля 1928 г. был освобожден от нее [16, л. 5 об. — 6].

Отметим, что в это время в административно-территориальном делении страны происходили важные события. Вместо сохранившихся с дореволюционных времен губерний создавались новые крупные регионы. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. была образована Средневожская область (впоследствии – Средневожский край) с центром в г. Самаре, включившая в себя Оренбургскую, Пензенскую, Самарскую и Ульяновскую губернии [8]. В карьере М.А. Палькина произошел очередной зигзаг; в новой структуре власти ему места не нашлось. Сначала, 8 мая 1928 г., он временно получил место ответственного инструктора Самарского исполкома, а уже через несколько месяцев был переведен в Барабинский округ Сибирского края, где 13 сентября 1928 г. был избран председателем Барабинского окрисполкома и членом бюро Барабинского окружкома партии [16, л. 5 об. – 6, 30 об.].

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. активно развивался процесс строительства Мордовской национальной автономии. Его тормозил ряд факторов, таких, как экономическая и культурная отсталость, дисперсность расселения мордвы, ее деление на два субэтноса [6, с. 66], однако в июле 1928 г. в составе Средневожской области все же был выделен Саранский округ, вскоре переименованный в Мордовский округ [12]. 10 января 1930 г. на его основе была образована Мордовская автономная область (МАО) в составе Средневожского края [13].

Руководителями Мордовского округа были ответственный секретарь окружкома ВКП(б) Г.А. Полумордвинов и председатель окрисполкома С.С. Шишканов. Однако во второй половине 1929 г., незадолго до преобразования округа в автономную область, их перевели из Мордовии на другую работу. В ЦК ВКП(б) приняли решение, что для новой области необходимо подобрать новое политическое руководство. Возник вопрос о кандидатуре председателя Мордовского окрисполкома, в то время являвшегося высшим советским должностным лицом в регионе. Видимо, тогда вспомнили про М.А. Палькина, мордвина по национальности, за последние 10 лет успевшего зарекомендовать себя в качестве опытного советского и хозяйственного работника. 15 декабря 1929 г. Михаила Андреевича отозвали в распоряжение ЦК партии, а уже 18 декабря он находился в Саранске, где был избран председателем Мордовского окружного исполнительного комитета Советов [16, л. 6 об. – 7]. 4–6 февраля 1931 г. состоялся I съезд Советов МАО, на котором был сформирован состав областного исполнительного комитета. Его председателем остался М.А. Палькин [17, л. 35 об.], к тому времени уже более года возглавлявший Мордовский окрисполком, успевший освоиться на этом месте, изучить экономическое и социально-культурное состояние Мордовии. Он также являлся членом Мордовского обкома и Средневожского крайкома ВКП(б). О высоком положении, занимаемом М.А. Палькиным, свидетельствовало и его избрание членом ЦИК СССР 5-го и 6-го созывов [16, л. 30 об.], делегатом XVI съезда ВКП(б) [7, с. 140].

Будучи председателем центрального органа советской власти МАО, М.А. Палькин занимался практически всеми важнейшими вопросами жизнедеятельности региона, в том числе развитием сельского хозяйства, промышленности, торговли, социально-культурной сферы, вопросами бюджета. Мордовия была отсталым, преимущественно аграрным краем, и перед облисполкомом МАО стояла трудная задача обеспечить ее быстрое хозяйственное и культурное развитие. Как говорил сам М.А. Палькин, нужно было «подтянуть отсталые слои трудящихся

области до общеэкономического и культурного развития трудящихся масс всего Союза» [15, л. 148].

Время нахождения М.А. Палькина во главе облисполкома МАО совпало с началом проведения коллективизации и раскулачивания. В духе своего времени председатель облисполкома призывал оказывать колхозному строительству всяческое содействие и помощь. При этом Михаил Андреевич говорил также о технической реконструкции сельского хозяйства, призванной преодолеть вековую отсталость этой отрасли, что было одной из важнейших задач, поставленных перед автономной областью [15, л. 157–158, 170]. В соответствии с переустройством аграрного сектора, должна была повыситься роль животноводства и выращивания технических культур [15, л. 162]. Во главу угла во всем сельском хозяйстве, по мнению М.А. Палькина, следовало поставить совхозный сектор, который «должен служить не только для получения продукции, но также должен быть показательным опытом для наших трудящихся масс ..., чтобы они могли на практике убедиться в выгодности крупнейшего обобществленного сельского хозяйства» [15, л. 161].

Промышленность в крестьянском Мордовском крае была очень слаба, и М.А. Палькин называл формирование промышленного пролетариата важнейшим фактором развития области. При этом особое значение он придавал выдвигению рабочих из мордвы, что полностью отвечало проводившейся политике коренизации кадров [15, л. 174]. М.А. Палькин был убежден, что заводы должны обеспечиваться прежде всего местным сырьем; планы строительства тех или иных предприятий следовало принимать исходя из этого принципа. В то же время вырабатываемая предприятиями продукция должна была в первую очередь снабжать саму Мордовскую автономную область [15, л. 176]. Поэтому Михаил Андреевич придавал большое значение обследованию территории Мордовии на наличие полезных ископаемых, считая, что природные богатства региона были плохо исследованы. В полном соответствии с этой стратегией М.А. Палькин призывал, например, наладить производство собственного кирпича, жизненно необходимого для строительства материала [15, л. 177].

Немалые опасения у председателя облисполкома вызывала ситуация, сложившаяся в лесном хозяйстве региона. Мордовия была богата лесами, однако из-за непродуманной вырубki и отсутствия единого органа, отвечавшего за использование лесов, их площадь неуклонно уменьшалась. «Если мы так будем рубить, – сетовал М.А. Палькин, – то в течение 7–8 лет вырубим весь лес» [15, л. 181]. Михаил Андреевич полагал, что нужно создать специализированную областную организацию по ведению лесного хозяйства, которая была бы подчинена непосредственно облисполкому МАО [15, л. 183].

Мордовским облисполкомом признавалось, что область являлась отсталой и в социально-культурном отношении, особенно по показателю грамотности. В этой сфере с 14 августа 1930 г. состоялся переход ко всеобщему обязательному обучению, которое рассматривалось как важная политическая кампания [4, с. 102–103]. М.А. Палькин назвал введение всеобщего обязательного обучения в Мордовии «громадным достижением» [15, л. 188]. Он призывал к более активной коренизации педагогических кадров; по его мнению, в области было крайне недостаточно учителей из мордвы. Председатель облисполкома считал, что Мордовия из отсталого, темного края с неграмотным населением должна стать цент-

ром культурной мысли мордовского народа [15, л. 192]. Для этого он предлагал развивать издательское дело на мордовских языках и, что было особенно важно, — высшее образование.

По мнению М.А. Палькина, в Мордовии следовало создать вуз для обучения всей мордвы, проживающей в СССР. «В Калмыцкой области и Немецкой республике, — говорил он, — открыты национальные вузы. Мордовское население по количеству значительно больше, поэтому в течение двух лет надо создать Комвуз ..., который готовил бы политических работников для нас» [15, л. 191]. Кроме того, М.А. Палькин считал необходимым открытие в Мордовии агропедагогического вуза, в целях подготовки кадров для народного хозяйства региона; этот вопрос облисполком МАО поставил перед центральными органами власти [15, л. 190]. Вскоре он был решен: 8 октября 1931 г. в Саранске открылся агропедагогический институт, который с 1932 г. был реорганизован в Мордовский государственный педагогический институт им. М.М. Хатаевича, а с июля 1932 г. был создан Комвуз им. К. Маркса [3, с. 94–95]. Обращаясь к присутствовавшему на I съезде Советов МАО мордовскому ученому-лингвисту А.П. Рябову и его коллегам из Москвы и Ленинграда, М.А. Палькин призвал преподавателей вузов и научных сотрудников-выходцев из мордвы, трудящихся в других регионах СССР, переезжать на работу в Мордовскую автономную область. Со своей стороны он обещал, что облисполком создаст для их деятельности все условия [15, л. 192].

Будучи председателем Мордовского облисполкома, М.А. Палькин занимался не только советской, но и публицистической деятельностью. Он активно работал над статьями для газет и журналов по вопросам развития народного хозяйства, социально-культурной жизни, советского строительства. 14 апреля 1930 г. эрзянский прозаик и журналист Алексей Дуняшин из редакции газеты «Якстере теште» (Красная звезда), тесно сотрудничавшей с М.А. Палькиным, писал ему: «Твои статьи помещаем охотно. Они оригинальны, метки и содержательны. Только одно зло есть еще в твоём публицистическом творчестве — уж очень большие иногда статьи пишешь. Взять хотя бы последнюю. Там было 450 строк. Для нашей газеты это непомерная тяжесть. Мы сократили ее почти наполовину...» [16, л. 43].

Должно быть, Михаил Андреевич продолжал остро ощущать недостаток собственного образовательного уровня. В 1931 г. он писал о своем горячем желании получить высшее образование в письме своему старому товарищу, члену ВКП(б) Цвелиховскому: «Мне, мой друг, скоро будет 40 лет... Дальше ждать больше невозможно. Надо во что бы то ни стало подкрепиться теоретическими познаниями и тогда опять за работу, безразлично — где угодно и на какую угодно работу» [16, л. 31]. Ради этого он был готов оставить высокую должность председателя Мордовского облисполкома и обращался к первому секретарю Средневожского крайкома ВКП(б) М.М. Хатаевичу с ходатайством о направлении на учебу. М.А. Палькин перечислял желаемые для себя учебные заведения: Плановая академия при Госплане СССР, Высшие земельные курсы при Наркомате земледелия СССР, Торговая академия, Промышленная академия. Ему давали советы поступить в Институт красной профессуры в Москве [16, л. 31 об.], однако для этого требовалось наличие высшего или хотя бы среднего образования, которого у Михаила Андреевича не имелось. Тем не менее, М.А. Палькин, видимо, принял решение поступать именно туда.

Средневожский крайком партии пошел ему навстречу, и в июне 1931 г. он сообщал об этом в Мордовский обком ВКП(б). 20 июня Михаил Андреевич был освобожден от должности председателя облисполкома МАО по собственной просьбе [16, л. 28].

М.А. Палькин сумел добиться реализации своего желания и в итоге поступил в Институт красной профессуры советского строительства и права при ЦИК СССР, где учился в 1931–1933 гг. После этого высокие советские посты он больше не занимал. Окончив институт, Михаил Андреевич устроился на скромную, хотя и ответственную должность заместителя начальника политсектора МТС Горьковского краевого земельного управления [7, с. 140]. С начала 1936 г. он переехал в г. Казань, где стал директором сельскохозяйственного института и параллельно занимался преподаванием социально-экономических дисциплин. Возможно, этот род деятельности был как раз тем, к чему он стремился долгое время, однако спокойно работать ему не дали. М.А. Палькин не избежал массовых сталинских репрессий, и 11 июня 1938 г. был арестован сотрудниками НКВД Татарской АССР по обвинению по ст. 58-2, 58-7, ч. 1, 58-10, 58-11 УК РСФСР («участник правотроцкистской националистической организации, подрывная, вредительская деятельность»). Такие статьи грозили высшей мерой наказания – расстрелом с конфискацией имущества, но Михаила Андреевича, скорее всего, спасла относительно поздняя дата ареста. Массовая кампания против «врагов народа» была свернута, тогда развалилось и дело, сфабрикованное против М.А. Палькина. 25 апреля 1940 г. оно было прекращено «за недостаточностью улик» [11].

Через некоторое время после освобождения из тюрьмы НКВД Михаил Андреевич переехал в г. Иркутск. С 1 сентября 1942 г. там открывалась юридическая школа для подготовки сотрудников суда и прокуратуры среднего звена [1], и М.А. Палькин получил должность ее директора. В 1948 г. он был назначен директором Иркутской областной партийной школы, готовившей кадры советско-партийных и газетных работников для Иркутской, Читинской областей и Бурят-Монгольской АССР [2].

Последние годы жизни Михаил Андреевич провел в Молдавской ССР. Он устроился на работу в Высшую партийную школу при ЦК КП(б) – КП Молдавии, где возглавлял кафедру экономических наук и целиком сосредоточился на преподавательской деятельности [9]. Умер М.А. Палькин в г. Кишиневе в 1953 г.

Биография М.А. Палькина – это жизненный путь человека, сформировавшегося и действовавшего в эпоху масштабных потрясений первой половины XX в. Выходец из мордовской крестьянской семьи, не имевший практически ничего, М.А. Палькин поднялся наверх благодаря собственным качествам – энергичности, трудолюбию, способности быстро ориентироваться в новой для себя обстановке, а также безаветной преданности советской власти. С декабря 1929 по июнь 1931 г. он возглавлял Мордовский окружной, затем областной исполнительный комитет. Это относительно непродолжительное время пришлось на важнейший период становления Мордовской национальной автономии, и очень многое зависело от позиции, которую занимал председатель исполнительного комитета – центрального советского органа региона. М.А. Палькин сыграл значительную роль в развитии экономики, культуры, образования Мордовии, и сегодня его имя является незаслуженно забытым.

Список источников и литературы

1. Бакшеев А.И. Деятельность Сибирского революционного комитета как высшего органа власти в Сибири // Вестник КрасГАУ. 2015. № 3. С. 211–215.
2. Иркутская высшая партийная школа (ИВПШ) (1944-1961) / Иркипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/irkutskaya_vysshayaya_partiynaya_shkola_ivpsh_1944_1961 (дата обращения: 11.02.2020).
3. Крисанова Н.А. Высшая школа Мордовии – XX век: проблемы становления образовательного пространства // Финно-угорский мир. 2009. № 2. С. 94–99.
4. Куршева Г.А. Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг. / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 368 с.
5. Мачкасы (Рождественское) Шемьшейского района Пензенской области / Пензенская область. Города, веси, люди ... URL: <http://inpenza.ru/shemysheyka/machkasy.php> (дата обращения: 01.02.2020).
6. Минеева Е.К. Особенности формирования национально-территориальной автономии мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 4 (28). С. 66–77.
7. Мордовия: энциклопедия. В 2 т. Т. 2: М–Я / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2004. 704 с.
8. О составе округов, районов и их центрах Средневолжской области: постановление ВЦИК от 16.07.1928 (ред. от 01.04.1932) / СПС Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44050#02845636741063209> (дата обращения: 09.02.2020).
9. Палькин Михаил Андреевич / Альманах «Россия. XX век». Биографический словарь. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dict-bio/1005974/14> (дата обращения: 03.02.2020).
10. Палькин Михаил Андреевич / Справочник «Большевистский актив Куйбышева (Самары) в доежовский период, 1920–1937 годы». URL: <http://www.iamkushner.com/istoricheskie-momentu/o-proekte/p/palkin-mikhail-andreevich> (дата обращения: 11.02.2020).
11. Списки жертв / Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d25/f397.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
12. СУ РСФСР. 1928. № 4. Ст. 407.
13. СУ РСФСР. 1930. № 17. Ст. 225.
14. 1942. Хронология // Иркипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/1942_sentyabr (дата обращения: 11.02.2020).
15. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 269.
16. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 3. Д. 5.
17. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 3. Д. 7.

P.S. Uchvatov

MICHAIL PALKIN – CHAIRMAN OF THE MORDOVIAN REGIONAL EXECUTIVE COMMITTEE OF SOVIETS

Annotation. The article is devoted to the biography of the Soviet leader M.A. Palkin (1891–1953), who make a contribution to development of the Mordovian national autonomy in the early 1930s. The main stages of the life path of M.A. Palkin and his work in various Soviet bodies are examined. The main attention is paid to his activities as chairman of the Mordovian Regional Executive Committee.

Keywords: Soviet history, national building, soviet authorities, the Middle Volga region, the Mordovian National Autonomy, Mordovian Regional Executive Committee.

РОЛЬ ОБЪЕДИНЕНИЙ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ*

Аннотация. В статье проанализированы принципы формирования и основные направления деятельности таких общественно-политических объединений, как Съезд финно-угорских народов Российской Федерации и Всемирный конгресс финно-угорских народов. Автор приходит к выводу о том, что если в начале 1990-х гг. данные проекты содержали значительный сепаратистский, центробежный потенциал, то в XXI в. они вносят существенный вклад в развитие и укрепление общенационального единства.

Ключевые слова: этнос, этничность, финно-угорские народы, съезд, нация, нацистроительство.

Демократические процессы рубежа 80–90-х гг. XX в. привели к подъему этнонационального самосознания россиян, а также к созданию организаций и движений различных этносов и родственных им народов. Эти землячества, клубы, национально-культурные автономии и прочие объединения отразили главное направление социально-политического развития России конца XX – начала XXI в. – формирование гражданского общества и гражданской нации.

С самых первых лет своего существования национальные ассоциации, объединения, движения, а также их съезды и конгрессы были ориентированы на то, чтобы мобилизовать представителей той или иной этнической группы, сообщества на решение культурных, языковых, экологических и иных проблем. Эти сложности в значительной степени объяснялись тем, что с переселением представителей малых народов в города начался процесс постепенной утраты языковой практики, который в конечном итоге приводил к естественной русификации. Большое опасение вызывали демографические проблемы, проявлявшиеся в стремительном сокращении общей численности этносов. Следует отметить, что в тот момент чисто политические проблемы мало затрагивались этническими объединениями: выдвигаемые требования носили преимущественно общедемократический характер.

Период начала 1990-х гг. характеризовался тем, что надежды на быстрое решение этнонациональных проблем не оправдались. Меры, предпринятые новым российским руководством, были в основном направлены на спасение экономики. Они сильно отставали от требований того времени в области националь-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нацистроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

ной политики. Неудивительно, что в риторике и деятельности упомянутых выше институтов гражданского общества проявлялись и все более активизировались политические мотивы. Этничность все в большей степени подвергалась политизации, становясь, тем самым, важнейшим фактором политической мобилизации населения. Самыми распространенными идеями этнонациональных институтов в стране становились в тот момент притязания на политическую власть, повышение политического статуса или хотя бы самоуправление от имени народа.

Важнейшая роль в процессе мобилизации этносов и их организаций на достижение политических целей принадлежала интеллигенции. В непростых условиях начала 1990-х гг. ученые, писатели, общественные деятели для оправдания своих действий стали обращаться к истории взаимоотношений соседствующих народов, политизируя при этом историю в своих корыстных интересах. Все более углублявшиеся в течение этого десятилетия процессы политизации истории негативно отражались на межнациональных отношениях, а также существенным образом препятствовали формированию демократического гражданского общества и гражданской нации в стране.

Описанные проблемы и тенденции в полной мере можно отнести к российским этносам, относящимся к финно-угорской группе уральской языковой семьи. Такие этносы как мордва, марийцы, удмурты, коми, карелы, ханты, манси и др., наряду со славянскими, тюркскими и другими народами, формировали Российскую империю, СССР, а ныне Российскую Федерацию.

На рубеже 1980–1990-х гг. в регионах, тогда еще имевших статус автономных советских социалистических республик в составе РСФСР, сформировалось значительное число национально-культурных движений и организаций: «Коми котыр», «Марий Ушем», «Масторава», «Спасение Югры», «Удмурт Кенеш» и др. [5, с. 56]. Первоначально им было достаточно только внутрирегиональной деятельности, ориентированной на решение наболевших текущих проблем. Однако довольно быстро, пользуясь растущими возможностями технической коммуникации, а также находясь под впечатлением от параллельно проходящих интеграционных процессов других народов (в частности, тюркских), финно-угорские этнообъединения начинают искать возможности для проведения встреч на общероссийском и даже международном уровнях. Первые же подобные контакты показали, что у финно-угров немало общих проблем, которые возможно решать совместными усилиями.

Интеграционные процессы среди финно-угорских народов как во всемирном масштабе, так и федеральном, вызывают большой интерес как пример межэтнических взаимодействий, имеющих достаточно длительный период развития и высокую степень институционализации. В федеральном масштабе пристального внимания и анализа заслуживают всероссийские съезды финно-угорских народов в целом и каждого народа в отдельности, а в международном — всемирные конгрессы финно-угорских народов.

Важной вехой в процессе национального возрождения и развития финно-угорских народов, в развитии их языков, традиций, культуры, в укреплении связей с диаспорами, в формировании гражданской нации в стране стали всероссийские съезды финно-угорских народов России. Их проведение с точки зрения хронологии, а также поднимаемых проблем, можно разграничить на два неравных этапа. Первый этап объединяет два съезда, проведенных в первой поло-

вине 1990-х гг., а второй – четыре съезда, прошедших после долгого перерыва в 2005, 2009, 2013 и 2017 гг.

Самый первый съезд финно-угорских народов России состоялся в 1992 г. в столице Удмуртии Ижевске. Итоговая резолюция признавала съезд высшим органом финно-угорских народов России. Мероприятие в значительной степени носило учредительный характер и несло на себе отпечаток общегосударственных проблем того непростого времени. При этом уже на тот момент в деятельности делегатов съезда проявились две противоположные тенденции: некоторые из них в полной мере были заинтересованы в том, чтобы развивать межкультурные связи, в то время как другие не упустили случая использовать мероприятие как трибуну для своих политических амбиций, зачастую носивших откровенно националистический характер.

В тот момент еще не было устоявшейся периодичности общероссийских собраний финно-угорских народов. II съезд состоялся через три года – в 1995 г. в Кудымкаре, столице Коми-Пермяцкого автономного округа (ныне объединенного с Пермской областью в составе Пермского края). На этом съезде основное внимание делегатов было сосредоточено на обсуждении федеральной программы поддержки финно-угорских народов, которую планировали принять в тот период. Эта задача наложила существенный отпечаток на цели и задачи собравшихся. Вместо конструктивного обсуждения перспективных направлений сотрудничества делегаты обосновывали свои требования на получении той или иной формы финансовой подпитки на развитие своего этноса от федерального центра, что, разумеется, входило в противоречия с планами других докладчиков. Вот почему на II съезде не было принято серьезных, значимых для развития финно-угорских народов документов.

Эти два мероприятия оставили противоречивые впечатления. С одной стороны, делегаты смогли наглядно ощутить языковую и культурную близость, осознать необходимость дальнейших контактов. С другой стороны, первые встречи на общероссийском уровне продемонстрировали значительный конфликтный потенциал. В условиях резко ограниченных в 1990-е гг. бюджетных отчислений на нужды национальной политики этносы были вынуждены «сражаться» друг с другом за немногочисленные денежные ресурсы. Особо в этой борьбе преуспевали представители радикальных движений, поспешившие заявить, что по отношению к их этносам в России проводится целенаправленная политика геноцида. Подобная ситуация никак не способствовала единению этнических групп нашей страны в общегражданскую нацию.

Затем в течение 10 лет съезды не проводились, то есть можно констатировать целых три пропущенных съезда. Истинная и единственная причина этого явления едва ли может быть названа. Специалисты называют различные версии: среди них политика федерального центра, обеспокоенного радикальным настроем ряда участников первых съездов, а также чрезмерная политизация этнополитических движений и решений их съездов. Вероятно, в этот период всем сторонам рассматриваемого процесса нужна была определенная передышка, осмысление итогов проделанного, особенно в связи с выполнением решений съездов о формировании единого «финно-угорского мира».

И только в 2005 г. в Москве состоялся III Всероссийский съезд финно-угорских народов России. Интересно, что это была единственная из всех обще-

российских встреч, которая прошла не в регионе с титульным финно-угорским населением. В мероприятии приняли участие 117 делегатов из 47 регионов России, на территории которых проживают представители финно-угров. Участники съезда в полной мере ощутили необходимость дальнейших контактов, и в то же время отмечали, что многие дискуссии во время съезда отличались нервной атмосферой. Произошло несколько скандалов: в основном на почве националистических высказываний ряда делегатов. Также многие региональные объединения в дальнейшем высказывали жалобы на неотработанную процедуру отбора делегатов. В ряде субъектов федерации реальных выборов не было: имели место согласования с региональными властями кандидатур, которые можно или нельзя было выдвигать.

IV съезд финно-угорских народов России состоялся в 2009 г. в столице Мордовии Саранске. Присутствовали 144 делегата и 122 наблюдателя из 32 регионов России. Основной задачей на перспективу IV съезд определил разработку стратегии сохранения и развития этнической культуры, функционирования языков, укрепления этнической идентичности финно-угорских народов России. Многие отмечают саранский съезд 2009 г. как один из наиболее продуктивных с точки зрения достигнутых результатов. Следует отметить, что к концу первого десятилетия XXI в. центробежные тенденции в национальных движениях достигли своего минимума, что способствовало развитию конструктивного диалога.

V съезд финно-угорских народов России вновь прошел в Саранске 26–28 сентября 2013 г. Это был наиболее представительный форум: в нем участвовали 214 делегатов, 96 наблюдателей из 43 регионов. В его рамках прошли секционные заседания по направлениям «Язык. Наука. Образование», «Культура. Литература», «Новые информационные технологии» и «Здоровье. Демография. Семья». Кроме того, был проведен круглый стол «Глобализация. Идентичность. Традиция». Участники этих мероприятий предлагали развивать цифровое телевидение на национальных языках, возрождать национальные виды спорта, развивать региональные филиалы Российской академии наук.

Эмоциональным фоном этого съезда стали такие заметные события в жизни финно-угорских народов страны, как празднование 1150-летия зарождения Российской государственности и прошедший в Саранске Форум народов Российской Федерации. Важнейшее воздействие оказали и проходившие в 2012 г. торжества по поводу 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства [9]. Само наименование данного мероприятия свидетельствовало о переносе «центра тяжести» деятельности национальных движений в финно-угорских регионах. Вместо выискивания в истории каких-либо проявлений самостоятельности, свойственного для рубежа 1980–1990-х гг., акцент был сделан именно на проявлении единства народов России в составе общего государства.

Последний на текущий момент VI Съезд финно-угорских народов Российской Федерации прошел с 27 по 29 сентября 2017 г. в Сыктывкаре – городе, в котором 25 лет назад впервые состоялся Всемирный конгресс финно-угорских народов. 210 делегатов из 42 регионов страны провели совместную работу, объединенную общей темой «Финно-угорские народы России: гражданская идентичность и этнокультурное многообразие». Мероприятие не осталось незамеченным на самом высоком уровне. В адрес делегатов, участников и гостей съезда

поступили приветствия от Президента Российской Федерации В. Путина, Председателя Правительства Российской Федерации Д. Медведева, Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. Матвиенко, Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. Володина, а также глав субъектов Российской Федерации.

Участники съезда вели диалог на нескольких площадках. Самой многочисленной оказалась секция «Культура. Этнотуризм», в которой приняло участие более 90 участников. В ходе дискуссии была отмечена важность документальных этнографических фильмов и исследовательских проектов по истории и культуре народов России, фольклорных и театральных фестивалей, а также традиционных фестивалей детского творчества. Не менее активным было обсуждение в рамках секций «Язык. Образование. Наука», «Экология. Здоровье нации» и «СМИ. Информационные технологии».

На круглом столе «Молодежь: гражданственность, патриотизм, традиции» была высказана идея о привлечении финно-угорских молодежных организаций в реализацию региональных программ подготовки управленческих кадров и формирование управленческого резерва. Что касается круглого стола «Социальное партнерство. Бизнес», то здесь центральными оказались вопросы сохранения и развития традиционных промыслов и ремесел финно-угорских народов, а также содействия предпринимательству в финно-угорских сельских поселениях.

После завершения дискуссии участники съезда посетили Финно-угорский этнокультурный парк в селе Ыб, который можно рассматривать как пример ведения эффективной туристской деятельности [7].

Подводя итог анализа деятельности съездов финно-угорских народов с начала 1990-х гг. до нашего времени, следует в первую очередь подчеркнуть изменившиеся приоритеты самих участников. Если раньше многие приезжали для повышения своего политического рейтинга или чтобы выбить деньги из федерального центра, то в последние годы преобладает ориентация на полноценное сотрудничество. Поменялась и сама риторика: на смену идее максимального дистанцирования каждого этноса друг от друга и от других народов России постепенно приходит осознание важности межкультурного сотрудничества на пути построения единой общегражданской нации.

В целом следует констатировать, что всероссийский уровень интеграции, являясь базисом международного сотрудничества финно-угров, тем не менее, в некоторой степени проигрывает последнему как по интенсивности контактов, так и по их эффективности. Не в последнюю очередь это связано с большим вниманием федеральной власти именно к международным форумам. Также специалисты отмечают, что решаемые задачи в обоих случаях зачастую дублируют друг друга.

Важнейшим механизмом межнационального сотрудничества является Всемирный конгресс финно-угорских народов (ВКФУН). Он независим от правительств и политических партий и созывается один раз в четыре года. Первый Всемирный конгресс состоялся в Сыктывкаре (1992), второй – в Будапеште (1996), третий – в Хельсинки (2000), четвертый – в Таллине (2004), пятый – в Ханты-Мансийске (2008), шестой – в венгерском Шиофоке (2012), седьмой – в финском Лахти (2016). Восьмой конгресс должен был пройти 17–19 июня 2020 г. в эстонском Тарту, однако был перенесен из-за пандемии COVID-19 [2].

В данном исследовании уделим более пристальное внимание последнему на текущий момент мероприятию. VII Всемирный конгресс финно-угорских народов прошел 15–17 июня 2016 г. в Лахти (Финляндия) под общим девизом «Финно-угорский мир – к устойчивому развитию». Его организатором стало Общество «Финляндия – Россия» в сотрудничестве с финскими общественными организациями, а финансирование взяло на себя Министерство культуры и образования Финляндии.

В мероприятиях конгресса приняли участие 174 делегата, более 370 наблюдателей и около 50 журналистов – всего порядка 600 представителей финских и самодийских народов. На церемонии открытия выступили президенты Венгрии, Финляндии и Эстонии. Россию на конгрессе представлял заместитель министра культуры Александр Журавский, который зачитал приветственный адрес Президента России Владимира Путина [6].

В рамках конгресса прошли тематические заседания по пяти основным секциям. Первая из них носила название «Преемственность в освоении и использовании финно-угорских языков и культур». Ее участники пришли к выводу о том, что формирование идентичности невозможно без раннего образования на национальном языке. Также была подчеркнута необходимость в сотрудничестве между университетами финно-угорских регионов России и стран Европы.

По итогам секции «Финно-угорское информационное пространство: перспективы развития» было предложено создать Международную ассоциацию поддержки электронной письменности финно-угорских и самодийских языков. Участники секции «Гражданское общество и власть» отметили создание новых правовых институтов и организаций для защиты прав коренных народов, а секция «Экономика и окружающая среда» – значимость экономических предпосылок для поддержки национальных языков и культур. Наконец, в рамках секции «Демографические и миграционные процессы. Старые и новые диаспоры», как и на предыдущих конгрессах, было уделено внимание снижению численности населения финно-угорских регионов России и стран.

В целом Всемирный конгресс финно-угорских народов в Лахти 2016 г. еще раз подтвердил общность финно-угорских народов даже в условиях непростых отношений, установившихся между Россией и странами Евросоюза в последние годы. Однако в ходе мероприятия, к сожалению, проявились не только интеграционные процессы. В те же дни параллельно прошел так называемый Открытый финно-угорский конгресс, который предложил «место для участия и выступлений для всех финно-угорских активистов и экспертов, в том числе для тех, кто по разным причинам не смогли присоединиться к официальным делегациям своих народов», и призванный «предоставить возможность для честных и критических обсуждений насущных проблем, стоящих перед финно-угорскими народами и международным финно-угорским движением» [1]. Подобный подход, с одной стороны, открывал возможности услышать все имеющиеся мнения, а с другой, вероятно, подрывал саму идею единства финно-угорского сообщества.

Нет сомнения в том, что многие проблемы международного сотрудничества финно-угорских народов связаны с политическими конфликтами руководства государств. Это наиболее ярко проявляется в неизменной позиции представителей Эстонии, которая, по словам Ю.П. Шабаяева и А.М. Чариной, целенаправленно использует механизм, с помощью которого «добивается объединения

интересов этнических антрепренеров в России и их политических покровителей на Западе» [10, с. 168]. В 2006 г. широкую огласку получил доклад эстонского депутата Катрин Сакс, представленный в Комитет по культуре, науке и образованию ПАСЕ. Его основной смысл состоял в том, чтобы показать, что ситуация с положением финно-угорских народов России «значительно ухудшилась», доказать неэффективность федеральной и региональной этнонациональной политики в РФ, обосновать необходимость тотальной этнизации в регионах проживания финно-угров [10, с. 169].

Еще более негативное впечатление произвело выступление президента Эстонии Т. Ильвеса на заседании V Всемирного конгресса финно-угорских народов в 2008 г. Он фактически высказал финно-угорским народам России призыв к отделению: «Как только вы почувствуете вкус свободы, вы поймете, что это вопрос выживания, без которого нельзя обойтись» [9].

Исследователь В.Ф. Кирдяшов дает развернутое объяснение подобной ситуации: «Мы несколько по-другому понимаем суть понятий “гражданская нация” и “этническая нация”. Для нас гражданская нация – это россияне, т.е. все мы, проживающие в России и являющиеся гражданами страны – мордва, татары, удмурты, чувашаи, энцы и др., в отдельности составляющие этнические нации. Таким образом, гражданская нация – это все мы, около 200 больших и малых российских народов» [3, с. 26]. С точки зрения ученого, жители Венгрии, Финляндии и Эстонии – унитарных государств с доминированием титульного этноса – не должны оценивать ситуацию в России, опираясь на собственные представления о гражданской нации.

Таким образом, можно констатировать, что в XXI в. взаимовыгодному сотрудничеству финно-угорских этносов мешает не только территориальная удаленность и эгоистические интересы ряда активистов, но и согласованная политика некоторых зарубежных политиков. В этой связи не вызывает сомнений необходимость поддержки финно-угорского сотрудничества со стороны российских властей.

Важнейшим шагом в этом направлении можно назвать появление 26 сентября 2017 г. в России новой должности – Специального представителя Президента Российской Федерации по взаимодействию со Всемирным конгрессом финно-угорских народов. Ее занял бывший Глава Республики Мордовия и губернатор Самарской области Н.И. Меркушкин, который внес значительный вклад в развитие общероссийского и международного сотрудничества финно-угорских народов.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на перечисленные выше очевидные достижения на пути интеграции финно-угорских народов России, в развитии этнических процессов, а также межэтнического сотрудничества, сохраняется немало нерешенных проблем.

В.Ф. Кирдяшов выделяет следующие факторы, тормозящие становление финно-угорского мира как реальной этнокультурной конструкции:

1. Антисистемная позиция отдельных объединений и организаций.

К сожалению, некоторые участники пытаются использовать трибуны всероссийских и международных финно-угорских форумов для выражения собственных политико-конъюнктурных интересов. Так, после IV Всемирного конгресса все чаще появляются различные резолюции и доклады европейских структур

по поводу якобы трагического положения финно-угорских народов и их культуры в России.

2. Естественное снижение активности этнических процессов.

Авторы, исследующие сепаратистские процессы в России 90-х гг. XX в., отмечают, что одной из главных причин отхода на второй план центроостремительных сил в регионах стал естественный процесс затухания колебаний политической системы страны. Некоторые из проявлений этой активности носили негативный характер (стремление Чечни, Татарстана, Башкортостана и ряда других регионов диктовать свои условия Центру), другие же можно рассматривать как исключительно положительные.

3. Информационный вакуум.

Далеко не каждая из числа организаций, выражающих интересы того или иного финно-угорского народа, достойно представлена в медиа-потоках современной России. По-прежнему довольно незначительно число газет, теле- и радиопередач, инициированных НКА и другими организациями. Особенно показательна ситуация, сложившаяся в сети Интернет, которая, казалось бы, просто призвана для объединения людей одного этноса, разбросанных по территории огромной страны. Увы, собственные сайты есть сегодня лишь у небольшого круга финно-угорских объединений, и они обновляются далеко не регулярно. Остальные организации чаще всего представлены раз и навсегда замершими «визитными карточками» на порталах госвласти. В основном же рупором финно-угорских организаций является сайт www.finnougoria.ru [4, с. 92].

Участившиеся связи различных объединений между собой позволили некоторым авторам сделать вывод о «финно-угорском мире» как об уже состоявшемся явлении. Вероятно, его становление пока находится в процессе. Безусловно, контакты между финно-угорскими народами крепнут, пространство их расширяется. Другое дело, что эта объективная реальность используется некоторыми лидерами национальных движений и организаций не для единения народов страны в единую гражданскую нацию, а их противостояния. В некоторых случаях деятельность таких активистов объясняется корыстными целями и саморекламой.

Сегодня становится очевидным, что без преодоления недочетов и недоработок в развитии финно-угорских движений в России невозможен их переход на новый качественный уровень. Соответственно, и судьба формирующегося финно-угорского мира во многом зависит от того, насколько успешно будет проведена эта «работа над ошибками».

При всем при этом на данный момент уже очевидно, что отдельные сложности на пути дальнейшей интеграции финно-угорских народов России никак не отменяют значительных позитивных результатов, достигнутых за десятилетия сотрудничества. В настоящее время объединения финно-угорских этносов вносят заметный вклад в процесс гражданского нацистроительства в Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. В Лахти пройдет Открытый финно-угорский конгресс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uralistica.com/profiles/blogs/opencongress-ru> (дата обращения: 20.02.2020).

2. VIII Всемирный конгресс финно-угорских народов переносится [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.fennougria.ee/viii-vsemirnyj-kongress-finno-ugorskih-narodov-perenositnya-2> (дата обращения: 20.02.2020).

3. Кирдяшов В.Ф. Всемирные конгрессы финно-угорских народов как фактор единения и конфликтности (к итогам V Всемирного конгресса финно-угорских народов) // Финно-угорский мир. 2008. № 1 (1). С. 22–27.
4. Кирдяшов В.Ф., Мальченков С.А. Всемирные конгрессы финно-угорских народов в контексте формирования единого «Финно-угорского мира» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8–2 (22). С. 87–92.
5. Мясникова А.Б. Этапы становления и развития финно-угорского мира // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 52–58.
6. Президенты трех стран открыли финно-угорский конгресс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://maguver.com/2016/06/15/prezid-3-str> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Съезд финно-угорских народов подвел итоги своей работы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.finnougoria.ru/news/51276> (дата обращения: 20.02.2020).
8. Третий Всемирный конгресс финно-угорских народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finnougoria.ru/chronicle/2000/index.php?SECTION_ID=965&ELEMENT_ID=9950 (дата обращения: 20.02.2020).
9. 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства // Регионоведение. 2010. № 1 (70). С. 4–8.
10. Шабает Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Ин-т сервиса и экономики; ИЭА РАН, 2010. 275 с.

S.A. Malchenkov

ROLE OF FINNO-UGRIC UNIONS IN THE BUILDING OF THE ALL-RUSSIAN CIVIL NATION

Annotation. The article analyzes the principles of formation and the main directions of activity of such socio-political associations as the Congress of Finno-Ugric peoples of the Russian Federation and the World Congress of Finno-Ugric peoples. The author comes to the conclusion that while in the early 1990s these projects carried a significant separatist potential, in the 21st century they make a large contribution to the development and strengthening of national unity.

Keywords: ethnos, ethnicity, Finno-Ugric peoples, congress, nation, nation-building.

МОРДОВИЯ КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦСТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного национального строительства в одной из республик Поволжья – Республике Мордовия; приводятся основные направления и результаты осуществления последовательной государственной национальной политики в регионе в контексте развития ее государственности; сделаны обоснованные выводы об эффективности национальной политики в регионе.

Ключевые слова: национальная политика, национальное строительство, региональная экономика, история.

Вопросы национального строительства, укрепления межэтнического и межрелигиозного согласия, сохранения и приумножения традиций, единства народов России, достижения духовно-нравственной и социально-политической гармонии всегда актуальны с позиций теории национальной безопасности, практики формирования и реализации национальной государственной политики.

Система взаимосвязанных проблем развития национальных отношений между народами, часто именуемая национальным вопросом, формируется под влиянием территориальных, экологических, экономических, политических, правовых, языковых, морально-психологических, внешних и внутренних факторов, меняясь на каждом историческом этапе. В современных условиях основное содержание национального вопроса заключается в свободном и всестороннем развитии всех народов, расширении их сотрудничества и гармоничном сочетании их национальных интересов, которое обеспечивается государственной национальной политикой, которая применительно к Республике Мордовия является целью данного исследования.

Национальная политика изначально была призвана снижать риски в области межэтнических отношений и способствовать решению социально-экономических задач. Начиная с 2012 г. в связи с принятием Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. повысилась ответственность региональных властей за состояние межнациональных отношений, актуализировав потребность в выработке эффективной национальной политики в каждом регионе [8, с. 6; 3; 12].

Обзор работ по данной проблематике начнем со статьи В.В. Черниковой, которая, проанализировав высокую межнациональную напряженность в начале 2000-х гг. на примере Воронежской области, выявила обратную взаимозависимость и доказала, как в сложной социально-экономической ситуации усиливается межнациональная напряженность, и наоборот, – положение в межнациональной

сфере напрямую влияет на социально-политическую стабильность. Автор также подчеркивает, что постоянство и доброжелательность в межэтнических отношениях стимулируют инвестиции в развитие региона [16, с. 774–775].

Еще В.И. Ленин, разрабатывая вопрос о территориальной автономии, решительно выступил против националистических идей создания «чисто национальных» государственно-административных единиц. Он также предупреждал, что в расчет должны приниматься экономические, национальные, культурно-бытовые факторы с учетом прав национальных меньшинств, при неуклонном соблюдении принципов интернационализма, а не из чисто этнографического принципа по преобладающей на территории национальности [13].

Знаменательно, что первое заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации под председательством В.В. Путина прошло именно в столице республики Мордовия г. Саранске. Современная национальная политика региона базируется в том числе на изучении истории ее государственности.

Национальной проблематике посвятили работы региональные историки и экономисты (В.К. Абрамов, Р.К. Абрамов, О.А. Богатова, С.А. Ивлиев, А.И. Карьгин, Г.А. Куршева, Е.П. Лезина, Н.Ф. Мокшин, В.Ф. Разживин, А.В. Фомин, В.В. Черникова, Н.В. Шилов, И.В. Широкова, В.А. Юрченков и др.) [15, с. 6].

Например, В.К. Абрамов и Н.Ф. Мокшин отстаивали идеи единства мордовского народа [11]. Е.П. Лезина сделала анализ государственного строительства Мордовской АССР, начиная с 1978 по 1990 г. [6]. Работа А.В. Фомина посвящена национальным общественным организациям и власти в Мордовии в конце 1980-х – середине 2010-х гг. [15]. В свою очередь Г.А. Куршева охарактеризовала Мордовию как весьма специфический регион в рамках Среднего Поволжья, анализируя связь конституционирования республики с национально-государственным строительством мордовского народа в составе народов Среднего Поволжья в первые десятилетия советской власти [5, с. 106].

Следует отметить, что в Конституции МАССР 1978 г. впервые, в отличие от предшествующих, Мордовия признавалась социалистическим общенародным государством, выражающим волю и интересы трудящихся всех национальностей; определено ее административное деление на 21 район и города республиканского подчинения, такие как Саранск, Ковылкино, Рузаевка [6].

В 2019 г. исполнилось 25 лет с момента создания в Мордовии Комитета по национальной политике, на базе которого впоследствии было образовано Министерство по национальной политике Республики Мордовия, в начале 2017 г. переструктурировано в Министерство культуры, национальной политики, туризма и архивного дела, а позднее – в Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия. Такое название важного органа исполнительной власти, участвующего в реализации государственной политики, не случайно, потому что национальная политика в регионе тесно связана с культурой и историей народов, которые в Мордовии совместно решают задачи социально-экономического и духовного развития.

Это особенно значимо в связи с тем, что современная информационная война направлена на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем распространения низкокачественной продукции массовой культу-

ры, пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижения роли русского языка в мире, качества его преподавания, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры, отнесенные к угрозам национальной безопасности в области культуры [9, с. 6–7]. С утверждением в 2016 г. Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. в России была поставлена новая основная задача – создание современной модели культурной политики, основанной на многообразии ее субъектов.

Показательно то, что Республику Мордовию как одну из наиболее активных выделили в числе 6 регионов страны, наиболее успешно реализующих мероприятия в рамках национального проекта «Культура» [3]. Соответствующим образом в Мордовии реализуется и политика в сфере межнациональных отношений. Она опирается на базовые положения единой национальной политики Российской Федерации, ориентируясь на обеспечение свободного и равноправного развития всех народов, всех граждан независимо от национальной принадлежности. Так, в 2016 г. в процессе взаимодействия с Федеральным агентством по делам национальностей в регионе была внедрена Система мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Республика Мордовия по показателю стабильности этноконфессиональных отношений заняла 7-е место среди субъектов Федерации и 1-е место в Приволжском федеральном округе.

Безусловно это связано с тем, что приоритеты проводимой в Мордовии национальной политики направлены на удовлетворение интересов и потребностей граждан всех национальностей и конфессий. Создать условия для сохранения и развития общей истории проживающих вместе народов – совместная задача органов государственной власти и институтов гражданского общества региона [10, с. 8–9].

Республика Мордовия – неотъемлемая часть многонациональной России, исторический опыт которой постоянно пополняется и обогащается сотрудничеством представителей 119 национальностей, 489 религиозных организаций, 25 национальных общественных объединений, миролюбиво соседствующих и взаимодополняющих друг друга на территории республики. Только в Мордовском государственном университете им. Н.И. Огарева учатся представители из 57 стран.

Сегодня в регионе созданы все условия для эффективного этнокультурного развития этнических общностей, являясь мощным стимулом межрегионального и международного торгово-экономического, культурного, научно-технического сотрудничества в сфере регулирования национальных отношений. На территории республики официально зарегистрированы 26 национально-культурных автономий и объединений, самая крупная из которых – Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского, эрзянского) народа. Активно работают национально-ориентированные организации, включая Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов Российской Федерации», Мордовский региональный финно-угорский общественный фонд культурного и экономического сотрудничества «Масторава», Региональную национально-культурную автономию татар Республики Мордовия «Якташлар» (Земляки), Национально-культурную автономию украинцев Саранска, региональные отделения общероссийских обществ

венных организаций «Союз армян России» и «Всероссийский азербайджанский конгресс», Еврейскую национально-культурную автономию Саранска, Поволжский центр культур финно-угорских народов и др. [15, с. 142–143].

В том, что в Мордовии между людьми разных национальностей присутствуют уважение и понимание, большая заслуга руководства республики и, в частности, Главы республики В.Д. Волкова. В Послании Государственному Собранию Республики Мордовия он подчеркнул необходимость сделать богатейшую мордовскую культуру максимально востребованной и доступной для всего населения без исключения, в том числе в цифровом формате [9].

В республике создана благоприятная атмосфера, способствующая гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, предупреждению конфликтов. Поэтому преобладающее большинство жителей положительно оценивают межнациональные и межконфессиональные отношения в республике, а также отмечают низкий уровень конфликтности. Так, исследователи О.А. Богатова, А.И. Карьгин выявили зависимость между уровнем межнациональной напряженности и ухудшением социально-экономической ситуации в регионе. Она прямо пропорциональная. Для межнациональных отношений в Мордовии характерна толерантность, а отдельные случаи межэтнической неприязни не критичны, и уровень их напряженности невысокий. Это подтверждается результатами социологического опроса, взятыми в динамике по отношению к результатам прошлых исследований — в регионе наблюдаются изменения в сторону существенного улучшения взаимодействия между представителями разных национальностей [2, с. 88].

Нельзя, однако забывать, как в 2000-х гг. стали притчей во языцех проявления религиозного экстремизма жителей нескольких сел Мордовии, исповедующих ислам, — последователей ваххабизма. Несмотря на то, что ситуация с этого времени кардинально изменилась, ни в коем случае нельзя оставлять без внимания эти и другие проявления экстремизма и национализма. Важно понимать, насколько национальный вопрос щепетильный, требующий к себе постоянного внимания [17].

С 1990-х до середины 2010-х гг. между органами государственной власти и представителями проживающих в Мордовии национальностей сформировалась своеобразная модель успешного взаимодействия и социального партнерства, способствующая этнополитической стабильности, эффективному социально-экономическому развитию Мордовии, служа примером для других, особенно проблемных в этом отношении российских регионов [15, с. 4].

Нельзя не согласиться с С. Магеровской, что патриот способен и должен обороняться, если того требуют интересы его народа, но не по национальному признаку в ответ на агрессию, осуществляемую другим этносом, то есть патриот бьет не весь этнос, а конкретного агрессора [7]. Однако здесь представляется уместным привести цитату О.А. Богатовой, А.И. Карьгина, констатирующих, что в Мордовии сегодня отсутствуют какие-либо «неконтролируемые конфликтогенные факторы, связанные с деятельностью социальных движений или организаций» [2, с. 88], проявления этнических конфликтов, насилия, дискриминации по национальному признаку. Этому способствует также и своевременная работа республиканских СМИ по освещению национальных проблем, направленная на формирование доброжелательных межнациональных отношений.

Детерминирующие институциональные факторы национальных отношений в Мордовии оцениваются в основном положительно. Подавляющее большинство участников социологического опроса позитивно отзываються о политических мероприятиях руководства республики, и в частности, съездах мордовского народа [2, с. 81–88]. Под девизом «Мордовский (мокшанский и эрзянский) народ в едином культурном коде многонациональной России» 23–25 октября 2019 г. состоялся VII съезд Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, где был взят курс на консолидацию всех народов, населяющих территорию республики, а также мордвы за ее пределами.

Все вышесказанное подтверждается данными современной статистики, которые показывают снижение межнациональной напряженности, характерной для начала 2000-х гг., и обусловленной, большей частью, экономическими причинами. Сравним как изменились данные о национальном составе жителей Республики Мордовия с 1939 по 2010 г. по переписям населения (см.: табл. 1) [11].

Таблица 1

Национальный состав населения Республики Мордовия с 1939 г. по 2010 г. по переписям (в % ко всему населению)*

	1939 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Отклонение, в %		
							1979/ 1939	2010/ 1970	+ (-)
Мордва	34,09	35,4	34,2	32,5	31,9	39,9	0,11	4,5	4,39
Русские	60,53	58,9	59,7	60,8	60,8	53,2	-0,83	-5,7	-4,87
Татары	3,99	4,4	4,6	4,9	5,2	5,2	0,61	0,8	0,19
Украинцы	0,64	0,6	0,6	0,7	0,5	0,4	-0,04	-0,2	-0,16
Армяне	0,03	0,02	0,04	0,08	0,1	0,2	0,01	0,18	0,17
Чуваши	0,03	0,08	0,1	0,1	0,1	0,1	0,07	0,02	-0,05
Белорусы	0,24	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	-0,04	-0,1	-0,06
Азербайджанцы	0,01	0,01	0,04	0,07	0,08	0,09	0,03	0,08	0,05
Узбеки	0,02	0,02	0,04	0,04	0,05	0,07	0,02	0,05	0,03
Цыгане	0,01	0,05	0,02	0,05	0,05	0,06	0,01	0,01	0,00
Таджики	0,00	0,0	0,01	0,02	0,04	0,05	0,01	0,05	0,04
Грузины	0,04	0,01	0,02	0,03	0,04	0,04	-0,02	0,03	0,05
Немцы	0,04	0,02	0,02	0,03	0,04	0,03	-0,02	0,01	0,03
Молдаване	0,01	0,03	0,05	0,03	0,03	0,03	0,04	0,00	-0,04
Марийцы	0,01	0,02	0,02	0,03	0,03	0,02	0,01	0,00	-0,01
Евреи	0,13	0,06	0,05	0,03	0,02	0,02	-0,08	-0,04	0,04
Башкиры	0,01	0,0	0,01	0,02	0,02	0,02	0,00	0,02	0,02
Казахи	0,02	0,0	0,01	0,02	0,01	0,02	-0,01	0,02	0,03
Удмурты	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,00	-0,01
Другие	0,14	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,06	0,1	0,04

* В таблице представлены все национальности с численностью 100 чел. и выше по итогам переписи населения 2010 г.

В Мордовии снизилась численность русских – на 4,8 %, украинцев – на 0,16 %, а вот численность мордвы увеличилась – на 4,39 %, татар – на 0,19 %,

армян – на 0,17 %, по остальным национальностям ситуация изменилась не сильно, варьируясь в интервале от -0,06 до 0,05 %. Это указывает на стабильность национального состава населения Республики Мордовия и может служить подтверждением эффективности за более чем 80-летний период проводимой в республике национальной политики.

Содружество всех народов, населяющих Российскую Федерацию, в очередной раз продемонстрировало празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, организованное гостеприимной Мордовией на своей земле в 2012 г. в г. Саранске.

В 2014–2015 гг. по всей стране начался рост притока мигрантов и беженцев с Украины, не изменив в целом положительной динамики. На практике культура населения региона трансформировалась от культуры «исключения» – к «культуре гостеприимства» или «культуре признания», признающей вклад иммигрантов в развитие общества и поддерживающей межкультурный диалог, культурное разнообразие, взаимное уважение и взаимную сплоченность [8].

С 2016 г. в регионе применяется практика заключения Соглашений о сотрудничестве в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории республики муниципалитетов с профильным министерством. В республике расширяется опыт социального партнерства, сотрудничества между властью и религиозными организациями. Акцент делается на веру, призванную стать надежным оплотом в укреплении межнациональной дружбы, общечеловеческих ценностей и традиций, воспитателем патриотизма (с ее традиционными религиозными институтами).

В Мордовии одной из первых в Российской Федерации была принята Государственная программа гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений до 2020 г., вошедшая в Рейтинг-20 инвестиционных проектов, отобранных Министерством регионального развития Российской Федерации для финансирования из федерального бюджета. Все действующие региональные программы комплексно-отраслевого и социально ориентированного характера разработаны и приняты в соответствии с современной государственной национальной политикой, и отражают преемственность стратегических документов, принятых на федеральном уровне.

Следует также отметить важную роль в реализации национальной политики Общественной палаты Республики Мордовия, появившейся одной из первых в стране в 2000 г. и позднее сформированной (в 2006 г.) в соответствии с Законом Республики Мордовия «Об Общественной палате Республики Мордовия» для лучшего диалога общественных организаций и властных структур, бизнеса, в процессе участия в общественно-политическом и социально-экономическом развитии региона [10, с. 10].

Способность многонационального общества вовремя предвидеть и разрешать цивилизованными способами межнациональные конфликты – важный показатель его гражданской зрелости и демократизма. Этому способствует и правовое регулирование межнациональных отношений, составляющее важнейшую сферу деятельности правового государства. Всестороннее развитие гражданского общества, демократизация политической системы и создание правового государства – важнейшие социальные предпосылки цивилизованного решения национального вопроса в современных условиях [4]. Современное национальное строительство

должно базироваться на едином культурном коде, основанном на сохранении и развитии исторического и культурного наследия, уважении самобытных традиций всех народов, населяющих обширные просторы России. Для мордвы, в частности, актуальным и животрепещущим вопросом остается сохранение народа. Для этого необходимо: не забывать родной язык (мокшанский или эрзянский), культурные традиции, способствовать повышению уровня жизни сельского мордовского населения, грамотно решать вопросы межнационального и межрегионального сотрудничества, проблемы оздоровления нации, молодежи и национальных кадров и др. [17].

Считаем, что современная национальная политика в регионах, в том числе в Мордовии, должна базироваться на следующих рекомендациях:

- подразделять все вопросы в области национальных отношений на связанные с общественной безопасностью и направленные на оказание содействия национально-культурному развитию народов;

- развивать тесное сотрудничество и содружество граждан-коренных жителей с другими народами, с которыми территориально исторически сложились экономические, политические и культурные связи;

- совместно преодолевать межведомственные, межуровневые и межрегиональные противоречия по вопросам культурного развития;

- каждый народ должен взвешенно использовать свои политические права, учитывая права других народов, закрепленные в документах международных организаций, в том числе Организации Объединенных Наций (ООН): на запрет геноцида и этноцида, на самоидентификацию, суверенитет, самоопределение и самоуправление; сохранение культурной самобытности, включая сферы языка и образования, культурного наследия и народных традиций; на контроль за использованием природных богатств и ресурсов территорий их проживания; доступ к достижениям мировой цивилизации и их Российской Федерации.

Сам факт формирования самосознания мордвы как одного из государствообразующего народа России есть результат современной грамотной государственной национальной политики Российской Федерации, основанной на огромном историческом опыте национального строительства и направленной на дальнейшее развитие межрегионального сотрудничества и сохранения межнационального и межконфессионального согласия среди проживающего на территории региона населения. Это позволяет Мордовии, оставаясь субъектом современной государственной национальной политики, эффективно проводить ее в жизнь. Накопив свой опыт успешных практик в сфере реализации государственной национальной политики, республика может служить образцом успешной региональной модели межнационально-конфессиональных отношений, формирующей национально-культурные традиции, воспроизводящиеся из поколения в поколение. Как показывает история национального строительства, государственность базируется на грамотном и гармоничном решении национального вопроса на территории. Мордовия – регион, отвечающий этим требованиям, где национальное строительство продолжается, сопровождаясь эффективной региональной политикой, проводимой на принципах преемственности национальной политики современного российского государства.

Список источников и литературы

1. *Абрамов В.К.* Мордвини вчера и сегодня: краткие очерки истории мордовской государственности и национального движения. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. 240 с.
2. *Богатова О.А., Карьгин А.И.* Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия // *Финно-угорский мир*. 2010. № 1. С. 78–88.
3. Владимир Мединский назвал Мордвию в числе регионов, успешно реализующих нацпроект «Культура». URL: <https://mordov.er.ru/news/2019/5/28/vladimir-medinskij-nazval-mordoviyu-v-chisle-regionov-uspeshno-realizuyushih-nacproekt-kultura/> (дата обращения: 17.03.2020).
4. Гармонизация межнациональных отношений. URL: https://studopedia.ru/5_35491_garmonizatsiya-mezhnatsionalnih-otnosheniy.html (дата обращения: 17.03.2020).
5. *Куришева Г.А.* Поволжье и Мордовия: модернизационные процессы становления мордовской национальной государственности // *Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений*: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2 ч. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова. 2013, г. Самара. С. 105–110. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24247923_10761849.pdf (дата обращения: 17.03.2020).
6. *Лезина Е.П.* Национально-государственное строительство в Мордовской АССР в 1978–1990 гг. // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15832> (дата обращения: 17.03.2020).
7. *Магеровская С.* Предложения по гармонизации межнациональных отношений <https://pandia.ru/text/78/011/78510.php> (дата обращения: 17.03.2020).
8. Миграционные потоки // *Воронежстат*. URL: http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/resources/b07619004100768c9f4f9fa3e1dde74c/Миграционные_+_потоки_+_в_+январе-марте+2017+года.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
9. Мордовия вошла в топ-10 лидеров в РФ по реализации нацпроекта «Культура». URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2801522.html> (дата обращения: 17.03.2020).
10. Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: Материалы Всероссийской научной конференции (Саранск, 20–21 окт. 2016 г.). В 2 т. / редкол.: Н.А. Подольный, Ю.В. Бурова (отв. ред.) [и др.]. Саранск : Изд. В.С. Афанасьев, 2016. Т. 1. 340 с.
11. Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.): стат. сб. / *Мордовиястат*. Саранск, 2013. 99 с.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения: 17.03.2020).
13. Становление мордовской государственности URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_40/876.htm (дата обращения: 17.03.2020).
14. Тревоги и опасения россиян // *ФОМ*. <http://fom.ru/TSennosti/13306> (дата обращения: 23.03.2020).
15. *Фомин А.В.* Национальные общественные организации и власть в Мордовии в конце 1980-х – середине 2010 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 146 с.
16. *Черникова В.В.* Национальная политика в регионе: новые институты и практики. С. 774–780. URL: https://bookonlime.ru/system/files/node/lecture/9-10_chernikova_774-780.pdf (дата обращения: 17.03.2020).
17. URL: <https://sovetsnational.ru/information-support/news/dvadcat-pyat-let-nacionalnoy-politike-v-mordovii.html> (дата обращения: 17.03.2020).

E.G. Vorobyeva

MORDOVIA AS A SUBJECT OF MODERN STATE NATIONAL POLICY
IN THE CONTEXT OF NATIONAL CONSTRUCTION

Annotation. The article discusses the issues of modern national construction in one of the Volga republics – the Republic of Mordovia; The main directions and results of the implementation of a consistent state national policy in the region in the context of the development of its statehood are given reasonable conclusions are made about the effectiveness of national policies in the region.

Keywords: national politics, national construction, regional economy, history.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК БАШКОРТОСТАН И ИНГУШЕТИЯ: КОМПАРАТИВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье проводится анализ ценностей и ценностных ориентаций учительства двух российских регионов – Башкортостана и Ингушетии, отличающихся своими традициями, вероисповеданием, условиями проживания, образом и уровнем жизни. Данный анализ проводится на основе авторского социологического исследования.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, учительство, региональные особенности, компаративистический подход.

Проблема доминирования ценностей личного материального благополучия над ценностями профессиональной самореализации и общественного служения, связанная, в первую очередь, с резким социальным расслоением и актуализацией индивидуалистических ценностных ориентаций, рассматривается нами в качестве одной из актуальных в рамках исследования современных трансформаций образовательной системы российского общества. По оценкам многих исследователей подобное изменение связано, прежде всего, с резким ухудшением материального положения и социального самочувствия педагогов в России, что приводит к повышению значимости указанных ценностей для представителей учительства.

В своем сравнительном исследовании мы попытались выяснить, какое место занимают ценности материального благополучия и индивидуализма среди других витальных и социальных ценностей в учительских сообществах республик Башкортостан (РБ) и Ингушетия (РИ), выявить наиболее значимые ценностные приоритеты, раскрыть структуру учительских предпочтений в мире ценностей. С этой целью нами была произведена группировка терминальных и инструментальных ценностей на четыре категории, разделяющие преимущественно материальные или духовные ориентации с учетом индивидуалистических или общественно-значимых способов (стратегий) их достижения. На основе данных концептуальных построений разработаны соответствующие шкалы оценок и стандартизированный опросник. Первичный опрос проведен по сопоставимым выборочным совокупностям учительских сообществ РБ и РИ с использованием единого инструментария.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что витальные ценности и ценности материального достатка выдвинулись на первое место среди ценностных ориентаций и предпочтений учительского сообщества, что во многом обусловлено так называемым «закритическим» характером возможностей их удовлетворения в текущий период жизни страны. Полученные нами результаты в об-

щем согласуются с данными других авторов, полученными по результатам исследований в г. Уфе [8] в плане первостепенной значимости витальных, семейных ценностей и материального достатка. Согласно нашим данным, в обеих республиках на первых местах по важности стоят «здоровье» и «материальный достаток» по сравнению с ценностями профессиональной самореализации («интересная работа»), в отличие от упомянутых выше исследований, в которых «интересная работа» занимала третье место по значимости терминальных ценностей.

Высокая нервная напряженность труда и перегруженность на работе, низкий уровень доходов негативно сказываются на состоянии здоровья учителей, что в конечном итоге актуализирует для них проблему поддержания здоровья и достойного уровня жизни.

Второе значимое место среди терминальных ценностей учительства, согласно нашему исследованию, занимает «материальный достаток». Почти половина и женщин, и мужчин учителей Башкирии, и две трети мужчин и женщин учителей в Ингушетии выразили беспокойство по поводу своего материального положения, при этом ценности материального достатка более насущны для жителей Ингушетии. Результаты достаточно определенно отражают самоидентификацию социально-профессиональной группы учительства с бедностью и социальной униженностью. В Ингушетии лишь около трети педагогов-женщин и четверть педагогов-мужчин, по их мнению, находятся в относительно благополучном материальном положении. В Башкирии близкие показатели: педагоги-мужчины – 29 %; педагоги-женщины – 24 %. Существенные различия мы можем отметить для категории респондентов до 30 лет. В Ингушетии почти половина молодых учителей, с их точки зрения, находятся в относительно благополучном материальном положении, а в Башкирии – лишь каждый пятый. Данная констатация, по нашему мнению, обусловлена тем, что в Ингушетии дети, вырастая, в основном не покидают свои родительские дома, и даже мужчины, создав свою семью, зачастую остаются жить в родительском доме, где выше возможности взаимопомощи и материальной поддержки. Однако данное положение создает для них дополнительные материальные затруднения в зрелом возрасте.

В полном достатке, по мнению респондентов, живут лишь незначительные доли учителей-женщин в РИ и РБ, при полном отсутствии среди таковых мужчин-учителей. Половина опрошенных относят себя к категории людей, испытывающих острые финансовые затруднения, чей заработок может обеспечить удовлетворение лишь самых необходимых нужд (питание, одежда). Каждый десятый учитель в РБ и каждая пятая женщина-педагог в РИ (25 % среди мужчин) – не имеют даже этой возможности («денег не хватает даже на еду»).

Весьма показательной является динамика изменения материальной обеспеченности учителей в общероссийском масштабе. Так, по данным общероссийского исследования Центра социологии образования РАН, если в начале 1990-х гг. практически каждый второй учитель относил себя к среднеобеспеченному слою общества, то сегодня подавляющее большинство педагогов относят себя к категории бедных. За 30 лет число педагогов, считающих себя недостаточно обеспеченными, увеличилось с 15,9 до 37,2 %, что демонстрирует резкое ухудшение социального самочувствия российского учительства [7, с. 2].

Ситуация, связанная с жилищными условиями учительства в России, уже в течение многих лет расценивается исследователями как неудовлетворительная.

В частности, В.А. Буравихин, ссылаясь на общероссийские данные статистики, согласно которым каждый пятый учитель в России расценивает жилищные условия как плохие, а каждый третий — как весьма посредственные, замечает, что перспективы учителей в этом отношении «туманны», так как система образования практически не располагает собственными фондами социального развития [2, с. 63]. В Башкирии, как обнаруживается на основе проведенных нами интервью, молодежь больше стремится к самостоятельности и желает жить отдельно, даже не имея собственного жилья, прибегая к съемному жилью. В РБ каждый пятый молодой учитель среди опрошенных снимает квартиру или проживает в общежитии. В Ингушетии подавляющая доля ответивших респондентов до 30 лет проживает с родителями (86 %), в Башкирии — лишь каждый третий. С возрастом данный показатель в Ингушетии уменьшается, но среди ответивших даже после 45 лет примерно каждый пятый учитель продолжает проживать с родителями.

Анализ распределения оценок показывает картину формирования в учительской среде расслоения по признаку материального достатка, что делает возможным выделить внутри данной социально-профессиональной группы так называемых «малообеспеченных», составляющих подавляющее большинство опрошенных (75 % — по Башкирии и 73 % — по Ингушетии), «среднеобеспеченных» и тяготеющих скорее к «малообеспеченным» (23 % из ответивших по РБ и по РИ) и «обеспеченных» (весьма незначительная доля).

Мы попытались выяснить, что же хотелось бы приобрести учителям в первую очередь в условиях трудного материального положения.

Как оказалось, треть ответивших респондентов в РИ и почти половина учителей РБ наибольшую нехватку испытывают в жилье. На втором месте у респондентов Башкирии и на третьем у респондентов Ингушетии стоит потребность в различных предметах одежды, составляющей важный элемент имиджа учителя и хорошего стиля и вкуса для учащихся (21 % — РБ, 19 % — РИ). Большое желание приобрести автомобиль выявлено у 18 % опрошенных в Ингушетии, преимущественно — это респонденты до 30 лет (30 %), мужчины (25 %). В Башкирии автомобиль хотели бы приобрести 6 % опрошенных.

Потребность в продуктах питания у 20 % педагогов РБ лишней раз подчеркивает остроту создавшегося для них положения, преимущественно — это учителя в возрасте старше 45 лет (27 %). В Ингушетии эту же потребность отмечают 6 % опрошенных, а для учителей старше 45 лет она актуальна для 3 %, что в очередной раз доказывает, что в РИ слишком высоко ценятся отношения взаимовыручки и взаимопомощи между родственниками, а также отношение детей к родителям, которые просто не имеют права допустить, чтобы их родители в чем-то нуждались, а тем более испытывали недостаток в питании.

Проблемы, связанные с такими предметами обстановки, как «бытовая техника» и предметы мебели выявлены у 7 % опрошенных в РБ и 12 % опрошенных учителей в РИ. Так же менее значимы оказались «украшения, драгоценности» (1 % — РБ и 6 % — РИ), что показывает невысокую потребность учителей в предметах роскоши.

Переживаемые учителями «материальные трудности» и желание приобрести лишь самое необходимое для жизни, определили доминирование среди респондентов так называемых «малообеспеченных». На вопрос «Что мешает обеспечению нормальных материальных условий жизни?», в качестве главной причины

трудного материального положения в Башкирии три четверти учителей выделили «низкий уровень оплаты труда», а две трети учителей Ингушетии указали в качестве таковой – «необходимость помощи родителям, родственникам». Фактор традиции совместного проживания и взаимопомощи родителей и детей, тесных родственных связей в Ингушетии, снижая остроту материальных проблем в молодом возрасте, накладывает обязательства перед родителями и родственниками, что создает для них дополнительные материальные трудности уже в зрелом возрасте. Испытываемые материальные затруднения вынуждают учителей искать источники пополнения семейного бюджета, часто вне школы.

Такие особенности профессии педагога, как загруженность в течение большей половины дня (уроки ведутся, как правило, и в первую, и во вторую смену), необходимость подготовки и планирования уроков, внеклассной работы, проверка тетрадей, занятие самообразованием во вне рабочее время значительно затрудняют возможность как-либо повлиять на улучшение материального положения за счет дополнительной занятости. Тем не менее, в Башкирии каждый пятый из ответивших занимается репетиторством, в Ингушетии этот показатель незначителен. По всей видимости, данный вид услуг в Ингушетии не пользуется значительным спросом.

Учителя в Башкирии, как и многие другие категории наемных работников и служащих, часто практикуют альтернативные способы получения дополнительного, «неденежного» дохода в форме натурального продукта с садово-огородных участков. Жителями Ингушетии данный источник дохода пополняется в основном за счет разведения домашнего скота.

Издавна в хозяйственном быту населения Ингушетии ведущее место занимало скотоводство. Скот служил торговым (денежным) эквивалентом. Хорошие климатические условия и богатые угодья дают возможность содержать домашних животных (овцы, коровы, лошади, волы) [5]. Однако, видимо, в силу большей трудоемкости данного занятия, учительские семьи в Ингушетии не имеют возможности его широко практиковать. Среди дополнительных источников дохода каждый второй учитель Ингушетии (55 %) отметил помощь родственников. Случайные кратковременные заработки находит примерно каждый пятый учитель в РБ и РИ, причем в РБ больше мужчины (37 %), а в Ингушетии – женщины (25 %).

В условиях поддержания материальных условий жизни учителя постоянно ощущают нехватку времени для личной жизни и общения со своими детьми.

Практически сопоставима по значимости с материальным достатком для респондентов ценность семьи. Примечательно, что значимость витальных и семейных ценностей примерно в одинаковых пропорциях выбрали как учителя Республики Башкортостан, так и Республики Ингушетия. Ценность здоровья и семейные ценности сопоставимо значимы как для женщин и мужчин названных республик, так и для различных их возрастных категорий. Данное соотношение терминальных ценностей в целом подкрепляется соответствующей иерархией инструментальных ценностных ориентаций: «долг перед родителями», «высокая нравственность», «уважение к старшим».

Остаточный принцип государственного финансирования социального сектора экономики, в частности сферы образования, наиболее сильно, по мнению многих исследователей, отразился на представителях педагогической интеллиген-

ции. Несмотря на периодические повышения тарифных ставок и окладов, положение с оплатой труда работников образования в целом не лучше по сравнению с другими категориями бюджетных служащих. Согласно установленной единой тарификационной сетке, учителя занимают разряды с восьмого по четырнадцатый, при этом на практике оклады даже по наиболее высоким разрядам едва обеспечивают педагогическим работникам прожиточный минимум. Особенно в трудном положении в данной ситуации оказались молодые учителя, которые, столкнувшись с низкой оплатой своего труда, часто, уже в первые месяцы своей педагогической деятельности начинают задумываться о смене профессии. Опрошенные учителя обеих республик в основной своей массе не считают профессию учителя престижной (84 % в РБ и 70 % в РИ) и на вопрос «Готовы ли вы поменять профессию учителя?» в РБ 40 % и в РИ 44 % выбрали вариант ответа «готов и собираюсь», причем, из ответивших учителей до 30 лет выбрали именно этот вариант ответа в РБ – 59 % и в РИ – 74 %. Среди учителей старшего поколения, старше 45 лет, выбрали вариант «не готов и не собираюсь» в РБ 76 % и в РИ 73 %.

Еще в конце 60-х гг. XX в. новосибирские социологи выявили лишь 20 % учителей, желающих сменить профессию, реально же намеревались выполнить свое желание не более 10 %. В ходе изучения социального положения учительства в Татарии в 1988–1989 гг. было установлено, что 32,6 % опрошенных размышляют о переходе на другую работу [4].

В 1994 г. учительство г. Санкт-Петербурга проявило большую преданность идее применять свои знания и силы в сфере педагогики – если бы представилась возможность, профессию поменяли бы 14 % учителей, а 70 % остались бы трудиться в школе [9].

Данный фактор, по нашему мнению, должен стать стимулом к скорейшему модифицированию сложившейся пагубной ситуации, когда деятельность по формированию личности учащегося, ранее интересная и увлекательная для подавляющего большинства педагогов, в настоящее время не выступает как весомая ценность для них.

С учетом актуальности обозначенной ситуации, мы постарались выявить, в чем именно учителя сегодня видят основной смысл своей профессии и общественную значимость своего труда в современной школе. Позиция «формирование знаний по предметам», при этом нами не была включена в число возможных вариантов ответа, так как заранее подразумевается, что учителя в силу своей профессии обязаны заниматься обучением учащихся. В итоге вопрос был сформулирован следующим образом: «В чем, по вашему мнению, должна заключаться главная роль учителя помимо обучения?» (рис. 1).

Опрос показал, что точки зрения учителей четко дифференцированы по отношению к предложенному, позволяя говорить как о наиболее, так и менее всего предпочитаемых ими целях в работе педагога. В первую, самую многочисленную группу, попадают идеи «выработки нравственных идеалов и стереотипов», то есть половина опрошенных учителей Ингушетии и почти столько же опрошенных в Башкирии основной функцией учителя школы считают именно воспитание определенной нравственной позиции у учащихся. На наш взгляд, это свидетельство выраженной гуманистической направленности опрошенных, стре-

мящихся показать ученикам значимую важность прежде всего нравственных основ в человеке.

Ориентация на создание у молодежи системы практических навыков («помощь в преодолении жизненных трудностей») во время учебы, и особенно по ее окончании, заметна почти у трети респондентов (30,7 % – РБ и 26,5 % – РИ), преимущественно у женщин – 46,6 % ответивших учителей Башкирии и 52,9 % учителей Ингушетии (мужчины – 33,3 % – РБ; 44,7 % – РИ).

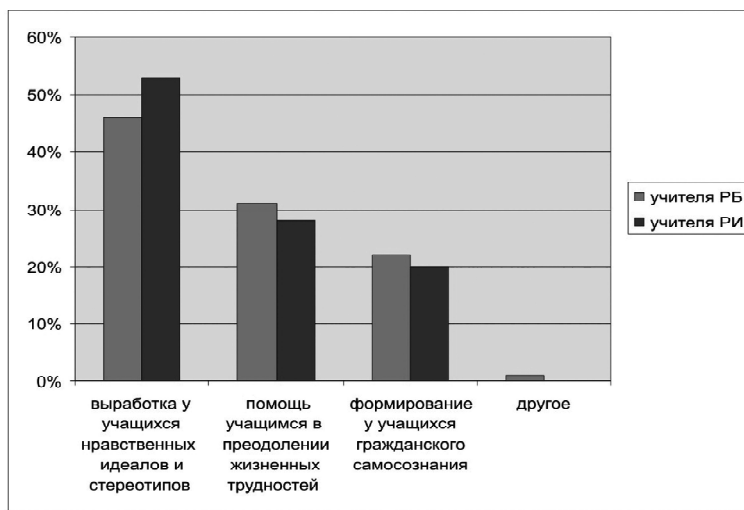

Рис. 1. Главная роль учителя, помимо обучения, с точки зрения педагогов Республики Башкортостан и Республики Ингушетии (в %)

Анализ ответов учителей, касающихся их профессиональной деятельности, свидетельствует о наличии острого противоречия, последовательно назревающего в среде педагогов в последние годы. Оно заключается в том, что учитель, занимающийся высокотехнологичным интеллектуальным трудом, в котором всей историей его развития предписаны и приняты на каждом этапе те или иные методы отбора и подачи учебного материала, его дозирования, чрезвычайно низко оценивается и поддерживается обществом, различными государственными структурами. Падение престижа учительской профессии, создание часто нетерпимых условий для работы и жизни приводят в конечном итоге к потере веры в необходимость продолжения своего труда и выражается готовностью 44,2 % опрошенных педагогов Ингушетии и 39,8 % опрошенных Башкирии оставить любимую работу, до сих пор удовлетворяющую 89,2 % ответивших в Ингушетии и 88,4 % ответивших в Башкирии.

Основная масса опрошенных учителей в обеих республиках не удовлетворены своей работой и положением в обществе и не считают свою профессию престижной. Молодые учителя, имея больше сил, активности, здоровья и возможностей для осуществления в реальности своего желания сменить профессию учителя на более престижную – могут на что-то рассчитывать, в отличие от учителей преклонного возраста, которые вынуждены мириться с тем, что происходит во-

круг, не имея сил и времени на изменение того, что их тоже никак не удовлетворяет.

С нашей точки зрения наблюдается «отчуждение труда», что разумно никак не сопоставляется с творческой профессией, к которой относится профессия учителя. Ценность «интересная работа» в нашем исследовании оказалась на последнем месте в списке терминальных ценностей, что еще раз подтверждает пониженный интерес учителей к своей профессиональной деятельности.

Возвращаясь к фактологическому материалу, нужно отметить, что в 1997 г. при исследовании жизненных ценностей учителей школ г. Ярославля В.Ю. Горшковым и М.С. Комаровым, ценность «общение» оказалась на третьем месте [6]. В 2000 г. при исследовании социальных ценностей учителей школ г. Улан-Удэ, П.Г. Данзановым, ценность «человеческое общение» занимала уже шестое место в списке терминальных ценностей [3].

Итак, анализ структур ценностных ориентаций учителей в двух республиках показывает их значительную детерминированность материальными факторами — крайне низким уровнем оплаты труда, неудовлетворительными бытовыми и жилищными условиями, необходимостью иметь дополнительные источники дохода помимо профессиональной деятельности, что несомненно снижает возможности для самореализации личности учителя, его культурного и профессионального роста.

Наше исследование коррелирует с выводами по другим исследованиям, что по характеру своих ценностных установок и предпочтений, по структуре досуга и культурным интересам современное российское учительство существенно не отличается от других социальных групп (М.С. Комаров, В.Ю. Горшков, 1997; П.Г. Данзанов, 2001; Мухамеджанова, 2002). Во многом факторами, ускоряющими этот процесс, являются действительное (не на словах, а на деле) пренебрежительное отношение к учительству со стороны новой правящей политической и экономической элиты российского общества, с одной стороны, и профессиональной дезориентацией учительства — с другой. Суть проблемы ценностных трансформаций учительства мы усматриваем в изменившихся под давлением современных рыночных реалий самих критериев оценки профессиональной и общественной роли учителя. Профессионалом сегодня считают учителя, способного дать сумму знаний и умений, необходимых для формирования будущей конкурентоспособной рабочей силы, а не учителя, формирующего личность ученика и гражданина. Подобный общественный «заказ» выхолащивает общественную роль учителя, превращая его в работника, оказывающего профессиональные услуги потребителям рынка образовательных услуг [1].

Исходя из этого, следует констатировать, что учителя оказались в сложной личной и профессиональной ситуации, и причина заключается не только в проблемах материального характера. Частые смены направлений политики реформирования системы общего образования, сложности во взаимопонимании учителей и учащейся молодежи — это только часть факторов, дестабилизирующих деятельность педагогов. Одной из проблем, имеющих принципиальное значение, является отсутствие четкой системы задач, которые ставятся перед учителями по формированию нового поколения россиян, стратегия их деятельности в этом направлении.

Эти и другие названные выше факторы обуславливают эффект «отчуждения труда», что разумно никак не сопоставляется с творческой профессией учителя. Ценность «интересная работа» в нашем исследовании оказалась на последнем месте в списке терминальных ценностей, что еще раз подтверждает пониженный интерес учителей к своей профессиональной деятельности. Подобные трансформации структуры ценностных ориентаций означают дальнейшую «пролетаризацию» учительства, нивелировку его общественной роли до уровня одной из многих других обслуживающих функций, реализуемых в сфере оказания услуг населению.

Список литературы

1. *Богатырева М.Р.* Трансформация ценностных ориентаций учительства сквозь призму региональных сравнительных исследований / БашГУ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 80 с.
2. *Буравихин В.А.* Учитель и общество // Педагогика. 1996. № 5. С. 59–64.
3. *Данзанов П.Г.* Социальные ценности современного городского учительства (на материале г. Улан-Удэ): автореф. дис. ... канд. соц. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2001. 22 с.
4. *Зиятдинова Ф.Г.* Социальное положение учителя // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 65–70.
5. *Кодзоев Н.Д.* Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX в. Назрань, 2000. 252 с.
6. *Комаров М.С., Горшков В.Ю.* Жизненные ценности учителей г. Ярославля // Ярославский пед. вестник. 1997. № 4. С. 91–97.
7. *Собкин В.С., Равлюк С.Г.* Если будущее вызывает тревогу. Отношение учителя к своей профессии: динамика изменений за 10 лет // Первое сентября. 2001. № 70.
8. *Сомов М.А., Насибуллин Р.Т., Абдуллин М.М.* Школа в лабиринтах ценностей. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. 152 с.
9. Учитель. Школа. Общество: социологический очерк 90-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 154 с.

M.R. Bogatyreva

NATIONAL FEATURES OF VALUE SYSTEMS ORIENTATIONS OF RUSSIAN TEACHING AT THE TURN OF THE CENTURY XX–XXI CENTURIES ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLICS OF BASHKORTOSTAN AND INGUSHETIA: A COMPARATIVE APPROACH

Annotation. The article analyzes the values and value orientations of teaching in two Russian regions – Bashkortostan and Ingushetia, which differ in their traditions, religion, living conditions, way and standard of living. This analysis is carried out on the basis of the author's sociological research.

Keywords: Values, value orientations, teaching, regional characteristics, comparative approach.

ЦЕННОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы образования как единого целенаправленного процесса воспитания и обучения, являющегося общественно значимым вопросом в пространстве государственной национальной политики и осуществляемого в интересах человека, семьи, общества и государства, как совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объемов и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Можно сделать вывод о том, что образование играет очень большую и главную роль в жизни каждого человека. Цель исследования – определить ценностные компоненты современного образования в формировании человеческого капитала в пространстве государственной национальной политики.

Ключевые слова: образование, расходы на образование, человеческий капитал, образовательный потенциал, традиции, электронное обучение, инновационное образование.

Сфера образования является важной социальной отраслью, способствующей созданию условий для формирования и развития человеческого капитала, а также инновационного развития страны. В настоящее время эта сфера претерпевает глубокие и масштабные преобразования. Политика государства в отношении финансирования образования меняется в сторону повышения степени самостоятельности бюджетополучателей с целью более эффективного использования предоставляемых ресурсов [2, с. 55].

В условиях приоритетной поддержки образования со стороны государства система образования должна обеспечить эффективное использование своих ресурсов – человеческих, информационных, материальных, финансовых.

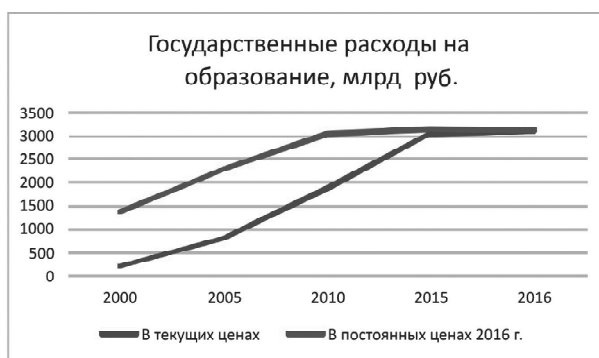

Рис. 1. Государственные расходы на образование в 2000–2016 гг. в Российской Федерации (млрд руб.)

Основные пики роста расходов пришлось на начало XX в., что связано с активным ростом экономики России в это время, резким увеличением налоговых поступлений и ростом федеральной финансовой помощи регионам.

В 2010 г. начинается значительное замедление роста расходов на образование в постоянных ценах, а в 2015 г. — и в текущих, что связано с общими проблемами экономики России и сокращением расходов федерального бюджета (см. рис. 1) [6].

Данные показывают, что максимальное количество средств бюджета направлено на общее образование. Это наблюдается в течение всего анализируемого периода. Между тем в настоящее время осуществляется реформирование образования в целом, и в соответствии с этим появляются альтернативные образовательные учреждения (частные детские сады, школы, вузы); меняется направление бюджетных средств, происходит децентрализация средств, что в свою очередь уменьшает нагрузку на государственный бюджет (см.: рис. 2) [6].

Рис. 2. Государственные расходы на образование по видам в Российской Федерации в 2010–2017 гг. (млрд руб.)

Подавляющее большинство учебных заведений в России являются дошкольными и общеобразовательными организациями. Государство гарантирует гражданам общедоступность и бесплатность начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования. Что же касается среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования, которые можно получить в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, то их также получают бесплатно, но только на основе конкурса. Основное общее образование и государственная аттестация (итоговая) являются обязательными для всех учащихся. Начиная с 2011/12 учебного года наблюдается снижение числа высших учебных заведений как реакция на начавшееся проведение реорганизации вузов. Так, за 5 лет (с 2010 по 2015 г.), количество образовательных учреждений снизилось на 184. И к началу 2015/16 учебного года их осталось 950, что на 16,2 % меньше, чем в 2011/12 учебном году.

Рис. 3. Общее количество образовательных организаций в Российской Федерации в 2010–2018 гг.

Количество учащихся в дошкольных и общеобразовательных организациях медленно, но стабильно растет с каждым годом, что можно связать с общим приростом численности населения Российской Федерации. Число учеников в России, которые пошли в школы в 2018 г., стало рекордным за последние 10 лет и составило 15,6 млн чел., в том числе 1,8 млн первоклассников. В то же время численность студентов в организациях высшего образования и аспирантов неуклонно падает. Специалисты связывают это как с демографическими проблемами, так и с уменьшением популярности высшего образования в целом. Многие специальности, преподаваемые в вузах, на сегодняшний день не пользуются спросом, в том числе и на рынке труда. Кроме того, нельзя упускать из виду и общее сокращение количества вузов – с 1068 в 2010 г. до 860 в 2018 г. Количество студентов в российских вузах снижается десятый год подряд (см.: рис. 3). Пик был пройден в 2008 г., когда студенческий контингент превысил 7,5 млн чел. В 2017 г. он снизился до 4,2 млн, то есть сократился на 44 % по отношению к пиковому значению (см. рис. 4) [8, с. 141].

Рис. 4. Общая численность учащихся в Российской Федерации в 2010–2018 гг. (тыс. чел.)

Количество работников системы образования на протяжении последних 8 лет оставалось относительно стабильным. Исключением являются преподаватели высших учебных заведений, чья численность стабильно понижалась вплоть до 2018 г. (см. рис. 5).

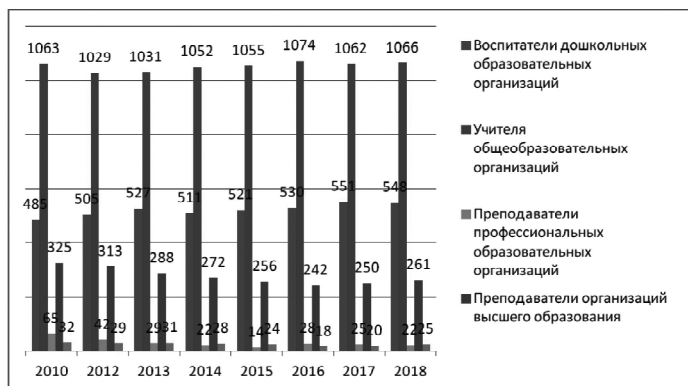

Рис. 5. Численность преподавательского персонала в Российской Федерации в 2010–2018 гг. (тыс. чел.)

Это можно связать как с общим уменьшением количества вузов в стране, так и с майскими указами 2012 г., согласно которым к 2018 г. зарплата вузовских преподавателей и научных сотрудников должна быть в два раза выше средней зарплаты по региону. В то же время дополнительных бюджетных средств для решения этой задачи нет. В условиях, когда ресурсов не хватает, а зарплату, тем не менее, поднимать необходимо, большинству вузов не оставалось иного выбора, кроме как проводить оптимизацию штата сотрудников, то есть фактически сокращать ставки [4, с. 15].

Самый высокий уровень образования в России по статистике в Центральном федеральном округе. Сюда приезжают учиться со всей России. Второе место занимает Приволжский федеральный округ. Здесь наиболее популярным является обучение в Татарстане.

Если смотреть по городам Федерации, то 80 % жителей России считает столичное обучение самым престижным и современным.

Профессиональное образование в стране по статистике входит в десятку самых эффективных. В рейтинге лучших вузов мира находится 21 российское учебное заведение.

Статистика семейного образования также показывает положительные результаты. Эта форма обучения уже перестает быть экзотикой.

Не слишком хорошо в Российской Федерации развито дистанционное обучение. По статистике оно занимает 71-е место в мире. Всего 15 % студентов обучается по этой системе; очень мало методик и программ дистанционного обучения.

Основным натуральным индикатором запаса является показатель числа лет формального обучения. С 1995 г. среднее число накопленных лет возросло на 2,2 года, что свидетельствует о положительной динамике запасов человеческого капитала в России. Также при оценке человеческого капитала рассчитывается по-

казатель удельного веса населения по уровню образования: численность и соотношение лиц с различными уровнями образования среди работающего населения и населения в целом. За период 1989–2010 гг. возросло число лиц с высшим и средним профессиональным образованием, соответственно уменьшилось их количество с более низким уровнем образования (в частности, фактически в 12 раз снизилось число лиц, не имеющих начального общего образования) [3, с. 86]. Интерес представляет изменение числа лиц с начальным профессиональным образованием. К переписи 2002 г. на каждую тыс. населения Башкортостана их было 183 чел., к 2010 г. эта цифра уменьшилась почти в два раза – до 93 чел. (по России, соответственно, 127 и 55 чел.). Несмотря на негативную динамику, начальное профессиональное образование остается доступным для лиц с низким уровнем доходов и является фактором повышения образовательного потенциала всего населения [5, с. 77].

Республика Башкортостан является регионом с высоким уровнем промышленного потенциала, где требуются кадры высокой квалификации, и это отражается в динамике образовательного уровня населения. С формальной точки зрения уровень образования в РФ и, в частности, в Республике Башкортостан выше, чем в развитых странах. Соответствующие данные приведены в докладе Организации Объединенных Наций 2010 г. «Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее». Однако, в реальной жизни экономическое развитие России отстает от развитых стран. Причина, в первую очередь, кроется в содержании самого образовательного процесса. Кроме того, влияет разбалансировка рынка труда и образовательных услуг. Каждый из этих рынков развивается по своей собственной траектории, а степень их взаимодействия оставляет желать лучшего. Работодатели не принимают на работу выпускников, что, например, наглядно иллюстрируют данные Башстата.

По данным Федеральной службы государственной статистики России, доля образовательных учреждений, реализующих образовательные программы с использованием дистанционных образовательных технологий для реализации основных образовательных программ, в общем числе образовательных учреждений ежегодно увеличивается и в 2015 г. достигла 78,2 % от общего их количества. Но доля и количество российских вузов, внедривших на настоящий момент электронное образование, незначительны. В основном, это ведущие университеты, имеющие дополнительные субсидии из государственного бюджета в рамках различных национальных проектов и инициатив. Значимой проблемой остается применение подобных средств обучения в рамках подготовки новых педагогических кадров [7]. Первыми курсами, размещенными на открытых онлайн-платформах как зарубежных, так и отечественных, стали курсы российских вузов, занимающих ТОП-10 в национальных образовательных рейтингах. Количество курсов, размещенных ими на открытых платформах онлайн-обучения, составляет абсолютное большинство. Вузы из первой десятки национального рейтинга активно переходят на онлайн-обучение по основным образовательным программам, расширяя перечень таких программ и численность обучающихся по этим программам. В целом ведущими вузами страны в среднем разрабатывается 20 онлайн-курсов в год. До 2025 г. в России планируется увеличить число обучающихся на онлайн-курсах до 11 млн чел. и разработать не менее 4 тыс. онлайн-курсов. Эти показатели по числу обучающихся и количеству онлайн-курсов утверждены в

рамках приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [7]. В целом, для российских вузов реализация электронного обучения позволяет значительно расширить доступ к качественному высшему образованию и обучению в течение всей жизни, обеспечить полноценное участие университетов в стремительно развивающейся мировой системе высшего образования. Развитие электронного образования в российских вузах также позволит более эффективно задействовать ресурсы специалистов предприятий, вовлекать практикующих специалистов, что повысит насыщенность образовательных курсов, в том числе и прикладного бакалавриата. Благодаря электронному обучению открывается возможность как для обучения лиц с ограниченными возможностями, так и повышения квалификации и переподготовки работников без отрыва от производства. Однозначно, что удовлетворение увеличивающегося спроса на высшее образование без внедрения новых образовательных технологий невозможно.

Таким образом, и органам управления образования, и образовательным организациям во всем мире уже в настоящее время необходимо внедрять новые образовательные технологии, расширять использование информационно-коммуникационных технологий и открытых образовательных ресурсов, электронного обучения. По справедливому мнению Д. Бадарча: «Дальнейший рост численности обучающихся в системе высшего образования невозможно компенсировать созданием новых университетов традиционным путем. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что электронное обучение — это вторая волна трансформации, которая охватит университеты в ближайшее время» [1, с. 136].

В заключение отметим, что на сегодняшний день наблюдается тенденция повышения общего образовательного уровня населения как в России, так и в Республике Башкортостан. Предпочтения населения сдвигаются в сторону получения высшего профессионального образования. При этом наблюдается неравномерность уровня образования населения в зависимости от местности проживания, пола и возрастных групп. Наибольшее число безработных — население в возрасте от 20–29 лет, что свидетельствует о том, что работодателей не удовлетворяет качество выпускников. Таким образом, страна и регион несут потери ВВП и ВРП, то есть явно видна недостаточная взаимоувязанность рынка труда и образовательных услуг. В основу сопряжения этих рынков может быть положен принцип подчиненности государственного заказа на подготовку специалистов программам социально-экономического развития регионов, научно-обоснованным расчетам потребности в кадрах на длительную перспективу (от 5 до 15 лет) и определение текущей потребности (до 5 лет) с учетом заявок предприятий и пролонгации существующих трендов, в основе которых будет лежать цифровизация образовательного процесса и все большее внедрение электронного обучения.

Список литературы и источников

1. Бадарч Д., Токарева Н.Г., Цветкова М.С. МООК: реконструкция высшего образования // Высшее образование в России. 2014. 10. С. 136–138.
2. Гончарова Л.И. Финансирование муниципальных организаций общего образования в условиях экономической нестабильности // Местное самоуправление в системе публичной власти: сб. науч. трудов. 2015. С. 55–57.
3. Гриншкун В.В. Подготовка педагогов к использованию электронных изданий и ресурсов // Высшее образование в России. 2007. № 8. С. 86–89.

4. Гриншкун В.В. Информатизация как значимый компонент совершенствования системы подготовки педагогов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Информатика и информатизация образования». 2014. № 1 (27). С. 15–21.

5. Дюпина Л.Ф., Дикунова М.С., Бровко А.С. Повышение конкурентоспособности высшего образования путем применения систем менеджмента качества // Социальные науки. 2015. Т. 1. № 6–1 (9). С. 77–79.

6. Образование: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]/ URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education (дата обращения: 1.08.2020).

7. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» Российской Федерации (протокол № 9 от 25.10.2016 г.). [Электронный ресурс]/ URL: <http://legalacts.ru/doc/pasport-prioritetnogo-proekta-sovrem> (дата обращения: 1.08.2020).

8. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб / Росстат-М., 2018. 522 с.

N.V. Beschastnova

VALUE COMPONENTS OF MODERN EDUCATION AND THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL

Annotation. The article deals with the problems of education, as a single purposeful process of education and training, which is a socially important issue in the state of national policies and implemented in the interests of the individual, family, society and state, as well as a set of acquired knowledge, skills, values, experience and competence of certain size and complexity in order of intellectual, moral, creative, physical and (or) professional development of a person, meet his or her educational needs and interests. We can conclude that education plays a very large and important role in the life of every person. The purpose of the research is to determine the value components of modern education in the formation of human capital in the space of state national policy.

Keywords: education, expenditures on education, human capital, educational potential, traditions, e-learning, innovative education.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы адаптации и интеграции иностранных студентов из Республики Таджикистан в Башкортостане. Учебная миграция, по мнению авторов, имеет большое социальное значение для России и, как минимум, несет четыре главных эффекта: политический, экономический, социальный и демографический. Главной задачей дальнейшего развития страны становится расширение российских образовательных услуг и создание условий для активизации учебной миграции в Россию. Авторы раскрывают особенности международной образовательной миграции в регионе, мотивацию учащихся к обучению в вузах Башкортостана, особенности их приспособительного процесса и роль посредников в успешной адаптации и рынка образовательных услуг в республике путем анализа материалов социологического исследования и данных официальной статистики.

Ключевые слова: учебная миграция, иностранные студенты, адаптация, интеграция, социологический опрос, Республика Башкортостан, Республика Таджикистан.

В настоящее время учебная миграция занимает значительную долю в общей структуре миграционных потоков. Учебная миграция – это перемещения людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки.

В России изучение учебной миграции не имеет такую длительную историю, как в Европе и США. Но, тем не менее, отечественные ученые активно работают, исследуют различные проявления учебной миграции. Так, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН, доктор социологических наук В.И. Мукомель исследует роль образования как инструмента миграционной политики и политики интеграции [1, с. 113].

Российский экономист, член-корреспондент РАН, С.В. Рязанцев определяет учебную миграцию как тип социальной миграции и отмечает следующие проблемы: старение населения, перепрофилирование ряда вузов, нарушение баланса в группе современных дошкольников, уменьшение числа учебных мест. Он предлагает такое перспективное направление, как активизация работы с молодыми соотечественниками из стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Балтии [7, с. 5].

Учебной миграции через проблемы межэтнического взаимодействия и адаптации в мультикультурной среде посвящены работы М. Байрам, А.Г. Асмолова, Дж. Бенкс, Г.У. Солдатова, М. Беннет. Профессионально-миграционные намерения российских студентов и механизмы адаптации мигрантов к российской системе образования исследуют – Е.В. Тюрюканова, В.Н. Петров, Л.И. Леденова и др. Учебной миграции как разновидности интеллектуальной миграции посвящены научные работы Д. Мэссея, М. Регета, Дж. Борьяса, И.В. Ивахнюк, В.А. Ионцева [4, с. 77–78].

Изучению международной учебной миграции посвящены работы Е.Е. Письменной. Автор также занимается исследованием социальных эффектов и последствий, влияющих на формирование миграционной политики в сфере привлечения иностранцев в вузы Российской Федерации. Е.Е. Письменная выделяет следующие этапы в истории развития учебной миграции в России: дореволюционный, ранний советский период, поздний советский период, российский период [6, с. 23].

Таким образом, можно увидеть, что все работы по данной тематике носят неполный и противоречивый характер.

Учебная миграция имеет огромное социальное значение для многих стран. Особенно она популярна в развитых странах, так как выгодна, прежде всего, принимающей стороне [3, с. 267]. В России показатели данного вида миграции низкие, это говорит о недостаточном раскрытии потенциала. А ведь учебная миграция улучшает демографическую ситуацию в стране, за счет привлеченной в страну молодежи репродуктивного возраста улучшается возрастная структура населения, положительно влияет на рынок труда. Экспорт образования позволяет стране продавать на международном рынке образовательные услуги и повышать их конкурентоспособность, не тратить огромные деньги на начальное и среднее образование будущего абитуриента-иностранца, использовать деньги, которые тратят иностранные студенты в процессе обучения в России, в интересах местного бизнеса, сферы услуг и местных бюджетов, получить новых граждан через систему образования, так как этот контингент более благоприятный, чем другие категории иммигрантов (например, вынужденные переселенцы и беженцы). После окончания университета выпускники несут в свою страну не только российскую культуру, но и технологии и сложившиеся предпочтения. В будущем, возможно, все это может повлиять на их выбор в пользу российских услуг, товаров и впоследствии увеличению потока учебных мигрантов, ведь человек, который остался доволен качеством образования, будет рекомендовать его своему окружению [2, с. 23].

Итак, учебная миграция имеет экономические, демографические, политические, социальные преимущества и может быть важной частью социально-экономической политики нашей страны.

Общее число иностранных граждан в вузах Российской Федерации в 2017/18 учебном году увеличилось на 27,5 тыс. чел., что составляет рост на 12 % по сравнению с 2016/17 годом [5, с. 9]. Наибольшее число составляют граждане Республики Казахстан (41,3 тыс. чел.), на втором месте – Китай (29,2 тыс. чел.), на третьем – Туркмения (22,1 тыс. чел.).

Молодежь малоразвитых стран стремится получать высшее образование в вузах более развитых стран с мировыми рейтингами. Таджикская молодежь чаще всего выбирает вузы России, это связано с историческими факторами и современными российско-таджикскими отношениями. Россия выступает одним из стратегических, экономических и политических партнеров Таджикистана. На территории этой страны находятся российские военные базы, заводы, развиваются отношения в сфере образования.

В вузах России в 2016/17 учебных годах учились 13 672 студентов из Таджикистана, а в 2017/18 учебных годах эта цифра достигла 16 291 чел. [5, с. 35].

В последние годы вопросами привлечения иностранных студентов активно стали заниматься крупные региональные вузы, в том числе учебные заведения

Республики Башкортостан. Республика имеет высокий образовательный и интеллектуальный потенциал. В ведущих вузах Башкортостана функционируют отделы по работе с иностранными студентами. Данная деятельность не только способствует получению дополнительных внебюджетных средств и повышению рейтинга вузов, но и содействует формированию благоприятного международного имиджа региона.

В 2018/19 учебном году в Башкортостане общее число иностранных студентов составило 3200 чел. Основная доля иностранных граждан обучается в Уфимском государственном нефтяном техническом университете (1300 чел.). Другими наиболее предпочтительными вузами для иностранных учащихся являются Башкирский государственный медицинский университет (1000 чел.), Башкирский государственный университет (250 чел.), Башкирский государственный педагогический университет им. И. Акмуллы (165 чел.), Уфимский государственный авиационный технический университет (95 чел.). Среди обучающихся – представители Азербайджана, Армении, Афганистана, Алжира, Бангладеш, Бolivии, Вьетнама, Индии, Иордании, Ирака, Йемена, Казахстана, Китая, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и др. Основную долю среди иностранных студентов составляют учебные мигранты, обучающиеся на очной форме.

В вузах республики обучаются 848 студентов из Таджикистана. Это одна из самых крупных студенческих диаспор в республике. В Уфимском государственном нефтяном техническом университете (УГНТУ) учатся более 1400 иностранных студентов из 50 стран мира, 159 из них – представители Республики Таджикистан.

Нужно отметить, что таджикские студенты больше всего заинтересованы в учебной миграции, так как образование за рубежом дает большие преимущества при трудоустройстве в Таджикистане и в дальнейшем обеспечит более достойную жизнь.

«Я выбрала медицинский институт, так как хочу стать врачом. У нас тоже есть медицинский институт, но российский вуз мне дает больше возможностей. Это и альтернатива обучения, это и практика среди высококлассных специалистов» (студентка из Таджикистана, 21 год).

«Российское образование в Таджикистане котируется. Имея российский диплом, ты имеешь больше шансов найти хорошо оплачиваемую работу» (студент из Таджикистана, 19 лет).

«Приехал сюда учиться, так как у нас там таких специальностей мало, работы много, выбрал эту... специальность... работать на своей Родине» (студент из Таджикистана, 19 лет).

«...Мне нравится, что я учусь здесь. Статус университета высокий, и российский диплом у нас в Таджикистане ценится» (студент из Таджикистана, 20 лет).

Однако учеба в другой стране неизбежно связана с проблемами адаптации к новой жизни, языковой, культурной среде, учебному процессу, который может существенно отличаться от обучения в родном государстве.

Среди иностранных студентов было проведено социологическое исследование в форме анкетирования и свободного интервьюирования. Целью исследования явилось выявление проблем и трудностей адаптации. Опросили 10 студентов

Башкирского государственного медицинского университета (БГМУ) и 50 студентов УГНТУ в возрасте от 18 до 21 года. В гендерном разрезе в общем количестве респондентов преобладали мужчины (80 %). Все респонденты окончили городские средние общеобразовательные школы таких городов, как Худжанд, Душанбе, Вахдат. Из общего количества 30 % респондентов учились в русских школах.

Адаптация проходит быстрее, если студенты начинают активно участвовать в научной, культурно-досуговой жизни вуза, но на начальном этапе адаптации у всех возникают некоторые трудности. «Скучал очень сильно по дому, по родителям... не хватало друзей» (студент из Таджикистана, 19 лет), «Первый год мне дался очень тяжело. Плохо понимал по-русски, друзей новых не было. Хотел даже уехать» (студент из Таджикистана, 20 лет).

В целом, иностранные студенты отмечают, что быстро адаптировались (78 %), но многим «не нравятся погодные условия в России» (96 %). Также студенты добавили, что труднее было адаптироваться тем, кто плохо знал русский язык. Социологический опрос показал, что 30 % респондентов «отлично» владеют языком, 66 % – «хорошо», и только 4 % «плохо говорят на нем».

Известно, что в повышении образовательного уровня детей, выбора жизненной стратегии и формирования их мировоззрения основную роль играет семья. В нашем исследовании респондентам были адресованы вопросы об их семьях. Выяснилось, что большое количество родителей респондентов относятся к категории служащих среднего звена. Среди них – учителя школ, врачи, сотрудники госучреждений. Небольшое количество (30 %) ответили, что их мамы занимаются домашним хозяйством, в основном их отцы работают в Москве (65 %). Стоит отметить, что все эти студенты из многодетных семей (в семье 3 и более детей). Всех их обеспечивают родители.

На вопрос «Имеете ли вы возможность работать (подрабатывать)?», в основном респонденты ответили «нет». Лишь двое студентов УГНТУ подрабатывают официантом и промоутером. Всем респондентам для проживания в России хватает 10–15 тыс. руб. в месяц.

На вопрос «Что вам понравилось, когда вы приехали в столицу Республики Башкортостан?» 100 % студентов ответили, что им «нравится город». Мы предполагаем, что студенты выбрали этот ответ из-за удобного расположения университета и транспортной инфраструктуры. На основе полученных данных можно сделать вывод, что в целом иностранные студенты позитивно воспринимают город, где они учатся.

На вопрос «Чем вы занимаетесь в свободное от учебы время?» респонденты ответили, что интересуются наукой (70 %), футболом (55 %) и большинство респондентов (76 %) борьбой на поясах.

На вопрос «Откуда они узнали про обучение в России?» большинство ответило «по Интернету» (53 %), «из газет» (7 %), «по обмену» (34 %), «через родственников, которые живут в Уфе» (6 %). Респонденты добавили, что они «искали в основном мусульманские регионы, а так как в Казань тяжелее поступить, приехали сюда» (10 %).

На данный момент большее количество иностранных студентов в зарубежных вузах учатся по квоте. Среди респондентов 40 чел. учатся по такой квоте. Еще один источник финансирования учебной миграции – это личные вклады родителей в образование своих детей. Так, из общего количества студентов, 20 чел.

учатся за свой счет (в основном в БГМУ). Респонденты отмечают, что «в Таджикистане в медицинских вузах учеба стоит дороже».

Далее респондентам был предложен вопрос, позволяющий выяснить, как складываются отношения с преподавателями, российскими одногруппниками. Полученные ответы свидетельствуют о том, что у большинства респондентов отношения – «позитивные» (73 %), 26,6 % – «нейтральные», но 0,4 % – «негативные». Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в целом у иностранных студентов складываются неконфликтные, благоприятные отношения как с преподавателями, так и с одногруппниками.

Проживание в общежитии является для многих иностранцев трудным, поскольку ограничено личное пространство, большую часть времени они находятся в окружении людей другой национальности, иных религиозных представлений. Выяснилось, что студенты БГМУ «не довольны условиями проживания в общежитиях», а студентам УГНТУ «все нравится».

Для того, чтобы узнать насколько эффективно идет процесс адаптации, нужно было выявить, смотрят ли иностранные студенты российское телевидение, зарегистрированы ли в российских социальных сетях (В Контакте, Одноклассники и т.д.), взаимодействуют ли они с русской культурой. По результатам все студенты просматривают российское телевидение, все зарегистрированы в российских социальных сетях.

Для выявления проблем студентов было предложено продолжить фразу: «Проблемы, с которыми я столкнулся в Республике Башкортостан – это...». 69 % ответили, что у них не возникло никаких проблем. А остальные написали, что им «не нравится погода», «отношение людей на улице», «есть проблемы с языком», некоторые пожаловались на то, что их «на улице часто останавливает полиция и проверяет документы».

На вопрос, что им не нравится в России, респонденты ответили, что «на улице не ходят в национальных одеждах» (20 %), «местные жители много курят, пьют» (26 %), «не нравится поведение некоторых девушек, так как пристают» (10 %). В то же время, 30 % респондентов ответили, что им «все нравится».

Более половины респондентов (56 %) после окончания вуза планируют остаться в России и работать по специальности, 40 % – намерены вернуться в Таджикистан и работать по специальности, 4 % ответили, что еще «не определились». Полученное образование дает им возможность найти себя на рынке труда. Следовательно, университеты частично готовят из иностранных студентов квалифицированные кадры и для России.

Следует отметить, что процесс адаптации и интеграции иностранных студентов зависит не только от самих учащихся, но и от разнообразных посредников, участвующих в приспособительном процессе. Это и родители, и ближайшее окружение, и преподаватели, и учебные группы. В процессе формирования миграционных установок семья и ближайшее окружение принимают активное участие в выборе страны и города обучения. Администрация вуза, преподаватели, учебные группы оказывают помощь иностранным студентам в организации обучения и проживания, в преодолении языкового и образовательного барьеров, в развитии навыков самостоятельной жизни. На основании социологического исследования можно сделать вывод, что адаптационный процесс учебных мигрантов из Таджикистана в целом проходит без серьезных проблем и не имеет специфи-

ческих этнорегиональных проблем [8, с. 34]. Практически все без исключения студенты к концу обучения привыкают к новой среде, ощущают близость с Республикой Башкортостан, формируют новые жизненные стратегии.

Учебная миграция является предметом значительного интереса представителей различных научных дисциплин, потому что объяснить многообразие ее аспектов, причин и последствий не представляется возможным в рамках какой-либо отдельной науки. Странами-лидерами по показателям притока иностранных студентов являются США и Великобритания. В России показатели данного вида миграции низкие. Поэтому эффективной стратегией развития системы образования в нашей стране является увеличение объемов экспорта образовательных услуг посредством постепенного наращивания доли иностранных студентов. Государства СНГ содержат большой потенциал для российского рынка учебной миграции, который пока остается нами еще не завоеванным.

Список литературы и источников

1. *Алексеева Е.Н.* Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 113–136.
2. *Гаврилов К.А., Градировский С.Н., Письменная Е.Е. и др.* Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012. 207 с.
3. *Демина А.В.* Актуальность изучения образовательных миграций // Молодой ученый. 2018. № 16. С. 267–268.
4. *Замотин М.П.* Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов // Дискурс. 2016. № 5. С. 77–86.
5. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: стат. сб. Вып. 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; под ред.: И.Н. Ганьшина, В.М. Смирнова, Е.М. Горожанкиной, Б.В. Железова. М.: Центр социологических исследований, 2019. 207 с.
6. *Письменная Е.Е.* Социальные последствия учебной миграции в Россию: автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М., 2009. 64 с.
7. *Рязанцев С.В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденция, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2008. 576 с.
8. *Хуснутдинова Л.Г., Акрамов Ш.Ю.* Трудовая и учебная миграция из Таджикистана в Башкортостане // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Наука, образование, экономика. № 4 (30). 2019. С. 36–41.

L.G. Khusnutdinova, Z.X. Nazarova

ADAPTATION AND INTEGRATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN (ON THE EXAMPLE OF STUDENTS FROM TAJIKISTAN)

Annotation. The article deals with the issues of adaptation and integration of foreign students from the Republic of Tajikistan in Bashkortostan. According to the authors, educational migration is of great social significance for Russia and has at least four main effects: political, economic, social, and demographic. The main task of the country's further development is to expand Russian educational services and create conditions for increasing educational migration to Russia. The authors reveal the features of international educational migration in the region, the motivation of students to study at universities in Bashkortostan, the features of their adaptive process and the role of intermediaries in the successful adaptation and market of educational services in the Republic by analyzing the materials of sociological research and official statistics.

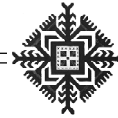
Keywords: educational migration, foreign students, adaptation, integration, sociological survey, Republic of Bashkortostan, Republic of Tajikistan.

Авторы, представленные в данной секции:

1. Чибис А.А. <i>К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI – XVII веках</i>	87
2. Басманцев Д.В. <i>Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – XVIII веке: некоторые особенности</i>	99
3. Беляков А.В. <i>Границы веротерпимости в Русском государстве XVI–XVII века</i>	113
4. Басаргина Е.Ю. <i>Топонимика Поволжья в материалах путешественника-естествоиспытателя Д.Г. Мессеримидта</i>	123
5. Роднов М.И. <i>Экономические связи Уфы со Средним Поволжьем (Нижний Новгород и Казань)</i>	134
6. Белов А.В. <i>Государственная политика по отношению к народам Крыма и эволюция этнической карты полуострова накануне и в процессе его включения в состав России</i>	140
7. Павлова А.Н. <i>Государственная национальная политика в области образования народов Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века</i>	150
8. Загидуллин И.К. <i>Публичные меморандумы мусульман Волго-Уральского региона 1905 года</i>	158
9. Дроботушенко Е.В. <i>Влияние православной церкви на коренные народы Забайкалья (XVII – начало XX века)</i>	171
10. Бикейкин Е.Н. <i>Финно-угорские народы в пространстве государственной национальной политики Российской империи</i>	178
11. Никонова Л.И. <i>Процесс формирования полиэтничности Мордовии на примере народов зарубежья: к истории вопроса</i>	188
12. Давыдов Д.В., Козлова О.В. <i>Некоторые проблемы развития системы здравоохранения в сельской местности Татарской республики в 1920-е годы</i>	195
13. Учватов П.С. <i>Михаил Палькин – председатель областного исполкома Советов Мордовской автономной области</i>	199
14. Мальченков С.А. <i>Роль объединений финно-угорских народов в формировании общероссийской гражданской нации</i>	206
15. Воробьева Е.Г. <i>Мордовия как субъект современной государственной национальной политики в контексте нацстроительства</i>	215
16. Богатырева М.Р. <i>Национальные особенности ценностных ориентаций российского учительства на рубеже XX–XXI веков на примере республик Башкортостан и Ингушетия: компаративистический подход</i>	223
17. Бесчастнова Н.В. <i>Ценностные компоненты современного образования и формирование человеческого капитала</i>	231
18. Л.Г. Хуснутдинова, З.Х. Назарова. <i>Адаптация и интеграция иностранных студентов в республике Башкортостан (на примере обучающихся из Таджикистана)</i>	238

**Секция II.
Вопросы национально-
государственного строительства
в России и Чувашии**

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСФСР 1920-Х ГОДОВ: СПОРЫ ВОКРУГ ГРАНИЦ, ПОЛНОМОЧИЙ, СТАТУСОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема выстраивания взаимоотношений между Центром и этническими автономиями в РСФСР 1920-х гг. Обозначены основные конфликтные сюжеты того времени, действия сторон и способы, которыми эти конфликты разрешались, а также общие результаты политики Центра в указанный период.

Ключевые слова: РСФСР, автономия, границы, административно-территориальное деление, большевики, «национал-уклонизм», федерация.

Победа в вооруженном противостоянии означала для большевиков не только закрепление положения и власти, но и новые вызовы. В числе таковых одним из важнейших в первой половине и середине 1920-х гг. стало выстраивание отношений Центра с периферией, и в первую очередь – с субъектами федерации, созданными на этнической основе. В годы Гражданской войны большевики быстро поступились былой антифедералистской риторикой, сделав резкий крен к этнизации «советского федерализма». Они охотно заключали союзы с «национальной интеллигенцией» на местах, достаточно легко шли на компромиссы, предоставляя новым государственным образованиям самые широкие полномочия (по крайней мере, на бумаге) ввиду расширения своей социальной базы и привлечения новых союзников. В ряде случаев этот подход имел исключительный успех, позволив большевикам установить контроль над обширными и ранее индифферентными (если не враждебными) к их агитации регионами. Теперь же, с переходом к «мирному строительству», представители национальных движений, закрепившиеся в официальных (советских) структурах власти «своих» автономий, недвусмысленно поставили перед Центром вопрос о наполнении широкообещательных деклараций военного времени содержанием. И главным требованием оказалось приобретение местными властями реальных полномочий, действительная автономность в действиях и, как следствие, ослабление диктата Москвы.

Данный сюжет имел особую актуальность в промежутке между 1921 и 1927 гг. Этот временной отрезок можно разделить на два этапа. На первом – 1921–1923 гг., в ходе оформления Советского Союза как единого государства – проблема соотношения полномочий между Центром и периферией дебатировалась на общегосударственном уровне, с участием союзных республик. На втором этапе (1923–1927) она в основном перешла на уровень РСФСР. Автономии пытались воспользоваться как борьбой за власть в верхах, так и процессами «коренизации» и районирования, для того чтобы отстоять собственные интересы.

Правда, надо отметить, что проблема взаимоотношений с новыми, притом весьма равноправными союзниками, беспокоила партийные верхи и ранее. Уже на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) развернулась достаточно острая дискуссия. Наряду с декларациями В.И. Ленина, весьма оптимистически оценивавшего «федеральное объединение государств, организованных по советскому типу», прозвучало немало иных мнений. Так, один из главных противников тезиса о самоопределении наций Г.Л. Пятаков [тогда — глава секретариата ЦК КП(б)У] сожалел, что большевики, «не желая оторваться от жизни», вынуждены отказаться от прежней «общенациональной политики». Заместитель председателя ВСНХ Г.И. Оппокос высказался за «максимальную централизацию» с сосредоточением управления «в едином экономическом центре» для всех республик, «которые объединены с вами по федеративному принципу». Председатель ВЦСПС М.П. Томский заявил, что к национальным движениям и отказу от чистого интернационализма еще придется некоторое время «относиться как к неизбежному злу» [4, с. 48–49, 58, 67–71].

По требованию Ленина съезд поддержал тезисы о праве на национальное самоопределение и принципе федеративного объединения советских государств [8, с. 79], а предложенный Пятаковым курс на «хозяйственное объединение» как противовес лозунгу самоопределения наций лидер партии «разоблачил». Несмотря на это, в дальнейшем работа шла именно в направлении «стягивания» советских республик вокруг Москвы. Уже летом 1919 г. Россия, Украина и Белоруссия заключили «военно-политический союз», подписав соглашение об объединении вооруженных сил и создании единого командования «для борьбы с контрреволюцией и интервенцией». В течение 1920–1922 гг. все республики подписали соглашения не только о совместной обороне, но и о хозяйственной и внешнеполитической деятельности. Внешняя и внутренняя торговля, органы снабжения, транспорт, связь и финансы объединялись под руководством российских ведомств. Наконец, в январе 1922 г. при обсуждении участия РСФСР и ее союзников в международной экономической конференции в Женеве нарком иностранных дел Г.В. Чичерин выдвинул идею создания Союза ССР [3, с. 45–46].

Это предложение, однако, вызвало неожиданное противодействие. На XI съезде РКП(б) (27 марта — 2 апреля 1922 г.) бурно дискутировался вопрос об «усовершенствовании взаимоотношений» между Центром и регионами. Тон задавало выступление члена украинской делегации Н.А. Скрыпника, обеспокоенного «опасными явлениями административного и формально-бюрократического подхода к разрешению вопросов национально-государственного строительства». По его мнению, эти подходы выдержаны в духе лозунга единой и неделимой России, причем оратор подчеркнул, что говорит не только об УССР, но и о других национальных республиках [12, с. 37, 72–75]. Для выработки предложений по исправлению положения создали комиссию Оргбюро ЦК РКП(б) по национально-государственному строительству. Формально во главе нее стоял В.В. Куйбышев, однако на деле работа шла под руководством И.В. Сталина, отвечавшего в верхах за «национальный вопрос».

В сентябре 1922 г. был обнародован проект будущего объединения, получивший впоследствии название «план автономизации». Он предполагал ликвидацию формально независимого статуса союзных республик. Они должны были вступить в состав РСФСР на правах автономий, органы российской власти ста-

новились общефедеральными, в результате появлялось единое государство. Этот план разослали в ЦК республиканских компартий для обсуждения, в ходе которого выявились разногласия. Если в Азербайджане и Армении идею Центра поддержали, то в Грузии, Белоруссии и на Украине — нет. Председатель СНК УССР Х.Г. Раковский даже направил Сталину меморандум, в котором, в частности, отметил: «В проекте говорится об обязанностях независимых республик, о подчинении директивам Центра, но ничего не сказано о правах, которыми пользуются их ЦИК и Совнарком и находящиеся при них наркоматы и управления объединенных комиссариатов. Практика доказала, что центральные органы в некоторых независимых республиках живут при полном неведении, что им позволено предпринять и что запрещено, и часто рискуют быть уличены в отсутствии инициативы или в действиях, имеющих сепаратистский характер» [цит. по: 9, с. 53].

Сталин, в свою очередь, направляя Ленину «план автономизации», писал: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных национал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы». И далее: «Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между Центром и окраинами, т.е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т.н. единое федеративное народное хозяйство и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе ... Молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету» [7, с. 199—200]. Расчет явно был на то, что угроза распада с таким трудом созданного и еще достаточно непрочного объединения республик побудит Ленина поддержать столь радикальный объединительный проект, шедший вразрез всей политике последних лет. Скорее всего сыграл роль и тот фактор, что Ленин к тому времени имел серьезные проблемы со здоровьем и, видимо, воспринимался уже как во многом формальный лидер партии и государства.

Однако дальнейшие события показали, что влияние и авторитет «вождя» по-прежнему непререкаемы. Ленин отверг проект Сталина и выдвинул свой, согласно которому вместо вступления республик в состав России предлагалось «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии» на началах полного равноправия и соблюдения суверенных прав всех республик [6, с. 71—72, 75, 82—83]. Более того, в конце декабря 1922 г. он продиктовал текст установочного характера: «К вопросу о национальностях или об “автономизации”». В нем он особенно резко высказался против ограничения самостоятельности национально-территориальных образований и, более того, требовал «сугубой осторожности, предупредительности и уступчивости ... к национальным меньшинствам», в которой «лучше пересолить ... чем недосолить». Противники этого курса обвинялись в том, что «остались, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной», попытки ограничить права республиканских властей характеризовались как «великорусско-националистическая кампания», а ответственность за нее возлагалась на Сталина и поддержавшего его Ф.Э. Дзержин-

ского [2, с. 530–532]. Для партии, во главу угла ставившей идеи интернационализма, подобного рода обвинения являлись политическими и могли повлечь за собой «оргвыводы», поэтому Сталин от своего проекта отступился, а образование СССР прошло по ленинскому варианту.

Более того, почувствовав поддержку «вождя», развернули активность сталинские оппоненты в республиканских ЦК (особенно в Грузии и на Украине). На XII съезде РКП(б) (17–23 апреля 1923 г.) они откровенно и резко критиковали «глубочайшую централизаторскую инерцию, формальное и фактическое неравенство, советскую бюрократию, для которой выгоднее иметь не двенадцать республик, а одну». Они концентрировали внимание на разграничении полномочий и предметов ведения с Центром на всех уровнях — это «сломало бы централизаторские тенденции и во сто крат облегчило бы всю нашу практическую работу» [подробнее см.: 11, с. 109–112]. В таких условиях партийному руководству, в первую очередь Сталину, пришлось маневрировать. С одной стороны, напоминать «национал-коммунистам», что «право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру» (на совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г.) [15, с. 265]. С другой, — провозгласить начало политики «коренизации», нацеленной на «ликвидацию унаследованного от прошлого хозяйственного и культурного неравенства народов советской страны».

Правда, в то время как «снизу» требовали реальных властных полномочий, Центр почти сразу стал акцентировать внимание на гуманитарной проблематике («в смысле языка, культуры, юстиции, вну[тренних] дел, земледелия и прочее» [17, с. 78]). Проблему же выступлений на уровне верхов компартий союзных республик достаточно скоро решили планомерной кадровой работой — перемещением «бунтарей» на менее значимые посты и в другие регионы страны, выдвиганием тех, кто был готов «играть по правилам».

Второй этап, пришедшийся на середину 1920-х гг., связан уже с борьбой за права и полномочия представителей автономий. Она затронула прежде всего РСФСР, на территории которой располагалось большинство таких национально-государственных образований. Рецидивы и в данном случае имели место ранее — достаточно вспомнить конфликт ЦК РКП(б) и Ревкома Башкирской АССР в 1919–1920 гг., приведший даже к вооруженным выступлениям сторонников самостоятельности. Однако по-настоящему этническая периферия заявила о себе в ходе процесса образования СССР, а затем «коренизации».

Сначала последовала реакция на проект экономического районирования территории РСФСР. Он предполагал единство экономического и административного делений, что по сути отрицало всю проведенную к тому времени работу по строительству автономий, предлагая вместо него систему внеэтнических макрорегионов, построенных на хозяйственных основаниях. Руководивший непосредственной разработкой нового деления страны член президиума Госплана И.Г. Александров утверждал: «Национальное объединение по существу малорационально в экономическом отношении. Может быть, было бы возможно объединение национально-культурное, независимо от экономических районов» [1, с. 99]. Эту точку зрения разделяли многие в научных и партийных кругах.

Выступая в феврале 1922 г. на обсуждении уже выработанного плана районирования в Наркомате по делам национальностей РСФСР, Александров за-

явил, что некоторые автономии в хозяйственном плане слабы и не могут представлять собой самодостаточные экономические единицы. Единственный путь их подъема – объединение с промышленными центрами. Неудивительно, что «националы» восприняли это предложение в штыки: «Проект не согласован с нашей общей политической линией... идет вразрез с национальной политикой»; «отдельные автономные республики – Татарская, Крымская, Башкирская – должны быть отдельными экономическими районами»; «главное – централизация вокруг крупных индустриальных центров, а исторические, национальные предпосылки при этом опускаются»; «нужно беречь национальные особенности». После подобных высказываний в схему районирования внесли изменения [18, с. 260–262].

Более того, в процессе споров о характере будущего союза советских республик представители автономий тоже начали предъявлять претензии на большее. Начав с требований расширения прав в сфере народного хозяйства, они дошли до постановки вопроса о предоставлении им (а также крупным областям и регионам России) «прав союзных единиц в общей федерации СССР». В секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу шла дискуссия о выделении автономных республик из состава РСФСР. Представитель Татарской АССР, член коллегии Наркомнаца М.Х. Султангалиев устроил настоящий демарш, предложив продолжить процесс федерализации и распространить его уже на российские регионы (Северный Кавказ, Среднюю Азию), а также создать Татаро-Башкирскую ССР. Впрочем, эти предложения поддержки большинства не получили [11, с. 111–112].

Кстати, Татарию можно считать лидером «региональной фронды» 1920-х гг. Султангалиев не просто был активным борцом за права республик, он, без сомнения, выражал волю тамошнего партийно-советского аппарата. После того, как потерпели неудачу попытки повысить статус республики, начались попытки расширения ее территории и укрепления положения. Так, согласно плану районирования, ТАССР включалась в состав Средневолжской области (вместе с Чувашской АО, Ульяновской, Пензенской, Нижегородской, Самарской и Саратовской губерниями). В ответ ее руководство выдвинуло альтернативный проект Волжско-Камско-Вятской области с центром в Казани, в которую также предполагалось включить Чувашскую, Марийскую и Вотскую автономные области плюс несколько уездов Вятской губернии. При этом инициаторы заняли наступательную позицию, активно агитируя соседей за свой проект, и всячески форсировали работы по организации «альтернативной» области, упирая на «естественность» такой конфигурации, основанной на фактическом межрайонном сотрудничестве автономий. В ходе дальнейших консультаций родилась идея повышения статуса будущей единицы до края, этот проект даже поддержала комиссия ВЦИК по районированию (ноябрь 1924 г.) [подробнее см.: 5].

Активность проявляли также руководители Чувашской АО. Осознав бесперспективность существования в очерченных в 1920 г. рамках (из-за отсутствия внутренних источников развития, прежде всего энергетических ресурсов), они взяли на вооружение идею «Великой Чувашии» и предъявили территориальные претензии к соседним Марийской АО, Татарской АССР, Самарской, Саратовской, Ульяновской и Нижегородской губерниям. Кроме того, они начали добиваться повышения статуса до уровня автономной республики. Местное пар-

тийно-советское руководство апеллировало к Центру, доказывая, что автономия должна быть не «академической» (основанной на одном только национальном составе населения), а хозяйственной, при которой народ имеет как права на территорию и самостоятельность, так и все необходимое для развития [подробнее см.: 13, с. 144–187].

Схожими соображениями руководствовались в Ойратской АО: внутренних ресурсов для развития «народного хозяйства» практически не имелось, а бюджета не хватало даже на обеспечение властных структур. «Эта комически мизерная автономная область с ее губернскими правами и со штатом и бюджетом уездным ... представляет из себя что-то похожее на карлика, разыгрывающего роль богатыря ... Мы вынуждены будем расформировать весь областной аппарат, оставив область ... без школ, без больниц, без суда, без милиции», — писал в 1924 г. в Президиум ВЦИК глава облисполкома Н.Ф. Меджит-Иванов. Между тем создавалась Ойратия в 1922 г. как «устойчивый мост, по которому идея советского строя могла бы распространить свое влияние на западную часть Монголии». Выход из положения виделся в объединении земель ойратов, хакасов и шорцев в рамках Тюркской советской республики, которая, получив таким образом достаточный экономический потенциал, обрела бы и политический вес [14, с. 482–485].

Всячески проявляло строптивость руководство Коми АО. Там родилась идея создания на ее основе «советской социалистической республики», объединяющей огромные территории: низовья Печоры, земли, населенные коми-пермяками, ненцами, зауральские районы с коми населением, архипелаг Новая Земля и некоторые другие острова Северного Ледовитого океана. В видах было и слияние с удмуртами. Причем у проекта даже имелся идеологический базис: его вдохновитель, заведующий Зырянским отделом Наркомнаца РСФСР Д.А. Батиев заявил, что не только царизм душил национальное самосознание коми, но и советское правительство ведет все ту же русификаторскую политику [20, с. 76–78]. Предполагалось проводить самостоятельный курс и развивать хозяйство без вмешательства извне.

Выступали за максимальную самостоятельность руководящие кадры Якутии. Фактический глава этой автономной республики М.К. Аммосов считал, что «в руках РСФСР» должно оставаться только решение вопросов, касающихся внешней государственной охраны и отношений с зарубежными странами. Более того, учитывая масштабы и важность республики (наличие золотых приисков, месторождений полезных ископаемых, заготовка экспортной пушнины и пр.), он предъявил претензии на повышение ее статуса: «Нас интересует... какое место должно быть отнесено Якутии в общесоюзном разделении труда... представляется совершенно необходимым определить наше место в специализации труда и хозяйственной деятельности не иначе, как в масштабе всего Союза» [10, с. 199]. На местах создавались новые наркоматы, активно шла реорганизация структур советских органов. Попытки Центра вмешаться в этот процесс наталкивались на сопротивление. Это вызвало предсказуемую реакцию, и в 1925 г. Аммосов уже с тревогой сообщал в Якутск, что «в недрах ЦК (Сталин и др.) относятся крайне недоверчиво к нам, относя нас к категории коммунистов, перерождающихся в буржуазных революционеров», и подозревая в сочувствии, если не содействии

антиправительственным выступлениям (например, в связи с Тунгусским восстанием 1924 г.) [10, с. 342].

В конечном итоге противоречия вылились в открытое выступление на общероссийском уровне. В ноябре 1926 г. состоялось «Частное совещание националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и др. представителей национальных окраин», организованное по предложению отдела национальностей ВЦИК [19, с. 44–64]. Выступившие на нем высокие должностные лица автономий отметили, что центральные органы власти игнорируют ими же выдвинутые лозунги. Права республик сплошь и рядом нарушаются (они «автономны только на местах», в Москве же «обезличиваются совершенно, они уже не автономны»), а у входящих в созданные на основании районирования краевые объединения автономий «положение ничем не отличается от округов».

В качестве противовеса выдвигалось требование обеспечить право автономий объединяться с другими субъектами РСФСР исходя из общности национальных и экономических интересов. Представитель Чувашии М.В. Шевле указал на источник проблемы: «Ненормальные отношения с русской частью РСФСР». По его мнению, «построение Российской Федерации устарело ... каждая автономная республика противопоставляется ряду русских губерний. Фактически у нас автономные республики находятся на положении губерний ... единственным правильным решением этого вопроса была бы такая организация РСФСР, при которой русская часть федерации представляла бы одну административную единицу, иначе говоря, “Русскую республику”». Вспомнили и подготовленные заведующим отделом национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаровым для Политбюро ЦК ВКП(б) тезисы, в которых, среди прочего, предлагалось преобразовать автономные республики в союзные, а автономные области — в автономные республики.

Против решительно выступил председатель ЦИК Дагестана Н.П. Самурский: «Я утверждаю, что если мы решим это, мы потеряем все завоевания, которые наша партия имеет в национальном вопросе... Единый русский кулак сильнее вас ударит, чем кулак, в котором хотя бы один палец принадлежит автономным республикам и областям... Выход из РСФСР автономных республик и переход в разряд союзных, как предлагают некоторые товарищи... поведет... к усилению великодержавного шовинизма в “Русской республике”... Оставшиеся в национальных республиках русские, стремясь воссоединиться с выделенным ядром, будут раздирать территориально организм национальных республик. И те автономии, в которых доля русских значительна, как Татария, Башкирия, Крым, окажутся в невозможном положении... Сумеете ли вы защитить политическую независимость? Нет... потому, что вы окажетесь в ничтожном меньшинстве». Путь решения проблем он видел «не в ликвидации Российской Федерации, не в выделении автономных республик в независимые, а в теснейшем сплочении автономий с Великороссией», призвал «сильнее объединяться с РСФСР... укрепить свое положение в центральных наркоматах и во ВЦИК».

В итоге данная точка зрения и возобладала. Ситуацию решили исправлять не путем административно-правового обособления, а лоббирования интересов в инстанциях Центра. И эта линия принесла успех: «Особое внимание правительство РСФСР уделило подъему хозяйства и культуры автономных республик и автономных областей... Более быстрые темпы строительства по АССР нашли свое

отражение, в частности, в повышенном росте бюджетов АССР сравнительно с краями и областями (в 1929/30 г. 41,9 % против среднего роста по РСФСР в 37 %). Капитальные вложения... увеличились за тот же период на 60,6 % при общем росте этих вложений по РСФСР на 45,2 %. Так практически разрешалась одна из основных задач ленинско-сталинской национальной политики — обеспечение фактического равенства наций» [16, с. 410]. Надо при этом отметить, что этот подход вполне совпадал с указаниями Сталина, обеспокоенного центробежными тенденциями: «Держать курс на укрепление РСФСР и сплочение вокруг нее национальных областей и республик... укрепить бюджет РСФСР с учетом интересов национальных областей и республик» [17, с. 297–298].

Даже неполный обзор амбиций «национал-коммунистов», порожденных ими споров и конфликтов показывает, что опасения представителей центрального аппарата не были совсем уж беспочвенны — и даже может создать впечатление едва ли не хаоса в данной сфере, с которым едва удалось справиться. Однако преувеличивать опасность, исходившую от «автономистских поползновений», не стоит. Исход борьбы был, по сути, предопределен в пользу Центра, где действовали достаточно изолированно. Стороной спора с автономиями выступали официальные структуры власти, его арбитром же — структуры партийные. Таким образом, сила удара «националов» изначально рассеивалась. Кроме того, будучи коммунистами, лидеры автономий оказывались скованы внутривластной дисциплиной, которая в течение 1920-х гг. планомерно ужесточалась. ЦК ВКП(б), обладая исключительным правом кадровых решений, и в случае с автономиями систематически устранял наиболее активных представителей национальных элит («султангалиевщина» и ей подобные «дела» против «национал-уклонистов»), заменяя их более покладистыми и понятливыми выдвигенцами.

Большую роль играла география. Автономии являлись окраинными и, как правило, гораздо менее развитыми территориями по сравнению с «русскими» землями РСФСР. У местных лидеров не имелось достаточных ресурсов, чтобы с должной весомостью ставить перед Центром желаемые вопросы и заставить считаться со своими амбициями. В этих условиях конфликты вообще оказывались невыгодны — ведь именно в Москве принимали решения по вопросам проведения демаркационных линий между республиками, размещения на их территории тех или иных производств или объектов инфраструктуры, направления на места специалистов, финансирования и многие другие. Оказаться обойденным или ущемленным из-за строптивости не хотелось никому.

Сильно ослабляли позиции «регионалов» и споры между ними (прежде всего из-за территорий). Это, в свою очередь, облегчало Центру проведение курса по принципу «разделяй и властвуй», даже обеспечивало его риторику аргументами. Так, по причинам внутренних склок оказался похоронен проект Волжско-Камского края. А поскольку борьба поволжских автономий за земли ослабляла идеи внутривластной интеграции, в Центре решили усугубить ситуацию наделянием всех сторон конфликта статусом автономных республик (ведь чем выше статусы сторон, тем сложнее и малопродуктивнее объединительные переговоры). Как «нереальное и ошибочное предложение» оказалась отклонена идея создания Тюркской ССР. Предел территориальным амбициям Коми АССР положило образование Коми-Пермяцкого национального округа в составе Пермской губернии (1926), а затем Ненецкого округа (1929). Что касается Якутии, то

там нивелировать притязания местных властей Центру «помогло» вооруженное выступление сторонников повышения статуса автономии — «конфедералистов» — на рубеже 1927—1928 гг. Вслед за этим республика подверглась «контрольной ревизии», по итогам которой старое руководство было лишено должностей, а парторганизация прошла чистку от «чуждых элементов».

В целом, можно считать, что уже к 1927 г. проблему «национал-уклонизма» Центр в целом решил. Идя путем компромиссов, комбинаций и прямого вмешательства, удалось предотвратить образование единого фронта «националов», распространить среди них понимание верховенства партийной иерархии и безальтернативности повиновения Центру. А затем «национальный вопрос» вообще начал отходить в тень. Определился курс на отказ от нэпа и переход к строгому контролю государства над экономикой в свете намечавшихся индустриализации и коллективизации. Соответственно, первоочередным становилось решение не идеологических, а «народнохозяйственных» проблем.

Проблема, однако, в том, что «решения национального вопроса» так и не произошло. Своими непродуманными действиями новая власть разбудила крайне опасного противника — чувство этнической солидарности. Стоит напомнить, что национальные движения зарождались на рубеже XIX—XX вв. прежде всего как просветительские, их представители выступали лишь за этнокультурную автономию. Политизации этих движений, приобретению ими «национал-независимского» характера более всего способствовали именно большевики с их лозунгами о «самоопределении вплоть до отделения». Делалось это, конечно, в тактических целях, однако, одержав победу, они столкнулись с настойчивыми требованиями выполнения своих широкообещательных деклараций. Режим попытался актуализировать культурно-просветительские инициативы, вернуться на старую колею, но этот этап «националы» давно прошли. Теперь бороться с их притязаниями в рамках коммунистической системы можно было лишь силовым путем — репрессиями и т.п. (и лишь до тех пор, пока имела воля «власть употребить»). Сами же притязания, несмотря на все удары, пережили десятилетия и в полную силу заявили о себе на рубеже 1980—1990-х гг., став одним из ключевых факторов распада СССР.

Список литературы и источников

1. *Алантиев П.М.* Экономическое районирование СССР. Кн. 1. М.: Госпланиздат, 1959. 263 с.
2. В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике [сборник]. М.: Политиздат, 1989. 556 с.
3. *Волошина В.Ю., Быкова А.Г.* Советский период российской истории (1917—1993): учебное пособие. Омск.: ОмГУ, 2001. 207 с.
4. VIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Москва, 18—23 марта 1919 года. Стенографический отчет. М.: книгоиздательство «Коммунист», 1919.
5. *Гатауллина И.А.* Политика районирования в Среднем Поволжье в годы нэпа // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 282—299.
6. *Гросул В.Я.* Образование СССР (1917—1924 гг.). М.: Изд-во ИТРК, 2007.
7. Известия ЦК КПСС. 1989. № 9.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917—1922. М.: Политиздат, 1983.
9. *Левин М.* Советский век. М.: Европа, 2008. 675 с.
10. *Максим Аммосов:* публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск: Бичик, 2012. 512 с.

11. *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад. Национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 106–117.
12. Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961.
13. *Орлов В.В.* Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. М.: Изд-во РГАЗУ, 2009. 395 с.
14. *Папков С.А.* Сталинизм в судьбе малых народов Сибири // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. М., 2014. С. 478–486.
15. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947.
16. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях: сб. документов. М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1939. 540 с.
17. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2005. 784 с.
18. *Чеботарёва В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003. 851 с.
19. *Чеботарёва В.Г.* Национальная политика Российской Федерации, 1925–1938 гг. М.: Гос. учреждение «Московский Дом национальностей», 2008. 831 с.
20. *Шабаетов Ю.П., Жеребцов И.Л., Мальцев Г.И.* Опыт национального строительства коми-пермяков: историко-социологический анализ // Отечественная история. 2005. № 1. С. 74–86.

V.N. Kruglov

THE «NATIONAL QUESTION» IN THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE RSFSR OF THE 1920s: DISPUTES ABOUT BORDERS, POWER, STATUSES

Annotation. The article examines the problem of building relationships between the center and ethnic autonomies in the RSFSR in the 1920s. It concerns itself with the main conflict plots of that time, the actions of the parties to conflicts and the ways in which these conflicts were resolved, also the general results of the Bolshevik regime's policy in the specified period are indicated.

Keywords: RSFSR, autonomy, borders, administrative-territorial division, Bolsheviks, «national deviationism», federation.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ УДМУРТСКОЙ АВТОНОМИИ (1900–1918)

Аннотация. В статье раскрываются социокультурные процессы начала XX в., которые способствовали образованию Вотской (Удмуртской) автономной области в 1920 г. Отмечается роль развития образования, формирования национальной интеллигенции, роста самосознания и национального движения удмуртов, революции 1917 г. Подчеркивается значение Общества мелких народностей Поволжья, удмуртских общественных организаций, I Всероссийского съезда удмуртов 1918 г. в формировании идей создания автономии.

Ключевые слова: национально-культурные общества, национальное движение, национальные школы, удмуртская интеллигенция, революция 1917 г. в России, Вятская губерния, Поволжье.

Созданию удмуртской автономии в 1920 г. предшествовал период развития удмуртского национального движения в условиях имперской и революционной России. Важную роль в стимулировании этого процесса сыграло развитие образования и культурно-просветительская деятельность удмуртской интеллигенции. Этому сложному этапу и посвящена данная статья.

В начале XX в. территория Удмуртии входила в состав Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Сарапульского уездов Вятской губернии. Население края было неоднородным по своему этническому и конфессиональному составу. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. на территории четырех уездов проживало 59,5 % русских, 28,6 % удмуртов, 8,2 % татар и др. Православные составляли 85,7 %, мусульмане – 8,9 %–4,8 %, другие – 0,6 % [4, с. 26–28].

Росту национального движения способствовали сложные социально-политические события. Среди них – Русско-японская война, Первая мировая война, две революции, Гражданская война. Каждое из них стимулировало поиск путей будущего развития России, в том числе и в сфере этноконфессиональных отношений.

Большую роль в развитии национального движения удмуртов сыграла удмуртская интеллигенция. Ее формированию способствовало развитие национального образования на протяжении нескольких десятилетий. Несмотря на всю противоречивость системы Н.И. Ильминского и изданных под ее влиянием правил 1870, 1907 и 1913 гг., несомненным положительным эффектом стало внедрение родного языка в преподавание, подготовка учительских кадров, владеющих языком учащихся, издание учебной и другой литературы на языках народов края. Появилась целая сеть специальных учебных заведений, готовивших учителей для удмуртских школ: Казанская учительская инородческая семинария, Карлыганская центральная школа, Глазовская учительская семинария. В 1917 г. в Глазовском, Малмыжском и Сарапульском уездах насчитывалось 110 удмуртских школ,

где работало 56 учителей-удмуртов [5, с. 214]. Учительство подпитывало не только культуру удмуртского народа, но и национальное движение.

Ярким примером является И.С. Михеев. В 1896 г. он окончил Казанскую учительскую семинарию. После этого работал помощником учителя в Центральной вотской (удмуртской) школе в с. Карлыгане, учителем образцового начального удмуртского училища при Казанской учительской семинарии. Занимался переводческой, литературной, издательской деятельностью. Его революционно-демократические взгляды стали причиной увольнения и невозможности работы в учебных заведениях. И.С. Михеев является автором нескольких учебников и пособий на русском и удмуртском языках. Его перу принадлежат пьесы о жизни удмуртского народа. На свои средства он издавал ежегодник «Удмуртский календарь». В 1917 г. стал одним из организаторов удмуртской общественности в г. Казани, работал здесь редактором удмуртских изданий при Наркомнаце [3, с. 411].

Учителями и просветителями были также такие видные представители удмуртского национального движения как М.П. Прокопьев, И.В. Яковлев. Оба получили образование в казанских учительских семинариях, работали в разных школах, а в 1917 г. сыграли важную роль в развитии идеи удмуртской автономии [3, с. 418–420].

Удмуртское национальное движение развивалось на фоне сложных процессов и событий, происходивших в стране. Первая мировая война дестабилизировала социально-экономическую и политическую ситуацию. Тысячи людей ушли на фронт, где их убеждения прошли испытание оружием и кровью. Фронтовики принимали особенно активное участие в общественно-политической жизни. Среди них были и представители удмуртского национального движения С.П. Барышников, Т.К. Борисов, Д.И. Корепанов М.П. Прокопьев и др. Обсуждению острых вопросов способствовали газеты на языках народов края. В 1915 г. стала издаваться газета на удмуртском языке «Военные вести».

В условиях демократизации общественно-политической жизни в период революции 1917 г. национальный вопрос был одним из актуальных и требовавших решения. 20 марта 1917 г. вышло постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Окончательное решение национального вопроса было отложено до Учредительного собрания. Существовали разные проекты национального строительства новой России. Некоторые из них обсуждались на Съезде народов и областей России в г. Киеве 8–17 сентября 1917 г. Был образован Совет народов, целью которого должна была стать подготовка закона о федерации для рассмотрения Учредительным собранием.

С приходом к власти большевиков в ноябре 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», в которой утверждалось равенство между народами и их право на самоопределение. Последнее еще раз подтвердилось в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов, когда были утверждены декреты о Финляндии и Армении. Также съезд закрепил федеративное устройство Советской Российской Республики. О значимости национального вопроса для советской власти говорит и создание Наркомнаца. В октябре 1918 г. в Наркомпросе был образован отдел просвещения национальных меньшинств. 31 октября 1918 г. вышло постановление Наркомпроса о школах национальных меньшинств.

Местные власти также уделяли значительное внимание национальному вопросу и образованию. В октябре 1917 г. Вятское губернское земское собрание рас-

смотрело и утвердило принципы школьного и внешкольного национального образования. Среди них – создание при управе специального подотдела, включение в школьные программы изучения родного языка, организация педагогических курсов, издание газет на языках проживающих в крае народов. При уездных земских управах были открыты национальные отделы народного образования. Также было увеличено финансирование национальных школ [5, с. 214–215]. Эта деятельность была продолжена и после перехода образования на территории края в ведение советской власти в 1918 г. Организацией национальных школ теперь занимались подотделы по просвещению национальных меньшинств в составе отделов народного образования местных Советов.

События 1917 г. в столице оживили общественную жизнь в регионах. Существенную роль в активизации национального движения на территории Удмуртии сыграло Общество (позже Союз) мелких народностей Поволжья, образованное в марте 1917 г. в г. Казани и просуществовавшее до 1918 г. Председателем его стал просветитель и общественный деятель чувашей Н.В. Никольский. В состав общества вошли представители марийцев, мордвы, удмуртов, чувашей и др. народов. Целями общества были изучение народов Поволжья и их просвещение с учетом новых основ гражданской жизни и этнокультурных особенностей каждого. Основными направлениями деятельности стали издание литературы на языках проживающих в крае народов; поддержка библиотек и книжных складов; содействие развитию образования, подготовке учителей, открытию национальных школ и изучению народов в высших учебных заведениях.

Большой общественный резонанс имели организованные обществом съезды народов Поволжья в г. Казани. I съезд мелких народностей Поволжья состоялся 17–22 мая 1917 г. В его решениях высказывалась поддержка идеи установления республики с предоставлением народам политической или культурной автономии. Также съезд высказался за использование родного языка в образовании и богослужении, участие представителей народов в самоуправлении.

С 1 по 4 августа 1917 г. прошел II съезд мелких народностей Поволжья. Основное внимание на нем было уделено Учредительному собранию. На съезде было принято воззвание «Свободным гражданам Великого Отечества – братьям чувашам, мари, эрзе, мокше, вотякам, зырянам, пермякам и др.» Съезд призвал к сохранению национальной самобытности.

III съезд состоялся уже в условиях Гражданской войны 14 июня 1918 г. В основном он был посвящен культурно-просветительным учреждениям. Из политических решений можно отметить негативную оценку проекта создания Татаро-Башкирской республики.

Удмуртская общественность живо реагировала на деятельность общества мелких народностей Поволжья. Не случайно в г. Казани на основе секции I съезда мелких народностей Поволжья при активном участии И.С. Михеева было образовано Национальное общество удмуртов. Удмуртские общественные организации в 1917 г. были созданы и на территории Удмуртии. Это Глазовское культурно-просветительское общество вотяков (с 1918 г. Глазовское национальное общество «Удморт») под руководством священника и просветителя В.Д. Крылова. В г. Елабуге под руководством педагога и общественного деятеля К.С. Яковлева начало работу Удмуртское культурно-просветительское общество (с 1918 г. Елабужский удмуртский совет). К.П. Чайников, более известный под своим творчес-

ким псевдонимом К. Герд, стал председателем Удмуртского культурно-просветительского общества (впоследствии Малмыжского общества «Удмурт») [1, с. 15–27].

Важной вехой в оформлении идеи удмуртской автономии стал I Всероссийский съезд удмуртов, состоявшийся 26–28 июня 1918 г. в г. Елабуге. В его работе приняли участие 78 делегатов из Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской губернии [2, с. 120]. Среди них были уже упомянутые выше И.С. Михеев, М.П. Прокопьев, К.С. Яковлев и др. Съезд поддержал создание Прикамской губернии с центром в г. Сарапуле. М.П. Прокопьев и М.П. Поздеев были избраны представителями в Наркомнац РСФСР. Именно с этого времени работа по созданию удмуртской автономии перешла с общественного на государственный уровень. Нужно отметить, что первые автономные образования в РСФСР были созданы уже в 1918–1919 гг. Это – Туркестанская АССР, Трудовая коммуна немцев Поволжья и Башкирская АССР. Создание удмуртской автономии было замедлено в условиях Гражданской войны до 4 ноября 1920 г., когда по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР была образована Вотская автономная область.

Таким образом, оформлению идеи об удмуртской автономии предшествовал культурно-просветительский этап национального движения. Росту национального самосознания способствовали развитие удмуртской школы, издание литературы и периодической печати на удмуртском языке, просветительская и общественная деятельность представителей удмуртской интеллигенции. Без этого социокультурного фона реализация проекта национальной автономии была бы невозможна.

Список литературы и источников

1. Васильева О.И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 210 с.
2. Васильева О.И., Воронцов В.С. «Веками угнетенная раса сбрасывает оковы...»: письма удмуртской интеллигенции редакторам газет «Виль синь» и «Гудыри» (1918–1919) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 3. С. 119–130.
3. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.
4. Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1907 год. Вятка: Губернская тип., 1907. 211 с.
5. Субботина А.М. Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918). Ижевск: Удмуртский ун-т, 2017. 300 с.

А.М. Subbotina

SOCIO-CULTURAL PREREQUISITES THE CREATION OF THE UDMURT AUTONOMY (1900–1918)

Annotation. The article reveals the social and cultural processes in the early XX century, which contributed to the formation of the Udmurt Autonomous region in 1920. The author notes the role of the education development, the national intelligentsia formation, the self-consciousness and the national movement of the Udmurts growth, Russian revolution of 1917. The article highlights the importance of the Society of small peoples of the Volga region, Udmurt public organizations, the First all-Russian Congress of Udmurts in 1918 in the formation of ideas for creating autonomy.

Keywords: national-cultural organizations, national movement, national schools, Udmurt intellectuals, Russian revolution of 1917, Vyatka province, Volga region.

Ю.В. Гусаров

«УБЕЖДЕННЫЙ НАРОДНИК»: ЧУВАШСКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ НАЧАЛА XX ВЕКА Т.П. ПРОХОРОВ

Аннотация. Рассказывается о жизни и политической деятельности видного деятеля чувашского национального движения начала XX в. Т.П. Прохорова (1884–1921). Политическая деятельность Прохорова началась в годы Первой российской революции. В 1905 г. он сбежал с военной службы во Францию. В 1908 г. вернулся в Россию и был осужден к 1,5 годам арестантских исправительных отделений. В период Февральской революции пережил стремительный взлет от уездного земского гласного до комиссара Временного правительства, руководителя уездной земской управы и уездной милиции Чебоксарского уезда. После прихода к власти большевиков вернулся к крестьянскому хозяйству. Расстрелян в 1921 г. в связи с крестьянским восстанием против политики военного коммунизма.

Ключевые слова: чувашские эсеры, большевики, политическая эмиграция, Февральская революция, комиссар Временного правительства Т.П. Прохоров, К.Я. Грасис, антисоветское восстание 1921 г.

Трофим Прохорович Прохоров (1884–1921) заметная фигура чувашского национального движения начала XX в. В советской литературе о нем как о главном противнике чебоксарского большевика К.Я. Грасиса упоминалось вкуче с ярлыками эсера, предателя, прислужника контрреволюционной буржуазии. Особую активность при этом проявил В.В. Тюмеров. Бывший эсер (вступил в партию социалистов-революционеров в апреле 1917 г. в Сибири [84]), он активно «разоблачал» бывших однопартийцев, а к Прохорову питал личную неприязнь. Его труды и воспоминания, написанные во второй половине 1950-х гг., не свободны от неточностей и субъективизма [3]. Со второй половины 1990-х гг., в связи с разработкой истории чувашского национального движения, появились публикации о Т.П. Прохорове [48; 57, с. 392–396], которые грешат фактическими неточностями; в Чувашской энциклопедии напечатана статья о нем [45, с. 783]. Однако до сих пор имя Т.П. Прохорова остается в исторической тени. В настоящей статье рассмотрены основные факты его жизни и политической деятельности.

Трофим Прохоров родился 7 (19) сентября 1884 г. в семье крестьян д. Вторые Чекуры Чебоксарского уезда (ныне Мариинско-Посадского района Чувашской Республики) Прохора Кириллова (ок. 1853–?) и Анисии Ивановны (ок. 1853–?) [22, л. без №] воспитавших трех сыновей и трех дочерей. Трофим был третьим ребенком и старшим из сыновей [21, л. 1019]. В 1896 г. он с похвальным листом окончил Кугеевское земское училище [19, л. 15 об. – 16] и в следующем году поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу, претендуя на стипендию чебоксарского земства [17, л. 79 об.]. Среди его однокашников были будущие чувашские общественные деятели и писатели: Р.Н. Идобаев, Г.А. Кореньков, А.С. Блинов.

Трофим ничем особенным не выделялся среди товарищей [76, с. 84], охотно участвовал в школьной жизни. Так, 2 июля 1899 г. на литературном вечере для учеников первого и подготовительного классов сыграл одну из ролей в сценке по пьесе В.Ф. Одоевского «Воскресенье» [18, л. 3]. В школьной характеристике сказано, что за время обучения он «вел себя весьма хорошо»; также в удостоверении о благонадежности отмечено: «Поведения весьма хорошего, к церкви Божией прилежен» [17, л. 89]. Забегая вперед скажем, что в характеристике сельского схода, принятой в поддержку ходатайства о снижении для Прохорова тюремного срока, сказано, что он слыл трудолюбивым человеком, «ни с кем и ничего худого не делал». Составители приговора присвоили ему чуть ли не все известные положительные качества: «Для всех он был добр и считался тихим, кротким, миролюбивым, честным, скромным и почтительным человеком» [39, л. 11].

Во втором классе Прохоров бросил учебу. По версии его старшего товарища С.Н. Николаева — исключен за строптивость и независимость характера [72, с. 119]. Сам Прохоров в заявлении от 23 апреля 1901 г. назвал иную причину: «По домашним обстоятельствам» [20, л. 3]. Младший товарищ Прохорова по школе Д.П. Петров (Юман) писал, что Прохоров с группой товарищей (имена двух известны: Андрей Анисимов и Афанасий Ермолаев) покинули альма-матер, разочаровавшись в качестве образования [76, с. 54]. Так ли это, мы не знаем, однако А. Ермолаев, уроженец д. Второе Чурашево Чебоксарского уезда, ушел из школы «по неблагоприятно сложившимся домашним обстоятельствам» [20, л. 2].

Получив на руки документы, четверо друзей (Т. Прохоров, А. Анисимов, А. Ермолаев и, возможно, Н. Павлов из д. Новые Чукалы Буинского уезда, отчисленный одновременно с ними «за дурное поведение» [20, л. 7]), поступили в Казанское юнкерское пехотное училище, причем Трофим самостоятельно подготовился к экзаменам и сдал их на «отлично» [72, с. 119]. До того чувашки не учились в военных заведениях, поэтому о «чувашлятах», явившихся на экзамен обутом в лапти, написали в газетах, а фото поместили в журналах. Пример товарищей, осмелившихся на неслыханный в истории Симбирской чувашской школы поступок, воодушевил их товарищей, пробудив желание продолжить обучение после окончания школы [76, с. 54].

Трофим успешно учился, был выпущен из училища с чином подпоручика [72, с. 119; 39, л. 2 об. — 3] и зачислен в 178-й Венденский пехотный полк, дислоцированный в г. Либава (ныне г. Лиепая, Латвия). Его военная биография оказалась короткой. В.В. Тюмеров писал, что Прохоров попал в один из полков, направленных на Русско-японскую войну и, будучи его казначеем, сбежал за границу, прихватив полковую кассу [69, л. 27]. Памятуя о способах, какими революционеры пополняли партийную кассу, можно предположить, что Прохоров рано примкнул к партии эсеров (Д.П. Петров причислял его к видным чувашским эсерам). По данным Д.П. Петрова, Прохоров эмигрировал во Францию в начале 1905 г. [76, с. 58].

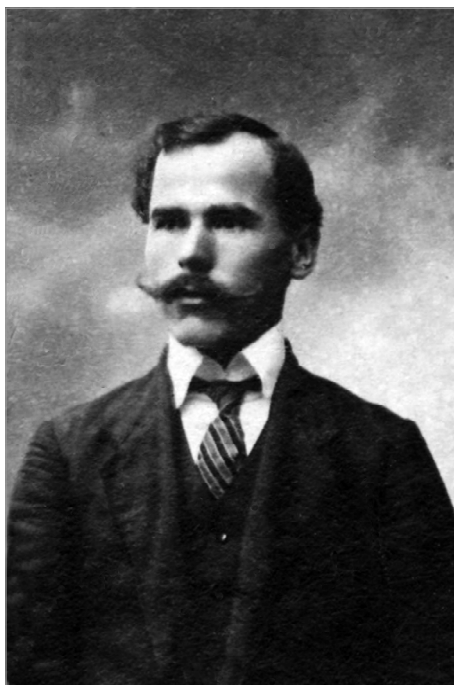
Венденский полк до Первой мировой войны в военных кампаниях не участвовал, следовательно, история с отправкой Прохорова на Русско-японскую войну не более чем вымысел. А вот остальное имело место: по судебному приговору подпоручик Прохоров был осужден «за побег со службы во время войны и растрату вверенных по службе денег» с лишением чина и «всех особых по состоянию присвоенных прав и преимуществ» [39, л. 2 об. — 3].

Во Франции Прохоров работал садоводом. Здесь он сблизился с деятелем французской социалистической партии Г. Эрве [72, с. 119]. Одно время даже занимал должность секретаря профсоюза сельскохозяйственных рабочих в окрестностях Парижа [76, с. 84]. По свидетельству современников, «недурно» освоил французский язык, даже выглядел как истинный француз. Товарищи Прохорова полагали, что он установил связи с русскими эмигрантскими кругами [72, с. 119]. Был связан с земляками-однопартийцами: в феврале—апреле 1907 г. поместил несколько статей в чувашской газете «Хыпар» [48].

В 1908 г. в Париж нелегально съездил лидер чувашских эсеров Т.Н. Николаев (Хури). Одной из его задач было склонить Прохорова и другого соратника по партии С.И. Игнатьева к возвращению в Россию для революционной работы. Переговоры с Прохоровым прошли успешно, о чем Николаев сообщил в письме Д.П. Петрову. А вскоре Прохоров наведаясь к последнему в Симбирск. В откровенной беседе признался, что вернулся из-за тоски по родине и сородичам, но для революционной борьбы не имеет сил и мечтает о жизни в деревне. Задолго до этого навестившему его в Париже Афанасию Ермолаеву Прохоров жаловался, что сильно скучает по дому и хочет вернуться, даже прослезился, провожая друга. Вскоре по возвращении, поехав в Самару, Прохоров добровольно сдался полиции [76, с. 84].

Прохоров с уважением относился к Т.Н. Николаеву (Хури). В мае 1917 г. в числе первых сделал взнос в фонд, основанный газетой «Хыпар» для возвращения Т.Н. Николаева из Сибири [81]*. 15 мая 1917 г. на открытии I съезда мелких народностей Поволжья Прохоров предложил послать Т.Н. Николаеву приветственную телеграмму от имени съезда, что было передано на обсуждение в чувашскую секцию) [60, л. 22].

* Свидетельства современников о возвращении Т.Н. Николаева из Сибири противоречивы. По воспоминаниям А.П. Лбова, в июне 1917 г. В.В. Тюмеров побывал в редакции «Хыпар», выразив желание привезти на родину своего земляка Николаева, не сумевшего вернуться из ссылки по болезни. Позже он забрал пожертвования, собранные редакцией газеты, но обещания не сдержал, и весной 1918 г. Николаев вернулся на родину самостоятельно [31, л. 241–241 об.]. Тюмеров писал о двух своих поездках в Сибирь по семейным и служебным делам: в конце августа — начале октября 1917 г. и в конце апреля — августе 1918 г. [36, л. 125, 134]; о Николаеве не упоминал, что понятно, учитывая факт его расстрела ЧК в 1918 г. В.И. Токсин со слов бывшего сотрудника «Хыпар» М.Ф. Спиридонова (Филиппова) утверждал, что в конце 1917 г. Тюмеров был командирован газетой «Хыпар» в Сибирь, провел там около трех месяцев и вернулся с Николаевым в Казань [35, л. 153 об.]. Также И.Д. Кузнецов утверждал, что в расходной книге Чувашского национального общества (ЧНО) зафиксировано, что в январе 1918 г. Тюмеров получил деньги для поездки за Николаевым [35, л. 143]. Известно, что в первую поездку Тюмеров получил увольнение от военной службы на 3 месяца [36, л. 125], так что для поездки в Сибирь время у него было.

Председатель Чебоксарской уездной земской управы Т. П. Прохоров.

В этой связи кошунственно выглядит обвинение В.В. Тюмерова о присвоении Прохоровым 40 руб., собранных по подписке на портрет Т.Н. Николаева [26, л. 47] (речь идет о решении Чебоксарского земского собрания от 15 апреля 1917 г. об установке в здании управы портрета «борца за свободу» Т.Н. Николаева за счет земского бюджета [6, л. 68]). К слову, лидера чувашских эсеров, уроженца Чебоксарского уезда, почитали в Чебоксарах: 26 мая 1917 г. на учредительном съезде городского Просветительного общества он был избран его почетным членом (вторым стал «душа» революционного движения 1917 г. К.Я. Грасис) [2].

9 июня 1909 г. Виленский военно-окружной суд приговорил Прохорова к 1,5 годам исправительных арестантских отделений. 10 сентября этапом он был отправлен к месту отбытия наказания в г. Ярославль. 1 октября определен в первое Ярославское исправительное арестантское отделение. В начале XX в. здесь находилось около 800 заключенных, которые работали в тюремных мастерских: ткацкой, портновской, столярной и др., а также на внешних работах: убирали городские улицы, вывозили нечистоты и т.д. [89]. По описанию, арестант Прохоров имел рост ниже среднего (166 см), темно-русые волосы, лицо – чистое, глаза – карие, рот – обыкновенный, подбородок – круглый [39, л. 2 об.]. Судя по фотографии, носил короткую стрижку, зачесывая волосы налево, имел роскошные, лихо закрученные усы.

24 июля 1910 г., отбыв три четверти тюремного срока, Прохоров был условно-досрочно освобожден по прошению, поданному его отцом на имя начальника арестантского отделения. П. Кириллов приложил к ходатайству приговор сельского общества д. Вторые Чекуры от 12 июня 1910 г. с положительной характеристикой сына. Начальник отделения распорядился представить Прохорова к освобождению в первую очередь, как заслуживающего его: «Высокие нравственные качества Прохорова и его трудолюбие мне лично хорошо известны». Уже в августе Прохоров вернулся к семье, остро нуждавшейся в работнике, и отдан под наблюдение земского начальника 3-го участка Чебоксарского уезда [39, л. 10–15].

По освобождении какое-то время Прохоров жил в Казани, где встречался с чувашским эсером С.Н. Николаевым. Тот вспоминал, что его товарищ сильно нуждался и жил впроголодь (в шутку говорил, что пьет чай «с одним лишь удовольствием», то есть без сахара), но, имея твердый характер, «никогда не жаловался на свою судьбу и на трудности жизни» [72, с. 119].

Прохоров женился на дочери мельника Романова из д. Коснары Чебоксарского уезда [26, л. 35]. В годы столыпинской реформы вышел из общины и завел фермерское хозяйство.

Политическим взлетом Прохоров обязан Февральской революции 1917 г. По решению Чебоксарского чрезвычайного земского собрания от 16 марта 1917 г. о дополнительных выборах гласных (по два от каждой волости, пять – от города) [6, л. 13], земляки избрали его земским гласным от Покровской волости. 15 апреля 1917 г. Прохоров принял участие в работе Чебоксарского чрезвычайного «демократического» уездного земского собрания, где был избран членом ряда комиссий: об устройстве 18 апреля празднования 1 мая согласно постановлению Петроградского Совета (по григорианскому календарю, как в Европе) [33, л. 58], по распределению 500 руб., выделенных земской управой на празднование Первой, ревизионной комиссии по обследованию Чебоксарской земской кузнечно-слесарной учебной мастерской, сданной земством в аренду ее управляющему

Д.П. Федотову. По предложению Прохорова 500 руб., выделенных на праздник, было решено потратить на просветительские нужды населения уезда, разделив деньги пропорционально его национального состава (последнее поручено Прохорову) [6, л. 65]. К маю чувашская доля (356 руб. 28 коп.) поступила в газету «Хыпар». В ее заметке о пожертвованиях были отмечены старания Прохорова по выделению средств [50]. Вместе с членами ревизионной комиссии, а также аналогичной комиссии Чебоксарского Совета и прибывшим в город генерал-лейтенантом В.Н. Свяцким Прохоров ознакомился с выполнением земской мастерской военных заказов [5, л. 12 об.].

На следующий день Прохоров стал руководителем уезда. Предыстория этого такова. 3 апреля 1917 г. собрание жителей Чебоксар выразило недоверие уездному комиссару М.А. Бочарову [58, л. 243] за то, что он разрешил бывшим солдатам проводить обыски в поисках продовольствия [29, л. 25]. Не имея поддержки, Бочаров подал заявление о добровольной отставке. 5 апреля уездный комитет общественной безопасности принял ее, обязав Бочарова исполнять обязанности до выборов нового комиссара. 16 апреля комитет общественной безопасности, пополненный представителями волостей, совместно с крестьянскими делегатами земского собрания [58, л. 2] избрал Прохорова уездным комиссаром [29, л. 24 об.]. Интересно, что накануне на земском собрании он не прошел в комитет общественной безопасности, получив по 17 голосов «за» и «против» [6, л. 31 об.]. По утверждению газеты «Рабочий» (орган Казанского комитета Российской социал-демократической партии), должностью комиссара Прохоров был обязан председателю Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов (создан 17 марта 1917 г.) К.Я. Грасису [74, с. 91]. При избрании новоиспеченный комиссар пообещал представителям городского Совета «больше прислушиваться к голосу народа, чем распоряжениям Временного правительства» [58, л. 24 об.].

Грасис так вспоминал о знакомстве с будущим визави: «Прохоров появился в Чебоксарах в середине апреля. Кто он, никто толком не знал. Сам он рассказывал, что за революционную работу на военной службе попал в арестантские роты, бежал в Париж. Он происходил из крестьян Чебоксарского уезда, чувашин. Я был несколько рад, что нашелся хотя бы один чувашин, могущий работать в уезде, владеющий чувашским языком и знающий быт народа» [71, л. 15]. Поддержка революционного лидера послефевральских Чебоксар значила много. Газета казанской губернской организации партии эсеров «Голос труда» писала, что, несмотря на то, что «взбаламутившиеся» Чебоксары жили насыщенной политической жизнью: ежедневные заседания, собрания, лекции-митинги, своя газета, «атмосфера дореволюционного захолустного уездного города, атмосфера личных счетов, мелкой зависти, сплетен <...> не рассеялась» и большинство горожан «политическую физиономию человека» определяло «отношением к Грасису – “за” или “против” <...>. Грасис <...> – вот центр местной жизни, вокруг которого вертится все» [62, л. 7–8]. Даже появилось прозвище «грасистка», которым дразнили поклонниц пламенного оратора [79].

Газета «Хыпар» приветствовала назначение сородича главой уезда, видя в этом свидетельство процессов демократизации («до сих пор никогда не было начальников из чувашей в городах») и призвала чувашских крестьян уезда сплотиться вокруг своего лидера [86].

К.Я. Грасис в одной из статей назвал Прохорова идейным соратником [40]. Интересный факт: если Грасис сыграл главную роль в смещении Л.В. Эннатского с должности уездного комиссара Временного правительства*, то Прохоров на первом в своей жизни земском собрании предложил снять Эннатского с поста председателя земской управы и выселить из служебной квартиры. Поскольку ранее, 13 марта тот заявил об исполнении обязанностей председателя управы до созыва очередного земского собрания [13, л. 30], поднятый Прохоровым вопрос не рассматривался [6, л. 61].

Два революционных лидера даже выступали на пару. Например, на маевке 1917 г. Прохоров вслед за Грасисом сказал «блестящую речь», назвав революцию в России преддверием «ко всеобщему освобождению человечества» и заявил, что политические свободы — только первая ступень на пути к освобождению труда от капитала [74, с. 57]. После другого митинга один из слушателей написал о Грасисе и Прохорове: «Это клад и гордость для чебоксарцев» [58, л. 10–10 об.].

Газета «Хыпар» отмечала, что вместе с Грасисом Прохоров разоблачал антинародные дела прежних властей, чем нажил себе врагов, задавшихся целью сместить его с поста [86]. Грасис вспоминал: «Резкая критика земства, удаление многих должностных лиц, разрешение конфликтов на предприятиях, регулирование цен — в этой работе Совета Прохоров был в той или другой степени “замешан”» [71, л. 16]. Так, Прохоров взял под контроль денежные расчеты земских промышленных предприятий с военным ведомством за продукцию для фронта [15, л. 140], участвовал в заседаниях городской думы [15, л. 331].

5 мая 1917 г. помощник Казанского губернского комиссара В.А. Чернышев и представитель Петроградского Совета Еремин, прибывшие для проверки жалоб на Грасиса, на заседании уездного комитета общественной безопасности заявили, что в городе только два дезорганизатора — Грасис и Прохоров [42]. Уже на следующий день комитет общественной безопасности снял Грасиса с должности начальника уездной милиции, назначив на его место чувашского учителя С.Н. Роднова [58, л. 11]. Грасис заявил: «Чебоксарские “бывшие люди” радуются, что я больше не начальник милиции. Но зря, по-моему. Я уверен, что не удастся им “скрутить” (они мечтают) ни тов. Роднова, ни тов. Прохорова. И я рад. Даже больше: я торжествую. Те мысли, с которыми я одиноко носился вначале, теперь воплощаются в жизнь» [58, л. 9 об.].

Грасис вспоминал, что его совместная работа с новым комиссаром продолжалась до середины мая: «Прохоров, добившись поста комиссара Временного правительства, круто повернул всю свою власть против тех, кто его выдвигали на этот пост, в том числе и против меня. Он перестал считаться с Советом и всю свою работу согласовывал только с комитетом общественной безопасности. Не-

* 5 марта 1917 г. распоряжением Казанского губернского комиссара Временного правительства председатели уездных земств назначены уездными комиссарами. В Чебоксарах им стал Л.В. Эннатский, с 1907 г. занимавший пост председателя земской управы. 7 марта на квартиру Эннатского явилась делегация городского митинга во главе с К.Я. Грасисом с требованием отказать от должности. 8 марта Эннатский отправил телеграмму министрам Временного правительства Г.Е. Львову и А.Ф. Керенскому о своем согласии «ради спокойствия жителей» передать полномочия председателю уездной милиции М.А. Бочарову. 18 марта пришел ответ о временном назначении М.А. Бочарова уездным комиссаром до утверждения земским собранием, а на его место 28 марта избран К.Я. Грасис (утвержден комитетом общественной безопасности 5 апреля) [71, л. 7–9; 58, л. 224; 29, л. 24 об.; 47, 26 октября].

увязок было много, недоразумения возникали, как грибы после дождя» [71, л. 16]. Перечислим некоторые из разногласий: о поддержке Временного правительства, участии в займе Свободы, 8-часовом рабочем дне и др. [58, л. 86]. Раскол между Грасисом, стремительно эволюционировавшим к большевизму, и эсером Прохоровым был вызван идейными разногласиями и вмешательством Совета – общественной организации, в компетенцию местных органов власти [52, с. 185]. Показательно, что неискушенные в политике современники воспринимали Прохорова как ставленника лагеря Керенского, призванного прогнать чебоксарских большевиков [63, с. 41].

В отличие от предшественника М.А. Бочарова, который вел диалог с руководителями земства, города и Советом, умело предотвращая эксцессы [71, л. 12] (не случайно Грасис называл его единственным интеллигентом, присоединившимся к революционерам), Прохоров сделал ставку на самостоятельную политику.

Как социалист, Прохоров приветствовал создание 5 мая 1917 г. первого коалиционного Временного правительства. 7 мая сход Чебоксарской волости под его председательством принял приговор о доверии Временному правительству, продолжении войны до победы без аннексий и контрибуций, отстранении от должностей, удалении из города «зловредных» деятелей царского режима и увольнении их сторонников [58, л. 70–71].

Местный орган революционной власти – уездный комитет общественной безопасности* состоял из чиновников, купцов, интеллигенции, гласных городской думы, а Совет гражданских депутатов (будущий Чебоксарский Совет), наряду с рабочими и солдатами объединял приказчиков, «низовую» интеллигенции и мелких торговцев, отличавшихся политической активностью. Приняв в свой состав мелкую буржуазию, писал Грасис, Совет лишил комитет социальной опоры и превратился в реальную политическую силу, позволявшую диктовать свою волю [71, л. 6, 10]. Вскоре, по его словам, Прохоров убедился, что комитет общественной безопасности не имеет власти: «Тогда он с большой энергией произвел перевыборы комитета. Результаты перевыборов обнаружили, что громадное большинство членов комитета – представители волостей, волостных старшин и писаря. Прохоров потирал руки. На первом же заседании “окулаченного” комитета он заявил, что теперь комитет представляет весь народ [уезда], и что теперь начнется “новая эра” в жизни чувашского народа (буквально)» [71, л. 16]. На самом деле членами комитета стали представители всех общественных организаций и профсоюзов, а в исполнительный комитет не прошел ни один из «бывших» [42]. Делегаты от волостей на выборы массово не явились, что журналист газеты «Хыпар» расценил как политическую спячку сородичей и призвал их к активности [85]. Его разочарование понятно, ведь чувашское крестьянство являлось основной опорой чувашских эсеров.

Поддержка комитета общественной безопасности сделала Прохорова независимым от Чебоксарского Совета, комитет же, как писала газета «Рабочий», стал орудием в его руках [74, с. 91]. Действительно, одно время Прохоров являлся председателем как комитета, так и его исполкома. Нуждаясь в надежном заместителе

* Образован 6 марта 1917 г. как временный уездный исполнительный комитет Временного правительства, с 23 марта – постоянный, переименован в уездный комитет общественной безопасности 15 апреля 1917 г.

теле на случай отъезда из города, Прохоров добился назначения руководителем городского солдатского комитета бывшего смотрителя Чебоксарского земского арестного дома И.И. Данилова вместо И.А. Румянцева [74, с. 69], вступившего в Чебоксарский Совет. Выдвигая и поддерживая сородичей, Прохоров противостоял креатурам Грасиса или тем, кого считал таковыми. Скажем, выступил против кандидатуры М.А. Бочарова в городские судьи, как последователя Грасиса [6, л. 34 об.]. Сам Бочаров признавался, что поначалу, действительно, поддерживал Грасиса, считая его хорошим организатором, но затем разочаровался в нем и называл демагогом [58, л. 221].

14 мая 1917 г. в Чебоксарах собрались социалисты-революционеры, называвшие себя минималистами, то есть сторонниками борьбы законными, демократическими средствами. Их собрание приняло резолюцию о полном доверии и поддержке Временного правительства. За поздним временем выборы комитета партийной организации перенесли на следующий день [62, л. 3]. Перерыв пришлось продлить из-за выезда Прохорова в Казань для участия в I съезде мелких народностей Поволжья [60, л. 22]. 18 мая собрание в количестве около 40 чел. продолжило работу и избрало уездный комитет партии эсеров во главе с Т.П. Прохоровым, в составе: И.И. Данилов, В.М. Краснопольский, П.Е. Анчунов, А.И. Тюмеров (члены исполкома комитета общественной безопасности), Морозов, Н.Г. Яруткин, М.М. Щепелев (казначей). Газета казанских эсеров приветствовала создание ячейки своей партии в Чебоксарах, связывая с ней надежду на оздоровление местной политической жизни. Было отмечено, что в партийную организацию вступили сторонники как Прохорова, так и Грасиса, что в будущем грозило ей недееспособностью. В этих условиях от членов комитета требовалась энергичная постоянная работа «на благо родины во имя свободы, правды и справедливости. <...> К труду», — напутствовала соратников газета [62, л. 7–9]. Детище Грасиса «Чебоксарская правда» иронизировала, что в эсеры вступили даже бывшие черносотенцы [51]. Тем не менее, создание партийной ячейки следует признать успехом Прохорова, ведь Грасису создать большевистскую организацию не удалось [49, с. 27].

17–22 мая 1917 г. Прохоров председательствовал на чрезвычайном уездном земском собрании, на котором впервые преобладали гласные-крестьяне. 18 мая оно переизбрало земскую управу. Выборы сопровождались закулисной борьбой. Местные «интеллигенты-тузы», не найдя поддержки в комиссаре и прокуроре, предложили недавно вернувшемуся из Ташкента канцеляристу И.С. Сергееву (воспитаннику Симбирской чувашской школы) баллотироваться в председатели управы, на что тот согласился. Позднее на фракционном заседании, где группа гласных из крестьян выдвинула кандидатуру Прохорова, Сергеев дал согласие быть его товарищем (заместителем), промолчав о ранее данном обещании. На общем собрании «тузы» выдвинули кандидатуру Сергеева и тот опять согласился [58, л. 20]. По итогам голосования Прохоров получил 35 голосов «за», 16 — «против». Членами управы стали: И.С. Сергеев (заступающий место председателя), Н.В. Захаров, А.И. Перцев, М.С. Семенов [11, л. 27]. Прохоров пообещал, что члены управы будут держаться «вне партийных рамок» и служащие земства «встретят с их стороны не гонителей, а товарищей по службе» [9, л. 29]. 27 мая «демократическая» управа приняла дела от предшественников [4, л. 29].

С.Н. Николаев, в 1917 г. работавший в Чебоксарах мировым судьей, так характеризовал Прохорова и его земскую деятельность: «Человек бесспорно умный, с твердой непреклонной волей и со значительным жизненным опытом, он знал, что требовалось моментом, и убежденный народник в духе партии [социалистов]-р[еволюционеров], направлял работу земства по правильному пути» [72, с. 119]. Он отметил его хорошие административные способности, «позволяющие твердо вести порученное ему дело». Тут же указал, что как руководитель Прохоров нуждался в людях, «способных к новому земскому делу» и советах «более опытных» товарищей. Именно Прохоров с И.С. Сергеевым сыграли главную роль в утверждении С.Н. Николаева мировым судьей Чебоксар, рассчитывая на его помощь в административной и политической деятельности [72, с. 119].

На посту председателя управы Прохоров продолжал отстаивать национальные интересы. 1 августа земское собрание выделило газете «Хыпар» пособие в 3 тыс. руб. [11, л. 40], что не могло обойтись без его участия.

Противостояние Прохорова с Чебоксарским Советом обострилось после поддержки последним постановления Казанского губернского Совета крестьянских депутатов от 13 мая 1917 г. о передаче частновладельческих и иных земель в распоряжение волостных земельных комитетов [74, с. 74]: газета «Рабочий» с удовлетворением писала, что переход частновладельческих земель в Чебоксарском уезде проходит «без всяких науг» [74, с. 76]. Губернский комиссар приказал Прохорову принять меры по недопущению этого постановления в жизнь [74, с. 67], как провоцирующего незаконные захваты земель.

На чрезвычайном земском собрании 29 июля – 3 августа 1917 г. Прохоров в преддверии начала работы земельных комитетов (созданы Временным правительством 19–21 апреля 1917 г. в целях сбора сведений для земельной реформы) предложил избрать представителей земства в уездный земельный комитет, что было исполнено [10, л. 88]. Самого его избрали в комиссию по народному образованию для рассмотрения докладов управы по этим вопросам. Прохоров принял активное участие в обсуждении вопроса об организации выборов в волостные земства, закон о которых был принят 21 мая. 30 июля предложил послать второму коалиционному Временному правительству во главе с А.Ф. Керенским (создано 24 июля) «как правительству спасения России» приветственную телеграмму и представил ее текст [7, л. 3, 9 об. – 10, 12]. 3 августа земское собрание поддержало предложение Прохорова о принятии новой газеты «Чебоксарская жизнь» в ведение земства [7, л. 117].

Прохоров умело руководил своими сторонниками. Столкнувшись на земском собрании с пассивностью гласных из числа чувашских учителей, он посадил их вместе, что позволило им формулировать и совместно отстаивать свою позицию [86].

Утверждается, что для укрепления своих позиций Прохоров провел кадровые перестановки в земстве и его продовольственном комитете [58, л. 86]. Последний вступил в борьбу с Грасисом, признав его деятельность «вредной для продовольственного дела» [44]. Вслед за ним губернский комиссар В.А. Чернышев обвинил Грасиса в продовольственной разрухе, породившей немало крестьянских волнений в Чебоксарском уезде [61, л. 38].

Документы Чебоксарского комитета общественной безопасности не сохранились, и о деятельности Прохорова-комиссара больше известно со слов его оп-

понентов. Его обвиняли в отступлении от принципов демократии, приводя в пример приказ, ограничивший свободу собраний, а также волостных и сельских сходов [55, с. 12]. Возможно, речь идет о приказе волостным комитетам не оказывать содействия частным лицам и представителям любых учреждений и организаций (включая комитет общественной безопасности) деньгами, созывом сходов и т.п., информируя комиссара о таких попытках [58, л. 24 об.].

Как руководитель уезда Прохоров был обязан следить за общественным порядком, пресекать выступления против Временного правительства, о чем был предупрежден телеграммой губернского комиссара от 2 июня [74, с. 66]. В Чебоксарском уезде распространилось хищение леса. По просьбе комиссара Прохорова, председательствовавшего на собрании Алымкасинской волости, оно призвало земляков прекратить самовольные порубки в казенных лесах и оказывать помощь лесной страже в борьбе с ними [67, л. 167]. В июне исполком Чебоксарского комитета общественной безопасности попросил аналогичный орган Ядринского уезда призвать граждан прекратить незаконные рубки леса в Чебоксарском лесничестве [74, с. 67].

Борьба между комиссаром и Чебоксарским Советом вылилась в жесткую политическую конфронтацию, которая освещалась в губернской печати. Сторонники Грасиса заявляли, что став комиссаром и председателем земской управы, Прохоров сосредоточил в своих руках административную и хозяйственную власть и предал народ. Обвиняли его в закулисном интриганстве против Грасиса [74, с. 69], диктаторских замашках [58, л. 24 об.]. Газета «Рабочий» называла Прохорова игроком «на народной несознательности», обвиняла в поддержке слухов о Грасисе как немецком шпионе и желании устранить всех, кто критикует действия комиссара и мешает ему контролировать органы власти [74, с. 91]. По словам журналиста, правый курс Прохорова усугублялся тем, что в поездках по волостям он играл на «национальных струнках», настраивая чувашских крестьян против русских горожан, на которых опирался Чебоксарский Совет и которые «более чутко» следили за деятельностью комиссара, нежели крестьяне [74, с. 76–77]. Грасис же утверждал, что в оппозицию Прохорову встали крестьяне Чебоксарской волости, не согласные с его политикой [41].

Обе стороны прибегали к политическим заявлениям, апелляциям к губернским властям за поддержкой и др. Первые действовали в рамках законности, а вторые не гнушались мерами физического насилия. О накале страстей свидетельствует тот факт, что частыми гостями в Чебоксарах были агитаторы разных мастей: представители Временного правительства, Петроградского Совета, Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов, революционные солдаты и матросы.

6 июня исполком Чебоксарского Совета рассмотрел вопрос «О комиссаре Прохорове». Было отмечено, что Прохоров прошел в комиссары «как народник и наш товарищ», однако нарушил данные Совету обязательства. Заклучив, что на пути к власти Прохоров преследовал «личные цели», исполком выразил ему недоверие и предложил сложить свои обязанности [58, л. 24 об.].

В политическое противостояние вовлекалось крестьянство. 17 мая чрезвычайное уездное земское собрание рассмотрело отношение комитета общественной безопасности о том, что приговором Покровского волостного схода от 20 апреля Прохоров лишен звания земского гласного и вместо него избран В.С. Киль-

муков. Последний сообщил о неблагоприятных действиях Прохорова на военной службе и незаконности приговора об избрании его гласным. Земское собрание пришло к мнению о недостаточности оснований для лишения Прохорова звания гласного и подтвердило его полномочия, а Кильмукова освободило от участия в своих заседаниях. Прохоров же заявил о намерении подать на клеветников в суд [33, л. 12 об. – 13]. Впоследствии оппоненты обвиняли его в том, что он не вынес волостной приговор на суд чести комитета общественной безопасности [74, с. 69]. В июне 1917 г. сход Посадско-Сотниковской волости обратился к Казанскому губернскому Совету с просьбой заменить непопулярного начальника милиции 2-го участка М.П. Прохорова (ок. 1893–?), доведившегося уездному комиссару младшим братом. В постановлении указывалось, что ранее начальник милиции С.Н. Роднов проигнорировал приговор волостного схода об избрании участкового начальника милиции вместо назначенного сверху М.П. Прохорова [74, с. 78].

В защиту комиссара выступала газета «Хыпар». Реагируя на новости о попытках его смещения, она призвала крестьян Чебоксарского уезда поддержать комиссара, радеющего о сородичах [87]. Призыву вняли не все, а некоторые прикнули к лагерю Грасиса. В травле Прохорова отметились крестьяне д. Большое Шахчурино Чебоксарского уезда, эсеры с дореволюционным стажем (в 1917 г. – левые эсеры) Р.Е. Черняков и И.Г. Кадыков. Не случайно член Казанского чувашского военно-окружного комитета А.А. Осанов, в январе 1918 г. направленный Всероссийским чувашским военным съездом в Чебоксары для нейтрализации Кадыкова, обронил в сердцах, что он позорит имя чуваша [83, № 3–4, с. 33].

22 июня 1917 г. в земской управе собралось экстренное заседание комитета общественной безопасности, по версии газеты «Рабочий» – для разрешения кризиса власти в уезде из-за «поворота направо» комиссара [74, с. 76]. На него явилось много сторонников Чебоксарского Совета. Заседание началось со споров, кого не следует допускать на собрание. Решив, что голосовать могут только члены комитета, приступили к работе. Грасис выступил в прениях против политики Временного правительства, комиссара Прохорова и комитета общественной безопасности. Члены комитета встретили его речь гулом возмущения. В знак протеста представители Совета во главе с Грасисом покинули собрание [58, л. 107–108], после чего их сторонники из числа зрителей вскочили с мест и разогнали комитет. Эмиссар Временного правительства студент Е.Т. Россоловский выскочил в окно, но был пойман, избит и отправлен в тюрьму (после вмешательства членов комитета общественной безопасности <по другой версии – Грасиса> его освободили) [83, № 2, с. 26; 58, л. 214]. Прохорова тоже схватили (по одной версии – М.П. Хабаров, по другой – И.Г. Кадыков [27, л. 59]), но он сумел вырваться и убежать. Среди преследователей слышались крики: «Оторвем ему башку, лишь бы только найти его» [80]. Прохоров добежал до пристани и вспрыгнул в отходящий в Казань пароход [83, № 2, с. 26]. Р.Е. Черняков, вероятно, путая события разных дней, писал, что Грасис явился на заседание исполкома с мандатом городского солдатского комитета, чтобы заявить о недоверии комиссару. При открытии собрания Прохоров взял мандат Грасиса и заявил, что его на заседание не приглашали, после чего тот был удален [83, № 2, с. 26].

Об инциденте был проинформирован губернский комиссар. Он направил уполномоченных для выяснения ситуации на месте, заменил воинскую команду, не способную защитить граждан «от эксцессов», а дело о недоверии Чебоксарского Совета Прохорову передал прокурору [74, с. 93].

24 июня по возвращении Прохорова из Казани комитет общественной безопасности лишил его полномочий. На его заседании решили преобразовать комитет, выборы нового комиссара назначили на 2 июля 1917 г. [58, л. 28–28 об.]. Одновременно был снят председатель исполнительного комитета И.И. Данилов [37, л. 77] – креатура Прохорова, работавший в этой должности с 30 мая [37, л. 42]. Исполнение обязанностей комиссара временно возложили на М.А. Алексева. Видимо, тогда же комитет обратился к гражданам с призывом уважать свободу личности и органы власти, не допускать насилия, мешающего продуктивной работе и призвал прокурора Казанского окружного суда привлечь к ответственности И.Г. Кадыкова, М.П. Хабарова, Казакова, А.М. Халапсина, С. Васильева [58, л. 214]. Последовали и решительные меры: в ночь на 25 июня по приказу «комиссара Алексева», по сообщению председателя Чебоксарского солдатского комитета И.Ф. Пензина губернскому Совету крестьянских депутатов, были арестованы Грасис и член Чебоксарского Совета И.М. Смоленков [53, с. 12]. Грасис был отправлен в Казань на гауптвахту, но через несколько дней освобожден и вернулся в Чебоксары [83, № 2, с. 27].

По сообщению газеты «Хыпар», в эти же дни в г. Мариинском Посаде состоялось совещание волостных комиссаров (возможно, речь идет о заседании комитета общественной безопасности 24 июня), на которое не пустили Грасиса и его сторонников. Вернувшись в Чебоксары, они стали настраивать горожан против Прохорова, клеветая, что он собирает в Чебоксары крестьян-сородичей, вооруженных дубинами и рычагами. Газета призвала читателей не слушать клеветников и идти за чувашами, радеющими о сородичах [87].

25 июня С.Н. Роднов в телеграмме, отправленной в канцелярию губернского комиссара для передачи Е.Т. Россоловскому, запросил 50 солдат для охраны казенного винного склада [58, л. 28]. В свою очередь, выехавший из Чебоксар в Мариинский Посад Россоловский телеграфировал Казанской губернской продовольственной управе о призывах Грасиса к насилию, росте террора, ожидаемых погромах, пассивности милиции, требуя присылки военного отряда. 26 июня начальник штаба Казанского военного округа доложил губернскому комиссару об отправке в Чебоксары команды из 100 солдат и двух офицеров 164-го запасного полка, проинформировав, что на следующий день губернский Совет рассмотрит вопрос о положении в Чебоксарах [74, с. 81]. Прибытие военного отряда стало полной неожиданностью для Прохорова [58, л. 28], которого мемуаристы обвиняют в вызове солдат.

В условиях политического кризиса власть перешла к толпе. «Чебоксарская жизнь» писала: «Почти всегда на всех митингах и собраниях, ораторам, слова которых не нравятся хотя бы незначительной кучке слушателей, не дают говорить угрозами насилий и вообще бедой, разными выходками, криками “Долой”, учинением шума, беспорядка» [80]. Давление улицы мешало деятельности органов власти: «Работа комитета общественной безопасности идет крайне ненормально. Члены комитета выглядывают в окно и смотрят, не идет ли к ним толпа» [цит. по: 75, с. 41]. Из-за угроз и оскорблений голодной толпы покинул пост председатель уездного продовольственного комитета А.С. Козленков [74, с. 93]. Опасаясь актов насилия, некоторые общественные организации перешли в режим закрытых заседаний или перенесли их в г. Мариинский Посад [80].

2–3 июля 1917 г. снова собрался комитет общественной безопасности. Начало его работы выдалось бурным и бесплодным, поэтому после обеденного перерыва

ва по предложению С.Н. Роднова заседание объявили закрытым. Комитет обсудил вопрос о Грасисе, приняв резолюцию о его преступной деятельности, направленной на раскол общества, дискредитацию власти Временного правительства и его учреждений. Было решено Грасиса арестовать и передать в распоряжение губернского комиссара, о чем сообщить прокурорскому надзору. Также постановили арестовать семь участников разгона комитета общественной безопасности 22 июня (И.Г. Кадыкова, А.М. Халапсина, М.П. Хабарова, Р.Е. Чернякова, Казакова, С. Васильева и С. Данник), закрыть газету «Чебоксарская правда» [62, л. 14–16; 83, № 2, с. 26].

Участник заседания Тюмеров вспоминал, что представители Совета потребовали освобождения Грасиса и ареста Прохорова. В защиту последнего выступил Роднов: потрясая над головой газетой «Чебоксарская правда», кричал, что ее редактор Грасис порочит представителей власти [69].

Напоследок обсудили вопрос о деятельности Прохорова, который поставил вопрос о доверии к себе [47]. Видимо, тогда он заявил: «Если я уйду, то уведу с собой всех служащих и весь комитет» [55, с. 11]. В его поддержку проголосовали 29 чел., «против» — 19 (отсутствовало — 12) [62, л. 15]. 3 июля было решено перенести заседания комитета и аппарат уездной милиции в Мариинский Посад, исполком комитета оставить в прежнем составе [62, л. 16]. Забегая вперед скажем, что добропорядочные обыватели переезд комитета в Мариинский Посад расценили как признак его слабости. По их мнению, орган уездной власти был обязан прибегнуть к жестким мерам «для восстановления порядка и защиты прав народа» [80]. Расписываясь в бессилии, комитет проинформировал эмиссара губернской продовольственной управы о том, что «при создавшихся условиях жизни в г. Чебоксарах» он (комитет) не может обеспечить нормальную работу уездной продовольственной управы [62, л. 16]. К концу заседания здание комитета взял под охрану прибывший из Казани военный отряд (50 чел.). Солдаты арестовали нескольких лиц из приведенного выше списка (Грасис отсутствовал дома и остался на свободе) [83, № 2, с. 26], но на следующий были распропагандированы А.М. Халапсиным и отпустили их [75, с. 41].

Вспоминая о последующих событиях, путаясь в хронологии, Р.Е. Черняков писал, что 1 июля они с И.Г. Кадыковым отсутствовали в городе, поэтому остались на свободе. Утром следующего дня А.М. Халапсин, который сумел освободиться накануне, выступил перед народом у здания Чебоксарского Совета (так называемый Дом благородного собрания). В толпе было много крестьян, собравшихся за Волгу на сенокос. На красном платке и фанере Черняков с Кадыковым написали лозунги: «Долой прохоровцев!», «Да здравствует Совет солдатских и крестьянских депутатов». После этого толпа с революционными песнями двинулась к земской управе и блокировала здание. Прохорова и члена комитета общественной безопасности П.Е. Анчунова арестовали и повели в воинское присутствие на медицинское освидетельствование для отправки на фронт, после чего доктор Н.С. Петров под конвоем отправил их в Казань. Вместе с ними выслали их сторонников: поручика Еремина для возвращения в свою воинскую часть и Россоловского (все освобождены губернским комиссаром В.А. Чернышевым; на следующий день Прохоров с Анчуновым вернулись в Чебоксары). Вслед за высланными в Казань за партийной поддержкой поехал Черняков, но в бюро партии левых эсеров встретил дружное осуждение. Лидер левых эсеров Н.И. Строганов

пригрозил исключить его из партии, по телефону вызвал И.Г. Кадыкова в Казань и арестовал его (по словам последнего, это произошло 6 июля [38, л. 65]). Затем в Чебоксарах были арестованы М.П. Хабаров, С. Васильев и отправлены в Казань (А.М. Халапсин сбежал в Кронштадт). 19 июля Р.Е. Чернякова арестовал бывший из Казани офицер и доставил в казанский арестный дом [83, № 2, с. 26].

8 июля в Мариинском Посаде экстренно собрался комитет общественной безопасности, на котором Прохоров добровольно сложил обязанности уездного комиссара (по утверждению Тюмерова — в пользу выпускника Донского политехникума М.А. Алексеева [47, 5 ноября], который и стал новым комиссаром). Переизбрали исполком комитета, его председателем стал журналист «Хыпара» Н.П. Петров (Ширновой) [34, л. 66 об.], автор статей в защиту Прохорова; членами губернского комитета общественной безопасности избрали Г.Я. Ковалевского и А.П. Лбова. Было решено ходатайствовать перед Временным правительством о переносе административного центра уезда в г. Мариинский Посад [56]. Возможно, в случае с отставкой Прохорова мы имеем дело с партийной тактикой, поскольку ключевые посты остались за чувашами (показательно, что газета «Хыпар» поместила информационную заметку без комментариев). К слову, Чебоксарский уезд был единственным в Чувашском крае, где все ключевые посты занимали чувашские эсеры.

События в Чебоксарах развивались на фоне июльского кризиса Временного правительства. 6 июля на городском митинге в бывшем летнем кинематографе обсуждалась попытка захвата власти большевиками 3–5 июля в Петрограде. На митинге развернулась полемика между Грасисом, заявившим о законности вооруженного выступления большевиков, и его оппонентами [78]. На следующий день исполнительный комитет губернского Совета вызвал Грасиса в Казань, где 10 июля арестовал [65, л. 202; 62, л. 338]. Так в Чебоксарах закончилось двоевластие.

Исполком Чебоксарского Совета обвинил Прохорова и Россоловского в том, что Грасис был арестован по их настоянию «как личный враг» [58, л. 111]. Странники Грасиса томились в тюрьме до 20 сентября 1917 г. (И.Г. Кадыков называл другую дату — 18 сентября [38, л. 69]), когда были освобождены по требованию съезда Казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанского военного окружного комитета [28, л. 48 об; 62, л. 339].

Уход с политической арены Чебоксар Прохорова и Грасиса открыл путь к восстановлению порядка. 17 июля исполком комитета общественной безопасности предложил Чебоксарскому Совету реорганизоваться и впредь действовать в рамках законности; в случае отказа оставлял за собой право обратиться с соответствующим ходатайством к губернскому комиссару и губсовету. Одновременно комитет высказался за увеличение в своем составе представителей рабочих и солдат для «общей плодотворной работы» [8, л. 54]. Новым руководителем Чебоксарского Совета стал И.М. Смоленков, ранее входивший в исполнительный комитет общественной безопасности [33, л. 12 об.].

Вскоре на чрезвычайном земском собрании 29 июля — 3 августа 1917 г. Прохоров лишился поста председателя земской управы. Слабость его позиций показало решение собрания о поручении исполкому комитета общественной безопасности организовать уездный крестьянский Совет для того, чтобы крестьяне могли избрать представителей в Учредительное собрание (на это была выделена 1 тыс. руб. из земского бюджета), принятое вопреки возражению Прохорова [7, л. 16 об.].

1 августа 1917 г. собрание по письму 30 гласных сняло Прохорова с поста председателя земской управы «как человека, осужденного за растрату казенных денег в бытность его на военной службе, отбывшего наказание и не реабилитировавшего себя пред обществом» [7, л. 60; 61, л. 93]. За это решение проголосовало 45 гласных, «против» — 8, «воздержался» — 1. Поводом для рассмотрения вопроса о соответствии председателя управы занимаемой должности послужило некорректное поведение Прохорова при обсуждении вопроса о его выселении из служебной квартиры (в ходатайстве исполкома комитета общественной безопасности последнего указывалось, что апартаменты из 8 комнат слишком роскошны «для председателя демократического земства») [7, л. 57, 60]. Нового председателя земской управы решено было не выбирать, возложив исполнение его обязанностей на И.С. Сергеева [7, л. 60 об.]. 2 августа Прохорова, уже в ранге гласного, избрали в комиссию по ликвидации Чебоксарского земского деревообделочного завода и передаче его в аренду управляющему Д.П. Федотову [7, л. 79 об. — 80].

Несмотря на политическое поражение, позиции Прохорова оставались сильны. 15 сентября земская управа удовлетворила просьбу С.Н. Роднова о сложении обязанностей начальника уездной милиции с 18 сентября в связи с назначением инспектором Бичуринского высшего начального училища. На его место был назначен гласный Прохоров, «как имеющий соответствующее образование» и согласившийся занять должность [4, л. 102]. Назначение вызвало протест Чебоксарского Совета. 20 сентября бюро его исполкома обратилось к Казанскому губернскому комитету общественной безопасности и губернскому Совету с требованием об отстранении Прохорова с должности начальника милиции за то, что в бытность уездным комиссаром и председателем земской управы он допускал беспорядки и недоразумения, недовольство населения [1, с. 183–184]. Результатом обращения стал арест И.М. Смоленкова по приказу М.А. Алексева, проведенный в ночь на 25 сентября [55, с. 14].

В первые дни в новой должности Прохоров пережил трагическую смерть жены. Она отправилась с ямщиком к мужу в г. Мариинский Посад, чтобы привезти ему офицерский мундир (в бытность начальником милиции Прохоров ходил в офицерском мундире [26, л. 35]). В лесу, не доехав до города, путники попали в засаду банды австрийского подданного М. Козака. Ямщика убили в перестрелке, находящуюся на сносках женщину разбойники стащили с повозки, отобрали деньги, сняли одежду и убили. Усилиями М.А. Алексева один из убийц с богатым криминальным прошлым был пойман (назвался поляком С. Раковским). На допросах в милиции он вначале заперся, но затем показал место, где были зарыты трупы. Над телом жены Прохоров потерял самообладание, выхватил револьвер и на глазах понятых и милиционеров застрелил убийцу [62, л. 97, 100–101; 61, л. 204–205; 26, л. 137]. Позднее В.В. Тюмеров утверждал, что Прохоров сам организовал убийство жены и убил арестованного, чтобы замести следы, а затем, завладев ее имуществом (пасекой и мельницей), занялся спекуляцией. Якобы, даже заимел мандат чрезвычайного уполномоченного по закупкам скота для Красной Армии, что позволило ему развернуть деятельность в Казанской и Вятской губерниях. По его словам, Прохорова несколько раз арестовывали и отправляли в Казань для привлечения к суду, но он всегда «выходил из воды сухим», благодаря покровителям из Чувашского отдела Наркомнаца [69, л. 37–38]. Вообще, оппоненты неоднократно обвиняли Прохорова в жестокости. Мемуарист М. Ефремов вспоминал,

что начальник милиции Прохоров при проверке документов при свидетелях застрелил солдата за то, что тот на четыре дня просрочил возвращение из отпуска [63, л. 41].

На новом посту Прохоров большое внимание уделял подбору работников. В послеоктябрьский период уездной милиции потребовалась кадровая чистка от бывших полицейских, которыми, как писали, он окружил себя [58, л. 397].

В начале октября 1917 г. Прохоров являлся председателем окружной избирательной комиссии Покровской волости по выборам земских гласных [12, л. 6 об.]. 8 октября был избран в гласные уездного земства [14, л. 4, 6].

10–11 октября 1917 г. по примеру Государственного совещания в Москве (12–15 сентября 1917 г.), организованного Временным правительством для объединения поддерживающих его сил среди разных слоев и групп общества, его делегат М.А. Алексеев [30, л. 2] по инициативе Чувашского национального общества (ЧНО) созвал «объединенное совещание уездных демократических учреждений» для обсуждения «вопросов текущего момента» [16, л. 499]. На нем присутствовали представители комитета общественной безопасности, Чебоксарского Совета, городской думы, земства, уездного продовольственного комитета, профсоюзов, волостных комитетов и др. [1, с. 185]. Совещание работало в здании казенного винного склада [26, л. 2], в президиум были избраны правые эсеры М.А. Алексеев (председательствующий), Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, Т.П. Прохоров (все трое – в офицерских мундирах), И.В. Васильев, И.С. Сергеев.

На совещании свою позицию обозначили разные политические силы, включая кадетов и большевиков [47, 5 ноября]. Эсеры объявили Советы самочинными организациями, вредными для свободы Российской республики [58, л. 395; 62, л. 368; 69, л. 36]. Совещание признало обязательным для исполнения законы и распоряжения Временного правительства, выразило поддержку предпарламенту. Отдельным постановлением призвало жителей Чебоксарского уезда голосовать за национальный список, одобренный II Общечувашским национальным съездом (Казань, 28–29 сентября 1917 г.) [73]. Собрание призвало «прекратить всякую классовую и партийную борьбу, забыть ссоры и споры и объединиться ради спасения Родины» [цит. по: 52, с. 206]. В заключительный день постановило организовать уездный Совет крестьянских депутатов, поручив это Чебоксарскому Совету [74, с. 123].

Позиция же чебоксарских эсеров по вопросу о крестьянском Совете не изменилась. Еще в конце июля 1917 г., выступая на земском собрании по поводу предложения земской управы об организации уездного крестьянского Совета, Прохоров назвал его запоздалым и излишним, поскольку все функции Совета исполняются комитетом общественной безопасности, земельной и продовольственной управой, земским собранием [7, л. 15]. Опираясь на личный опыт, заявил, что «все Советы по невежеству большинства состава их сеют смуту, создавая этим контрреволюцию» [7, л. 15 об.]. Прохоров был принципиальным противником дублирования функций органов власти. Он высказался против организации уездного Училищного комитета вместо упраздненного Училищного Совета, считая, что это отстранит земство от управления школами [7, л. 88]. Все усилия Чебоксарского Совета по созыву уездного Совета крестьянских депутатов, начатые в сентябре 1917 г., долго не давали результата из-за противодействия со стороны уездного комиссара М.А. Алексеева и начальника милиции Прохоро-

ва. Последние совершили поездки по волостям, агитируя против избрания делегатов на назначенный на 22 октября уездный крестьянский съезд, после чего на него прибыли представители только четырех из 11 волостей. По утверждению мемуаристов-большевиков, делегаты осудили действия Алексеева и Прохорова, выразив им недоверие как представителям Временного правительства [58, л. 395; 55, с. 15]. Был сорван и уездный крестьянский съезд 14–16 ноября 1917 г., на который явились представители 5 волостей: отдаленные волости, где сохранялось влияние Прохорова и Алексеева, форум проигнорировали. Съезд создал временный исполнительный комитет уездного Совета крестьянских депутатов, функционировавший в статусе крестьянской секции Чебоксарского Совета. 2 декабря временный исполнительный комитет созвал уездный крестьянский съезд для своей реорганизации, но опять отдаленные волости, поддерживающие правых эсеров, своих делегатов не прислали [62, л. 369]. Уездный съезд крестьянских депутатов был созван только 16 декабря 1917 г. [58, л. 139].

29 октября 1917 г. Чебоксарский Совет организовал временный Военно-революционный комитет (ВРК) под председательством И.М. Смоленкова, который 30 октября заявил о взятии власти в свои руки [70, л. 8; 74, с. 131–132]. По воспоминаниям Р.Е. Чернякова, вскоре Смоленков скрылся из Чебоксар и 2 ноября председателем Совета избрали А.П. Рыбакова. Р.Е. Черняков и И.Г. Кадыков съездили в Казань, где получили от председателя Казанского ВРК К.Я. Грасиса мандат на установление советской власти в родном уезде. 30 октября они создали солдатский митинг, на котором было решено арестовать Прохорова и Алексеева. Первый в городе отсутствовал (якобы не вернулся в город, узнав о возвращении из Казани своих недругов), второй по приглашению прибыл на митинг, где был арестован и отправлен в тюрьму [83, № 3–4, с. 31; 28, л. 48 об.].

По другим данным, М.А. Алексеев был арестован 2 ноября 1917 г. Чебоксарским Советом за неподчинение, то есть отказ передать власть (при том, что 30 октября Казанский ревштаб упразднил должности губернского и уездных комиссаров [74, с. 131]), постановив арестовать также начальника милиции Прохорова и мирового судью С.Н. Николаева (Прохоров успел скрыться) [68, л. 9; 27, л. 60; 53, с. 10]. 8 ноября Чебоксарский уездный Совет рассмотрел заявление М.А. Алексева о незаконности его ареста и ходатайства учителей и ряда сельских обществ Воскресенской волости об освобождении бывшего уездного комиссара. Как «опасного для нового строя», его было решено отправить в распоряжение губернского Совета [58, л. 387–388]. По сигналу своего Чебоксарского отделения правление ЧНО выразило протест «против преследования новейшим режимом представителей чувашского народа» [53, с. 10], после чего М.А. Алексеев был освобожден без предъявления обвинения [30, л. 16].

6 ноября земская управа обсудила обращение Чебоксарского Совета, принятое 2 ноября в ответ на общее постановление солдат чебоксарского гарнизона, союза рабочих и представителей демократических и общественных организаций об увольнении начальника уездной милиции и временном назначении на место Прохорова его помощника штабс-капитана В.А. Цивилина. Из-за отсутствия кворума вопрос был отложен. Исполнение обязанностей начальника уездной милиции возложили на Цивилина, вопрос об отстранении Прохорова остался открытым (с октября он отсутствовал в городе, его местонахождение было неизвестно) [4, л. 143, 143 об.].

Грасис такими словами подытожил карьеру своего главного оппонента: «Эры-то Прохоров не сделал, но вождем кулацко-националистической реакции он все же был, хотя бы и в роли халифа на час. Он сплотил вокруг себя крепкую группу чуваш, провел их на руководящие посты. Чувствуя, что Вр[еменное] правительство все правее, он тоже поправел и быстро искупил все грехи, которые имелись за ним со времени совместной работы со мной <...>. Побратавшись с лагерем контрреволюции, Прохоров вел себя так, как подобало настоящему диктатору. Но до июльских дней он крайне мало успел сделать: Совет во всем ставил палки в колеса, защищая завоевания, сделанные после февральских дней. Прохоровщина окончательно восторжествовала после 3–5 июля и цепко держалась до конца октября, когда Совет, по существу говоря, вернулся к власти» [71, л. 16].

Конец 1917 г. современники называли периодом безвластия в Чебоксарах: «Прохоров с Анчуновым окончательно не ушли, Рыбаков к власти еще не пришел, а И.Г. Кадыкова не избрали»; народ жил вольно: рубил лес, торговал и «много было самогонки» [63, с. 83]. Если верить мемуаристу, после того как И.Г. Кадыкова кооптировали в Чебоксарский Совет и 27 декабря 1917 г. избрали временным председателем вместо А.П. Рыбакова [63, с. 85, 93], Прохоров и городская буржуазия стали распространять слухи о получении им поста незаконно. Соответствует ли это действительности, сказать не беремся, но известно, что по увольнению из милиции Прохоров появлялся в Мариинском Посаде [38, л. 65 об.]. Что касается недовольства населения Кадыковым, то оно было вызвано многочисленными арестами и контрибуциями, которые Чебоксарский Совет налагал на городскую и сельскую буржуазию (на злоупотребления Кадыкова поступило много мирских приговоров [82, с. 20, 26]). Вопрос об обложении контрибуцией (на кого и сколько) решался голосованием на собраниях Совета. Добиваясь выплаты непосильных сумм, неплательщиков сажали в тюрьму и даже запрягали в водовозки, заставляя на себе возить в город воду с лесозавода Ефремовых в Геронтьевской слободе [64, л. 15]. По словам мемуариста, богачей «трясли как мешки с мукой», конфискованные вещи продавали с торгов [63, с. 108].

Дальнейшая биография Прохорова прослеживается пунктирно. Он участвовал в работе уездного земского собрания 9–25 января 1918 г. [83, № 3–4, с. 32], на котором офицеры, делегированные Всероссийским чувашским военным съездом, заявили о создании Центрального чувашского военного Совета [69, л. 49], хотя он был организован только 31 января [46].

16–19 февраля 1918 г. в Чебоксарах работал чувашский уездный военный съезд (по пять отставных солдат от волости), после открытия объявленный съездом чувашских крестьянских депутатов Чебоксарского уезда [58, л. 437, 466]. Несмотря на то, что Покровский волисполком скрыл приглашение на съезд, некоторые бывшие фронтовики приехали на него, в их числе, вероятно, и Прохоров. За игнорирование съезда члены Покровского волостного исполкома Советов подверглись критике, чем, по словам В.В. Тюмерова, воспользовался Прохоров. В начале марта 1918 г. он собрал волостной съезд, который решил проверить работу волисполкома и арестовал его членов. Председатель волсовета Тюмеров применил хитрость и сумел сбежать [69, л. 54–56], после чего затаил злобу на Прохорова. Скоро представился благоприятный случай отомстить: в ночь на 8 марта 1918 г. в д. Большое Аккозино по пути в Чебоксары остановился отряд рабочих порохо-

вого завода г. Казани (50 чел., 3 пулемета)*. Тюмеров явился к его командиру Захарову с жалобой на Прохорова. «Ничего, браток, мы его укротим», — заверил командир, попросив присоединиться к отряду. В тот же день с помощником командира Захватовым и двумя бойцами Тюмеров провел обыск в доме Прохорова в д. Вторые Чекуры, в ходе которого были изъяты револьвер-наган, динамит, цемент и кирпич, якобы похищенные Прохоровым с предприятий земства в бытность председателем земской управы, а сам он арестован [69, л. 59]. 13 марта по вступлении отряда в город при Чебоксарском Совете был образован Революционный штаб во главе с Казакевичем, взявший власть в свои руки. Арестованных экспедиционным отрядом Прохорова и П.Е. Анчунова Ревштаб отправил в тюрьму «до особого распоряжения» [27, л. 64].

Прохоров оставался в партийной кадровой обойме. В конце апреля 1918 г. правые эсеры, члены оргбюро Общечувашского рабоче-крестьянского съезда (г. Казань, 9—15 июня 1918 г.) Г.Ф. Алюнов и И.В. Васильев выдвинули его кандидатуру в содокладчики по вопросам о развитии сельского хозяйства среди чувашей (о садоводстве и огородничестве; о животноводстве) [23, л. 28]. Левые эсеры А.П. Лбов и Е.М. Матвеев высказались против, заявив о непопулярности Прохорова среди «трудового народа» из-за жестокостей, проявленных в бытность начальником уездной милиции. По их мнению, участие Прохорова могло навредить репутации съезда в глазах советских организаций. Г.Ф. Алюнов и И.В. Васильев возразили, что доклад Прохорова носит не политический, а научно-практический характер, и отстояли его кандидатуру [66, л. 63]. Позже Прохорову было поручено сделать еще один доклад об улучшении земельных угодий и поднятии их производительности. 23 мая на оргбюро была озвучена информация о докладчиках, согласившихся и отказавшихся от участия; фамилия Прохорова названа среди не давших ответа [66, л. 65]. В итоге общий доклад о главнейших отраслях сельского хозяйства среди чувашей сделал М.С. Слюбкин. Его выступление разочаровало делегатов съезда, ожидавших услышать лекцию практического содержания [24, л. 60 об.].

После взятия белочехами г. Казани (5—6 августа 1918 г.) политическая ситуация в прифронтовой зоне обострилась. Руководство Чебоксарского Совета охватила паника. Имущество советских учреждений было погружено на пароход, готовый в любой момент поднять якорь. К пристани Чебоксар пристал пароход «Миссури» с отступающим из-под Казани отрядом бывшего начальника снабжения Восточного фронта И.К. Трофимовского и стал грабить и терроризировать местное население [62, л. 325—327] (вскоре его руководитель арестован отрядом латышей и расстрелян в Нижнем Новгороде). Сюда же на пароходе «Минин» прибыл начальник прифронтовой ЧК К.Я. Грасис, который отменил эвакуацию советских учреждений и организовал уездный ЧК во главе с комиссаром 5-й армии А.Ф. Никоноровым [83, № 3—4, с. 35] (уездные ЧК были созданы и в других прифронтовых городах: Краснококшайске, Козьмодемьянске, Васильсурске, Ядрине, Курмыше).

* Для проверки многочисленных жалоб на председателя Чебоксарского Совета И.Г. Кадькова о незаконных налогах Казанский губернский Совет командировал в Чебоксары большевика Казакевича. Изучив работу Совета, инспектор вошел в конфронтацию с Кадьковым и попросил губернский Совет прислать военный отряд для наведения порядка [83, № 3—4, с. 34].

По Чебоксарам и уезду прокатилась волна арестов. Согласно разведывательной сводке Народной армии Комуча от 24 августа 1918 г., Чебоксарская чека издала приказ о явке всех офицеров на регистрацию, после чего их расстреляли. По сообщению газеты «Рабочее дело», были расстреляны представители интеллигенции Е.Б. Демидович, И.И. Есипов, отец и сын Эсмонты, Комерилов [62, л. 160, 166]. Новая волна репрессий прокатилась после подавления антисоветского восстания в г. Курмыше (2 сентября 1918 г.): разведсводка армии Комуча от 7 сентября сообщала о массовых расстрелах крестьян в Чебоксарском и Царевококшайском уездах после краха мобилизации в Красную Армию [62, л. 301]. Со слов члена Ядринской ЧК Р.Е. Чернякова известно, что в г. Ядрине были расстреляны Россоловский (вероятно, упоминавшийся выше сын ядринского помещика), руководитель Ядринского уездного отделения партии эсеров В.И. Мартынов и др. [83, № 3–4, с. 35]. Можно только догадываться, что пережил Прохоров, узнав о расстреле товарищей-однопартийцев. Сам он, вероятно, тоже попал в список неблагонадежных лиц: выступая в декабре 1918 г. на I Казанской губернской конференции чрезвычайных комиссий председатель Чебоксарской ЧК И.Я. Морозов доложил, что для успешной борьбы с контрреволюцией все бывшие полицейские и офицеры взяты на учет [74, с. 362].

5 сентября 1920 г. в хозяйстве Прохорова в д. Вторые Чекуры сотрудником ЧК был проведен обыск и обнаружен тайник с тремя ящиками краски, кулем мела, одеждой, царскими деньгами и др. Домохозяйина арестовали, но тут же освободили, взяв подписку о явке по первому требованию. Были изъяты документы Чебоксарской земской управы периода Февральской революции, после чего открыто дело о хранении контрреволюционной переписки. 12 декабря 1920 г. дело было закрыто, Прохоров взят под надзор, с него взята подписка о невыезде из Чебоксар. Изъятое было возвращено, за исключением предметов военной одежды и какой-то «французской медали» [33, л. 1–64].

Прохоров полагал, что страховкой от доносов может стать работа в городе на глазах «ответственных работников», но, как писал, не смог покинуть семью. 21 декабря 1920 г. он вновь был арестован ЧК и заключен в чебоксарскую тюрьму. Прохоров связывал свой арест с советской работой. Дело в том, что в октябре 1920 г. на перевыборах сельсовета д. Вторые Чекуры односельчане чуть ли не единогласно выбрали Прохорова, и он стал его секретарем. Новый сельсовет ликвидировал недоработки старого и успешно собрал продрозверстку без содействия продотрядов, зажиточных крестьян обложил сбором хлеба в фонд обеспечения бедных односельчан. Среди недовольных один оказался агентом уголовного розыска, сын второго – волостным милиционером. 7 декабря 1920 г. Прохоров и председатель сельсовета были арестованы по обвинению в махинациях. Пытаясь оправдаться, Прохоров называл себя «старым коммунистом» вне партии и недоумевал: «Раньше меня таскали по тюрьмам по разным кляузам как контрреволюционера, а теперь везут [в Чебоксары] за ревностную советскую работу». В его защиту выступил продовольственный комиссар Чувашской АО. Он обвинил кулаков в кознях против продроботников и попросил ЧК в дневное время отпускать Прохорова из тюрьмы для канцелярской работы в областном продовольственном комитете [33, л. 65–65 об.].

По крайней мере, до 12 января 1921 г. Прохоров содержался в тюрьме, затем отпущен. Но его дни были сочтены. 19 января в Акулевской волости Чебокс-

сарского уезда вспыхнуло антисоветское крестьянское восстание, быстро перекинувшееся на соседние волости и уезды. В разгар борьбы с повстанцами, писал В.В. Тюмеров, Прохоров послал в областную ЧК телеграмму о бунте в родной деревне с целью «спровоцировать восстание» [27, л. 16 а]. В телеграмме в передаче А.В. Изоркина говорилось: «О восстании, аресте Совета, переходе власти в руки эсеров» [48]. ЧК отправило на разведку сотрудника И.Ф. Филиппова, который, по словам В.В. Тюмерова: «Выяснил, что никто в деревне восставать не собирался, а Прохорову Тр[офиму] эта провокация нужна была для прикрытия вывезенной им с общественной мельницы муки для спекуляции» [27, л. 16 а]. «На этом, — рассказывал Тюмеров, — [Прохоров] попался и попался крепко — расстрелян постановлением коллегии обЧК» [28, л. 95]. Позже в своих воспоминаниях он писал о расстреле «махрового уголовного преступника» по приговору «пролетарского» (советского) суда [69, л. 38; 82, с. 18]. По иронии судьбы, в 1938 г. Тюмеров был репрессирован и среди прочего обвинен в том, что в годы работы в обчека проводил мероприятия в интересах эсеров, скрывая бывших соратников по партии и организаторов «кулацкого» восстания 1921 г. [35, л. 1]

Из доклада начальника 3-го района Чебоксарской уездной милиции от 2 февраля 1921 г. известно, что 22 января в д. Кугеево повстанцы отняли винтовки у эхавших из Казани красноармейцев-конвоиров и напали на д. Вторые Чекуры, где арестовали 12 коммунистов. В ночь на 23 января карательный отряд из Чебоксар разогнал восставших. Далее сообщалось, что старший милиционер Покровской волости в это время находился во Вторых Чекурах «с уполномоченным обчека т. Филипповым по имеющемуся там делу» [54, с. 145–146], думаем, по делу Прохорова.

А.В. Изоркин утверждал, что Прохоров обвинялся в самогоноварении, изготовлении поддельных документов за плату, краже мочала и т.п. и назвал дату его расстрела — 3 февраля 1921 г. [48]. Д.П. Петров (Юман), как указывали, «оплакивал» смерть Прохорова [25, л. 143] и утверждал, что тот был расстрелян «в связи» с антисоветским восстанием [77, с. 76].

Многое в этой истории неясно. А.П. Лбов, занимавший в 1921 г. пост председателя Ревтрибунала Чувашской АО, вспоминал, что председатель обчека И.А. Кадушин на одном из заседаний то ли штаба по подавлению восстания 1921 г., то ли обкома ВКП (б), заявил, что инициаторами восстания являются бывшие офицеры царской армии, указав в частности на Т.П. Прохорова. Однако вопрос о руководителях восстания следователи обчека и Ревтрибунала (расследованием особо важных дел занимался начальник секретно-оперативной части <СОЧ> обчека В.В. Тюмеров) не расследовали. Дела на Прохорова не заводили, сам он к моменту подавления восстания погиб при неизвестных обстоятельствах: «Кто его убил и с какой целью, так и осталось невыясненным и не расследованным облчека», — показывал А.П. Лбов [32, л. 99].

Антисоветское восстание было подавлено 27 января 1921 г., что ставит под сомнение дату расстрела Прохорова, названную А.В. Изоркиным. По горячим следам вину за невыявление руководителей восстания возлагали на Тюмерова. Военный комиссар Чувашской АО И.Е. Ефимов обвинил начальника СОЧ обчека в том, что начало восстания — дело его рук, а Прохорова он убил «для сокрытия следа» [32, л. 99]. Обвинение беспочвенное, так как В.В. Тюмеров до 1 марта 1921 г. работал начальником речной милиции и войск ЧК Семипалатинского района на

р. Иртыше (затем отозван в распоряжение Чувашской АО и 1 апреля назначен начальником СОЧ областной ЧК) [27, л. 13; 35, л. 272].

В 1938 г. бывший помощник Прохорова-комиссара И.И. Данилов, арестованный по антисоветской статье, на допросе показал, что Прохоров был расстрелян в 1918 г. «как провокатор и отъявленный контрреволюционер» [37, л. 43 об.]. Тот факт, что бывшим эсерам Данилову и Лбову были неизвестны время и обстоятельства смерти Прохорова, показывает, что расправа над ним была тайной и скорой. Незнание породило слухи: в 1933 г. участник революционных событий в Чебоксарах П.С. Сидоров, путая даты и факты, вспоминал, что «белый комиссар» Прохоров приказал военному отряду, направленному Казанским чувашским военно-окружным комитетом после разгона большевиками комитета общественной безопасности арестовать Грасиса. Солдаты отказались выполнять приказ, после чего отряд был разоружен, а Прохоров застрелился на берегу Волги [59, л. 441 об.].

В период Февральской революции политическая карьера Т.П. Прохорова развивалась стремительно: от земского гласного до уездного комиссара Временного правительства, руководителя уездного земства и милиции, но скоротечно — с апреля по ноябрь 1917 г. В условиях двоевластия, сопровождавшегося острой политической борьбой, Прохоров не сумел сколотить широкий политический блок (опоры на чувашское крестьянство — социальную базу чувашских правых эсеров, оказалось недостаточно) и в борьбе с большевиком Грасисом проиграл. Его знания, политический и хозяйственный опыт, накопленные со времен Первой российской революции, в том числе в политической эмиграции, остались не востребованными. Политическое поражение чувашских правых эсеров в годы Гражданской войны предопределило судьбу ее видных деятелей: в 1921 г. Т.П. Прохоров был расстрелян в связи с антисоветским крестьянским восстанием в Чувашии.

Список источников и литературы

1. *Артемьев С.А.* Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 328 с.
2. В просветительном обществе // Чебоксарская правда. 1917. 28 мая.
3. *Васильев Т.* Виктор Тюмеров без маски // Красная Чувашия. 1935. 26 октября.
4. Государственный архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15.
5. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2405.
6. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2540.
7. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2541.
8. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2544.
9. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2555.
10. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2556.
11. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2563.
12. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2573.
13. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2575.
14. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2584.
15. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2648.
16. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1431.
17. ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 205.
18. ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 252.
19. ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 289.
20. ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 321.
21. ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 7. Д. 87.
22. ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 8. Д. 52.

23. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 11.
24. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27.
25. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 71.
26. ГИА ЧР. Ф. Р-1749. Оп. 1. Д. 20.
27. ГИА ЧР. Ф. Р-1749. Оп. 1. Д. 25.
28. ГИА ЧР. Ф. Р-1749. Оп. 1. Д. 31.
29. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 639.
30. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 964.
31. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2723.
32. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2724.
33. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4019.
34. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4573.
35. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4924.
36. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4925.
37. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 216.
38. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3469.
39. Государственный архив Ярославской области. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1060.
40. *Грасис К.Я.* Не слушайте клеветников! // Чебоксарская правда. 1917. 5 мая. С. 2–3.
41. *Грасис К.Я.* Письмо в редакцию. Ответ всем клеветникам и лжецам // Рабочий. 1917. 17 июля.
42. *Грасис К.Я.* По пути к народовластию // Чебоксарская правда. 1917. № 9. 8 мая. С. 4.
43. *Грасис К.Я.* Пример, как не нужно вести себя делегатам // Чебоксарская правда. 1917. 12 мая. С. 1–2.
44. *Грасис К.Я.* Чародеи продовольственного комитета // Чебоксарская правда. 1917. № 23. 26 июня.
45. *Гусаров Ю.В.* Прохоров Трофим Прохорович // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 783.
46. *Гусаров Ю.В.* Центральный чувашский военный Совет // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 427.
47. *Дурасов С., Тюмеров В.* Октябрьская революция в Чувашии // Красная Чувашия. 1932. 26, 27 октября, 1–4 ноября, 10 ноября.
48. *Изоркин А.В.* Парижри корреспондент [Парижский корреспондент] // Хыпар. 1996. № 12–13. Февраль, 20.
49. История Чувашии новейшего времени / А.В. Изоркин [и др.]. Кн. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 261 с.
50. *Калкай П.* Пирён хаçат ёсне пысăк укça парса пулăшакансене тав туни [Благодарность благотворителям нашей газеты] // Хыпар. 1917. № 1. Май 1. С. 4.
51. Клеветники из «Голоса труда» // Чебоксарская правда. 1917. № 18. 9 июня. С. 2.
52. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 320 с.
53. *Краснов А.Д.* Нарспа йупа уйăхĕ [февраль-октябрь]. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1931. 79 с.
54. Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: сб. документов / сост. Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 415 с.
55. *Крынецкий И.А.* Как устанавливалась советская власть в Чебоксарах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 19 с.
56. *Лбов А.П.* Шупашкар пурăнăçĕ [Чебоксарская жизнь] // Хыпар. 1917. № 20. Июль, 17. С. 4.
57. *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: ГУП «Издательский дом “Хыпар”», 2011. 638 с.
58. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 540.
59. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 542.
60. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 715.
61. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 111. Инв. № 235.
62. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 114. Инв. № 239.
63. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 300.
64. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 383.
65. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 410.

66. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 416.
 67. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 435. Инв. № 1116.
 68. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 734.
 69. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2332. Инв. № 8804.
 70. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2533.
 71. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 121. Инв. № 702.
 72. *Николаев С.Н.* Воспоминания // ЛИК. 2006. № 4. С. 73–136.
 73. *Николаев С.Н.* Объединенное демократическое совещание Чебоксарского уезда // Чебоксарская земская газета. 1917. № 2. 3 июля. С. 3.
 74. Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии: сб. документов. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 426 с.
 75. *Павлов Я.К.* Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917–1925 гг.). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 187 с.
 76. *Петров Д.П.* 1905-мёш сул чăвашсен хушшинче пулнă асăнни [1905 год. Воспоминания о событиях среди чувашей]. Шупашкар: Чувашкнигоиздат, 1925. 118 с.
 77. *Петров Д.П.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 104 с.
 78. Петроградские события и обсуждение их на митинге в Чебоксарах 6-го июля // Чебоксарская жизнь. 1917. № 5. 12 июля. С. 3–4.
 79. *Сельская учительница.* О нашей молодежи // Чебоксарская правда. 1917. 9 июня. № 18. С. 4.
 80. *Соколов В.* Опасные привычки. Впечатления от чебоксарской общественной жизни // Чебоксарская жизнь. 1917. 5 июля.
 81. Тимофей Николаичшăн укса панă сынсем ячĕсем [Имена людей, пожертвовавших деньги на помощь Тимофею Николаевичу] // Хыпар. 1917. № 7. Май, 29. С. 4.
 82. *Тюмеров В.В.* Страницы из моей жизни. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 47 с.
 83. *Черняков Р.Е.* О борьбе за Советскую власть в Чебоксарах в 1917–1918 гг. // Сунтал. 1933. № 2. С. 25–28; № 3–4. С. 31–36.
 84. Чувашский национальный музей. Рукописный фонд. Док. № 611/83.
 85. *Ширновой йăхĕ Н.* Шупашкар ёçĕсем [Чебоксарские дела] // Хыпар. 1917. № 4. Май, 15. С. 4.
 86. *Ширновой йăхĕ Н.* Шупашкар [Чебоксары] // Хыпар. 1917. № 2. Май, 7. С. 4.
 87. *Шупашкарти Holt.* Шупашкар [Чебоксары] // Хыпар. 1917. № 15. Июнь, 27. С. 3–4.
 88. Шупашкар комиссарĕ Прохоров сĕнчен [О чебоксарском комиссаре Прохорове] // Хыпар. 1917. № 12. Май. 12. С. 3–4.
 89. Ярославское исправительное арестантское отделение: [Режим доступа]: <https://af.yar-archives.ru/archive1/funds/10000048280> (дата обращения: 13.07.2020).

Yu.V. Gusarov

«CONVINCED PEOPLE»: A CHUVASH PUBLIC AND POLITICAL ACTOR OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY T.P. PROKHOROV

Annotation. The article tells about the life and political activities of a prominent figure of the Chuvash national movement of the early XX century. T.P. Prokhorov (1884–1921). Prokhorov's political activities began during the First Russian Revolution. In 1905 he fled from military service to France. In 1908 he returned to Russia and was sentenced to 1.5 years in prison correctional departments. During the February Revolution, he experienced a rapid rise from the district zemstvo official to the commissar of the Provisional Government, the head of the district zemstvo council and the district militia of the Cheboksary district. After the Bolsheviks came to power, he returned to the peasant economy. He was shot in 1921 in connection with a peasant uprising against the policy of war communism.

Keywords: Chuvash Socialist-Revolutionaries, Bolsheviks, political emigration, February Revolution, Commissioner of the Provisional Government T.P. Prokhorov, K. Ya. Grasy, anti-Soviet uprising of 1921.

ВОСПОМИНАНИЯ ЧУВАШСКОГО СОЦИАЛИСТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА С.Н. НИКОЛАЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Рассматриваются воспоминания известного чувашского социалиста-революционера, депутата Учредительного собрания Семена Николаевича Николаева (1880–1976) в качестве исторического источника. Анализируется отражение в мемуарах общественно-политической деятельности С.Н. Николаева, определяется научно-познавательная ценность воспоминаний как источника по истории России конца XIX – первой половины XX вв.

Ключевые слова: С.Н. Николаев, эмиграция, партия социалистов-революционеров, демократия, социализм.

Великий немецкий поэт И. Гете писал, что «основная задача биографии в том и состоит, чтобы изобразить человека в его соотношении с временем, показать, в какой мере оно было ему враждебно и в какой благоприятствовало, как под воздействием времени сложились его воззрения на мир, на людей...» [2, с.11]. Думается, что жизнь и судьба чувашского общественно-политического и государственного деятеля, публициста Семена Николаевича Николаева (1880–1976), в полной мере отразившая бурные и трагические события истории России XX в. – период войн, революций и репрессий, представляет немалый интерес как предмет биографического исследования. Желание показать свою судьбу, переживания, думы, поступки на фоне «беспримерных социально-политических потрясений» и стало главным побудительным мотивом написания мемуаров. Сам Николаев в предисловии к своим воспоминаниям отмечал, что «...может быть, и мое повествование о маленьких событиях моей скромной жизни в рамках, в какие я был поставлен от своего рождения, позволит осветить те условия – материальные, социальные, моральные и культурные (вернее, бескультурье), в которых мы, дети бедного, не в меру и незаслуженно презираемого народа, трудились и учились, жили и росли, безропотно страдая и молчаливо терпя всякие лишения, голод и холод» [7, с. 11].

Начиная с 1990-х гг. общественно-политической и литературной деятельности С.Н. Николаева посвящено немало публикаций, из которых стоит выделить ряд работ Г.А. Александрова [1], открывшего данную тему, и других исследователей [4; 11; 12; 13]. Из последних трудов отметим статью Л.В. Климович, А.А. Никитина и Л.А. Шайпака, использовавших материалы С.Н. Николаева из Национального архива Чешской Республики [3]. Воспоминания Николаева печатались в журнале «ЛИК» в 2006–2007 гг. [6], в полном виде появились в 2015 г. в Праге [7].

В чем же уникальность воспоминаний С.Н. Николаева? Насколько они значимы как исторический источник? Впервые к мемуарному жанру С.Н. Никола-

ев обратился в эмиграции, в 1920-е гг. Он был членом Общества «Волжского движения 1918 г.», возникшего в Праге в 1927 г. Это общество планировало собирать и обрабатывать материалы, связанные с историей Гражданской войны в Поволжье в 1918 г., а также поддерживать участников этого движения. Усилиями общества в 1930 г. был издан сборник «Гражданская война на Волге в 1918 г.» со статьей С.Н. Николаева [10]; готовился второй сборник и другие издания, однако прекращение финансирования со стороны чехословацкого правительства нарушило эти планы. Тем не менее, С.Н. Николаеву удалось опубликовать отрывки из своих воспоминаний в журналах «Воля России» и «Современные записки» [8; 9]. Мемуарные работы С.Н. Николаева той поры хорошо известны и до сих пор активно используются историками Гражданской войны в России. После возвращения в Чехословакию из СССР (1956) Николаев написал воспоминания «для себя» (окончил в августе 1961 г.), без надежды их опубликования в обозримом будущем. В 1990-е гг. сохранившаяся рукопись усилиями представителей российской диаспоры в Праге Г. Овсянникова, И. Сташевского и В. Мальгина была подготовлена к печати.

По мнению Л.П. Репиной, «такие “ненадежные”, “субъективные” источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности» [5, с. 11]. Мемуары С.Н. Николаева составляют три тома, посвященных различным этапам его жизни. Первый том – «Без руля и ветрил» – повествует о периоде 1880–1918 гг., детстве в бедной крестьянской семье, обучении в Симбирской чувашской учительской школе и общении с И.Я. Яковлевым, затем в духовной семинарии и на юридическом факультете Казанского университета. Содержащие массу деталей, очень насыщенные зарисовки крестьянского быта и учебы показывают мир чувашской крестьянской семьи конца XIX в. изнутри, причем глазами человека с огромным жизненным опытом и знаниями. С.Н. Николаев становится членом партии социалистов-революционеров, занимается журналистской деятельностью в газете «Хыпар», а в 1917 г. избирается депутатом Всероссийского Учредительного собрания по «Списку полномочного общечувашского национального съезда, чувашских военных комитетов и чувашской организации партии социалистов-революционеров».

Стоит отметить, что автор постоянно говорит о своем духовном развитии, образовании, формировании убеждений. Он пишет, что «...пройдя все ступени школьной лестницы, мы вступали на жизненный путь, неизбежно сталкиваясь на нем с рядом иных понятий и отношений, – и с естественной необходимостью подвергали переоценке и переработке детские представления и понятия, шаг за шагом усваивали понятия иного порядка и значения, в том числе и понятия о несовершенстве жизни и людских отношений, нередко переживая полноту горечи господствующей в жизни неправды и зла и сознавая относительность ценностей и идеалов, часто суетных и обманчивых» [7, с. 11].

Второй том, «Между Сциллой и Харибдой», охватывает время Гражданской войны в России (1918–1922), активное участие в которой принял С.Н. Николаев. Он входит в состав Самарского Комитета членов Учредительного собрания, после крушения которого весной 1919 г. перебирается во Владивосток. Ни-

колаев проведет там около трех лет, занимаясь как профессиональной юридической, так и общественной деятельностью. В январе 1922 г. С.Н. Николаев эмигрирует в Чехословакию. Особый интерес вызывают размышления автора о причинах поражения Комуча, да и вообще демократической альтернативы в Гражданской войне, представленной партией социалистов-революционеров. Николаев самокритичен в оценке своей партии, отмечая ее неспособность «своевременно вооружиться», переоценку силы слов и убеждений, отсутствие лидера, недостаток воли к власти, подкрепленной соответствующей доктриной. Николаев делает общий вывод и о проблемах российской демократии в целом, подчеркивая, что сама идеология демократии в России несла в себе «зачатки поражения», так как давала свободу всем, в том числе своим врагам, позволяя им беспрепятственно вести подрывную работу.

К сожалению, период эмиграции (1922–1945) в мемуарах С.Н. Николаева не получил освещения. В третьем томе, «Мое хождение по мукам», он сразу переходит к событиям 1945 г., своему аресту и осуждению. Перед читателем проходит яркая галерея образов людей, с которыми Николаеву пришлось столкнуться в тюрьме и на поселении — сотрудников карательных органов, заключенных разных стран мира и политических взглядов, простых рабочих и крестьян. Пожалуй, в ряду многих произведений «лагерной прозы» воспоминания Николаева выделяются интересными подробностями, наблюдениями за характерами, этнографическими деталями. Сам Николаев, предваряя рассказ о своих «хождениях по мукам», подчеркивал стремление к спокойному и предельно объективному освещению событий: «...чтобы факты, события и человеческие отношения не окрашивались мрачными красками моих субъективных переживаний и оценок, чтобы они изобразились такими, какими были сами по себе, без нарядов и облачений, траурных и иных, — какими они были в действительности» [7, с. 415].

После ареста в Праге Николаева отправляют в Москву, в Лубянскую тюрьму. Затем следует целый ряд других тюрем — Владимирская, Горьковская, Кировская пересыльная; наконец, ссылка в с. Богучаны на Ангаре, работа истопником на заводе и кассиром в бане. В Прагу С.Н. Николаеву удалось вернуться лишь в мае 1956 г. после амнистии, жизни в Ульяновске и долгих хлопот с получением разрешения на выезд.

Вызывают интерес наблюдения С.Н. Николаева о жизни в Советском Союзе — как он пишет, «я видел и слышал такое, чего не увидел бы и не услышал при другом стечении обстоятельств» [7, с. 552]. Он объективно оценивает успехи советской власти, благоустройство городов (ВДНХ и парк культуры и отдыха им. Горького «составили бы украшение любой европейской столицы»; изменение облика чувашской деревни — рост уровня культуры, новые строения, распространение овощей, медицинские и ветеринарные услуги и др.). Но тут же С.Н. Николаев замечает общую бедность, рост преступности, жилищные проблемы, повсеместные очереди, трудности со снабжением (от Москвы до Ульяновска «к нашему удивлению, невозможно было найти ничего съестного: не встречались ни колхозницы со своими пирогами, ватрушками, яйцами и молоком, ни служащие вокзальных ресторанов со своими продуктами»), запущенные городские окраины Ульяновска, превращавшиеся осенью «в непроходимые болота». В целом на закате жизни мемуарист склонен был относиться к превратностям своей биографии в стоическо-христианском духе — «нет худа без добра», ибо лишение свободы

заставляет ценить ее по-настоящему, уважать труд и доброту людей. Николаев заключает, что соглашается с сентенцией — «все возможно на свете, даже торжество правды» [7, с. 554].

Как отмечает Л.П. Репина, «именно в истории индивида наиболее остро и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема о соотношении и совместимости микро- и макроанализа» [5, с. 7]. Воспоминания С.Н. Николаева дают нам уникальную картину истории России — СССР конца XIX — первой половины XX в. Эпоха войн и революций через призму восприятия автора, участника этих событий, «действующего лица» (пусть и не первого плана), который находился в ситуации выбора в разных социальных пространствах — сельской российской провинции, университете, революционном движении, государственной службе, армии, Гражданской войне, эмиграции, тюрьме и ссылке, предстает как сложная структура, где переплетаются внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь с кругом близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня. В силу этого воспоминания С.Н. Николаева, насыщенные информацией и авторскими рефлексиями, вне всякого сомнения будут востребованы исторической наукой и займут достойное место в ряду мемуарных свидетельств эпохи.

Список источников и литературы

1. Александров Г.А. С.Н. Николаев: штрихи к биографии секретаря Комуча // *Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. С. 42–69.*
2. Гете И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда // *Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1976.*
3. Климович Л.В., Никитин А.А., Шайнак Л.А. Жизненный путь общественного деятеля, интеллигента, педагога и юриста С.Н. Николаева в России и эмиграции (1880–1976) // *Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 98–113.*
4. Леонтьев А.П. «Из мира слез и печали...» // *ЛИК. 2006. № 3. С. 38–41.*
5. История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.
6. Николаев С. Воспоминания // *ЛИК. 2006. № 3 (7). Июль–сентябрь. С. 42–84; 2006. № 4 (8). Октябрь–декабрь. С. 73–136; 2007. № 1 (9). Январь–март. С. 61–134; 2007. № 2 (10). С. 60–130.*
7. Николаев С.Н. Воспоминания. Прага: Русская традиция, 2015. 572 с.
8. Николаев С.Н. Конец «Комуча»: (Свидетельские показания) // *Современные записки. Париж. 1931. № 45. С. 333–361; № 46. С. 287–320.*
9. Николаев С.Н. Народная армия в Симбирске // *Воля России. Прага. 1928. № 10–11. С. 112–134.*
10. Николаев С.Н. Политика «Комуча»: Опыт характеристики // *Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 103–164.*
11. Родионов В.Г. Общественно-политические взгляды чувашского публициста-эмигранта С.Н. Николаева // *Политические преследования и репрессии 1920 – начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (21 марта 2014 г., Чебоксары) / Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, Чуваш. респ. общ. орг. инвалидов – жертв полит. репрессий. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. С. 98–110.*
12. Суслов А.Ю. К биографии социалиста-революционера С.Н. Николаева (1880–1976) // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII международной научной конференции, Иваново, 3–4 апреля 2019 г. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2019. С. 647–652.*
13. Суслов А.Ю. Чувашский социалист-революционер С.Н. Николаев в период эмиграции (1920–1930-е годы) // *Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 182–194.*

A.Yu. Suslov

**MEMORIES OF THE CHUVASH SOCIALIST-REVOLUTIONARY
S.N. NIKOLAEV AS A HISTORICAL SOURCE**

Annotation. The article considers the memoirs of the famous Chuvash socialist-revolutionary, Deputy of the Constituent Assembly Semyon Nikolaevich Nikolaev (1880–1976) as a historical source. Analyzes the reflection in the memoirs of public and political activities S.N. Nikolaev, determined by scientific-cognitive value of memories as a source on Russian history of late XIX – first half XX centuries.

Keywords: S.N. Nikolaev, emigration, party of socialists-revolutionaries, democracy, socialism.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНАХ

Аннотация. Статья посвящена комплексному обобщению опыта создания национальных автономий финно-угорских народов в советский период. Анализируется трансформирование различных форм политико-правового оформления, изменения территориальных границ, а также достижений в области сохранения самосознания и традиционной культуры «титульных» этносов.

Ключевые слова: социалистический федерализм, финно-угорские народы, трудовая коммуна, округ, область, автономная республика.

Декларация прав народов России 2(15) ноября 1917 г. провозгласила равенство и суверенность народов России и их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. При этом был взят курс на реализацию принципа самоопределения на основе «социалистического федерализма» в форме создания этнотерриториальных автономий различного уровня для разных народов. Этнический принцип был положен в основу внутригосударственного деления. Создание «национальной государственности» («национальное строительство») провозглашалось как важнейшее достижение новой политической системы.

К началу XX в. финно-угорские народы России (за исключением финнов) не имели собственного административно-политического и культурного центра. Основной преградой на пути этнической консолидации являлась территориальная расчлененность по различным губерниям. Данное обстоятельство оказывало существенное влияние на процесс этнополитической консолидации, что может быть подтверждено конкретным историческим материалом.

Декретом ВЦИК РСФСР от 8 июня 1920 г. на территории современной Карелии была образована Карельская трудовая коммуна. Впервые опыт создания национально-территориальной автономии в такой форме был реализован еще в октябре 1918 г., когда возникла Трудовая коммуна немцев Поволжья. 16 июля 1920 г. для решения задачи выделения границ новой административной единицы был сформирован специальный комитет, в ходе деятельности которого представители Карельского ревкома и Олонецкого губисполкома так и не смогли прийти к консенсусу. Большинство представителей губисполкома настаивали на строгом соблюдении этнического принципа при размежевании. Карревком указывал на то, что при таком подходе в состав автономии должны были бы войти наименее экономически развитые, отрезанные от инфраструктуры территории, и лоббировал включение в состав Карельской коммуны также ряда районов с русским населением, чтобы создаваемая область была экономически жизнеспособной. Обсуждение вопроса было перенесено на межведомственное совещание при Нарко-

мате внутренних дел РСФСР, а в дальнейшем – Совнаркома [5, с. 432–435]. По его результатам в состав нового образования были включены населенные преимущественно карелами местности Архангельской (основная часть Кемского уезда) и Олонецкой (большая часть Олонецкого, западные волости Петрозаводского и Повенецкого уездов) губерний. Население Карельской трудовой коммуны составляло 144,4 тыс. чел., из них около 60 % – карелы, 37 % – русские [13, с. 140–142].

Несмотря на завершение процесса территориальной демаркации, длительное время существенную негативную роль играло отсутствие четкого разграничения полномочий в хозяйственных и организационных вопросах между органами Карельской коммуны и Олонецкой губернии, размещавшимися в едином административном центре – Петрозаводске. В августе 1920 г. был создан объединенный президиум губисполкома и ревкома. В сентябре 1920 г. образован объединенный Карело-Олонецкий комитет РКП(б) на правах губкома партии. Год спустя он был разделен на два временных комитета РКП(б): Карельский областной и Олонецкий губернский [5, с. 437–438].

В 1922 г. в связи с ликвидацией Олонецкой губернии в состав Карельской трудовой коммуны были переданы большая часть Пудожского уезда и восточные волости бывших Повенецкого и Петрозаводского уездов, главным образом с русским населением. Декретом ВЦИК от 25 июля 1923 г. Карельская трудовая коммуна была преобразована в Карельскую АССР, территория которой в течение 1923 – 1924 гг. была увеличена за счет Прионежья и части островов Беломорья. Тем самым был завершён процесс территориального оформления автономии на довоенном этапе, ее население состояло из 221,6 тыс. чел. (42 % карел и вепсов, 55,7 % русских). В процессе повышения статуса автономии увеличивалась территория, что сопровождалось сокращением доли «титального» этноса, хотя имелось в виду создать более компактную, но этнически более однородную автономию [15, с. 71].

Движение за создание удмуртской государственности первоначально базировалось на идее формирования Прикамской губернии с центром в г. Сарапуле. В нее должны были войти территории проживания удмуртов в Вятской, Пермской, Казанской, Самарской и Уфимской губерниях. Однако в названных губернских центрах идея отторжения части территорий встретила сопротивление. ВЦИК РСФСР была создана комиссия для разрешения вопросов образования удмуртской автономии, куда были включены представители Вятского губисполкома, Татарского и Башкирского ЦИКов, Уральской области. В итоге декретом ВЦИК РСФСР от 4 ноября 1920 г. была образована автономная область. В нее не вошли города Сарапул, Воткинск, Елабуга, Бондюга, Кизнерский район. Удмуртия лишилась судоходной р. Камы с пристанями, Вятки и Кильмези – основных артерий для лесосплава. Разрушился сложившийся хозяйственный комплекс Прикамья и Удмуртии. 100 тыс. удмуртов, проживавших компактно на сопредельных с ВАО территориях, остались вне автономии [16, с. 61].

Свидетельством не вполне достаточной степени учета центральными органами власти этнической специфики в формировании государственности удмуртов на рассматриваемом этапе являются формулировки нормативно правовых актов. В частности, постановлением Всероссийского ЦИК и СНК РСФСР от 4 ноября 1920 г. была образована Автономная область вотяцкого народа. В поста-

новлении СНК РСФСР от 2 ноября 1920 г. в п. 1 «Образовать автономные области народов...» был употреблен термин «вотяцкого» народа, а в указанном постановлении ВЦИК и СНК от 4 ноября 1920 г. в п. 1 «вотяцкого» народа. В декрете Всероссийского ЦИК «Об Автономной области вотского народа» от 5 января 1921 г. употреблен термин «вотского» народа [2, с. 125].

Руководство ВАО неоднократно ставило перед Центром вопрос о расширении границ области, повышении ее статуса, переименовании субъекта с учетом национальных языковых традиций. По первым двум пунктам положительного ответа не поступало. Наряду с этим Президиум ВЦИК принял постановление от 1 января 1932 г., в котором констатировалось: «Ввиду того, что коренное население Вотской автономной области в историческом и этнографическом отношении является удмуртским народом, переименовать Вотскую автономную область в Удмуртскую автономную область» [8, с. 33].

Компактно приживающий коми народ оказался разделенным между четырьмя губерниями: Вологодской, Северо-Двинской, Пермской и Вятской. Декретом ВЦИК от 22 августа 1921 г. была образована Автономная область Коми (Зырян). В нее вошла большая часть Печорского уезда Архангельской губернии, весь Усть-Сысольский и большая часть Яренского уезда Северо-Двинской губернии. Процесс территориального выделения Коми автономии имел длительный характер в силу сложности решения организационных и идейно-политических моментов, прежде всего – в поиске консенсуса с «пограничными» губерниями (Архангельской, Пермской, Вятской, Северо-Двинской). Формирование территории Коми автономии завершилось лишь к концу 1920-х гг. 5 декабря 1936 г. АО Коми (Зырян) была преобразована в Коми АССР [6, с. 302–303].

Постановлением ВЦИК СССР от 26 февраля 1925 г. был образован первый в СССР национальный округ – Коми-Пермяцкий, в который, однако, не были включены районы проживания зюздинских и язвинских коми-пермяков. На этой территории, согласно данным переписи 1926 г., проживало 152,5 тыс. чел., доля коми-пермяков в населении округа составляла 76,9 % (в Коми АО доля «титального» населения в 1926 г. составляла 92,2 %) [12, с. 41].

В развитии национального движения марийцев существенное значение имел I Всероссийский съезд марийского народа, состоявшийся в июле 1917 г. Были созданы национальные организации – «Марий ушем» (союзы, или общества мари), ставившие в первую очередь культурно-просветительские цели. С 25 августа того же 1917 г. начала издаваться газета «Ужара» (Заря). Национальный съезд мари (февраль 1918 г.) принял решение: «Отменить существующее название народа мари “черемис” ввиду его ненационального происхождения и заменить его исторически национальным именем “мари”» [12, с. 194].

В административном отношении Марийский край был разделен на несколько частей, что отрицательно сказывалось на развитии и консолидации марийского народа. Около 60 % населения края находилось в составе Казанской губернии, свыше 30 % – в Вятской, около 10 % – в Нижегородской. 4 ноября 1920 г. декретом ВЦИК и Совнаркома в составе РСФСР была образована Марийская автономная область (МАО). Однако в область вошли территории, где проживало немногим более половины всего марийского этноса: Краснококшайский уезд Вятской губернии (кроме двух волостей), девять волостей Уржумского уезда и три волости Яранского уезда Вятской губернии площадь территории – 10 582 кв. км. Об-

щая численность населения области составила 338,5 тыс. чел., в том числе 183 тыс. марийцев (54,1 %) [19, с. 107–108]. В первой половине 1920-х гг. в состав МАО вошли марийские селения Нижегородской и Вятской губерний, а также Татарской и Чувашской АССР. Территория области расширилась до 23,5 кв. км., население составило 428 тыс. чел., доля марийцев возросла до 61 % [14, с. 158].

Национально-государственное строительство марийского народа в эти годы отмечено еще одним уникальным явлением — движением горных марийцев за самоопределение. В сентябре 1930 г. в составе МАО был образован Горномарийский национальный район [14, с. 160]. Однако группа работников горных марийцев продолжала настаивать на образовании Горномарийской области и выходе горных мари из МАО. Но их деятельность была осуждена, а они сами исключены из партии и в большинстве своем впоследствии репрессированы.

Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г. был образован Остяко-Вогульский национальный округ (с 23 октября 1940 г. — Ханты-Мансийский). Большую роль в развитии округа сыграл Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. После образования Остяко-Вогульского национального округа было проведено территориально-административное районирование и земельно-водное устройство, началась коллективизация. В этот период традиционные формы хозяйства и природопользования еще не претерпели существенных изменений, не были, за некоторым исключением, обобщены лошади и рогатый скот. В большей степени обобществление коснулось поголовья оленей [17, с. 187–188].

К 1920 г. мордовское население проживало на территории 25 губерний. 90 % мордвы жило в Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерниях. В них не было ни одного уезда с преобладанием мордовского населения. На Всероссийском съезде коммунистов мордовской национальности, состоявшемся в июне 1921 г. в Самаре, было принято постановление о выделении мордвы в автономную единицу. Собранные специальной комиссией материалы были рассмотрены в Наркомнаце в декабре 1922 г. и признаны недостаточно подготовленными. Вопрос об образовании автономии был отложен. Вначале было решено выделить национальные мордовские волости и уезды. Всего в РСФСР в 1925–1928 гг. появилось 619 мордовских национальных Советов и 17 волостей (в том числе на территории сегодняшней Мордовии соответственно 377 и 13), которые объединяли большинство мордовского населения, проживающего в той или иной губернии [1, с. 320–339].

14 мая 1928 г. в составе Средневожжской области образован Саранский округ, переименованный в том же году в Мордовский. В него были включены уезды и волости с мордовским населением, входившие ранее в губернии: Пензенскую (полностью Краснослободский, почти полностью Саранский и Инсарский уезды и половина Наровчатского уезда), Симбирскую (весь Ардатовский уезд, волости с мордовским населением Алатырского и Карсунского уездов), Нижегородского (небольшая часть мордовских волостей Лукояновского и Сергачского уездов). Территория равнялась 25 266 кв. км. Согласно Всероссийской переписи 1926 г., на этой территории проживали 1 млн 340 тыс. чел., из которых мордвы — 427 607 (32,2 %). Президиум ВЦИК 10 января 1930 г. постановил преобразовать Мордовский округ в Мордовскую автономную область [1, с. 342–347].

Как отмечает Е.К. Минеева, российский федерализм изначально складывался не только как форма определения межнациональных отношений, но и как

разновидность территориальной организации. Устанавливавшиеся внутри РСФСР территориальные границы не раз подвергались изменению. Небольшие по своим размерам автономные единицы не соответствовали более крупным территориальным областям, что требовало поиска новых форм объединения [11].

Сам принцип размежевания республик и округов по признаку этнического состава населения был практически неосуществимым и порождал тяжелые этнополитические последствия. Границы и статус новых образований нередко определялись поспешно, путем административных решений, иногда под давлением местных руководителей, стремившихся поднять статус национально-государственных образований.

Одновременно создавались национальные «административно-территориальные единицы» (районы, волости, сельсоветы). Образование национальных волостей и сельсоветов, в которых органы власти, учреждения, школы функционировали на родном языке, сыграло важную роль в подъеме политического и культурного уровня финно-угорских народов. В частности, в Башкирской АССР стали функционировать марийские районы. В Вятской, Екатеринбургской, Пермской, Нижегородской губерниях, Татарской АССР и Удмуртской автономной области были образованы марийские сельсоветы. Существовали Шелтозерский (1927–1956) в Карелии и Винницкий (1931–1937) в Ленинградской области вепские национальные районы, национальные сельсоветы [17, с. 189].

Создание финно-угорских автономий объективно способствовало развитию лингвистических, исторических, этнографических, фольклорных исследований в каждой из них. К середине 1920-х гг. была ликвидирована массовая неграмотность, появилась сеть национальных школ (с обучением на нерусских языках), клубов, театров, этнографических ансамблей, национальная (в том числе художественная интеллигенция), развивалась печать на национальных языках, были созданы национальные литературы.

Финно-угорские народы пережили все тяготы преобразований по-советски — коллективизацию, индустриализацию, как и всю страну, их захлестнула волна политических репрессий. Уже с конца 1920-х гг. проявление интереса к национальной культуре, этнографии стало квалифицироваться как буржуазный национализм. По делу «СОФИН» и другим сфабрикованным делам разрушительные потери понесла национальная элита российских финно-угорских народов — карелов, коми, марийцев, мордвы, удмуртов и финнов [9].

1930-е гг. были временем активных работ по изучению языков национальных меньшинств России, созданию письменности для не имеющих ее народов, организации национальных школ. Разработкой письменностей для основной массы языков народов России занимался созданный в 1926 г. Центральный комитет нового тюркского алфавита, преобразованный в 1930 г. во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита. Были разработаны письменности для коми-зырянского и коми-пермяцкого, мансийского, марийского, хантыйского языков. Вначале новые алфавиты создавались на основе латинской графики, с конца 1930-х гг. они были переведены на русскую графику. В Тверской области начался эксперимент по разработке карельской письменности. В 1930 г. был утвержден карельский алфавит на латинской основе, в г. Лихославле открыто карельское педагогическое училище. В 1931 г. была создана школьная азбука и начато обучение детей на карельском языке. В 1938 г. был утвержден карельский литературный

язык. Первая Конституция Карелии, принятая в 1937 г., определяла карельский язык как официальный язык республики. Все делопроизводство, вывески, штампы, печати учреждений, издательская деятельность, преподавание в школах с карельским составом детей переводились с финского на карельский язык. В 1933 г. вышел в свет саамский «Букварь» З. Чернякова и А. Герасимова. Была создана письменность для вепсов и ижоры [18, с. 200].

В конце 1920-х – 1930-е гг. происходят изменения в социально-экономической жизни, повлекшие за собой серьезные перемены в демографической и этнической ситуации. Самой многочисленной социальной группой у финно-угорских народов стали колхозники. Значительно возросла и доля рабочих. Сформировалась национальная интеллигенция.

В 1930-е гг. продолжился процесс национально-государственного строительства финно-угорских народов. 28 декабря 1934 г. Удмуртская автономная область получила статус автономной республики. В 1937 г. в Удмуртию были включены г. Сарапул, Воткинск с районами, в 1939 г. создан Камбарский район и за счет передачи части территории Кировской области создан Кизнерский район. 20 декабря 1934 г. Мордовская автономная область постановлением Президиума ВЦИК РСФСР была преобразована в тех же границах в Мордовскую АССР со столицей в г. Саранске. В 1936 г. в соответствии с Конституциями СССР и РСФСР Мордовская АССР была выделена из Средневолжского края и включена непосредственно в состав Российской Федерации на правах автономной республики. 5 декабря 1936 г. Марийская автономная область была преобразована в автономную республику. В середине 1930-х гг. на основной территории расселения Кольских саамов было выделено два национальных района – Саамский и Ловозерский, впоследствии объединенные в один – Ловозерский [18, с. 201].

В результате советско-финляндской войны 1939–1940 гг. к СССР была присоединена территория бывшей Выборгской губернии, в связи с чем постановлением Верховного Совета СССР от 31 марта 1940 г. Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР, выведенную из состава РСФСР [6, с. 588–592]. В Конституции Карело-Финской ССР 1940 г. государственными языками республики вновь утверждались только русский и финский. Почти на полвека вопрос о карельской письменности был снят с повестки дня [7, с. 221–228].

Новый этап национальной политики в СССР начался с принятия Конституции СССР 1936 г. и сопутствующих нормативных актов. Вместо учета национальной специфики как в административно-территориальном делении, так и в культурной политике утверждается курс на унификацию.

В 1937 г. в местах массового расселения тверских карелов в Калининской области был создан Карельский национальный округ с центром в Лихославле. Но в феврале 1939 г. в связи со сфабрикованным «карельским делом» Карельский национальный округ был ликвидирован, многие руководящие работники администрации, печати и просвещения были репрессированы. Ликвидация Карельского национального района привела к резкому ускорению процессов языковой и этнической ассимиляции, численность тверских карелов стала стремительно сокращаться [3, с. 118–137].

В 1937 г. преподавание на вепском языке в школах прекратилось и было полностью переведено на русский язык. Обучение в школах только на русском

языке сужало сферу функционирования вепсской речи. Ее употребление лишь в семейно-бытовой сфере перестраивало модели языкового поведения, изменяло этноязыковые предпочтения. В течение примерно двух десятилетий у вепсов-горожан произошел массовый переход от двуязычия к знанию только русского языка. В 1937 г. началось закрытие местных национальных ижорских школ. 1930-е гг. отмечены массовыми этническими депортациями. В период раскулачивания и накануне вооруженного конфликта с Финляндией из пограничных районов на Карельском перешейке были высланы финны-ингерманландцы, а также финны-политэмигранты, прибывшие в Советскую Россию из Финляндии в 1918–1935 гг. Весной 1942 г. 30 тыс. финнов-ингерманландцев было вывезено из Ленинградской области и отправлено на баржах по Лене и Енисею к побережью Ледовитого океана. Тогда же постановлениями Государственного комитета обороны финны, как и граждане других национальностей воюющих с СССР стран, были «изъяты» из рядов действующей армии и мобилизованы в рабочие колонны НКВД, работавшие на лесоповале, в шахтах и рудниках Урала. Такая же участь постигла ижору и воль [18, с. 202–204].

Индустриализация и коллективизация конца 1920–1930-х гг., борьба с инакомыслием, антирелигиозная кампания, ломающая традиционный культурный уклад, отрицательно сказались на развитии этнических культур. Исчезали целые отрасли традиционных видов хозяйственной деятельности. Кооперирование хозяйства шло под административным нажимом, сопровождалось борьбой с единоличными хозяйствами и кулаками. Перевод кочевых групп на оседлость осуществлялся принудительно, с уничтожением их самобытности. Одновременно проводилась политика «выравнивания экономических уровней» отсталых республик. Политика огосударствления избранных этнических групп создала искусственную иерархию так называемых наций. В Конституции СССР было зафиксировано соподчинение национально-территориальных образований и стоящих за ними национальностей, что само по себе было нарушением равноправия народов и граждан страны.

Во второй половине XX в. произошли изменения в статусе некоторых финно-угорских автономий. 16 июля 1956 г. Верховный Совет СССР принял Закон о преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую АССР в составе РСФСР [5, с. 675–676]. В соответствии с Конституцией СССР 1977 г. Ханты-Мансийский и Коми-Пермяцкий национальные округа были преобразованы в автономные округа.

С 1953 г. ослабление жесткого централизованного управления способствовало расширению прав республик. Идеология декларировала свободное и равноправное развитие национальных культур, но на деле усиливалась ориентация на единую советскую культуру с доминированием русского языка и русскоязычной культуры. Особенно это проявлялось в сфере школьного образования. Постепенно сокращается количество языков, на которых ведется преподавание в школах. По официальным данным об использовании финно-угорских языков в системе образования до середины 1980-х гг. обучение на родном языке сохранялось у марийцев, мордвы, удмуртов (за пределами Удмуртии), коми-пермяков. На коми-языке обучение прекратилось в середине 1970-х гг., в школе он изучался как предмет. Национальная марийская школа, то есть такая, где учебные предметы изучаются на родном языке, перестала существовать не только за пределами Ма-

рийской АССР, но и в самой республике. В ограниченном количестве в некоторых чисто марийских местностях на селе работали школы с преподаванием марийского языка и литературы как учебного предмета. Кроме Марийской АССР, такие школы сохранились частично в Башкирской, Татарской, Удмуртской республиках. Марийский язык оказался вытесненным из интеллектуальной сферы, общественной жизни, а в городах у большинства населения — даже из семейно-бытового обихода. В Удмуртии обучение на удмуртском языке продолжалось до 1957 г. С 1958 г. прекращается издание переводных удмуртских учебников для 5–7 классов, языком преподавания становится русский. Вскоре обучение на родном языке прекратилось и в начальной школе [18, с. 205–206].

Ускоренное развитие промышленности в финно-угорских автономиях во второй половине XX в. привело к изменению в них этнической ситуации. Интенсивный приток мигрантов привел к значительным переменам в национальном составе населения. Например, в Коми АССР в 1939 г. коми составляли 72,5 %, русские — 22 % населения, а в 1989 г. — соответственно 23,3 % и 57,7 %. В первые послевоенные годы население Карелии, в том числе сельское, пополнялось за счет реэвакуации местного населения, демобилизации и начатого организованного переселения в республику людей из различных регионов страны. В итоге к 1959 г. в сельской местности Карелии осталось только 3 сельских района с преимущественно карельским населением. В остальных районах карелы оказались в национальном меньшинстве. К концу 1960-х гг. двуязычие в карельской среде получило дальнейшее распространение и наметилась тенденция перехода на русский язык. В 1980-е гг. процесс языковой ассимиляции карел продолжал углубляться [18, с. 206].

В 1950-е гг. массовый характер приобрел начавшийся еще в 1930-е гг. перевод кочевого населения (манси и хантов) на оседлый образ жизни. В укрупненные, нередко заново построенные поселки были высланы не только семьи оленеводов-кочевников, но и рыбаков, которые вели полuosедлый образ жизни, то есть во время промыслов жили не в основном, зимнем селении, а в сезонных. Перевод на оседлость не был комплексным мероприятием, а свелся к строительству домов и поселков для семей коренного населения округа. Ликвидация мелких сезонных и традиционных зимних селений решила одну проблему — благоустройство поселковой жизни в новых селениях для той части населения, которая, как правило, не вела промысловой деятельности. В то же время промысловики, находясь на угодьях большую часть года, были оторваны от своих детей (а иногда и семей), живших в интернатах укрупненных поселков. Возник разрыв поколений, утрата передачи промыслового опыта и опыта традиционной культуры. Дети перестали говорить на родных языках. С ликвидацией традиционных мелких деревень и переселением в новые дома стала быстро разрушаться и забываться традиционная культура. Та часть населения, которая переехала в укрупненные поселки (центры сельсоветов, колхозов, совхозов), оторвалась от традиционного хозяйства, которое к тому же постепенно стало сокращаться [4, с. 179].

С 1970-х гг., когда в Западной Сибири стала интенсивно развиваться нефтегазовая промышленность, значительная часть промысловых угодий и оленьих пастбищ была либо изъята у населения, либо загрязнена, что подорвало развитие традиционного хозяйства хантов и манси и снизило уровень их жизни [4, с. 179].

Процесс создания и развития национальной государственности финно-угорских народов был длительным, непростым и обладал рядом особенностей, обусловленных спецификой их исторического развития и расселения. Он сопровождался реализацией целого комплекса мер социально-экономического, политического и культурного характера, направленных на выравнивание культурного и экономического уровней развития коренного населения с русским. Образование национальных автономий способствовало росту самосознания и консолидации финно-угорских народов, обеспечению реализации их суверенных прав, динамичному развитию экономики и культуры. В то же время набирала силу тенденция к унитаризму.

Многоэтническая среда стала предпосылкой и причиной расширения межнациональных брачных связей, взаимовлияния народов в хозяйственной, культурной, бытовой сферах, развития межнационального общения на основе русского языка. Миграционные и интеграционные процессы способствовали усилению межэтнических связей, формированию многонациональных производственных коллективов. Результаты этих процессов имели неоднозначное значение для развития культуры финно-угорских народов. С одной стороны, она обогащалась достижениями других культур, прежде всего русской, а через нее и через русский язык — мировой культуры. С другой — происходило сужение социальных функций национальных языков. Национальные языки постепенно перемещались в семейно-бытовую сферу, в то время как молодежь настойчиво стремилась выйти за рамки семьи, получить образование, порвать с традиционным укладом жизни. В то же время для малочисленных этнических групп такая политика оборачивалась разрушением традиционной среды обитания и культуры.

Список литературы и источников

1. Букин С.М. Национальная государственность мордовского народа: история становления и развития (X–XX вв.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 384 с.
2. Войтович В.Ю. Зарождение национальной государственности в Удмуртии (к 95-летию образования УАО) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 6. С. 124–130.
3. Головкин А.Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь: Студия-С, 2008. 432 с.
4. История и культура финно-угорских народов Российской Федерации. Уч. пособие. Сборник. М., 2009. 512 с.
5. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
6. История Коми с древнейших времен до современности. В 2 т. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. 687 с.
7. Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства (1920–1941). Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 275 с.
8. Куликов К.И. Борьба за самоопределение удмуртского народа в 1917–1937 гг. // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг.: сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ, 1991. С. 4–40.
9. Куликов К.И. Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 338 с.
10. Марийцы: историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.
11. Минеева Е.К. Федеративное устройство Республики Советов и определение территориальных границ автономных образований в 20–30-е годы XX века (на материалах мари, мордвы, чувашей) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 30–44.
12. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 578 с.
13. Очерки истории Карелии. В 2 т. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964. Т. 2. 615 с.

14. Сануков К.Н. Марийская автономия. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. С. 176 с.
15. Тебенко В.А. К вопросу о создании Карельской автономии 1920–1923 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3/1. С. 68–84.
16. Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. 800 с.
17. Финно-угорские народы России: генезис и развитие. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 224 с.
18. Финно-угорские народы России. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 863 с.
19. Хлебников А.В. Образование и развитие советской автономии марийского народа (1917 – 1929). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1970. 271 с.

G.A. Kursheva

HISTORICAL EXPERIENCE OF SOVIET NATIONAL AND STATE BUILDING IN FINNO-UGRIC REGIONS

Annotation. The article is devoted to a comprehensive generalization of the experience of creation of national autonomies of the Finno-Ugric peoples in the Soviet period. The transformation of various kinds of political and legal formation, changes in territorial borders, as well as achievements in the field of preserving the identity and traditional culture of the «titular» ethnic groups are analyzed.

Keywords: socialist federalism, Finno-Ugric peoples, labour commune, district, region, Autonomous Republic.

Д.С. ЭЛЬМЕНЬ: ШТРИХИ БИОГРАФИИ ЧУВАШСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация. В статье показана роль Даниила Семеновича Эльменя в процессе образования Чувашской автономной области, а также анализ качественных преобразований, происходивших в Чувашской автономной области в период его руководства, трансформация политических взглядов Д.С. Эльменя, которые отразились на его государственной деятельности.

Ключевые слова: Даниил Семенович Эльмень, РКП(б), Чувашская автономная область, Чувашская АССР, председатель Революционного комитета Чувашской автономной области, ответственный секретарь обкома ВКП(б), «оппортунизм».

Провозглашение Чувашской автономной области связано с именами представителей крестьянства, рабочего класса и других социальных категорий, таких как Д.С. Эльмень, Л.М. Лукин, В.А. Алексеев и др. В данной статье раскрывается роль Д.С. Эльменя как одного из инициаторов Чувашской автономии.

Документальная основа исследования базируется на двух фондах Государственного исторического архива современной истории Чувашской Республики: П-1 – Чувашский республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР, П-2 – чувашская секция при Казанском губкоме РКП(б). При подготовке статьи были использованы документы, хронологические рамки которых охватывают период деятельности Д.С. Эльменя в чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б) и в качестве председателя Ревкома, председателя исполкома Советов Чувашской автономной области. Отметим, что документы рассматриваемого периода, в силу еще не установившихся норм делопроизводства, сложны в изучении и требуют специальных навыков.

Раскрывая роль Даниила Семеновича в социально-историческом развитии Чувашского края, нельзя судить о ней без представления процесса становления личности. Согласно документам, Даниил Семенович Эльмень (Семенов) родился 29 (16) декабря 1885 г. в д. Исмендеры Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Ядринский район) в небогатой семье крестьянина. Образование он получил в земской начальной школе, позже продолжил обучение в двухклассном училище. В 1905 г. по рекомендации учителей был зачислен в Симбирскую чувашскую учительскую школу. Обучение здесь стало для него знакомым. В школе юноша вместе с одноклассниками читал и участвовал в обсуждениях запрещенных книг и брошюр. За отказ подчиняться «бурсацким порядкам» в школе, класс Д.С. Эльменя был распущен и отправлен по домам. Симбирский период оказал особое влияние на Даниила Семеновича, здесь произошло формирование основ его мировоззрения и политических взглядов.

В 1907 г. по возвращении на родину Даниил Эльмень вступает в кружок сельских революционных деятелей и принимается за распространение и перевод на чувашский язык прокламаций, воззваний, листовок. В автобиографии об этом периоде жизни он пишет следующее: «...Сам лично я совершенно не разбирался в теоретических вопросах: в программах тех и других социалистических партий не видел принципиальной разницы, кроме аграрной программы, <...> заключаются в ней революционные лозунги против всего старого — мы переводили, печатали на гектографе и распространяли...» [7, л. 9–9 об.]. 15 июля 1907 г. Д.С. Эльмень был арестован, однако при заступничестве сельских жителей вскоре освобожден из-под стражи.

В 1907–1911 гг. и 1914–1915 гг. он находился на военной службе.

После Февральской революции 1917 г. избирался на различные выборные посты: председателем ротного и батальонного комитетов, депутатом и членом Саранского Совета рабочих солдат; был включен в список делегатов I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Именно в этот период политические взгляды Даниила Семеновича начинают переживать трансформацию. В его автобиографии записано: «...мне, неискушенному теоретически и практически, судившему о партиях не по их классовой сущности, а поверхностно по эс-эр брошюрам, казалось, что партия с-р. и есть альфа и омега революционности. В то же время предательская половинчатая соглашательская политика эсэров разочаровала меня...» [7, л. 9–9 об.].

В феврале 1918 г. Даниил Семенович был избран председателем исполнительного комитета Ядринского уездного Совета. С мая 1918 г. он занял пост заведующего Чувашским отделом при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Быстрое продвижение по службе говорит о неординарности Даниила Семеновича. 28 сентября 1918 г. Казанской городской организацией Д.С. Эльмень был принят в ряды РКП(б).

В трудные годы Гражданской войны Даниил Семенович являлся непосредственным участником боев против армии Колчака. После ранения в ноябре 1919 г. был демобилизован и вернулся на партийную работу.

По возвращении в Чувашский отдел ему вплотную пришлось заниматься решением вопроса об организации чувашской административной единицы.

В январе 1920 г. в статье «К приближающемуся I съезду чувашских коммунистов» Даниил Семенович привел основные тезисы по проекту образования Чувашской трудовой коммуны, которые были озвучены им 4 февраля 1920 г. на I Всероссийском съезде чувашских секций и ячеек РКП(б): «...За 2 года социальной революции чувашаи продолжают оставаться почти в стороне от всей политической жизни Российской Республики ... У нас органов и учреждений, более чем достаточно и русских, и чувашских ... Нам определенно не хватает одной меры — это централизма в работе ... Революция в деревнях продолжает оставаться чуждой, так как большинство работников партии и Советов, русских — всегда обращается с чувашским населением на русском языке, не считается с его бытом, нравом и психологией ... мы должны добиться, чтобы в советских органах среди чув. массы употреблялся родной язык ... Нам необходимо объединиться, как можно скорее, иначе грозит всем чувашам медленное вымирание. Это административное выделение вы нисколько не должны представлять себе как образование своей Республики, оно будет на правах губернии и больше ничего ... Мы не

должны стремиться к вовлечению в Трудкоммуну всех чуваш России, распыленных по разным губ., это объединение конкретно не выльется ни в какую форму, и оно было бы бессмысленно ... Чувотдел предлагает выделить в административную единицу лишь Казанской и Симбирской губ.» [1, л. 12–13 об].

8 июня 1920 г. вопрос о Чувашской автономии был рассмотрен на Политбюро ЦК РКП(б). В ходе его обсуждения, по предложению В.И. Ленина, было решено создать Чувашскую автономную область. 24 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об Автономной чувашской области». Д.С. Эльмень был назначен на должность председателя Революционного комитета Чувашской автономной области.

Объявление автономии выдвинуло как одну из первоочередных задачу подъема всех форм культурно-просветительской работы. Примечателен протокол № 3 заседания II Всероссийского съезда Советов среди чуваш от 11 ноября 1920 г.: «...отныне Издательство чувашской литературы должно быть поставлено на надлежащую высоту со всеми подсобными организациями, в виде типографии, экспедиции, переводческо-издательской комиссии и т.д. Все это дело должно быть сконцентрировано в центре Автономной Чувашской области гор. Чебоксары...» [3, л. 7]. Даниил Семенович отмечал, что для развития чувашского языка необходимо в большей мере активизировать периодическую печать, которая в эти годы была представлена газетами и журналами «Канаш», «Шурәм пуç», «Ана». Он активно выступал за собирание материалов по народной словесности, искусству, музыке, как неотъемлемой части чувашской культуры. Предлагал использовать чувашский язык как официальный во всех учреждениях, особенно в судебных. Стоит отметить, что именно по его инициативе в феврале 1921 г. было создано «Общество изучения местного края», которое к 1924 г. объединяло 90 чел.

Решая вопрос нехватки партийных кадров, в Чебоксарах и Мариинском Посаде в срочном порядке открылись школы политграмоты, организованы совпартшколы и краткосрочные курсы лекторов, выпускники которых вели политико-просветительскую работу среди населения [4, л. 2–6 об.].

В начале 1921 г. в Чувашии вспыхнуло крестьянское восстание, вызванное недовольством продразверткой. Данное событие пошатнуло положение Даниила Семеновича как руководителя области. Он был обвинен в том, что его действия по развертыванию семенной компании стали причиной восстания и подрыва доверия к советской власти среди народа. В свою защиту 27 февраля 1921 г. Даниил Семенович выступая на закрытом заседании II областной конференции РКП(б), сказал, что семенная неделя действительно была начата рано для нашей местности, но он выполнял принятые директивы по семенной неделе, поэтому не может быть и речи о желании подрыва советской власти в Чувашии. Он назвал действия «эсеровщины» главной причиной крестьянских волнений. По итогам рассмотрения персонального дела Эльменя было принято решение об отправке его в г. Барнаул на должность заместителя заведующего оргинструкторским отделом Алтайского губкома партии, где он пробыл до июня 1922 г.

Вернувшись на родину, Д.С. Эльмень повторно был избран на должность ответственного секретаря Чувашского обкома РКП(б). В 1922–1924 гг. перед Даниилом Семеновичем встала задача преодоления последствий засухи и связанного с ней голода. В информационном отчете Чувашского обкома РКП(б) за май 1923 г. отмечалось: «...В отчетном месяце в значительной части население деревни голо-

дало; по данным Последгола голодает по области не менее 35 % ... Погода для урожая стояла весьма неблагоприятная, поднимается страшный враг – саранча. Всего по области площадь, зараженная саранчей, достигает до 17 тысяч десятин ... Средств борьбы недостаточно... для распределения среди населения области из Центра получено 10000 пуд. по облигациям хлебного займа ... Реализация облигаций хлебного займа идет успешно...» [4, л. 30–37].

Начиная с 1924 г. Чувашия стала ощущать положительные последствия преодоления голода. В Госинфсводке № 5 Чувашского областного отдела ОГПУ за период с 15 по 31 марта 1924 г. говорилось: «...В отчетном полумесяце политическое настроение рабочих фабрик и заводов Чувашобласти значительно улучшилось, в связи с урегулированием выдачи зарплаты ... Жилищные условия рабочих нормальные. Часть рабочих проживает в казенных квартирах при фабриках и заводах, а часть в частных домиках. Несколько хуже обстоит дело на мебельной фабрике “Единство”, где часть рабочих проживает даже в кочегарке ... По маслобойной промышленности работает один Ядринский маслозавод № 8. Работает без перебоев. Рабочих на нем 118 чел., служащих 30 чел ... Кооперация в городе начинает завоевывать симпатию масс ... Здесь за последнее время получена новая партия товаров, более подходящая для крестьянства как то: мануфактура, обувь, галантерея, посуда, соль, керосин и проч. Цены значительно ниже рыночных, ввиду чего торговля сильно развивается, отбивая покупателей у частного рынка. В связи с развитием кооперации вольный рынок слабеет, так как рынки Чувашобласти состоят из мелких торговцев, которые конкурировать с кооперацией не в состоянии...» [5, л. 2–8].

Действительно, согласно документам, в 1921–1924 гг. рабочие удовлетворительно относились к партии. Некоторое улучшение экономического положения рабочих дало снижение цен на продукты и предметы первой необходимости. Однако задержки в выдаче заработной платы подрывали их доверие к власти. Стоит также отметить и безработицу, которая составляла 1033 чел. Улучшилось и социальное самочувствие крестьянства; важную роль в этом сыграло снижение сельхозналога [6, л. 73–76].

Большое значение Д.С. Эльмень уделял культурному росту чувашского народа. Значимыми в этом процессе стали: создание в 1923 г. Союза писателей и журналистов при газете «Канаш», открытие в феврале 1921 г. национального музея, а в марте 1921 г. Чувашского государственного театра [10, с. 21–22].

В 1924 г. Даниил Семенович подал прошение и был направлен на учебу в Институт красной профессуры. После его окончания занимался научно-педагогической работой. В 1928 г. в журнале «Чувашское хозяйство» опубликовал статью «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской республики». В статье были высказаны предложения о скорейшей индустриализации республики, в рамках которой необходимо развитие железнодорожных и автомобильных дорог, строительство Козловского домостроительного комбината, Шумерлинского деревообрабатывающего комбината и завода дубильных экстрактов. Статья стала роковой для Даниила Семеновича, послужив поводом к обвинению в «правом оппортунизме». В 1930 г. Д.С. Эльмень был направлен на должность доцента в Нижегородский коммунистический институт. Здесь он проработал лишь год, и после исключения его из штата института, был направлен в Нижегородский педагогический институт, в котором проработал до 1932 г. [9, с. 17].

События последних лет жизни Даниила Семеновича оказали влияние на его моральное и физическое состояние. Непрерывные обвинения в «правом оппортунизме» давили на него. Осенью 1932 г. Д.С. Эльмень сказал: «Полезьы от меня для партии все равно не будет, я больше двух лет не проживу». Этому было суждено сбыться, 3 сентября 1932 г. Даниил Семенович Эльмень скончался на 47-м году жизни в Доме отдыха «Ильинка».

Личность Даниила Семеновича Эльменя поистине выдающаяся. Выходец из крестьянской семьи смог достичь поста руководителя Чувашии. Выступил одним из инициаторов создания Чувашской автономной области. Вложил всю свою энергию и инициативу в дело экономического и социально-культурного развития Чувашии. Даниил Семенович был также талантливым публицистом и экономистом, человеком, болевшим всей душой за Чувашский край и родной народ.

Список источников и литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 27.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 9.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 2.
6. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 25.
7. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 1144.
8. ГАСИ ЧР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2.
9. *Иванов М.И.* Д.С. Эльмень — чувашский общественный и государственный деятель, журналист и публицист (1885–1932 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2010. 22 с.
10. Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. документов. Кн. 1 (1917–1937) / сост. В.В. Катагощин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, Н.П. Рукавишникова, под ред. В.Л. Кузьмина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд., 1965. 398 с.

L.N. Afanaseva

D.S. ELMEN: STROKES OF THE BIOGRAPHY OF A CHUVASH POLITICAL FIGURE (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF MODERN HISTORY OF THE CHUVASH REPUBLIC)

Annotation. The article shows the role of Daniil Semyonovich Elmen in the formation of the Chuvash Autonomous region, as well as the analysis of qualitative changes that took place in the Chuvash Autonomous region during his leadership, the transformation of political views of D.S. Elmen, which affected his state activities.

Keyword: Daniil Semyonovich Elmen, RCP(b), Chuvash Autonomous region, Chuvash ASSR, chairman of the Revolutionary Committee of the Chuvash Autonomous region, Executive Secretary of the regional Committee of the CPSU(b), «opportunism».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК «МЕСТА ПАМЯТИ» И «ИЗОБРЕТЕННЫЕ ТРАДИЦИИ»

Аннотация. Анализируется историческая политика в Чувашской Республике. Предполагается, что историческая политика является формой актуализации и визуализации концептов *чăвашлăх* в культурных и социальных пространствах. Анализируются особенности вовлеченности различных институций в политику памяти. Показана роль элит в исторической политике. Анализируются Дни Республики, Дни чувашского языка, Дни государственных символов и Послания Президента (Главы) Чувашской Республики как социальные, культурные и политические ритуалы и изобретенные традиции.

Ключевые слова: Чувашская Республика, политика памяти, идентичность, национализм, *чăвашлăх*, ритуалы как изобретенные традиции.

Формулировка проблемы. XX в. в европей-

ской историографии интерпретируется как столетие новых национализмов регионов отложенной социальной и культурной модернизации, среди которых была и Чувашия. Диапазон средств, которые использовались для модернизации, разнообразен. Среди методов модернизации было политически мотивированное использование истории. Чувашская академическая историография, возникшая в советский период, не была свободна от политических клише. Чувашская Республика, как и другие регионы РФ, фактически не знала десоветизации. Левые идеологические стереотипы в написании истории были заменены другими. Актуальная политизация истории в значительной степени отличается от советских форм вмешательства в изучение прошлого. На смену откровенной идеологизации истории пришли методы «мягкой» интеграции истории в политический канон, известные как историческая политика или политика памяти.

Цель и задачи статьи. Целью статьи является анализ культурных и интеллектуальных практик, тактик и стратегий, используемых чувашскими интеллектуалами для визуализации и актуализации чувашской идентичности на современном этапе в контекстах символически значимых и лишенных подобной коннотации действий, условно определяемых как историческая политика или политика памяти. Поэтому, в качестве задач статьи следует определить, во-первых, выявление особенностей и специфики исторической политики в ее чувашской версии на современном этапе; во-вторых, изучение позиционирования *чăвашлăх*, как чувашской идентичности, в культурных и социальных пространствах Чувашской Республики; и, в-третьих, анализ роли культурных и социальных институций в политических и символических коммуникациях в рамках политики памяти или проработки прошлого.

Историография. В историографии общим местом стали утверждения, что региональные элиты регионов, где процессы консолидации нации начались позд-

но, характеризовавшиеся более быстрой динамикой культурных и социальных изменений, были активны в своих попытках продвижения местного национализма, который трансформировал традиционные группы в воображаемые сообщества (по терминологии Б. Андерсона [28]), ставшие одновременно политическими и этническими нациями. Чувашский политический, этнический, культурный и языковой национализм, подобно национализмам других сообществ, на протяжении длительного времени существовавших как группы с неполными социальными структурами (по терминологии М. Хроха [33]), стал предметом ряда исследований [9; 11; 27], хотя систематическое изучение чувашского национализма, к сожалению, не ведется.

На фоне работ, сфокусированных на частных проблемах истории национального движения, явно недостаточно междисциплинарных исследований, в центре которых оказывались бы проблемы, особенности и направления функционирования и воспроизводства националистического дискурса в культурных и социальных пространствах современной Чувашской Республики. Кроме этого, следует признать, что исследования об исторической политике или политике памяти в Чувашии и роли чувашского национализма в этих процессах фактически отсутствуют в современной историографии.

Историческая политика как форма инструментализации истории. Единого определения того, что такое «историческая политика» или «политика памяти» в современной историографии не существует, но признается то, что она «столь же неизбежна, как и политизация истории» [16]. Поэтому существует негласный компромисс, что в рамках политики памяти «история стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности» [14, с. 491]. При этом в современной историографии используется несколько дефиниций для описания политически мотивированного использования истории, включая политику прошлого [32], политику идентичности [36], культуру памяти [30], культуру истории [38] и историческое сознание [31].

Практически все эти дефиниции, ставшие академическими неологизмами, в современный российский академический дискурс проникли из западной историографии и вполне применимы для изучения того спектра тактик, практик и стратегий, применяемых элитами для контроля над исторической памятью и использования истории в фактически политических целях и интересах. После краха коммунизма, как полагает украинский историк Я. Хрыщак, «историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [34, с. 229], что существенно изменило академическую историографию, вновь актуализировав ее политические функции, но в иных формах, отличных от советских, вынудив историков воспроизводить официальный канон памяти и воспроизводя его в социальных и культурных общественных пространствах.

До распада СССР, по мнению некоторых исследователей, «не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории» [15, с. 23], что вынудило элиты в постсоветский период более активно инструментализировать историю, интегрируя ее в инструментарий политических практик, но в более мягких формах, что отличает постсоветские манипуляции от советских. Историческая политика как политика памяти в смысле ее цензурирования, корректирования, форматирования и ретуширования применяется элитами практически всех стран мира. Современная Чувашская Республика не явля-

ется исключением из этой универсальной логики идеологически мотивированного использования истории.

Специфика исторической политики в Чувашской Республике. Втягивание истории в политику постсоветских стран фактически стало неизбежным явлением, а историки всегда пребывали «в силовом поле политики... Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы... Другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые сознательно отстраняются от власти и государственных институтов» [13, с. 9]. Поэтому фрагментация историографии и гетерогенный характер представлений об истории в постсоветских обществах не только вдохновили процессы «суверенизации и национализации историй национальных республик» [10, с. 24], но и определили основные особенности исторической политики в современной Чувашии. Во-первых, она не имеет институционального оформления и специализированные институты национальной памяти или комиссии историков в республике фактически отсутствуют.

Современная Чувашия, как и ряд стран Европы, не имеет «институтов, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов» [3, с. 110]. Во-вторых, политика памяти в Чувашии проводится одновременно несколькими различными акторами — поэтому чувашская историческая политика гетерогенна. В-третьих, в проведение политики памяти в одинаковой степени вовлечены как академические институты — Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН), исторические факультеты и кафедры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ) и Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (ЧГПУ), так и национальные активисты, а версии исторической памяти, предлагаемые этими участниками процесса, радикально различны и варьируются от академической историографии до фольк-хистори. В-четвертых, различные культурные и социальные институты (музеи, мемориалы) стали важными участниками политики памяти в ее актуальной чувашской версии. В-пятых, как и в других странах, где активно практикуется историческая политика, ее акторами стали политические элиты — в случае Чувашской Республики речь может идти о региональном политическом классе.

Историческая политика как «места памяти» и «изобретение традиций». Анализируя особенности, формы и проявления исторической политики в современной Чувашии, автор полагает необходимым рассмотреть День Чувашской Республики (Чăваш Республикин кунĕ), День чувашского языка (Чăваш чĕлхи кунĕ) и День государственных символов Чувашской Республики как «места памяти» и проявления процесса «изобретение традиций». Концепция «мест памяти» (*lieu de memoire*) была введена в 1980-е гг. в академический дискурс французским историком Пьером Нора [35], а теория «изобретение традиций» (*the invention of tradition*) — как части националистического воображения и «изобретенных традиций» как их производных предложена британскими историками Э. Хобсбаумом и Т. Рэйнджэром [37]. На протяжении 1990–2010-х гг. концепты получили развитие в историографии [29].

Трансплантируя эти междисциплинарные подходы для изучения национализма и идентичности, не следует сами понятия «места» и «традиции» воспринимать буквально. «Места памяти» включают не только объекты, существуя-

щие в пространстве (памятники, монументы, музеи), но и культурные символически значимые гражданские и политические ритуалы и церемонии. «Изобретенные традиции» могут существовать и функционировать в форме регулярно повторяемых (в соответствии с календарем политически и исторически значимых для того или иного сообщества дат) общественных практик гражданского (политического, светского) ритуального или символического характера, которые реализуются в рамках определенных регламентированных и компромиссных правил, норм и предписаний. Поэтому, День Чувашской Республики, День чувашского языка и День государственных символов Чувашской Республики в одинаковой степени могут быть как отнесены и к «местам памяти» и «изобретенным традициям», так и проанализированы в рамках этих концептов.

День Республики как государственная политика памяти. День Чувашской Республики (Чăваш Республикин кунĕ), отмечаемый ежегодно 24 июня с 1995 г., может быть определен как один из наиболее важных политических ритуалов в современной политике памяти Чувашии. В 2000 г. праздник приобрел в Чувашской Республике статус государственного, что отражало амбиции и претензии региональных политических элит, которые на данном этапе все еще пытались позиционировать Чувашию как государство в составе Российской Федерации. Кроме этого придание официального государственного статуса отражало стремление элит взять под контроль чувашское национальное движение в силу того, что националистический дискурс в интеллектуальной и культурной сферах республики развивался фактически независимо, поскольку отношения первого Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова с чувашскими националистами практически с самого начала могли быть определены как напряженные.

Кроме того, приручая националистический дискурс и стремясь интегрировать его в официальный канон, власти региона в 1996 г. инициировали переименование площади Ленина в площадь Республики (Республика тўремĕ), хотя памятник В.И. Ленину на ее территории остался нетронутым. Власти Чувашии активно празднуют День Республики в юбилейные годы. Например, очередная волна попыток манипуляции памятью пришлась на 2010 г., когда отмечалось 90-летие Чувашской автономии. День Республики периодически используется и как повод для актуализации большей видимости чувашского языка в общественной и политической сферах: например, Послание Главы Чувашской Республики в 2012 г., которое касалось этой даты и связанных с ней памятных мероприятий, было опубликовано на официальном сайте на чувашском языке [23].

Соответствующее Послание 2019 г. доступно на двух языках, хотя в качестве первого языка выбран чувашский. В тексте Послания были предприняты попытки актуализировать идентичность, подчеркнув, что «пирĕн сĕршивăмăр хайĕн авалхи кун-сўлĕпе тата пуян йăли-йĕркипе паллă» (наша земля имеет древнюю историю и богатые традиции) [24]. Кроме этого, отчет о проведении Дня Республики в 2019 г. также был опубликован и на чувашском языке [18]. 28 октября 2019 г. Глава Чувашской Республики М.В. Игнатьев подписал Указ о праздновании 100-летия образования Чувашской автономной области [21], запланированном на 2020 г. Вероятно, юбилейный характер даты станет стимулом как для дальнейшего развития официальной версии исторической памяти, так и для ограниченной актуализации чувашской идентичности.

Дни Республики актуализируют официальную версию исторической памяти, что, вероятно, свидетельствует о правоте польского историка Р. Трабы, полагающего, что «коллективная память отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о минувших событиях» [20, с. 52]. Таким образом, «Чăваш Республикин кунĕ» в современной исторической политике стал каналом актуализации официальных и санкционированных компромиссных версий памяти, которые полностью интегрированы в официальный идеологический канон, а центральная роль властей в его проведении свидетельствует об их желании контролировать те немногочисленные каналы, которые позволяют визуализировать чувашскую идентичность в культурных и общественных пространствах республики.

Чăваш чĕлхи кунĕ: этнизированная политика памяти. Если День Чувашской Республики актуализирует официальный дискурс исторической памяти, а власти используют мероприятия для непосредственного манипулирования сознанием, что свидетельствует об инструментализации истории в арсенале элит республики, то Чăваш чĕлхи кунĕ (День чувашского языка), отмечаемый ежегодно 25 апреля, имеет более выраженные этнические коннотации. Некоторые официальные комментарии, приуроченные ко Дню чувашского языка, доступны на чувашском языке [26].

День чувашского языка в современной ситуации превратился в один из многочисленных каналов визуализации и актуализации *чăвашлăх* как чувашской идентичности в ее национально-центричной и этнизированной версии. Традиционно 25 апреля в Шубашкаре (Чебоксарах) и других регионах республики проводятся мероприятия, связанные с использованием чувашского языка, например – Всечувашский диктант, Неделя чувашской культуры и языка, праздники и фестивали чувашского языка различного уровня, Яковлевские чтения, посвященные памяти Ивана Яковлева.

В 2019 г. с Днем Чувашского языка жителей республики поздравил ее Глава Михаил Игнатьев, который настаивал: «Çак уяв илемлĕ те янăравлă чăваш чĕлхине – пирĕн халăхăн пысăк та аслă пуянлăхне – амăшĕн сĕçеппе пĕрле чуна хывнă мĕнпур çынна пĕрлештерет. Вăл – чăвашсен наци ăнланулăхне сăнарлакан пĕрлĕх символĕ, пирĕн ăс-хакăл культурине упраса хăвармалли тата аталантармалли тĕп хатĕр пулса тăрат. Тăван чĕлхене, хамăрăн йăх-тымарсене пĕлни иртнипе паянхин чĕрĕ сыхăнăвне, пуян культурапа истори еткерне тата авалхи йăласене упраса хăварма май парать. Тăван сăмаха упрасси тата хакласси – пирĕн пĕрлехи ёс» (Этот праздник объединяет тех, кто впитал в себя с молоком матери благозвучный и мелодичный чувашский язык – величайшую ценность и достоинство нашего народа. Он служит символом единства, определяющим национальное самосознание чувашей, главным инструментом сохранения и развития нашей духовной культуры. Знание родного языка, своих корней и истоков позволяет сохранить живую связь времен, богатейшее культурно-историческое наследие и многовековые традиции. Беречь и ценить родную речь – наша общая задача) [25].

Министр культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики К.Г. Яковлев также подчеркивал: «Тăван чĕлхе – халăхăн пысăк пуянлăхĕ, упраннă паха мулĕ, ăс-хакăл еткерлĕхне аталантарма тата упрама пулăшакан хатĕр. Вăл Çĕр чăмăрĕ çинчи пин чĕлхесем хушшинче кашни çыншăн чи

хакли шутланать» (Родной язык – это величайшая ценность и достояние каждого народа, средство сохранения и развития духовного наследия. Среди тысяч языков, существующих на планете, для каждого человека он является самым дорогим) [1]. Если представители политической элиты склонны ограничиваться преимущественно общими декларациями, то сторонники национального движения, наоборот, указывают на угрозы ассимиляции.

Поэтому, наряду с официальными мероприятиями, существует и альтернативная программа, приуроченная ко Дню чувашского языка. Например, в 2017 г. национальные активисты из общества «Ирёклёх» провели флэш-моб под лозунгами «Эпё чăвашла калаçатăп!» (Я говорю по-чувашски) [6] и «Эпё чăваш чĕлхи-не юрататăп» (Я люблю чувашский язык) [2]. Официальные лица республики в Дни чувашского языка периодически вынуждены констатировать угрозу и опасности ассимиляции. Например, в 2019 г. Председатель Государственного Совета Чувашской Республики Альбина Егорова указывала на опасность русификации, подчеркнув, что «сегодня мы все сталкиваемся с ситуацией, когда даже в семьях, в которых оба родителя знают чувашский язык, дети не говорят по-чувашски. В Чувашии почти 67 % населения – чувашаи. И есть только один способ сохранить наш родной язык, наши традиции и культуру – учить своих детей говорить по-чувашски, читать им книги на чувашском языке» [19].

Подобные декларации представителей политического класса республики свидетельствуют о его умеренной национализации, хотя ранее элиты были склонны видеть именно в чувашском национализме один из системных вызовов. Попытки интеграции определенных элементов чувашского националистического дискурса в политический язык представителей элит современной Чувашии, вероятно, свидетельствуют о стремлении последних принять свое участие в формировании и функционировании националистического канона и повестки дня националистов, так как ее игнорирование потенциально может содействовать большей радикализации и этнизации чувашского националистического воображения.

День государственных символов: политика памяти как форма этнизации офф-лайнных и он-лайнных ландшафтов. Третьей формой политики памяти в общественных и публичных пространствах современной Чувашии следует признать День государственных символов Чувашской Республики, отмечаемый ежегодно 29 апреля. Сами символы Чувашской Республики были утверждены в 1997 г. [8], а их интеграция в чувашскую политическую идентичность потребовала определенных действий со стороны элит, что и стало стимулом для появления Указа Президента Чувашской Республики «О Дне Государственных символов Чувашской Республики» [22] и Закона Чувашской Республики «О Дне Государственных символов Чувашской Республики» [7], принятых в 2004 г., что положило начало политической инструментализации государственной и национальной символики как одного из ресурсов в политике памяти.

Культурные институции Чувашской Республики, включая Чувашский национальный музей, ко Дню государственных символов проводят специализированные выставки [12], что является формой визуализации и подчеркивания чувашской идентичности. Актуализация чувашской, одновременно политической и этнической, идентичности в День государственных символов Чувашской Республики имеет как традиционные (офф-лайнные), так и виртуальные формы. Например, с одной стороны, виртуальные выставки «Государственные символы

Чувашской Республики» [4] и «История создания современных государственных символов Чувашской Республики» [5], действующие в рамках интернет-проекта «Культурное наследие Чувашии» призваны содействовать как большей актуализации, так и визуализации государственной символики Чувашской Республики.

С другой стороны, раздел о государственных символах функционирует и на Портале органов власти Чувашской Республики [17]. В целом, День государственных символов Чувашской Республики на современном этапе, с одной стороны, является ярким примером официального отчетного праздника, проведение которого инициируется сверху, что вовсе не означает его незначительной роли в актуализации концептов *чăвашлăх* в Чувашской Республике. С другой стороны, роль Дня государственных символов очень значима именно в контекстах визуализации и актуализации чувашской идентичности, попытках поиска компромисса между различными версиями чувашской исторической памяти в силу того, что современные государственные символы фактически стали работающим компромиссом между постсоветскими элитами и чувашскими национальными активистами.

День государственных символов, в частности, и реальное повседневное присутствие флага и герба в географических пространствах Чувашской Республики представляет собой пример функционирующей политики памяти, направленной на этнизацию ландшафта как реального, так и виртуального. В этом контексте роль Дня государственных символов не вызывает сомнения в исторической политике как политике памяти, потому что и флаг, и герб, и гимн в той или иной мере символизируют континуитет между различными поколениями, хотя, с формальной точки зрения историографии национализма, современные государственные символы Чувашской Республики представляют собой пример удачной и реально работающей изобретенной традиции.

Предварительные итоги. Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов, которые определяют основные направления, векторы и траектории развития исторической политики как политики памяти, а также формы артикуляции и визуализации *чăвашлăх* как синтетической версии современной чувашской идентичности в публичных, общественных и культурных пространствах.

Во-первых, историческая политика, или политика памяти, в современной Чувашской Республике фактически является третичным интеллектуальным продуктом, что стало следствием особенностей ее генезиса и институционализации в России, которая позже чем другие европейские страны на современном этапе начала предпринимать политические манипуляции с историей — поэтому, политика памяти в Чувашии может быть интерпретирована и описана в категориях продолжения российской исторической политики, попытки ее трансплантации на региональный и национальный уровень.

Во-вторых, политика памяти в современной Чувашии не имеет институционального оформления, что существенно отличает ее от аналогичных процессов и явлений в странах Центральной и Восточной Европы, где созданы и функционируют специализированные институты национальной памяти или комиссии историков и др. политически мотивированных и идеологически ангажированных интеллектуалов, призванных как формировать официальный канон исторической памяти, так и воспроизводить его, критикуя и осуждая те версии памяти, которые не могут быть интегрированы в ее официальную, компромиссную версию.

В-третьих, в реализацию исторической политики как политики памяти в Чувашии одновременно вовлечены самые различные акторы, что позволяет определять гетерогенность как основную характеристику чувашской политики памяти.

В-четвертых, гетерогенный характер институций исторической политики от ЧГИГН, ЧГУ и ЧГПУ до национальных активистов существенным образом влияет на те версии национальной истории, которые формируются в рамках как компромиссного официального канона, так и за его пределами – в этой ситуации языки исторической политики и модусы национального воображения в рамках политики памяти могут варьироваться от академической историографии до неакадемической фольк-хистори.

В-пятых, отсутствие реального суверенитета Чувашской Республики самым существенным образом влияет на обыденные формы проявления исторической политики как политики памяти – Чувашия не может позволить себе проводить историческую политику в стиле, например, Польши, Латвии или Украины, несмотря на то, что чувашская нация как основной субъект исторической политики присутствует.

Поэтому дискурс исторической политики как политики памяти из сферы реальной политики сместился в сферу культуры и символически значимых коммуникаций. В этой ситуации формально неполитические, но культурные и социальные институции, в том числе музеи и мемориалы, стали важными участниками политики проработки прошлого и его актуализации и визуализации в культурных и публичных пространствах современной Чувашской Республики в ее актуальной чувашской версии. В целом, историческая политика как идеологически и политически мотивированная политика памяти, основанная на систематической проработке прошлого и его визуальной актуализации в общественных и культурных пространствах стала одной из реалий социальной ситуации в Чувашской Республике. Чувашская политика памяти обладает значительными особенностями, которые радикально отличают ее от аналогичных практик и стратегий в других регионах современной Европы и мира.

Политика памяти в Чувашии представляет особый интерес в контексте развития и трансформации исторического воображения в многосоставных обществах. Чувашская Республика в этой ситуации может быть определена как классический пример региона со сложившейся нацией и идентичностью, с развитыми традициями национализма, но с фактической имитацией государственных институтов в условиях существования регионального политического режима, который, фактически воспроизводя общегосударственную российскую модель, обладает и значительными внутренними особенностями. Поэтому историческая политика как политика памяти в таких регионах становится каналом для актуализации различных форм этнической чувашской идентичности.

В целом, историческая политика в Чувашской Республике, как полагает автор, представляет собой совокупность чрезвычайно гетерогенных социальных, интеллектуальных и культурных практик, которые не могут быть сведены исключительно к аспектам, проанализированным в этой статье, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения современной чувашской политики памяти в рамках междисциплинарного подхода.

Список литературы и источников

1. Ака 25-мёшэ – Чăваш чĕлхи кунĕ. URL.: <http://culture.cap.ru/action/activity/sobitiya/2019-god/aka-25-meshe-chavash-chelhi-kune-denj-chuvashskogo/pozdravlenie-ministra-kuljuri-po-delam-nacional> (дата обращения: 30.03.2020).
2. *Акташ Т.* 25 апреля отмечается День чувашского языка. URL.: <https://www.idelreal.org/a/28449306.html> (дата обращения: 30.03.2020).
3. *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. Май – август. С. 109–124.
4. Виртуальная выставка «Государственные символы Чувашской Республики». URL.: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4137&Itemid=6814 (дата обращения: 30.03.2020).
5. Виртуальная выставка «История создания современных государственных символов Чувашской Республики». URL.: http://www.nbchr.ru/virt_gs/index.html (дата обращения: 30.03.2020).
6. Во флешмобе ко Дню чувашского языка приняли участие около 500 человек // Ирĕклĕ Сăмах. 2017. 28 апреля. URL.: <http://www.irekle.org/news/i2033.html> (дата обращения: 30.03.2020).
7. Закон Чувашской Республики «О Дне Государственных символов Чувашской Республики», 19 апреля 2004 года. URL.: <http://gov.cap.ru/home/12/arh/GosSymbols/index.htm> (дата обращения: 30.03.2020).
8. Закон Чувашской Республики от 14 июля 1997 г. № 12 «О государственных символах Чувашской Республики». URL.: <http://gov.cap.ru/home/49/EIEnI/prezident/infochuv/simvolika/05.htm> (дата обращения: 30.03.2020).
9. *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии. Предпосылки. Проекты. Этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.
10. *Касьянов Г.* Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. Май–август. С. 24–42.
11. *Кирчанов М.В. (Кӓрчансен Макӓмӓ).* Хресченсем – халӓх – Чӓваш наци: воображая и создавая чувашскую нацию (проблемы истории чувашского национализма конца XIX – начала XXI в.). Воронеж: Научная книга, 2013. 244 с.
12. Ко Дню государственных символов Чувашской Республики. URL.: http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2227:2017-04-12-17-23-10&catid=110:na2017&Itemid=237 (дата обращения: 30.03.2020).
13. *Колесник І.* Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. 2017. Вип. 9. С. 9–24.
14. *Кушко А., Таки В.* «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 485–495.
15. *Линднер Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. № 3. С. 20–25.
16. *Миллер А.* Россия: власть и история. URL.: <https://polit.ru/article/2009/11/25/miller/> (дата обращения: 30.03.2020).
17. Патшалӓх символики. URL.: <http://gov.cap.ru/chuv/hierarhy.aspx?guid=c736217b-478a-43a9-8039-a4ed125cba87> (дата обращения: 30.03.2020).
18. Республика кунне халалласа ирттернĕ мероприятисене паянхи планеркӓра пĕтĕмлетнĕ (25.06.2019). URL.: <http://gov.cap.ru/chuv/news.aspx?guid=b91a28a8-3ef7-47ad-af9f-76d9925ba825&type=c01b5ae8-2883-494d-95eb-7eb4575c9e35> (дата обращения: 30.03.2020).
19. Стартует благотворительная акция «Подари ребенку книгу на чувашском языке» (09.04.2019). URL.: https://www.cheboksary.ru/education/93370_startuet_blagotvoritel'naja_aksija_podari_rebenku_knigu_na_chuvashskom_jazyke.htm (дата обращения: 30.03.2020).
20. *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Май–август. С. 43–64.
21. Указ № 128 от 28 октября 2019 г. «О праздновании 100-летия образования Чувашской автономной области». URL.: <http://www.cap.ru/doc/laws/2019/10/28/decree-128> (дата обращения: 30.03.2020).
22. Указ Президента Чувашской Республики «О Дне Государственных символов Чувашской Республики» от 8 апреля 2004 г. URL.: <http://gov.cap.ru/home/12/arh/GosSymbols/index.htm> (дата обращения: 30.03.2020).
23. Чӓваш Республикин Пуслӓхĕ Михаил Игнатьев Республика кунĕ ячĕпе саламлани (24.06.2012). URL.: <http://gov.cap.ru/chuv/news.aspx?guid=3d4a4747-9533-489a-98b2-1ba2bf7ae7be&type=c01b5ae8-2883-494d-95eb-7eb4575c9e35> (дата обращения: 30.03.2020).

24. Чăваш Республикин Пуçлăхĕ Михаил Игнатъев Республика кунĕ ячĕпе саламлани (24.06.2019). URL.: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2852370&gov_id=49 (дата обращения: 30.03.2020).
25. Чăваш Республикин Пуçлăхĕ Михаил Игнатъев Чăваш чĕлхи кунĕ ячĕпе саламлани (25.04.2019). URL.: <http://gov.cap.ru/chuv/hierarchy.aspx?guid=0a71ef7c-0726-4713-b46a-f7afee7f9d68> (дата обращения: 30.03.2020).
26. Чăваш чĕлхин кунне уявларăмăр. URL.: [http://culture.cap.ru/news/2019/04/25/chavash-chelhin-kunne-uyavlaramar-\(hipar\)](http://culture.cap.ru/news/2019/04/25/chavash-chelhin-kunne-uyavlaramar-(hipar)) (дата обращения: 30.03.2020).
27. *Щербаков С.В.* Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект. Чебоксары: Новое время, 2013. 175 с.
28. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. 160 p.
29. *Assmann A.* Das kulturelle Gedächtnis an der Millenniumsschwelle. Krise und Zukunft der Bildung. Konstanz: Universitäts-Verlag Konstanz, 2004. 36 s.
30. *Assmann A.* Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München: C.H. Beck 2013. 231 s.
31. *Borries B. von.* Das Geschichtsbewußtsein Jugendlicher. Erste repräsentative Untersuchung über Vergangenheitsdeutungen. Weinheim: Juventa-Verlag, 1995. 492 s.
32. *Frei N.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: Beck, 1996. 460 s.
33. *Hroch M.* From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe // Mapping the Nation / ed. Gopal Balakrishnan. NY. – L.: Verso, 1996. P. 78–97.
34. *Hrytsak Y.* On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // Ab Imperio. 2004. No 1. P. 229–254.
35. Realms of Memory. The Construction of the French Past. Vol. 1. Conflicts and Divisions / eds. P. Nora and L.D. Kritzman; trans. by A. Goldhammer. Columbia University Press, 1996. 642 p.
36. *Susemichel L., Kastner J.* Identitätspolitik. Konzepte und Kritiken in Geschichte und Gegenwart der Linken. Münster: Unrast-Verlag, 2018. 152 s.
37. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.
38. *Thünemann H.* Geschichtskultur revisited. Versuch einer Bilanz nach drei Jahrzehnten // Historisierung der Historik. Jörn Rüsen zum 80. Geburtstag / hrsg. Th. Sandkühler, H.W. Blanke. Köln, 2018. S. 127–149.

M.W. Kyrchanoff

**HISTORICAL POLITICS IN THE CHUVASH REPUBLIC:
PUBLIC HOLIDAYS AS «PLACES OF MEMORY»
AND «INVENTED TRADITIONS»**

Annotation. The politics of memory in the Chuvash Republic is analyzed. It is assumed that historical politics is a form of actualization and visualization of çăvašlăh concepts in cultural and social spaces. The features of the involvement of various institutions in the politics of memory are analyzed. The role of elites in historical politics is discussed. The Days of the Republic, Days of the Chuvash language, Days of state symbols and the Addresses of the President (Head) of the Chuvash Republic are analyzed as social, cultural and political rituals and invented traditions.

Keywords: Chuvash Republic, politics of memory, identity, nationalism, çăvašlăh, rituals as invented traditions.

А.В. Карпов, А.В. Григорьев

ДОКУМЕНТЫ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛАХ ЧУВАШИИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВИДОВОЙ СОСТАВ И КРАТКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье дается характеристика видового состава и краткий анализ архивных документов, имеющих отношение к разработке и принятию государственных символов Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: геральдика, государственные символы, Чувашская Республика, Госархив современной истории Чувашской Республики.

Разработка государственной символики — одна из наиболее сложных проблем современной геральдики. В государственных символах зачастую требуется отобразить не только историю, культуру и традиции народа, но и наполнить их элементами национальной самоидентификации и суверенитета.

Как считает архивист и историк В.Г. Ткаченко, научное осмысление таких важных государственно-правовых институтов, как государственные символы, особенно на региональном уровне, все еще отстает от потребностей общественного развития, и государственная символика субъектов Российской Федерации пока еще слабо изучена в историческом, правовом, политологическом, культурологическом и других аспектах [14, с. 5].

За последние годы из наиболее значимых попыток осмысления исторического опыта развития государственной символики Чувашии следует отметить труды В.Г. Ткаченко [15; 16] и С.В. Щербакова [17]. Повышение научного интереса к изучению проблематики, связанной с историей государственной символики Чувашии, актуализирует необходимость использования в процессе изучения разработки государственных символов Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв. эмпирико-фактографического потенциала первоисточников, хранящихся в составе архивного фонда Чувашской Республики.

Бюджетное учреждение «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии является вторым по величине своего архивного фонда учреждением региона, специализирующимся на сборе, хранении и научном использовании документов по общественно-политической жизни Чувашии, начиная с 1917 г. По состоянию на начало января 2017 г. в госархиве хранится свыше 800 тыс. дел в составе более 4 тыс. фондов, в том числе 66 фондов личного происхождения [1]. Сюда постоянно поступают документы ликвидированных и действующих государственных учреждений, общественных организаций, политических партий и движений, личные фонды граждан.

В фондах ГАСИ ЧР хранятся уникальные документы об образовании и становлении Чувашской автономии, о событиях Гражданской войны, страшного голода начала 1920-х гг., коллективизации, героических подвигах уроженцев Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., социально-экономическом и общественно-политическом развитии республики во второй половине XX – начале XXI вв. Архивные документы представляют пользователям богатый фактографический материал для проведения различного рода научных изысканий.

В составе архивного фонда также находится большой комплекс документов, отражающий процесс разработки и принятия официальных государственных символов Чувашской Республики, и основные направления развития государственной геральдики в Чувашии на рубеже XX–XXI вв. Такого рода документы представлены, прежде всего, в архивных фондах органов власти и управления: «Президента Чувашской Республики – Кабинета Министров Чувашской Республики», «Государственного Совета Чувашской Республики», «Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики», а также в фондах ряда творческих объединений: «Союза писателей Чувашской АССР», «Союза художников Чувашской АССР» и «Союза композиторов Чувашской АССР». Видовой состав документов разнообразен. Это и нормативно-правовые акты (законы, постановления, распоряжения), и документы личного происхождения (производственные характеристики, личные листки по учету кадров, автобиографии и др.).

В составе архивного фонда «Президента Чувашской Республики – Кабинета Министров Чувашской Республики» представлен Закон «О государственных символах Чувашской Республики» [10, л. 12–39], принятый Госсоветом Чувашии 1 июля 1997 г. В приложении к нему имеется описание Государственных флага и герба Чувашской Республики с их схематическими изображениями и цветовой гаммой. Здесь же содержится текст и музыкальная редакция Государственного гимна Чувашской Республики на чувашском и русском языках. Помимо названного Закона в представленном фонде имеются документы, направленные на увековечивание исторической памяти об авторе герба и флага Чувашской Республики Элли Михайловиче Юрьеве и его творческом наследии. В частности, в составе фонда содержится Указ Президента Чувашской Республики «Об увековечивании памяти Юрьева Э.М.», подписанный Н.В. Федоровым 24 марта 2001 г. [11, л. 2].

В составе фонда «Государственного Совета Чувашской Республики» также содержатся тексты протоколов, постановлений, проектов законов и других документов, связанных с организацией правотворческого процесса по созданию и использованию государственной символики республики. Так, например, в этом фонде представлено Постановление Государственного Совета Чувашской Республики от 16 апреля 2004 г. о принятии Закона Чувашской Республики «О Дне государственных символов Чувашской Республики» [12, л. 170], в соответствии с которым 29 апреля ежегодно отмечается как День государственных символов Чувашской Республики.

В архивном фонде «Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики» содержатся приказы, информационно-справочные документы, протоколы. Судя по документам, представленным в этом

фонде, можно сделать вывод о том, что муниципальные образования активно обращаются к изображениям государственных символов Чувашской Республики в процессе разработки своих собственных геральдических символов. Так, здесь представлены проектные материалы герба Батыревского района Чувашской Республики, дизайн и описание которого содержат в себе изобразительные детали, присущие гербу и флагу Чувашии [8, л. 68–101]. Кроме этого, в данном фонде имеется приказ министерства от 5 апреля 2001 г. № 01-07/79 «О мерах по увековечению памяти Юрьева Э.М.», где говорится об утверждении комиссии по сохранению и пропаганде наследия художника [7, л. 127]. В составе архивного фонда также имеются документы о государственной политике по использованию и популяризации национально-государственной символики на современном этапе. Так, согласно выписке из протокола заседания Межведомственной комиссии по регулированию норм чувашского языка от 25 января 2006 г. № 3 на заседании рассматривался вопрос «О проектах вариантов архитектурных решений оформления въездов в Чувашскую Республику, муниципальные районы и города Чувашской Республики». В приложениях к документу представлены изображения проектов декоративных стел на границах республики и районов с использованием государственных символов Чувашии [9, л. 30–35, 52–56].

Создание государственных символов нашей республики тесно связано с биографией и творческим наследием их авторов-составителей. В фондах госархива нет специализированных личных фондов авторов государственной символики. Отдельные документы, касающиеся жизни и творчества Г.С. Лебедева, И.С. Тукташа, Э.М. Юрьева, представлены в фондах «Министерства культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики»; «Союза художников Чувашской АССР»; «Союза писателей Чувашской АССР»; «Союза композиторов Чувашской АССР»; «Чувашского республиканского комитета КП РСФСР, г. Чебоксары». Так, в фонде «Чувашского республиканского комитета КП РСФСР, г. Чебоксары» имеется личное дело чувашского композитора Германа Степановича Лебедева [4, л. 1–4], его производственная характеристика [3, л. 4] и анкета [3, л. 5]. Гимном Чувашской Республики стала песня, написанная Германом Лебедевым на стихи Ильи Семеновича Тукташа «Таван сёршив» (Родная страна). В составе фонда «Союза писателей Чувашской АССР» содержатся протоколы конференций писателей за 1956 литературный год, где имеется информация о жизни известного поэта и прозаика [6, л. 95]. Почерпнуть отдельные эпизоды биографии создателя герба и флага Чувашской Республики Элли Михайловича Юрьева можно из его личного дела, хранящегося в составе фонда «Чувашского республиканского комитета КП РСФСР, г. Чебоксары» [5, л. 1–10]. Непосредственно с творческой деятельностью народного художника можно ознакомиться в документах фонда «Союза художников Чувашской АССР».

В целом количественный состав архивных документов, имеющих сведения о государственных символах Чувашии и их создателях представлен следующими данными: в составе архивного фонда «Президента Чувашской Республики – Кабинета Министров Чувашской Республики» – 5 документов; в фонде «Государственного Совета Чувашской Республики» – 8 документов; в фонде «Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики» – 4 документа; в фонде «Чувашского республиканского комитета КП РСФСР г. Чебоксары» – 4 документа; в фонде «Союза композиторов Чувашской АССР» –

1 документ; в фонде «Союза писателей Чувашской АССР» – 5 документов; в фонде «Союза художников Чувашской АССР» – 11 документов. Информация о государственных символах фрагментарна, но она содержит богатый и доступный для научного исследования материал: это и глянцевые изображения, и схемы гос-символов, и ноты гимна, и двуязычное написание (на русском и чувашском языках) некоторых нормативно-правовых актов.

Несмотря на сравнительно небольшое количество фондов, имеющих непосредственное отношение к разработке и принятию государственных символов Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв., все вышеуказанные архивные документы уже неоднократно фигурировали в различного рода выставках, публикациях, в ходе проведения так называемых «тематических уроков» и «круглых столов». Только за период с 2010 по 2017 г. формат тематических уроков в самом госархиве применялся восемь раз. Так, в 2017 г., в рамках проведения «Ночи в архиве», приуроченной к празднованию 25-летия со дня утверждения государственных символов Чувашской Республики, ряд документов использовался в тематическом уроке «Становление чувашской государственности и история государственных символов Чувашской Республики» и в документальной экспозиции [2]. На базе Чувашского государственного художественного музея 26 апреля 2017 г. состоялся круглый стол «Государственные символы Чувашской Республики: вчера и сегодня», на котором обсуждались актуальные вопросы, связанные с возможностью использования официальной символики Чувашской Республики в популяризации знаний по современной геральдике [13].

Таким образом, количественно-видовой состав документов, хранящихся в составе архивного фонда Государственного архива современной истории, связанных с процессом разработки государственных символов Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв. довольно разнообразен. К настоящему времени большая часть архивных документов хорошо изучена и широко используется в практической и научно-популярной работе, проводимой сотрудниками самого архивного учреждения. Имеющийся в документах богатый эмпирический и фактографический материал, наряду со сведениями, почерпнутыми из других исторических источников (средств массовой информации, воспоминаний, мемуаров и др.), является хорошей базой для исследования и понимания исторических процессов, происходивших в ходе разработки и принятия государственных символов Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв.

Список источников и литературы

1. Архив: вчера, сегодня, завтра. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gasi.archives21.ru/Ob_arhive (дата обращения: 04.05.2020).
2. В Государственном архиве современной истории Чувашской Республики прошла акция «Ночь в архиве». [Электронный ресурс]. URL: http://www.gasi.archives21.ru/Press-centr/2017/04/07/V_Gosudarstvennom_arhive_sovremennoj_istorii_Chuvashskoj_Respubliki_proshla_akciya_Nochj_v_arhive (дата обращения: 04.05.2020).
3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 1п. Д. 7968.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 2157.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 68. Д. 1690.
6. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2718/434. Оп. 2. Д. 290.
7. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 316.
8. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 509.

9. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 644.
10. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 34.
11. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2994. Оп. 4. Д. 1135.
12. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2996. Оп. 1. Д. 1807.
13. Заместитель министра культуры Чувашии Анатолий Тимофеев принял участие в работе круглого стола «Государственные символы Чувашской Республики: вчера и сегодня» [Электронный ресурс]. URL: <http://culture.cap.ru/news/2017/04/26/zamestitelj-ministra-kuljturi-chuvashii-anatolij-tim> (дата обращения: 04.05.2020).
14. *Ткаченко В.Г.* Государственные символы Чувашской Республики: к истории создания // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2013. № 5. С. 5–25.
15. *Ткаченко В.Г.* Государственная и муниципальная символика Чувашии в историческом дискурсе. Чебоксары: Новое время, 2015. 182 с.
16. *Ткаченко В.Г.* Атрибуты власти в системе государственного управления Чувашии: история создания и функционирования (1920–1994 гг.). Чебоксары: ИП Н.А. Брындина, 2018. 140 с.
17. *Шербаков С.В.* Государственные символы Чувашской Республики: история создания, проекты, документы и материалы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 94 с.

A.V. Karpov, A.V. Grigoryev

**DOCUMENTS ABOUT THE STATE SYMBOLS OF THE CHUVASH REPUBLIC
IN THE ARCHIVE FUND OF THE STATE ARCHIVE OF MODERN HISTORY
OF THE CHUVASH REPUBLIC: SPECIES COMPOSITION AND BRIEF ANALYSIS**

Annotation. This article describes the species composition and provides a brief analysis of archival documents related to the development and adoption of state symbols of the Chuvash Republic at the turn of the XX–XXI centuries.

Keywords: heraldry, state symbols, Chuvash Republic, State archive of modern history of the Chuvash Republic.

**АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ ФОНДА
«ЧЕБОКСАРСКОЕ ГОРОДСКОЕ СОБРАНИЕ ДЕПУТАТОВ
И АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. Статья посвящена обзору фонда «Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация города Чебоксары Чувашской Республики», хранящегося в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики. Хронологические границы фонда 1992–2010 гг. Статья призвана показать потенциальным исследователям практическую ценность выше-названного фонда. Особенность исследуемого фонда заключается в том, что администрация г. Чебоксары – ныне действующий источник комплектования, вследствие чего фонд является открытым и регулярно пополняется новыми делами.

Ключевые слова: архивный фонд, органы местного самоуправления, Администрация г. Чебоксары, Чебоксарское городское Собрание депутатов, г. Чебоксары, Государственный архив современной истории Чувашской Республики.

Государственный архив современной истории Чувашской Республики является единственным архивным учреждением, специализирующимся на сборе, хранении, научном использовании документов по общественно-политической жизни республики, начиная с XX в. и по настоящее время. В Госархиве по состоянию на 1 января 2019 г. имеется 4 899 фондов, содержащих 871 154 единиц хранения, в их числе фонд «Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация города Чебоксары Чувашской Республики» (Ф. Р-2983). Необходимо отметить, что в рассматриваемом архивном фонде сосредоточены документы как Чебоксарского городского Собрания депутатов (далее – Собрания депутатов), так и администрации г. Чебоксары. Архивный фонд наиболее достоверно отражает современное развитие г. Чебоксары после установления института президентства в Чувашской Республике. Хронологический охват фонда на настоящее время – 1992–2010 гг. Архивный фонд имеет ряд особенностей:

1) фондообразователи – источники комплектования госархива ныне действующие органы, вследствие чего фонд является открытым и регулярно пополняется новыми делами;

2) некоторые документы имеют ограниченный доступ в связи с тем, что в них содержатся сведения, касающиеся третьих лиц;

3) описание фонда несколько осложнено частой реорганизацией структур органов местного самоуправления.

На сегодняшний день фонд представлен тремя описями (№ 1, № 2, № 3) управленческой документации в количестве 2269 единиц хранения, а также отдельными описями представлена научно-техническая документация (№ 5-Т, № 6-Т, № 7-Т, № 8-Т) в количестве 678 единиц хранения. Общее количество дел,

содержащихся в фонде «Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация города Чебоксары Чувашской Республики», составляет 3667 единиц хранения. Состав дел в описях полный. В соответствии с законодательством Российской Федерации и Чувашской Республики об архивном деле, дела по личному составу и личные дела уволенных хранятся в архиве администрации г. Чебоксары.

С учетом изменения конституционных основ республики из документов Собрания депутатов и администрации г. Чебоксары был образован единый архивный фонд. Для характеристики архивного фонда разделим его на блоки: Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация г. Чебоксары.

Рассмотрим первый раздел блока Собрания депутатов, который представлен по 2010 г. Основным муниципальным и правовым актом высшей юридической силы Собрания депутатов и администрации г. Чебоксары является Устав муниципального образования г. Чебоксары – столицы Чувашской Республики (далее – Устав).

В соответствии с Уставом в полномочия Собрания депутатов входит: принятие Устава; утверждение бюджета г. Чебоксары; установление местных налогов; принятие планов и программ развития территории г. Чебоксары и многое другое. Основной формой деятельности Собрания депутатов являются заседания. В фонде отложились дела с многочисленными протоколами, решениями к ним и другой сопутствующей документацией – программами, планами, отчетами, информацией, перепиской. Имеются документы по вопросам организации деятельности администрации г. Чебоксары, которые дают исчерпывающие данные о состоянии города в разные годы. В качестве наиболее интересных примеров можно привести следующие решения Собрания депутатов от:

4 августа 1998 г. № 409 «О символах города Чебоксары – столицы Чувашской Республики и описании герба города Чебоксары», в котором представлено Положение о символах г. Чебоксары – столицы Чувашской Республики, цветное изображение Большого и Малого герба г. Чебоксары, в том числе и условно-графическое изображение [1, л. 65–75];

14 июня 2001 г. № 215 «О флаге города Чебоксары», в котором утверждается Положение о флаге г. Чебоксары и его графическое изображение [2, л. 54–59];

29 ноября 2007 г. № 824 «О Положении о должностном знаке «Глава города Чебоксары», помимо геральдического описания должностного знака «Глава города Чебоксары» и ленты «Глава города Чебоксары» имеются и их цветные изображения [4, л. 170–193];

24 декабря 2009 г. № 1525 «О гимне муниципального образования города Чебоксары – столицы Чувашской Республики», имеется Положение о гимне, текст песни на чувашском и русском языках, музыкальная редакция гимна [5, л. 45–55].

Интерес для исследователей г. Чебоксары представляют дела с приложением к протоколу заседания Собрания депутатов от 8 декабря 2004 г. № 38 – генеральный план г. Чебоксары в двух томах [11, л. 1–436; 12, л. 1–111]. В делах содержатся материалы, отражающие основную информацию о современном облике г. Чебоксары: имеются планы и чертежи; приведены характеристики климатических и природных условий; представлены объекты культурного наследия; описано экономико-географическое положение и факторы развития. В том числе можно почерпнуть информацию о динамическом приросте населения г. Чебоксары [11, л. 1–436].

В следующем подразделе представлены дела с распоряжениями председателя Собрания депутатов по основной деятельности. В делах сосредоточены документы о созыве и ведении заседаний; об оказании содействия депутатам в осуществлении ими своих полномочий; о координации деятельности постоянных комиссий и др. [3, л. 5–11]. Таким образом, документы данного подраздела прежде всего демонстрируют деятельность непосредственно самого Собрания депутатов.

Для решения текущих вопросов и принятия предварительных организационных решений, касающихся деятельности Собрания депутатов, избирается Президиум в составе председателя Собрания депутатов и председателей постоянных комиссий. Основной формой деятельности также являются заседания. Подраздел Президиума представлен делами с протоколами заседаний и документами к ним. В протоколах рассматриваются вопросы, связанные с утверждением Устава и внесением в него изменений; реализацией муниципальных целевых программ, утвержденных Собранием депутатов; о внесении изменений и дополнений в положения; о представлении к награждению государственными наградами Российской Федерации и Чувашской Республики; о выдаче удостоверений к медалям и т.д. В контексте изучения взаимодействия г. Чебоксары с другими городами в данном подразделе интересен протокол заседания Президиума от 18 января 2010 г. № 139, где был рассмотрен вопрос о визите группы депутатов в г. Рунду (Намбия) для подписания Соглашения об установлении побратимских отношений. В качестве приложения имеется пригласительное письмо мэра г. Рунду на русском языке [6, л. 1, 8, 24].

По отдельным направлениям своей деятельности Собрание депутатов избирает из своего состава постоянные комиссии, они и составляют следующий подраздел обзора. По состоянию на 2010 г. было избрано 6 постоянных комиссий: по бюджету, экономической и налоговой политике, муниципальной собственности и инвестициям; по промышленности, предпринимательству и потребительскому рынку; по городскому хозяйству; по развитию города, строительству, архитектуре и землепользованию; по социальному развитию и экологии; по законности, правопорядку, развитию местного самоуправления, депутатской этике; по связям со средствами массовой информации. Данный подраздел представлен делами с протоколами заседаний постоянных комиссий, где рассматриваются в основном вопросы, связанные с их профилем деятельности. К протоколам прилагаются переписка, справки, отчеты. Так, например, в соответствии с профилем постоянных комиссий приведены данные об исполнении бюджета г. Чебоксары [7, л. 3, 7, 45–47], представлены сведения о повышении безопасности дорожного движения [8, л. 2, 7, 20–27], рассматриваются обращения отдельных граждан [9, л. 5, 10, 70–73] и др. Подраздел является очень важным, поскольку в нем отложились дела с документами, в которых представлены сведения о создании оптимальных условий для проживания населения г. Чебоксары и развития города в целом.

Для своевременного решения актуальных проблем организуются и рабочие группы, деятельность которых носит временный характер. Тем не менее, их документы также отложились в архивном фонде. В данном подразделе представлены дела с протоколами и различными документами к ним – заявлениями граждан, перепиской, договорами. В документах рассматриваются обращения граждан, взаимодействие с территориальными общественными самоуправлениями (ТОСы) и т.д. Стоит отметить, что настоящий состав документов в большей сте-

пени демонстрирует именно работу ТОСов, как одной из форм участия народа в местном самоуправлении.

Совет старейшин при Собрании депутатов является консультативно-совещательным органом и создан для подготовки предложений и заключений по проблемным и перспективным вопросам деятельности органов местного самоуправления г. Чебоксары. Подраздел представлен протоколами и документами к ним – перепиской, отчетами, информацией и т.д. В протоколах рассмотрены вопросы, касающиеся различных сфер общественной жизни и городской среды. Так, например, имеются сведения о состоянии наружной рекламы в г. Чебоксары [10, л. 31]; о правах и социальных гарантиях, предоставляемых Почетным гражданам в муниципальных образованиях Российской Федерации [10, л. 28–31]; о подготовке предложений в адрес администрации г. Чебоксары по предоставлению информации, касающейся развития магистральной уличной дорожной сети г. Чебоксары [10, л. 31–32] и т.д. Подобные сведения важны для проведения аналитической работы по проблемам развития г. Чебоксары.

В следующем подразделе представлены дела контрольного органа г. Чебоксары – контрольно-счетной палаты. В делах подразделения содержатся такие документы, как акты и справки проверок целевого использования средств; информации; отчеты; переписка; выписки из протоколов Собрания депутатов; заявления. Подраздел характеризуют документы, в которых отражены материалы по выполнению программ и планов социально-экономического развития города; по управлению и распоряжению имуществом, находящимся в муниципальной собственности; по соблюдению установленного порядка подготовки проекта бюджета города; по контролю за исполнением бюджета г. Чебоксары, правильность формирования тарифов на услуги и т.д.

Аппарат Чебоксарского городского Собрания депутатов (далее – Аппарат) является постоянно действующим органом Собрания депутатов, осуществляющим организационное, правовое, документационное, информационное и материально-техническое обеспечение деятельности Собрания депутатов. Дела Аппарата, в которых отложены документы сектора бухгалтерского учета, представляют следующий подраздел. В подраздел включены: штатные расписания Аппарата и контрольно-счетной палаты; сметы доходов и расходов; баланс об изменении бюджета и документы к нему.

В следующем блоке рассмотрим документы администрации г. Чебоксары. Согласно Уставу, администрация г. Чебоксары – орган местного самоуправления г. Чебоксары, выполняющий исполнительно-распорядительные функции по решению вопросов местного значения и осуществления отдельных государственных полномочий, переданных федеральным законом Чувашской Республики. Структуру данного исполнительного органа составляют глава администрации г. Чебоксары, его заместители, структурные подразделения администрации г. Чебоксары. Необходимо отметить, что структура органа неоднократно менялась. В обзоре будем ориентироваться на последнюю структуру, имеющуюся в описи на 2005–2007 гг.

Сначала проанализируем подраздел, представляющий дела главы г. Чебоксары – главы администрации г. Чебоксары (впоследствии в соответствии с решением Собрания депутатов от 27 сентября 2007 г. № 776 «О внесении изменений в Устав муниципального образования города Чебоксары – столицы Чувашской Рес-

публики» были внесены изменения: «глава города Чебоксары – глава администрации города Чебоксары» изменено на «глава города Чебоксары»). В подраздел включены постановления и распоряжения. В данных документах встречаются сведения как общего характера, касающиеся г. Чебоксары: об организации движения большегрузного автотранспорта по территории города [13, л. 8–10]; о добровольной пожарной охране на предприятиях, в учреждениях и организациях г. Чебоксары [13, л. 17–33], так и материалы, демонстрирующие различные сферы жизни граждан – жителей г. Чебоксары: о мерах по обеспечению повышения заработной платы работников предприятий и организаций города [14, л. 1–3]; о внесении изменений в Положение о порядке реализации жилищных прав гражданами – жителями г. Чебоксары [14, л. 68–69] и прочее. Важно отметить, что настоящие документы также содержат большой объем сведений, касающихся третьих лиц, поэтому в целях обеспечения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, документы имеют ограниченный доступ.

В следующем подразделе рассмотрим непосредственно документы самой администрации г. Чебоксары. Первый подраздел – Руководство – содержит дела, в которых сосредоточены следующие виды документов: протоколы заседаний администраций районов г. Чебоксары; протоколы совещаний при главе города; планы работ; отчеты о работе; договоры, соглашения администрации г. Чебоксары о научно-техническом, торгово-экономическом и социально-культурном сотрудничестве, заключенные с организациями субъектов Российской Федерации; переписка с администрацией Президента Чувашской Республики, Кабинетом Министров Чувашской Республики, администрациями районов города. Обозначенные документы интересны, прежде всего, тем, что демонстрируют город на современном этапе развития. Так, имеются сведения о передаче ГУП ЧР «Газета “Советская Чувашия”» Минкультуры Чувашии прав на издание и распространение ежедневной газеты администрации г. Чебоксары «Чебоксарские новости» [17, л. 1–3]; об итогах экономического и социального развития, исполнения бюджета г. Чебоксары [15, л. 53–68]; о проведении различных мероприятий, например, таких как Всероссийская массовая лыжная гонка «Лыжня России» [16, л. 9–10].

Документы финансово-бухгалтерского отдела образуют следующий подраздел, в котором представлены сметы доходов и расходов, штатные расписания администрации, сводный баланс исполнения бюджета и документы к ним.

Сведения о построенных населением индивидуальных домах, коттеджах, пристройках и хозяйственных постройках отложились в подразделе, освещающем дела отдела строительства. Помимо этого, в делах содержится переписка с МУП «Бюро технической инвентаризации и приватизации жилищного фонда» об индивидуальных домах, прошедших первичную инвентаризацию [18, л. 11, 14, 16].

Интерес представляют и дела отдела по работе с обращениями граждан, представляющие следующий подраздел. В делах содержатся предложения, заявления, жалобы граждан по различным вопросам и ответы на них. По документам данного подразделения особенно четко прослеживается равнодушное отношение граждан к своему городу. В качестве примера можно привести письмо-обращение инициативной группы жителей левобережной части города Чебоксары по поводу перспективного развития Заволжья [20, л. 1–7]; предложение жительницы города создать благоприятные условия для отдыха населения и охране окружающей среды в черте города [20, л. 97–98].

Информационно насыщен и подраздел, отражающий деятельность отдела промышленности и предприятий. Дела подраздела содержат самый разнообразный материал. Большое внимание отводится документам с информацией о ходе выполнения программ. Весьма интересны дела, в которых представлены документы к различным конкурсам и выставкам. Так, материалы ко II Всероссийскому конкурсу «Лучшее муниципальное образование» содержат не только историческую справку о г. Чебоксары, но и подробно характеризуют город на современном этапе. В справках и сообщениях акцент сделан на организационные формы местного самоуправления и участие населения в его осуществлении, социально-демографической характеристики населения и основных экономических показателей [24, л. 48–71].

Следующий подраздел – отдел экономики, прогнозирования и социально-экономического развития, в нем отложились дела с протоколами заседаний, информацией, справками по социально-экономическому развитию г. Чебоксары и территории Заволжья, а также отчеты об итогах экономического и социального развития, исполнения бюджета города. Отдельным делом в подразделе представлен социально-экономический паспорт г. Чебоксары, где отмечены сводные показатели социально-экономического развития города, уровни обеспеченности объектами социальной сферы г. Чебоксары, а также районов и микрорайонов города [21, л. 1–49].

В делах подраздела Управления по связям с общественностью, средствами массовой информации и молодежной политике содержатся положения о проведении городских мероприятий, утвержденных главой администрации и начальником управления. Видовой состав документов подраздела весьма обширен, имеются протоколы заседаний, служебные записки, планы различных мероприятий, уведомления о проведении пикетов, договоры, справки, переписка с организациями [19, л. 1–67].

Далее разберем комиссии, непредставленные в структуре, но дела которых имеются в фонде – городскую жилищную комиссию, территориальную трехстороннюю комиссию по регулированию социально-трудовых отношений по г. Чебоксары, межведомственную оперативную комиссию по регулированию платежей и расчетов с бюджетом г. Чебоксары, а также Координационный совет по охране и условиям труда г. Чебоксары. Их деятельность носит временный характер и представлена протоколами.

В протоколах заседаний городской жилищной комиссии имеются сведения о распределении жилой площади. В данных документах также содержится информация, касающаяся третьих лиц, ввиду чего документы имеют ограниченный доступ [22, л. 1–16].

Вопросы, затрагивающие экономическое и социальное развитие г. Чебоксары, рассмотрены в протоколах заседаний территориальной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений по г. Чебоксары [23, л. 1–55].

В делах межведомственной оперативной комиссии по регулированию платежей и расчетов с бюджетом г. Чебоксары сосредоточены протоколы заседаний, в которых главным образом поднимаются вопросы погашения задолженности по налоговым и неналоговым платежам в бюджет города, а также задолженности во внебюджетные фонды различных коммерческих и некоммерческих организаций [25, л. 1–20].

В протоколах Координационного совета содержатся сведения о выработке предложений по актуальным межотраслевым, отраслевым и региональным проблемам в сфере охраны и условий труда [26, л. 1–41].

В течение 2003–2007 гг. в делопроизводстве администрации г. Чебоксары наряду с управленческой документацией откладывались и научно-технические документы. Дела с данной документацией представлены отдельными описями, начиная с описи № 5-Т, в которой размещены разрешения на капитальное строительство объектов. В описи № 6-Т представлены разрешения на реконструкцию и перепланировку объектов строительства, в описи № 7-Т – разрешения на индивидуальное строительство объектов. В описи № 8-Т сосредоточены дела с распоряжениями об утверждении актов приемки и разрешений на ввод в эксплуатацию законченных строительством объектов. Помимо вышеперечисленного, дела также содержат следующие виды документов: заявления застройщиков о выдаче разрешений на строительство; правоустанавливающие документы на земельные участки; градостроительные планы земельных участков; проектную документацию (пояснительные записки; схемы, отображающие архитектурные решения) и т.д. Научно-технические документы весьма востребованы при ответах на запросы физических и юридических лиц, поскольку включают в себя сведения о строительстве жилых и нежилых объектов.

Анализируя фонд «Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация города Чебоксары Чувашской Республики» можно сделать вывод, что в деятельности органов местного самоуправления г. Чебоксары образуются документы, имеющие большое историческое, социально-экономическое, культурное и практическое значение. Происходившие в соответствии с законодательством изменения нашли свое отражение в составе органов местного самоуправления города, функциях структурных подразделений и их документах. Очевидно, что видовой состав документов архивного фонда весьма разнообразен. Наиболее информационно насыщенный комплекс документов, с точки зрения изучения развития г. Чебоксары, отложился в делах представительного органа – Чебоксарского городского Собрания депутатов. В свою очередь документы исполнительного органа – администрации г. Чебоксары несут большую практическую значимость, поскольку содержат сведения, необходимые для ответов на тематические запросы юридических и физических лиц, которые регулярно поступают в БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии.

Список источников

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-2983. Оп. 1. Д. 528.
2. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1. Д. 1127.
3. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 11.
4. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 113.
5. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 278.
6. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 344.
7. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 350.
8. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 356.
9. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 364.
10. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 370.
11. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 1665.
12. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 1 (продолжение). Д. 1666.

13. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 10.
14. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 12.
15. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 125.
16. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 126.
17. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 134.
18. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 152.
19. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 153.
20. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 156.
21. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 160.
22. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 169.
23. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 171.
24. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 327.
25. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 340.
26. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2983. Оп. 3. Д. 341.

L.I. Vasilieva

**ANALYSIS OF FOUNDATION DOCUMENTS «CHEBOKSARY CITY ASSEMBLY
OF DEPUTIES AND CHEBOKSARY CITY ADMINISTRATION
CHUVASH REPUBLIC» STATE ARCHIVE MODERN HISTORY
OF THE CHUVASH REPUBLIC**

Annotation. The article is devoted to the review of the fund «Cheboksary City Assembly of Deputies and the Administration of the City of Cheboksary, Chuvash Republic», stored in the State Archive of Modern History of the Chuvash Republic. Chronological boundaries of the fund 1992–2010. The article is intended to show potential researchers the practical value of the above fund. The peculiarity of the fund under study is that the administration of the city of Cheboksary is a current source of recruitment, as a result of which the fund is open and is regularly replenished with new cases.

Keywords: archival fund, local governments, Administration of the city of Cheboksary, Cheboksary city Assembly of Deputies, city of Cheboksary, State Archive of Modern History of the Chuvash Republic.

К ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ С.С. КУТЯШОВА

Аннотация. В статье представлена информация о хранящейся в Архиве Российской академии наук рукописи научной работы С.С. Кутяшова «К истории Октябрьской революции в Чувашии», которая представляла собой доклад на семинаре «Октябрьская революция среди народов СССР», прочитанный в Институте национальностей в мае 1932 г.

Ключевые слова: история, Чувашская автономия, С.С. Кутяшов, рукопись, архив, Российская академия наук.

В Архиве Российской академии наук хранится фонд Института языка и письменности народов СССР Академии наук СССР, который в 1933–1936 гг. именовался Научно-исследовательским институтом национальностей Всесоюзного центрального исполнительного комитета СССР. В документальных комплексах фонда сохранилась рукопись научной работы С.С. Кутяшова «К истории Октябрьской революции в Чувашии», которую можно датировать маем 1932 г. [1, л. 1–63]. В предисловии автор указывал, что приведенная работа представляла собой доклад на семинаре «Октябрьская революция среди народов СССР», прочитанный в Институте национальностей. В силу почти полного отсутствия печатных источников и «выдержанных» материалов по теме, работа написана в значительной мере на анализе архивных материалов, выявленных П.Г. Григорьевым (1897–1973) в Архиве Октябрьской революции и в других центральных архивах г. Москвы. При этом сама работа, по мнению автора, не претендовала на освещение всех вопросов по истории Октябрьской революции в Чувашии, она должна быть написана коллективом историков.

С.С. Кутяшов констатировал, что Чувашия еще не имела своей написанной истории, созданной на основе марксистско-ленинской методологии, и истории национально-освободительного революционного движения в Чувашии и Чувашской партийной организации. Существовавшая литература по данному вопросу давала лишь отрывочные материалы, отображая отдельные события: брошюра И.Д. Кузнецова [3], сборник [6], выпущенные в 1931 г., статьи С. Дурасова и В.В. Тюмерова «Октябрьская революция в Чувашии», опубликованные в газете «Красная Чувашия» в 1932 г. Вся остальная литература по этому вопросу, по утверждению автора, в основном изложена в духе эсеровской и национал-демократической концепции: «разоблачены эсеровские контрабандисты» А.Д. Краснов [2] и Ф.Н. Сергеев [5].

Первая часть исследования имеет заголовок «Беглая характеристика до-революционной Чувашии». С.С. Кутяшов констатировал, что история чувашей последних трех-четырёх столетий – это история колонизации Волжско-Камского

края Московским государством, история крестьянских войн, направленных против военно-феодальной эксплуатации, против колониального грабежа и насильственной «руссификаторско-христианизаторской» политики. Он отмечал, что в крестьянских движениях XVII–XVIII вв. чувашаи участвовали не как нация, а как крепостные крестьяне.

Несмотря на искусственное сдерживание развития производительных сил и «репрессии» со стороны великодержавной буржуазии и крепостников по отношению к чувашским крестьянам и развивающейся буржуазии, в Чувашии складывались капиталистические отношения. После реформы 1861 г., в особенности в последние десятилетия XIX в., началось расслоение крестьянства Чувашии на полукрепостных, кулаков и бедноту. Росло переселение чувашской деревни, создавая, с одной стороны, «резервную армию для быстро растущей промышленности и капитализирующихся помещичьих хозяйств». Бедняцкая и батрацкая часть чувашского крестьянства сотнями и тысячами уходила в города, в помещичьи хозяйства, на местные промыслы и в местные кулацкие хозяйства.

В лице нарождавшейся буржуазии, по мнению ученого, в особенности национальной буржуазии, сочетались и крепостнические, и торгово-ростовщические «замашки»: она пользовалась всеми доступными формами эксплуатации в земледелии, торговле и промышленности. В местных помещичьих хозяйствах промышленного типа и для рынка началось культивирование конопли, льна, картофеля, овса. Возникали кустарные и фабрично-заводские предприятия по обработке леса и сельскохозяйственных продуктов. В последние годы конца XIX в. и начала XX в. еще более ухудшилось положение сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты. Земельные участки сосредотачивались в руках дворян, купцов-землевладельцев, духовенства и кулачества. Наблюдались тенденции капиталистического развития чувашской деревни, развитие ее по мелкобуржуазному типу.

С.С. Кутяшов утверждал, что к 1905 г. в Чувашии ясно проявлялись идеи национального самосознания, идеи национальной буржуазии. В 1905–1907 гг. широко развернулось национальное движение, носившее буржуазно-демократический характер. Это движение выражало стремление угнетенных масс чувашей освободиться от феодально-полицейского гнета русских и национальных крепостников для обеспечения свободного и быстрого развития национальной культуры и искоренения остатков крепостничества в самой Чувашии и соседних районах. Чувашское крестьянство повсеместно участвовало в массовых выступлениях против помещиков, наблюдалось движение рабочих, занятых сплавом леса. Это движение формировало политические группировки, выражавшие идеологию борющихся классов в тогдашней России.

Одной из первых партийных группировок, появившихся среди чувашей к 1905 г. была партия «социалистов-революционеров»; эсеры не в состоянии были выступить с собственной программой: они вошли в блок с кадетами и «октябристами». Туманность и неопределенность в программах и тактических вопросах объяснялись, по мнению ученого, бессилием этих партийных группировок. Они не могли выступать самостоятельно и сходились на платформе культурно-национальной автономии и на аграрном вопросе, выступая против захвата помещичьих, удельных и монастырских земель, в защиту миссионерской политики царизма. Чувашские эсеры и кадеты с самого начала революции выдвинули аграрную

программу, согласно которой земельный вопрос должен был решаться не путем захвата помещичьих земель, а путем захвата земель русского крестьянства, путем изгнания русских из среды чувашей.

В движении чувашского крестьянства большую роль играли рабочие, которые возвращались в деревню из городов в связи с забастовками. Среди них было немало таких, которые усвоили идеи большевистской аграрной программы. При этом основное руководящее влияние имела Казанская организация РСДРП: в результате массовые выступления чувашского крестьянства против помещиков и национального гнета проходили под прямым или косвенным влиянием большевиков и русского пролетариата крупных промышленных центров.

Во второй части исследования «Канун Февральской революции» С.С. Кутяшов отмечал, что после поражения в революции 1905–1907 гг. за счет обнищания основной массы крестьянства, роста бедноты и батрачества росла и укреплялась национальная буржуазия и кулачество. Империалистическая война 1914 г. «еще свирепее опустошала бедняцко-средняцкие» хозяйства деревни. Чувашская деревня, как и всякая деревня в России, была органически связана с фронтом. Фронт «влият, революционизировал» не только солдат, но и деревню — через раненых солдат; деревня стала больше приобщаться к политической жизни. Для чувашского крестьянства фронт империалистической войны и царская армия в период войны, как считал ученый, «послужили своего рода политической школой». Таким образом, основная масса солдат-фронтовиков и масса крестьянства готовились к выступлению против царизма вместе со всем пролетариатом и крестьянством России. Опыт борьбы против помещиков и царизма в 1905–1907 гг. умножился во время войны, политическое сознание борьбы против национального угнетения получало «более четкое оформление».

В третьей части исследования «От Февраля к Октябрю» автор указывал, что наступление Февральской революции 1917 г., свержение царизма получили широкий отклик и в чувашской деревне. Оживилось буржуазно-национальное движение и восстанавливались националистические организации. Под руководством рабочих, солдат-фронтовиков и «под известным влиянием» национальной интеллигенции начиналась политическая борьба в Чувашии. Аграрное движение среди чувашей было неразрывно связано с движением всего крестьянства Казанской губернии, что подтверждалось постановлением общего собрания Совета крестьянских депутатов Казанской губернии от 13 мая 1917 г. о передаче пахотных земель, лугов, угодий, лесов, инвентаря и скота в распоряжение волостных комитетов.

Таким образом, аграрное движение среди чувашского крестьянства было направлено против помещиков и власти Временного правительства, которое оттягивало решение земельного вопроса. Однако чувашские эсеры и социал-демократы пытались показать «своеобразие» и «особенность» аграрного движения среди чувашей. Д.П. Петров, характеризуя аграрное движение в Чувашии в 1905–1907 гг., писал: «Характерной особенностью движения чувашского крестьянства являлось то, что оно происходило при почти абсолютном отсутствии среди них помещичьих имений» [4, с. 52].

Эсер А.Д. Краснов исключительную и единственную руководящую роль в Февральской и Октябрьской революциях приписывал эсерам [2]. После завершения буржуазно-демократической революции, когда у власти оказалась импери-

алистическая буржуазия, чувашские эсеры в блоке с кадетами и черносотенцами приступили к организации «народной власти» земства. Под руководством рабочих и солдат-большевиков чувашское крестьянство в основном вело борьбу в духе большевистской аграрной программы; в ряде волостей разгонялись земские управы и продовольственные комитеты, массовый характер принимало движение против хлебной монополии.

С.С. Кутяшов указывал, что Симбирский чувашский съезд 20–28 июня 1917 г. был съездом организационных сил контрреволюционной буржуазии против нарастающего среди чувашей революционного движения. По национальному вопросу съезд высказался за культурно-национальную автономию, было создано Чувашское национальное общество. Успехи большевистской политики кадеты и эсеры объясняли невежеством и темнотой народных масс Чувашского края. В ходе нарастания революции по всей России, в частности в Казанской губернии, бедняцкие и батрацкие массы чувашского крестьянства окончательно перешли на сторону большевиков, убедившись в предательской роли эсеров.

В четвертой части исследования «Октябрь и Гражданская война» автор указывал, что 21 октября 1917 г. в Чебоксарах был созван волостной сход, который поддержал выступление военного гарнизона в Казани. Он отмечал значительную роль событий в Казани, поскольку там находились видные представители революции и контрреволюции, которые и после Октябрьской революции сыграли свою роль в судьбе чувашского народа. 27 октября была создана Чувашская национальная военная организация, которая частично была использована под влиянием чувашских офицеров-белогвардейцев в борьбе с советами в Чувашии. 2 ноября Чебоксарским советом был создан военно-революционный комитет под председательством И.Г. Кадыкова, тогда как в Цивильске и Ядрине господствовали земские уездные управы и национальные комитеты. Однако к 4 декабря был создан Богородский земельный комитет Чебоксарского уезда, который приступил к организации сельскохозяйственной коммуны.

Ученый отмечал, что в практике работы Советов в первый год советской власти «большим вопросом» являлась неразрешенность национального вопроса. Споры о пропорционально-национальных представительствах в Советах разжигались чувашскими эсерами и националистами. Предлагалось во всех уездных советских учреждениях все ответственные должности распределять в следующем соотношении: на двоих русских должно приходиться не менее 8 чувашей. Подобные предложения, по мнению С.С. Кутяшова, проводились под влиянием чувашских националистов, в особенности под влиянием Комиссариата по чувашским делам, организованного в начале марта 1918 г. Ученый особенно отмечал решение Наркомата по делам национальностей, принятое в апреле 1918 г., об организации Чувашского отдела, который стал первым шагом на пути создания национальной автономии.

Чувашский отдел приступил к подготовке созыва Общечувашского рабоче-крестьянского съезда, вовлекая в это дело всю буржуазно-националистическую демократию, эсеров, кадетов, миссионеров. Однако на местах, в уездах и волостях съезды Советов не проводились, а обходились волостными сходами, на которых националистам и земским деятелям было удобно провести своих кандидатов. Несоблюдение классового принципа при выборах делегатов привело к тому, что по составу съезд превратился не в советский съезд, а в съезд национальной демокра-

тии. На съезде в начале июня 1918 г. с докладами выступали практически представители эсеров. В своем выступлении эсер Д.П. Петров высказал предложение, что чувашский народ согласен на устройство такого областного образования, границы которого были бы: Екатеринбургская железная дорога, реки Урал и Сура, южная часть Самарской губернии. Эсер Г.Ф. Алюнов предлагал принцип культурно-национальной автономии, мотивируя это тем, что чувашаи «к самоопределению не дозрели». Как писал автор, «в связи с разногласиями с большевиками по основным вопросам съезд был распушен».

С.С. Кутяшов указывал на большую роль в деле боевого воспитания бойцов-чувашей чувашской секции, организованной при политотделе 5-й армии Восточного фронта. Кроме этого, к концу августа 1918 г. были организованы Чебоксарский и Ядринский уездные комитеты РКП(б). После победы на фронтах Гражданской войны чувашская секция при Казанском губернском комитете РКП(б) развернула широкую работу среди трудящихся масс Чувашии. 4 февраля 1920 г. на Всероссийском съезде чувашских коммунистических секций было решено организовать Чувашскую трудовую коммуну. 24 июня ВЦИК и Совнарком РСФСР издали декрет об образовании Чувашской автономной области, преобразованной в 1925 г. в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

В исследовании отмечалось, что благодаря установлению в центре России диктатуры пролетариата угнетенные трудящиеся чувашаи добились своего освобождения от национального гнета. Под руководством и при помощи пролетариата бывшей Российской империи и ленинской партии трудящиеся массы Чувашии создали национальную автономию, проводится ленинская национальная политика. Ученый констатировал, что чувашская партийная организация «единодушно разоблачила и разгромила контрреволюционный буржуазный национализм и его отражение в рядах парторганизации — «эльменьшину». Вопреки пророчествам буржуазных националистов о вырождении чувашей, их клеветническим утверждениям о том, что «Октябрьская революция Чувашии ничего не дала», «Чувашия остается в стороне от столбовой дороги к социализму», трудящиеся Чувашии достигли огромных успехов на всех фронтах социалистического строительства.

В заключение отметим, что в исследовании С.С. Кутяшова использовано большое количество идеологических высказываний и цитат, без которых в рассматриваемый период не обходилось ни одно публичное выступление или публикация. В то же время исследование является небольшим штрихом к истории Чувашской автономии, позволяет расширить источниковедческую базу по истории Чувашской Республики и может быть использовано в исследовательских и образовательных целях.

Список литературы и источников

1. Архив Российской академии наук. Ф. 677. Оп. 5. Д. 1252.
2. *Краснов А.Д.* Нарăспа Юпа уйăхĕ [Февраль–Октябрь]. Шупашкар, 1931. 84 с.
3. *Кузнецов И.Д.* Большевиксен партийĕпе чăваш организацийн сул-ийĕрĕ. (Чулхула парт-организацийĕ 30 сул тултарнă çĕре) [Большевистская партия и путь чувашской организации]. Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1931. 48 с.
4. *Петров Д.П.* Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк.: М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 104 с.
5. *Сергеев Ф.Н.* История классовой борьбы. Чебоксары, 1931.

6. Токсин В.И. Тридцатилетие Нижегородской и XI-летие Чувашской организации ВКП(б) (Доклад т. Токсина на Торжественном заседании ОК, ОКК, Чебоксарского райкома ВКП(б) и Обкома совместно с Чебоксарской городской организацией. 23 октября 1931 г.). Чебоксары: Чувашиздат, 1932. 77 с.

М. Yu. Kiselev

**TO THE HISTORY OF THE CHUVASH AUTONOMY:
STUDY OF S.S. KUTYASHOVA**

Annotation. The article provides information on the manuscript of scientific work stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences S.S. Kutyashov «On the history of the October Revolution in Chuvashia», which was a report at the seminar «October Revolution among the Peoples of the USSR», read at the Institute of Nationalities in May 1932.

Keywords: history, Chuvash autonomy, S.S. Kutyashov, manuscript, archive, Russian Academy of Sciences.

Авторы, представленные в данной секции:

1. **Круглов В.Н.** «Национальный вопрос» в территориальной организации РСФСР 1920-х годов: споры вокруг границ, полномочий, статусов 247
2. **Субботина А.М.** Социокультурные предпосылки создания Удмуртской автономии (1900–1918) 257
3. **Гусаров Ю.В.** «Убежденный народник»: чувашский общественно-политический деятель начала XX века Т.П. Прохоров 261
4. **Суслов А.Ю.** Воспоминания чувашского социалиста-революционера С.Н. Николаева как исторический источник 285
5. **Куршева Г.А.** Исторический опыт советского национально-государственного строительства в финно-угорских регионах 290
6. **Афанасьева Л.Н., Д.С. Эльмень:** штрихи биографии чувашского политического деятеля (по документам Государственного архива современной истории Чувашской Республики) 300
7. **Кирчанов М.В.** Историческая политика в Чувашской Республике: государственные праздники как «места памяти» и «изобретенные традиции» .. 305
8. **Карпов А.В., Григорьев А.В.** Документы о государственных символах Чувашии в фондах Государственного архива современной истории Чувашской Республики: видовой состав и краткий анализ 315
9. **Васильева Л.И.** Анализ документов фонда «Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация города Чебоксары Чувашской Республики» Государственного архива современной истории Чувашской Республики .. 320
10. **Киселев М.Ю.** К истории Чувашской автономии: исследование С.С. Кутяшова 328

**Секция III.
Социокультурное, духовное
развитие Чувашии
и чувашского народа**

И.А. Макаров

**ИЗ ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ ЧУВАШИИ:
АЛАТЫРСКИЕ ПРОКУРОРЫ XVIII ВЕКА П.А. ЛАЗАРЕВ
И В.Г. КРИВСКИЙ**

Аннотация. На примере служебной деятельности первых алатырских провинциальных прокуроров П.А. Лазарева и В.Г. Кривского рассказывается о начальном периоде истории прокуратуры Чувашии.

Ключевые слова: провинциальный прокурор, воевода, крестьянское восстание 1773–1775 гг., г. Алатырь Симбирской губернии.

Одной из административных составляющих созданной в 1920 г. Чувашской автономной области стал Алатырский уезд Симбирской губернии. Поэтому предшественницей современной республиканской прокуратуры можно по праву считать прокурорский надзор Алатырской провинции Симбирской губернии. Должность алатырского провинциального прокурора была учреждена в феврале 1764 г.

П.А. Лазарев. Первым алатырским провинциальным прокурором стал Петр Акинфиевич Лазарев. Он был свияжским помещиком. С 1749 г. находился на военной службе в лейб-гвардии Преображенском полку, где прошел путь от солдата до прапорщика. В апреле 1764 г. вышел в отставку. Был женат на Александре Ивановне. Приехав в Алатырь, поселился в купленном доме на Троицкой улице [4, с. 67]. Судя по сохранившимся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) документам, это был достаточно ленивый, весьма агрессивный, алчный и не очень умный человек.

Первым громким, если не сказать — скандальным деянием прокурора стала жестокая расправа с представителем Поташной конторы коллежским советником Дмитрием Лодыгиным и его командой, присланными в августе 1767 г. в Алатырь для ареста надзирателя местной поташной фабрики Вашутина, укравшего казенные деньги. Вот как сам пострадавший коллежский советник рассказывал о происшествии в тайном послании из тюрьмы: «... А 16 августа алаторские воевода и прокурор в безмерном пьянстве, будучи друзья вору Вашутину, по согласию же с ассессором Свечиным, прислали всякой черни до 300 человек учинить на квартиру мою с приметкою нападение. А потом чрез четверть часа прислали же в так пьяную команду с сержантом и приказали меня и мою команду прибить, доколе будем бесчувственны. Почему непримерною наглостию без всякой от меня и от команды моей притчине в квартире нашей и в ызбах нас били и солдаты пьяные и чернь, до та мест, покуда движения лишались, я, трое солдат и еще четверо заводских служителей и мой слуга.

А потом без движения меня сержант с солдаты, взяв за волосы, а другие за ноги, вытащили среди дни за ворота, где стоял пьяный прокурор. А того же

числа учал бить меня по лицу и по голове палкою, приговаривая — о друге своем Вашугине — между чем вышиб у меня левой глас, понеже мне обороняться в руках сержанта и солдат волосами, ногами и руками уже не можно было.

И так прокурор велел таскать меня по улицам и сам всегда бил по голове палкою, а сам многим с ним народу приказывал бить пинками и подобно стерве, притаща х канцелярии, бросил меня в скушную мурью (здесь: тесная конура, используемая для принятия пищи. — *Прим. В.Д. Кочеткова.*), куда пришедши пьяной же воевода первое говорил: я, де, стаивал на карауле в Тайной канцелярии и знаю как поступать. А кратко — меня по сей час морят и умертвить хотят. А все за поташные заводы и за интерес. И сие писал едва от смертных побои двигал рукою тайно, упроя караульных...» [цит. по: 4, с. 69—70].

Эта дикая скандальная выходка стоила места алатырскому воеводе А.Г. Воронцову, а Лазарев, как это ни удивительно, сумел выйти сухим из воды.

В течение трех с половиной последующих лет Петр Лазарев благополучно справлялся со своими обязанностями, стараясь не привлекать к себе слишком пристального внимания начальства. Отсутствие должного контроля со стороны провинциального воеводы и губернатора привели к тому, что к концу 1760-х гг. чиновник уверовал в собственную безнаказанность, забросил практически все служебные дела и с головой ушел в проведение различных своекорыстных сомнительных сделок «за интерес».

К лету 1770 г. в подвале Алатырской воеводской канцелярии скопилось более 70 арестантов. Некоторые из узников находились в заключении с весны 1768 г., но ни судейские чиновники, ни прокурор не торопились приступить к своим прямым профессиональным обязанностям — воздать по заслугам преступившим закон.

О данном вопиющем факте стало известно в Сенате, и в июле 1770 г. в Алатырь ушел указ с требованием скорейшего осуждения всех находящихся под арестом. В случае промедления Сенат грозил наложением крупных денежных штрафов на чиновников-волокичиков. Столь резкий выпад Правительствующего Сената против чинуш из провинциальной канцелярии объяснялся тем, что запоздалое наказание преступников создавало двойной негативный эффект: во-первых, снижался психологический эффект от наказания, во-вторых, государственная казна вводилась в ничем не оправданные финансовые затраты. Дело в том, что суточное содержание колодника обходилось в три копейки, годовое — почти в 11 руб.

В конце ноября сенатская угроза была приведена в исполнение: с каждого судейского чиновника Юстиц-коллегия взыскала штраф в размере 10 руб. «за несмотрение за подчиненными своими». Лазарев не попал в число оштрафованных. Прокурору удалось доказать проверяющим, что он не раз требовал от судейских ускорить разбирательства по следственным делам, и не его в том вина, что чиновники не пожелали к ним прислушаться.

Приблизительно в то же самое время с Петром Акинфиевичем случилась другая неприятность. В период осеннего набора рекрут 1770 г. страж закона серьезно повздорил с надзиравшим за сбором новобранцев секунд-майором фон Альтгаузенем. Желая как следует насолить недругу, прокурор отправил в Военную коллегияю рапорт, в котором сообщал, что фон Альтгаузен «...непозволительным отпуском в дома набранных рекрут изо взятков (за взятки. — *И.М.*); кои бу-

дучи там (рекруты. — *И.М.*) причиняли обывателям наглости и брали взятки». За эти правонарушения прокурор требовал судить секунд-майора военным судом. Прокурорские обвинения в адрес фон Альтгаузена были столь серьезны, что его без промедления вызвали в Военную коллегию и допросили.

На многочисленные вопросы следователя майор спокойно отвечал, что все выдвинутые против него обвинения ложны. Альтгаузен утверждал, что гнусный донос Лазарева обусловлен личной неприязнью. Вот короткая выписка из протокола допроса:

«1-е. Как он (прокурор. — *И.М.*) требовал от него майора к своей партикулярной работе рекрут, то в том ему отказано.

2-е. Когда он (майор. — *И.М.*) подавал в Алаторскую канцелярию о покраденных команды его у рекрут лошадях объявление, то прокурор с немалой свирепостью отдал оное обратно.

3-е. Как после того из тех украденных лошадей одна найдена во дворе прокурорском, и люди его (прокурора. — *И.М.*) били одного рекрута смертельно, который затем и отставлен: то хотя требовано было от прокурора во всем том удовольствие (удовлетворение. — *И.М.*), однако не получено.

4-е. Когда помянутый майор прокурору объявил, что о том куда надлежит будет представлено, то он на сие грозя сказал, что будет и ево памятовать (то есть припомнит майору. — *И.М.*).

5-е. Прокурор ево майора просил и вымогать хотел одного рекрута.

6-е. Чрез объявление рекрутских отдатчиков (лицо, поставляющее в армию новобранца, чаще всего помещик. — *И.М.*) ему, майору, известно, что прокурор взял себе от них подарков пуд меду, сахару и разных сортов рыб, в чем отдатчики и доказать могут» [1, л. 38 об.—39].

Генералы из Военной коллегии оказались в тупике, не зная, кому верить — обвиняемому майору или обвинителю-прокурору, а потому, не имея должного опыта в подобных расследованиях и боясь юридической ошибки, все документы по этому запутанному делу переслали генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Последний вынес дело на суждение Сената. 3 ноября 1770 г. Сенат постановил, чтобы все аспекты скандального дела были тщательно расследованы казанским губернатором Яковом фон Брандтом. Губернаторское расследование показало правоту фон Альтгаузена. Лазареву пришлось покинуть Алатырь.

Ошибается тот, кто думает, что справедливость восторжествовала, и нечистый на руку аморальный чиновник получил по заслугам. Сенат принял очень «мудрое» решение: фон Альтгаузена оправдали, но и Лазарева за его многочисленные преступления не наказали — он получил следующий чин и более высокое служебное место архангельского губернского прокурора [4, с. 71]. Судя по всему, у правительства Екатерины II совсем плохи были дела с кадрами, если дискредитировавшего себя прокурора не только не отправили в отставку, но и оставили на службе. Как показали дальнейшие события, перевод в Архангельск оказался вдвойне счастливым для П.А. Лазарева. Останься он в Алатыре, то наверняка в 1774 г. оказался бы на пугачевской виселице.

На гражданской службе бывший алатырский провинциальный прокурор П.А. Лазарев дослужился до чина коллежского советника и окончил свои дни в кругу любящей семьи.

В.Г. Кривский. Скомпрометировавшего себя взятками и скандалами провинциального прокурора П.А. Лазарева сменил отставной поручик В.Г. Кривский. На первых порах новая служба Кривского шла по обычному для начинающих чиновников неспешному и размеренному графику: прокурор-новичок постигал основы российской юриспруденции и делопроизводства, участвовал в заседаниях воеводской канцелярии, регулярно посещал арестный дом. Короче говоря, занимался рутинными для провинциального прокурора делами.

За множеством государевых дел прокурор не забывал и о собственном материальном интересе. Осенью 1773 г. Василий Кривский записал в свои дворовые одного из присланных в ссылку в Алатырь пленных польских конфедератов. 25 сентября 1773 г. сей факт был зарегистрирован в «записной книге» алатырской прокуратуры: «... о написании в силу законов польской нации Григория Иванова по желанию ево во услужение у отставнаго поруччика Василия Кривскаго по отдаче ему во услужение вечно» [1, л. 17]. Насколько искренен был взятый в плен Иванов в своем желании вечно служить прокурору, сей документ не сообщает. А вот совершивший, как ему казалось, весьма удачное приобретение прокурор не подумал, что плененный враг никогда не станет верным надежным слугой. Очень скоро, приблизительно через 9–10 месяцев, Кривскому пришлось убедиться в пагубности совершенного непродуманного поступка и раскаяться в содеянном.

Все коренным образом переменялось 14 октября 1773 г. Этот знаменательный день в той же прокурорской книге отмечен пространной записью: «От Его Высочайшего превосходительства господина генерал-аншефа и кавалера казанского губернатора фон Бранта предложение об опубликовании... об известном злодее донском казаке Пугачеве с толпою». Отныне к прежним рутинным прокурорским обязанностям прибавились новые: контроль за настроениями сельского населения и городских низов, еженедельные отчеты о них губернатору.

Постепенно крестьянское восстание все ближе подбиралось к Алатырю — в провинцию зачастили пугачевские гонцы с «прелестными» письмами. 25 декабря провинциальный прокурор получил новое предписание — о рассылаемых самозваным «Петром III» «прелестных письмах» и уничтожении их.

Борьба с пугачевскими прокламациями и доставлявшими их лазутчиками протекала на фоне привычной прокурорской деятельности. Василий Кривский оказывал постоянную правовую поддержку преемнику надзирателя по рекрутскому сбору фон Альтгаузена секунд-майору Деменденфельсу, контролировал выдачу жалованья офицерам и солдатам инвалидной команды, отправку в столицу собранных налогов и, главное, следил за исполнением вынесенных преступникам приговоров. В условиях не прекращающейся гражданской войны к этим многочисленным обязанностям прокурора добавилась еще одна, ранее отсутствовавшая. Несмотря на все усилия властей, на территорию провинции постоянно проникали небольшие (в 2–3 человека) группы пугачевцев, совершавших убийства дворян и грабежи их имущества. В этих условиях В.Г. Кривскому пришлось обеспечивать безопасность выезжавшего по вызовам больных городского лекаря Диомидова. Вот запись в прокурорской книге от 29 января 1774 г.: «О посылке в село Медяну нарочного обер-офицера и городского лекаря с командою <...> об осмотре гвардии прапорщика Ивана Стечкина» [1, л. 20 об.].

В роковом 1774 г. Алатырь жил в состоянии нарастающего страха и напряжения. Но ни постоянный страх перед «маркизом Пугачевым», ни значительно возросший объем профессиональных обязанностей не мешали Кривскому в должной мере вершить правосудие. 16 мая 1774 г. алатырский прокурор вынес определение об освобождении из-под стражи без наказания колодников: посадского человека г. Курмыша Иуду Воровникова и новокрестьянца с. Ишак Чебоксарского уезда Никиту Вершинкина. А вот судьбу пономаря с. Ус Сергея Афонасьева, обвинявшегося в «снятии с новокрестьянца богатея Пярчили двух сермяжных кафтанов», решил иначе: «Учинить публичное наказание плетью нещадно и после караула освободить же и послать в Курмышское духовное правление» [1, л. 22 об.].

Через месяц, 16 июня, прокурором было вынесено решение о продаже с торгов «двора со всем дворовым хоромным строением, яблоневым садом и со всеми пожитками» проворовавшегося алатырского соляного головы купца Федора Воронина.

18 июня был вынесен еще один обвинительный вердикт «вору крестьянину Лосеву за учиненную татьбу нещадное публичное наказание плетью». Однако, когда в местную тюрьму явились те, кто должен был исполнить приговор, Лосева в ней не оказалось. Преступник не стал дожидаться сурового приговора и сбежал [1, л. 28 об.].

Последние записи в прокурорской книге датированы 19 июля. Первая из них сообщает об отсылке в Таганрог находящихся в алатырской канцелярии осужденных к смертной казни колодников, вторая — о приказе нижегородского губернатора А.А. Ступишина о срочной отправке в Москву хранящейся в Алатыре денежной казны [1, л. 35].

Ближайшие несколько дней явились фатальными для В.Г. Кривского и некоторых его коллег-чиновников. 18 июля 1774 г. под Казанью правительственные войска наголову разбили разношерстное войско самозваного царя «Петра III». И тем не менее Е.И. Пугачеву с полутысячей казаков удалось переправиться через Волгу и бежать на юг. По этому поводу А.С. Пушкин писал: «... Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силой. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции...» [3].

В считанные дни мятежное возмущение достигло Алатырской провинции. Провинциальный воевода М. Белокопытов, его помощник и прокурор благоразумно бежали, оставив Алатырь на произвол судьбы. А 24 июля город был захвачен пугачевскими шайками. На несколько дней в Алатыре и провинции «Уложение о наказаниях» сменилось «пугачевским правом» — правом объявившего себя царем бандита с большой дороги. В городе и на прилегающей территории начались массовые казни: за непродолжительное время пугачевцы лишили жизни более 250 человек, преимущественно дворян, чиновников, верных своим хозяевам дворовых, священнослужителей.

Среди жертв повстанческого террора в Алатыре не оказалось В.Г. Кривского, успевшего бежать и укрыться в Пензенском уезде. И тем не менее беглому прокурору не удалось избежать мучительной смерти от рук повстанцев. Скрывавшихся в лесах и прочих потаенных местах дворян сопровождали их самые верные дворовые люди. И то, что сбежавший Василий Кривский оказался в руках

пугачевской «сволочи», говорит об одном — среди его окружения оказался предатель. Наиболее вероятным кандидатом на роль Иуды является попавший в кабалу к прокурору поляк Григорий Иванов. Оказавшиеся в России пленные конфедераты охотно шли на сотрудничество с повстанцами. Ярким примером тому служит Антоний Пулавский.

Попавший в результате предательства в руки одной из бродячих бандитских шаек прокурор был насмерть заперот плетьюми. В составленной в ноябре 1774 г. Алатырской провинциальной канцелярией ведомости «Сколько во время бытности в городе Алаторе и в Алаторском уезде известным государственным злодеем и врагом Пугачевым, его разбойнической толпою за городом Алаторем и в Алаторском уезде дворян, их жен, детей и разного звания людей убито, и какими смертями, и в каковые кто лета» сказано: «Алаторской провинции прокурор Василей Кривской, которой, укрываясь от злодеев, был в ево вотчине Пензенского уезда в селе Родниках, где засечен нагайками до смерти — 40 [лет]» [2].

Не избежал трагической участи и ранее упоминавшийся Иван Стечкин, по вызову которого выезжал в с. Медяны городской лекарь с воинской командой. В книге А.С. Пушкина о пугачевщине он и его супруга Василиса Петровна указаны в списке жертв повстанцев [3].

Список литературы и источников

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 88. Оп. 1. Д. 20.
2. Алатырь. Летопись города: факты, события, воспоминания, фотографии. Ч. 1: XVI век — начало XX века / [сост.: В.И. Демакова и др.]. 2002. С. 97.
3. История Пугачева // Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. М.; Л.: Художественная литература, 1936. Т. 5. С. 473.
4. Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре: очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. Чебоксары: Грэй, 2015. 412 с.

I.A. Makarov

FROM THE HISTORY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF CHUVASHIA: ALATYR PROSECUTORS OF THE 18th CENTURY: P.A. LAZAREV AND V.G. KRIVSKY

Annotation. On the example of the service activities of the first Alatyр provincial prosecutors P.A. Lazarev and V.G. Krivsky tells about the initial period of the history of the prosecutor's office of Chuvashia.

Key words: Provincial prosecutor, voivode, peasant uprising of 1773–1775, Alatyр town of Simbirsk province.

А.П. Леонтьев

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЧУВАШЕЙ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ХЫПАР» (1906–1907)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы национального самосознания чувашского народа в публикациях первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть) на начальном этапе ее функционирования – в 1906–1907 гг. Автором проведен контент-анализ материалов основных тематических направлений издания: преобразование школьного образования; самоидентичность этноса; политическое самосознание; борьба с пьянством и явлениями, его сопровождавшими.

Ключевые слова: Николай Никольский, первая чувашская газета «Хыпар», чувашский народ, национальная интеллигенция, этническое самосознание.

Национальное самосознание в настоящей статье рассматривается как данность в период издания первой чувашской газеты в 1906–1907 гг. Ведь никто же не собирается доказывать, что чувашки жили себе и жили без этнического самосознания. Если бы его не было, не сохранился бы сам этнос. То есть чувашки, как и всякий народ, обладали комплексом представлений, традиций и понятий, позволяющих воспроизводить национальное самосознание и причислять каждого индивида к данному этническому сообществу.

В советский период писать о национальном самосознании того или иного этноса считалось не совсем правильным, если не сказать, крамольным. При анализе содержания первой чувашской газеты исследователи обращали внимание главным образом на «революционность» тех или иных материалов. Автор «Справки» о первой чувашской газете «Хыпар» в 1956 г. писал, что «газета «Хыпар» была задумана как орган либерально-буржуазного направления под «беспартийной общечувашской вывеской»» [31, с. 32] (кто сообщил автору об этой «задумке» Н.В. Никольского, остается загадкой), хотя официальная программа, изложенная ее учредителем Н.В. Никольским 24 ноября 1905 г. Правительствующему Сенату, предусматривала публикацию следующих материалов: «1) распоряжения правительства, главным образом относительно крестьян; 2) современные события; 3) жизнь русского народа и других национальностей; 4) иностранные государства; 5) сведения по сельскому хозяйству и др. политические сведения; 6) торговые известия; 7) школа; 8) общественная и приходская благотворительность; 9) повести, рассказы и сочинения как самостоятельные, так и переводные; 10) сведения о новых книгах; 11) вопросы и ответы редакции» [32, с. 33–34]. Программа обычной светской газеты того периода.

В «Справке...» мы не найдем мало-мальского намека на анализ исследуемой нами темы. Выводы автора документа: «Демократические и революционные идеи в ней в силу условий должны были находиться рядом с противостоящими им призывами скользкого общедемократического направления. Да и революционные суждения в ней не всегда давались в последовательном виде, подчас они

соскальзывали на малозначащие, мелкие темы, а темы общественно значительные трактовались в обывательском или соглашательском плане. Несмотря на все это, газета «Хыпар» оказала заметное воздействие на развитие общественной мысли в Чувашском крае, способствовала в той или иной степени приобщению чувашского народа к политической жизни страны (курсив наш. — А.Л.). Весьма значительную роль сыграла газета «Хыпар» в популяризации и росте чувашской оригинальной художественной и публицистической литературы революционно-демократического направления, а также в деле создания чувашского литературного языка» [30, с. 36].

Под словами «развитие общественной мысли» следует понимать именно суть исследуемый нами темы. Увы, предмет нашего обсуждения в данном документе не развит. И.Д. Кузнецов, П.В. Денисов, И.Н. Никифоров, К.К. Петров, А.В. Изоркин и другие исследователи первой чувашской газеты в советский период основной упор делали на изучение политической ориентации издания, а многочисленные материалы, освещающие состояние (не возникновение же, так как это было бы слишком примитивной оценкой) и трансформацию национального самосознания, в частности, вопросы просвещения, самоидентичности, оставались вне серьезного анализа.

Данные вопросы в той или иной мере затрагиваются в ряде исследований постсоветского периода. В основном в работах А.П. Леонтьева [17; 18; 19; 20; 21], в том числе в соавторстве [7]. В.Г. Родионов, исследуя вопросы национального самосознания чувашей в конце XIX — начале XX в., высоко оценивает роль Н.В. Никольского и созданной им газеты в просвещении и этноконсолидации народа [44], В.Н. Клементьев в своей монографии проблему освещает в ракурсе просветительских идей как факторе национального самосознания и идеологии чувашского народа [16]. Австрийский историк А. Каппелер считает, что благодаря «Хыпару» и Союзу чувашских учителей чуваша в 1906–1907 гг. «достигли фазы национальной агитации» (на этом национальное самосознание начинает охватывать широкие слои этноса) [13]. Действительно, во многих материалах «Хыпара» слово «Вӑранӑр!» (Пробуждайтесь!) звучит как набат. Г.А. Николаев констатирует: «Дав соплеменникам еженедельное периодическое печатное издание, Н.В. Никольский тем самым поднял их национальное самосознание на новый уровень, ускорил процесс их этнической консолидации» [33, с. 11].

Кризис, который переживала система этнодифференцирующих признаков (язык, традиции с их ценностями и нормами, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство и пр.), становился в начале XX в. все более очевидным, а в некоторых сферах принимал угрожающий характер. Например, к началу этого века из самосознания народа почти на корню были выведены древние культовые традиции (вырублены священные роши и деревья, сакральные места — киреметища — из мест общественных жертвоприношений превращались в запретные зоны для православных), очаги народной религии сохранялись лишь у небольшой части чувашей, не принявших христианство, которые называли себя «чӑн чӑваш» (истинный чуваш). Письменный язык еще не стал основным катализатором развития и формирования этноса, преобладала почти поголовная безграмотность. И это не могло не волновать передовую часть национальной интеллигенции.

Еще в 1904 г. в одной из своих работ Н.В. Никольский утверждал, что лишь широким распространением просвещения и выпуском книг, в том числе переводных, на родном языке можно добиться приобщения к русской христианской и общечеловеческой культуре, духовно преобразовать и сплотить инородцев в единое не только политическое, но и духовное целое [36, с. 31]. А на съезде сотрудников Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа в сентябре 1905 г. Н.В. Никольский в своих размышлениях идет еще дальше. Он впервые публично говорит о том, что чувашская секция Комиссии берет на себя смелость заявить о необходимости издавать газету на родном языке. Тем более, продолжает Николай Васильевич, в настоящее время призывы и требования об издании газеты раздаются во многих местностях с чувашским населением, компактно заселяющим 37 уездов в 9 губерниях Поволжья и отчасти Сибири [29, с. 62–63]. В передовице № 1 газеты «Хыпар» Н.В. Никольский раскрывает стратегические цели грандиозного национального проекта. Нам нужна чувашская газета, убежден автор, потому что абсолютное большинство народа не владеет русским языком, а русскую газету, если даже читают, не понимают. О том, что происходит в мире, хотят узнать из чувашской газеты. Таким образом, сами чувашки горят желанием иметь свою газету. Действительно, трудно жить без газеты, резюмирует редактор, «у народа, желающего жить в благоденствии, должна выходить не одна, а десять, семьдесят, сто газет». Народ, называемый арабским, просвещает читателей Никольский, хоть и немногочисленный, но на своем языке издает несколько газет. Арабы из своих газет узнают много полезного, потому что не питаются всю жизнь черствым хлебом, как мы, и не живут в курных избах. Покуда не было своей газеты, чехи тоже жили очень скудно, но с появлением газеты у них выросло количество школ, улучшилась жизнь. «Пусть и мы, чувашки, через газету научимся добру» [64]. Выход первого номера «Хыпара» расценивался работниками редакции как «крупный национальный праздник чувашского народа» [70].

Особенно рады были газете грамотные чувашки. Поэтому первый номер «Хыпара» вызвал небывалый оптимизм в среде образованных чувашек. Письмо А. Сизова из Тетюшского уезда Казанской губернии выражало настроение большинства читателей, потому что и самостоятельно читающие первую чувашскую газету, и слушающие ее чтение в один голос утверждали, что и «для чувашек свет над миром засиял... Свет над миром излучается с момента сотворения мира, но мы его не видели, — переживает автор письма, — и если бы не было газеты, то этого света не видели бы и сейчас — так же, как не знали раньше света Евангелия». Дальше читатель размышляет, что если даже у кого-то дома есть Евангелие, то лежит оно на полке без чтения, если неверно понять прочитанное, Евангелие не станет освещать дом, и человек вовек не узреет его света. Евангелие светит только читающему и думающему человеку. И эта газета, и вся письменность, и книги точно так же, лишь при чтении и нормальном восприятии, просвещают нас. Давайте, друзья, будем читать и будем просвещаться [49]. «Весть о выходе чувашской газеты для меня — как возвешение ангелом благой вестии пресвятой деве Марии, — пишет другой читатель. — И сказал я сам себе: “И для чувашского народа, прозябающего в темноте, наступил день просветления”. Газету для чувашек считаю новым солнцем. Теперь ложусь спать — сон не идет, все мысли об этой газете» [74]. Мнение соплеменников о газете на родном языке более чем ясно

выразил автор статьи «Чăвашла хăçет çинчен» (О чувашской газете): «Услышав весть о выходе чувашской газеты, разные люди рассуждали по-разному. Некоторые говорили: зачем нам чувашская газета, для умеющих читать и русских газет предостаточно. Другие утверждали: вот выйдет чувашская газета, и чувашки начнут самостоятельно думать, не захотят стать русскими. Если мы живем в русском государстве, мы ведь когда-нибудь должны стать народом, разговаривающим на русском языке; коль скоро мы станем русскоязычным народом, это будет благом для нас, коль уж в русском государстве иноязычные народы начнут издавать на своем языке книги и газеты, они уж точно быстро не обрусееют, или же совсем откажутся от мыслей стать русскими» [74].

Н.В. Никольский настойчиво проводит мысль о росте самосознания чувашского народа и значении в этом процессе газеты «Хыпар» и заявляет: «Чувашский язык, считавшийся народными массами бессильным стать орудием газеты, с появлением газеты и дальнейшим выходом его в свет стал считаться наравне с русским языком также пригодным для газетной литературы» [70]. Говоря о «газетной литературе», Н.В. Никольский имеет в виду не только газету, но и всю издательскую деятельность на русском языке, в эти понятия он никаких сепаратистских мыслей однозначно не вкладывает.

«Хыпар» с первых же номеров начинает писать о коренном преобразовании школьного образования, и на то имеются веские причины. Первый ученик И.Я. Яковлева священник Алексей Рекеев вспоминает, что в 1843 г. в с. Байглычево Тетюшского уезда Казанской губернии была открыта сельская школа палаты государственных имуществ. В эту школу ученики набирались принудительно. Обучение в ней происходило исключительно на русском языке. Учебное дело велось только местными приходскими священниками с помощью старших учеников, и особого учителя в школе не было. Вообще, школа эта была поставлена очень плохо, поэтому существенной пользы не принесла. «В Байглычевском приходе и сейчас есть еще ученики той школы, уже седые старики. Они почти сравнялись с неграмотными чувашами, христианских молитв не знают и даже по печатному читать не умеют; некоторые из них могут лишь каракулями написать свое имя и отчество. Эти старики удивляются, что нынешние ученики школ скоро научатся читать и писать и очень толково и понятно читают книги на родном языке. Они удивляются тому, что ныне в школах не бьют, как били их, но очень сожалеют, что в их время школьное обучение было не такое, как ныне» [30, с. 138].

Даже в годы издания «Хыпара» в деле просвещения нередко встречались препятствия, на первый взгляд, трудно объяснимые, но, оказывается, типичные для того времени. В коротком фельетоне автор язвительно пишет: «В селе Шемурша Симбирской губернии на волостном собрании чувашки, по разрешению царя, учителям волости жалованье вместо двадцати рублей установили в пятнадцать рублей. За это дело я очень хвалю чувашей. Какой же мудрый человек придумал все это? Наверное, у этого человека ум капает непрерывно. Можно было оставить в месяц десять рублей, а потом оставлять по пять рублей, затем уже можно школу и закрывать. Зачем нам эти школы? Старые люди раньше жили без школ. Вон, в чужих странах немцы и англичане очень стараются просвещать своих детей. Они, конечно, по сравнению с нами мало обучались, поэтому стремятся просвещать детей...» [80]. Еще один пример о непонимании чувашами пользы просвещения. Рассказывая о двухклассной школе в с. Стюхино Самарской губер-

нии, автор пишет: «Душа радуется, что в этой школе обучается много детей! В то же время в селе немало людей, не любящих школу, они все время кричат о том, что не нужно выделять деньги для школы, что школа им не нужна. Оказывается, верно, что тьма не любит свет» [22]. Эту тему продолжает другой безымянный автор: «Среди европейских народов в России больше всех безграмотных людей. Из-за необразованности наш простой народ верит всякому мракобесию: йомзям, киремети. В то же время ненавидят грамотных людей, их считают за зло. Еще утверждают, что грамотные не верят в Бога, говорят, что не нужен царь. Слова эти неправда: так говорят лишь те, кто ненавидит грамотных, потому что образованные люди стоят за правду. В других странах все люди хотят, чтобы их дети учили грамоте. Если не учат своих детей, то на их родителей налагают штраф. Кроме того, их дети учатся не только в маленьких школах, но и в больших. И нам необходимо сделать так же. Нужно сделать так, чтобы все могли бесплатно учиться во всех гимназиях, семинариях, университетах, академиях. Надо принять закон о всеобщем обучении» [41].

Несмотря на отдельные случаи, чуваш начала XX в. убежден, что для обустройства «прежде всего нужно научиться грамоте; будучи неграмотными, нам не жить благополучно, среди нас не будет порядка, не будет и правды. Немцы, англичане, американцы живут хорошо, и у них нет необразованных людей. Они не жалеют денег на образование» [12]. Штатный сотрудник редакции Ефим Трофимов полагает, что «во всех местах на казенные деньги надо строить хорошие школы, и чтобы ученики обеспечивались бесплатными учебниками, тетрадями. Для крестьянских детей также нужно создавать школы, где бы обучали земледелию, растениеводству, а успешные дети обучались бы в гимназиях и университетах за счет казны» [57]. «Не обучившись грамоте, мы не можем жизнь свою менять в лучшую сторону, — размышляет следующий автор, — образованные финляндцы на камнях живут как бары, у японцев земли в 19 раз меньше, чем у нас, однако живут сытно. Иногда у нас утверждают, что Николай, вон, не владеет грамотой, а живет богато, Феодор грамотный, но ходит в батраках. Бывает и такое. Однако, на мой взгляд, если бы Николай владел грамотой, то бы жил еще богаче, кабы Феодор не умел и читать, и писать, то бы ходил-попрошайничал» [14].

На страницах газеты часто размещались переводные материалы о состоянии учебного дела в других государствах. Так, в одном из них приведена следующая статистика: в Австралии на 1 млн населения на нужды народного образования выделяется 2 млн руб., а в России на 150 млн чел. — всего лишь 40 млн. В России ежегодно на каждого человека тратится 100 руб. 95 коп., в Швеции — 180, Англии — 297, Австралии — 339 руб. 30 коп. Автор публикации уверен: если в стране мало образованных людей, то люди много болеют, смертность высокая. Например, в Швейцарии на 1000 чел. в год умирает 17 чел., Англии — 19, Финляндии — 21, Германии — 25, а в России — 35 чел. [50]. В продолжение темы: «Недавно читаю книгу. Хорошо все написано, легко читается. Вдруг слова: на 100 чувашей грамотных 2. Еще: в Казанской губернии слепых и с заболеваниями глаз среди чувашей насчитывается 6279 чел., то есть на 80 чел. 1 незрячий. И то неплохо, думаю. Читаю дальше: у русских один незрячий на 384 чел., у татар — на 160 чел., то есть в два раза меньше, чем у чувашей. Как же не быть слепым, когда чувашка, боясь слеза, не моет ребенку глаза. От грязи глаза даже не вид-

ны, как не испортиться зрению? Учить надо, учить! Только учение приведет к человеческому облику. Образованный человек и на войне побеждает. И работа у него ладится. И в пути не заблудится. Как в пословице: и в воде не тонет, и в огне не горит. Давайте вспомним: лет тридцать назад русские чувашей за людей-то не принимали, при каждой встрече издевались. Теперь сами же говорят: нынешних чувашей не узнать — они как бы заново открылись. Благодаря чему? Все благодаря учению. Учение привело чуваша к человеческому образу жизни» [8].

Авторы «Хыпара» все чаще и чаще поднимают вопросы о необходимости получения чувашами средне-специального и высшего образования. Один из них с горечью констатирует: в нашей Казанской губернии чувашей больше пятисот тысяч. Среди них очень мало тех, кто закончил высшую школу (академию и университет). Между тем благосостояние любого народа зависит от уровня образованности его представителей. Неужели и дальше будем терпеть такую жизнь? Неужели не сможем рассеять тьму над нашими головами? Чтобы стать умными, нам нужно больше учиться, чтобы в каждой деревне была школа. Нам необходимы специальные школы: овощеводов, пчеловодов и т.д. Прежде всего нужно стараться, чтобы наши дети учились в высших школах [3].

Авторы «Хыпара» предлагают использовать опыт других народов в деле получения высшего образования. Например, пишет Василий Тимофеев, якуты окончивших на хорошие оценки сельских детей на народные деньги отправляют учиться в высшие школы Питера, Москвы, Казани и других городов. Материально им помогают во время учебы. После завершения которой якутские дети возвращаются в Сибирь, поступают на работу и, в благодарность за оказанную помощь в получении высшего образования, всю стараются работать для своего народа, стараются улучшить их тяжелую жизнь [55].

Как же так? Какое высшее образование при почти абсолютной неграмотности? При таком раскладе и речи не могло быть о массовых поступлениях чувашей в вузы. Однако почти в каждом материале по вопросам просвещения затрагивалась тема высшего образования. Этому не стоит удивляться. Д.П. Петров (Мётри Юман), один из немногих летописцев того периода, свидетельствует, что «к началу революции» (1905) заметно укрепилась молодая чувашская интеллигенция, разумеется, по силам и мощи ее пока никак нельзя было ставить рядом с мощной русской интеллигенцией. Тем не менее, это «покуда лишь тончайшая, отнюдь не высокообразованная прослойка чувашского народа смело претендовала на это многообязывающее звание интеллигенции» [77, с. 39–49]. В 1890-е гг. чувашская молодежь все решительнее начинает штурмовать высшие учебные заведения. Поначалу «они получают образование в духовных академиях, а самые способные из них уже обучаются в светских университетах... Таким образом, чувашская интеллигенция насчитывала уже тысячи человек» [77, с. 40]. Забегая вперед, приведем данные Н.В. Никольского: «К 1919 г. лиц со средним образованием у чуваш считается несколько тысяч человек, и свыше 100 человек с высшим образованием» [37, с. 39].

Вопреки мнению большинства советских чувашских историков печати, во главе «Хыпара» стояли и печатались в газете люди с высшим (или с незаконченным высшим) образованием: сам редактор-издатель Н.В. Никольский, никем не упоминаемый в советское время С.Н. Николаев, в то время студент юридического факультета Казанского университета, студент Ярославского высшего Демидовского университета.

довского лица Г.Ф. Алюнов, студент Казанского ветеринарного института, затем юридического факультета Казанского университета Т.Н. Николаев (Хури). По нашим данным, одним из самых публикуемых авторов «Хыпара» его проэсеровского периода (с № 33 по № 65) являлся С.Н. Николаев. А.В. Изоркин в своих работах «идентифицирует» его только под псевдонимом «С.Н.» [11, с. 100]. Мы считаем бесспорным, что Семен Николаев публиковался в «Хыпаре» и под псевдонимами «Крестьянин Николай Захаров», «Н.З.». Это — имя и фамилия его отца. Других Захаровых вокруг «Хыпара» «не стояло». Основная масса переводных материалов по вопросам образования принадлежит также С.Н. Николаеву.

Нужно отметить: поступление в вузы было больной темой для выпускников Симбирской чувашской школы, которая давала начальное образование. После ее окончания приходилось поневоле учиться в духовных семинариях, дабы потом попытаться попасть в вузы. Именно — попытаться... Такая стезя была приготовлена и для С.Н. Николаева с Г.Ф. Алюновым, авторам и идеологам проэсеровского «Хыпара». «В этом году, — сообщает автор С.И. (скорее всего, будущий редактор газеты Сидор Игнатъевич Игнатъев. — *А.Л.*), — Симбирскую духовную семинарию окончили одаренные ребята. Они дальше хотят учиться в университете, но симбирский архиерей Гурий не выдает им необходимые документы, препятствует дальнейшему их учению» [45].

В действительности архиерей Гурий имел заслуженную популярность среди простых чувашских прихожан. В материале с подписью А. Ив. (скорее всего, священник Антоний Иванов) рассказывается о деятельности преосвященного Гурия, епископа Симбирского и Сызранского, в бытность его архиереем Самарской епархии. До него в чувашских деревнях Самарской губернии было очень мало школ и, соответственно, грамотных тоже. Почти не было церквей, а в действующих храмах службу проводили на русском языке, поэтому чувашаи почти не ходили в церковь. Во всей Самарской губернии был единственный чуваш-священник. «Приступив к работе в епархии, преосвященный Гурий лично объездил все чувашские деревни, — пишет А. Ив. — Теперь в Самарской губернии священников-чувашей более пятидесяти, диаконов и псаломщиков, учителей более ста. Во всех чувашских деревнях открыты школы. В чувашских приходах богослужение ведется на чувашском языке. Численность грамотных чувашей увеличивается из года в год. Если бы преосвященный Гурий так не старался о чувашах, они до сих пор жили бы в темноте. Он очень много сделал и по просвещению русских, мокши и татар. Теперь он также усердно работает во благо чувашей Симбирской губернии» [9].

Как видим, архиерей Гурий был убежденным сторонником системы Н.И. Ильминского. Это видно из другого материала. Находясь в с. Городище (Хула Ҫырми) Симбирской губернии, на молебне дети под руководством местного учителя начали петь на русском языке. Архиерей их сразу же остановил и попросил: «Здесь ведь все чувашаи, пойте на чувашском». И в течение всего молебна звучали псалмы на чувашском. После богослужения архиерей Гурий сказал: «Чувашей я знаю около сорока лет. За эти сорок лет они изменились до неузнаваемости. В прошлом темный, совершенно неграмотный народ теперь часто и не отличишь от русских. Одеваются чисто и опрятно, и русским языком владеют. Перестали поклоняться истуканам и стали приверженцами веры в Христа. По-

чему же чувашаи за тридцать-сорок лет так изменились? Вот почему: Иисус Христос на своих учеников послал Святой Дух, и они начали говорить на разных языках, и апостолы стали распространять веру в Христа по всему миру. Чтобы склонить чувашей к Христу, радетели чувашского народа создали чувашскую письменность, и чувашаи стали обучаться на своем родном языке. Построили много школ и церквей, в школах начали работать чувашские учителя, в храмах — тоже священники из чувашей. Вот и перестали чувашаи поклоняться идолам». Однако архиерей сетует на то, что чувашаи с. Старое Чекурское (Кивё Чакă) «ничего не знают о вере в Христа», и ему «показалось, что они до сих пор поклоняются ложным богам и идолам». После визита архиерея городищенские чувашаи отправили ему письмо с просьбой прислать им священника-чуваша: «Мы, крестьяне Городищенского прихода, давно уже считаемся христианами, но владем знаниями о вере в Христа не на должном уровне. Отреклись от религии отцов, в русскую веру так и толком не обратились. Это зависит от попа. Наш поп русский, чувашским не владеет, нас учит на русском, которым мы плохо владем, женщины наши вообще ничего не понимают. Наш поп хороший, мы его не хаем, однако он хорош только для русского, чувашам не годится. Если бы чувашаи нашего прихода знали веру в Христа, то старочекуревские чувашаи не проводили бы жертвоприношения [киремети]. Поэтому мы с мольбой просим дать нам чуваша-священника» [28].

Получается, система Ильминского имела некие границы в своем функционировании: в церквях пусть работают чувашские попы, пусть дети получают начальное образование, пусть поступают в учительские и духовные семинарии, на миссионерские курсы с преподаванием родного языка. А вот в высшие школы — столь ли необходимо это для грамотного чуваша-христианина? На наш взгляд, такую идеологию разделял и Иван Яковлевич Яковлев. Это — до сих пор никем досконально не изученный вопрос: почему И.Я. Яковлев со своими обширными связями, огромным авторитетом не сумел (или не хотел) свою школу поднять до уровня гимназии, по окончании которой выпускники на общих основаниях могли бы поступать в вузы. Оказывается, все же Иван Яковлевич хотел, чтобы его ученики получали высшее образование, но окончательно не определился с данной проблемой. В рукописи одной из статей он констатирует, что под влиянием современных требований «следует открывать “иностранческие гимназии” и профессиональные школы, с помощью стипендий облегчать “иностранцам” путь к высшему образованию» [4, л. 44]. Однако эти слова Иван Яковлевич вычеркнул из окончательного варианта текста.

Анализ дискурса о проблемах просвещения в «Хыпаре» был бы неполным без рассмотрения темы христианского просвещения чувашей как одной из составляющей этнического самосознания. В статье, посвященной просветителю нерусских народов Н.И. Ильминскому, безымянный автор (скорее всего, сам Н.В. Никольский), призывает: «Чтобы времена были спокойными, нужно стараться жить в порядке, жить не только ради себя, но и ради государства <...> Теперь многие свою жизнь хотят улучшить за счет изъятия чужой собственности, благодаря чему происходят много жестоких эксцессов. Если следовать заветам Н.И., плохую жизнь нужно стараться улучшить, в первую очередь, ведя добропорядочный образ жизни, обучаясь и трудясь» [35]. П.В. Денисов эти слова сравнивает с «христианской заповедью», «поповской проповедью» [6, с. 14], од-

нако в упор не замечает и не приводит краеугольную мысль автора: «Н.И. хотел, чтобы *все* дети поступали в школу, тем самым желал, чтобы они боялись Бога и уважали родителей. Однако желание Н.И. учить *всех* детей до сих пор не осуществилось, чтобы охватить образованием *всех* детей, нужно стараться построить как можно больше школ» [35]. Здесь курсив автора статьи. Основная мысль его — всеобщее образование ради будущего нации. И это являлось основным вызовом начала XX в. для всех народов Российской империи.

Анализируя многочисленные материалы по вопросам просвещения, приходим к однозначному выводу: хотя в «Хыпаре» и появлялись публикации о системе Н.И. Ильминского, тема христианского просвещения не была приоритетной. Вот типичный пример из разряда «поповских проповедей»: «Раньше наши чуваша не обучались грамоте, у них не было и книг на чувашском языке. Теперь с Божьей помощью многие чуваша обучаются грамоте, увеличивается численность людей, читающих чувашские книги. Кто же первым начал это дело? Отец наш Н.И. Ильминский. По его инициативе создано много чувашских школ, подготовлено много учителей, издано много чувашских книг. Именно он учил: чувашей нужно обучать на чувашском языке» [58]. Еще в одном материале также превозносится роль Н.И. Ильминского в просвещении инородцев, говорится, что «он много помогал школе, открытой в Симбирске И.Я. Яковлевым. И в переводе богослужбных книг ему помогал Н.И. Ильминский. Если бы он так не старался ради чувашей, мы бы не узнали закона Бога Христа. Теперь мы в церкви на своем языке благодарим и славим Бога, молимся на своем родном чувашском. Благодаря тому, что Н.И.И. просвещал нас на нашем языке, в настоящее время выходит чувашская газета...» [23].

Всего в трех материалах (!) на 65 номеров «Хыпара» упоминается имя Ильминского. Материалы о христианском просвещении вовсе отсутствуют. Разве можно считать таковой статью о молебне чувашей в поле о ниспослании дождя? Автор сетует на то, что чувашский священник молебен проводил на русском языке. «Сейчас имеются молитвенники и на чувашском языке. Поэтому наш чувашский поп должен был читать молитвы на родном языке. Мы же просили от Бога ниспослания дождя!» [24]. В сознании автора статьи еще не выветрился атавизм язычества: ведь его предки обряд жертвоприношения исполняли на чувашском, поэтому и поп обязан христианский молебен исполнять на родном же языке.

В «Хыпаре» после отхода Н.В. Никольского от редакторской деятельности публикуется немало статей (в том числе переводных) о засилье поповщины в школах, о низком уровне обучения в церковно-приходских школах. В первом же номере проэсеровского «Хыпара» автор Н. (скорее всего, С.Н. Николаев) заявляет: «В церковно-приходских школах учатся дети, не сумевшие поступить в другие школы или же выгнанные из них. Дабы заполнить свои классы, некоторые попы стремятся переманить детей из министерских школ или из земских школ. ... Почему это церковные молитвы нужно читать только на славянском? Русский пусть молится на русском, чуваш — на чувашском. Обучение на славянском три-четыре года — пустая, бесполезная трата времени и сил» [26]. Авторы не против христианской религии, они ратуют лишь за качественное образование для чувашских детей.

В газете вообще нет ни одного антиклерикального материала. Однако при старании в стоге сена можно найти иголку... Лишь в статье «Халӑх укӑси саланасипе саланни» рассказывается о разбазаривании народных денег попами: при освящении Хорамалской церкви в Цивильском уезде попы без ведома прихожан пропили 300 руб., такую же сумму пропили попы в с. Убей (Чиркӗллӗ Упи) Буйинского уезда. Приводятся и другие малоприглядные факты из жизни церковнослужителей [66]. Скорее всего, именно эта публикация стала переломным моментом во взаимоотношениях «Хыпара» и чувашских клерикалов. На съезде духовенства Казанской епархии в 1906 г. высказывались суждения «о вредном направлении» чувашской газеты «Хыпар», о чем в протоколе постановления съезда записано: «Так как газета “Хыпар” имеет вредное влияние на церковно-общественную жизнь в инородческих приходах, то: 1) рекомендовать благочинническим собраниям в инородческих приходах обратить особенное внимание на указанную газету для ослабления или прекращения ее вредного влияния на прихожан; 2) просить епархиальное начальство принять зависящие от него меры к тому, чтобы ослабить или прекратить вредное влияние вышеуказанной газеты на церковно-приходские и братские школы в инородческих приходах» [10].

В общенациональной газете одной из главных (приоритетных) тем была проблема самоидентичности этноса. В чувашском социуме в начале XX в. действительно происходили негативные процессы. Чувашскость в нашем понимании намного шире, чем отождествление грамотного чуваша с чувашом культурно развитым, понимающим все беды и нужды нации, страдающим чаяниям (в самом широком смысле) соплеменников. Грамотный чуваш необязательно мог быть истинным патриотом своего этноса. Диякон Димитрий Епифанович Селиванов, уроженец д. (потом село) Байдеряково Сызранского уезда Симбирской губернии: «Лет 6 назад в Байдеряково был определен священник из чуваш, воспитанник Центральной Симбирской школы. Новый священник начал совершать службу на чувашском языке. И что же? Чуваша сильно возмутились, даже к архиерею ходили с жалобой на священника, прося священника из русских. Конечно, неразумная их просьба не была удовлетворена. <...> В деле обрусения чуваш немаловажную роль сыграла местная церковно-приходская школа, открытая в 1884 году. Первым учителем был священник о. Смышляев, враг чуваша, который беспощадно в школе преследовал чувашский язык. Помню случай: один ученик где-то добыл Евангелие на чувашском языке, принес в школу и вздумалось ему книгу показать учителю о. Смышляеву. Но дорого обошлось ему эта дерзость: он был исключен из школы за то, что осмелился принести “книжонку на поганом языке”» [30, с. 407–408]. Другой пример. В приговоре схода крестьян д. Верхние Тарханы Симбирского уезда одноименной губернии от 19 апреля 1902 г. читаем: «Просить училищный совет на будущее время не назначать в нашу школу учителей-чуваш, которые, по замечанию нашему, не имеют должного прилежания обучать детей русскому языку, а ведут дело на чувашском языке, оттого наши дети и по выходе из школы не понимают русской речи, что для нас крайне нежелательно. Наше поселение расположено на Волге, не в далеком расстоянии от Симбирска, окружено населением русских и мордвов, стоит совершенно особняком от своих родичей-чуваш, а потому мы нисколько не имеем нужды в своем родном языке, напротив, нам нужен русский язык, без знания которого мы должны сидеть без всяких заработков, а это отзывается большим ущербом на

наше материальное состояние; ввиду изложенного мы открыли у себя школу с единственной целью обучить своих детей русскому языку, чтобы они впоследствии не нуждались в куске хлеба» [31, с. 129].

Главной задачей газета считала преодоление таких противоестественных явлений среди чувашей. Нужно отметить, что к началу издания «Хыпара» из обыденного сознания среднестатистического чуваша почти полностью исчезла даже память о старинной чувашской вере. В номерах «Хыпара» нет ни одного материала, посвященного чувашской мифологии. Наоборот, некоторых авторов беспокоят «негативные явления» в среде образованных чувашей: «После того, как начали издаваться чувашские книги, народ наш весь переменялся: в некоторых местах даже стесняются разговаривать о старинных обрядах киремети... Однако среди чувашей в некоторых деревнях нет ни одного “Евангелия”, поэтому мы никак не можем забыть старинные обряды жертвоприношения... Наш чуваш, как только получит кое-какое образование, вовсе забывает свой народ, совершенно не старается просвещать свой народ. Многие из таковых (их я встречал и среди учителей) не то что знакомить людей с чувашскими книгами, даже на чувашском стесняются разговаривать. Если бы образованные чуваша, объединившись, стремились бы к просвещению своего народа, мы давно бы вышли из темноты» [15]. Социальная философия автора: старинные обряды киремети — тема не актуальная, даже неприличная среди просвещенных соплеменников; чуваш, получивший кое-какое образование и не старающийся просвещать свой народ, — безусловно явление отрицательное.

Большое внимание газета уделяла положению чувашского языка. В одном из материалов безымянный автор (судя по стилю и слишком большой информативности, на наш взгляд, его написал сам редактор-издатель), рассказывая о верховых и низовых чувашах, приводит примечательную мысль: «Давайте, назовем коренными (главными) чувашами тех наших соплеменников, которые чисто разговаривают на чувашском языке. Назовем их коренными чувашами потому, что они сохранили много песен, сказок, преданий, шуток-прибауток, частушек и других образцов. Их создавали и сохранили именно истинно коренные, древние чуваша. Гляньте же: у них нет ни одного чужого слова, все они истинно чувашские. Равняясь на них, мы постепенно забудем неправильные, искаженные слова низовых и верховых чувашей и будем употреблять истинно древние чувашские слова. Не нужно употреблять слова из других языков. Мало ли среди нас людей, владеющих другими языками? Коль начнут они говорить на русском, все у них ладно получается, коль на татарском — опять-таки все славно и плавно. Эти же люди разговаривают на чистом чувашском языке. Когда слышишь их речь, душа ликует от радости» [75].

Другой автор размышляет: «Чтобы до конца не уничтожить чувашский язык, его нужно собирать, то есть из слов разных мест нужно написать одну книгу, и, таким образом, мы не будем забывать родной язык. Некоторые остолопы вбивают в головы людей дурные мысли: что нам даст чувашский язык? Нам нужно учить русский язык, поскорее забыть свой язык и перейти на русский, притом у русских и книг много, и газет бесчисленное множество, чем сочинять чувашские книги, лучше учить русский и станем жить как русские. Не надо слушать таких болванов. Чужой язык, каким бы он ни был хорошим, он — не наш, он — у другого народа; лошадь у другого какой бы ни была хорошей, ездить

на ней как на своей никак нельзя; если даже оденешь чужую одежду, не можешь говорить, что она твоя. Если позаимствуешь чужое, всякий человек скажет: у самого ничегошеньки и нет, на чужом ведь живешь. От таких слов тебе разве не стыдно? Вот что я хочу сказать: на нашем языке несколько тысяч лет общались наши прапрадеды, прадеды, деды. Лежа на руках матери, услышанные нами первые слова были чувашскими. Сызмальства мы росли, разговаривая на чувашском, с односельчанами, родственниками, друзьями, с уважаемыми нами гостями мы общаемся не на русском или татарском, а на своем родном наречии. И в церкви мы молимся на чувашском. Иногда, отправляясь в дальнюю дорогу, вдруг услышим где-нибудь родное слово, и как душа наша ликует из-за встречи с соплеменником. <...> Чуваша, не забывайте свой язык, не потеряйте его, если мы потеряем его, мы и сами исчезнем, и название “чуваш” исчезнет. Не спите, просыпайтесь, и для нас начинается новая эпоха, поднимается новая заря, аляя, восходит солнце свободы...» [62].

Не забывать родной язык — значит, оставаться чувашом. А православный чуваш, особенно в полиэтническом ареале, действительно находился между двух наковален: с одной стороны, политика русификации, а с другой — исламизация в лице мулл и их пропагандистов. Автор одной из публикаций, С.К. (скорее всего, будущий редактор-издатель «Хыпара» Сергей Кириллович Кириллов), делится с читателями своими размышлениями после прочтения статьи в татарской газете «Йулдус» (Џәлтәр), где было рассказано об отатаривании чувашей одной из деревень (название не указано) Саратовской губернии. Он с горечью пишет: «Намерения татар обманом обращать чувашей в свою веру известны не сегодня. Они издавна думают, что чуваша это народ, который нужно обратить в татар. Нас они считают за овец, думают: куда направят, туда мы и пойдём. Действительно, многие из чуваш, нанимая татар в пастухи, уподобляя себя овцам, живут, подчиняясь татарам. Если кто в семье захворает, вместо того, чтобы молиться Богу, чуваша спешат к татарскому мутле. Татарин не ест мясо скотины, зарезанной чувашом, если хочет прийти в гости к чувашу, сам приходит и режет приглянувшееся животное; если татарин скажет “бисмилля”, то якобы животное очищается, если чуваш скажет: “Во имя доброго, любящего и сострадающего Бога”, то, получается, мясо оскверняется? <...> Значит, наш Бог младше ихнего Аллаха? Не грех ли для верующего чуваша ставить своего Бога ниже, а татарского Аллаха выше? Поэтому они нас называют “имансӓз”, то есть “без веры, неверный”. <...> В то же время наш христианский закон не запрещает молиться на своем языке: русский молится на русском, чуваш — на чувашском, мариец — на марийском. У приверженцев закона Мухамеда не так: и татары, и башкиры, и киргизы, и турки молитвы произносят лишь на арабском. Утверждают, что, кроме арабского, другие языки негодны для молений. Значит, магометане все должны знать арабский язык. Вы, наверное, думаете, что все татары владеют арабским языком. Нет, они умеют только читать, но прочитанное понимают лишь немногие грамотные, некоторые муллы. Среди сельских татар вы не найдете ни одного татарина, владеющего арабским языком. Мы за все это татар не осуждаем. Все же возникает вопрос: как же можно молиться Богу непонятными для себя словами?» [46].

Автор другой статьи К. Прокопьев с горечью пишет: «Часть чувашей обрусела, часть отатарилась. Если бы чуваша не обрусели и не отатарились, ныне чувашей насчитывалось бы более одного миллиона» [43]. Сохранение этноса, рост

его численности авторы связывают прежде всего с просвещением, в том числе – с христианским. В этом русле для того времени публикация так называемых «антитатарских» или «вбивающих клин между чувашами и татарами» материалов не считалась чем-то из ряда вон выходящим фактом. Безымянный автор повествует о том, как в с. Старо-Афонькино (Ухинке) Бугульминского уезда Самарской губернии один татарин свободно, притом «за три копейки записывает некрещенных чувашей в татары». Оказывается, татары преднамеренно распустили слух, что «к ним от царя пришел указ о необходимости отатаривания некрещенных чувашей, в указе якобы сказано: в России будет только две религии: татарская религия и русская религия, и что чувашей насильно будут крестить и принудить к обрусению. Вот почему язычники-чувашаи записываются в татары». На резонный вопрос автора статьи: «Как же это некрещенные чувашаи, называвшие себя *таса чăваш* (чистые чувашаи), идут в татары? Ведь овце не превратиться же в злого волка!» Йусап (Юсуп), собеседник автора, недоволен, что книги на чувашском языке только для крещеных. «Да нет же, – возражает автор, – не только для крещеных, ныне и для вас издается много книг. Если для крещеных выходят книги о христианской вере, то остальные книги предназначены для всех чувашей. А с нового года начинает выходить газета на чувашском языке. Кроме того, чувашаи, принимавшие христианскую веру, чувашаи же останутся, а став приверженцами татарской веры, они станут посмешищем татар, на корню уничтожат имя чувашское, тем самым страшно сильно обидят своих родителей, своих праотцов – истинных чувашей. Вот ты говоришь, что чувашей не уважают ни татары, ни русские. Эти слова неверны, над чувашской жизнью с издевкой смеются лишь неумные люди (татары или русские); добропорядочные ни над кем так не смеются, честного, порядочного, трудолюбивого, спокойного человека все уважают. А теперь и среди чувашей просвещенных людей много, они стараются одинаково за всех чувашей: и за приверженцев христианства, и за некрещеных. Вы должны слушаться этих людей, а не татар» [42].

Данный материал, на наш взгляд, представляет типичную и объективную картину сформированного самосознания чувашей в начале XX в. Ни в одном номере «Хыпара» нет материала, где бы рассказывалось о чувашской языческой вере как о необходимой составляющей этнического самосознания. Понятно, что Н.В. Никольский (как издатель он выпустил 33 номера, остальные 22 номера изданы эсерами), как выпускник духовной академии и как делопроизводитель Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, преподаватель на миссионерских курсах при Казанской духовной академии, по убеждению не мог прославлять язычество. Но при этом «Хыпар» никак нельзя назвать изданием миссионерского толка. Если учитывать материалы, где подвергалась критике неблаговидные деяния священников православной церкви, то «Хыпар» заслуженно является, снова повторяемся, типичным светским изданием.

Одной из составляющей национального самосознания, выраженной во многих материалах «Хыпара», это интенсивно развивающееся политическое самосознание чувашской интеллигенции. «Хыпар» призывает создавать *ушкăн* (группу) [в «Хыпаре» это слово означало и партию, и организацию, и общество (объединение)] содействия просвещению и образованию чувашей. По мнению автора статьи, «просвещение требует совместных усилий, если этого не будет, наш чувашский народ никогда не станет образованным?» [56].

Призыв к созыву общечувашского съезда впервые прозвучал в материале за 26 февраля 1906 г.: «У латышей выходят 22 газеты и журнала, татары в этом году издают три газеты, у нас не было ни одной. Остальные народы, наверное, все хитрее и мудрее нас. Чуваши говорят, что ум татарина за семь верст впереди нас идет. У них и женщины, и мужчины грамотные, в мечетях не слышишь русского слова (Богу необходима не красота слова, а понимание). Какие только нужды не терпят чуваши: неумение трудиться, бедность, жизнь в черных, смрадных избах, неграмотность. Всех бед и не перечислишь. Мы ведь народ, только-только начинающий жить духовно, однако для души у нас нет и книги “Библия”. В школах мало учат на чувашском, большинство учителей русские. Как пишут в казанской русской газете (Обновление, № 2), чувашей обучай-не обучай – все равно толку нет. И еще: телесные нужды ... Страшно даже сказать, в одной лишь Казанской губернии из пятисот тысяч чувашей пять тысяч болеют трахомой, совершенно слепые. Татар в Казанской губернии несколько раз больше, однако среди них слепых только чуть больше двух тысяч (см. Стат. свед. Каз. губ. зем.). Бедность, безграмотность губит чувашский народ. Чтобы спастись от этих разных нужд, нам нужно очень много сил и ума. Если на себя не надеяться, нам не возродиться. Поэтому, глядя на другие народы, которые собираются и обсуждают жизненно важные вопросы, и нам, всему чувашскому народу, необходимо созвать Всенародный Собор» [69].

Статью Д[аниила] Ф[илимонова] по праву можно считать своего рода манифестом чувашской интеллигенции накануне выборов в первую Государственную думу Российской империи. Основные идеи автора: 1) нужно, чтобы в Думе было не менее пяти депутатов из чувашей: жизнь чувашей, их нужды и беды никто не знает лучше, чем сами чуваши (отметим, что в 1917 г. на выборах в Учредительное собрание было избрано именно 5 наших соплеменников. – А.Л.); 2) нужно гарантировать свободу вероисповедания, нельзя судить человека за веру; 3) в начальных школах каждый пусть обучается на своем языке, по возможности (если хватит сил) и в больших школах нужно разрешить обучение на родном языке. Ни для кого не должно быть преград по обучению грамоте на родительском языке, никто не имеет права уничтожить данный богом язык; нужно сделать так, чтобы чуваши-выпускники высших школ могли работать среди чувашей; пусть среди чувашей судьи, начальники, доктора, учителя будут чуваши; 4) церковь необходимо отделить от государства, чтобы она вела церковные дела по своему усмотрению, самостоятельно. Чтобы архиереи, священники, диаконы, псаломщики владели языком местного населения [5].

Авторы «Хыпара» почти в каждом номере повторяют лозунг: «Просыпайтесь ото сна, чуваши!». Один из первых штатных сотрудников газеты, публицист, сатирик, драматург М. Акимов пишет: «Нам не идти в Государственную думу, зачем мне переживать, – не думайте так. Старайтесь, готовьтесь, размышляйте: кого же будем делегировать в Думу? Время придет – все будет: и землю дадут, и волю дадут, не утешайте себя такими словами. Еще раз призываем: просыпайтесь ото сна. Не думайте, что мы ничего не знаем, ничего не понимаем. Постарайтесь, размышляйте, советуйтесь друг с другом. Готовьтесь к выборам в Государственную думу. Если мы выберем туда достойных людей, то Государственная дума усиленно будет стараться помочь нам в преодолении всяких бед» [1]. Разрозненность, неумение (нежелание) объединяться ради общей цели – вот что огорчает

многих авторов «Хыпара». В Государственную думу избраны 11 татар, сообщается в одном из материалов. Почему их так много? Потому что они советуются друг с другом, слушают друг друга, незнающие поддерживают знающих... Наши чувашки оказались самыми умными, так и ходили поодиночке, писали свои фамилии. Но ведь сначала надо подумать: что ты скажешь в Думе? Сами и по-русски не можем изъясняться, а хотим оказаться в Думе. Если бы собрались вместе и послушались З.М. Таланцева, то у нас было бы два избранника. А теперь и единственного еле-еле выбрали. Что губит чувашей? Отсутствие единомыслия, нежелание объединяться и принимать коллективные решения [27].

В середине апреля 1906 г. в помещении редакции состоялось собрание чувашских крестьян Казанского губернского съезда выборщиков (всего 25 делегатов). Они предложили выдвинуть редактора «Хыпара» кандидатом в депутаты. Н.В. Никольский категорически отказался, заявив, что он не пойдет в Государственную думу, и попросил, чтобы делегаты при голосовании не писали его имени. И привел веский аргумент: если пойдет в Государственную думу, он вынужден будет прекратить издание газеты «Хыпар». «Я намерен посвятить себя всецело просветительскому делу», — добавил в заключение редактор [38]. Собрание вел Н.В. Никольский, и он напомнил делегатам, что они, хотя и являются представителями миллионного чувашского народа, тем не менее из поволжских регионов в Государственную думу не был избран ни один из соплеменников. Редактор-издатель с болью подчеркивает, что «притесняется чувашский язык. Нам чинят всякие препятствия при издании книг с изложением передовых взглядов. Чувашей власти не почитают за людей» [38]. По убеждению основателя «Хыпара» и одного из признанных лидеров чувашской интеллигенции, только свобода откроет перед чувашским и другими народами светлое будущее, и он убежден, что отстаивать эту программу чувашские выборщики должны доверить Якову Абрамовичу Абрамову [38]. В результате голосования кандидатом выбрали чуваша-крестьянина с. Убеево Ядринского уезда Казанской губернии Я.А. Абрамова, в итоге он был избран депутатом I Государственной думы.

Почти в каждом номере «Хыпара» публиковались материалы о работе Думы [1; 40; 63; 65], а Я.А. Абрамов информировал соплеменников о своей депутатской деятельности. В письме к редактору он отмечает: «Меня избрал чувашский народ, поэтому мне нужно много работать для него. Если мы не будем трудиться на свое будущее, никогда не выйдем к свету» [39]. Я.А. Абрамов поддерживал идею о культурно-национальной автономии «иностранцев» и ратовал за то, чтобы чиновниками, учителями и священниками работали представители коренной национальности, обучение в школе и церковная служба велись на родном языке, также подчеркивал необходимость борьбы за расширение полномочий и демократизацию органов самоуправления [78]. В газете было опубликовано интервью с депутатом, где он как парламентарий в числе первоочередных задач называет принятие нужных народу законов о земле и юридическом равноправии граждан [54].

Во II Государственную думу были избраны три представителя чувашских уездов Казанской губернии: «А.Ф. Феодоров, крестьянин, из Цивильского уезда, село Урмары, левый, чуваш ..., З.М. Таланцев, из Ядринского уезда, трудовик ..., Д.А. Кушников, доктор, из Чебоксарского уезда, левее кадетов» [67].

Судя по материалам в «Хыпаре», в избирательной кампании газета принимала активнейшее участие. В статье автора из д. Средние Тимерсяны (Кив Тимёрсен) приводится такой расклад: если правильно голосовать, то во II Государственную думу можно избрать 3 чувашей [68]. В газете размещена краткая информация: «13 февраля избранный в Думу из с. Урмары Цивильского уезда Александр Феодорович Феодоров выехал в Питер. На его проводах собралось много народа. Татары, чувашаи все проводили его с добрыми пожеланиями» [56].

Газета с горечью извещает: «Начальники вот кого из избранных чувашей решили не отправлять в Думу: В.И. Иванова, П.А. Алексеева, Ф.Н. Николаева, Т.Н. Николаева, М.И. Игнатьева, Г.М. Матвеева, К.С. Сергеева, М. Кудряшова, и еще трех человек» [72]. В последующих номерах «Хыпара» помещены более десятка материалов о работе Государственной думы. Однако ни в одном (!) из них мы не узнаем, чем же занимался чуваш-депутат А.Ф. Феодоров. Не считая четырех заметок: «Депутат Феодоров на Пасху вернулся домой. А теперь вновь выехал в Питер...» [48]; «Сегодня, в 6 часов, в Думе обвалился потолок. Если бы потолок обвалился во время заседания депутатов, мы все погибли бы; погибло бы не менее 400 депутатов. Вместо моего кресла остались одни щепки. Жизнь наша не совсем хорошая. Поговаривают, что нас скоро разгонят...» (из письма А.Ф. Феодорова) [61]; «Избранные из Казанской губернии депутаты Батуров, Петрухин, Феодоров (чуваш) вышли из партии социалистов-революционеров» [53]; «О делах, произошедших в [Симбирской] Чувашской школе, к депутатам из Казани было отправлено обращение. После получения обращения Феодоров и Кушников были на приеме у товарища (заместителя. — А.Л.) министра и рассказали о тех событиях. Товарищ министра им сказал: “Учащиеся слишком вольно себя ведут. Все же, по мере возможностей, попытаюсь что-нибудь сделать”» [52].

В Думу был избран еще один чуваш — Василий Анисимович Анисимов из г. Кузнецк Саратовской губернии [2]. И о нем в дальнейших номерах газеты нет ни слова.

На страницах газеты нашло отражение и такое важнейшее политическое событие: в Симбирске 1–2 августа 1906 г. чувашскими учителями на сходке было провозглашено создание Союза чувашских учителей. На первом такого рода форуме в истории чувашской интеллигенции, помимо вопросов содействия просвещению чувашей, обсуждались и проблемы активного участия соплеменников «в государственных делах, ибо во всем должна быть воля народа». В своем уставе союз определил следующие задачи: просвещение чувашского народа с целью его дальнейшего развития; способствование участию в государственных делах; содействие установлению свободного волеизъявления народа во всех делах; для претворения этих целей необходимо создавать газеты и издавать книги, открывать читальни... [71]. В следующих номерах «Хыпара» нет ни одной публикации о союзе чувашских учителей. (Это уже вопрос к редактору, а не к цензуре.)

Почти в каждом номере «Хыпара» поднимается вопрос о борьбе с пьянством и явлениями, его сопровождавшими. В самосознании просвещенных чувашей начала XX в. борьба с пьянством занимает приоритетное место. Вот мнение простого грамотного чуваша: «Когда водку пить захотите, приходите на сход и продаете землю на три-четыре рубля, и деньги пропиваете; а на эти деньги можно было бы купить газету. Таким образом, в народе имеются и умные, и глупцы. Человек, предлагающий вместо водки покупать газету, кажется, умный. Так я

думаю» [76]. Другой из авторов газеты категорически утверждает: «Прежде всего нас губит водка. У нас ни один праздник, ни одна работа не обходится без водки. В деревне порядка десяти человек ежедневно пьяные, должностные лица: старосты, сборщики податей, сотники, десятники в течение года не могут трезветь. А сколько выпивают на выборах сторожа, ямщика, пастуха!.. И поэтому все эти люди исполняют свои дела так “замечательно”, что старосты и сборщики податей разбазаривают народные деньги, в ямщики нанимают безлошадного человека, в сторожа — слепого или глухого, от пастуха все лето одни мучения... В каждом приходе работают кабаки. Даже маленькие кабаки в год продают на 15 тыс. руб. В год даже “так себе” люди пропивают 25 руб., средненькие — 50 руб., богатые — 100 руб. Когда свадьба и пр. — меры не бывает... . Когда надо мост отремонтировать, кладут одну доску и выпивают четверть водки... . Так жить нельзя!» [14]. В другом материале автор рассказывает, как выбирали старшину. «Давайте выберем из Сиделева, — выступил один из горлопанов, — он обещал поставить водку на 50 руб. Хороший ли он, плохой ли, давайте же, его изберем. Пусть хоть неделю-две поработает, зато мы выпьем его водку». Так и сделали, человек из Сиделева стал старшиной. Так решила водка, она победила народ [59].

В еще одной корреспонденции описывается один день из жизни «любителей водки»: сначала они за ремонт моста от старосты потребовали полведра; затем начали мероприятие по найму ямщика — договорились опять-таки за полведра водки; ее не хватило, и решили нанимать писаря на будущий год — договорились на 35 руб. и выпили четверть, наконец, решили вопрос по найму квартиры для путников на четверть водки. В итоге было выпито за день полтора ведра. Финал «совмещенных» мероприятий — спор, ругань, драка [25].

«Пейте водку» — так называется один из памфлетов, опубликованных в «Хыпаре» *Тăван ялсем Серкей* (С.С. Сорокиным), где по полочкам раскладываются «рецепты» для уничтожения человека как личности, члена социума: пейте или начинайте пить водку: если хотите, чтобы семья испытывала голод; чтобы оказаться в шайке разбойников; чтобы лишиться себя рассудка; чтобы в семье не было лада, согласия и счастья; чтобы потерять свою душу... Вывод автора: «Чтобы не терпеть много горя и нужду, человек вообще должен бросить пить; если захочется выпить, или же тебя просят выпить твои любимые люди, себя держи крепко, не пей!» [51].

Образованный, умный, просвещенный, добрый, ведущий здоровый образ жизни человек — вот идеал авторов «Хыпара» в чувашском социуме. Автор следующего материала буквально цитирует слова *Тăван ялсем Серкей* о вреде пьянства и так характеризует своего сельского учителя: «В его присутствии и в сторожке, и на улице ни один из парней не смел курить или пить водку. Видя такие непристойные картины, он всегда говорил: “Ребята, кто этому вас научил? Вы что, работали до седьмого пота?” После этого ребятам бывало очень стыдно. Теперь в нашем приходе среди его учеников мало кто курит, пьющих тоже почти не имеется» [60].

В Буинском уезде, в одной деревне, в праздник Семик не хватило водки. Большинство начали покупать водку у тайных торговцев одну бутылку за десять копеек. «Как же им не стыдно в голодный год пить водку?! — в сердцах восклицает автор. — Ни о чем не думая, без пользы выбрасывают десять копеек. В деревнях часто можно слышать, что для подписки на “Хыпар” не хватает денег. А

пропивать в кабаке деньги имеются! Нет, чуваша, ведя такой образ жизни, мы вперед далеко не пойдём. Если хотите улучшить свою жизнь, перестаньте пить водку, вместо кабаков открывайте читальни, вместо траты денег на водку покупайте на них книги, газеты...» [79].

Одним из способов побороть пьянство было создание сети специальных общественных организаций – обществ трезвости. Их наибольший расцвет пришелся на 80-е гг. XIX – начало XX в., когда увеличилась продажа алкоголя. В благородном деле борьбы с пьянством особенно выделялся один из авторов «Хыпара» священник Д.Ф. Филимонов, в то время настоятель церкви с. Туарма Самарской губернии. В своей статье он приводит весьма интересные сведения, характеризующие чувашскую деревню того периода: «в его приходе 9 сел и деревень, всего 7985 душ мужского и женского пола, 2 кабака, где за год продается вина и водки на 15 тыс. руб., за двадцать лет набирается 300 тыс. руб. За двадцать лет на эти деньги в 9 деревнях можно было бы построить 9 церквей, 9 больших школ, 9 больниц...» Далее рассказывается: в 1903 г. 8 чувашей создали общество трезвости, через два года оно объединяло 124 чел. – 69 мужчин и 55 женщин. Автор утверждает, что чуваша Казанской губернии, когда приглашают гостей или проводят свадьбы, в основном пьют пиво, вино, водку употребляют мало; чуваша Самарской губернии пиво варят мало, в основном потребляют водку. И – самый важный момент: «В нашем приходе много людей хотят вести трезвый образ жизни, однако они боятся войти в наше общество, так как многие виноводколюбцы не терпят трезвенников, над ними смеются. Некоторые из чувашей записываются в общество трезвости, но не выдерживают и год, – выходят, и вновь продолжают прежний пагубный для здоровья образ жизни». Автор заключает: наше общество хотя и малочисленное, но за два года оно сделало много полезного для прихода: в нашей библиотеке 167 чувашских и 40 русских книг, русские газеты «Сельский вестник», «Вестник трезвости», «Отдых христианина», в этом году выписываем чувашскую газету «Хыпар» [47].

Главная мысль в материалах о вреде пьянства – стремление к образованности, просвещенности, искоренение пагубных явлений в чувашском социуме, например, коштанства. Вот как об этом было написано в одном из материалов «Хыпара»: «Мне сказали: ты непьющий, вручили 3 рубля, чтобы я в следующую свою поездку в Казань оплатил подписку на газету “Хыпар”. В это время нагрязнили два коштана и, узнав о наших намерениях, заставили от них отказаться, так мы остались без газеты, так и заявили: “Вместо того, чтобы покупать газету, пойдём в кабак и выпьем водки...”. Почему коштаны не любят газету? Вот почему. Читая газету, деревенские люди узнали бы кое-что, читали бы мое это письмо о коштанах и встали бы против них... Сейчас над нами смеются и русские, и татары, дескать, “чуваша хилые, слабые”. Почему так происходит? Потому что мы темные. Татары русским языком владеют хуже, чем чуваша, однако над ними никто не смеется. Почему так? Чувашская газета всего лишь одна. А татарских газет только в Казани три, и татары не думают о водке, а стремятся читать свои газеты» [73].

Таким образом, в 65 номерах газеты «Хыпар» за полтора года ее функционирования (январь 1906 – май 1907 г.) опубликовано множество материалов, где интенсивно обсуждались вопросы национального самосознания чувашей. При-

оритетными из них являлись: образование и просвещение, подготовка кадров для этой сферы, проблемы самоидентификации этноса, политическое самосознание, борьба с пьянством и сопровождавшими его пагубными явлениями. На страницах «Хыпара» из номера в номер размещались также оригинальные и переводные материалы, посвященные вопросам формирования правового самосознания и правовой культуры. Авторы в основном волновало земельное и налоговое законодательство. Местное самоуправление в лице земств — еще одна из животрепещущих тем первой чувашской газеты. Вопросы гигиены, охраны здоровья, внедрения прогрессивных технологий в растениеводстве и животноводстве, другие проблемы, касающиеся жизнедеятельности народа, освещались целенаправленно и на компетентном уровне. Все это способствовало становлению и развитию национального самосознания чувашского народа во всем комплексе его составляющих.

Список литературы и источников

1. *Акимов М.* Февралён 13 кунёнче // *Хыпар*. 1906. Март, 5. 9 №.
2. *Алексеев К.* Ял хыпарё // *Хыпар*. 1907. Март, 4–11. 6–7 №.
3. Аслă школасенче вѣренин усси // *Хыпар*. 1906. Февраль, 19. 7 №.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659.
5. *Д.Ф.* Патшалăх Пуххинче тумалли ёсsem // *Хыпар*. 1906. Февраль, 2. 8 №.
6. *Денисов П.В.* Хыпарёсем. Шупашкар: Чăваш АССР гос. изд-ви, 1961. 269 с.
7. *Димитриев В.Д., Леонтьев А.П., Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский — ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 302 с.
8. *Е.К.* Сұл синче курни // *Хыпар*. 1906. Март, 26. 12 №.
9. *Ив. А.* Чăвашлăха ыралăх тăвакан архиерей // *Хыпар*. 1906. Март, 26. 12 №.
10. Известия по Казанской епархии. 1906. 1 декабря. № 45.
11. *Изоркин А.В.* Чăваш чѣрлѣхѣн хыпарсисем. Шупашкар: Чăваш ун-чѣ, 2000. 164 с.
12. *Йывăр сұл* // *Хыпар*. 1906. Январь, 8. 1 №.
13. *Капелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 2. С. 203–210.
14. Капла гурăнса пулмасть // *Хыпар*. 1906. Январь, 29. 4 №.
15. *Кириллов С.* Чăвашсем улшăна пусларёс // *Хыпар*. 1906. Январь, 22. 3 №.
16. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. В 2 кн. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 383 с.
17. *Леонтьев А.П.* Килех, профессор! Н.В. Никольский суралнăранпа 125 сұл ситнине уявланă тапхăрти куянуллă та хавхалануллă шухăшăмсем = Возвращение профессора. Грустные и восторженные размышления в период празднования 125-летнего юбилея Н.В. Никольского / на чуваш. и рус. яз. Чебоксары: ИД «Хыпар», 2003. 95 с.
18. *Леонтьев А.П.* Истоки. Первая чувашская газета // Журналисты Чувашии: сб. статей и очерков. Чебоксары: Союз журналистов ЧР, 2005. С. 47–74.
19. *Леонтьев А.П.* Провозвестник чувашской печати // ЛИК. 2005. № 4. С. 86–154; 2006. № 2. С. 66–155.
20. *Леонтьев А.П.* Сутталла // *Леонтьев А.П., Матросов И.М.* Чăвашсен пѣрремѣш хаçачѣ «Хыпар». 1906–2006. Аса илѣсем, документсем. Шупашкар: Чăваш кѣн. изд-ви, 2006. С. 11–140.
21. *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты, события, личности, судьбы. Чебоксары: ИД «Хыпар», 2011. 604 с.
22. *Мăкăнь Иванĕ* // *Хыпар*. 1906. Апрель, 30. 17 №.
23. Майн 9-мѣшĕнче // *Хыпар*. 1906. Май, 14. 19 №.
24. Манн чунăм хурланни // *Хыпар*. 1906. Июнь, 25. № 25.
25. *Мича.* Эрех халăх кăмăлне алхастарни // *Хыпар*. 1906. Февраль, 26. 8 №.
26. *Н.* Церковный школасем // *Хыпар*. 1906. Август, 20. 33 №.
27. *Н.К.* Пирĕн чăваша мĕн хуплать... // *Хыпар*. 1906. Май, 21. 20 №.
28. *Н.К.* Ял хыпарё // *Хыпар*. 1906. Июль, 30. 30 №.

29. Научный архив Чувашского государственного института государственных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 163.
30. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207.
31. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 401.
32. Национально-государственное строительство чувашского народа. В 3 т.: сб. документов и материалов / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, Гос. ист. архив Чуваш Респ., Гос. архив современной истории Чуваш. Респ.; сост. В.Н. Клементьев. Т. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.
33. *Николаев Г.А.* Слово о Н.В. Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения чувашей // *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.
34. *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.
35. Николай Иванович Ильминский // *Хыпар*. 1906. Январь, 8 (21). 1 №.
36. *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев. Казань, 1904. 36 с.
37. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919. 114 с.
38. Патшалăх Пухăвне каймалли сынсене суйлани // *Хыпар*. 1906. Апрель, 30. 17 №.
39. Патшалăх Пухăвне суйланă чăваш Абрамов редактор патне янă сыру // *Хыпар*. 1906. Май, 28. 21 №.
40. Патшалăх пуххине суйласа яраси синчен закон статийсем // *Хыпар*. 1906. Февраль, 5. 12 №.
41. Патшалăх Пуххинче // *Хыпар*. 1906. Февраль, 12. 6 №.
42. Пĕхĕлме уяснчи тĕне кĕмен чăвашсем синчен // *Хыпар*. 1906. Январь, 29. 4 №.
43. *Проконьев К.* Аста мĕн чухлĕ чăваш пурăнни синчен // *Хыпар*. 1906. Апрель, 9. 14 №.
44. *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX вв. // *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 210–223.
45. *С.И.* // *Хыпар*. 1906. Август, 6–13. 31–32 №.
46. *С.К.* Тутара тухакан чăвашене // *Хыпар*. 1906. Март, 26. 12 №.
47. *Священник Д.Ф.* Эрех ёсме парахнă сынсене ушкăнĕ // *Хыпар*. 1906. Июль, 9. 27 №.
48. *Семенов Егор.* Аслă Урмартан // *Хыпар*. 1907. Апрель, 29. 14 №.
49. *Сизов А.* Сырусем... // *Хыпар*. 1906. Февраль, 26. 8 №.
50. Сырăва нумайтарак вĕреннĕ патшалăхсенче вилекен сын сахал // *Хыпар*. 1906. Февраль, 19. 7 №.
51. *Таван ялсем Çеркей.* Эрех ёсĕр // *Хыпар*. 1906. Апрель, 30. 17 №.
52. Тĕрлĕ хыпар // *Хыпар*. 1906. Апрель, 22. 13 №.
53. Тĕрлĕ хыпар. Дума таврашĕнче // *Хыпар*. 1907. Апрель, 1. 10 №.
54. *Тимĕрçен ачи.* Чăвашран суйланнă Я. Абрамовпа калаçни // *Хыпар*. 1906. Июнь. 18. 24 №.
55. *Тимофеев Василий.* Пĕр-пĕрĕмĕре пулăшса тăрар // *Хыпар*. 1906. Январь, 15. 2 №.
56. *Тимофеев С.* Ял хыпарĕ // *Хыпар*. 1907. Февраль, 18. 4 №.
57. *Т-ов Е.* Хура халăха мĕн кирлĕ? // *Хыпар*. 1906. Январь, 15. 2 №.
58. *Туркка.* Юлташ сырăвĕ // *Хыпар*. 1906. Апрель, 23. 16 №.
59. *Турхансем.* Суйлани // *Хыпар*. 1906. Февраль, 12. 6 №.
60. *Ф.И.* Вĕрентекен ас пани // *Хыпар*. 1906. Июль, 30. 30 №.
61. *Федоров А.Ф.* // *Хыпар*. 1907. Март, 4–11. 6–7 №.
62. *Хайхи.* Пирĕн чĕлхе // 1906. Март, 12. 10 №.
63. Халăха пăхса тăракансен Патшалăх пуххине сынсене епле суйласи синчен шухăшлани // *Хыпар*. 2006. Январь, 29. 4 №.
64. Хаçет усси // *Хыпар*. 1906. Январь, 8 (21). 1 №.
65. *Хресчен.* Чистай уяснче // *Хыпар*. 1906. Апрель, 9. 14 №.
66. *Хресчен Данилов.* Халăх укçи саланассипе салани // *Хыпар*. 1906. Октябрь, 22. 42 №.
67. Хусан кĕпĕрнинчен Дума кайма ак çак сынсене суйланă // *Хыпар*. 1907. Февраль, 11. 7 №.
68. Хусан кĕпĕрнинчен Дума миçе хресчен, миçе чăваш лекмелле // *Хыпар*. 1907. Декабрь, 24. 47 №.
69. «Хыпар» синчен саванса калаçнипе, чăвашене пысăк пуху тума кирли синчен // *Хыпар*. 1906. Февраль, 26. 8 №.
70. «Хыпар» – чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ. Н.В. Никольский аса илĕвĕ тата ăна ăнлантарса пани / «Хыпар» – первая чувашская газета. Воспоминания Н.В. Никольского и комментарии / сост. и автор комм. А.П. Леонтьев; на чуваш. и рус. яз. Чебоксары: ГУП «Издательский дом “Хыпар”», 2006. 77 с.

71. Чăваш халăхне вĕрентесшĕн тăрăшакансен пухăвĕ // Хыпар. 1906. Август, 6–13. 31–32 №.
72. Чăваш хушшинче // Хыпар. 1907. Февраль, 25. 5 №.
73. Чăваша юратакан. Пирĕн яла мĕн пĕтерет // Хыпар. 1907. Апрель, 23. 16 №.
74. Чăвашла хăçет сĕнчен // Хыпар. 1906. Май, 14. 19 №.
75. Чăвашсем мĕншĕн тĕрлĕ тĕлте тĕрлĕ калаçасçĕ // Хыпар. 1906. Февраль, 12. 6 №.
76. Чăвашсем хăçет сĕнчен калаçни // Хыпар. 1906. Январь, 8. 1 №.
77. Юман М. (Д.П. Петров). 1905-мĕш сул (Чăвашсем хушшинче пулнă ёçсене асăнни).
- Шупашкар: Чăваш облаçĕнчи кĕнеке кăларакан уйрăм, 1925. 120 с.
78. Я. Абрамов сырăвĕ // Хыпар. 1906. Июль, 25. 25 №.
79. Ял хыпарĕ // Хыпар. 1906. Июль, 16. 28 №.
80. Ялсенче пулни // Хыпар. 1906. Февраль, 5. 5 №.

A.P. Leontyev

**QUESTIONS OF NATIONAL IDENTITY OF THE CHUVASH PEOPLE
ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER «KHYPAR» (1906–1907)**

Annotation. The article deals with the issues of national consciousness of the Chuvash people in the publications of the first Chuvash newspaper «Khypar» (Vesti) at the first stage of its functioning – in 1906–1907. The author conducted a content analysis of materials basic topics of this edition: transforming school education; ethnic identity; political identity; the struggle with alcoholism and effects accompanied him.

Keyword: Nikolai Nikolsky, the first Chuvash newspaper «Khypar», Chuvash people, national intelligentsia, ethnic identity.

«ОБВИНЯЯ МЕНЯ В ПРИВЕРЖЕННОСТИ СТАРОМУ РЕЖИМУ...»: ЭПИЗОД ИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ 1917 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в церковно-приходской жизни, происходившие на региональном уровне в период Временного правительства. В фокусе внимания — частный эпизод в с. Шумшеваши Ядринского уезда Казанской губернии, характерный вместе с тем и для многих других национальных приходов и являющийся тем самым определенным слепком с общего вектора развития событий. На основе архивных документов анализируются взаимоотношения приходского священника с паствой, показывается роль вернувшихся с фронта солдат в провоцировании конфликта, описываются межличностные отношения местного причта.

Ключевые слова: Ядринский уезд Казанской губернии, с. Шумшеваши, Д.С. Эльмень, священник Николай Лаврентьев, священник Андрей Меценатов, Февральская революция 1917 г., изгнание из прихода.

Февральская революция 1917 г. некоторыми своими современниками (прежде всего, из числа умеренно-либеральной интеллигенции) была воспринята как «чудо». К примеру, на страницах «Биржевых ведомостей» экономист М.И. Туган-Барановский задался вопросом: «Разве не чудо этот грандиозный прыжок, который мы совершили в несколько дней? За неделю произошел такой невероятный переворот, что, кажется, прошлая самодержавная Россия отделена от нас целыми годами» [11]. Историк и социолог Н.И. Кареев заметил в атмосфере тех дней «наивный энтузиазм, легкомысленную веру в то, что мы — исключение из общего правила, что у нас все пойдет гладко, как по маслу» [3, с. 290]. Однако, как говорится: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. «Свобода», о которой так часто и много заговорили и под лозунгом которой совершались деяния, оказалась многими понята как полное освобождение от обязательств и установление собственных правил игры.

Будучи в прямом контакте с прихожанами, рядовые представители духовного сословия одними из первых ощутили на себе последствия революционного раскрепощения народа. Причем наиболее явно это произошло на уровне сельского социума. Именно здесь резко изменились взаимоотношения с паствой. Если раньше статус и положение священнослужителей поддерживались как личностными характеристиками, так и принадлежностью к государственному аппарату, то теперь — после объявления Временным правительством свободы вероисповедания, отмены обязательного преподавания Закона Божия и других мероприятий в том же направлении — единственным фактором остался персональный авторитет. Между тем для общества, все сильнее погружавшегося в нигилизм и безразличие, моральные качества значили все меньше. Народная мудрость гласит: «Где тонко, там и рвется». Копившиеся десятилетиями в сельских обществах противоречия между различными группами выплеснулись наружу, как только ока-

зался утрачен инструмент внешнего сдерживания. Как отмечает М.А. Бабкин, авторитет церковных пастырей начал падать среди сторонников как левых, так и правых взглядов. С одной стороны, данный факт можно объяснить распространением среди части российских граждан антирелигиозных настроений. Но с другой — неуважительное отношение к духовенству со стороны православной пасты, например, консервативного крестьянства, было вызвано быстрой политической переориентацией священнослужителей, а именно — их фактическим отказом от государственно-монархической идеологии и публичным приветствием революционных событий [1, с. 38].

Один из таких примеров демонстрируют события мая 1917 г. в Ядринском уезде Казанской губернии. Потрясавшие Российскую империю события докатывались до глухой провинции, какой был в то время Чувашский край, в ослабленной форме, но на периферии было немало и своих «смутьянов», на свой лад трактовавших объявленную свободу вероисповедания. Например, будущий известный общественно-политический деятель Д.С. Эльмень. 14 мая 1917 г. после обедни он и еще трое отпущенных на полевые работы солдат (Антон Васильев, Алексей Григорьев и Илья Романов) задержали прихожан, бывших в церкви с. Шумшеваши Ядринского уезда, и организовали собрание под предлогом «прочтения им нового закона». За оградой храма Даниил Эльмень сначала действительно прочитал декларацию Временного правительства, а затем объявил, что в повестке собрания — два пункта: замена в богослужении славянского языка чувашским и обвинение священника Николая Лаврентьева в приверженности старому режиму [2, л. 318].

Дальше действие развивалось по всем канонам классического остросюжетного жанра. Первый из заявленных вопросов оказался не самым важным — по крайней мере, времени на него оказалось затрачено всего «две минуты», и он, скорее, выступал как прелюдия ко второму пункту собрания. Обставлено все было как настоящее судилище, причем «процесс» проходил по установленным организаторами правилам. Вели они себя соответствующим образом. Направленное 17 мая Ядринскому уездному комиссару Временного правительства заявление названного священника свидетельствует, что «оратор с товарищами, подвергая меня насмешкам и оскорблениям, составили протокол об удалении меня из прихода и выселения из казенной квартиры, заручившись обвинительными показаниями 3-х лжесвидетелей» [2, л. 318 об.]. На самом деле, как будет показано ниже, «свидетелей» было четверо.

Интересны приводимые о Николаем Лаврентьевым детали — не так часто в архивных фондах встретишь подобные «разборы», несмотря на то, что аналогичные факты имели место практически повсеместно. Обращаясь к высшему должностному лицу уезда, священник подробно описал свои злоключения, в том числе зафиксировал, как формировалась доказательная база: «1-й (свидетель. — Ф.К.), крестьянин д. Есмендер (имени и отчества не запомнил) показал, будто бы я в Благовещенье говорил в церкви, что царя хотя и сместили, но волноваться по поводу этого не следует. Не удовлетворившись этим неясным показанием оратор и его товарищи подсказали свидетелю буквально следующее: “лишнего про царя не говорить, быть может, он опять будет царем”. Свидетель долго молчал, но его насильно вынудили повторить продиктованное. 2-й свидетель, церковный сторож Александр Петров подтвердил показания первого. Одна женщи-

на из толпы, слыша эту клевету, во всеуслышание заявила, что она же была тогда в церкви и слушала речь батюшки, который сказал, что царя сместили и теперь правит страной Временное правительство, что скоро будет суд (Учредительное собрание), который и решит, кто правит страной. Женщину эту стали страшить допросом в Казани, и она действительно струсила и стала просить не записывать ее показания, но я настоял на внесении этих показаний в протокол [2, л. 318 об.—319].

Важный нюанс вышеописанных событий: активными участниками выдворения одного священнослужителя были другие духовные отцы, причем именно они выступили самыми радикальными оппонентами. Так, одним из свидетельствующих «против» первого священника церкви с. Шумшеваши стал местный псаломщик Архангельский, который в своем кратком выступлении отметил, что «о. Лаврентьев сказал, что Временное правительство хотя и приняло власть, но оно ненадолго, а потому следует держаться старого режима». Открыто против собрата пошел и второй священник прихода о. Меценатов. Он «с сердцем стал жаловаться толпе, что от меня житья ему нет, что я не даю ему ни в чем воли, что запрещаю служить по-чувашски и говорить по-чувашски в проповедях». Такие слова от коллег по цеху дали о. Николаю повод утверждать, что «выступление о. Меценатова с обвинениями против меня» и «показания псаломщика Архангельского дают мне право считать их подстрекателями в этом деле». О настроениях собравшихся говорит признание самого обвиняемого: «Я пробовал опровергать эти показания, но злорадный хохот и слова: “Эх, отец, отец!” были ответом на мои возражения» [2, л. 319, 330]. Ситуационная динамика позволяет констатировать два принципиальных момента: во-первых, миряне уже были настроены негативно, во-вторых, налицо явный раскол внутри причта и церковной общины.

Это не единственный известный нам пример. Как «человек старого режима» в июле 1917 г. был изгнан из с. Байгычево Тетюшского уезда священник А.В. Рекеев — в числе инициаторов этого «отлучения» были вернувшийся домой кронштадтский матрос-большевик и несколько сельских «куштанов», но «главным виновником» был другой местный священник П. Степанов, позднее по решению благочиннического совета сам удаленный из прихода за противоправные действия [9; 10, с. 100—101]. Кстати, действующим священником на тот момент о. Алексей не был — распоряжением епархиального начальства он уволен за штат согласно собственному прошению от 10 ноября 1916 г. [7, с. 990]. Однако, даже находясь на покое, он, видимо, представлял угрозу для жаждавшего единоличной власти в приходе «батюшки».

Кстати, небезынтересно будет обратиться и к личности упомянутого священника Меценатова. Кто он? В заявлении о. Николая не сообщены какие-либо другие конкретные сведения биографического характера. Однако по другим источникам жизнь и деятельность данного духовного лица уже давно восстановлена. И его никак нельзя назвать заурядной личностью, хотя карьера его во многом типична для своего времени. Итак, Андрей Максимович Меценатов родился в 1882 г. в с. Чурачики Цивильского уезда Казанской губернии. В 1903 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, работал учителем в сельской школе. Участвовал в переводе на чувашский язык церковной литературы и классических произведений мировой литературы. Им в 1913 г. переведена в поэтической форме

на чувашский язык сказочная повесть Оскара Уайльда «Мальчик-звезда». Выбор не случаен: Оскар Уайльд — писатель, глубоко погруженный в христианскую среду, и в каждом его произведении можно найти соответствующие мотивы. Мораль сказки лежит на поверхности: не грехи — и все будет хорошо, а если уж согрешил — держи ответ. Тема вины и ее прощения в случае раскаяния — одна из центральных в библейском повествовании, и таковой она является в сказке О. Уайльда. Первые четыре строфы А. Меценатов добавил от себя. Собирал образцы устного народного творчества. В июне 1914 г. завершил обучение на Казанских миссионерских курсах и с июля того же года рукоположен в священники и определен к церкви с. Шумшеваши [5, л. 128]. Отправлял службу здесь до 1921 г., потом перешел на аналогичную должность в приход церкви в родном с. Чурачики и активно участвовал в церковно-политической жизни Чувашской автономии [6, с. 147, 152–154]. В 1926 г. отказался от сана [4, с. 221]. В 1928 г. умер на торфоразработках в г. Балахна Горьковской области [8, с. 280].

После такого отступления вернемся к находящейся в поле нашего зрения истории.

Объяснения о. Николая: «Все эти показания есть полная ложь и клевета: в Благовещение я прочитал народу манифест об отречении Николая II и брата его Михаила и, переведя тексты на чувашский язык, добавил, что настоящее правительство называется Временным и что скоро собравшееся из представителей всех сословий Учредительное собрание, которое и решит как править страной. О. Меценатова я ни в чем не притеснял и даже не считал его своим недоброжелателем до его выступления против меня», — никто не услышал. Вернее, на него просто не обратили никакого внимания, поскольку, науськиваемая о. Андреем Меценатовым «толпа потребовала от меня немедленной передачи ему, о. Меценатову, церковного ключа, печати, документов церковных, церковного вина и всю порожнюю посуду из-под вина. Все это я выдал беспрекословно, но насильники, не удовлетворившись этим, вошли в мой дом насильно всей гурьбой человек в 30 с обыском, подозревая меня в утайке кагора и пустой посуды. Не найдя искомого, толпа стала кричать “Эй, ребята, у попа мука есть, давайте отберем ее”. Только усиленная слезная просьба моей жены удержала разъяренную толпу от расхищения моего имущества» [2, л. 319–319 об.].

В документе, к которому мы обратились, есть настораживающая внимание фраза. Она не бросается в глаза, ретушируясь другими эмоционально изложенными фактами, но является одним из существенных элементов описываемых событий. В обыске принимал активное участие и местный милиционер, крестьянин с. Шумшеваши Антип Ермолаев. Более того, через час названный персонаж опять явился в дом священника и заявил, что «солдаты, произведшие обыск, требуют, чтобы я не смел отлучаться из дома впредь до особого распоряжения, что солдат Антип Васильев обещался явиться к рассвету к моим воротам на караул» [2, л. 319 об.]. Налицо уж очень сильная сплоченность части жителей против своего приходского пастыря. Представляется, что этот факт — следствие умело проводимого агитационного воздействия, когда «общество» было просто доведено инициаторами до нужной кондиции. И они спешили «решить» вопрос до того, как спадет накал страстей. Второе, что необходимо отметить: при относительно небольшом количестве смутьянов особого сопротивления прихожане им не оказали. «Воцерковленные» массы в целом индифферентно отнеслись и к обвине-

ниям в адрес о. Николая Лаврентьева, и к конфликту своих «батюшек». И это — одна из характерных черт приходской жизни того периода в регионе в целом.

На фоне таких событий — действительно движимый страхом («Боясь этой угрозы, я убежал из дома ночью через сад и сильно тревожусь за участь своей семьи в мое отсутствие») — священник Николай Лаврентьев обратился к Ядринскому уездному комиссару Временного правительства за защитой от дальнейших оскорблений и возможного насилия. Заодно он отправился в Казань «искать защиты и правосудия» у своего руководства, но «архиепископ и консистория ничего не могут предпринять против насильников и обещают только предоставить мне другой приход по желанию, но на это потребуется порядочно времени, а солдаты гонят меня из квартиры сейчас же». Видимо, не надеясь только на местное уездное начальство и не получив необходимой поддержки по духовному ведомству, он направил ходатайство и в адрес Казанского губернского комиссара Временного правительства. В целом этот документ повторяет изложение событий, дополняя их некоторыми подробностями. В частности, появляются фамилии и других организаторов гонений: Яков Парфеин и Федор Паймура, и откровенная просьба: «Прошу Совет выдать мне документ, гарантирующий мне безопасное проживание в церковной квартире впредь до прибытия моего заместителя в Шумшеваши» [2, л. 322–323].

Мы не можем знать, что предпринял бы уездный комиссар Временного правительства по собственной инициативе, — поскольку особого выбора, надо сказать, у него и не было: завертелось колесо, движущим рычагом которого стала канцелярия губернского комиссара. Именно оттуда пришел запрос: «какие им приняты меры по заявлению священника и разъяснению населению, что в церковные дела не должны самовольно вмешиваться ни волостные комитеты, ни крестьяне» [2, л. 320]. Ядринский уездный комиссар Временного правительства отреагировал оперативно. 20 мая он направил заявление Лаврентьева начальнику милиции 2-го участка Ядринского уезда «для принятия соответствующих мер», а со своей стороны переслал полученный протокол собрания прихожан с. Шумшеваш в Шуматовский волостной комитет общественной безопасности с уведомлением, что «самовольное вмешательство в распоряжения церковной жизни как волостных комитетов, так и других собраний недопустимо, так как таковые вмешательства вызывают среди верующих возмущение, а потому отстранение священника Николая Лаврентьева и переустройство церковной жизни является недопустимым и противозаконным впредь до разрешения по этому делу вопроса церковными властями по закону» [2, л. 317, 326].

Это внимание — по сути, начальственный окрик «сверху» с четкой директивой — несколько утихомирило буйные головы в приходе. Одно дело — власть покричать и безнаказанно продемонстрировать свою «силу», совсем другое — попасть под «статью». Завертевшиеся шестеренки бюрократического механизма резко изменили общественные настроения в приходе. Организаторы протестных выступлений против «старорежимного» батюшки ощутили возможность наказания их самих за уже совершенные действия, и накал страстей пошел на спад. Видимо, не желая дальнейшей эскалации событий, 9 июня 1917 г. о. Николай обратился к начальнику милиции Ядринского уезда с просьбой: «Прошу вас пока не предпринимать никаких мер воздействия по моему заявлению», «попробую уладить дело мирным путем» [2, л. 324]. Однако отчет «наверх» необходимо было предста-

вить, поэтому механизм дознания работал, и 30 июня того же года старший милиционер составил соответствующий протокол. Он в общих чертах повторяет уже рассмотренные нами заявления священника в адрес уездного и губернского комиссаров Временного правительства, приводя вместе с тем и отдельные новые факты. В частности, названо имя женщины, выступившей в защиту батюшки: «дер. Караклов Токтамыш Аликовской волости жена солдата Григория Алексева», а также имя еще одного свидетеля; крестьянина д. Исмендеровой Герасима Федорова [2, л. 327].

Судя по сохранившимся документам, по этому делу никто к какой-либо ответственности привлечен не был. Гражданские власти: и уездное, и губернское руководство — были, в принципе, удовлетворены: конфликт (по крайней мере — внешне) погашен, необходимая разъяснительная работа среди населения проведена, страсти улеглись, отчеты составлены. Дальнейшая эскалация и нагнетание ситуации никому не были нужны. В общем — порядок наведен, в деле поставлена точка. По линии же духовного ведомства вышестоящие инстанции оказались неспособными оказать действенную помощь конкретному священнику (и в его лице — читай: всем нижним своим чинам) в новых условиях. В последующем это явилось одной из причин общего кризиса вертикали церковного управления.

Подытоживая рассмотрение одного из эпизодов церковной (и шире — общественной) жизни на территории Чувашского края в период Временного правительства, можно констатировать следующие ключевые моменты. Во-первых, объявленные Временным правительством «свободы» на местах трактовались весьма расширительно и нередко служили основанием для сведения счетов с неудобными лицами путем обвинения последних в приверженности «старому режиму». Во-вторых, на поверхности оказываются и служат одним из движущих факторов эскалации событий внутрипричтовые конфликты, ранее удачно гасившиеся сильной церковной властью (как частью государственного аппарата) в лице епархиального (консисторского) управления и благочиннических советов, в новых условиях часто демонстрирующих свое полное бессилие. В-третьих, конкретный пример с. Шумшеваши Ядринского уезда наглядно демонстрирует эволюцию (и даже — революцию) в умонастроениях прихожан инородческих районов.

Список литературы и источников

1. Бабкин М.А. Русская православная церковь в начале XX века и ее отношение к свержению монархии в России: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. 51 с.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 527. Оп. 1. Д. 7.
3. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. 382 с.
4. Козлов Ф.Н. Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е годы. Чебоксары, 2014. 239 с.
5. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 577.
6. Обновленчество в Чувашии: история церковного раскола по документам Государственного исторического архива Чувашской Республики: сб. документов и материалов / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары, 2016. 476 с.
7. Распоряжения епархиального начальства // Известия по Казанской епархии. 1916. 15–22 ноября.
8. Революционерни чăваш литератури. Куçарусемпе вырăсла сырнисем. Текстсем. II том. 2-мĕш кĕнеке. Шупашкар, 2001. 527 с.
9. Священник против священника. Письмо Рекеева А.В. Филимонову Д.Ф. // Советская Чувашия. 1996. 31 июля.

10. Тенюшев И.Я. Свет яркой звезды. Чебоксары, 2008. 214 с.

11. Туган-Барановский М. Смысл русской революции // Биржевые ведомости. 1917. 10 марта.

F.N. Kozlov

**«ACCUSING ME OF ADHERING TO THE OLD REGIME...»:
EPISODE FROM RELIGIOUS LIFE
CHUVASH REGION IN 1917**

Annotation. The article discusses the changes in parish life that occurred at the regional level during the Provisional Government. The focus is on a private episode in s. Shumshevashi of the Yadrinsky district of the Kazan province, characteristic at the same time for many other national parishes and thus being a definite blind person with a common vector of development of events. On the basis of archival documents, the relationship between the parish priest and the flock is analyzed, the role of soldiers returning from the front in provoking a conflict is shown, the interpersonal relations of the local clergy are described.

Keywords: Yadrinsky district, p. Shumshevashi, D.S. Elmen, priest Nikolai Lavrentiev, priest Andrei Metsenatov, February Revolution of 1917, expulsion from the parish.

И.Г. Петров

ЧУВАШСКАЯ ГАЗЕТА «ХЁРЛЁ УРАЛ» (КРАСНЫЙ УРАЛ) В АВТОНОМНОМ БАШКОРТОСТАНЕ В 1920–1921 ГОДЫ

Аннотация: В статье на основе опубликованных источников и архивных документов повествуется о газете «Красный Урал», которая в 1920–1921 гг. на чувашском языке издавалась в г. Уфе. Она являлась печатным органом чувашского подотдела отдела по делам национальностей Уфимского губисполкома и чувашской секции Уфимского губкома РКП(б). Издаваясь тиражом до 3 тыс. экз., она распространялась среди чувашей Поволжья, Урала и Сибири.

Ключевые слова: средства массовой информации, газеты, Урало-Поволжье, Сибирь, чувашки.

В обыденном сознании до сих пор бытует мнение, что первые газеты на чувашском языке на территории Республики Башкортостан появились лишь в 30-е гг. XX столетия, когда в республике в качестве основной территориальной единицы были созданы районы, а вслед за ними появились и районные газеты. Однако это не так. Имеющиеся источники и архивные документы свидетельствуют, что предшественницей нынешних трех газет, издающихся в Республике Башкортостан на чувашском языке (одной республиканской и двух районных), была газета «Хёрлё Урал» (Красный Урал).

Так как газета являлась печатным органом чувашской секции Уфимского губкома РКП(б) и чувашского подотдела отдела по делам национальностей Уфимского губисполкома Советов, своей историей она тесно связана с указанными организациями. После Октябрьской революции 1917 г. национальные секции создавались при партийных комитетах губерний, республик, областей, где проживали национальные меньшинства. Они осуществляли массовую политическую, агитационную и культурно-просветительскую работу: на местах создавали местные ячейки коммунистов, проводили среди населения агитационно-пропагандистские мероприятия, распространяли газеты и журналы на родном языке, открывали библиотеки, избы-читальни, содействовали ликвидации неграмотности и т.д. [10, с. 313]. Первоначально секции входили в состав губернских комитетов РКП(б) и непосредственно подчинялись им, а позже были включены в состав агитационно-пропагандистских отделов при губкомах и обкомах партии. Национальные секции существовали и в Башкирии, сначала в Уфимской губернии, а после ее упразднения – в Башкирской АССР. Первоначально они функционировали при Уфимском губкоме, а потом при Башкирском обкоме коммунистической партии. Чувашская секция при Уфимском губкоме РКП(б) в качестве самостоятельной структуры сформировалась не сразу. Определенный период времени она функционировала в составе объединенной чувашско-марийской секции. Последняя образовалась 12 сентября 1919 г., а 13 сентября того же года она была утверждена президиумом Уфимского губкома РКП(б) [4, л. 2]. В марте

1920 г. чувашско-марийская секция была преобразована в отдельные чувашскую и мари-вотскую коллегии. Вначале объединенную секцию, а затем чувашскую коллегию (секцию) возглавил видный партийный работник, общественный деятель и журналист Клавдий Федотович Тарасов-Ухик (1892–1942). Вскоре он же был назначен заведующим подотделом национальных меньшинств при губернском отделе народного образования, а затем — заведующим чувашским подотделом отдела национальностей Уфимского губисполкома. С 3 февраля 1920 г. отдельная чувашская секция стала функционировать и при Уфимском губкоме РКП(б) [5, л. 1–1 об.]. В 20–30-е гг. XX в. в Уфимской губернии, а затем в Башкирской АССР при губкоме и обкоме партии наряду с чувашской секцией действовали татаро-башкирская, мари-вотская (марийско-удмуртская), мордовская, белорусская, латышская, эстонская, немецкая, еврейская и польская секции. Указанные секции тесно взаимодействовали с национальными подотделами, созданными при отделе национальностей Уфимского губернского исполкома. К сожалению, история и деятельность национальных секций и национальных подотделов на сегодняшний день изучены недостаточно подробно. Более или менее эти вопросы освещены применительно к истории национальных секций марийцев, мордвы, удмуртов и эстонцев в исследованиях Р.Р. Садикова [11–13]. В 1923 г. в связи с расширением границ Башкирской автономии и упразднением Уфимской губернии решением Оргбюро ЦК РКП(б) Башкирский обком и Уфимский губком были объединены в Башобком. Все национальные секции стали подотчетными подотделу нацменьшинств при агитационно-пропагандистском отделе Башобкома. В начале 1930 г. национальные секции при Башобкоме ВКП(б) были упразднены в связи с тем, что «работой среди национальных меньшинств должны заниматься все отделы ЦК и местные парторганы (каждый по своей линии)» [12, с. 107].

В 20-е гг. советская власть делала только первые шаги и отчаянно нуждалась в поддержке населения, в особенности со стороны крестьян. Поэтому, чтобы настроить и повернуть население в пользу новой власти, партийными органами было принято решение об использовании силы печатного слова, в частности, через газетные издания. По мнению партийных органов Уфимской губернии, в такой целенаправленной работе особенно нуждалось чувашское население. Так как в подавляющем большинстве чуваша в то время не владели русским языком или владели им плохо, было принято решение о создании для них особой губернской газеты на чувашском языке. В духе революционного времени ей было дано название «Хёрлё Урал» (Красный Урал).

Немаловажное значение в создании газеты сыграло также и то, что К.Ф. Тарасов-Ухик (ее организатор и первый редактор) до направления в Уфу для работы с чувашским населением был непосредственно занят издательской деятельностью. В 1919–1920-е гг. он работал в редакции газеты «Чухансен сасси» (Голос бедноты) — красноармейской газете, органе чувашского подотдела политотдела 5-й армии Восточного фронта. Газета выходила на чувашском языке два раза в неделю с 26 сентября 1918 г. по 8 августа 1919 г. тиражом 10 тыс. экз. и была призвана поддерживать боевой дух чувашских солдат-красноармейцев [2, с. 40]. Так как газета считалась фронтовой, ее редакция постоянно перемещалась вместе с фронтом и поэтому печаталась в разных городах. С сентября 1918 г. она издавалась в Казани, с 25 января 1919 г. — в Уфе, с марта — в городах Бугуруслан и Сызрань, с мая 1919 г. — в Симбирске [1, с. 601].

Первоначально вопрос о создании газеты «Хёрлэ Урал» рассматривался на заседании президиума чувашско-марийской секции Уфимского губкома РКП(б), которое состоялось 2 февраля 1920 г. На ней было принято решение, что «ввиду открытия в г. Уфе редакции газеты «Красный Урал» редактором названной газеты назначить тов. К.Ф. Тарасова» [6, л. 6–6 об.]. Окончательное решение о создании газеты было принято на I Уфимской губернской чувашско-мари-вотской партийной конференции, которая состоялась 2 марта 1920 г. В постановляющей части протокола заседания конференции относительно газеты были вынесены два важных решения: 1. «Для поднятия классового самосознания среди чуваш на территории Уфимской губернии необходимо приступить к немедленной организации редакции по изданию чувашской политически-литературной газеты “Хёрлэ Урал” (Красный Урал)»; 2. «Организовать по губернии густую сеть корреспондентов, мобилизуя для этого культурных работников чуваш» [7, л. 33 об.]. Однако до выхода газеты в свет прошло более одного месяца. Это было связано с объективными трудностями: необходимо было решить вопрос с финансированием, подобрать в редакцию грамотных и подготовленных людей, договориться об издании газеты с городской типографией, найти необходимое количество чувашских шрифтов, подобрать и обучить печатному делу наборщиков, создать сеть местных корреспондентов и т.д. Тем не менее, благодаря кипучей деятельности К.Ф. Тарасова, все организационные трудности были преодолены и 15 апреля 1920 г. в Уфе вышел первый номер газеты [3, с. 109; 8, л. 54]. Она выходила два-три раза в неделю. В начальный период издавалась тиражом 800 экз., а накануне закрытия (декабрь 1921 г.) – 3000 экз. в формате одной четверти, половины, а потом – одного печатного листа. По имеющимся архивным документам, с апреля 1920 по декабрь 1921 г. всего был выпущен 141 номер газеты. Из них в 1920 г. издано 65 номеров, в 1921 г. – 76 [8, л. 54].

Печатное издание в основном распространялось среди чувашского населения Поволжья, Урала и Сибири. В одном из документов сообщается, что газета распространяется «в Башреспублике, Татарреспублике (в Мензелинском уезде), а также в Самарской, Саратовской, Омской, Томской губ., в г. Иркутск (для красноармейцев-чуваш), г. Ижевск и т.д.» [9, л. 5]. Часть тиража высылалась бесплатно избам-читальням в чувашские села Башкирии, а также в воинские части уфимских гарнизонов для солдат-красноармейцев чувашской национальности [3, с. 109]. Небольшая часть тиража газеты (50 экз.) расклеивалась по «читальням-летучкам» в различных районах г. Уфы [5, л. 117–117 об.]. Как было отмечено выше, у истоков создания газеты стоял К.Ф. Тарасов-Ухик. После его отъезда в Москву в распоряжение Чувашского отдела Наркомнаца (апрель 1921 г.) обязанности главного редактора газеты стал исполнять его ближайший соратник и коллега по работе в газете «Чухансен сасси» Семенов Трофим Семенович (Газюк) [6, л. 25–25 об.].

Поскольку газета «Красный Урал» создавалась «для поднятия классового самосознания чуваш», основную долю ее содержания составляли политико-идеологические, пропагандистские и агитационные материалы, разъясняющие политику партии большевиков и органов советской власти. Кроме этого, публиковались различные декреты Советского государства, постановления Совнаркома, инструкции для местных ячеек коммунистов. Немало места отводилось статьям и заметкам о событиях в мире и стране, о положении на фронте, о борьбе с

голодом, холерой, тифом. Публиковались также научно-популярные статьи, направленные на улучшение сельского хозяйства, гигиены, народного образования. Так, в 1921 г. для организации действенной борьбы с эпидемиологическими болезнями в газете из номера в номер печатался большой материал Г.И. Комиссарова «Ерекен чирсем» (Заразные болезни). Впоследствии для распространения среди населения она была напечатана в виде брошюры тиражом 5000 экз.

На второй странице газеты публиковались в основном материалы местных авторов и корреспондентов: статьи, заметки, письма, фельетоны, а также прозаические и стихотворные произведения, например, Тарасова-Ухика, Гурия Вандера, Т. Гурьева, Н. Федорова. Некоторые авторы свои стихи предпочитали печатать под псевдонимами: *Пърчйкан*, *Урал Саишукё* и др. Кроме этого, на страницах газеты периодически выпускались «*Ѕамрăксен странитси*» (Странички молодежи) и «*Хёрарăмсен странитси*» (Странички женщин). Другими традиционными из номера в номер повторяющимися тематическими рубриками газеты были «*Парти пурнăçё*» (Партийная жизнь), «*Тёнчери революци*» (Мировая революция), «*Хёрлэ хронт*» (Красный фронт), «*Шуррисем хушшинче*» (Среди белых), «*Ют хыпарсем*» (Зарубежные известия), «*Юлашки хыпарсем*» (Последние известия), «*Канаш Раçсейё*» (Советская Россия), «*Чăвашсем хушшинче*» (Среди чувашей), «*Ѕамрăксем хушшинче*» (Среди молодежи), «*Халăха çутта кăларас ёç*» (Дело просвещения), «*Сывлăха хўтёлес ёç*» (Дело здравоохранения), «*Выçлăхпа кёрешес ёç*» (Дело борьбы с голодом), «*Йал хусайстви*» (Сельское хозяйство), «*Литтератур пайё*» (Литературная часть), «*Телекрамсем*» (Телеграммы), «*Пёлтерни*» (Объявления) и др.

Ввиду того, что газета печаталась в Башкирии и связь с удаленными корреспондентами, проживавшими за ее пределами, была непостоянной и затруднительной, на ее страницах в основном печатались местные известия и материалы местных корреспондентов. Постоянными авторами газеты были К.Ф. Тарасов-Ухик, Т.С. Семенов, А.И. Нухрат, Г.И. Комиссаров (Вандер), С.В. Сухарев (Ухливан), Петр Николаев, Никифор Антонов, Федор Максимов, Иван Матвеев и другие партийные, советские работники и активисты чувашской общественности. Время от времени связь с газетой поддерживали местные корреспонденты, приславшие свои материалы из городов и сельских мест Поволжья, Урала и Сибири.

Несмотря на то, что газета имела статус губернского печатного издания и всячески поддерживалась чувашской секцией губкома и самим губкомом, она переживала очень большие трудности. Прежде всего, это недостаточное количество сотрудников в редакции и их перегруженность, параллельное исполнение сотрудниками других обязанностей, недостаточное обеспечение их продовольствием, проблемы со снабжением печатной бумагой, недостаток и изношенность шрифтов. Так, в 1921 г. П. Николаев, исполнявший обязанности председателя чувашской коллегии Уфимского губкома, в своей докладной записке информировал об отчаянном продовольственном положении сотрудников газеты. В частности, он писал: «Сотрудники названной газеты почти все из уездов, никакую материальную поддержку из деревень не получают, а работают неустанно целыми днями на пайке 5 фунтов хлеба. Если превратить это в муку, то самое большое количество получится 7–8 фунтов хлеба. Кроме этого, всем известно, никакой приправы не выдается. Если эти 7–8 фунтов хлеба разложить по одной четверти фунта на день,

то действительно хватит на месяц. Но можно ли на одной четверти фунта хлеба и кружке воды вести столь важную политическую и письменную агитацию? Нет, это невозможно...» [5, л. 110–110 об.]. Из-за текучести кадров и неаккуратного снабжения бумагой часто возникали ситуации, когда выпуск некоторых номеров газеты задерживался или срывался. Нередко газету приходилось готовить и выпускать одному человеку – переводчику и активному сотруднику редакции И.А. Матвееву, потому что остальные работники редакции были в отъезде или заняты другими неотложными делами [5, л. 21–21 об.].

Но самое худшее ожидало газету впереди. С 1 января 1922 г. печатное издание перевели на самофинансирование, после чего выпуск газеты «Хёрлэ Урал» приостановился [5, л. 34]. Хотя руководством чувашской секции и активом чувашской общественности г. Уфы предпринимались активные действия по возобновлению издания газеты путем обращений в различные инстанции, например, в коллегию Чувашского представительства Наркомнаца в г. Москву, в Уфимский губком РКП(б) и т.д., судьба газеты была предрешена. Таким образом, отсутствие необходимых средств на издание газеты после перевода ее на хозрасчет не позволило восстановить издание газеты. Вероятно, такой исход стал возможен и потому, что партийное руководство в Башкирии дальнейшую поддержку и содержание чувашской газеты посчитало не только затратным, но и бесперспективным.

Так завершилась короткая, но яркая история газеты «Хёрлэ Урал», успевшей завоевать любовь и авторитет среди нескольких тысяч подписчиков достаточного обширного региона, охватывавшего Поволжье, Урал и Сибирь. Но, несмотря на это, газета «Хёрлэ Урал» за свою полуторогодовую историю сделала чрезвычайно много полезного.

Во-первых, она способствовала этнической консолидации и возрождению самосознания чувашей за пределами исторической родины, обеспечивая их самой актуальной и разнородной информацией на родном чувашском языке. Газета периодически информировала читателей о жизни в стране, международном положении, победах Красной Армии на фронтах Гражданской войны, борьбе с неграмотностью, голодом и эпидемиями, достижениях социалистического переустройства жизни, политике Советского государства и т.д.

Во-вторых, газета выполняла гигантскую просветительскую функцию. Почти в каждом номере газеты печатались материалы, призывающие к повышению грамотности населения, личной гигиены, культуры и быта. Кроме этого, она давала рекомендации по различным вопросам земледелия, консультации по медицине и пропаганде здорового образа жизни.

В-третьих, газета разбудила у читательской аудитории скрытый и нереализованный творческий потенциал. У печатного издания появились не только постоянные подписчики, но и свой круг корреспондентов, который охотно делился с ним своими заметками и статьями, а также размышлениями и суждениями по поводу прочитанного и происходящего в стране и мире. И, конечно, газета на своих страницах охотно публиковала работы, включая не только очерки, статьи, заметки, но и прозаические и стихотворные произведения. В связи с этим необходимо отметить, что в 1921 г. редакцией газеты и активом чувашской общественности г. Уфы на одном из заседаний серьезно обсуждался вопрос о начале издания периодического журнала «Сурхи чечек» (Весенний цветок), а также спе-

циального журнала-альманаха на чувашском языке. Если бы газета печаталась и дальше, она бы имела все возможности для того, чтобы превратиться в один из ведущих печатных органов на чувашском языке в восточной части Российской Федерации.

Несмотря на то, что газета «Хёрлэ Урал» просуществовала недолго, изучение ее деятельности нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. Прежде всего, данная тема представляет интерес с точки зрения получения более полного представления об истории становления чувашской национальной печати не только на территории Чувашии, но и за ее пределами. Целесообразно также провести контент-анализ имеющихся номеров печатного издания, чтобы выяснить какие рубрики в газете были популярными, какие темы освещались, как поддерживалась связь с корреспондентами, какова была география поступающих в редакцию корреспонденций и т.д. Следовательно, затронутая проблема достаточно актуальная и нуждается в участии новых исследователей.

Список литературы и источников

1. Арланова Е.В. Чухансен сасси (Голос бедноты) // Чувашская энциклопедия. Т. 4: С–Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 795 с.
2. Вакку Г.В. Газетная периодика накануне образования Чувашской автономной области // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 3(79). С. 36–41.
3. Кондратьев А.А. Жизнь, отданная за счастье людей (о К.Ф. Тарасове-Ухике) // Сердцу близкие имена: краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа: Изд-во УГНТУ, 1996. С. 106–111.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 76.
5. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 488.
6. НА РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 266.
7. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 487.
8. НА РБ. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 135.
9. НА РБ. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 198.
10. Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1973. 728 с.
11. Садиков Р.Р. Из истории создания и деятельности «финно-угорских» национальных секций Уфимского губкома и Башкирского обкома РКП(б) (1919–1930 гг.) // Финно-угроведение. 2015. № 1. С. 94–98.
12. Садиков Р.Р. Восточные маришцы: становление и развитие национально-культурного движения // Этнокультурные процессы на Южном Урале в XX– начале XXI в. СПб., 2015. С. 95–111.
13. Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан: история, культура, демография. Уфа: Первая типография, 2016. 276 с.

I.G. Petrov

CHUVASH NEWSPAPER «CHARLE URAL» (RED URAL) IN THE AUTONOMOUS BASHKORTOSTAN REPUBLIC IN THE YEARS 1920–1921

Annotation. The article is based on published sources and archival documents about newspaper «Red Ural», which in 1920–1921 years was published on chuvash language in Ufa. It was the press organ of the Chuvash sub-department of the Department of nationalities of the Ufa provincial executive committee and the Chuvash section of the Ufa provincial committee of the Russian Communist party of the bolsheviks. Publishing in a circulation of up to 3 thousand copies, it was distributed among the chuvashes of the Volga region, the Urals and Siberia.

Keywords: mass media, newspapers, Ural-Volga region, Siberia, chuvashes.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧУВАШЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1917–1920-Е ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена событиям, происходившим в Казанской губернии и Татарской республике в 1917–1920-х гг. Опираясь на архивные источники и средства массовой информации первой половины XX в., автор проследил общественно-политическую деятельность чувашей на территории Татарстана в изучаемый период. Эти процессы показаны на широком фоне социальных и общественных взаимоотношений, без чего было бы невозможно понять условия жизнедеятельности местного православного населения в Татарской республике.

Ключевые слова: Татарская республика, общественно-политическая деятельность, чувашаи, Н.В. Никольский.

Перемены, которые происходили в общественно-политической деятельности православных нерусских народов Среднего Поволжья в 1917 г. во многом схожи с теми изменениями, которые наблюдаются и в нынешней социальной, культурной, общественно-политической сферах их существования. События революционного периода дали небывалый толчок консолидации и общественному движению местных православных народов: чуваш, марийцев, удмуртов, мордвы, кряшен на территории Казанской губернии.

В начале XX в. чувашаи населяли в основном северо-западную часть Казанской губернии, составляя в некоторых местностях почти сплошную массу населения. Так, в Ядринском уезде насчитывалось 90,9 % чувашей, в Цивильском – 80 %; меньшее количество их было в Чебоксарском (66,6 %) и Козмодемьянском (47,3 %) уездах; сравнительно меньше чувашей проживало в южной части губернии: в уездах Чистопольском (16,2 %), Тетюшском и Спасском (7,2 %) и совсем маленький процент их был в Свияжском уезде (1,5 %). Чувашаи занимали третье место по численности после русских и татар и составляли 23,1 %. В основном чувашское население Казанской губернии являлось православным (98,7 %), язычников официально насчитывалось всего 1,3 % [22, с. 5–8].

Первая чувашская газета «Хыпар», основателем и первым редактором которой являлся чувашский историк, профессор Казанского университета и Восточного педагогического института Николай Васильевич Никольский (1878–1961), увидела свет еще 21 января 1906 г. в Казанской губернии. С февраля 1918 г. ее переименовываю в «Канаш» (Совет), затем – в «Чăваш коммунё» (Чувашская коммуна), «Коммунизм ялавё» (Знамя коммунизма). На базе «Хыпара» стала расти и усиливаться газетная литература [19]. Наряду с этим, после революции 1917 г. в г. Казани увидели свет сразу несколько чувашских средств массовой информации, это «Сёр ёслекен» (Земледелец, 1919), «Хёрлё ялав» (Красное знамя, 1919), журналы «Ана» (Нива, 1918), «Шурăмпус» (Заря, 1919) [15, с. 186].

Одновременно с первыми средствами массовой информации у местных народов в Казанской губернии стали выходить брошюры, книги, листовки политического характера, социально-экономического и научно-популярного содержания [27, с. 6–12]. В 1918 г. было образовано Казанское отделение Центрального агентства ВЦИК по распределению и распространению произведений печати (Центропечать). В апреле 1920 г. оно было преобразовано в Казанское отделение Государственного издательства РСФСР, а в 1921 г. – в Государственное издательство ТАССР (Татгосиздат) с подчинением Народному комиссариату по просвещению (Наркомпрос) ТАССР [3, л. без №]. В его ведении, по одним сведениям, до организации собственных издательств находились издание чувашской печати, издательства Марийской автономной и Пермской областей, а также Прикамского края. Так, с 1 мая по 25 августа 1920 г. через Татгосиздат было напечатано для Чувашского отдела при Наркомнаце 11 книг средним тиражом по 5000 экз. По другим источникам известно, что в пределах ТАССР существовали издательства Наркомнаца – чувашское, вотское, марийское, самостоятельные от Татгосиздата. Несмотря на это, они для своих заказов обращались в Татгосиздат и через него печатали свою литературу. Распространение книжной продукции было поручено подотделу тюркской книги книжного отдела Татгосиздата. Так, через него за один год, с 1 июня 1920 г. по 1 июня 1921 г. было отправлено в Чувашию 15 418 экз. книг [8, с. 3–32]. Цена книг колебалась от 3 коп. за брошюры до 1 руб. 10 коп. за учебник [9].

22 марта 1917 г. в Казанской губернии было создано Общество мелких народностей Поволжья. Под мелкими народностями подразумевались: «чувашаи, черемисы, вотяки, мордва, пермяки, зыряне, старокрещенные татары, мешчеряки, нагайбаки, калмыки» [29, с. 1]. Одним из главных его инициаторов выступил видный общественный деятель Н.В. Никольский, избранный председателем правления общества [10, с. 167]. В организационном собрании участвовали 150 чувашей, 43 марийца, 26 кряшен, 7 удмуртов, 2 представителя мордвы (мокша), по одному калмыку, башкиру, латышу, эстонцу, финну, якуту [28].

Своей целью общество ставило: «а) изучение народностей Поволжья в их настоящем и прошлом; б) просвещение мелких народностей на основании новой гражданской жизни, исходя из национальных особенностей каждого племени» [29, с. 2]. В августе 1917 г. Общество было переименовано в Союз мелких народностей Поволжья и просуществовало до конца июля 1918 г. В составе организации были созданы секции: чувашская (193 чел.), черемисская (47 чел.), мордовская (2 чел.), кряшенская (27 чел.) [29, с. 6]. Общество устраивало съезды немусульманских народов Среднего Поволжья и Приуралья, проходившие в г. Казани.

На первом съезде, состоявшемся 17–22 мая 1917 г. в г. Казани, присутствовало свыше 500 чел.: чувашаи, марийцы, удмурты, калмыки, кряшены, мордва (эрзя и мокша), а также коми и пермяки. Ими были созданы комиссии: издательская, школьная, церковная, о местном самоуправлении; а также национальные секции: чувашская, черемисская, крещеных татар, вотская и мордовская [10, с. 168–172]. По словам исследователя Н.П. Павлова, «съезд сыграл большую роль в подъеме национального самосознания мелких народностей Поволжья, осознания того, что они могут и должны быть наравне с русским народом» [21, с. 29].

II съезд проходил с 1 по 4 августа 1917 г. и завершил свою работу принятием воззвания к «Свободным гражданам Великого Отечества – братьям чувашаи»

шам, мари, эрзе, мокше, вотякам, зырянам, пермякам и др.», в котором призвал к совместным действиям для сохранения и развития национальной самобытности; избрал от Союза мелких народностей Поволжья делегатом на Всероссийское государственное совещание одного из лидеров чувашских эсеров и национального движения Гавриила Федоровича Алюнова (Алюн Кевёрли) (1876–1921) [10, с. 201–203].

III съезд проходил 14 июня 1918 г., где его участники обсудили наболевшие вопросы: ставший главным на съезде – о проекте образования Татаро-Башкирской советской республики – не был поддержан его делегатами [10, с. 242–245].

С возникновением национальных обществ каждой народности сфера деятельности Союза мелких народностей Поволжья ограничилась мерами в области просвещения и издательской деятельности [5, с. 70]. В 1918 г. в г. Казани зародился Чувашский советский передвижной театр (ныне Чувашский драматический театр им. К.В. Иванова), театральную труппу которого сформировал актер, театральный режиссер, драматург, переводчик Иоаким Степанович Максимов-Кошкинский (1893–1975). Им был поставлен первый спектакль «Не так живи, как хочется» на чувашском языке. В 1920 г. театр переехал в г. Чебоксары.

С 23 по 29 мая 1918 г. в г. Казани прошел съезд чувашских учителей, в работе которого были созданы Общечувашский учительский союз во главе с А.С. Блиновым и Союз женщин-чувашек во главе с А.Г. Гавриловой. Делегатами в составе 200 чел. из Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерний были рассмотрены вопросы о программе обучения в чувашской начальной школе, преподавании чувашского языка, руководстве народным образованием, развитии чувашской культуры и т.д. [10, с. 239].

7 июня 1918 г. начал свою работу II Всероссийский съезд марийцев (присутствовало 90 чел.), на пятом заседании к его работе присоединились представители других народов: 61 чуваш, 4 удмурта, эстонец и 8 кряшен. На съезде прозвучали предложения об образовании Татаро-Башкирской республики, но большинство участников высказалось отрицательно, в результате была принята резолюция, в которой говорилось: «Во-первых, отказаться от участия в попытках к созданию Татаро-Башкирской республики; во-вторых, исключить возможность расчленения малочисленных народов, которые должны принадлежать к одной автономной области» [32, л. 112; 2, с. 17–18]. В те же дни, а именно с 9 по 15 июня 1918 г., в г. Казани проходил Общечувашский рабоче-крестьянский съезд, где 98 представителей различных политических течений выступили против включения чувашей в Татаро-Башкирскую республику, также выразив неготовность чувашей к созданию собственной политической автономии, придерживаясь лозунга культурно-национальной автономии [10, с. 245].

К лету 1918 г. при поддержке восставшего Чехословацкого корпуса на территории Поволжья и Сибири образовалось несколько эсеровских и проэсеровских правительств, начавших вооруженную борьбу против власти большевиков. К утру 7 августа 1918 г. Казань заняли части Чехословацкого корпуса и Народной армии Комуча [17]. В Поволжье была объявлена всеобщая мобилизация в Народную армию всех мужчин 1895–1899 гг. рождения [20]. Однако уже через месяц, 8 сентября, Казань была освобождена. Город покинули и многие его жители, не принявшие советскую власть [7, с. 39].

После образования Башкирской АССР в марте 1919 г. вопрос о создании отдельных автономий встал и перед национальными деятелями других народов. По словам исследователя Э.Т. Галлямова, народы края высказали свою жесткую позицию по поводу объединения с татарами и башкирами. Пока лидеры татар и башкир думали о совместной или раздельной автономии, православные народы заявили о своем нежелании быть вместе с татарами и башкирами и задумались о собственных автономиях [2, с. 16–17].

В 1920-е гг. в Татарской АССР для работы среди национальных меньшинств при Президиуме ЦИК республики был создан соответствующий отдел, а при Татарской областной организации РКП(б) – национальные секции. Наряду с проведением организационной и идеологической деятельности, секции вели культурно-просветительскую работу. Так, чувашская и крышанская секции организовали клубы для соответствующей работы [18, с. 73–74].

22 июня 1919 г. в Казани состоялось собрание представителей Союза мелких народностей Поволжья, где среди прочего, был выдвинут вопрос о создании Центральной восточной музыкальной школы [4, с. 361], которая начала функционировать в октябре того же года. В 1921 г. она была переименована в Восточную консерваторию, которую возглавил Н.И. Никольский [28, с. 123].

Процесс создания Татарской республики, решение об организации которой было принято Политбюро ЦК РКП(б) в январе 1920 г., совпал с антиправительственным выступлением крестьян – «Вилочный» мятеж, вызванный недовольством политикой «военного коммунизма». Началось восстание 4 февраля 1920 г. в с. Новая Елань Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Заинский район Республики Татарстан). Волнения охватили 22 волости в Бугульминском уезде, 12 – в Чистопольском, 25 – в Мензелинском; Закамье – Белебеевский, Уфимский и Бирский уезды. Необходимо отметить, что в Чистопольском уезде (кантоне ТАССР, ныне Аксубаевском районе Республики Татарстан) в тот период была сосредоточена максимальная доля чувашского населения Татарской республики [26]. Однако в марте 1920 г. восстание подавили силами регулярных частей Красной Армии, уничтожая при этом целые деревни. У крестьян отняли весь годовой запас зерна (в том числе на посадку) и искусственно, по оценкам специалистов, спровоцировали страшный голод 1921–1922 гг. [25, с. 446].

В этот непростой для советской власти период учредили автономные образования. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 27 мая 1920 г. была провозглашена, а 25 июня того же года образована Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика (АТССР). Вслед за ней декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. была образована Чувашская автономная область (ЧАО) с центром в г. Чебоксары, в которую были включены несколько уездов бывшей Казанской и Симбирской губерний с чувашским населением, а некоторые территории с чувашским коренным населением вошли в Татарскую АССР и Ульяновскую область. 21 апреля 1925 г. ЧАО была преобразована в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ЧАССР).

В 1922 г. правительство Татарской республики взяло курс на реализацию татарского языка, затрагивающий все народы республики. Главнейшими задачами этой политики считались: подготовка новых кадров татар во всех областях советского строительства, владение татарским языком работниками учреждений, прием в учебные заведения абитуриентов преимущественно из татарской моло-

дежи и т.д. Для достижения поставленных целей в первую очередь нужно было улучшить положение с татарским языком среди учителей [13]. В Казани начали открываться языковые курсы для всех национальностей, проживающих в Татарской республике [11; 12; 13]. Политика коренизации аппарата управления и реализации национального языка проводилась и в Чувашской автономии.

15 июля 1923 г. областная партийная школа II ступени в г. Казани выпустила около 200 курсантов. Среди выпускников были чуваша, татары, русские, марийцы и кряшены. За 10 месяцев обучения курсанты прослушали цикл общественных наук, изучали естествознание, математику, русский и татарский языки. Выпускникам предстояло начать работу «в разных областях советского строительства» [6].

В июле 1924 г. состоялся пленум Татарского областного комитета РКП(б), где был заслушан доклад Н.С. Соловьева, посвященный национальным меньшинствам республики. Выступление затрагивало условия работы среди них по направлениям: среди членов и кандидатов в члены РКП(б), беспартийных, сельскохозяйственная и кооперативная пропаганда среди молодежи, антирелигиозная пропаганда, деятельность политико-просветительных учреждений, кадровая работа и т.д. [16, с. 45]. В первой половине 1920-х гг., согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., чувашей в Татарской республике проживало 127 330 чел. (60 370 муж., 66 960 жен.), из них сельское население составляло 125 823 чел. (59 377 муж., 66 446 жен.), городских было 1507 чел. (993 муж., 514 жен.) [1, т. 9–11, 14–17].

Одним из основных вопросов национальной политики в первые десятилетия советской власти в Татарской республике являлся «кряшенский вопрос», научной разработкой которого занимались видные ученые, в том числе историк, этнограф, фольклорист, лексикограф Н.В. Никольский [30, с. 103–104]. Так, в начале 1920-х гг. он был привлечен к изданию «История кряшен» [31], однако труд его так и не был опубликован. Заведующий издательством Павлов докладывал, что «отделом печати аннулированы заказы на печатание 3 пьесок, 2 политических брошюр и “Истории кряшен” профессора Никольского» [23]. Помимо этого, ученый, являвшийся в 1930-е гг. внештатным сотрудником Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан) являлся автором следующих трудов по истории народностей Поволжья: «Родной язык как орудие просвещения инородцев», «Несколько пояснений и дополнений к книге “Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама”», «Статистические сведения о крещеных татарах», «Народная медицина у инородцев Поволжья», «Конспект по истории народностей Поволжья: с древнейших времен до 1917 г.», «Сборник исторических материалов о народностях Поволжья», «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья», «Словарь по музыкальной этнографии», «Этнография народностей Востока» и многих др. [24]. Данные труды были изданы в г. Казани в период с 1904 по 1920-е гг. Знаменитый ученый и видный общественный деятель Н.В. Никольский в целом не одобрял большевистской политики, но открыто не выступал против нее. До конца жизни он не скрывал своей религиозности, игнорировал марксистскую идеологию, чем и были обусловлены репрессии и перерывы в его научной деятельности.

Таким образом, роль г. Казани и Татарской республики в формировании чувашской интеллигенции, профессиональных кадров и учреждений культуры и образования, средств массовой информации и издательской деятельности, а также становлении кадров и органов управления была значительной. На сегодняшний день на территории Татарстана в соседстве с русскими, татарами и другими национальностями мирно проживают, по данным переписи 2010 г., более 116 тыс. чувашей (8,1 % от численности народа в целом по России). Чувашаи составляют значительную часть населения Аксубаевского района республики – 44,0 %, Дрожжановского – 41,1 %, Нурлатского – 25,3 %, Черемшанского – 22,8 %, Тетюшского – 20,9 %, Буинского – 19,9 % и Алькеевского – 19,2 %.

Список источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 9–11, 14–17. Таблица VI. Население по полу, народности.
2. *Галлямов Э.Т.* Межнациональные отношения в Среднем Поволжье и Приуралье в период революционных преобразований (1917–1920 гг.): политика и идеология: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 24 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-273. Оп. без №. Д. 1835.
4. *Данилова И.В., Ильина С.В.* Восточная консерватория // Чувашская энциклопедия. Т. 1. А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 587 с.
5. *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1993. 70 с.
6. Известия ТатЦИК. 1923. № 151 (246). 12 июля.
7. История Татарстана и татарского народа. 1917–2013 гг.: учеб. пособие / А.Г. Галлямова, И.Р. Миннуллин, А.Ш. Кабирова, А.А. Иванов, Р.Б. Гайнетдинов, Л.И. Алмазова. Казань: КФУ, 2014. 434 с.
8. *Каримуллин А.Г.* Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917–1932). Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 320 с.
9. Киняш. 1929. № 29 (232). 8 августа.
10. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 320 с.
11. Красная Татария. 1924. № 27. 5 июня.
12. Красная Татария. 1924. № 49. 4 июля.
13. Красная Татария. 1924. № 111. 14 сентября.
14. Курсы по переподготовке учителей-кряшен // Известия ТатЦИК. 1923. № 149 (244). 10 июля.
15. *Матвеев Г.Б., Трифонова З.А.* Казань // Чувашская энциклопедия. Т. 2. Ж–Л. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 491 с.
16. *Мухаммадеева Л.А.* Общественные и культурные институты татар-кряшен в 1917–1940-х гг.: монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 252 с.
17. Народное дело. 1918. 9 августа.
18. *Никитина Г.А.* Кряшены Удмуртии: этнокультурный портрет // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 5–3. С. 73–81.
19. *Никольский Н.В.* Первая чувашская газета «Хыпар» [Электронный ресурс] / Н.В. Никольский и газета. Режим доступа: «Хыпар» // http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43 (дата обращения: 22 февраля 2020 г.).
20. Новое Казанское слово. 1918. № 16. 17 (30) августа.
21. *Павлов Н.П.* Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск: Удмуртия, 2000. 224 с.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XIV. Казанская губерния. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Слово, 1904. 284 с.
23. Протокол № 15 Заседания коллегии кряшен от 15 февраля 1921 г. Казань, 1921.
24. Протокол Первого Всероссийского рабоче-крестьянского и красноармейского съезда кряшен. Издание Центрального кряшенского издательства. Казань: Первая гос. тип., 1921. 59 с.
25. Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия в 4 томах. Т. 1. М.: Терра, 2008. 558 с.

26. Сабиров Р. Восстание «Черного орла» (Вилочное восстание) // Вечерние Челны. 2013. 1 июня.
27. Салихов Р.Т. Книгоиздательская и книготорговая деятельность в Татарстане в 1917–1990 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2006. 22 с.
28. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 1998. 703 с.
29. Устав Общества мелких народностей Поволжья. Казань: Центр. Тип., 1917. 10 с.
30. Фокин А.В. Кряшены – судьба моя: эпизоды истории, теории и практики кряшенского национального движения. Казань: Тип. Интерпресс+, 2013. 203 с.
31. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 1279.
32. ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 227.

A.R. Mukhamadeev

**SOCIO-POLITICAL AND CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF THE CHUVASH IN THE TERRITORY OF THE TATAR REPUBLIC
IN THE 1917–1920s.**

Annotation. The article is devoted to the events that took place in the Kazan province and the Tatar Republic in the 1917–1920s. Based on archival sources and mass media of the first half of the twentieth century, the author traced the socio-political activities of the Chuvash in the territory of Tatarstan of the studied period. These processes are shown against a broad background of social and public relations, without which it would be impossible to understand the living conditions of the local Orthodox population in the Tatar Republic.

Keywords: Tatar Republic, socio-political activity, Chuvash, N.V. Nikolsky.

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В 1917–1920-Х ГОДАХ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШЕЙ)

Аннотация. В статье показано становление профессионального образования в 1917–1920-х гг. на территории Казанской губернии и Татарской республики. Для вновь образованной Чувашской автономной области, затем и Чувашской АССР в Казани готовились соответствующие кадры: учителя, преподаватели вузов, деятели профессионального искусства, работники культуры и др. В столице ТАССР функционировали Чувашские педагогические курсы, Казанский чувашский педагогический техникум и др.

Ключевые слова: Татарская республика, чувашаи, Казанский чувашский педагогический техникум, Чувашские педагогические курсы.

Первоначально становление системы национального образования проводилось под контролем Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР, который был создан в ноябре 1917 г. по решению II Всероссийского съезда Советов. Этот орган взаимодействовал с руководством Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) РСФСР. 3 июня 1918 г. при Наркомнаце была создана специальная культурно-просветительская комиссия, в компетенцию которой входило рассмотрение вопросов национального просвещения и согласование смет на нужды национальных образовательных учреждений [14, с. 199]. В составе комиссии были представители отделов Наркомнаца и всех его национальных подразделений.

В июне 1918 г. намечались выборы в Казанский губернский совет по народному образованию, где русским, мусульманским, чувашским, черемисским и другим народностям или их организациям выделялось 17 мест [7]. 13 июля 1918 г. было принято постановление «О национальных школах и взаимоотношениях между Народными комиссариатами просвещения и по делам национальностей», в соответствии с которым при Наркомпросе была создана специальная национальная секция [13, с. 10–12], преобразованная в дальнейшем в отдел просвещения национальных меньшинств. В нее с правом решающего голоса входили по одному представителю от всех национальных комиссариатов и отделов при Наркомнаце. При этом за Наркоматом по делам национальностей оставалось право контроля всех вопросов, касающихся образования среди национальных меньшинств [14, с. 199].

Народным комиссариатом просвещения РСФСР в октябре 1918 г. было принято постановление «О школах национальных меньшинств». Оно имело важное значение, поскольку, согласно ему, всем национальностям предоставлялось право вести обучение детей на родном языке. Одновременно с этим в национальных школах вводилось обязательное изучение языка большинства населения той

или иной области, «с целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей» [14, с. 201]. На местах, при всех отделах народного образования областных, губернских и уездных Советов, в соответствии с инструкцией, утвержденной совместно Народным комиссариатом по делам национальностей и Народным комиссариатом просвещения в феврале 1919 г., создавались подотделы просвещения национальных меньшинств [14, с. 200].

Летом и осенью 1918 г. по стране широкой волной прошли учительские съезды, где рассматривалась главная проблема – реформирование школы и подготовка новых учительских кадров. В течение 1918–1919 гг. шли поиски нового типа среднего педагогического учебного заведения. В июле 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял решение о преобразовании всех учительских семинарий и учительских институтов (в том числе национальных) в трехгодичные курсы. Таким образом, в Казанской губернии были созданы 19 педагогических курсов (в Арске, Елабуге, Казани, Тетюшах, Чистополе и др.), в том числе в ноябре 1919 г. были образованы Казанские чувашские педагогические курсы.

В первые годы становления советской власти «лучшая часть учительства» кроме преподавательской деятельности в школах начала заниматься культурно-просветительской работой, помимо прочего, «создавая хоры из учащихся с разучиванием светских песен» [4, с. 282]. В этот период проблема подготовки преподавателей музыки среди народностей Поволжья волновала многих музыкальных деятелей. В первые годы после революции 1917 г., наряду с учреждением государственной 2-, 4-ступенчатой музыкальной школы, ставился вопрос об организации специального музыкального учебного заведения для подготовки национальных учителей музыки и пения [2, с. 115–117]. 22 июня 1919 г. на совместном совещании коллегии отдела по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов с представителями мелких народностей Поволжья был поставлен вопрос об открытии Центральной восточной музыкальной школы [11, с. 361]. В результате в октябре 1919 г. стали функционировать подготовительные курсы, чуть позже классы – I и II ступени, в которые принимались дети и молодежь с различным уровнем подготовки от 8 до 20 лет. В претворении этой идеи большую роль сыграл бывший военный капельмейстер В.М. Айонов, отдавший все свои силы подготовке и воспитанию национальных кадров музыкальной интеллигенции.

Вербовочная комиссия, созданная для привлечения учащихся из отдаленных районов Казанской и соседних губерний, дала приток новых слушателей. К концу нового учебного года в школе уже насчитывалось следующее количество учащихся: 214 татар, 86 крышен, 77 чувашей, 41 мариец, 15 удмуртов. Для приезжих был открыт интернат. Учащиеся занимались на двух факультетах – исполнительском и музыкально-этнографическом (классы фортепиано, вокала, оркестровый). Учебная программа включала в себя изучение не только музыкального, но и поэтического фольклора [2, с. 115–117].

В связи с открытием высшей третьей ступени обучения музыкальная школа переименовывается в Высшую восточную музыкальную школу, а с 23 июля 1921 г. постановлением Совнаркома ТАССР – в Казанскую Восточную консерваторию, являвшуюся единственным высшим музыкальным учебным заведением не только Татарии, но и Востока России. Вместо двух факультетов становится

пять: теории и композиции, струнный, духовой, фортепианный, факультет сольного пения и музыкально-этнографический. Дополнительно были введены предметы: история и психология народов Поволжья, Приуралья и Сибири; музыкально-поэтическое творчество финно-угорских и тюрко-татарских племен и др. [2, с. 115–117].

В 1921 г. в консерватории обучалось уже около 700 студентов, обучение вели 6 профессоров и 58 преподавателей [11, с. 260–261]. Огромный поток желающих получить музыкальное образование позволил открыть при консерватории два филиала, где обучалось свыше 100 чел. татар, чувашей, удмуртов и крышен [2, с. 117]. После кончины В.М. Айонова, 27 ноября 1921 г. директором Восточной консерватории был назначен Н.В. Никольский. Кроме педагогической работы, каждый преподаватель занимался научной деятельностью. Так, Н.В. Никольский опубликовал книгу по истории народной музыки у народностей Поволжья и др. Ассоциация, возглавляемая Н.В. Никольским, представляла собой научно-исследовательский отдел Восточной консерватории, занимавшийся вопросами музыкальной этнографии региона. В числе студентов данного учебного заведения были знаменитые деятели чувашской культуры и искусства, такие как С.П. Горский, П.Н. Осипов, А.И. Токсина [5, с. 362].

Восточная консерватория была официально расформирована в феврале 1922 г. [20, с. 81], а 11 марта 1922 г. согласно постановлению СНК РСФСР объединена с Казанской государственной двухступенной музыкальной школой и преобразована в Восточный музыкальный техникум. Таким образом, Восточная консерватория стояла у истоков формирования системы подготовки национальных музыкальных кадров высшей квалификации в Волго-Уральском регионе.

Согласно переписи 1920 г. по грамотности в Татарии занимали: 1-е место – русские – 38,3 %; 2-е место – крышены – 24,6 %; 3-е место – чувашаи 22,2 %; 4-е место – удмурты – 22,1 %; 5-е место – татары – 21,8 % [4, с. 282]. В резолюции, принятой на I Учредительном съезде Советов Татарской АССР от 26–27 сентября 1920 г. по народному образованию, особое внимание уделялось усилению подготовки учительских кадров, владеющих двумя национальными языками республики. В помощь им были разработаны специальные программы, планы, пособия на татарском, чувашском и других языках [15, с. 5]. В это время в Казани существовало 4 педагогических курса: татарский, чувашский, крышенский и русский. Всего в 1920–1921 гг. на 13 педагогических курсах и в двух институтах обучалось 1700 будущих учителей [15, с. 6–7].

Основной формой профессионального образования в данный период были признаны техникумы. В Татарии для подготовки учителей со средним специальным образованием в 1921–1922 гг. на базе существующих педагогических курсов открылись 8 педагогических техникумов [6, с. 12], «из них Казанский и Елабужский обслуживали исключительно татарское население, Чистопольский – татарское и русское, Казанский русский техникум – русское, Казанский чувашский – чувашское, Крышенский – крещеных татар, Спасский и Тетюшский – главным образом, русское население» [17, с. 33]. В октябре 1921 г. на базе Казанских чувашских педагогических курсов был открыт Казанский чувашский педагогический техникум. До 1923 г. он имел свой филиал в с. Сунчелеево (Аслă Сĕнчел) Чистопольского кантона ТАССР, где была сосредоточена максимальная доля чувашского населения Татарской республики. Техникум готовил учителей для начальных, неполных средних и средних школ. В итоге в течение двух лет будущий

учитель получал законченное среднее образование. Учащиеся изучали чувашский язык и литературу с методикой их преподавания; историю, культуру, фольклор, этнографию чувашского народа, географию, экономику, природную среду Чувашии и Среднего Поволжья и др. Активно работали литературный и драматический кружки, члены которых участвовали в выпуске чувашского литературного альманаха «Утӑм» (Шаг) [19, с. 183]. Большинство казанских техникумов было укомплектовано опытными преподавателями и квалифицированными руководителями [9]. Так, среди преподавателей Казанского чувашского техникума числились видные ученые Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров-Вантер, В.Г. Егоров и др. Однако в 1930 г. он был объединен в единое учебное заведение с татарским и русским педагогическими техникумами г. Казани, в котором чувашское отделение сохранялось до 1936 г. Всего за время существования Казанского чувашского педагогического техникума и чувашского отделения их окончили около 500 чел., среди которых были известные чувашские поэты и писатели А.Е. Алга, П.П. Хузангай, И.А. Петрова (Нарс), А.Д. Калган, В.Н. Юдин, а также литературоведы Д.Д. Данилов, Н.С. Дедушкин, доктор технических наук А.А. Изотов и др. [19, с. 183].

Согласно решению секретариата Татарского обкома РКП(б) от 30 октября 1922 г. был открыт Татарский коммунистический университет, являвшийся высшей советской партийной школой, имевший «целью подготовку марксистски образованных партийных, профессиональных и советских работников для ТАССР и других областей РСФСР» [3, л. без №]. В октябре 1923 г. при университете начали работу трехгодичные курсы для членов партии, впоследствии были открыты и другие курсы переподготовки партактива [16, с. 41]. Всего в Коммунистическом университете в 1923 г. числилось: мусульман — 93 чел. (из них 2 перса), русских — 42, чувашей — 10, мари, украинцев, башкир, евреев — по 2, латышей, белорусов, поляков — по 1, кряшен — 7 чел. [18].

В истории развития высшего образования важное место заняли рабочие факультеты (рабфаки). Начало оформлению системы рабочих факультетов, призванных обеспечить подготовку рабоче-крестьянской интеллигенции, было положено декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 17 сентября 1919 г. «Об организации рабфаков при всех вузах и втузах и преобразовании существующих курсов в рабфаки». Вскоре было принято постановление коллегии отдела высшей школы Наркомпроса РСФСР, обязавшее все высшие учебные заведения не позднее 1 ноября 1919 г. открыть рабочие факультеты. На рабфаки принимали рабочих и крестьян в возрасте от 16 лет, занятых физическим трудом, по направлениям предприятий, профсоюзов, партийных и советских органов с целью подготовки их к поступлению в вузы страны. Обучение здесь, стимулируемое государственными стипендиями, приравнивалось к работе на производстве.

1 ноября 1919 г. состоялось долгожданное открытие рабфака Казанского университета, пятого по счету в РСФСР. Преподавательский состав насчитывал 24 чел., в том числе трех профессоров. К концу 1919/20 учебного года на рабфаке насчитывалось 12 групп с 410 студентами. Не были забыты и национальные кадры. Однако ввиду отсутствия учебных пособий на национальных языках и нехватки преподавательского состава занятия проводились на русском языке. Началась подготовка кадров из чувашей, марийцев, удмуртов (работали специальные чувашские группы, в 1924 г. был организован марийско-вотский сектор) и представителей других народов [12, с. 20–25]. По состоянию на август 1923 г. в про-

пессе обучения находились: 305 русских, 126 татар, 34 чувашей, 15 евреев, 6 мари, по 2 вотяков, поляков и белорусов, 6 кряшен, по 1 литовцу и немцу — всего 500 чел. В целом же, к 1923 г. национальный состав студентов, окончивших рабфак за все время его существования (с 1920 по 1923 г.) был следующим: русских — 177 чел., чувашей — 31, евреев — 24, татар — 19, вотяков — 5, мари — 5, поляков — 2, белорусов — 2, мордвы, литовцев и латышей — по 1 чел. (всего 268 чел.) [8].

В 1920 г. рабфак создается в Казанском политехническом институте, а в 1923 г. — при Казанском педагогическом институте, куда принимались желающие из республик и областей Поволжья, Урала и Средней Азии. Для тех, кто недостаточно владел русским языком и для слабо подготовленных рабфаковцев по некоторым предметам были открыты подготовительные отделения [15, с. 5].

21 ноября 1925 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка», в соответствии с которым в педагогических техникумах началась подготовка учителей для национальных школ I ступени, а в высших учебных заведениях — для школ II ступени. В педагогических вузах и на педагогических факультетах университетов вводилось преподавание родного языка, создавались лингвистические национальные отделения [14, с. 210]. На курсах кроме предметов общеобразовательного и педагогического характера вводились трудовые процессы по обучению переплетно-картонажному, столярному, сапожному и корзиночному делу [1, с. 112].

В 1926 г. в Восточном педагогическом институте было открыто чувашское отделение.

Всего в 1929/30 учебному году в Татарской республике функционировало 17 техникумов, среди которых значился Казанский чувашский педагогический. В них на первые курсы принималось 1020 чел., из которых 614 мест отдавалось татарам (в том числе кряшенам), русским — 305, другим национальностям — 101. Зачислялись юноши и девушки, проживающие в ТАССР в возрасте от 15 до 30 лет. Абитуриенты подразделялись на 3 категории: 1-я — дети рабочих, батраков, бедных и середняков-крестьян, отслуживших в Красной Армии и флоте, партизан, добровольцев, красноармейцев Гражданской войны, учителей, научных работников, инвалидов по труду принимались вне конкурса. 2-ю группу составляли дети служащих, членов профсоюза, ремесленников, кустарей и прочих, не использующих труд других людей. 3-я категория граждан, так называемые «нетрудовые элементы» — торговцы, кулаки, религиозные деятели и др. на 1929/30 учебный год в техникумы не принимались [10]. 7 января 1937 г. Наркомпрос РСФСР приказом № 58 переименовал все педагогические техникумы в педагогические училища [16, с. 98].

Таким образом, для вновь образованной Чувашской автономной области, впоследствии и Чувашской АССР, а также других автономных образований Среднего Поволжья в Казани готовились соответствующие кадры: учителя, преподаватели вузов, деятели профессионального искусства, работники культуры и др. Согласно переписи населения 1920 г., по грамотности чуваша занимали третье место среди народов Татарской республики, что означало высокий уровень подготовки их профессиональных кадров. В советский период шло активное «производство» учительских кадров. Всеобщая грамотность, знакомство, благодаря

учителям, с передовыми методами ведения хозяйства постепенно повышали жизненный уровень, как городского, так и сельского населения.

Список источников и литературы

1. *Болодури В.С., Сафарова А.Д.* Развитие национального образования в Оренбуржье (1870–1940 гг.) / Межинститутский центр этнополит. исслед. ин-та этнологии и антропологии РАН и ин-та упр. ОГАУ. Вып. 7. Этнорегиональные исследования. Оренбург: ОГПУ, 2010. 216 с.
2. *Валиахметова А.Н.* Музыкальная культура в Татарстане (середина XIX – первая четверть XX века): учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. Казань: Изд-во ТГГПУ, 2009. 147 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 3153.
4. *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национальной политики царизма в Татарию со второй половины XVI в. до февраля 1918 года / Материалы по истории Татарию: сб. статей. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 226–284.
5. *Данилова И.В., Ильина С.В.* Восточная консерватория // Чувашская энциклопедия. Т. 1. А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 587 с.
6. *Евграфова О.Г.* Социально-экономические и историко-педагогические условия становления системы повышения квалификации педагогических кадров Татарстана: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Нижегородский гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2011. 22 с.
7. За землю и волю. 1918. № 119 (157). 19 июня.
8. Известия ТатЦИК. 1923. № 181 (276). 18 августа.
9. Киняш. 1929. № 10 (213). 15 марта.
10. Киняш. 1929. № 23 (226). 25 июня.
11. *Марбаева Ю.А.* Восточная консерватория в контексте становления высшего музыкального образования в Поволжье // Вестник ТГГПУ. 2011. № 3 (25). С. 259–262.
12. *Маслова Е.С.* «Рабфак шаг за шагом продвигался вперед» (Рабочий факультет Казанского университета в 1919–1926 гг.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2004. № 2. С. 20–25.
13. *Мирошниченко В.В.* Основные этапы развития национального образования в советский период / Актуальные задачи педагогики (III): Материалы международной заочной конференции (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита: Молодой ученый, 2013. С. 10–12.
14. *Моргунов К.А.* Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.). Оренбург: Пресса, 2005. 244 с.
15. *Мустафина Л.Ф.* Система подготовки национальных педагогических кадров Поволжья и Приуралья в период 1917–1932 гг. // Науковедение. 2015. Т. 7. № 2. Март–апрель. С. 1–14.
16. *Мухаммадеева Л.А.* Общественные и культурные институты татар-кряшен в 1917–1940-х гг.: Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 252 с.
17. Народное образование в Татарию за 1925–1926 гг. (К докладу Наркомпроса ТССР на VII Всетатарском съезде Советов). Казань: Наркомпрос Т.Р., 1927. 75 с.
18. Постановление секретариата Татарского обкома РКП(б) от 31 октября 1923 г. // Красная Татарию. 1924. № 41. 24 июня.
19. *Симулин А.М.* Казанский чувашский педагогический техникум. Чувашская энциклопедия. Т. 2. Ж–Л. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 491 с.
20. *Файзрахманова Л.Т.* Первый опыт организации высшего музыкального образования в Казани (Восточная консерватория в 20-е гг. XX столетия) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. 2010. № 3. С. 72–80.

L.A. Mukhamadeeva

TRAINING OF PROFESSIONAL NATIONAL PERSONNEL IN THE 1917–1920s IN THE TERRITORY OF THE TATAR REPUBLIC (ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH)

Annotation. The article shows the formation of professional education in the 1917–1920s in the territory of the Kazan province and the Tatar Republic. For the newly formed Chuvash Autonomous Region, then the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, appropriate personnel were trained in Kazan: teachers, university professors, artists, cultural workers and others. The Chuvash pedagogical courses, Kazan Chuvash pedagogical college and others functioned in the capital of the TASSR.

Keywords: Tatar Republic, Chuvash, Kazan Chuvash Pedagogical College, Chuvash Pedagogical Courses.

ЧУВАШСКАЯ АВТОНОМИЯ И РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы, касающиеся положения чувашского языка в 1920–1930-е гг.; проведен краткий обзор изменений, произошедших в нем в этот период; проанализированы основные тенденции в развитии чувашского языкознания.

Ключевые слова: языковая политика, чувашский язык, социальные функции языка, развитие лексики, графика и орфография, чувашское языкознание.

Попытки расширения сферы использования местных языков на начальных этапах истории Советского государства представляют несомненный интерес для современной социолингвистики. К вопросам языковой политики довоенного времени в СССР обращались не только филологи, но и историки и этнологи. Целью настоящей статьи являются краткий обзор особенностей развития чувашского языка в 1920–1930-е гг., рассмотрение специфики становления его стандартной (литературной) формы и чувашской языковедческой науки с учетом опыта уже современной реальности. Основными источниками для исследования стали законодательные и подзаконные акты советского, российского и республиканского (до 1925 г. – областного) уровней, различные инструкции и рекомендации, отчетные доклады, материалы средств массовой информации 1920–1930-х гг., художественные, учебные и справочные издания указанного периода, а также обширная научная литература по данному вопросу. Многоаспектность выбранной темы не позволяет дать исчерпывающий анализ всех ее сторон, поэтому настоящая статья посвящена в основном постановке проблемы.

Вопрос о статусе чувашского языка на страницах научных и краеведческих изданий, журналов и газет, в заявлениях различных общественных организаций и отдельных лиц возникал неоднократно на рубеже XIX и XX вв. [18, с. 156–158]. Широкое публичное обсуждение вопроса о необходимости специальных мер для повышения статуса и расширения функций чувашского языка началось в основном с 1917 г. В мае на I Съезде мелких народностей Поволжья среди прочих был вынесен ряд решений по поводу языков народов, проживавших в этом регионе, в том числе чувашей; они имели отношение к школьному образованию, судопроизводству на местах. Летом того же года прошел I Общечувашский национальный съезд, в резолюциях которого языковой вопрос также занимал довольно заметное место. Кроме перечисленных выше направлений, они касались среднего и высшего образования, издания и пропаганды литературы на чувашском языке, обязательного преподавания чувашского языка, истории, этнографии и т.д. [18, с. 170–178; 19, с. 37].

С октября 1917 г. вопрос языка рассматривался практически на всех общественных форумах, проводившихся чувашами или при их активном участии, освещался на страницах газет и журналов. Речь чаще всего шла опять же об использовании родного языка во всех государственных и общественных учреждениях в местах проживания чувашей, в школе, печати, книгоиздании. Все эти события – проявление активности представителей самого этноса и относятся к инициативам «снизу».

В 1917–1918 гг. возникло и встречное течение – набирал обороты процесс регулирования сверху: государство постепенно взяло под свой контроль этнополитические процессы (включая языковые). Цели и способы деятельности правительственных органов в этом направлении освещены достаточно детально в ряде научных публикаций, в том числе в работах о ситуации с чувашским языком [25; 26; 28], рассмотрены и основные события 1917–1940 гг., касающиеся языковой ситуации в Чувашии [12; 17; 19; 27; 29; 34, с. 21–68].

С 1917 г. ввод новых элементов в более или менее устоявшийся литературный чувашский язык носил стихийный характер: в публикациях в средствах массовой информации и в книжной продукции появлялись новые лексемы и идиомы, не присущие чувашской грамматике конструкции, уходившие со страниц печатной продукции в массы. Шли споры, каким должен быть общий для всех чувашский язык (то есть «правильный» литературный язык) в публикациях в печати и на различных заседаниях и собраниях.

Попытки коллективной целенаправленной работы по стандартизации чувашского языка первоначально предпринимались различными общественными организациями, комиссиями, комитетами и т.п. С 1917 г. активизировали работу общественные объединения и подразделения органов власти, сосредоточенные до 1920 г. в таких центрах, как Казань, Симбирск, Уфа, Самара. Разворачивалась деятельность в Чувашском отделе Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, чувашском подотделе отдела просвещения национальных меньшинств Народного комиссариата по просвещению РСФСР и в их подразделениях при губернских и уездных исполкомах, свою роль сыграли и чувашские секции при губернских и уездных комитетах РКП(б). Этими центрами на чувашском языке издавались газеты и журналы, брошюры с официальными документами [7; 35], учебная и художественная литература [46; 48], просветительские и агитационно-пропагандистские издания [37; 38; 50] и т.д.; были подготовлены и опубликованы словари и справочники [31; 39], научные и научно-популярные работы по чувашскому языку [20, с. 29–30; 23; 30].

Расширение социальных функций чувашского языка повлекло за собой резкий скачок в его развитии, в первую очередь лексики и словообразования. Ускорившим этот процесс событием стало создание в 1920 г. Чувашской автономной области на правах губернии и преобразование ее в 1925 г. в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в качестве федеративной части Российской Федерации с соответствующими полномочиями. При этом язык оставался объединяющим фактором для чувашей, проживающих не только в области (республике), но и за ее пределами – на территориях с компактным расселением чувашей (по данным историков, в 1920 г. в пределах ЧАО проживало чуть более половины всех чувашей – около 55–56 % [12, с. 58–59]).

Одной из составляющих национальной политики советской власти была разносторонняя (законодательная, политическая, финансовая) систематическая государственная поддержка развития языков и культур на территории бывшей Российской империи. Но при этом складывающаяся в СССР система территориально-национальных образований сопровождалась выстраиванием своеобразной иерархии языков в соответствии со статусом этих образований. К концу 1930-х гг. положение языков титульных этносов союзных республик, автономных республик и областей, национальных округов, народов без своих административно-территориальных образований заметно отличалось. Однако провозглашение равных прав для всех языков сыграло свою роль для большинства из них, прежде всего из-за появления возможностей для развития их общественных функций.

В целом расширению диапазона сфер применения чувашского языка в этот период способствовали: политика коренизации аппарата и реализации чувашского языка; развитие печати и книгоиздания, образования на родном языке, профессионального искусства и литературы, а также филологической науки (литературоведения и литературной критики, фольклористики, языкознания). Увеличение областей применения (общественная коммуникация, начальное и среднее образование, периодическая печать, художественная литература, музыкальное и театральное искусство, судопроизводство и административное делопроизводство и т.д.) привело к дифференциации его функциональных стилей (выделились публицистический, научный, официально-деловой, художественный стили) и значительному увеличению общего объема письменной текстовой базы на чувашском языке. Появилась насущная необходимость в нормализации и кодификации языка. Если сначала этот процесс имел стихийный характер, то с течением времени, особенно с образованием Чувашской автономной области, он все больше приобретал черты регулятивной деятельности.

Новые условия общественно-политической и экономической жизни вызвали появление огромного массива новых терминов и слов, параллельно шло обогащение литературного языка единицами словарного состава диалектов. Появились новые и развились уже имеющиеся способы словообразования, увеличение объема письменных текстов приводило к развитию морфологического и синтаксического репертуара, в том числе к заимствованию из русского языка и через русский язык не свойственных для чувашского языка средств (хотя подобные интерференционные явления проявлялись и в дореволюционных изданиях).

Планомерная работа над нормами литературного языка и их кодификацией предполагает развитие лингвистической науки. Перед чувашским языкознанием, находившемся в начале XX в. едва ли не в зачаточном состоянии (малочисленность научных кадров, неразработанность множества вопросов и т.д.), в 1920–1930-х гг. возникло огромное количество вопросов. В этот период оно действительно «имело прикладной характер и было направлено на решение наиболее актуальных задач языкового строительства: нормализация письменного литературного языка, который, в принципе, уже был сформирован в оригинальных и переводных изданиях, увидевших свет под эгидой И.Я. Яковлева и при активном участии его питомцев; упорядочение графики, орфографии и пунктуации; разработка и упорядочение общественно-политической и научной терминологии; создание общих и терминологических двуязычных словарей; составление учебников и учебных пособий для всех типов учебных заведений начальной, средней и высшей школы; подготовка языковедческих кадров» [47, с. 126–127].

Итак, силы языковедческой науки в первые десятилетия после образования автономии были брошены на решение наиболее актуальных практических задач того времени: выработка терминологии и пополнение лексикона в соответствии с новыми реалиями; унификация лексических, грамматических и словообразовательных норм; решение проблемы графики; выработка единой орфографии и пунктуации; разработка программных и учебных материалов для преподавания чувашского языка в школе; создание условий для введения школьного образования на родном языке.

Лексика чувашского языка в послереволюционные годы постоянно пополнялась: появлялись новые слова и новые значения у уже имевшихся слов, создавались термины по различным отраслям. Сначала фиксация новых слов и значений шла прежде всего путем обнародования их на страницах газет, журналов, официальных, общественно-политических изданий, учебников и учебных пособий по различным направлениям, научно-популярных брошюр. В дальнейшем целенаправленная работа по упорядочению словарного состава чувашского языка предпринималась в комиссиях при Наркомате просвещения Чувашской АССР, Академическом центре, Совете науки и культуры, в Чувашском НИИ социально-культурного строительства и др. Вопросы, связанные с нововведениями в чувашскую лексику, обсуждались на форумах общественных организаций (Общества изучения местного края, объединений писателей и т.д.), в печати.

Основной проблемой в области упорядочения правил в грамматической и словообразовательной областях стало регулирование норм, ставшее крайне актуальным из-за большого наплыва в письменную и устную речь чувашей диалектных вариантов и неологизмов (как заимствований, так и новообразований). В 1920–1930-е гг. морфологические нормы начали прописывать в сборниках правил правописания. Например, в «Правилах чувашского правописания» 1923 г. раздел «Правописание грамматических аффиксов» фактически полностью посвящен кодификации грамматических норм – выбору того или иного диалектного варианта аффикса в качестве литературной нормы [36, с. 10–11]. Традиция эта сохраняется до сих пор, отсутствие нормативных грамматических справочников и академических грамматик и сегодня компенсируется включением морфологических норм в свод орфографических правил и дублированием их в учебной литературе, а синтаксические нормы прописываются в основном только в учебниках, частично получают отражение в словарях. Нормализаторскую функцию несут и краткие справки при двуязычных словарях, к таковым относится, например, «Краткий очерк грамматики чувашского языка» В.Г. Егорова [10, с. 673–728].

Лексические варианты отражаются в лексикографических работах: от словаря к словарю шел отбор наиболее удачных лексем, некоторые варианты сохранялись в качестве синонимов (абсолютных, семантических или стилистических). В 1920–1930-е гг. издавались словари двуязычные (общие, краткие, терминологические, заимствований; тезаурус Н.И. Ашмарина), орфографические; интересен опыт толкового словаря заимствований Н. Ванеркке [4].

В эти годы по всей стране большой интерес вызывал вопрос выбора графики. Чуваши к этому времени имели письменность, основанную на кириллице и с уже почти полувековой историей. Им удалось миновать этап латинизации, что позволило избежать судьбу многих народов России, бывших до 1917 г. без своей письменности или имевших письменность с иной графической системой. Так, эт-

носы, исповедовавшие ислам, сначала сделали попытку перейти с традиционной арабицы на ее реформированные варианты, затем перешли с «новой» арабской письменности на латиницу, а потом — с латиницы на кириллицу [1, с. 65–69, 89–90]. Период латиницы прошли и некоторые народы, ранее пользовавшиеся русской графикой — удмурты, коми, осетины, ойроты, якуты и др. [15, с. 254–255]. Смена графики фактически ставила каждый раз народ в то же положение, в котором находились народы бесписьменные, основная масса оказывалась в отрыве от многовекового культурного богатства.

Всерьез обсуждались на рубеже 1920-х и 1930-х гг. предложения перейти на латинскую графику даже русской письменности, поводом для них послужило провозглашение кириллицы алфавитом православия и царского самодержавия, а латиницы — пролетариата и мировой революции. Но в начале 1930 г. дважды появился документ с запретом даже разрабатывать эту тему. При этом продолжался перевод письменностей тюркских народов с арабицы (для отдельных народов — с монгольского, китайского письма) на латиницу; не прекращалось в течение какого-то времени создание алфавитов, основанных на латинице, для народов, не имевших письменности.

В 1920-е гг. появлялись в печати публикации и о переводе чувашской письменности на латинский алфавит; поднимался этот вопрос на некоторых заседаниях общественных объединений [5; 6; 8; 32, с. 20–22]. Известно, что этот вопрос был на повестке дня у чувашских языковедов: «Вопрос латинизации чувашского алфавита обсуждался в особой комиссии и внесен на обсуждение Ученого совета... Ученый совет после тщательного обсуждения вынес постановление о необходимости и целесообразности латинизации чувашского алфавита» [11, с. 47].

Что касается орфографии, почти до самых 1930-х гг. на страницах печатной продукции наблюдалось отсутствие единства в написании. Прежде всего это относится к заимствованиям и неологизмам, оформление которых в письменном виде долгое время оставалось хаотичным. Отдельные издания сводов правил и небольшие словари, публикации авторов, имеющих отношение к филологии, — таковы были первые шаги в сторону упорядочения, однако этого было недостаточно. Коллегиальные решения об утверждении правил правописания принимались в 1923 г. (научно-методическим советом при Чувашском отделении Государственного издательства), 1926 г. (Центральным исполнительным комитетом Чувашской АССР), 1933 г. (ЦИК и Совнаркомом Чувашской АССР), 1938 г. (Президиумом Верховного Совета Чувашской АССР). К 1938 г. пришли к русифицированному варианту чувашского алфавита и правописания, окончательно узаконив двусистемность орфографии.

Пунктуация долгое время оставалась на уровне стихийного развития; складывалась по мере накопления письменных текстов в ходе увеличения числа СМИ и изданий художественной литературы, переводов и т.д., в основном с ориентацией на принципы правил постановки знаков препинания русского языка («...вырăс сыравĕнчи пекех лартмалла» [39, с. 12]). Первым специальным опубликованным сборником пунктуационных правил явилось небольшое по объему издание Ф.Т. Тимофеева (Тимухха Хĕветерĕ) [43], за бортом этого сборника осталось множество проблемных моментов, которые впоследствии частично находили свои решения на страницах школьных учебников чувашского языка.

Почти сразу же после опубликования 16 октября 1918 г. декрета ВЦИК «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положения о единой трудовой школе РСФСР», введивших обязательное посещение школы I и II ступеней для всех детей школьного возраста, Наркомат просвещения РСФСР вынес постановление от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств», предоставившее всем этносам России право организации обучения на родном языке в обеих ступенях единой трудовой школы. Регионы столкнулись с множеством проблем с реализацией этой задачи, среди которых значительное место занимала острая нехватка учебных материалов на родных языках. Ведь преподавание на родном языке в школе предполагает наличие как минимум учебной и методической литературы по различным предметам. С большими трудностями, но к концу 1930-х гг. эта проблема все же была решена. Так, по опубликованным данным, к началу 1935 г. «для чувашских школ было издано всего 69 названий учебников, в числе коих 24 названия оригинальных» (остальные — переводные). Здесь же указывается, что «большим препятствием явилось отсутствие разработанных терминов по ряду дисциплин», но эти обстоятельства были преодолены и «по ряду дисциплин, как математика, физика, химия, ботаника, зоология, география — учебники на родном языке для неполной школы даны впервые» [45, с. 24].

Важным фактором в развитии чувашского языка, особенно его литературной формы, стало введение в школе преподавания предмета «чувашский язык». Именно во многом благодаря школе в 1920–1930-е гг. литературный чувашский язык получил не только дальнейшее развитие, но и широкое распространение в среде всего чувашского народа. Позитивную роль сыграла тут и деятельность в ходе ликвидации массовой неграмотности взрослого населения [33, с. 99–100].

До 1917 г. традиции преподавания в школе чувашского языка как отдельной дисциплины не было. Учили чтению и письму на чувашском языке, сведения же о строе языка давались только в случаях, необходимых для объяснения явлений иного, чаще всего русского, языка. То есть после обучения грамоте на чувашском языке родной язык выступал уже только как орудие для получения православных знаний и успешного овладения русским языком; хотя некоторые авторы и пишут о «методике преподавания родного языка», уроках родного языка [14, с. 167–169, 174, 177–178, 201].

Для школ учебники и учебные пособия по чувашскому языку начали издаваться с 1924 г., одновременно это были первые книги на чувашском языке, имеющие отношение к языкознанию. Мы имеем в виду оригинальные по строению и подаче фактического материала книги Ф.Т. Тимофеева, в которых изложены сведения о фонетике с морфологией и основы синтаксиса. В них нет указания на то, что это учебники или учебные пособия для школьного образования, но во введении первой книги отмечено, что до сих пор обучают чувашскому языку на русском языке [41, с. III], второй — указано на возможность использования представленного материала учителями в школе, так как он в основном соответствует учебному плану [42, с. 3]. В 1928 г. появилось переиздание этих книг в одной. На этот раз автор уже отметил, что она является не учебником («ачасене вёрен-мелли кёнеке мар»), а только «вспомогательной книгой» («вёрентне чух пулăшка тăракан кёнеке кăна») [44, с. VI–VIII]. Эти работы вызвали неоднозначную реакцию среди работников просвещения, состоялась даже целая полемика, отразившаяся как на страницах периодической печати, так и в отдельных выпусках [13; 40].

В последующем для школ появлялись уже совершенно иные учебники по чувашскому языку. В конце 1920-х — начале 1930-х гг., в процессе утверждения единых программ и стабильных учебников для образовательных учреждений по всей стране, были перестроены учебные программы и написаны новые учебники и по родным языкам. Почти по всему Советскому Союзу произошел переход к созданию школьных учебников по одному образцу, учебники родного языка практически превратились в копии учебников русского языка. Для начального звена школы учебники и «рабочие книги» чувашского языка, созданные таким образом, появились в 1927–1935 гг. Для основного звена («неполной средней») школы в 1933 г. вышел учебник для 5-го года обучения (курс морфологии; 2-е издание — в 1935 г.), в 1934 г. — учебник для 6 и 7-го годов обучения (курс синтаксиса, 2-е издание — в 1935 г.). В предисловии последней из книг указано, что оно составлено в соответствии со второй частью учебника грамматики А.Б. Шапиро. Авторами учебников для 5–7 классов были Т.М. Матвеев и Ф.Т. Тимофеев. Когда они были репрессированы, в течение 1936–1938 гг. учебники для 5–7 классов не издавались, и только в 1939 г. появился учебник синтаксиса (для 6 и 7-го классов), автором которого был уже С.П. Горский. В 1940 г. вышел учебник фонетики и морфологии (для 5 и 6-го классов) без авторства, на титульном листе указано, что под общей редакцией М.Н. Николаевой и М.Н. Сергеева, на обороте титульного листа — что издание готовилось с использованием учебника грамматики русского языка С.Г. Бархударова и Е.И. Досычевой 1938 г. выпуска.

Переход к такому способу изложения грамматического материала в школьном курсе оказал огромное влияние на формирование чувашской лингвистики советского периода. В связи с малочисленностью научные кадры вели работу по наиболее актуальным направлениям, в числе которых было составление учебных программ и пособий по чувашскому языку для школ, для отдельных теоретических разработок время уже почти не уделялось. Вследствие чего практически во всей отечественной лингвистике в качестве доминирующей методики и научного исследования нерусских языков установился также способ «шапирографии»: «В 30-е гг., как впоследствии вспоминал Г.Д. Санжеев (известный исследователь монгольских языков. — *А.Д.*)... распространился метод, получивший название “шапирографии”, брали учебную грамматику русского языка профессора А.Б. Шапиро, заменяли наименование языка, примеры и вносили минимальные коррективы вроде исключения категории рода там, где ее нет. Всерьез господствовали представления о том, что язык тем совершенен, чем его грамматика более похожа на русскую, поэтому старались развить прилагательные там, где они не составляют особую часть речи, изменить порядок слов в соответствии с русским и т.д.» [1, с. 91]. Это явление вкупе с заменой многих терминов и лексем, образованных в 1917–1920 гг. с помощью средств чувашского языка, заимствованиями из русского языка и переходом на систему письма и правописание, максимально приближенным к русским, воспринималось в 1930–1950 гг. как совершенствование чувашского языка и развитие чувашской лингвистики. Процесс преодоления механического переноса явлений русского языка на материал чувашского в научных исследованиях начался только в середине 1950-х гг. после известных дискуссий по вопросам грамматики, но такой подход можно встретить в работах лингвистов до сих пор.

Однако на наш взгляд, несмотря на изложенные факты, к середине XX в. накопился значительный багаж ценных разработок и исследований по чувашскому языку не только прикладного, но и теоретического характера. Хотя теоретическое языкознание (имевшее дореволюционные достижения в виде трудов Н.И. Ашмарина, Н.И. Золотницкого, Н.В. Никольского) развивалось в 1920–1930 гг. в основном в учебных пособиях, учебниках, полемических публикациях, в кратких очерках по грамматике в словарях, были и далекие от практических задач работы Н.И. Ашмарина, Н.Н. Поппе, В.Г. Егорова, Т.М. Матвеева и др.

При отсутствии в регионе научных институтов и высших учебных заведений большая работа проводилась созданным в 1921 г. Обществом изучения Чувашского края, организованным в 1928 г. Советом науки и культуры ЧАССР и открытым в 1930 г. на основе последнего Чувашским научно-исследовательским институтом [16, с. 80]. Так, в плане секции языка и литературы НИИ была предусмотрена деятельность по изучению и «перестройке грамматики чувашского языка», изданию словаря Н.И. Ашмарина, двуязычных и терминологических словарей, упорядочению чувашского правописания, разработке практических мероприятий по латинизации чувашского алфавита, составлению совместно с преподавателями пединститута учебных программ по чувашскому языку и литературе [11, с. 44–47]. Создание научно-исследовательского института само по себе не решило задач по изучению чувашского языка, в течение всего десятилетия (до начала Великой Отечественной войны) наладить работу в полном объеме так и не удалось; были проблемы организационные, финансовые, самые же большие – катастрофический недостаток квалифицированных научных кадров и политические репрессии [49, с. 12–19].

Осенью 1930 г. начал функционировать Чувашский педагогический институт, в котором приступили к подготовке учителей чувашского языка и литературы. Организаторами вузовского преподавания чувашского языка и литературы стали наиболее квалифицированные в то время филологи – Е.З. Захаров (Маден) и Т.М. Матвеев, в 1936–1937 гг. уволенные под надуманными предлогами и репрессированные [24, с. 5–6].

В 1930-е гг. «классовая борьба» против буржуазной идеологии, шовинизма, местного национализма и т.д., переход к постепенной унификации национальных культур СССР полностью изменили национальную и языковую политику в советском государстве. В Чувашской республике, как и во всей стране, взаимные претензии творческих и научных работников, советских и партийных функционеров к недостатку классовости в деятельности сменились массовыми репрессиями. Так, еще в 1932 г. вышла в свет книга с разоблачением научных взглядов Н.В. Никольского, в ней подвергаются жесткой критике Д.П. Петров (Юман), А.П. Прокопьев (Милли), Ф.П. Павлов, упоминаются и фамилии Н.Я. Золотова, С.А. Коричева, Д.С. Эльменя [22]; даже рассмотрение вопроса латинизации чувашского письма в ней расценивается как призыв с целью «приобщения чуваш к западной буржуазной культуре» [22, с. 33]. Через несколько лет большинство из перечисленных людей были арестованы и осуждены. В изданной в 1933 г. в Москве книге «Советская Чувашия» раздел, посвященный языку и языкознанию, озаглавлен весьма красноречиво – «Классовая борьба по вопросам языка»; не менее воинственны и названия некоторых подразделов – «Октябрьская революция и борьба за развитие чувашского языка», «На фронте чувашского языко-

ведения» [9, с. 103, 110, 121]. Невосполнимо серьезный ущерб нанесли развитию чувашской лингвистики и всей филологической науки репрессии 1937–1939 гг. в отношении тех, кто стоял у истоков науки, ведущих научных работников республики. Большинство направлений и проблем исследований оказались отложенными на многие годы.

Перечисленные в статье события шли в русле общероссийских и общесоюзных процессов. В послереволюционный период по всей стране сначала развернулась деятельность по развитию самобытных национальных культур, новая власть обещала всем этносам условия для равноправного развития. Важнейшей частью национальной политики в советском государстве с самого начала стала сфера языка. Сформировалась целая система специальных государственных мер, направленных на изменение функционального статуса языков. Параллельно шло нарастание вмешательства государства в процессы, происходившие вокруг языка, проводилось сознательное планирование в данной области. Хотя нередко при этом наблюдалось расхождение между декларацией принципов и их реализацией, в целом для языков складывалась более благоприятная, чем ранее, ситуация.

Итак, изменения в чувашском языке и в связанной с ним ситуации, происходившие с 1917 по 1930-е гг., в общей сложности были прогрессивными и относительно успешными. Произошло значительное расширение его функций, что повлекло за собой появление новых стилей и существенное развитие всех уровней (прежде всего лексики и словообразования), проведена нормализация языка и сделаны заметные шаги для доведения его до литературного (стандартизированного) уровня, осуществлено совершенствование графики, обсуждение и утверждение правил орфографии и пунктуации. Появились новые научные исследования в области чувашского языкознания, с немалыми трудностями, но все же была налажена подготовка и издание учебной литературы и т. д. А вот период приблизительно с середины 1930-х гг. (по мнению современных социолингвистов, первые признаки смены курса со стороны правительства и партии появились в 1930 г. после XVI съезда ВКП(б), окончательный поворот был утвержден постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. [1, с. 87, 91–101; 2, с. 280–282; 3, с. 310–321; 21, с. 36–37]) можно назвать периодом сворачивания начавшихся в 1920-е гг. процессов функционального развития нерусских языков Российской Федерации, в том числе и чувашского.

Политика языкового строительства с помощью расширения функций чувашского языка (как неотъемлемая часть строительства социализма и развития общественной жизни чувашского народа), позволявшая подключить реализацию его внутреннего потенциала, в 1930-е гг. уступила место языковой политике с усиленной идеологической составляющей. Нарботанные в предыдущие годы нововведения в словообразовании и терминологии, графике и орфографии были отвергнуты как буржуазно-националистические и враждебные элементы. Большая часть неологизмов, как не соответствующая времени «обостряющейся классовый борьбы», заменена заимствованиями из русского языка, в графике и орфографии утвердилась двусистемность: исконно чувашские слова стали писать по одним принципам, заимствованные — по другим (по правилам русского языка). Поворотными моментами в языковой ситуации в Чувашии в 1930-е гг. стали два решения, относящиеся к школьному образованию; одно из них было вынесено

местными, второе — центральными органами управления. Это решение бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 13 февраля 1936 г. «О состоянии преподавания русского языка в чувашских школах» («Признать целесообразным перевод преподавания на русском языке всех дисциплин, начиная с VIII класса средней школы, и преподавание математики, физики и химии, начиная с VII класса неполной школы») и вышеназванное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г.

Остановимся еще на одном моменте, связанном с чувашским населением, оказавшимся за пределами Чувашской АССР. В 1920-е гг. чувашаи в других регионах получали организационную поддержку из Центра: функционировали чувашские отделы или подотделы при Наркомнаце и Наркомпросе в Москве, там же издавалась периодическая печать, было налажено книгоиздание. Кроме того, действовали чувашские подразделения при губернских и областных комитетах ВКП(б) и исполкомах Советов, создавались национальные районы и волости, сельсоветы в местах компактного расселения чувашей. В условиях государственного регулирования эти факторы были значительным подспорьем в сохранении и развитии традиционной культуры и языка.

К концу 1930-х гг. были упразднены чувашские структуры при центральных и местных органах, перестали выпускаться центральные газеты и журналы, упразднили национальные районы и сельсоветы за пределами автономной республики [12, с. 168]; изменилось соотношение русского и чувашского языка в школьном образовании (что оказало сильное влияние на отношение народа к родному языку, на оценку его престижности и коммуникативной пригодности). С этого времени начало набирать обороты запущенное ранее сужение чувашезычного пространства. Например, если обратить внимание на один из важных критериев для межпоколенной передачи языка — изучение родного языка в школе, то можно заметить, что с 1930-х гг. из расписания школ в исконно чувашских населенных пунктах на периферии распространения чувашского языка (на территории современной Саратовской и Пензенской, южной части Ульяновской и юго-восточной части Самарской областей) исчез предмет «родной язык»; затем, в 1950–1970-е гг., это произошло и в других, более близких к Чувашии, регионах и к 1990-м гг. он сохранился в школах некоторых районов Татарстана и Башкортостана, в одном районе Ульяновской области. Похожие изменения происходили в 1930–1980-е гг. и с чувашезычными средствами массовой информации.

Список литературы и источников

1. Алтаев В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Изд. 2-е, доп. М.: Крафт+; Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
3. Блудстейн Питер Э. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (Росспэн); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 310–335.
4. Ванеркке Н. Ют чѣлхесенчен хутшаннă сăмахсен пѣчѣк словарѣ. Шупашкар: Чăваш кĕн. уйрăмĕ, 1924. 112 с.
5. Вантер. Чăваш сыру паллисене улăштарасси сĕнчен // Канаш. 1929. Март, 3.
6. Ваçанкка. Чăваш алфавитне улăштарасси // Канаш. 1929. Январь, 17.
7. Вырăс сĕрĕнчи халăхсем пĕр-пĕринпе пĕрлешсе, пĕр тан пулса, пĕр Канашпа хăйсем тытса тăракан Республиканĕн Тĕп законĕ (Конституция). Симбирск: Типо-литография губсовнархоза № 2, 1918. 16 с.

8. *Гатчель*. Чăваш чĕлхи синчен килекен ирĕксĕр шухăшсем // Канаш. 1922. Январь, 25, 27, 29.
9. *Данилов Д.* Советская Чувашия: национально-культурное строительство / при участии И. Кузнецова, С. Петрова, И. Люблина; Институт литературы и искусства Коммунистической академии, секция литературы СССР. М.: Соцэргиз, 1933. 258 с.
10. *Егоров В.Г.* Чувашско-русский словарь. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. 734 с.
11. *Ефимов И.Е.* Научно-исследовательская работа в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1933. 74 с.
12. *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.
13. *Иванов П.И.* Основные вопросы чувашской грамматики и изучение ее в школе. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1931. 124 с.
14. *Иванова Л.Н.* Двухязычная (чувашско-русская) начальная школа в общегосударственной системе образования дореволюционной России. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2005. 251 с.
15. *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР: процессы создания письменностей народов СССР. М.: Наука, 1979. 351 с.
16. *Касимов Е.В.* Чувашский комплексный научно-исследовательский институт: от создания до реорганизации (1930–1933) // Чувашский гуманитарный вестник. 2018. № 13. С. 77–106.
17. *Клементьев В.Н.* Из практики реализации национально-языковой политики в Чувашской автономной области (1920–1925) // Российская тюркология. 2012. № 2. С. 82–91.
18. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары, 2014. 320 с.
19. *Клементьев В.Н.* Национально-языковая политика в советской Чувашии: становление и характерные тенденции (ноябрь 1917 – 1920 г.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 36–50.
20. *Комиссаров Г.И.* Чăваш халăх малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши? = Может ли чувашский народ иметь свое будущее? / издание Уфимского Чувашского национального об-ва. Уфа: Тип. губернского кооперат. союзов, 1918. 39 с.
21. *Коряков Ю.Б.* Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 129 с.
22. *Кутяшов С.С.* Этнография чуваш и чувашский национализм. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. 60 с.
23. *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: Морфология: учение о формах / издание чуваш. секции Симбирского губернского отдела народного образования. Симбирск: Типо-литография губсовнархоза № 2, 1919. 124 с.
24. *Мефодьев А.И.* Факультет – пирĕн кил = Факультет – наш дом. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2005. 72 с.
25. *Минеева Е.К.* Национальный вопрос в первые годы советской власти: теория и практика // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 16. С. 161–165.
26. *Минеева Е.К.* Деятельность Наркомнаца РСФСР и его отделов в национальных районах Среднего Поволжья по подготовке и коренизации специалистов // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3. С. 112–119.
27. *Минеева Е.К.* Особенности культурной политики Чувашской АССР в 1920–1936 годах // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 2. С. 113–120.
28. *Минеева Е.К.* Влияние Наркомата национальностей на культурное развитие нерусских народов в России в первые годы советской власти // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 4. С. 57–60.
29. *Минеева Е.К.* Трудности политики коренизации Советского государства в 1920-е годы (на материалах Марийской и Чувашской автономий) // VII Арсентьевские чтения «Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова)»: Материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.). В 2 т. Т. 2. Чебоксары, 2017. С. 253–258.
30. *Никольский Н.В.* Конспект по грамматике чувашского языка. Казань: Типо-литография университета, 1919. 16 с.
31. *Никольский Н.В.* Краткий чувашско-русский словарь. Казань: Типо-литография университета, 1919. 336 с.
32. Отчеты общества изучения местного края Чувашской автономной области за 1921–1923 годы. Чебоксары: Типография Чувашиздата, 1924. 47 с.

33. *Петров Н.П.* Основные этапы развития общественных функций чувашского литературного языка // Ученые записки / НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 28: Филологический сборник. Чебоксары, 1965. С. 97–109.
34. *Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху: развитие социальных функций и литературных норм. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 208 с.
35. Пётём Раçсейри чăвашене çутта кăларас тĕлĕшпе ёслекенсен съездĕнче Самохвалов юлташăн «Хальхи вăхăт синчен» тунă доклачĕ / на чуваш. яз. Казань: Изд-во Центрального чуваш. отдела при Народном комиссариате по национальному делам, 1920. 17 с.
36. Правила чувашского правописания. Чебоксары: Чуваш. отделение Гос. изд-ва, 1923. 16 с.
37. [Рыжков Н., М-в Н.] Что такое гражданская свобода: на чуваш. яз. / издание Симбирского чувашского общества; пер. Н. Яковлевой. Симбирск: Типография Н-ков Балакирщикова, 1919. 44 с.
38. Сывлăха сыхласси: на чуваш. яз. Казань: Изд-во Центрального чуваш. отдела при Народном комиссариате по национальному делам, 1920. 232 с.
39. *Тимофеев Ф.Т.* Чăвашла тĕрĕс сÿрмалли пăравелăсем. Казань: Типо-литография Казанского ун-та, 1919. 15 с.
40. *Тимофеев Ф.Т.* Материалы к вопросу о перестройке грамматики чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. 53 с.
41. *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхийĕн грамматикĕ: 1. Фонетик. 2. Морфологи. Шупашкар: Чăваш облаçĕнчи кĕнеке кăларакан уйрăм, 1924. 144 с.
42. *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхийĕн грамматикĕ: синтаксис тĕпĕсем. Шупашкар: Чăваш облаçĕнчи кĕнеке кăларакан уйрăм, 1924. 32 с.
43. *Тимухха Х.* Сÿрура чарăну паллисем лартасси. Шупашкар: Чăваш облаçĕнчи кĕнеке кăларакан уйрăм, 1925. 8 с.
44. *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхийĕн грамматикĕ: фонетик, морфологи, синтаксис. 2-мĕш хут тухать. Шупашкар: Чăваш облаçĕнчи кĕнеке кăларакан уйрăм, 1928. 203 с.
45. *Трофимов А.Т.* Народное образование Чувашии за 15 лет (1920–1935 гг.) / под общ. ред В.И. Токсина. Чебоксары: Чувашгиз, 1935. 44 с.
46. *Трофимов И.Т.* Чăваш сыруне вĕренмелли кĕнеке = Чувашский букварь. Казань: Изд-во Центрального чуваш. отдела при Народном комиссариате по национальному делам, 1919. 32 с.
47. *Хузангай А.П.* Чувашское языкознание XX века (предыстория, идеи и проблемы) // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: Материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 122–134.
48. Чăваш юмахĕсем / на чуваш. яз. Казань: Изд-во Центрального чуваш. отдела при Народном комиссариате по национальному делам, 1919. 29 с.
49. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 228 с.
50. Эпир пуçлăх пулни сÿлталак ситрĕ. 1917–1918 çç. / на чуваш. яз. Казань: Изд-во Центрального чуваш. отдела при Народном комиссариате по национальному делам, 1919. 35 с.

A.P. Dolgova

CHUVASH AUTONOMY
AND DEVELOPMENT OF THE LITERARY CHUVASH LANGUAGE
AND CHUVASH LINGUISTICS IN THE 1920s AND 1930s

Annotation. The article deals with the main issues concerning the situation of the Chuvash language in the 1920s–1930s; provides a brief overview of the changes that occurred in it during this period; analyzes the main trends in the development of Chuvash linguistics.

Keywords: language politics, the Chuvash language, social functions of the language, vocabulary development, graphics and spelling, the Chuvash linguistics.

КОРЕНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ЧУВАШИИ В 1920-Е ГОДЫ: ХОД, ПРОБЛЕМЫ И ИТОГИ

Аннотация. В данной статье на основе архивных материалов и опубликованных источников рассмотрен процесс коренизации органов управления сельским хозяйством и промышленностью Чувашии в 1920-е гг. Автором проанализированы результаты мероприятий, проведенных с целью коренизации аппарата, и выявлены проблемы, возникшие в ходе их реализации.

Ключевые слова: коренизация, национальные кадры, национальная политика, органы управления сельским хозяйством и промышленностью, реализация чувашского языка.

С началом 1920-х гг. партийное руководство советской России стало уделять большое внимание подготовке национальных кадров и привлечению их к работе в органах власти и управления на местах. После решений XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) и IV Всероссийского совещания ответственных работников национальных республик и областей по национальному вопросу (июнь 1923 г.) в национальных автономиях Поволжья, как и по всей стране, стала проводиться коренизация государственного аппарата и хозяйственных органов.

Следует отметить, что в региональной исторической науке политика коренизации, осуществляемая советским правительством в Чувашии в 1920-е гг., преимущественно анализировалась как один из элементов национальной политики [42; 43]. Она рассмотрена в трудах, имеющих обобщающий характер [41; 44], ряд статей специально посвящен изучению политики коренизации органов государственной власти и управления Чувашии в 1920-е гг. [38; 40; 46]. Коренизация органов управления промышленностью и сельским хозяйством ранее не становилась предметом отдельного исследования, поэтому настоящая публикация призвана осветить этот вопрос.

В первые годы существования Чувашская автономная область ощущала острую нехватку специалистов из представителей титульной нации во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. В 1920–1923 гг. формирование и деятельность земельного отдела областного исполнительного комитета Советов ЧАО, переименованного 10 мая 1922 г. в областное земельное управление (далее — обземуправление), протекали при отсутствии достаточной численности сотрудников. Причиной такого положения было как скудное финансирование, так и кадровый «голод»: специалистов по сельскому и лесному хозяйству (агрономов, ветеринарных работников, землемеров) в области насчитывалось единицы [36, с. 148; 149]. Это обстоятельство даже вынуждало земельные органы ходатайствовать перед областной чрезвычайной комиссией об освобождении специалистов из заключения для работы в земельном отделе [7, л. 6]. Не хватало не только квали-

фицированных кадров по сельскому хозяйству, но и канцелярских сотрудников. В уездах ситуация с кадрами была не менее острой.

В этих условиях кадровая политика руководства автономии сводилась к стремлению заполнить вакансии профессионалами без учета их национальности [38, с. 95]. На 1 октября 1921 г. лишь 20 % работников областных учреждений знали чувашский язык [47, с. 114]. В личном составе обземууправления в сентябре 1922 г. численно преобладали русские сотрудники, составлявшие 62,8 % наличного штата. Подавляющее большинство уездных специалистов сельского хозяйства также не являлись представителями коренной нации (см. табл. 1)* [8, л. 413; 414].

Таблица 1

**Национальный состав органов управления сельским хозяйством
Чувашской автономной области на 1 сентября 1922 г.**

Орган управления		Численность, чел.			Всего
		Чуваши	Русские	Другие национальности	
Областное земельное управление		32	54	—	86
Уездные специалисты сельского хозяйства	Инспекторы, лесничие, ветеринары	22	99	2	158
	Агрономы, техники, инструктора	35			

С осени 1923 г. в Чувашской автономии стала осуществляться планомерная работа по коренизации, предусматривавшая целенаправленное вовлечение в государственный аппарат национальных кадров. Последовательное проведение этой политики приносило свои плоды. Постепенно увеличивался национальный состав работников центральных учреждений области, в том числе и обземууправления. Если в сентябре 1922 г. сотрудники-чуваши составляли 37 % личного состава управления (см. табл. 1), то в октябре 1924 г. их доля выросла до 51 %. В уездных земельных управлениях в этот период также наметился рост численности чувашей, однако их доля по-прежнему составляла менее половины от общей численности сотрудников (см. табл. 2) [11, л. 1, 1 об.; 12, л. 64].

Таблица 2

**Национальный состав областного и уездных земельных управлений
Чувашской автономной области на 1 октября 1924 г.**

Орган управления	Численность, чел.			Всего
	Чуваши	Русские	Другие	
Областное земельное управление	43	41	—	84
Уездные земельные управления	82	108	3	193

* Здесь и далее в таблицах указана общая численность сотрудников, входивших в штат учреждения и работников, содержащихся за счет хозрасчетных средств.

В целом для органов управления сельским хозяйством ЧАО на начальном этапе проведения коренизации аппарата характерен минимальный прирост национальных кадров. На 15 декабря 1923 г. чувашей в составе областного и уездных земельных управлений было 112, русских — 142, представителей других национальностей — 4, всего — 258 чел.; на 1 декабря 1924 г. соответственно 125, 149, 3, 277 чел. [12, л. 64].

Оценивая аппарат земельных органов, руководство обземуправления в октябре 1924 г. отмечало две основные проблемы — острый дефицит кадров и низкую квалификацию специалистов. Их причинами были названы «вековой гнет чувашского народа», «русификаторская политика самодержавия» и обусловленная ими «общая темнота чувашского народа и его экономическая маломощность». В этих обстоятельствах «реализацию чувашского языка провести очень трудно и ...невозможно обслужить потребности сельского хозяйства» [9, л. 214 об.]. В 1924—1925 операционном году для увеличения числа служащих, владеющих чувашской устной и письменной речью, в обземуправлении проводились «усиленные» занятия по чувашскому языку [12, л. 68].

Серьезной проблемой, препятствующей привлечению национальных кадров, было тяжелое финансовое положение земельных органов. К примеру, из средств, выделяемых из государственного бюджета в 1924—1925 операционном году, обземуправление и сменивший его Наркомат земледелия (Наркомзем) ЧАССР имели возможность выдавать квалифицированным специалистам зарплату размером не более 50 руб. Так как на эту ставку желающих не оказалось, в течение всего года был некомплект служащих. По этой причине специалистам Наркомзема ЧАССР ставка была доведена до 74 руб. Ставки специалистов уездных земельных управлений (узземуправлений) и низовой сети, оплачиваемые из средств местного бюджета, также не превышали 55 руб. Такая оплата труда дала возможность укомплектовать агросеть довольно удовлетворительно, но недостаточное вознаграждение в сравнении с соседними губерниями не позволило поднять квалификацию персонала, большинство которого имело среднее образование и практический стаж до 3 лет [11, л. 3, 4].

В результате обследования деятельности органов управления сельским хозяйством, проведенного Чувашской областной рабоче-крестьянской инспекцией во всех уездах в первом квартале 1924 г., было выяснено, что среди участковых агрономов и других специалистов имеется значительный процент лиц, совершенно не знающих чувашского языка. В качестве примера приводилось Цивильское земельное управление, в личном составе которого числилось семь агрономов, три из которых не владели чувашским языком. По остальным уездам ситуация была аналогичная. Поэтому обземуправлению было рекомендовано «стремиться к замене местных агроработников, не знающих чувашского языка, знающими, причем не упускать из виду качество их» [10, л. 91, 100 об.].

К моменту преобразования ЧАО в ЧАССР представители коренной нации в центральных учреждениях Чувашии составляли 40 %, а в уездных и волостных организациях — 65 % [46, с. 72]. Во второй половине 1920-х гг. процесс коренизации охватил практически все звенья государственной власти и управления, и к осени 1925 г. в целом по республике доля чувашей-служащих достигла 58,5 % [39, с. 108]. В этот период ЦИК ЧАССР уделял вопросу национального состава сотрудников органов управления сельским хозяйством пристальное внимание, периодически запрашивая сведения по коренизации аппарата [19, л. 177 а].

Учитывая недостаток квалифицированных работников сельского хозяйства из чувашей и принимая во внимание, что «чувашское население в большинстве случаев слабо понимает русский язык, поэтому агроперсонал должен знать чувашский язык, а равно и местные бытовые, природные, экономические и другие условия республики» [13, л. 454], в октябре 1925 г. Наркомзем ЧАССР совместно с Главным управлением профессионального образования считал необходимым организовать подготовку необходимых специалистов путем командирования их в сельскохозяйственные высшие и средние специальные учебные заведения. В течение пяти лет из чувашей планировалось подготовить 80 специалистов по сельскому хозяйству, 40–45 землеустроителей и 40 ветеринаров [13, л. 469, 470]. С 1926 г. студенты – уроженцы Чувашии получали стипендию за счет средств местного бюджета, а также проходили летнюю производственную практику в уездных земельных управлениях [16, л. 113].

В связи с некоторым расширением штатов Наркомзема ЧАССР и подведомственных ему на местах учреждений были приняты меры к их укомплектованию квалифицированными кадрами коренной национальности. С этой целью в печати делались публикации о необходимости специалистов [15, л. 1]. Коренизация аппарата Наркомзема ЧАССР проходила с переменным успехом: в 1925 г. чуваша составляли 46 % от общего числа сотрудников, в 1927 г. их доля выросла до 50,3 %, а в 1929 г. снизилась до 48,3 % (см. табл. 3) [11, л. 1, 2; 13, л. 446; 20, л. 25, 26, 61].

Таблица 3

Национальный состав Наркомата земледелия Чувашской АССР в 1925–1929 гг.

Национальность	Численность, чел.				
	1.10.1925	1.10.1926	1.12.1927	1.10.1928	15.07.1929
Чуваши	58	83	78	112	111
Русские	68	109	77	113	107
Другие	–	7	–	5	12
Всего	126	199	155	230	230

В Наркомземе ЧАССР работала ведомственная комиссия из 5 чел. по реализации чувашского языка. Согласно ее отчетности, в октябре 1926 г. из наличного состава служащих некоренной национальности (116 чел.) владели устной чувашской речью 10 чел., желающих изучать чувашский язык насчитывалось 16 чел. [13, л. 446]. В декабре 1927 г. из 77 русских сотрудников владели чувашской речью 5 чел.; в октябре 1928 г. из 118 сотрудников – 7 чел. [20, л. 25, 26]. Таким образом, деятельность комиссии по реализации чувашского языка по его внедрению в Наркомземе ЧАССР особого успеха не имела.

В аппарате уездных земельных управлений ситуация с национальными кадрами была менее острой: если на 1 декабря 1925 г. чуваша составляли 46,8 % от общего числа сотрудников (см. табл. 4) [11, л. 2, 2 об.], то к 1 сентября 1927 г. их доля выросла до 58 %* (см. табл. 5) [19, л. 177 б].

* При анализе данных таблицы нужно иметь в виду, что штат Алатырского земельного управления, укомплектованный русскими и мордвой, в расчет не берется, так как не был вовлечен в процесс коренизации.

Таблица 4

**Национальный состав уездных земельных управлений Чувашской АССР
на 1 декабря 1925 г.**

Национальность	Численность, чел.
Чуваши	125
Русские	134
Другие	8
Всего	267

В 1926–1927 операционном году из 20 ветеринарных врачей, числившихся в штате подведомственных Наркомзему ЧАССР ветеринарных участков, знающих чувашский язык было всего 4 чел., среди 45 ветфельдшеров насчитывалось 19 чувашей [14, л. 106 об.]. Похожая ситуация на местах наблюдалась и среди специалистов других отраслей сельского хозяйства Чувашии.

Таблица 5

**Национальный состав уездных земельных управлений Чувашской АССР
на 1 сентября 1927 г.**

Националь- ность	Численность, чел.					
	Чебоксарское управление	Алатырское управление	Ибресин- ское* уп- равление	Цивильское управление	Ядринское управление	Всего
Чуваши	30	—	40	29	25	124
Русские	26	42	9	23	28	128
Другие	1	2	3	—	—	6
Всего	57	44	52	52	53	258

* В документах второй половины 1920-х гг. Батыревское уездное земельное управление иногда называется Ибресинским.

Несмотря на то, что в 1926–1927 операционном году зарплата квалифицированного персонала несколько возросла (агрономы и специалисты Наркомзема ЧАССР получали от 100 до 125 руб., уездные агрономы и специалисты – от 80 до 100 руб.), по-прежнему наблюдалась текучесть кадров и нехватка сотрудников [14, л. 213]. На 1 января 1926 г. работников сети Наркомзема ЧАССР по республике насчитывалось 1331 чел., среди них чувашей было 634 чел. (47,6 %), русских – 697 чел. (52,4 %) [15, л. 1]. К 1 января 1927 г. штат Наркомзема ЧАССР и его сети расширился до 1501 штатной единицы, из числа всех служащих 37 % составляли чувашаи, в уездных аппаратах их было 50 % [18, л. 499]. Указанные цифры свидетельствуют о том, что в условиях дефицита национальных кадров республиканское руководство было вынуждено при наборе сотрудников учитывать в первую очередь не национальную принадлежность соискателей, а их квалификацию.

Процесс коренизации затронул и сферу органов управления промышленностью Чувашии. В начале 1920-х гг. дефицит кадров в них был настолько острым, что в штате сотрудников Совета народного хозяйства (Совнархоза, СНХ) ЧаО числились даже священнослужители [3, л. 69]. В первой половине 1920-х гг.

аппарат Совнархоза ЧАО и его уездных органов имел тенденцию к сокращению. На 1 июля 1920 г. в Совнархозе ЧАО трудилось 122 чел., на 1 июня 1921 г. — 140 чел., на 1 сентября 1922 г. — 90 чел. [2, л. 152; 4, л. 184]. Существовавшие до 1922 г. четыре уездных совнархоза были упразднены и заменены уездными уполномоченными областного СНХ (4 чел.).

С 1923 г. доля чувашей в органах управления промышленностью автономии постепенно росла. В апреле 1923 г. среди сотрудников СНХ ЧАО чуваша составляли 38,2 %, в апреле 1924 г. — 39,5 % (см. табл. 6) [1, л. 47].

Таблица 6

Национальный состав Совета народного хозяйства Чувашской автономной области в 1923–1924 гг.

Национальность	Численность, чел.	
	1.04.1923	1.04.1924
Чуваши	21	17
Русские	34	25
Другие	—	1
Всего	55	43

После слияния СНХ и отдела коммунального хозяйства и образования областного отдела местного хозяйства (ОМХ) ЧАО с 1 июня 1924 г. национальный состав сотрудников претерпел значительные изменения. Если в июле 1924 г. доля чувашей среди сотрудников ОМХ ЧАО равнялась 35,5 % (см. табл. 7) [6, л. 74, 75; 26, л. 36; 29, л. 49–50; 21, л. 8], то в марте–апреле 1925 г. по результатам обследования ОМХ Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции ЧАССР сотрудники, знающие чувашский язык, составляли лишь 25 % личного состава отдела. Наркомат настоятельно рекомендовал руководству ОМХ ЧАО пересмотреть состав сотрудников и сократить штат с 39 до 32 единиц [23, л. 68; 24, л. 7, 11].

Таблица 7

Национальный состав Отдела местного хозяйства Чувашской автономной области, Центрального Совета народного хозяйства и Наркомпромторга Чувашской АССР в 1924–1929 гг.

Национальность	Численность, чел.			
	ОМХ ЧАО 1.07.1924	ЦСНХ ЧАССР 1.10.1926	Наркомпромторг ЧАССР 1.10.1928	ЦСНХ ЧАССР 1.10.1929
Чуваши	16	10	14	6
Русские	29	16	13	14
Другие	—	1	1	1
Всего	45	27	28	21

В октябре 1924 г. ОМХ ЧАО, исполняя инструкцию облисполкома по реализации чувашского языка, запланировал проведение следующих мероприятий: 1) подготовка ответов отдела и подведомственных ему предприятий на обращения граждан на чувашском языке; 2) публикация приказов, постановлений, объявлений на русском и чувашском языках; 3) привлечение в ОМХ и подве-

домственные ему предприятия чувашей или знающих чувашский язык, предпочтительный их прием на работу при равенстве квалификации с другими соискателями; 4) размещение публичной отчетности в местной прессе на чувашском языке.

Вместе с тем, ОМХ ЧАО отмечал, что быстрый пересмотр его штатов в целях привлечения лиц, владеющих чувашским языком, может неблагоприятно отразиться на работе отдела и подведомственных ему предприятий, так как в промышленности «требуется определенный навык и специализация». В связи с этим ОМХ рекомендовал хозяйственным организациям подходить к вопросу коренизации с осторожностью и предлагал организовать при ОМХ, а также при подведомственных учреждениях и предприятиях курсы по обучению чувашскому языку, привлекая в качестве педагогов владеющих языком сотрудников [33, л. 22, 22 об.].

Вследствие недостаточности средств, выделяемых из местного бюджета на содержание сотрудников, оклады были низкими настолько, что «не представлялось возможным привлечь в аппарат ОМХ не только спецов, но и вообще квалифицированных специалистов» [5, л. 332]. Зарботная плата сотрудников ОМХ в 1924–1925 операционном году составляла в среднем на служащего 36,4 руб. (высшая ставка – 129,6 руб., низшая – 11 руб.) [24, л. 7]. В отчетах ОМХ отмечалось, что «при оплате сотрудников по этим ставкам нет никакого основания ожидать плодотворной работы, и даже возможны случаи ухода сотрудников со службы» [35, л. 53, 54]. В этих условиях задача коренизации аппарата руководством ОМХ ставилась если не на последнее, то явно не на первое место при решении кадровых проблем.

По мнению руководства ОМХ, проведенное при образовании отдела сокращение штатов было достигнуто «искусственно» (путем административного нажима и без учета его целесообразности). Поэтому при преобразовании ОМХ в Центральный Совет народного хозяйства (ЦСНХ) оно настаивало на его укомплектовании достаточным количеством специалистов [5, л. 339 об.].

Общее сокращение бюджета ЧАССР, а в связи с этим сокращение административной сметы по аппарату ЦСНХ более чем на 50 % не дало возможности укомплектовать его штат необходимыми работниками [31, л. 26–35]. Аппарат ЦСНХ не имел научных сотрудников, специалистов по отраслям промышленности и экономистов. Отсутствие в пределах ЧАССР высококвалифицированных работников заставило ЦСНХ прибегать к привлечению таковых из других регионов. В течение 1925–1926 операционного года от разных специалистов в ЦСНХ поступило свыше 50 заявлений, но на условия ЦСНХ ЧАССР они не соглашались. «Извне» удалось привлечь к работе лишь 3 специалиста [32, л. 401]. При этом доля сотрудников титульного этноса в аппарате ЦСНХ в октябре 1926 г. составляла 37 % (см. табл. 7).

Недостаточность специалистов, и особенно из чувашей, знакомых с местными «условиями и бытом», привела к тому, что осуществление плановой работы органов управления промышленностью было крайне сложным. В силу этого Президиум Исполкома ЧАССР в августе 1925 г. поставил задачу по созданию кадров чувашских специалистов путем организации при предприятиях школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и командирования чувашей в технические вузы [5, л. 349 об.]. Однако процесс формирования квалифицированных рабочих кад-

ров из среды коренного населения широко развернулся лишь в конце 1920-х гг., когда в Чебоксарах стали функционировать три школы ФЗУ [45, с. 120–122]. Во второй половине 1920-х гг. командирования в вузы были единичными случаями, так как обучение в них осуществлялось за счет средств направляющих организаций [25, л. 32; 30, л. 287]. С 1926 г. студенты вузов ежегодно проходили летнюю практику при органах управления промышленностью ЧАССР [30, л. 212, 255; 34, л. 165, 166].

Формально в органах управления промышленностью комиссия по реализации чувашского языка (РЧЯ) существовала еще с 1923 г., однако ввиду постоянных реорганизаций аппарата и частой смены сотрудников «подытожить результаты работы этой комиссии <...> абсолютно невозможно» [33, л. 46]. В целях проведения в жизнь постановления Президиума ЦИК ЧАССР от 29 апреля 1926 г. для реализации чувашского языка в аппарате ЦСНХ ЧАССР 22 августа 1925 г. была образована центральная комиссия по РЧЯ из 3 чел. Ее задачей было проведение работы по реализации чувашского языка в аппаратах ЦСНХ и «Чувашлестреста», а также руководство комиссиями по РЧЯ при Ядринском маслобойном и олифоварочном заводе и фабрике «Единство» [30, л. 289].

Постановлением Президиума ЦИК ЧАССР от 24 июня 1927 г. ЦСНХ и Народный комиссариат торговли ЧАССР ввиду «незначительности промышленности и торговли ЧАССР» и с целью сокращения административно-хозяйственных расходов были объединены в Наркомат промышленности и торговли (Наркомпромторг) ЧАССР [28, л. 1]. Направляя в октябре 1927 г. штатное расписание и смету Наркомпромторга ЧАССР на 1927–1928 операционный год в Совет народных комиссаров ЧАССР для их утверждения, нарком В.М. Элеш отмечал следующее: «Фактически аппарата по промышленности в Наркомпромторге нет, его не было и год тому назад. Об этом говорит состояние дел Наркомпромторга по промышленности и результаты восстановления промышленности. Так продолжаться в дальнейшем не может» [27, л. 123]. Он «категорически настаивал» на том, чтобы средняя заработная плата сотрудников составляла не менее 67 руб., а штаты Наркомпромторга ЧАССР – не менее 24 чел. [27, л. 48]. Объединенный орган управления ввиду неэффективности своей работы просуществовал недолго: постановлением Президиума ЦИК ЧАССР от 26 сентября 1929 г. Наркомпромторг ЧАССР был реорганизован в ЦСНХ со штатом в 24 чел. и Народный комиссариат торговли ЧАССР [22, л. 1].

Деятельность существовавшей при Наркомпромторге ЧАССР комиссии по РЧЯ затруднялась отсутствием среди работников наркомата лиц, способных преподавать чувашский язык. Все обязательные постановления, изданные Наркомпромторгом, печатались на чувашском языке. Переписка с низовыми административными органами (сельсоветами и районными исполнительными комитетами) почти отсутствовала, ответы на запросы на чувашском языке давались на нем же [33, л. 46].

Постановлением Президиума ЦИК ЧАССР от 14 июля 1927 г. планировалось довести в центральных советских учреждениях ЧАССР состав служащих, владеющих чувашским языком, к 1 января 1928 г. до 75 % от общего состава сотрудников. В связи с этим органам управления промышленностью предписывалось составить список должностей, повседневно соприкасающихся с чувашским населением, и к 1 января 1928 г. заместить их лицами, знающими или изучающими чувашский язык [33, л. 45].

Однако намеченных руководством республики результатов по коренизации аппарата государственных органов к концу 1920-х гг. достигнуть не удалось. В 1927–1928 гг. среди работников республиканских учреждений и наркоматов чуваша составляли 44 %, в 1929 г. – 44,8 % [37, с. 30]. В Наркомпромторге ЧАССР на 1 октября 1928 г. числилось 14 чувашей (50 % личного состава), в ЦСНХ ЧАССР на 1 октября 1929 г. – 6 чувашей (28,6 %). Сокращение штата ЦСНХ ЧАССР было проведено путем увольнения сотрудников чувашской национальности. К концу 1920-х гг. в ЦСНХ ЧАССР наблюдался наименьший процент коренизации аппарата среди всех республиканских органов и наркоматов.

В 1920-е гг. органы управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии, наряду с остальными местными государственными учреждениями, столкнулись со сложностями в комплектовании национальными кадрами. Политика их коренизации наталкивалась на огромные трудности, связанные, прежде всего, с отсталостью Чувашского края, острой нехваткой квалифицированных кадров из чувашей, сложностями в осуществлении мероприятий по реализации чувашского языка. Отсутствие необходимого числа специалистов-чувашей вынуждало действовать руководителей органов управления зачастую вне рамок политики коренизации аппарата. В условиях постоянного сокращения штатов и дефицитного финансирования основное внимание уделялось не столько национальности, сколько профессиональным качествам сотрудников. Вышеперечисленные обстоятельства стали основными причинами, тормозившими коренизацию хозяйственных ведомств Чувашии в 1920-е гг.

Тем не менее, в указанное десятилетие в Чувашии были достигнуты определенные успехи по вовлечению представителей чувашской национальности в органы управления народным хозяйством автономии. Наиболее очевидны они были в органах управления сельским хозяйством, где во второй половине 1920-х гг. практически удалось уравнивать численность работников-чувашей с численностью сотрудников других национальностей. Тенденция на коренизацию аппарата наблюдалась и в органах управления промышленностью Чувашии. Однако здесь ситуация осложнялась их частыми реорганизациями и сокращениями штатов, отрицательно влиявшими на численность национальных кадров.

Список источников и литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 15.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. (ГИА ЧР). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 8.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 109.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 115.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 12.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 24.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 20.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 28.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 806.
10. ГИА ЧР. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 807.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 8.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 10.
13. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 11.
14. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 159.

15. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 160.
16. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 162.
17. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 416.
18. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 417.
19. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 420.
20. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 607.
21. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 481.
22. ГИА ЧР. Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 501.
23. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 7.
24. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 181.
25. ГИА ЧР. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 7.
26. ГИА ЧР. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 24.
27. ГИА ЧР. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 159.
28. ГИА ЧР. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 383.
29. ГИА ЧР. Ф. Р-414. Оп. 2. Д. 11.
30. ГИА ЧР. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 4.
31. ГИА ЧР. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 12.
32. ГИА ЧР. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 13.
33. ГИА ЧР. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 24.
34. ГИА ЧР. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 26.
35. ГИА ЧР. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 31.
36. *Гончарова С.В.* Формирование и деятельность земельного отдела (управления) исполкома Чувашской автономной области в 1920–1925 гг. // Эволюция аграрных отношений в России (к 150-летию отмены крепостного права): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 17–18 февраля 2011 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. С. 148–152.
37. Десять лет Чувашской АССР (1920–1930) / ред. В. Токсин. Чебоксары: ЦИК ЧАССР, 1930. 324 с.
38. *Димитриев И.А.* Политика коренизации органов исполнительной власти Чувашской автономной области (1920–1925) // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. статей / сост. и отв. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 94–97.
39. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945 / А.В. Изоркин, В.Н. Клементьев, Г.А. Александров. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 261 с.
40. *Капранов А.В.* Политика реализации чувашского языка в 1920-е гг. (на материалах уездных исполкомов Чувашии) // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): сб. статей. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 107–111.
41. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. В 2 кн. Кн. 2. Создание чувашской государственности, 1920–1925. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 382 с.
42. *Козлов Ф.Н.* Политика коренизации и языковое строительство в 1920–1930-е годы (на примере Чувашии и Мордовии) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: Материалы XVI Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 292–297.
43. *Минеева Е.К.* Деятельность Наркомнаца РСФСР и его отделов в национальных районах Среднего Поволжья по подготовке и коренизации специалистов в первые годы советской власти // Ученые записки РГСУ. 2007. № 3. С. 112–119.
44. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 594 с.
45. *Николаева Г.В.* Социально-экономические и политические условия становления и развития начальной профессиональной школы Чувашии в годы восстановления и индустриализации народного хозяйства (1917–1940 гг.) // Казанский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 118–124.
46. *Тимофеев В.Г.* Осуществление политики коренизации аппарата правоохранительных органов Чувашии (1920–1936) // Из истории Чувашии советского периода: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. С. 69–77.
47. Хозяйственное строительство Чувашской автономной области: отчет областного экономического совещания на 1 октября 1921 г. Чебоксары: Облэконосо, 1921. 120 с.

S.V. Okhotnikova

**KORENIZATION OF AGRICULTURAL AND INDUSTRIAL MANAGEMENT BODIES
IN CHUVASHIA IN 1920s: PROGRESS, PROBLEMS AND RESULTS**

Annotation. In this article, based on the materials of the state historical archive of the Chuvash Republic, the author considers the process of the korenization of the management bodies of industry and agriculture in Chuvashia in the 1920s. the Author analyzes the results of measures taken to root the device, and identifies the problems that arose during their implementation.

Keywords: korenization, national cadres, national politics, agricultural and industrial management bodies, realization of the Chuvash language.

А.И. Мордвинова

ЧУВАШИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ НА VIII ВЫСТАВКЕ АССОЦИАЦИИ ХУДОЖНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. В 1926 г. в Москве состоялась грандиозная VIII выставка Ассоциации художников революционной России (АХРР) «Жизнь и быт народов СССР». В связи с этим для художников впервые были организованы творческие командировки. Работая во многих регионах страны, они отобразили жизнь народов России во всем ее разнообразии. Чувашия стала местом работы московских и казанских живописцев. Восемь их произведений были включены в экспозицию.

Ключевые слова: VIII выставка АХРР, Чувашия в произведениях живописи, советские художники 1920-х гг.

В 1920-е гг. появились новые формы художественной практики, осуществляемые в масштабах молодой советской России. На средства государства впервые были организованы творческие поездки живописцев и графиков. В потоке сложных и разнообразных событий жизни этот формат стал одним из важнейших способов становления новой художественной культуры и государственной идеологии, началом рождения цельного и однородного художественного пространства после «взрывных» формально-стилистических исканий конца XIX в. и первых двух десятилетий XX в.

Творческие экспедиции, осуществленные в 1925 г., были связаны с подготовкой VIII выставки Ассоциации художников революционной России (АХРР) под названием «Жизнь и быт народов СССР». Ее открытие состоялось 3 мая 1926 г. в Москве на территории сельскохозяйственной выставки (ныне Центральный парк культуры и отдыха им. А.М. Горького). Это была самая грандиозная выставка нового времени, включившая 1832 работы 294 авторов – живописцев, графиков и скульпторов. Группы художников побывали в северных областях страны – Мурманской, Архангельской, Вологодской и Вятской тогда еще губерний, на Урале и в Сибири, на Украине и в Белоруссии, в Крыму, на Кавказе, в республиках Средней Азии – всего в семнадцати направлениях [6, с. 94]. В Среднем Поволжье художники работали в Марийской области, в Чувашской и Татарской республиках.

К этому времени ассоциация, возникшая в 1922 г., обрела статус самой многочисленной творческой организации, в которую постепенно вливались художники всех регионов страны, и стала ведущей проводницей идеологии государства. Пропаганда советского образа жизни через искусство явилась мощной поддержкой в становлении и укреплении нового социального строя. Ассоциация ставила перед собой задачи, связанные именно с идеей формирования нового по своему содержанию социалистического искусства. Не случайно и создание в 1924 г. ее издательской части под руководством В.Н. Перельмана. В жестком противосто-

янии художников-реалистов и сторонников «левого» искусства, печатная продукция АХРР сыграла не последнюю роль в победе первых. Так «Декларация Ассоциации художников революционной России» с четко и энергично сформулированными задачами и установками на перемены в художественной жизни страны печаталась на авантитуле всех каталогов выставок, она была помещена и в брошюре-каталоге выставки «Жизнь и быт народов СССР» [3; 7].

VIII выставка АХРР во многом отличалась от предыдущих. В первую очередь, именно предварительной подготовкой в течение почти года. Весной и летом 1925 г. состоялись творческие командировки, а осенью выставочный комитет ассоциации выслал в разные города листы-анкеты с вопросами для участников будущей выставки. Несмотря на то, что не все анкеты вернулись с ответами, была собрана хоть и не полная, но все же достаточно большая информация не только о личных данных художников, но и о приблизительном количестве работ, о регионах, откуда должны были поступить произведения.

Запрошенная на организацию выставки президиумом АХРР сумма в 100 тысяч рублей не была удовлетворена Совнаркомом СССР, ее сократили до 75 тыс. руб., из них на командировки — 40 тыс. руб. [18, с. 14]. Ранее запланированное количество маршрутов, число командированных художников и сроки поездок были сокращены. Учитывались расходы на дорогу, на «снаряжение» и проживание [6, с. 94]. Всего по заданию АХРР побывали в экспедициях 46 мастеров — живописцы, скульпторы и графики. Однако экспонентов выставки было гораздо больше. Многие художники совершили поездки по СССР в рамках подготовки к выставке на собственные средства, другие — работали в своем регионе без командировочных расходов. Художники Чувашии, которых в то время было всего несколько, на этой выставке не были представлены*.

* * *

Известно, что члены выставочного комитета при распределении мест командировки старались учитывать интересы художников. Поэтому, кроме Ф.С. Богородского и Н.С. Козочкина, все живописцы, побывавшие в Чувашии, так или иначе имели с ней связи, некоторые приезжали в Чебоксары и раньше.

М.С. Спиридонов в своих дневниках перечисляет имена художников, которые, как он считает, побывали в Чувашии в связи с подготовкой к VIII выставке АХРР: **Ф.С. Богородский, П.М. Байбарышев, Н.С. Козочкин и Н. Литвиненко** во главе с **П.А. Радимовым**. «Это содействовало организации чуваш. филиала АХРРа», — пишет он [1, л. 3]. Однако записи М.С. Спиридонова относятся к концу 1960-х гг., поэтому он не совсем точен в своих воспоминаниях. Моисей Спиридонович прав в том, что Павел Александрович Радимов прибыл в Чебоксары как один из организаторов ассоциации. Он был занят, вероятно, именно этими вопросами. На VIII выставке он не показал ни одной картины, посвященной Чувашии: в экспозиции были работы, написанные в Марийской области и в Татарии, о чем свидетельствует каталог выставки. В Чебоксарах П.А. Радимов бывал и

* В начале 1926 г. в списке вновь организованного Чебоксарского отделения АХРР названы П.Е. Мартенс, К.М. Васильев (Катнуй), В.Д. Нефедьев, Г.Д. Данилов, В.Д. Семенов, М.С. Спиридонов и Г.С. Спиридонов [16, с. 329]. Кроме того, П.Е. Мартенс в письме к М. и Г. Спиридоновым в г. Канаш, где они тогда жили, называет фамилии художников — Постников и Комаров. Однако, после 1926 г. эти имена нигде не встречаются, так же как и В.Д. Семенова — художника из Ядрина [8, л. 1].

раньше – примерно с 1913 г. Здесь в течение нескольких лет он с семьей снимал дачу в Будаике. В 1918 г. художник писал: «В это лето мы не хотели ехать в Чебоксары, куда ездили четыре года подряд, а сняли дачу под Казанью...» [13, с. 24].

По направлению АХРР в командировку из Москвы приезжали только двое: Ф.С. Богородский и Н.С. Козочкин. Богородский писал: «Впервые в истории советского искусства художники должны были разъехаться по необъятным просторам СССР для поисков новых тем, новых явлений, новых людей – строителей коммунизма... Я с художником Козочкиным поехал на Волгу к чувашам и марийцам» [5, с. 112]. Действительно, оба художника показали на VIII выставке АХРР картины из жизни чувашского и марийского народов. В дальнейшем они в Чувашию не приезжали.

Другие художники – участники VIII выставки – П.М. Байбарышев и Г.Г. Медведев представляли Казанский филиал АХРР. Первый из них участвовал только в одной выставке ассоциации – в VIII – с картиной «Чувашский базар», второй – дважды – в III и VIII. На последней он так же, как и Байбарышев, представил только одну картину – «Чувашки за работой».

Поездка Петра Михайловича Байбарышева в Чувашию была, скорее всего, единственной. Григорий Григорьевич Медведев же приезжал в Чувашию не раз. Из его воспоминаний знаем о том, что он с семьей жил летом возле Чебоксар, и представленная на выставке картина была, возможно, написана по впечатлениям и этюдам нескольких поездок. В своих воспоминаниях о Н.И. Фешине он писал: «...Помню последний его (Фешина) приезд, когда мы жили летом около г. Чебоксар[ы]. Он снял домик в соседней с нами деревне на берегу Волги...» [15]. Известно, что Н.И. Фешин уехал из России в 1923 г. Поэтому картина «Чувашки за работой» могла быть написана и ранее 1925 г. Но возможно и то, что он приезжал в Чебоксары именно для написания представленной на VIII выставке картины.

Сомнение в достоверности даты и списка имен, указанных М.С. Спиридоновым в своих блокнотах, вызывает упоминание среди художников, которые приехали в Чувашию в 1925 г., фамилии Литвиненко. Среди участников VIII выставки его нет так же, как и в списках экспонентов других выставок. Можно предположить, что это Латвиненко, опубликовавший в 1927 г. в журнале «Сунтал» небольшую статью о М.С. Спиридонове [10, с. 27]**. Подпись под ней – «Ху-

* Байбарышев Петр Михайлович (1894–1942) – живописец, график, художник декоративно-прикладного искусства. Обучался (с перерывом на военную службу) в Казанской художественной школе в 1911–1923 гг. (с 1923 г. – Казанский художественный техникум). Член Татарской АХРР (1923), Союза художников СССР (1940). Преподавал в художественных заведениях Казани, активный участник художественной жизни 1920–1930-х гг. Ученик Н.И. Фешина. Погиб в Великую Отечественную войну. Из воспоминаний народного художника СССР Х.А. Якупова о художниках-фронтовиках: «Понесло большие потери и наше знаменитое Казанское художественное училище. Самый опытный педагог, директор училища, Петр Михайлович Байбарышев, известный казанский художник, участник выставок ТатАХРР еще в 1920-х гг., ушел на фронт в возрасте 47 лет и через год был убит фашистами» [20].

Медведев Григорий Григорьевич (1899–1980) – живописец, композитор. Ученик Н.И. Фешина, он был активным участником художественной жизни Казани в 1920–1930-х гг., преподавал в Казанском художественном училище.

** Таким образом, кроме известной статьи Ф.П. Павлова «На выставке картин», в журнале «Сунтал» [12, с. 19] имелась еще одна публикация о чувашском искусстве, хотя и была посвящена М.С. Спиридонову.

дожник Ник. Латвиненко». В рукописном варианте статьи, обобщая творчество мастеров, изображавших на своих полотнах жизнь чувашей, он называет и себя: «Изображающих жизнь чувашского народа художников мы знаем пять-шесть. Из них же четыре художника – русских (“Чувашский базар” Байбарышева, “Чувашская этнографическая композиция” Богородского, “Стирка белья” Козочкина, “Чуваши на ярмарке” Бычкова, “Чувашские этюды” Радимова), и автор этих строк» [1, л. 1]. Но в истории советской и чувашской живописи его имя больше не встречается, упоминания его картин мы также не нашли.

Еще один живописец – В.П. Бычков не был в Чебоксарах в 1925 г., но приезжал сюда неоднократно и написал здесь не одну картину. Его полотно «Чуваши на ярмарке», показанное на VIII выставке, датировано 1913 г. В настоящее время оно находится в собрании ЧГХМ и имеет название «На ярмарке». Однако, изучая материалы VIII выставки по разным источникам, мы столкнулись с данными, противоречащими друг другу. Так, в указанном каталоге 1926 г. названа только одна работа В.П. Бычкова – «Чуваши на ярмарке». А в сборнике документов АХРР, опубликованном в 1973 г., перечислено 14 его произведений, показанных на выставке*. Возможно, среди них были и другие, написанные в Чебоксарах. Но это трудно установить, так как многие из них имеют условные названия – «В базарный день», «На Волге», «На ярмарке», которые не позволяют уверенно причислить их к чебоксарской тематике. Известно, что уроженец г. Ярославля В.П. Бычков много путешествовал по Волге и написал десятки картин и этюдов в разных городах, стоящих на берегах любимой реки. «С 1903 по 1920 годы В.П. Бычков каждое лето выезжал на Волгу под Кинешму, часто посещал Чебоксары», – пишет О.В. Никандрова в статье «Художник В.П. Бычков. Волга как источник вдохновения» [21]. В Чебоксары он приезжал в течение 1907–1916 гг. В ЧГХМ хранится 15 его живописных произведений, которые интересны как этнографические зарисовки и свидетельства событий новой жизни советской страны. Среди них: «Чувашская изба», «Чуваши в Чебоксарах на базаре», «Чувашка», «Чувашка в национальном костюме», «Пристань на Волге» и др., написанные в течение 1908–1931 гг.**

* Авторы этого сборника в начале главы «Участники выставок АХРР» сделали сноску, в которой отметили многочисленные неточности в первых каталогах Ассоциации [2, с. 334]. Судя по тому, что в разных источниках одно и то же произведение имеет разные названия, указанные здесь работы также могли быть на VIII выставке.

** Произведения В.П. Бычкова, находящиеся в ЧГХМ:

1. «У карусели» (1908).
2. «На ярмарке» (1913).
3. Эскиз «У карусели» (1910-е).
4. Эскиз «У карусели» (1916).
5. Эскиз «У карусели» (1914).
6. «Чувашская изба» (?).
7. «На базаре» (1914).
8. «Чуваши в Чебоксарах на базаре» (1914). Закуп. у В.Я. Андреева в 1977 г.
9. «Чувашка» (1914–1915).
10. «Чувашка» (1915).
11. «Чувашка» (1915).
12. «Пароход “Встречный”» (?).
13. «Чувашка» (1908).
14. «Пристань на Волге» (1931).
15. «Чувашка в национальном костюме» (1931).

Вероятно, так обстояли дела во всех регионах России: художники использовали ранее написанные этюды для создания произведений к большой выставке или представили картины, созданные не специально, но тематически подходящие для нее. Учитывая количество участников VIII выставки АХРР, большая их часть не вошла в список командированных художников: они жили и работали в своих городах и не выезжали куда-то специально.

* * *

Итак, результатом подготовительной работы и усилий не только художников, но всех звеньев государственно-властных структур в области искусства стала грандиозная VIII выставка АХРР «Жизнь и быт народов СССР». Она включила в свой состав почти две тысячи произведений живописи графики и скульптуры. Тематический принцип формирования выставок был сосредоточен в первую очередь на событиях, наиболее ярко характеризующих жизнь молодого государства.

VIII выставка состояла из 15 отделов. Первый – Общий отдел – включал в себя два раздела: а) Общественно-политический и б) Раздел формальных исканий. Ни в тот, ни в другой разделы не попали работы, написанные в Чувашии, и это сразу дает им объективную характеристику: среди них не оказалось таких, которые бы трактовали «как общественно-политические, так и исторические моменты во всей широте их значения, или общие для всего Союза социальные явления» [7, с. 7], по своим формальным критериям они также не представляли интереса, так как следовали традициям реалистической школы.

Далее отделы (со II по XII) распределены по территориям – от Молдавии до Сибири. Небольшой отдел – XIII «Красный флот», XIV – «Скульптура», XV – специальный раздел экспозиции был посвящен памяти М.В. Фрунзе, председателя Реввоенсовета СССР, умершего незадолго до открытия выставки.

Такое распределение картин вызвало сложности для общего восприятия выставки. Не совсем удачная экспозиция была отмечена многими, писавшими о ней. «Выставка... перегружена экспонатами. Зрителю трудно сразу осилить такой колоссальный материал. Помимо этого, принцип распределения картин, очень показательный с этнографической точки зрения, не совсем удобен для оценки отдельных художников, работы которых разбиты по нескольким отделам» [14]. Действительно, работы Ф.С. Богородского и Н.С. Козочкина были размещены, кроме раздела Чувашской АССР, еще и в первом Общем отделе: Богородский в «Общественно-политическом разделе», а Козочкин – в «Разделе формальных исканий». Богородский был представлен еще и в московском разделе. Зато «чувашские» экспонаты были помещены вместе – они вошли по территориальному распределению в V отдел – «Среднее и Нижнее Поволжье». Это дало цельную и завершенную картину, и, очевидно, что многие регионы выглядели так же – национальные мотивы в них были основными. Так, в разделе Башкирии были картины «Дворик в Башкирии» В.В. Иванова, «Башкирка в национальном костюме» В.А. Тараканова, в разделе Татарии – «Татарка-пряха» П.П. Бенькова, «Татарская деревня» П.А. Радимова, в разделе Узбекской ССР – «Сбор хлопка» П.И. Котова, «Горшечники» и «Узбечка» С.В. Рянгиной. И таких примеров – сотни. Не случайно А.В. Луначарский в своей речи на открытии VIII выставки отметил, что она имеет художественный, географический и этнографический характер. Современные исследователи дают выставке более жесткую характеристику. «...Эт-

нография, любовно перерисованные узоры рукавов блузы крестьянки все же больше привлекают художника, чем отражение нового быта деревни», — пишет А.А. Шаняевская, считая, что «бурьян старого быта» оказался столь густым, что за ним не стало видно ростков нового [19]. Сельская тематика и пейзажные виды занимали значительную часть экспозиции II–XII отделов.

Можно понять художников, приехавших в Чувашию за интересными темами и сюжетами. Плановая индустриализация республики началась лишь во второй половине 1920-х гг. Небольшой до недавнего времени уездный город Чебоксары с его старинной архитектурой, в которой доминировали церкви, не мог стать главным объектом их творческих интересов в силу поставленных АХРРом задач. Самобытная же национальная культура была для них нова и интересна, и так называемый «бурьян старого быта» оказался для художников самой яркой и привлекательной стороной в жизни Чувашской автономии середины 1920-х гг. Ф.С. Богородский и Н.С. Козочкин работали в Чебоксарах и более двух месяцев в пригородном селе Вомбукасы. Впоследствии Богородский писал: «Нас привлекали к себе чудесное волжское раздолье и незнакомый народ, сохранивший старинные романтические обычаи и костюмы, сулящие живописцу еще неизведанные красочные богатства» [17, с. 112.].

Таким образом, произведения, написанные в Чувашии, были представлены на выставке пятью живописцами — Ф.С. Богородским, Н.С. Козочкиным, Г.Г. Медведевым, П.М. Байбарышевым и В.П. Бычковым. Список их произведений таков:

1. Ф.С. Богородский. «Чуваши (этнографическая композиция)*»;
2. Ф.С. Богородский. «Чувашские пионерки»;
3. Г.Г. Медведев. «Чувашки за работой»;
4. П.М. Байбарышев. «Чувашский базар»;
5. Н.С. Козочкин. «Стирка белья» («Стирка белья в Чувашии»);
6. Н.С. Козочкин. «Пастух» («Чувашский пастух»);
7. В.П. Бычков. «У карусели»;
8. В.П. Бычков. «Чуваши на ярмарке**».

Ф.С. Богородский был наиболее крупной личностью не только среди художников, побывавших в Чувашии, но и в истории советского искусства. Он открыл своим творчеством новые, остросоциальные темы и выделился яркой индивидуальной манерой письма. В публикациях того времени, включая обзоры выставок АХРР, отмечались новизна и оригинальность его картин, широта интересов и смелость поисков. До 1925 г. им уже были написаны первые картины серии о беспризорниках — «превосходнейшей группой социальных портретов... Молодой Богородский показывает себя не только живописцем психики, не только человеком, умеющим очень остро передать ее, но и крепким рисовальщиком и небезынтересным колористом», — писал А.В. Луначарский [11, с. 218–219].

Картину Ф.С. Богородского «Чувашская семья» можно считать классическим образцом этнографической части выставки. Лаконичное решение композиции группы из пяти фигур, точность в изображении национального костюма,

* В статье используется название «Чувашская семья», под которым картина хранится в Чувашском государственном художественном музее, куда поступила в 1969 г. от Дирекции художественных выставок Министерства культуры РСФСР.

** В каталоге произведения не датированы.

Ф.С. Богородский. «Чувашская семья».
1925. Холст, масло. 192х125. ЧГХМ

Ф.С. Богородский. «Чувашские пионерки».
1925. Холст, масло. 70,5х88,5. ЧГХМ

Н.С. Козочкин. «Чувашский пастух». 1925.
Холст, масло. 83х66,5. ЧГХМ

Н.С. Козочкин. «Стирка белья в Чувашии».
1925. Холст, масло. 68,5х88,5. ЧГХМ

выразительность каждого образа выделили ее из многочисленных этюдов этнографического характера других художников*. Кроме того, картина являет собой образец его живописной манеры, сформированной именно в 1920-е гг. — монументально-обобщенная, крупнофигурная композиция несет печать влияния экспрессионизма.

Федор Семенович написал в эту поездку много работ: несколько больших полотен и много рисунков [4, с. 20]**. В «чувашском» разделе была выставлена еще одна его картина «Чувашские пионерки», написанная в более традиционной реалистической, можно сказать даже этюдной манере***. В этой работе им реализованы программные аххровские установки, которые, однако, не увенчались большой завершенной картиной. При том идея была интересной: группа марширующих пионерок и наблюдающих за ними женщин в национальных костюмах изображена на фоне надвратной церкви Феодора Стратилата Чебоксарского мужского Свято-Троицкого монастыря.

Московский художник Николай Сергеевич Козочкин показал на выставке восемь работ в разделе формальных исканий, не относящихся к чувашской тематике, и две работы в разделе Чувашской АССР. В обзорной статье, посвященной выставкам АХРР, А.В. Луначарский упоминает его: «Мне очень нравится ранняя зрелость и в то же время несомненная юность Козочкина», — пишет он [11, с. 218]. И это не удивительно, так как учившийся некоторое время в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у великолепных живописцев А.Е. Архипова и К.А. Коровина, художник заметно выделялся свободной и сочной манерой письма. Его действительно не интересует этнографическая составляющая изображения, он решает чисто формальные, колористические задачи.

Картины казанских художников Г.Г. Медведева («Чувашки за работой») и П.М. Байбарышева («Чувашский базар») нам неизвестны. Работы же Ф.С. Богородского, Н.С. Козочкина и В.П. Бычкова в разное время попали в ЧГХМ, часть из них находится в постоянной экспозиции, значительно обогатив изобразительный материал 1920-х гг.

* * *

Таким образом, VIII выставка Ассоциации художников революционной России «Жизнь и быт народов СССР» явилась первой масштабной выставкой страны, на которой были представлены произведения, созданные в Чувашии и посвященные ей. Московские живописцы Ф.С. Богородский, Н.С. Козочкин и В.П. Бычков, казанские — П.М. Байбарышев и Г.Г. Медведев восприняли жизнь ее народа как самобытный и богатый кладезь национальной культуры. Несколько одностороннее изображение жизни советской Чувашии можно оправдать искренним интересом к ее народу, традиционному быту, необычайной красоте народного костюма, декоративно-прикладного и музыкально-песенного творчества. Кроме того, Чувашия, которая показана художниками исключительно с этнографической точки зрения, действительно была таковой, крупная промышленность стала развиваться позднее, Чувашский край был преимущественно сельскохозяйственным.

* Анализ картины сделан Г.Н. Ивановым-Орковым в статье «Материалы к атрибуции картины московского живописца Ф.С. Богородского “Чувашская семья”» [9].

** В этой книге [4] картина «Чуваши» воспроизведена в приложении «Иллюстрации» под номером 6. В каталоге выставки картина называлась «Чуваши (этнографическая композиция)».

*** Ныне находится в собрании Чувашского государственного художественного музея.

Поставленные АХРР задачи «художественного документализма» и «героического реализма» были решены как в больших завершенных полотнах, так и в многочисленных этюдах. Непосредственная работа с натурой, общение с людьми разных социальных слоев расширили тематический круг произведений. На выставке были показаны произведения, вошедшие в золотой фонд советской реалистической живописи. Например, картины серии «Беспризорники» Ф.С. Богородского, «Расстрел 26 бакинских комиссаров» И.И. Бродского, «Строительство Земо-Авчальской гидроэлектростанции (ЗАГЭС)» Б.В. Иогансона, «Русская Венера» Б.М. Кустодиева. Была представлена целая галерея портретов государственных и политических деятелей, участников Октябрьской революции 1917 г. и передовиков труда. Отдельной темой прозвучала лениниана. «Нет никакого сомнения, что выставка ответила на определенное социальное задание, — отметил А.В. Луначарский в приветственной речи на открытии выставки. — Это задание поставлено сознанием нашей страны не только перед живописцами, не только перед теми или другими отрядами культурников — это то самое задание, которое страна поставила перед собой в целом» [11, с. 225].

1925 г. стал важным рубежом для становления чувашского профессионального искусства. Командировка П.А. Радимова в Чебоксары для организации здесь филиала АХРР, общение немногочисленных художников Чувашии с московскими и казанскими мастерами, задачи, поставленные перед всем творческим сообществом страны и озвученные с высоких трибун, стали событиями, направившими развитие изобразительного искусства в Чувашии и включившими его в художественную жизнь страны.

Список литературы и источников

1. Архив Чувашского государственного художественного музея. КП-732.
2. Ассоциация художников революционной России: сб. воспоминаний, статей, документов / сост. И.М. Гронский, В.Н. Перельман. М.: Изобразительное искусство, 1973. 503 с.
3. АХРР. Восьмая выставка картин и скульптуры. «Жизнь и быт народов СССР». Л.: Изд-во Ассоциации художников революционной России, 1926. 122 с.
4. Богородский Ф.С. Автобиография. М.: Искусство, 1938. 138 с.
5. Богородский Ф.С. Воспоминания художника. М.: Советский художник, 1959. 319 с.
6. Варламова А.А. Опыт первой творческой командировки советских художников // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 3 (24). С. 93–98.
7. Восьмая выставка картин и скульптуры АХРР. «Жизнь и быт народов СССР»: справочник-каталог. М.: Изд-во Ассоциации художников революционной России, 1926. 86 с.
8. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. Р-2741/1527. Оп. 1. Д. 1.
9. Иванов-Орков Г.Н. Материалы к атрибуции картины московского живописца Ф.С. Богородского «Чувашская семья» // Чувашское искусство: сб. статей. Чебоксары, 2009. Вып. 6. С. 229–236.
10. Латвиненко Н. Художник М. Спиридонов // Сунтал. 1927. № 10. С. 27.
11. Луначарский А.В. На выставках // Ассоциация художников революционной России: сб. воспоминаний, статей, документов / сост. И.М. Гронский, В.Н. Перельман. М.: Изобразительное искусство, 1973. 503 с.
12. Павлов Ф.П. На выставке картин // «Сунтал». 1927. № 11. С. 19–20.
13. Радимов П.А. О родном и близком. Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1973. 160 с.
14. Рогинская Ф. XIII выставка АХРР // Правда. 1926. № 104 (3333). 8 мая.
15. Сарчин Р.Ш. Казанское окружение Н.И. Фешина. Казань: Изд-во АН РТ, 2019. 194 с. // <https://stihi.ru/2019/03/14/6426> (дата обращения: 20.02.2020).
16. Ургалкина Н.А. Художники Чувашии. Библиографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 480 с.

17. Федор Богородский. Воспоминания. Статьи. Выступления. Письма: сб. / сост. С.В. Разумовская. Л.: Художник РСФСР, 1987. 540 с.
18. Шанявская А.А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 годов: автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. СПб, 2017. 22 с.
19. Шанявская А.А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 годов / dslib.net Библиотека диссертаций.
20. <http://izo-museum.ru/>; <http://республика21век.рф/>.
21. wikiredia.ru/wiki/Бычков,_Вячеслав_Павлович.

A. Mordvinova

**CHUVASHIA
IN THE WORKS OF SOVIET ARTISTS AT THE VIII EXHIBITION
OF THE ASSOCIATION OF ARTISTS OF REVOLUTIONARY RUSSIA**

Annotation. In 1926, Moscow hosted the grandiose VIII exhibition of the Association of artists of revolutionary Russia (AKhRR) «Life and life of the peoples of the USSR». In this regard, creative business trips were organized for artists for the first time. Working in many regions of the country, they reflected the life of the peoples of Russia in all its diversity. Chuvashia became the place of work of Moscow and Kazan painters. Eight of their works were included in the exhibition.

Keywords: VIII exhibition of AKhRR, Chuvashia in the works of art, soviet artists of the 1920s.

Н.Г. Ильина

РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЧУВАШСКОМ УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются реалии советской действительности 20–30-х гг. XX в. через призму чувашского народного творчества. Автором отмечается, что темы и мотивы многих фольклорных произведений того периода далеко не всегда отражали реальное положение вещей.

Ключевые слова: революция 1917 г., советская власть, собиратели фольклора, чувашское устное народное творчество, антирелигиозная тема, колхозное строительство, образ Сталина.

После Октябрьской революции 1917 г. культура в целом оказалась частью государственной политики, попала под контроль коммунистической партии. Главной целью большевистской программы построения социализма было формирование нового коммунистического сознания, нового человека – строителя светлого коммунистического будущего. Исходя из этого «с точки зрения марксистско-ленинской исторической науки, фольклор представлял собой ценный источник, отражающий этапы классовой борьбы и настроения масс. Поэтому одной из задач советской науки стало конвертирование фольклора из состояния “мертвого капитала” в действенное орудие для борьбы за новую жизнь» [22].

В развитии исследований в области фольклора немаловажную роль сыграло создание в феврале 1921 г. «Общества изучения местного края» при Центральном чувашском музее, в июне 1923 г. – Союза чувашских писателей и журналистов «Канаш». Члены этих организаций проводили экспедиции, собирали и изучали фольклорные произведения. Собранный ими материал показывает, что в народной среде стали появляться новые произведения, отражающие социалистическое строительство и «рост коммунистических элементов» в сознании людей. Из всего жанрового репертуара наиболее многочисленную группу составляли пословицы и поговорки. В них, в основном, клеймили «*патша саманине*» (царскую эпоху) и восхваляли Ленина, новую советскую власть: «*Патша сұмёнче – вилём умёнче*» (Рядом с царем – перед смертью)*; «*Ёлэххи саккун кама чышкă, кама сăкăр ситернĕ*» (Старый закон кому тумачи давал, кого хлебом кормил); «*Ленин асне тытрăмăр – сұтă пурнăç турăмăр*» (Продолжили задуманное Лениным – построили светлую жизнь); «*Ленин вĕрентнĕ – революци сĕнтернĕ*» (Ленин учил – революция победила); «*Авал хĕрарăм алăк хысёнче, халь Совет ёсёнче*» (В давности женщина за дверью, ныне труженица Советов); «*совет власĕ – халăх власĕ*» (советская власть – народная власть); «*Сăпаççипă, Совет, сана пире ырлăх панăйшăн*» (Спасибо, Совет, за то, что дал нам благодать) [16, с. 417–420] и т.д. Эти устно-поэтические произведения – краткие по форме, но емкие по смыслу – были весьма

* Здесь и далее подстрочный перевод наш – Н.И.

близки так называемым агитационным плакатам, которые в целях пропаганды массово распространялись в СССР.

Помимо пословиц и поговорок создавались загадки на новые темы, о новых предметах и явлениях, характерных для социалистической жизни. Таковы, например, чувашские загадки о флаге, электричестве, плуге и т.д.: «Шалча сунче хёрлэ кайк явнать» (На шесте сидит красная птица); «Сунать-сунать, сунса пётереймест» (Горит-горит, никак не перегорит); «Анчах суралтӑм, ват карчӑка пётертӑм» (Только что родился, убил древнюю старуху). При создании новых загадок нередко используются старые образы. К примеру, загадка о радио: «Шупашкарта шӑпӑр калаççӗ, Хирлепре хёрсем ташлаççӗ» [В Чебоксарах играют на пузыре (музыкальный инструмент. — Н.И.), в Хирлепах девушки танцуют] [13, с. 54].

После Октябрьской революции появляются также сказки, в которых отразились недавние исторические события и наступившие «светлые времена». Так, по мнению А.И. Петрухина, в «ряде народных сказок “Освобождение России от царя и других извергов”, “Нужда”, “Находка счастья” и др. — запечатлен трудовой пафос, порожденный революцией, и гневный голос, как бы обличающий прошлую долю народов. В некоторых сказках изображены картины установления нового Советского государства и укрепления союза рабочего класса с крестьянством» [11, с. 62]. Например, содержание чувашской сказки «Телей тупни» (Находка счастья) коротко сводится к следующему. В прошлом народы жили в большой нужде. Они искали счастья и избавления от нищеты. Однажды появился мудрый старец и сказал, что в лесу находится гнилой дуб, на вершине которого живут хищные птицы, а под корнями ползают змеи. Чтобы найти счастье, учил старец, надо выкорчевать этот дуб, а из его древесины выстроить мост через реку, которая отделяла деревню от народа. Народ так и сделал, и люди обрели свободную счастливую жизнь. В знак великого союза между городом и деревней на дороге у моста поставили столб, на котором прибили серп и молот. Здесь сказитель хотел образно рассказать о том, что союз рабочего класса и крестьянства явился той исторической революционной силой, которая опрокинула старый прогнивший эксплуататорский строй и открыла эпоху царства свободы и труда. И, конечно же, герб с изображением серпа и молота — это символ нового государства диктатуры пролетариата — государства рабочих и крестьян и их нерасторжимой связи [11, с. 62].

Так, в большинстве произведений устного народного творчества обрисовывалась прекрасная жизнь, наступившая после Октябрьской революции 1917 г. и которая принесла свет, добро, равенство, избавила народ от нищеты. Но надо было построить совершенное государство, а на пути к коммунизму стоит много препятствий. Одно из самых трудных — религия. В ней большевики видели самого серьезного конкурента коммунистической идеологии. И в первые же после революционные годы получило развитие заметное вероотступничество, насмешки и издевательства по отношению к верующим. Одним из первых актов советского правительства в конце января 1918 г. стал Декрет о свободе совести и об отделении церкви от государства. А с середины 1920-х гг. в СССР начал развиваться маховик антирелигиозной пропаганды.

Как справедливо отмечают чувашские исследователи, «формирование национального антирелигиозного фольклора происходило в рамках соответствующей

щих общесоюзных и общероссийских тенденций и зависело от общественно-политического и социально-экономического развития страны» [3]. В устном народном творчестве появляется масса произведений на тему высмеивания попов, в основном в таких жанрах, как пословицы, загадки, шутки, частушки, сказки и т.д. В качестве примера можно привести следующие загадки: «*Кам хырӓмне ёҗлемесёр тӓрантатъ?*» (Кто не работает, но сыт), «*Пёр пуҗ — милёк, тепри — юплё, варри — панк*» (Одна голова — метелка, другая — с хвостами, средняя — круглая) [19, с. 135] и др. В них акцент делается на жадности, скупости, лицемерии священнослужителей. Судя по архивным документам, причины для такого негативного отношения к духовенству у простого люда действительно были, и они существенные. «Почему чувашки питали к духовенству ненависть и боялись его?» — вопрошает уроженец Буинского уезда Т. Афанасьев (1911). Далее сам же и отвечает: «У них (членов Средне-Тимерьянского двухштатного причта. — *Н.И.*) не было желанья учиться и учить народ на их родном языке, но они даже гнушались чувашского языка и, как к языку, так и к народу относились презрительно. Про чувашский язык они говорили так, что чувашский язык — собачий язык» [9, л. 4]. В том же году К. Федоров из Тимяшевской волости Бугульминского уезда Самарской губернии пишет: «Священники, диаконы и псаломщики отличались дурным поведением, которое вызывало в чувашах одно отвращение к ним. <...> Оно своим жестоким обращением с чувашами наводило страх на них, свидетелем чего пришлось быть мне самому» [8, л. 45]. Далее К. Федоров рассказывает о случае из детства, когда зимою к ним заявился диакон из с. Черемшанская крепость и стал громко говорить: «Сюкур бар, сюкур бар» (дай каравай хлеба, дай каравай хлеба). Мать дала ему каравай хлеба. Он вышел с караваем на улицу и вернулся к нам с пустой пудовкой. <...> Диакон требовал ржи, а мать не соглашалась дать, <...> но диакон сам насильно зашел в амбар и насыпал себе полную пудовку ржи и вышел со двора. Я думал, что диакон совсем ушел, но он опять заходит к нам» [8, л. 46]. Далее Федоров пишет, как диакон начал требовать петуха и как он гнался за ним и расшиб лоб [8, л. 46–48]. Вполне вероятно, такие истории и порождали в народе поговорки, шутки и анекдотические сказки о жадных и ненасытных попах.

После установления советской власти, в свете антирелигиозной пропаганды количество обличающих духовенство произведений увеличилось еще больше. В шутках поп, дьячок предстают простофилей, недалеким человеком. Так, в тексте «*Сылӓх каҗарттарни*» (Исповедь) один вор приходит к попу исповедоваться, во время исповеди вор встает на колени, а поп укрывает его своим фартуком. Вор, не долго думая, просовывает руку в карман священника и крадет серебряные часы. После исповеди он уходит, но вскоре возвращается обратно и говорит, что за ним еще один грех числится, мол, он украл у одного человека часы и не знает теперь, как быть, что делать. Поп велит вернуть украденную вещь хозяину. Вор протягивает ему часы, но тот не берет. Тогда вор говорит: «Пытался вернуть хозяину, но он не берет». А поп ему в ответ: «Ну, если не берет, тогда оставь себе». После ухода воришки поп проверяет свой карман, а там часов-то, оказывается, нет [4, л. 209]. В другой шутке «*Пуп кёлтума вёрентни*» (Как поп учил молиться) комично выглядят и священнослужитель, и пришедшие на первую в своей жизни церковную службу люди. В одной чувашской деревне открыли церковь, но никто не умел молиться, и решил поп научить чувашей по-

настоящему молиться и поклоняться богу. Он просит повторять за ним все, что он будет делать. Поп перекрестился — люди тоже перекрестились, он поклонился — те тоже поклонились, начал махать кадилом — вслед за ним начали махать руками и чуваша, поп стукнул одного по голове кадилом — все вокруг начали лупить друг-друга по голове. А когда один уголек выпал из кадила, то прямо угодил попу в длинное голенище — он заорал, упал и начал дергаться обеими ногами — за попом все чуваша начали дергаться [6, л. 145–147]. В сказке «*Пус пурне*» (Большой палец) поп и попадя предстают в смешном виде. Главный герой Пусь пурне прячется за иконой и, как бы говоря от имени бога, заставляет каяться хозяев дома. Те, чтобы откупиться от своих грехов, кладут перед иконой деньги. А маленький мальчик, прихватив эти деньги, возвращается к своим старым родителям [17, с. 229–231].

Антирелигиозный мотив звучит также и в основе многих частушек того времени, в них высмеиваются лживость и ненасытность попов:

Ёненместпёр халь пупа,
Ултава пёлетпёр,
Камалларамр клуба,
Радио итлетпёр.
Ёлэк пупсем халӑха
Ураса тыттарнӑ.
Хайсем вара кӑлӑхах
Сисе кӑпсе ларнӑ.

Не верим нынче в попов,
Знаем ложь,
Полюбили клуб,
Слушаем радио.
Раньше попы народ
Обманывали.
Сами же попусту
Жрали в три горла.

В качестве примера отрицания всего, что связано с церковью можно привести следующую легенду «*Царь-колокол мёниён катӑк*» (Почему Царь-колокол треснутый). По легенде, будто, в Москве на одной колокольне висел большой Царь-колокол. Во время церковных праздников, когда били в этот колокол, люди глохли и немели, земля разверзалась, домашняя живность замертво падала. Негодование и злость накопились в народе. И однажды ночью люди собрались и сбили тот колокол, храм разрушили до основания. Но колокол не разбился полностью, от него откололся кусок, и сдали колокол в музей на хранение [10, с. 41].

О сильных антирелигиозных настроениях свидетельствует также сказка «*Про то, как не стало бога и черта*». В сказке говорится, что перестали наши колхозники верить в бога, церковь закрыли и вместо нее построили колхозный дом. Все богомольные люди стали теперь членами кружка безбожников, с каждым годом в колхозе становится все лучше да лучше. Однажды некая бабушка выиграла на свою облигацию большую сумму денег. Поздно вечером к ней в дом заявились неизвестные в облачении бога и черта и потребовали отдать выигранные деньги, при этом пригрозили адом. Бабушка сказала, что деньги находятся в сберегательной кассе, она завтра возьмет их оттуда и отдаст им. На другой день бабушка пошла не в сберкассу, а в милицию и рассказала о ночных гостях. Милиционеры устроили в доме старушки засаду и схватили «бога» и «черта». Когда сняли с них маски, то выяснилось, что этими «героями» были поп и высланный из села кулак. «С тех пор, — заключает сказка, — не верим ни в бога, ни в черта и живем спокойно» [11, с. 110].

Таким образом, после Октябрьской революции 1917 г. в чувашском устном народном творчестве возник целый пласт произведений на антирелигиозную

тому. Но, как нам кажется, в свете общественно-политического уклада того времени подобного рода произведения не следует приписывать всему чувашскому народу, они были сочинены отдельными гражданами, в основном — активной молодежью, которая быстро поддалась влиянию коммунистической пропаганды. Литературовед И.И. Одюков в обобщающей статье, написанной в 1961 г. этого не скрывает. Он отмечает, что в деле борьбы с религией лучше всех показала себя советская молодежь. Она не только сама перестала верить в бога и ходить в церковь, но и начала работать над освобождением всего чувашского народа от оков религии и церкви [10, с. 24].

На самом деле, реальность того периода была не столь однозначной: не все так рьяно откликнулись на призывы новой власти и ринулись строить светлую жизнь на обломках старовластья. Вот что пишет историк П.В. Денисов, изучив архивные документы: «7 июня 1920 года на общем собрании беспартийных женщин в с. Шихазанах по докладу о правах и обязанностях женщин-крестьянок в советской России было принято постановление: “Жить по-старому и детей воспитывать так, как раньше <...>. Детей учить закону Божию; книги метрик оставить в церкви. Монастыри не обижать, и не нужна ликвидация безграмотности”» [2, с. 438].

К 1930-м гг. наметилась четкая установка властей создать фольклор, связанный с социалистическим переустройством деревни. В 1931 г. в Москве прошло совещание «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период». Одной из ведущих тем новообразующегося фольклора стало колхозное строительство [3]. Среди всего чувашского фольклорного многообразия на передний план выходят пословицы и поговорки-агитки: «*Ёсчен колхозын кёреки нушй мар*» (У трудолюбивого колхоза красный угол не пустой); «*Колхоз ватта хисеплет*» (Колхоз уважает стариков); «*Колхоз нурлăхĕ — тăшман хурлăхĕ*» (Богатство колхоза — беда врага); «*Колхоз сÿлĕ — тĕрĕс сÿл*» (Путь колхоза — правильный путь); «*Колхозын автанĕ те сăмартат тăват*» (У колхоза и петух сносит яйцо); «*Колхозра чул сÿнче те тулă шăтат, теççĕ*» (В колхозе и на камне пшеница прорастет, говорят) [20, с. 111–118].

О техническом перевооружении колхозов и его значении в подъеме колхозной экономики в символической форме говорится в сказке «*Сил ачисем*» (Дети ветра). Основная канва произведения развивается по общеизвестному сюжету «Чудесные дары» (№ 563) [1, с. 43]: мальчик получает от Матери Ветров в счет рассыпанного мешка ржи пирог с золотыми и серебряными монетами внутри, чудесную козу, рассыпающую золото-серебро; но старшая сестра маленького героя эти подарки подменяет на простой пирог и обыкновенную козу; чудесная дубинка избивает похитителя и заставляет вернуть прежние подарки. Концовка вышеуказанного текста заметно отличается от других вариантов сказки «Дети ветра», и несет абсолютно новую смысловую нагрузку. Несмотря на радость родительницы, Иван ходит мрачный. Сын убеждает свою мать вступить в колхоз и отдать козу колхозу. Они вступают в колхоз, Иван оканчивает школу механизаторов и начинает работать электриком. Далее, Иван в шутку напускает сына ветра на новую мельницу, железную сеялку, но тот ничего не может делать [18, с. 260–263]. Так в сказке ясно выступает идея, что колхозы не ждут милости от природы, а смело борются с ней, чтобы подчинить ее стихийные силы задачам повышения экономики и производительности труда. В другой сказке о животных

«Мёкёте качакипе Пйлаки суряхё» (Козел Микиты и овечка Плаги) бедные крестьяне, вступившие в колхоз, не знают горя и печали; радуются, работают, танцуют и поют, дворы полны живности, закрома ломятся от хлеба [17, с. 196–198].

Схожий мотив пронизывает многие песни того периода, где лирические герои не могут нарадоваться от вступления в коллективное хозяйство:

<...> Хёвел савать Тёнчене
 Ыр сутипе сугатса.
 Чёрем манан хёпёртет
 Пуян пурнаё хушшинче.

Шанкяр-шанкяр шыв юхать
 Анат сырма сүлөпе.
 Пирён пурнаё юсанать
 Сұлтан сұлах сёнтерсе.
 (Колхозра) [7, с. 289]

<...> Солнце любит Вселенную,
 Добрым светом озаряет.
 Сердце мое радуется
 Богатой жизни.

Шынгыр-шынгыр вода журчит
 В овраге Анат.
 Наша жизнь улучшается
 Из года в год, пройдя испытания.
 (В колхозе)

Между тем жизненные реалии тех лет отличались от того, что дружно воспевалось и преподносилось как высшее благо, в так называемых фольклорных произведениях. Во-первых, общеизвестно, в самые первые годы вступление крестьян в колхозы происходило не всегда добровольно. За радужной картинкой часто стояли слезы и настоящие трагедии целых семей, потому как высокие темпы коллективизации достигались методами принуждения и репрессиями. Крестьян заставляли вступать в колхозы под угрозой лишения избирательных прав, ссылки, раскулачивания, конфискации имущества, больших налогов, прекращения снабжения промтоварами и т.д. Поэтому, подчеркнем еще раз, фольклорные произведения, восхваляющие колхозы, выставяющие их в благостном свете, далеки от советских реалий периода коллективизации, чего нельзя сказать о сказке «Няня», общий пафос которой вполне соответствует духу того времени. В данном произведении (в основе которого лежит сюжет русской народной сказки «Гуси-лебеди») как раз главенствует вышеназванная тема. Маленькая девочка-няня и мальчик убегают от гуся, прячутся в печи. А печка, оказывается, такая просторная, что там люди проводят собрание. Маленький мальчик берет слово и говорит, что надо забрать имущество, деньги богатеев, даже предлагает отнять у своих родителей в пользу бедноты. Далее, сюжетная линия развивается еще жестче: девочка-няня хватает зашедшего к ним в печку купца за волосы и начинает бить головой о стену. Купец очень пугается и предлагает забрать у него целый погреб золота и амбары с хлебом [21, с. 100–105]. Можно согласиться со словами фольклориста Э.В. Померанцевой, которая пишет, что «новые черты в форме и в содержании сказок 30-х годов дополняются ремарками и сентенциями сказочников, в которых они раскрывают свое понимание традиционных сюжетов и образов» [12, с. 243].

Несомненно, подобного рода стилизации были бы невозможны без одобрения новой власти. В данном случае нелишним будет вспомнить о том, что в 1927 г. при Ассоциации чувашских пролетарских писателей был создан сектор фольклора, целью которого было вовлечение чувашских авторов в работу по его собиранию. Следуя задачам данной организации, начинающие поэты и писатели (Вл. Бараев, З. Иллеш, Н. Волков, Ф. Семенов, Е. Скориков-Маль, Ст. Ярадай и

мн. др.) активно занялись художественной обработкой фольклорных текстов, а нередко и сами сочиняли произведения, выдавая их за народную словесность. В качестве наглядного примера можно привести легенду о чувашском исполине «*Улып сұмър сұтарма шыв йăтатъ*» (Улып таскает воду для дождя). В новой легенде всемогущий Улып, как и прежде, добр и отзывчив к нуждам простого люда, но он противостоит скупому и бесчувственному турă (богу). Главный герой произведения обращается к турă, чтобы тот смилостивился и не дал погибнуть людям от страшной засухи, чтобы послал дождь на измученную землю. Но турă отказывается, ссылаясь на то, что у него вода закончилась. Тогда Улып сам начинает носить воду для дождя, наполняет сорок одну сороковую бочку [15, с. 54]. В следующей легенде «*Улып Йерех сёмёрейми нўрт лартатъ*» (Улып строит дом, который не может разрушить Йерех) Улып выступает противником старого мира против старых божеств. Не будь Улыпа, который обхитрил злого духа Йереха, чуваша никогда не смогли бы начать строить для себя крепкие жилые дома [15, с. 54–55].

В 1930-е гг. в чувашском фольклоре (в особенности в богатырских сказках) образ Сталина заменяет Улыпа. «Отец народов», как и чувашский исполин, выступает в роли некоего всемогущего божества. Вот и в сказке «*Ака-туй*» (Свадьба пашни) маленький чуваш, проживший жизнь в нужде и кабале и кормивший дармоедов, с наступлением великих потрясений «стряхивает с шеи потомков, на чьих грудях блистали золотые кресты и цепи, на фуражках — серебряные бляхи, на плечах — золотые погоны». Он едет прямо «в красную Москву, где великий Ака-туй народов проходит мимо Сталина, под предводительством которого и наступила эта веселая жизнь» [21, с. 95–99].

Таким образом, новое миропонимание заставляет собирателей фольклора 1930-х гг. не только вносить новые детали и частные изменения в традиционный текст, но и переосмысливать в целом, преподносить слушателям как аллегории. Нередко рассказчик сам же раскрывает, кто стоит за тем или иным символическим образом. В качестве примера можно взять строки из сказки «*Виçĕ тăван*» (Три брата): «*Виçĕ паттăр хĕр — вăл ёлĕкхи сĕрсĕр нушаланнă, правасăр чураланнă, патша саманинчи асапланнă хĕрарăм. Йĕкĕреш вьăлсем — ёслекенпе хресчен союзĕ. Чĕмпĕр пăхаттирĕ — вăл аслă сұлпус — Ленин*» (Три героические девушки — это женщины царской эпохи, которые страдали без земли, были неправы. Братья-близнецы — союз рабочего и крестьянина. Симбирский богатырь — это великий вождь Ленин) [5, с. 291–293]. Даже в творчестве лучших сказочников явственны черты эпигонства. При всем различии их репертуара, стиля, исполнительской манеры, мы видим, что они ломают ту традицию, в русле которой творят, и вместе с тем они еще не в силах противопоставить равноценное этой коллективной традиции индивидуальное искусство [12, с. 254–255].

Фольклор как многогранное явление в духовной жизни народов составляет значительную и интересную часть культуры общества. После установления советской власти начинающие чувашские поэты и писатели подключились к работе по сбору родного фольклора. Но вместо сбора оригинального материала многие из них занялись подражательством, имитацией. В надуманных текстах на первый план вышла актуальная в то время антирелигиозная, антипоповская тема, также неустанно восхвалялась «всеобщая благодать», наступившая с созданием первых колхозов. Все это, конечно же, не отражало реальную жизнь периода со-

ветской истории. Таким образом, постепенно терялись основные признаки чувашских фольклорных произведений – вариативность, традиционность, устность и коллективность.

Список источников и литературы

1. *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание Государственного русского географического общества, 1929. 120 с.
2. *Денисов П.В.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 179 с.
3. *Козлов Ф.Н.* Антирелигиозные мотивы в чувашском и марийском советском фольклоре. URL: pora.zavantag.com>...antireligioznie...marijskom...fol... (дата обращения: 10.03.2020).
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Т. 9. Ч. 1.
5. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 9. Ч. 2.
6. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 77.
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 136.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 208.
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228.
10. *Одюков И.И.* Халӑх сӑмахлӑхӗ тӑне хирӗс. Шупашкар: Чӑваш АССР Гос. изд-ви, 1961. 100 с.
11. *Петрухин А.И.* Мировоззрение и советский фольклор. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 173 с.
12. *Померанцева Э.В.* Писатели и сказочники. М.: Советский писатель, 1988. 360 с.
13. *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 133 с.
14. Учителя и школы Чувашии в процессе культурных преобразований первого десятилетия советского периода истории республики. URL: phsreda.com>e-articles/53/Action53-32317.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
15. Чӑваш халӑх пултарулаӑхӗ. Халӑх эпосӗ / пухса хатӗрл. О.Н. Терентьева; ЧПГӒИ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2004. 382 с.
16. Чӑваш халӑх пултарулаӑхӗ. Ваттисен сӑмахӗсем / пухса хатӗрл. О.Н. Терентьева; ЧПГӒИ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2007. 493 с.
17. Чӑваш халӑх пултарулаӑхӗ. Январар юмахӗсем / пухса хатӗрл. Н.Г. Ильина; ЧПГӒИ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2011. 349 с.
18. Чӑваш халӑх пултарулаӑхӗ. Нараста юмахӗсем / пухса хатӗрл. Н.Г. Ильина; ЧПГӒИ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2012. 400 с.
19. Чӑваш халӑх пултарулаӑхӗ. Тупмалли юмахсем / пухса хатӗрл. Е.В. Федотова; ЧПГӒИ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2015. 446 с.
20. Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. 6 том. Вак жанрсем / пухса хатӗрл. Е.С. Сидорова. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 1984. 352 с.
21. Чувашские сказки / Чувашский научно-исследовательский институт культуры. М.: Художественная литература, 1937. 298 с.
22. *Шафранская К.В.* Фольклорно-этнографические исследования в Карелии в первые десятилетия советской власти (1917–1937 гг.). URL: Музей-заповедник «Кижы»: [сайт]. URL: http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/tjabinin2007/5_folk/shafranskaja.htm (дата обращения: 22.04.2020).

N.G. Pyina

THE REALITIES OF SOVIET REALITY AND THEIR REFLECTION IN CHUVASH FOLK WORK

Annotation. The article analyzes the realities of the Soviet reality of the 20s and 30s of the XX century through the prism of Chuvash folk art. The author notes that the themes and motives of many folklore works of that period did not always reflect the real state of things.

Keywords: revolution of 1917, soviet power, folklore collectors, Chuvash oral folk art, anti-religious theme, collective farm construction, image of Stalin.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЬСТВА ЧУВАШИИ: 1917–1941 ГОДЫ

Аннотация. Советская власть с первых дней своего существования начала создавать школу, базировавшуюся на принципиально новой идеологической основе. Особая роль в этом процессе принадлежала учительству. На основе архивных источников и специальной литературы автор рассматривает состав, профессиональную подготовку педагогов Чувашии в 1917–1941 гг., раскрывает формы и методы учебно-воспитательной деятельности учителей, приводит примеры проявления их активной общественной позиции.

Ключевые слова: школьное образование, национальная школа, регион, учебно-воспитательная работа, внеклассная работа, методическая работа, просвещение, общественная активность, учительство Чувашии.

История становления и развития школьного образования в первые десятилетия советской власти, особенно на территории национальных окраин, привлекает внимание ученых своей теоретической, научной актуальностью и практической значимостью. Долгое время вопросы подготовки и деятельности педагогических кадров в основном изучались в контексте общей истории отечественного образования (Н.А. Константинов, М.М. Дейнеко, Е.Н. Медынский, Ф.Ф. Королев, З.И. Равкин, А.Ф. Эфиров, А.Т. Трофимов и др.).

Научный интерес представляют работы, посвященные проблемам развития народного образования и просветительства отдельных национальных республик и областей России в целом, и Среднего Поволжья в частности (П.А. Апакаев, Л.А. и Е.Л. Ефимовы, Г.А. Куршева, Т.С. Сергеев, А.С. Паймаков и др.).

Однако недостаточно изученными остаются вопросы учебно-воспитательной, методической работы учителя, содержание его общественно-политической деятельности, положение и социальная роль педагогов. Данное исследование, выполненное на основе анализа архивных материалов Государственного исторического архива Чувашской Республики, обобщения различных опубликованных и неопубликованных источников: справок и отчетов, записок и писем, воспоминаний учителей, выпускников школ, очевидцев событий тех лет, а также материалов периодической печати [журналы «Социалистическое строительство в ЧАССР», «Народное просвещение»; газеты «Красная Чувашия», «Канаш» (Совет) и др.] раскрывает основные направления деятельности учительства как особой социальной группы.

Стоит отметить, что после Октябрьской революции 1917 г. развитие системы школьного образования на территории современной Чувашии происходило на основе общих закономерностей, имело во многом схожие черты с соседними республиками (Марийской, Мордовской, Татарской АССР), что было обусловлено значительной долей сельского населения, экономической и культурной отста-

лостью, низким уровнем грамотности, национальным фактором. Формирование профессионального сообщества педагогов Чувашии происходило в условиях трансформации старой и создания новой модели школьного образования. Следует выделить три основных периода в этом процессе: 1) 1917–1925 гг.; 2) 1925 – начало 1930-х гг.; 3) 1930–1941 гг., отличающихся своей содержательной направленностью, формами и методами работы с детьми [11, с. 76–77].

С 1917 по 1941 г. в Чувашии происходили позитивные сдвиги в количественном и качественном составе школьных работников. Так, численность педагогов увеличилась почти в 6 раз (с 1243 до 7300 чел.). Относительное большинство составляли выходцы из крестьян, затем рабочих, встречались представители духовенства, купечества, мещанства и дворянства. Все больше число представительниц женского пола (50,7 %) становилось педагогами (см. табл. 1) [11, с. 73–74]. Они работали не только в сельских учебных заведениях, но и в городских начальных школах. Педагоги-мужчины преобладали в средних школах, как правило, они преподавали в старших классах.

Таблица 1

Состав учителей Чувашской АССР по гендерному признаку (1940)

Общая численность учителей, чел.(%)	Мужчины	Женщины
7083 (100 %)	3491 (49,3 %)	3592 (50,7 %)

В предвоенные годы формировалось поколение молодых педагогов из представителей разных национальностей: 71,3 % составляли чувашаи, 25,3 % – русские, остальные 3,4 % – татары, мордва, марийцы и др. (см. табл. 2) [11, с. 75–76]. Учителя чувашской национальности работали преимущественно в начальной школе, имели небольшой педагогический стаж, среднее или высшее профессиональное образование. Стоит отметить, что русские учителя в своем большинстве работали в школах повышенного типа: школах II степени 58 %, школах колхозной молодежи (ШКМ) – 44,4 %, так как преподавание в них по-прежнему велось на русском языке.

Таблица 2

Национальный состав учительских кадров Чувашской АССР (1940)

Общая численность учителей, чел.(%)	Чуваши	Русские	Татары	Мордва	Другие нации
7083 (100 %)	5048 (71,3 %)	1794 (25,3 %)	131 (1,85 %)	73 (1,03 %)	37 (0,52 %)

Многие педагоги, работавшие в советской школе, получили среднее образование еще в дореволюционных учебных заведениях (Казанской учительской семинарии, Симбирской учительской школе, Порецкой учительской семинарии и др.), некоторые из них экстерном сдали экзамен на звание учителя. Именно они стояли у истоков создания новой школы, воплощали в жизнь постановления советского правительства и партии. Они составляли костяк педагогов-профессионалов, внедрявших инновационные подходы, программы, формы и методы обу-

чения и воспитания. Благодаря их умелой организации образовательного процесса в кратчайшие сроки стал возможен переход к всеобщему обязательному начальному обучению, осуществлена ликвидация неграмотности взрослого населения.

С огромным желанием шли на работу в школы молодые девушки и юноши, получившие образование уже в годы советской власти. Окончив школу II ступени, отучившись на специальных курсах, они начинали свою педагогическую деятельность, затем заочно поступали в техникумы, высшие учебные заведения.

В 1941 г. в республике действовали: 1 педагогический, 2 учительских института, 7 техникумов. Функционировали шестимесячные, десятимесячные курсы для подготовки учителей начальной и неполной средней школы. В целом возрастала численность педагогов с высшим и средним специальным образованием. В 1940 г. 4105 школьных учителей (58 %) имели специальное, преимущественно в объеме техникума, а 604 педагога (8,5 %) – высшее педагогическое образование (см. табл. 3) [11, с. 99].

Таблица 3

Состав учителей Чувашской АССР по образовательному уровню (1940)

Уровень образования/ численность учителей, чел. (%)	Высшее (университет, педагогический институт)	Незаконченное высшее (учительский институт)	Среднее педагогическое	Общее среднее	Ниже среднего
7083 (100 %)	604 (8,5 %)	801 (11,3 %)	4105 (58 %)	1093 (15,4 %)	480 (6,8 %)

Ведущая роль в организации методической работы отводилась институтам усовершенствования учителей, педагогическим кабинетам, кузовым методическим объединениям и предметным секциям. В целях обобщения и распространения педагогического опыта проводились совещания, научно-практические конференции, издавались научные сборники, пособия. Так, например, в 1924–1928 гг. в серии «Педагогические курсы на дому» было выпущено более 80 книг и пособий. Особой популярностью в 1927–1933 гг. пользовался журнал «Халӑха вӗрентес ӗс» (Народное просвещение). В нем публиковались правительственные документы, учебные программы, списки литературы, статьи и методические разработки; освещался опыт работы школ, учителей-новаторов по различным направлениям деятельности [11, с. 96].

Немаловажное значение имело самообразование учителей, в том числе и по повышению идейно-политического уровня. В республике постепенно складывалась государственная система подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Органы местной власти различными мерами пытались стимулировать повышение квалификации учителями, что не всегда приводило к желаемым результатам. Опытные, преданные своему делу учителя работали в школах повышенного уровня. Советское государство последовательно решало вопросы повышения заработной платы, пенсионного обеспечения, предоставления жилья школьным работникам, улучшение условий их труда и быта, но долгое время преподавателей не хватало, уровень их общеобразовательной и методической подготовки был низким.

Однако благодаря многосторонней и кропотливой деятельности педагогических работников, удалось создать школу с новыми подходами к обучению и воспитанию. Большое внимание уделялось преподаванию родного языка, изучение русского языка начиналось только со второго года обучения по 5–6 часов в неделю. В связи с этим были переработаны программы четырехлетней школы применительно к чувашским школам [10, с. 334]. Учитель начальной школы Г.Т. Печников считал, что преподавание русского языка необходимо начинать с предварительного устного курса, путем бесед учителя с учениками, учеников друг с другом [6, с. 10–11].

Обращает внимание опыт работы учителя начальной школы А.Т. Некрасова, который планировал свою работу, исходя из индивидуальных способностей учащихся. Он знал, кто грамотен, а кто отстаёт и по каким разделам грамматики. От учеников педагог требовал постоянного контроля своего письма, чтения про себя каждого слова, предложения, текста в целом, учил детей выписывать на полях тетради обнаруженные ошибки. Учитель считал, что «без твердого знания грамматических правил невозможно добиться правильного письма» [6, с. 7].

В практике школьных работников наблюдалось применение разнообразных методов и приемов преподавания, в зависимости от уровня знаний детей и содержания изучаемого материала. Учителя неполной средней школы (НСШ) Цивильского детского городка на уроках родного языка применяли объяснение, рассказ, упражнение, устный опрос, организовывали самостоятельную работу учащихся с книгой, письменные работы. На уроках литературы педагоги проводили беседы, чтение текстов, пересказ, составление характеристики эпохи, личности, работали над творческими сочинениями. Учительница Янашкасинской школы I ступени Чебоксарского района А. Васильева докладывала: «Школа всячески старается заменить словесно-книжный метод введением экскурсионного метода, практическими и письменными работами, где проявляется индивидуальная самостоятельность к творчеству...» [1, л. 105, 196]. Педагог Вомбукасинской школы I ступени Чебоксарского района сообщала: «В школе организуются выставки детских работ по лепке, рисованию, всевозможных моделей; учащиеся самостоятельно ведут школьную газету; словесно-книжный метод дополняется комплексным методом обучения; при свободном обучении учащиеся проявляют самостоятельность, творчество и интерес к окружающей природе» [2, л. 334].

Учительница Алатырской начальной школы К.М. Муравьева инициировала составление математических задач, которые записывались и решались в особых ученических тетрадях «Мой задачник». Заведующий Моргаушской школы колхозной молодежи в своем отчете подчеркивал, что на уроках физики, химии, биологии учителя использовали следующие методы: демонстративный, лабораторно-исследовательский, наглядно-иллюстрационный и словесный. Частично практиковали методы упражнений при решении задач и примеров, доклады по языкам и литературе. Учителя и учащиеся делали рисунки, диаграммы, схемы, модели, коллекции, гербарии и другие наглядные пособия.

Заслуживает внимания опыт работы педагогов Избейской школы I ступени: на уроках естествознания дети, под руководством взрослых, проводили пробное выращивание семян полевых и огородных культур, участвовали в посадке и сборе картофеля и т.д. На уроках математики старшие школьники делали

расчет дохода от собранного урожая, осуществляли подсчет трудодней между колхозниками.

Учащиеся Малояльчикской образцовой школы Яльчикского района регулярно информировали население об изменениях в погоде на основе наблюдений на метеорологической станции при школе. Учитель естествознания Чуварлейской средней школы Алатырского района М.А. Добров систематически проводил лабораторные и практические работы. На уроках учащиеся при помощи микроскопа рассматривали строение цветков, листьев, вскрывали речного рака или лягушку, знакомились с микроорганизмами.

Под руководством учителя Чемуршинской семилетней школы Чебоксарского района А.Н. Столярова учащиеся 5 класса проращивали семена ржи и гречихи на тарелке с пропускной бумагой, вели наблюдения, делали записи и зарисовки. Старшеклассники изготавливали гербарии растений, оформляли коллекции, таблицы, схемы, чертежи и макеты, участвовали в работе юннатского кружка, помогали в организации живого уголка.

Обращает внимание работа учителя труда Ишаковской школы П.А. Ефремова. Школьники под его руководством создавали верстаки упрощенной системы, инструменты для столярной и слесарной мастерских, черенки к стамескам, колодки к рубанкам, угольники, метры, рейсмусы, классные счеты для своей и соседних школ, табуретки и скамейки, клетки для кроликов, ящики, ведерки и тазы для разведения цветов в классах и др. Особый интерес вызывала действующая модель ветродвигателя с двенадцатилопастным колесом на шарикоподшипниках и с трансмиссионной передачей к токарному станку и циркульной пиле, а также модели аэропланов, ветряных мельниц [10, с. 340–342].

Кроме своей непосредственной работы, учителя принимали активное участие в ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Привлекая к этой работе комсомольцев, всех образованных граждан, в предвоенные годы в порядке общественной нагрузки было обучено более 20 000 чел. [9, с. 227]. Известно, что в с. Шоршелы Мариинско-Посадского района большую работу проводила учительница К.И. Семенова, в с. Аликово – У.Д. Шумилова, в с. Моргауши – К.К. Константинов, в д. Молгачкино Шумерлинского района – А.Х. Тиньков и т.п.

Кроме проведения уроков, учителя выполняли многочисленные обязанности, принимали активное участие в создании и работе органов школьного самоуправления, пионерских отрядов, руководили разнообразными кружками (хоровыми, музыкальными, вокальными, литературными, драматическими, техническими, шахматно-шашечными и др.); организовывали работу трудовых бригад, учебно-производственных хозяйств. Например, в Сергеевской начальной школе Татаркасинского района, Именевской средней школе Траковского района, Чуварлейской средней школе Алатырского района были созданы опытные пришкольные участки, ставшие своеобразной биологической и сельскохозяйственной лабораторией для детей и показательным участком для взрослых [7, с. 404].

Обычно внеклассные занятия проводились по вечерам в свободное от домашних работ время, ежедневно по расписанию. Особой популярностью у детей пользовалась физкультурно-спортивная деятельность. В школах в весеннее и летнее время педагоги организовывали экскурсии (например, на конезавод, в кол-

хоз, в районную типографию, на местные предприятия, железнодорожную станцию и др.), зимой – прогулки, соревнования по лыжам и конькам [11, с. 149].

В 1936 г. республике в 228 кружках занималось 12 000 детей; в 1937 г. было проведено 14 детских спартакиад [10, с. 342–343]. Широкое распространение получили детские утренники, вечера вопросов и ответов, викторины, политические бои, лотереи, агитмассовые походы учащихся с хоровым пением, декламацией стихов и демонстрацией плакатов. Например, в Стемасской школе перед уроками регулярно проводились политинформации, в Аликовской средней школе по понедельникам – политбеседы. В школах Чебоксарского района на переменах организовывались хоровое пение, игры, разгадывание загадок и шарад. В Чебоксарской школе им. А.С. Бубнова осуществлялись коллективные просмотры фильмов, выпуски стенгазет и подготовка спектаклей. Среди детей и взрослых с. Батырево пользовались популярностью драматический и хоровой кружки. Под руководством учительницы В.П. Горшковой осуществлялись театральные постановки. Сельские учителя принимали участие в работе избы-читальни: проводили коллективное чтение газет, художественной литературы.

С большим подъемом и энтузиазмом под руководством школьных работников проходила подготовка к «революционным праздникам» (1 мая и 7 ноября), торжественным заседаниям, митингам, уличным шествиям, вечерам, где вместе с родителями участвовали и дети.

Педагоги умело организовывали работу с родителями, раз в квартал проводили собрания. До сведения родителей доводили характерные особенности их детей, постановления партии и правительства о школе. Кроме того, существовала практика выступлений учителей с докладами и отчетами на президиумах сельского Совета, на общих собраниях граждан. Во всех школах республики были созданы комитеты или советы содействия (комсод). К примеру, Моргаушский комсод решал вопросы укрепления материальной базы, собирал средства на строительство мастерской, контролировал охват детей обучением. Стемасский комсод занимался организацией горячих завтраков для учащихся, созданием на пришкольном участке молочного и кролиководческого хозяйства.

Большинство школьных работников ответственно относились к выполнению своих непосредственных обязанностей. Но в то же время, по мнению школьного инструктора Аликовского роно В.С. Сорокина, учителя недостаточное внимание уделяли материалам социалистического строительства и краеведения. В школьной практике встречались факты опозданий, халатного отношения к службе, применения антипедагогических методов: грубость по отношению к детям, физические меры воздействия. Так, сообщалось, что учителя прибегали к побоям, чтобы обеспечить должную дисциплину. Осенью 1925 г. пожилая учительница, будучи крайне религиозной, проверяла у учеников кресты и ударила кулаком одного ребенка за то, что у него не оказалось креста на шее, после таких случаев некоторые дети переставали посещать школу [5, с. 135].

В архивных материалах встречается не совсем корректный текст задачи, который учительница предлагала своим ученикам: «у тебя два уха, одно ухо отрезали...» или «у меня во рту 12 зубов, 6 сгнило» и т.д. [3, л. 342]. Очевидно, что деятельность педагогических работников требовала постоянного контроля со стороны органов власти и существовала насущная потребность в повышении их образовательной и специальной подготовки.

Инспектор Наркомпроса Чувашской АССР Н.С. Степанов призывал всех педагогов вести борьбу за высокую грамотность, использовать в работе разнообразные методы и приемы, участвовать в соцсоревновании и ударничестве. Учителям рекомендовалось активнее проводить конкурсы на образцовую, грамотную и чистую тетрадь, выставки лучших тетрадей, смотры и др. С целью развития культуры речи учащихся требовалось следить за их разговорной речью, добиваться правильного произношения слов, практиковать выступления детей с небольшими докладами, организовывать постановки живых газет, спектаклей, проводить литературные вечера, выпускать стенгазеты и журналы [3, л. 342].

Как правило, продолжением должностных обязанностей учителей была разнообразная общественная работа. Она требовала от работника много времени, большой отдачи интеллектуальных и физических сил. В то время считалось, что «учительство – народное, оно должно не только работать в школе и давать знания. Учитель должен быть работником во всех областях народного просвещения, особенно в деревнях, где царит мрак и невежество. Общественный работник – вот характерная и ценная черта современного учителя...» [4, с. 173]. В действительности педагоги были перегружены массой обязанностей, не связанных с образовательным процессом. Их привлекали к работе сельских Советов, агитаторов, членов окружных избирательных комиссий, проведению различных политических кампаний (например, подписка на газеты «Красная Чувашия», «Горьковский ударник» и др.).

Стоит отметить, что в 1940 г. 586 педагогов были избраны депутатами местных Советов, 7 – депутатами Верховных Советов СССР и Чувашской АССР [9, с. 226–227]. Учителя участвовали в предвыборных кампаниях: выпускали стенгазеты, готовили плакаты, проводили разъяснительную работу с населением, составляли, а затем и проверяли списки избирателей, заполняли все необходимые документы. Особое недовольство среди педагогов вызывало привлечение их к антирелигиозной пропаганде, поскольку это не только ухудшало их отношение с местными жителями, но и существенно влияло на условия их жизнедеятельности.

Значительное место в жизни педагогов занимало участие в создании и деятельности профсоюзной организации. Обычно учителя состояли членами местного комитета, культкомиссий, комиссий по охране труда, входили в правление клуба, участвовали в работе Дома просвещенца.

В большинстве случаев педагоги принимали живое участие в деятельности коммунистических и комсомольских ячеек и общественных организаций («Долой неграмотность», «Общество воинствующих безбожников», «Осоавиахим» и др.), во Всесоюзном обществе «Знание», краеведческих объединениях. Учителя посещали многочисленные собрания, выступали с докладами и отчетами. Следует отметить, что при активной поддержке просвещенцев значительно увеличилось количество пионерских отрядов, вожатыми которых были молодые педагоги.

Школьные работники проявляли интерес к научным и учебно-методическим исследованиям, творчеству, имели свои разнообразные увлечения, пристрастия. Опытные учителя (Ф.Т. Тимофеев, Т.М. Матвеев, А.Т. Некрасов, Е.З. Захаров, А.С. Отачкин, А.Н. Николаева и др.) участвовали в разработке программ, создании учебников, выступали с лекциями на курсах и конференциях [7, с. 405]. Известный педагог, учитель Ходарской средней школы И.В. Моисеев долгие годы работал в архивах с целью сбора материалов по истории своего учебного заведения.

Многие деятели образования были настоящими профессионалами своего дела, пользовались заслуженным уважением и почетом. В довоенные годы были утверждены персональные звания: «Учитель начальной школы», «Учитель средней школы» и «Заслуженный учитель школы». В мае 1939 г. за выдающиеся заслуги 30 учителей сельских школ региона были награждены орденами и медалями СССР. В июне 1940 г. 15 учителям республики было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР» и 21 педагогу – звание «Заслуженный учитель школы Чувашской АССР». Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР были награждены 30 школьных работников. Большинство из них имели огромный педагогический опыт. Например, учительницу Алатырской средней школы № 5 К.И. Муравьеву на школьную работу назначил директор народных училищ И.Н. Ульянов. Почти полвека отдала школе А.П. Петрова, учительница Хормалинской школы Ибресинского района. Учитель Сундырской средней школы орденосеца М.И. Багров за 46 лет воспитал около 2000 детей [8, с. 74–80]. Заведующий Аткинской начальной школы Козловского района А.Т. Некрасов был известен своей методической работой, особой популярностью пользовались его книги и статьи («Преподавание русского языка в нерусских школах», «Работа одного учителя одновременно с двумя классами»). И таких выдающихся педагогов в Чувашской автономии было немало, их опыт изучали и распространяли через участие на выставках, семинарах, научно-практических конференциях [6, с. 5–9].

В результате большой и целенаправленной работы правительства, общественных организаций в Чувашской республике в 1930-е гг. было сформировано педагогическое сообщество (более 7300 учителей), обеспечивающее образовательные запросы не только Чувашии, но и соседних регионов. Педагоги последовательно выполняли важнейшие государственные задачи: вели борьбу за всеобщую грамотность, способствовали введению всеобщего обязательного и бесплатного обучения. Они принимали активное участие в общественно-политической жизни республики и страны в целом. Источники показывают, что большинство учителей сельских и городских школ работали самоотверженно, отдавая свои силы, знания, способности и любовь к детям, ответственно и добросовестно, с чувством долга относились к своей профессии. Разнообразный опыт их работы с детьми требует дальнейшего внимательного изучения, анализа и использования в современной школе.

Список источников и литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 72.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 8. Д. 1.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 962.
4. Демидова И.И. Состояние школьного образования в Чебоксарском уезде в 1918–1927 гг. // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 168–181.
5. Касимов Е.В. Сельское учительство второй половины 1920-х годов глазами Чувашского отдела ОГПУ // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 134–136.
6. Материалы первой республиканской научно-педагогической конференции, состоявшейся 18–20 июня 1940 г. Чебоксары: Госиздат ЧАССР, 1940. 100 с.

7. Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.) / Е.К. Минеева, А.П. Зыкина, Л.Н. Тохтиева [и др.]. М.: Этносфера, 2012. 434 с.

8. Тохтиева Л., Непокультская Д., Тихонова Н. Лучших учителей чествовали в Кремле // Проблемы истории и образования народов России: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 74–80.

9. Тохтиева Л.Н. Общественная деятельность школьных работников Чувашии в 20–30-е гг. XX века // Преемственность просветительских традиций: материалы научно-практических конференций в честь 235-летия Н.Я. Бичурина и 165-летия И.Я. Яковлева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. С. 226–230.

10. Тохтиева Л.Н. Особенности организации образовательного процесса в школах Чувашии в 1917–1941 гг. // XX век в истории России: гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 334–345.

11. Тохтиева Л.Н. Учителство Чувашии в 1917–1941 гг.: подготовка кадров, состав и деятельность: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2013. 270 с.

L.N. Tokhtieva

PROFESSIONAL AND PUBLIC ACTIVITY OF TEACHING IN CHUVASHIA: 1917–1941

Annotation: from the first days of its existence, the Soviet government began to create a new school based on a fundamentally new ideological basis. Teaching played a special role in this process. Based on archival sources and special literature, the author examines the composition and professional training of teachers in Chuvashia in 1917–1941, reveals the forms and methods of educational activities of teachers, gives examples of their active social position.

Keywords: school education, national school, region, educational work, extracurricular activities, methodical work, education, social activity, teaching of Chuvashia.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОСОБОЙ ПАПКИ»)

Аннотация. В статье детально анализируется состояние экономики в целом, военного производства и сельского хозяйства, в частности, Чувашии в последние годы Великой Отечественной войны. Автор показывает на примере каждой конкретной отрасли промышленности значение экономики в военной победе над противником. Опираясь на обширный статистический материал, исследователь поэтапно воссоздает процесс реализации программы военной перестройки народного хозяйства Чувашской АССР и мобилизации производственных и трудовых ресурсов на борьбу с фашистскими захватчиками. Особое внимание уделяется вопросам выполнения плана государственной промышленности по валовой продукции за 1944 г., вкладу в победу колхозного крестьянства. Приведенный статистический материал об объемах военного производства позволяет адекватно оценить вклад Чувашской АССР в победу над фашистской Германией. В статье впервые используются материалы «Особой папки».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народное хозяйство, Чувашская АССР, военная промышленность, сельское хозяйство, план государственной промышленности, валовая продукция.

По истории развития Чувашской АССР в военное время имеется довольно обширная литература. В статье «Вклад Чувашии в победу над фашистской Германией (Краткий историографический обзор исследований постсоветского периода)», опубликованной в журнале «Чувашский гуманитарный вестник» [5], анализируется состояние современной региональной историографии, раскрывающей вклад Чувашии в победу в Великой Отечественной войне. Анализ показывает, что за последние десятилетия исследователями Чувашской Республики проделана большая работа по изучению данной темы.

С началом войны экономика автономии перешла на выполнение заказов фронта. Труженики Чувашии за годы войны внесли в фонд обороны и на строительство боевой техники 115,6 млн руб., на ее средства были построены и отправлены на фронт 2 бронепоезда – «Комсомол Чувашии» и «За Родину», танковые колонны «Тракторист Чувашии» и «Колхозник Чувашии», звено самолетов «Осоавиахим Чувашии» [2], приобретено государственных займов на 502 млн руб. В 1942 г. результатом первого госзайма стала мобилизация средств на 64 млн 456 тыс. руб., то есть в 3 раза больше, чем за время реализации последнего предвоенного займа. По неполным данным, на 1 сентября 1943 г., второй займ был размещен в целом по республике на 137 млн 201 тыс. руб., что составило 147 % к запланированной сумме (превышение на 43 млн 901 тыс. руб.). Если в 1942 г. трудящиеся подписывались на 3–5 тыс. руб., то в 1943 г. размеры займов увеличились в 5–10 раз (в довоенные годы подписная сумма редко превышала 1 тыс. руб.). Многие сельские труженики республики оформляли подписку на большую сумму и старались тут же погасить ее [1, с. 16].

Население республики не оставило в беде и тех, кто с приближением фронта был вынужден покинуть свой родной очаг и эвакуироваться в восточные районы страны. Всего Чувашией было принято 70,5 тыс. чел., прибывших из Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Ленинградской, Смоленской и других областей. Из западных и центральных районов страны в Чувашскую АССР было перебазировано более 20, построено и сдано в эксплуатацию 93 промышленных предприятия, в том числе 15 заводов союзного и союзно-республиканского, 18 – республиканского, 48 – районного и городского подчинений и 12 предприятий-артелей промысловой кооперации.

В августе 1941 г. производственные мощности Канашского вагоноремонтного завода расширились за счет эвакуированных Дарницкого, Борисоглебского и Шевченковского вагоноремонтных заводов. В г. Канаш прибыли более 1000 рабочих с семьями и 727 единиц различного оборудования. В 1941–1942 гг. коллектив пополнился сотнями женщин и подростков, заменивших призванных в Красную Армию кадровых рабочих. Завод стал крупной базой по ремонту вагонов и танков, строительству бронепоездов. Уже в ноябре 1941 г. в специальном цехе стали выпускать боеприпасы. Также возросли производственные мощности Алатырского паровозоремонтного завода после монтажа оборудования перемещенных предприятий. В специальном цехе освоили выпуск по обработке заготовок артиллерийских снарядов.

Значительную роль в увеличении объема оборонной продукции сыграл Чебоксарский электроаппаратный завод, созданный на базе Харьковского электро-механического завода. В октябре–ноябре 1941 г. в г. Чебоксары привезли часть оборудования. Из Харькова были эвакуированы цехи реле, магнитных станций и контакторов, заготовительные и вспомогательные цехи. Эвакуированное оборудование и люди (рабочие, инженеры и технические работники) прибыли по непролазной грязи и бездорожью, по первому санному пути. Оборудование было размещено и смонтировано в зданиях строительного и кооперативного техникумов, учебных корпусах и общежитиях педагогического института, отведенных для нового завода. В январе 1942 г. завод под руководством директора Я.С. Бенского и главного инженера Д.С. Черничкина дал стране первую продукцию. После переезда был освоен выпуск новых комплектующих для танков и самолетов. Как указано в годовом отчете, за 1942 г. завод внедрил в производство более 30 новых конструкций, которые ранее на нем не изготавливались. В 1942 г. предприятие пополнилось оборудованием эвакуированного ленинградского завода «Электросила».

Основанный в 1938 г. завод резинотехнических изделий значительно увеличил производительность, когда его оснастили привезенным оборудованием с предприятий Москвы, Загорска и других городов Московской области. В ноябре 1941 г. прибыли инженеры, технологи и высококвалифицированные рабочие. Инженер-технолог завода № 320 И. Юркевич вспоминал: «До Чебоксар поезд шел целый месяц, так как нас то и дело бомбили вражеские самолеты. Командовал эшеломом И. Челноков, назначенный главным инженером завода. В декабре 1941 г., по сути, на недостроенном заводе была выпущена первая тысяча боеприпасов» [3, с. 112]. В первой половине 1942 г. в Чувашскую АССР из западных районов страны, Москвы, Ленинграда были эвакуированы оборудование и материалы 28 фабрик, заводов и цехов (полностью или частично). На их базе созда-

но 11 новых самостоятельных предприятий: Чебоксарский электроаппаратный завод, 5 текстильных фабрик (прядильная и ткацкая в Чебоксарах, ткацкая в Цивильске и Сундыре, прядильно-ткацкая в Канаше), 2 табачных, чулочная и обувная фабрики в Алатыре [3, с. 113].

Выполнение плана государственной промышленности по валовой продукции за 1944 г. характеризуется следующими цифрами (см. табл. 1) [4, л. 171]:

Таблица 1

Выполнение плана государственной промышленности Чувашской АССР за 1944 г. в неизменных ценах 1926/1927 гг.

Промышленность	План (в тыс.руб.)	Выполнение (в тыс.руб.)	%
Вся	304 260,1	303 506,6	99,8
союзная	257 223,1	263 403,2	102,4
республиканская	26 360,6	21 264,1	80,6
областная	12 297,2	10 189,0	82,8
районная	3389,3	3650,3	103,1

В ходе социалистического соревнования добились значительных успехов заводы авиапромышленности, завершившие выполнение годового плана 5 декабря 1944 г. Завод № 495 Наркомата авиационной промышленности выполнил годовой план 24 ноября и до конца года дал сверхплановой продукции на несколько миллионов рублей. Завод № 471 выполнил годовую программу к 5 декабря, а также завод № 320 Наркомата боеприпасов выполнил годовой план на 101 %.

Рабочие и инженерно-технические работники предприятий стремились показать образцы самоотверженного труда. Орденосеиц слесарь-инструментальщик завода № 654 Е. Мищенко в ноябре 1944 г. месячное задание выполнил на 530 % и заработал 2560 руб. Лучший механик на заводе № 494 Шварцбруйт, слесари Худяков и Майоров свои месячные задания выполняли на 450–470 %, столяр Варес – до 450 %.

На Канашском вагоноремонтном заводе (ВРЗ) примеры героического труда показывали стахановцы: комсомолка Кучмина – лучший токарь завода – за смену давала до 4 норм, формовщик Зимин – до 5, слесари: Марунов, Старостин – до 3 норм, обрубщик Тимкин – до 3,5 норм в смену.

Ширилось движение комсомольско-молодежных бригад. Если на 1 октября 1944 г. на заводе № 471 было 78 бригад, то к 1 декабря этого же года их число достигло 93, такие же показатели были и по другим заводам. На Канашском ВРЗ комсомольско-молодежная бригада Иванова (коммуниста) ежемесячно выполняла план до 450 %, бригада Косаренко – на 300 %, вагоностроительный цех (начальник – Белов) успешно справился с выполнением задания ГКО по постройке снегоочистителей.

Вместе с тем в работе некоторых предприятий в 1944 г. имелись существенные недостатки, как то: невыполнение плана по номенклатуре, наличие штурмовщины, отставание по выполнению заданий отдельных цехов, смен и бригад. Канашский ВРЗ годовой план по валовой продукции выполнил на 102,7 %, однако по капитальному ремонту вагонов за 1944 г. недодал стране более 2000 вагонов; заводы № 320 и 654, несмотря на выполнение годового плана по валовой

вой продукции, не достигли плановых показателей по выпуску некоторых важнейших изделий, необходимых фронту и стране [4, л. 172].

Не выполнили план выпуска валовой продукции предприятия текстильной промышленности, что объяснялось тем, что они не получили в достаточном количестве электроэнергии (см. табл. 2) [4, л. 171–171 об.]

Таблица 2

Выполнение плана промышленными предприятиями Чувашской АССР за 1944 г. (в %)

По Наркомату боеприпасов СССР	99,6
в том числе: завод № 320	101,0
завод № 811	60,6
По Наркомату авиапромышленности СССР	109,1
в том числе: завод № 471	103,8
завод № 495	114,6
По Наркомату электропромышленности СССР	105,9
Завод № 654	105,9
По Наркомату путей сообщения СССР – всего	101,4
в том числе: Канашский ВРЗ	102,7
Алатырский ПРЗ	93,7
По Наркомлегпрому РСФСР – всего	90,8
в том числе: Шумерлинский завод «Большевик»	69,1
«Дубитель»	88,8
Чебоксарская чулочная фабрика	109,6
По Наркомтекстилю СССР	31,6
По Наркоммясомолпрому СССР	82,4
По Наркомрыбпрому СССР	111,8
Наркомпищепром Чувашской АССР	122,0
Наркомместпром Чувашской АССР	118,4
Заволжское торфопредприятие	101,5
Наркомлес Чувашской АССР – всего	66,1
в том числе: Урмарская фабрика	86,3
Алатырская группа лесозаводов	74,7
Долгополянский лесозавод	105,4
Лесозаг	54,6

Чувашская АССР в 1944 г. успешно выполняла план дроволесозаготовки. Так, поставка дров для Наркомата путей сообщения СССР была выполнена на 113 %, заготовка дров Наркомлесом Чувашской АССР – на 101 %, Управлением лесоохраны – на 108 %, Ибресинским участком Казанской железной дороги – на 165 %, вывозка дров Наркомлесом Чувашской АССР – на 105 %, Управлением лесоохраны – на 123 %, Ибресинским участком Казанской железной дороги 123 % [4, л. 171 об., 172].

План по спецсортиментам за четвертый квартал 1944 г. был выполнен: рудничная стойка (заготовка на 210 %, вывозка на 104 %), шпалы НКПС (250 % и 167 %), авиасосна (116 % и 103 %), авиафанербереза (114 % и 103 %) [4, л. 172].

Отставание от плановых заданий показала в 1944 г. местная промышленность и промысловая кооперация Чувашии (см. табл. 3) [4, л. 172]. Причинами этого явились недостаток топлива, кадров необходимой квалификации, неудовлетворительная постановка политико-массовой работы и социалистического соревнования среди рабочих, а также недостаточное руководство со стороны райкомов ВКП(б) и райисполкомов.

Таблица 3

Выполнение предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов Чувашской АССР плана 1944 г.

Предприятия	План в тыс.руб.	Выполнение в тыс.руб.	% выполнения
районной промышленности	8200,0	8650,3	105,5
кооперативной промышленности	63 300,0	54 630,0	86,3
в т.ч.: артели промкооперации	57 000,0	46 342,0	81,3
кооперации инвалидов	6300,0	5287,6	83,9

В сельском хозяйстве в 1944 г. в период весеннего сева произошли изменения, связанные с расширением засеянных сельскохозяйственными культурами площадей (см. табл. 4) [4, л. 172 об.].

Таблица 4

Площадь сельскохозяйственных культур, засеянных в Чувашской АССР в период весеннего сева 1944 г.

Засеяно	План (в га)	Выполнено (в га)
яровых без многолетних трав	357 900	351 396
яровых зерновых	279 400	282 115
пшеницей	62 000	65 180
просом	10 000	14 479
гречихой	12 000	7723
зернобобовыми	40 000	31 801
викой на семена	10 000	12 928
техническими культурами	17 500	15 264
кормовыми	25 000	23 367
картофелем	32 000	26 584
овощами	4000	4053

Озимый сев по сравнению с 1943 г. был проведен в более лучшие агротехнические сроки. Но засеяно озимых было 217 763 га при плане 220 000 га, или 99,0 %. Не выполнили государственный план сева озимых культур: Алатырский район (не досеял к плану 1788 га), Порецкий (1835 га), Кувакинский (1609 га), Комсомольский (450 га), Чкаловский (262 га), Шумерлинский (335 га), Шемуршинский (100 га) районы. Основной причиной срыва плана в этих районах стали несвоевременное проведение работ по подъему паров, затяжка проведения сева [4, л. 172 об.].

В 1944 г. всего было сжато озимых яровых – зерновых 504 389 га, из них 3874 га – на площади погибших озимых и часть площадей оставлены на семена; обмолочено к годовому плану 502 698 га, осталось необмолоченного хлеба на 10 января 1945 г. 1691 га, обмолочено клеверов 9527 га, вытерто клеверов 6370 га [4, л. 172 об.–173].

Большинство районов республики уборку урожая в 1944 г. провели удовлетворительно. В числе отстающих оказались Кувакинский, Чкаловский, Ибресинский, Первомайский и Комсомольский районы.

В 1944 г. в ряде районов было допущено неудовлетворительное использование машин. По республике убрали из общей уборочной площади в 504 920 га жнейками – 27 %, комбайнами – 5,8 %, серпами и косами – 67,2 %. Особенно плохо убрали машинами: Октябрьский (9,5 %), Мариинско-Посадский (9,8 %), Сундырский (10,2 %), Порецкий (10,5 %), Канашский (17,2 %), Шихазанский (24 %), Ядринский (28,5 %) районы. Тогда как Вурнарский район убрал машинами 52 %, Моргаушский – 55 %, Яльчикский – 63 %, Цивильский районы – 75 % [4, л. 173].

В 1944 г. в дни уборки и заготовки хлеба многие колхозы республики показали примеры высокой организованности. Например, колхозники орденосного колхоза им. Сталина Вурнарского района, соревнуясь с колхозом «Победа» Московской области, косовицу озимых закончили в 7 рабочих дней, яровых – в 12 дней. Весь скошенный хлеб с площади 650 га заскирдовали к 13 сентября. К 1 октября была закончена молотьба хлебов и подъем зяби. К 13 сентября колхоз полностью выполнил свои обязательства по поставке хлеба государству и натуроплате за работу МТС и сдал государству дополнительно 4300 пудов хлеба.

Орденосный колхоз «Ново-Ищеряково» Яльчикского района закончил уборку озимых с хорошим качеством в 6 рабочих дней, широко используя на этих работах крупный рогатый скот. 26 августа колхоз завершил уборку яровых. Одновременно с косовицей в этом колхозе проводились скирдование, молотьба и сдача хлеба государству. Колхоз закончил скирдование всего хлеба к 1 сентября.

В отличие от прошлых лет в 1944 г. значительно лучше был организован труд колхозников на полях. Указание Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) об организации индивидуальной и мелко-групповой сдельщины было внедрено в значительной части колхозов республики. Эти формы открыли возможности в повышении производительности труда. Многие колхозы, исходя из существующих норм выработки, отводили отдельным колхозникам участки на 3–5 дней, благодаря чему достигалась качественная уборка и резко повысилась производительность в работе. Так, в колхозе им. IX съезда ВЛКСМ Аликовского района колхозник Иванов косой с приспособленными легкими грабельниками скашивал по 0,73 га, при норме 0,35 га; члены колхоза «Синьял» Калининского района Аркадьева, М. Прокопьева ежедневно серпами убрали по 0,23–0,25 га. Колхозный скирдоправ (колхоз им. Шмидта Комсомольского района) Волков ежедневно укладывал 52 копны, вместо 25 копен по норме.

Плохо сработали в 1944 г. МТС (см. табл. 5) [4, л. 173 об.].

Причинами невыполнения плана тракторных работ МТС в 1944 г. стали поступление с большими перебоями горючего, ухудшение технического состояния машин после весеннего сева и в связи с этим их простои, недостаточное использование мощности механизмов.

Выполнение плана тракторных работ МТС Чувашской АССР в 1944 г.

Произведено всех тракторных работ без молотьбы	90,7 %
Убрано комбайнами	75,0 %
Молотьба молотилками МТС	52,7 %
Поднято зяби	43,3 %
Выработано на 15 сильный трактор в га	262,6 га

Из 29 выполнили годовой план тракторных работ 8 МТС: Вурнарская (произведено всех работ в переводе на мягкую пахоту без молотьбы (129,1 %) и выработано на 15-сильный трактор (407,8 га), Козловская (121,3 % и 387 га), Ибресинская (120 % и 384 га), Шихазанская (112,4 % и 353 га), Яльчикская (109,4 % и 332 га), Чкаловская (107,2 % и 299 га), Цивильская (103,4 % и 284 га), Комсомольская (100 % и 319,9 га).

Включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование, работники МТС боролись за первенство в этом соревновании. По Вурнарской МТС трактористка Порфирьева на колесном тракторе выработала 960 га вместо 450 га по плану. Тракторист МТС Козловский Гаврилов за сезон на тракторе СТЗ вспахал 505 га и сэкономил 127 кг горючего. В этой же МТС бригада Скворцова на 10 сентября годовой план тракторных работ выполнила на 151 % и сэкономила 1605 кг горючего. Высокую производительность показали знатные механизаторы республики: комбайнер Ибресинской МТС Маркиянов убрал на своем комбайне 320 га, комбайнер Михайлов (Вурнарская МТС) – 234 га, комбайнер Козловской МТС Ильин – 303 га.

В республике имелись МТС, находящиеся в крайне тяжелом положении по техническому состоянию машин, к их числу относились: Шемуршинская МТС, выполнившая план на 59,8 %, Красночетайская – на 76,6 %, Кувакинская – на 67,4 %, Порецкая – на 68,6 % и Алатырская – на 81,3 %. Невыполнение плана тракторных работ в этих МТС объясняется тем, что больше половины тракторного парка систематически простаивали из-за технических неполадок.

По состоянию на 10 января 1945 г. выполнение годового плана 1944–1945 гг. ремонта тракторного парка определялось следующими данными: отремонтировано тракторов капитальным ремонтом 210 (45,7 %) при плане 459; текущим ремонтом 234 (37 %) при плане 633; всего 444 (40,6 %) при плане 1092 [4, л. 174].

План ремонта тракторов IV квартала 1944 г. был выполнен на 100 %. Передовые МТС по ремонту: Ибресинская, выполнившая план на 116 %, Шихазанская – 163 %, Яльчикская – 125 %. Отставали: Алатырская – выполнение плана ремонта составило 21,4 %, Кувакинская – 14,2 %.

В целом собрали урожая по республике в 1944 г.: зерновых – 11 ц с га, в том числе озимой ржи – 11,3; овса – 12,4; ячменя – 12,9; яровой пшеницы – 9,2; гороха – 10,2; картофеля – 105, семени льна – 2,8; волокна льна – 3,1; семени конопли – 3,7 и волокно конопли – 4,1 ц с га [4, л. 174].

В 1944 г. было поднято зяби 171 167 га при плане 230 000 га, или 74,4 %. Особенно неудовлетворительно обстояло с этим дело в Кувакинском – 14 %, Порецком – 30 %, Алатырском – 31,3 %, Чкаловском – 51 %, Янтиковском – 44,7 % районах. Выполнили план подъема зяби Вурнарский, Мариинско-Посад-

ский, Октябрьский, Цивильский, Чебоксарский, Моргаушский районы республики [4, л. 174–174 об.].

Многие колхозы республики, своевременно собрав урожай с семенных участков, засыпали доброкачественные семена и деятельно занимались доведением их до посевных кондиций. По колхозам Чувашии засыпали семян вместе со страхфондом в % к годовому плану: зерновых и бобовых (109 %), в том числе пшеницы – 101,9 %, проса – 145,1 %, картофеля – 100 %, льна – 72 %, конопли – 71 %, клевера – 36,4 %, вики на зерно и сено – 81 %, отсортировано семян зерновых – 64,2 % [4, л. 174].

Не выполнили план засыпки семян колхозы Ибресинского, Комсомольского, Красночетайского, Кувакинского, Порецкого, Урмарского, Чкаловского, Шемуршинского, Шумерлинского районов.

По состоянию на 1 января 1945 г. государственный план развития общественного животноводства был выполнен: по лошадям на 79,5 %, по крупному рогатому скоту – 94,6 %, овцам и козам – 86,9 %, свиньям – 86,2 %. Хорошие показатели по животноводству имели Цивильский, Чурачикский, Чебоксарский, Урмарский и Козловский районы. Исключительно плохие показатели по крупному рогатому скоту характеризовали: Аликовский, Красночетайский, Порецкий, Шемуршинский, Шумерлинский, Яльчикский, Янтиковский, Вурнарский; по свиньям – Алатырский, Вурнарский, Красночетайский, Кувакинский, Порецкий, Шемуршинский, Шихазанский, Шумерлинский, Ядринский, Канашский, Ибресинский; по овцам и козам – Аликовский, Вурнарский, Канашский, Кувакинский, Красночетайский, Порецкий, Шемуршинский, Шумерлинский, Ядринский, Яльчикский и Янтиковский районы [4, л. 174 об.].

Серьезным недостатком в развитии животноводства являлся большой отход молодняка. За 1944 г. пало: жеребят – 14 %, телят – 28 %, поросят – 22,8 %, ягнят – 41,8 % к приплоду.

На 20 января 1945 г. республика сдала хлеба государству 108 937 т при плане 108 630 т, или 100,3 %. Кроме того, было сдано гарнцевого сбора 3440 т при плане 3282 т. Дополнительно в фонд Красной Армии поступило хлеба 10 594 т; сдано авансом в счет натуроплаты за работу МТС в 1945 г. – 586 т. Государственный план зернопоставок выполнили 16 районов, в том числе Аликовский – на 108 %, Вурнарский – 110 %, Сундырский – 113,2 %, Советский – 110 %, Чебоксарский – 121 %. Не выполнили государственный план Шемуршинский (74,5 %), Шумерлинский (81,8 %), Чкаловский (74,8 %), Кувакинский (77,1 %) районы. На 10 января 1945 г. план обязательных поставок картофеля по республике был выполнен на 79,7 % (35 203 т), кроме того, поступило картофеля в фонд РККА 10 137 т и овощей 1517 т, всего 11 654 т [4, л. 175].

Таким образом, меры, принятые партией и правительством страны, руководством автономии помогли преодолеть трудности, обеспечили необходимые условия для развития народного хозяйства Чувашской АССР и способствовали увеличению ее вклада в завоевание победы над фашистскими захватчиками.

Список литературы и источников

1. Григорьев А.Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На материалах Чувашской АССР): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2004. 23 с.

2. Официальная справка члена ЦК // Известия ЦК КПСС. 1990. 7 июня [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.hrono.ru/biograf/bio_ye/ezhov_ni.php (дата обращения: 20.02.2020).
3. Прокопьев А.Н. Эвакуация предприятий и населения в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник академии права и управления. 2011. № 24. С. 111–118.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 42. Д. 572.
5. Серазетдинов Б.У. Вклад Чувашии в победу над фашистской Германией (Краткий историографический обзор исследований постсоветского периода) // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2019. № 14. С. 116–133.

B.U. Serazetdinov

**INDUSTRY AND AGRICULTURE
CHUVASH ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
WARS (BASED ON THE MATERIALS OF THE «SPECIAL FOLDER»)**

Annotation: The article analyzes in detail the state of the economy in General and military production and agriculture in particular of the Chuvash ASSR in the last years of the great Patriotic war. The author shows the importance of economy in the military victory over the enemy by the example of each specific industry. Based on extensive statistical material, the author gradually recreates the process of implementing the program of military restructuring of the national economy of the Chuvash ASSR and the mobilization of production and labor resources to fight the fascist invaders. Special attention is paid to the implementation of the state industry plan for gross output for 1944; the contribution to the victory of the collective farm peasantry. The given statistical material on the volume of military production allows us to adequately assess the contribution of the Chuvash ASSR to the victory over Nazi Germany. This article uses the materials of the «Special folder» for the first time.

Keywords: Great Patriotic war, national economy of the Chuvash ASSR, military industry agricultural industry, state industry plan, gross output.

А.Г. Берман

«ДЕЛО АРХИЕПИСКОПА ИОВА» В ПРОПАГАНДИСТСКОМ КОНТЕКСТЕ АНТИЦЕРКОВНОЙ КАМПАНИИ 1960-Х ГОДОВ В ЧУВАШИИ (ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДАВНЕЙ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ)

Аннотация. Статья посвящена антицерковным мероприятиям в Чувашии в рамках антирелигиозной политики 1960-х гг. в СССР. Рассматривается пропагандистская кампания в чувашской печати в связи с делом казанского архиепископа Иова. Вводятся в научный оборот ранее не использовавшиеся архивные документы, газетные материалы. Целью данной кампании была не только дискредитация церкви и духовенства в глазах населения, но и, по возможности, возбуждение уголовных дел против священнослужителей по экономическим преступлениям.

Ключевые слова: Чувашская АССР, государственно-церковные отношения, «хрущевские гонения на церковь», газета «Советская Чувашия», архиепископ Иов (Кресович), протоиерей Николай Демьянович.

Одним из важнейших аспектов антицерковной кампании конца 1950-х – первой половины 1960-х гг., более известной как «хрущевские гонения на церковь» была пропаганда атеистического мировоззрения и снижение влияния религии на сознание советских граждан. Существенную роль в достижении этой задачи должна была сыграть дискредитация церкви в глазах общественности, освещение в прессе неблагоприятных поступков верующих и духовенства, выявление правонарушений «церковников» с последующим возбуждением уголовных дел и публикацией в СМИ «пикантных» подробностей дел. Данная статья посвящена делу казанского архиепископа Иова и пропагандистской роли этого дела в антицерковной кампании в Чувашской АССР.

Русская православная церковь к концу 1950-х гг. представляла собой в экономическом отношении довольно сильную структуру. К 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР составляло 13 478, при численности духовенства 12 288 чел. Денежные доходы церкви с 1948 по 1957 г. возросли в 3,7 раза и составили 667 млн руб. [22, с. 357]. В Чебоксарско-Чувашской епархии, созданной в 1945 г., на 1 января 1959 г. насчитывался 41 приход, численность духовенства составляла 67 чел. [7, л. 1–2]. Учетные денежные доходы епархии за 1958 г. составляли 779,6 тыс. руб. [10, л. 21]. Даже в разгар антицерковной кампании, в 1962 г., когда властям удалось установить твердые оклады священнослужителям, зарплаты священнослужителей в Чувашской АССР составляли от 110 до 350 руб. в месяц [10, л. 10]*. При этом средняя месячная

* Здесь надо иметь в виду, что священники облагались подоходным налогом по норме, установленной для некооперированных кустарей, то есть по максимальной ставке.

зарплата в СССР в 1962 г. составляла 80,9 руб. [20]. До антицерковной кампании, когда денежные поступления священников, помимо оклада, складывались из треб, пожертвований, приношений верующих в натуральной форме (продукты и т.д.), доходы духовенства были еще выше.

Получая значительные денежные средства, духовенство, естественно, старалось превратить их в материальные блага. На протяжении 1940–1950 гг. уполномоченные по делам РПЦ постоянно фиксируют стремление духовенства к повышенному уровню потребления (покупка домов, автомобилей, поездки на курорты и т.д.). В своем циркулярном письме от 1 января 1954 г. Патриарх Алексий I цитирует письмо одного из архиереев: «Приходится сознаться, что духовенство является предметом осуждения и со стороны внешнего его обихода: нарождается-де новый класс капиталистов» [3, л. 24]. То есть рост доходов духовенства демонстрировал в общем-то небогатому населению социальное расслоение, что могло советскими гражданами рассматриваться как отход государства от социалистических принципов. Не испытывая недостатка в наличности, духовенство стремилось влиять на ситуацию в своих приходах: давало деньги в долг колхозам, за свой счет предлагало благоустроить территорию (такие факты имеются в отчетах уполномоченных).

Были случаи сращивания духовенства и работников сельсоветов. Например, озабоченность Совета по делам РПЦ в 1947 г. вызвал тот факт, что на нескольких ходатайствах об открытии церквей в Чувашии стоят подписи председателей сельсоветов и колхозов, причем председатели не только заверяли ходатайство, но и поддерживали верующих [3, л. 39]. Упрочив свое материальное положение, церковь пытается позиционировать себя важным общественным институтом в социалистическом государстве, что противоречило базовым принципам социализма (религия — частное дело человека).

Начало новому этапу антирелигиозной политики государства дало секретное постановление ЦК КПСС от 24 октября 1958 г. «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В «Записке», в числе прочего, отмечалось, что «в результате повышения доходов руководство православной церкви и религиозных культов сумело создать для духовенства хорошие материальные условия...». По мнению авторов «Записки», это приводит к усилению миссионерской деятельности религиозных организаций и даже участию некоторых руководящих партийных и комсомольских работников в совершении религиозных обрядов. Особо отмечаются попытки духовенства влиять на общественность при помощи благотворительности [14].

На протяжении 1959–1961 гг. был принят целый пакет документов, ограничивающих деятельность религиозных объединений. На местах новый курс государственно-церковных отношений должны были осуществлять уполномоченные Совета по делам РПЦ. С 1958 г. должность уполномоченного Совета по делам РПЦ и одновременно, уполномоченного Совета по делам религиозных культов занимал Яков Георгиевич Маклашкин, с именем которого связано проведение в жизнь хрущевской антирелигиозной кампании в Чувашии. Я.Г. Маклашкин родился в 1906 г., до прихода на должность уполномоченного работал председателем исполкома Мариинско-Посадского райсовета, был депутатом Верховного Совета Чувашской АССР 2-го (1947–1951) и 3-го (1951–1955) созывов.

Маклашкин развернул массированное «наступление на церковников» на идеологическом фронте: для населения были организованы 84 лекции на атеистическую тематику с общим охватом более 400 слушателей [8, л. 85]. Особое значение придавалось антирелигиозным публикациям. Анализ книг и статей атеистической направленности, зарегистрированных в республиканском органе государственной библиографии «Летопись печати» в 1958–1964 гг. показывает, что в период антицерковной кампании, в среднем, ежегодно выходило около 31 наименования книг, журнальных и газетных статей атеистической направленности, без учета районной прессы. Если в 1957 г. вышло 12 антирелигиозных публикаций, то в 1962 г. — 49.

Введенский кафедральный собор, главный храм республики, пользовался особым вниманием чувашского уполномоченного по делам РПЦ. Сложно сказать, какие цели преследовал Я.Г. Маклашкин, но можно предположить, что, оказывая систематическое давление на общину собора, он хотел, при благоприятном развитии событий, полностью ликвидировать главный очаг «религиозного мракобесия» в столице Чувашии. Главной заботой уполномоченного было провести в состав так называемой «двадцатки», то есть исполнительного органа приходского собрания, своих людей, таких кандидатов, которые могли бы разлагающе воздействовать на церковное собрание. Маклашкин блокировал свободное проведение приходского собрания, отказывался регистрировать в качестве членов «двадцатки» неугодных ему людей, объявлял «незаконными» протоколы собраний общины. Все это привело к длительному противостоянию уполномоченного и чувашского епископа Николая, незадолго до описываемых событий сменившего епископа Мануила. Епископ Николай старался добиться того, чтобы в составе «двадцаток» были глубоко верующие люди, что очень не нравилось уполномоченному. В ходе борьбы за контроль над Введенским собором в чувашской прессе появляется ряд публикаций, призванных дискредитировать духовенство в глазах общественности и оправдать волюнтаристские действия уполномоченного.

3 июня 1960 г. в главной республиканской газете «Советская Чувашия» появляется огромная, на целую газетную страницу, статья под говорящим названием «Об отцах духовных и их делах греховных». Публикация представляла собой перепечатку статьи из газеты «Советская Татария», где речь шла об уголовном деле против казанского архиепископа Иова (Кресовича). Казалось бы, какое отношение имеют события в татарской столице к Чувашской АССР? Самое непосредственное: епископ Иов в 1951–1953 гг. занимал кафедру епископа Чебоксарского и Чувашского.

Дело архиепископа Иова интересно как с точки зрения самой технологии организации уголовного дела в хрущевские времена, так и в контексте антицерковных мероприятий чувашского уполномоченного Маклашкина.

Как следует из официальной биографии архиепископа Иова (в миру Владимир Адрианович Кресович), он родился в 1898 г., в с. Мокрец Владимир-Волынского уезда Волынской губернии. Из потомственной священнической семьи старинного рода. После Гражданской войны оказался на территории, отошедшей Польше. 30 октября 1921 г. был рукоположен в сан диакона, а 5 марта 1922 г. рукоположен в сан священника епископом Дионисием (Валединским), основателем Польской Православной Церкви, признанной Константинопольским патриархатом, но не признанной Московским. В 1935 г. стал настоятелем храма во

имя Иоанна Милостивого в с. Любче (ныне Рожищенский р-н Волынской обл.) и благочинным. В 1942 г., после смерти жены, был пострижен в монахи с именем Иов и рукоположен в епископа Луцкого, викария Волынской епархии. После образования Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) во время немецкой оккупации Иов сохранял верность Московскому патриархату [15].

Интересно, что Православная энциклопедия и статья 1960 г. освещают деятельность епископа Иова во время войны по-разному. Согласно официальной биографии: «Во время немецкой оккупации по благословению Иова находившиеся в его подчинении клирики совершали крещения евреев, благодаря чему те могли покинуть гетто и спастись от уничтожения; прятали местных жителей, определенных к вывозу для работы в Германию (за что впоследствии Иов был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”)» [15]. В газете: «В годы Великой Отечественной войны, проживая на временно оккупированной гитлеровцами территории, Иов молился за победу фашистских войск. Вот что докладывал в 1944 году благочинный Тернопольской области протоиерей Корнейчук епископу Николаю*: “Владыка Иов под расписку... давал строгое свое распоряжение поминать в храме во время богослужения Гитлера и его доблестное воинство... Когда принял под свою опеку епархию владыка Иов, он сразу же распорядился сдать церковные звоны (колокола) немедленно немецкому правительству на нужды военные...”

Такое распоряжение Иова было вызвано тем, что посвящение его в сан епископа происходило с благословения представителя гитлеровского генерального комиссара на Волыни и Подольщине Цупингера.

В первые же дни оккупации Иов принимал активное участие в организованных украинскими националистами демонстрациях, носивших антисоветский характер. 27 июля 1944 года епископ Фотий** сообщал экзарху Украины Иоанну***: “Иов выставлен кандидатом в епископы митрополитом Поликарпом**** по указанию украинских националистов-бандеровцев ... Иов... большой сторонник украинского национализма”...» [16].

Между тем никакого противоречия здесь нет. Дело в том, что особенностью немецкой оккупационной политики была поддержка всех религиозных структур на контролируемых территориях, независимо от юрисдикционной принадлежности [1, с. 63–131]. Епископ Иов был вынужден подчиняться оккупационным властям, в то же время это не мешало ему помогать местным жителям в противо-

* Имеется в виду епископ Николай (Чуфаровский), занимавший в 1944 г. Тернопольскую кафедру. Как сообщает официальная биография владыки Иова: «Являлся временным управляющим Волынской епархией до назначения 23 мая 1944 г. епископом Волынским и Луцким Николаем (Чуфаровского), при котором Иов стал викарием. По некоторым сведениям, между Иовом и епископом Николаем возникли разногласия в связи с принимавшимися правящим архиереем жесткими мерами против бывших автокефалистов. К тому же в конце 1944 г. при невыясненных обстоятельствах пропала часть архива митрополита Алексия (Громадского) с личными данными о духовенстве. Сотрудники НКВД, которые не успели ознакомиться с этими материалами, подозревали викария в пропаже документов. Иов подал прошение Патриарху Алексию I с просьбой о переводе на др. кафедру» [15].

** Скорее всего имеется в виду епископ Фотий (Топиро), занимавший в 1944 г. Херсонскую кафедру.

*** Иоанн (Соколов), митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины (1944–1964).

**** Поликарп (Сикорский), с февраля 1942 г. предстоятель Украинской автокефальной православной церкви, созданной оккупантами на территории Рейхскомиссариата Украина.

действию оккупантам. До разделения Украинской автономной церкви в составе РПЦ МП и УАПЦ Поликарп (Сикорский), как и Иов (Кресович) находились в одних и тех же церковных структурах. Кроме того, нет никаких оснований думать, что хоть какая-то церковная группировка вообще могла испытывать симпатии к советской власти. Надо понимать, что лояльность церкви к социалистическому строю (за исключением убежденных обновленцев) на протяжении всей истории СССР была формальной и вынужденной. И об антисоветских настроениях Иова тоже сообщает статья 1960 г.: «Но В. Кресович служил не только гитлеровцам и бандеровцам. Проживая в панской Польше, будучи благочинным священником Любчерской церкви, он еще в 1937 году давал указания вести с амвона борьбу с распространением коммунистических идей» [16].

В 1945–1946 гг. Иов занимал кафедру епископа Измаильского, затем, в 1946–1950 гг. – епископа Лысковского, викария Горьковской епархии.

20 июля 1951 г. Иов становится архиепископом Чебоксарским и Чувашским. В отчетах уполномоченного по делам РПЦ по Чувашской АССР А.В. Васильева (предшественника Я.Г. Маклашкина) есть несколько характеристик, данных епископу на основе личных бесед и анализа его деятельности. Например, в отчете за IV квартал 1951 г. уполномоченный пишет: «В течение отчетного квартала более или менее характерным фактом, определившим облик и моральное состояние особенно сельского духовенства, можно считать случаи, имевшие место в Агратьевской и Ивановско-Ленинской церквях.

Молодой (36 лет) диакон Ивановско-Ленинской церкви Ладилов “имевший смелость” возмущаться действиями настоятеля церкви Шапошникова при распределении дохода между членами причта церкви. На этой почве разыгралась склока, и слух о склоке дошел до епископа.

Диакон Агратьевской церкви Никитин упрекнул своего настоятеля за его распутный образ жизни. В связи с этим между настоятелем и диаконом начались постоянные ссоры. Слухи об этом тоже дошли до епископа.

Епископ Иов придерживается порядка – не смей младшие осуждать поступки старших, то есть настоятелей, и обоих вышеуказанных диаконов лишил права служения и временно обоих оставил на положении псаломщиков, причем одного перевел в другой приход, а другого оставил в той же церкви» [4, л. 8].

«Епископ Иов за отчетный квартал был у меня всего один раз. Он передо мной ставил следующие вопросы: а) можно ли ему вызвать с мест на архиерейское служение в престольный праздник Чебоксарского кафедрального собора 3–8 священников; б) не будет ли препятствий освящению придела в Луцкой церкви; в) удобно ли будет ему вызвать своего шурина (священника) из Смоленской области в Чувашскую АССР для постоянной работы. На все перечисленные запросы мною даны положительные ответы, то есть в пользу епископа» [4, л. 9].

На этой основе уполномоченный дает характеристику архиерею: «Епископ Иов выходец из семьи священника с. Мокрец, Вербовского (Вербского. – А.Б.) района, Волынской области. Имеет среднее духовное образование – окончил Волынскую духовную семинарию. Советскую действительность знает лишь с 1939 г., и то в годы войны находился на оккупированной территории – в Волынской области.

Он еще молодой: ему 53 года. К местному духовенству относится с некоторым пренебрежением. О последнем говорят следующие факты: Иов секретарем

для управления епархии вызвал некоего протоиерея Демьяновича — выходца из Польши, проживавшего до 1948 г. прежде и в Польше, а затем и в Литве, пытается вызывать в свою теперешнюю епархию своих прежних сослуживцев и родственников из священников. Стараются укрепить власть настоятелей и их авторитет дисциплинарными мерами, а так же укрепить организационно-хозяйственное состояние церковных общин.... Одновременно Иов старается даже мелкие вопросы чисто внутрицерковного порядка согласовывать со мной, как-то вызовы на работу к себе духовенства из других епархий и т.п. В течение отчетного квартала епископ выезжал на места два раза: в октябре месяце был в Алатырской городской церкви и на освящении придела Алтышевской церкви Алатырского района, и в декабре месяце — в Канашской церкви. Он же ликвидировал епархиальный совет при нем (себе).

В общем, в действиях епископа Иова наблюдается стремление к повышению авторитета духовенства, упрочению единовластия епископа и активизации церковников» [4, л. 12–13].

26 января 1953 г. Иов был назначен епископом Казанским и Чистопольским. При этом Чебоксарская епархия временно осталась под его же началом. По поводу нового назначения владыки Иова чувашский уполномоченный А.В. Васильев написал в своем отчете за I квартал 1953 г.: «Перевод епископа в г. Казань и оставление Чебоксарско-Чувашской епархии как викарной верующими города Чебоксар и местным духовенством было воспринято с недовольством. В последнее время это настроение начало свертываться. Сам епископ Иов перевод его в Казань почел за нечто большее для него. Это было заметно из его разговора в бытность на приеме у меня от 9 февраля, где он выразился: “Казань — не Чебоксары”».

Текущую работу по Чебоксарско-Чувашской епархии в данное время ведет секретарь управления епархии протоиерей Демьянович Н.А. Его деятельность, что выясняется из бесед с посетителями, многих служителей культа не удовлетворяет. Особенно недоволен им причт Чебоксарского кафедрального собора» [5, л. 16].

Упомянутый в отчете уполномоченного Н.А. Демьянович на долгое время становится одной из ключевых фигур жизни Чебоксарско-Чувашской епархии. Николай Антонович Демьянович родился 16 января 1908 г. в д. Лыски Гродненской губернии (ныне на территории Польши) в семье крестьянина. Окончил два класса гимназии в 1918 г. в г. Орехово-Зуеве Московской области. В межвоенный период проживал в Польше. В 1931 г. окончил Виленскую духовную семинарию, в 1935 г. — православное богословское отделение Варшавского университета. 8 сентября 1932 г. был рукоположен во диакона, а 11 сентября 1932 г. — во пресвитера. Пастырское служение совершал на приходах в Холмской епархии, в Белоруссии, в г. Вильно (ныне Вильнюс) (тогда на территории Польши). В 1939 г. совместно с другими представителями виленского духовенства был принят в юрисдикцию Московского Патриархата (упомянут в сане священника). Служил в кафедральном соборе г. Вильнюса, был возведен в сан протоиерея. С 1943 по 1949 г. был секретарем Виленского епархиального управления. С 1951 г. служил в Чебоксарской епархии: был настоятелем Введенского кафедрального собора в г. Чебоксары (1953–1960) и секретарем епархиального управления (1951–1973). В 1965 г. получил степень кандидата богословия Московской духовной

академии за работу «Собор как высший орган церковной власти». В 1972 г. удостоен степени магистра богословия за сочинение по кафедре истории Русской Церкви «История Православия на Холмщине». В 1971 г. был членом Поместного Собора Русской Православной Церкви от клира Чебоксарской епархии [2, с. 21; 19, с. 21]. После перевода владыки Иова в Казань и до назначения в Чебоксары нового архиерея протоиерей Николай Демьянович, как следует из отчета уполномоченного, фактически исполнял обязанности управляющего епархией.

В статье «Об отцах духовных и их делах греховных» также упоминается служение владыки Иова в Чувашии: «В 1951 году Иов прибывает в Чебоксары. Здесь, как и всюду раньше, Кресович наложил руку на церковную кассу, ведет жите в роскоши с “экономкой” Нонной, баснословно обогащается за счет верующих. Все это вызвало гнев прихожан, и не дожидаясь, когда его снова снимут, архиепископ решил вовремя уехать» [16]. Как видно, приведенные в газете факты не находят отражения в отчетах уполномоченного, «экономка Нонна» ни разу не упоминается. С другой стороны, присутствие монахинь в быту епископов в качестве помощниц по хозяйству – обыкновенная практика до сего дня. Правда, надо отметить, что эта практика входит в противоречие с некоторыми каноническими правилами полуторатысячетней давности: «Великий Собор без изъятия положил, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни диакону и вообще никому из находящихся в клире не было позволено иметь сожительствующую в доме жену, разве мать, или сестру, или тетку, или тех только лиц, которые чужды всякого подозрения» (3-е правило I Вселенского собора). Как видно из дела епископа Иова, некоторые древние правила не утратили своей актуальности до сих пор.

Рассмотрение деятельности епископа (впоследствии возведенного в сан архиепископа) Иова на посту управляющего Казанской епархии не входит в задачу этой статьи. Однако, само «дело архиепископа Иова», заслуживает интереса и описания как образец организации уголовных дел против епископата в период хрущевской антицерковной кампании. При этом надо сделать необходимую оговорку: преступление, которое епископу Иову вменяли в вину, то есть присвоение церковных денег и неуплата налогов, судя по всему, действительно имело место. Об этом свидетельствует письмо, направленное из Московской патриархии казанскому архиепископу, в котором говорится: «При рассмотрении приходно-расходной сметы на 1960 год, представленной Вашим Преосвященством, вызывают недоумения некоторые, весьма значительные по сумме, статьи расхода:

1. Содержание Епархиальной Канцелярии (кроме зарплаты) – 50 000 рублей, против 9 027 руб., израсходованных за 10 месяцев 1959 года.
2. Содержание архиерейского дома (кроме зарплаты служащим) – 120 000 рублей, против 20 853 руб., израсходованных за 10 месяцев 1959 года.
3. Приобретение, постройка и капитальный ремонт домов, гаража и проч. – 60 000 рублей.
4. Прочие расходы 500 000 рублей.

Хозяйственное Управление просит Ваше Преосвященство расшифровать и пояснить расходы» [16].

Комитет государственной безопасности при Совете министров Татарской АССР через агентуру выявил конкретные факты, свидетельствовавшие о том, что Иов скрывает свои доходы. В дополнение к получаемым им 20 тыс. руб. Иов ежемесячно брал из кассы епархии 40 тыс. руб., не оформляя это документами,

чтобы избежать уплаты налога с личных доходов. Всего за годы своего правления в Казанской епархии архиепископ Иов присвоил 5,5 млн руб. и не доплатил государству налога около 3 млн руб. Одновременно было признано целесообразным ограничить денежные средства епархии, так как наличие на текущем счете епархии около 4 млн руб. давало возможность Иову и его сподвижникам делать огромные затраты на различные нужды, укрепляющие авторитет церкви.

Чтобы лишить епархию этих денег, агенты, являвшиеся руководящими членами епархиального управления, согласно данному им заданию, поддержали высказанное уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров Татарской АССР предложение о целесообразности передачи 3 млн руб. в республиканский Фонд защиты мира. Иов пытался воспротивиться, но предложение поддержало руководство епархиального совета, и деньги были перечислены. По представлению КГБ, Татарский областной комитет КПСС обязал министра финансов республики создать комиссию и проверить правильность уплаты налогов духовенством казанских церквей. Чтобы такая проверка в глазах духовенства выглядела естественной, предварительно с дьяконом кладбищенской церкви оперативные работники провели беседы, в результате чего он выступил в печати с заявлением о разрыве с церковью, а уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви передал заявление о фактах мошенничества руководителей епархии при обращении с церковными деньгами и уплате налогов. По официальным материалам казанского горфинотдела прокуратура республики против архиепископа Иова возбудила уголовное дело. Верховный суд Татарской АССР на основании ст. 169 ч. II УК РСФСР приговорил Иова к 3 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества [17, с. 103–107]*.

Газета «Советская Татария» поместила подготовленную КГБ при Совете министров ТАССР статью «Казанские отцы духовные и их дела греховные», которая и была перепечатана газетой «Советская Чувашия» 3 июня 1960 г. После процесса в газете «Советская Татария» была опубликована статья прокурора ТАССР Н. Жогина «Архиепископ Иов разоблачен», перепечатанная в «Советской Чувашии» 22 июня 1960 г. [13].

Публикация двух статей, посвященных «делу архиепископа Иова» летом 1960 г. имела не только пропагандистское значение. Одновременно местный уполномоченный Я.Г. Маклашкин пытался таким образом воздействовать и на чувашского архиерея — епископа Николая и его приближенных, в особенности на настоятеля Введенского собора и секретаря епархиального управления протоиерея Николая Антоновича Демьяновича, который, как говорилось выше, был вызван в Чувашию еще епископом Иовом. На одной странице со статьей «Об отцах духовных и их делах греховных» была помещена заметка и о протоиерее Николае. Очевидно, что она была подготовлена не без участия сотрудников КГБ.

В заметке говорилось: «Как указывалось выше, у епископа Иова есть привычка тянуть за собой “сослуживцев” и единомышленников. Одним из таких и оказался Демьянович, до войны подвизавшийся в различных церквях Западной Белоруссии. В 1936–1939 годах он был одним из активных деятелей “Общества православных поляков”^{***}, известного своей враждебной политикой к СССР, изданием антисоветской литературы.

* Пользуясь случаем, хочу выразить признательность львовскому историку Роману Скакуну, любезно поделившемуся фотокопиями документа.

** «Общество православных поляков» было создано для проведения политики полонизации православного населения Западной Белоруссии, входившей в состав Польши до начала Второй ми-

Настоятель Виленской патриаршей общины протоиерей Лука Голод тогда же в докладе митрополиту Литовскому и Виленскому характеризовал Демьяновича как человека “с отравленной душой, с заглохшими стремлениями к добру и к правде”, писал об “отсутствии (у Демьяновича. — *ред.*) даже понятия о какой бы то ни было духовной настроенности”. По словам протоиерея, Демьянович являлся “агентом бывшего буржуазного правительства Польши по сыску и доносам”.

Вот этого Демьяновича и пригласил Иов в сентябре 1951 года в Чебоксары, назначил его секретарем епархиального управления, а через год — настоятелем Чебоксарского собора. Так Демьянович стал (и продолжает быть доныне) правой рукой епископа чувашского и чебоксарского.

Много грязных и греховных дел совершали и совершают “святые отцы”, огромные барыши получают они, грея руки возле церковной кассы. Как сообщает упомянутый нами Русин, лишь в 1951—1955 годах от производства и продажи свечей епископ Иов и его приближенные получили 9 579 489 рублей чистой прибыли. Четыре с половиной миллиона из этой суммы было израсходовано на ремонт и на другие нужды собора и церквей, а на какие надобности использовал Иов остальные пять миллионов — неведомо и самому всевышнему, не говоря уже о грешных верующих. Известно лишь то, что изрядная толика перепала Демьяновичу.

Негоже нам, решили “святые отцы”, ездить в каких-то автобусах, подавай нам персональную машину. И вот в июле 1956 года Демьянович на деньги Чебоксарской церковной общины приобрел в Горьковском специализированном магазине “Главспортторга” автомашину марки ЗИМ-12 за 40 тысяч рублей и зарегистрировал ее на свое имя» [16].

Заметка не была подписана автором, что говорит о ее редакционном характере, вернее о том, что она была написана по указанию КГБ (на это указывают сведения явно агентурного происхождения) и уполномоченного Маклашкина. В заметке упоминается некто Русин, бывший член ревизионной комиссии Введенского собора. Именно из-за желания Я.Г. Маклашкина проташить М.И. Русина в состав «двадцатки» Введенского собора в определенной степени и была организована данная публикация. Епископ Николай характеризовал Русина, «хорошо известного в Патриархии, как ярого склочника и вымогателя денег» [9, л. 137]. Сами верующие тоже отзывались о Русине очень нелестно: «известный всем Чебоксарам потомственный купец-делегат, кулак, сросшийся с прилавком и барышами, а в последнее время злостный клеветник, вымогатель и зловердная язва чебоксарской общественности» [12, л. 41].

ровой войны. 9 декабря 1934 г. в Белостоке состоялось собрание поляков православного вероисповедания, на котором было принято решение о проведении проповедей на польском языке. 14 сентября 1935 г. в Белостокской воеводской управе был зарегистрирован Устав общества «Дом православных поляков имени Юзефа Пилсудского», которое имело значительную финансовую поддержку со стороны воеводских властей. При участии Гродненского епископа Саввы (Советова) в феврале 1937 г. в Гродно был создан Дом православных поляков им. Стефана Батория. Организация в 1938 г. насчитывала около 1000 членов. В основном это были служащие государственных учреждений, мелкое мещанство, учителя. В это же время подобные организации были созданы в Вильно, Слониме, Волковыске, Новогрудке, Воложине и других городах Западной Белоруссии. [См. 18, с. 208.] Очевидно, что сведения об участии протоиерея Демьяновича в работе «Общества православных поляков», как и высказывание протоиерея Луки Голода, могли быть получены автором «Советской Чувашии» только через органы госбезопасности.

Надо полагать, что Маклашкину и органам госбезопасности тогда не удалось отыскать сколь-нибудь серьезных оснований для привлечения о. Николая к уголовной ответственности, как это было в Казани. Но все же публикация в «Советской Чувашии» имела определенные последствия: протоиерей Николай Демьянович лишился поста настоятеля Введенского собора в Чебоксарах (вместо него настоятелем стал протоиерей Евгений Прохоров) и, на какое-то время, должности секретаря Чебоксарско-Чувашского епархиального управления (в 1961 г. в качестве секретаря фигурирует И.М. Сретенский [8, л. 86]). Газета «Советская Чувашия», 17 августа 1960 г. посвятившая о. Николаю Демьяновичу новый фельетон, освещала это событие в глумливом тоне: «Недавно из статьи в газете общественность узнала о некоторых, мягко выражаясь, неблагоприятных поступках отца Николая, о его делах греховных. — Уволю! — немедленно решил вновь назначенный управляющий епархией Н.А. Феодосьев*. И уволил. Но... После недолгих размышлений он рассудил иначе: — Зачем обижать хорошего человека? Такой нужен для церкви — вон как умеет ловчить! И придумал для Демьяновича какую-то неопределенную должность, какой никогда раньше и не существовало. Пусть-де переждет лихую пору, а там видно будет» [21].

Из этого же фельетона хорошо видно, что «органы» в 1960 г., на волне «дела архиепископа Иова» активно копали и под о. Николая Демьяновича: «Начальник отдела милиции исполкома Чебоксарского горсовета пишет: “В сентябре 1958 года Чебоксарский собор силами рабочих Ремстройтреста горкоммунхоза Пашукова М.Н. и УНР-5 Варламовых В.И. и П.В. производил ремонт в соборе.

Строительные материалы администрация приобретала у частных лиц, а документы оформлены на имя вымышленных лиц. Так, по документам проходит Морозова, проживающая по улице 1-я Овражная, которая продала собору 20 листов фанеры, но Морозова в городе проживавшей и проживающей не значится”. Мифической личностью оказался и М.Т. Потапов, якобы продавший собору 10 мешков цемента.

Книги, цемент, фанера. Расхищение государственного имущества, нарушение законов, подставные лица, подложные документы — всем этим ловко оперируют в своих интересах отцы церкви. Не последнюю скрипку в этом оркестре играет отец Николай — Н.А. Демьянович» [21].

Архиепископ Иов, после отбытия срока заключения и снятия судимости, был назначен в 1967 г. на Уфимскую кафедру, а в 1973-м — переведен управлять Ивановской епархией. В 1973 г. в Ивановскую епархию перебирается и о. Николай Демьянович, где он исполнял должность секретаря епархиального управления. По рассказам очевидцев, протоиерей не сработался с новым архиепископом Чебоксарским Вениамином, назначенным в 1973 г. Как будто архиепископ Вениамин заявил о. Николаю: «Здесь владыка Вениамин, а не Николай». Возможно, причиной неприязни был шлейф, тянувшийся еще из довоенных времен: владыка Вениамин и о. Николай Демьянович оба были родом из Белоруссии, учились в одних и тех же учебных заведениях (правда, немного в разное время) и не могли не пересекаться в те годы.

Пропагандистская кампания в прессе — важная часть государственно-конфессиональной политики в период хрущевских антицерковных мероприятий. Публикации в газетах сопровождали реальные уголовные дела в отношении духовен-

* Епископ Николай (Феодосьев).

ства, а в некоторых случаях могли быть и поводом для реагирования со стороны правоохранительных органов.

Список источников и литературы

1. *Веденеев Д.В.* Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 496 с.
2. Вечная память почившим [Демьянович Н.А., протоиерей, Ивановская епархия] // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 1. С. 21.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 49.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 63.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 66.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 68.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 79.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 87.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 92.
10. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 94.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 99.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 102.
13. *Жоги Н.* Архиепископ Иов разоблачен // Советская Чувашия. 1960. 22 июня.
14. Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // Сайт Российского объединения исследователей религии. URL: <https://gusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/> (дата обращения: 09.12.2017).
15. Иов (Кресович Владимир Адрианович; 1898–1977), архиеп. Ивановский и Кинешемский // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/578182.html>. (дата обращения: 19.07.2020).
16. Об отцах духовных и их делах греховных // Советская Чувашия. 1960. 3 июня. № 131 (9877).
17. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 13. Д. 711. Л. 103–107.
18. Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А.Н. Вабишевич [и др.]. Минск : Беларус. навука, 2012. 423 с.
19. Протоиерей Николай Демьянович (Демьянович Николай Антонович) (1908–1980) // Религиозные деятели русского зарубежья. URL: http://zarubezhje.narod.ru/gi/D_339.htm. (дата обращения: 19.07.2020).
20. Таблица среднемесячной заработной платы в стране для конвертации пенсионных прав в расчетный пенсионный капитал // Сайт Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Чувашской Республике. URL: <http://gov.cap.ru/home/60/sites/upfr/ocenkan/zarplata/szp.htm?page=>. (дата обращения: 30.03.2019).
21. *Черепанова Н.* Под крылышком епархии: фельетон // Советская Чувашия. 1960. 17 августа.
22. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.

A.G. Berman

«THE CASE OF ARCHBISHOP JOB» IN THE PROPAGANDA CONTEXT OF THE ANTI-CHURCH CAMPAIGN OF THE 1960s IN CHUVASHIA (THE STORY OF AN OLD NEWSPAPER ARTICLE)

Annotation. The article is devoted to anti-church activities in Chuvashia within the framework of the anti-religious policy of the 1960s in the USSR. A propaganda campaign in the Chuvash press in connection with the case of the Kazan Archbishop Job is considered. Previously unused archival documents and newspaper materials are introduced into scientific circulation. The purpose of this campaign was not only to discredit the church and the clergy in the eyes of the population, but also, if possible, to initiate criminal cases against clergy for economic crimes.

Keywords: Chuvash ASSR, state-church relations, «Khrushchev's persecution of the church», newspaper «Soviet Chuvashia», Archbishop Job (Kresovich), Archpriest Nikolai Demyanovich.

ПРОЕКТ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ЧУВАШИИ

Аннотация. Идея «государственного музыкального строительства» была выдвинута в советской России в 1918 г. Первой поддержанной государством в Чувашской автономной области инициативой оказалось открытие музыкальной школы. К началу 1930-х гг. новые задачи вызвали необходимость создания музыкального техникума. В нем нашли себе место и профессиональные исполнительские коллективы, в 1936 г. объединившиеся в Государственную филармонию. Абсолютной инновацией в музыкальной культуре Чувашии явилось композиторское искусство. В послевоенное время были созданы новые государственные творческие коллективы: Театр оперы и балета, Академическая симфоническая капелла.

Под эгидой идеи «государственного музыкального строительства» развитие музыкального искусства в Чувашии продолжалось в течение семи десятилетий. Накопленный культурный и творческий потенциал музыкального искусства оказался достаточно велик, чтобы сформированные на протяжении предшествующих десятилетий структуры продолжили деятельность и в пост-советское время.

Ключевые слова: идея «государственного музыкального строительства», музыкальная школа, музыкальный техникум, профессиональные исполнительские коллективы, филармония, национальное композиторское искусство, творческий потенциал музыкального искусства.

«...дело, которому она [консерватория] служит, имеет государственное значение».

Луначарский А.В. 29 июля 1918 г. [12, с. 297].

Идея «государственного музыкального строительства» – чисто советский проект, выдвинутый большевистским руководством новой России практически сразу после прихода к власти. В этот сложный исторический момент потребовалась тотальная мобилизация всех средств для пропаганды лозунгов Октябрьской революции и оправдания действий революционеров. Нарком просвещения А.В. Луначарский вспоминал: «Еще в 18-м году Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство, как агитационное средство...» [11, с. 139]. Примечательно, что мысль об использовании искусства в политических целях высказывалась раньше, чем были поставлены вопросы о ликвидации неграмотности и культурной революции*. Предложение вождя революции прозвучало в начале года и немедленно стало реализовываться в так называемом «плане монументальной пропаганды». Декрет СНК «О памятниках Республики» был издан 12 апреля 1918 г., а 30 июля на заседании СНК был обнародован «Список лиц, коим предложено поставить монументы».

* Государственной программе ликвидации безграмотности в советской России положил начало декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 г. О культурной революции заговорили еще позже (само словосочетание «культурная революция» впервые появилось в 1923 г. в статье В.И. Ленина «О кооперации»).

ты в г. Москве и других городах Рос. Соц. Фед. Сов. Республики». В 1918–1920 гг. на открытии таких монументов присутствовал и лично выступал председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин [11, с. 375–376]. Чувашская автономная область, родившаяся в 1920 г., не осталась в стороне: 1 мая 1921 г. в Чебоксарах на набережной Волги состоялось открытие памятника Степану Разину – одному из рекомендованных к увековечению исторических персонажей по категории «Революционеры и общественные деятели».

Пропаганда социализма предполагалась и непосредственно через музыкальное искусство. «Список лиц, коим предложено поставить монументы...» от 30 июля 1918 г. содержал 66 фамилий, среди них – композиторы Модест Мусоргский, Александр Скрябин и Фридерик Шопен. Поводами для этого послужили, очевидно, наличие сцены стихийного бунта крестьян в «Борисе Годунове» Мусоргского, символистские идеи в творчестве Скрябина (его «Прометей» и «Поэма экстаза» оказались созвучными устремлениям эпохи к свободе духа, к идеалам добра и света, ко всеобщему братству людей), пафос борьбы и вольнолюбивый дух произведений Шопена, среди которых особо прославился этюд, еще в XIX в. прозванный «революционным».

Знаменательная формулировка о *государственном музыкальном строительстве* содержалась в декрете о переходе Петроградской и Московской консерваторий в ведение Народного комиссариата просвещения, который был подписан Председателем Совета Народных Комиссаров и наркомом просвещения 12 июля 1918 г.

* * *

Смысл использования как агитационного, так и общекультурного потенциала музыкального искусства появился с развитием его основных компонентов. В их числе: наличие музыкантов-исполнителей и композиторов, аудитории, подготовленной к восприятию определенного рода музыки и способствующих такой подготовке музыкальных критиков. Необходима заинтересованная общественность, организующая мероприятия, и инфраструктура для функционирования искусства – исполнительские и специальные образовательные учреждения, а также концертные залы и театры, музыкальные инструменты. В городах и селах до революционного Чувашского края, если исключить губернские центры Казань и Симбирск, ничего из перечисленного практически не было*, а музыкальная деятельность не поднималась выше самого элементарного любительства. Как и в других местах, в Чебоксарах еще не зародилась творческая среда, поскольку здесь еще никогда не проживал ни один концертирующий музыкант. Исключение представляли регенты церковных хоров, преподававшие также пение в школах, и несколько учителей музыки, зарабатывавших обучением игре на фортепиано в частных домах. Сюда не заезжали гастролеры и театральные труппы. На своем уровне благополучно чувствовало себя только хоровое пение в многочисленных церквях, была еще жива народная музыкальная культура – бытовая и обрядовая.

* Реальную картину можно себе представить по данным справочника «Вся театральная музыкальная Россия» 1914 г. [22, с. 896–1067], в котором отображены данные о культурных учреждениях городов края (Чебоксары в справочнике не были представлены), например: Алатырь (население 12 000 чел.) – имеется 1 кинематограф; Белебей (население 7000 чел.) – имеется только Общественное собрание; Бугульма (население 8000 чел.) – имеются Общественное собрание и магазин по продаже граммофонов; Буинск (население 5000 чел.) – имеется только Общественное собрание; Козьмодемьянск (население 5000 чел.) – имеется только Общественное собрание.

Таким образом, придавать государственное значение здесь пока было практически нечему. Все надо было строить «с нуля». Разумеется, существовала общественная инициатива. В учебных заведениях проводились музыкально-литературные вечера, известны попытки исполнить фрагменты оперных спектаклей. Так, в 1913 г. по указанию Министерства народного просвещения в учебных заведениях России ставилась опера «Жизнь за царя»; подобный спектакль состоялся и в Чебоксарском городском высшем начальном училище [13]. На вечерах хором исполнялся также гимн «Боже, Царя храни». В 1917 г. этот гимн в торжественных случаях был заменен другой музыкой, верноподданнической по отношению к новым властям. Задала тон 5 марта 1917 г. телеграмма чебоксарских депутатов на имя М.В. Родзянко: «Чебоксарская городская дума приветствует Вас и в Вашем лице Государственную думу борцов за свободу и с радостью и всецело подчиняется власти Временного исполнительного комитета» [7, с. 14]. В историю города вошло исполнение революционного репертуара в День международной солидарности трудящихся 1 мая 1917 г. По поручению Чебоксарского Совета учитель и псаломщик В.П. Воробьев подготовил хор из рабочих бывшего ефремовского лесопильного завода, металл-завода и солдат конвойной роты численностью в 150 чел. Ими были разучены пять произведений: «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», «Марсельеза», «Варшавянка», «Похоронный марш». Согласно воспоминаниям, чебоксарцы раньше не слыхали подобной музыки.

Такой же хор собирался в Чебоксарах и при большевиках: в 1918 г. для выступлений на демонстрации и на вечере-концерте, посвященном 1-й годовщине Октябрьской революции; в 1919 г. — при торжественном открытии Народного («Пролетарского») университета с шестью факультетами, в том числе искусств — с отделениями изобразительного искусства и пения, вновь звучали песни, соответствующие обстановке. О судьбе коллектива известно из доклада, сделанного в июне 1920 г. С.Ф. Ивановым: «Прошлой же зимой был организован народный советский хор из 50 человек. Им дано 4 концерта, которые публике очень понравились. К сожалению, тяжелые жизненные условия охладили участников хора к своему делу, и к Масленице функции хора прекратились» [3, л. 9 об.]. Такая общественная инициатива по-прежнему не поднималась выше любительства и началом настоящего «музыкального строительства» не стала — городские хоры, как и факультет искусств (и сам «Пролетарский университет»), просуществовали не более года.

* * *

Гораздо значительней по последствиям оказался заряд энергии для культурного развития, в том числе и в музыкальном творчестве, который подспудно накапливали в себе национально-культурные движения Поволжского «инородческого» региона. Толчок открытому проявлению устремлений национальной интеллигенции дало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», изданное 20 марта 1917 г. Временным правительством. Объявлялось о равенстве всех религий перед законом, отменялись все ограничения граждан в правах в зависимости от вероисповедания и национальности, декларировались свобода совести, право на получение начального образования на родном языке, местные языки допускались, хотя и в ограниченной мере, в суд и дело-производство. Уже 22 марта 1917 г. в Казани возникло Общество (впоследствии

Союз) мелких народностей Поволжья, правление которого возглавил чуваш Н.В. Никольский. Впервые в истории в решениях первого общего собрания Общества упоминалось о собирании и изучении национальных песен и других традиционных произведений, а также о развитии национального искусства в современных формах. А 20–28 июня 1917 г. в Симбирске прошел I Общечувашский национальный съезд. В его решениях музыка фигурировала в нескольких разделах: о национальном вопросе, церковном богослужении, издании национальной литературы, о преподавании пения в школе [21, с. 17]. Для делегатов съезда был подготовлен концерт, на котором прозвучали хоровые обработки чувашских народных песен, выполненные С.М. Максимовым и Г.Г. Лисковым. С энтузиазмом был встречен также «Чувашский гимн» на музыку композитора А.Т. Гречанинова «Да здравствует Россия, свободная страна», текст к которому сочинил Т.Д. Алексеев. Сохранился подстрочный перевод чувашского текста:

Слава живущему издревле чувашу,
Слава великому в веках народу!
Дружно беритесь за работу,
За построение жизни новой.
Пусть зазеленеют твои поля
И морем волнуются хлеба.
Народ, преодолев темноту,
Умом поднимается высоко.
Тогда и слава его труду
Солнцем засияет высоко!

В отличие от обработок старинных народных песен, «Чувашский гимн» имел национально-политический смысл, но он не был плодом оригинального творчества, поскольку представлял собой вариант гимна России, предложенного после Февральской революции А. Гречаниновым со стихами К. Бальмонта (как и многие другие, он не был принят Временным правительством).

В Чувашском крае национально-этнографические концерты стали проводиться энтузиастами-любителями в разных местах и после прихода большевиков к власти [8]. В национальных сочинениях этих лет С.М. Максимова, Г.Г. Лискова, Ф.П. Павлова пока не было следов политической ангажированности, но народные песни предварялись исполнением «Марсельезы», «Интернационала» и т.п. Таким образом, пробудившаяся музыкальная национально-культурная инициатива сочеталась с музыкальной коммунистической агитацией, пока не смешиваясь с ней.

Но ситуация быстро менялась. Идеи использования искусства в идеологической работе проникают в Чувашский край. 12 января 1919 г. лидер чувашских советских деятелей Даниил Эльмень призвал лучших представителей национальной интеллигенции присоединиться к работе Чувашского отдела при Наркомнаце для развертывания культурного строительства. Из чувашских музыкантов, продолжая работу в музыкально-этнографическом направлении, делает попытку откликнуться на его призыв Ф.П. Павлов. Он искренне увлекается открывающимися возможностями в строительстве современной национальной культуры и заявляет: «Революция обновляет всю жизнь. Потому обновляется и искусство» [18, с. 185]. В своих поисках чувашский музыкант решил пересочинить фольклорную песню. Для этого он переосмыслил сюжет веселой масленичной песни «Сук

сын сукшан кулянашь» (Бедного нужда печалит), публиковавшейся еще в 1912 г. В ее зачине упоминалась не только бедность, но и богатство. И то, и другое, согласно мудрой народной философии, способно усложнить жизнь. Но беззаботная молодежь не хочет знать этих сложностей:

Сук сын сукшан кулянашь те,
Пур сын пуршан кулянашь.
Пирён пурах мар, суках мар,
Пирён мёншён кулянас?

Перевод:

Бедного нужда печалит,
А богатого — богатство.
Мы ни бедны, ни богаты,
Так о чем нам горевать?

Несмотря на то, что поющие «ни бедны, ни богаты», само противопоставление по «классовому» признаку с некоторой натяжкой дало повод сочинить продолжение, переводящее сюжет на современную тематику:

Сук сын, сукшан ан кулян та,
Сук вырэнне пур пулан:
Халё ёнтё патша сук,
Патша вырэнне Совет пур.

Перевод:

Бедняк, из-за нужды не тужи,
Вместо нужды богатство будет:
Ныне уж царя нет,
Вместо царя — Советы.

Изменения Павлов внес и в напев, переосмысленный им в маршеобразную песню-агитку. Очевидно желание композитора сделать мелодическую линию более выразительной, исключить повторы в каденциях (в народном первоисточнике оба предложения заканчиваются одинаково), внести оживляющие детали в ритм. Обращает на себя внимание выход из пентатоники, спровоцированный бойкой интонацией второго и пятого тактов фольклорной мелодии, в которых как бы случайно задевается вспомогательный тон, которого в основном звукоряде нет. Но долгой жизни это произведение не имело, хотя в 1919 г. исполнялось разными коллективами. По-видимому, художественное чутье современников «отторгало» прямолинейную плакатность воплощения агитационного содержания в музыке.

Более благополучную судьбу на концертной сцене имели песни и хоры на «актуальную» тематику, появившиеся в творчестве композиторов Чувашии в 1920-е гг. и позже.

В начальной истории музыкального строительства Чувашии известно еще несколько инициативных, но и безуспешных попыток создания исполнительских коллективов. О них говорилось в отчете о деятельности музыкальной секции при подотделе искусств отдела народного образования Чувашской автономной области от 2 декабря 1920 г. (названия коллективов выделяем курсивом. — М.К.):

«Областной русский хор находится под управлением заведующего п[од]о[т]дела искусств т. Алексеева. Состав хора 40 чел. Содержание хор получает по тарифу Всерабиса. Хоровые репетиции проходят еженедельно 3 раза. Хор принимает участие в различных официальных торжествах, в концертах, митингах в пользу “недель” фронта, ребенка и т.д., а также дает и самостоятельные концерты. Репертуар безукоризнен.

Областной чувашский хор находится лишь в стадии организации. Однако же при участии этого хора 9 октября с. г. в честь I съезда Советов Автономной Чувашской области был дан концерт исключительно из чувашских народных песен, обработанных собирателями чувашских народных песен. Хор находится под управлением заведующего музыкальной секцией т. Павлова. Численность хора простирается до 40 чел. Хор также выступает в официальных случаях. Состав хора главным образом из учащейся молодежи.

Концертно-камерный коллектив не полон. Налицо имеются 2 скрипача, 1 альтист и 1 пианистка. Ансамбли проводятся под руководством заведующего музсекцией т. Павлова. Коллектив принимает участие (пока бесплатно) в концертах.

Концертно-салонный оркестр был организован в составе 15 чел. к 10 октября. Оркестр принимал участие при открытии I Областного съезда Советов, при праздновании третьей годовщины Октябрьской революции и в ряде концертов. Но ввиду того, что музыканты были из различных воинских частей, оркестр просуществовал только до 15 ноября» [17, с. 159].

* * *

Первой реально поддержанной государством в Чувашской автономной области оказалась инициатива по открытию музыкальной школы. Вопрос был поднят Ф.П. Павловым и 24 августа 1920 г. рассмотрен в подотделе искусств отдела народного образования Чувашской автономной области. Были намечены кандидатуры преподавателей и помещение для занятий. 30 сентября 1920 г. предложение подотдела поддержала коллегия облоно [2, л. 64; 1, л. 3–4]. Открытие музыкальной школы состоялось в октябре, но к занятиям смогли приступить 14 ноября – только после проведения I областного съезда Советов (7–11 ноября 1920 г.). Единственное специальное учебное заведение, подведомственное областному подотделу искусств, музыкальная школа стала настоящей «точкой роста», положив начало «государственному музыкальному строительству» в Чувашии. По сравнению с аналогичными процессами в сфере театрального и художественного образования, оно оказалось более успешным. Планировавшееся в 1921 г. открытие театральной студии и студии изоискусства [5, с. 206, 208–209] не привело к организации учебных заведений, подобных музыкальной школе.

Значительно укрепились позиции Чебоксарской музыкальной школы в 1926 г., когда ее заведующим был назначен С.М. Максимов. Поставив задачу подготовки кадров для развития национальной музыкальной культуры, он добился открытия интерната при школе. Это был успешный опыт создания в Чувашии школы для одаренных детей. Произошло смыкание «государственного музыкального строительства» с национально-культурными инициативами. Даже в официальный отчет правительства ЧАССР за 1925–1926 гг. вошли строки о том, что «за истекшие годы в этой [музыкальной] школе училась, главным образом, чебоксарская городская молодежь, и только начиная с отчетного периода, приня-

ты соответствующие меры по вовлечению в школу подростков из чуваш и из деревни» [16, с. 208].

К началу 1930-х гг. новые задачи государственного уровня в деле развития музыкальной культуры национальных республик Поволжья вызвали необходимость создания музыкальных учебных заведений более высокого уровня — техникумы и училища. Об этом говорит региональная хронология: в 1929 г. на базе школы в Чебоксарах открылся музыкальный (первоначально музыкально-театральный) техникум (с 1936 г. музыкальное училище, с 1954 г. — им. Ф.П. Павлова); в 1931 г. основано Йошкар-Олинское музыкальное училище им. И.С. Палантая (Марийская республика); в 1931 г. основано Саранское музыкальное училище им. Л.П. Кирюкова (Мордовская республика); в 1937 г. основано Ижевское музыкальное училище (Удмуртская республика).

В стенах Чебоксарского музыкально-театрального техникума нашли себе место первые профессиональные исполнительские коллективы — Чувашский государственный хор (ведет свою историю от хора музыкальной школы с 1924 г.) и Государственный симфонический оркестр (с 1932 г.). Оценивая деятельность этого учебного заведения, всесоюзный журнал «Советская музыка» в 1934 г. подчеркивал, что «вся музыкальная жизнь Чувашии группируется вокруг музыкального техникума... Специальных организаций, занимающихся вопросами концертного обслуживания как центра, так и районов, не имеется. Эти функции по существу выполняет техникум. В его распоряжении имеется Чувашский государственный хор в составе 40 чел., Государственный симфонический оркестр и отдельные исполнители» [10, с. 9]. Ключевую роль в создании и функционировании этих учреждений сыграли выдающиеся фигуры музыкальной истории Чувашии — местные Ф.П. Павлов, С.М. Максимов, В.П. Воробьев и приезжие музыканты В.М. Кривоносов, С.И. Габер, И.В. Люблин. Их ученики составили основной костяк исполнительских коллективов республики. Многие сумели поступить в консерватории.

Этот этап «государственного музыкального строительства» продолжался вплоть до создания специальных учреждений по организации концертной жизни. Так, в 1936 г. возникла Чувашская государственная филармония, в составе которой работали такие крупные исполнительские коллективы, как оркестр и хор. Плодом наметившейся первоначально в Чувашии политики стало создание также Татарской государственной филармонии (1937), Марийской государственной филармонии (1938), Удмуртской государственной филармонии (1938), Мордовской государственной филармонии (1943).

Абсолютной инновацией в музыкальной культуре Чувашии XX в. явилось композиторское искусство. Рядом с местными музыкантами с 1930 г. работают выпускники Московской государственной консерватории В.М. Кривоносов, И.В. Люблин, а также военный дирижер С.И. Габер. Они создают ряд произведений в жанрах и формах, до того мало затронутых местными композиторами-хоровиками: это — музыка для театральных постановок с использованием хора и симфонического оркестра; собственно оркестровые произведения; камерно-инструментальные пьесы на чувашские народные темы. В них композиторы пытаются достичь синтеза национального вокально-хорового стиля и инструментального интонирования.

Исторически значимое обобщение первых десятилетий становления национального стиля чувашской профессиональной музыки осуществил в своем творчестве Г.В. Воробьев. Сохраняя национальное интонационное начало, он создает произведения высокого художественного уровня. Чувашское музыкальное искусство на основных направлениях практически выходит на уровень современного советского искусства.

Отдельное место в чувашской профессиональной музыке второй половины 1930-х гг. занимает также творчество ленинградца В.Г. Иванишина. Выдающийся по одаренности музыкант, получивший прекрасную профессиональную подготовку, не переезжая на постоянное жительство в Чувашию, он проникся идеей развития чувашского искусства, изучал культуру народа, создал первую национальную симфонию («Чувашская», 1935–1936), первую национальную оперу («Нарспи», 1936–1941).

Во второй половине 1930-х гг. в Чувашии намечается отход от чисто академических форм развития национального сочинительства и исполнительства. Происходит это не без воздействия общесоветских тенденций: в это время в Москве и Ленинграде разгораются дискуссии о «песенной опере» и «песенном симфонизме», противопоставлявшихся традиционным понятиям о стиле высоких жанров мирового искусства. Это позволяло снижать собственно художественные критерии оценок. Параллельно государственные структуры демонстрировали способы публичного унижения наиболее выдающихся творцов искусства, в том числе музыкального. В частности, первая из серии статей об искусстве в наиважнейшем печатном органе страны газете «Правда» была посвящена музыке Д.Д. Шостаковича. Называлась она «Сумбур вместо музыки» (28.01.1936). В течение нескольких недель в партийной печати вышли и другие статьи, заголовки которых так же поражают сегодня своей бесцеремонностью: «Архитектурные уроды», «Балетная фальшь», «Бракоделы в кино», «О мнимых заслугах и чрезмерных претензиях», «О художниках-пачкунах».

Симптомом перемен стала критика в адрес Чувашского государственного хора и преобразование его в Государственный ансамбль песни и пляски (1939), предполагавшее смену академического направления на развлекательное. На данном этапе это тоже было плодом государственного музыкального строительства: почти одновременно ансамбли песни и пляски создавались там, где еще не было профессиональных хоров: в Удмуртии (1936), Татарии (1937), Марийской республике (1939). Для культуры Чувашии это был шаг назад, о чем уже через год заговорил новый руководитель коллектива С.А. Казачков (см. его докладные и протоколы обсуждения в октябре 1940 г. [4, л. 54, 80–82]). Академическое хоровое исполнительство в Чувашии стало возрождаться с созданием Вокального ансамбля Чувашского радиокомитета (1943–1953) и позже Хора Гостелерадио Чувашской АССР (1967, ныне Чувашская государственная академическая симфоническая капелла).

Предвоенный период в Чувашии принес музыкальному строительству потери, связанные и с политическими репрессиями. В 1936–1938 гг. в Чувашии прекращается творческая деятельность практически всех профессионалов с консерваторским образованием (осуждены по 58 статье С.М. Максимов, И.В. Люблин; уехал в Москву В.М. Кривонос) или с уникальным для республики практическим опытом (дирижер симфонического оркестра С.И. Габер). Трагической по-

терей в 1939 г. стала безвременная смерть от болезни Г.В. Воробьева, уже проявившего себя как безусловный лидер в высших формах национального музыкального искусства. Из композиторов остаются только автодидакты В.П. Воробьев и Г.Г. Лисков, а также несколько начинающих одаренных юношей — выпускников местного музучилища. Со временем некоторые из них, уцелевшие в годы войны, выйдут в профессионалы.

Резко затормозила все процессы в развитии профессионального художественного творчества начавшаяся в 1941 г. война, не дав и без того уже ослабленному композиторскому и исполнительскому искусствам Чувашии принципиально новых импульсов. Тем не менее, в центре общественного внимания в дальнейшем остается и поддерживается государством профессиональное исполнительское и композиторское искусства. Свободное любительское музицирование вводится в организованные формы «художественной самодеятельности трудящихся» и становится во многом придатком, непрофессиональным отражением профессиональных форм. Одновременно лишается естественных основ фольклорное творчество: еще в 1930-е гг. оно начинает третироваться как устаревшее, связанное с пережитками, религиозными обрядами и т.д. Возрождение этого традиционного пласта музыкальной культуры в 1970–1980 гг. связано с профессионализацией фольклорного пения на базе развивающегося научного знания. Еще один важный пласт традиционной культуры христианизированного народа — пение церковное — почти полностью удаляется из быта и музыкального образования.

В послевоенное время открывается Государственный музыкальный, первоначально музыкально-драматический, театр (1959; его создатель и первый руководитель — режиссер Б.С. Марков), ныне — Театр оперы и балета. К сожалению, он «поглощает» филармонический оркестр, переданный тогда же в состав театра. С 1967 г. под руководством А.Г. Орлова-Шузьма ведет концертную деятельность Государственная академическая хоровая капелла. В 2000 г. ее инструментальная группа преобразована в оркестр в составе капеллы. С 1989 г. начинает действовать Государственный камерный оркестр, с 1991 г. — Чебоксарская муниципальная певческая академическая капелла. Серьезные достижения имеет музыкальное образование: от создания сети музыкальных школ в районах и городах республики и развития музыкального училища — к открытию вузовских структур: в 1964 г. открывается музыкально-педагогический факультет в пединституте, с 1995 г. действует кафедра (ныне — факультет) искусства в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, в 2000 г. открывается Институт культуры и искусств.

Композиторское искусство по-прежнему весьма востребовано в обществе: в театрах, хоровых и других филармонических коллективах. Национальный репертуар обеспечивал творческий контакт с массовой слушательской аудиторией. В период 1940–1980 гг. творчество композиторов становится в музыкальной культуре Чувашии доминирующим фактором, считается «первоисточником» художественных ценностей, превосходящим по значению все остальные формы музицирования, в том числе фольклор. Союз композиторов, возникший в 1940 г., под руководством Ф.М. Лукина (председательствовал в нем с 1948 по 1977 г.) превратился в интеллектуальный и идеологический центр, способный влиять на государственную политику в культуре.

Со второй половины века получило развитие еще одна важная ветвь профессионального музыкального искусства — музыковедение. Особая роль в его становлении принадлежала Ю.А. Илюхину, создавшему настоящую летопись современной музыкальной культуры республики и осуществившему ряд исследований и музыкальных публикаций.

* * *

Проект «государственное музыкальное строительство», заявленный, наряду с «планом монументальной пропаганды», в рамках достижения агитационно-пропагандистских целей, решал одновременно и задачи собственно культурного строительства. Это имело принципиально важное значение для большинства регионов России, начавших такое строительство современной культуры и всех видов профессионального искусства практически «с нуля». Чувашский «огосударствление» музыкального искусства принесло богатые плоды в виде формирования ряда учреждений и инфраструктуры для их функционирования.

Вместе с тем, идеологическая составляющая (ее стали называть «идейным содержанием») в сфере музыкальной культуры со временем не уменьшалась, четко прослеживаясь в конкретных указаниях партийных инстанций. В числе таких периодически появлявшихся указаний: постановление ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», результатом которого стало создание легко управляемых творческих организаций, государственную задачу которых сформулировал А.М. Горький: «Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных “мастеров культуры”, “инженеров душ”» [19, с. 18], повторив крылатую фразу Юрия Олеши, звучавшую и в устах Сталина. Реализация идеи «инженерии человеческих душ» (позднее говорили о «формировании нового человека») была поручена и музыкантам, для чего, согласно постановлению ЦК, создан Союз советских композиторов. Творчество чувашских композиторов, изначально робко пробивавшееся в виде обработок старинной народной песни, отныне было направлено в пропагандистское русло, о чем в 1934 г. доложил в Москве критик А.И. Золотов: «...Новые песни с гордостью и радостью говорят о том, что чувашские трудящиеся в семье народов СССР строят светлую социалистическую жизнь; говорят о безграничной преданности трудящихся масс советской власти и единственной в мире партии большевиков...» [19, с. 246]. В этом контексте любопытно напоминание образованного представителя все той же большевистской партии Н.И. Бухарина: «Нужно сказать прямо: наша поэзия иногда — и как раз у людей, идеологически наиболее нам близких, — элементарна. Между тем, одним из признаков значительного произведения является богатство ассоциаций и чувств, мыслей и намеков, которые оно будит. Культура, культура и еще раз культура!» [19, с. 502], то есть простое и буквальное следование неопитов от искусства «идейным» установкам не удовлетворяло своей «элементарностью» заказчиков.

Следующей «коррекцией» направления творческой мысли музыкантов стала уже упомянутая редакционная статья «Сумбур вместо музыки» в главном печатном органе ЦК ВКП(б) «Правда» от 28 января 1936 г. В свете подобных публикаций 6 марта 1936 г. в Чебоксарах была организована «творческая встреча» работников искусства с членами правительства и бюро Чувашского обкома ВКП(б), где, по выражению одного из участников, ответственный секретарь обкома «учил их создавать образы» [20, с. 156].

Столь же сильнодействующей партийно-государственной «коррекцией» творческой практики стала серия постановлений ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. по вопросам искусства и литературы, в том числе специально посвященное музыкальному искусству «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. Как и другие партийно-государственные директивы, его установки обсуждались и одобрялись музыкантами и государственными учреждениями на местах [15]. Однако данное постановление оказалось особенно одиозным и вызвало в период «оттепели» новое постановление ЦК КПСС от 28 мая 1958 г., которое называлось «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”». Этот случай в истории «государственного музыкального строительства» уникален. В этот момент принималось решение и о создании нового, самого сложного творческого коллектива — Музыкального театра в Чувашии.

* * *

Под эгидой идеи «государственного музыкального строительства» развитие музыкального искусства в Чувашии продолжалось в течение семи десятилетий. Сформулированная в 1918 г., она обрела вид некоего общегосударственного целеполагания (вряд ли можно называть этот проект «планом»), согласно которому реализовывались новые шаги построения современной музыкальной культуры в Чувашии и, почти синхронно, в других республиках советской России. Это проявилось в близком по времени создании музыкальных училищ, филармоний, ансамблей песни и танца, музыкальных театров. Проект завершился в 1991 г., когда исчезла советская государственная система, а вслед за ней рухнула и система художественных ценностей. Множество музыкальных произведений «актуального идейного содержания», игравших особую роль в культуре страны Советов, потеряли ценность. Это коснулось даже выдающихся творений крупнейших мастеров, таких как «Патетическая оратория» Георгия Свиридова, 12 симфония «1917 год» Дмитрия Шостаковича, не говоря о множестве других, доминировавших во всех жанрах.

В Чувашии же при всех потерях накопленный благодаря государственной системе поддержки национального композиторского искусства, музыкального исполнительства и образования культурный и творческий потенциал музыкального искусства, оказался достаточно велик, чтобы сформированные на протяжении предшествующих десятилетий структуры и в наступившем XXI столетии продолжили существование, но вследствие отказа от государственного участия в продолжении «музыкального строительства» их существование поддерживается лишь номинально. Союз композиторов, как общественно значимая организация наиболее компетентных творческих деятелей республики в сфере музыкальной культуры, утратил прежнее значение. Это, помимо выполнения общественной функции, ощутимо сказалось и на творческой активности его членов. Успешность работы государственных музыкальных коллективов более всего зависит от инициативы и «менеджерских» способностей художественных руководителей. Это видно на примере реализации творческих инициатив дирижера В.А. Важорова, сумевшего организовать Государственный камерный оркестр Чувашии (1989), а также кафедру искусств (1995, ныне — факультет искусств) в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. На личностную энергетику лидера опирают-

ся в течение многих лет востребованные слушательской аудиторией Государственный ансамбль песни и танца (Ю.В. Васильев), Государственная академическая симфоническая капелла (М.Н. Яклашкин), Муниципальный фольклорный ансамбль «Уяв» (З.А. Козлова), Чебоксарская муниципальная певческая академическая капелла (А.Н. Васильева). На несколько иных основах зиждется деятельность самого крупного и сложного по творческому составу коллектив Театра оперы и балета. Выполняя не только художественные, но и «представительские» функции, он получает государственную поддержку, по крайней мере, в осуществлении таких значительных проектов, как ежегодные международные оперный и балетный фестивали.

Изменение государственной политики в новой России породило новые проблемы. Некоторые связаны с «деконструкцией» профессионализма в ряде областей культуры постсоветского времени. Там, где профессиональная творческая среда по-настоящему не успела сформироваться и укорениться, возобладали имитации профессиональной деятельности. Этому способствует и деятельность средств массовой информации, заменившая профессиональную музыкальную критику чаще всего малокомпетентными журналистскими комментариями. Наблюдается подмена понятий в композиторском и исполнительском искусствах, когда любительское или даже просто бытовое песенное музицирование выдается за искусство музыкальной композиции или вокала. Наступление массовой культуры выразилось в объединении самодеятельных сочинителей музыки и других любителей в собственную творческую организацию, назвавшуюся Ассоциацией композиторов Чувашской Республики и решительно заявившей, что ее члены «полны энергии и творческих замыслов, за ними — будущее чувашской музыки» [6, с. 6]. Этим «энергии и творческих замыслов» хватило на проведение всего нескольких полупрофессиональных мероприятий. Национальную музыкальную сцену и телерадиоэфир заполнила посредственная песенная продукция самодеятельных сочинителей и исполнителей, именуемая «чувашской эстрадой». Массовый слушатель уже четверть века «питается» этой музыкой и, кажется, находит в ней удовлетворение. Сложные формы профессионального музыкального искусства, ранее стимулировавшиеся государством в качестве признака высокого развития культуры, выпали из круга его интересов. В 1990-е гг. музыковеды могли лишь констатировать опасность происходящего [14] и утверждать, что «...пока искусство не поддается коммерции и не снижает критериев, дух высокого профессионализма в композиторском творчестве Чувашии живет. Однако над музыкой витает вопрос: надолго ли хватит этого духа, столь нужного для существования традиций и всей культуры?...» [9].

Лишь по прошествии времени в современных государственных программах появились констатации серьезных потерь в строительстве современной культуры. Например, в «Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года», принятой в 2018 г., отмечается «устаревшая и изношенная материально-техническая база учреждений культуры, что не позволяет внедрять инновационные формы работы, информационные технологии, привлекать в отрасль молодые кадры. Театрально-концертные организации, государственные образовательные организации сферы культуры и искусства нуждаются в обновлении музыкальных инструментов, которые в настоящее время имеют большой износ, в свето- и звукооборудовании, соответствующем современным тре-

бованиям сценического искусства; ... высокая степень изношенности и нехватка специального оборудования и музыкальных инструментов в муниципальных культурно-досуговых учреждениях ... Наблюдается старение кадров...» и т.д., то есть приходит осознание, что прекращение строительства художественной культуры означает потерю того, что наработано за десятилетия. В последние годы в эту сферу общественной и государственной жизни направляются немалые средства: капитально ремонтируются театральные и концертные залы, приобретаются музыкальные инструменты. Но, например, с закрытием республиканского лицея-интерната им. Г.С. Лебедева в 2012 г. в Чувашии потерян опыт работы с музыкально одаренными детьми, наработанный за полвека его существования. Иначе говоря, с целенаправленностью и всеохватностью музыкального строительства советского периода современную культурную политику пока невозможно сравнивать.

Таковы некоторые вехи и реалии векового бытия профессионального музыкального творчества в культурном пространстве Чувашии. Несомненно, что потенциал рожденной и утвердившейся здесь художественной культуры достаточно велик и во втором столетии своего существования предполагает развитие, свидетелем которого будет текущий XXI в.

Список источников и литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 359.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 368.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 1.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 225.
5. Доклад о фактической работе подотдела искусств отдела по народному образованию Автономной Чувашской области за 1920 год // Художественная культура Чувашии: 1920-е годы. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 197–211.
6. Ильин С.П., Зимин Н.А. Ассоциация композиторов Чувашской Республики. Чебоксары, 1995. С. 167.
7. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 262 с.
8. Кондратьев М.Г. Массовое музыкальное движение в чувашских уездах в 1917–1920 гг. // Чувашское искусство: История и художественное наследие / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 5–21.
9. Кондратьев М.Г. Над музыкой витает вопрос: Размышления после съезда композиторов Чувашии // Советская Чувашия. 1993. 24 марта.
10. Лившиц А. Пути развития музыкальной культуры в Советской Чувашии // Советская музыка. 1934. № 9. С. 9–21.
11. Луначарский А.В. Избранные статьи по эстетике. М.: Искусство, 1975. 391 с.
12. Луначарский А.В. О музыке и музыкальном театре. М.: Музыка, 1981. 431 с.
13. Мочалов С. Первая постановка оперы «Иван Сусанин» в Чебоксарах // Советская Чувашия. 1959. 18 янв.
14. Музыкальное Отечество в опасности: Круглый стол в редакции // ЛИК Чувашии. 1995. № 4. С. 70–74.
15. Обсуждение Постановления ЦК ВКП (б) об опере В. Мурадели «Великая дружба» // Красная Чувашия. 1948. 16 марта.
16. Отчет Правительства Чувашской АССР за 1925–26 год. Чебоксары: ЦИК и СНК ЧАССР, 1927.
17. Павлов Ф.П. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1962. 223 с.
18. Павлов Ф.П. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1971. 318 с.
19. Первый всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1990. 718 с.
20. «Писатели не могут забыть, как Сергей Порфирьевич учил создавать образы» (К истории формирования творческой интеллигенции Чувашии) // ЛИК Чувашии. 1994. № 5(59). С. 150–165.

21. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. Симбирск: Типолит. исполком, 30 с.

22. Родкин Б.С. Вся театрально-музыкальная Россия. Каталог // История русской музыки. В 10 т. Т. 10. Б. 1890–1917-е годы. М.: Музыка, 2004. С. 896–1067.

M.G. Kondratyev

**«STATE MUSIC EDUCATION PROJECT CONSTRUCTION»
AND ITS IMPLEMENTATION IN CHUVASHIA**

Annotation. The idea of «state musical construction» was made known in soviet Russia in 1918. The first state-sponsored initiative in the Chuvash Autonomous Region was the opening of a music school. By the early 1930s, new challenges necessitated the creation of a music college. Professional musical and performing groups also found a place in it. In 1936 its united in the State Philharmonic. The absolute innovation in the musical culture of Chuvashia was the composer's art. In the post-war period, new state musical and performing groups were created: the Opera and Ballet Theatre, the Academic Symphony Capella.

Under the auspices of the idea of «state musical construction!» the development of musical art in Chuvashia continued for seven decades. The accumulated cultural and creative potential of musical art was large enough that the structures formed during the previous decades continued to operate in the post-soviet era.

Keywords: The idea of «state musical construction», music school, music college, professional musical and performing groups, philharmonic, national composer art, creative potential of musical art.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЧУВАШСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Профессиональная музыкальная культура Чувашии, испытав воздействие процессов, присущих советской музыке в целом, в национально-специфичной форме отразила явления действительности и установки государственной идеологии. Характерность периода выявилась через огромный пласт произведений литературы и искусства разных жанров, многие из которых и сегодня не утратили высоких художественных достоинств.

Ключевые слова: чувашская профессиональная музыкальная культура, исторические реалии, искусство XX века, советская музыка.

Профессиональная музыкальная культура Чувашии, начавшая развитие после Октябрьской революции 1917 г., естественным образом испытала воздействие процессов, характерных для всей советской музыки. Как и в любую другую историческую эпоху, этические и художественные идеалы искусства во многом обуславливались социально-политическими условиями. Но, пожалуй, именно этот период развития отечественной музыкальной культуры, как никакой иной, отмечен наибольшим количеством спорных и разноречивых суждений. Оценивая его всегда неоднозначно, исследователи говорят о необходимости пересмотра «многих сложившихся мнений с той целью, чтобы добиться объективного освещения истории советской музыки во всей ее многосложности и в ее внутренних противоречиях» [32, с. 3]. В постсоветском российском музыкознании такие попытки предпринимались неоднократно, но в Чувашии время создания обобщающего труда по истории национальной музыки [16, с. 84] еще не наступило. Огромное количество существующих публикаций, посвященных отдельным историческим этапам, выдающимся творческим личностям, жанрам, направлениям, частным вопросам [6, 10], по-прежнему нуждается во внимательном анализе, адекватной трактовке и освобождении от эстетических суждений в духе соцреализма.

Решительно изменившая ход мировой истории, Октябрьская революция ознаменовала начало невиданных ранее преобразований общественных отношений, культуры и быта всех регионов обширной Российской империи. Советская власть предлагала: «*Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, скучная, грязная, безобразная наша жизнь стала справедливой, веселой и прекрасной жизнью*» [2, с. 232]. Будущее виделось той совершенной моделью общества с господством добра и справедливости, к которой стремились самые прогрессивные демократические государства прошлого, о чем многие столетия мечтали выдающиеся умы человечества.

Принципиальные изменения в общественном строе сопровождались «культурной революцией», координировал которую Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), возглавляемый большевистским идеологом, литератором А.В. Луначарским. Музыка в «культурном строительстве» отводилась заметная роль. Совершенно новое явление в истории — «музыка революции», должна была быть понятной каждому участнику общества: «Октябрь выдвигает задачу создания в будущем единой идеологии, *единого музыкального языка*» [24, с. 323]. Грандиозные футуристические перспективы обрисовывались колоритно и впечатляюще: «Пусть музыканты прежде всего прославляют Октябрь специально сделанными гимнами, песнями, маршами, которые пронизали бы музыкальной стихией наши торжества на площадях, в клубах и в самой скромной квартире... из этой музыкально-художественной промышленности, из бытовой первоначальной музыки... вырастет, на мой взгляд, та предварительная прослойка новой музыки, на которой потом с быстротой, производящей впечатление внезапности, вырастут пирамиды и гигантские колонны новой музыкальной архитектуры в области музыки вершинной, в области той самодовлеющей художественности, которая, не служа ничему конкретному, служит зато росту человечества в целом» [23, с. 321].

Возможность другого содержания произведений в самом свободном и «автономном» из всех видов искусств, в те годы отвергалась. Вплоть до середины XX столетия подобные попытки приравнивались к «формализму» — «важнейшему критерию оценки в системе реакционной сталинско-ждановской культурной политики, под который попадали все те значительные художественные явления, что с недалеких эстетических позиций законодателей такой политики казались «непонятными» и «чуждыми» в свете построения «нового общества» [19, с. 285]. В духе лаконичных революционных лозунгов, категорично и безоговорочно А.В. Луначарский утверждал: «Музыка — не что иное, как партитура реальной жизни. Если ты эту партитуру осознаешь как мир связанных представлений — это дает тебе возможность правильно ориентироваться в окружающей обстановке» [25, с. 370]. В пролетарском искусстве ожидался «период *расцвета* национальных культур, *социалистических* по содержанию и национальных по форме» [30, с. 368], на пути к которому многим республикам и автономным образованиям предстояло ускоренными темпами освоить традиции веками существовавших профессиональных форм и жанров, взрастить собственную интеллигенцию, создать композиторскую школу.

В провинциальной по отношению к столицам чувашской глубинке богатое и обширное наследие народной культуры разительно контрастировало с только зарождавшимся профессиональным творчеством, образованием и исполнительством. Не имея иных традиций, кроме фольклорных, музыкальное искусство создавалось и формировалось исключительно в рамках предлагаемых установок нового общества. Созидательные планы партии большевиков виделись чувашским музыкантам фантастически-несбыточной мечтой, вдохновляющей «чарующей сказкой» [28, с. 187], удивительной возможностью «вывести народ — существующий в виде этнических групп — на уровень общенациональной культуры» [18, с. 119]. Оправданны и предсказуемы смысловые переключки между речами А.В. Луначарского, директивами партии и правительства, и — риторикой местных деятелей культуры, искренне веривших в правоту продвигаемых идей. Их публикации пестрели формулировками, копирующими столичную партийную

демагогию, с десятилетиями обрастая все более усиливавшейся пафосностью восхваления. «...выдвинут лозунг о ликвидации музыкальной неграмотности в республике» [7, с. 64]. «...решительно повернуть работу композиторов на службу социалистического строительства. Считать главной, первоочередной задачей создание пролетарской массовой песни» [26, с. 248]. «...мы только сейчас узнали, что и как поют наши колхозники. Но заметьте, ведь нет ни одной песни, где бы ни упоминались Ленин, колхоз и т.д. Эти песни — песни новой жизни, это песни класса, идущего к коммунизму, песни нового гигантского творчества» [4, с. 71]. «Нам нужно стать сейчас агитаторами, лекторами, пропагандистами, быть вместе с народом, помогать ему приобретать музыкальные знания в университетах культуры, в кружках самодеятельности. К этому призывает нас партия» [22]. «...тысячи людей нашей республики, находясь в кружках художественной самодеятельности, воспитывают в коммунистическом духе не только себя, но в то же время помогают воспитывать других» [29, с. 117]. «Современная музыкальная культура Чувашии — неопровержимое доказательство гениальности ленинской национальной политики Коммунистической партии, приведшей народ к яркому расцвету его духовных сил» [9, с. 71].

Слушатель виделся не индивидуумом, а частью публики, которую надлежало развивать и образовывать в соответствующем направлении. Самым подходящим для этого жанром была массовая песня, сохранявшая несколько десятилетий по всей стране особое привилегированное положение. В первые годы советской власти установка на массовость проявлялась в сопровождении музыкой и пением митингов, демонстраций, театрализованных постановок, где звучали в хоровом исполнении революционные песни, образцы русского и чувашского фольклора. «Искусство продвигается в массы — вот в чем смысл этого», — комментировал происходящее Ф.П. Павлов [27, с. 187]. Откликом на события времени стало появление «новобытовых» песен на актуальную тематику. Русские и чувашские мелодии сочетались в них либо с абсолютно новыми, или же с частично переделанными на современный лад текстами, облекаясь в менее оригинальную форму, чем существовавшие ранее фольклорные образцы. В таком виде в Чувашии нашел выражение сопутствовавший революции «великий интонационный кризис, а точнее, “ситуация перелома”, отмеченная столкновением и взаимодействием старого и нового — привычных оборотов, восходящих к деревенскому и городскому фольклору, и четких маршевых ритмоинтонационных прежних и вновь возникавших песен революционной борьбы» [31, с. 14]. При этом традиционный фольклор все более отходил на второй план, он либо приспособился к новым формам, либо переосмысливался, порой даже запрещался.

Песня стала основой для различных видов творчества (фольклорного, самодеятельного, профессионального), она оперативно реагировала на происходящие в стране изменения. Опираясь только на этот жанр, можно получить достаточно полное представление об исторических устремлениях и переменах государства. Свершения революции, идеология большевизма, прославление достижений партии, образы ее руководителей отразились в сотнях произведений, публиковавшихся тысячными тиражами. Лишь за одно десятилетие 1957–1967 гг. «было издано свыше 40 авторских сборников 20 композиторов и 8 сборников коллективов авторов» [9, с. 34], где преобладала гражданская, социально-общественная тематика, проявившаяся в сочинениях о Родине, грядущем светлом будущем,

всеобщей дружбе народов. Немало произведений было посвящено труду, промышленному и сельскому строительству. Данная сфера образов постоянно подпитывалась и обогащалась новыми фактами. Коллективизация и механизация сельского хозяйства, индустриализация и социалистическое соревнование, пионерское детство и комсомольская юность, освоение целинных земель, энтузиазм всесоюзных строек и трудовых будней, преобразования в столице и городах республики — эти явления жизни претворились в первую очередь в песенном жанре, затронув также и все остальные области композиторского творчества. Через жанр песни в национальной культуре активно формировалась система звуко-ритмических формул, образующая характерный «интонационный словарь» [1] советской эпохи.

Партия внимательно контролировала творческий процесс, требуя от авторов неустанного отражения «актуальных» идей. Председатель республиканской композиторской организации Ф.М. Лукин в статье к 30-летию Чувашской автономии отчитывался: «Если раньше наши композиторы увлекались лирическим жанром, то за последнее время можно сказать о наметившейся определенной линии в творчестве чувашских композиторов в области создания песен героико-маршевого характера, воспевающих нашу колхозную деревню, нашу родину, наш славный комсомол, борьбу за мир во всем мире и т.д.» [21, с. 145]. Творческой натуре самого Филиппа Мироновича такое возвышенное, эмоционально приподнятое отношение к происходящему было наиболее близко, ибо он воспевал действительность с чувствами «радостного подъема, счастья, влюбленности, восхищения прекрасным, благодарности Родине за благополучие народа, вырванного Октябрьской революцией из бесправия и нищеты» [14, с. 19].

Со временем именно в песенно-хоровом жанре наиболее отчетливо выявились проблемы. Эту область заполнили идейные и музыкально-выразительные стереотипы. Выделим лишь один из них, связанный с образом вождя. Фольклорные «новобытовые» песни о Ленине создавались по единому шаблону: как правило, были позитивны и радостны, звучали в основном просветленно и лирично, реже напористо, но всегда мажорно. В стихотворных текстах идеализированный вождь представлялся другом трудящихся, сравнивался с солнцем, его слова — с золотом. Отражение получил не только сам образ Ленина, но и знаменательная апрельская дата — день рождения, события биографии, такие явления культурной жизни столицы Чувашии, как создание памятника и открытие центрального проспекта. Авторские сочинения, подобно фольклорным, чаще всего были эпичны, величавы и торжественны. Особенно активно лениниана разрабатывалась в послевоенные годы, в сольных и хоровых песнях, создаваемых практически каждым чувашским композитором, и более всего — А.В. Асламасом и Ф.М. Лукиным. В них явственно обозначились недостатки всего жанра, констатированные в обзоре творческого сезона 1974/75 гг.: «нельзя обойти молчанием вопрос о нередко встречающейся безликости сочинений как в плане индивидуально-стилистическом, так и в национальном: песен пишется много, но в памяти остаются единицы» [12, с. 116].

Советские исторические реалии отражались и в более масштабных «славильных» жанрах — кантаты или оратории. Обращение к ним всегда активизировалось в преддверии юбилейных и памятных дат Октябрьской революции и Чувашской автономии. Несколько сочинений с сюжетом, обрисовывающим тяжелое доре-

волюционное прошлое, трудности революции и заманчивое будущее, впервые были созданы к десятилетию советской власти в творчестве столичных авторов: Д.Д. Шостаковича (Вторая симфония «Посвящение Октябрю»), членов Проколла А.А. Давиденко, Б.С. Шехтера, М.В. Коваля, В.А. Белого, З.А. Левиной, Н.К. Чемберджи (коллективная оратория «Путь Октября»), Г.Г. Лобачева (композиция «К Октябрьской революции»).

В Чувашии первым этот замысел воспроизвел В.П. Воробьев в виде жанрового «гибрида», песни-кантаты «Октябрь сӹлӹ» (Путь Октября). Крупное хоровое полотно с непростой творческой судьбой, «новаторское сочинение, впервые и ярко воплотившее героико-революционную тему и удачно синтезировавшее интонации народной песни с непривычными для нее четкими ритмами рабочей революционной и советской массовой песни» [17, с. 104] положило начало появлению похожих произведений. Общность идеи, сформулированной Ю.А. Илюхиным как «путь чувашского народа от мрака к свету и счастью» [9, с. 41] объединяет кантаты «Аслӹ Октябрь самани» (Эпоха великого Октября, 1933) В.М. Кривоносова и «20 лет Чувашии» (1939–1940) А.Г. Орлова-Шузьм, ораторию «Самана» (Эпоха Октября, 1965) Ф.С. Васильева и «Патриотическую ораторию» (1970) Г.Я. Хирбю, «Симфонию до-минор» (1961) А.А. Петрова.

В послевоенные годы такие опусы появлялись все чаще, и далеко не все авторы, выполняя «социальный заказ», создавали их с соответствующей отдачей. Официозные произведения могли быть малохудожественными, не всегда соответствовали требованиям жанра, были не лишены недостатков формы и содержания, порой сочинялись в ущерб другим областям творчества, особенно инструментальной музыке. Однако и в этом ряду встречались самообытные, оригинальные прочтения известных тем. Вслед за «Патетической ораторией» (1959) Г.В. Свиридова на стихи В.В. Маяковского к 50-летию Чувашской автономии появилась «Патриотическая оратория» Г.Я. Хирбю. Она оставила яркий след в истории как первое крупное и успешное обращение к считавшейся чересчур сложной и «неудобной» для музыки поэзии М.К. Сеспеля, отразившей в новых формах дух и идеи революции.

Чувашских композиторов, большей частью выходцев из деревень, не могли не волновать преобразования, происходившие на «малой родине». Лучшие страницы творчества В.П. Воробьева, которого нередко называли «певцом чувашской колхозной деревни» [6, с. 320], связаны с отображением нового крестьянского быта. Произведения 1920-х гг. – обработка «Колхоз юрри» (Колхозная) Ф.П. Павлова, оригинальные сочинения С.М. Максимова «Сӹпата» (Лапти) и «Колхозниксен ёс юрри» (Колхозная трудовая), также затрагивали эту тематику. Позже обращение к сюжетам из жизни деревень и сел, всегда поданным в приподнятом эмоциональном духе, стало одной из ключевых тем в чувашском искусстве, объединяя порой совершенно разные по стилевым и жанровым традициям сочинения. В их числе можно упомянуть первую музыкальную комедию «Хаваслӹх» (Радость, 1934–1935) В.М. Кривоносова, сюиту для фортепиано «Акатуй» (1936) Г.В. Воробьева, симфоническую сюиту «В родном колхозе» (1952) и оперу «Хамӹрӹял» (Земляки, 1962) Ф.С. Васильева, фортепианный цикл «В родной деревне» (1957) А.В. Асламаса, Третью «Симфонию села» (1964) и симфоническую поэму «Сельские эскизы» (1969) М.А. Алексеева, сюиту для фортепиано «В деревне» (1979) Н.Н. Казакова, другие сочинения, среди которых, конечно же, очень много образцов песенного творчества.

Актуальные для советского общества сюжеты преломились и в ведущих жанрах академического искусства — опере, балете, симфонической инструментальной и вокально-симфонической музыке. Среди множества событий, утвердивших статус советской страны как крупнейшей и мощной державы, историки выделяют два особо значимых: победу над фашизмом во Второй мировой войне и прорыв в сфере космических технологий, ознаменовавшийся полетом первого человека. Особенно близка была композиторам тема Великой Отечественной войны, через суровые тяготы которой прошли все. Разумеется, наибольший в количественном отношении пласт произведений появился в жанре песни, и некоторые из них на многие десятилетия сохранились в национальном репертуаре. Так произошло с получившими известность еще в 1940-е гг. «Шурă кăвакарчăн» (Белая голубка) В.П. Воробьева, «Сĕнтерĕ юрри» (Песня Победы) Г.Я. Хирбю, «Тăван сĕршыв» (Песня о Родине) Г.С. Лебедева.

Принимавшие непосредственное участие в боевых действиях на фронте А.В. Асламас, Ф.С. Васильев и А.М. Токарев обращались к данной теме наиболее часто. Среди них выделился А.В. Асламас, посвятивший героическо-патриотической борьбе три оперы — «Прерванный вальс» (1962), «Вера Сарьялова» (1970) и «Саламби» (1976), и создавший немало песен, отразивших личное отношение автора к пройденным испытаниям. Несмотря на различие сюжетов, события военного времени чаще всего поданы в его произведениях в сдержанно-суровом тоне, в поисках подходящих стиливых средств национальная интонационность нередко синтезируется с приметам вальса или же с фольклорными танцевальными элементами [15, с. 36]. Ф.С. Васильев, затронув отчасти тему войны в судьбах главных героев оперы «Хамăрьял» (Земляки), раскрыл ее более широко в «Военной симфонии» (1975) и хоровой сюите «Фронтные эскизы» (1975), приуроченных к 30-летию Победы. Эти многочастные композиции — самые масштабные воплощения данной тематики в чувашской музыке. Обращение к вокально-инструментальным традициям, программный замысел, образный строй с противопоставлением лирики и драматизма, доступный музыкальный язык, опирающийся на тематизм песенного характера, способствовали тому, что сочинения стали репертуарными и неоднократно исполнялись. Но в плане оригинальности воплощения идеи критика находила немало спорных моментов. В «Военной симфонии» выявлялась недостаточная органичность стиля [5, с. 17], переключки с такими повсеместно распространенными в советской музыке приемами, как использование интонаций фронтовых солдатских песен, обращение к сфере маршевости в отображении сил зла [12, с. 117].

Появившаяся в 1974 г. Третья симфония А.М. Токарева «Воспоминание» представила перипетии военных лет в ином, лирико-психологическом ракурсе. «Она не столько говорит о самих событиях войны, сколько о чувствах автора, его переживаниях (в чем несомненное достоинство сочинения)», — считал столичный музыковед А.А. Иконников [5, с. 17]. Однако этот привлекательный замысел не смог получить соответствующего воплощения. На премьере сочинение воспринималось малоcontrastным, нединамичным, чересчур ровным, что и стало причиной отсутствия к нему в дальнейшем интереса со стороны исполнителей.

Тема космонавтики, особенно близкая чувашским композиторам благодаря полету прославленного земляка, стимулировала появление множества сочинений, в частности песен, в творчестве Г.Я. Хирбю, Ф.М. Лукина, А.В. Асламаса,

Т.И. Фандеева, Г.С. Лебедева, А.Г. Орлова-Шузъм, А.А. Петрова, А.Н. Тогаева, А.М. Токарева, В.А. Ходяшева [9, с. 35]. Образ А.Г. Николаева и других первопроходцев космоса вдохновил музыкантов также на создание более крупных вокально-симфонических полотен. Т.И. Фандеев посвятил Андрияну Григорьевичу «Приветственную увертюру» (1962) для симфонического оркестра, В.А. Ходяшев адресовал В.В. Николаевой-Терешковой вокально-симфоническую оду «Слава Чайке!» (1964), с героями космоса А. Николаевым и П.Р. Поповичем связана симфоническая «Торжественная ода» А. Токарева (1962). Оригинально отреагировал на это событие А.В. Асламас. А.Г. Николаев стал героем его «Космической симфонии» (1975), сочинения поэмого жанра, где осуществлена смелая и неоднозначная по творческому результату попытка синтеза разностилевых средств: интонаций из фольклорной темы «Амърткайăк вѣсет» (Летит орел), позывных радиосигналов космической станции и остинатных фрагментов, восходящих к джазовым танцевальным ритмам [13, с. 112]. Своеобразный замысел привлек внимание Чувашского музыкального театра (ныне — Чувашского театра оперы и балета), и в том же году поэма получила сценическое воплощение в виде балета «Космический век». Надо заметить, что подобной активностью в отношении современной тематики композитор выделялся всегда. В более поздние годы он пытался откликнуться в творчестве на события военных действий в Афганистане, а после распада СССР задумал отразить появление нового института власти в опере «Президент».

Реальная действительность, конечно же, была намного жестче, сложнее и драматичнее созданных чувашскими музыкантами образов. Очевидно, что в музыкальное искусство совершенно не вписались такие непарадные стороны советского общества, как тяготы и лишения Гражданской войны, голод и беспризорщина 1920-х гг., репрессии 1930–1940-х гг., послевоенная разруха, догматизм коммунистической идеологии, эмиграция неугодных власти людей. Отдельные смелые попытки отражения коллизий эпохи, которые изредка позволяли себе такие выдающиеся личности мирового масштаба, как Д.Д. Шостакович и С.С. Прокофьев, всегда вызвали однозначную реакцию и подвергались резкой официальной критике. Остроту и амбивалентность существовавших контрастов в какой-то мере передает размышление Г.В. Свиридова: «XX век принес с собой в мир много грохота, смятения, подавляющих сознание впечатлений. Он принес в искусство крик потрясенной человеческой души. Музыка XX века наполнилась необыкновенным напряжением, тревогой за жизнь, за судьбу человека. Но XX век принес и другое: ... новое понятие о нравственных ценностях, неистребимое в человеке желание добра и света, он вернул нас к категориям вечным» [11, с. 5].

Ощущение несвободы и драматизма реальности, не находя напрямую отражения в музыке, нередко проявлялось горечью разочарования через межличностные взаимоотношения, эпистолярный жанр, литературное творчество. Проблемы «искусство и власть», «художник и общество», затронувшие судьбы всех представителей чувашской культуры, заявляли о себе в разных формах. В 1920-е гг. начались первые гонения по политическим мотивам. В 1930–1940-е гг. типичная форма воздействия — тюрьма, лагерь, расстрел — стала причиной трагического ухода из жизни многих композиторов и исполнителей. Их имена и деяния, умалчиваемые вплоть до 1990-х, были под запретом, и история национальной культуры представляла в «отредактированном» советской эпохой виде [16]. После печально

знаменитого Постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» 1948 г. на некоторое время пришлось покинуть столицу республики А.Г. Орлову-Шузьм. Позже и вплоть до начала 1990-х, идеологические директивы принимались в виде необсуждаемого руководства к действию. Как и во всей советской музыке — а в Чувашии, пожалуй, даже в еще более авторитарной форме — свободное творчество, независимые взгляды и художественные эксперименты не поощрялись. Фактически они послужили основной причиной для отъезда из Чувашии М.А. Алексеева. Критику творчества А.Г. Васильева как автора «мрачной музыки» также можно отнести к тем же последствиям нормативных установок.

Темы советской действительности, ушедшие в безвозвратное прошлое вместе с распадом казавшейся вечной системы, повлекли забвение огромного пласта связанных с ними произведений, появление которых пафосно прогнозировалось в 1920-е гг. А.В. Луначарским: «Октябрь — вулканическая вершина ... не может не оказаться родителем певучих музыкальных рек, которые потекут, питаемые его ручейками, по долинам, превращая их в сады [23, с. 321]. Из музыкальной практики выпали сотни сочинений, многие из них по художественным качествам были, есть и остаются вне всяких сомнений талантливыми, оригинальными и неповторимыми. Можно бесконечно размышлять о том, насколько честны были композиторы перед собой и обществом, насколько преданы были они власти в выражении чувств, насколько искренне верили в те идеалы, которые воспевали в своих творениях. Им довелось не только жить, а главное — созидать вечные ценности национального искусства в сложнейшую эпоху социальных перемен. Но — «времена не выбирают, в них живут и умирают» [20, с. 71]. Несомненно одно — без образования Чувашской автономии в художественной культуре не появились бы сочинения, лучшие из которых составляют сегодня золотой фонд национальной музыкальной классики.

Список литературы и источников

1. *Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. Книги 1–2. Л.: Музгиз [Ленингр. отд-ние], 1963. 378 с.
2. *Блок А.* Интеллигенция и революция // Собр. соч. В 6 т. 1980–1983. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. Л.: Худож. лит, 1982. С. 229–239.
3. *Горький М.* На дне: пьеса. М.: Детская литература, 1981. 64 с.
4. *Данилов Д.Д.* Чувашская советская социалистическая республика // Советская Чувашия. М.: Соцгиз, 1933. С. 66–102.
5. *Иконников А.* В Чебоксарах // Советская музыка. 1976. № 4. С. 15–18.
6. *Илюхин Ю.А.* Музыкальная культура Чувашской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР / под ред. Г.И. Литинского. М.: Музгиз, 1957. С. 293–328.
7. *Илюхин Ю.А.* Развитие чувашской советской музыки в 1917–1945 годах // Ученые записки / ЧНИИ. (Искусствоведение). Чебоксары, 1967. Вып. 35. С. 50–84.
8. *Илюхин Ю.А.* Ленинская тема в чувашской музыке // В.И. Ленин и чувашский народ / Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 44. С. 219–243.
9. *Илюхин Ю.А.* Развитие чувашской советской музыки в 1957–1967 гг. // Ученые записки / ЧНИИ. (Искусствоведение). Чебоксары, 1970. Вып. 50. С. 28–73.
10. История музыки народов СССР; Т. 1–5 / Институт истории искусств Министерства культуры СССР. М.: Музыка, 1970–1974.
11. Композиторы. Век XX. Краткие биографические сведения о композиторах и их высказывания о музыке / сост. Н. Хотунцов. СПб.: Союз художников, 2001. 192 с.
12. *Кондратьев М.Г.* Музыкальная жизнь Чувашии в сезон 1974/75 г. // Чувашское искусство / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 70. С. 115–125.

13. *Кондратьев М.Г.* Новые симфонические и вокально-симфонические произведения чувашских композиторов // Современное чувашское искусство / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 84. С. 110–118.
14. *Кондратьев М.Г.* Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк первый: Песенное творчество Ф.М. Лукина // Вопросы современного художественного творчества / сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 18–33.
15. *Кондратьев М.Г.* Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк первый: Песенное творчество А.В. Асламаса // Вопросы современного художественного творчества / сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 34–53.
16. *Кондратьев М.Г.* На подступах к изучению подлинной истории // Музыкальная академия. 1996. № 1. С. 84–89.
17. *Кондратьев М.Г.* Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с.
18. *Кондратьев М.Г.* «Гора золотая...» Федор Павлов и его время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 399 с.
19. *Кудряшов А.Ю.* Теория музыкального содержания. Художественные идеи европейской музыки XVII–XX вв.: учеб. пособие. 2-е изд., стер. СПб.: Планета музыки; Лань, 2010. 432 с.
20. *Кушнер А.С.* «Времена не выбирают...» // По эту сторону таинственной черты: Стихотворения, статьи о поэзии. СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2011. 544 с.
21. *Лукин Ф.М.* Чувашская советская музыкальная культура // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 115–146.
22. *Лукин Ф.М.* [Выступление на V пленуме Союза советских композиторов] // Советская музыка. 1960. № 4. С. 73.
23. *Луначарский А.В.* Восславте Октябрь! // В мире музыки: статьи и речи. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. композитор, 1958. С. 320–321.
24. *Луначарский А.В.* Октябрь и музыка // В мире музыки: статьи и речи. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. композитор, 1958. С. 322–327.
25. *Луначарский А.В.* Социальные истоки музыкального искусства // В мире музыки: статьи и речи. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. композитор, 1958. С. 369–380.
26. *Люблин И.В.* Советская музыка Чувашии // Советская Чувашия. М.: Соцэкгиз, 1933. С. 226–259.
27. *Павлов Ф.П.* Что дала революция искусству? // Федор Павлов. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. Чебоксары, 1971. С. 185–187.
28. *Павлов Ф.П.* День советской пропаганды // Федор Павлов. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. Чебоксары, 1971. С. 187–188.
29. *Ржанов В.* Торжество народного творчества Чувашии // Чăваш халăхĕ юрлатĕ. Поет чувашский народ. Чебоксары, 1962. С. 116–120.
30. *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП (б) // Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. 386 с.
31. *Тараканов М.Е.* Музыкальная культура РСФСР. М.: Музыка, 1987. 363 с.
32. *Тараканов М.Е.* Предисловие // История современной отечественной музыки: учебник. М.: Музыка, 1995. Вып. 1. С. 3–4.

L.I. Bushueva

SOVIET HISTORICAL REALITIES AND THEIR REFLECTION IN THE CHUVASH PROFESSIONAL MUSIC CULTURE

Annotation. Having influenced by processes which are characteristic for all Russian Soviet music, professional musical culture of Chuvashia in nationally specific form broke the phenomena of reality and guidelines of state ideology. The character of the period was revealed through a huge layer of works of literature and art, many of which still have high artistic merit.

Keywords: Chuvash professional musical culture, historical realities, the 20th century Art, Soviet music.

Г.Г. Ильина

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАХ НАД НАРОДНОЙ ПЕСНЕЙ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (1920–1930-Е ГОДЫ)

Аннотация. В статье рассматривается чувашский песенный фольклор в 20–30 гг. XX в., который подвергся серьезным изменениям после Октября 1917 г. Песни названного периода подчинены задачам «внедрения нового содержания в старые формы». В работе указывается на ряд особенностей, характерных для чувашской народной песни на данном этапе исторического времени. В советский период чувашское народное поэтическое творчество продолжает жить и развиваться, наследуя традиции дореволюционного фольклора. В то же время, как и свойственно фольклору, продолжает вбирать в себя все новое. В указанное время создавались не существующие до сего времени жанры песенного фольклора, как: песня колхозников, песни детей колхозников, песни о Ленине и Сталине, частушки о займах, передовиках, избирателей и др. Причем для литературной обработки подходила любая песня: обрядовая, необрядовая, частушки и др. Эксперименты над народной песней продолжались до 1950-х гг. Но несмотря на все перипетии, традиционная народная песня сумела сохраниться.

Ключевые слова: трансформация песни, художественно-идеологическая обработка песен, старобитная и новыбитная песня.

Советский фольклор, будучи по существу качественно новым явлением в художественной культуре народа, заслуживает самого пристального внимания исследователей. Несмотря на ряд трудов, нельзя сказать, что он достаточно изучен в чувашской фольклористике. Ему посвящены работы И. Тукташа [41], И.И. Одюкова [30; 31], М.Я. Сироткина [35], музыковеда М.Г. Кондратьева [12; 13; 14] и др. Работы первых трех авторов написаны в 40–70-х гг. XX в. и отвечали духу того времени.

В настоящей статье рассматриваются вопросы влияния советской действительности на традиционную чувашскую народную песню с позиций сегодняшнего дня. Цель работы – проследить на конкретных примерах то новое, что внес советский период в песенный фольклор чувашей. Необходимо отметить сложность и противоречивость развития различных форм песенного творчества в рассматриваемый период времени. С одной стороны, продолжали развиваться традиционные песенные жанры, опирающиеся на национальные традиции, с другой – появлялись новые, соответствующие духу времени, сформированные под влиянием тенденций развития общества 1920–1930 гг.

С образованием Чувашской автономии расширились возможности в деле собирания, накопления и публикации образцов народного творчества. Сбор чувашских народных песен осуществлялся в соответствии со специальными программами и инструкциями [3; 8; 32; 43; 44]. В указанных программах авторы-составители пока не акцентировали внимание на так называемых «новобитных» песнях. Предлагалось собирать песни, исполняемые чувашами при проведении традиционных обрядов, а также трудовые, застольно-пирушечные, исторические,

шуточные и др. Такого же подхода придерживался и Г.И. Комиссаров в работе «Чăваш фольклорĕпе литература вĕрентĕвĕ» (Чувашский фольклор и литературное образование), написанной в 1926–1927 гг., где он высказывает следующее замечание: «*сĕнĕ шухăшсене сарас тесен те, фольклор майлă туса сырсан вĕсем пит аван сарăласĕĕ*» (если распространять новые идеи, если излагать их в форме фольклора, они распространяются весьма хорошо) [9, с. 15].

Тем не менее, с конца 1920-х г. в чувашском песенном творчестве начинают появляться первые примеры о социалистической действительности. В те же годы выходит научная работа «Краткий очерк народной поэзии чуваш» (Чебоксары, 1927) чувашского литератора Н. Золотова с исследованием идейно-художественной новизны песен указанного времени. По его мнению, «Между песнями дореволюционной и послереволюционной эпохи лежит дистанция огромного размера: революция между ними провела глубокую борозду» [7, с. 14].

Строгой критике подвергся сборник песен композитора С.М. Максимова «Тури чăвашсен юрисем» (Песни верховых чуваш), подготовленный в 1928 г. Автор предисловия к нему И. Люблин пишет: «...книга совершенно не отражает современного музыкального быта чувашской деревни, не удовлетворяя в то же время и тем требованиям в отношении подбора и распоряжения песенного материала... Достаточно указать, что во всем сборнике на 200 с лишком песен мы с трудом найдем 5–7 образцов, о текстах которых можно с определенностью сказать, что они – советского происхождения» [22, с. 4]. Такие факты говорят сами за себя.

Поскольку песен «нового быта» еще не было сложено, чувашская деревня продолжала пользоваться в быту исключительно «старыми песнями». Выход из сложившейся ситуации нашелся: начали в спешном порядке обрабатывать дореволюционный фольклор, стала развиваться гармонизация новых чувашских песен, которая сочеталась с созданием массовых песен для народа. Сказанное имеет очень важное значение, потому что в 1920–1930-х гг. так называемых новобытных песен еще не было в достаточном количестве. Приходилось в ускоренном темпе механически перерабатывать народные песни, внедряя в тексты словасимволы нового времени.

Еще в Симбирской чувашской школе практиковалась художественная обработка произведений фольклора. В исследуемый период народные песни обрабатывались не только в художественном плане, но и идеологически. Справедливы положения, высказанные языковедом Н.И. Егоровым: «Поначалу фольклор привлекал новую власть тем, что был “прекрасным сигнализатором настроений в массах”. Власть хорошо понимала, что официальная пропаганда не может обходиться без фольклора. Тем более, что к этому времени у большевиков был богатый опыт использования фольклора в пропаганде социалистических идей. Ни официальная пропаганда, ни искусство в сущности не могли обойтись без фольклора, ибо массовое сознание, коллективное мировоззрение того времени во многом было фольклорным» [19, с. 129].

Размышляя о советской песне историк С.С. Кутяшов пишет: «Песни в наших условиях должны отражать в себе творчество молодежи и участие ее в строительстве нового общества, они должны быть пропитаны лозунгами борьбы за новую культурную жизнь, должны являться призывом к борьбе, к творчеству и к активному строительству. Но новые песни и или новые мотивы будут приви-

ваться только в том случае, если они по гармонии, мелодичности и содержанию будут выше старых песен» [16, с. 76].

На страницах газет и журналов тех лет можно было прочитать тексты песен-агиток, призывающих к усилению классовой борьбы против кулачества и поповщины, против религиозного дурмана, к усилению коммунистического воспитания народа.

Пуп тавраш, пуян тарсийё
Советсемшён кирлĕ мар.
Пролетари интересшён
Тăракана чарас мар [39, с. 15].

Попы-дьячки, слуги богатеев
Для Советов не нужны,
За интересы пролетариев
Кто стоит – не остановим.

(Здесь и далее перевод А.П. Леонтьева, кроме особо оговоренных).

Обычно в традиционных чувашских *такмаках* и песнях бытует сопоставление состояния природы и внутреннего мира лирического героя. В процитированном *такмаке* встречается нарушение образной параллели, замененной контрастной картиной общественного явления:

Шурăмпусĕ килет те ай, шуралса
Шурă чатăр карса та чарас сук.
Хĕвел тухăс килет те ай хĕрелсе
Хĕрлĕ хăмач карсан та чарас сук.
(народная песня)

Заря да занимается да, ай, белея,
Белым пологом занавесив да не остановить.
Восход занимается да ай алым цветом,
Алым кумачом занавесив да не остановить.

Шурăмпуссем килет, ай, шуралса
Шурă чаршав карса чарас сук.
Чухăншăн та килĕ кун усăлса,
Чатăр-чаршав карса та чарас сук
[30, с. 59].

Заря занимается, ай, белея,
Белым занавесом занавесив, не остановить.
И для бедняка да наступит день ясный,
Пологом-занавесом занавесив
да не остановить.

Видно бесцеремонное вторжение в канву песни. Казалось бы, широко распространенная песня-плач «Шурăмпусĕ килет те ай, шуралса», никоим образом не подлежит изменениям, учитывая ее исполнение только во время похоронного обряда, как *сасă кăларни*. Но в советское время текст изменили вводом строки «Чухăншăн та килĕ кун усăлса» (И для бедняка да наступит день ясный), что в корне изменило содержание песни. От былой песни-плача не осталось и следа. Хотя ее текст трансформировался по фольклорному грамотно, с использованием образной параллели между чувствами героев и явлениями природы.

В указанные годы у чувашей наблюдается использование авторских произведений как собственно фольклорных текстов. Например, стихотворение чувашского поэта Н.И. Шелеби «Ленин», опубликованное в 1924 г.:

Камăн варĕнче ўтленсе пулса,
Кам кăкри сĕтне сисе ўсрĕн-ши?
Кам чĕрси сĕнче выляса-кулса,
Хĕвел шевли пек йăлт-йăлт сикрĕн-ши?

В чьем ты чреве зародился,
Чьим грудным молоком ты вырос?
На чем подоле ты резвился-смеялся,
Солнца лучик словно йăлт-йăлт прыгал ты?

Чан тĕрĕслĕхпе ултав-суяна
Ывăс сĕнчи пек курса тăтăн эс.
Мĕнпур хурлăхлă, асаплă йăха
Вут юпа пулса ертсе пытăн эс.

Истину истин и ложь-вранье
На ладонях словно все видел ты,
Весь печальный, страдающий род
Огненный столб словно вперед повел ты.

Вут сұламё пек чёлхў-савару
Епле сивёнсе чёнми пулчё-ши?
Тёттём пуслăхё — хăрушă вилём
Епле сан патна хайса пычё-ши?

Тулли уйăх пек сұт сән-сăпату
Мёншён хăвăртах тэксёмленчё-ши?
Пурне те курса тăракан кусу
Епле хупанса тёттёмленчё-ши?

Пётём сёр синчи ёсхалăхёшён
Сан яту чăнах та сұтă сăлтăр!
Аслă, мухтавлă Владимир Ильич
Нихăсан сўнми сұтăлса тăтăр!

Огня пламя словно язык-уста твои,
Как же, став холодными, замолкли?
Властелин тьмы — страшная смерть
Как же к тебе смела подойти?

Полная луна словно светлый лик твой
Зачем же так быстро потускнел?
Всевидящие глаза твои
Как же, закрывшись, потемнели?

Всей земли для трудящегося народа
Твое имя поистине яркая звезда!
Великий, славный Владимир Ильич
Никогда не погаснет, ярко светится пусть!

Тема оплакивания покойного вождя была изложена поэтом в форме фольклорного плача. Процитированный текст является образцом песни, записанной во время экспедиции в 1940 г. По утверждению колхозников Похвистневского района Самарской области она является народной песней [17, с. 93] и соответствует народно-песенным нормам. Вариант этой песни опубликован в «Чувашском фольклоре» М.Я. Сироткина [35, с. 128]. Такой пример коллективного творческого изменения авторских песен не единичен в фольклоре.

Рассуждая об указанном явлении, М.Я. Сироткин пишет: «Сближение устно-поэтического творчества, в том числе и песенного, с литературой и профессиональным музыкально-вокальным искусством в советскую эпоху не приводит, однако, к слиянию или замене народных песен песнями литературного происхождения. Народные песни, хотя они и активно перенимают изобразительно-поэтические приемы профессионального песенного искусства, в основном продолжают сохранять своеобразие и жанровых форм, и системы образов, и поэтического языка и поэтических традиций. При всех случаях трансформации под воздействием песен литературного происхождения за народными песнями, как и за другими видами фольклора, остаются такие специфические черты, как коллективность творения, устность бытования, постоянная творческая изменчивость, а самое главное — народность их идейного содержания. Песни литературного происхождения перенимаются народом и включаются в его песенный репертуар лишь при условии соответствия народно-поэтическим нормам» [35, с. 129].

15–21 июня 1928 г. прошел I Всечувашский краеведческий съезд. Влияние политики, которую проводило советское государство, и культурной революции ощущалось в выступлениях ораторов. Так, С.С. Кутяшов откровенно говорил: «Для внедрения новых песен среди молодежи, через хороводы нужно практиковать для опыта организацию “групп запевал”, через последних вводить новые песни, новые мотивы. О работе этих “групп запевал” необходимо разработать специальные методические указания через комсомольские и политпросветорганizations» [16, с. 79]. К сказанному можно добавить резолюцию Чувашской ассоциации пролетарских писателей: «стараться направить писателей и поэтов группами в деревни» [11]. О целях таких поездок нетрудно догадаться. В эту работу активно вовлекались поэты-песенники И. Тукташ, Н. Васянка, И. Ивник, Ахтубай, С. Ярандай, Н. Янгас, М. Агтай, И. Ефремов, а также поэты С. Эльгер, В. Митта, П. Хузангай и др.

При создании советских песен использовали традиционную форму песни, которую наполняли новым содержанием. Многие традиционные мотивы были переработаны на основе современности. В песне «Колхоз лайӓххине хам та пӗлеп» (И сам знаю, что колхоз хорош) встречается характерный для народной песни образ следа на подоле отца и матери, который широко распространен в чувашском фольклоре и используется в мифологическом *пейӓте* и в рекрутских песнях:

Анкарти хысӗнчи сӗрем сӗнче
Куккук тӗслӗ кайӓкӓн йӗрри пур сав.
Аттепеле анне чӗрки сӗнче
Самраӓк чухне таптанӓ йӗрсем пур сав.
[34, с. 324]

За гумном на лужайке
Подобно кукушке у птицы следы есть.
У батюшки с матушкой на подоле
В юности оставленные следы есть.

Чӗнтӗрлӗ те кӗпер сӗйӗнче
Ворошилов лаши таптанӓ йӗрсем пур.
Аттепеле анне чӗрки сӗнче
Самраӓк чухне таптанӓ йӗрсем пур.

Узорчатым да под мостом
Ворошиловской лошадей оставленные
следы есть.
У батюшки с матушкой на подоле
В юности оставленные следы есть.
[30, с. 134]

Характерным для советской песни являлось внедрение в песни образов реальных людей, героев того времени. В одной из новобытных песен параллель проходила между следом коня Ворошилова и следом на подоле родителей.

Оценивая тексты новобытных песен советского времени И. Люблин акцентировал внимание на следующем: «...самые образы, сравнения и метафоры, присущие старой чувашской народной песне, остаются еще почти нетронутыми в новобытных песнях, во всяком случае изменяются гораздо менее заметно, чем смысловое их содержание» [21, с. 70.]

К созданию песен с новой тематикой приступили и певцы-импровизаторы. Их творения публиковались и распространялись через радио и СМИ. Так, песни, записанные от Анастасии Романовны Ивановой, были опубликованы в журнале «Сунтал» в 1939 г. Приведем песню, исполненную ею, которую по ее утверждению, она сложила сама на народный лад. В ней поется о том, как изменилась деревня в новое время, звучит призыв вступить в колхоз:

Леш айккинче хыр варман,
Хыр варманӓн хӗррипе
Хӗрлӗ сырла хӗрелет, —
Пурте татӓр амӓртса
Чӗрес тулса ситиччен.
Пурте кӗрер колхоза,
Пурте ӗслер амӓртса,
Ӓмӗт тулса ситиччен [38, с. 22].

На той стороне сосновый бор,
Вдоль соснового бора
Алые ягоды зреют, —
Все собирайте впергонку,
Чирыс не наполнится пока,
Все вступать будем в колхоз,
Все работать будем соревнуясь,
Мечта не сбудется пока.

В 1933 г. состоялась первая комплексная экспедиция по изучению культуры и быта сельского населения советской Чувашии. Всего была охвачена 21 деревня с 4800 дворами. В состав экспедиции были включены врачи, писатели, поэты, партийные и научные работники. Она проводила сбор фольклорных материалов, которые хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [24; 27]. Часть из них опубликована в сборнике В. Митты «Частушки» [39]. В ходе экспедиции организовывались хоры в селениях и

разучивались песни, то есть все то, о чем говорил С.С. Кутяшов, выполнялось. Ко времени организации экспедиции уже состоялось много выпусков гармонизированных сборников песен как для школьников, так и для взрослого населения Чувашии. Основной упор делался на учащихся и молодежь, прежде всего на комсомольцев, как посредников между властью и населением: «Молодежь, несомненно, является застрельщиком в развитии и распространении в чувашской деревне новой советской песни» [28, л. 50–51]. Тщательно подбирались репертуар хоровых песен, состоявший из народных песен советского содержания и массовых песен чувашских и русских композиторов. Для активизации работы проводились краткосрочные курсы руководителей хоров, поскольку отчеты участников экспедиции свидетельствовали: «новобитные песни среди колхозников мало распространены» [29, л. 55].

В 1934 г. чувашские композиторы С. Максимов, Ф. Павлов, В. Воробьев и Т. Парамонов записали от певца-импровизатора Г. Федорова 146 песен. Они оформились в сборник, выпущенный в Москве. В целом, от певца-импровизатора записано 15 песен о колхозе. Народная песня «Сырли лайӑх-и, сѣски лайӑх-и?» (Ягоды хороши иль цветочки), исполняемая в дореволюционное время чувашами, наполнилась в советское время новым содержанием.

Сырли лайӑх-и, сѣски лайӑх-и?(2) Маншӑн пулсан сѣски лайӑх, Сырли та тан, ай, лайӑхрах. Тӑван лайӑх-и, йочӗ лайӑх-и?(2) Маншӑн пулсан йочӗ лайӑх, Тӑван тата, ай, лайӑхрах.	Ягоды ли хороши, иль цветочки хороши? Хороши цветы-цветочки, Ну, а ягоды – получше. Родной ли хорош, чужой ли хорош? Для меня чужой хорош, А родной – получше.
Сырли лайӑх-и, сѣски лайӑх-и?(2) Маншӑн пулсан сѣски лайӑх, Сырли та тан, ай, лайӑхрах. Колхоз лайӑх-и, инхоз лайӑх-и?(2) Маншӑн пулсан инхоз лайӑх, Колхоз тата, ай, лайӑхрах.	Ягоды ли хороши иль цветочки хороши? Хороши цветы-цветочки, Ну, а ягоды – получше. Колхоз ли хорош, иль инхозом лучше жить? Жить-то можно и инхозом, А колхозом – всего лучше. [42, с. 311] (Перевод С.М. Максимова)

Песня «Веҫа та килет» (Вот едет наш зятек) по словам Г. Федорова, исполнялась около 1894 г. парнями д. Кодеркасы. В ней поется о том, что едет наш зятек, его вороная лошадь несется вскачь, трясая зеленой дугой. Отчего же конь бежит так резво? Его гонит овес в закромах. А почему много овса в закромах? (почему играет овес?). Его гонит наземь из карды. А отчего играет наземь? Ее расшевеливают вилы. А почему играют вилы? Расшевеливает вилы сын кузнеца [4, с. 19]. В 1977 г. эту песню записала студентка Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Л.Н. Шорникова в д. Хом-Яндоба Ибресинского района. Исполнительница Е.А. Тимофеева называла ее «Колхозлӑ пурнӑс юрри» (Песня о колхозной жизни). К песне добавлена следующая строфа:

Тимѣрҫ пичче ма сикет? Социализм сиктерет. Социализм ма сикет? Коммунизм сиктерет. [5, с. 265].	Дядя кузнец почему прыгает? (вариант: скачет), Социализм заставляет прыгать, Социализм почему прыгает? Коммунизм заставляет прыгать.
--	---

Такие механические изменения песен – частые явления в те годы.

В указанный период проявилось неприятие ко всему дореволюционному. С критикой песни «Аки-сухи» выступил писатель В. Алагер: «А песню “Ака-суха юрри” (Песню пашни и сохи) следует считать только этнографическим материалом. Ее содержание от сегодняшних дней стоит невыразимо далеко. Устаревшая, древняя песня. В наших условиях она не может быть использована. Мы бьемся, засучив рукава, не за соху — за плуг, за трактор, за МТС, одним словом, за механизацию сельского хозяйства. Вместо “Ака-суха юрри” трудовому народу нужны песни, помогающие решать задачи в деле механизации сельского хозяйства. Вслед за извивами напева “Ака-суха”, за медленной поступью нам вперед не пройти. Ее мелодия, как пахота медленно, неглубоко царапающей сохой, так же лишена скорости. И, вообще, она нас тащит не вперед, а назад» [14, с. 144].

В духе нового времени в некоторых колхозах проводился «обряд сжигания сохи». Во время экспедиции (1933) в д. Осинкино Козловского района композитор В.П. Воробьев зафиксировал в своем дневнике: «16 утром сжигание сохи. Выехали сквозь дождя. На краю деревни в овражке принесли старую соху. Положили соломы. Керосину. Пред. сельисполкома. Митинг. Мосолова. Тяжелое бремя сохи. Трактор — новая эра для крестьянства. Васянка. Перед сжиганием вечная память сохе “Ака-суха юрри”. Новая жизнь. “Колхоз хирёнче”, “Колхоз тени мён тени?”, “Ѕураки юрри”. Комсомолец — символ нового поколения. Спичка. Поджигает солому. Большое пламя. Хор — “Интернационал”. Постановили: 16 (октября) ежегодно устраивать праздник урожая» [29, л. 11–12].

Одной из задач культурной революции являлось введение новых праздников в жизнь и быт чувашских трудящихся. Выступая против традиционных народных обрядовых и религиозных праздников, вытесняли обрядовые песни. Традиционные обряды стремились заменить советскими праздниками — «Хёрлэ улах» (букв. «Красные посиделки»), Красный акатуй и др. Изменения затронули и народные песни. Трансформировались рекрутские песни, из свадебных обрядов уходят песни-причитания невест:

Анне, маншан ан макар,
Пирён умра сұл такар.
Такар сұлпа утатпяр,
Хёрлэ сара каятпяр.
Саван, анне, манпала,
Маншан эсё ан кулян.
Эп каятп сыхлама
Хамяр таван сёршыва [41, с. 263].

Матушка, по мне не плачь,
Впереди нас дорога гладкая,
Гладкой дорогой шагаем мы,
В Красную армию уходим мы.
Радуйся, матушка, со мной,
За меня не переживай.
Я ухожу охранять
Свою родную страну (вариант: родину).

Призывник здесь не причитает. Характерный для рекрутской песни монолог прощания с малой родиной полностью соответствует духу нового времени. Новобранец с радостью уходит на службу. Новый образ защитника вплетен в канву песни.

Приведем замечание С.С. Кутяшова о гостевых песнях: «Халәхән ёскё-сикё юррисене сёнетесси сінчен каласмалли те сук. Мёншён тесен унашкал ёскё-сикё-сем те, вёсен юррисем те пётме тивёслё. Вёсен вырәнне сёне япаласем, прасниксем, ёскё-сикёсер саванәслә ирттермелли канлөх кунсем пулмалла» [15, с. 17–18] (Об обновлении гостевых песен говорить даже не стоит. Потому что и такие застолья, и их песни должны быть искоренены. Вместо них должны появиться новые вещи, праздники, дни досуга без застолий, радостные дни). С трудом верится,

что в советское время в пирушках видели только распитие алкоголя. Били по самому больному. В этих гостевых песнях народ, распеваящий «ёсме-сьме килте те пур» (букв. — пить-есть и дома имеется), пел о самом главном для нации: «виличчен пёрле пурăнар-и?» (до самой смерти вместе будем жить!).

В 30-х гг. XX в. широко была распространена песня «Върман витёр тухрăмър» (Через лес дорога виднеется). Существует несколько вариантов записей этой песни. При этом первые две строфы народной песни остались общими для всех, остальные строфы в вариантах все время менялись:

Върман урлă каçрăмър, каçрăмър,
Върман урлă каçрăмър
Вёрене çулси çуттипе, çуттипе,
Вёрене çулси çуттипе.

Хир-хир урлă каçрăмър, каçрăмър,
Хир-хир урлă каçрăмър.
Сарă тулă пуссипе, пуссипе,
Сарă тулă пуссипе.

Ял-ял урлă тухрăмър, тухрăмър,
Ял-ял урлă тухрăмър
Электрица çуттипе, çуттипе,
Электрица çуттипе.

Çак колхоза кётёмёр, кётёмёр,
Çак колхоза кётёмёр
Ленин юлташ вёrentнипе, вёrentнипе,
Ленин юлташ вёrentнипе.

Тулли телей куратпър, куратпър,
Тулли телей куратпър
Аслă парти çулёпе, çулёпе
Аслă парти çулёпе [1].

Ял-ял урлă килтёмёр, килтёмёр,
Ял-ял урлă килтёмёр
Электрица çуттипе, çуттипе,
Электрица çуттипе.

Çак колхоза кётёмёр, кётёмёр,
Çак колхоза кётёмёр
Ленин юлташ вёrentнипе, вёrentнипе,
Ленин юлташ вёrentнипе.

Тулли телей куратпър, куратпър,
Тулли телей куратпър
Сталин юлташ çулёпе, çулёпе
Сталин юлташ çулёпе [18, с. 98].

Песня из первой колонки записана композитором В.П. Воробьевым в д. Сугуты Батыревского района. Ее спели колхозницы Храмова, Хмелева, Кадыкова. Она была опубликована в сборнике «Акă, пурнăç лайăх-ске!» в 1936 г. Песня из второй колонки вошла в раздел чувашских народных из сборника «Ленинпа Сталин çинчен сырнă савăсемпе юрăсем» (Стихи и песни о Ленине и Сталине), вышедшего в 1938 г. Где, от кого и когда она записана, не отмечено.

К 20-летию Октябрьской революции 1917 г. в Москве вышла книга «Творчество народов СССР» под редакцией М. Горького, Л.З. Мехлиса, которая, судя по предисловию, должна привлечь «внимание партийных, советских, писательских организаций, нашего комсомола, учительства, печати к такому важному делу, как вдумчивое, тщательное собирание драгоценных строк народного творчества» [40, с. 11]. В нее вошли три чувашских песенных текста с переводом на русский язык: «Чувашская колхозная», «Заря» и «Иволга». Издание не двуязычное, и пока не удалось найти оригиналов этих текстов. Вне всякого сомнения, их переводы обработаны в Чувашии, а затем издательством в Москве. «Колхозная песня» была записана в 1937 г. со слов Веры Федоровой 17 лет и Анисьи Федоровой 18 лет из с. Вурнары. «Заря» записана в 1931 г. со слов Параскевы Никифоровой 24 лет в с. Новое Исаково Урмарского района. Песня «Иволга» записана в

1931 г. в д. Семенчино Козловского района. Нами обнаружены несколько строф последней песни. В книге С.М. Максимова «13 чувашских песен нового быта» (1934) она опубликована как «Колхоз хёрёсен йурри» (Песня колхозниц):

Юманн улми пулас сук,
Пулсан та сѣме йурас сук;
Кулак ачисем илес сук,
Илсен те эпир каяс сук.

Върман тәрри тикёс мар;
Тикёслекен эпир мар;
Халё кулак сәмахне
Йуплекенни эпир мар.

Савни сар улма пултәрчё,
Аләра тытса суресчё;
Кулак йўс кашман пултәрчё,
Сёсёпеле турасчё.

На дубе яблочек нету.
А были б, я бы не рвала их.
Кулацкий сын не шлет сватов,
А стал бы, я бы прогнала их.

В лесу верхушек нет ровных
Не нам ровнять в лесу верхушки.
Мы все растем для дел новых,
Не нам сынков кулацких слушать.

Мне слаще яблочка с ветки
Мой друг, миленок мой хороший.
Кулак же – горькая редька,
Его на части мы искрошим.
(Русский текст Т. Сикорской) [23, с. 11].

Особое место в песенном фольклоре указанного времени занимает тема вождей. Рамки настоящей статьи не позволяют подробно остановиться на текстологическом анализе всей «ленинианы». По нашим наблюдениям, с середины 1930-х гг. в народных песнях образ Ленина вытесняется образом Сталина. Если Ленин воспевается как старший учитель, то Сталин – как надежный ученик Ленина:

Пурҫан тутӑр пуҫӑмра,
Шурӑ тутӑр алӑмра.
Ленин атте чӑремере,
Сталин атте умӑмра.

Шелковый платок на голове моей,
Белый платок в руке моей.
Ленин-отец в сердце моем,
Сталин-отец впереди меня.

В этих песнях вожди сравниваются с солнцем. В прозаических текстах встречается использование дореволюционной символики Амӑрткайӑк (Орла), тотемного предка чувашей.

Здесь уместно вспомнить также об эпико-поэтическом письме-послании «Товарищу Сталину от чувашского народа» (1937). К его созданию были привлечены лучшие чувашские поэты: Н. Шелеби, П. Хузангай, М. Уйп, Я. Ухсай, И. Тукташ, Н. Шубоссинни и партийные идеологи: Д.Д. Данилов, И.Д. Кузнецов и композиторы того времени. Опубликовано данное псевдофольклорное произведение в газете «Канаш» 24 июля 1937 г. [11], но у него имеются и другие варианты [18, с. 7–55]. Приводим полный текст песни о Сталине, из указанного письма:

1. Сывӑхран та сывӑх Сталин,
Сут хевелӑмӑр, ялав!
Юратса пӑкса устертӑн
Эс пире сулран сула.

1. Самый близкий друг наш Сталин
Наше Солнце, наше знамя!
Свежий плод труда и счастья
Ты сегодня делишь с нами.

Хушса юрламалли:

Хевел пек хертсе сугатрӑн
Пирӑн сӑм чӑтлӑхсене,
Эс тӑван туса тытартӑн,
Алла-ал халӑхсене.

Нас, как яблоню, взлелеял
Ты, садовник, величавый,
И растем мы непрестанно,
И идем вперед со славой!

2. Ёсём хысқан ёсём пулчё
 Пур ёсре, кёрешуре,
 Ывяхран та ывах Сталин,
 Хастарлатран эс пире.
Хушса юрламалли:
 Хёвел пек хёртсе сугатран ...

3. Ирэк, савак пуранмашкан,
 Советсен сёршывенче.
 Халь хисепле халэх эпир
 Халэхсенён йышёнче.
Хушса юрламалли:
 Хёвел пек хёртсе сугатран ...

2. Самый близкий друг наш Сталин,
 Ходят песни по отчизне
 О хорошей, о веселой,
 О счастливой нашей жизни.
 И к тебе, наш вождь любимый,
 Тянется наш звонкий голос,
 Тянутся все песни наши,
 словно к солнцу свежий колос.

3. Ради счастья и свободы,
 Отвоеванной борьбою,
 Ради жизни нашей, Сталин,
 Возлеянной тобою,
 Ради солнца, что сияет
 В нашей радостной отчизне, —
 Ради Сталина готовы
 Все отдать мы, вплоть до жизни.
 [33, с. 231]

Чувашский текст песни показывает, насколько оригинал не соответствует переводу, приведенному в статье. Сказанное относится и к переводам песен в других изданиях, выпущенных в Москве и Ленинграде в то время.

Широкое хождение в рассматриваемый период получила частушка. Активное внедрение в жизнь фольклорных фестивалей, олимпиад, смотров коллективов самодеятельности способствовало их быстрому распространению, в том числе через СМИ и радио. Причем особо не «заморачивались» на предмет того, будут ли они исполняться в быту, на деле же *такмаки* исполнялись коллективами самодеятельности и являлись произведениями писателей, которые перетекстовывали их на новый лад:

Варман урла касрамар,
 Вёрене сулси сугитпе.
 Сёне пурнас таватпар
 Советсенён ырлахёпе [39, с. 8].

Через лес перешли мы
 При свете кленовых листьев.
 Новую жизнь создаем
 При благодати Советов.

В такмаках исследуемого времени довольно часто упоминаются внутренние государственные займы советского правительства конца 1920-х — середины 1950-х гг. Признается их важная роль в финансировании индустриализации и укреплении материально-технической базы колхозного строя. Приведем некоторые примеры частушек с соответствующей тематикой:

Хёрлэ-хёрлэ сырлине
 Юрла-юрла татрамар.
 Пятилетка заемне
 Савансах сыронтамар.

Алые-алые ягоды
 С песней собирали мы,
 На заем пятилетки
 С радостью подписались мы.

Атьар, татар сырлине
 Самай пиесе ситнине.
 Атьар, сырнар заемне
 Сёршер тенкеллэххине [41, с. 307].

Айдаде, соберем ягоды,
 Самые зрелые,
 Айдаде, подпишемся на заем
 На сто рублей.

Такмаки такого содержания были распространены повсеместно, имеются записи, произведенные в д. Первое Семеново (Кашаркасси) Цивильского района, в д. Новое Аксубаево Дрожжановского района Татарстана.

Исполнялись *такмаки* и о выполнении пятилетнего плана за четыре года. Запись произведена в колхозе «Правда» Шемуршинского района в 1948 г. от де-вушек, которые валили лес:

Хамър панă сáмаха
Пурте тўрре кáларар,
Сёнё пилёксуллáха
Тáватгáра тулгарар.

Самими данное слово
Все оправдаем,
Новую пятилетку
За четыре [года] выполним.

Иногда провести четкую грань между старобытными и новобытными частушками не представляется возможным. Характерные частушечные образы присутствуют и там, и здесь. В текстах ничего специфического-новобытного нет, однако имеющиеся в них слова «колхоз», «Совет», «трактор», «бригадир» и мн. др. являются доказательством происхождения песен и *такмаков* в новое время. Рассмотрим сборник «Такмаксем» [39]. Предисловие написано В. Миттой. Автор утверждает, что материал составлен из записей во время экспедиции 1933 г. В сборник включены стихи поэтов – М. Аттая, Н. Васянки, В. Митты, Худара, Г. Краснова-Кесенни, Арслана, а также *такмаки*, исполненные колхозниками: Хámача (из Шумерли), Блинова (старика-колхозника «Осоавиахим»), Евграфова (старика из колхоза «Красное знамя»), Казакова (колхозного парня). Нужно отметить довольно небрежное, не комментированное составление сборника. Тем не его автор выразил надежду, что он станет настольной книгой среди трудящихся, на красных посиделках, Акагуях и повсеместно.

В нее включена старинная рекрутская песня «Уй варринче», которая подверглась перетекстовке. Автором-составителем она отмечена как «Кулацкие такмаки»:

Уй варринче ватá йуман, –
Атте тесе эп кáйрám та,
Килех, ывлáм, ай темерё...
Чун хурланчё, макáртáм та.

Посреди поля старый дуб,
Батюшка мой, подумав, я подошел да,
Проходи, сынок, ай, не молвил он...
Душа опечалилась, заплакал я да.

Кáсал хамър ял Советне
Кёрес, тесе шутларám та, –
Кёртес, тесе калаçмарёç...
Чун тарáхрё, шáртлантáм та [39, с. 11].

Ныне в свой сельский Совет
Зайду, подумал я да, –
Заходит пусть, не говорили...
Душа рассердилась, разозлился я да.

Первая строфа народной песни осталась без изменений, а вторая полностью переделана в духе нового времени: в Советах не место кулакам. Невольно задаться вопросом, исполнялась ли она кем-либо.

Исследуемый период знаменателен и тем, что перед фольклористами ставилась задача создания «героического советского эпоса». Не случайно в то время писатели и поэты Чувашии выдвигали цель создания народного эпоса. В 1924 г. журнал «Сунтал» публикует в призыв поэта Лашмана «Юрá-сáвасене, халапсене пухса йёркелесе поэма сырма пулё-ши?» (Возможно ли, собрав и систематизировав песни и стихи, сказки, написать поэму?) [36, с. 55].

К этой же проблеме обращается писатель В. Алагер: «Халáх сáмахлáхне пёр пусма сáинчен тепёр пусма сáине хáпартас пулать. Халáх сáмахлáхёнчен йёркелесе тунá произведенисем ытла та илемлё пулаçсё, вёсенче халáх чунё, пуçё, чёри, куçё пит лайáх курáнать вара. Финсем “Калёвалá” ятлá хáйсен героически поэmine

халӑх сӑмахӑхӗнченех тунӑ теҫҫӗ. Мӗншӗн эпӗр те ҫавӑн пекех пысӑк, халӑх хӑватне кӑтартакан поэма ҫыраймастпӑр-и?» (Народную словесность необходимо поднимать с одной ступеньки на другую ступеньку. Созданные на основе народной словесности произведения получают высокохудожественными, в них видны душа, мудрость, сердце, глаза народа. Говорят, что финны свою героическую поэму «Калевала» сочинили из народной же словесности. Почему мы не можем написать такую же большую поэму, которая показала бы мощь народа?) [2, с. 40]. К этому вопросу в разные годы обращались также другие писатели и поэты, ученые Чувашии. Известны опыты составления образцов песенного эпоса Н. Шелеби, С. Эльгера с некоторыми сюжетами. Периодически издавал свои варианты Ф. Сюин. Завершенный вариант песенного эпоса «Улӑп» названного автора был опубликован в 1996 г.

В советское время репертуар песен, исполняемых чувашами, пополняется русскими массовыми песнями. С.С. Кутяшов отмечал: «За последнее время среди чувашской молодежи зарождается процесс отхода от национальных мотивов. Почти повсеместно замечается переложение русских мотивов на чувашский язык. Поются, например, такие песни, как: “Коробейники”, “Трансвааль”, “Чудный месяц” и др. *Это показывает, что чувашскую молодежь не устраивают старые, чувашские примитивно-монотонные песни, она стихийно ищет новые мотивы, которые отсутствуют в чувашских песнях.* (курсив наш. — Г.И.)» [17, с. 79].

Наряду с песнями, воспевающими новую жизнь, в архивах можно найти песни, выражающие реальные настроения людей того времени. Тексты такого содержания в свое время не могли быть опубликованы в сборниках по цензурным соображениям. Многие материалы были уничтожены, либо они хранятся в архивах ФСБ, так как послужили поводом для «чисток» и репрессий. И лишь в 70–80 гг. прошлого века среди записей фольклорных произведений можно обнаружить тексты такого содержания:

Коракӗ: Колхоза кӗрр!
Колхоза кӗрр!
Чани: Тен, тен, тен,
Тен, тен, тен... [26, с. 9].

Грач (ворона): в колхоз вступай-й!
В колхоз вступай-й!
Галка: авось, авось, авось,
Авось, авось, авось!.. (вариант: возможно).

В оригинале «кӗр-р» и «тен, тен, тен...» — подражания звуку птиц.

Они показывают, насколько предстоящее решение вступить в колхоз давалось нелегко. И это выражено через диалог птиц. В роли грача выступают те, кто еще не принял для себя такое положительное с точки зрения властей решение.

В Урмарском районе от Е.А. Тимофеевой записана песня «Арман хуҫи юрри» (Песня хозяина мельницы), которая отражает мысли и чувства бывшего хозяина ветряной мельницы:

Вӗлтин-вӗлтин ҫил арман, карчӑк,
Вӗлтин-вӗлтин ҫил арман,
Тӑчӗ юлчӗ колхоза, карчӑк,
Тӑчӗ юлчӗ колхоза.
Кам авӑрса ыр курӗ, карчӑк,

Велтин-велтин мельница ветряная, старуха,
Велтин-велтин мельница ветряная
Осталась для колхоза
(вариант: в колхозе), старуха,
Кто молоть будет, счастливым будет, старуха,

Кам авърса ыр курё?	Кто молоть будет, счастливым будет?
Колхоз авърса ыр курё, карчак,	Колхоз молоть будет, счастливым будет, старуха,
Колхоз авърса ыр курё. [28, л. 72].	Колхоз молоть будет, счастливым будет.

Далее он переживает за своего коня и корову, сданных в колхоз.

О переживаниях крестьян, вступивших в колхозы, свидетельствует песня следующего содержания:

Кётўс Мишкă,
Чухан Ванькă,
Патрак Тришкă,
Средняк Панькă
Кёчёс колхоза,
Кёчёс колхоза.

Пастух Мишка,
Бедняк Ванька,
Батрак Тришка,
Средняк Панька
Вступили в колхоз,
Вступили в колхоз.

Уй-хирсене, сарансене,
Лашисене, ёнисене
Пачёс колхоза,
Пачёс колхоза.

Поля свои, луга свои,
Лошади свои, коровы свои
Отдали в колхоз,
Отдали в колхоз.

Колхоз тени —
Пурнăс аслă.
Кётём эпё те,
Кётём эпё те [6, с. 44].

Колхоз это —
Жизнь широка,
Вступил и я,
Вступил и я.

До последнего сомневающийся человек, наблюдая за происходящим, в конце концов принимает решения стать колхозником.

От жительницы д. Уразкасы Янтиковского района М.И. Ивановой (1926 г.р.) удалось записать следующую песню:

Ах Тур, мёнле япала?
Социализм — купарча.
Хам чётренсен чётренет те
Хам силленсен силленет.

Ах Боже, что за вещь?
Социализм — задница.
Сам(а) трясуь если, трясется да
Сам(а) качаюь если, качается.

Кукър-макър сырмара
Качака мёкълтетет,
Хам ташлама пёлмесен те
Купарча мёкълтетет.

В извилистом овраге
Коза кувьркается,
Сам(а) плясать не умею если да
Задница кувьркается.

В 1930-е гг. для приобретения колхозами сельхозмашин собирали у населения украшения из серебра: государству были сданы тысячи *хушпу*, *тухья*, *тевет*, *ама* и т.д., навсегда пропавшие для будущих поколений. В сборнике «Тури чăвашсен юррисем» С.М. Максимова музыковед М.Г. Кондратьев обнаружил песню об этом — песню купеческих дочерей «Ехрем хуца хёрёсен юрри» [14, с. 145]. Записана она от слепого старика Мелутина, обладавшего феноменальной памятью, проживавшего в д. Шайгильдино Чебоксарского района. По словам исполнителя, она пелась дочерьми купца Ефремова, когда они, «чăваш тумне пăрахса, вырăсла тумланă чух сак юрра юрланă» (бросив носить чувашский костюм, стали одеваться по-русски):

Ум сѣклеими шўлкемеччѣ, шўлкемеччѣ,
Ут-пӑх кресѣ турѣс поль (2)
Пуҫ сѣклеими тохьямччѣ, тохьямччѣ,
Тыр акнӑ контӑ турѣс поль.

Из тяжелого шульгеме моего, шульгеме,
Навозную лопату сделали, наверное.
Из тяжелой тухьи моей, тухьи
Лукошко для сева семян сделали, наверное.
(Перевод М.Г. Кондратьева) [14, с. 145].

Сохранились песни, исполненные раскулаченными при отъезде на новые места проживания. Информатор А.И. Кириллова из с. Балабаш-Баишево Шемуршинского района пишет, что в их селение к родственникам приезжали сестра с братом 1923 г. рождения из д. Чувашское Пимурзино Татарской Республики и исполняли эту песню. Говорили, что их родителей раскулачили и отправили в ссылку. Мальчика звали Ваней. Он пел эту грустную песню и плакал:

Ҫынсем ака тӑваҫсѣ,
Ҫынсем ака тӑваҫсѣ.
Пирѣн сѣрѣ сук,
Пирѣн сѣрѣ сук.
Пирѣн сѣрѣ колхозра,
Пирѣн сѣрѣ колхозра.
Эпир хамӑр, ай, Советра.
Ҫынсем утӑ сұлаҫсѣ,
Ҫынсем утӑ сұлаҫсѣ.
Пирѣн улӑх сук,
Эпир сұлас сук.
Пирѣн улӑх колхозра,
Пирѣн улӑх колхозра.
Эпир хамӑр та ай, Советра.
Ҫынсем тырӑ выраҫсѣ,
Ҫынсем тырӑ выраҫсѣ.
Пирѣн тырӑ сук,
Эпир вырас сук.
Пирѣн тырӑ колхозра,
Пирѣн тырӑ колхозра.
Эпир хамӑр та ай, Советра.
Ҫынсем авӑн ҫапаҫсѣ,
Ҫынсем авӑн ҫапаҫсѣ.
Пирѣн тырӑ сук,
Эпир ҫапас сук.
Пирѣн тырӑ колхозра,
Пирѣн тырӑ колхозра.
Эпир хамӑр та ай, Советра. [20].

Люди сеют,
Люди сеют.
У нас земли нет,
У нас земли нет.
Наша земля в колхозе,
Наша земля в колхозе.
Мы сами, ай, в Совете.
Люди сено косят,
Люди сено косят.
У нас луга нет,
Нам не косить.
Наш луг в колхозе,
Наш луг в колхозе.
Мы сами да, ай, в Совете.
Люди хлеб жнут,
Люди хлеб жнут.
У нас хлеба нет,
Нам не жать.
Наш хлеб в колхозе,
Наш хлеб в колхозе.
Мы сами да, ай, в Совете.
Люди зерно молотят,
Люди зерно молотят.
У нас хлеба нет,
Нам не молотить.
Наш хлеб в колхозе,
Наш хлеб в колхозе.
Мы сами да, ай, в Совете.

Процитированная песня имеет широкий ареал распространения, ее варианты записаны в Ибресинском и других районах Чувашии [5, с. 9]. Она имеет сходную тематику с песнями переселенцев, с сиротскими песнями. Монолог грамотно построен по принципу ступенчатого сужения образов: *ака, сѣр, утӑ, улӑх, авӑн, тырӑ*. Наибольшее внимание здесь фокусируется на контрастной параллели между «сынсем» (люди) и «эпир» (мы).

В условиях новой советской действительности в Чувашии велся активный сбор и переработка текстов песенного фольклора, за исключением песен, выражающих трагические настроения людей. Вопрос изучения этих песен ждет своего исследования.

По отношению к новобытным песням оценки фольклористов неоднозначны. Все, что создавалось в новое время и является продуктом творчества писате-

лей, поэтов и любителей фольклора. В связи с этим перед исследователями встает серьезная проблема оценки песенного (и не только) фольклора изучаемого периода на предмет авторства. Некоторые фольклористы рассматривают его исключительно как фальш-фольклор, принимая во внимание создание и авторизацию текстов профессионалами. Все же вопрос остается открытым. Сложность проблемы заключается в том, что не всегда есть возможность в анализируемом тексте выявить, что принадлежит тому, кто записывал текст, а что — его исполнителю.

Список литературы и источников

1. Акă, пурнаç лайăх-çке / пухса хатĕрл. Г.Г. Лисков. Шупашкар: Чăваш. гос. изд-ви, 1936. 70 с.
2. Алакĕр В. Пролетарилле юрăпа мусăшăн // Сунтал. 1931. № 9. С. 40.
3. Воробьев В.П. Чăваш юрри-сăввине пухас ёç // Сунтал. 1928. № 10–11. С. 31.
4. Гаврил Федоров юрласа панă 146 юрă=146 песен, записанных от Гаврила Федорова / С.М. Максимов, Ф.П. Павлов, В.П. Воробьев, Т.П. Парамонов сыраса илнĕ. Шупашкар—Мускав: Чувашиздат—Музгиз, 1934. 127 с.
5. Ендеров В.А. Ишекĕм, Хум çинчи Ишек: Историпе таврапĕлĕ очеркĕ. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт, 2010. 284 с.
6. Ендеров В.А. Епле пуранать-ши аякри тăван? Шупашкар: ЧГИГН, 2013. 248 с.
7. Золотов Н.Я. Краткий очерк народной поэзии чуваш. Чебоксары: Отд. Чувашкниги, 1928. 87 с.
8. Комиссаров Г.И. Чăваш фольклорне пуçтарасси çинчен // Хĕрлĕ ялав. 1936. № 19. Август, 1.
9. Комиссаров Г.И. Чăваш фольклорĕпе литература вĕрентĕвĕ // Чăваш халăх сăмахлăхĕ: Тĕпчевсемпе текстсем. Шупашкар, 1989. С. 6–34.
10. Канаш. 1927. Август, 20.
11. Канаш. 1937. Июль, 24.
12. Кондратьев М.Г. Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с.
13. Кондратьев М.Г. Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ. 2007. 288 с.
14. Кондратьев М.Г. Степан Максимов: Музыкант-просветитель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 319 с.
15. Кутяшов С.С. Илемлĕ литературăпа сĕнĕ юрăсем çинчен // Сунтал. 1929. № 3. С. 17.
16. Кутяшов С.С. Чувашские народные обычаи и новый быт // Первый Всечувашский краеведческий съезд: тезисы докладов и резолюций. Чебоксары: изд. Об-ва изучения Чувашского края, 1929. С. 76–80.
17. Ленин халăх чĕринче / пухса хатĕрл. Е.С. Сидорова. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1969. 151 с.
18. Ленинпа Сталин çинчен сырнă сăвăсемпе юрăсем. Шупашкар: Чăваш гос. изд-ви, 1937. 99 с.
19. Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Откуда мы? Куда идем? Беседы под Древом Познания. Кн. 1. Чебоксары: Изд. дом «Хыпар», 2012. 608 с.
20. Личный архив В.А. Ендерова.
21. Люблин И. Олимпиада искусств в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1934. 111 с.
22. Максимов С.М. Тури чăвашсен юрисем. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1932. 136 с.
23. Максимов С.М. Чăваш халăхĕн 13 сĕнĕ пурнаç юрри. М.: Огиз—Музгиз, 1934. 24 с.
24. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. III. Ед. хр. 509–510.
25. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2101. Инв. №. 8371.
26. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2102. Инв. №. 8372.
27. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2127. Инв. №. 8397.
28. НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 71. Инв. № 125.
29. НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 100. Инв. № 209–211.
30. Одюков И.И. Совет саманинчи чăваш халăх сăмахлăхĕ. Вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-т, 1975. 239 с.

31. *Одюков И.И.* К истории собирания и публикации чувашского фольклора в 20–30 гг. // *Одюков И.И.* Избранные труды: исследования по фольклору и литературе, методические материалы. Воспоминания и документы. Письма, рецензии, отзывы. Сны / сост., авт. предисл. и коммент. В.А. Ендеров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 648 с.
32. Первые шаги по объединению учащихся подростков по собиранию родной словесности в школах Чувашавтономной области. Чебоксары: Бюро печати облоно, 1922. 16 с.
33. Пирён юрәсем. Чăваш композиторёсен юррисем. М.–Л.: Музгиз, 1949. 351 с.
34. *Родионов В.Г.* Епле пуранать-ши аякри таван: пур енлĕ экспедици материалёсем. I пайĕ. Шупашкар: ЧПГАИ, 2008. 400 с.
35. *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор: очерк устного-поэтического творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 132 с.
36. Сунтал. 1924. № 2–3. С. 55.
37. Сунтал. 1929. № 2. С. 24.
38. Сунтал. 1939. № 3. С. 22–23.
39. Такмаксем. 1-мĕш сборник. Пичете Митта Васлейĕ хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1934. 105 с.
40. Творчество народов СССР / под ред. А.М. Горького, Л.З. Мехлиса, А.И. Стецкого. М.: Издание редакции «Правды», 1937. 533 с.
41. *Тукташ И.* Чăваш фольклорĕ. Шупашкар: Чăваш. гос. изд-ви, 1949. 328 с.
42. Чăваш халăх юррисем: Гаврил Федоровран сыrsa илнĕ 620 юрă-кĕвĕ. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1969. 351 с.
43. *Элле К.* Юмах-юрă аҫтисене учета илесси // Халăха вĕрентес ёҫ. 1929. № 10. С. 34–35.
44. *Элле К.В., Ялушин К.* Чăваш халăх творчествине пухас // Халăха вĕрентес ёҫ. 1928. № 9. С. 60–66; № 10–11. С. 69–73.

G.G. Pyina

ABOUT EXPERIMENTS ON A FOLK SONG DURING THE SOVIET PERIOD (1920s–30s)

Annotation: This article examines the Chuvash song folklore in the 20–30s of the XX century, which underwent serious changes after October 1917. Songs of this time are subordinated to the tasks of «introducing new content into old forms». The paper points to a number of features characteristic of the Chuvash folk song at this stage of historical time. During the soviet period, Chuvash folk poetry continues to live and develop, inheriting the traditions of pre-revolutionary folklore.

At the same time, as is typical of folklore, it continues to absorb everything new. During this period non-existing genres of song folklore were created such as: songs of collective farmers, songs of children of collective farmers, songs about Lenin and Stalin, ditties about loans, leaders, voters, etc. Moreover, any song was suitable for literary processing: ritual, non-ritual, ditties, etc. Experiments on folk songs continued until the 1950s of the last century. But despite everything the traditional folk song managed to survive.

Keywords: song transformation, artistic and ideological processing of songs, old and new song.

ИСКУССТВО КНИГИ В СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Искусство чувашской книги советского периода тесно связано с деятельностью Чувашского книжного издательства, которое является ровесником Чувашской автономии и празднует в 2020 г. 100-летний юбилей. В статье рассматривается история национальной книжной графики с момента зарождения до конца XX в.

Ключевые слова: книжная графика, советское искусство, художник, Чувашское книжное издательство, национальный.

Историю искусства чувашской книги можно условно разделить на три периода, неразрывно связанных с событиями, происходившими в стране: до образования Чувашской автономной области (до 24 июня 1920 г.); период советской автономии (1920–1990 гг.); постсоветский период (с 1991 г.).

На стыке XIX и XX вв. возникает острая необходимость в развитии национальной печати. Первые книги для чувашей появились в XVIII в. Они, как правило, носили богослужебный характер. В 1769 г. в Петербурге издается первая печатная грамматика чувашского языка «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»; в 1804 г. в Казани иерей Е.И. Рожанский выпускает «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык для удобнейшего им уразумения Православного христианского закона с присовокуплением некоторых молитв символа веры и десятилетия»; в 1832 г. выходит в свет произведение В.П. Вишневого «Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий катехизис, на чувашском языке», в 1836 г. была напечатана другая его книга под названием «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии».

Наибольшая заслуга в развитии художественного образования и книгоиздательской деятельности принадлежит Симбирской чувашской учительской школе, организованной И.Я. Яковлевым в 1868 г. При активном участии С.Н. Тимрясова, В.А. Белилина и А.В. Рекеева просветитель в 1872 г. напечатал «Букварь для чувашских детей», а уже через год, усовершенствовав свой алфавит, издал «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки». До 1917 г. он переиздавался тридцать раз.

Для преподавания рисунка И.Я. Яковлев пригласил выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества Н.Ф. Некрасова (ученика В.А. Серова, Н.А. Касаткина, К.А. Коровина). Любопытный факт приводит исследователь А.И. Иванов-Ехвет в книге «По следам находок»: «В годы учебы в Московском училище Н.Ф. Некрасов работал в качестве сотрудника в книгоиздательстве И.Д. Сытина как иллюстратор книг для детей» [2, с. 41]. Неудивительно, что его

ученик К.В. Иванов (автор поэмы «Нарспи»), впоследствии сам ставший учителем рисования, оформил «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» 1912 г. Анализируя его рисунки, следует отметить качество их исполнения. Руке мастера присущи мелкая аккуратная штриховка и изящество линий. А.И. Иванов-Ехвет еще в 1977 г. задавался вопросом «...а был ли “Букварь для чуваш” первой иллюстрированной книгой на чувашском языке?» [2, с. 55]. Этот вопрос ждал ответа несколько десятилетий. В 2008 г. в статье «К.В. Иванов – зачинатель чувашской профессиональной книжной графики» было доказано, что классик чувашской поэзии является первым профессиональным художником книги [4, с. 94].

В Поволжье крупным центром книжного производства являлась Казань. Связь с русской интеллигенцией, равнение на столичное и европейское искусство, многовековой опыт книгопечатания превратили город в центр книжного производства среди ближайших соседей – тюркоязычных и угро-финских народов региона, у которых еще не было собственных типографий.

В Казани же можно было получить художественное образование. 1 сентября 1895 г. открывается Казанская художественная школа. С появлением среди ее преподавателей Н.И. Фешина и П.П. Бенькова (учеников П.П. Чистякова и И.Е. Репина), а также Ю.И. Тиссена, возглавившего граверный класс в 1898 г., она стала одним из крупных центров художественного образования в Поволжье. Сюда поступили учиться чуваша М.С. Спиридонов и Н.К. Сверчков, которые впоследствии приняли активное участие в зарождении и становлении профессионального изобразительного искусства у себя на родине.

В конце XIX в. возможность получить художественное образование стала привлекать все большее количество чувашской молодежи. Первоначальную подготовку можно было получить в частной школе К.Н. Баратынской недалеко от Казани. Позднее некоторые чувашские художники обучались в училище барона Штиглица в Петербурге и училище Строганова в Москве, а также в Пензенской, Харьковской или Омской художественных школах.

Симбирск и Казань внесли значительный вклад как в подготовку первых национальных кадров, так и в зарождение чувашской книги. Эти процессы протекали почти параллельно и являлись определяющими для создания национальной печати в Чувашии. Технические возможности типографий определяли внешний вид изданий конца XIX – начала XX вв.: часто оформлялись лишь обложка и титульный лист (как правило, они имели незатейливую рамочку в классическом стиле, состоящую из прямых, волнистых линий и растительных мотивов). Однако все эти процессы происходили за пределами Чувашского края, в котором еще не было ни типографии, ни оборудования, ни специалистов.

Смена политического строя в России после Октябрьской революции 1917 г. незамедлительно повлекла за собой изменения в привычном укладе жизни народов, коснувшиеся культурных и духовных ее сторон. Национальная печать, уже успевшая сделать первые шаги в дореволюционный период, осознавалась советским правительством как необходимое средство для просвещения и пропаганды социализма среди населения страны, и получила мощную поддержку для своего развития.

В конце апреля 1918 г. в Казани образовалась инициативная группа по организации Чувашского книжного издательства. Она регулярно размещала объяв-

ления в газете «Канаш» о том, что «Чаваш кёнеки» (Чувашская книга) намерены приступить к изданию книг на чувашском языке и просит присылать переводы и оригинальные произведения. Следующие 2 года в Казани кипела активная работа: была создана переводческо-издательская комиссия, проходили различные съезды, на которых регулярно поднимались вопросы о национальной печати; издавалась литература на чувашском языке (сначала в типографии Казанского университета, затем в Государственной типографии № 5). В феврале 1920 г. на I Всероссийском съезде чувашских секций и ячеек РКП(б) и активных работников коммунистов-чувашей подводили итоги издательской деятельности (за 2 года Чувашским отделом Наркомнаца было выпущено 75 книг и брошюр тиражом 879 250 экз.) и была принята резолюция об организации Чувашского издательства.

1920 г. является «точкой отсчета» для чувашской государственности и чувашской советской книги. Еще в марте, когда только рассматривался вопрос о создании Чувашской автономной области, воспитанники Императорской академии художеств М.С. Спиридонов и М.К. Сверчков задумали организовать «коллегию художников, которая явится центральным учреждением и руководящим началом художественной жизни нации» [5, с. 9]. Это предложение они представили правительству, и в сентябре М.С. Спиридонов организовал и возглавил изосекцию при отделе народного образования Чувашской автономной области.

12 ноября 1920 г. на II Всероссийском Совете среди чувашей было принято постановление: «Для снабжения чувашского населения необходимыми учебниками, научно-популярной, политической литературой и периодической печатью на чувашском языке организовать в г. Чебоксары – центре Чувашской автономной области – Чувашское отделение государственного издательства» [3, с. 3]. Отныне эта дата считается днем рождения Чувашского книжного издательства (Чувашгиза), с которым неразрывно связана история национальной книги советского и постсоветского периодов. Его открытие происходило в сложных неблагоприятных условиях, однако издательству удалось встать на ноги, наладить производство печатной продукции и постепенно увеличивать тиражи. В 1921 г. была предпринята попытка открыть школу ФЗУ при Чебоксарской типографии, однако из-за тяжелых последствий голода она начала действовать только через 2 года. Первые выпускники-специалисты получили свои дипломы в июне 1925 г.

В числе первых изданий Чувашгиза были: брошюра «Тезисы докладов и резолюций II Всероссийского съезда коммунистов-чувашей» (1921), книга А.М. Михайлова «Сайра майаксем» (1923), также был запланирован 17-томный «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина (1924), сборник Н.И. Полоруссова-Шелеби «Суйласа илнĕ савăсем» (1926). Вопросы о художественном оформлении стали поднимать несколько позже.

19 февраля 1926 г. образовался Чувашский филиал Ассоциации художников революционной России, что закрепило позиции реализма в формирующемся чувашском искусстве. «Художники АХРР уделяли большое внимание сбору этнографического материала, изучению традиций, бытового уклада, творчества различных народов СССР, а также стремились отразить социалистические преобразования на бывших национальных окраинах России» [6, с. 67.]. По итогам своей работы Чебоксарский филиал АХРР 6 ноября 1927 г. провел первую выставку.

Советская власть в республике уже с первых лет взяла книгоиздательскую деятельность под контроль. Отбор литературных произведений и авторов строго

должен был соответствовать идеологии государства. Не менее серьезные требования предъявлялись и к оформлению книг. В постановлении Чувашского обкома партии от 7 мая 1929 г. «О мероприятиях по развитию чувашской художественной культуры» членам филиала поручалось улучшить художественное оформление печатной продукции Чувашского издательства и привлечь к этой работе профессионалов [6, с. 13].

Для оформления первых книг Чувашгиза часто было характерно поверхностное отображение сюжета литературного произведения, основой которого, как правило, являлись жизнь и быт народа. Художники учились рассматривать книгу как предмет искусства, где все части должны быть в едином стиле и гармонии. М.С. Спиридонов проиллюстрировал «Букварь для чувашских школ» (1930) и детские рассказы в стихах «Виктор и скворец» Н. Янгаса (1931), А.Ф. Мясников стал художником московского издания поэмы «Нарспи» К.В. Иванова на чувашском языке.

После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» Чувашский филиал АХР был ликвидирован. Вместо него 24 февраля 1933 г. создан оргкомитет Союза художников Чувашской АССР, провозгласивший единственно приемлемым для изобразительного искусства метод социалистического реализма.

Ощущая острую нехватку образованных специалистов в республике, Совет народных комиссаров ЧАССР в 1934 г. постановил открыть граверное отделение ФЗУ при Алатырской типографии: «Наркомпросу, Чувашгизу и оргкомитету Союза художников с 1 августа приступить к набору учащихся из чуваш, укомплектовать отделение педагогическим персоналом, обеспечить программами, учебниками и учебными пособиями» [6, с. 31]. Организация этой работы была поручена Ф.С. Быкову, который сам же возглавил Алатырское граверное отделение после его открытия 1 сентября 1934 г. Через некоторое время оно было преобразовано в школу, а затем в художественно-граверное училище. В 1940 г. учебное заведение было переведено в Чебоксары и преобразовано в Чувашское государственное художественное училище, а с 1948 г. — в Чебоксарское художественное училище. Его выпускники пополнили ряды молодых чувашских художников и сотрудников Чувашского издательства (П.В. Сизов, Н.В. Овчинников, Р.М. Ермолаева и др.). Появление в республике первых чувашских профессиональных художников книги способствовало развитию книжной графики.

В этот период были изданы сборник стихов Я. Ухсяя «Сăвăсем» (Стихи, 1934), книга К.А. Чулгася «Сунарçă халапĕсем» (Сказки охотника, 1937). С 1938 г. начался выпуск детской серии «Тетте-кĕнеке» (Книжка-игрушка), книги для юных читателей с переводом произведений К. Чуковского, А. Барто, Л. Толстого и других известных авторов на чувашский язык выходили отдельными изданиями. К 50-летию К.В. Иванова опубликовали книги Д.Д. Данилова «Жизнь и творчество К.В. Иванова» и Я.Г. Ухсяя «К.В. Иванов» (1940).

Открытие училища и работа книжного издательства, объединивших графиков и типографщиков, положительно сказались на переосмыслении значения художественного оформления изданий и улучшении их качества. В республике были созданы все условия для дальнейшего развития национальной книги, однако Великая Отечественная война существенно затормозила этот процесс.

В годы войны искусство стало оружием в борьбе против фашизма. На передний план вышли такие виды графики, как героический и сатирический плакат, лозунги, карикатура, станковый рисунок. Выпуск литературы производился в основном на военную тематику. Например, в Чебоксарах в 1942 г. изданы «Александр Невский» и «Минин и Пожарский» П. Григорьева, «Эскадрон, за мной!» С. Прокопьева (худ. Д. Архипов) и другие книги, своим содержанием призванные поднять боевой дух народа. Как правило, в подобных изданиях оформлялись обложка, а иллюстрации заменялись небольшими заставками или репродукциями.

Многие молодые художники ушли на фронт, на их место пришли эвакуированные мастера, которые тоже активно участвовали в художественной жизни республики, ставшей их временным пристанищем. Они помогали в организации Окон ТАСС и Агит-Окон. Однако о развитии национальной книжной графики в годы Великой Отечественной войны говорить не приходится.

С приходом мирного времени в сфере книгоиздания было не все гладко. В первые послевоенные годы Дом печати не отапливался из-за отсутствия дров. Руководство книгоиздательства было вынуждено просить у министерства карточки на получение мыла, обуви и продовольственных товаров для работников. Происходили срывы издания учебников и книг из-за отсутствия полиграфических материалов. Книготорговые организации некоторых соседних областей отказывались приобретать книги на чувашском языке. В 1952 г. Росполиграфиздат обратил внимание руководителей местных издательств на состояние художественно-полиграфического оформления книг. В «черный список» попало Чувашское книжное издательство. Критические замечания касались того, что издательство слабо привлекает местных художников и не сплачивает вокруг себя талантливую молодежь.

Вскоре национальные кадры начали пополняться новыми выпускниками местных и столичных художественных учебных заведений, продолжали свою работу и представители старшего поколения. Совместно с молодежью (Ю.П. Смирнов, М.А. Ильин и др.) творчеством занимались опытные мастера (П.В. Сизов, Ф.П. Осипов), что вело к диалогу поколений, передаче накопленных знаний и появлению свежих идей и способов их выражения. Все это происходило в стенах Чувашкнигоиздата, который являлся центром развития книжной графики.

В 1950-е гг. она укрепляет свои позиции в чувашском изобразительном искусстве и буквально за десятилетие делает довольно большой скачок в развитии. При работе над книгой художники все чаще оформляют ее как цельный организм, где все элементы выполнены в едином стиле и общем колорите. Они смелее экспериментируют с плоскостью листа, чаще используют авторские буквицы, создают новые шрифты. Из всех видов изобразительного искусства, зажатого в тиски соцреализма, книжная иллюстрация, особенно детская, оставалась наиболее свободной творческой площадкой. 1950–1960-е гг. ознаменовались расцветом детской иллюстрации и анималистического жанра. Начался интенсивный выпуск книг для детей на русском и чувашском языках, чаще всего издавались сборники народных сказок и тонкие книжки-тетрадки с большими яркими рисунками. Общим для них являлось то, что художники пытались создавать иллюстрации на основе национального искусства. Влияние на развитие детской книги в республиках оказывали признанные советские мастера В.А. Фаворский, Е.А. Кибрик, Д.А. Шмапинов, В.М. Конашевич, Е.И. Чарушин и др., они же определяли уровень требований и являлись своего рода «школой мастерства» для провинциальных графиков.

В 1960–1980-х гг. в творческий коллектив художников Чувашии влилась еще одна волна выпускников крупных столичных учебных заведений, вернувшихся на Родину. Теперь в книжной графике работают сразу четыре поколения: ветераны М.М. Михаэлис, Ф.П. Осипов, П.В. Сизов; старшее поколение М.А. Ильин, Ю.П. Смирнов, А.В. Мочалов, М.И. Жолобов; среднее – В.И. Агеев, А.И. Миттов, А.Т. Скворцов, В.П. Авраменко, М.А. Зобнина, А.А. Ефейкина; молодежь В.Е. Емельянов, Э.М. Юрьев, В.Я. Арапов и др. Оформление детской книги достигло заметных успехов: значительный вклад принадлежит М. Михаэлис, А. Ефейкиной, А. Скворцову, Ю. Смирнову и др.

Появление молодежи разнообразило стилистику изданий и привнесло в их эстетику много нового и современного. Профессиональное образование и талант позволили им создавать не просто иллюстрации на более высоком уровне, а оформлять книжный блок как произведение искусства. В работе над изданиями используются разнообразные техники и художественные материалы. Каждый художник старался творить в своей манере. Так, в эти годы появились ярко выраженные «агеевский», «юрьевский», «миттовский» и т.п. стили, получившие название от имен выдающихся чувашских художников-иллюстраторов. При этом мастерам удалось избежать однообразия в оформляемых изданиях, благодаря поискам нового неординарным подходам, использованию оригинальных приемов в работе. В иллюстрировании на первый план вышло индивидуальное прочтение произведения. Ведущая роль в чувашской книжной графике этих лет принадлежала П.В. Сизову, Ф.П. Осипову, М.М. Михаэлис, В.И. Агееву, Э.М. Юрьеву и др.

Книжная графика Чувашии этих лет развивалась в двух направлениях, которые задавались самими литературными произведениями. Первое – это отражение современной действительности советского человека. В иллюстрациях представлены жизнь и быт рабочих, колхозников, пионеров, сельские зарисовки, промышленные пейзажи, крупные стройки и т.д. Сюда же можно отнести достижения советской власти, идеологическую борьбу, тему революции. Второе направление – наиболее яркое и интересное – связано с поисками национальной формы. В разные исторические периоды оно требовало новых решений, переосмысления в контексте меняющегося искусства, что держало художников в творческом тоне. Деление проблемы национального на компоненты: отражение народного быта и уклада жизни (традиционный костюм и пейзажные мотивы); использование элементов и форм декоративно-прикладного искусства, а также символов и цветовых сочетаний; создание характерных национальных типажей – позволило полнее продемонстрировать и исследовать все многообразие книжной графики народов России, раскрыть богатую гамму художественных средств и приемов, используемых художниками при создании книги.

В чувашской книжной графике нагляднее всего это демонстрирует Нарспиана, которая значительно обогатилась в эти годы. В 1961 г. выпускник института им. И.Е. Репина А.И. Миттов в качестве дипломной работы успешно защищает оформление «Нарспи», Чувашское книжное издательство выпускает книги небольшого и альбомного формата в 1976 г. В следующем году на Всероссийском книжном конкурсе художник посмертно был удостоен диплома I степени за высокое мастерство. Вершиной творчества П.В. Сизова является оформление поэмы в 1967 г. Художником последнего издания «Нарспи» советского периода стал Э.М. Юрьев (1985). В том же году она была признана «книгой № 1 из 354 книг, поступивших на госинспекцию по качеству при Госкомиздате СССР» [1, с. 96.].

Другой новой тенденцией этого периода являлось проникновение станковых форм в книгу. Это происходило двумя способами: 1) когда графические листы до или после издания экспонируются на выставках как самостоятельные художественные произведения; 2) когда иллюстрация сразу же выполняется автором с применением приемов, характерных станковизму.

Результатом всех этих процессов стал выход чувашских книг на всероссийский рынок. Неустанный труд художников, сплоченных издательством, приносил свои плоды — их работы становились лауреатами и победителями межрегиональных и всероссийских книжных выставок. Так, например, на Всероссийском книжном конкурсе 1969 г. дипломом II степени за лучшее художественное оформление отмечен сборник «Поэты Франции» (худ. Э.М. Юрьев). Поощрительных дипломов удостоены поэма «Нарспи» К.В. Иванова (худ. П.В. Сизов), «Детские рассказы» И.Я. Яковлева (худ. В.И. Агеев), сказка «Иван-батыр» В.И. Давыдова-Анатри (худ. М.А. Ильин). Искусство чувашской книги в эти годы достигло больших высот. И по сей день среди искусствоведов 1960–1980-е гг. считаются периодом расцвета книжной графики в Чувашии.

Перестройка и распад Советского Союза оказали сильное влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на книгоиздательское дело в республике. Резко уменьшилось влияние идеологии и государства, исчезла цензура и контроль над тем, что нужно публиковать и как оформлять. В 1990-е гг. начались сложные нестабильные времена, однако Чувашское книжное издательство продолжало держать высокую планку, заданную художниками предыдущих поколений, привлекая к оформлению изданий высококлассных специалистов. Оно по-прежнему остается ведущим центром книгопечатания в Чувашии.

За вековую историю своего существования издательство прошло сложный путь, особенно в первые годы становления советской власти. Именно в его стенах формировалось искусство чувашской национальной книги, на которую оказывали влияние все исторические процессы, происходившие в стране и республике. В отличие от русской книжной графики, которая до 1917 г. имела сложившиеся традиции, полноценное развитие чувашской книги началось в советский период. Книгоиздательская деятельность являлась важным стратегическим направлением государства и находилась под его контролем. Разрешенная к публикации литература диктовала основные сюжеты для иллюстраций — во многом они были схожи с ведущими темами в изобразительном искусстве (трудовой подвиг народа, коллективизация, строительство, Великая Отечественная война и др.). Однако оформление детской литературы, русской, чувашской и мировой классики оставалось для художников полем, относительно свободным от идеологии и наполненным творческими экспериментами и фантазией. Именно здесь были созданы самые лучшие произведения книжного искусства в Чувашии.

Современная чувашская книжная графика также самобытна и уникальна. Она развивается, впитывает новые тенденции, также продолжает традиции, заложенные в советский период.

Список литературы

1. Викторов Ю.В. Элли Юрьев. Художник и время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 255 с.
2. Иванов-Ехвет А.И. По следам находок (К истории русско-чувашских культурных связей). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 122 с.

3. Книга остается с нами. К 90-летию Чувашского книжного издательства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 176 с.

4. *Тургай И.В.* К.В. Иванов — зачинатель чувашской профессиональной книжной графики // Ренессанс Поволжья: конец XIX — начало XX вв. — период духовного возрождения народов (Проблемы художественной культуры Чувашии). Вып. 4. / науч. ред. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 91—98.

5. *Ургалкина Н.А.* Чувашское советское искусство. Живопись. Графика. Скульптура. Театрально-декорационное искусство. Декоративно-прикладное искусство. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1973. 119 с.

6. *Червоная С.М.* Взаимодействие художественных культур народов СССР. М.: Изобразительное искусство, 1982. 320 с.

I.V. Turgay

**THE ART OF BOOKS IN SOVIET CHUVASHIA:
ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES**

Annotation. The art of the Chuvash book of the soviet period is closely related to the activities of the Chuvash book publishing house, which is the same age as the Chuvash autonomy and is celebrating its 100th anniversary in 2020. The article examines the history of national book graphics from its inception to the end of the twentieth century.

Keywords: book graphics, soviet art, artist, Chuvash book publishing house, national.

Ю.В. Викторов

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА НИКОЛАЯ ОВЧИННИКОВА

Аннотация. Одним из ведущих чувашских художников второго поколения был Н.В. Овчинников, сыгравший важную роль в поступательном развитии чувашского изобразительного искусства второй половины XX – начала XXI в. Он многопланово отразил советскую действительность в живописных произведениях, исполненных в историческом, бытовом и портретном жанрах. В статье говорится о полотнах мастера, отражающих ленинскую тему, тему Великой Отечественной войны, освоения космоса, строительства, сельской жизни, материнства.

Ключевые слова: Н.В. Овчинников, чувашское изобразительное искусство, Институт им. И.Е. Репина, советская действительность, образ В.И. Ленина, Великая Отечественная война, космическая тема.

Многие чувашские художники, начиная с М.С. Спиридонова, А.А. Кокеля, Н.К. Сверчкова и Ю.А. Зайцева, создавали живописные произведения, отражающие советскую действительность. Вполне уместно было бы вспомнить здесь и других, представляющих все этапы развития изобразительного искусства Чувашии. Среди них по праву выделяется Н.В. Овчинников.

Николая Васильевича Овчинникова, родившегося 14 октября 1918 г., по былым «советским меркам» можно назвать ровесником Октября. Не случайно с ранних лет он проникся идеями созидания нового общества, всем сердцем восприняв их как единственно верное и правильное направление в жизни страны. Почитание власти и «вождя революции» было заложено в нем еще в детстве – во втором классе сельской школы. Читая воспоминания художника, узнаем: «Однажды дома на сравнительно большом листе бумаги срисовал со страниц журнала портрет В.И. Ленина в рост, с поднятой рукой, и на следующее утро, свернув рисунок в рулон, принес в школу. Учитель взял мой листок, внимательно посмотрел на рисунок, прикрепил его к стене, рядом с классной доской и, смотря в мою сторону, сказал: “А мы-то и не знали, что Коля у нас художник. Молодец!” Эта похвала воспитателя перед всем классом, слова, что я художник, запали в мою душу на всю жизнь и, может быть, это определило мою судьбу, связанную с искусством» [1, с. 16].

Ленинская тема, заложенная в школьные годы, получила достойное продолжение в более зрелом возрасте, точнее, на четвертом году обучения в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, когда Н.В. Овчинников твердо решил, что дипломную работу свяжет с историей родного народа, и начал разрабатывать эскизы будущей картины «Посланцы чувашского народа в Кремле у В.И. Ленина. Вручение акта об образовании Чувашской автономии». Ректорат института предоставил ему одну из лучших мастерских, где

он смонтировал кремлевский кабинет Ленина и приступил к работе над выпускной картиной. Помимо Владимира Ильича в церемонии вручения чувашской делегации важнейшего документа о получении права на автономию принимали участие И.В. Сталин и М.И. Калинин. Как и Ленину, им также найдено подходящее место в композиции. Картину, выполненную под руководством профессора Р.Р. Френца, высоко оценили специалисты. На ее защите (1951) выступили народный художник СССР, академик Б.В. Иогансон, профессор И.А. Серебряный, доцент А.Л. Каганович. Дипломнику более всего запомнилось выступление академика, отметившего, что «в картине решено самое главное – внутренняя связь, теплота, любовное отношение Ленина к представителям Чувашской республики. Это самое трудное, что нам так желательно видеть в картинах, – выражение человеческих чувств» [1, с. 56]. В 1961 г. художник написал новый вариант картины, но, в связи с переменной обстановки в стране, уже без включения в нее Сталина.

С начальным этапом в жизни страны Советов связана «Первая борозда» Н.В. Овчинникова, созданная в 1960 г. В основу произведения положено конкретное историческое событие – испытание первого советского электропуга под Москвой в октябре 1921 г., на котором присутствовал В.И. Ленин. Он изображен в окружении крестьян и вместе с ними внимательно следит за работой электропуга. Его поза естественна, на лице теплая улыбка. Сельчанам работа электрического пуга кажется чудом. Они пришли сюда, как на большой праздник. Для них это событие – вестник нового, светлого дня в жизни, знак победы над вековой отсталостью. Изменения в жизни крестьян происходят благодаря Ленину. Он дал им землю, национальную государственность – эта мысль, заложенная в образном содержании полотна, придает произведению идейную значимость. Образ вождя волнует зрителя своей правдивостью и внутренней силой. В картине нет замысловатых деталей. Она написана в конкретной реалистической манере, характерной для всего творчества мастера. Работа имела успех на Всесоюзной выставке. Ее репродукции, выпущенные миллионным тиражом, разошлись тогда по всей стране, и до развала Советского государства она находилась в постоянной экспозиции Центрального музея В.И. Ленина в Москве.

К ленинской теме Н.В. Овчинников обращался и в последующие годы. Находясь в постоянном творческом поиске, он стремился к более глубокому образному решению этой важнейшей темы в отечественном искусстве, раскрывая при этом ее новые стороны. Так были созданы картины: «В.И. Ленин в Горках» (1961), «В.И. Ленин с детьми» (1962), «На заре» (1971). В 1978 г. художник вернулся к «Первой борозде». Изменив композиционный строй, создал новый, более динамичный вариант картины, созвучный с происходящим событием. В год 70-летия Октябрьской революции (1987) живописец написал многофигурное полотно «Извините, был важный государственный разговор. В приемной В.И. Ленина». На нем в проеме распахнутой двери изображены Ленин и крестьянин-чуваши. Они вышли из кабинета и по красному ковру идут в сторону зрителя. Их лица озарены улыбками – собеседники довольны состоявшейся беседой по важнейшим вопросам современной жизни в стране, избравшей новый путь развития. За ними виднеется третий участник «важного государственного разговора» – молодой селянин. В картине представлены разные слои населения, ожидающие приема – от крестьян, рабочих и моряка до работников государственных учреждений. Своим

психологическим состоянием выделяется «важный» иностранец с портфелем. Обращает на себя внимание и «деловой» человек, сидящий рядом с ним. Глядя на карманные часы, он прикидывает, сколько драгоценного времени уже потеряно в ожидании приема...

Во второй половине XX в. своей творческой активностью Н.В. Овчинников значительно выделялся из мастеров чувашского изобразительного искусства второго поколения. Оставаясь верным избранной тематике, он первым отражал в искусстве живописи самые значительные события в стране и республике. В историю отечественного искусства художник вошел как яркий мастер живописи, воспевший тему освоения космоса, открыв ее работой «Здравствуйте, земляки!» (1962). В ней отражена сцена приезда славного сына чувашского народа Космонавта № 3 Андрияна Григорьевича Николаева на родину. По художественному замыслу с этим произведением созвучно полотно «А.Г. Николаев среди чебоксарских текстильщиц» (1963).

Центральное место в космической теме Н.В. Овчинникова занимает картина «Здравствуй, Земля!» (1963). Работу над ней он начал в 1962 г. с непосредственного контакта и общения с космонавтами в Звездном городке. Эскизы будущей картины с волнением показал присутствующим героям космоса. Один из них выделил Ю.А. Гагарин и, взяв его в руки, обратился к присутствующим: «Вот этот красочный эскиз мне нравится. Здесь Андрей мужественный и красивый. (Космонавты звали Андрияна Григорьевича Андреем.) Он только-только приземлился, не успел еще и снять свой костюм... Держит в руках ромашки, сорванные на лугу, и как бы говорит: “Здравствуй, Земля! Вот я, твой сын, явился опять на родину”. На мой взгляд, художник решает тему убедительно и красочно... Как вы думаете, друзья? Доверим художнику выполнение картины согласно данному эскизу?» [1, с. 75].

Живописец далее вспоминает: «Все подошли к Гагарину, внимательно еще раз рассмотрели указанный эскиз, где Николаев в красно-оранжевом скафандре был изображен на фоне цветущей травы, и выразили общее согласие. Гагарин, как бы шутя, и в то же время очень серьезно сказал: “Мы все надеемся, что вы напишете хорошую картину. А земляк твой стоит этого”, — и крепко пожал мне руку, как бы говоря: эскиз еще только первый шаг, а впереди кропотливый труд в поте лица, чтобы создать настоящее произведение искусства» [1, с. 75–76]. Так художник получил персональный заказ на выполнение картины «Здравствуй, Земля!» от первого космонавта планеты.

Вскоре произведение было выполнено и показано на Всесоюзной выставке в Москве, посвященной 45-летию Советской армии. Здесь автор посмотрел на него самокритично, как бы «чужими» глазами, и, найдя отдельные недостатки в композиционном строе и в живописной трактовке, в 1964 г. создал второй вариант полотна «Здравствуй, Земля!». Картина, в том же году экспонированная на первой зональной выставке «Большая Волга» в Куйбышеве, а затем на очередной Всесоюзной выставке в Москве, была высоко оценена искусствоведами и зрителями. Оба варианта ныне являются собственностью Чувашского государственного художественного музея. Следует отметить также, что по заказу Дагестанского, Татарского и Удмуртского государственных художественных музеев автор выполнил повторы картины «Здравствуй, Земля!».

Рассматриваемую тему Н.В. Овчинников продолжил в 1967 г. полотнами «На родине. Свадьба в Шоршелах» и «В семье советских космонавтов». В первом показан прием А.Г. Николаева и В.В. Терешковой в Чувашии. Героев космоса встречают по народному обычаю – с хлебом и солью, домашним пивом и цветами. Им, побывавшим на орбите Земного шара, в бездонном пространстве Космоса, здесь, в небольшом уголке Земли, именуемом Шоршелы, радостно, тепло и уютно. Богатый, яркий колорит, улыбающиеся лица участников свадебного торжества создают приподнятое настроение и торжественную обстановку. Во второй работе в теплой дружеской обстановке представлены советские космонавты, отдыхающие на фоне березовой рощи в Звездном. В центре их внимания – маленькая Елена – дочь Валентины Терешковой и Андрияна Николаева.

Художник исполнил десятки произведений, отражающих тему строительства новых промышленных предприятий в столице республики, Чебоксарской ГЭС, газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» и г. Чебоксары. В пейзаже-картине «Начало» (1976) запечатлен начальный этап строительства грандиозного завода промышленных тракторов в Чебоксарах. Тогда же создано полотно «Утро на строительстве Чебоксарского тракторного завода». В насыщенной цветом, многофигурной тематической картине «Смена. Бригада депутата Верховного Совета СССР, лауреата премии ВЛКСМ Альберта Захарова» (1977) показаны строители, идущие по огромному заводскому цеху. За ними – молодыми, жизнерадостными и целеустремленными – видны результаты их труда – корпуса новых тракторов.

Заинтересовала живописца и тема, посвященная строительству Чебоксарской ГЭС. Помимо этюдов, написанных в период сооружения электростанции, в 1981 г. он создал запоминающееся полотно «Покорители. Строители Чебоксарской ГЭС» (Марийский государственный художественный музей). В нем представлены участники стройки, восторженно и с чувством исполненного долга воспринимающие момент перекрытия Волги. Картину можно назвать и «групповым портретом», где каждый герой индивидуален, но при этом все они пронизаны объединяющим чувством праздничности.

Непосредственно на строительстве магистрального газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, проходящего и по территории Чувашской Республики, в 1986 г. исполнены полотна: «Трудные километры (Строители газопровода “Уренгой – Помары – Ужгород”» и «Первопроходцы (Строители трассы Уренгой – Ужгород)». Отражая разные этапы строительных работ, автор представил в них газопроводчиков. В первой картине они заняты укладкой труб, а во второй – во время небольшого перерыва, когда можно чуть отдохнуть и оценивающе посмотреть на результаты своего труда. Соответствующий настрой на восприятие этих произведений создает состояние природы – в «Трудных километрах» хмуρο, сыро и неуютно, а «Первопроходцы» пронизаны солнечным светом.

В творческом наследии мастера немало работ, посвященных сельским труженикам – людям колхозной деревни. В начале 1960-х гг. исполнены «Портрет трактористки А.Я. Яковлевой» и «Бригадир-хмелевод колхоза “Звезда” С.К. Кузьмин». Сельская тема особенно увлекла его в колхозе им. космонавта А.Г. Николаева в Шоршелах, где работала творческая бригада чувашских художников под его руководством. В течение семи лет он написал здесь сотни этюдов, на основе которых создавались картины. Из них наиболее известны: «Стройотрядов-

цы», «На току», парный портрет молодых тружениц в полотне «Осенние улыбки», портрет-картина «Пора», где на ниве среди спелой пшеницы представлен Герой Социалистического Труда, председатель колхоза В.В. Зайцев. Тогда же созданы портреты: «Мать космонавта Анна Алексеевна Николаева», «Комбайнеры братья М. и В. Волины», «Зоотехник Н. Сергеева», «Белова» и мн. др. Написаны также пейзажи в сочетании с жанровыми мотивами.

В Шоршелах художника более всего заинтересовала и увлекла тема материнства. В страдную пору он наблюдал, как в обеденный перерыв молодым матерям приносили младенцев и они, оставив на время работу, грудью кормили малышей. Именно тогда он задумал воспеть неугасающую в мировом искусстве тему Материнства. Николай Васильевич вспоминает: «Я задумал жанровую сцену и не оставлял бесконечные поиски... Материнство — вечная тема в искусстве, ибо мать — символ вечного продолжения жизни на земле. Мне хотелось отобразить ее весомо, я бы сказал, монументально, отбросив все лишнее, бытовое. В заключительном решении бурты золотой пшеницы заполнили холст, на рассыпанных зернах на току восседает мать, ласково наклонив голову и придерживая рукой младенца, кормит его грудью. Она торжественно и празднично одета — вся в белом, ибо труд и дети для матери — великий праздник» [1, с. 82]. В итоге Мастер создал выдающееся произведение — «Страда. Мать». В отечественном и зарубежном искусстве картина известна и как «Чувашская мадонна».

Чтобы осветить тему войны в творчестве Н.В. Овчинникова, немного перелистаем назад страницы биографии художника. Осенью 1939 г. его призвали в Красную Армию. По этой причине он не успел приступить к учебе на живописном факультете Института им. И.Е. Репина, куда был зачислен после сдачи вступительных экзаменов. Будучи красноармейцем, участвовал в войнах с белофиннами и фашистской Германией. Вспоминая суровые военные годы, художник пишет о ранении в голову и потере боевых товарищей из своего взвода на станции Ефимовская под Тихвином: «Этот день самый трудный в моей жизни. И ничем не восполнить потери друзей. Вечная им память». А его самого от неминуемой гибели тогда спасло произведение художественной литературы: «Когда, наконец, я очнулся, то оказалось, что мой вещмешок, который все время был у меня за плечами, пробит осколком, и кусок смертоносного металла застрял в страницах книги Достоевского “Записки из Мертвого дома”. Так встретилась моя судьба с великим русским писателем на дорогах Отечественной войны» [1, с. 43].

В годы войны художник не расставался с карандашом, а при возможности — и с кистью. Когда позволяла обстановка, делал зарисовки со своих боевых товарищей, иногда запечатлевал их в живописных портретах. Тема войны в творческом наследии художника ныне представлена сохранившимися живописными и графическими портретами. Вот лишь некоторые из них: «Раненый танкист. Ленинградский фронт» (1941); «Портрет старшего лейтенанта Героя Советского Союза М. Окорокова» (1944); «Портрет гвардии старшины танкиста Киндякова» (1944); «Гвардии капитан Бобышкин» (1945). В этом же ряду следует назвать «Автопортрет» и портрет жены — «Начальник санслужбы 22-го отдельного танкового батальона, военврач Н.И. Овчинникова» (1944).

В 1949 г., незадолго до окончания Академии художеств, исполнена батальная картина «К.Е. Ворошилов на Ленинградском фронте». В год 30-летия Великой Победы (1975) написаны портреты: «Генерал А.В. Чапаев», «А.Г. Буханец —

гвардии полковник», «Ф.Н. Орлов – Герой Советского Союза». В год 40-й годовщины Великой Победы создана картина «Память. Групповой портрет ветеранов войны. Герои Советского Союза Ф.Н. Орлов, Н.М. Дудецкий и гвардии полковник А.Г. Буханец». Запечатлена их встреча в Мемориальном парке «Победа» в Чебоксарах 9 мая 1985 г. За ними на полотне виднеются участники праздника, фрагмент мемориального комплекса с монументом Воинской Славы, посвященным воинам, павшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и волжский пейзаж с продвигающимися облаками. Новое поколение советских военнослужащих представляет портрет «Воин-интернационалист В.А. Кузьмин» (1988).

В 1995 г. Н.В. Овчинников вернулся к теме войны и создал картину глубокого философского содержания «Победитель», которую невозможно разглядывать равнодушным взглядом. Это совершенно новый, более очеловеченный подход к решению военной темы. На полотне, излучающем далеко не праздничное настроение, изображен пожилой участник Великой Отечественной войны в День Победы 9 мая 1995 г. Ветеран с уставшим лицом, угасающим взглядом и натруженными жилистыми руками сидит в полусогнутом положении спиной к поминальному столу. За ним его черный пиджак, на котором виднеются награды за боевые заслуги. Возможно, он только что вернулся с праздничных мероприятий, где встретил далеко не всех друзей-фронтовиков... И победитель невольно погрузился в тяжелые мысли о Великой Отечественной войне, недавно рухнувшей стране Советов, проблемах современной жизни... К нему прижался мальчик, скорее всего, правнук, с такими же печальными глазами, как и у прадеда в день пятидесятой годовщины Великой Победы... Эта картина относится к числу лучших творений Овчинникова. Она затрагивает не только тему о судьбе ветеранов, но и тему священной памяти, скорби и воспоминаний о прошлых войнах. Важно заметить, что предтечей «Победителя» воспринимается мастерски исполненный «Автопортрет», в котором запечатлен весь глубокий мир раздумий и переживаний автора. Он создан в 1992 г. – когда распалась советская страна.

Сильной стороной художника являются портреты современников – советских людей разных профессий, созданные на протяжении всей творческой жизни. Они свидетельствуют, что Н.В. Овчинников был тонким художником-психологом. Особо выделяются портреты деятелей литературы и искусства. Назовем лишь некоторые из них. Живописные: «Художник Ю.А. Зайцев» (1964), «Портрет народного поэта Чувашии П. Хузангая» (1967), «Портрет чувашского драматурга Н. Терентьева» (1967), «Портрет чувашского писателя Н. Ильбекова» (1967), «Поэт Яков Ухсай» (1975), «Л.Я. Агаков» (1975), «Профессор М.Р. Федотов» (1994), «Поэт Юрий Семендер» (1998). Графические: «Драматург, врач Петр Осипов» (1973), «Композитор Григорий Хирбю» (1973), «Раиса Сарби» (1981). На сочетании портретного и пейзажного жанров исполнена картина «К.В. Иванов во время работы над поэмой «Нарспи» (1988. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова). Портретом-картиной воспринимается и полотно «Вызов моря. М. Сеспель в Крыму в 1921 году», созданное в год столетия поэта-трибуна (1999), оно ныне украшает Мариинско-Посадскую художественную галерею.

Весьма показательны в биографии Н.В. Овчинникова последние два с лишним десятилетия его активной творческой деятельности в разных жанрах живописи. Как и все соотечественники, в этот период он был свидетелем крутых пе-

реломов в истории страны, начиная с горбачевской перестройки и до развала СССР. Как члену КПСС с 1943 г., ему пришлось пережить крах идеологической платформы — основы государственной политики во всех сферах жизни и деятельности общества. Как и в минувшие десятилетия, он и в этот период продолжал увлеченно работать, значительно расширив тематический диапазон живописных полотен. В историческом жанре написаны картины: выше отмеченная — «Извините, был важный государственный разговор. В приемной В.И. Ленина», «А.С. Пушкин и Н.Я. Бичурин в Петербурге» (1995), «И.Я. Яковлев на приеме у государя Николая II» (1997), «Школа И.Я. Яковлева на Нижегородской ярмарке в 1896 году» (1998), «У родника. А.С. Пушкин в Чувашии» (1998), «Чуваши в гостях у Ивана Грозного. 1551 год» (2003) и ряд других.

Самым выдающимся произведением не только в творческом наследии Н.В. Овчинникова, но и во всей чувашской живописи, стало грандиозное по масштабам полотно «Навеки вместе» (1980–1985). Оно посвящено реальному историческому событию, происходившему осенью 1552 г. на Волге близ г. Свияжска, когда чувашский народ изъявил желание добровольно войти в состав Русского государства. Определившая судьбу родного народа тема решена в торжественно-праздничном ключе, с использованием известных автору средств реалистической живописи.

В этот же период создавались работы, воскрешающие страницы быта из прошлой жизни родного народа: «Беление холста» (1989), «Былое. Чувашская невеста» (1990), а также картина-символ философского содержания «Древо жизни» (1995). Как всегда, художник много и плодотворно работал в портретном и пейзажном жанрах.

Год за годом, десятилетие за десятилетием Н.В. Овчинников неустанно отражал советскую действительность, внося огромный вклад в разработку данной темы в национальное изобразительное искусство. Его личное мироощущение совпадало с пониманием требований времени. Художника трудно обвинить в конъюнктурных целях, он воспевал происходящие события искренне и восторженно, всегда оперативно откликаясь на идеи, выдвигаемые государством. Советская действительность, вошедшая в его творчество сначала в связи с образом Ленина, нашла дальнейшее развитие и в последующих произведениях мастера. Среди них особо выделяется «Первая борозда» (два варианта). Художник талантливо проявил себя и в совершенно новой теме в советском искусстве — теме освоения космического пространства. Живописцем масштабно отражена советская действительность в произведениях, показывающих строительство крупных предприятий, гидроэлектростанции, газопровода. Н.В. Овчинников не обошел своим вниманием и сельских тружеников, чьи заботы он хорошо знал с раннего детства. В колхозе им. космонавта А.Г. Николаева в Шоршелах открыл для себя тему материнства и уникальным произведением «Страда. Мать» (Чувашская мадонна) обогатил не только чувашскую, но и отечественную живопись.

Оставаясь в хорошей творческой форме, Николай Васильевич Овчинников до последних дней своей жизни (скончался 18 февраля 2004 г.), как и во все периоды творчества, продолжал создавать произведения в реалистическом направлении. И по сей день они продолжают вызывать неугасающее внимание и пылкий интерес как у соотечественников, так и у зрителей и коллекционеров из других стран.

Список литературы

1. Овчинников Н.В. Миг между прошлым и будущим. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1998. 126 с.

U.V. Viktorov

SOVIET REALITY IN THE WORKS OF
ARTIST NIKOLAY OVCHINNIKOV

Annotation. One of the leading Chuvash artists of the second generation was N.V. Ovchinnikov, who played an important role in the progressive development of Chuvash fine art in the second half of the XX – beginning of the XXI century. He reflected the soviet reality in many ways in paintings performed in the historical, every day and portrait genres. The article refers to the master's paintings that reflect Lenin's theme, the theme of the great Patriotic war, space exploration, construction, rural life, and mother hood.

Keywords: N.V. Ovchinnikov, Chuvash fine art, I.E. Repin Institute, Soviet reality, image of V.I. Lenin, Great Patriotic war, space theme.

В.В. Никифорова

МЕЧТЫ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ И РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается развитие социальной фантастики в чувашской литературе. В жанрах социальной фантастики (прежде всего – утопии и антиутопии) в центре внимания находится то или иное государственное устройство, общественный строй. В них создается художественный образ страны в определенной, предполагаемой точке ее существования. Такие произведения становятся актуальными в периоды революционных преобразований, переходные периоды.

Ключевые слова: чувашская литература, социальная фантастика, утопия, антиутопия, художественный образ страны, идеальное государство, советская действительность, перестройка.

...Сколь прекрасен этот новый мир,
В котором есть такие люди!
У. Шекспир, «Буря» (1612)

Таватпӑр эпӗр ҫӗн тӗнче,
Ӱсетпӗр патваррӑн, пит меллӗн.
Пирӗн ӗмӗт – мӗнпур ҫӗр ҫинче
Тӑвас пурнӑҫа телейлӗ*.
А. Петтоки, «Ҫирӗм иккӗ» (1931)

Мечты о «прекрасном новом мире» или о счастливом обществе волновали человечество постоянно. В художественной литературе особую актуальность они получают в XX в. В мировой словесности прошлого столетия происходит интенсивное развитие так называемой социальной фантастики. Авторы, проявившие себя в данной области, создают такие проекты, модели и формы общества, каких не может быть в реальности. Развитие данного сегмента литературы во многом было обусловлено противостоянием между капиталистическим Западом и коммунистическим обществом. Наиболее известными формами здесь являются жанры утопии и антиутопии.

Именно в жанрах социальной фантастики основным объектом внимания становится то или иное государственное устройство, общественный строй. В таких произведениях складывается художественный образ страны в определенной, предполагаемой точке ее существования. Причем жанры становятся актуальными в переходные периоды, периоды революционных преобразований. В другие времена на их появление особого внимания не обращают.

Произведения, в которых основным объектом художественного осмысления является сложившаяся или складывающаяся государственная система, в чувашской литературе относительно немногочисленны. Появились они в периоды кардинальных перемен в социально-политическом устройстве страны: после Ок-

* Создаем мы новый мир, / Растем очень сильными и ловкими. / Наша мечта – на всей земле / Сделать жизнь счастливой. – Подстр. перевод здесь и далее наш – В.Н.

тябрьской революции 1917 г. и перестройки (1985–1991). В данной статье поставлена цель проанализировать наиболее заметные примеры.

Следует отметить, что в отечественном и зарубежном литературоведении исследовательских работ по жанрам социальной фантастики, и, в первую очередь, по утопии и антиутопии, достаточно много [4–6; 11; 15; 17; 18].

В небольшой статье мы имеем возможность остановиться лишь на некоторых теоретических положениях, которые являются наиболее общими в литературоведении. «Утопия (др.-греч. *τοπος* – «место», *ου-τοπος* – «не место», «место, которого нет») – жанр художественной литературы, близкий к научной фантастике, описывающий модель идеального, с точки зрения автора, общества» [19]. Все утопические концепции основаны на неприятии существующей действительности и строят иной мир – идеальное общество, отличаются верой автора в безупречность модели. Первой утопией в истории мировой литературы принято считать диалог Платона «Государство» (360 г. до н.э.). Но формирование утопии как литературного жанра многие исследователи связывают с именем английского философа и писателя-гуманиста Томаса Мора и его сочинением «Утопия» (1516).

Определение «антиутопии», как сразу можно понять из названия, имеет противоположное значение. Общий план термина представлен следующим образом: «Антиутопия (англ. *dystopia*) – направление в художественной литературе и кино, в узком смысле – описание тоталитарного государства, в широком смысле – любого общества, в котором возобладали негативные тенденции развития. Антиутопия является полной противоположностью утопии» [20]. Термин «антиутопия» как название литературного жанра появился лишь в XX в. Американский политолог, профессор философии Гленн Роберт Негли и профессор английской литературы Джон Макс Патрик при составлении антологии утопических произведений «В поисках утопии: антология воображаемых обществ» (1952), выделили некоторые из них в отдельную категорию дистопии (*dystopia* – нечто, разрушающее утопию, противоположное ей).

«В середине 1960-х термин “антиутопия” (*anti-utopia*) появляется в советской, а позднее – и в англоязычной критике. Есть мнение, что англ. *anti-utopia* и англ. *dystopia* – синонимы. Существует также точка зрения (как в России, так и за рубежом), различающая антиутопию и дистопию. Согласно ей, в то время как дистопия – это «победа сил разума над силами добра», абсолютная антитеза утопии, антиутопия – это лишь отрицание принципа утопии, представляющее больше степеней свободы. Тем не менее, термин «антиутопия» распространен гораздо шире и обычно подразумевается в значении *dystopia*» [21].

Антиутопия как жанр формировалась длительное время. Развитие утопических идей в художественной литературе не могло обойтись без появления антагонистических идей. В качестве первой антиутопии нередко называется сочинение английского философа Томаса Гоббса «Левиафан» (1651). Автор произведения утверждает, что отрицательные стороны человеческой природы (эгоизм, корыстолюбие и др.) может смирить только сильное авторитарное государство, наподобие библейского чудовища Левиафана. Одним из первых антиутопических сюжетов также называют летающий остров Лапута в третьей книге «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта (1727), на котором живут ученые, практически оторванные от реальной жизни.

Есть немало точек соприкосновения у данных жанров: и там, и здесь регламентированность жизни; сюжеты, как правило, основываются на перемещении героев из реальной жизни в фантастическую реальность (сны, видения) и т.д. Одно из основных различий – в утопии изображается идеал, в антиутопии он развенчивается.

В чувашском литературоведении жанры социальной фантастики отдельно не изучались. Есть небольшие подступы к проблеме в некоторых работах [9, с. 253, 254; 10, с. 341, 342].

Революция 1917 г. кардинально изменила жизнь страны, что не могло не отразиться в литературе. Вскоре после нее в чувашской литературе, как и в других национальных литературах, появляются произведения, в которых отражаются мечты нового уже общества о новой жизни. Первым и наиболее известным примером является «драматический эскиз в 5 действиях. Утопия» [8, с. 37] Г.В. Зайцева (Тал-Мрзы) (1895–1921) «*Şĕнĕ пурнăç шурампусĕ*» (На заре новой жизни, 1919). Жанровое определение пьесы автором было неоднозначным. В другом из вариантов Г. Тал-Мрза определил свою драму как «социальная пьеса в 5 действиях» [12, с. 307]. Тем не менее, уверенно можно говорить о показе в данном произведении картины идеального общества, где живут счастливые люди, то есть утопических идей. Автор пьесы попытался выстроить контуры «новой жизни», наступление которой «совсем не за горами».

Г.В. Тал-Мрза был интеллектуально образованным человеком своего времени и личностью, интуитивно ощущавшей изменения в культурном пространстве. Вероятнее всего, он был неплохо знаком с русской литературой XIX в., в особенности с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать» (1863). В «снах» Веры Павловны, как известно, реализовались идеи революционных демократов о будущем коммунистическом обществе. Позже были опубликованы и другие утопические произведения, например, роман А. Богданова «Красная Звезда» (1908) и др. Читал ли Г. Тал-Мрза эти произведения, нам неизвестно. В 1919 г. в переводе Г. Тал-Мрзы на чувашский язык была издана книга русского журналиста и прозаика Г. Устинова «Коммуна́ра» (В коммуне, 1918). В небольшом предисловии переводчик говорит о полезности книги, которая рассказывает об особенностях жизни в коммуне, о ее врагах и друзьях, и о том, как противостоять врагам. Без сомнения, идеи и мотивы данного произведения оказали влияние на пьесу чувашского драматурга.

Мечты постреволюционного общества об идеальном государстве воплотились в коммуне, организованной среди чувашей. Все члены этой коммуны имеют равные права, собственность принадлежит одновременно всем. Созданы все условия для развития каждого члена. После работы жители слушают лекции на разные актуальные темы, либо читают книги. Надо отметить, что некоторые мечты того времени и того общества все же сбылись. Один из членов коммуны создает машины и придумал средство от коррозии, другой пытается сделать беспроводной телефон, третий – электричество: «*Пĕри пур, тĕрлĕ машинăсем тăвать. Нумай пулмасть тимĕре тутăхасран чаракан эмел шухăшласа кăларчĕ. Тепри пралккасăр телехвон тума муталанать. Тата пĕр вĕренменскерех электричество тăвасшăн, электричество тăвакан машинине шыв армана лартасшăн*» [12, с. 137].

Г. Тал-Мрзу, как и других авторов утопий данного периода, волновали в первую очередь глобальные проблемы – какими должны быть новое общество и

новое государство. В связи с этим писатели-утописты практически не уделяют внимания отдельной личности, характеры в таких произведениях психологически не разработаны. Первоочередной задачей утопии является указание миру светлого пути к совершенству, то есть создание общих контуров. Поэтому вполне логично, что действующие лица пьесы (староста коммуны, библиотекарь) Г. Тал-Мрзы местами выступают как резонеры идей автора. Не совсем убедительным является в пьесе быстрый переход попа на сторону «коммунистов». Хотя идея о том, что «Христос сам был социалистом» [12, с. 140] многое объясняет. Первостепенное значение здесь имеет пафос произведения – воодушевление, энтузиазм, вера и надежда, которые пронизывают его насквозь. По большому счету, можно сделать вывод о том, что в жанре утопии художественное сознание находится в тесной взаимосвязи с философской, научной и публицистической мыслью.

В постреволюционной литературе формируется традиция карикатурного изображения представителей «старого мира». В пьесе «На заре новой жизни» Г. Тал-Мрзы они также имеют «говорящие» фамилии (Хамовский, Шкурников, Живодеров). В данной утопии немалое значение имеют образы-символы. Крестьяне, чтобы вступить в коммуну, приходят из деревни *Лачака пӓтти* (Топпи). Само название пьесы имеет символическое значение, время в ней – «заря новой жизни». Пьеса не была опубликована, но была поставлена на сцене [12, с. 307], режиссером выступил сам Г. Тал-Мрза. В пьесе важное значение имеет мысль о том, чтобы на земле построить государство, где будет царить равенство, свобода и справедливость, сегодня всем нужно трудиться, не покладая рук: и старым, и малым, и образованным, и не образованным.

Драма Г. Тал-Мрзы, по большому счету, остается классикой жанра. В ней проявились такие характерные признаки утопии, как изображение идеального общества и критика реально существующего мира; описательность; хронотоп, характеризующийся замкнутостью пространства и особым «неисторическим» временем. Мир утопии располагается вне привычных времени и пространства. Он может помещаться либо в странах на другом конце Земли (порой за ее пределами), либо переноситься в «прекрасное будущее», воплотившее в жизнь светлые чаяния современного человечества. В творчестве Г. Тал-Мрзы, как видим, реализовался второй вариант. Следует напомнить, что в Чувашии были реально созданы сельскохозяйственные коммуны после 1918 г. [2]. Г. Тал-Мрзе эти факты, естественно, были известны и могли послужить еще одной отправной точкой для написания пьесы.

Мечты об идеальном государстве, шире – о счастливом, безмятежном будущем ярко отразились в чувашской поэзии 1920–1930 гг. Поэтический стиль нового времени складывался из сплава реализма, романтизма, символизма, футуризма, имажинизма. «Новые чувашские поэты» (Сӓн чӓвашӓн сӓн поӓчӓ) пробовали неизвестное, творили с огромным воодушевлением, стремились идти в ногу со временем. Применительно к поэзии мы не можем говорить об оформленных утопиях, а лишь об утопических настроениях, которые в целом были характерны для многих советских авторов первых послереволюционных лет (пролетарские поэты, В. Маяковский и др.).

В поэзии М. Сеспеля (1899–1922) и последующих авторов 1920-х гг. проявилась искренняя твердая вера в осуществимость новых идеалов [«Пуласси» (Грядущее, 1918), «Сӓн кун аки» (Пашня Нового дня, 1921), «Хурӓй шанчӓк»

(Стальная вера, 1921)]. Сеспель, в частности, вводит множество новых образов, олицетворяющих будущее общество: Новый день, Новая песня, Новый чуваш, Новый поэт. Строительство новой жизни и нового государства нашло заметное отражение в произведениях А. Петтоки «Тёнче кёвви» (Музыка мира, 1926), «Ѕи-ѳём» (Молния, 1928), «Романтикӓлла тёлёрӓ» (Романтические грезы, 1933), «Тёнчен ѳёнё кёвви» (Новая музыка мира, 1936); П. Хузангая «Паянхи поэма» (Сегодняшняя поэма, 1930), «Магнитту» (Магнит-гора, 1932) и многих других авторов.

В 1930-е гг. художественная утопия в чистом виде объективно не могла развиваться (впрочем, и антиутопия тоже). Функции художественной утопии постепенно переходили к литературе социалистического реализма. Иными словами, мечты об идеальном государстве реализовались в произведениях, которые конструировали новое счастливое общество — такое, *каким* оно должно было быть, то есть как уже будто бы построенное общество. В качестве примера обратимся к творчеству талантливого чувашского писателя и поэта И.Е. Тхти (1889—1938). В его поэме «Самана сӓвви» (Поэзия современности, 1935—1937) отразились характерные тенденции в изображении настоящей жизни, равнозначной будущему обществу:

Ёсленипе, тивёспе,
Патшалӓхӓн йёркипе
Ѕёнё пурнёѳ тивлетлӓ.
<...>

Совет йёрки — ёѳ йёрки
Ёслекене тем те пур...
<...>

Совет Союз ѳёрёпе
Самани халь ѳакнашкал,
Большевикла самана —
Тыра-пула пулахла,
Вылях-чёрлӓх тӓлевлӓ,
Вӓрман-ѳаран пыллахла,
Совет пурнӓѳ телейлӓ,
Пулса пырать йӓӓӓлӓ,
Халӓхӓ те хунавӓ.

Тёрлӓ халӓх массине
Револуци культурне
Парти пама пӓлнӓрен
Ѕавӓ ёѳсем пулаѳѳӓ
Юмахра мар, пурнӓѳра,
Хамӓр пурнан кунӓулта.

По труду, заслуженно,
По правилам государства
Новая жизнь счастлива.
<...>

Советский образ жизни — организованный труд
Трудящемуся достанется многое.
<...>

По всему Советскому Союзу
Сейчас такое время,
Большевицкое время —
Урожай богатый,
Живность доходная,
Леса-луга медоносные,
Советская жизнь счастливая,
Организуется успешно,
Численность народа растёт.

В разные народные массы
Культурную революцию
Умеет партия проводить,
Получаются эти дела.
Не в сказке, а в жизни,
В нашей современности
[14, с. 203, 220, 221].

Поэма в некоторых местах обозначалась как «хроникум», а некоторые ее части публиковались в газете «Канаш» в 1936 г.

Творчество И. Тхти, который «крупно и выпукло подал образы наивности и наивного человека» [15, с. 154], явление многомерное [3, с. 47—79]. Даже если допустить иронию и сарказм поэта по отношению к изображаемым явлениям, складывается впечатление, что И. Тхти и большинство его современников где-то до середины 1930-х гг. верили во вновь создаваемые идеалы молодого государства. Без веры не было бы этого настойчивого, систематического и эмоционального восславления ими новой жизни. Среди немалого количества литературных

текстов с такой направленностью были, конечно, и произведения, выполнявшие соцзаказ, но они не стали эстетическим явлением и не оставили следа в истории литературы. Сомнения, разумеется, были тоже. И со временем они росли. У Тхти есть стихотворение «Шёвнӧ колхоз» (Слабый / Развалившийся колхоз, 1936, опубл. в 1979 г.), где рисуется неприглядная картина жизни в одном колхозе:

Савӧ шёвнӧ колхозӧн
 Ёсӧ-пусӧ пӧрмаях
 Тӧскаланчӧк, йӧркесӧр,
 Сапаланчӧк, киревсӧр
 Ялан пулса пынӧ, тет.

В этом разрушающемся колхозе
 Дела все время
 Медлительно, неорганизованно,
 Беспорядочно, безобразно
 Всегда, говорят, шли [14, с. 226].

Подозрения в верности выбранного курса проявились уже в начале 1920-х гг., что, опять-таки, становится заметным начиная с творчества Сеспеля [«Кёпер хывӧр!» (Проложите мост! 1921), «Хёрлӧ-хёрлӧ, хёрлӧ мӧкӧньсем...» (Маки красные, что там, вдали... 1922), «Паянтан» (Отныне, 1922)]. Явно отразилось это и в драматургии, которая в данный период стремительно развивалась. В пьесе П. Осипова «Кӧкламан тымарсем» (Взмет, 1924) родные люди оказываются по разные стороны баррикад, семья отрекается от мужа и отца по идеологическим причинам. В пьесе «Вӧрӧллӧ коммунизм» (Военный коммунизм) Педера Митри (П. Димитриева) 19–20-летние борцы за коммунизм полшутя вовлекают в жестокие игры более младших, в результате чего одиннадцатилетний подросток считает возможным прицеливаться в мать из револьвера и т.д. Но произведений с антиутопическими настроениями в данный период в чувашской литературе все же не было создано.

Особо следует отметить, что произведениях Тхти, как и у Тал-Мрзы, а также и у других авторов, важное значение имеет идея о том, что счастливой жизни можно достичь, только если все будут хорошо трудиться. Очевидно, что данное убеждение основывается на национальных традициях — трудолюбие является одной из характерных черт чувашей.

В бесконфликтной драматургии первого десятилетия после Великой Отечественной войны отчасти также реализовались минимальные утопические конструкции: зажиточные деревни, богатые колхозы, передовые фермы. Позже они переходят в другую разновидность — однотипные сюжеты, освещающие достижения современности и социалистического общества, основанные часто на изображении конфликта между руководителем старой формации и молодым, прогрессивным руководителем (художественно-публицистические произведения). Данные схемы, видоизменяясь, сохранились вплоть до начала 1990-х гг. Но в творчестве отдельных писателей критическое отношение к существующей действительности отразилось еще до перестройки. В частности, в пьесах Н. Терентьева поводом для размышления стали насущные проблемы села: укрупнение колхозов в ущерб малым деревням, командно-административная система управления, отсутствие оплаты за трудодни, эрозия земли и т.д. [«Кайри мала, хуркайӧксем!» (Помогите ведущему, журавли! 1967), «Чӧре суннӧран» (Колокола души, 1982) и др.].

В чувашской литературе следующей волной, ярко отразившей проблемы государственного устройства, стал постперестроечный период. Особым образом они реализовались в творчестве Николая Максимова (р. в 1944 г.) и Юрия Терентьева (1961–1996). Их произведения, с нашей точки зрения, в целом близки жанру антиутопии.

История российской антиутопии имеет давние традиции. Еще до общеизвестного романа Е. Замятина были созданы антиутопические произведения Н. Федорова (повесть «Вечер в 2217 году», 1906), В. Брюсова (роман «Семь земных соблазнов», 1911), Е. Зозули (рассказ «Гибель Главного города», 1918) и др. В 1920–1930-е гг. были написаны роман «Мы» (1920) Е. Замятина, роман «Чевенгур» (1929) и повесть «Котлован» (1930) А. Платонова и др.

Роман «Мы»* Е. Замятина большинством исследователей считается главным романом-антиутопией, в котором проявился полностью сформированный жанр. После публикации 1927 г. власти СССР в романе Замятина усмотрели карикатуру на светлое коммунистическое общество будущего и запретили его издание на родине. Писатель в своей книге попытался проследить развитие общества после 1917 г., представил возможный негативный проект Единого Государства. Он увидел, что при определенных условиях вместо счастливого общества, о котором мечтали поколения, может появиться казарменный строй, где обезличенное «нумера» станут послушной и пассивной частью «мы». Вполне оправдано, что это произведение воспринимается как роман-предупреждение. Сюжетные линии и тропы Е. Замятина были развиты последующими авторами антиутопий [О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), Д. Оруэлл «1984» (1949)]. Это абсолютный тоталитаризм, нивелирование членов данного общества, хирургические операции по «промывке мозгов», регламентация всех сфер жизни, безуспешный бунт против системы и др.

Жанр романа «Тайлак сын тёлёкё» (Сон шизофреника, 1991) чувашского писателя Н. Максимова определен автором как «фантазмагория». Она часто используется в литературе как сатирический прием, наряду с гротеском, и применяется в тех случаях, когда автор поставил себе цель высмеять и развенчать существующее общество. Писатель гиперболизирует карикатурные черты персонажей, изображаемые явления становятся ярче и сильнее бросаются в глаза. Слияние реальности и вымысла, мечты и сновидения, грезы наяву — образуют новую реальность, где возможны невероятные события. Н. Максимов расширил функции сатирического приема и посчитал возможным интерпретировать его на уровне жанра.

Основная сюжетная линия романа напоминает сюжет фильма «Назад в будущее» (1985, режиссер Р. Земекис). Но это всего лишь самое поверхностное и формальное сходство. Насколько нам известно, чувашский писатель даже не был знаком с данным фильмом. Его интерес обусловлен общественно-политической ситуацией в стране. Следует отметить, что сюжетный ход «возврата в прошлое» в мировом культурном пространстве периодически встречается и в дальнейшем. В частности, в 2010 г. вышел российский фильм «Назад, в СССР» (реж. В. Рожнов), где главный герой отправляется в 1975 г.

Пространство антиутопии — это замкнутая система, которая нивелирует человеческую индивидуальность. Отдельные личности превращаются в «винтики» существующего общественного строя и государства. В структуре произведений это «большинство» является одним из основных типов героев. «Большинству» противостоят герои-одиночки: «герой-мятежник» и «герой диктатор» (властитель, лицо у власти). Такова ситуация и в романе Н. Максимова. Главный герой Лев Ар-

* Опубликован впервые в 1924 г. на англ. языке в США, в 1927 г. фрагменты на рус. языке во Франции, в 1952 г. полностью на рус. языке в США, в СССР — 1988 г.

харов, электрик с высшим образованием одного жилищно-эксплуатационного управления г. Верхограда, из 1991 г. необычайным образом оказывается в прошлом, в 1951 г. В одном из своих «фантазмагорических» снов он поспорил с Большим Председателем, который был одним из руководителей перестройки, что народ и без них может обойтись, и обещал ему обустроить жизнь так, «чтобы всем было хорошо». Это традиционный конфликт для произведений с антиутопической направленностью: противостояние личности и власти, государства. В данном случае — Льва Архарова, «представителя пролетариата», и руководящего класса.

Архаров попадает в колхоз «Красный коммунизм», в село Мохово. Реалии этого времени производят удручающее впечатление: покосившиеся избы, крытые тесом или соломой, керосиновая лампа в домах; управленцы-физкультурники, заставляющие колхозников раньше времени начинать жатву, которых развелось до такой степени, что «барин на барине сидит и барином погоняет»; тотальный контроль над мыслями и поступками жителей и непосильные налоги. Но здесь, оказывается, приступили к строительству дома коммунизма, или солнечного дома. Окна в нем должны будут выходить во все стороны, и в каждое из них должно будет светить солнце. Лучшие плотники округа несколько раз переделявали строение, но никак не получалось у них так, чтобы солнце со всех сторон светило одинаково. Невозможность претворить в жизнь эту мечту приобретает символическое значение: коммунизм в отдельно взятой стране построить не удалось ни к 1980 г., как было обещано коммунистическим вождем, ни позже. Еще сидя в окопах, это поколение мечтало, как после победы они заживут по-человечески, не хуже немцев, которых победили. Но просвета не видно. А в 1991 г. станет еще хуже. По выражению Архарова, «не станет ничего. Эти кильки в томатном соусе, лежащие в вашем сельмаге целыми пирамидами, тогда покажутся деликатесами. Для простых людей не будет ни одежды, ни обуви, ни мебели, ни тетрадей, ни спичек, ни соли — ничего» [7, с. 475]. Н. Максимов на основе двух реальных периодов в истории страны в сочетании с вымыслом создал новую условную реальность. В нее естественным образом вписываются и сабля-луч Архарова, которая миг уничтожает любую цель; и декларация о суверенитете республики Мохово, переданная по радиостанции «Голос свободы» с последующим приказом Сталина в течение трех суток смести с лица земли все село и т.д. Роман публицистичен, но в нем можно проследить развитие характера Архарова, который в конце начинает осознавать ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь сельчан.

Прозаик Ю. Терентьев появился в чувашской литературе в начале 1990-х гг. Прожил короткую жизнь, но оставил яркий след в чувашской литературе. Его творчество, без сомнения, можно расценивать как новый виток в развитии чувашской сатиры. Едва ли не все его произведения посвящены ситуации в стране периода перестройки и после. Уже в его ранней сатирической повести, написанной в 1988 г., открыто высказывается отношение многих его современников к политике государства. Один из героев прозаика, мэр районного центра, издает приказ приостановить перестройку, отказаться от гласности и демократии: «Мускав сĕнетĕ политикине сивленĕ пирки Касман Туртакасси хулинчи ёс сыннисене, организацисемпе учреждени пуслăхĕсене сĕнетĕве пурнăса кĕртме тăхтама, уссăнлăхпа демократие пăрахăслама хушатăп» [«Касман Туртакассинчи чап-чап

уйхә» (Медовый месяц в Касман Туртакассах)]. При этом портрет Горбачева он меняет на портрет Брежнева [13, с. 44].

В повестях Ю. Терентьева «Кремль сакки сарлака» (Широка скамья Кремля, 1991), «Коррида, самурайсем, е Анӑсран тухнӑ хӑвел» (Коррида, самураи, или Восход с запада, 1992), «Салхулӑ пӑлӑх» [Грустный пюлех, другое название – «Сурхи тӑлӑк» (Весенний сон, 1994)], «Мӑнкун иртсен – тунтикун» (После Пасхи — в понедельник, 1993) сильно ощутимы черты антиутопии и осмысливается не только чувашская действительность, но и процессы, происходящие во всей стране, в том числе в политике. Они выступают как пародия на общество периода «перестройки», современность и пугающее будущее — мир, которого не должно быть никогда. В них неразрывно связаны реальные и вымышленные планы. Важная роль принадлежит изображению карнавального сознания (пародии на лозунги и высокие речи, игра, шутовство — *мыскара*).

Герои произведений Ю. Терентьева, «по законам жанра», в основном схематичны. Они неординарны, даже эксцентричны. По наблюдениям исследователей, «герой антиутопии всегда эксцентричен. Он живет по законам *аттракциона*. <...> Собственно, в эксцентричности и «аттракционности» антиутопического героя нет ничего удивительного: ведь карнавал и есть торжество эксцентричности. Участники карнавала одновременно и зрители, и актеры, отсюда и аттракционность» [4]. Важную роль в структуре повествования играет сон: это не просто психологический прием, но и средство для выражения авторского мировоззрения и стиля.

В стиле автора особое значение имеют эпитет и сравнение: «”Застой” вӑхӑтӑнчи пек лӑпкӑ та ҫӑлтӑрлӑ ҫаҫ хуҫаланчӑ Шаклапуҫ ялӑнче. Йывӑс мӑлкисем хӑй вӑхӑтӑнче Европа тӑрӑх ҫапкаланса ҫӑренӑ коммунизм пек, мӑнаҫлӑн курӑнчӑҫ. Эх, сывлӑшӑ, сывлӑшӑ тата, Брежнев кӑмӑлӑ евӑр, питех те уҫӑ!» («Коррида, самураи, или Восход с запада») [13, с. 97]. Они являются частым элементом художественной ткани произведений и играют весьма важную роль в организации пародийной атмосферы.

В повести-анекдоте «Широка скамья Кремля» изображается мир перевернутых реалий и ценностей. «Раньшӑ это било парнографием, а сӑгодня эта искусства», — заявляет продавец, предлагающий низкопробные картинки Шпулькину, продемонстрировав при этом перлы современного красноречия: «Куй железо пака гарачо, дӑлай деньги — пока Гарпачов» [13, с. 105]. Дети, рожденные в период перестройки, не знают, что такое конфеты. Дефицит заставил жителей села Калиновки пойти на крайние меры: из полотен с лозунгами «Наше будущее — коммунизм!», «Слава советскому народу!» они сшили себе нижнее белье. Опыленные горячительным напитком и духом свободы периода перестройки, руководители села и депутат Шпулькин объявляют суверенитет села.

Повесть «Коррида, самураи, или Восход с запада» пародирует процесс приватизации в стране, к которому приступили, не зная, как его проводить. Попутно выяснилось, что в колхозе им. Лермонтова вместо воспринимаемого всеми памятника В.И. Ленину всю жизнь стоял памятник М.Ю. Лермонтову, держащего в руках книгу И.В. Сталина. Нелепость происходящих событий венчает солнце, вышедшее с запада. В сложившейся ситуации рациональную мысль высказывает председатель колхоза Хомич, и с ней соглашаются сельчане — заново собрать разрушенное хозяйство и организовать колхоз.

Повесть «После Пасхи – в понедельник» имеет аллегорический смысл. 1990-е гг. были временем массового народного увлечения экстрасенсорикой. Новая власть стремилась «усыпить бдительность» народа обещаниями улучшения их жизни посредством реформ, в результате же народ оказался в худшем положении. Поэтому нельзя не согласиться с выводами литературоведа В. Абрамова, который считал, что «такое гротескное изображение действительности и социальные выводы автора больше трагичны, нежели комичны, особенно в финале» [1, с. 123].

Сюжет повести Ю. Терентьева «Весенний сон» отчасти напоминает «Собачье сердце» (1925, в СССР опубликовано в 1987 г.) М. Булгакова, которую некоторые исследователи определяют как сатирическую социально-философскую повесть, близкую к антиутопии [22]. Горилла Карась при весьма загадочных обстоятельствах превращается в человека. Часть населения уверена, что это известный всем М. Горбачев. По их мнению, он и ему подобные совершили преступление против народа, а преступники должны жить за решеткой. Пюлех, который, оказывается, был «автором» такого превращения, заставляет задуматься ветеринара Василия Антоновича об исторической роли, силе России и значении ее для всего мира.

В художественном мире Ю. Терентьева причудливым образом сочетаются юмор и трагедия, гипербола и реальность, гротеск и душевные переживания, фантастика и элементы физиологического очерка. Прозаик пародирует и, по сути, доводит до абсурда стереотипы партийно-советской системы, демонстрирует негативные стороны жизни в стране периода «развитого социализма».

Складывается впечатление, что автор практически не вмешивается в развитие сюжета произведений, наблюдает за событиями как стороннее лицо. Это поверхностное впечатление, при более детальном исследовании его текстов, чувствуется, что он близко к сердцу воспринимает потрясения, происходящие в стране. Показывая нелепость своих героев и абсурдность сложившихся ситуаций, Ю. Терентьев развенчивает миф об идеальном государстве, которое на тот момент уже находится на стадии разрушения. В этих произведениях наблюдается явная стилизация народной речи. В контексте современности данные повести, должно быть, воспринимались как просто юмористические. Можно даже допустить, что молодой автор сам не осознавал всю трагичность разрушительных процессов, начавшихся в стране. Он просто фиксировал современную действительность. По прошествии времени «социально-политическая сатира» [1, с. 121] Ю. Терентьева обретает более глубокие смыслы.

Проанализированные произведения Н. Максимова и Ю. Терентьева, как уже было отмечено, не являются антиутопиями в чистом виде. Их можно воспринимать как произведения, близкие к антиутопии. Или же расценивать как произведения, исполняющие ее функции. В них сочетаются вымышленный и реальный планы. Разумеется, отсутствие классического варианта антиутопии или иного жанра не есть недостаток какой-либо национальной литературы и обусловлено объективными причинами. Во-первых, жанр сам по себе видоизменился к концу XX в., приобретя новые черты. В частности, все больше внимания уделяется изображению характера. Во-вторых, развитие литературных жанров в каждой национальной литературе происходит по собственному варианту. Для чувашского мышления чрезвычайно важна связь с реальностью, «ощущение почвы»;

позитивность мышления и надежда, которая, даже присутствуя в минимальной степени, сохраняется до конца (несмотря на трагическое мироощущение). В литературе это зримо выражается в сильной взаимосвязи фантастики с реализмом. Вследствие чего сама вероятность появления традиционной антиутопии в чувашской литературе очень мала.

В конце 1980-х – 1990-е гг. в чувашской литературе, как и во многих других национальных литературах, объектом пристального внимания становится трагический период в истории страны, период сталинских репрессий. Это повесть А. Артемьева «Пукра» (Куколь, 1979–1988), роман В. Синичкина «Хёвел ури» (Закат, 1981), повесть Д. Гордеева «Анаталла-тáвалла» (Поле жизни, 1988), повесть Л. Таллерова «Эрхип мánукё – Эрхип» (Архип – внук Архипа, 1989–1990), повесть Г. Краснова «Карач Иванов тата Берия» (Карач Иванов и Берия, 1988), рассказ Г. Максимова «Сталин грамоти» (Грамота Сталина, 1990), рассказы «Сталин ёни» (Сталинская корова), «Сталин икерчи» (Сталинская лепешка, 1990) Ф. Федорова, повесть «Зона» (1992) С. Мерченя, роман «Пархатар» (Достояние, 1999–2000) В. Эктеля и др. Они представляют собой реалистические исторические, мемуарные произведения. В них осмысливается период культа личности, когда государство в угоду светлого будущего для всех ни во что не ставило интересы отдельной личности, семьи, коллектива. Многие сюжеты имеют документальную основу. О проблемах общества и государства до и после перестройки было создано немало художественно-публицистических произведений (А. Емельянов, В. Эктель, Д. Гордеев, С. Павлов).

Рассказ Б. Чиндыкова «Возвращение хана» (1996, опубл. в 2000 г.), написанный на русском языке, представляет собой своеобразную деконструкцию современной общественно-политической ситуации в республике, феномена национального бытия. В нем присутствуют элементы антиутопии и пародии. Место действия – Йерская республика, события и лица – параллели реальной жизни. «Редиска монументё» (Монумент Редиски, 2011) Н. Максимова – «роман-фантазмагория, памфлет» (В. Абрамов), в сатирической форме интерпретирует современные события.

Следует добавить, что в современной чувашской литературе есть также реалистические произведения, в которых принципиально жестко критикуется существующая власть и общественно-политическая система. В частности, можно назвать социально-политический роман Ю. Сана «Упи каşман сырминчен...» (Над медвежьим оврагом, 2009). Но здесь критика современного общественно-политического устройства не является самоцелью, основное внимание все же направлено на художественное осмысление характеров героев.

Обобщая, подчеркнем, что утопия как литературный жанр призвана указать миру путь к идеальному будущему, совершенству. Антиутопия критикует государственную систему, разрушает прежние идеалы, предостерегает от ошибок, опасностей, которые ждут его на этом пути, доводя до абсурда определенные идеи.

Социальная фантастика будет актуальной всегда, так как одним из основных приоритетов такой литературы является все же показ человеческих взаимоотношений, но – в нетрадиционных условиях. Такая литература способна поменять мировоззрение читателя: наблюдая возможный вариант развития истории, он осмысливает заново свою современность.

Список литературы и источников

1. *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести: учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 132 с.
2. *Касимов Е.В.* Коммуна сельскохозяйственная // Чувашская энциклопедия. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2: Ж–Л. С. 301.
3. *Кириллова И.Ю.* Своеобразие художественного мира Илле Тхти: учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 156 с.
4. *Ланин Б.А.* Русская литературная антиутопия. М.: Б.и., 1993. 200 с.
5. *Ланин Б.* Анатомия литературной антиутопии. http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf. (дата обращения: 25.04.2020).
6. *Латынина Ю.Л.* Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992. 20 с.
7. *Максимов Н.Н.* Сон шизофреника // Место в жизни. Сон шизофреника: романы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. 574 с.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. V. Ед. хр. 143. Инв. № 779.
9. *Никифорова В.В.* Георгий Тал-Мрса. Истори драми сурални // XX ёмёрти чăваш литератури: 1900–1950 сўлесем: литература историйён тѣпчевѣсем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2012. С. 250–256.
10. *Никифорова В.В.* Время перестройки и возвращение эстетических критериев (середина 1980-х – 2000 гг.). Проза // История чувашской литературы XX века. Ч. 2 (1956–2000). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 330–362.
11. *Павлова О.А.* Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2004. 472 с.
12. *Тал-Мърса Г.* Суйласа илнисем: поэзи, драматурги, чăнлавсем, сырусем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2019. 320 с.
13. *Терентьев Ю.* Касман Туртакассинчи чап-чап уйăхĕ // Мăнкун иртсен – тунтикун. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2020. 272 с.
14. *Тахти И.* Поэзи, проза, публицистика. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1979. 376 с.
15. Утопия и антиутопия XX века. М.: Прогресс, 1990. 640 с.
16. *Фѣдоров Г.И.* Художественный мир чувашской прозы 1950-х – 1990-х годов: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 304 с.
17. *Чаликова В.А.* Утопия и культура: эссе разных лет. М.: ИНИОН, 1992. 232 с.
18. *Юрѣева Л.М.* Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005 319 с.
19. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/13125/> Утопия (дата обращения: 07.04.2020).
20. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/13124/> Антиутопия (дата обращения: 08.04.2020).
21. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/901474/> Дистопия (дата обращения: 25.04.20).
22. https://vuzlit.ru/591453/zhanrovaya_spetsifika_povesti_priznaki_sotsialnoy_antiutopii_satiricheskogo_pamfleta_elementy_fantastiki (дата обращения: 02.06.2020).

V.V. Nikiforova

DREAMS OF AN IDEAL STATE AND THE REALITIES OF SOVIET REALITY
IN CHUVASH LITERATURE

Annotation. The article considers the development of social fiction in Chuvash literature. In the genres of social fiction (first of all-utopias and dystopias), the focus is on a particular state structure, social system. They create an artistic image of the country at a certain, supposed point of its existence. Such works become relevant during periods of revolutionary transformations and transition periods.

Keywords: chuvash literature, social fiction, utopia, dystopia, artistic image of the country, ideal state, soviet reality, perestroika.

И.Ю. Кириллова

ЧУВАШСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ В ПОИСКАХ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассмотрена специфика конструирования образа Волжской Булгарии в художественной картине мира чувашей. Он менялся на протяжении времени, что хорошо видно на примере анализа чувашской драматургии. В 1920-е гг. эпоха Волжской Булгарии, благодаря чувашским деятелям культуры и науки, ассоциируется с «золотым веком» в истории народа. Со временем появились более глубокие исследования, однако в чувашских трагедиях и драмах образ Волжской Булгарии остается как национальный символ величия, могущества, государственности чувашей.

Ключевые слова: миф о «золотом веке», Волжская Булгария, чувашская драматургия, историческая трагедия, историческая драма.

Художественное своеобразие исторических трагедий в чувашской драматургии неразрывно связано с сюжетами, которые строятся на материале древней истории народа и его болгарского происхождения. Обращение авторов к темам древнебулгарской истории чаще всего объясняется общим подъемом национального самосознания, ростом исторического сознания писателей и их стремлением утвердить значение собственных исторических традиций. Благодаря трагедиям Г. Тал-Мрзы, М. Юрьева, Т. Педеркки, И. Петровой и др., анализу которых посвящена данная работа, эпоха Волжской Булгарии стала своеобразным эквивалентом античности в историческом сознании народа.

Большую роль в популяризации образа Волжской Булгарии в национальной культуре, формировании у чувашской интеллигенции общенационального представления о прошлом и этнической консолидации сыграли труды по этногенезу чувашского народа. Впервые теория болгарского происхождения чувашей была обоснована в XVIII–XIX вв. рядом отечественных и зарубежных ученых (В.Н. Татищев, И.Н. Смирнов, Н.Н. Поппе, А.А. Куник и др.). В начале XX в. опираясь на их труды, письменные, эпиграфические, лингвистические, этнографические, фольклорные источники, Н.И. Ашмарин создал комплексное историко-лингвистическое исследование «Болгары и чувашаи» (1902) [1]. Оно позволило национальной интеллигенции взглянуть на свой народ в пространстве большого исторического времени и утвердило новое этническое самосознание [23, с. 20]. Писателем И. Юркиным даже были предприняты попытки издания газеты на чувашском языке «Пулхӑр» (Булгар).

Выдвинутая Ашмариним теория чувашско-булгарской преемственности была поддержана и развита чувашскими историками и этнографами в 1920-е гг. Образование Чувашской автономии (1920) способствовало повышению этнического самосознания и дальнейшей активизации интереса народа к своей истории. К тому же общегосударственная политика советской России дала нерусским на-

родам реальную возможность активно изучать и развивать этническую культуру [15, с. 17]. В 1921 г. в Чебоксарах было организовано Общество по изучению местного края (ОИМК) при Чувашском центральном музее как объединение для изучения и распространения научных сведений о Чувашии и чувашах. Члены общества [Д. Петров (Юман), А. Прокопьев (Милли), М. Петров (Тинехпи), Г. Комиссаров, Ф. Павлов и др.] активно участвовали в разработке национальных и социально-политических проблем, создании программ дальнейшего самобытного развития чувашского народа, активно продвигали в народные массы теорию болгарского происхождения чувашей и др.

Обобщающие труды по древней истории чувашского народа и его этногенезу в те годы издали А.В. Турхан [28], Г.И. Комиссаров [12], М.П. Петров (Тинехпи) [21], Д. Петров (Юман) [20]. Обретение национальной государственности вдохновило их показать «историчность» чувашского народа. Считая чувашей прямыми и чистыми потомками болгар [21, с. 52], в качестве образца дальнейшего развития этноса они видели Волжскую Булгарию [11]. В трудах названных деятелей подчеркивалось большое значение болгарского наследия в этногенезе чувашей. Они сыграли немалую роль в этнической консолидации национальной интеллигенции, и от них шли предложения назвать создаваемую Чувашскую АССР Булгарской Республикой и переименовать чувашей в болгары [8, с. 60].

Исследователи усматривали в эпохе Волжской Булгарии нечто вроде «золотого века» в истории своего народа [8, с. 60; 2, с. 10]. Волжская Булгария в их работах была представлена как государство, стоявшее по уровню своего социально-экономического и культурного развития на уровне Киевской Руси и многих западноевропейских государств. В период своего расцвета в X–XIII вв. она занимала обширную территорию Среднего Поволжья, где государственным языком являлся древнечувашский язык. Все это не могло не вдохновить этноцентричных писателей на воссоздание величия прошлого народа в литературе.

Историческую информацию подкрепляли произведения устного народного творчества, такие как исторические предания, сказания, легенды, песни и т.д. В чувашском фольклоре сохранилось немало преданий, повествующих о древней жизни предков чувашей и болгарской эпохе, имеющих общенародное значение. Многие из них говорят, что в старину у чувашей было свое большое и сильное государство, которое вело торговлю с иноземными торговцами. Особенно подчеркивается его состоятельность и величие перед соседями, которые называли чуваш «серебряным народом» [31, с. 26–31]. Идеализация Волжской Булгарии в народе сопровождалась с верой в возможность возрождения былого ее величия. «Период существования Болгарского государства отложился в памяти народа как время национальной независимости, которую приходилось отстаивать в сражениях с внешними врагами», — отмечает историк В.Д. Димитриев [5, с. 42].

В своем творчестве к этим преданиям обращались Г. Тал-Мрза, Н.И. Полоруссов-Шелеби, П. Хузангай, Т. Педеркки, И. Петрова, М. Сениэль, М. Юхма, Б. Чиндыков, Н. Сидоров и др. Богатые описаниями болгаро-чувашских городов Булгар, Сувар, Билярск, Симбирск и др., жилищ и занятий древних предков исторические предания послужили хорошим подспорьем для воссоздания писателями тех незапамятных времен [31, с. 44–52]. А сказания о мужестве царей и турханов, о героях-батырах, о междоусобных войнах и татаро-монгольском на-

шествии на Волжскую Булгарию стали мотивом для создания чувашских трагедий и исторических драм [31; 5; 19].

К вопросу о происхождении чувашей посредством изучения исторических преданий в 1850-е гг. неоднократно обращался в своих работах один из первых писателей С. Михайлов (Яндуш), упоминая о былом мужестве и величии своих соплеменников во времена Булгарского царства. Идея идеализации прошлого не раз высказывается писателем и в его художественных произведениях. Из воспоминаний С. Михайлова следует, что статья Н.И. Второва «Памятники древности в Казанской губернии» (1840) сильно подействовала на начинающего писателя: «Я пламенно перечитывал историю болгар и надгробные надписи... и убеждался, что со знаменитыми булгарами могли жить и предки моих соплеменников» [16, с. 72].

Кроме булгарской темы ряд писателей (Н. Золотов, Н. Шелеби) некоторое время были увлечены яфетической теорией Н.Я. Марра, основные идеи которой были изложены в работе «Чуваши — яфетиды на Волге» [14]. Однако большая часть чувашских литераторов придерживалась теории булгарского происхождения чувашей (Г. Тал-Мрза, М. Юрьев, М. Юман, С. Эльгер, М. Сеспель, П. Хунгангай, В. Митга и др.) [25, с. 58].

Как отмечают исследователи, литературный «золотой век» в чувашском культурном процессе продолжался вплоть до конца 1920-х гг. Он занимает этап с четко выраженной национальной идеей — проблемой свободы личности и возрождения народа [25, с. 21]. Что было обусловлено потребностью писателями осмысления исторической судьбы народа и подъемом национального самосознания.

Труды по древней истории народа и исторические предания способствовали появлению произведений, в которых возрождение веры в былую мощь Волжской Булгарии становится ведущим мотивом. Так, в чувашской литературе 1920-х гг. получает развитие образ Волжской Булгарии как символа древности, государственности чувашей. В булгарской истории интеллигенция видела символ возрождения и воссоединения нации, гордость за ее историческое прошлое, надежду на ее светлое будущее [22, с. 48]. Воспеванию исторического прошлого народа булгарского периода посвятил свое творчество поэт Н. Шелеби. О нападении войск Аксака Тимура на Волжскую Булгарию говорится в поэме «Уксах Тимёр Пўлере илни җинчен» (О взятии Биляра, 1915). В таких произведениях, как «Сёрпү пасарё» (Базар в Цивильском уезде, 1923), «Шупашкар» («Чебоксары», 1927), где описывается возрождение Чувашии и ее столицы, автор ищет следы булгарского прошлого народа.

В булгарском наследии видел национальные истоки и поэт В. Митга, за что был обвинен в национализме в 1937 г. [13, с. 136]:

Каман сук пулхаран юнё,
Кам хайне вырәслатать,
Метислать —
Җавә пирәншён пултәр йүнё,
Вәл халәхшән
Ирсёр чысла!

В ком нет в крови чести булгар
Кто сам готов обрусеть,
Стать метисом —
Тому среди нас грош цена,
Для народа он
Человек без чести!
«Сёрёмре» (В угаре, 1927)
(Перевод Г.Я. Хлебникова [29, с. 241])

За идеализацию болгарской эпохи не раз нападкам подвергался народный поэт П. Хузангай: за поэму «Саркел», стихотворения «Одинокая ива», «Песнь девушки» и др. Увлеченность писателей Н. Шелеби, Г. Тал-Мрзы, П. Хузангая, М. Сениэля, И. Петровой, Т. Педеркки и др. болгарской тематикой исследователь А. Хузангай объясняет тем, «что их малая родина находится вблизи от развалин городов Волжской Булгарии. В фольклоре этих мест немало преданий о славном историческом прошлом чувашского народа» [30, с. 32]. Образ Волжской Булгарии у них реализовывался с целью сохранить лучшее достояние прошлого народа. Чаще всего он воплощался в связи «прошлое и настоящее», когда драматурги в настоящем видели развитие исторического прошлого. Воодушевленные созданием национальной автономии, писатели поверили в культурное, духовное развитие народа и его национальную независимость.

Впервые о Волжской Булгарии как особом пространстве, духовно значимом для национальной самоидентификации, в чувашской драматургии заговорил Г. Тал-Мрза в классическом жанре трагедии. В качестве слушателя Северо-Восточного археологического и этнографического института он посещал лекции Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и др., знакомился с научной литературой по истории происхождения чувашей. Они и вдохновили писателя на создание цикла исторических трагедий. Кроме того, в одно время с И. Максимовым-Кошкинским, основателем чувашского театра, в 1920-е гг. он формирует в Казани свою труппу Чувашского красноармейского клуба при Казанском военном гарнизоне. Для постановки нужны были пьесы на чувашском языке.

Цикл трагедий Г. Тал-Мрзы охватывает различные эпохи из истории наших предков: гуннский период (V–VI вв.) – «Аттила», добулгарский период (VII–VIII вв.) – «Архан-хан», болгарский – «Силпи – Палхар пики» (Сильби – дочь болгарского хана), золотоордынский – «Мырзабай». Завершает цикл трагедия «Вайлисен айяпё» (Вина сильных), в которой описаны события начала XX в., происходящие в Симбирской чувашской учительской школе. Из пяти трагедий сохранились самая первая («Сильби – дочь болгарского хана») и последняя («Вина сильных»). О существовании остальных произведений свидетельствуют воспоминания современников [24, с. 209–210].

Первые четыре трагедии написаны в 1920-е гг. на основе средневековых устных и письменных памятников, исторических сведений, полученных автором из печатных источников и лекций профессоров Казанского Северо-Восточного археологического и этнографического института. Так, в трагедиях «Атилла» (о прославленном предводителе гуннов) и «Архан-хан» Г. Тал-Мрзой показана история тюркских народов и предков чувашей-булгар до возникновения Волжской Булгарии. Жизнь булгар в эпоху Золотой Орды представлена Г. Тал-Мрзой в трагедии «Мырзабай». В ней изображена жизнь болгарского мурзы Мырзабая, потомком которого считал себя писатель (отсюда происходит псевдоним автора). Автором верно подмечены сложившиеся перед булагарами коллизии. После распада Волжской Булгарии болгарские правители оказались в сложной ситуации – одни пытались смириться с участью и слиться с казанскими ханами, другие искали поддержки у русских князей. Мырзабай же, как народный герой, освободительный путь народа видел в сохранении его независимости. Во всех трагедиях автором хорошо представлены образы героев и народа [9, с. 17].

Один из трагических периодов в судьбе болгарского народа — военный поход русского князя А. Боголюбского на Болгарию в 1164 г.* — показал Г. Тал-Мрза в трагедии «Сильби — дочь болгарского царя». Из запланированных семи частей сохранились лишь первые две. В них мы видим процветающее государство предков чувашей, которое посещают видные представители различных государств. Они восхваляют Болгарию, восхищаются ее могуществом и величием. В этой идиллии зарождается любовь между дочерью болгарского хана Сильби и воеводой Тивлеттем. Но их мечтам о счастливой жизни не суждено сбыться: Тивлет погибает в бою, хан с дочерью схвачены в плен. И в традициях эстетики европейского классицизма в переломный момент в судьбе государства на передний план выходит герой, вернее героиня, ханская дочь, которая государственные интересы ставит превыше всего — храбрая и отважная Сильби во имя спасения народа соглашается выйти замуж за русского князя. Благодаря таким нравственным принципам и качествам, как вера в справедливость и служение Родине, Сильби приближена к уровню трагического героя. В пьесе трагедия народа созвучна любовной трагедии.

Образ Волжской Булгарии как символ великого прошлого народа рассматривал драматург, артист, режиссер М. Юрьев. Он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, тогда же был увлечен созданием чувашского театра и написанием исторических пьес. В 1925—1926 гг. заменил перешедшего на работу в студию «Чувашкино» И. Максимова-Кошкинского на посту художественного руководителя Чувашского театра. За это время в театре были поставлены 3 его пьесы: сатирическая комедия «Шӑхличӑссем» (Свистуны, 1924), исторические драмы «Иртнӑ кунсенчи асапсем» (Кошмары прошлых дней, 1925) и «Пулхӑр патшалӑхӑн юлашки кунӑсем» (Последние дни Булгарского государства, 1925).

Еще в годы учебы в университете, благодаря Н.В. Никольскому и Н.И. Ашмарину, молодой М. Юрьев вовлекся в изучение древней истории чувашского народа. Позднее он вошел в Общество изучения местного края, где интерес к древней истории народа только усилился. После выхода книги «Последние дни Булгарского государства» Н.В. Никольский одним из первых написал положительную рецензию и предложил автору продолжить писать исторические произведения [17]. В том же году в журнале «Сунтал» за № 10 публикуется первая часть романа М. Юрьева «Чӑвашсен иртнӑ, манӑ кунӑсем» (Минувшие, забытые годы из чувашской истории), посвященного участию чувашей в пугачевском восстании.

Действия в драме «Последние дни Булгарского государства» происходят в 1218—1236 гг. — годы монголо-татарского завоевания Волжской Булгарии и потери независимости предков чувашей. В прологе драмы автор акцентирует внимание читателя/зрителя на том, что чувашаи в древности имели свое великое государство, которое было погублено русскими и татарами. Этот тезис можно отнести к исходным для понимания идейной направленности произведения, в основе которого лежат труды М. Петрова (Тинехпи), Г. Комиссарова, М. Юмана по этногенезу чувашей.

* Из истории известны два похода князя А. Боголюбского на Волжскую Болгарию — в 1164 и 1171 гг.

В драме М. Юрьев на примере конкретных человеческих судеб показывает причины падения Волжской Булгарии. Решающую роль в судьбе великого государства, по его мнению, сыграли предательство и междоусобные войны внутри государства. Селехмет, сын биярского хана, сватается к дочке болгарского хана Ильхама Велиме и, получив отказ, переходит на сторону русских князей. Булгария пала от нашествия, с одной стороны русских, с другой — татарских войск*. Софик, Ильхам хан — герои, жертвующие собой во имя государства. Но в отличие от драматургов-классицистов чувашских писателей интересует не столько высота подвига героев, сколько высота падения государства.

Осознание прошлого в сопоставлении с настоящим — в этом заключается определяющая авторская позиция, которая раскрывается в эпилоге драмы. Несмотря на потерю болгарским народом своего государства, с текущими революционными преобразованиями автор связывает надежды на возвращение чувашскому народу независимости. В конце драмы он возвращает читателя/зрителя к современным событиям — Д. Эльмень объявляет об автономной Чувашской области. Таким образом, миф о государственности стал художественным выражением взглядов писателей на путь дальнейшего развития Чувашии.

Подобная постановка проблемы не осталась незамеченной партийным руководством, и после обсуждения спектакля на бюро Чувашского обкома ВКП(б) автора отстранили от должности главного режиссера Чувашского театра и сняли спектакль с репертуара театра. Главным обвинением стало художественная и идейная несостоятельность спектакля [26, с. 60]. Это свидетельствовало об усилении идеологического диктата над литературным процессом. К 1930-м гг. ОИМК было признано контрреволюционной и буржуазно-националистской организацией и прекратило свою деятельность. Многие члены общества арестованы и репрессированы, а теория болгарского происхождения чувашей была признана «не соответствующей точке зрения высших интересов нашей страны» [24, с. 246–247].

Ситуация изменилась после проведенной в Чувашском научно-исследовательском институте в 1956 г. специальной научной сессии, посвященной вопросам этногенеза чувашского народа. Доклады В.Д. Димитриева, А.П. Смирнова, П.В. Денисова, Б.А. Серебренникова и др. обосновывали идею, что чувашский народ сформировался в результате сложного этногенетического процесса, основную роль в котором сыграла ассимиляция пришлыми булагарми-суварами местных финно-угорских племен [18, с. 3–4]. Так началась реабилитация суваро-булгарской теории, которая нашла отражение и в чувашской драматургии.

В 1960-е гг. тему болгарского прошлого как части истории чувашского народа поднял писатель Т. Педеркки в исторической пьесе «Юнлй кунсем» (Кровавые дни, 1967). Автор обозначил ее как трагедию, вынося в жанровое обозначение саму идею трагического ощущения эпохи. В пьесе обозначено конкретное время действия происходящих событий — 1236 г., год падения Булгарского государства. Однако целью автора стало не столько воссоздание достоверной исторической картины, сколько исследование духа эпохи, одной из сложнейшей и противоречивейшей в истории народа. Столь тревожное время отражается и на героях драмы. Через переживания и действия персонажей, ощутивших на себе нападение татаро-монгольского войска, автор показывает патриотизм и стойкость

* Такой позиции придерживался М.П. Петров (Тинехпи) в работе «О происхождении чуваш» [22, с. 49].

чувашей-булгар. В этом отношении убедительно раскрываются характеры героев в лице повелителя Уманхана, его дочери Чернеккеей, отважного воина Урхана, судьи Уганея, простых воинов Тырны и Курбуна. Как и в других трагедиях, вкраплен сюжет любовной истории дочери повелителя и воина-батыра.

По охватываемым событиям драма «Кровавые дни» созвучна пьесе «Последние дни болгарского государства» М. Юрьева и близка ей как в идейном плане, так и композиционным построением. Обе начинаются с пролога, где старцы-чуваши, рассказывая своим внукам древнюю историю своего народа, когда они еще назывались булгарами, переносят повествование в далекие 1220–1230-е гг. В обеих пьесах мотив предательства первых лиц государства высказывается как одна из причин падения такого могучего государства, как Волжская Булгария. Обе пьесы постигла одна и та же участь забвения. Булгаро-чувашская тема, еще в 1920-е гг. в официальных кругах считавшаяся проявлением «буржуазного национализма» [13, с. 193], и в 1960-е гг. не вызвала у критиков особого энтузиазма.

Во второй половине XX в. появляются обобщающие труды по истории волжских булгар А.П. Ковалевского [10], А.П. Смирнова [27], В.Ф. Каховского [8] и др. Более глубокие исследования позволили чувашским писателям привнести в болгарскую тематику больше исторически достоверных фактов и персонажей. В этом плане интересна трагедия в стихах «Кун-сул юппинче» (На распутье, 1973, сценическое название «Телей и Илем») И. Петровой. В ходе создания пьесы писательница консультировалась с историками, опиралась на документальные источники, что позволило ей правильно отобразить в трагедии историческую обстановку в Волжской Булгарии начала X в. [4, с. 139]. В Литературном музее г. Чебоксары хранятся письма А.П. Ковалевского 1960-х гг., в которых он подробно анализирует части трагедии, дает дельные советы писательнице [6].

Если авторы исторических пьес чаще всего акцентировали свое внимание на распаде Болгарского государства, то И. Петрова освещает социально-общественный строй Булгарии в начале X в. (910–940-е гг.). События в трагедии связаны с периодом исламизации ее населения. Булгарский правитель Алмуш, стремясь освободиться из-под власти Хазарского каганата и в целях укрепления своей власти, просит Багдадского халифа прислать мусульманских наставников и строителей мечети для распространения ислама среди булгар. В 921 г. в Булгарию в составе багдадского посольства в качестве секретаря прибывает и Ахмед ибн Фадлан, описавший свое путешествие на Волгу в виде «Заметок». Его путевые заметки легли в основу исторического фона трагедии И. Петровой. Об этом свидетельствуют и факты, что в качестве героев автор вводит прототипы исторических личностей (Алмуш, Ахмед ибн Фадлан, Джафар ал-Муктадир и др.), пользуется точной датировкой (309 г. хиджры), вводит сюжетную линию с торжественным оглашением послания халифа и обещанными им 4000 динара для постройки крепости и т.д.

В трагедии И. Петровой художественно убедительно показана самоотверженная борьба чуваш-сувар против исламизации. Конфликт разворачивается между правителем и племенем за сохранение традиционного вероисповедания. Трагическую развязку усиливает сюжетная линия несчастной любви Илем — дочери чувашского эмбю Юмана и Телея — предводителя рода Вырох. Царь Алмуш разлучает влюбленных, отправляет Илем в подарок багдадскому халифу, Телея погибает во имя независимости своего народа.

Трагическое мироощущение присутствует на протяжении всей пьесы: автор верно передает печаль и боль простых людей, переживающих за свою независимость, за сохранение своих традиций. Фольклорные вкрапления помогают раскрыть внутреннее состояние героев. Выразительны и трогательны сцены, где Илем выражает свою тоску по родине, отцу, любимому в колыбельной песне сыну; захватывает дух момент ожидания казни Телю и т.д.

Постановка трагедии «Телей и Илем» на сцене Чувашского государственного драматического театра имела огромный успех и стала этапной работой и своеобразным подведением итога его поисков в национальной драматургии. Она способствовала подъему национального духа у творческой молодежи и интеллигенции Чувашии, гордости за великую историю своего народа.

Оригинальное прочтение трагедии И. Петровой главным режиссером Чувашского государственного театра кукол Ю. Филипповым было представлено в спектакле «Волжские булгары» в 2008 г. Адресованная взрослой аудитории, постановка была положительно оценена зрителями. Постановщик сделал акцент и на показе любовных коллизий главных героев, и на теме патриотизма, любви к своему народу, своей культуре.

Во второй половине 1980-х гг. в Чувашии, как и в других национальных республиках, на волне демократизации развернулось национальное движение, среди активных участников которого оказалось немало представителей чувашской интеллигенции. В раздумьях о дальнейшей судьбе своего народа, деятели национальной культуры, писатели искали ответ на вопросы в событиях истории, в истоках народной культуры. Историческое прошлое выступило важным идеологическим ресурсом этнонационального строительства и национальной идентичности. Творческим стимулом послужил всплеск активности изучения истории чувашского народа в аспекте национальных проблем. Чувашский историзм 1990-х гг. несколько напомнил историзм 1920-х гг. На рубеже XX–XXI вв. в концепции национального исторического сознания прослеживалась ностальгия по утраченному прошлому. На новый уровень был поднят вопрос о волжско-булгарской преемственности. В 1995 г. историк В.Д. Димитриев объявил о праздновании 1100-летия «булгаро-чувашской государственности», тем самым подчеркивая этническую преемственность чувашского народа по отношению к волжским булгарам [3].

Средневековое государство Волжская Булгария занимает одно из важных мест и в национальной истории, создаваемой татарскими историками. Ее история преподносится в учебниках по истории Татарстана как «золотой век» [7, с. 107]. В национальной драматургии этой теме посвящены трагедии «Молния среди ясного дня» (1983–1985) Г. Рахима и «Золотой кашбау» (1980–1986) А. Баяна и др. Как и чувашские писатели, татарские драматурги озабочены изображением последних дней Волжской Булгарии. Авторы акцентируют внимание на конфликте между теми, кто стремился сохранить государство булгар, и предателями, изменниками, перешедшими на сторону врага с целью материального обогащения. Они обращаются к древней истории, переосмысливают прошлое народа, стремятся определить его место в общей истории человечества.

Эстетические принципы чувашской драмы перестроечного периода также во многом были связаны с процессом возрождения национально-этнического самосознания. Образ Волжской Булгарии продолжает волновать писателей в зна-

чении далекого прошлого народа. Рассматривая эту эпоху как часть этнической истории, авторы видят в ней непоколебимую волю и силу народа, древность его традиций и веры. Историческая драма «Хұхём хёрён хұхлевё» (Плач девушки на заре, 1995) Н. Сидорова охватывает 1220–1230-е гг., период войн болгарских племен с русскими (во главе с Владимирским и Суздальским князем) и татаро-монголами (во главе с Бату-ханом). Источниками исторической основы пьесы послужили труды историков по этногенезу чувашского народа (А.П. Смирнова, В.Д. Димитриева, В.П. Иванова и др.), исторические предания, русские летописи и жития. Автору было важно отразить национальный дух, дух эпохи, охваченной распрями между родовыми племенами, волнениями народа: с кем быть, кому поклониться, как сохранить свою идентичность? И в переломные исторические моменты среди чувашей-булгар оказывались сильные духом предводители, преданные своей идее, народу, нации, которые сберегли народ наперекор тщеславным, стремящимся к власти и деньгам мурзам и турханам. Герои Силем, Эрзюки, Баян, Тайпи выражают отдельные качества национального характера, такие как преданность, верность, мужество. Введенный автором образ Хора, как и в древнегреческих трагедиях, выступает от имени народа, выражает его мудрость через народные песни.

Своеобразно трактуется история Волжской Булгарии в монодраме Б. Чиндыкова «Хура чёкеҫ» (Черная ласточка, 2002), которая по жанру близка исторической трагедии. Об истории падения Булгарского государства в результате татаро-монгольского нашествия читатель/зритель узнает из монолога главной героини Чегесь (Ласточка). Под «черной» здесь скорее всего подразумевается социальное обозначение рода (народа). Исследователь древней истории Н.Н. Фирсов говорит о «черных булгарах», живших на берегу Волги, и «белых булгарах», проживавших на берегу Вятки [19, с. 36]. Мифологичен образ Чегесь – женщины, символизирующей судьбу и обобщенный образ чувашской женщины-матери, хранительницы семейно-родового очага и продолжательницы чувашского рода. В то же время в ее трагической судьбе олицетворена судьба Волжской Булгарии, болгарского народа, пережившего падение государства и попавшего в подчинение Казанского хана: «Счастье народа стало моим счастьем, горе народа стало моим горем» [32, с. 348].

Главная идея рассмотренных трагедий несет в себе глубокий философский смысл – правда на стороне тех, кто отстаивает земли своих предков, свободу и независимость народа. Это произведения о человеческой мудрости и глупости, о честности и лжи, о древних обычаях и уважении к своим предкам. В них сквозит и боль за то, что в современное суетное время постепенно утрачиваются вековые традиции народа, уходят доброта, человечность, утрачивается язык. Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что авторы, утверждая идею непреходящей ценности культурного и исторического опыта прошлого, вместе с тем особо тщательно стремились воспроизвести борьбу страстей, раздиравших души героев, вождей народа, как воплощение вечной и вневременной метущейся природы человека. Личное и социальное находятся в пьесах в трагическом конфликте, что в свою очередь способствует углублению размышлений писателя об исторической судьбе народа.

Как видим, тема Волжской Булгарии как части истории чувашского народа волнует чувашских историков и писателей. В историческом жанре к ней обраща-

лись и обращаются драматурги разных поколений. Возникающие вопросы о происхождении народа, поиск предков в истории, которыми можно гордиться, вполне объяснимы. История Волжской Булгарии важна для самоопределения народа и играет важную роль в обосновании национального сознания.

Список литературы и источников

1. *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша. Казань: Тип.-лит. Императ. ун-та, 1902. 142 с.
2. *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. 25 с.
3. *Димитриев В.Д.* К 1100-летию чувашской государственности // ЛИК Чувашии. 1995. № 2. С. 115–121.
4. *Димитриев В.Д.* Послесловие // *Петрова И.* Телей и Илем: историческая трагедия в 20 картинах с прологом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 138–141.
5. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания Ч. 1. О жизни и борьбе народа с древних времен до середины XVI века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 111 с.
6. *Еливанова Г.* Пьеса переписывалась, переделывалась // Советская Чувашия. 2005. 9 сентября.
7. *Карбаинов Н.И.* Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 107–133.
8. *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.
9. *Кириллов К.Д.* «Асăнĕ чăваш манăн ятăма» // *Тал-Марса Г.* Суйласа илнисем: поэзи, драматурги, чăнлавсем, сырусем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2019. С. 4–19.
10. *Ковалевский А.П.* Чуваша и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. 64 с.
11. *Комиссаров Г.И.* Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши? [Может ли чувашский народ иметь свое будущее?]. Уфа: Тип. Губерн. союза кооперативов, 1918. 40 с.
12. *Комиссаров Г.И.* Чăваш халăхĕн историйĕ = История чувашского народа. Казань: Чуваш. отд. гос. изд-ва – Казан. подотд., 1921. 62 с.
13. *Кошкин В.П.* В трагические годы: репрессированные чувашские писатели. Журналисты и ученые. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 287 с.
14. *Март Н.Я.* Чуваша – яфетиды на Волге. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926. 75 с.
15. *Минеева Е.К.* Формирование и развитие национальной государственности в педагогическом наследии историков Чувашии // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 11–26.
16. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. 423 с.
17. *Никольский Н.В.* «Аваллăх куç умне тухать» («Çĕнĕ кĕнекесем» ярăм) // Канаш. 1925. 18 ноябрь.
18. О происхождении чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 132 с.
19. *Одюков И.И.* Авалхи тата Атăлси пăлхарсем çинчен калакан истори халапĕсем (I–XV ĕмĕрсем): вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 1984. 80 с.
20. *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань: Чуваш. отд. гос. изд-ва – Казан. подотд., 1921. 24 с.
21. *Петров М.П.* О происхождении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. 62 с.
22. *Родионов В.Г.* Вăхăт ятсене сĕнĕрен сĕклет // Тăван Атăл. 2005. № 9. С. 47–49.
23. *Родионов В.Г.* Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века: научные доклады ЧГИГН. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 6. 36 с.
24. *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1923–1929 гг. // История чувашской литературы XX в. Ч. 1 (1900–1955): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 236–281.
25. *Родионова Э.В.* Этапы становления современного чувашского литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли второй половины XX века: дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2016. 207 с.
26. *Романова Ф.А.* Театр, любимый народом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. 263 с.
27. *Смирнов А.П.* Волжские болгары. М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1951. 276 с.

28. Турхан Э. Чăваш историйĕ (1917) // Эл. ресурс: [https://www.chuvash.org/wiki/Чăваш%20историйĕ%20\(Турхан%20Энтри\)](https://www.chuvash.org/wiki/Чăваш%20историйĕ%20(Турхан%20Энтри)) (дата обращения: 14.02.2020 г.).
29. Хлебников Г.Я. Поэт, взошедший на Голгофу // Хлебников Г.Я. Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. С. 237–262.
30. Хузангай А.П. Бросок на юг // Дружба: литературно-художественный альманах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 24–33.
31. Чăваш халăх пултаруляĕ. Истори халапĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 462 с.
32. Чиндыков Б. Тухса каяс умĕн. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. 399 с.

Irina Yu. Kirillova

CHUVASH DRAMA IN SEARCH OF THE «GOLDEN AGE» NATIONAL HISTORY

Annotation. The article considers the specifics of constructing the image of Volga Bulgaria in the artistic picture of the Chuvash world. It has changed over time, as can be clearly seen in the analysis of Chuvash drama. In the 1920s, thanks to Chuvash researchers, the epoch of Volga Bulgaria was associated with the people as a kind of «Golden age» in the history of the origin of the nation. Over time, new studies appear, but in Chuvash tragedies and dramas, the image of Volga Bulgaria remains as a national symbol of the greatness, power, and statehood of the Chuvash.

Keywords: the myth of the «Golden age», Volga Bulgaria, Chuvash drama, historical tragedy, historical drama.

ЧУВАШСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье дается краткий экскурс этнографического изучения чувашей в советский период. Особое внимание уделено исследованиям 1920-х гг., давшим первоначальный мощный импульс развитию этнографии в Чувашии. Отражен кризис этнографической науки в 1930–1940-е гг., в общих чертах прослежены достижения и упущения в ее развитии в послевоенное время.

Ключевые слова: этнография, этнология, первый краеведческий съезд, этнографическое изучение, народописание, аналитические работы.

Историографические обзоры этнографической изученности чувашей в XX в. принадлежат Н.В. Никольскому, Н.Р. Романову, П.В. Денисову, П.П. Фокину, В.П. Иванову и др. [32; 44; 5–6; 49; 50; 11]. Аналитические статьи о развитии этнографической науки в Чувашии были написаны П.П. Фокиным [13; 49]. В частности, в юбилейном издании института «Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000» на теоретическом уровне им были охарактеризованы успехи и достижения этой науки с 1980 по 2000 г. [50]. В.П. Иванов в книге «История этнографии чувашского народа» в очерковой форме дал обзор истории этнографического и этносоциологического изучения чувашского народа, начиная с самых первых публикаций с упоминанием чувашей и до начала XXI в. Особое внимание он уделил исследованиям этнотерриториальных и дисперсно расселенных групп чувашей [11].

Историю этнографического изучения чувашей советского периода обычно разделяют на четыре этапа: 1920 – начало 1930-х, конец 1940-х – 1950-е, 1960 – 1970-е, 1980 – начало 1990-х гг. [11]. Первые два этапа имеют сходства – это значительное оживление этнографической работы, преимущественное изучение занятий и материальной культуры, проведение масштабных экспедиций. Однако причины оживления были разные: если на первом этапе оно было вызвано становлением Чувашской автономии, то на втором происходило после застоя в этнографической науке в 1930-х гг. и период Великой Отечественной войны. Третий и четвертый этапы характеризуются расширением тематики и методики исследований, в то же время четвертый этап отличается от предыдущего масштабом исследований и снятием ограничений на монографические труды.

С образованием Чувашской автономии в 1920 г. открылись новые возможности для этнографического изучения чувашей. Вторая Чувашская областная партконференция «указала на необходимость создания более благоприятных условий для развития национальной культуры и родного языка» (февраль 1921 г.). Наряду с действовавшими казанским и симбирским центрами чувашеведения в

Чебоксарах формируется еще один центр. В феврале 1921 г. при Центральном музее для изучения местного края было создано «Общество изучения местного края». 7 апреля открылось торжественное заседание, посвященное началу деятельности «Общества изучения местного края», руководимого П.И. Ивановым, М.П. Петровым и др. В апреле 1921 г. в столице Чувашии начал функционировать краеведческий музей. В первые годы советской власти была предпринята попытка открыть университет в Чебоксарах — в 1920 г., однако в то время не было возможностей для ее осуществления [26, л. 339–340].

Подобные общества и музеи были организованы и в других автономных образованиях и губерниях. Период с 1917 по 1927 г. называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения. Большой вклад в развитие отечественного краеведения в 1920-е гг. внесли академики М.М. Богословский, Н.Я. Марр и др. Энтузиасты «Общества...» осуществляли активную работу по сбору этнографического материала, ими делались попытки научных исследований. Методическую помощь местным кадрам оказывали экспедиции Центрального музея народов СССР, Государственного музея этнографии, Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Яфетического института, неоднократно посещавшие Чувашию. В составе этих экспедиций, организованных под руководством П.П. Ефименко, Г.Ф. Дебеца, Б.М. Соколова, Б.А. Латынина и др., проходили стажировку чувашские аспиранты и студенты [11, с. 32].

Выбор территории Чувашии для комплексных исследований П.П. Ефименко объяснял тем, что «толчком к организации этой экспедиции явилась мысль академика Николая Яковлевича Марра о необходимости поставить изучение этнической среды Поволжья силами представителей разных специальностей — лингвистики, палеоэтнологии, этнографии, антропологии, обычного права и других дисциплин. Выбор территории остановился на Среднем Поволжье и, в частности, в первую очередь на Чувашской республике, главным образом потому, что эта область, сохраняющая до сих пор значительные массы нерусского населения, занимает во многих отношениях центральное место в вопросах ранней, дославянской, истории Восточной Европы. Такое значение закреплено за ней уже старыми трудами по сравнительному языкознанию финно-угорских народностей, которые ищут в Среднем Поволжье с его перекрещивающимися путями древних культурных сношений прародину финского племени. В новом и еще более интересном свете является эта область в результате исследований последних лет, которыми мы обязаны акад. Н.Я. Марру» [36, с. 56–57].

Академик Н.Я. Марр активно выступал перед общественностью республики на страницах местной печати. В докладе «Чуваши-яфетиды на Волге», который был прочитан в Чебоксарах вскоре после образования автономии 30 июня 1920 г., он особенно много внимания уделял вопросам этногенеза чувашского народа [21]. Спустя 30 лет, в начале 1950-х гг., его теория была отвергнута как ненаучная [8]. После появления в 1950 г. работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где критически оценивался ряд положений «нового учения о языке», эпоха «марризма» в советском языкознании закончилась.

Этнографические и иные экспедиции и исследования, организованные вышеуказанными государственными учреждениями и обществами, решали как научно-познавательные, так и практические задачи. Перед этнографической наукой ставилась задача служить делу социалистического строительства [10, с. 45;

24; 45, с. 165–169; 46, с. 109]. Чувашское правительство также выделяло из бюджета средства на проведение научных экспедиций, установило связи с Комиссией экспедиционных исследований АН СССР и научно-исследовательскими учреждениями Москвы, Ленинграда, Казани и др. [4]. Сотрудники этих учреждений (археолог П.П. Ефименко, этнографы Т.С. Пассек, Б.А. Латынин, Н.И. Гаген-Торн, антрополог Б.Н. Вишневский и др.) работали в комплексных экспедициях 1926–1927 гг. во многих районах Чувашии (более в центральных и северных) и получили новые интересные данные, которые вошли в научный оборот. Если Н.И. Гаген-Торн, участвовавшая в составе Средневожской экспедиции ГАИМК в 1927 г., основное внимание уделяла народной одежде, то Т.С. Пассек и Б.А. Латынин, будучи в экспедиции Яфетического института (1926), – традиционным верованиям. Антропологическая экспедиция проводилась под руководством профессора Б.Н. Вишневого, археологическая – под руководством профессора В.Ф. Смолина, ученым сотрудником ГАИМК П.П. Ефименко. В полевых исследованиях в Чувашии вместе с Н.Я. Марром участвовал также Н.Н. Поппе, разрабатывавший в 1920-х гг. проблемы тюркских, монгольских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских языков и алтайской макросемьи. Согласно его исследованиям, чувашский язык является алтайским языком, отделившимся в дотюркскую эпоху [39–40]. Однако это положение не укладывалось в рамки концепции Марра, согласно которой «чувашский язык является одним из древнейших яфетических [название связано с именем Ноева сына – Яфета] языков Восточной Европы, что он представляет этап состояния яфетических языков еще до выделения семитических языков» [22, с. 330]. Его теория отвергала данные сравнительно-исторического языкознания и выдвигала постулат о вторичном образовании языков в результате скрещивания.

В Чувашии в первое десятилетие советского времени складывалась этнографическая школа, которую возглавляла этнографическая секция (направление) «Общества изучения местного края», привлекавшая широкий круг корреспондентов для сбора материала по культуре и быту чувашей. Использовались как ранее изданные программы, в частности Н.В. Никольского, так и вновь создаваемые, в том числе для массового обследования, например, К.В. Элле [27; 53]. Активизировалась собирательская работа, прежде всего произведений устного народно-поэтического и музыкального творчества. Под «фольклором» подразумевалось не только устное народное творчество, но и духовная культура в целом. По мнению Н.В. Никольского, ни одному разделу этнографии в 1920-е гг. не было уделено столько внимания, сколько песенно-музыкальному творчеству чувашей [33, с. 417].

Активисты «Общества» вели пропаганду историко-этнографических знаний, выступали перед населением с лекциями, публиковали популярные брошюры и статьи в периодической печати о происхождении чувашского народа, его средневековой истории (преимущественно увязывая с Волжской Булгарией), а также по отдельным вопросам этнической культуры [21; 38]. Н.В. Никольский определил задачи по изучению местного края (1924), разработал программу дальнейшего развернутого исследования этнографии чувашей [35, с. 8–9, 17, 32].

Для углубленного и планомерного этнографического изучения чувашей открывались перспективы, а для этого имелись подготовленные специалисты, как уже хорошо известные в науке Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Г.И. Ко-

миссаров, так и новые кадры, в том числе А.П. Прокопьев-Милли, М.П. Петров, К.В. Элле, М.С. Спиридонов, С.С. Кутяшов, Д.П. Петров (Юман). По выражению Н.В. Никольского, происходит значительное оживление в этнографической работе [32, с. 119–124].

В 1920-е гг. этнографы работали в широком диапазоне, частности, Г.И. Комиссаров печатал труды по истории, этнографии и краеведению, публиковал статьи в периодической печати [16; 17]. Вместе с тем новейшие работы не остались без критики Н.В. Никольского, в которых, на его взгляд, наблюдалось «полумеханическое слияние этнографии с элементами социально-экономических наук» [33, с. 416].

На I Всечувашском краеведческом съезде (15–21 июня 1928 г. в Чебоксарах), куда собрались чувашеведы разных направлений на секции археологии, истории и этнографии, Н.В. Никольский выступил с докладом «Этнография чувашей», в котором касался как теоретической, так и практической части этнографии. Впервые он дал определение понятия этнографии чувашей, отразив то представление о предмете этнографии, какое было озвучено ее теоретиками — Д.Н. Анучиным, Н.М. Маториным и др. В него вкладывалось очень широкое понимание, то есть этнографическая наука выступает как наука над другими науками: «Этнография чуваш есть наука, изучающая развитие интеллектуальных и психических сил чуваш» [34, с. 406]. В определение также были включены факторы, обусловившие эволюционное развитие этноса: антропологические особенности (они складываются, как известно, в результате взаимодействия этнических общностей), географическая среда, исторические и экономические условия. Следует отметить, что области, где выражается этническая специфика, Н.В. Никольским не вполне раскрыты. По-новому ученый говорил о связях этнографии с другими науками, которые он называл, — это социология, антропология, лингвистика, этнология, история, экономика, археология, палеоэтнология.

На первое место он ставил связь с социологией. Давалось следующее объяснение первостепенности данной связи: «В настоящее время чувствуется особенная потребность в выяснении всего того, чем живет громадная народная масса, которую революция призвала к действительному участию в жизни... Необходимо массовое этнографическое изучение» [33, с. 421–422]. Однако необходимость связи с социологией осталась лишь обозначенной и отчасти реализованной в 1920-е гг. [41, с. 153–163]. В СССР долгое время (до 1960-х гг.) социология считалась буржуазной наукой, методами которой в целом пренебрегали. В чувашской этнографии после 1920-х гг. известно лишь одно обследование, которое являлось массовым (собирались количественные данные) и построенным на принципах выборочного обследования. Речь идет об экспедиции 1933–1934 гг., в которой главным инструментарием исследования послужила «Анкета подворного обследования культурно-бытового состояния крестьян». С ее помощью было организовано обследование в 21 селении в различных районах Чувашии. В 1960, 1970 и 1980 гг. для продолжения лонгитюдного изучения культуры и быта сельского населения Чувашии они были вновь обследованы, проделан сравнительный анализ [50, с. 42, 44].

Большое внимание докладчик уделил значению этнографических знаний для современного развития, в том числе в политике, религии, не говоря уже о науке. До сих пор актуальны суждения методологического характера, что «позна-

ние быта чуваш должно предшествовать успешному переустройству быта», «установление места чуваш в культурном творчестве народов мира» является одним из основных вопросов этнографии чувашей [34, с. 406]. Значение этой науки для настоящего и будущего народов ясно осознавалось в 1920-е гг., однако сталинской администрацией в последующем предупреждения этнографов не были приняты во внимание. Ученый признавал параллельное существование этнологии, изучающей «народности сравнительно для установления соответствующих законов развития человечества вообще и каждого народа в частности». Данное определение отражает взгляды на этнологию в 1920-х гг., когда этой науке отводилась (по крайней мере, такая попытка имелась) главная роль среди гуманитарных наук. В советской науке этнография и этнология не дифференцировались, в послевоенное время последняя не выделялась. Лишь с 1990-х гг. внимание к этнологии усилилось, различие от этнографии вновь закрепляется.

Таким образом, Н.В. Никольский раскрыл значение и проблематику науки, определил классификацию этнографического материала, задачи и методы этнографического исследования чувашского народа. Он представил общественности перспективный план направления исследований в области этнографии как одной из ведущих дисциплин чувашеведения. Им было предложено сосредоточить руководство этнографической работой в одном центре. Принятая по докладу Н.В. Никольского резолюция имела программное значение для развития этнографии на десятилетия [36, с. 69–71, 97–98; 34, с. 406–409; 33, с. 409–422].

Доклад по проблеме «Чувашские народные обычаи и новый быт» сделал партийный работник С.С. Кутяшов, который показал себя, с одной стороны, знатоком обрядовой культуры, с другой – партийным идеологом [36, с. 77–80]. Он акцентировал внимание на бытовавших в 1920-е гг. народных обычаях и обрядах с большим количеством («массовым скоплением») молодежи и взрослого населения, массовыми играми, пением, которые при всем старании «миссионерам не удалось окончательно искоренить». Особой популярностью в народе пользовался календарный праздник *Уяв*, а проводившееся в это время возле Билярска на святилище *Валем хуса* окружное моление было всеобщим для приверженцев разных религий. Другими центрами являлись: с. Ишаки, где во время летнего Николы собирались паломники на поклонение «чудотворной» иконе до 10 тыс. чел. и молодежь всех окрестных чувашских селений для хороводов и игрищ; д. Чувашский Чикылдым Бурундуковской волости в день Троицы для проведения праздника «девяти селений» (Тăхăръял) и ряд селений Чувашии. По данным С.С. Кутяшова, начиная с весны (с Пасхи, Николы или Троицы), вплоть до летних полевых работ «повсеместно происходят хороводы, хороводные игры по вечерам и днем в дни религиозных праздников». Актуальными оставались весенние земледельческие обряды *Акатуй* или *Сапантой*, *Суха праҫникё* и ряд других, связанных с почином и окончанием посевных работ; после голода 1920–1921 гг. были возобновлены также общественные обряды во время созревания хлеба *Уй чўкё* и *Ҫерси чўкё*.

Однако лейтмотив доклада С.С. Кутяшова заключался не столько в защите народных праздников, сколько в установлении контроля над ними посредством внедрения в эту практику партийной идеологии. Стихийные формы развлечения или «сборища», проводившиеся без вмешательства политпросветорганизаций, докладчик предлагал использовать для массовой политпросветработы среди

молодежи и населения, для новых игр и внедрения нового содержания в старые формы. Хорошо известно, что такое вмешательство привело впоследствии к вытеснению древних народных праздников из жизни.

Таким образом, на съезде выявились два полярных течения в изучении материальной и духовной культуры и пропаганде этнографических знаний — их актуализация с целью дальнейшего развития (во главе этого движения стоял Н.В. Никольский) и внедрение новой идеологии, направленной на вытеснение древних традиций (С.С. Кутяшов). После окончания аспирантуры при НИИ национальностей СССР С.С. Кутяшов, имевший ряд научных публикаций, в том числе в центральных изданиях [18; 19; 20], выступавший с резкой критикой чувашских историков и этнографов «старой» школы, прежде всего Н.В. Никольского, был назначен директором Чувашского НИИ (1933–1935). Он остался известен и как один из организаторов массового обследования культуры и быта сельского населения Чувашии в 1933 г.

В 1920-е гг. члены «Общества изучения местного края» часто выезжали в экспедиции, имевшие научно-краеведческий характер. Они финансировались из бюджета, несмотря на тяжелое экономическое положение, вызванное разрухой послереволюционных лет. Их участники собирали предметы одежды и украшений, утварь, посуду, фотографировали памятники, в частности, культовой скульптуры, народного зодчества; собирали хранящиеся у частных лиц исторические документы для сдачи в архив; записывали от старожилов легенды об истории деревень, родов.

Собирательскую работу по этнографии, осуществляемую «Обществом изучения чувашского края», Н.В. Никольский оценивал как энергичную [33, с. 419]. Очень результативным исследователем уже в ранний период своей деятельности показал себя член «Общества» К.В. Элле, хорошо владевший методикой и методологией этнографических исследований, работавший в Чувашском НИИ в 1933–1935 гг. Он опубликовал первый в институте историко-этнографический труд под названием «Акатуй» (1935). Однако ему не удалось закрепиться в институте, опасаясь репрессий, он вынужден был уехать из Чувашии [15, с. 119–120]. В ЧНИИ этнографов не было в течение 11 лет (до 1946 г.).

Как многообещающий исследователь этнической истории чувашей проявил себя М.П. Петров-Тинехпи, работавший секретарем «Общества изучения Чувашского края» до 1930-х гг. [7]. Работы М.П. Петрова для своего времени были очень актуальны и ценны и направлены на защиту и развитие теории болгарского происхождения чувашей, которую обосновал Н.И. Ашмарин, и в этой области М. Тинехпи стоял почти на одном уровне с Г.И. Комиссаровым, опередив Н.В. Никольского. Последний прекрасно понимал необходимость накопления источниковедческой базы, рыхлость ряда суждений М. Тинехпи. С 1929 г. в печати появлялись статьи и брошюры, в которых М.П. Петров подвергался критике за «националистические взгляды и положения» [7, с. 8, 30]. Ряд рукописей М.П. Петрова, в том числе с материалами по мифологии, был утерян. Его жизнь оборвалась трагически. Научно-популярные издания историка и писателя Д.П. Петрова (Юмана), увидевшие свет в 1920-е гг., в частности, его работы «Ахтономля чăваш оплаçе», «Чувашия», Н.В. Никольский называл полубеллетристическими описаниями чувашского народа [33, с. 416]. Д.П. Петров проявил себя также как основатель мифопоэтического направления в чувашской литературе.

Различные стороны этнографии чувашей, обряды были описаны на страницах газет и журналов, выходявших в 1920-е гг. Н.В. Никольский замечал, что «помещая те или иные этнографические заметки, авторы не указывают, где произведена ими запись материалов». В единичных статьях, публиковавшихся в периодике, содержалась аналитическая характеристика. В частности, «этнологические этюды» на основе анализа материала свадебного ритуала печатал начинающий этнограф Н.Р. Романов [43]. На страницах литературно-художественных журналов выходили публикации фольклорных текстов.

Следует отметить, что немало работ исследователей 1920-х гг. оставались неизданными, что объясняется рядом причин. Во-первых, это было связано с новыми методологическими установками. Обобщение по требованиям марксистской идеологии авторам давалось непросто. Во-вторых, из-за чрезмерной загруженности делами, что требовало значительных затрат времени, нередко труды оставались рыхлыми, не вполне готовыми к печати. Свои труды к печати Н.В. Никольский, М.П. Петров и другие готовили очень оперативно, интенсивно работали с источниками. В 1920-е гг. исследователи «Общества изучения местного края» публиковали одну рукопись за другой. Они внесли в историческую, этнографическую, филологическую науку много архивных и полевых источников, сделали достоянием читателей массу исторических фактов. Однако в интерпретациях ими допускались не подкрепленные источниками высказывания, зачастую выводы не были достаточно обоснованными, так как ряд письменных источников и исторических преданий им еще не был известен.

Задачами дальнейшего развития этнографии чувашей Н.В. Никольский считал сбор новых этнографических фактов и нового построения этнографических описаний [33, с. 420]. Конечно же, он имел в виду как ее изучение вширь, так и вглубь. Им была поставлена задача — создать систематический курс этнографии чувашского народа, опираясь на материалы всех этнографических и этнотерриториальных групп чувашей. На I краеведческом съезде была озвучена в целом справедливая, в то же время критическая, оценка и его работ: «Обычаи и верования чуваш систематически и строго последовательно еще никем не изучались. В этом отношении до сих пор лучшей работой является работа Н.В. Никольского «Этнография чуваш». К сожалению, автор поставил себе слишком широкую задачу, из своего курса он хочет сделать «Энциклопедию о чувашах», и это ему мешает осветить с достаточной полнотой чисто этнографические вопросы» [36, с. 20].

Таким образом, в 1920-е гг. продолжалось накопление этнографических сведений, однако аналитическая (теоретическая) часть исследований значительно уступала. Глубже, чем на предыдущих этапах, изучались занятия и ремесла, традиционная одежда и пища, поселения и жилища.

В начале 1930-х гг. термин «этнография» стал официальным наименованием советской науки, тогда как термин «этнология», использовавшийся многими отечественными учеными в первые десятилетия XX в., был объявлен буржуазным. На Всероссийском археолого-этнографическом совещании 1932 г. этнография была определена как вспомогательная историческая дисциплина, которая занимается изучением доклассового общества. Тем самым многие темы изымались из сферы этнографического исследования. В связи с критикой идеологов-марксистов осталось нереализованным немало публикаций по чувашскому фольклору, этнографии (духовной культуре), лингвистике. Так, вторую часть «Крат-

кого курса этнографии чуваш» Н.В. Никольский намеревался посвятить социальному строю у чувашей (соционормативной культуре) и духовной культуре [33, с. 420], однако она не появилась. Из-за огульной критики опубликованной первой части, вторая часть до литературного оформления, по-видимому, не дошла. Книга по духовной культуре была создана лишь много лет спустя авторским коллективом во главе с М.Я. Сироткиным [51].

Работы по истории и культуре чувашей в 1920-е гг. выходили также в Казани, Уфе, Саратове. Чувашская секция «Общества изучения местного края» при Академцентре Наркомпроса Башкортостана в течение трех лет (1927–1930) успела организовать ряд экспедиций в чувашские селения [37]. Саратовские исследователи Т.М. Акимова, В.П. Воробьев, П.Д. Степанов, которые совершили не одну экспедицию к местным чувашам, описали культуру и быт чувашей Саратовского Предволжья, в том числе традиционную одежду, хозяйство и материальную культуру, декоративно-прикладное искусство [48].

Таким образом, оживление этнографического интереса на первом этапе после установления советской власти оказалось кратковременным. В конце 1920-х – 1930-е гг. были репрессированы многие чувашские исследователи, среди них оказались и те, кто активно боролся за марксистскую этнографию. Деятельность «Общества изучения Чувашского края» была свернута, его материалы поступили в фонды Государственного архива ЧАССР и Чувашского НИИ.

В трагические для этнографической науки 1930-е гг. продолжались лишь художественно-изыскательские работы чувашского художника-этнографа М.С. Спиридонова [28; 29] и поездки в районы Чувашии этнографов-музеевцев Государственного музея этнографии Г.А. Никитина и Т.А. Крюковой, которые наряду с экспонатами для музея собирали материал для альбома о чувашском декоративно-прикладном искусстве [30].

В марте 1941 г., когда Чувашский НИИ возглавил историк П.Г. Григорьев (работал директором института по январь 1952 г.), доброжелательный, отзывчивый человек, разбиравшийся в проблемах гуманитарных наук, отношение к историкам и этнографам старой школы начинает меняться. В частности, Н.В. Никольский, проживавший в Казани, получил долгожданную возможность теснее работать с Чувашией. В 1944–1945 гг. в рамках сотрудничества с институтом он передал в Научный архив ЧНИИ свой огромный рукописный фонд. Однако негативное отношение к нему не исчезало, ему не удалось опубликовать целый ряд своих работ, подготовленных в период 1930–1950-х гг. Основными причинами отказа в публикации были недостаточная, на взгляд рецензентов и критиков, оригинальность и неиспользование современной (советской) методологии исторического исследования.

Направление этнографических исследований на местах курировалось центральным учреждением ИПИН/ИЭА/ИЭ*, в котором не раз обсуждалось много-томное или однотомное издание «Народы СССР», создание которого ставилось в

* В 1933 г. на базе Института по изучению народов СССР и Музея антропологии и этнографии был создан Институт антропологии и этнографии АН СССР. С 1935 г. он переименован в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР, а с 1937 г. – в Институт этнографии. В 1947 г. институту присвоено имя Н.Н. Миклухо-Маклая. Он стал ведущим этнографическим учреждением страны. Первым директором института был назначен Н.М. Маторин, автор книги «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество, ислам, православие, сектанство» (М., 1929).

качестве главной задачи этнографов. 6 мая 1944 г. С.П. Толстов выступил на заседании отделения истории и философии АН СССР с докладом об издании серии «Народы мира». Предмет этнографии он формулировал как «проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений... народов» [54, с. 7].

Этнографические исследования, в том числе проблем этнической истории, возобновились в Чувашии в послевоенный период. Проведенная в конце 1940-х — начале 1950-х гг. совместная экспедиция НИИ при Совете министров Чувашской АССР, Чувашского краеведческого музея и Казанского филиала Академии наук СССР (руководитель проф. Н.И. Воробьев) осуществлялась не только с целью дополнить этнографическую характеристику чувашского народа, но и открыть новую страницу в народоописательном процессе. По ее результатам был создан первый том монографии «Чуваши», посвященный материальной культуре, который был оценен как «крупное исследование, базирующееся на большом фактическом материале и подробно описывающий почти все стороны жизни чувашского народа» [42, с. 78]. Следует также иметь в виду, что двухтомник «Чуваши» создавался в условиях жесткой административно-командной системы, его авторам пришлось уделить неоправданно много внимания «актуальным» идеологическим аспектам (переход чувашского крестьянства к колхозному быту, борьба с пережитками и т.п.) [11, с. 5]. Определенным упущением представляется недооценка множества черт, сходных с материальной культурой тюркских народов. Исследование традиционной культуры осуществлялось в контексте изучения проблемы этногенеза и этнической истории. На научном форуме 1950 г., организованном Отделением истории и философии АН СССР совместно с Чувашским НИИ, доминировала идея об автохтонном происхождении чувашского народа на основе тюркизации булгарами-сувазами местных финно-угорских племен. Н.И. Воробьев придерживался этой концепции. Однако на сессии, проведенной в 1956 г. в Чебоксарах, доказывалась уже концепция о болгаро-чувашской преемственности.

После вынужденного перерыва в связи с прекращением этнографических исследований продолжительностью более чем 15 лет, в 1945 г. в науку вернулся этнограф Н.Р. Романов. Активно работавший в руководимой Н.И. Воробьевым Чувашской этнографической экспедиции, он проявил себя практически во всех областях этнографии — этногенез, хозяйство, обрядовая культура, семья, верования, устное народное творчество; он участвовал в написании обоих томов «Чуваши. Этнографическое исследование». Отстраненные с 1930-х гг. по идеологическим причинам Г.И. Комиссаров и К.В. Элле, опасаясь репрессий, вынуждены были проживать за пределами Чувашии. Последнему удалось опубликовать за пределами республики несколько работ, однако не в области этнографии, а фольклористики и археологии. В 1947 г. он представил в институт двухтомную рукопись «Прошлое чувашского народа по пословицам, поговоркам и приметам», которую рецензенты оценили как буржуазно-националистическую, затем рукопись была изъята по распоряжению начальника Главлита Чувашской АССР [50, с. 43].

Жанр монографических работ по отдельным народам после 1950-х гг. был признан устаревшим, и подготовка таких работ приостанавливается [1, с. 8]. С 1960-х гг. научные исследования чувашскими этнографами стали проводиться комплексными методами — социологическими и классическими этнографическими на основе полевых наблюдений. Тематика исследований расширяется: изучались

как материальная культура, так и семья и семейно-родственные отношения, и в особенности духовная культура, в том числе религиозные верования, праздники и обряды (Л.А. Иванов, П.П. Фокин, Г.Е. Кудряшов, В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, А.К. Салмин, В.Г. Родионов, Н.П. Денисова и др.), мифологические представления (И.И. Одюков, А.А. Трофимов, П.В. Денисов, Д.М. Макаров, В.А. Ендеров). Традиционная материальная (прежде всего одежда) и духовная культура исследовалась также в связи с разработкой проблем этногенеза чувашей (Н.И. Гаген-Торн, В.Ф. Каховский, П.В. Денисов) [3; 14; 6]. В соавторстве с учеными центральных академических институтов чувашские этнографы публиковались в крупных изданиях по этнографии мира и страны.

Картографирование признаков материальной культуры и традиционных занятий, с большим успехом проведенное в начале 1950-х гг. только на территории Чувашии, было продолжено в 1980-е гг. (В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин). Однако оно не могло претендовать на создание этнографического атласа, как об этом было заявлено на начальном этапе, ибо к тому времени традиционные элементы не только были утеряны, но и исчезала даже память о них. В основном по этой причине не удалось завершить работу по созданию историко-этнографического атласа, хотя и увидели свет ряд сборников чувашских этнографов в качестве материалов к историко-этнографическому атласу [50, с. 152].

В 1980-е гг. состоялись две крупные комплексные экспедиции в районы компактного расселения этнотерриториальных групп чувашей, выезды продолжались и в дальнейшем (в них участвовали Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин, Е.А. Ягафова, Г.Н. Иванов, А.А. Осипов и др.). Этногеография и современные этнические процессы у чувашей диаспоры изучались В.П. Ивановым. В рамках осуществленного Институтом этнографии АН СССР и ЧНИИ в 1981–1982-х гг. статистико-этнографического исследования по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР» выяснялось, как изменяются этнос и его компоненты, каковы определяющие факторы и тенденции этого процесса. По его результатам в издательстве «Наука» вышло первое издание о чувашах [52].

Не все отрасли этнографии и этнологии в советское время удалось осветить отдельными монографиями, хотя по каждой из научных проблем был сделан значительный задел (специальные статьи, главы монографий, брошюры). Основными этнографическими методами сбора материала являлись полевые наблюдения, картографирование явлений материальной и духовной культуры. Однако с каждым годом сбор такого материала становился труднее, ибо уходят из жизни знатоки традиционной культуры. Поэтому на передний план начинают выходить историко-архивные изыскания, опросно-социологический анализ малых сообществ, экспертные исследования.

Несмотря на наличие ряда аналитических работ, в том числе коллективных, в общем объеме достигнутого в советский период они уступают. Недостаточно удовлетворительно объяснены архаические формы, прослежена трансформация, преобладала типологическая характеристика этнографических явлений. Сравнительное изучение и выяснение историко-этнографических связей, призванных помочь установлению последовательности смены одних типов явлений культуры другими, уточнению времени их возникновения, следует охарактеризовать как незавершенное. Исследование специфики синкретизации и сосуществования в культуре чувашей разнообразных форм, сложившихся на базе земле-

дельческих и скотоводческих традиций, начатое в советское время, требует углубленного анализа. Методологические требования к исследованию становления, трансформации и особенностей функционирования этнической культуры чувашей по-прежнему актуальны, ибо не имеется достаточных доказательств о развитии ряда аспектов культуры, и многие вопросы по реконструкции ждут ответа.

Список литературы и источников

1. *Альмов С.С.* Выполненные задачи? (В качестве предисловия к публикации статьи Д.Н. Анучина «О задачах русской этнографии») // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 5–9.
2. Археология и этнография Чувашской АССР: библиографический указатель. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 287.
3. *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
4. *Григорьев П.Г.* Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 147–199.
5. *Денисов П.В.* Этнографическое изучение чувашского народа за годы советской власти // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1968. Вып. 40. С. 299–308.
6. *Денисов П.В.* Этнографическое изучение чувашского народа за годы советской власти // Советская этнография. 1971. № 6. С. 28–37.
7. *Димитриев В.Д.* М.П. Петров: жизнь и научная деятельность // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. Чебоксары: ЧГИГН, 1990. С. 3–33.
8. *Егоров В.Г.* Против извращений Н.Я. Марра в области изучения чувашского языка // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. 8. С. 63–80.
9. Знамя революции. 1919. № 66. 26 марта.
10. *Золотарев Д.А.* Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926. № 1–2. С. 44–53.
11. *Иванов В.П.* История этнографии чувашского народа: очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2011. 111 с.
12. *Иванов В.П.* Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары, 2012.
13. *Изоркин А.В., Горшков А.Е., Фокин П.П.* Этнография // Центр гуманитарных наук Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1980. С. 72–91.
14. *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.
15. Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Биобиблиографический словарь. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 320 с.
16. *Комиссаров Г.И.* Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа). Казань: Чуваш. отд-ние гос. изд-ва, 1921. 165 с.
17. *Комиссаров Г.И.* Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. № 1. С. 17–30.
18. *Кузнецов И.Д., Кутяшов С.С.* Чуваши // Малая советская энциклопедия. М., 1931. Т. 9. С. 842–844.
19. *Кутяшов С.С.* Против национал-демократического уклона в анализе религии чуваш // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 13–43.
20. *Кутяшов С.С.* Этнография чуваш и чувашский национализм. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1932. 61 с.
21. *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926. 74 с.
22. *Марр Н.Я.* Избранные работы. М.-Л., 1935. Т. 5. 666 с.
23. *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество, ислам, православие, сектанство. М., 1929.
24. *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1. С. 3–38.
25. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 31.
26. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 304.
27. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 604.
28. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 4, 25, 75, 76, 179 и др.

29. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 421.
30. *Никитин Г.А., Крюкова Т.С.* Чувашское народное изобразительное искусство. Альбом. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 168 с.
31. *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения. Казань: Изд.-переводчesk. подотд. Мари, 1919. 56 с.
32. *Никольский Н.В.* Краткий обзор работ по этнографии чуваш // Первый всечувашский краеведческий съезд. Тезисы докладов и резолюции. Чебоксары, 1929. С. 119–124.
33. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. 526 с.
34. *Никольский Н.В.* Этнография чуваш // Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. 1. 526 с.
35. Отчет о деятельности Общества изучения местного края Чувашской АССР за 1924–1926 годы. Чебоксары: Изд. Об-ва, 1927. 33 с.
36. Первый всечувашский краеведческий съезд (15–21 июня 1928 г. в г. Чебоксарах ЧАССР): тезисы докладов и резолюции. Чебоксары: Об-во изучения Чувашского края, 1929. 136 с.
37. *Петров И.Г.* Слово о педагоге, краеведе и этнографе П.А. Петрове-Туринге // Чувашский гуманитарный вестник. 2007 (июль) / 2008 (декабрь). № 3. С. 32–44.
38. *Петров М.П.* О происхождении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. 62 с.
39. *Попте Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков / Н.Н. Попте, преп. Ин-та Вост. яз. в Ленинграде. Чебоксары: Чуваш. обл. изд-во, 1925. 32 с.
40. *Попте Н.Н.* Чуваши и их соседи. Чебоксары: Об-во изучения местного края, 1927. 31 с.
41. *Риманов И.* Питание городского населения Чувашской республики // Труд и хозяйство. Казань, 1927. № 11. С. 153–163.
42. Рец.: Белицер В.Н., Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романов Н.Р., Симонова А.Р. Чуваши (этнографическое исследование). Ч. 1. Чебоксары, 1956. 414 с. // Советская этнография. 1957. № 6. С. 78–80.
43. *Романов Н.Р.* Хунькассипе хайматләх // Сунтал. 1927. № 9 (39); 1928. № 2 (44).
44. *Романов Н.Р.* Этнография и археология в Чувашской АССР // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 200–222.
45. Советская этнография. 1957. № 6.
46. *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: история отечественной этнологии первой трети XX века. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. 258 с.
47. *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
48. *Спиридонов М.С.* Чувашский орнамент: альбом. Чебоксары, 2010.
49. Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. 4. С. 37–50.
50. *Фокин П.П.* Этнография в Чувашской АССР // Развитие общественных наук в Чувашии в годы советской власти / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 100. С. 52–61.
51. *Фокин П.П.* Этнография // Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 142–158.
52. Чуваши. Этнографическое исследование. Духовная культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. Ч. 2. 308 с.
53. Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.
54. *Элле К.В.* Чăвашсем хăсан мĕнле тумтирсем тăхăнса сÿрени сиччен тепчеси // Халăха вĕрентес ёс. 1929. № 5. 47–52 с.

G.B. Matveev

CHUVASH ETHNOGRAPHY IN SOVIET TIMES: ACHIEVEMENTS AND MISSED OPPORTUNITIES

Annotation. The article gives a brief overview of the ethnographic study of the Chuvash people in the soviet period. Special attention is paid to the research of the 1920s, which gave an initial powerful impetus to the development of Ethnography in Chuvashia. It reflects the crisis of ethnographic science in the 1930s and 1940s, and outlines the achievements and omissions in its development in the post-war period.

Keywords: Ethnography, Ethnology, the first local history Congress, ethnographic study, folk description, analytical works.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК ЧУВАШЕЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Аннотация. В статье проанализирован процесс трансформации современных религиозных практик локальных групп чувашей: прослеживаются изменения, коснувшиеся обрядового календаря и семейной обрядности, новации в религиозной жизни православных приходов, связанные с влиянием церкви и новых информационных технологий.

Ключевые слова: чуваше, религиозные практики, трансформация, язычество, православие.

Религиозные практики как часть социокультурной системы этнического сообщества определяются как традиционными формами, сложившимися на протяжении длительного периода времени, так и возникающими в процессе изменений этой системы новациями. Актуальность изучения современных религиозных практик вызвана динамичностью этноконфессиональных процессов в обществе. Изменения в этой сфере находятся под влиянием масштабных мировых глобализационных процессов или общественно-политических событий, происходящих в стране, в то же время они протекают на микроуровне, в семьях, семейно-родственных группах, сельских общинах, что указывает на необходимость детального изучения религиозных практик в указанных социальных группах. Другим важным аспектом исследования религиозной ситуации в этнических сообществах, в частности, у чувашей, являются практики этноконфессиональных групп (ЭКГ) представляющие собой сложное переплетение элементов разных религиозных систем. Среди чувашей представлены православные, приверженцы традиционных верований (*чын чăвашсем* – «истинные чуваше»), мусульмане, adeпты других христианских течений – этноконфессиональные группы, сформировавшиеся в течение трех последних столетий в ходе христианизации большинства и исламизации незначительной части народа, с одной стороны, и в противостоянии этим процессам, с другой [18].

Объектами изучения в данной статье стали группы некрещеных и православных чувашей Закамья и Заволжья (Республика Татарстан и Самарская область). Религиозные практики указанных групп представлены в данном исследовании в соотношении с «нормативными» характеристиками их религиозности: в какой степени они соответствуют декларируемой религиозной традиции и идентичности группы? Исследование трансформации религиозных практик нацелено на выявление факторов, условий, направлений этого процесса. В статье проведен анализ изменений догматики, пространственно-временных, акциональных, атрибутивных характеристик обрядности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00127 «Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX – первые десятилетия XXI в.)».

Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в закамских районах Республики Татарстан и северо-восточных районах Самарской области в 2014–2020 гг. [5–7; 9; 14]. Значительное внимание было уделено изучению новаций в современном чувашском православном приходе (так называемая «приходская модель»), в процессе включенного наблюдения в с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области в 2014–2020 гг. [13].

Современные религиозные практики чувашей определяются не только текущей социально-политической ситуацией в стране, но, в значительной мере — состоянием религиозности в обществе в советский период истории. Ограничение и даже запрет деятельности религиозных организаций, репрессии в отношении священнослужителей, активная атеистическая пропаганда негативно отразились на религиозной ситуации и способствовали существенным изменениям в этой сфере жизни — трансформации религиозных представлений и культа, которая наблюдалась во всех этноконфессиональных группах чувашей.

Сложившаяся во второй половине XX в. редукция «языческой» догматики и культа среди некрещеных чувашей привела в конце века к дальнейшему сокращению обрядовых циклов и изменению времени проведения некоторых из них. Это коснулось, в первую очередь, благодарственного моления о новом хлебе *чўклем* и практики гостевания и угощения пивом *калām пйтти / пичке пуслани* — обрядов, проводимых в семейно-родственных группах: «Сейчас и этого не делаем. Бочку с пивом обычно открывали на *кёр сәри* <...>. Ходили по дворам, по улицам, в ряд. На Дмитрия Селенского (Солунского. — Е.Я.) собирались, на престольный праздник. И некрещеные чувашаи собирались <...>. Сейчас “в ряд” не ходим, собираемся своими семьями». Распад последних вследствие урбанизации населения осложнил проведение совместных ритуалов и стал причиной либо сокращения обрядового действия, как, например, практики гостеваний *рет* на «чувашскую пасху» *Мәнкун*, либо сознательного прекращения ритуала *чўклем* старшим поколением (1910–1920-х гг. рождения) [5].

Сокращение циклов характерно и для похоронно-поминальной обрядности. В ряде селений Похвистневского района Самарской области* некрещеные чувашаи устанавливают поминальный столб *юпа* во время погребения, вместе с «сердечной» палочкой *чёре калакё / пус хушйкё*, и поминальный ритуал *юпа* проводят по возвращении с кладбища, а утром — ритуал «присоединения души» *пёрлештерни*. Через год на могиле устанавливают памятник, как правило, заказанный в бюро ритуальных услуг [5]. В среднем течении Большого Черемшана**, некрещеные чувашаи проводят *юпа* вместе с поминками 40-го дня [6; 9].

У Похвистневских чувашей изменения отмечаются и в деталях обряда: столб не заносят в дом, к нему не всегда привязывают полотенце («чтобы лишняя тряпка не висела на *юпа*», «чтобы не использовали при наведении порчи»), поминальные свечи устанавливают по краям больших мисок на столе, а не вдоль стены, основную свечу *сәван сурти* стараются делать короче («чтобы всю ночь не сидеть»). В отдельных семьях свечи вовсе не зажигают из боязни «неправильно» совершить ритуал: «У нас в родне были две тетки. Одной было 85 лет, другой — 87. Когда они умерли, нам не разрешили ставить свечки, сказали, что не сумеем

* С. Староганькино, Рысайкино, д. Новорысайкино, пос. Илингино, Сирмапуть.

** Черемшанский, Лениногорский районы Республики Татарстан.

правильно ставить, лучше и не надо. Мы провели только *хывни* <...>. Мне отец сказал, что мы не сумеем правильно обряд провести: “Вы не знаете, как мы проводили, не мучайтесь и больше ничего не делайте”. Мама привезла Улька апу (она уже умерла) из Якушкина, они пообедали, провели обряд со свечками, закончили все в один день и закрыли этот обряд, чтобы больше его не делать никогда <...>. Сейчас на *Симек* идем на кладбище, свечи не зажигаем, но *хывни* проводим <...>. Свечки перестали зажигать и на поминках. Не умеем правильно проводить обряды. Когда у меня умерла свекровь, еще жгли, чтобы свеча ей освещала путь. 17 лет (в 2014 г. — *Е.Я.*), как свекровь умерла, 3 года еще ставили свечки». Исчез обычай раздачи суровых ниток после похорон («сейчас говорят, что порчу наводят, перестали эти нитки раздавать»). При погребении некрещенные чуваша используют принадлежности православного обряда, приобретенные в ритуальных магазинах, удаляя с них христианскую атрибутику («покупаем гробы, сдираем с них кресты, кресты относим на кладбище»). Под влиянием православных соседей еженедельные поминки по четвергам *эрнекаç** вытеснены из практики поминальными днями на 3-й, 9-й дни, полгода и год [5].

Трансформации подверглись и такие значимые в жизни сельского сообщества ритуальные практики, как, например, общесельское моление *учук*. Несмотря на то, что сохраняется восприятие обряда его участниками как священнодействия, за последние десятилетия он существенно видоизменился вследствие разных причин. В одном случае, как, например, в с. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области, сокращение численности конфессиональной общины привело к тому, что кровавое жертвоприношение совершается нерегулярно, часто заменяется кашей, а моление проводят 2–3 женщины преклонного возраста [9]. В другом случае, в с. Старое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан, *учук* превратился в республиканское культурное мероприятие под названием «Открытый фестиваль чувашей Закамья Республики Татарстан — “Учук”» [7]. Если в Старом Афонькино жители не видят в подобных изменениях нарушения нормы и считают новую форму обряда приемлемой, то в Старом Суркино это привело к внутрисельскому противостоянию сторонников традиционного ритуала и обряда-фестиваля.

Следует отметить, что тенденции к «фестивизации» наблюдаются и в проведении *Акатуя* и *Уяв*, которые еще в начале 1990-х гг. преодолели формат сельских праздников и вышли на региональный и всероссийский уровень [4; 8; 10–12]. Учитывая праздничную основу этих обрядов, превращение их в массовые зрелищные мероприятия было оправдано и ожидаемо в русле консолидационных процессов чувашского сообщества, на волне национально-культурного возрождения народов России в конце XX — начале XXI в. Однако аналогичные явления происходят и с другими чувашскими обрядами. *Кёр сáри* из обряда осеннего поминовения (в позднем варианте, одновременно, благодарственного моления за новый урожай) превратился в праздничное шоу городского или регионального (областного/республиканского) масштаба в местах компактного проживания чувашей, которое местные общественные организации проводят ежегодно в октябре — ноябре. Обрядово-театрализованное представление включает инсценировку обряда (благодарственное моление и угощение пивом) и концерт фольклорных

* Некрещенные чуваша проводили еженедельное поминовение до установления столба *юпа*.

коллективов; при этом связь *Кёр сӑри* с поминальными обрядами полностью исчезла. Тенденцию к «фестивизации» и «шоуизации» празднично-обрядовой культуры в 2011 г. продолжил *чӱклем* в качестве областного праздника самарских чувашей. Связь с благодарственными молениями прослеживается в инсценировках фольклорных коллективов, содержащих символические псевдоритуальные действия: например, открывание бочки с пивом с последующим угощением, разрезание каравай хлеба из зерна нового урожая; но при этом проводятся и ритуалы, не свойственные *чӱклем* и относящиеся к поминальной обрядности (принесение в жертву петуха). Атрибуты праздника включают новые предметы, не характерные для традиционного ритуала, но концептуально связанные с ним, как, например, выставка «даров осени» — овощей и фруктов нового урожая [3].

Во всех указанных случаях трансформация традиционных ритуалов в современных условиях отражает общую тенденцию превращения этнических праздников в массовые зрелищные мероприятия, удовлетворяющие, в первую очередь, потребности участников в развлечении и отдыхе. Изменяясь в сторону масштабных праздников, они утрачивают религиозную составляющую, освобождаются от первоначальных смыслов как поминальных или благодарственных обрядов, однако, приобретают «новую сакральность» в качестве места, времени и способа перемещения в «этническое инобытие». Погружение в эту атмосферу создает условия для выполнения основной функции обрядов и праздников — актуализации этнического самосознания и этнической мобилизации.

Рост влияния в обществе Русской православной церкви привел к оживлению религиозной жизни православных приходов, увеличению их числа, внедрению новаций, исчезновению некоторых форм религиозности и даже конфликтам между жителями, практиковавшими нередко синкретические (языческо-православные, а часто и языческие) формы культа, и священнослужителями, борющимися за соблюдение религиозной «нормы». В качестве примера конфликтной модели приходской жизни рассмотрен приход с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области, где в течение нескольких лет автором велись наблюдения [13].

Девлезеркино является одним из крупных чувашских сел Самарского Заволжья. Основанное в начале XVIII в., уже в середине того же столетия оно становится центром религиозной жизни для сельской округи. Приход был основан в 1757 г., тогда же началось строительство первой деревянной церкви, освященной в честь Св. Троицы. По названию храма и село в документах называлось Троицким. В последующем здание церкви обновлялось, а в начале XX в. было построено каменное здание. Однако в 1929 г. храм был разрушен воинствующими атеистами, а камни розданы для строительства различных социальных и производственных объектов, в том числе амбулатории — в самом Девлезеркино. Несмотря на разрушение храма, религиозная община продолжала существовать, моления и требы (в основном крещение, отпевание) совершались пожилыми женщинами, местными жительницами, на дому. Богослужения проходили на чувашском языке, который еще в конце XIX в. был внедрен в религиозную практику села, как и повсеместно в чувашских селах Самарского края. Псалтирь и другие тексты на чувашском языке, в том числе рукописные, сохранялись и бережно передавались из рук в руки. В советское время практиковалось посещение

пожилыми женщинами храмов в близлежащих селах — у девлезеркинцев популярно было ездить в с. Биляр-Озеро Нурлатского района Республики Татарстан, где службы шли на чувашском языке. Более молодое поколение ездило в храм тайно причаститься или крестить детей.

В начале XXI в. верующие жители с. Девлезеркино неоднократно поднимали вопрос об открытии собственного храма. Приход в селе был восстановлен в ноябре 2012 г.: был выбран приходской совет, под будущую церковь отвели здание амбулатории, возведенное в 1930-х гг. из материалов разобранной Свято-Троицкой церкви с. Девлезеркино. Новое здание располагается вблизи нее. Храм был открыт 12 июля 2015 г., а в июне 2016 г. на службу в церкви был определен священнослужитель (страница прихода: <http://devlezer.cerkov.ru> на сайте PRINOD.RU). Несмотря на то, что новая церковь воспринимается прихожанами как продолжение традиций Свято-Троицкой церкви, при открытии прихода было решено освятить храм в честь св. Петра и Павла. При этом прихожане ориентировались на традиции с. Девлезеркино, в котором Петров день (12 июля) является главным летним праздником и связан с обычаем завершать или «проводить» *Уяв* — период летних игрищ и хороводов чувашей. Таким образом, чувашский обычай, связанный с традиционной, «языческой» верой, стал определяющим при установлении норм религиозной жизни православного прихода.

Появление церкви и «своего» священника активизировало религиозную жизнь в Девлезеркино: здесь регулярно проходят службы, совершаются причастия, отпевания, изредка — крещение и венчание, крестные ходы. Вместе с тем ряд новшеств в культовой практике, введенных священником, привел к конфликту с паствой.

В отличие от многих других чувашских селений Самарского Заволжья, в Девлезеркино весеннее поминовение предков с посещением могил на кладбище традиционно проводилось в среду перед праздником Вознесения Христова. Однако часть активистов местной религиозной общины при поддержке священника в последние годы настаивает на переносе поминального дня на субботу перед Св. Троицей, ссылаясь на повсеместное распространение этого обычая, а также на то, что среда перед Вознесением является праздничным днем (Отдание Пасхи), несовместимым с панихидой и посещением кладбища. Тем не менее, большинство жителей села продолжает выходить на кладбище перед Вознесением, а меньшинство — перед Троицей. Некоторые из жителей поминают на кладбище дважды. Эта ситуация длится с 2014 г., в 2018 г. противостояние перешло в открытую форму — словесные перепалки со священником на кладбище, а в 2019 г. состоялось обсуждение этого вопроса на странице сайта «Одноклассники» [13]. С увещеванием не выходить 5 июня 2019 г. местный священник 26 мая обратился к пастве в группе в социальной сети ВКонтакте, грозя божьей карой тем, кто его слушается: «Меня не послушаете как священника и служителя Христова, тогда за вас возьмется Господь и рука его, ой как тяжела!» [17]. В день поминовения священнослужитель на кладбище попытался уговорить жителей разойтись по домам, но получил отпор [13].

Другим поводом для конфликта стало активное внедрение молодым священнослужителем новых похоронно-поминальных практик. Он запретил пожилым жительницам села совершать отпевание и панихиды на дому, что практиковалось в Девлезеркино до открытия храма в 2015 г. При этом местные жители

по привычке предпочитают проводить поминальную службу дома и на чувашском языке, совмещая ее с трапезой, в то время как священник требует присутствия членов семьи на общем молебне в церкви по определенным дням, а трапезу заменять подношением поминальной еды неумиющим. Компромиссным вариантом стало отпевание покойного в церкви и подношения в дни поминовения, но поминовение с трапезой в домашних условиях [13].

Конфликт возник в результате переноса священнослужителем отпевания покойных на утренние часы (около 9 ч. утра) для удобства прихожан («поскольку покойного хоронят на третий день, то его родственники ко дню похорон устают, а еще им нужно возвращаться в город»). Родственники покойного неоднократно возмущались этим нововведением, в результате чего прежний порядок был восстановлен. Нарекания паствы вызывают и другие особенности поведения священника в приходе — долгие проповеди («старым людям малопонятны, и их трудно выстоять»), отказ от складывавшейся традиции крестных ходов на Преображение Господне (28 августа) и др. [13].

Аналогичные попытки «скорректировать» религиозное поведение своих прихожан предпринимаются и в других приходах с чувашским населением. Нарекания священнослужителей вызывают чувашские обычаи — кормление предков на кладбище в поминальные дни, раздача суровых ниток и др. [14]. Следует отметить, что подобные ситуации наблюдаются не только в чувашских селах, но и в других местностях российской провинции как следствие противостояния возрожденной церкви и народного православия [2].

В формировании новой культовой практики сел активно участвует местная администрация. Так, глава поселения с. Девлезеркино непосредственно занимался открытием прихода, сбором средств, строительством и оформлением здания церкви, приобретением церковного инвентаря, поиском священника и другими вопросами приходской жизни. Другим крупным проектом, реализованным при участии местной администрации, стало строительство часовни. В 2018 г. в Девлезеркино был расчищен источник, возле которого еще в XIX в. жители совершали моление *учук*, а в начале XX в. — православные молебны; в 1903 г. здесь была установлена часовня. В ходе расчистки источник был освящен в честь св. Пантелеймона, над ним была построена новая большая часовня с купальней. Восстановленный объект культа стал одновременно и местом паломничества жителей окрестных сел и соседних районов области, и источником целебной, по мнению местных жителей, воды. Особенно популярен девлезеркинский источник накануне и в день Богоявления (Крещения) 19 января. Местный священник проводит вечернюю крещенскую службу, на которую собираются сотни паломников, а забор святой воды и купание в источнике продолжают три последующих дня. За крещенскую неделю в 2019 г. у источника побывало около 5 тыс. чел., в том числе и на вечерней службе — более 200 чел. [13]. Таким образом, благодаря устройству часовни значительно укрепились позиции Крещения как престольного праздника с. Девлезеркино, включая визиты родственников из других сел и гостевания.

Новацией последних десятилетий стало активное вовлечение детей в религиозную жизнь приходов. Оно осуществляется через воскресные школы, участие в богослужениях вместе с родителями, знакомство с детской религиозной литературой. В 2001 г. по инициативе митрополии в Самарской области был образован

некоммерческий фонд «Детский епархиальный образовательный центр» (ДЕОЦ), который со временем обрел филиалы в районах, в том числе местах компактного проживания чувашей: в Борском, Иса克林ском, Кошкинском, Клявлинском, Похвистневском, Челно-Вершинском, Шенталинском районах. В Челно-Вершинском районе филиал возглавляет о. Александр Полтаев. Он был организован на базе воскресной школы при храме в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в с. Челно-Вершины. Активная деятельность началась с сентября 2013 г. [15]. В работу филиала вовлечены обучающиеся сельских школ района, в том числе и с. Девлезеркино. В последнем с 2001 г. существует детская фольклорная (чувашская) группа «Сӓлкус» (Родничок), основателем и руководителем которого является Н. Краснова. Участники фольклорной группы неоднократно представляли Челно-Вершинский филиал ДЕОЦ на региональных фестивалях, занимая призовые места. Дети принимали участие в праздничных богослужениях в храме с. Челно-Вершины. Большое впечатление на местных прихожан произвело исполнение детским коллективом песнопений во время пасхальной службы: «Представляете, они возвращаются с крестного хода, а мы тут их встречаем пасхальными песнопениями <...>. Конечно, детям трудно было выдержать службу, им спать хотелось — кто на лавочку присядет, кто прямо на полу <...>. Но зато потом как они оживлялись, пели...» [13].

Распространение информационных технологий и вовлечение в глобальную сеть жителей самых отдаленных уголков мира внесло коррективы и в приходскую жизнь. Часть ее проходит в виртуальном пространстве, на страницах социальных сетей, где размещается актуальная для прихожан информация (о проведении службы, крестного хода и т.д.), тексты молитв, проповедей, назидательные истории, сюжеты из религиозной жизни страны и др. Число участников таких групп в Одноклассниках или в ВКонтакте нередко значительно превышает реальные масштабы участия жителей села / прихода в богослужениях. Например, в церкви св. Петра и Павла в с. Девлезеркино даже на воскресную литургию собирается не более 20 чел., в основном, жительниц села [13], в то время как в группе «Храм Петра и Павла с. Девлезеркино» в Одноклассники.ru насчитывается 85 чел. — людей среднего возраста и молодежи, проживающих в Девлезеркино, или горожан — уроженцев этого села [16]. В одноименной группе в сети ВКонтакте насчитывается 125 чел. Новостная лента группы регулярно обновляется [17]. Таким образом, дистанционно участники социальных сетей вовлечены в жизнь прихода, села и имеют возможность отслеживать информацию, касающуюся ее религиозной составляющей. В целом, на приведенных выше примерах интерактивной коммуникации мы можем наблюдать такие характеристики современной религиозной жизни чувашей, как конвергентность религиозных практик и многомерность религиозной реальности [1].

Изучение трансформации религиозных практик чувашей в современных условиях показало следующие изменения: 1) сокращение числа участников религиозных практик, редукцию обрядности и исчезновение ряда элементов; 2) фестивализацию празднично-обрядовой культуры, сопровождающуюся утратой сакральности и первичных смыслов религиозных ритуалов; 3) внедрение новых практик, вызывающих конфликтные ситуации в православных приходах; 4) активное взаимодействие церкви с образовательными учреждениями, органами власти; 5) расширение опосредованного техническими средствами и новыми

информационными технологиями участия в религиозной жизни прихода и формирование цифрового религиозного пространства.

Список источников и литературы

1. Зимова Н.С., Фомин Е.В. Особенности трансформации религиозных практик в сети Интернет // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 160–164.
2. Левкиевская Е. «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина; отв. ред. Д.В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 10–34.
3. Полевые материалы автора (ПМА), 2011. г. Самара.
4. ПМА, 2011. Ульяновск.
5. ПМА, 2014. Самарская область, Похвистневский район, пос. Сирмапусь, с. Староганькино.
6. ПМА, 2014. Республика Татарстан, Черемшанский район, с. Новое Ильмово.
7. ПМА, 2014. Республика Татарстан, Альметьевский район, с. Старое Суркино.
8. ПМА, 2014. Самарская область, Исаклинский район, с. Исаклы.
9. ПМА, 2015. Самарская область, Шенталинский район, с. Старое Афонькино.
10. ПМА, 2015. Самарская область, Похвистневский район, с. Рысайкино.
11. ПМА, 2016. Самарская область, Борский район, с. Борское.
12. ПМА, 2018. Самарская область, Красноярский район, с. Белозерки.
13. ПМА, 2014–2020. Самарская область, Челно-Вершинский район, с. Девлезеркино.
14. ПМА, 2020. Самарская область, Клявлинский район, с. Борискино-Игар.
15. Филиал НФ ДЕОЦ «Челно-вершинский» [Электронный ресурс]: Некоммерческий фонд «Детский епархиальный образовательный центр». URL: <https://нфдеоц.рф/filialy/chelno-vershinskij> (дата обращения: 22.03.2020).
16. Храм Петра и Павла с. Девлезеркино [Электронный ресурс] // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/group/56651962646586> (дата обращения: 22.03.2020).
17. Храм Петра и Павла с. Девлезеркино [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/devlezerhram> (дата обращения: 22.03.2020).
18. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / отв. ред. Е.А. Ягафова. Самара: ПГСГА. 2010. 366 с.

Е.А. Iagafova

TRANSFORMATION OF RELIGIOUS PRACTICES OF THE CHUVASH AT THE TURN OF THE XXI CENTURY

Annotation. The article analyzes the process of transformation of modern religious practices of local Chuvash groups. The author observes changes that affect the ritual calendar and family rituals, as well as innovations in the religious life of Orthodox parishes associated with the influence of church and new information technologies.

Keywords: chuvash, religious practices, transformation, paganism, Orthodoxy.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА

Аннотация. Актуальность сохранения этнической индивидуальности и поддержания национально-духовных приоритетов обусловлена влиянием глобализации. И поскольку духовные и нравственные ориентиры чувашского народа прочно связаны с прошлым, мы обратились к теме, подробно раскрывающей аспекты их этноконфессионального развития с учетом царской политики в сфере религии, в результате которого сложилась система духовно-нравственных ориентиров, сохраняющаяся практически до настоящего времени.

Ключевые слова: чуваша, духовно-нравственные ориентиры, язычество, христианство, ислам, крещение, синкретизм, традиционная культура.

Современный период российской истории – это время смены ценностных ориентиров. Перемены конца XX – начала XXI в. оказали существенное влияние на все сферы жизни российского общества, в том числе на его духовно-нравственный облик. В России произошел демонтаж советской идеологии. Стали поспешно копироваться западные формы жизни. Это был период смены ценностных ориентиров, повлиявший на духовное единство общества, жизненные ориентиры молодежи, сложившуюся веками систему ценностей старшего поколения, приведший к деформации традиционных для страны моральных норм и нравственных установок. Несмотря на то, что российским законодательством были установлены общественные ценности и приоритеты, у наших граждан в то время не сложилось ясно выраженной системы ценностных ориентиров, объединяющих их в единую историко-культурную и социальную общность.

В то время как отечественная культура предоставляет каждому человеку возможность выбора лучших духовно-нравственных приоритетов в соответствии с его интересами, потребностями, способностями и условиями жизни, а современное воспитание ориентировано на достижение определенного идеала, то есть образа человека, имеющего приоритетное значение для общества в конкретно-исторических социокультурных условиях, исследования последних лет свидетельствуют о деформации духовно-эстетических, нравственных ценностей в российском обществе.

Содержание духовно-нравственного развития и воспитания личности определяется в соответствии с базовыми национальными ценностями и приобретает определенный характер и направление в зависимости от того, какие ценности общество разделяет, как организована их передача от поколения к поколению.

Духовно-нравственное развитие и воспитание личности в целом является сложным, многоплановым процессом. Оно неотделимо от жизни человека во всей ее полноте и противоречивости, от семьи, общества, культуры, человечества в

целом, от страны проживания и культурно-исторической эпохи, формирующей образ жизни народа и сознание человека. Безусловно, оно начинается в семье. Ценности семейной жизни, усваиваемые ребенком с первых лет жизни, имеют непреходящее значение для человека в любом возрасте. Взаимоотношения в семье проецируются на отношения в обществе и составляют основу гражданского поведения человека. Следующая ступень развития гражданина — это осознанное принятие личностью традиций, ценностей, особых форм культурно-исторической, социальной и духовной жизни его родного села, города, района, области, края, республики. Через семью, родственников, друзей, природную среду и социальное окружение наполняются конкретным содержанием такие понятия, как «Отечество», «родная земля», «родной язык», «малая Родина», «моя семья и род», «мой дом».

Более высокой ступенью духовно-нравственного развития формирующейся личности является принятие культуры и духовных традиций многонационального народа Российской Федерации. Российскую идентичность и культуру можно сравнить со стволом могучего дерева, корни которого образуют культуры многонационального народа России. Важным этапом развития гражданского самосознания является укорененность в этнокультурных традициях, к которым человек принадлежит по факту своего происхождения и начальной социализации.

Основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации являются базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях.

Базовые национальные ценности производны от национальной жизни России во всей ее исторической и культурной полноте, этническом многообразии. В сфере национальной жизни можно выделить источники нравственности и человечности, то есть те области общественных отношений, деятельности и сознания, опора на которые позволяет человеку противостоять разрушительным влияниям и продуктивно развивать свое сознание, жизнь, саму систему общественных отношений.

В средневековой Руси воспитательный идеал был укоренен в религии. Православная церковь направляла и объединяла деятельность семьи, народа и государства в общем пространстве религиозного, духовно-нравственного воспитания. Именно вера была одним из важных факторов, обеспечивающих духовное единство народа.

Для сохранения целостности страны, территория которой постоянно расширялась, нужна была общая система нравственных ориентиров, ценностей и смыслов жизни, таких как честь, верность, соборность, самоотверженность, служение, любовь. Православие объединяло людей (ими считались все принявшие православие, а не только этнические русские) в единый народ. Именно поэтому защита родной земли приравнивалась к защите православия, что и породило такой компонент самосознания, как образ Святой Православной Руси.

В XVIII в. Россия стала империей, сила которой заключалась в централизации и концентрации государственной власти в руках правящего монарха — императора. Государство возвышалось над церковью, был сформулирован новый воспитательный идеал — «человек государственный, слуга царю и Отечеству».

Образовательная система стала ориентироваться на задачи подготовки профессиональных кадров для государственных нужд. «Всяческое беззаветное служение на благо и на силу Отечества, — утверждал М.В. Ломоносов, — должно быть мерилом жизненного смысла» [5, с. 42]. Главным в воспитании стало формирование человека-патриота, отличающегося высокой нравственностью, любовью к науке, трудолюбием, служением России. Для императорской России был характерен идеал гражданина, полезного государству и Отечеству.

В советский период государство обрело всю полноту власти над гражданином и его частной жизнью. Устраняя влияние церкви на личную и общественную жизнь, подавляя религиозное сознание, советское государство само претендовало на роль новой вселенской церкви. Спектр жизненных смыслов был сжат до веры в коммунизм и служения коммунистической партии. Вместе с тем советская эпоха сформировала высокий педагогический идеал — воспитание всесторонне развитой личности, дала примеры массового патриотизма, героического служения, вплоть до самопожертвования, во имя будущего своей страны и своего народа, пренебрежения материальным во имя идеального.

В 1990-е гг. в России был сформирован идеал свободной в своем самоопределении и развитии личности, «освобожденной» от ценностей, национальных традиций, обязательств перед обществом.

Сегодня, на новом этапе развития Российской Федерации, при определении современного национального воспитательного идеала необходимо в полной мере учитывать: внешние и внутренние вызовы, стоящие перед Россией; духовно-нравственные ценности и ориентиры, определенные в соответствии с действующим российским законодательством; преемственность современного национального воспитательного идеала по отношению к национальным воспитательным идеалам прошлых эпох.

Духовное возрождение России потребует восстановления традиционной многонациональной культуры, которая на протяжении многих веков отражала духовно-нравственные ценности. Духовность — это ценностный ориентир, позволяющий определить нравственный потенциал человека, помогая ему осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения, образуя внутренний стержень культуры, потребности и интересы подрастающего поколения. Поэтому проблема духовного формирования и развития личности приобретает особую актуальность и выступает на передний план в перечне приоритетных проблем, требующих наиболее пристального внимания педагогов и общества в целом.

Что касается духовно-нравственных ценностей и ориентиров чувашей Башкортостана, то они формировались в течение многих столетий и в разных исторических условиях. Формирование же самого чувашского населения в Башкирском крае произошло в результате переселений чувашей из пределов этнической территории, вызванных обстановкой, сложившейся в Среднем Поволжье в XVII—XIX вв. Переселения были вызваны не только социально-экономическими факторами, но и причинами духовного, культурного характера. Христианизация чувашского народа, явившись крупномасштабной политикой самодержавия по утверждению своего политического и духовного господства, оказала существенное влияние на духовно-нравственные ориентиры чувашей. В XVII—XVIII вв. именно насильственное обращение чувашей в христианство явилось сильнейшим фактором их миграции в Башкирию.

Политика царизма в сфере религии опиралась на постулаты политической философии правящего сословия России, в которой господствовала идея социально-политической интеграции народов многонационального Русского государства на основе христианизации и русификации. «Различия же касались методов достижения этих целей (насильственными, миссионерскими), соотношения процессов христианизации и русификации», — заметил Р.Г. Кузеев [4, с. 185]. По его мнению, в своем историческом развитии «политика царизма в области религии прошла четыре крупных этапа» [4, с. 185].

На первом этапе, начинающемся с учреждения Казанской епархии в 1555 г. и продолжающемся до создания специальной комиссии по новокрещенским делам в 1731 г., создавались и укреплялись православно-миссионерские центры, готовилась идеологическая и теоретическая база православного миссионерства, началась церковно-монастырская колонизация чувашских земель. Государственной властью и православной церковью проводилась работа по распространению христианства среди чувашей, придерживавшихся до этого язычества. Работа эта проходила с переменным успехом, но по большей своей части имела мало положительных результатов. Чувашки принимали крещение, но оставались теми же язычниками по образу жизни, обрядам, верованиям, что и ранее. Воздействие христианства на традиционную культуру народа было минимальным, и политику христианизации того периода можно рассматривать как время подготовки царизма и православной церкви к предстоящей масштабной миссионерской деятельности [9, с. 60].

Следующий этап христианизации (1760–1780-е гг.) сопровождался насильственным массовым крещением чувашей, наложением запрета на осуществление традиционных религиозных обрядов и т.д. Результатом всего этого явились изменения некоторых внешних этнокультурных черт: чувашки, став формально православными, получили от миссионеров христианские имена, нательные кресты, иконы [9, с. 60]. Насильственное обращение в христианство стало одним из сильнейших факторов миграции чувашей в Башкирский край.

На новой территории чувашки были втянуты в активные межэтнические культурно-языковые взаимодействия и контакты. Они испытали определенное влияние со стороны окружающих национальностей, прежде всего башкир, татар, русских, что проявлялось не только в хозяйстве, быте, но и в языке, а иногда и в религии, и в сфере их самосознания. Специфика социально-экономического и исторического развития Башкирского края, сложность этнического состава населения, интенсивные межэтнические контакты вызывали в культуре пришлых чувашей сложное переплетение традиционных и приобретенных культурно-бытовых форм и особенностей.

В церковно-административном отношении Оренбургский край до учреждения самостоятельной епархии в своих пределах (до 1800 г.) был подчинен разным епархиальным центрам. Так, к примеру, Уфимская губерния, (по-прежнему делению — провинция), с самого начала целиком входила в состав Казанской епархии.

Однако чувашки в преобладающей массе восприняли крещение еще до поселения в наш край, ведь в Поволжье эти процессы начались с момента подчинения Казанского ханства (с середины XVI в.) Русскому государству. Тут возникает другой вопрос — какими православными они тогда были? И были ли, вообще, православными в истинном понимании этого слова?

Характерной особенностью третьего этапа христианизации (конец XVIII – первая половина XIX в.) стало использование миссионерами некоторых просветительских методов. Чуваши не понимали новой веры, звучавшей на русском языке в богослужениях и проповедях. В этот период начали переводить на «иностранческие» языки Библию и миссионерскую литературу. Однако, как показала практика, переводы были оторваны от реального применения и пользы не принесли. Имелся опыт открытия школ для «иностранцев», где преподавание велось на русском языке. Ученики такие школы не заканчивали, потому что русским языком не владели, а по существующей программе выучить его не могли. Если кто и оканчивал школу, то на фоне русских учеников оставался полуобразованным «иностранцем», темным и невежественным. Следует полагать, что если такой ученик заканчивал школу, училище, а потом и университет, то, став просвещенным, стеснялся своего нерусского происхождения и вряд ли приносил пользу своему народу. Тем не менее, уже тогда миссионерская деятельность постепенно влияла на устоявшиеся религиозные стереотипы и духовно-нравственные ценности чувашского народа [8, с. 410].

Во второй половине XIX в. к дальнейшей деформации религии и существенным изменениям в системе духовно-нравственных ценностей чувашского народа привело широкое использование миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского. Заметив различие между книжным и разговорным чувашским языком, он сделал предположение, что миссионерские книги должны переводиться на живой разговорный язык, что сделало бы их понятными для «иностранцев». Создание алфавита для чувашей и чувашские переводы впоследствии послужили примером для переводов на другие языки региона. Начали разрабатываться и публиковаться учебники и литература для школ «иностранцев», что послужило формированию литературных языков этих народов. Вершиной переводческой деятельности, которая со временем стала финансироваться государством, явились церковные богослужения на чувашском языке. Церковная служба на родном языке буквально сделала «иностранцев» христианами.

Благодаря «системе Ильминского» в дело продвижения миссионерских и просветительских идей среди чувашского населения активно включились и сами иностранцы. Созданная Н.И. Ильминским и его последователями система сельских иностранческих училищ (школ) для чувашского населения края стала начальным этапом его просвещения.

Для миссионерской деятельности и преподавания в этих школах кадры формировались в Казанской и Симбирской учительской семинариях, в Уфимской, позднее – Оренбургской татарско-башкирской учительской школе, Уфимской марийской (черемисской) школе, Благовещенской учительской семинарии, Бирской иностранческой учительской школе и так далее. Их выпускники становились учителями, священниками, врачами, учеными. Таким образом, шло постепенное формирование национальной интеллигенции.

В соответствии с «Системой Ильминского» в обучении использовался родной язык «иностранцев» в контексте христианской культуры, что способствовало сохранению самобытности народов, их сближению с русской нацией. Главная идея Н.И. Ильминского – единение народов России не через унификацию языка и культуры, а через сохранение самобытности наций при единении веры, как единой национальной идеологии.

Если поворот к христианству среди чувашей Среднего Поволжья, которые официально были крещены еще в середине XVIII в., наступил в середине XIX в., то среди чувашей Башкирии он произошел не ранее второй половины и даже конца XIX в. По данным переписи 1897 г., в правобережных уездах Казанской губернии проживало 10 939 некрещеных чувашей при общей численности чувашского населения в 4 337 204 чел., а в Симбирской губернии – 371 на 147 729 чувашей, что составляло в обоих случаях примерно 0,25 % от общей численности чувашей в этих губерниях [12, с. 273].

Что касается Уфимской губернии, то, как отмечал С. Рыбаков, «чувашаи (62 000) – родственное башкирам племя – переселились из Казанской и Симбирской губерний, частью из Саратовской и Самарской лет 250 тому назад, опасаясь принуждения со стороны русских к принятию христианства; живут, главным образом, в Белебеевском и Стерлитамакском уездах, а также в небольшом числе в Уфимском <...> Большинство чуваш – христиане уже больше 100 лет, но, живя до последнего времени вдали от церквей (последних среди них небольшое число) и влияния священников, они равнодушно относятся к христианской религии, которой не знают, и придерживаются языческих обрядов на свадьбах, похоронах и в других случаях. Меньшая часть чуваш – язычники» [7, с. 5–6].

В отчете Н.Ф. Катанова подчеркивается, что «язычники – мордва, чувашаи и черемисы заселяют, главным образом, уезды Уфимский, Бирский и Белебеевский» [3, с. 7–8].

По данным переписи населения 1897 г., православных чувашей по губернии всего: 29 543 м.п. и 29 179 ж.п., в уездах – 29 297 м.п. и 29 179 ж.п., чувашей-магометан по губернии – 105 м.п. и 825 ж.п., в уездах – 101 м.п. и 822 ж.п. Они по уездам (по религиям) распределялись таким образом: православные: в Уфимском (1 129 м.п. и 885 ж.п.), в Белебеевском (15 129 м.п. и 14 919 ж.п.), в Бирском (27 м.п. и 31 ж.п.), в Златоустском (6 м.п. и 4 ж.п.), в Мензелинском (1 230 м.п. и 1 335 ж.п.), в Стерлитамакском (11 776 м.п. и 11 934 ж.п.); чувашей-магометан: в Уфимском (1 м.п.), в Белебеевском (47 м.п. и 812 ж.п.), в Бирском (1 ж.п.), в Мензелинском (26 м.п. и 8 ж.п.), в Стерлитамакском (21 м.п. и 1 ж.п.) [6, с. 42, 44–45, 48, 50, 52, 54, 56].

По данным С.В. Чичериной, «1 1/2 % уфимских чуваш при переписи объявили себя магометанами и столько же язычниками» [11, с. 419]. Если в 1897 г. в Казанской епархии на более чем полмиллиона чувашей приходилось 30 чувашей-священников, а в Симбирской такое же количество на более 170 тыс., то в Уфимской – на более 60 тыс. чувашей – 22 священника, что было по отношению к числу жителей почти в шесть раз больше, чем в губернии Казанской [11, с. 417–419].

В целом, религиозная ситуация среди чувашей края в конце XIX – начале XX в. представлялась гораздо благоприятней, чем полвека назад. Об этом свидетельствуют и отчеты Уфимского епархиального комитета Православного миссионерского общества, в которых духовенство рапортовало о своих достижениях в христианизации паствы [10, с. 236].

Следует заметить, что с постройкой церквей и школ открытая магометанская пропаганда прекратилась. «В последние 5 или 6 лет не было случая, чтобы заставляли в домах крещеных чуваш татарского муллу с книгами; перестали странствующие муллы обучать татарской грамоте и молитвам на дому чувашских детей.

Сами чувашки перестали своих сыновей возить в соседние татарские селения для обучения их в медресе» [10, с. 140–151, 202]. Чувашки «и сами теперь многие не общаются с татарами. Прежняя нерасположенность чуваш к церкви и школе, писал благочинный А. Петров, проходит навсегда. Теперь не заметно и того, чтоб чуваш стыдился перед кем бы то ни было перекреститься, что было обычным явлением прежде <...> Во многих приходах чувашки, прежде чем начать играть свадьбу в случае женитьбы сына приходят к священнику, просят советы и благословения, затем лишь, пообвенчавшись в церкви, играют свадьбу и вводят в дом невесту. Случай же, чтобы жили невенчанно по нескольку лет, в приходах, где церкви немного раньше построены, составляют ныне очень редкое явление... Не встречается случая, чтобы крестить ребенка принесли через два-три года после рождения, что было раньше обычным явлением, а теперь обыкновенно приносят крестить в первое же воскресенье по рождении, редко по второе и тут же крещеного ребенка причащают. В приходах Зириклов и Слак-Баша бывали случаи, что многие дети оставались без крещения до большого возраста: в 1896 году Зириклы священник Андрей Васильев окрестил двух девочек 7 и 9 лет; в Слак-Башевском приходе местным священником в 1894 году окрещена девушка 22 лет; в том же приходе несколько чувашки заявили, что еще есть оставшиеся раньше без крещения в возрасте девушки, просящие ныне крещения, записывались в исповедные росписи, по показанию родителей, христианскими именами, выходили замуж, венчались в церкви и приобщались святым Таинствам под христианским именем» [10, с. 202].

Известно, что в д. Суккулово, расположенной в 12 верстах от церкви, чувашки и татары составляли одно сельское общество. В деревне были два избранных из чувашек церковно-приходских попечителей: Д.И. Гарин и Ф.Н. Головин. Сохранился отрывок из беседы пастыря с прихожанами-чувашками д. Суккулово, в котором запечатлен случай, произошедший с одним из них: «один чуваш бил Гарина веревкой: хоть черту молись, но не меняй старую веру (епле авал кларна, сяпла пуссябась тетпыр). В пятницу никто не работал ... А теперь – кто Пятницу, кто Воскресенье празднует» [10, с. 744–757].

В целом, Русская православная церковь не испытывала больших трудностей в деле христианизации чувашского населения, поскольку с его стороны не было такого активного религиозного противостояния, как, например, у татар, которые не просто продолжали исповедовать ислам, но и всячески противостояли православному миссионерству, одновременно оказывая давление как на русских, так и на другие национальности.

В конце XIX – начале XX в. борьба между православием и исламом за религиозные симпатии нерусских народов превратилась для чувашек в проблему самосохранения этноса. Хотя, что касается чувашек, как отмечал С. Рыбаков, то они «менее поддаются влияниям магометан, чем другие инородцы» [7, с. 6]. Если христианизация и не привела к прямому обрусению чувашек, хотя это и предусматривалось как естественный итог процесса, то переход в мусульманство неизменно приводил к немедленному «отатариванию»: восприятию первоначально татарского языка, татарской одежды и так далее и, в конечном итоге – изменению самосознания.

Степень духовного влияния магометан измерялась количеством образовательных средств, находящихся в их распоряжении. В обозрении церковью Уфим-

ской епархии епископ Дионисий подчеркивал, что в 1889 г. православных было церковей 349, а мечетей 1555, православных священников 360, а татарских мулл 46 654, магометанских медресе и мектебе — 6220, а церковных школ — 231 [10, с. 56, 54].

Однако в ряде случаев практика отатаривания чувашей была не столь успешной. Об этом свидетельствует ситуация, сложившаяся в чувашских селениях — Базгиево и Наратасты Белебеевского уезда, мусульманизация которых была начата в начале XX в., но с установлением советской власти была прервана. В них чувашаи со временем перестали говорить на чувашском языке, а перешли к общению только на татарском языке. В то же время все они называли себя чувашами, считались православными и носили христианско-русские имена, что особенно ярко проявлялось в советский период истории.

Небезынтересно отметить, что для татар, несмотря на обыденность языка, жители вышеназванных деревень остаются нетатарами же, а с чувашами, несмотря на общее национальное происхождение, они не могут общаться, так как не владеют языком.

Во многом этому способствовало и то, что «мечетей по всему Шаранскому приходу было бесчисленное множество, а христианская церковь только одна, и притом настоятель ни слова не знал по-иностранному» [10, с. 111].

В то же время невозможно не говорить и о больших успехах Русской православной церкви в деле обращения нерусских народов в лоно истинной веры. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, если в 1911 г. в своем отчете Оренбургский православный комитет, куда входили чувашские с. Кривле-Илюшкино с хуторами Павловским и Михайловским, с. Уралка Ермолаевского прихода Орского уезда, впоследствии оказавшиеся в составе населенных пунктов Башкирии, оптимистично заявлял, что «чувашаи Оренбургской губернии все христиане» [2, с. 81]. Но до открытия церковных приходов в вышеназванных чувашских селениях многие чувашаи назывались христианами, а на деле были язычниками. Несмотря на преследования, они «торжественно совершали в рощах <...> во главе со стариками <...> общие моления, приносили кровавые жертвы и исполняли языческие обряды» [2, с. 81]. Так, например, жители с. Уралка Оренбургского уезда не отличались преданностью православной церкви. В селе более тридцати лет существовала и министерская школа, которую курировал православный священник. Однако никакого существенного влияния на чувашское население она не оказывала. «Уральцы совсем не посещают православный храм. Не соблюдают церковных уставов, не придают никакого значения церковным обрядам и таинствам» [2, с. 81]. Уездный смотритель церковных школ священник А. Пинегин докладывал епархиальному комитету, что «все чувашские семьи Уралки не венчаны» и, что «чувашаи имеют полное религиозное равнодушие» [2, с. 81]. При встрече с православными священниками они молились по-православному и совершали христианские обряды, а после разговора с мусульманами начинали молиться по-мусульмански. Это происходило оттого, что чувашаи приняли православие формально. Эта религиозная неискренность проявлялась и в том, что крещенные родители-чувашаи своих детей не крестили и не воспитывали в православных традициях. А причина все та же — верность язычеству.

К концу 1914 г. в епархии насчитывалось 117 657 крещенных душ обоого пола, в том числе 71 243 чувашей, 46 414 татар, 4500 мордвы, 3939 мари, 1709 удмуртов, 213 башкир [1, с. 627].

К 1917 г. были крещены: мордва – вся, чувашаи – 92 %, удмурты – 8,9 %, восточные марийцы – 4,7 % [1, с. 662].

Еще до переселения в результате активизации миссионерской деятельности православной церкви произошло постепенное нарушение устоявшихся религиозных стереотипов чувашского народа и рост языческо-православной синкретизации.

Следствием дальнейших этноконфессиональных процессов под воздействием христианизации стал почти полный, за небольшим исключением, переход чувашей края в православие при сохранении элементов язычества в обрядности.

Вместе с тем следует заметить, что чувашаи сохранили свою самобытность, язык, традиционную культуру. Распространение христианства среди них не разрушило их этническое самосознание. Поверхностная христианизация объясняется тем, что языческие верования имели у чувашей очень глубокие корни, сложно переплелись с их хозяйством, образом жизни, общественным строем, традиционной культурой. В этом сочетании языческая религия и народная культура действительно были неразрывны и выступали фактором этнической идентичности [9, с. 59].

Сложившаяся к началу XX в. синкретическая религиозно-обрядовая культура со своей системой духовно-нравственных ценностей у чувашского населения Башкирии сохраняется с небольшими изменениями вплоть до настоящего времени. Она служит для него одним из ориентиров духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России, что является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. Ведь невозможно создать современную инновационную экономику, минуя человека, его состояния и качества внутренней жизни. Темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей. Воспитание человека, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России.

Список литературы и источников

1. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: Башкир. энциклопедия, 1996. 672 с.
2. *Ефименко М.Н.* О религиозной принадлежности чувашей // Чувашаи в Оренбургском крае: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. Оренбург: Оренбург. печатный двор, 1998. 84 с. (Серия «Многонациональный мир Оренбуржья»; вып. 10).
3. *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета. Казань: Типо-лит. Императ. ун-та, 1898. Т. 65. Кн. 11. 39 с.
4. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
5. *Ломоносов М.В.* Для пользы общества ... / М.В. Ломоносов; вступ. ст. А. С. Елеонской. М.: Сов. Россия, 1990. 381 с.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897: [кн. 1–89] / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 45: Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Центр. стат. комитет М-ва внутренних дел, 1899–1905. 198 с.
7. *Рыбаков С.* Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб.: Синод. тип., 1900. 28 с.

8. *Сухарева И.В.* Историко-культурное развитие чувашей Башкортостана: XVIII – начало XX вв. Уфа: Башкир. энциклопедия, 2019. 488 с.
9. *Сухарева И.В.* Политика христианизации Русского государства и конфессиональное состояние чувашей Башкирии (до 1917 года). Уфа, РИЦ БашГУ, 2011. 64 с.
10. Уфимские епархиальные ведомости. 1889. № 20. С. 56, 54; 1890. № 7. С. 236; 1894. № 10. С. 111; 1897. № 2. С. 744–757; 1897. № 21. С. 202; 1898. № 15. С. 140–151.
11. *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. – [2], VI, 428, 212 с., 16 л. ил., портр.
12. *Ягафова Е.А.* Самарские чувашаи (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Администрация Самар. обл. ист.-эко-культур. ассоц. «Поволжье». Самара, 1998. 368 с.

I.V. Sukhareva

SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES OF THE CHUVASH PEOPLE OF BASHKORTOSTAN

Annotation. The relevance of maintaining ethnic identity and maintaining national spiritual priorities is due to the influence of globalization. And since the spiritual and moral guidelines of the Chuvash people are firmly connected with the past, we turned to a topic that reveals in detail the aspects of their ethno-confessional development, taking into account the tsarist policy in the sphere of religion, as a result of which a system of spiritual and moral guidelines has developed that has been preserved practically to the present.

Keywords: chuvash, spiritual and moral guidelines, paganism, christianity, Islam, baptism, syncretism, traditional culture.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИИ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема влияния информационных технологий на формирование культурных ценностей этносов на примере чувашской газеты «Урал сасси». На основе контент-анализа автор приходит к выводу, что предоставление народам, живущим в Башкортостане, возможности иметь издания на национальных языках полностью оправдана и положительно сказалось на сохранении этнокультурных традиций, родного языка, способствуя консолидации народа, укреплению толерантности.

Ключевые слова: национальная журналистика, этническая идентификация, консолидация народа, чувашская пресса.

Современное общество переживает информационную революцию, которая «постепенно приводит к пересмотру системы ценностей человека» [5, с. 122]. На этом фоне в обществе наблюдается стирание национальной самобытности. Данный процесс происходит как сознательно, так и бессознательно с помощью влияния СМИ и сети Интернет [6, с. 243]. В таких условиях роль периодических изданий республики в формировании этнокультурных ценностей чрезвычайно велика [1, с. 241].

Республика Башкортостан – один из самых многонациональных регионов России, где живут представители 160 национальностей, а чувашаи составляют 2,7 % населения республики. Важно отметить, что совместное проживание на ее территории разных народов воспринимается населением как естественно сложившееся состояние, историческая данность и как ресурс для успешного развития [2, с. 17].

На территории Республики Башкортостан первая газета на чувашском языке «Красный Урал» издавалась в Белебее. Редактором был видный партийный деятель К.Ф. Тарасов-Ухик (1892–1942). В 1921 г. вышло около 40 номеров*, но в условиях послевоенной разрухи и разразившегося голода газете выжить не удалось. С 1918 по 1930 гг. в Уфе увидели свет ряд научно-популярных и художественных книг на чувашском языке, в том числе книги просветителя Г.И. Комиссарова, поэтов-классиков К.В. Иванова и Я.Г. Ухсяя, альманах «Хёрлэ Урал» и др. В 1931 и 1933 гг. начинается издание самостоятельных чувашских газет в Бижбулякском и Аургазинском районах.

Чувашские дубляжи имели газеты «Знамя коммунизма» и «Знамя победы», издававшиеся в 60-х гг. XX в. в Стерлитамаке и Белебее, распространявшиеся во

* В статье И.Г. Петрова «Чувашская газета “Хёрлэ Урал” (Красный Урал) в автономном Башкортостане в 1920–1921 годы», опубликованной в настоящем сборнике (с. 373) приводится другая цифра – 76.

многих районах республики. С 1962 г. районная газета «Знамя победы» начала выходить на трех языках – русском, татарском и чувашском. Это был период объединения шести районов – Альшеевского, Белебеевского, Бижбулякского, Давлекановского, Ермакеевского, Миякинского в один район на базе Белебеевского территориально-производственного объединения. Через три года районы были вновь разукрупнены, и до конца 1980-х гг. издания на чувашском языке не выпускались.

19 октября 1989 г. на базе Аургазинской районной газеты «Ўршыв сӱлӗ» (Путь Родины), (ныне она носит название «Аургазӑ хыпарӑ» (Аургазинский вестник) вышел первый номер чувашской газеты «Урал сасси» (Голос Урала). Инициатором ее возрождения стало Общество чувашской культуры Республики Башкортостан. Сначала газета издавалась на общественных началах как приложение к республиканской газете «Совет Башкортостаны» (на башкирском языке) периодичностью один номер в месяц. Если первые три номера вышли на Аургазинской земле... то очередные номера издавались силами Бижбулякской районной газеты «Ўтӑ сӱл» (Светлый путь) и Белебеевской объединенной газеты «Малалла» (Вперед), которой ныне не существует [3, с. 393].

Газета «Урал сасси» зародилась в период подготовки по линии ЮНЕСКО к проведению 100-летия со дня рождения выдающегося поэта-демократа К.В. Иванова (1890–1915), уроженца Белебеевского района, и стала издаваться на основании решения Верховного Совета Башкирской ССР «Об издании республиканских, городских и районных газет и журналов БАССР», а также постановления Совета министров Башкирской ССР № 218 от 3 декабря 1990 г. «Об утверждении временного Устава, сметы расходов, штатного расписания аппарата редакции и издания газеты «Урал сасси» (Голос Урала). С января 1991 г. учредителем «Урал сасси» выступают парламент и правительство Республики Башкортостан.

«Создание “Урал сасси” в Республике Башкортостан отмечается как праздник возрождения чувашской печати», – с гордостью говорят работники редакции. Ведь в республике всегда проживало и проживает очень много чувашей.

«Урал сасси» (редактор Ю.Н. Михайлов) – республиканская общественно-политическая газета на чувашском языке, издается в г. Белебей, форматом А4 (4 полосы), силами общественности при поддержке правительства РБ распространяется 1 раз в неделю тиражом в 3324 экз. в целях возрождения и развития родного языка, культуры и национального самосознания чувашского населения как приложение к газете «Совет Башкортостаны». В 1990 г. получила статус республиканской. Удостоена общественных наград: в январе 1999 г. премии им. Н.Я. Бичурина, а в 2013 г. награждена орденом Н.В. Никольского. Красочность издания 4+1; имеет Интернет-версию.

Национальное возрождение, взаимопонимание и духовное единение народов Башкортостана – главные принципы, которыми руководствуются журналисты республиканской газеты «Урал сасси». На ее страницах читатели знакомятся не только с деятельностью Главы, Государственного Собрания-Курултая и правительства Республики Башкортостан, журналисты также отражают жизнь и труд башкортостанцев, вопросы нравственности, семьи и детства, проблемы изучения языка, истории и культуры чувашского народа. Немало места уделяется и творчеству поэтов, прозаиков, композиторов, художников и ученых. Газета «Урал сасси» впервые познакомила читателей со многими выдающимися земляками-

деятели науки и производства, культуры и просвещения, Героями Советского Союза, биографиями репрессированных. За плодотворные усилия в сохранении самосознания, развитии и пропаганде духовного наследия, укрепления дружбы между народами Башкортостана и Чувашии и в связи с 10-летием со дня выхода первого номера чувашская газета удостоилась премии Чувашского национального конгресса и Союза чувашских краеведов им. Н.Я. Бичурина [4].

Редакция выступила инициатором нескольких республиканских культурных мероприятий, ставших традиционными: конкурса «Чăваш пики» (Чувашская сударушка), фестиваля детского творчества «Силпи асамачё» (Силпийская радуга), конкурса детского рисунка, посвященного 150-летию со дня рождения выдающегося чувашского просветителя И.Я. Яковлева.

Особое внимание уделяется темам развития и сохранения языка, культуры и традиций чувашского народа. На страницах газеты публикуются в переводе на чувашский произведения современных башкирских и татарских писателей. Регулярно выходят целевые полосы «Семья», «Усадьба», «Молодежная страница», «Здоровье», «Из редакционной почты»; страница для детей «Детский сад». Тексты реализуются в различных информационных жанрах.

Сотрудники редакции проводят агитацию и подписку среди населения; организуются встречи с читателями. Ведутся национальные рубрики «“Урал сасси” пики тата каччи» — (девушка и парень Голос Урала), «Ару хысқан ару» (Род за родом), «Семье уявё» (Семейный праздник), «Аваллах управси» (Старожилы), «Аса илү» (Воспоминания), «Асра тытма» (Опираясь на прошлое), «Асра юлнă сұл сўрев» (Памятные путешествия), «Асра юлнă кун» (Памятные дни), «Вырсарни шукулёсен хыпарёсем» (Новости воскресных школ), «Йăла-йёрке» (Традиции), «К.В. Иванова асанса» (Вспоминая К.В. Иванова), «Культура пурнăсё» (Культурная жизнь), «Музей пурнăсёнчен» (Из жизни музея), «Пёлме кăсăк» (Интересно знать), «Паллă ентешсем» (Знаменитые земляки), «Пирён сынсем» (Наши люди), «Поэзи кётесё» (Уголок поэзии), «Поэтăмăра асанса» (Вспоминая поэта), «Уяв» (Праздник), «Хайпултарулах ушкăнё» (Группа самодеятельности), «Халăх сăнанинчен» (Из наблюдений народа), «Ырă тĕслĕх» (Хороший пример), «Юратнă вĕрентекен» (Любимый учитель) [7].

За свою сравнительно недолгую историю газета прочно вошла в общественно-политическую и культурную жизнь чувашской диаспоры республики. Она ярко отражает реалии времени и новые вехи жизни, уделяет большое внимание мероприятиям, посвященным жизни и творчеству известных чувашских деятелей литературы и культуры — уроженцев Республики Башкортостан [1, с. 253].

Газета «Урал сасси» популярна не только среди чувашей, проживающих в Башкортостане, но и в соседних регионах. За годы своего существования она стала верным помощником в деле укрепления межнациональных и межрегиональных отношений между двумя республиками. Издание пропагандирует и содействует реализации государственной программы по изучению, сохранению и развитию языка, культуры и традиций чувашского народа Башкортостана.

Список литературы и источников

1. *Ахметьянова Н.А.* Роль СМИ в развитии национального самосознания // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве. Уфа, 2015. С. 253–260.

2. *Ахметьянова Н.А.* Современные печатные издания Республики Башкортостан. Уфа: Сибайская городская типография, 2018. 113 с.
3. *Ахметьянова Н.А.* Формирование национального самосознания чувашского народа в полиэтническом пространстве через средства массовой информации // Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва: РУДН, 2016. С. 392–395.
4. *Ахметьянова Н.А., Шакиев В.А.* Информационная стратегия печатных изданий в условиях перехода к цифровому обществу // Colloquium-Journal. 2020. №1 (53). С. 26–28.
5. *Гарипова Г.Р.* О некоторых проблемах информационной этики // Вклад Д.Ж. Валеева в развитие философско-этической мысли Башкортостана: материалы Всероссийской научной конференции (24 апреля 2015 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 122–124.
6. *Хакимова В.М.* СМК на языках народов Республики Башкортостан и особенности масс-коммуникационного процесса // Медиапространство РФ: глобальный и национальный аспекты. Уфа, 2017. С. 241–244.
7. Урал сасси URL: <http://uralsassi.ru> / (дата обращения: 22.04.2020).

N.A. Ahmetyanova

**MEDIA IN ETHNIC IDENTIFICATION AND
CONSOLIDATION OF THE CHUVASH ETHNOS
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN**

Annotation. This article deals with the problem of the influence of information technologies on the formation of cultural values of ethnic groups on the example of the chuvash newspaper «Ural sassi». Based on the content analysis, the author comes to the conclusion that providing the peoples living in Bashkortostan with the opportunity to have publications in national languages is fully justified and has a positive impact on the preservation of ethnic and cultural traditions, the native language, contributing to the consolidation of the people, strengthening tolerance.

Keywords: national journalism, ethnic identification, consolidation of the people, chuvash press.

Авторы, представленные в данной секции:

1. Макаров И.А. <i>Из истории прокуратуры Чувашии: алатырские прокуроры XVIII века П.А. Лазарев и В.Г. Кривский</i>	337
2. Леонтьев А.П. <i>Вопросы национального самосознания чувашей на страницах газеты «Хыпар» (1906–1907)</i>	343
3. Козлов Ф.Н. <i>«Обвиняя меня в приверженности старому режиму...»: эпизод из религиозной жизни Чувашского края 1917 года</i>	364
4. Петров И.Г. <i>Чувашская газета «Хёрлэ Урал» (Красный Урал) в автономном Башкортостане в 1920–1921 годы</i>	371
5. Мухамадеев А.Р. <i>Общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность чувашей на территории Татарской республики в 1917–1920-е годы</i>	377
6. Мухамадеева Л.А. <i>Подготовка профессиональных национальных кадров в 1917–1920-х годах на территории Татарской республики (на примере чувашей)</i>	384
7. Долгова А.П. <i>Чувашская автономия и развитие литературного чувашского языка и чувашского языкознания в 1920–1930-е годы</i>	390
8. Охотникова С.В. <i>Коренизация органов управления сельским хозяйством и промышленностью Чувашии в 1920-е годы: ход, проблемы и итоги</i>	402
9. Мордвинова А.И. <i>Чувашия в произведениях советских художников на VIII выставке Ассоциации художников революционной России</i>	413
10. Ильина Н.Г. <i>Реалии советской действительности и их отражение в чувашском устном народном творчестве</i>	423
11. Тохтиева Л.Н. <i>Профессиональная и общественная деятельность учительства Чувашии: 1917–1941 годы</i>	431
12. Серазетдинов Б.У. <i>Промышленность и сельское хозяйство Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (По материалам «Особой папки»)</i>	440
13. Берман А.Г. <i>«Дело архиепископа Иова» в пропагандистском контексте антицерковной кампании 1960-х годов в Чувашии (история одной давней газетной статьи)</i>	449
14. Кондратьев М.Г. <i>Проект «Государственное музыкальное строительство» и его реализация в Чувашии</i>	460
15. Бушуева Л.И. <i>Советские исторические реалии и их отражение в чувашской профессиональной музыкальной культуре</i>	474
16. Ильина Г.Г. <i>Об экспериментах над народной песней в советское время (1920–1930-е годы)</i>	483
17. Тургай И.В. <i>Искусство книги в советской Чувашии: достижения, проблемы</i>	499
18. Викторов Ю.В. <i>Советская действительность в творчестве художника Николая Овчинникова</i>	507
19. Никифорова В.В. <i>Мечты об идеальном государстве и реалии советской действительности в чувашской литературе</i>	515
20. Кириллова И.Ю. <i>Чувашская драматургия в поисках «золотого века» национальной истории</i>	527
21. Матвеев Г.Б. <i>Чувашская этнография в советское время: достижения и упущенные возможности</i>	538
22. Ягафова Е.А. <i>Трансформация религиозных практик чувашей в конце XX – начале XXI века</i>	550
23. Сухарева И.В. <i>Духовно-нравственные ориентиры чувашей Башкортостана</i>	558
24. Ахметьянова Н.А. <i>Средства массовой информации в этнической идентификации и консолидации чувашского этноса Республики Башкортостан</i>	568

**Секция IV.
Чувашская Республика
в условиях
современной модернизации**

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ЧУВАШИИ

Аннотация. В статье обсуждается актуальная проблема этнокультурной социализации молодежи в современных социокультурных условиях. Рассматриваются этнические установки молодых людей и некоторые вопросы регулирования данного процесса. Этнические установки выражаются через отношение к истории и современной жизни своей этнической общности и взаимосвязи с другими народами и людьми иных национальностей; выполняют ведущую роль в интерпретации межэтнического взаимодействия. Они фокусируют отношение к явлению, объекту или виду общения. Статья построена на материалах социологических обследований и других источников.

Ключевые слова: молодежь Чувашии, этнические установки, этническое взаимодействие.

Молодежная политика является важным направлением политики Российской Федерации. Основные задачи государства в этой сфере прописаны в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации. Обсуждение вопросов, имеющих непосредственное отношение к социализации молодежи, ее роли и месту в современном обществе, проходят регулярно на всех уровнях власти. Уделяется постоянное внимание значимости культуры и образования в укреплении единства и согласия, гражданском и патриотическом воспитании молодежи. На современном этапе возрастает важность понимания молодежью всей значимости национальной политики, национального и культурного многообразия [10].

По мнению исследователей, молодежная политика государства предусматривает активное участие самой молодежи в ее реализации, выработке актуальных направлений. При этом важное значение приобретает максимальное включение молодежи в социальную практику и жизнь общества. Данные факторы являются необходимыми условиями формирования у нее российской идентичности и более активного включения в решение насущных вопросов своего развития [6].

Молодежная тема занимает значительное место в научных разработках ученых различных направлений, развитие получили и региональные исследования [6; 11; 13; 15; 19; 24; 27].

Всегда актуальными оставались исследования проблем природы этничности. Основные положения социально-психологических аспектов этничности, этнических установок, методологии изучения данных процессов разработаны в отечественной и зарубежной литературе [2; 7; 18; 22; 25]. Получили развитие вопросы формирования и поддержания предрассудков и стереотипов, склонности личности к предубеждениям, психологии враждебности и негативных установок и предубежденности личности [17; 21; 23]. Различными авторами рассматривалась проблема измерения этнической установки [1; 18; 23].

Формирование этнических установок и в целом отношения к этническим сюжетам в молодежной среде нашли отражение в исследованиях специалистов разных направлений, в том числе междисциплинарного характера [5; 14; 21; 28; 30].

«Официально» принятая в Российской Федерации возрастная сегментация молодежи определяется от 14 до 30 лет. В данной работе возрастные рамки объекта социологического анализа составили 18–29 лет, что связано с имеющейся базой данных. Анализ характера этнических установок и этнокультурной социализации молодежи в современных социокультурных условиях базируется на сопоставимых результатах мониторинговых исследований межэтнических и межконфессиональных отношений*.

Эмпирическую базу составили данные опросов 2018 и 2019 гг. Распределение респондентов по типу поселений, полу, возрасту соответствует данным государственной статистики. В 2018 г. было опрошено 602 респондента. Возрастное распределение выглядело следующим образом: 18–29 лет – 21,3 %; 30–59 лет – 55,4 % и 60 лет и более – 23,3%. В 2019 г. всего опрошено 607 чел., среди них респондентов от 18 до 29 лет – 21,7 %; 30–59 лет – 55,3 %; 60 лет и старше – 23 %.

В широком смысле понятие «установка» введено в научный оборот Д.Н. Узнадзе, который определил ее как детерминирующую тенденцию, внутреннее состояние готовности человека определенным образом воспринимать, оценивать и действовать по отношению к явлениям и объектам действительности, формирующаяся в процессе социализации [26, с. 48]. Наиболее устойчивым видом социальной установки является этническая установка, посредством которой обуславливаются поведение, количество социальных контактов и характер взаимодействия личности в поликультурной среде. Этнические установки выражают готовность представителя определенной нации к своеобразному действию, поведению в межнациональных контактах. Молодой гражданин принимает или не принимает исходя из них и с точки зрения своей этнической идентичности, традиций и норм своего народа, представителей другой национальности, явления межэтнической коммуникации. Установки могут быть как положительными, выраженными в толерантном отношении, так и отрицательными, выступая в качестве стереотипов и предрассудков, предубеждений [2; 5; 7].

В данной статье акцент сделан на раскрытие содержания понятия этническая установка, на выявление основных форм этнической идентичности молодежи и межэтнического взаимодействия. Формирование и функционирование этнических стереотипов и установок может стать предметом исследования в будущем.

Главной опорой этнических установок является традиционная этническая культура. На основе знаний о своей и чужой культуре в этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков, к примеру: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство и т. д., а также повышается уровень толерантности.

В рамках социологических опросов изучались факторы, определяющие этническую общность респондентов (см. табл. 1).

* Исследования проведены отделом социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук. Научные руководители: И.Е. Ильин в 2002, 2009–2010, 2013 гг., И.И. Бойко в 2011–2019 гг.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Скажите, что из перечисленного сближает Вас с людьми Вашей национальности, Вашим народом?» (можно было выбрать до трех вариантов, %)

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
Общая земля, территория	54,8	55,5	56,0	56,5
Национальный (родной) язык	60,1	54,7	64,4	63,4
Национальная одежда, жилище, пища	6,0	3,9	6,6	8,4
Национальные обычаи, привычки, обряды	30,9	22,7	30,5	26,0
Народное творчество, сказки, песни, предания	12,8	14,8	12,5	10,7
Религия	13,1	10,9	9,1	6,1
Историческая судьба, прошлое	30,9	33,6	35,9	32,1
Национальная литература и профессиональная культура	9,0	9,4	11,5	9,2
Черты характера, психология	8,6	11,7	9,7	13,7
Внешний облик	3,7	3,1	5,8	9,2
Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство	10,5	11,7	8,7	6,9
Ничто не сближает	1,7	3,1	1,0	1,5
Иное	0,2	–	0,3	–

Основными признаками этнической общности респонденты от 18 до 29 лет выбрали национальный (родной) язык (54,7 % в 2018 г. и 63,4 % в 2019 г.) и общую территорию (55,5 % и 56,5 %), историческое прошлое (33,6 % и 32,1 %), национальные обычаи, привычки и обряды (22,7 % и 26 %). На следующих позициях оказались: черты характера, психология, религия, народное творчество, национальная профессиональная культура. Такие атрибуты как национальная одежда, жилища, пища, также внешний облик оказались менее актуальными для них. Часть молодежи считает, что это сложно выразить словами (11,7 % в 2018 г. и 6,9 % в 2019 г.), от 2 до 3 % из них уверены, что таких связей нет. В таблице 1 приведены также данные, отражающие отношение всего массива опрошенного населения по республике к этническим факторам. Разница в ответах естественно наблюдается, но она не является критической. Молодые люди больше внимания уделяют историческому прошлому, чертам характера и психологии, менее – религии и национальным традициям. В связи с особенностями выборки невозможен анализ имеющихся данных по этнической принадлежности респондентов, при разработке разных программ и планов работы эту специфику следует учитывать, так как целевая аудитория будет иметь потребности разного уровня.

Важным, на наш взгляд, является изучение отношения к этнической культуре и культурных предпочтений респондентов (см. табл. 2).

Участники обследования выразили отношение к обычаям и традициям своего народа, они могли выбрать несколько вариантов, поэтому сумма ответов превышает 100 %. На первом месте у молодежи, как и всего массива опрошенных жителей республики, находится соблюдение их в семейном кругу (43,8 % в 2018 г. и 43,5 % в 2019 г.). Далее молодые люди выбирают национальную культуру и историю, приверженность к религиозным традициям и обрядам. Необходимо отметить, что иерархия отношений всего населения и молодежи не отлича-

ется. Однако у молодых респондентов востребованность в этнических традициях и культуре достаточно низка. Чуть более 40 % из них стремятся соблюдать их в семейном кругу. Наиболее заметные отличия выявляются в отношении религиозных традиций и обрядов: разница в показаниях между всем населением и молодежью составляет от 10 в 2018 г. и до 16 процентных пунктов в 2019 г. Близки интересы респондентов к национальной культуре и истории. Около трети респондентов от 18 до 29 лет мало знакомы с традициями своего этноса или считают их малозначимыми. Часть из них затруднились с определением своего отношения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к обычаям и традициям, культуре своего народа?» (можно было выбрать несколько ответов, %)

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
Стремимся соблюдать обычаи и традиции в семейном кругу	54,6	43,8	54,1	43,5
Интересуюсь национальной культурой и историей	37,6	28,9	40,8	35,1
Придерживаюсь религиозных традиций и обрядов	30,9	19,5	26,1	10,7
Мало знаком с ними	14,6	28,1	11,6	24,4
Считаю, что они не имеют значения	4,2	5,5	4,8	5,3
Затрудняюсь ответить	2,2	2,3	5,0	7,6

В целом ситуация с предпочтениями традиционных культурных ценностей молодежи схожа с предпочтениями населения республики. Мониторинг данного вопроса, проводимый авторами исследования, показывает, что традиционна роль семьи, далее идут интерес к истории и культуре и религиозной практике. Молодежь в возрасте от 18 до 29 лет уделяет наименьшее внимание соблюдению элементов национальной культуры и их познанию. В то же время среди старшеклассников, преимущественно проживающих совместно с родителями, интерес к этнокультурным традициям достаточно высок, что подтверждает значимость роли семьи [12, с. 30–31]. На современном этапе для удовлетворения своих культурных потребностей необходимо большую активность проявлять отдельной личности, так как характерное для традиционного общества постоянное и целенаправленное вовлечение индивида в культурную практику сокращается. Позиции семьи как основного транслятора культурных ценностей, несмотря на значительное влияние, в последние годы снижаются. Сами респонденты предлагают основные усилия в вопросах повышения культуры общения, восприятия лиц с иными этнокультурными особенностями направить через семьи и учебные заведения [24, с. 55–56]. Вопрос актуален для реализации государственной молодежной политики в Чувашской Республике, так как требует обратить внимание на разработку современных приоритетов, особенно связанных с информационными и коммуникационными технологиями, и их внедрение в социокультурную сферу и повседневную этнокультурную практику.

Около 15–20 % молодых респондентов достаточно активно учитывают этнические признаки в ходе межличностных контактов (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос: «Придаете ли Вы значение национальности?»
среди молодежи (2018/2019 г., %)**

	Случайного собеседника	Коллеги по работе	Сокурсника	Соседа
Да	18,8/19,2	15,7/20,4	8,1/15,2	18,1/20
Нет	78,9/78,5	84,3/78,7	88,7/84,8	78,0/77,7
Затрудняюсь ответить	2,3/2,3	0,0/0,9	3,2/0,0	3,9/2,3

Рассматривались ситуации, где проявлялось отношение к национальной принадлежности своих друзей, коллег по работе, реакция на межэтнические браки и т.д. При этом речь не идет об обязательной негативной реакции. Данные опросов 2018 и 2019 гг. согласуются с материалами мониторинга этнокультурной ситуации прошлых лет, в ходе которого был выявлен примерно такой же уровень этнической озабоченности среди молодежи [31, с. 13–15, 68–69]. Ответы массива опрошенного населения и молодежи практически оказались идентичными. Небольшие отличия зафиксированы при внимании к национальности сокурсника и соседа. Разница в ответах в 3–4 процентных пункта не является значимой и вполне допустима в таких исследованиях. В целом минимум три четверти опрошенных считают, что национальность в межличностных контактах не имеет большого значения.

Общая оценка молодыми респондентами межнациональных отношений в республике отражает высокий уровень положительного взаимопонимания, исторически сложившегося в республике (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили современное состояние
межнациональных отношений в Чувашской Республике?» (%)**

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
Очень хорошие, дружественные	10,3	11,7	11,0	9,2
Хорошие	43,9	39,1	44,0	48,1
Удовлетворительные, терпимые	36,6	43,0	33,9	32,8
Неважные	4,2	1,6	4,4	4,6
Плохие, враждебные	0,3	–	0,7	1,5
Затрудняюсь ответить	4,7	4,7	5,4	3,8

Более половины опрошенных дали им очень хорошую и просто хорошую оценку. Практически треть респондентов подобные отношения относит к категории удовлетворительных, нормальных. От 2 до 6 % опрошенных посчитали, что в Чувашии состояние межнациональных отношений можно характеризовать как неважные или плохие и враждебные. Данные согласуются с материалами опросов всего населения Чувашии. Некоторое преобладание отрицательных оценок среди молодежи (на 4–5 процентных пунктов) отражает более острое восприятие ими ситуации.

При исследовании межэтнических процессов в республике и выявлении межэтнических установок молодежи необходимо выяснить социальный контекст

формирования этнической идентичности, который проявляется в разных аспектах их жизнедеятельности [8; 2; 22]. На формирование идентичности оказывают влияние факт проживания в полиэтнической или моноэтнической среде и место этнической группы в более широком социальном сообществе. Непосредственное воздействие происходит через институты социализации (государство), институты, которыми проводится национальная политика (перепись, паспортная система, система образования), структуры гражданского общества (национальные движения и организации), семью, школу, учебные учреждения, группы общения и т.д. По мнению исследователей, формирование этничности идет по четырем основным направлениям. В национальной группе помимо моноэтнической идентификации (когда ребенок отождествляет себя с культурой родителей, или одного из них в случае национально-смешанного брака), может осуществляться моноэтническая идентификация с чуждой этнической группой; биэтническая идентификация, когда люди осознают свое сходство с двумя группами и обладают компетентностью в двух культурах; маргинализация этнической идентичности, когда представители группы балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них [14, с. 60; 29, с. 51].

Для большинства граждан Чувашии, как и в целом для граждан России, характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с этнической принадлежностью своих родителей и своим этносом. Одновременно следствием тесных этно- и социокультурных контактов стало формирование двойной, а в некоторых случаях и множественной идентичности, в том числе и языковой, что подтверждается нашими исследованиями [3, с. 180–186; 4, с. 18–26]. Подобная ситуация фиксируется и в других регионах страны [9, с. 10; 16; 4, с. 35].

Национальный состав респондентов в 2018 и 2019 гг. соответствовал данным официальной статистики, но при этом отмечены особенности, отражающие процессы усложнения этнических идентичностей. Среди молодых респондентов в 2018 г. насчитывалось 62,5 % чувашей, 23,4 % русских, 10,2 % лиц со сложной этнической идентичностью, 3,9 % представителей других этнических групп. В 2019 г. 61,8 % опрошенных молодых людей отнесли себя к чувашам, 26 % – к русским, 7,6 % выбрали сложную этническую идентичность, 4,6 % – другую национальность. Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, когда часть граждан заявляет о себе, как имеющих не одну, а две (иногда три) национальности. В условиях Чувашии, где абсолютное большинство населения составляют чуваша и русские, вполне объяснимо, что именно сочетание этих двух национальностей и составляет основную сложную этническую идентичность в республике. В ходе опросов встречаются и другие сочетания (мордвин и русский, татарин и русский, русский и армянин и т.д.), но их количество единично. По данным 2018 г. среди всех респондентов сложную идентичность выбрали 7,3 %, в 2019 г. таковых оказалось 5,6 %. Доля лиц со сложной этнической идентичностью в различных опросах всего населения последних лет варьирует от 1,5 до 8 %. Среди молодежи эти цифры выше.

На современном этапе мы можем констатировать формирование новой (референтной) группы, которая основывается на самоидентификации индивида, со своими представлениями о традиционных культурных ценностях и этническими установками. Процесс этнической идентификации в такой ситуации хорошо описывает модель двух измерений этнической идентичности. Согласно этой тео-

рии, индивид с разной степенью интенсивности может идентифицировать себя как с одним, так и одновременно с двумя этносами [22, с. 120–123]. Прежде всего это объясняется тем, что индивид сталкивается со сложностью выбора самоидентификации, для него приоритеты норм и ценностей той или иной культуры достаточно размыты, и он не видит необходимости четко расставить для себя значимость этнического фактора.

Для абсолютного большинства опрошенных понятие «национальность» ассоциируется с принадлежностью к народу. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос, который задавался в преддверии Всероссийской переписи населения 2020 г. Вопрос звучал следующим образом: «Во время переписи будут спрашивать о национальности людей и записывать так, как люди себя определяют. По Вашему мнению, национальность – это гражданство или принадлежность к народу?». Гражданство в качестве основного критерия национальной принадлежности выбрали 12,2 % молодежи. Гораздо более значимая часть (82,4 %) была склонна отметить принадлежность к народу. Разница между поколениями не была значимой, от 2 до 4 процентных пунктов.

Шкала значимости национальности для современной молодежи зависит от обстоятельств и конкретной ситуации. Так, при ответе на вопрос, поставленный в 2018 г., «Как Вы думаете, следует ли государству учитывать во время переписи населения национальность и религию граждан?» 40,6 % из них выступили противниками записи в переписных листах, как национальности, так и конфессиональной принадлежности. В то же время четверть полагает, что следует записывать и то, и другое. (В России этничность определяется только во время переписей населения на добровольной основе.) Среди всего населения большинство выступили за ее фиксирование (отдельно и совместно с религией – табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, следует ли государству учитывать во время переписи населения национальность и религию граждан?» (%)

Варианты ответов	2018 г.	
	Все	18–29 лет
Да, только национальность	28,6	22,7
Да, только религию	0,8	0,8
Нет, ни то, ни другое	27,4	40,6
И то, и другое	34,9	25
Затрудняюсь ответить	8,9	10,9

Для молодых людей, как и для всех граждан, важно восприятие и оценка окружающими их как представителей той или иной национальности, в том числе через различные социальные позиции. В анкете был поставлен вопрос о том, в каком качестве хотели бы респонденты выглядеть в глазах окружающих в условиях повседневной жизни. Результаты опроса показали, что важнее всего было, чтобы их воспринимали как россиян (табл. 6). Далее в качестве наиболее приоритетного выбора назвали региональную (республика) и местную (город, село) идентичности. Этническая принадлежность оказалась наиболее значимой практически для 11 % респондентов в 2018 г. и для 21 % в 2019 г. Если рассматривать

все население республики, то для них общероссийская идентичность также оказалась наиболее выбираемой. Показатели же региональной и местной идентичности, как и этнической, были выше, чем у молодежи. Ситуация в республике повторяет общероссийский тренд. Общероссийская идентичность чаще всего первенствует в ряду других, прежде всего региональных и этнических [9, с. 17–18; 31, с. 50–51]. Какой-либо жесткой иерархии идентичностей не наблюдается, часто выбор зависит от конкретной ситуации. В структуре множества идентичностей: общечеловеческой, половой, возрастной, религиозной, этнической, профессиональной и др. распределением информации руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей. Та идентичность, которая становится ведущей в данный момент, организует свою иерархию и свой порядок. Сочетание идентичностей в том или ином порядке не всегда обозначает наличие противоречий, противостояний.

Заметными факторами этнической идентификации выступают культурные и исторические ценности. Значимость национальных особенностей для молодежи не очень высока. Национальная принадлежность как своей, так и чужой группы не рассматривается ими как важный и необходимый признак оценки человека.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни (в том числе на работе, учебе)?»
(можно было выбрать до двух вариантов, %)

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
Как представителя Вашей национальности	12,1	10,9	17,2	21,4
Как жителя Чувашии	45,6	38,3	40,7	26,7
Как жителя своего села, города	20,5	17,2	19,2	10,7
Как россиянина	65,2	74,2	65	63,4
Другое	1	2,3	2,3	5,3
Затрудняюсь ответить	2,5	1,6	1,8	3,8

Взаимодействие и интеграция населения региона в области межнациональных отношений имеет на современном этапе актуальное значение. В этой сфере в структуре этнической идентичности важное место занимают формы межэтнических установок, определяющие межэтническое взаимодействие. В процессе социализации не менее важным является фактор этнической толерантности. Проблема приобретает особую актуальность в молодежной среде, так как данная социально-демографическая группа является менее устойчивой при формировании этнических установок.

Чаще всего межгрупповые отношения определяются перцепцией действительности, чем самой действительностью. Особое значение они приобретают в неопределенных и конфликтных ситуациях. Сегодня многочисленные контакты между представителями различных народов затрагивают семейную, производственную, бытовую, политическую, культурную, образовательную, общественную и др. сферы. По результатам опросов 2018 и 2019 гг. выяснилось, что около трети респондентов сталкивались с негативной оценкой своих этнокультурных особенностей представителями других национальностей (см. табл. 7). Массовым по-

добное положение не было. Примерно две трети опрошенных с ним не сталкивались. Незначительные колебания, которые наблюдались в ходе исследований 2018 и 2019 гг., вполне допустимы, поскольку подобные высказывания в значительной мере ситуативны, разница в зависимости от возраста оказалась небольшой.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам в Чувашии за последние год-два слышать неуважительные высказывания о людях Вашей национальности, традициях, обычаях, языке Вашего народа от людей других национальностей?» (%)

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
Да, приходилось часто	3,8	5,5	4,0	4,6
Да, приходилось, но редко	9,2	9,4	10,2	15,3
Да, были отдельные случаи	18,9	17,3	19,1	15,3
Нет, не приходилось	62,8	66,1	63,4	62,6

Уровень напряженности заметно снижается при фиксации реальных неудобств и фактов негативного отношения, об этом свидетельствуют данные, приведенные в табл. 8.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «За последние год-два приходилось ли Вам испытывать неудобства или негативное отношение к себе в связи с Вашей национальностью?» (%)

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
Да	2,8	3,1	3,7	3,8
Нет	93,0	93,8	92,4	93,1
Затрудняюсь ответить	4,2	3,1	3,9	3,1

Доля лиц, испытывавших на себе негативное отношение, оказалась незначительной, в том числе и среди молодежи. В целом положение в республике стабильное, поскольку указанные дистанции весьма незаметны, а 9 из 10 опрошенных не испытывали случаев дискомфорта. Таким образом, с реальным нарушением прав сталкивались намного меньше лиц, чем ощущали такие нарушения. Данные индикаторы важны для оценки уровня согласия, толерантности. Некоторые респонденты раскрыли информацию о ситуации, при которой они испытывали негативные чувства. Большая часть конкретных высказываний была связана с вопросами использования родных языков, часть из них касалась этнической принадлежности, проявлялись они в повседневной жизни и бытовой сфере.

Поскольку речь идет об отношениях между людьми, нами задавался вопрос и о чувствах самих респондентов, окрашенных этнической неприязнью к другим гражданам. Материалы 2018 и 2019 гг. подтвердили ранее выявленную тенденцию: почти каждый пятый опрошенный респондент от 18 до 29 лет (16–21 %) испытывал неприязнь к людям других национальностей. При этом 7 из 10 респондентов не испытывал таких чувств, и кроме того, каждый девятый затруд-

нился дать определенный ответ. Небольшой перечень причин подобных настроений изложен в табл. 9.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы испытывали неприязнь к людям других национальностей, то на основе чего она сложилась?»
(допускалось до трех вариантов ответов, %)

Варианты ответов	2018 г.		2019 г.	
	Все	18–29 лет	Все	18–29 лет
На основе личного общения	53,2	58,1	41,7	50,0
На основе опыта родственников, друзей, знакомых	16,9	16,3	20,0	13,6
На основе материалов СМИ	31,2	34,9	33,3	36,4
На основе материалов соцсетей, различных Интернет-форумов и т.п.	16,2	34,9	24,2	50,0
На основе сложившегося мнения в моем кругу общения	26,0	14,0	25,0	27,3
Иное	1,9	2,3	2,5	–
Затрудняюсь ответить	10,4	2,3	4,2	–

Вполне закономерно, что чаще всего неприязнь к людям других национальностей проявляется на основе личного опыта. Доля молодежи, испытавшей неприязнь к людям других национальностей, оказалась на 5 и 8 процентных пункта выше. Обращает на себя внимание, что большая часть молодежи основывается на данных материалов соцсетей, Интернет-форумов, их приверженность к этим источникам в два раза выше, чем у всех респондентов. Зачастую мнение вырабатывается на версии других источников, менее всего на собственной точке зрения и своих знаниях.

Таким образом, для большинства молодых людей региона характерна позитивная этническая идентичность. Такой тип идентичности позволяет поддерживать уровень толерантности к собственной и другим этническим группам, является условием положительного примера взаимодействия в полиэтническом мире. Отмечается некоторая этническая индифферентность молодежи. У достаточно большого числа молодых людей в ситуации активного межкультурного взаимодействия происходит размывание их этнической идентичности. Для них вопросы этничности не актуальны, социальная категоризация происходит по другим основаниям.

Полученные данные свидетельствуют о низком уровне напряженности в межнациональных отношениях среди молодежи Чувашии. В то же время следует отметить, что постепенно возрастающий приток иноэтнических и инокультурных мигрантов в Чувашию способен активизировать межэтническую и межконфессиональную напряженность. Около 15–20 % респондентов достаточно активно учитывают этнические признаки в ходе межличностных контактов, при этом повторяемся, речь не идет о негативной реакции.

Способность молодежи адаптироваться в современной социокультурной среде региона, сочетать национальные и интернациональные интересы, иметь позитивные этнические установки, готовность познавать традиции и ценности дру-

гих этнических групп является ресурсным потенциалом в успешной ее социализации, в том числе и профессиональной. Для принятия управленческих решений важно обратить внимание на механизмы, способные оптимизировать этнические установки и гармонизировать межэтнические отношения. Формирование этнических установок в основном определяется многочисленными культурными признаками. Наиболее важными для современной молодежи являются компоненты исторического характера. Несмотря на сложную ситуацию с родными языками, на фактическую констатацию неравнофункционального двуязычия в республике, для абсолютного большинства респондентов язык также выступает признаком этнической идентичности. Эмпирические данные указывают на схожесть позиций молодежи и всего населения Чувашии, только по отдельным признакам наблюдаются статистически незначимые или малозначимые различия, но поскольку они прослеживаются, на это следует обратить внимание. Соотношение положительных и кризисных (этноцентризм, этнофанатизм, этнонигилизм) форм этнической идентичности является показателем не только системы межнациональных отношений, но и состояния общества в целом, в республике ситуация стабильная. Особого внимания требует важность учета социального контекста формирования этнических установок. Поиск идентичностей и процессы их формирования остаются для общества актуальными.

Список литературы и источников

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 240 с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
3. Бойко И.И., Харитонова В.Г. Родной язык и этническая идентичность как фактор толерантности и конфликтогенности // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурная эволюция России и ее регионов», 12–15 октября 2011 г., Казань: КНИТУ, 2011. С. 180–186.
4. Бойко И.И., Харитонова В.Г. Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 20).
5. Бузыклина Ю.С. Этнические установки и стереотипы в молодежной среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. Вып. № 7–2 (61). С. 88–91.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа: [монография] / ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с.
7. Дробижеева Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 89–101.
8. Дробижеева Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2011 / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10. М.; СПб.: Ин-т социологии РАН; Нестор-История, 2011. С. 72–85.
9. Дробижеева Л.М., Титова Т.А. Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан // Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). ИНАБ. 2019. № 1. С. 7–23.
10. Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям от 3 июля 2014 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46144>.
11. Иванова Н.М. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 98 с.
12. Иванова Н.М., Харитонова В.Г. Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия). Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 128 с.
13. Кожанов И.В. Этнокультурная социализация как основа формирования гражданской идентичности личности // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2012. № 3 (75). Гуманитарные и педагогические науки. С. 113–117.

14. Мулянова Б.М. Национальное самосознание и этническая идентификация студенческой молодежи Калмыкии // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 58–68.
15. Муха В.Н. Ресурсный потенциал этнической идентичности в современном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems, № 9 (29), 2013. Режим доступа: www.sisp.nkrgs.ru.
16. Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность // Информационно-аналитический бюллетень ИГИ АН РБ. № 12. Уфа: ИГИ АН РБ, 2011. 218 с.
17. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / пер. с англ. С. Комаров, А. Боричев. СПб.: «прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. 384 с. (Проект «Психология-Best»).
18. Олпорт Гордон В. Личность в психологии / пер. с англ. И.Ю. Авидон; ред. Л.М. Шпионский. М.: КСП+; СПб.: Ювента (При участии психологического центра «Ленато», СПб.), 1998. 345 с.
19. Орлова О.В. Социологический аспект изучения проблем государственной молодежной политики // Молодежь Республики Марий Эл. Материалы Республиканской научно-практической конференции «Реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл: проблемы и перспективы». 14 декабря 2011 г. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината (МПИК), 2012. Вып. 6. С. 15–23.
20. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа, 2011. 280 с.
21. Согомонян А.С. Роль этнических стереотипов и установок в формировании толерантности // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. Вып. 4 (812). С. 210–219.
22. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН, 1999. 320 с. («Академический проект»).
23. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
24. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / И.И. Бойко, В.Г. Харитонов; Чуваш. гос. ин-т гуман. наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с.
25. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Рус. мир, 1997. 532 с.
26. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 452 с.
27. Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: сб. докл./ст. участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». СПб., 9–11 октября 2019 г. / сост. Н.И. Лапин, Р.Х. Салахутдинова; отв. ред. А.В. Нерировская. СПб.: Реноме, 2019. 648 с.
28. Фомина Ю.И. Содержание этнических представлений современной российской молодежи // Молодой ученый. Психология и социология. Ноябрь. 2011. Том 2. № 11 (34). С. 129–139.
29. Хайруллин Р. Этническая идентичность современного подростка // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003. С. 51–59.
30. Хужаева О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материалах исследований студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. 2001. № 4. С. 97–106.
31. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 88 с.

V.G. Kharitonova

ETHNIC ATTITUDES OF MODERN YOUTH IN CHUVASHIA

Annotation. The article discusses the actual problem of ethno-cultural socialization of young people in modern socio-cultural conditions. Ethnic attitudes of young people and some issues of regulation of this process are considered. Ethnic attitudes are expressed through the attitude to the history and modern life of their ethnic community and relationships with other peoples and people of other nationalities, play a leading role in the interpretation of inter-ethnic interaction. They focus the relationship to a phenomenon, object, or type of communication. The article is based on the materials of sociological surveys and other sources.

Keywords: Chuvash youth, ethnic attitudes, ethnic interaction.

И.И. Бойко

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОБРАЗЫ РОДИНЫ И ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. На материалах опроса студентов вузов Чувашии исследуются некоторые стороны гражданской солидарности молодежи через восприятие Родины, понимание себя как граждан России. Обращено внимание на особенности общегражданской, региональной и этнической идентичности у студентов: чувашей и русских. На примере отношения к Великой Отечественной войне анализируются проблемы исторической памяти молодежи. Рассмотрены проявления гражданского активизма молодых людей, в частности, участие в движении волонтеров, а также их некоторые планы на будущее.

Ключевые слова: студенческая молодежь, восприятие Родины, гражданская позиция студентов, волонтерское движение, планы на будущее.

Студенческая молодежь является основным поставщиком высококвалифицированных кадров для экономики, образования, культуры, управления и других сфер жизнедеятельности страны. Без ее участия невозможны переход к «экономике знаний», повышение эффективности модернизационных процессов. Вместе с тем роль молодых специалистов в развитии страны не ограничивается участием в решении этих важнейших проблем. Для государства и общества важны и гражданская позиция молодых людей, их патриотический настрой, «ответственность и способность принимать самостоятельные решения». На это обращено внимание в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [10].

Различным аспектам деятельности студенческой молодежи посвящено весьма значительное количество научной литературы. Если вести речь о комплексных исследованиях молодежных проблем, то, безусловно, следует отметить книгу М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги [4].

Говоря о гражданственности российской молодежи, следует отметить, что она базируется на формировании и укреплении как общегражданской российской, так и региональной, местной идентичности, она органически взаимодействует с этнокультурным выбором молодых людей. В целом проблемы идентичностей активно изучались и изучаются как зарубежными, так и отечественными исследователями. На наш взгляд, достаточно полный и квалифицированный обзор вклада ведущих зарубежных ученых сделан в многочисленных трудах Л.М. Дробичевой. Если вести речь о ее последних изданиях, то это глава 5 коллективной монографии «Этническое и религиозное разнообразие России». Она подчеркивает вклад М. Вебера в становлении нормативно-ценностной концепции интеграции. Отмечены роль Т. Парсонса в развитии функциональной концепции интеграции и К. Дойча – коммуникативной. Мы солидарны с ее мнением о важности подхода

Ф. Барта, автора концептов «этнокультурные границы», «культурная дистанция», что особенно актуально для российского полиэтничного общества. При изучении коллективных и групповых идентичностей используются выводы Г. Тэжфела и Дж. Тернера о категоризации как свойстве социального и группового сравнения восприятия человека и т.д. [5, с. 107–108]. В российской науке понятие о гражданской нации было впервые инициировано В.А. Тишковым, писавшим в 1998 г. о том, что «существует реальная историческая, социальная и культурная общность и общероссийская идентичность» [20]. Через 15 лет, в 2013 г., опубликована его книга «Российский народ: история и смысл национального самосознания», в которой в значительной мере обобщены исследования автора по данной проблеме. Особое внимание уделено процессу формирования национальной российской идентичности [22]. Важные методологические проблемы идентичности поставлены в аналитическом докладе Института социологии РАН «Российская идентичность в социологическом измерении» (2007), а также в публикациях, выполненных по итогам продолжающегося комплексного исследования под руководством М.К. Горшкова «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». В них представлены важные тенденции, характерные для общероссийской идентичности, которая показывает тенденцию к повышению ее значимости для россиян. Об этом же свидетельствует и ряд других исследований. В то же время отметим и наличие «скептиков», по крайней мере, если не в отношении политической, то гражданской нации [19, с. 135–139]. Имеются интересные исследования, где большое внимание уделяется региональным особенностям этих сложных процессов [16].

Если вести речь о студенчестве, то здесь также следует отметить исследования специалистов из различных регионов страны. О российской идентичности московских студентов имеются труды Е.М. Арутюновой [2], посвятившей этой проблеме также кандидатскую диссертацию. В Южном федеральном округе активно исследуют различные формы проявления гражданственности студенческой молодежи, проблемы формирования гражданской идентичности В.А. Авксентьев, М.М. Шульга, С.Ю. Иванова и др. [1; 7; 14, 24 и др.]. Следует отметить, коллективный труд специалистов четырех федеральных округов (ЦФО, ПФО, ЮФО и СКФО), которые под руководством В.А. Тишкова в 2013–2014 гг. провели опрос более 5,5 тыс. студентов по проблемам их идентичностей и жизненных стратегий. Были опубликованы 3 доклада по отдельным округам и итоговая коллективная монография [18]. В Чебоксарах в 2014 г. была опубликована книга И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, материал для которой был почерпнут из ряда обследований молодежи Чувашской Республики. В ней, как и в вышеназванных трудах, рассматривается проблема взаимодействия общегражданской, региональной и этнической идентичностей [3].

Имеется значительное количество трудов, в которых исследуются различные формы проявления гражданственности студентов: это политическое участие, проблемы патриотизма, волонтерство, различные молодежные движения и т.д. Отметим содержательные материалы Института социологии РАН, осуществившего в 2014 г. исследование по проблеме «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия». Отчет, а также отдельные статьи, написанные по материалам обследования, дают общее представление о социо-

логическом срезе ситуации с состоянием гражданского активизма в стране [12; 13].

В последние годы опубликованы труды, где исследуются проблемы поколений. Отметим, что само становление теории поколений связано с именами У. Штрауса и Н. Хоува, издавших в 1991 г. книгу «Поколения» («Generations»), в которой история США предстает как серия биографий разных поколений. В России в 2002 г. Е. Шамис был основан проект «RuGenerations – Теория поколений в России». Е. Шамис и Е. Никонов, адаптируя данную теорию для России, написали книгу, посвященную этой проблеме. В ней дан обзор основных, по мнению авторов, факторов, повлиявших на формирование поколения X (родились в 1964–1984 гг.) [23]. В России положения данной теории в основном используются маркетологами, кадровыми службами. В то же время отметим исследование Ю.А. Левады, выделившего 6 периодов российской истории, которым соответствуют 6 поколений. Автором обозначены серьезные трудности социологического анализа поколений, поскольку нет сравнительной исследовательской базы [9]. В 2005 г. вышел сборник «Отцы и дети: поколенческий анализ современной России», авторы которого анализируют смысловой состав понятия «поколение» и границы его применения в различных науках [11]. В. Радаев обратил внимание на особенности жизненных ценностей поколения «миллениалов», которые могут трансформироваться в своеобразие жизненных позиций, профессиональной ориентации и т.п. [15].

В настоящей статье представлены некоторые материалы опросов студенческой молодежи Чувашской Республики, проведенные в 2014 и 2020 гг. Основное внимание обращается на проблемы гражданской солидарности молодежи через восприятие Родины, пониманию себя как граждан России. Студенты отвечали на вопросы, проясняющие их общегражданские позиции, характеризующие отношение молодых людей к своему Отечеству. Первый из них выяснял ассоциации, возникающие при упоминании понятия «Родина», которые определялись элементами гражданского, исторического, культурного и др. самосознания. Отметим, что в 2014 г. отсутствовал такой вариант ответа, как «С моим будущим».

Прежде всего следует обратить внимание на однотипность и устойчивость предпочитаемых ассоциаций. В ходе двух опросов чаще всего приемлемыми из них выбирались реальные пространственно-государственные и административно-территориальные образования (см. табл. 1). Для 7 из 10 респондентов ассоциацией с понятием «Родина» являлась страна Россия, далее с достаточно заметным отрывом перечислены различные субъекты, олицетворяющие малую родину (республика, город, село). При выборе варианта «мой регион» в абсолютном большинстве имелась Чувашская Республика, и лишь несколько человек в обоих обследованиях имели в виду определенную область или республику, откуда они приехали на учебу. Следующими по частоте выбора были варианты ответов, которые познаваемы чаще всего теоретически. Речь в основном идет об истории и культуре России и в меньшей степени – об истории региона.

Сравнение ответов молодых людей и девушек показывает, что значимых расхождений по набору ассоциаций между ними практически не наблюдается. Более заметным оказался фактор этнической принадлежности. Отметим, что будем рассматривать ответы только двух основных по численности этнических групп – чувашей и русских. Их доля в составе респондентов составляет абсолютное

большинство, поэтому сравнение с ними ответов незначительного числа татар, марийцев, армян, украинцев и др., попавших в выборку, не представляется корректным. С другой стороны, имеется достаточно заметная доля студентов, определивших свою этническую принадлежность как сложную. Речь идет о тех из них, кто заявил, что они одновременно являются и чувашами, и русскими. Есть также и другие сочетания, например, чуваш и татарин, украинец и русский и др., но это единичные примеры. На наш взгляд, рассмотрение и объяснение их ответов требует отдельного анализа, поэтому оставляем этот вопрос за скобками данной статьи.

Итак, в 2014 г. страну Россия в качестве важнейшей ассоциации с понятием «Родина» называют 77,5 % русских и 67,2 % чувашей, в 2020 г. это соотношение равнялось 74,4 и 63,6 %. Таким образом, дистанция оставалась постоянной и составила около 10 процентных пунктов. Гораздо заметнее разница между этническими группами во второй по частоте выбора ассоциации. Оказалось, что для русских регион (в абсолютном большинстве имеется в виду Чувашия) ассоциировался в 2014 г. с понятием «Родина» в 25,2 % случаев в то время, как у чувашей — у 51 %. В 2020 г. зафиксирована еще более значительная дистанция: 16,3 и 46,2 % соответственно. Родной город или село в качестве ассоциации с понятием «Родина» достаточно популярны как у русских, так и у чувашей.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос об ассоциациях респондентов с понятием «Родина»
(%, можно было выбрать до трех вариантов ответа)

Варианты ответов	2014 г.	2020 г.
Со страной Россия	70,2	67,8
С моим регионом (краем, республикой)	44,6	37,2
С гражданами России	8,3	9,3
С моим городом, селом	51,4	48,9
С местом на карте	4,9	2,8
С моим будущим	—	5,6
С историей России	30,5	26,6
С культурой России	22,5	24,5
С военной мощью России	11,4	5,3
С историей моего региона	9,2	5,3
Другое	3,1	2,8
Не возникает никаких ассоциаций	—	2,5

Вариант «история России» в ходе обоих обследований оказался практически одинаковым по частоте выбора у чувашей и русских, при этом его значимость была важна для четверти первых и трети вторых. Приведенные с учетом этнического состава респондентов показатели ассоциативных предпочтений не могут быть свидетельством большего или меньшего уровня патриотизма, «российскости» чувашей или русских. Здесь следует учитывать и другие аргументы, в частности то, что чувашаи в значительно большей степени связаны с республикой, с которой концентрируются их представления о своем народе, родном языке, развитии и сохранении культуры и т.д. Русские с этой точки зрения более «свободны», по крайней мере, в границах Российской Федерации.

Если вести речь о гражданственности молодых людей, то следует отметить, что под ней понимается совокупность их характеристик, которые оказывают прямое и косвенное воздействие на социально-ориентированные мотивации, которые реализуются в определенных формах деятельности. При этом важно, чтобы декларированный уровень общегражданской идентичности был реально реализован в общественно полезной активности.

Если судить по результатам двух опросов студентов, то можно видеть, что принадлежность к российскому гражданству является для них самой важной социальной позицией (см. табл. 2). Конечно, между подобным выбором в 2014 и 2020 гг. имеется заметная дистанция, но тем не менее преимущество этой позиции сомнений не вызывает. Отметим, что этническая и региональная идентичности занимают важное место в самоопределении молодежи, о чем уже говорилось выше. При этом важно повторить, что более частый общегражданский выбор не означает ущемления этнической и территориальной (региональной) идентичностей. На этом несколько подробнее остановимся немного ниже.

Для молодых людей важно было подчеркнуть свою поколенческую принадлежность, не случайно более 4 чел. из 10 выбирали подобный вариант ответа. Достаточно распространенным для них оказался и признак пола, что засвидетельствовали более четверти респондентов. В то же время ответы девушек и юношей на данный вопрос носят в основном однотипный характер, разница практически по всем альтернативам несущественна. Если же обратим внимание на влияние этнического фактора, то следует при этом отметить, что социальная позиция, свидетельствующая об общегражданском выборе, оказалась приоритетной для всех этнических групп: в 2014 г. ее чаще отмечали русские – 80,1 %, опережая чувашей более чем на 8 п.п. (71,8 %). В 2020 г. ситуация изменилась в пользу большей схожести при опережающем выборе этой позиции чувашами (68 % против 64 % у русских). Этническая идентичность была более популярна у чувашей (34,9 % в 2014 г. и 31,8 % в 2020 г.), сравнительно с русскими (по 23,2 % в ходе обоих опросов). Наиболее значимо расхождения проявились при выборе территориальной идентичности (житель Чувашии). Она оказалась приемлемой для более заметной части чувашей (51,0 % в 2014 г. и 42,4 % в 2020 г.), чем для русских (23,8 и 16,3 %). По остальным позициям разница в предпочтениях у респондентов разных национальностей оказалась не столь существенной.

Следует сказать несколько слов о наблюдаемой нами иерархии идентичностей. Во-первых, нужно отметить, что простое сравнение принадлежности к гражданству, с одной стороны, и этнической, региональной и местной идентичности, с другой, – не совсем корректно. У каждого россиянина как гражданина есть как обязанности, так и права, прописанные в Конституции России. Такой набор не является обязательным атрибутом у других отмеченных идентичностей. Иначе говоря, государство предъявляет свои требования к обязанностям граждан и, например, должно защищать их права за пределами страны. Такая позиция не имеет отношения, например, к русским, чувашам, мордве, жителям Москвы, Канаша и т.п. Естественно, что каждый из опрошенных студентов понимал разницу в позициях каждой из идентичностей, поэтому выбор чаще склонялся в пользу такой из них, как гражданин России. Во-вторых, эти идентичности не являются жесткими, противоречащими конструкциями, зачастую многое зависит от конкретных ситуаций. Представим, что уроженец города, села, в котором живет рес-

пондент, достиг выдающихся результатов в спорте, науке, бизнесе и др. О нем появились передачи в СМИ, он стал героем новостных лент и т.п. С большой долей вероятности, люди, родившиеся или проживающие в этом населенном пункте, при подобных опросах станут чаще отмечать в качестве важного для себя региональную/местную идентичность. То же самое можно отнести и к этнической идентичности. Наконец, эти идентичности не являются противоречащими друг другу, они достаточно легко сочетаются, не вызывают дискомфорта отдельной личности. Недоумение или недовольство может произойти, когда отдельный человек или определенная группа начинают полагать, что происходит некоторое ущемление их положения, их прав в связи с тем, что они являются представителями определенной национальности или жителями какого-либо села, города.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас является наиболее важным из нижеперечисленных позиций»? (% , можно было выбрать не более трех вариантов ответа)

Варианты ответов	2014 г.	2020 г.
Представитель своего поколения	42,5	48,3
Представитель своей национальности	32,0	29,1
Представитель студенческой молодежи	19,4	9,9
Гражданин России	76,9	65,6
Житель Чувашии	35,1	27,9
Представитель своего района, землячества	—	9,9
Представитель своей религии	10,5	5,0
Представитель определенной идеологии (коммунист, консерватор, либерал-демократ и др.)	2,2	4,3
Представитель молодежных объединений (профсоюзных, экологических, военно-патриотических, спортивных, музыкальных и др.)	8,9	7,7
Представитель неформальных молодежных субкультур (байкеры, фанаты, скинхеды, рэперы, ролевики, эмо, металлисты и др.)	2,2	1,5
Представитель своего социального слоя (бедный, богатый, средний класс)	4,3	—
Мужчина / женщина	28,3	29,7
Европеец	1,8	—
Иное	1,5	3,7

Формирование различных индивидуальных и коллективных идентичностей происходит с учетом и на основе многих факторов. Одним из важнейших среди них является историческая память. Как справедливо отметил В.А. Тишков, «без истории нет и самой идентичности, если понимать под последней чувство сопричастности с той или иной общностью, культурой, ценностью» [21]. Для граждан нашей страны важнейшим историческим событием является Великая Отечественная война, и отношение к ней свидетельствует о ее ключевой роли в событиях как отдельных лиц, так и всего народа, государства. В нашей анкете несколько вопросов было посвящено отношению студентов к этому трагическому для СССР испытанию. Сразу же отметим, молодым людям не предлагалось проявить свои

фактические знания о конкретных событиях и участниках войны. С этой точки зрения имеющиеся исследования, практический преподавательский опыт автора свидетельствуют о серьезных пробелах в конкретных исторических знаниях молодых людей, хотя общее знание у них присутствует. Это важно, поскольку умозрительные оценки не являются достаточно серьезной базой для понимания и оценки таких поворотных для страны событий. Вопросы анкеты были направлены на выявление оценочных событий, имеющих у респондентов. Во-первых, отметим, что происходившее на войне вызывает их интерес в той или иной степени. Таким образом полагают 83 % опрошенных. В то же время для 12 % события военного времени мало интересны и для 4 % они совсем не были интересны или же были затруднения с выбором конкретного ответа. Важно отметить, что для абсолютного большинства респондентов победа в Великой Отечественной войне воспринимается как событие, имеющее огромную трагическую составляющую (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что значит для Вас победа СССР в Великой Отечественной войне?» (% , можно было выбрать до трех вариантов ответов)

Варианты ответов	Всего
Для меня это личное событие, я не отделяю себя от истории своей страны	12
Это победа государства, в котором жили мои родители, дедушки, бабушки, все предки	62
Это огромная трагедия, которая сопровождалась десятками миллионов жертв	69
Это победа социалистического строя над капиталистическим	3
Это победа всех народов нашей страны, в целом советского народа	52
Это победа, после которой с СССР все в мире стали считаться	7
Это победа нашей идеологии над фашизмом	10
Как-то не задумываюсь над этим, уже давно это было	1
Другое, затрудняюсь ответить	4

Уже первый вариант ответа, который выбрали 12 % респондентов, показывает, что и личное восприятие событий прошедших лет тесно связано с историей страны. Особо следует отметить выбор варианта, где подчеркивается, что победа была достигнута всеми народами нашей страны, что важно в условиях сегодняшнего противодействия не только с бывшими союзниками по войне, но и недавними соотечественниками, чьи отцы и деды сражались вместе против общего врага. Каждый пятый студент отметил идеологические (победа идеологии, победа социализма над капитализмом) последствия, а также повышение авторитета СССР. Очень важно, что молодые люди понимают цену победы над фашизмом, которая достигнута тяжелыми испытаниями и трагическими событиями практически для каждой советской семьи. Отношение ко Дню Победы свидетельствует, что почти 9 человек из 10 полагают его важнейшим памятным символом, но для 8 % молодых людей он является просто выходным днем или же обыкновенной датой календаря. У студентов сложилось собственное отношение к формам празднования 9 мая. Треть от их числа считает, что оно хорошо организовано, особенно им нравится «Бессмертный полк». Но свыше половины (54,4 %) отметили, что

это важный день, но он проходит слишком милитаризовано, пафосно. Не совсем принимаются такие наклейки, как «На Берлин!», «1941–1945, можем повторить», поскольку война сопровождалась жертвами и трагедиями. Кроме того, 7,5 % не задумывались об этом, еще 1,5 % дали свои комментарии, которые солидаризировались с мнением большинства, и в них речь идет о необходимости реальной помощи еще оставшимся в живых ветеранам, труженикам тыла, необходимости избегать всяческой показухи и др.

Следует отметить, что в оценках событий, связанных с Великой Отечественной войной, нет заметных отличий в мнениях респондентов, связанных с их полом, этнической принадлежностью за исключением оценок победы, которые сгруппированы в табл. 3. Вариант ответа о победе как об огромной трагедии с многочисленными жертвами чаще называли студенты-чуваши (73,5 %), чем русские (56,3 %).

Многие исследователи отмечают, что в гражданственности молодых людей должна присутствовать деятельная позиция, стремление выполнить что-то реальное и полезное для общества. Например, Л.М. Дробижева и С.В. Рыжова обращают внимание, что «гражданская идентичность, как и другие виды коллективных идентичностей, включает в себя не только когнитивные и эмоциональные компоненты, но и регулятивные. Деятельностные элементы, с нашей точки зрения, чаще и отличают гражданскую идентичность, скажем, от просто страновой и государственной. Они стимулируются интересами — политическими, социальными, личностными» [6, с. 12].

В ходе проводимых обследований студентов Чувашии им было предложено ответить на несколько вопросов, которые давали возможность выявить различные проявления их гражданского активизма. Для характеристики студентов чувашских вузов с этой точки зрения привлечем данные опроса 2020 г. в той части, где речь идет о волонтерском движении и некоторых других формах общественной активности. Почти 6 из 10 респондентов (58,2 %) принимают участие в добровольческой деятельности, носящей просоциальный характер, чаще всего речь идет о социальном волонтерстве (25,7 %), экологическом движении (15 %), различных благотворительных акциях (14,9 %), движении за здоровый образ жизни (13,6 %), спортивном волонтерстве (13,3 %). В поисковом движении принимают участие 9,3 % опрошенных студентов, и столько же ответили, что они помогают заботиться о больных детях, воспитанниках детских домов. Назывались и другие виды волонтерства, в частности, помощь бездомным животным, людям с ограниченными возможностями и др. Кроме волонтерского движения, интерес у студентов вызывает деятельность в спортивных секциях (19,9 %), профсоюзе, студенческом самоуправлении (13,4 %), различных Интернет-сообществах (12,1 %), творческих объединениях (10,9 %), научных обществах (8,4 %), молодежных общественно-политических объединениях (5,6 %) и др. В то же время около половины респондентов отметили, что они не имеют опыта работы в подобных организациях. Отметим и другую сторону этой проблемы. Выяснился уровень интенсивности участия в различных формах гражданского активизма. Почти 12 % ответили, что они занимаются общественной работой 2–3 раза в неделю или чаще, 15,1 % полагали, что у них это происходит 2–3 раза в месяц. Чуть более четверти считают, что общественная нагрузка требует их времени и усилий 2–3 раза в год. Самая значительная часть молодежи (42 %) привлекается для прове-

дения различных мероприятий, затем наступает заметный спад. Почти 5 % выбрали иной вариант ответа. Конечно, нельзя ожидать от молодежи затрат значительного времени на общественную деятельность, поскольку они учатся. При этом важно, чтобы в подобной деятельности было меньше формализма. Из приведенных материалов видно, что около 40 % студентов остаются вне различных молодежных инициатив и движений.

С учетом вышесказанного следует обратить внимание на следующее замечание методологического характера известных социологов: «Ядро гражданского сознания, а вместе с этим первичный уровень взаимоотношения личности и государства – соответствие ее идентичности системообразующей модели государства. Если эта модель устойчивая и в представлениях личности соответствует принципам социальной справедливости, то имеет место баланс индивидуальных и общественных интересов, стимулирующих прогресс общества и устойчивость (перспективность) качества и образа жизни индивида» [4, с. 162].

Наконец, о планах на будущее, в частности, о возможности связать его с жизнью и работой за пределами России. Судя по ответам опрошенных студентов, в их числе имеются две немногочисленные группы, у участников которых сложились на этот счет твердые убеждения: 8 % намерены рано или поздно уехать в зарубежную страну на постоянное место жительства, а 12 % не собираются с этой целью покидать Россию ни при каких условиях. Кроме того, чуть более 17 % собираются уехать за рубеж, но только на определенное время, в течение которого они хотят повысить уровень квалификации, получить практический опыт работы. Самая значительная доля респондентов (39 %) размышляют о такой возможности, но пока не пришли к решению. Наконец, 23 % близки к этой группе, поскольку затруднились дать определенный ответ.

Причины, побуждающие будущих специалистов уехать за рубеж, включают разные мотивы, и значительная их часть содержат материальные аргументы, надежды на более высокий уровень социальной поддержки (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы намерены рано или поздно уехать в другую страну на постоянное место жительства, то с чем это связано?»
(%, можно было выбрать не более трех вариантов)

Варианты ответов	Всего
В России у меня нет перспектив для самореализации, здесь практически нет социальных лифтов	14,7
В нашей стране мало экономической свободы, кругом бюрократия	19,7
Россия уже долго в кризисе, не верю в эффективность национальных проектов	14,7
За рубежом я смогу за свой труд получать достойную оплату	34,5
За рубежом не надо доказывать свою лояльность власти	9,2
За рубежом есть экономическая свобода, там проще организовать свой бизнес	11,8
За рубежом медицина, образование, социальные услуги качественнее и дешевле, чем в России	19,7
Хочу, чтобы моя семья, дети росли в свободной, развитой стране	26,1
Хочу попробовать пожить и поработать в другой стране, возможно, вернуться обратно	51,7
Свой вариант	5

Заметны мнения, в которых студенты критически высказываются в адрес засилья местной бюрократии, экономических перспективах России, отсутствия в стране перспектив для карьерного роста. В целом для них важны условия для жизни будущей семьи в стране, где выше уровень экономического и социального развития, больше возможностей для собственного роста.

Такие данные являются свидетельством того, что в России и среди молодых людей ценности материализма играют более значительную роль, чем значимость индивидуальной свободы и возможности выбора жизненной стратегии [см. об этом: 8, с. 20].

Если учитывать влияние этнического фактора, то окажется, что он имеется, но его нельзя отнести к значительным, поскольку разница в ответах чувашей и русских составляет 5–8 п.п. При этом для студентов-чувашей более значимыми оказались причины, связанные с представлениями у студентов о том, что в передовых зарубежных странах больше возможностей для самореализации, что в России мало экономической свободы и много бюрократии, что они смогут в другой стране получать достойную заработную плату и что там медицина, образование, социальные услуги дешевле и качественнее, чем в России. Для русских более важными оказались наличие за рубежом экономических свобод и возможностей организовать свой бизнес, а также пожелания своей семье жить в свободной развитой стране. По остальным позициям разницы практически не было.

Материалы нашего исследования показывают, что установки и оценки молодежи, в данном случае студентов, в отношении к своему Отечеству отражают их позиции в первую очередь как граждан страны, как жителей определенного города или села, а также «своего» региона. Следует отметить, что показатели ассоциативного восприятия Родины остаются достаточно устойчивыми, сложившимися, о чем свидетельствуют данные двух опросов. С этой точки зрения закономерным выглядит выбор «Я–идентичностей», среди которых наиболее распространенным является причисление себя к гражданам России. Общегражданская идентичность молодых людей вполне соответствует подобному выбору всех граждан Чувашии, для которых причисление себя к россиянам является естественной ситуацией и подтверждается рядом исследовательских проектов. Популярными в наборе идентичностей являются региональные и этнические, хотя по частоте выбора они уступают общегражданской. Повторим еще раз, что между ними нет жесткого противоречия, во многом соотношение между ними определяется ситуативными обстоятельствами, и стремление к обязательной иерархии в данном случае не является плодотворным.

Характеристика исторической памяти студентов представлена отношением к событиям Великой Отечественной войны. Следует иметь в виду, что испытания тех лет у российского народа занимают особое место не только как достаточно абстрактные явления исторической памяти, но и как вполне реальные события, сохраняющиеся в памяти огромного количества отдельных семей вплоть до сегодняшнего дня. С этой точки зрения война 1941–1945 гг. намного превосходит по силе эмоционального воздействия другие события и явления из истории России. Поэтому общий вектор в оценке значения военных событий концентрирует мнение подавляющего числа студентов, что не является таким же ожидаемым при выявлении отношения к другим историческим событиям. С другой стороны, весьма важно проводить мониторинг по выявлению отношения молодежи к военно-

му времени, поскольку эти настроения дают основание вести речь о сохранении национального единства.

Значительная часть молодежи имеет желание проявить себя участниками активных действий, в том числе просоциального характера. Опросы показали, что подобные настроения являются частью мотивации, жизненных ценностей студентов Чувашии. В то же время практически половина из них не нашла себя в подобном активизме, что является определенным препятствием для развития некоторых институтов гражданского общества.

По мнению респондентов, существует комплекс причин, негативно влияющих на их профессиональный и социальный рост в родном отечестве, побуждает их думать о будущем, не связанном с работой в России. Эти ожидания опираются на якобы более привлекательные возможности для материального и социального обеспечения себя и своей семьи, возможностями профессионального роста и др., которые связаны с более демократической и экономически эффективной системой организации жизни и производства в зарубежных странах.

Безусловно, события, связанные с коронавирусной пандемией COVID-19, наверняка изменят некоторые оценки молодежи, но напомним, что наш опрос проводился в марте 2020 г., когда эти последствия еще не стали фактом реальной жизни.

Список литературы и источников

1. Авксентьев В.А., Шульга М.М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 34–42.
2. Арутюнова Е.М. Российская идентичность в представлениях московских студентов // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 77–85.
3. Бойко И.И., Харитонова В.Г. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. // URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555 (дата обращения: 21.05.2019).
5. Дробижнева Л.М. Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107–118.
6. Дробижнева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. 2015. № 5. С. 9–24.
7. Иванова С.Ю., Шульга М.М. «Русская этническая» и «российская» идентичность: соотношение понятий // Вестник Южного научного центра. 2010. Т. 6. № 4. С. 96–104.
8. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
9. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.
10. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года N 2403-р // <http://docs.cntd.ru/document/420237592> (дата обращения: 21.05.2019).
11. «Отцы и дети: поколенческий анализ современной России» / ред. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
12. Петухов Р.В. Локальные общества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. 4 (122). Июль–август. С. 60–71.
13. Петухов В.В., Бараиш Р. Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивации, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.
14. Пржиленская И.Б., Шаповалов В.А., Шульга М.М. Особенности формирования гражданской идентичности студентов в поликультурном регионе // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. № 79. С. 5–9.

15. Радаев В.В. «Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ» // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 15–33.
16. Региональные аспекты формирования российской нации в XVII – начале XXI в. (по материалам Поволжья). Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. 518 с.
17. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть 1. / Рабочая группа Института социологии РАН / рук. Горшков М.К. Электронный ресурс / URL: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf (дата обращения: 19.05.2019).
18. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под общ. ред. В.А.Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
19. Тихонова Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.); отв. ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 127–144.
20. Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
21. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2(31). С. 4–16.
22. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
23. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. 2-е изд., стер. М.: Университет «Синергия», 2017. 138 с.
24. Шульга М.М., Кузнецов Д.О. Гражданственность молодежи: позитивные практики и риски // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4(43). С. 306–310.

I.I. Boyko

STUDENT YOUTH OF CHUVASHIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: IMAGES OF THE MOTHERLAND AND CIVIC POTENTIAL

Annotation. Based on the materials of the survey of University students in Chuvashia, some aspects of the civic solidarity of the young people are studied through the perception of the Motherland and the understanding themselves as citizens of Russia. Attention is drawn to the features of the civil, regional and ethnic identity of the Chuvash and Russian students. The problems of historical memory of the young people are analyzed on the example of the attitude to the Great Patriotic War. The article considers the manifestations of the civic activism of the young people, in particular, their participation in the movement of volunteers, as well as their plans for the future.

Keywords: student youth, perception of the Motherland, civic position of students, volunteer movement, plans for the future.

СЕМЕЙНЫЕ И КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ЧУВАШЕЙ ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В 2019 г. сотрудники секции этнологии исторического направления ЧГИГН провели в г. Чебоксары этнологическое исследование на основе разработанного ими же вопросника, посвященное разным аспектам жизнедеятельности городского чувашского населения. Основная их часть опубликована в том же году в сборнике статей «Чебоксары: история, этнография, культура». В данной статье рассматриваются семейные и календарные обряды и обычаи чувашей г. Чебоксары начала XXI в. Отмечается, что основная масса чувашей-горожан проводит семейно-бытовые празднества большей частью по гражданской, а не традиционной обрядности. Исключение составляют разве что похоронно-поминальные традиции. Календарные праздники и обряды соответствуют, как правило, русскому православному календарю, однако сохраняются и традиционные чувашские элементы.

Ключевые слова: семейные и календарные обряды и обычаи, чувашаи-горожане, свадебные, родильные, поминально-погребальные обряды, общегородские народные праздники и игры, *Акатуй*.

Семейные и календарные обряды и обычаи как составные и неотъемлемые компоненты традиционной духовной культуры чувашского народа достаточно изучены. Укажем лишь на фундаментальные труды, в которых дается их сравнительно-сопоставительный анализ, содержится богатая библиография: историко-этнографическое исследование «Чуваши: история и культура. Т. 2», научно-популярное издание «Этнография чувашского народа», монография «Чуваши», где имеются разделы «Обрядовая и праздничная культура», «Семейная обрядность» и «Календарные праздники и обряды», «Празднично-обрядовая культура» [12, с. 111–172; 14, с. 221–241, 272–299; 13, с. 413–499].

Однако в чувашеведении отсутствуют научные труды, посвященные бытованию семейных и календарных обрядов среди горожан чувашей-чебоксарцев; не проводились комплексные научно-изыскательские и фольклорно-этнографические экспедиции с целью изучения среди них соответствующей обрядности. Лишь отдельные аспекты указанной проблематики были затронуты в работе В.П. Иванова, посвященной религиозному поведению «определенной части городского населения, как участие в обрядах церковного крещения, венчания, в религиозных похоронах, поминках, праздниках» [3, с. 121–153], исследованиях Е.А. Ягафовой [15; 16; 17], раскрывающие современную празднично-обрядовую культуру чувашей Татарстана, Башкортостана, Ульяновской, Саратовской и Самарской областей, и статье Д.В. Егорова [1, с. 229–240], хотя в столице Чувашской Республики, согласно переписи населения 2010 г., проживает наибольшее число представителей коренного этноса*.

* Как указывают источники, по данным последней переписи населения 2010 г., «национальный состав чебоксарцев (453 721 чел.) выглядит следующим образом: чувашаи – 62,4 % от

Настоящая статья есть продолжение дискуссии о состоянии и развитии традиционной духовной культуры современных чувашей-горожан — фольклора, семейных и календарных обычаев, религиозно-обрядовой системы, сфер быта и культуры, других сторон жизнедеятельности чувашского населения г. Чебоксары, начатой на Всероссийской научно-практической конференции «Чебоксары: история, этнография, культура» (г. Чебоксары, 30 мая 2019 г.), посвященной 550-летию столицы Чувашии, материалы которой опубликованы отдельным сборником [11]. Она написана по результатам экспертного исследования, проведенного в марте 2019 г. на основе опроса респондентов: 105 по этнологической части и 100 по фольклору и семейно-календарным обрядам и обычаям, которые представляют разные области деятельности горожан: науку, культуру, искусство, высшее, среднее и школьное образование, здравоохранение и т.д.

В «Вопроснике для экспертного исследования» (далее — «Вопросник») вопросы, связанные с семейно-календарными обрядами и обычаями (их всего восемь), можно объединить в пять групп: первая — это ответы экспертов по семейным и календарным обрядам и обычаям вообще (№ 34), вторая — по семейной обрядности, включающей свадебные (№ 30), родильные (№ 31, 32) и поминально-погребальные обряды (№ 33); третья — календарные обряды и обычаи (№ 35), четвертая связана с участием горожан в общегородских народных праздниках и играх (№ 36), и пятая — о значении общенародного праздника *Акатуй* (№ 37).

Отметим: современная система обрядов и обычаев горожан намного отличается от традиционной чувашской обрядности сельской местности, хотя их носителями являются те же чувашаи, приехавшие из сел и деревень и оставшиеся в городе. Известно и то, что в городских условиях интенсивно происходят процессы урбанизации, изменения в социальной, культурной и других сферах жизнедеятельности. Указанные факторы изменяют не только само содержание, функции семейных и календарных обрядов, но и в некоторой степени являются движущей силой развития и переформатирования обрядовой культуры чувашей-горожан как представителей коренного этноса и городского населения.

Для сравнения: в 1981–1982 гг. Институт этнографии им. Н.И. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне ЧГИГН) при участии студентов высших учебных заведений республики и учащихся Канашского педагогического училища провели в 58 сельских населенных пунктах и 7 городах республики статистико-этнографическое исследование. Оно посвящалось изучению актуальных вопросов в области социально-этнических и культурно-бытовых процессов, исследованию общественного мнения жителей Чувашии, анализу «закономерностей строения этноса», и было направлено «на системное изучение этноса и анализ его компонент: языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т.п.» [4, с. 3–5]. Результаты этой работы увидели свет в сборниках «Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР» и «Чуваши: современные этнокультурные процессы», в которых частично нашли отражение и чувашские семейные обряды как сельской, так и городской местностей в статьях Т.П. Федянович, Б.В. Каховского и

общей численности указавших свою этническую принадлежность, русские — 33,8 %, татары — 1,1 %, украинцы — 0,6 %, марийцы — 0,5 %, мордва — 0,4 % и др.» [1, с. 231].

С.К. Жидковой [9, с. 100–108; 10, с. 121–139; 5, с. 42–49; 6, с. 109–117; 2, с. 137–141].

Анкетирование тех лет позволило исследователям сделать вывод, что «под влиянием социально-экономических преобразований в жизни этноса меняются не только функции обычаев и обрядов, но и их форма и содержание. Эти изменения совершаются относительно медленно и неравномерно. Обычно быстрее изменяется содержание обряда, нежели его форма. Иногда изначальный смысл обряда бывает забыт, а традиционная форма наполняется новым содержанием» [10, с. 121]. Например, вопрос о знании городскими и сельскими чувашами традиционных семейных обрядов показал следующую картину: в городе больше, чем в селе, распространены свадьбы без обрядов (32,4 %), свадьбы по современному гражданскому обряду (33,7 %), но их мало по развернутому традиционному обряду (8,5 %). В то же время 25,1 % опрошенных соблюдают отдельные традиционные элементы; среди городского населения преобладают сторонники гражданской родильной обрядности (49,5 %), а 8,3 % согласны отметить рождение ребенка гражданской и народной обрядностью; похоронные и погребальные обряды на селе и в городе различны по уровню знания, у горожан они ниже, для них также характерно преобладание гражданских похорон (63,6 %), а 26,2 % респондентов согласны на современный гражданский обряд с соблюдением отдельных элементов старинного обряда и религиозных предписаний [10, с. 122–131].

Произошли ли какие-то перемены в отпращивании горожанами-чувашами семейных и календарных обрядов на современном этапе?

На данный вопрос в ходе этнологических исследований 2019 г. получены интересные ответы. Нужно отметить, что опрошенные эксперты приняли самое активное участие и показали личную заинтересованность: средний показатель их утвердительного ответа по восьми вопросам составляет 87,5 % от общего количества участвовавших, не получено ответа лишь от 12,5 %; 85,3 % респондентов дали более подробные и содержательные ответы по тем или иным пунктам вопросника. Зафиксированы и такие: «не знаю» – 4,0 %, «нет» – 6,1 %, «затрудняюсь ответить», «не владею информацией» либо «не слышал, не изучал, не замечал, не видел» – 4,6 %.

Рассмотрим общие ответы, сформулированные в вопросе *«Интересуетесь ли Вы чувашскими семейными и календарными обрядами и обычаями? Как Вы используете свои знания на практике?»*.

Наибольшее число экспертов (77,0 %) положительно ответили на поставленный вопрос; не интересуются 12,0 %, а десять из опрошенных (10,0 %) вообще не высказались и лишь один из них (1,0 %) признался, что ранее ему «не приходилось заниматься подобными делами».

Своими суждениями поделились представители чувашской творческой интеллигенции – работники образовательных учреждений, средств массовой информации (СМИ) и культуры [например, учитель средней образовательной школы (СОШ) № 60 г. Чебоксары Л.А. Федотова, редактор Национальной телерадиокомпании Т.Н. Иванова (Раевская), известный этнохореограф и балетмейстер В.А. Милютин и др.]. Информанты, в частности, дали такие ответы: «Интересуетесь календарными обрядами и обычаями, используя их в своей профессиональной деятельности во время уроков и на внеклассных мероприятиях». «Во время чувашских традиционных праздников в их семье принято печь пироги, причем

обрядовые: на *Илен кунё* (Ильин день) — из картошки, яблочные — на *Сйпас* (Спас), из капусты — на *Пукрав* (Покров день), из гороха на *Сурхури* (Рождество), блины на *Сйварни* (Масленицу), на *Симёк* (Троицу) — пироги из яиц с зеленым луком, на *Питрав* (Петров день) — из ягод и варят *шурпе* (шурба), на *Мйнкун* (Пасху) окрашивают куриные яйца». «Интересуюсь, так как в них всегда присутствуют трансформированные пластические элементы танцевальных действий: канонизированные положения рук и ног, корпуса и головы, плеч и координации движений, манера и характер исполнения танца, сформировавшиеся, со всей очевидностью, [в связи со] сменой социально-экономических условий на рубеже XVIII—XX вв.». По второй части вопроса информант размышляет: «Свои знания использую в практической работе. Главная задача — поиск хореографической лексики, знание достоверных фольклорных истоков, а затем при создании современной чувашской народной хореографии добиться достоверной региональной принадлежности. Чувашское народное танцевальное искусство удивительно прекрасно. В нем можно выделить основные танцевальные элементы и формы, но каждый регион и край нашей чувашской диаспоры имеет свой стиль, свои краски, свои приемы». По глубокому его убеждению, Чувашию «можно считать, кроме крылатых слов П.П. Хузангая, еще и “краем ста тысяч танцев”. Но на современном этапе роль традиционного народного танца существенно изменилась. Утратив философско-эстетический, мифологический, обрядовый и ритуальный характер, он стал этносимволическим атрибутом национальной культуры».

Интерес представляют и другие ответы экспертов. Так, предприниматель С.В. Ивашкин не употребляет яблок до *Сйпас*, заместитель директора Чебоксарского художественного училища (ЧХУ) И.А. Герасимова описывает обряд обращения к божеству загона после чистки грядки от сорняков. По ее мнению, когда заканчивали уборку трав и сорняков, обязательно нужно обратиться к *ана* со словами: «*Ана, вйй пар*», то есть, «Загон, дай нам силы». По утверждению экспертов из числа творческих работников — народного фольклорного ансамбля «Уяв» — они систематически используют чувашские семейные и календарные обряды и обычаи в своем репертуаре: сцены свадеб верховых, низовых и средненизовых чувашей, проводы в рекруты, посиделки; обряды «Осеннее пиво», «Пир по случаю вхождения в новый дом», «Праздник *Уяв*» и др. Часть опрошенных респондентов записывает обрядовые действия по рассказам старожил, собирает предметы традиционной культуры и обихода, старины, а некоторые проводят только поминальные обряды с посещением кладбищ, могил предков и родных; третьи поддерживают тех, кто соблюдает обряды и обычаи и т.д.

По вопросу «*Бытуют ли в условиях города Чебоксары элементы русской и чувашской традиционной свадьбы?*» вырисовывается такая картина: положительный ответ получен от 70 чел. (70,0 %), не могли ответить или дали отрицательный ответ 13,0 % и не ответили 10 чел. (10,0 %). Респонденты отмечают, что элементы чувашской свадьбы некоторыми организаторами включаются в современный свадебный церемониал даже с рядом нарушений традиций и культуры чувашского народа или же организуются с приглашением чувашских фольклорных ансамблей, которые при выкупе невесты или в ее доме исполняют народные песни и танцы, веселя присутствующих. Часть экспертов, лично участвовавших в городских бракосочетаниях, с благодарностью подчеркивает, что на некоторых

свадьбах участники наряжаются в национальную одежду, используют традиционные украшения; есть чувашские молодожены, которые в ЗАГС идут в стилизованных чувашских нарядах или в чувашских костюмах, но таковые в последнее время встречаются очень редко.

В числе бытующих элементов традиционной народной свадьбы как русские, так и чувашские эксперты выделяют *хёр килёшме кайни* (сватовство), *хёр туянни* (выкуп невесты), *пил пани* (благословение), *хёр хысёанё* (сопровождение невесты в дом жениха подругами), *сё(ё)нэхта* или *сён(ё) хята* (визит родителей невесты в дом жениха и к его родне) и др. В частности, заместитель директора Чувашского государственного художественного музея (ЧГХМ) в свадебный ритуал включает: одаривание подарками родственников жениха невестой, в том числе подарки для дома жениха; скатерть или полотенце для усопших в жениховом роду; подзор или рушник перед иконой. По мнению обозревателя газеты «Советская Чувашия», к свадебным ритуалам относятся: одаривание невестой подарками родителей жениха; традиционная встреча молодых, когда застилают белый домотканый холст для проведения обряда *пил пани*. Два пожилых эксперта — работники Чувашского государственного академического ансамбля песни и танца (ЧГААПТ) и Чувашской государственной академической симфонической капеллы (ЧГАСК) — вспомнили даже подзабытые современной молодежью такие важные составные части чувашской традиционной свадьбы, как ношение воды, рубка бревен, вкушение каравая с солью, хождение *курнуи* по родственникам: «Туй хысёан курнуи сёресё. Кашни тавансен килне»* и т.д.

Как утверждают некоторые эксперты, в настоящее время как чувашская, так и русская свадебная церемония в городе сильно перемешана: и выкуп, и сватовство, и встреча молодоженов, и благословение, и свадебные песни — обычно в кафе с ведущими и музыкой — происходят по шаблону и по единому разработанному сценарию. Данная мысль согласуется с мнением ряда чувашских ученых, к примеру, Б.В. Каховского, который еще в 80–90-е гг. XX столетия отмечал: «Свадебный обряд чувашей к настоящему времени претерпел существенные изменения. Ритуал свадьбы подвергся значительному упрощению» [5, с. 43]. Эксперт-преподаватель Чувашского государственного института культуры и искусств (ЧГИКИ) предлагает: неплохо бы возродить древние корни чувашской народной традиционной свадебной обрядности и в среде горожан — это нужно не только ныне живущим, но и будущим поколениям — если хотим сохранить этническую самоидентичность и национальную культуру.

Вопрос, посвященный чувашской родильной обрядности, звучал так: «*Бытуют ли в городских семьях элементы чувашской родильной обрядности, в частности в связи с крещением в церкви?*»

* Эксперт И.А. Александров, 26.04.1952 г.р., заслуженный артист Чувашской АССР, уроженец д. Ойкасы Тораевского сельского поселения Моргаушского района Чувашской Республики. Окончил Тораевскую среднюю школу (1969), музыкально-педагогический факультет ЧГПИ им. И.Я. Яковлева (1977). Трудовая деятельность: служба в СА (1970–1972), артист хора Госкомитета ЧАССР по телевидению и радиовещанию, солист Чувашской государственной академической хоровой капеллы (ныне Симфоническая капелла), хормейстер народного ансамбля песни и танца «Нарспи» г. Чебоксары (с 1977 по настоящее время). С его слов, тораевцы и земляки других населенных пунктов округа за невестой едут с песнями и танцами. После проводят обряд *курнуи*, соответствующий у низовых чувашей *тавърна* или же *сёнё хята*, по которому новобрачные со своими родителями едут к родственникам друг друга с подарками и угощениями.

Результаты опроса таковы: меньше половины из опрошенных высказались утвердительно (43,0 %), не ответили и получен отрицательный ответ от 36,0 % горожан-чувашей. Немалый процент составляют лица, «не видевшие, не встречавшие, не владеющие информацией и затруднявшиеся ответить, а также не слышавшие, не изучавшие, не наблюдавшие и не замечавшие» чувашскую родильную обрядность. Их всего 21,0 %, сюда же относится ответ мужчины-эксперта 52 лет, заявившего: «Я – христианин, других обрядов не знаю». В то же время наблюдается знание рядом респондентов наиболее значимых элементов родильной обрядности. Преподаватель Чебоксарского педагогического колледжа им. Н.В. Никольского указывает на то, что в основном крестят в церкви, но есть и чувашский национальный обряд, когда детей передают через стол. По замечанию сотрудника Чувашского национального музея (ЧНМ) Н.И. Захаровой-Кульевой, «когда бабушка первый раз встречается с новорожденным внуком (внучкой), то она на кончике маленькой ложки дает ему (ей) мед (или масло) и, благословляя, приговаривает: “*Чёлхи сулла-пылла пултёр!*” (Пусть его/ее) речь будет ласковой)». По мнению 70-летнего пенсионера: «Данный обряд зависит от желания и настроения молодоженов, их друзей и родителей; в современных условиях молодожены часто дополняют родильный обряд крещением в церкви для укрепления семейных и новых дружественных уз». Часть экспертов утверждает: в современных условиях при родильных обрядах соблюдаются православные каноны, причем у русских и у чувашей элементы одинаковы. Из 100 экспертов около десяти назвали связанные с рождением и имянаречением ребенка обряды, такие как: *ача яшки, ача пылени, ача парни, ачана тёне кёртни, ачана ят хуни, ача урине сунни, хреснаишёне хреснаишине суйлани* и *ача пётти*.

Необходимо отметить комментарии экспертов из русских (3 чел.), которые утверждают, что в городских семьях элементы чувашской родильной обрядности вообще не бытуют, а что касается имянаречения – интерес появился к национальности, родным именам. И это проявляется как у русских, так и у чувашей. Факторами, влияющими на данный обряд в настоящее время, по их мнению, являются общераспространенность имени в той или иной местности, национальные особенности, влияние СМИ и Русской Православной Церкви (РПЦ).

Отвечая на вопрос: «*Какие факторы оказывают влияние на имянаречение в настоящее время?*», эксперты показали свое отменное знание и заинтересованность, а также личную наблюдательность. Вот их ответы: «нет» – 1,0 %, «не знаю» – 2,0 %, «затрудняюсь ответить, не изучал и не могу ответить» – 3,0 %; не принял участие в опросе и не высказался 21 чел. Из результатов опроса стали известны факторы, влияющие на имянаречение: мода на имя – 16 чел., старинные чувашские имена или связанные с национальной идентичностью – 14, православные, церковные и именины святых – 9, желание родителей – 8, влияние СМИ, телевидения и Интернета – 5, популярность – 4, значимость имени – 4, имена родственников, бабушки и дедушки – 3, причины глобализации – 2 опрошенных и др. Кроме вышеперечисленных ответов респонденты указали также желание выделяться среди окружающих, выбор редких имен, осознанность, образование и культуру родителей, историю России и личности, а также желание не отставать от людей.

Оценки информантов относительно знания погребально-поминальных обрядов («*Как Вы считаете, какие традиционные элементы погребально-поминаль-*

ного обряда совершаются в наши дни?») отличаются от предыдущих, прежде всего, отсутствием в них отрицательного ответа. Как указали 75 экспертов (75,0 %), в наши дни в погребально-поминальных обрядах присутствуют разнообразные формы и традиционные элементы, и только 5,0 % не знают их, не получено ответов от 20 респондентов (20,0 %). Большинство экспертов высказали мнение, что в современных условиях как погребение усопших, так и поминовения происходят по православно-церковным обрядам, хотя кое-кто применяет и традиционные чувашские элементы, в частности: хранят вещи умерших и стараются использовать их в своей жизни; ставят столбы и кресты на могилах; дают платочки и полотенца; ставят на стол стакан с водой, кладут ложку, хлеб для покойника, а также проводят поминки на 3, 9, 20, 40-й день, полгода и год; едят блинчики с медом; в гроб кладут дорогие умершему вещи; «провожают» в полночь душу умершего; для обмывания покойника воду набирают из семи родников и т.д. Некоторые эксперты, вспоминая свои местные локальные традиции, указали интересные моменты данной обрядности: например, 66-летний житель г. Чебоксары (уроженец Цивильского района) припоминает, что при опускании покойника в середине ямы 3 раза покачивают гроб, задевая концами об стену, тем самым прося разрешения духов земли дать место или жилище усопшему. Как рассказывала учительница начальных классов СОШ № 60 г. Чебоксары, после выноса покойника бросают ветви ели по пути следования, дарят лоскутки ткани, которую использовали для выноса гроба на кладбище, через гроб родителя передают маленьких детей, совершают поминки в 3, 9, 20 и на 40-й день.

Более развернутую картину данного обряда получаем от редактора Чувашского книжного издательства (ЧКИ) В.В. Степанова: «В городе проводят такие же, как и в старину, обряды: умерший еще при жизни определяет, кто будет его мыть, делать гроб; готовит себе одежду, в чем похоронить; выносят гроб ногами вперед; в дверях гроб 3 раза раскачивают, чтобы тот попрощался с домом, от дома до кладбища бросают еловые ветки; после кладбища обязательно моют руки; совершают поминки на 3, 9, 20, 40-й день. На 40-й день приглашают всю родню». Сотрудник ЧНМ Захарова-Кульева дала такой ответ: «В погребально-поминальных обрядах, совершаемых в городе, я заметила, что гроб также выносят ногами вперед, за усопшим бросают ветки ели. И дома, и на кладбище три раза обходят против часовой стрелки. После того, как отпустили гроб в могилу, все участники церемонии бросают по три комочка земли. Когда начинают выходить с кладбища, напоминают, что нельзя назад оборачиваться и смотреть».

Нужно отметить возраст экспертов, более или менее знающих и рассказавших о погребальных и поминальных обрядах, совершаемых горожанами-чуваши. Наибольшее количество респондентов – это чебоксарцы за 50 и более 60 лет, их 64 чел. Затем следуют в возрасте от 31 до 50 лет – 33 чел., от 20 до 30 лет – 3 чел. Как видим, старшее поколение, хотя и живет в городе уже более 25–45 лет, не забыло традиции своих предков, продолжает, по мере возможности, справлять чувашские традиционные обряды и обычаи, в том числе погребальные и поминальные. Имеются сообщения ряда экспертов, указывавших, что в Цивильском, Козловском и Чебоксарском районах до сих пор существуют своеобразные и интересные местные обычаи и элементы в погребально-поминальной обрядности.

Переходя к календарным обрядам, поясним, что под ними подразумеваем совокупность обрядового комплекса чувашей, проводимого в течение всего ка-

лендарного года. Исследователями выделяются осенне-зимние и весенне-летние календарные обряды, другими — сельские, домашние и индивидуальные, включающие более 150 традиционных действий, ритуалов и религиозно-обрядовых циклов [7, с. 53–378; 12, с. 126–138; 13, с. 432–457; 14, с. 272–299]. В вопросник для экспертного исследования были включены знание и празднование респондентами-горожанами в семье обрядов *Раштав-Сурхури* (Рождество), *Ѕаварни* (Масленица), *Мӓнкун* (Пасха), *Ѕимёк* (Троица), *Питрав* (Петров день), *Илен* (Ильин день); совершение поминовения усопших по календарю. Можно с уверенностью утверждать, что данный вопрос — один из наиболее значимых для наших экспертов, так как свое мнение подтвердили 96 чел. (96,0 %), из которых положительно ответили 93 чел. (93,0 %), не получено ответа и отрицательно высказались 7 чел. (7,0 %) респондентов.

Экспертный опрос показал, что в г. Чебоксары жителями соблюдаются как зимние, так и летние календарные обряды. К примеру, одни в честь указанных праздников накрывают традиционный чувашский стол, ходят в гости, встречаются с родственниками; другие не только соблюдают регулярно, но практикуют их даже в семьях детей; третьи исполняют обряды в родительском доме с участием членов семьи или в домашней обстановке в кругу своей семьи или у близких родственников. Н.И. Захарова-Кульева с любовью отметила, что «из перечисленных обрядов в семье чисто символически отмечаем *Ѕаварни* (участвуем в городских праздниках), *Мӓнкун* (стараясь сходить в церковь), *Ѕимёк* (всей семьей собираемся в родительском доме и посещаем могилы родственников)». Часть участников исследования празднует только зимние календарные праздники — Рождество и Масленицу, другая — летние и осенние — Пасху и Ильин день, а третья — только Петров день, так как для них *Питравкка* издревле является местным почитаемым праздником. Более 80 экспертов признали, что они соблюдают *Ѕимёк* и ежегодно выезжают на могилы своих родителей и родственников с целью поминовения усопших по церковному календарю; русские же эксперты также высказали почитание Троицы и Пасхи, которые ими празднуются в кругу семьи ежегодно. Есть в ответах сведения об обрядовой пище, употребляемой в выше-названных праздниках — это *йӓвача* (колобки), *куймак* (блины), *пыл* (мед), *сурӓх/така аиӓ* (баранина), *сырла кукли* (пирог из ягод), *сёр улми* (картофель), *пылла сӓра* (медовуха), *сӓра* (пиво) и др.

Анализируя ответы экспертов по данному вопросу, можно отметить и причины, по которым чебоксарцы не могут праздновать некоторые обряды. К ним относятся: нехватка времени; несоблюдение календаря и святых дат, по христианско-церковным канонам совпадающих с великими праздниками и родительскими днями; один из респондентов вообще указал, что, кроме поминовения усопших, он не примет остальные обряды; другой — «частично скорее отмечает, чем празднует».

Следующие два вопроса напрямую связаны с общегородскими народными праздниками и играми, представляющими массовое народное искусство и являющимися частью городского быта чебоксарцев. В первом речь пойдет о празднествах и гуляниях, где формы традиционного народного искусства постепенно внедряются в массовую городскую культуру. В своей основе они представляют общинно-крестьянскую традицию, так как приурочиваются и к сезонно-календарному циклу полевых работ, и к значимым церковным праздникам. Но в го-

родских условиях характер традиционных земледельческих обрядов изменяется применительно к жизни и быту горожан. Второй посвящен являющемуся многопрофильным и консолидирующим общенародному *Акатую* – празднику в связи с выходом и завершением весеннего сева (по мифологическим воззрениям чувашей, *Акатуй* – есть «свадебная церемония» сохи/плуга (жених) и пашни/земли (невеста); цель которой – «оплодотворение земли-матушки» и сбор богатого урожая на засеянных полях).

Отвечая на вопрос: «Участвуете ли Вы на общегородских народных праздниках и играх? В качестве зрителя, исполнителя или организатора?», 99 из 100 экспертов сказали об участии на общегородских народных праздниках и играх, причем 90 из них дали утвердительный и 9 – отрицательный ответы, не получен ответ лишь от 1 респондента. Что интересно: больше половины опрошенных (58,0 %) участвуют только в качестве зрителя, по 14 экспертов – как в качестве исполнителей и зрителей, так и в качестве исполнителей, организаторов и зрителей – это участники и руководители разных творческих коллективов художественной самодеятельности, работники учреждений культуры и мастера декоративно-прикладного искусства (28,0 %). Представители СМИ (4 чел.) отметили в анкетах, что участвуют в подобных мероприятиях с целью их освещения в эфире или в печати, а также в качестве члена жюри.

При ответе на последний вопрос («*Акатуй* является многопрофильным и консолидирующим общенародным праздником. Каково его идеологическое, социальное, культурное и познавательное значение?»), перед экспертами ставились следующие задачи: определить его идеологическое, социальное, культурное и познавательное значение; поделиться своими соображениями о значимости традиционной обрядности *Акатуй* для чувашского этноса; высказаться о будущем и перспективах сохранения данного народного праздника для будущих поколений.

Из 100 участвовавших в экспериментальном исследовании 76 респондентов определились с ответом, не ответили 22 и ответили «не знаю» 2 эксперта. Наиболее полные ответы на поставленный вопрос получены от школьных учителей, работников ведущих высших учебных заведений, сотрудников учреждений культуры, представителей республиканских газет, Национального телевидения и Гостелерадиокомпании Чувашии. Эти лица, ежедневно соприкасаясь в силу своей служебной деятельности с представителями чувашской интеллигенции и богатым наследием духовной культуры своего этноса, на уроках и лекциях перед учащейся молодежью и студентами, на страницах газет и в телеэфире пропагандируют не только традиционную религиозно-обрядовую систему чувашского народа, но и празднично-обрядовую жизнь, быт и профессионально-сценическую культуру горожан.

Празднество *Акатуй*, испокон веков считавшееся частью традиционной духовной культуры чувашей и праздником земледелия, как цикл весенних аграрных обрядовых празднеств и магических действий с мифологической семантикой, по мнению большинства экспертов, в наше время утратило свою первоначальную значимость и воспринимается как «обычный концерт с некоторым декоративным уклоном» (ответ художественного руководителя ЧГААПТ). «Является неким действием для более или менее культурного времяпровождения. Благо, в программе праздника – всегда концерты фольклорных коллективов и “звезд” чувашской эстрады. Отрадно, что приезжает чувашская диаспора из разных регионов.

Обилие и разнообразие чувашских народных костюмов тоже радует. Можно полюбоваться изделиями мастеров народного искусства и приобрести их. О семантике праздника особо никто не задумывается» (ответ респондента из Музея чувашской вышивки). «В настоящее время на празднике *Акатуй* награждают передовиков, выступают ансамбли, хоры; организуют состязания, игры, торговлю; мастер-классы народного творчества. Этот праздник объединяет не только чувашей, но и представителей других национальностей» (Н.В. Арсентьева, учитель музыки). «Современный праздник *Акатуй*, это всего лишь часть концертной программы на Днях чувашской государственности. Собираются фольклорные коллективы со всех районов Чувашской Республики, диаспоры и демонстрируют свои музыкальные способности» (Н.И. Захарова-Кульева).

По мнению доцента ЧРИО Н.Г. Ивановой, «идеологическое, социальное, культурное и познавательное значение праздника *Акатуй*» в следующем: «*Акатуй* является многопрофильным и консолидирующим общенародным праздником. Идеологическое (мировоззренческое) значение праздника заключается в том, что в этнической картине мира чувашей в этот момент осуществляется торжественное событие — праздник в честь посева и завершения напряженных, трудоемких земельных работ. Чувашский народ празднует символический союз — свадьбу плуга и пашни (плодородной земли-матушки), предвосхищая и притягивая богатый урожай на засеянных полях. Социальное — это активизация консолидирующих сил народа во имя его сплочения и укрепления в настоящем, упрочения и процветания в будущем, естественно, в диалоге с авторитетным прошлым. Культурное выражается в его культурно-массовых мероприятиях, организуемых на разных площадках в разнообразных форматах для представителей всех поколений. Для молодого поколения познавательное заключается в сопричастности к преемственности народных традиций, песен и танцев, игр и хороводов, национальных костюмов, блюд и напитков, а также в актуализации особенностей национального характера и чувашского менталитета».

Соглашаясь с ее мнением, со своей стороны, подчеркнем, что проведение в наши дни и в будущем столь масштабного и значимого для чувашского народа праздника способствует формированию и обогащению национальной духовной культуры и традиций, объединению и сплочению всех людей, проживающих на территории Чувашской Республики независимо от их национальности и вероисповедания, сохранению как национальной идеи и менталитета, так пробуждению чувства национальной гордости и повышению национального самосознания. По той причине, что *Акатуй* позволяет знакомить молодежь и гостей с обрядами, песнями, танцами, костюмом, кухней, дает возможность соприкоснуться с такими жанрами творчества чувашского народа, как инструментальный, музыкально-песенный, танцевальный, игровой, декоративно-прикладной, обрядовый. Проведение данного праздничного комплекса безусловно должно продолжаться.

Итак, рассмотрев ответы проживающих в г. Чебоксары экспертов в части знания и празднования ими семейных, календарных обрядов и обычаев, общегородских народных праздников и игр по месту жительства, можно сделать определенные выводы:

1. Наблюдается снижение культивирования чувашами, проживающими в г. Чебоксары, традиционных семейных обрядов и обычаев. Так, например, свадебная и родильная обрядность ими проводится согласно церковно-православным

канонам, хотя в редких случаях встречаются и некоторые традиционные элементы и формы. Иная картина вырисовывается в ответах экспертов-горожан на вопрос: какие же традиционные элементы погребально-поминальных обрядов ими совершаются? Согласно анкетам, 93,0 % респондентов их соблюдает, причем используя как старые народные традиции, так и церковные обычаи, не ставя ни то, ни другое на первый план. Причем прогрессирует использование чебоксарцами ряда традиционных элементов и форм погребальной и поминальной обрядности.

2. Как показывают результаты экспертного исследования, в городской среде чебоксарцами соблюдаются как осенне-зимние, так и весенне-летние календарные обряды. Указанные праздничные циклы в основном соответствуют русскому обрядовому календарю. Среди чувашей-горожан большей популярностью пользуются рождественско-масленичные *Сурхури* и *Ѕаварни*, пасхально-семицкотроицкие — *Майкун* и *Ѕимёк* и летне-осенние обряды — *Питравкка* и *Илен кунё*. Нужно отметить и следующий момент: отправляя те или иные календарные обрядовые действия, чебоксарцы заранее готовятся к ним, готовят обрядовые блюда и напитки; в праздновании участвуют не только взрослые члены семьи, но и дети.

3. Ответы, касающиеся участия проживающих в Чебоксарах чувашей, в проводимых общегородских народных праздниках и игрищах, в весеннем празднестве земледелия *Акатуй*, неоднозначны. Большинство как русских, так и чувашей-экспертов предпочитает быть зрителями-участниками, а не исполнителями или организаторами тех или иных празднично-развлекательных действ. Модераторами выступают лица, заинтересованные в организации и проведении культурно-массовых мероприятий — это участники и руководители коллективов художественной самодеятельности, фольклорных ансамблей, хоров и капелл, симфонических оркестров, представители средств массовой информации, учреждений культуры и учебных заведений, которые по долгу службы и по работе включены в состав жюри проводимых фестивалей, концертов и других массовых культурных мероприятий. В ответах подчеркивается общенародная значимость и консолидирующие функции, поликультурность и познавательность празднества *Акатуй*; что его проведение способствует сохранению национальной культуры и характера, национальной идеи и национального менталитета, традиций, объединению и сплочению людей. По мнению части экспертов, *Акатуй* призван сплачивать народ, пробуждать чувство национальной гордости, должен проводиться только на чувашском языке, нести высокий духовный уровень.

Список литературы

1. *Егоров Д.В.* Этнография города Чебоксары: итоги, проблемы и задачи изучения // Чебоксары: история, этнография, культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 30 мая 2019 г.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 229–240.

2. *Жидкова С.К.* Этнические установки сельских чувашей по поводу межнациональных браков // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 137–141.

3. *Иванов В.П.* К вопросу об устойчивости некоторых религиозных обрядов в семейном быту горожан // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии: сб. статей / ред. В.П. Иванов, В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИ, 1983. С. 121–153.

4. *Иванов В.П.* Предисловие // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 3–9.

5. *Каховский Б.В.* Обряды (С) в системе этноса // Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 42–49.

6. Каховский Б.В. Черты традиционного и нового в похоронной обрядности сельских жителей // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 109–117.
7. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
8. Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. 164 с.
9. Федянович Т.П. Свадебные обряды сельских жителей республик Поволжья (Мордовская, Удмуртская, Чувашская АССР) // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 100–108.
10. Федянович Т.П., Каховский Б.В. Семейные обряды чувашей // Чуваши: современные этнокультурные процессы / отв. ред. В.В. Пименов. М.: Наука, 1988. С. 121–139.
11. Чебоксары: история, этнография, культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 30 мая 2019 г.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 272 с.: ил. [24 с.].
12. Чуваши: история и культура. Т. 2 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 335 с.
13. Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чувашский государственный институт гуманитарных наук. М.: Наука, 2017. 654 с.: ил. (Народы и культуры).
14. Этнография чувашского народа / под ред. В.П. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 351 с.
15. Ягафова Е.А. Праздники и обряды чувашей на рубеже XX–XXI вв. Самара: СГСПУ, 2016. 179 с.
16. Ягафова Е.А. Современная празднично-обрядовая культура // Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чувашский государственный институт гуманитарных наук. М.: Наука, 2017. С. 470–487.
17. Ягафова Е.А. Трансформация праздничной культуры чувашей на рубеже XX–XXI вв. // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 3–14.

V.A. Enderov

FAMILY AND CALENDAR RITES AND CUSTOMS CHUVASH PEOPLE CHEBOKSARY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Annotation. In 2019, the staff of the section of Ethnology of the historical direction of CHGIGN conducted an ethnological study in Cheboksary on the basis of a questionnaire developed by them, devoted to various aspects of the life of the urban Chuvash population. The main part of them was published in the same year in the collection of articles «Cheboksary: history, Ethnography, culture». This article discusses family and calendar rites and customs of the Chuvash people of Cheboksary in the beginning of the XXI century. It is noted that the majority of Chuvash citizens hold family and household celebrations mostly for civil, rather than traditional rites. The only exception is funeral and memorial traditions. Calendar holidays and rituals usually correspond to the Russian Orthodox calendar, but traditional Chuvash elements are also preserved.

Keywords: family and calendar rites and customs, Chuvash citizens, wedding, maternity, memorial and funeral rites, citywide folk holidays and games, Akatuy.

Т.В. Иванова, А.А. Иванова

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Аннотация. В данной статье обоснован механизм предложенной авторами целевой программы «Формирование и реализация системы управления воспроизводством кадрового потенциала в сельском хозяйстве Чувашской Республики», особенность которого состоит в дроблении каждого этапа на дополнительные стадии: анализ и оценка, прогнозирование, регулирование. Таким образом, он реализуется как по вертикали, так и по горизонтали, позволяя конкретизировать действия руководства на каждом этапе системы управления воспроизводством кадрового потенциала.

Ключевые слова: кадровый потенциал, воспроизводство, сельское хозяйство, целевая программа, механизм, Чувашская Республика.

В современных реалиях одним из основных условий «достижения стабилизации и дальнейшего подъема и устойчивости развития сельских территорий является использование научно обоснованных методов стратегического планирования» [9, с. 233]. При этом условия развития сельских поселений в значительной степени зависят от того, насколько объективно органы государственного управления на региональном уровне оценивают сложившуюся ситуацию и своевременно в соответствии с ожидаемыми результатами, полученными на основании методов экономико-математического моделирования и адаптивного прогнозирования, смогут внести тактические изменения в планы стратегического развития. Таким образом, в краткосрочной перспективе основными инструментами успешной реализации принятых на уровне отдельных регионов долгосрочных планов устойчивого развития выступают формализованные методы моделирования и прогнозирования [3, с. 123].

С этой целью нами разработана целевая программа «Формирование и реализация системы управления воспроизводством кадрового потенциала (далее – СУВКП) в сельском хозяйстве Чувашской Республики (далее – ЧР)», подробно обоснованная в монографии автора [6].

Одной из важнейших особенностей динамики и развития кадрового потенциала в сельском хозяйстве является его региональная детерминанта, так как рынок труда для данной отрасли всегда находится на уровне региона, района, сельского поселения [4, с. 61]. Соответственно, основная идея региональной концепции системного управления воспроизводством кадрового потенциала в сельском хозяйстве состоит в том, что воспроизводство потенциала должно осуществляться не только в интересах самих работников, но и предпринимателей, сельского населения, региона и государства в целом. В связи с этим, с одной стороны, целе-

сообразно прийти к компромиссу интересов различных заинтересованных сторон, а с другой, – найти оптимальный вариант реализации экономических и социальных ожиданий перечисленных групп влияния.

Согласно одной из оценок, более 2000 аграрных предприятий, возможно, закроются в ближайшее время из-за отсутствия трудовых ресурсов [7, с. 75]. Если сельская экономика не будет диверсифицирована, не получив новых возможностей для трудоустройства, закрытие тысяч аграрных предприятий усугубит сельскую безработицу и бедность [2, с. 25].

Для того, чтобы региону и отрасли развиваться в новых экономических условиях, на смену устаревшим подходам должны прийти новые технологии управления региональным развитием, адаптированные к использованию в обществе, основанные на знаниях и последних достижениях гуманитарной науки. Основная цель исследований воспроизводства кадрового потенциала (ВКП) в сельском хозяйстве региона заключается в том, чтобы, опираясь на принципиальные положения аграрной политики, обосновать последовательную систему мероприятий, способствующую воспроизводственным процессам кадрового обеспечения отрасли региона работниками необходимого уровня квалификации.

Основные аспекты системы предлагаемых научных обоснований представлены в виде целевой программы «Формирование и реализация СУВКП в сельском хозяйстве ЧР» на рис. 1. Принципиальное отличие механизма реализации данной программы от цикла Деминга (Plan – планируй, Do – сделай, Study – изучай, Act – действуй) заключается в дроблении каждого этапа (например, первого – «Определение приоритетных направлений ВКП» (Plan) на дополнительные стадии: анализ и оценка, прогнозирование, регулирование. Таким образом, механизм программы реализуется в ЧР как по вертикали, так и по горизонтали, позволяя конкретизировать действия руководства на каждом этапе СУВКП в сельском хозяйстве региона.

На первом этапе – детерминировать направления ВКП в соответствии с реальным положением в сельском хозяйстве, приоритетами аграрной политики и развития продовольственного рынка региона. Это возможно осуществить посредством:

- оценки информации о социально-экономических процессах, происходящих в отрасли, их влиянии на качество жизни работников сельскохозяйственных организаций;
- анализа текущих тенденций и проблем с выявлением причин, вызывающих тот или иной характер воспроизводственных процессов;
- формирования научно обоснованных прогнозов долговременных тенденций в воспроизводстве кадров.

На втором этапе – определить цели и задачи ВКП в сельском хозяйстве региона. Для этого необходимо:

- оценить достигнутый уровень подготовки кадров и их соответствие темпам развития отрасли и социально-экономической ситуации в ней;
- спрогнозировать производство сельскохозяйственной продукции при условии реализации скрытого потенциала и увязать поставленные цели с объемом и структурой всех видов ресурсов, требующихся для их достижения;
- определить приоритетные направления ВКП в соответствии с национальными и региональными целями и перспективами развития сельского хозяйства, а также потребностями и интересами самих работников.

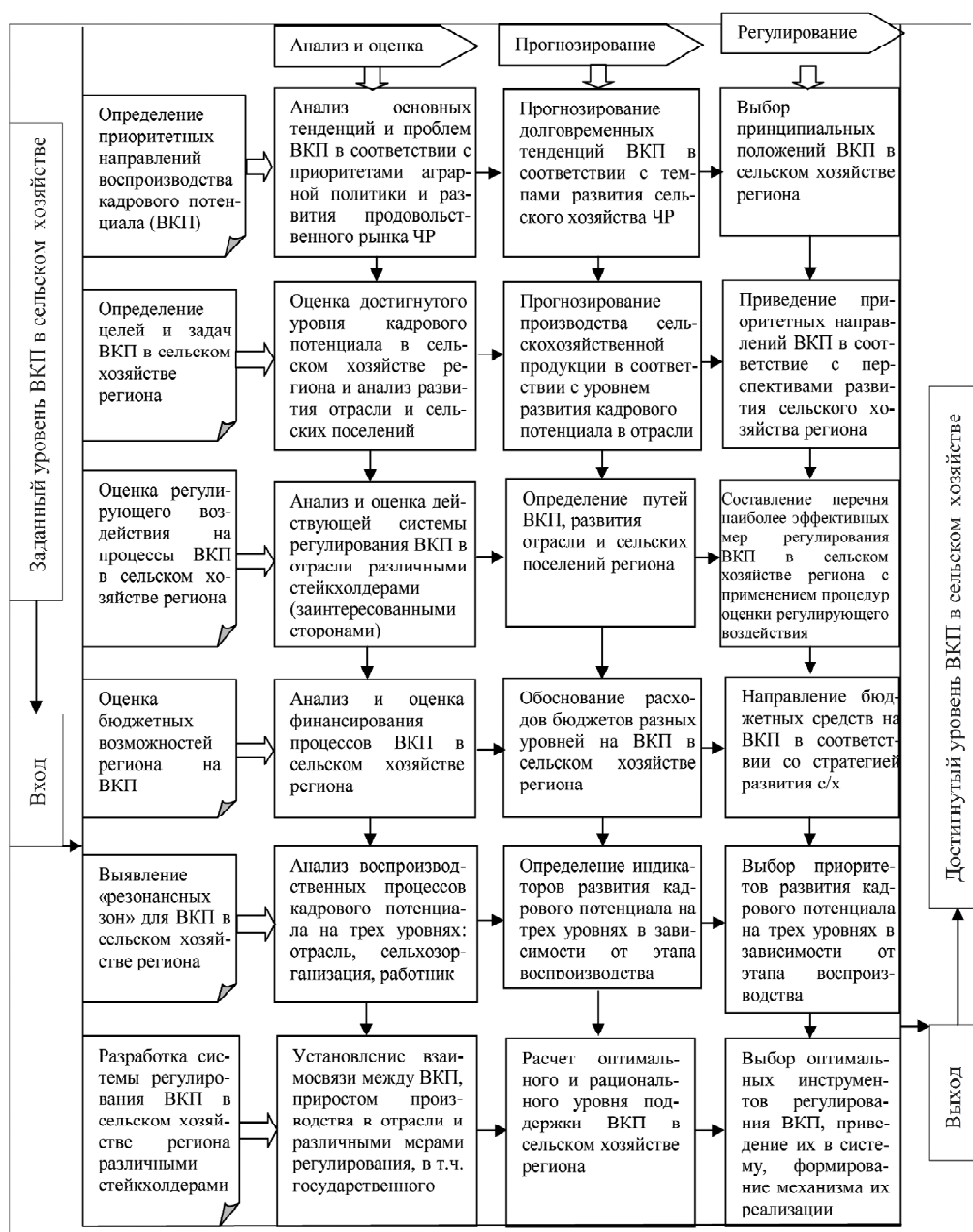

Рис. 1. Механизм реализации целевой программы «Формирование и реализация СУВКП в сельском хозяйстве ЧР»*

* Составлено автором на основе собственных исследований.

Персонал, как объект управления, обладает своей ярко-выраженной спецификой, которая состоит в том, что люди являются активными рефлексивными системами, то есть системами, имеющими собственные цели, ценности и мотивации, а также собственные модели самих себя (самосознание) и окружающей среды [11]. «Система моделирования человека, его интересы, психика включает конативную (поведенческие реакции), аффективную (чувственно-эмоциональная сфера) и когнитивную (логико-интеллектуальная) компоненты» [10], что также следовало бы учитывать при разработке структурной модели воспроизводства.

На третьем этапе — проводить оценку регулирующего воздействия (ОРВ) процессов ВКП в сельском хозяйстве различными заинтересованными сторонами [5, с. 105–107]. Для чего, на наш взгляд, сначала осуществляется анализ и оценка действующей системы регулирования воспроизводственных процессов, затем выявляются новые альтернативные пути развития кадров отрасли (направленных на поддержание позитивных и преодоление негативных тенденций) и составляется перечень наиболее эффективных мер их регулирования.

На четвертом этапе — проводить оценку бюджетных возможностей региона на ВКП. Осуществлять данный процесс целесообразно в следующей последовательности: анализ и оценка финансирования процессов воспроизводства кадров в сельском хозяйстве региона; обоснование расходов бюджетов разных уровней на эти цели; дальнейшее расходование бюджетных средств в соответствии со стратегией развития отрасли.

Основная масса сельчан не ждет благоприятных перемен. В то, что село до 2020 г. твердо встанет на путь возрождения и устойчивого развития и будет восстановлена роль крестьянства как основного кормильца страны, верит только 14,1 % респондентов. Остальные не видят «свет в конце туннеля», в том числе 39,5 % респондентов считают, что село станет еще более обезлюдевшим и заброшенным, усилятся приток иностранных рабочих и продовольственная зависимость России от импорта [13, с. 238–239]. Во избежание реализации подобных процессов, целесообразно осуществить перестройку финансово-кредитной политики от уравнилельного распределения бюджетных средств в сторону оказания действенной государственной поддержки тех товаропроизводителей, которые производительно используют свой ресурсный потенциал.

На пятом этапе — выявить «резонансные зоны» для ВКП. Это возможно сделать, проанализировав воспроизводственные процессы на уровне отрасли, сельхозорганизации, работника, определив индикаторы «точек роста» кадрового потенциала на каждом уровне и выбрав приоритеты дальнейшего развития. Под «резонансными зонами» для ВКП нами подразумеваются зоны, максимально быстро откликающиеся на управление ими, при этом величина результата определяется не силой воздействия, а согласованностью с внутренними свойствами кадрового потенциала различного уровня.

Под «резонансными эффектами в ВКП» нами понимаются ситуации, при которых некоторые изменения в условиях воспроизводства через взаимодействие работников (срабатывает эффект суммации), сельхозорганизаций (эмерджентный эффект), сельского хозяйства с другими отраслями (синергетический эффект), вызывают последствия, распространяющиеся не только на одном уровне, но и на следующем. Резонансный эффект ВКП, проявившийся на уровне работника, может охватить весь персонал, другие сельхозорганизации и т.д., распространив-

шись на всю отрасль в целом и смежные с ней производства. Для возникновения и, главное, практической реализации резонансных эффектов в реальной производственной системе необходимо: а) функциональное соответствие друг другу ее элементов; б) синхронность протекающих внутри нее потоков и процессов; в) адекватность реакции системы на сигналы внешней среды [12, с. 73].

Воздействуя на резонансные зоны каждого из трех уровней можно избежать «догоняющего» развития, при этом для достижения большей эффективности влияние на каждую зону и «точек роста» в ней должно быть селективным, так как уже есть отрицательные примеры неверного определения «точек роста» в сельском хозяйстве. Построенная «наугад» социальная инфраструктура на селе не означает однозначного притока туда высококвалифицированных специалистов, если нет соответствующих инвестиций в производство или цена рабочей силы недостаточна для ее воспроизводства. Определить «резонансные зоны» и «резонансный эффект» в ВКП в сельском хозяйстве на современном уровне знаний, по нашему мнению, можно лишь эмпирически, используя технический инструментарий точных наук и максимально задействовав разнообразные оценочные технологии исследования кадрового потенциала.

На шестом этапе — разработать систему регулирования ВКП в отрасли различными стейкхолдерами, для чего установить взаимосвязь между воспроизводством кадров, увеличением объемов производства и воздействующим инструментарием, рассчитать оптимальный и рациональный уровни поддержки и сформировать действенный скоординированный механизм оптимальных инструментов регулирования с введением специальных льготных режимов для приоритетных направлений сельскохозяйственного производства конкретного региона.

Кроме того, нельзя упускать из внимания тот факт, что система образования, включая аграрное, сегодня готовит кадры в основном для предприятий IV технологического уклада, соответствующего индустриальному этапу развития, хотя общество уже постиндустриальное. Его основные ресурсы — знания и информация [8, с. 79]. Формирование современной экономики происходит в результате развития, распространения и внедрения новых знаний, которые перешли в новое качественное состояние и стали не только самостоятельным фактором производства, но и главным ресурсом социально-экономического прогресса [1, с. 46].

Следовательно, реализация механизма целевой программы «Формирование и реализация СУВКП в сельском хозяйстве ЧР» невозможна без надлежащим образом сформированной системы информационного обеспечения данного процесса. Она должна включать, по нашему мнению, следующие элементы: 1) информацию о прогрессивных технологиях по реализации сельскохозяйственной политики в государствах с высоким уровнем развития АПК и возможностях применения отечественного опыта; 2) оказание консультационной поддержки на федеральном и региональном уровне по экономическим, юридическим, технологическим и социальным вопросам, организация обучающих семинаров; 3) проведение информационной работы с региональными органами власти, муниципалитетами, сельским населением путем предоставления информации о приоритетных направлениях развития отрасли и инвестиционных «вливаниях» в нее; 4) создание консультационных пунктов на селе, функционирующих на постоянной основе для обеспечения доступа к информации о возможных мерах поддержки отдельных сфер сельскохозяйственного производства и формирование базы данных по каждому инструменту регулирования.

Список литературы

1. *Бондарь А.В.* Новая экономика в Республике Беларусь: реальность или перспектива / А.В. Бондарь, М.Н. Базылева // Научные труды БГЭУ. Минск: БГЭУ, 2010. С. 44–52.
2. *Верен С.* Аграрные амбиции России и ее скромный сельский человеческий капитал / С. Верен, А. Никулин // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 7–32.
3. *Громов Е.И.* Результаты сценарного прогнозирования устойчивого развития сельских территорий // Вестник АГУ. 2017. № 3. С. 116–124.
4. *Иванова Т.В., Тюмерова И.Б.* Особенности инновационного развития агропромышленного сектора экономики Чувашии // Инновационное развитие экономики России: теория и практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 15–16 апр. 2010 г. / Чебоксарский филиал С.-Петерб. гос. политех. ун-та; редкол.: А.П. Акимов (отв. ред.) [и др.]. Чебоксары, 2010. С. 59–62.
5. *Иванова Т.В., Тюмерова И.Б.* Применение оценки регулирующего воздействия (ОРВ) как фактора стимулирования устойчивого роста аграрного сектора Чувашской Республики // Влияние научных исследований: Материалы международной научно-практической конференции (Wpływ badan naukowych: materialy miedzynarodowej naukowo-praktycznej konf.), Быдгощ, 28–30 апреля 2013 г. Быдгощ (Польша), 2013. С. 105–108.
6. *Иванова Т.В.* Системное управление воспроизводства кадрового потенциала в сельском хозяйстве. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2018. 362 с.
7. *Козлов А.* Иностранная рабочая сила в сельском хозяйстве России: состояние и проблемы / А. Козлов, Б. Панков, О. Яковлева // АПК: экономика, управление. 2013. № 9. С. 73–81.
8. *Комик В.И.* Инновационному АПК – инновационное образование взрослых / В.И. Комик, А.И. Гулейчик // Проблемы инновационного развития сельских территорий: Материалы II электронной международной научно-практической конференции, Москва, 1 марта – 1 апреля 2014 г. / ВНИИ организации произв-ва, тр. и упр. в сельск. хоз-ве; редкол.: А.В. Медведев (отв. ред.) [и др.]. Москва, 2014. Вып. 2. С. 79–83.
9. *Косенко О.Ю.* Методологический и социальный контексты системы стратегического планирования развития территории / О.Ю. Косенко, Н.Н. Киселева // Экономические науки. 2010. № 62. С. 233–236.
10. *Луценко Е.В.* Синтез многоуровневых семантических информационных моделей активных объектов управления в системно-когнитивном анализе [Электронный ресурс] / Е.В. Луценко, И.Л. Наприев // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 8(4). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2007/04/pdf/11.pdf> (дата обращения: 11.12.2014).
11. *Луценко Е.В.* Управление персоналом с применением функционально-стоимостного и системно-когнитивного анализа [Электронный ресурс] / Е.В. Луценко, В.Е. Коржаков // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 98(04). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2014/04/pdf/75.pdf> (дата обращения: 11.12.2014).
12. *Скиба А.Н.* Резонанс-эффекты в экономике: формирование системно-синергетического подхода // Труды ИСА РАН. 2011. Т. 61. № 3. С. 65–75.
13. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. М.: Росинформагротех, 2014. Вып. 15. С. 238–239.

T.V. Ivanova, A.A. Ivanova

**FEATURES OF THE TARGET PROGRAM MECHANISM
«FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE MANAGEMENT SYSTEM
REPRODUCTION OF HUMAN RESOURCES
IN AGRICULTURE OF THE CHUVASH REPUBLIC»**

Annotation. This article substantiates the mechanism proposed by the authors of the target program «Formation and implementation of a system for managing the reproduction of personnel potential in agriculture of the Chuvash Republic», the peculiarity of which is to split each stage into additional stages: analysis and evaluation, forecasting, regulation. Thus, it is implemented both vertically and horizontally, allowing you to specify the actions of management at each stage of the system for managing the reproduction of personnel potential.

Keywords: personnel potential, reproduction, agriculture, target program, mechanism, Chuvash Republic.

Н.В. Морозова, И.А. Васильева, А.С. Евсеев

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Аннотация. Промышленность регионов России претерпевает существенные изменения в процессе проводимой политики модернизации, перехода на инновационный путь развития и цифровизацию. В работе отражены основные трансформационные процессы, происходящие в промышленности Чувашской Республики.

Ключевые слова: трансформационные изменения, развитие промышленности, региональная экономика, промышленная модернизация, устойчивость экономических систем.

Минувший XX в. принес много глубоких изменений в жизнь экономической системы России и ее регионов. Как бы ни были противоречивы эти изменения, в своей совокупности они привели к тому, что экономическая система достигла новой, качественно более высокой, ступени развития. В основе механизма такого развития лежит трансформационный процесс, позволяющий нам осмысливать свою потребность в изменениях общества, периодически ощущать исчерпанный потенциал прогресса, находить пути и ресурсы для осуществления перемен. Уже сам факт того, что экономическая система является трансформационной, позволяет выделить наиболее очевидную ее характеристику – противоречие между инерционностью динамики социально-экономических отношений и качественным характером происходящих изменений [23].

Чувашская Республика за период своего существования претерпела трансформации различной сложности. Результаты многих трансформационных процессов являются противоречивыми и не могут быть оценены однозначно.

В советский период утверждалось, что к 1928 г. восстановление народного хозяйства Чувашской АССР полностью было завершено. В этот период выпуск продукции промышленности ЧАССР достиг довоенного уровня [5, с. 125] и на 3 % превысил уровень 1913 г. [12, с. 30]. Однако современные исследователи считают, что промышленность региона в 1920-е гг. не достигала таких показателей; отмечается, что выпуск промышленности составлял всего лишь 86,7 % от уровня 1913 г. [7, с. 101]. По мнению исследователей, для промышленного производства того периода было характерно наличие чрезмерных расходов топлива и сырья и низкая производительность труда [15, с. 43].

Проведение промышленной политики в советский период имело свои особенности, для нее так же, как и сейчас, было характерно принятие решений, направленных на снижение диспропорциональности социально-экономического состояния районов страны. Территориальные отличия проводимых мероприятий также были связаны с трудностью реформирования устоявшихся в дореволюцион-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00683.

ное время хозяйств, различными последствиями революции и Гражданской войны для регионов, большое влияние оказали последствия голода 1921 г.

Дореволюционную Чувашию можно назвать аграрно-сырьевым регионом. Частная предпринимательская деятельность развивалась крайне слабо. Большинство предприятий было представлено лесной и деревообрабатывающей отраслями. В Чувашском крае работали также два скипидарных завода (химическая промышленность), маслобойный, спиртоводочный и три винокуренных завода (сельскохозяйственная отрасль). В 1913 г. в регионе действовало 29 ценовых предприятий, валовая продукция которых составляла порядка 4,3 млн руб. (довоенных) [4, с. 110–111].

Революция 1917 г. и Гражданская война способствовали развалу региональной индустрии. Выпуск продукции лесной промышленности снизился в 8 раз. В 1920 г. выпуск промышленного производства Чувашии составлял около 20 % от довоенной продукции [26, с. 27]. По РСФСР спад был еще больше. Конечно, основной причиной сложившейся ситуации в регионе является не сама Гражданская война, а мероприятия, проводимые в рамках политики «военного коммунизма», которые пагубно сказались на экономике.

Голод в Поволжье 1921 г. окончательно сломил народное хозяйство ЧАССР. Все имущество предприятий обменяли на хлеб для голодающего населения. Практически половина предприятий была не в состоянии работать, другая половина бездействовала. В 1921–1922 гг. выпуск промышленной продукции Чувашии составлял всего лишь 2–3 % от довоенного уровня [17, с. 23–24], страны – 19,5 % довоенного уровня [6, с. 242].

Промышленность Чувашии восстанавливалась очень тяжело. Среди крупных действующих отраслей региона в 1922–1923 гг. можно назвать лесопильное и маслобойное производство. Предприятия работали в основном на нужды местного населения. Большое количество лесопильных заводов и предприятий металлообработки продолжали бездействовать.

Для выхода из сложившейся ситуации государственные власти начали политику трестирования. Чувашию трестирование затронуло значительно позднее, чем соседние регионы. В июле 1923 г., по декрету Совнаркома РСФСР, местные государственные предприятия «Чувашлес», Урмарская мебельная фабрика «Единство», Ядринский маслобойный завод и Чебоксарский комбинат «Древметалл» были оформлены как автономные предприятия с трестовскими правами [15, с. 45]. Отличительной особенностью их функционирования стала разработка производственных планов, планов по снабжению сырьем, топливом, оборудованием, кадрами.

Общими для трестов являлись проблемы острого дефицита сырья и нехватки оборотных средств. Ни один из них не получал сырья в нужном количестве. Указанные проблемы привели к свертыванию производства. Например, в 1927–1928 гг. загрузка мощностей Ядринского маслобойного завода составляла менее 20 % [14, с. 13]. В 1923–1924 гг. Урмарская мебельная фабрика имела оборотных средств в сумме 38,3 тыс. руб., что составляло лишь 28 % от суммы, необходимой для выполнения производственных заданий [1, л. 47–49]. Финансовый голод не позволил предприятиям государственной промышленности задействовать и половины имеющихся производственных мощностей; был ликвидирован Чебоксарский комбинат «Древметалл».

Вторая половина 1920-х гг. характеризовалась ростом оборотных средств. В 1925–1927 гг. оборотные средства чувашской промышленности выросли в 1,6 раза [16, с. 46–47]. В это период наблюдалось резкое увеличение заемных капиталов (почти в 4 раза) и сокращение собственных капиталов. Доля заемных средств в оборотном капитале промышленных предприятий региона к 1928 г. достигла 88,3 % [16, с. 40–41]. Вновь промышленность автономии оказалась в тяжелом финансовом положении.

С сентября 1926 г. в Чувашии разрешили открытие частных промышленных предприятий с численностью работников не более 20 чел. В 1926–1927 гг. стали функционировать 7 частных предприятий лесопильного производства [2, л. 97–98].

В годы нэпа развитие промышленного сектора шло неравномерно. Тогда были заложены предпосылки для проведения политики форсированной индустриализации в период предвоенных пятилеток.

Начало Великой Отечественной войны заставило перейти промышленность страны на военные рельсы. Необходимо было максимально обеспечить фронт оружием, боеприпасами и другой продукцией. Для этого пришлось мобилизовать все ресурсы промышленных предприятий тыла. 30 июня 1941 г. приняли мобилизационный план, определявший конкретные меры по наращиванию выпуска военной продукции [22].

Чувашия на тот момент имела значительную промышленную базу, основу которой составляли предприятия, построенные в годы первых пятилеток: Канашский вагоноремонтный, Алатырский паровозоремонтный, Вурнарский фосфоритный заводы, Шумерлинский деревообрабатывающий и Козловский домостроительный комбинаты, Мариинско-Посадская судостроительная фабрика. Выпуск промышленной продукции в 1939 г. был в 9,5 раз больше по сравнению с 1913 г. Основные производственные фонды выросли в 40 раз по сравнению с 1927 г. [25, с. 9–10]. В Чувашии были созданы новые отрасли промышленности: фосфоритно-апатитовая, канифольно-скипидарная, полиграфическая, производство дубильных экстрактов, стройдеталей, кирпича, крахмально-паточная и сланцевая. Стало активно развиваться машиностроение.

В структуре промышленности 1940 г. 54,3 % занимала лесная и деревообрабатывающая отрасль, 13,9 % – машиностроение и металлообработка, 11,4 % – пищевая, 8,6 % – легкая промышленность, 3,8 % – производство строительных материалов, 2,3 % – торфодобыча [27, с. 47].

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в структуру промышленности Чувашии. В регион было эвакуировано 28 предприятий. Благодаря прибывшим производственным мощностям и специалистам, доля машиностроения и приборостроения в индустрии стала преобладающей. В то же время для удовлетворения нужд фронта стала развиваться и легкая промышленность. В начале 1940-х гг. в Чувашии открыли 11 новых предприятий, среди которых Чебоксарский электроаппаратный завод, чулочная, лентоткацкая, текстильная фабрики [22].

В целях повышения эффективности работы предприятий экономилась ресурсами, использовались все возможные производственные резервы. В 1942 г. многие предприятия республики внедрили поточную систему организации производства. Данная система позволила существенно сэкономить трудовые силы, ресурсы

времени и повысить эффективность производства. Так, например, на Канашском вагоноремонтном заводе внедрение поточного производства способствовало снижению потребности в основных рабочих на 30 %, в подсобных рабочих — на 70 %. При этом выработка увеличилась на 30 %, а производственный цикл детали уменьшился вдвое [8]. На Козловском деревообрабатывающем комбинате результаты внедрения поточной системы организации производства оказались еще существеннее: рост продукции в 1944 г. по сравнению с 1943 г. составил 407 %, показатель выработки увеличился в 3,7 раза, время на изготовление единицы продукции уменьшилось практически в два раза, себестоимость также уменьшилась практически вдвое, причем качество продукции заметно улучшилось [9].

В 1944 г. выпуск промышленной продукции увеличился практически в 23 раза по сравнению с 1939 г., в основном благодаря освоению новых отраслей промышленности [3, л. 16].

Война для Чувашии стала модернизационным фактором, республика превратилась в индустриально-аграрный регион, обладающий развитой производственной инфраструктурой, которая способствовала положительным тенденциям и в социально-экономической сфере. В начале 1940-х гг. были заложены основы для последующего успешного развития.

До 1992 г. доля промышленности в ВВП Чувашии составляла 65—68 % [19]. Ее ведущими отраслями являлись машиностроение и металлообработка. Промышленность была обременена заводами ВПК.

В 1993 г. пассивное торговое сальдо Чувашии составляло 14 млн долл., регион активно участвовал в межрегиональном сотрудничестве. Однако в 1994 г. ситуация изменилась: активное сальдо составило 1,2 млн долл. Основными экспортными товарами были промышленные тракторы, дизельные двигатели, химическая и текстильная продукция [19].

Последовательное осуществление решений правительства Чувашской Республики по созданию необходимых организационных и экономических условий функционирования отраслей экономики позволило в 1997 г. преодолеть спад производства в промышленности республики. За год крупные и средние промышленные предприятия выпустили продукции на сумму 6616,4 млн руб. Индекс физического объема производства составил в целом по промышленности 100,03 %, а по крупным и средним предприятиям — 100,2 %, против наблюдаемого в 1996 г. спада — 20,4 %. Более половины предприятий промышленности работало в условиях наращивания объемов производства, в том числе в легкой промышленности на 23,2 %, в химической — на 15,5 %, в электроэнергетике — на 0,7 %. Удалось сократить спад производства в машиностроении и металлообработке, лесной и деревообрабатывающей, топливной промышленности [19].

Промышленными предприятиями республики за 1997 г. была получена прибыль в размере 540,2 млн руб., из которой 61,3 % — в электроэнергетике, 18 % в машиностроении и металлообработке, 2,2 % — в лесной и деревообрабатывающей промышленности [19].

В отраслевой структуре промышленного комплекса сохранилось доминирующее положение машиностроения и электротехники. Произошли структурные изменения по отдельным отраслям промышленности. Удельный вес продукции отрасли электроэнергетики в общем объеме по промышленности республики в 1997 г. составил 24,6 % против 10 % в 1993 г., соответственно в химической — 10,1 и 11,8 %; легкой промышленности — 18,2 и 5,0 % [19].

Значительную долю прибыли на 1 июня 1998 г. получили открытые акционерные общества «Чувашэнерго», «Чебоксарский электроаппаратный завод», «Чебоксарский агрегатный завод», «Завод электроники и механики», «Канашский автоагрегатный завод», ПО им. В.И. Чапаева, Канашский вагоноремонтный завод. Наиболее убыточными предприятиями оказались «Промтрактор-ЧЛЗ» (–18,5 млн руб.), ОАО «Дизельпром» (–6,2 млн руб.), «Новочебоксарская хлопкопрядильная фабрика «Пике» (–4,7 млн руб.), «Промтрактор» (–3,5 млн руб.) [19].

Сохранялась тенденция неполного использования производственных мощностей. На ряде предприятий уровень загрузки оборудования составлял не более 30 %.

В 1999 г. в промышленном комплексе Чувашской Республики произошли качественные положительные изменения, объем производства продукции (работ, услуг) в действующих ценах составил 14 252,6 млн руб., что к уровню 1998 г. в сопоставимых ценах был 108,6 % [10].

Рост физического производства в основных отраслях, создающих предпосылки для дальнейшего развития реального сектора экономики и социальной сферы, к уровню 1998 г. достиг на предприятиях машиностроения 127,8 %; химической промышленности – 114,3 %; легкой промышленности – 143,9 %. Оживление хозяйственной деятельности и связанный с этим рост платежеспособного спроса сопровождался улучшением показателей финансового состояния предприятий, более 66 % которых завершили финансовый год с прибылью [10].

В 2000 г. производство промышленной продукции (работ, услуг) по сравнению с 1999 г. в сопоставимых ценах возросло на 10,3 %. В 2015 г. в Чувашии наблюдалось снижение промышленного производства на 8,4 %. Причиной эксперты называют монопрофильность региона: промышленный комплекс республики на 41 % зависел от заказов ОАО «РЖД» и его дочерних структур, а размер новых производств в республике был очень мал по сравнению с предыдущими периодами. За последние 2 года инвестиции в ее экономику снизились почти на 30 %, по данному показателю она находилась на последнем месте в Приволжском федеральном округе (ПФО) [21].

Причиной сложившейся ситуации стало снижение объемов производства транспортного машиностроения. Сокращение объемов производства в ЗАО «Промтрактор-Вагон» повлекло за собой сокращение производства в ООО «Промтрактор-Промлит», в результате чего (почти на 80 %) сократилось производство чугуна и стали. В январе 2015 г. сокращение объемов производства отметили практически все организации электротехники – ОАО «ВНИИР», ОАО «ЭЛАРА», ООО «ИЦ «Бреслер». Сложности вызывали нестабильность цен, увеличивающееся время согласования договоров со стратегическими партнерами по заключаемым контрактам. Сокращение производственных программ крупнейших производителей автопрома (ВАЗ, КАМАЗ и др.) повлияло на сокращение производства продукции для него, а именно электрооборудования для двигателей и транспортных средств в ОАО «ЭЛАРА», ООО «Электром», ООО «ЧЗСА» и на других предприятиях [21].

Структура ВРП Чувашской Республики не претерпела существенных изменений за 10 лет с 2008 г. по 2018 г., лишь заметно сократился вклад строительной отрасли и транспорта.

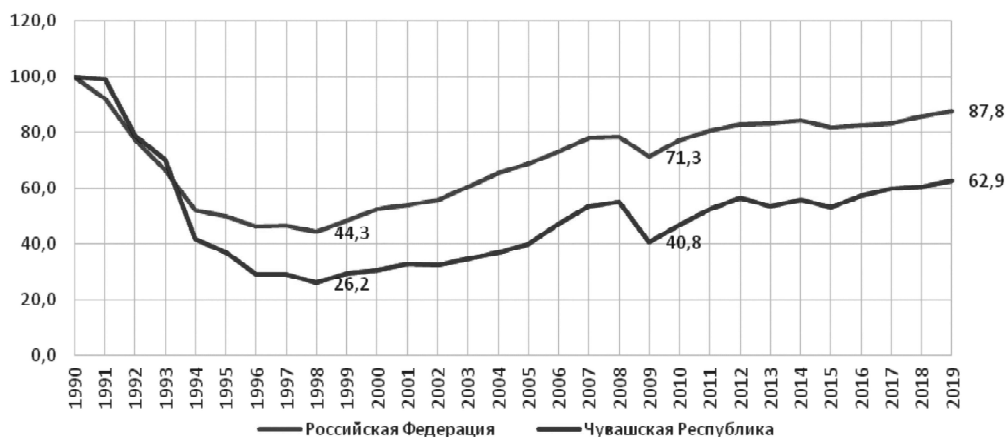

Рис. 1. Промышленность Российской Федерации и Чувашской Республики в процентах к уровню 1990 г.

Влияние всех трех кризисов пагубно сказалось на промышленном производстве (рис. 1). При этом за 2008–2019 гг. промышленность Чувашской Республики, после спада 2009 г. на 26 %, восстановилась к уровню 2008 г. даже больше, чем в целом промышленность России (рис. 2) [20].

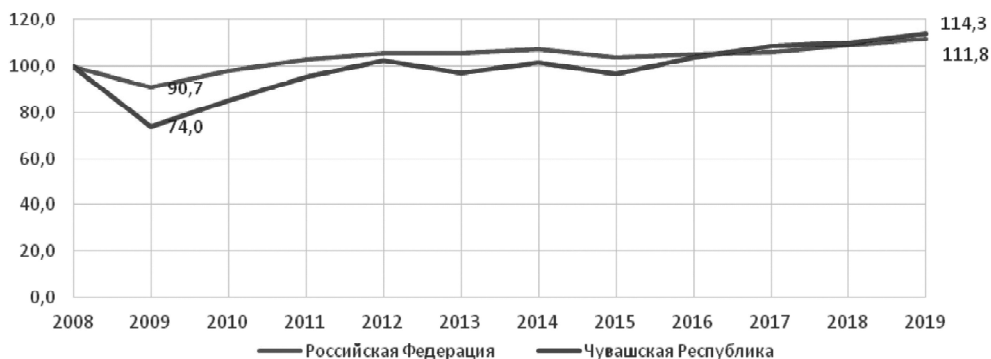

Рис. 2. Промышленность Российской Федерации и Чувашской Республики в процентах к уровню 2008 г.

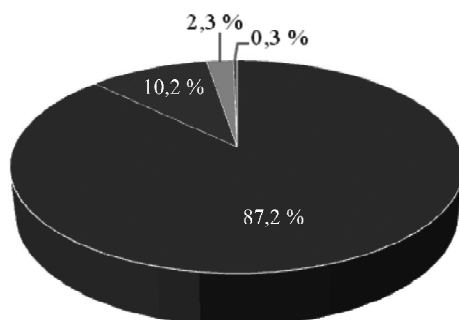
Обрабатывающие производства как основа промышленного производства Чувашской Республики, показали в целом хороший рост (25,3 %) за 2008–2019 гг.

Сельское хозяйство, равно как и в целом экономика, также чувствительно к финансово-экономическим кризисам, однако можно сказать, что кризис 2014–2015 гг. (валютный кризис) на нем не сказался. АПК развивалось за 2008–2019 гг. быстрее, чем промышленность, к уровню 2008 г. прирост составил 28,4 % [20].

По данным за 2018 г., основу экономики Чувашской Республики составляла промышленность (32,7 %: 27,9 % – обрабатывающие производства; 4,0 % – обес-

печение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; 0,7 % – водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; 0,1 % – добыча полезных ископаемых [18].

В структуре промышленного производства Чувашии основную часть (87,2 %) составляют обрабатывающие производства (рис. 3).

- Обрабатывающие производства
- Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
- Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
- Добыча полезных ископаемых

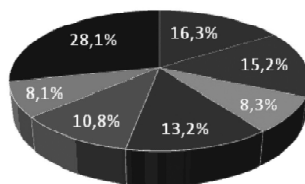
Рис. 3. Структура промышленного комплекса Чувашской Республики в 2019 г.

В структуре обрабатывающих производств основную долю (более 55,5 %) составляют производства пищевых продуктов, химических веществ и химических продуктов, резиновых и пластмассовых изделий, электрического оборудования, автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (рис. 4).

За 2019 г. организациями обрабатывающих производств отгружено продукции, выполнено работ и услуг собственными силами на сумму 258,2 млрд руб.

Значительное увеличение индекса промышленного производства произошло в следующих видах производств: прочих транспортных средств и оборудования – 150,1 %; металлургическом – 146,9 %; ремонту и монтажу машин и оборудования – 139,2 %. Увеличилось производство железнодорожных локомотивов и подвижного состава (175,6 %), автотранспортных средств (162,9 %), прочих транспортных средств и оборудования (161,8 %), прицепов и полуприцепов (131,5 %), литье металлов (в 2,7 раза) [18].

Существенное снижение индекса промышленного производства произошло в следующих видах производств: электрического оборудования – 87,1 %; текстильных изделий – 78,5 %; прочих готовых изделий – 73,4 %. Снизилось производство станков, машин и оборудования для обработки металлов, и прочих твердых материалов (86,4 %) [20].

- производство пищевых продуктов
- производство химических веществ и химических продуктов, резиновых и пластмассовых изделий
- производство компьютеров, электронных и оптических изделий
- производство электрического оборудования
- производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
- производство прочих транспортных средств и оборудования
- прочее

Рис. 4. Структура обрабатывающих производств в 2019 г.

Вклад республики в объем промышленного производства ПФО – 1,9 % (13-е место), сельского хозяйства – 3,1 % (14-е место).

Анализ динамики секторально-отраслевых и территориальных структур экономики Чувашии позволяет выделить основные проблемные области и дать оценку перспективам ее развития. Основные изменения в макроструктуре хозяйства за период 1990–2020 гг. связаны с расширением доли непроемственного сектора, что, несомненно, является важной характеристикой становления постиндустриального общества. Также следует отметить снижение диверсификации промышленного производства в регионе: вместо характерного для плановой экономики широкого набора отраслевых блоков в современных условиях продолжают функционировать лишь предприятия конкурентоспособных производств (электротехническая промышленность, химическая промышленность), а некоторые отрасли находятся в глубоком кризисе или прекратили существование (легкая промышленность, лесная промышленность и др.).

Основные проблемы, сдерживающие развитие промышленности в среднесрочной и долгосрочной перспективе, сводятся в значительной степени к проблемам обеспечения эффективной конкуренции как с зарубежными, так и с отечественными машиностроительными предприятиями, а также к проблемам эффективной диверсификации производства продукции гражданского назначения предприятиями оборонно-промышленного комплекса, созданию необходимых условий для реализации производственных проектов на ключевых системообразующих предприятиях республики, а также к вопросам кадрового обеспечения развития промышленности. Отдельно в качестве проблемы, требующей внимания, выступает необходимость эффективного обеспечения информационной и кибербезопасности промышленных автоматизированных систем, в том числе на энергетических объектах.

Характерной для предприятий ОПК Чувашской Республики остается проблема дефицитности отдельных видов сырья и химических компонентов, исполь-

зубаемых в производстве спецпродукции и резинотехнических изделий. В связи с этим становится целесообразным проработка проекта создания на территории Чувашской Республики специальных производств с номенклатурой продукции, соответствующей дефицитным в секторе ОПК видам сырья.

Обеспечение конкурентоспособности промышленного комплекса за счет создания новых локализованных высокотехнологичных производств, проникновения цифровых и информационно-коммуникационных технологий в промышленность должно производиться в условиях как минимум снижения бюрократизации и контрольно-административного давления.

Структурная трансформация индустрии Чувашии происходит под влиянием ряда внутренних и внешних факторов, действующих как обособленно, так и совместно. Среди важнейших факторов трансформации отраслевой и пространственной структуры промышленности региона можно отметить следующие:

- реформа собственности (развитие частного сектора и приватизация государственных активов);
- создание конкурентных условий хозяйственной деятельности за счет свободного ценообразования и демонаполизации рынков;
- отказ от автаркических моделей развития и усиление внешнеэкономической деятельности [13, с. 107].

Промышленность Чувашии, как и России в целом, вступила в новую эру производства. Неизбежная смена производственной парадигмы связана со следующими факторами:

- быстрое перемещение идей и решений между разными отраслями;
- возникновение совершенно новых отраслей;
- бурно развивающаяся интеллектуальная мобильность на основе транспортных и логистических составляющих экономики.

Именно промышленные решения в условиях новых вызовов могут стать мощным катализатором развития цифровой экономики в России и ее регионах. Устойчивая конкурентоспособность промышленных производителей зависит от их возможностей по отношению к цене, доставке, гибкости и качеству [11, с. 36].

Формирование цифровой экономики требует трансформации по всем направлениям инновационного развития промышленности Чувашии. Первоочередными задачами по созданию условий для технологического и инновационного развития являются:

- повышение наукоемкости ВРП;
- повышение уровня инновационной активности организаций промышленности;
- увеличение доли организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации;
- увеличение удельного веса отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности;
- увеличение доли высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности;
- увеличение затрат на организационные и маркетинговые инновации на предприятиях обрабатывающей промышленности;
- формирование организационного механизма не только создания start-up, но и их финансирование и продвижение как на внутренний, так и на внешние рынки;

– активизация процессов вхождения в международные информационные сети, сети технологического трансфера и кластеры;

– участие в международных венчурных фондах [24, с. 46].

Таким образом, происходящие в промышленности изменения являются вызовами и основанием для внесения соответствующих корректив в промышленную политику региона, состоящую из комплекса мер, направленных на повышение конкурентоспособности промышленной продукции на внутреннем рынке и обеспечения ее конкурентных преимуществ на мировых рынках [28, с. 145]. Новая промышленная политика должна быть ориентирована на главный стратегический приоритет Чувашской Республики – стабильное повышение качества жизни населения на основе формирования наукоемкой специализированной структуры экономики, ключевой движущей силой которой станет человеческий капитал.

Список источников и литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 52.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 94.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 757.
4. Десять лет Чувашской АССР (1920–1930) / ред. В. Токсин. Чебоксары: ЦИК ЧАССР, 1930. 324 с.
5. История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 1. 1861 г. – июнь 1941 г. / В.П. Рожнов, А.В. Изоркин, С.Н. Хаймулин, Г.И. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 238 с.
6. История социалистической экономики СССР. Т. 2: Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921–1925 гг. / АН СССР, Ин-т экономики; под ред. И.А. Гладкова. М.: Наука, 1976. 479 с.
7. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945 / А.В. Изоркин, В.Н. Клементьев, Г.А. Александров. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 261 с.
8. Красная Чувашия [Электронный ресурс]. 1943. 15 сент. Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000308?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 15.02.2020).
9. Красная Чувашия [Электронный ресурс]. 1944. 7 апр. Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000308?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 15.02.2020).
10. Краткая информация о промышленном комплексе Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pfo.metod.ru/territories/chuvashia/issues/economic-otrasli-otrasli/viewrub> (дата обращения: 15.02.2020).
11. Куприяновский В.П., Синягов С.А., Намиот Д.Е., Уткин Н.А., Николаев Д.Е., Добрынин А.П. Трансформация промышленности в цифровой экономике – экосистема и жизненный цикл // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 1. С. 34–49.
12. Левин П.А., Ковалев Г.П. Индустриальная поступь республики // Чувашской АССР – 60 лет: сб. статей / под ред. А.П. Петрова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. С. 29–54.
13. Лобанов М.М. Трансформация отраслевой и территориальной структуры промышленности стран Центрально-Восточной Европы // Региональные исследования. 2010. № 3 (29). С. 106–112.
14. Михайлов А.М. О хозяйственном и культурном строительстве Чувашской Республики. Чебоксары: СНК ЧАССР, 1928. 50 с.
15. Орлов В.В. Промышленность Чувашии в годы нэпа: основные проблемы, итоги развития // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 30(87). С. 43–52.
16. Отчет Правительства Чувашской автономной социалистической советской республики за 1926–27 и 1927–28 годы. Чебоксары: ЦИК и СНК ЧАССР, 1929. 121 с.
17. Отчет Чувашского областного экономического совещания Совету Труда и Оборона. Октябрь 1921 г. – март 1922 г. Чебоксары: Чувашоблэко, 1922. 38 с.
18. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 30.12.2019).

19. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 31 июля 1998 г. № 227 «Об основных направлениях промышленной политики Чувашской Республики на 1998–2001 годы» (утратило силу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/17508714> (дата обращения: 1.03.2020).
20. Проект Комплексной программы социально-экономического развития Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minec.cap.ru/news/2020/07/07/predlagaem-oznakomitjsya-s-proektom-kompleksnoj-pr> (дата обращения: 1.03.2020).
21. Промышленники Чувашии перестали привлекать инвестиции и идут к банкротству [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravdapfo.ru/print/70867> (дата обращения: 5.03.2020).
22. Сухова Е.В. Вклад промышленных предприятий Чувашии в достижение Победы [Электронный ресурс] // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне: материалы научно-практической конференции, 2010. Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1967365-rall.html> (дата обращения: 18.01.2020).
23. Хузина Г.Г. Сущность трансформационного процесса в экономической системе [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. 2010. № 4 (36). Режим доступа: <http://m-economy.ru/art.php?nArtId=3337> (дата обращения: 18.01.2020).
24. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 807 с.
25. Четвертая (юбилейная) сессия Верховного Совета Чувашской АССР. 23 июня 1940 г.: стеногр. отчет. Чебоксары: Верх. Совет Чув. АССР: Чувашгосиздат, 1940 (Алатырь). 78 с.
26. Чичикин П.А., Ефремов А.Г. Чувашия индустриальная // Чувашии АССР – 50 лет: сб. статей / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1990. С. 27–28.
27. Чувашия за 40 лет в цифрах. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 196 с.
28. Danilov I.P., Morozova N.V., Ladykova T.I., Vasileva I.A. Potential of Reindustrialization of Federal Districts of the Russian Federation: Assessment Issues and Practical Results // Potential of Reindustrialization of Federal Districts of the Russian Federation: Assessment Issues and Practical Results. 2020. Volume 8. Issue 1. P. 140–147.

N.V. Morozova, I.A. Vasileva, A.S. Evseev

TRANSFORMATIONAL CHANGES IN THE INDUSTRY OF THE CHUVASH REPUBLIC AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The Industry of Russian regions is undergoing significant changes in the process of modernization policy, transition to an innovative path of development and digitalization. The paper reflects the main transformation processes taking place in the industry of the Chuvash Republic.

Keywords: transformational changes, industrial development, regional economy, industrial modernization, stability of economic systems.

О.В. Василенко, Е.Н. Житова

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ (ПО ИТОГАМ ГОДА ТЕАТРА В РОССИИ)

Аннотация. Рассматривается вклад театров г. Чебоксары в развитие современного театрального искусства Чувашской Республики. История Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова, Государственного русского драматического театра, Чувашского государственного театра юного зрителя им. Михаила Сеспеля, Чувашского государственного театра оперы и балета связана с образованием и развитием национальной государственности чувашского народа. Анализируются результаты социологического исследования театральных предпочтений жителей г. Чебоксары в 2019–2020 гг.

Ключевые слова: театральные предпочтения, социологический опрос, Год театра в России, 100-летие Чувашской автономии.

Становление театрального искусства в Чувашской Республике тесно связано с образованием Чувашской автономии в 1920 г. С историографией истории образования Чувашской автономной области можно ознакомиться в книгах В.П. Иванова и В.Н. Клементьева [4; 5]. Культурная политика, ее задачи, специфика в период становления автономии Чувашии подробно рассмотрены в статье В.Н. Клементьева [6]. История формирования республиканских театров описана М.Г. Митиной [7].

Чувашский государственный академический драматический театр им. К.В. Иванова ведет свою историю от любительского драматического кружка чувашской учащейся молодежи г. Казани, возникшего в декабре 1917 г. Вскоре руководителем кружка стал И.С. Максимов-Кошкинский. Первый спектакль по пьесе А.Н. Островского «Не так живи, как хочется» («Хӑв пурӑнас тенӗ пек ан пурӑн») в переводе на чувашский язык был поставлен для делегатов Общечувашского военного съезда 14 января 1918 г. Эта дата считается днем рождения чувашского театра. Кружок сотрудничал с чувашскими губернскими советскими административными органами и общественными организациями г. Казани, с ноября 1918 г. находился в ведении чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей. В 1919 г. труппа преобразована в «Чувашский советский передвижной театр» с государственным финансированием. После создания Чувашской АО театр был переведен в г. Чебоксары и получил название Чувашского государственного театра [3]. В первые годы в театре ставились пьесы А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, А.В. Сухова-Кобылина, Н.В. Гоголя, Д.И. Фонвизина, Ф. Шиллера, Ж. Мольера в переводе на чувашский язык; затем репертуар пополнился пьесами чувашских драматургов – Ф.П. Павлова, И.С. Максимова-Кошкинского, Н.С. Айзмана, М.Д. Трубиной, Л.Я. Агакова, А.А. Эсхеля, А. Калгана (А.Д. Антонов), Я.Г. Ухсяя, В. Алагера (В.О. Осипов), Л.Н. Родионова, В.В. Ухли, Н.Т. Терентьева и др. [8].

Другим старейшим профессиональным театром республики является Русский государственный драматический театр. Свой первый театральный сезон он

открыл 14 декабря 1922 г. спектаклем по пьесе А.Н. Островского «Василиса Мелентьева». Первым режиссером театра был актер Александринского театра г. Санкт-Петербурга Иван Слободской [2].

Следующий из старейших театров – Чувашский государственный театр юного зрителя им. Михаила Сеспеля, возникший в 1933 г. Его основателями были Э.Д. Фейертаг и М.Н. Фигнер [11].

Базой Чувашского государственного театра кукол стал Передвижной театр кукол, открытый летом 1943 г. в г. Ядрине эвакуированными артистами из блокадного Ленинграда и самодеятельными артистами. В 1944 г. Республиканский передвижной театр кукол переехал в столицу Чувашской АССР г. Чебоксары. В январе 1945 г. переименован в Чувашский государственный театр кукол и на профессиональной основе приступил к работе под руководством первого режиссера С.М. Мерзлякова. Сегодня театр известен своими социально-значимыми целевыми проектами. В 2009 г. появился первый спектакль для лежачих детей-инвалидов – «К тебе сказка в дом пришла». На сегодняшний день театральный коллектив успешно реализовал 12 пилотных проектов с социальной направленностью по «куклотерапии», «терапии искусством» (автор – директор Чувашского театра кукол Е.А. Абрамова), поддержанных разными грантами. Еще одна заслуга театра – фестиваль для «особенных» зрителей «Одинаковыми быть нам необязательно», состоявшийся в октябре 2013 г. при поддержке Министерства культуры Российской Федерации [9].

В 1960 г. премьерой национальной оперы Ф.С. Васильева «Шывармань» был открыт Чувашский государственный театр оперы и балета. Основателем и первым художественным руководителем театра является Б.С. Марков [10]. С 1991 г. в республике проходит Международный оперный фестиваль им. М.Д. Михайлова, с 1997 г. – Международный балетный фестиваль, с 2010 г. – Международный конкурс молодых оперных певцов им. М.Д. Михайлова и фестиваль оперетты.

Перечисленные выше театральные учреждения осуществляли театральный процесс в соответствии с культурной политикой страны; стали ассоциироваться с «высоким искусством, способом отдыха <...> общества, местом культурного просвещения» [1, с. 156].

2019 г. был объявлен в России Годом театра, в 2020 г. отмечается 100-летие Чувашской автономии. В рамках этих знаменательных событий театральные коллективы Чувашии провели ряд мероприятий. Например, организованы республиканский фестиваль любительских театров «Всегда театр», республиканский фестиваль самодеятельных театральных коллективов «АВАНсцена» и др.

В Год театра авторы настоящей статьи решили проанализировать театральные предпочтения жителей г. Чебоксары путем социологического исследования. Социологическое исследование театральных предпочтений жителей г. Чебоксары проводилось в конце 2019 – начале 2020 гг. Выборка респондентов была случайной и осуществлялась в сети Интернет. Целью исследования явилось выявление предпочтений жителей г. Чебоксары в выборе театров и существующих театральных жанров.

В социологическом исследовании приняли участие 150 чел.: 76 % женщины, 24 % – мужчины. Респондентами отбирались люди трудоспособного возраста, которые самостоятельно принимают решения о посещении театра, ориентируясь на уровень дохода и социальный статус. В результате основную массу респондентов составили лица в возрасте 17–23 лет – 53,3 % (рис. 1).

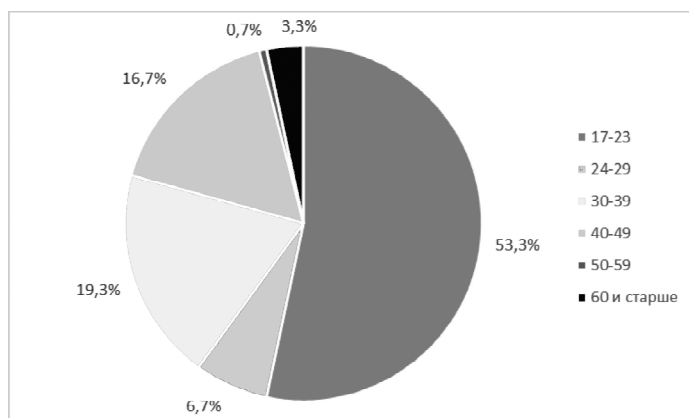

Рис. 1. Возраст респондентов

Основу опрошенных чебоксарцев по социальному статусу составили студенты и работающие (53,3 % и 44 % соответственно).

Уровень удовлетворенности респондентами размерами своего дохода в целом можно назвать средним (44,1 %) (рис. 2).

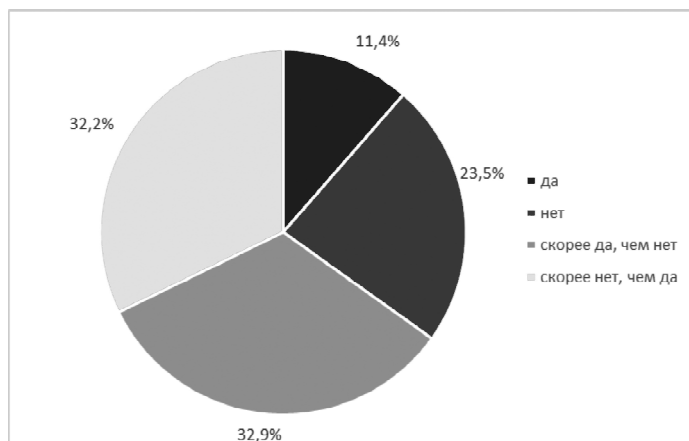

Рис. 2. Устраивает ли вас ваш доход?

Объявление 2019 г. Годом театра несомненно способствовало увеличению количества посещений театров и театральных мероприятий, в том числе в г. Чебоксары. В 2019 г. театр посетили большинство респондентов – 67,3 %, остальные ответили на вопрос отрицательно. В разрезе возрастных групп ситуация выглядит следующим образом: основная доля всех возрастных групп ходит в театр, при этом его посещают все опрошенные лица в возрастной группе 50–59 лет (рис. 3).

Анализ частоты посещений показывает, что третья часть респондентов раз в год посещает мероприятия, проводимые театрами г. Чебоксары (рис. 4). Второе место по количеству посещений занимает ответ «раз в 2–3 месяца». Он предполагает посещение театральных мероприятий, приуроченных к какому-либо фести-

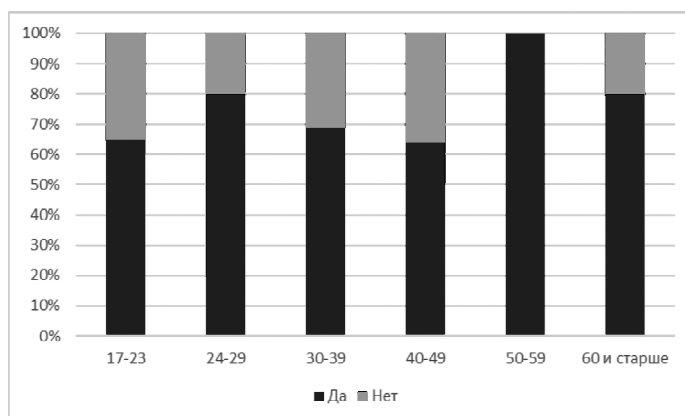

Рис. 3. Количество посещений театров респондентами по возрастным группам

тивально или праздничной дате. При этом почти 11 % респондентов не ходят в театр; это работающие и студенты, которых не удовлетворяет уровень их дохода и как следствие отсутствует возможность приобрести билет.

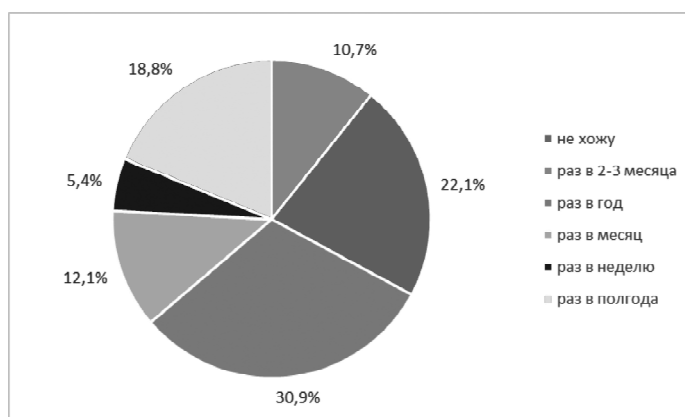

Рис. 4. Частота посещений театров респондентами

Рассматривая предпочтения театральной публики г. Чебоксары можно сделать вывод, что наиболее популярным является Русский драматический театр. Его назвали 54,7 % респондентов. За ним следует Чувашский государственный театр оперы и балетов

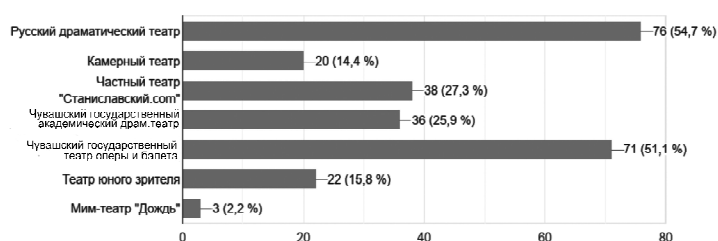

Рис. 5. Выбор театров респондентами (множественный выбор — количество и %)

ры и балета — 51,1%. Третье место делят два театра с близкими показателями выбора респондентов: частный театр «Станиславский.com» — 27,3 % и Чувашский государственный академический драматический театр им. К.В. Иванова — 25,9 % (рис. 5).

В 2019 г. в Чебоксарах состоялось несколько театральных фестивалей и мероприятий. Самыми крупными по уровню участников и масштабу стали Оперный и Балетный фестивали, проводимые Чувашским государственным театром оперы и балета. Однако премьерные постановки привлекают театральную публику больше (рис. 6).

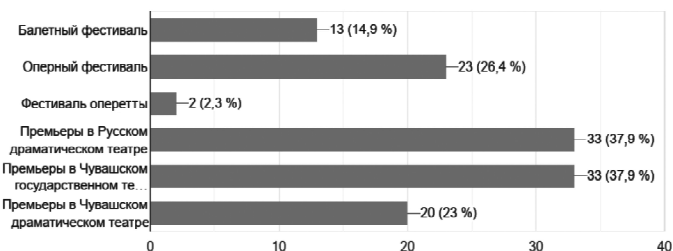

Рис. 6. Посещение театральных мероприятий респондентами в 2019 г. (множественный выбор — количество и %)

Несомненно, выбор театра горожанами зависит от их жанровых предпочтений. Так, популярность Русского драматического театра объясняется тем, что значительное число респондентов предпочитает драматические постановки. На втором месте располагаются мюзиклы, третьи делят опера и балет (рис. 7).

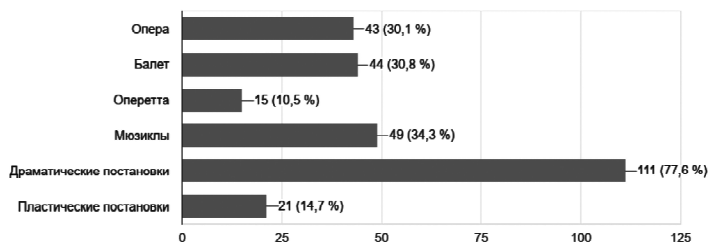

Рис. 7. Театральные жанры, предпочитаемые респондентами (множественный выбор — количество и %)

Театральная жизнь города не ограничивается постановками местных театров, поэтому респондентам задавался вопрос о посещении гастрольных спектаклей, проводимых в г. Чебоксары. Основная доля респондентов ответила на этот вопрос отрицательно — 57,8 %, остальные 42,2 % посещают гастрольные спектакли.

В немалой степени на посещаемости театра сказывается стоимость билетов. Вопрос о доступности цены на билеты в театры г. Чебоксары показал, что основная доля респондентов может себе позволить их купить (79,1 %), однако 15,5 % ответивших затруднилась аргументировать свой ответ (рис. 8).

Результаты социологического исследования театральной жизни в г. Чебоксары показывают, что местные театры остаются привлекательными для проведе-

ния культурного досуга, а проводимые в их стенах театральные мероприятия интересны для горожан.

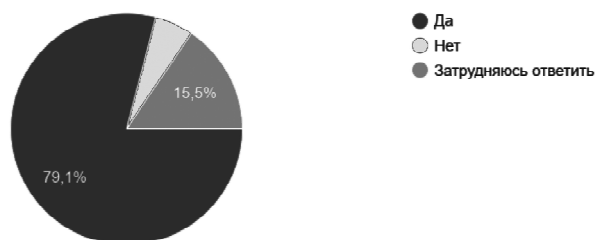

Рис. 8. Доступность цены на билеты в театры г. Чебоксары

Список литературы и источников

1. Вахитова Д.Ф., Кордон Т.А. Современная молодежь и театр // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. И.В. Воробьева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. С. 156–159.
2. Государственный русский драматический театр. История театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusdram21.ru/o-teatre/istoriya-teatra> (дата обращения: 19.05.2020).
3. Гусаров Ю.В. О раннем периоде истории Чувашского драматического театра и его связей с чувашскими национальными организациями // Явление Театра народу: сб. статей и материалов: к 100-летию Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова / сост. и науч. рук. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 99–109.
4. Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.
5. Клементьев В.Н. История национальной государственности чувашского народа. В 2 книгах. Кн. 2. Создание чувашской государственности, 1920–1925. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 382 с.
6. Клементьев В.Н. Становление Советов Чувашии как центров организации местного хозяйства и социально-культурного строительства (1918–1920 гг.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 95–124.
7. Митина М.Г. Театроведение в Чувашии: историографический очерк // Искусство Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН. 2018. С. 158–169.
8. Чувашский государственный ордена Трудового Красного Знамени академический драматический театр имени К. В. Иванова. История театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.drama21.ru/page/O_teatre/Istoriya_teatra/ (дата обращения: 19.05.2020).
9. Чувашский государственный театр кукол. История театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.puppet21.ru/sitemap.aspx?id=8960&title=Istoriya_teatra/ (дата обращения: 19.05.2020).
10. Чувашский государственный театр оперы и балета. История театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.opera21.ru/history/> (дата обращения: 19.05.2020).
11. Чувашский государственный театр юного зрителя им. Михаила Сеспеля. История театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--e1aasoib4f.xn--p1ai/theater/history/> (дата обращения: 19.05.2020).

O.V. Vasilenko, E.N Zhitova

THEATRICAL PREFERENCES OF CHEBOKSARY RESIDENTS (BASED ON THE RESULTS OF THE YEAR OF THEATER IN RUSSIA)

Annotation. The article discusses the formation of theaters in the city of Cheboksary and their contribution to the development of theatrical art of the Chuvash Republic. The history of the Chuvash State Academic Drama Theater named after K.V. Ivanov, the State Russian Drama Theater, the Chuvash State Theater of the Young Spectator named after Mikhail Sespel, the Chuvash State Opera and Ballet Theater is associated with the formation and development of the national statehood of the Chuvash people. The results of a sociological study of theatrical preferences of residents of the city of Cheboksary are analyzed.

Keywords: theater preferences, sociological survey, the year of the Theater in Russia, the 100th anniversary of the Chuvash autonomy.

Авторы, представленные в данной секции:

1. **Харитонов В.Г.** *Этнические установки современной молодежи Чувашии* 575
2. **Бойко И.И.** *Студенческая молодежь Чувашии в начале XXI века: образы Родины и гражданский потенциал* 587
3. **Ендеров В.А.** *Семейные и календарные обряды и обычаи чувашей города Чебоксары в начале XXI века* 599
4. **Иванова Т.В., Иванова А.А.** *Особенности механизма целевой программы «Формирование и реализация системы управления воспроизводством кадрового потенциала в сельском хозяйстве Чувашской Республики»* 611
5. **Морозова Н.В., Васильева И.А., Евсеев А.С.** *Трансформационные изменения промышленности Чувашской Республики на современном этапе* 617
6. **Василенко О.В., Житова Е.Н.** *Театральные предпочтения жителей города Чебоксары (по итогам Года театра в России)* 628

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Аманжолова Дина Ахметжановна**, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (г. Москва)

2. **Афанасьева Людмила Николаевна**, ведущий архивист отдела публикаций, научно-справочного аппарата и автоматизированных информационно-поисковых систем Государственного архива современной истории Чувашской Республики (г. Чебоксары)

3. **Ахметьянова Наиля Ахмадулловна**, канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета (г. Уфа)

4. **Басаргина Екатерина Юрьевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (г. Санкт-Петербург)

5. **Басманцев Дмитрий Викторович**, канд. ист. наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

6. **Белов Алексей Викторович**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН (г. Москва)

7. **Беляков Андрей Васильевич**, д-р ист. наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (г. Москва)

8. **Берман Андрей Геннадьевич**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)

9. **Бесчастнова Наталья Вячеславовна**, канд. экон. наук, профессор кафедры экономики Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (г. Уфа)

10. **Бикейкин Евгений Николаевич**, д-р ист. наук, заместитель директора-ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

11. **Богатырева Марина Руслановна**, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Башкирского государственного университета (г. Уфа)

12. **Бойко Иван Иванович**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

13. **Бушуева Людмила Ивановна**, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

14. **Василенко Оксана Витальевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических

дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

15. **Васильева Инесса Анатольевна**, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и региональной экономики экономического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

16. **Васильева Людмила Игоревна**, главный архивист отдела публикаций, научно-справочного аппарата и автоматизированных информационно-поисковых систем Государственного архива современной истории Чувашской Республики (г. Чебоксары)

17. **Викторов Юрий Васильевич**, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

18. **Воробьева Елена Геннадьевна**, канд. экон. наук, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и программ Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

19. **Григорьев Александр Владимирович**, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

20. **Гусаров Юрий Владимирович**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

21. **Давыдов Денис Владимирович**, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (г. Казань)

22. **Долгова Алевтина Петровна**, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

23. **Дроботушенко Евгений Викторович**, канд. ист. наук, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета (г. Чита)

24. **Евсеев Артем Сергеевич**, ассистент кафедры государственного и муниципального управления и региональной экономики экономического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

25. **Ендеров Вячеслав Александрович**, канд. филол. наук, старший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

26. **Житова Екатерина Николаевна**, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

27. **Загидуллин Ильдус Котдусович**, д-р ист. наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань)

28. **Иванов Виталий Петрович**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

29. **Иванова Анна Алексеевна**, магистрант экономического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

30. **Иванова Татьяна Валерьевна**, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

31. **Ильина Галина Геннадьевна**, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

32. **Ильина Надежда Геннадьевна**, канд. филол. наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

33. **Карпов Алексей Валентинович**, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

34. **Кириллова Ирина Юрьевна**, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

35. **Кирчанов Максим Валерьевич**, д-р ист. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета (г. Воронеж)

36. **Киселев Михаил Юрьевич**, канд. ист. наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН (г. Москва)

37. **Клементьев Владимир Николаевич**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

38. **Козлов Федор Николаевич**, канд. ист. наук, заместитель директора по основной деятельности Чувашского государственного исторического архива (г. Чебоксары)

39. **Козлова Ольга Владимировна**, канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (г. Казань)

40. **Кондратьев Михаил Григорьевич**, д-р искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

41. **Красовицкая Тамара Юсуфовна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН (г. Москва)

42. **Круглов Владимир Николаевич**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории РАН (г. Москва)

43. **Куршева Галина Александровна**, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

44. **Леонтьев Алексей Петрович**, канд. ист. наук, научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

45. **Макаров Игорь Аркадьевич**, канд. мед. наук, краевед (г. Чебоксары)

46. **Мальченков Станислав Александрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

47. **Матвеев Георгий Борисович**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

48. **Мордвинова Антонина Ильинична**, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

49. **Морозова Наталия Витальевна**, канд. экон. наук, декан экономического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

50. **Мухамадеев Алмаз Раисович**, д-р ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань)

51. **Мухамадеева Лилия Абдулахатовна**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань)

52. **Назарова Загида Хамитовна**, магистрант Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа)

53. **Никифорова Вера Витальевна**, канд. филол. наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

54. **Никонова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

55. **Охотникова Светлана Валерьевна**, канд. ист. наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

56. **Павлова Алевтина Николаевна**, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

57. **Петров Игорь Георгиевич**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа)

58. **Роднов Михаил Игоревич**, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа)

59. **Серазетдинов Борис Уразбекович**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН (г. Москва)

60. **Субботина Анна Михайловна**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск)

61. **Суслов Алексей Юрьевич**, д-р ист. наук, профессор кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (г. Казань)

62. **Сухарева Ирина Виталиевна**, д-р ист. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Башкирского государственного медицинского университета (г. Уфа)

63. **Тохтиева Лариса Николаевна**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института труда и социально-трудовых отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (г. Рязань), доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (г. Москва)

64. **Тургай Илемби Валерьевна**, канд. искусствоведения, научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

65. **Учватов Павел Сергеевич**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

66. **Харитонов Валентина Григорьевна**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

67. **Хуснутдинова Ляйля Гельсовна**, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа)

68. **Чибис Александр Алексеевич**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

69. **Ягафова Екатерина Андреевна**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара)

Содержание

Пленарное заседание

1. Клементьев В.Н. <i>Чувашская автономия: генезис, становление, динамика развития</i>	7
2. Иванов В.П. <i>Этнодемографическое развитие чувашского народа в XX – начале XXI века: особенности и проблемы</i>	47
3. Красовицкая Т.Ю. <i>Федерализм тюркских конструкций в модернистских и большевистских схемах нового государства</i>	57
4. Аманжолова Д.А. <i>Федерализм, национально-государственное строительство и культурная сложность общества в 1920-е годы</i>	73

Секция I. Народы России в пространстве государственной национальной политики: история и современность

1. Чибис А.А. <i>К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI – XVII веках</i>	87
2. Басманцев Д.В. <i>Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – XVIII веке: некоторые особенности</i>	99
3. Беляков А.В. <i>Границы веротерпимости в Русском государстве XVI–XVII века</i>	113
4. Басаргина Е.Ю. <i>Топонимика Поволжья в материалах путешественника-естествоиспытателя Д.Г. Мессершмидта</i>	123
5. Роднов М.И. <i>Экономические связи Уфы со Средним Поволжьем (Нижний Новгород и Казань)</i>	134
6. Белов А.В. <i>Государственная политика по отношению к народам Крыма и эволюция этнической карты полуострова накануне и в процессе его включения в состав России</i>	140
7. Павлова А.Н. <i>Государственная национальная политика в области образования народов Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века</i>	150
8. Загидуллин И.К. <i>Публичные меморандумы мусульман Волго-Уральского региона 1905 года</i>	158
9. Дроботушенко Е.В. <i>Влияние православной церкви на коренные народы Забайкалья (XVII – начало XX века)</i>	171
10. Бикейкин Е.Н. <i>Финно-угорские народы в пространстве государственной национальной политики Российской империи</i>	178
11. Никонова Л.И. <i>Процесс формирования полиэтничности Мордовии на примере народов зарубежья: к истории вопроса</i>	188
12. Давыдов Д.В., Козлова О.В. <i>Некоторые проблемы развития системы здравоохранения в сельской местности Татарской республики в 1920-е годы</i>	195

13. **Учватов П.С.** Михаил Палькин – председатель областного исполкома Советов Мордовской автономной области 199
14. **Мальченков С.А.** Роль объединений финно-угорских народов в формировании общероссийской гражданской нации 206
15. **Воробьева Е.Г.** Мордовия как субъект современной государственной национальной политики в контексте нацстроительства 215
16. **Богатырева М.Р.** Национальные особенности ценностных ориентаций российского учительства на рубеже XX–XXI веков на примере республик Башкортостан и Ингушетия: компаративистический подход 223
17. **Бесчастнова Н.В.** Ценностные компоненты современного образования и формирование человеческого капитала 231
18. **Л.Г. Хуснутдинова, З.Х. Назарова.** Адаптация и интеграция иностранных студентов в республике Башкортостан (на примере обучающихся из Таджикистана) 238

Секция II. Вопросы национально-государственного строительства в России и Чувашии

1. **Круглов В.Н.** «Национальный вопрос» в территориальной организации РСФСР 1920-х годов: споры вокруг границ, полномочий, статусов 247
2. **Субботина А.М.** Социокультурные предпосылки создания Удмуртской автономии (1900–1918) 257
3. **Гусаров Ю.В.** «Убежденный народник»: чувашский общественно-политический деятель начала XX века Т.П. Прохоров 261
4. **Суслов А.Ю.** Воспоминания чувашского социалиста-революционера С.Н. Николаева как исторический источник 285
5. **Куршева Г.А.** Исторический опыт советского национально-государственного строительства в финно-угорских регионах 290
6. **Афанасьева Л.Н.** Д.С. Эльмень: штрихи биографии чувашского политического деятеля (по документам Государственного архива современной истории Чувашской Республики) 300
7. **Кирчанов М.В.** Историческая политика в Чувашской Республике: государственные праздники как «места памяти» и «изобретенные традиции» .. 305
8. **Карпов А.В., Григорьев А.В.** Документы о государственных символах Чувашии в фондах Государственного архива современной истории Чувашской Республики: видовой состав и краткий анализ 315
9. **Васильева Л.И.** Анализ документов фонда «Чебоксарское городское Собрание депутатов и администрация города Чебоксары Чувашской Республики» Государственного архива современной истории Чувашской Республики .. 320
10. **Киселев М.Ю.** К истории Чувашской автономии: исследование С.С. Кутяшова 328

Секция III. Социокультурное, духовное развитие Чувашии и чувашского народа

1. **Макаров И.А.** *Из истории прокуратуры Чувашии: алатырские прокуроры XVIII века П.А. Лазарев и В.Г. Кривский* 337
2. **Леонтьев А.П.** *Вопросы национального самосознания чувашей на страницах газеты «Хыпар» (1906–1907)* 343
3. **Козлов Ф.Н.** *«Обвиняя меня в приверженности старому режиму...»: эпизод из религиозной жизни Чувашского края 1917 года* 364
4. **Петров И.Г.** *Чувашская газета «Хёрлё Урал» (Красный Урал) в автономном Башкортостане в 1920–1921 годы* 371
5. **Мухамадеев А.Р.** *Общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность чувашей на территории Татарской республики в 1917–1920-е годы* 377
6. **Мухамадеева Л.А.** *Подготовка профессиональных национальных кадров в 1917–1920-х годах на территории Татарской республики (на примере чувашей)* 384
7. **Долгова А.П.** *Чувашская автономия и развитие литературного чувашского языка и чувашского языкознания в 1920–1930-е годы* 390
8. **Охотникова С.В.** *Коренизация органов управления сельским хозяйством и промышленностью Чувашии в 1920-е годы: ход, проблемы и итоги* 402
9. **Мордвинова А.И.** *Чувашия в произведениях советских художников на VIII выставке Ассоциации художников революционной России* 413
10. **Ильина Н.Г.** *Реалии советской действительности и их отражение в чувашском устном народном творчестве* 423
11. **Тохтиева Л.Н.** *Профессиональная и общественная деятельность учительства Чувашии: 1917–1941 годы* 431
12. **Серазетдинов Б.У.** *Промышленность и сельское хозяйство Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (По материалам «Особой папки»)* 440
13. **Берман А.Г.** *«Дело архиепископа Иова» в пропагандистском контексте антицерковной кампании 1960-х годов в Чувашии (история одной давней газетной статьи)* 449
14. **Кондратьев М.Г.** *Проект «Государственное музыкальное строительство» и его реализация в Чувашии* 460
15. **Бушусева Л.И.** *Советские исторические реалии и их отражение в чувашской профессиональной музыкальной культуре* 474
16. **Ильина Г.Г.** *Об экспериментах над народной песней в советское время (1920–1930-е годы)* 483
17. **Тургай И.В.** *Искусство книги в советской Чувашии: достижения, проблемы* 499
18. **Викторов Ю.В.** *Советская действительность в творчестве художника Николая Овчинникова* 507
19. **Никифорова В.В.** *Мечты об идеальном государстве и реалии советской действительности в чувашской литературе* 515

20. Кириллова И.Ю. Чувашская драматургия в поисках «золотого века» национальной истории	527
21. Матвеев Г.Б. Чувашская этнография в советское время: достижения и упущенные возможности	538
22. Ягафова Е.А. Трансформация религиозных практик чувашей в конце XX – начале XXI века	550
23. Сухарева И.В. Духовно-нравственные ориентиры чувашей Башкортостана	558
24. Ахметьянова Н.А. Средства массовой информации в этнической идентификации и консолидации чувашского этноса Республики Башкортостан.	568

Секция IV. Чувашская Республика в условиях современной модернизации

1. Харитонов В.Г. Этнические установки современной молодежи Чувашии	575
2. Бойко И.И. Студенческая молодежь Чувашии в начале XXI века: образы Родины и гражданский потенциал	587
3. Ендеров В.А. Семейные и календарные обряды и обычаи чувашей города Чебоксары в начале XXI века	599
4. Иванова Т.В., Иванова А.А. Особенности механизма целевой программы «Формирование и реализация системы управления воспроизводством кадрового потенциала в сельском хозяйстве Чувашской Республики»	611
5. Морозова Н.В., Васильева И.А., Евсеев А.С. Трансформационные изменения промышленности Чувашской Республики на современном этапе	617
6. Василенко О.В., Житова Е.Н. Театральные предпочтения жителей города Чебоксары (по итогам Года театра в России)	628

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА
И РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА**

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.)

Составители *Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев*

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Выпускающий редактор *Е.В. Федотова*
Компьютерный дизайн и вёрстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано к печати 21.09.2020. Формат 70x100 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times ET Engl-Rus. Учетно-изд. л. 52,75
Тираж 130 экз. Заказ № 9

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Чувашского государственного института гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр. 29, корп.1